
VE
RI
TAS

XIII. 1904.

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ,

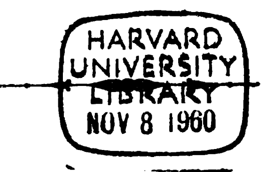
научно-популярный

и

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

№ 1.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 20 Ноября 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ 1.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ПРОѢЗДОМЪ.

РАЗСКАЗЪ.

— Ну, еще разъ, прощай!.. Прощай,—моя милая, милая, милая!..

И Ширяевъ прижималъ къ груди голову Катерины Николаевны, и цѣловалъ ее въ лобъ, гдѣ отъ него отходили мягкіе волосы. Въ просвѣтѣ между старыми березами, надъ пчельникомъ, свѣтилъ мѣсяцъ, березы передъ мѣсяцемъ казались черными, а воздухъ за ними—прозрачно-синимъ и очень глубокимъ. Пахло спѣлою рожью.

— Погоди, идетъ кто-то!—шепнула Катерина Николаевна, поднявъ голову.

Они осторожно подались въ темноту. Но въ саду стояла глухая іюльская тишина, и ничего не было слышно. Изъ темноты высовывались лапчатыя вѣтви липоваго куста, которыя отъ луннаго свѣта казались сѣрыми.

— Э, трусиха! Никто не идетъ,—громко сказалъ Ширяевъ и обнялъ ее за плечи. И они стояли такъ въ темнотѣ, онъ чувствовалъ сквозь сукно своей студенческой тужурки, какъ она прижалась къ нему, и обоимъ было необычно, слегка стыдно и сладко отъ этого близкаго прикосновенія.

— Ну, ждутъ чай пить, пойдемъ! А то хватятся насъ,—медленно произнесла Катерина Николаевна.—Завтра утромъ я встану тебя провожать,—шепнула она ему на ухо.

— *Тебя*,—повторилъ онъ, улыбаясь.

— Ты, тебя, тобою, о тебѣ... — раздѣльно сказала .терина Николаевна, съ шаловливымъ вызовомъ глядя у въ глаза. Оба они чувствовали себя, какъ дѣти, хотѣ- .сь говорить глупости, и Ширяеву было радостно видѣть

этотъ дѣтски-шаловливый блескъ въ ея глазахъ, всегда серьезныхъ и какъ будто вслушивающихся.

Въ концѣ темной липовой аллеи ярко свѣтились окна дома, слышался говоръ, смѣхъ, звяканье чайной посуды. Ширяевъ и Катерина Николаевна медленно шли въ темнотѣ, прижавшись другъ къ другу, и Ширяеву казалось,—никогда еще ни у кого не было такого счастія, какъ у нихъ, и никого еще съ такою несомнѣнностью не ждала въ будущемъ хорошая, красивая своею тѣсною общностью, совмѣстная жизнь.

Они вошли въ залу, онъ—плотный и слегка сутуловатый, съ большою головою, она—тонкая и гибкая, казавшаяся отъ этого выше его. Всѣ мелькомъ внимательно взглянули на нихъ. Они думали, что никто ничего не замѣчаетъ, а любовь и счастье такъ и свѣтились на ихъ лицахъ.

Студентъ Алексѣй Болотовъ, братъ Катерины Николаевны и товарищъ Ширяева, разговаривалъ съ земскимъ врачомъ Кореневымъ. Алексѣй говорилъ быстро, слегка запинаясь и размахивая руками, а докторъ, съ загорѣлымъ лицомъ и взглядомъ исподлобья, лѣниво курилъ папиросу за папиросой и ворчащимъ голосомъ задавалъ ему вопросы.

Ширяевъ, прихлебывая изъ стакана чай, прислушивался къ разговору. Докторъ разспрашивалъ Алексѣя съ интересомъ, но за всѣми его разспросами и возраженіями чувствовалось что-то тускло-сѣрое и бездѣятельно-скептическое. Было странно слушать его, какъ будто въ яркій весенній день онъ доказывалъ, что небо обложено тучами и моросить вялый, безсильный осенній дождь. Жена доктора,—худая, съ узкимъ, болѣзненнымъ лицомъ,—поддерживала Алексѣя противъ мужа, но все, что она говорила, было шаблонно и неинтересно.

Въ разговоръ втянулись Катерина Николаевна и Ширяевъ. И у нихъ, и у доктора, казалось, были одинаковыя желанія, одинаковыя цѣли. Но, когда о нихъ говорилъ докторъ, его слова были похожи на сухіе, червивые орѣхи; а въ устахъ его противниковъ эти-же слова становились живыми и теплыми, полными волнующаго, увлекающаго смысла. И двумъ слушавшимъ гимназисткамъ, сестрамъ Катерины Николаевны, тоже стало странно отъ осенне-вялаго настроенія доктора.

Ширяевъ большими шагами расхаживалъ по залѣ. Въ раскрытыя окна тянуло все тѣмъ-же широкимъ, сухимъ запахомъ спѣлой ржи, мѣсяцъ свѣтилъ сквозь липы, и за ними чувствовался вольный, далекій просторъ. Докторъ, сгорбившись, пилъ крѣпкій, какъ темное пиво, чай и непрерывно курилъ, затушивая папиросы въ блюдечкѣ; отъ окур-

ковъ на блюдечкѣ стояла коричневая слякоть, загорѣлое лицо доктора было темно, какъ будто отъ табачной копоти. И такъ весь онъ казался чуждымъ тому широкому простору, который тянулся за окнами...

— Коля, пора ѣхать, — напомнила Марья Сергѣевна, жена доктора.

— Сейчасъ,—вполголоса отвѣтилъ докторъ, покосившись на нее. На помолодѣвшемъ и оживившемся лицѣ Марьи Сергѣевны играла легкая улыбка побѣдительницы, и докторъ самолюбиво чувствовалъ, что его возраженія оказались въ глазахъ всѣхъ пустыми и ничтожными.

— Чтожъ, Анна Павловна, налейте на прощаніе еще стаканчикъ,—вздохнулъ докторъ, обратившись къ матери Катерины Николаевны.

— Да куда вамъ спѣшить, посидите еще!—стала уговаривать Анна Павловна.

— Нельзя, Анна Павловна, дѣтишки дома ждутъ, — поспѣшно отказалась Марья Сергѣевна, чтобъ не дать доктору времени согласиться.—У Ѳеди второй день жарокъ, мнѣ и то не по себѣ.

Докторъ, не спѣша, помѣшивалъ ложечкою въ стаканѣ и курилъ.

— А я къ вамъ какъ-то, Викторъ Михайловичъ, заходилъ въ Томилинскѣ, въ концѣ іюня,—лѣниво обратился онъ къ Ширяеву.

— Это... Позвольте,—вспомнилъ Ширяевъ:—послѣ обѣда вы зашли, сказали кухаркѣ, что будете вечеромъ?

— Да, да.

— Такъ это вы были... Отчего жъ вы меня не вызвали? Вѣдь, я дома былъ.

— На дворъ нужно было заходить, а кухарка у воротъ сидѣла.

— А вечеромъ такъ и не зашли! — засмѣялся Ширяевъ.—Я весь вечеръ просидѣлъ, ждалъ.—Онъ не прибавилъ: и ругался, потому что нужно было уйти по дѣлу.

— У пріятеля, знаете, засидѣлся. Члена управы. То-се, спохватился,—одиннадцать часовъ... А вы скоро назадъ въ Томилинскъ?

— Завтра утромъ.

— Съ пассажирскимъ? Слушайте, такъ поѣзжайте съ нами сейчасъ!—оживился докторъ.—Вѣдь, мы въ четырехъ верстахъ живемъ отъ станціи. Поѣдемъ вмѣстѣ, переночуете у насъ, а утромъ ровно къ десяти я васъ доставлю

на станцію. Завтра у меня пріема нѣтъ, какъ разъ въ ту сторону нужно ѣхать къ больному.

— Не знаю, право...—въ замѣшательствѣ произнесъ Ширяевъ. Ему было пріятнѣе провести вечеръ съ Катериной Николаевной.

— Нѣтъ, правда, Викторъ Михайловичъ, поѣдемте!—радостно сказала Марья Сергѣевна.—Отлично проѣдемся, попьемъ чайку у насъ...

— Да у васъ и сѣсть-то негдѣ, вѣдь, вы на маленькой телѣжкѣ пріѣхали,—возразила Катерина Николаевна.

— Ну, пустяки какіе! На козлахъ можно,—сказалъ докторъ.—Хотите, я сяду? А тутъ, навѣрно, лошади нужны рожь возить,—что ихъ напрасно за пятнадцать верстъ гонять! Вѣрно, вѣдь?—обратился онъ къ Аннѣ Павловнѣ.

— Лошади-то тутъ, положимъ, ни при чемъ,—одержанно отвѣтила Анна Павловна, но Ширяевъ уловилъ въ ея голосѣ, что она не противъ предложенія доктора.

— Ну, ладно, все равно,—беззаботно произнесъ онъ.

Марья Сергѣевна попросила, чтобъ велѣли запрягать телѣжку. Катерина Николаевна вышла на балконъ, слѣдомъ за нею незамѣтно вышелъ и Ширяевъ. Они близко другъ отъ друга облокотились о рѣшетку; онъ въ темнотѣ положилъ руку на ея руку и тихо гладилъ.

— Зачѣмъ ты согласился ѣхать?—сказала она.

— Какъ было отказаться? Неловко... Эхъ, хорошо у васъ тутъ. Какъ хорошо!—повторялъ Ширяевъ, и глубоко дышалъ; и отъ запаха ржи въ саду, и отъ садившагося за рѣкою мѣсяца,—отъ всего несло счастьемъ и полною, радостною жизнью.

Лошадей подали, съ шутками и смѣхомъ всѣ вышли на крыльцо; и Катерина Николаевна улыбалась, но лицо ея было затуманено.

Телѣжка проѣхала спящую деревню и покатила по накатанному проселку. Пыль поднималась изъ-подъ колесъ и стояла въ воздухѣ; по звѣздному небу беззшумно скользили падающія звѣзды. Марья Сергѣевна оживленно разсказывала Ширяеву о времени, когда она служила библіотекаршей въ воронежской библіотекѣ, а Ширяевъ, съ тѣмъ же ощущеніемъ молодости и счастья, слушалъ ее, оглядывался вокругъ и вспоминалъ, какъ съ крыльца на него смотрѣло изъ темноты отуманенное лицо Катерины Николаевны. Въ низинахъ стоялъ влажный холодокъ, а когда телѣжка выѣзжала на открытое мѣсто, всѣхъ охватывало широкимъ тепломъ, несшимся изъ ржи. И звѣзды сыпались, сыпались.

Была поздняя ночь, когда они пріѣхали. Докторъ съ Ширяевымъ вошли въ кабинетъ, Марья Сергѣевна поспѣшила въ дѣтскую. Ширяевъ, потирая руки, прошелся по кабинету и подошелъ къ письменному столу. На немъ были навалены медицинскія книги, пачками лежали номера „Врача" въ блѣдно-зеленыхъ обложкахъ.

— Кто это?—спросилъ Ширяевъ, смотря на фотографію надъ письменнымъ столомъ.

На фотографіи было снято нѣсколько студентовъ и дѣвушекъ. Ширяевъ узналъ доктора, въ студенческомъ мундирѣ, съ чуть пробивающеюся бородкою, и его жену. Студенты смотрѣли открыто и смѣло, дѣвушки, просто одѣтыя, были съ тѣми славными лицами, гдѣ вся жизнь уходитъ въ глаза,—глубокіе, ясные. Поразило Ширяева лицо одной дѣвушки съ нависшими на лобъ волнистыми, короткими волосами; изъ-подъ слегка сдвинутыхъ бровей внимательно смотрѣли сумрачные глаза.

— Это на голодѣ мы снимались, въ девяносто первомъ году,—отвѣтилъ докторъ.

— А это кто?—спросилъ Ширяевъ, указавъ на дѣвушку.

— Сестра Марьи Сергѣевны... Не правда-ли, замѣчательное лицо?

— Гдѣ она теперь?

— Умерла... Да вы, навѣрно, слышали про нее...

И докторъ разсказалъ мрачную исторію, отъ которой вѣяло безысходнымъ ужасомъ; Ширяевъ вглядывался въ непреклонно-гордое, суровое лицо дѣвушки, и ему казалось,— она и не могла кончить добромъ; тѣнь глубокаго трагизма лежала на этомъ лицѣ. Докторъ разсказывалъ про другихъ участниковъ группы...

— Ей-Богу, много на свѣтѣ хорошихъ людей!—отъ глубины души сказалъ Ширяевъ.

— Много,—согласился докторъ.

Вошла Марья Сергѣевна.

— Господа, идите, чай готовъ,—сказала она.—Что это вы смотрите? А... Это мы всѣ на голодѣ снимались. Сестру видѣли?

— Видѣлъ.

— Ну, пойдемте!

Они вошли въ узенькую залу съ бревенчатыми, неоклеенными стѣнами. Марья Сергѣевна сѣла за самоваръ. Ширяевъ смотрѣлъ на ея болѣзненно-темное, нервное лицо, слушалъ ея шаблонныя фразы, и вспоминалъ ея молодое лицо на карточкѣ, съ славными, ясными глазами,—и казалось

ему, что что-то тутъ погибло, что не должно было погибнуть.

Докторъ непрерывно курилъ и пилъ стаканъ за стаканомъ очень крѣпкій чай. Марья Сергѣевна разсказывала о прошломъ времени, о работѣ на голодѣ и холерѣ, о своихъ занятіяхъ въ воскресной школѣ. И ея лицо все больше свѣтлѣло и молодѣло, выраженія переставали быть шаблонными.

Во второмъ часу они разошлись. Ширяева положили на маленькой террасѣ, выходившей въ цвѣтникъ. Въ темномъ небѣ попрежнему безшумно мелькали падающія звѣзды, тамъ, далеко наверху, какъ будто шла какая-то большая, спѣшная жизнь, чуждая и непонятная землѣ. Отъ пруда тянуло запахомъ тины, и изрѣдка квакали лягушки. Было душно.

Ширяевъ раздѣлся и легъ. Ему постелили на полу, положивъ, вмѣсто тюфяка или сѣна, свернутое вдвое зимнее одѣяло. Онъ лежалъ, и въ головѣ его проходили образы хорошихъ людей, и ярче ихъ всѣхъ—образъ дѣвушки, которую онъ сегодня цѣловалъ въ саду, средь сумрака, пахнувшаго рожью. Въ ушахъ стоялъ тонкій звонъ вившихся вокругъ головы комаровъ; то тамъ, то здѣсь кожа начинала горѣть, какъ будто къ ней прикладывали тлѣющую спичку. Ширяевъ теръ шею и лицо. Комары не унимались. Къ уху приближался тонкій, уныло-сосредоточенный звонъ,—ближе, ближе, замолкалъ,—и Ширяевъ злобно хлопалъ себя по виску.

— Черти проклятые!—ворчалъ онъ и кутался съ головою въ простыню.

Отъ подстеленнаго одѣяла пахло нафталиномъ. Въ дѣтской плакалъ ребенокъ. Лягушки въ прудѣ квакали громко и непрерывно, какъ весною, и сквозь дремоту это кваканье вырастало во что-то громадное и близкое.

— Чего онѣ расквакались?—тяжело думалъ Ширяевъ сквозь сонъ.—Должно быть, къ дождю. А можетъ быть, потому, что лошадь ходитъ около пруда...

Комаръ съ злобно-унылымъ звономъ, какъ будто исполняя надоѣвшую ему обязанность, приближался къ лицу. Ширяевъ рѣшительно сбросилъ одѣяло и сѣлъ. Свѣтало. Надъ постелью колыхалось прозрачно-сѣрое облако комаровъ. За ивами, надъ прудомъ, стоялъ туманъ. Ширяевъ нащупалъ портсигаръ и закурилъ папиросу. Было очень тихо. Далеко на востокѣ запѣли пѣтухи. Имъ откликнулись ближе, пѣніе росло и медленно, плавно приближалось; на деревнѣ звонко запѣлъ молодой пѣтухъ, гдѣ-то близко, за домомъ, какъ будто запоздавъ и испуганно встрепенув-

шись, хрипло заоралъ совсѣмъ, должно быть, старый пѣтухъ.

— Кикики-ки-и-и!.. Кикики-ки-и-и!..—въ перебой неслось со всѣхъ сторонъ; и дальше, къ западу, откликались и начинали пѣть новые пѣтухи. Какъ будто невидимый духъ плавно летѣлъ въ тьму запада съ вѣстью объ утрѣ, и, почуявъ надъ собою его властный полетъ, встрепенувшіеся пѣтухи спѣшили привѣтствовать вѣстника. На востокѣ пѣніе смолкло, замолкали пѣтухи кругомъ, и теперь то же напряженное, непрерывное пѣніе было слышно на западѣ; оно удалялось и затихало за горизонтомъ, и представлялось Ширяеву, какъ эта широкая, предъутренняя волна звуковъ катится по землѣ все дальше, дальше, и слѣдомъ за нею плыветъ тихое утро.

Въ дѣтской опять заплакалъ ребенокъ, былъ слышенъ голосъ Марьи Сергѣевны. Ширяевъ побоялся, какъ бы Марья Сергѣевна не увидѣла въ окно, что онъ не спитъ; онъ легъ. Всходило солнце, начинало припекать; комаровъ стало меньше, но было жарко. Въ залѣ на часахъ жидкимъ, жестянымъ звономъ пробило четыре.

Ширяевъ неожиданно заснулъ. Проснулся онъ въ восьмомъ часу, съ тяжелою, мутно-горячею головою; солнце пекло ему прямо въ лицо. Онъ сходилъ къ пруду и выкупался.

На террасу выглянула Марья Сергѣевна, въ блузѣ, съ блѣднымъ, измятымъ лицомъ.

— Вы ужъ встали?—спросила она.—Ну, какъ вамъ было спать?

— Спасибо, очень хорошо!

— Идите въ залу, сейчасъ подадутъ самоваръ... А я всю ночь не спала,—устало произнесла она, садясь за столъ.— Сначала долго заснуть не могла,—вчерашніе разговоры взволновали, потомъ Ѳедя не давалъ спать. Голова болитъ теперь.

Съ террасы съ плачемъ вошла пятилѣтняя дочка Марьи Сергѣевны, Аня.

— Ма-амъ, меня Костя ущипну-улъ!—тянула она, морща пухлыя щеки.

— Ахъ, Господи! Ну, не плачь!—нетерпѣливо проговорила Марья Сергѣевна.—Не играй съ нимъ, и не будетъ щипать. Вотъ, на тебѣ печеньица.

Она дала ей изъ сухарницы альбертинку.

— А-а, чай сейчасъ?.. Здравствуйте!—своимъ ворчащимъ голосомъ сказалъ вошедшій докторъ.—Я сейчасъ приду, только на минуту въ больницу сбѣгаю.

Онъ вышелъ черезъ террасу. Подали самоваръ. Небо нахмурилось, дверь террасы хлопнула.

— Господи, какъ голова болитъ!—поморщилась Марья Сергѣевна.

— Часто она болитъ у васъ?—участливо спросилъ Ширяевъ.

— Э, почти всегда!.. Съ няньками боюсь на ночь дѣтей оставлять, самой приходится возиться. Встанешь ночью къ ребенку, потомъ два часа не можешь заснуть; утромъ съ шести часовъ въ домѣ начинаютъ подниматься, шумѣть,— я ужъ не могу спать. Не помню даже, когда это было, чтобъ я выспалась.

— Мама, не вели Анѣ дражниться!—раздался со двора обиженно-негодующій голосъ Кости.

— Боже мой, какой ужасъ! Восьмилѣтній малый—и его Аня обижаетъ!—засмѣялась Марья Сергѣевна, взглянувъ на Ширяева.—Какъ же она тебя дразнитъ?

— Говоритъ: у тебя черный хлѣбъ, а у меня печеньице!

— Ты лучше скажи мнѣ, зачѣмъ ты ее щипалъ?

— Я ее не щипалъ! Она съ палочкой играла, палочка сломалась и, навѣрное, ее ущипнула.

— Вотъ какъ! Ну, пожалуйста, чтобъ палочка больше не щипалась!

— Пускай она съ палочкой не играетъ, а я тутъ ни при чемъ.

— У васъ четверо дѣтокъ?—спросилъ Ширяевъ.

— Четверо. И, къ сожалѣнію, три мальчика... Я бы хотѣла, чтобы у меня однѣ только дѣвочки были. Мужчины всегда гораздо эгоистичнѣе; въ дѣтствѣ за ними ухаживаютъ сестры, мать; женятся,—жены. Для нихъ женщины только для того и существуютъ, чтобъ ухаживать за ними,—съ тайнымъ раздраженіемъ говорила она.—Главное, чтобъ не заботиться самимъ о житейскихъ мелочахъ,—о топкѣ печей, о провизіи, о пеленкахъ... Право, удивляете меня вы всѣ: говорили бы прямо, когда женитесь, что вамъ нужна экономка и нянька. Вѣдь, въ этомъ для васъ вся суть. А между тѣмъ вы всегда говорите: мы будемъ вмѣстѣ съ тобою работать на благо людей, развиваться, читать...

Воротился докторъ.

— Приходила сейчасъ баба одна, старуха,—съ улыбкою заговорилъ онъ, медленно усаживаясь за столъ и кладя сахару въ свой чай.—Я, говоритъ, у тебя вчера была, ты мнѣ поворожилъ, а назадъ пошла я и потеряла твою ворожбу. Это про рецептъ. Вмѣсто того, чтобъ въ аптечку нашу

снесть, понесла съ собой... Ворожбу!.. До чего дики, Бо-оже мой! Бьешься, бьешься,—силъ нѣтъ. Въ родѣ какъ бы гнусъ какой виситъ надъ тобою эта баба, и притомъ въ огромномъ количествѣ. Сотню лѣтъ еще надо поработать, чтобъ привыкли. Спасибо еще, земство наше хорошее, не скупится на врачебное дѣло. Вотъ больничку новую намъ выстроили на восемь коекъ, на Успеніе освященье будетъ. Пріѣзжайте... Не забыть бы генеральшу на освященіе пригласить, княгиню Медынскую,—обратился онъ къ женѣ.

— Для чего этихъ дамъ-аристократокъ приглашать? Очень нужно съ ними знаться!—пренебрежительно возразила Марья Сергѣевна.

— Какъ ты этого не понимаешь? Она жертвовала!—раздражаясь, сказалъ докторъ.

Марья Сергѣевна вспыхнула.

— Ну, не понимаю!.. Чтожъ такого? Почему я не имѣю права высказать свое мнѣніе? Вотъ либеральная привычка,—злиться, когда съ нимъ не соглашаются.

Докторъ съ глухою враждою взглянулъ на нее, поспѣшно сдѣлалъ безразличное лицо и обратился къ Ширяеву.

— Вотъ вамъ и хорошая погода!—сказалъ онъ.—Посмотрите-ка, какія тучи собираются.

— А не пора намъ ѣхать? — осторожно спросилъ Ширяевъ.

Докторъ взглянулъ на часы.

— Скоро нужно выѣзжать. Вели, Маша, запрягать лошадь,—сумрачно обратился онъ къ женѣ.

Вошелъ фельдшеръ.

— Николай Петровичъ, извините, забылъ спросить,—съ улыбкой проговорилъ онъ.—Гаврилѣ нужно клизму ставить?

— Погодите, я самъ схожу; нужно еще посмотрѣть, не промокла-ли повязка у Груньки.

Онъ ушелъ съ фельдшеромъ. Полилъ дождь, капли зашумѣли по листьямъ деревьевъ. Вѣтеръ рванулъ въ окно и обдалъ брызгами лежавшую на столикѣ книжку журнала. Марья Сергѣевна заперла окна и дверь на террасу; шумъ дождя по листьямъ сталъ глуше, и теперь было слышно, какъ дождь барабанилъ по крышѣ. Вода струилась по стекламъ, зелень деревьевъ сквозь нихъ мутилась и теряла очертанія.

Въ головѣ у Ширяева было тяжело. Въ комнатѣ потемнѣло, лицо Марьи Сергѣевны стало еще блѣднѣе, болѣзненнѣе и раздраженнѣе. Ширяевъ видѣлъ, какъ все въ ней

кипитъ, какъ будто кто-то ушибъ ей постоянно болящую язву. Онъ взялъ со столика книжку журнала и сталъ ее перелистывать.

— Видѣли вы книгу: „Проблемы идеализма“?—спросилъ онъ, чтобъ отвлечь Марью Сергѣевну отъ ея настроенія.

— Не видѣла.—Марья Сергѣевна помолчала.—И ничего даже не слышала про нее. Гдѣ мнѣ теперь читать... А что, интересная?

— Объ ней много этотъ годъ было разговоровъ. Мнѣ не нравится...

Онъ сталъ говорить о книгѣ.

На дворѣ дулъ вѣтеръ, дождь хлесталъ въ стеклянную дверь террасы. За дверью появилась темная фигура доктора съ зонтикомъ; онъ постучалъ въ стекло. Ширяевъ отперъ дверь.

— Что ты все черезъ террасу ходишь? — сердито сказала Марья Сергѣевна.—Черезъ каждыя пять минутъ отпирать тебѣ!

— Ну, хорошо!—рѣзко и нетерпѣливо отвѣтилъ докторъ вполголоса.

— Что—„хорошо“? Вовсе не хорошо!—громко возразила Марья Сергѣевна.—Ходи кругомъ, черезъ крыльцо... Сыро, сквозитъ, а ты постоянно черезъ балконъ. Только и знай, что вставай, отпирай тебѣ...

Она продолжала говорить, а докторъ, съ неестественно безразличнымъ лицомъ, обратился къ Ширяеву:

— Да, я вотъ думалъ, что хорошая погода надолго установилась, барометръ вчера показывалъ beau temps, а изволите видѣть, что на дворѣ дѣлается!

Марья Сергѣевна замолчала и стала перетирать стаканы. Ширяевъ смотрѣлъ на нее и думалъ: вѣдь, были-же, были у нея эти ясные, славные глаза, съ какими она снята на группѣ... Обманывала-ли ими жизнь, какъ она обманываетъ людей мимолетною дѣвическою прелестью, или тутъ погибло то, что не могло и не должно было погибнуть? И почему тогда оно погибло такъ легко и такъ безвозвратно?

— Скажи, пожалуйста, ты видѣлъ книгу... Какъ ее, Викторъ Михайловичъ?.. Да, „Проблемы идеализма“... Видѣлъ ее?—спросила Марья Сергѣевна доктора.

— Видѣлъ,—неохотно пробурчалъ докторъ.

— Удивительное дѣло!—нервно засмѣялась Марья Сергѣевна.—А я даже ничего и не знала, ничего даже не слышала про нее!

— Кто-жъ въ этомъ виноватъ!—Докторъ пожалъ плечами.

— Вотъ и подумай, кто въ этомъ виноватъ... Отъ кого я что-нибудь могу услышать, кромѣ тебя? Весь день торчу въ кухнѣ и дѣтской, забочусь, чтобъ тебѣ обѣдъ былъ вовремя и чтобъ тебѣ дѣти не мѣшали спать послѣ обѣда... Откуда же я могу узнать?

— Ну, пошло̀!—нахмурился докторъ и тяжело вздохнулъ.

— Да, пошло!.. „Общеніе“, „совмѣстная духовная жизнь“... Какія красивыя слова, какъ пріятно употреблять ихъ въ умныхъ разговорахъ! Со стороны можно подумать,—какой новый человѣкъ, съ какими новыми требованіями отъ брака! А на повѣрку выходитъ,—обыкновенный мягкотѣлый интеллигентъ, нужно только все прежнее.

Она говорила нервнымъ, спѣшащимъ голосомъ, какъ будто нарочно старалась не дать себѣ времени одуматься. Ширяеву было неловко. Въ глазахъ доктора загорался мрачный, неврастеническій огонекъ, онъ тоже терялъ уже желаніе замять ссору и не дать ей разгорѣться хоть при чужомъ человѣкѣ.

— Скажи, пожалуйста, при чемъ тутъ мягкотѣлость?—спросилъ онъ, враждебно глядя на жену.

— Нужно только все прежнее,—продолжала Марья Сергѣевна.—Чтобъ жена рожала дѣтей, заботилась о провизіи и дровахъ и устраивала уютъ, а чтобъ самому спокойно пользоваться жизнью... Господи, настоящіе пауки, право! Приникнутъ къ женщинѣ и сосутъ, и высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь. И остается отъ человѣка одна родильная машина.

— Ты скажи мнѣ, при чемъ тутъ мягкотѣлость? — еще разъ раздѣльно спросилъ докторъ.—Ну, укажи мнѣ,—вотъ, я спрашиваю тебя,—какъ иначе устроить нашу жизнь? Самъ я не могу заботиться объ обѣдѣ, потому что мнѣ до обѣда нужно принять сто человѣкъ больныхъ; послѣ обѣда мнѣ нужно поспать, а то я вечеромъ не въ состояніи буду ѣхать къ больнымъ. Если я вздумаю слѣдить за дровами и провизіей, то не въ состояніи буду зарабатывать на дрова и провизію. Ребятъ мнѣ нянчить тоже некогда... Въ чемъ-же я могу тебя облегчить? Ну, скажи, укажи,—въ чемъ?

— Вотъ, вотъ, это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой, и больше ничего!—засмѣялась Марья Сергѣевна, взглянувъ на Ширяева.

— Это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой,—

угрюмо-вызывающе подтвердилъ докторъ.—Оно такъ въ дѣйствительности и есть въ каждой семьѣ, да и не можетъ быть иначе. Только интеллигентный человѣкъ стыдится этого и старается скрыть отъ постороннихъ, какъ какую-то тайную дурную болѣзнь. Почему же этого прямо не признать? Если люди женятся для бездѣтнаго разврата, то вопросъ, конечно, рѣшается легко; но тогда зачѣмъ жениться? А въ противномъ случаѣ женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой.

— Вотъ какъ!—иронически протянулаМарья Сергѣевна —Я это отъ тебя въ первый разъ слышу.

— Да. И всѣ нынѣшнія... общественныя формы, что-ли, таковы, что иначе и не можетъ быть. Мы теоретически выработали себѣ идеалъ, который соотвѣтствуетъ совсѣмъ другому общественному строю, болѣе высокому, и идемъ съ этимъ идеаломъ въ настоящее, гдѣ онъ непримѣнимъ, и всѣ только мучаются, надсаживаются, проклинаютъ свою жизнь.

— Почему-же вы думаете, что въ настоящемъ этотъ идеалъ непримѣнимъ?—осторожно спросилъ Ширяевъ.

— Ну, вотъ, научите меня, какъ его примѣнить? Я не знаю,—заговорилъ докторъ, все больше оживляясь.—Хотѣлъ самымъ искреннимъ образомъ, а изволите видѣть,—жизнь устроила по своему. Разъ есть семья, необходимъ свой отдѣльный уголъ, уголъ очень сложно управляющійся! Этого только не видно со стороны... Настолько сложно, что необходимъ одинъ руководитель,—попробуйте-ка, вмѣшайтесь въ распоряженія хозяйки! Чтожъ выходитъ? Выходитъ—весь вопросъ только объ обмѣнѣ ролями между мужемъ и женой, потому что одному-то изъ нихъ все равно нужно сидѣть въ этомъ углѣ. Ну-съ, а что же это за рѣшеніе? Я, по крайней мѣрѣ, такого рѣшенія не принимаю. Не умѣю ухаживать за дѣтьми, не умѣю нянчить ихъ и варить имъ кашекъ; не умѣю и не хочу. Инстинктовъ соотвѣтственныхъ, что-ли, нѣтъ у мужчины, но только и мать-то ни одна, если въ ней есть хоть капля материнскаго чувства, не согласится на это... Отдѣльные мужчины, пожалуй, есть такіе, но только всѣ они, сколько я ихъ ни видалъ, съ совершенно бабьей натурой, безвольные и бездѣятельные... Такъ вотъ-съ, я и спрошу: какъ же тутъ быть женщинѣ? Либо смотрѣть на дѣтей въ семьѣ, какъ на какія-то злокачественныя образованія, либо... старая исторія: не выходить замужъ и не имѣть дѣтей.

Докторъ пожалъ плечами и взялся за свой стаканъ.

Ширяевъ смотрѣлъ, какъ онъ лѣниво глоталъ крѣпкій чай, какъ сгущался въ маленькой залѣ сѣрый сумракъ,—и думалъ о томъ, что ужъ давно бы пора ѣхать.

— Въ будущемъ, тамъ другое дѣло,—своимъ ворчащимъ голосомъ нехотя заговорилъ докторъ.—Тамъ рѣшеніе вопроса ясно, и ужъ теперь жизнь даетъ намеки на это рѣшеніе, особенно за границей: сложное, трудное управленіе собственнымъ угломъ становится ненужнымъ, въ домахъ — центральное отопленіе, на каждомъ перекресткѣ—Дювалъ или Ашингеръ, гдѣ вы безъ всякихъ хлопотъ имѣете сытный, здоровый столъ. Все больше развиваются всякія ясли, дѣтскіе сады, все больше сознается, что не мать являетс лучшею воспитательницею своего ребенка, что для воспитанія нужно умѣніе и призваніе...

— Николай Петровичъ, какъ хотите, мнѣ нужно на станцію!—рѣшительно сказалъ Ширяевъ.

— Гос-споди, какъ онъ безпокоится!—съ усмѣшкою протянулъ докторъ и, не спѣша, взглянулъ на часы.—Чего вы боитесь? Поспѣете... Вотъ еще по стаканчику чаю выпьемъ, и поѣдемъ... Маша, скажи, чтобъ подавали лошадь,—угрюмо обратился онъ къ женѣ.

„Почему онъ самъ не можетъ сказать?—съ враждою подумалъ Ширяевъ.—Разсѣлся тутъ, куритъ и болтаетъ, а у нея голова болитъ“...

Я сейчасъ скажу,—сумрачно произнесъ онъ, покосившись на доктора.

Лошадь подали. Докторъ набивалъ свой портсигаръ папиросами. Лицо Марьи Сергѣевны стало еще блѣднѣе и болѣзненнѣе.

— Ну, прощайте!—сказала она.—Вотъ вы теперь видѣли, во что обращается черезъ десять лѣтъ русскій радикальный интеллигентъ.

Докторъ исподлобья оглядѣлъ ее и сталъ надѣвать пальто.

Они сѣли и поѣхали. Изъ низкихъ тучъ моросилъ дождь, колеса телѣжки скользили по размокшей, глинистой дорогѣ. Докторъ сидѣлъ въ телѣжкѣ, сгорбившись подъ зонтикомъ, зонтикъ трясся и тряслась спина доктора.

Изъ-за рощи выглянули красно-коричневыя станціонныя зданія съ зелеными крышами; надъ ними взвился бѣлый дымокъ, слабо донесся свистокъ поѣзда.

— Это не нашъ поѣздъ?—спросилъ Ширяевъ.

— Нѣтъ, это товарный...

Они подъѣхали къ станціи.

— Пассажирскій скоро придетъ? — спросилъ докторъ сторожа.

— Четверть часа, какъ ушелъ.

— Да-а, изволите видѣть... Вонъ она какая штука!— протянулъ докторъ и помолчалъ.—Чтожъ теперь дѣлать? Придется вамъ съ почтовымъ ѣхать, въ десять вечера. А пока идите къ намъ,—пообѣдаете, чайку попьете.

— Нѣтъ, я ужъ тутъ подожду, можетъ быть, удастся съ товарнымъ уѣхать,—холодно отвѣтилъ Ширяевъ.

— Ну, какъ хотите. До свиданія!

Кучеръ повернулъ лошадь. Надъ забрызганнымъ грязью задкомъ телѣжки опять затряслась сгорбившаяся подъ зонтикомъ спина доктора.

— Русакъ проклятый!—подумалъ Ширяевъ.

Онъ сидѣлъ на платформѣ, поднявъ воротникъ пальто. На зеленомъ фонѣ деревьевъ сѣяли мелкія капли дождя, было холодно и сыро. Въ душѣ лежалъ противный, мутный осадокъ, не хотѣлось вспоминать и думать о видѣнномъ.. Въ жизни обычной и ровной, какъ во всемъ, къ чему не приглядываешься, передъ нимъ вдругъ разсѣлась широкая щель, изъ нея пахнуло тупымъ надсадомъ, и зашевелились темные вопросы... Ширяевъ старался не замѣчать ихъ; въ его памяти вставали мягкіе волосы надъ милымъ лбомъ, тихій шопотъ средь сумрака, пахнувшаго рожью, и онъ думалъ: *съ ними*,—съ ними этого не повторится. Люди ищутъ новаго счастья и ждутъ, что къ нему прійти такъ-же легко, какъ къ старому; а жизнь густа и дремуча, и не раздвигается сама собою въ гладкую дорожку; кто хочетъ новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу.

Съ неба сѣялъ мелкій дождь, и сырой вѣтеръ дулъ съ полей.

В. Вересаевъ.

За свободу.

РОМАНЪ.

Алоиза Ираска.

Перевелъ съ чешскаго В. Южанинъ.

Съ незапамятныхъ временъ естественной и мощной защитой нашего Чешскаго Королевства служили непроходимые лѣса, которые тянулись отъ пограничныхъ горъ на много верстъ въ глубь страны.

Пограничная стража охраняла проходы черезъ лѣса, „эти ворота страны", укрѣпленія и валы, устроенные для защиты пограничныхъ дорогъ.

Постепенно, особенно послѣ XIII столѣтія, когда къ намъ двинулись чужеземные поселенцы, короли перестали охранять сами свои границы, какъ то бывало раньше, а начали раздавать пограничные лѣса за извѣстную плату. Они сохранились дольше и лучше всего на Западной сторонѣ, по склонамъ противъ Баваріи и на вершинахъ великой Шумавы. Часть этихъ лѣсовъ и самыя важныя дороги, ведущія отъ Домажлицъ въ нѣмецкую землю, охраняли съ давнихъ временъ Ходы, племя крѣпкое, высокорослое, храброе и суровое.

Ихъ поселенія, лежавшія нѣкогда на самой границѣ Королевскихъ лѣсовъ, устраивались по долинамъ и горамъ, но всегда такъ, чтобы быть обращенными къ сторонѣ пограничныхъ лѣсовъ и горъ. За ними они прятались отъ враговъ, какъ за естественными укрѣпленіями.

Эти поселенія были разбросаны на протяженіи шести миль, вдоль границъ близъ проходовъ и самыхъ важныхъ дорогъ.

Такъ, далѣе всего отъ Домажлицъ, на юго-востокъ, поближе къ Вшерубскому ущелью, лежали села Лхота и Починовцы, потомъ на сѣверозападъ отъ нихъ, между Вшерубской и Бродской дорогой — Кицовъ, Медаковъ, Тлумачевъ и Стражъ, а дальшѣ всего, сѣверо-западнѣе, при дорогѣ на Мюнхенъ, подъ лѣсомъ, села: Уѣздъ, Драженовъ, Постршесково, Ходовъ и нынѣшнее мѣстечко Кленчи.

Когда были поселены Ходы для охраны границъ, навѣрно не знаютъ. Извѣстно только то, что они исполняли добросовѣстно свою службу, и во времена непріятельскихъ вторженій стойко охраняли всѣ проходы и выходы и принимали также участіе во всѣхъ тѣхъ битвахъ, которыя происходили по сосѣдству съ ними и въ ближайшей окрестности.

Достовѣрно то, что они помогли князю Бретиславу нанести сильное пораженіе нѣмцамъ у Бродъ; несомнѣнно и то, что во всѣхъ болѣе значительныхъ битвахъ славной памяти гусситскихъ войнъ они не щадили себя.

Въ мирное время они ходили по границамъ и наблюдали, чтобы сосѣди нѣмцы не производили захватовъ нашихъ земель, не дѣлали самовольныхъ порубокъ въ Чешскихъ лѣсахъ, не охотились въ нихъ, и, вообще, не позволяли себѣ никакихъ своеволій. При этомъ, какъ передаютъ старые памятники, Ходамъ приходилось не разъ вступать въ кровавый бой, чаще всего съ разбойничьими Баварскими шайками, и, особенно, съ Бродскими.

При этой сторожевой службѣ, надежными помощниками Ходовъ были ихъ громадные, сильные псы, а доброй подружкой—„палица"[1]), въ позднѣйшее же время палицу замѣнила длинная и короткая пищаль. Оружіе они носили и тогда, когда, по опредѣленію Сейма, это было запрещено всѣмъ прочимъ жителямъ Королевства.

Когда бы Король ни проѣзжалъ по границамъ ихъ поселеній, Ходы встрѣчали его всегда въ полномъ вооруженіи, со своимъ знаменемъ, на которомъ былъ изображенъ ихъ гербъ: Песья голова, [2]) при чемъ преподносили всегда своему князю, по древнему обычаю чашку меда, и провожали, въ видѣ почетной стражи, по горамъ, черезъ границы.

За свою тяжелую и часто безпокойную службу Ходы пользовались особыми правами и вольностями. Съ незапамятныхъ временъ они были людьми свободными, ни отъ кого не зависѣли и только считались подданными своего короля. Ни одинъ шляхтичъ не смѣлъ селиться у нихъ или покупать ихъ землю. Ходы никогда не несли никакихъ крѣпостныхъ повинностей и не исполняли работъ, которыя лежали на всѣхъ остальныхъ крестьянахъ. Охраняемыми ими лѣсами они могли пользоваться, и безпрепятственно охотились тамъ, набивая себѣ руку на медвѣдяхъ и волкахъ, которыми еще въ XVII столѣтіи, полны были Шумавскіе лѣса.

Ни пошлинъ, ни тягла, подобно другимъ людямъ королевства, они не платили, занимались у себя свободно ремеслами, могли

---

[1]) „Cecan", одновременно дубина и оружіе отъ 1 — 5 метровъ вышины, изъ крѣпкаго дерева съ острымъ наконечникомъ внизу, топорикомъ и сѣкирой наверху. Рукоять была богато разукрашена мѣдью и бляхами. Палицу носили въ стародавнія времена женатые люди, когда отправлялись на службу, или въ Баварію, или въ городъ, на свадьбу и т. п.

[2] Отсюда ихъ прозвище „Песьи головы".

безпрепятственно перемѣщаться, повсюду брать себѣ женъ, а также собираться на сходбища.

Ихъ собственный судъ, рѣшавшій на основаніи ходскаго права, засѣдалъ черезъ каждыя четыре недѣли, въ ихъ Замкѣ или крѣпости Домажлицахъ, и состоялъ изъ „ходскаго судьи", назначаемаго королевской властью, и изъ совѣтника или судьи отъ каждой ходской деревни.

Въ Ходской крѣпости имѣли пребываніе Домажлицкій бургомистръ, или гетманъ, ходскій судья и присяжный писарь—ихъ высшее начальство. Въ этой же крѣпости сохранялось и ходское знамя, а также печать и грамоты, дарованныя Ходамъ королями Яномъ Люксембургскимъ, Карломъ IV-мъ, Вацлавомъ IV, Юріемъ Подебрадомъ и другими. Туда же, въ случаѣ нужды, они собирались въ полномъ вооруженіи и туда же въ смутныя времена отправляли, какъ въ безопасное мѣсто, своихъ женъ, дѣтей и лучшее имущество.

Въ злосчастномъ 1620 году Ходы исполняли послѣдній разъ свою сторожевую службу. Они сдѣлали тогда засѣки въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ по границѣ Баваріи. Тогда то Фридрихъ, этотъ суровый король, строго повелѣлъ Ходамъ, „каждой деревнѣ по очереди бдительно охранять границы для порядка и, какъ повинность, днемъ и ночью, отражать непріятельскія неожиданныя вторженія и оставаться по очереди безотлучно все положенное время, а также выбрать изъ своей среды знаменосца, взявъ съ него предварительно присягу и только тогда передавъ ему знамя. А дабы той стражей соблюденъ былъ лучшій порядокъ, находиться при ней судьѣ и писарю".

Въ послѣдній разъ тогда непроходимые Шумавскіе лѣса оглашались перекликавшимися голосами ходскихъ стражей, въ послѣдній разъ тогда развѣвалось надъ чешскими пограничными стражниками бѣлое знамя съ черной каймой и съ изображеніемъ „Песьей головы".

Затѣмъ произошла Бѣлогорская битва.

Мутныя волны губительнаго наводненія коснулись и этого горнаго уголка, вольнаго Ходскаго края.

На четвертый день послѣ казней, свободные Ходы, по указу Карла фонъ Лихтенштейнъ, были отъ имени короля уступлены за 7.500 золотыхъ придворному совѣтнику Вольфу-Вильгельму Ламмингеръ, владѣтельному пану фонъ Альбенрейтъ, который былъ однимъ изъ королевскихъ комиссаровъ и участниковъ въ страшной трагедіи 21 іюня 1621 года. Девять лѣтъ спустя, Ходы были проданы тому же Ламмингеръ въ вѣчное владѣніе за 36.000 золотыхъ. Новый панъ не захотѣлъ, конечно, признавать и не признавалъ ихъ вольностей, а обращался съ ними, какъ со своими подданными и крѣпостными. Въ это время произошло послѣднее и самое страшное возстаніе Ходовъ. Они мужественно защищали дорогую имъ свободу и свои права противъ насилія и беззаконій. Этотъ неравный бой длился почти семьдесятъ лѣтъ. Иногда во время этой борьбы за сво-

боду Ходамъ вдругъ, сверху, изъ Вѣны, блеснетъ, бывало, лучъ надежды, но не надолго; наслѣдникъ Ламмингера, сынъ его Максимиліанъ, все таки одолѣлъ, наконецъ, и Ходамъ былъ объявленъ приказъ—навсегда отказаться отъ своихъ требованій и признать, что вольности ихъ уничтожены и навсегда отняты, а имъ самимъ, подъ страхомъ суроваго наказанія, опредѣленъ: perpetuum silentium.

Это было въ 1688 году.

Дѣйствительно, въ Ходскомъ краю господствовалъ silentium, гробовая тишина, не нарушенная даже въ 1680 году, когда по всему Чешскому королевству вспыхнули крестьянскія возстанія.

Но perpetuum silentium не было. Ходы нарушили его. И здѣсь начинается нашъ разсказъ.

I.

Раннія сумерки ноябрьскаго вечера спустились на долины и горы, до самой подошвы крутого Черхова и высокой Халтравы. Черныя тяжелыя облака летѣли низко надъ вершинами Богемскаго лѣса. Онъ возвышался богатырской стѣной надъ мирнымъ краемъ, который исчезалъ въ облакахъ и во мракѣ.

Погода была очень непривѣтлива. Сильный вихрь бушевалъ на свободѣ—и на небѣ, и на землѣ; все дрожало передъ нимъ—и густой лѣсъ, и одинокія деревья среди широкаго поля. Старыя и молодыя березы, густо растущія на горѣ Градкѣ, надъ селомъ Уѣздомъ, шумѣли, дрожали и будто жаловались на свою наготу, такъ какъ вихрь обрывалъ ихъ послѣдніе золотые листья и дико кружилъ ими по воздуху. Дубовая роща около Градка гудѣла; ея обнаженныя верхушки качались во всѣ стороны; она боролась съ вихремъ, который, вырываясь оттуда, попадалъ въ долину, въ тихое село, прилѣпившееся, какъ гнѣздышко, къ конусообразному Градку. Деревья около домовъ и въ садахъ нагибались отъ бурнаго вѣтра и шумѣли. Но больше всѣхъ шумѣла столѣтняя липа, росшая на широкомъ дворѣ у Кожины. Журавель и бадья стараго колодца подъ липой скрипѣли и гремѣли; однако, и эти звуки заглушались воемъ вѣтра въ густыхъ вѣтвяхъ стараго дерева.

Въ домѣ виднѣлся огонь. Слабый свѣтъ, падавшій на дворъ черезъ низкое окно, освѣщалъ, по временамъ, золотые, кружившіеся листья, внизу подъ липой; вихрь, круто мѣняя направленіе, вдругъ поднималъ ихъ и уносилъ куда то, въ темную высь. И въ ту самую минуту, когда онъ, словно бѣшеный, дико свистѣлъ и ревѣлъ, кто то подошелъ къ

окну. Эта тѣнь показалась только на одну минуту, — окно полуотворилось. Голая женская рука высунула въ темноту небольшую миску и изъ нея въ ту же минуту посыпалось что то бѣлое, какъ будто падающій снѣгъ, который тотчасъ же подхватилъ вѣтеръ; повидимому, приношеніемъ хотѣли успокоить расходившійся вихрь. Фея Мелюзина, жадно проглотивъ муку, еще разъ застонала, и бросилась дальше, въ темноту. Окно затворилось. А внутри, въ довольно просторной горницѣ было привѣтливо и уютно. Въ очагѣ горѣлъ огонь и трещало смоляное полѣно. Лучина ярко освѣщала женщину, которая, принеся жертву Мелюзинѣ, отошла отъ окна и поставила на полку пустую миску.

То была крестьянка, хозяйка дома: совсѣмъ еще молодая женщина, стройная, съ красивыми чертами лица; особенно хороши были ясные, каріе глаза и тонкій, прямой носъ. Голову покрывалъ пестрый платочекъ, а одѣта она была въ юбку и корсетку съ рукавами. Поставивъ миску на полку, она опять сѣла на стулъ, немного поодаль отъ расписной кровати съ пологомъ, и принялась раскачивать колыбель, напѣвая вполголоса:

Спи усни, угомонъ меня возьми,
Я качаю тебя, чтобъ ты спалъ,
Да не плакалъ, да своей родимой
Не мѣшалъ.

А на дворѣ выла буря. Шумъ отъ деревьевъ и вой вѣтра сливались въ одинъ голосъ, отъ котораго дрожали окна. Молодая мать продолжала пѣть свою колыбельную пѣсню, но въ горницѣ, кромѣ ея пѣсни, слышались и другіе звуки. Въ углу, за постелью подъ пологомъ, шло шушуканье, шептанье, сдерживаемый смѣхъ, который вдругъ прорвался и, какъ ясный, серебристый звукъ колокольчика, раздался взрывъ веселаго дѣтскаго хохота. Другой голосъ, болѣе грубый, старался его утишить, а хозяйка у колыбели, правда, не рѣзко, а скорѣе ласково, крикнула, — чтобы они угомонились, потому что Ганалка засыпаетъ. Укачивая малютку, она снова принялась пѣть.

Маленькая Ганалка, успокоенная качаньемъ, что то мурлыкала, но чѣмъ далѣе, тѣмъ слабѣе, пока совсѣмъ не смолкла. Еще нѣсколько взмаховъ—и мать, оставивъ колыбель, подошла къ постелѣ, а въ эту самую минуту изъ подъ полога показался хозяинъ, ея мужъ, который до сихъ поръ игралъ и возился со своимъ старшимъ сынишкой.

То былъ человѣкъ лѣтъ около тридцати, довольно вы-

сокаго роста; заложивъ свои длинные волосы за уши, онъ глядѣлъ, улыбаясь, на жену. Трехлѣтній мальчуганъ, коренастый и круглолицый, съ блестящими черными глазами, звалъ мать, опираясь на спину отца.

— Ахъ, вы, неумытая челядь,—сказала она съ напускной строгостью.—Тише! Павликъ долженъ былъ бы уже спать. Живо на подушку! Ганалка уже спитъ.

— И какъ сладко спитъ,—возразилъ хозяинъ и, улыбнувшись, показалъ на колыбель. Изъ нея выглядывала прехорошенькая головка маленькой двухлѣтней дѣвочки, свѣтлые кудри которой озарялись яркимъ свѣтомъ горѣвшей лучины и походили на блестящее золото.

Молодой Сладкій, или Кожина, какъ его всѣ звали, по имени его усадьбы, всталъ и подошелъ къ колыбели. Онъ былъ въ свѣтло-кожанныхъ штанахъ по колѣна, въ чулкахъ и тяжелыхъ башмакахъ, безъ жилета и куртки, въ одной рубахѣ съ широкими спереди разрѣзными рукавами. Его стройная фигура выдѣлялась теперь особенно хорошо, когда, взявъ свою дочурку на руки и высоко поднявъ ее передъ собой, онъ бережно отнесъ ее на постель. Вся семья усѣлась на постели, смѣющіяся дѣти лежали около отца и родители радовались, глядя на своихъ веселыхъ ребятишекъ.

Это была картина полнаго семейнаго счастья, которое не могъ нарушить вой осенней бури.

Но это счастье не далось безъ борьбы. Старуха Кожинова долго не уступала сыну, тогда уже самостоятельному хозяину, когда онъ, четыре года тому назадъ, пришелъ объявить ей, что онъ избралъ себѣ невѣсту. Такая бѣдная, хотя и красивая дѣвушка, не годилась, по ея мнѣнію, для усадьбы Кожиновыхъ. Правда, теперь здѣсь не сидѣли судьи, какъ въ старыя времена; но все-таки семья ихъ была одна изъ наиболѣе уважаемыхъ. За ними остался старый почетъ; вѣдь, каждому малому ребенку было извѣстно, почему новые паны отняли отъ Кожиновыхъ эту должность: только оттого, что тѣ не захотѣли плясать по ихъ дудкѣ и дѣлать своимъ людямъ все на зло!

Наконецъ, старуха должна была уступить.

— Одни жолуди растутъ на дубу,—прибавила она.—Онъ изъ рода Кожиновыхъ, упрямая голова, какъ дубъ тверда. Но только бы ему не стало съ Ганкой тѣсно на свѣтѣ.

Засмѣялся на это веселый Ршехурекъ, волынщикъ, по прозванію Искра, и сказалъ:

— А я вѣрю, что не будетъ тѣсно. Будутъ вмѣстѣ жить, какъ цвѣты.

И какъ было ему не радоваться и не предсказывать, что все будетъ хорошо, когда онъ былъ близкимъ другомъ молодого хозяина, его посломъ и совѣтчикомъ, и только одинъ зналъ его тайну.

Пророчество его и сбылось.

Кожина жилъ, въ самомъ дѣлѣ, со своей Ганной, какъ цвѣты живутъ, и не полъ-года, не годъ, какъ это бываетъ, а уже пятый годъ. Хозяйство его радовало съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Ему было всего милѣе сидѣть дома, съ женой и дѣтьми, съ ними болтать, ихъ миловать.

Люди начали сердиться на него за то, что онъ не бывалъ болѣе въ мужской компаніи, чтобы за бутылкой пива побесѣдовать и обсудить дѣла, какъ то бывало раньше.

Только еще съ вольнщикомъ Искрой любилъ онъ поболтать гдѣ нибудь въ полѣ, на межѣ, или въ лѣсу, или же у себя на усадьбѣ въ саду, въ воскресенье послѣ обѣда.

Молодой Сладкій перемѣнился со времени женитьбы. Раньше онъ любилъ по ночамъ бродить съ ружьемъ или разставлять силки по лѣсамъ; любилъ устраивать въ ямахъ западни для волковъ, а ненавистному пану, гдѣ только могъ, дѣлалъ все наперекоръ. Послѣ женитьбы онъ сталъ кротче ягненка.

Когда панъ вызывалъ людей возить дрова, или же на какую другую работу, онъ, молча, выслушивалъ это и посылалъ подростка, своего рабочаго; прежде же онъ непремѣнно бы началъ, какъ и всѣ Ходоваки, проклинать это непривычное рабство, или постарался бы увильнуть отъ этого.

Въ такихъ случаяхъ старуха Кожинова только молчала и глядѣла на него строго и мрачно, а про себя думала или подчасъ жаловалась старому брату, Драженовскому Грубому, когда онъ, бывало, заходилъ къ ней:

— Нечего сказать, парень. Не похожъ онъ на Кожину. Не пошелъ въ отца. Жена все сердце отняла.

— Жена и дѣти,—всегда поправлялъ тотъ.

Такъ казалось и теперь, когда, не обращая вниманія на осеннюю бурю, онъ сидѣлъ съ ними на постелѣ и такъ весело смѣялся съ маленькими шалунами, которые лазали по немъ, какъ котята.

Вдругъ онъ встрепенулся и началъ прислушиваться. Проснулся подъ столомъ и старый Волкъ и, выпрыгнувъ на середину горницы, громко заворчалъ.

— Посидѣлки, вѣдь, только что начались,—сказала молодая женщина, взявъ крошку Ганалку на колѣна. Она думала, что это кто нибудь изъ работниковъ возвращается отъ сосѣда, у котораго въ эту недѣлю собирались.

— Это кто нибудь другой,—отвѣчалъ хозяинъ и вышелъ въ сѣни отворить наружную дверь, въ которую кто-то стучался. Засовъ отодвинулся, и со двора послышался мужской голосъ, затянувшій пѣсню: „На Уѣздскомъ Градкѣ поетъ чудно пташка“.

Въ эту минуту Кожина что-то громко сказалъ, но словъ нельзя было разобрать. Гость съ пѣсней вошелъ въ горницу и, остановившись на порогѣ, поздоровался съ хозяевами. Его привѣтствовалъ веселый крикъ маленькаго Павла, а Ганна ему сказала:

— Ты только что изъ города, Искра? Нечего сказать, рано. Ступай-ка лучше дальше. Хорошо встрѣтитъ тебя Дорла.

— Хорошо-ли, дурно-ли, все равно, а если она мнѣ поднесетъ хрѣну, я ей дамъ перцу,—отвѣтилъ Искра, и переложивъ свою волынку на другое плечо, онъ лукаво улыбнулся.

— И вошелъ-то онъ, что твоя пѣсня, — сказалъ хозяинъ. –Да и какъ же иначе, когда самъ вихрь такъ чудно поетъ.

— Не приведи Богъ, какая была дорога! Вѣтеръ надувалъ мѣшокъ, волынка сама играла, а я танцовалъ въ темнотѣ, да и не мудрено подъ такую музыку; съ мокраго пригорка на болото черезъ камни, съ лужи на лужу,—только брызги летѣли.

Искра, положивъ волынку на лавку, сѣлъ съ ней рядомъ, а шапку съ красной лентой оставилъ на головѣ. Это былъ краснощекій, круглолицый малый, съ ямочкой на подбородкѣ, всегда смѣющійся. Особенно хороши были его веселые, плутовскіе глаза, которые онъ любилъ щурить, собираясь отпустить какую нибудь шутку или что либо разсказать.

Онъ былъ однихъ лѣтъ съ Кожиной или же нѣсколькими годами старше.

Ганна принесла соль и краюху хлѣба, завернутую въ полотенце и, отрѣзавъ ломоть, пригласила гостя за столъ.

— Что новаго въ городѣ?—спросилъ хозяинъ.

— Не много. Въ трактирѣ только два сосѣда (они показались мнѣ горожанами) вели между собой бесѣду о томъ,

что паны наводили о насъ справки; Шакъ, дядя изъ Дражинова, былъ тоже тамъ, да и всѣ другіе слыхали.

— О чемъ же они справлялись? — быстро спросилъ хозяинъ.

— О правахъ Ходоваковъ, въ городѣ, въ магистратѣ. Хотѣлось имъ узнать про тѣ писанныя права, знаешь—тѣ, что хранились въ нашемъ замкѣ.

— А кто тамъ былъ?

— Былъ тамъ Кошъ, управитель изъ Кута, да Трхановскій. Ну, а сосѣди-то и говорили, что они добиваются тѣхъ грамотъ. Не знаю, что было дальше; знаю только, что Кошъ началъ бушевать и шумѣть, говоря, что его Трхановскій панъ покажетъ Ходовакамъ.

Искра замолчалъ, а потомъ, будто вспомнивъ, прибавилъ:

— Полюбился мнѣ тамъ, въ трактирѣ, одинъ сосѣдъ, который прямо сказалъ, что съ правами Ходовъ нужно считаться. Покойный старый Ломикаръ *) и нынѣшній молодой наслѣдникъ въ глаза осмѣяли Ходовъ, когда тѣ заговорили о грамотахъ.

Хозяинъ и его жена съ Ганалкой на рукахъ внимательно слушали и не замѣтили, какъ маленькій Павелъ, соскочивъ съ постели, остановился около волынки и съ удивленіемъ разсматривалъ ея хорошенькаго козленка. Сначала онъ только смотрѣлъ на него, потомъ, сдѣлавшись смѣлѣе, принялся трогать его шерсть, глаза, рожки и блестящія украшенія, которыми Искра убралъ его лобъ.

Мать теперь только обратила вниманіе на мальчугана. Отецъ сидѣлъ, опустивъ глаза, и поднялъ ихъ только теперь, когда волынщикъ умолкъ.

— А когда все это было, Искра?

— Кажется, позавчера.

— Только-бы опять что нибудь не вышло... какое несчастье,—сказала Ганна и озабоченно вздохнула.

— А по моему,—началъ волынщикъ, но не докончилъ, потому что Волкъ, выскочивъ изъ подъ лавки, началъ рычать. Хозяинъ подошелъ къ окну и старался вглядѣться въ темноту, но, никого не увидавъ, направился въ сѣни. Искра усадилъ маленькаго Павлика къ себѣ на колѣни и положилъ ему въ ротъ трубку отъ волынки.

Въ эту минуту молодая хозяйка дотронулась до его плеча.

---

*) Ламмингеръ.

— Слушай, Искра,—начала она,—замѣтилъ-ли ты, какъ хозяинъ задумался, когда ты разсказывалъ? И теперь онъ часто бываетъ такимъ,—возьметъ да и задумается. И веселъ, и говоритъ, и смѣется, а потомъ вдругъ что-то на него найдетъ. И думается мнѣ, что мутитъ его что нибудь... ровно какъ камень на сердцѣ лежитъ. Можетъ, разлюбилъ онъ меня, можетъ, сожалѣетъ...

— Не дури,—остановилъ ее Искра.—Сожалѣетъ? Ничего онъ не сожалѣетъ, да и не будетъ никогда сожалѣть. Это я знаю, а потому и не мучай себя.

— Счастье далось мнѣ, а, вѣдь, ты знаешь, что мы боимся потерять то, что въ сердцѣ носимъ. Что бы тогда было?

— И диковинныя же мысли лѣзутъ тебѣ въ голову! Все пройдетъ.

— Только бы Господь Богъ внялъ моей молитвѣ,—вздохнула крестьянка, успокоенная словами друга ея мужа. Она засмѣялась, когда у Павлика, съ помощью Искры, вырвалось нѣсколько рѣзкихъ, дикихъ звуковъ.

Молодой Кожина, выйдя изъ сѣней на крыльцо дома, оглядѣлъ дворъ, не зашелъ ли кто нибудь. Иначе чуткій Волкъ не заворчалъ бы. Темнота была кромѣшная, вѣтеръ до сихъ поръ еще такъ гудѣлъ, что нельзя было ничего разслышать.

Кто то постучался въ окно хижины, стоявшей напротивъ его дома. Тамъ жила мать Кожины. Она, вѣрно, уже спала, въ окнахъ было темно. Вдругъ онѣ освѣтились и стало возможно различить двѣ мужскія фигуры, стоявшія у дверей. Онѣ терпѣливо, неподвижно ожидали и потомъ исчезли въ дверяхъ.

Хозяинъ задумался на минуту, словно чего то ожидая. Изъ горницы раздавались звуки волынки; молодой крестьянинъ не слыхалъ ихъ. Онъ пошелъ черезъ дворъ къ жилищу матери и взялся за ручку двери. Но дверь была заперта. Согнувшись, онъ подошелъ къ окну и заглянулъ въ горницу. Онъ увидѣлъ свою мать и ея двухъ гостей. Одинъ изъ нихъ досталъ изъ подъ плаща шкатулку или сундучокъ. Другой отворилъ ее и, вынувъ что-то блестящее, похожее на серебро, показалъ это старухѣ Сладкой.

Въ эту минуту Кожина отскочилъ отъ окна. На порогѣ послышался голосъ жены, которой показалось страннымъ, что ея мужъ въ такую непогоду замѣшкался такъ долго на дворѣ.

— Никого нѣтъ. Волкъ задаромъ ворчалъ,—сказалъ онъ, возвращаясь.

— А зачѣмъ ты былъ у матери?

— Поглядѣть, что она дѣлаетъ. У нея еще освѣщено, и мнѣ показалось это страннымъ. Сидитъ на лавкѣ и молится.

— Ступай, ступай въ сѣни: я совсѣмъ замерзла. И какую возню поднялъ Искра! Павликъ хочетъ играть на его волынкѣ.

Они вошли въ горницу.

Теперь Искра забавлялся съ маленькой Ганалкой. Онъ ее носилъ и подбрасывалъ, а когда началъ пѣть, малютка уставила на него свои глазенки: они постепенно смыкались, пока, наконецъ, она не заснула. Тогда онъ бережно положилъ ее въ колыбельку.

— А славный бы вышелъ изъ тебя отецъ,—шутила Ганна.

— Это правда; жаль, что ворона никакъ не хочетъ завернуть къ намъ...—и затѣмъ прибавилъ съ улыбкой:—Тогда, по крайней мѣрѣ, Дорла не ссорилась бы такъ часто со мной.

Вспомнивъ, что ему нужно играть еще на посидѣлкахъ, онъ взялъ волынку, съ которой маленькій Павелъ неохотно разставался, попрощался и вышелъ.

Хозяинъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, чтобы запереть двери. Проводивъ его до самаго порога, онъ тамъ вполголоса спросилъ:

— Не пошелъ ли вмѣстѣ съ нимъ изъ города Дражиновскій дядя?

— Нѣтъ, тотъ остался въ трактирѣ. Онъ присѣлъ къ тѣмъ двумъ сосѣдямъ и они о чемъ то начали шептаться, но я ни слова не разслышалъ. А тебѣ я вотъ что скажу. Ганна первый разъ призналась мнѣ, что ей страшно за тебя. Она думаетъ, неразумная, что ты уже разлюбилъ ее, оттого только, что часто бываешь задумчивъ, да неразговорчивъ, словно у тебя какая тоска на сердцѣ лежитъ. Будь у меня такая славная жена, я бы не переставалъ улыбаться, весь міръ цвѣлъ бы для меня. Такъ помни же! Къ чему все это? Жена неповинна въ томъ; не вернешь того, что въ волчьихъ зубахъ.

Онъ попрощался и исчезъ во мракѣ.

Молодой хозяинъ не сейчасъ вернулся домой; стоя на порогѣ, онъ внимательно глядѣлъ туда, черезъ дворъ, гдѣ стояла хижина его матери. Въ окнѣ еще свѣтился слабый огонь. Поздніе гости были еще до сихъ поръ тамъ. Его опять потянуло къ окну, но, раздумавъ, онъ направился въ сѣни. Изъ горницы доносился пріятный голосъ его жены, которая пѣла:

Спи, усни, угомонъ тебя возьми.

Ему только теперь пришли въ голову слова Искры, которыя онъ сначала, погруженный въ свои думы, наполовину разслышалъ. Женинъ голосъ, къ которому онъ привыкъ, показался ему въ эту минуту такимъ же красивымъ, какъ и прежде, когда она была дѣвушкой и онъ слушалъ ее гдѣ нибудь тайкомъ за заборомъ. Голосъ былъ необычайно свѣжъ и привлекателенъ и, когда онъ увидѣлъ ее склонившеюся надъ колыбелью уснувшей малютки, его мрачныя мысли разлетѣлись, лицо прояснилось и онъ невольно улыбнулся женѣ.

Въ этотъ вечеръ молодая женщина легла спать вполнѣ успокоенная. Догоравшая лучина освѣтила еще на мгновеніе темную горницу, потомъ погасла, и тьма воцарилась во всѣхъ углахъ. Всѣ спали; только молодой хозяинъ, лежа около Павлика, никакъ не могъ сомкнуть глазъ. Его мучили старыя мысли. Онъ слышалъ ровное дыханіе своего сынишки, погруженнаго въ здоровый, глубокій сонъ, слышалъ спокойное дыханіе жены и Ганалки, но все это не помогало. А, бывало, прежде онъ самъ спокойно засыпалъ, прислушиваясь къ этому. Теперь онъ все ждалъ, не придетъ ли мать, не постучитъ ли, не позоветъ ли его. Но все было тихо. Наконецъ, онъ всталъ и подошелъ къ окну. Напротивъ, у матери еще горѣлъ огонь.

Онъ глядѣлъ и все ожидалъ.

II.

Старуха Кожинова, погасивъ съ вечера огонь, улеглась, но не спала. Къ ней пришли два гостя, которыхъ увидалъ ея сынъ. Они стучались и звали ее, прося отперетъ имъ. Набросивъ на себя длинный кожухъ, покрытый коричневымъ сукномъ и подбитый овчиной, она пошла отворить имъ.

— Свои,—отозвался одинъ изъ нихъ передъ дверьми, и старая крестьянка узнала голосъ брата.

Это былъ Кристофъ Грубый, судья изъ Дражинова, человѣкъ высокаго роста, немного сгорбленный, въ широкомъ плащѣ. Онъ держалъ въ правой рукѣ толстую палку, золотая оправа которой блестѣла при свѣтѣ горѣвшей лучины.

Войдя въ горницу, онъ поставилъ на бѣлый кленовый столъ съ рѣзными ножками дубовую, хорошо окованную шкатулку.

Когда онъ снялъ свою высокую шапку, можно было ясно разсмотрѣть его, правда, морщинистое, но еще очень свѣ-

жее, степенное лицо. Уже сѣдоватые волосы свободно падали на плечи и только спереди, надъ лбомъ, были подрѣзаны въ кружокъ. Носъ съ красивой горбиной, ясные, привѣтливые глаза, полные чувства собственнаго достоинства, придавали что-то благородное всей фигурѣ статнаго старика.

Его сотоварищъ, Уѣздскій судья Ирша Сыка, рѣзко отъ него отличался. Это былъ приземистый, но плечистый, коренастый человѣкъ въ бѣломъ шерстяномъ жупанѣ, съ черной оторочкой; изъ подъ широкополой шляпы ниспадали на его плечи темные, каштановые волосы.

Кожинова въ своемъ длинномъ поношенномъ кожухѣ, на которомъ видны были слѣды вышитыхъ, пестрыхъ цвѣтовъ, съ изумленіемъ глядѣла на такихъ позднихъ неожиданныхъ гостей. Тѣмъ не менѣе, она спокойно ждала, чтобы они сами заговорили.

Ея братъ приступилъ сейчасъ же къ дѣлу. Въ двухъ словахъ разсказалъ ей, какъ онъ нынѣ былъ въ городѣ и узналъ отъ двухъ членовъ магистрата, что панъ справлялся о Ходскихъ грамотахъ, полагая, что городской магистратъ ихъ прячетъ, какъ это и прежде бывало, въ Ходскомъ замкѣ, что онъ старался вывѣдать объ этомъ черезъ своего управителя Коша; но члены магистрата, недолюбливая Трхановскихъ пановъ, какъ и всѣ вообще люди, охотно передали это судьѣ. А онъ, не долго мѣшкая, отправился кратчайшимъ путемъ въ Уѣздъ, гдѣ давно уже было спрятано самое дорогое сокровище „Пѣсьихъ головъ", ихъ грамоты, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ихъ продали старому Ламмингеру. Когда это случилось, нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ Ходоваковъ, въ томъ числѣ и старикъ Кожина, во-время вспомнивъ объ нихъ, немедля поѣхали въ городъ просить Домажлицкихъ пановъ выдать имъ грамоты [1]).

— Васъ взяли отъ насъ,—возьмите же и вы свои грамоты. Лучше вамъ владѣть ими, нежели тому нѣмцу,—сказали члены магистрата, и позволили имъ отворить подвалъ, гдѣ стояла шкатулка Ходоваковъ.

Съ того времени во всѣхъ Ходскихъ селахъ никто не смущался, когда паны, хотя и не желавшіе признавать ихъ вольностей, начинали доискиваться ихъ грамотъ. Небольшая шкатулка, въ которой хранилась золотая свобода, переходила отъ одного судьи къ другому, но чаще всего находилась въ Уѣздѣ и тамъ оставалась съ того злополучнаго

[1]) Въ 1585 году король Рудольфъ передалъ на 60 лѣтъ управленіе Ходовъ Домажлицѣ, въ видѣ уплаты за одолженные ему 37.142 золотыхъ.

времени, когда Ходамъ былъ объявленъ perpetuum silentium, вплоть до нынѣшнихъ дней.

Паны точно позабыли о нихъ и болѣе не тревожились, какъ вдругъ теперь, нежданно, негаданно, пошли новые розыски. Объ этомъ то и говорили теперь оба ходскіе судьи со старой крестьянкой, которая внимательно слушала обоихъ. Ни страха, ни боязни не читалось въ это время на выразительномъ лицѣ старушки, въ которой можно было сейчасъ узнать сестру Кристофа Грубаго. Наоборотъ, лицо ея прояснилось и лучъ радости блеснулъ въ ея взорѣ.

— Вотъ это ладно,—сказала она.—Вы хорошо сдѣлали, что принесли ее ко мнѣ, женщинѣ,—и чудная улыбка скользнула по ея лицу.—Что бы ни случилось, мою хижину не станутъ обыскивать. Я спрячу ее.

Затѣмъ, вынувъ изъ-за пазухи ключикъ, Сыка отперъ шкатулку и досталъ сперва оттуда печать на серебряной цѣпочкѣ, величиною съ талеръ. Дражиновскій судья и его сестра, наклонившись надъ ней, глядѣли на пергаментные листы, лежавшіе здѣсь, такъ аккуратно сложенные и завернутые. Сыка началъ ихъ по очереди вынимать и выкладывать на столъ. Онъ передавалъ ихъ и, словно желая самъ еще разъ удостовѣриться въ ихъ цѣлости, объяснялъ все присутствующимъ, предварительно снимая съ документовъ обвертку. Онъ самъ спряталъ ихъ много лѣтъ тому назадъ, и не разъ, въ ночное время, доставалъ ихъ, пока всѣ не перечиталъ. Они писаны были по чешски, а рядомъ стоялъ латинскій переводъ; дарованы же еще въ незапамятныя времена, въ лучшія, болѣе счастливыя годины.

Грамотей Сыка, который считался между своими людьми чѣмъ-то въ родѣ „прокуратора", разложилъ всѣ грамоты по порядку, начиная отъ самой старой до послѣдней Матіасовой. И лежали здѣсь, въ простой горницѣ, освѣщаемые сосновой лучиной, старинные, пожелтѣвшіе пергаменты, аккуратно сложенные, обвитые ленточками, съ коричневыми пятнами по краямъ и пропитанные розовымъ запахомъ. Большія печати висѣли на шелковыхъ шнуркахъ, когда то бѣлыхъ и черныхъ; съ теченіемъ времени бѣлый цвѣтъ принялъ желтоватый оттѣнокъ, а черный—рыжеватый. Печати хорошо сохранились, особенно самая старинная, изъ простого воска, на которой было изображеніе короля Яна Люксембургскаго въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, на разубранномъ конѣ, съ мечомъ на цѣпочкѣ въ правой рукѣ и со щитомъ въ лѣвой. Были печати и другихъ королей: Карла, Вацлава, Юрія, Владислава, Фердинанда, Макси-

миліана, Рудольфа и Матіаса; послѣднія были ярко красныя.

Въ горницѣ водворилась съ минуту тишина.

Оба Хода и старушка смотрѣли молча на злополучные листы, которые помнили лучшія, болѣе счастливыя времена и которые теперь были свидѣтелями такого униженія и горя.

Сыка еще разъ пробѣжалъ всѣ листы, одинъ за другимъ, словно желая ихъ пересчитать, затѣмъ, обратившись къ Грубому, сказалъ:

— Они тутъ всѣ до единаго на лицо.

Старикъ кивнулъ головой, точно подтверждая это, потому что и ему они были съ давнихъ поръ хорошо извѣстны. Потомъ Сыка прибавилъ:

— Другія были времена, когда всѣ эти пергаменты имѣли цѣну.

— А теперь они развѣ не имѣютъ цѣны?—быстро спросила старушка.

— Имѣютъ ли они еще цѣну? Ежели не теперь, то будутъ имѣть ее потомъ,—отвѣтилъ рѣшительно и отрывисто старый Грубый.—Здѣсь прописаны наши права, а права такъ же крѣпки, какъ дубъ, и никто не можетъ ихъ уничтожить—ни управитель Ломикара, ни самъ Ломикаръ. Наши короли были другими панами; слово ихъ, закрѣпленное этими грамотами, значитъ больше, нежели слово этого нѣмецкаго пришельца.

— Вѣрно, вѣрно,—подтвердила Кожинова.

— Ему хочется, чтобы мы отдали ихъ, чтобы онъ могъ ихъ сжечь. И тогда онъ возьметъ плеть и станетъ кричать: Эй, вы, рабы! Но грамоты наши еще не уничтожены.

И, развернувъ латинскій листъ короля Юрія, онъ указалъ на приложенный къ нему переводъ, точно желая подтвердить свои слова:

„Ни свѣтскіе, ни духовные князья не имѣютъ права ни владѣть Ходами, ни тѣснить ихъ, ни сидѣть на ихъ землѣ“.

— Стало быть, они еще не потеряли своей цѣны.

„Мы повелѣваемъ всѣмъ сословіямъ нашего королевства Чешскаго, особенно членамъ коморы нынѣшнимъ и будущимъ, чтобы вышеупомянутые Ходы, вѣрные намъ и любезные, владѣли и всѣмъ, принадлежащимъ къ нашему городу Домажлицы, и какъ нынѣшніе, такъ и потомки ихъ, чтобы пользовались своими землями и своими вольностями и правами, подтвержденными нами вновь, доколѣ свидѣтельствуютъ о томъ эти листы, нынѣ и на будущія вѣчныя времена нерушимо, дабы имъ никто никакихъ препонъ не

чинилъ и учинити не могъ, подъ страхомъ наказаній и нашей королевской немилости, а также будущихъ королей Чешскихъ".

Сыка, поднявъ голову, обратился къ Грубому и его сестрѣ и проговорилъ:

— Слышали? „Вѣрные и любезные". Такъ старые короли называли въ этихъ листахъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, а теперь каждый писарь обзываетъ насъ хамомъ, самого себя считаетъ чортовымъ кумомъ. Но этого не будетъ.—И онъ указалъ на грамоты:—Имѣй мы только эти два листа и тогда намъ нечего опасаться, что все пропало. И этихъ было бы достаточно для защиты на судѣ нашихъ правъ. Всѣ наши права тутъ прописаны.

— Такъ говорилъ и покойный отецъ,—сказала крестьянка.

— Знаешь ли Кристя, когда эта шкатулка была еще у насъ?

— Какъ мнѣ не знать,—подтвердилъ Грубый.—Но пора ее спрятать.

— Живо!—вскричала старушка.

Оба крестьянина уложили листы въ сундучокъ.

Когда Сыка заперъ ихъ и отошелъ отъ стола, Дражиновскій судья глубоко вздохнулъ. Его сестра оглянулась, особенно на окна, потомъ подошла къ низкой двери, около которой встала. Братъ остановилъ ее:

— Мы должны были, можетъ быть, позвать Яна.—Онъ подразумѣвалъ подъ этимъ своего племянника, молодого хозяина Сладкаго.

При этомъ вопросѣ Сыка обратилъ глаза на старушку, повидимому, ожидая нетерпѣливо, что та скажетъ. Она съ минуту помолчала и потомъ отвѣтила:

— Нѣтъ, такъ лучше.

Сыка кивнулъ своей взъерошенной головой, словно успокоившись.

Потомъ старушка исчезла въ дверяхъ, которыя вели въ боковую комнату, а за ней послѣдовали ея товарищи.

Въ горницѣ было пусто и тихо; только окна дрожали, когда бушевавшій вѣтеръ вдругъ ударялъ въ нихъ, и тогда красный пламень сосновой лучины начиналъ быстро колыхаться.

Въ эту минуту въ окошкѣ, со двора, показалось чье то лицо. Оно такъ-же быстро исчезло, какъ и появилось, повидимому, увидавъ, что въ горницѣ никого не было.

Это молодой хозяинъ внимательно смотрѣлъ въ окно своей матери.

Гости съ кованой шкатулкой, которыхъ онъ раньше замѣтилъ, ушли. Но изъ коморы около горницы раздался звукъ падающей крышки; потомъ все стихло.

Когда, спустя нѣкоторое время, въ горницу вошелъ опять старый Грубый, наклонивъ сѣдую голову въ низкихъ дверяхъ, а за нимъ Сыка и старушка, лицо молодого хозяина исчезло.

Дражиновскій судья сейчасъ же собрался уходить. Сыка уже въ самыхъ дверяхъ еща разъ обернулся и сказалъ:

— Ну такъ помните, тетка, что вы обѣщали.

— Люди честные, я поклялась передъ самимъ Господомъ Богомъ,—отвѣтила важно и не безъ укоризны старуха.

Черезъ минуту оба судьи стояли опять на дворѣ передъ дверьми. На усадьбѣ было темно и тихо. Цѣпь у стараго колодца подъ липой гремѣла и скрипѣла. Они какъ пришли, такъ и ушли тайкомъ, но нельзя сказать, чтобы никѣмъ не замѣченные. Правда, они и не подозрѣвали этого. Выйдя на улицу, они услыхали среди вѣтра нѣсколько веселыхъ голосовъ.

— По вѣтру доносится до меня музыка,—сказалъ Сыка, придерживая свой плащъ.—Это посидѣлки.

Подойдя къ освѣщенному окну ближней усадьбы, онъ заглянулъ туда. Въ просторной горницѣ было весело и оживленно.

Это и въ самомъ дѣлѣ были посидѣлки.

Мужчины, главнымъ образомъ, парни, собравшіеся сюда на работу, перестали перебирать ячмень къ посѣву и каждый, обнявъ за талію дѣвушку, бросившую, въ свою очередь, прялку, пустился плясать колу. Искра, со шляпой на затылкѣ, со спутанными волосами на лбу, стоялъ среди горницы, изо всѣхъ силъ надувая мѣхъ своей волынки и играя такъ, что звуки разносились во всѣхъ углахъ. Но онъ не одной своей музыкой, а и тѣлодвиженіемъ возбуждалъ и подзадоривалъ танцующихъ. Онъ смѣялся, надувалъ щеки, щурилъ глаза, закрывалъ ихъ и потомъ снова поднималъ вверхъ. Не трогаясь съ мѣста, онъ сгибалъ колѣна, прихлопывалъ и притопывалъ въ тактъ, подпрыгивая на одной ногѣ.

Старики смѣялись, вся молодежь, плясавшая со страстнымъ увлеченіемъ, обступила волынку, а у дѣвушекъ развѣвались юбки.

Уѣздскій судья опять обернулся къ Грубому, который не обращая вниманія ни на музыку, ни на темноту, направился дальше.

— Веселье то какое! А ежели бы они знали,—сказалъ Сыка.

— Еще узнаютъ,—отвѣчалъ Дражиновскій судья.

Когда Сыка предложилъ ему остаться тутъ переночевать, говоря, что уже поздно и опасно итти въ такую темь, онъ отклонилъ это.

— Чтобы кто-нибудь провѣдалъ, что я былъ здѣсь? Темноты я не боюсь.

— Храни тебя Богъ.

Сыка направился къ дому. Грубый изъ Дражинова скрылся скоро во мракѣ. Только еще съ минуту были слышны его тяжелые, нетороплиные шаги.

Какъ разъ въ то время, когда оба старика расходились, молодой Кожина выступилъ изъ темнаго угла за воротами своей усадьбы. Онъ подождалъ немного, словно наблюдая за удаляющимися, словно прислушиваясь къ ихъ шагамъ. Потомъ, повернувъ назадъ, возвратился къ себѣ домой, тихими, неторопливыми шагами. Онъ не обращалъ вниманіе на веселые звуки, раздававшіеся по сосѣдству, и даже не слыхалъ ихъ. Онъ вошелъ въ горницу, никѣмъ не замѣченный, и тихо улегся. Слышно было ровное дыханіе спящихъ жены и дѣтей. Но глубокіе вздохи молодого хозяина были еще слышнѣе.

Старая Кожинова топила рано утромъ печь, не накинувъ даже платка на сѣдую голову, когда вошелъ ея сынъ.

Въ такое раннее время онъ рѣдко заходилъ къ матери. Поздоровавшись, онъ усѣлся на лавку и смотрѣлъ попеременно то черезъ окошко, на низкія облака, то на мать, которая разспрашивала его о дѣтяхъ, о Павликѣ и Ганалкѣ, хорошо ли они въ эту бурю спали.

— Хорошо. А вы, матушка, рано улеглись?

— Рано.

— Но потомъ опять засвѣтили огонь. Я видѣлъ свѣтъ,— и онъ вопросительно взглянулъ на мать.

— Ради бури. Боялась, какъ бы чего не случилось.

Она произнесла это совершенно спокойно и равнодушно. Сынъ посидѣлъ еще немного и все ждалъ. Но мать не проронила ни словечка о вчерашнемъ. Она говорила о самыхъ повседневныхъ вещахъ. Самъ же онъ не хотѣлъ начинать.

Онъ ушелъ въ полномъ разочарованіи и съ горечью подумалъ:

— Даже родная мать не довѣряетъ!

III.

Хижина Искры Ршехурека стояла въ сторонѣ, поближе къ лѣсу. Хотя она и помнила не одно поколѣнье, но съ

виду не казалась еще ветхой. Правда, деревянные стѣны и карнизы почернѣли отъ времени, но зато красиво выдѣлялись подъ бѣлой крышей, занесенной снѣгомъ. Лѣтомъ надъ ними спускался точно балдахинъ изъ двухъ зеленыхъ ясеней, которыя росли рядомъ. Около деревяннаго карниза былъ небольшой балкончикъ, на которомъ стояла Дорла, жена Искры, и развѣшивала на жерди пучки зрѣлой рябины, чтобы дать ей хорошо промерзнуть.

Она была нѣсколькими годами моложе своего мужа. Молодая и стройная, она скорѣе бы походила на дѣвушку. Много парней увивалось за ней, но она пренебрегла всѣми для веселаго волынщика. До сихъ поръ она не раскаивалась въ своемъ выборѣ, хотя, въ глубинѣ сердца, имѣла одно затаенное желаніе, чтобы Искра промѣнялъ свою волынку на что нибудь другое, и не скитался такъ много по бѣлу свѣту. А какъ часто мечтала она о ребенкѣ, съ которымъ бы ей не было тоскливо одиночество.

Сегодня Искра былъ дома. Свидѣтельствовали о томъ веселые звуки, которые неслись изъ горницы. Но не онъ ихъ производилъ, а его ученикъ старался надъ этимъ. Хотя Искра былъ еще самъ молодымъ волынщикомъ, но слава его шла дальше родного села. И старики, говоря о немъ, всегда прибавляли, что онъ будетъ второй сторожъ Кужелко, лучше котораго никто никогда не игралъ на волынкѣ, не только въ Ходской странѣ, но и въ цѣлой Пильзенской области. Много диковиннаго разсказывали о немъ: разсказывали, что Кужелко такъ чудно игралъ, игралъ такъ, что даже дубина танцовала въ мѣшкѣ, и какъ онъ показалъ свое искусство въ Прагѣ, при дворѣ, какъ разъ во время коронаціи короля, и когда у Ходовъ не были еще отняты ихъ права. Передавали также о покойномъ Кужелкѣ слѣдующее: выпивъ однажды больше обыкновеннаго, а какой же волынщикъ не пьетъ,—онъ, позднею порою, заблудился въ лѣсу и попалъ въ оврагъ, а оттуда въ волчью яму, куда скоро попалъ и самъ зубастый хозяинъ, которому онъ игралъ до ранняго утра, и такъ очаровалъ его своей музыкой, что тотъ даже его не тронулъ.

Сторожъ Кужелко считался отцомъ и учителемъ всѣхъ волынщиковъ. У него учился и старый Ршехурекъ, а у этого послѣдняго его сынъ Искра. Теперь Искра, въ свою очередь, имѣлъ нѣсколько учениковъ. Онъ училъ играть и на гусляхъ, и на волынкѣ, хотя самъ не зналъ нотъ. Но слухъ у него былъ такой, что онъ могъ сейчасъ же все сыграть, что ему разъ пропоютъ. Когда веселые парни его

обступали въ трактирѣ, и одна изъ дѣвушекъ затягивала серебристымъ голоскомъ совсѣмъ новую, никому неизвѣстную, пѣсню, быть можетъ, только что сложенную, Искра выслушивалъ первый стихъ молча, улыбаясь, кивая головой, и только слегка притоптывалъ въ тактъ ногой, но едва только пѣвица начинала второй, какъ онъ немедленно наигрывалъ мелодію на гусляхъ, его товарищъ—сѣдой отецъ, на волынкѣ, и парни, обнявъ дѣвушекъ, начинали колу.

Искра водилъ часто съ собой своихъ учениковъ, чтобы и они могли показать свое искусство; теперь у него сидѣлъ Куба Конопиковъ, шестнадцатилѣтній подростокъ, краснощекій малый. Онъ былъ изъ начинающихъ, и Искра еще не давалъ ему въ руки волынку. Куба до сихъ поръ игралъ только на переднихъ трубахъ. Онъ вдругъ остановился по знаку учителя, и, стоя передъ сидѣвшимъ Искрой, ждалъ, что онъ скажетъ.

— Слышь, Куба, [1]) я тебѣ повторю, а ты еще разъ проиграй. Знаешь пѣсню „И нашъ панъ кнезь [2]) такъ славно говоритъ“...—И учитель затянулъ. Куба началъ, но Искра остановилъ его.

— Къ намъ идетъ Кожина. Ступай домой, и приходи завтра въ эту же пору.

Куба не заставилъ себѣ это повторить и въ одинъ прыжокъ очутился за воротами. Искра, вставъ, поглядѣлъ черезъ окно, поджидая приближавшагося гостя, котораго онъ издалека узналъ.

Въ эту минуту что-то зашумѣло около печи. Съ убогаго ложа, на которомъ онъ до сихъ поръ спокойно лежалъ, поднялся человѣкъ съ длинными, совсѣмъ выцвѣтшими, волосами. Это былъ старикъ, отецъ волынщика.

Онъ былъ дряхлъ и хворъ, сильно кашлялъ, и, тяжело дыша, спросилъ:

— Не случилось ли чего, что въ такое необычайное время идетъ къ намъ Кожина?

— Не знаю, отецъ, онъ, можетъ быть, и не къ намъ идетъ, а куда нибудь по сосѣдству.

Снаружи послышались голоса. Дорла, склонившись надъ балкончикомъ, разговаривала съ молодымъ крестьяниномъ, который спрашивалъ, дома ли Искра.

Волынщикъ стоялъ на порогѣ, весело улыбаясь и приглашая его войти. Но онъ не долго настаивалъ, такъ какъ,

---

[1]) Якубъ.

[2]) Священникъ.

хорошо зная Кожину, сейчасъ же догадался, что у того есть что то на душѣ.

— Ты, вѣрно, въ лѣсъ идешь; я тебя маленько провожу,— вызвался самъ Искра.

— Да, я иду поглядѣть, много ли бѣдъ натворилъ вчерашній вихрь.

Искра, забѣжавъ въ горницу за шапкой, направился быстрыми шагами къ темному лѣсу, не заботясь о томъ, что онъ этимъ не порадовалъ Дорлу.

— И всегда то онъ такъ дѣлаетъ; не только самъ все скитается, но еще уведетъ и того, кто къ намъ забредетъ ненарокомъ. Навѣрно, Кожина хотѣлъ зайти.

Такъ жаловалась она, войдя въ горницу, старику отцу, когда послѣдній спросилъ ее о Кожинѣ. Услыхавъ, что тотъ уже ушелъ, старикъ молча улегся. Его лицо выражало большое разочарованіе. Онъ встрѣчалъ каждаго, кто бы ни навѣщалъ его въ одиночествѣ, очень привѣтливо,— вѣдь, это помогало ему коротать безконечные, невыносимо длинные часы, благодаря его слѣпотѣ; но Кожину онъ особенно любилъ, какъ своего благодѣтеля, который десять лѣтъ тому назадъ спасъ ему жизнь.

Случилось это такъ. Шелъ старый Ршехурекъ въ Трхановъ, гдѣ долженъ былъ играть на волынкѣ, вмѣсто заболѣвшаго товарища. Надъ Трхановымъ, въ Кршижиновомъ лѣсу его неожиданно остановили два лѣсника, оба нѣмцы, изъ Трхановскаго замка; оба до того подвыпившіе, что языкъ имъ плохо повиновался; но это не помѣшало имъ осыпать ругательствами и насмѣшками бѣднаго волынщика, а когда онъ не остался у нихъ въ долгу и затѣмъ хотѣлъ итти дальше, они приказали ему играть, называя его хамомъ, псомъ придорожнымъ. Тутъ у волынщика вскипѣла ходская кровь. Отвѣтивъ имъ тѣмъ же, онъ не испугался и тогда, когда нѣмцы накинулись на него, какъ два разъяренные звѣря. Онъ быстро сбросилъ на землю волынку и началъ обороняться; но онъ былъ безоруженъ, а у каждаго изъ нихъ по тесаку. Ршехурекъ, навѣрно бы, пропалъ, если бы въ ту лихую минуту, когда, обливаясь кровью, онъ упалъ на землю, не выскочилъ изъ кустовъ Волкъ, собака Кожины, и не бросился на одного изъ этихъ негодяевъ, а за Волкомъ прибѣжалъ и самъ молодой хозяинъ. Онъ хватилъ дубиной второго нѣмца, прогналъ этихъ извергов и отнесъ домой Ршехурека, который потерялъ сознаніе.

Старикъ во время свалки лишился глаза, а пока ле-

жалъ больной—и въ другомъ глазу сдѣлалось воспаленіе, такъ что онъ сразу ослѣпъ.

Съ тѣхъ поръ потянулась для него скучная, однообразная жизнь; оживалъ онъ только когда сынъ бралъ его съ собой въ трактиръ или на посидѣлки играть на гусляхъ или на волынкѣ, или же, когда онъ занимался дома съ учениками, вмѣсто Искры.

Съ того времени Кожина сталъ еще ближе молодому Ршехуреку. Послѣдній былъ ему благодаренъ за то, что онъ такъ горячо вступился за его отца, навѣщалъ старика во время его болѣзни, не забывая его и потомъ. Сынъ богатаго хозяина, изъ одной изъ самыхъ уважаемыхъ семей, съ юныхъ лѣтъ привязался къ остроумному сыну волынщика. Они были неразлучны съ тѣхъ самыхъ поръ, когда Искра еще пасъ стада. Кожина всего охотнѣе съ нимъ проводилъ время, а когда шелъ въ лѣсъ, не могъ никогда пройти мимо его хижины, чтобы не зайти къ нему.

Когда же они оба стали парнями и начали ухаживать за дѣвушками, Искра сдѣлался его наперсникомъ, а послѣ женитьбы молодого Кожины сталъ другомъ обоихъ, и мужа и жены, и самымъ близкимъ человѣкомъ, благодаря участію, которое онъ принималъ въ устройствѣ этой свадьбы. Кожина никому такъ не вѣрилъ, какъ ему, а также и ни отъ кого не выслушивалъ такъ много правды.

Теперь они направлялись вмѣстѣ въ лѣсъ.

Послѣ бурной ночи насталъ такой погожій солнечный день, какіе рѣдко бываютъ осенью. Облака, съ утра еще покрывавшія небо, разсѣялись; выглянуло солнышко, и въ прозрачномъ воздухѣ ясно выдѣлялись вершины Шумавы и Чешскаго лѣса. Изъ лѣсной чащи доносился порою протяжный, неясный гулъ.

Но оба молодые Ходы ничего не видѣли. Они шли молча, погруженные каждый въ свою думу. Въ прежнее время Искра началъ бы разговоръ какой нибудь веселой шуткой, но сегодня, хорошо зная своего друга, онъ понималъ, что это неумѣстно.

Искра видѣлъ, что съ Кожиной случилось что-то важное. Дойдя до опушки лѣса, волынщикъ, остановясь противъ друга, взглянулъ на него своими ясными, веселыми глазами, потомъ, потрепавъ его по плечу, сказалъ съ участіемъ:

— Ой, ой, дружище, словно у тебя языкъ отсохъ. Что съ тобой случилось?

— Искра, скажи мнѣ сущую правду, что говорятъ обо мнѣ люди? Что я—никуда негодный человѣкъ, правда?

— Дурень ты, и что это тебѣ въ голову взбрело?..

— Да какъ же иначе, когда родная мать не вѣритъ.

— Ой ли?

Кожина, опустившійся при этихъ словахъ на землю, опять поднялся и, обративъ свое печальное лицо къ Искрѣ, устремилъ на него свои проницательные глаза.

— Я долженъ высказаться. Это лежитъ у меня камнемъ на сердцѣ. Они считаютъ меня бабой: Сыка, дядя изъ Драженова, всѣ остальные, можетъ быть, и ты. И хуже всего то, что никто мнѣ этого не скажетъ. Мать, Пресвятая Богородица, если бы только знали!..

— Яне, откуда у тебя эти мысли, отчего ты такъ говоришь?

— Нѣтъ ничего мудренаго. Но, слушай, Искра, я тебѣ все разскажу.

Помолчавъ съ минуту, онъ началъ.

Оба направились опять тихими шагами на опушку лѣса.

Кожина передалъ ему о томъ, что вчера произошло, о томъ, кто вчера приходилъ къ матери, что онъ тамъ видѣлъ, какъ ждалъ, что и его позовутъ, какъ они ушли, точно его тутъ на усадьбѣ и не было, и какъ мать, сегодня утромъ, отреклась во всемъ, не довѣряя ему.

Онъ говорилъ быстро и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе.

— Они довѣряютъ старой женщинѣ, а мнѣ нѣтъ. Вѣдь это не даромъ; но они не должны были бы такъ поступать! Они думаютъ, что у парня и кровь стала другая, если онъ женился. Оттого, что я взялъ Ганну, я уже сталъ не тотъ, что былъ прежде. Раньше панъ былъ для него хуже чорта, а теперь прикажи онъ ему на маковыхъ головкахъ ходить, онъ и то сдѣлаетъ. Правда, Искра, что я былъ не тотъ, что теперь; я перемѣнился. Раньше мнѣ было море по колѣна, я ничѣмъ не дорожилъ. Съ паномъ я вѣчно ссорился; теперь же я боюсь забыться, боюсь, какъ бы чего не вышло! Онъ бы обидѣлъ жену и дѣтей, а ты не знаешь, Искра, что значитъ любить дѣтей! А все-таки все у меня внутри кипѣло при видѣ, какъ панъ поступаетъ съ нами, какъ обращается какъ попираетъ наши права. И я началъ раздумывать обо всемъ этомъ; меня не разъ подмывало заговорить, поднять голосъ, когда я вспоминалъ о покойномъ отцѣ. Вѣдь, ты знаешь, что я былъ совсѣмъ мальчишкой, когда изъ Вѣны пришло извѣстіе о томъ, что у насъ отняли наши права. Тогда въ городѣ, въ нашемъ замкѣ читали всенародно бумагу о томъ, что Ходамъ приказанъ perpetuum silentium, какъ тамъ стояло по латыни. Я хорошо запомнилъ эти слова.

Созваны были всѣ судьи и старѣйшіе люди. Помню я хорошо, какъ поднялись крики, когда людямъ читали бумагу, и больше всего, когда областной гетманъ объявилъ, что они должны разъ навсегда замолчать, какъ и говорятъ эти латинскія слова. Но вѣрить этому никто не хотѣлъ, такъ же, какъ и отецъ мой. Онъ, бѣдняга, взялъ меня за руку и сказалъ: „Пойдемъ скорѣе къ пану декану". Покойный отецъ началъ у него спрашивать, что означаютъ по нашему эти латинскія слова, и когда панъ деканъ повторилъ то же самое, что и гетманъ въ замкѣ, отецъ схватился руками за свою сѣдую голову и началъ громко, жалобно причитать и проклинать. И старики, возвращаясь по домамъ, тоже жаловались и проклинали болѣе всего это perpetuum silentium, считая его высочайшей несправедливостью, о которой человѣкъ и заявить не смѣетъ. Отецъ нѣсколько дней ходилъ, какъ въ воду опущенный, все молчалъ; но однажды, придя изъ лѣса, хватилъ дубиной по столу и вскричалъ:

— Я не буду хамомъ. Опять кто нибудь начнетъ—и польется снова кровь.

Молодой крестьянинъ глубоко вздохнулъ и съ минуту молчалъ. Глаза его горѣли, лицо пылало.

— И это все, братецъ ты мой,—началъ онъ снова,—я не могъ, не могъ забыть, а когда подросъ и сталъ парнемъ, началъ размышлять обо всемъ этомъ. „Кто нибудь долженъ начать",—раздавалось у меня въ ушахъ и днемъ, и ночью, и мнѣ казалось, что это мнѣ присуждено Господомъ Богомъ. И припомнились мнѣ слова отца, что польется кровь. О себѣ я не боялся. Пусть я погибну; зато другимъ будетъ легче,—думалось мнѣ.—Подожди, когда будешь хозяиномъ,—говорилъ я себѣ, а тутъ вышло другое. Ради Ганны я забылъ обо всемъ на свѣтѣ,—потомъ пошли дѣти. Но эти мысли не оставляли меня, не давая покоя ни днемъ, ни ночью. А что я сдѣлалъ? Я думалъ только хорошее, а добился только того, что родная мать мнѣ не довѣряетъ, словно я не настоящій Ходовакъ.

— Не думай такъ. Дѣло было ночью.

— Не заговаривай зубы!

— Зачѣмъ себя мучишь? Когда придетъ время...

— И ты такой же, какъ и многіе у насъ! Когда придетъ время, тогда мы проспимъ.

— Я не хочу проспать. Я только думаю, что скорѣе песъ попадетъ въ зубы волка.

— Уговорами не поможешь. Все таки, время придетъ.

Кто нибудь долженъ начать, если мы не желаемъ быть ихъ рабами. И мы не будемъ!—прибавилъ онъ съ жаромъ.

— А ты полагаешь, что теперь время?

— Если панъ добивается нашихъ грамотъ, то, стало быть, онѣ еще имѣютъ цѣну. Теперь настало время. А если не начнутъ наши судьи, когда ихъ станутъ искать,—я отзовусь. Да разсудитъ насъ Богъ! Я рѣшилъ это сегодня ночью.

И оба повернули назадъ.

Въ это время раздался чей-то могучій голосъ. Они увидали наверху, въ полѣ, при дорогѣ, человѣка богатырскаго роста, который, вдругъ смолкнувъ, началъ махать своей окованной палицей, и она заблистала на солнцѣ, какъ обнаженный мечъ. По громовому голосу, по высокой фигурѣ они сейчасъ же узнали Матѳея Пршибека.

IV.

Онъ стоялъ на межѣ, у колючаго кустарника, ягоды котораго мѣстами уже побурѣли. На головѣ у него была большая широкополая шляпа. Вѣтеръ слегка развѣвалъ его длинные волосы, бѣлый суконный кафтанъ нараспашку и ремни у кожаныхъ, короткихъ штановъ. Хотя солнце и свѣтило, но было довольно свѣжо, и вѣтеръ не придавалъ тепла. Несмотря на это, Матѳей Пршибекъ не застегнулъ свой бѣлый жупанъ и даже куртка была нараспашку. Его могучая грудь выносила и болѣе холодные вѣтры, похуже того, который дулъ сегодня изъ лѣса.

Его морщинистое, мрачное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и спокойное лицо пристально глядѣло навстрѣчу Кожинѣ и его спутнику. Губы его были крѣпко сжаты, такъ что подъ нижней губой образовалась широкая складка.

Невозмутимо и неподвижно, словно изваяніе, стоялъ этотъ послѣдній Ходскій знаменосецъ. Онъ не пошевельнулся и тогда, когда обратился къ Кожинѣ со слѣдующими словами:

— И гдѣ ты, Кожина, пропадаешь въ то время, когда у тебя рубятъ межевые знаки?

Эти слова, произнесенныя какъ будто небрежно, какъ громомъ поразили молодого крестьянина.

— У меня? Но гдѣ?

— Тамъ, на глинищахъ.

— Кто?

— Панъ.

Словно что-то охватило Кожину. Ошеломленный, но еще

не совсѣмъ понимая, онъ устремилъ вопросительный взоръ на стараго Хода, который прибавилъ:

— Да, вѣрно тебѣ говорю. Я шелъ неподалеку. Тамъ управитель изъ Трханова съ дворскими батраками.

— Чтобъ черти ихъ побрали!—воскликнулъ взбѣшенный Искра. Его другъ, словно ужаленный, повернулъ назадъ въ ту же минуту, какъ Пршибекъ произносилъ послѣднія слова, и пустился бѣжать во весь духъ въ ту сторону, гдѣ лежали упомянутыя поля. Волынщикъ за нимъ. Они бѣжали такъ, словно въ селѣ раздался набатъ.

Ничто не могло такъ глубоко поразить Кожину, какъ это извѣстіе.

Матѳей Пршибекъ пробормоталъ, глядя вслѣдъ за убѣгавшими:

— Только бы парни не отбросили тебя, Кожина, какъ кота отъ молока!

У подошвы холма, за которымъ лежало село Уѣздъ, поближе къ Трханову, на краю вспаханнаго поля стояла могучая старая липа. Ея обнаженная верхушка шумѣла, точно она тяжело вздыхала. То были уже послѣдніе вздохи. Зубастая пила все глубже и глубже врѣзывалась въ самое сердце вѣкового дерева, въ которое только что сдѣлалъ надрѣзъ топоръ.

Подъ липой стояли Трхановскій управитель и два дюжихъ поденщика, между тѣмъ, какъ два батрака, стоя на колѣнахъ, прилежно и быстро работали пилой.

Напротивъ, изъ недалекаго Трханова, выбѣгали люди и, глубоко пораженные, смотрѣли съ ужасомъ на то, что дѣлали съ липой Кожины. Новое насиліе Ламмингера! Кто бы посмѣлъ срубить такое старое дерево, стоявшее здѣсь вѣками, и которое было, уже тѣмъ священно, что раздѣляло владѣнія и было какъ бы межевымъ знакомъ, признаннымъ съ незапамятныхъ временъ даже закономъ [1]).

Они не обратили даже вниманіе на крестъ, вырѣзанный на деревѣ, который словно говорилъ: „Не укради! Не пожелай всего, елико суть ближняго твоего!“

Вдругъ всѣ остановились, и управитель нахмурился. Пила смолкла, всѣ обратились въ ту сторону, откуда раздался могучій крикъ. Молодой Кожина летѣлъ внизъ по полю, словно дикій вихрь, а за нимъ Искра Ршехурекъ.

---

[1]) Со стародавнихъ временъ какъ повсюду у насъ, такъ и въ Ходскомъ краю деревья служили межевыми знаками, и для обозначенія этого на нихъ вырѣзали кресты.

Весь запыхавшись, раскраснѣвшись, Кожина остановился у самаго дерева. Съ минуту настала глубокая тишина. Только липа глухо шумѣла. Челядь глядѣла попеременно то на управителя, то на Кожину. Послѣдній нѣсколько мгновеній не могъ вымолвить ни слова отъ волненія. Онъ весь дрожалъ, глаза у него горѣли и вдругъ онъ загремѣлъ:

— Кто позволилъ вамъ это?

— Никто, панъ приказалъ,—отрѣзалъ управитель, отчеканивая слово „приказалъ", потомъ, обернувшись къ работникамъ, коротко произнесъ:

— Пилите дальше.

— Не смѣйте!—вскричалъ Кожина.

Выпрямившись, онъ точно выросъ.

— Я тутъ господинъ, я тутъ панъ. Это мое дерево, моя дорога. Отецъ, дѣдъ и прадѣдъ владѣли имъ.

— А ты имъ владѣть не будешь. Мы въ бумагахъ нашли, что это принадлежитъ панамъ!

— Ваши бумаги! Въ нихъ тоже стояло, что наши вольности, наши права не имѣютъ цѣны. Ха, ха, ха! Вы все отняли у насъ, сдѣлали насъ своими батраками и, кромѣ того, хотите еще отнять этотъ кусокъ земли, который насъ кормитъ. Злодѣи! Даже святого креста не боитесь.

— Молчать!—закричалъ управитель.

— Какъ же, буду молчать. Мы имѣемъ свои права, свои вольности. По какому праву вы...

— По панскому праву, дурень! Твои вольности тебѣ настолько помогутъ, что ежели бы у тебя на головѣ выросло дерево и мы бы сказали: „Распили его", ты и тогда пикнуть не смѣешь, а долженъ стоять неподвижно, какъ дубъ!

— Вотъ это мы посмотримъ.

Онъ былъ уже у самаго ствола и, закричавъ на парней, разомъ отбросилъ ихъ въ сторону. Искра Ршехурекъ умолялъ его успокоиться; но въ эту минуту управитель, подскочивъ, какъ бѣшеный, протянулъ руку, желая схватить крестьянина, чтобы бросить его. Кожина, раздраженный этимъ, оттолкнулъ послѣдняго съ такой силой, что тотъ пошатнулся.

— Прочь, панскій пѣтухъ, а не то задавлю!—кричалъ молодой крестьянинъ, но батраки бросились на него по приказанію управителя. Тогда Искра, видя, что дѣло не шуточное, пересталъ успокаивать своего товарища; подбѣжавъ къ нему, онъ началъ храбро помогать Кожинѣ противъ въ шесть разъ сильнѣйшаго врага. У подпиленной липы завязалась жестокая драка.

Оба Ходоваки, хотя и безоружные, дрались съ ожесточеніемъ; особенно круто приходилось парнямъ противъ мускулистаго Кожины. Они не могли съ нимъ справиться. Длилось это не долго. Борьба была слишкомъ неравна. Искра упалъ уже на землю, но, и лежа, онъ боролся съ батраками, которые навалились ему на грудь. Кожина еще стоялъ, но кровь ручьями текла у него по лицу.

Въ эту минуту сверху, со стороны села раздался зычный голосъ:

— Бросьте, да поскорѣе, покуда еще живы!

Богатырская фигура Матеея Пршибека показалась неожиданно для всѣхъ. Съ суровымъ видомъ онъ шелъ внизъ скорыми шагами, наклонивъ палицу, словно готовясь нанести ударъ.

Видя, что его внизу никто не слышитъ, либо слышать не хочетъ, онъ прибавилъ шагу и вскричалъ громкимъ голосомъ:

— Кожина, парень, понатужься еще немного, и я уже тутъ!

Подъ липой опять возобновилась драка. Ходоваки напрягали послѣднія силы. Искрѣ удалось вырваться изъ рукъ врага; вскочивъ на ноги, онъ старался пробраться къ своему товарищу, разсыпая удары направо и налѣво; кругомъ послѣдняго образовался точно живой клубокъ изъ нападающихъ. Оттуда неслись проклятія и крики.

Кожина началъ уже слабѣть; но теперь снова воспрянулъ. Голосъ сверху загремѣлъ совсѣмъ близко. Два батрака и управитель сами отскочили теперь, когда крѣпкая палица Пршибека начала ѣздить по ихъ спинамъ и головамъ.

— Панская челядь! Еще крадетъ, еще убиваетъ!—кричалъ Пршибекъ и молотилъ палицей по всѣмъ сторонамъ, такъ что управитель со своими приспѣшниками бросился бѣжать, чтобы спастись отъ ударовъ.

Подъ липой стало тихо и покойно.

Когда Пршибекъ вернулся обратно, прогнавъ управителя, Искра обвязывалъ голову своему другу, не чувствуя собственной раны. Кожина былъ блѣденъ, какъ полотно. Когда старый Пршибекъ подошелъ къ нему, онъ подалъ ему руку и проговорилъ:

— Спаси тебя Богъ. Жаль, что я раньше не пришелъ.— И пристально поглядѣлъ на смертельно раненую липу.

— Было бы все едино,—отвѣтилъ Пршибекъ.—А теперь пойдемъ домой. Ты ужъ больно много крови потерялъ.

— Вотъ она и потекла,—словно про себя произнесъ Кожина и посмотрѣлъ на правую руку, которая была вся за-

брызгана кровью. Волынщикъ его хорошо понялъ. Когда они уходили, Кожина оглянулся еще разъ на липу. Его предки отдыхали подъ ея тѣнью. Онъ самъ, со старымъ дѣдомъ, сиживалъ здѣсь не разъ со жнецами во время жатвы; не одно поколѣніе укрывала она подъ своею сѣнью, была красива и извѣстна не только его семейству, но и всему околотку; не одна повѣсть шла о ней—и вдругъ самовластный панъ такъ порѣшилъ съ ней!

— Я возвращался уже домой,—говорилъ Пршибекъ,—какъ вдругъ мнѣ пришло въ голову: „Кожина горячъ, а тѣхъ много. Ему, быть можетъ, круто придется".

Онъ шелъ по правую руку молодого крестьянина, а Искра—по лѣвую.

У села они разошлись. Пршибекъ направился прямо домой. Кожина зашелъ сперва къ волынщику, чтобы смыть кровь. Ему не хотѣлось пугать Ганну.

Несмотря на это, она испуганно вскрикнула, когда онъ съ обвязанной головой неожиданно вошелъ въ горницу. Онъ улыбался и старался успокоить жену; но скоро пересталъ и, сѣвъ на кровать, понурилъ голову. Жена хлопотала, приготовляя все для перевязки; ее нисколько не удивило, что онъ вдругъ замолчалъ и сдѣлался мраченъ.

Она подумала, что причиной этого его рана. Но это было не такъ. Мысли не давали ему покоя: „Тутъ уже дѣло идетъ о всей жизни, а не объ однихъ правахъ. Другого выхода нѣтъ,—и это суждено мнѣ Господомъ Богомъ",—снова, и все сильнѣе, раздавалось въ душѣ молодого крестьянина.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Надъ землей.

Родная мать-земля!
Опять, склонившись надъ тобой,
За старой дѣдовской сохой
Иду съ надеждой я:
Воскреснуть вновь и вновь искать
Въ тебѣ источникъ силъ...
Ты видишь, я усталъ блуждать
Среди камней-могилъ...
Усталъ искать въ вершинахъ горъ
Лучей зари живой...
Туманъ мнѣ выѣлъ жадный взоръ,
Я сталъ почти слѣпой...
Прими жъ заблудшаго ты вновь,
На грудь свою прими,
И въ жилахъ стынущую кровь
Согрѣй и оживи...
И снова въ сердцѣ жажду жить—
О, сжалься! пробуди...
Мнѣ страшно смраднымъ трупомъ быть
Съ проклятьями въ груди...
Мнѣ страшно злобою дышать
Среди могилъ-камней...
При свѣтѣ солнца дня не знать,
Быть тѣнью тьмы ночей...

Ѳ. Поступаевъ.

Въ лѣсу.

Кругомъ меня шумитъ сосновый лѣсъ
Въ таинственномъ, невянущемъ уборѣ;
Сквозь зелень хвой синѣетъ сводъ небесъ,
Спокойный, чуждый радости и горя.

Какъ пѣсня, сладко нѣжащая слухъ,
Подъ шорохъ старыхъ сосенъ тихій, внятный,
Нисходитъ на меня забвенья духъ
Непостижимый, непонятный.

Мысль замерла, какъ вѣтеръ въ безднѣ водъ...
Блаженное, нѣмое созерцанье!
Какъ утромъ гаснетъ звѣздный хороводъ,
Погасли такъ, ушли мои страданья...

Не жизнью-ль были радостные сны?
Не сномъ ли жизнь, увядшая до срока?
Иль были вѣчно только шумъ сосны,
Да сводъ небесъ, синѣющій глубоко?

О. Рунова.

Призывъ.

Глухо въ берегъ каменистый
Бьетъ девятый, грозный валъ;
Теменъ ночи саванъ мглистый,
Длиненъ, труденъ перевалъ...
Что жъ! Бери скорѣй правило!
Чутко ухо, зорокъ взоръ...
Лучше ранняя могила,
Чѣмъ бездѣйствія позоръ,
Чѣмъ проклятый гнетъ насилья,
Чѣмъ безплодныхъ слёзъ порывъ,
Чѣмъ сомнѣнія безсилье,
Чѣмъ презрѣнныхъ жалобъ взрывъ!
Утромъ съ яркимъ солнца блескомъ
Ждетъ тебя твоя страна,
Или трупъ твой съ жаднымъ плескомъ
Приметъ бурная волна...
Глухо въ берегъ каменистый
Бьетъ девятый, грозный валъ,
Теменъ ночи саванъ мглистый,
Труденъ, дологъ перевалъ...
Чу! Волна стѣною взмыла,
Пѣна мечетъ свой узоръ...
Лучше ранняя могила,
Чѣмъ бездѣйствія позоръ!

О. Рунова.

Погостъ.

(Набросокъ.)

Они собирались сюда впятеромъ: три учительницы и два учителя.

Одинъ изъ учителей былъ худой и высокій, другой — худой и низенькій, а учительницы всѣ три называли другъ друга „милочкой“ и навсегда потеряли надежду выйти замужъ.

Передъ тѣмъ, какъ прійти сюда, каждый задавалъ себѣ вопросъ: куда-бы пойти поразсѣяться?—и рѣшалъ, что нужно итти на погостъ.

На погостѣ стояли скамейки, а изъ за деревьевъ бѣлѣла колокольня церкви, колокольня несуразно длинная и тонкая.

Около церкви торчали въ разныхъ позахъ кресты могилъ были самоувѣренно осанистые кресты знати, были и сиротливо согнувшіеся деревянные кресты плебеевъ.

На первыхъ чернѣли и золотѣли длинныя и трогательныя надписи, въ родѣ такой: „Всѣ говорятъ, что трудъ полезенъ, но вотъ подъ этимъ крестомъ покоится тѣло человѣка, котораго трудъ для пользы службы уложилъ въ раннюю могилу. Коллежскій секретарь Алексѣй Евдокимовичъ Поповъ. Житія его было 64 года, 5 мѣсяцевъ, 11 дней“.

На плебейскихъ крестахъ надписи были краткія: „Тѣло раба Божія Агафоника“... Остальное оказывалось стертымъ жадной рукой времени.

Площадка передъ церковью была замощена камнемъ, и по этой площадкѣ они гуляли, когда было грязно. Если же было сухо, то уходили и дальше, въ глубь кладбища, гдѣ тянулись аллеи изъ березъ, осинъ и елокъ.

Но больше всего они любили сидѣть на одной изъ длинныхъ скамеекъ, окружавшихъ площадку.

Тамъ они смотрѣли на огромную колокольню, для чего нужно было круто изгибать голову, смотрѣли на темныя массы деревьевъ, смотрѣли на торчавшіе кругомъ кресты— и молчали.

Говорить имъ было рѣшительно не о чемъ. Шестнадцать лѣтъ они жили въ Никольскомъ посадѣ, шестнадцать лѣтъ изо дня въ день сходились по вечерамъ на погостѣ, и въ первые годы, когда были задорны и юны, спорили до хрипоты и злились на обывательскую тупость,—теперь остыли и сходились только помолчать.

Сходились по привычкѣ во всякую погоду, издалека, двѣ учительницы даже съ выселокъ посада,—одна съ Николы-на-кадкѣ, другая съ Николы-на-топорѣ. Сходились, здоровались, отдувались отъ усталости, усаживались на скамейку и молчали.

Приходили они часамъ къ семи вечера, выслушивали, какъ часы на колокольнѣ вызванивали короткія мелодіи 15, 30, 45 минутъ, потомъ гулко отбивали число часовъ,—и когда било 9, всѣ подымались и расходились.

Короткія четвертныя мелодіи колокольныхъ часовъ одному учителю казались похожими на „Ночи безумныя", а одной учительницѣ на вальсъ „Ожиданіе"; и въ первые годы они горячо доказывали каждый свою правоту,—теперь-же только оставались при своемъ мнѣніи.

— Ночи безумныя!—съ чувствомъ говорилъ учитель, заслышавъ мелодію часовъ.

— Вальсъ „Ожиданіе"!—мечтательно отражала учительница. Иногда они дѣлились курьезами изъ своей педагогической службы.

— Понимаете, какой находчивый мальчуганецъ у меня нашелся,—говорилъ, напримѣръ, высокій учитель.—Объясняю, что чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе, а онъ и задаетъ вопросъ: „Какъ-же души въ небо улетаютъ? Вѣдь, онѣ верстъ пять пролетятъ и застынутъ".

— А у меня сегодня одна взрослая дѣвочка написала „орехметика",—жаловалась учительница:—И хоть-бы написала уже черезъ „ѣ", не такъ-бы досадно было, дескать отъ слова „орѣхъ" произвела, а то *е* влѣпила.

Прежде, въ первые годы службы, они ядовито критиковали обывателей.

— Подумаешь, какое остроуміе Никольскаго посада! Зашла къ Лабзину, усаживаютъ чай пить. Я отказываюсь, а

Лабезинъ старикъ говоритъ мнѣ: „Что это вы, барышня, отчаиваетесь? Вы не отчаивайтесь,—отчаяніе—грѣхъ“.

— Со мной тоже былъ случай. Я къ батюшкѣ, отцу Петру зашелъ... Сѣлъ завтракать. Попросилъ горчицы. „Огорчиться, говоритъ, хотите? Человѣкъ вы молодой, а ужъ огорчаетесь... То-ли дѣло, какъ я молодымъ былъ“...—поддерживалъ учитель.

Теперь они уже привыкли и къ „отчаянію“, и къ „огорченію“.

Прежде ихъ возмущало, что директоръ народныхъ училищъ—бывшій коломенскій исправникъ, а инспекторъ, хотя и изъ пробирщиковъ, не имѣетъ понятія о вѣжливости. Теперь они не возмущались.

Прежде они всей душой рвались куда-то изъ Никольскаго посада, теперь осѣли и не рвались.

Шестнадцать лѣтъ времени обрѣзали ихъ крылья и, наконецъ, обрѣзали все, до послѣдняго перышка. Теперь у нихъ остались только мечты, такъ какъ мечты не поддаются времени.

Въ лунныя ночи отъ колокольни на могилы падала длинная черная тѣнь; тѣни чернѣли и по стѣнамъ колокольни, и по карнизамъ, окутывая ее, какъ паутина, а освѣщенныя части бѣлѣли, рѣзко бросаясь въ глаза.

Деревья дремали, спали кресты, невидно превращались подъ ними въ прахъ покойники...

А они, сидя на скамейкѣ, мечтали.

Мечтали уже робко, больше инстинктомъ, чѣмъ сознаніемъ; учителя мечтали перейти на большій окладъ въ фабричныя школы, учительницы въ управленіе желѣзной дороги, въ городъ.

А надъ ними сплетались въ сѣрыя безцвѣтныя массы пятна свѣта и тѣней и выразительно, но безучастно шептали: „Ничего! Никогда“!

И колокольные часы вызванивали четвертную трель, похожую и на „Ночи безумныя“, и на вальсъ „Ожиданіе“.

Каждая изъ трехъ милочекъ была влюблена одинаково и въ высокаго худого учителя-брюнета, и въ низенькаго худого учителя-блондина, и всѣ мечтали прежде выйти за нихъ замужъ; но учителя не были влюблены и не желали на нихъ жениться.

Они не прочь были жениться на купеческихъ дочкахъ, но купеческія дочки въ интимныхъ бесѣдахъ называли высокаго учителя „тараканьимъ кладбищемъ“, а низенькаго—

„тоской зеленой“, и выходили за купеческихъ сынковъ и чиновниковъ.

Кругомъ нихъ шла какая-то жизнь,—жизнь бойкая, суетливая, чернорабочая, съ неизбѣжнымъ пьянствомъ по праздникамъ, съ гармониками и хоровыми пѣснями.

По окраинамъ посада торчали длинныя фабричныя трубы, а около нихъ мостились приземистыя фабрички, откуда выходили на Божій свѣтъ бабьи платки съ красными цвѣтами по черному полю и толпы рабочихъ въ однихъ „оныхъ“, и выѣзжали кататься на тысячныхъ рысакахъ фабриканты съ дебелыми женами.

Въ серединѣ посада стояли вмѣстительные дома купцовъ, которые жирно постились по средамъ, пятницамъ и даже понедѣльникамъ, на Пасху служили у себя молебновъ на пять рублей всѣмъ иконамъ „въ лицо“ и „въ перевёртку“, ходили въ чуйкахъ и пили чай въ трактирахъ.

Четыре посадскихъ священника никакъ не хотѣли отстать отъ купцовъ въ благолѣпіи своего тѣла, въ образѣ жизни и даже въ говорѣ.

Они также отличались несокрушимымъ здоровьемъ, жили въ просторныхъ домахъ, и страстную недѣлю называли „страшною“, а куполъ—„кумполомъ“.

Всей этой жизни обыватели погоста не понимали и приспособиться къ ней не могли.

Было еще и другое теченіе въ посадскомъ морѣ, теченіе верхнее, вмѣщавшее двухъ земскихъ начальниковъ, слѣдователя, станового, акцизныхъ, но это теченіе шло далеко вверху, и, въ общемъ, выходило такъ, что около бурлилъ какой-то тихій водоворотъ чуекъ, залихватскихъ пѣсенъ, разварной осетрины, фабричныхъ трубъ, золоченыхъ пуговицъ, а среди нихъ образовался узелъ тишины, пугливой тишины погоста. Иногда, впрочемъ, они собирались не на погостѣ, а на дому, чаще у какой-нибудь изъ учительницъ. Собираясь сюда, они пили чай съ вареньемъ, иногда читали, иногда пѣли дуэты въ родѣ:

„Не осенній мелкій дождичекъ“, при чемъ особенно задушевно выводили: „Пей, тоска пройдетъ!“. Иногда спорили о театрѣ и о значеніи искусства.

Впрочемъ, спорили не горячась и не вскакивая съ мѣста. Вскакивать было рѣшительно некуда и жестикулировать опасно, такъ какъ комнатки были очень малы, низки, а у одной учительницы—съ Николы-на-кадкѣ—даже треугольной формы.

Часамъ къ одиннадцати они расходились, и если былъ

грязный сезонъ, то обратный путь сопровождался частымъ ныряніемъ въ лужи, при чемъ женщины ахали, а мужчины ругались и давали обѣтъ больше никогда не ходить въ гости; но потомъ все-таки ходили и пѣли дуэты, и пили чай съ вареньемъ.

Всѣ впятеромъ, въ складчину, они выписывали одинъ серьезный журналъ и одну легкомысленную газетку. Газетку получали учителя, къ учительницамъ она попадала по воскресеньямъ, въ количествѣ семи недѣльныхъ номеровъ сразу. Если-же въ серединѣ недѣли онѣ спрашивали на погостѣ учителей: „Что новаго?“—то учитель повыше обыкновенно отвѣчалъ басомъ: „Ничего особливаго“, а учитель пониже добавлялъ теноромъ: „Умерла въ Москвѣ купчиха Толстосумова и оставила вамъ въ приданое двѣсти тысячъ“.

За такое легкомысліе къ текущимъ вопросамъ учителя получали названіе „противныхъ“ и „гадкихъ“, но это не портило ихъ отношеній.

Никольскій посадъ стоялъ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, хотя все-таки черезъ два часа ѣзды можно было добраться до одной небойкой станціи, а оттуда уже открывались всякія перспективы: за день пріѣхать въ Москву, за два—въ Петербургъ, за три—въ Севастополь. Впрочемъ, далеко ѣздить было не на что, а близко—не стоило, и обыватели погоста не ѣздили.

За шестнадцать лѣтъ жизнь окончательно отлилась въ опредѣленную форму; мѣнять въ ней что либо просто жаль было: къ чему?

„Мы точно монашенки“,—говорили про себя учительницы.

„Мы точно запечатанныя бутылки“,—говорили про себя учителя.

И вдругъ, черезъ шестнадцать лѣтъ они получили бумаги за подписями, а въ бумагахъ было приглашеніе на учительскіе курсы въ городъ Бугровъ. Это было весной, во время экзаменовъ.

Погостъ заволновался и зашумѣлъ: „Курсы! Курсы!“

Волненіе сообщилось и чуйкамъ посада.

— Что это наши учителя, никакъ въ Бугровъ ѣдутъ?—спрашивала одна.

— Да и тѣ, трепалки-то, тоже съ ними,—отвѣчала другая.

— Ишь, ты!.. А зачѣмъ ѣдутъ, не слыхать?

— Да, видишь, дѣло то какое: учить то учатъ, а сами маленечко не дохлестнули... Дохлестывать ѣдутъ.

— А-а! Вонъ оно дѣло-то!.. Такъ-такъ... Тоже, видно, и ихнему брату покою не даютъ... Безпокоютъ!

На три недѣли іюля мѣсяца погостъ опустѣлъ, на немъ только чирикали птички, да трещали кузнечики.

Изрѣдка, впрочемъ, опускали въ новую могилу новаго Агафоника или украшали простенькими цвѣтами почернѣвшій крестъ стараго.

Задумчиво зеленѣли осинки, еще задумчивѣе—березки и клены, и совсѣмъ неподвижно, проколовъ воздухъ острыми иглами—темныя елки.

Они съѣхались къ концу лѣта, помолодѣвшіе, оживленные, съѣхались и заговорили, заспорили, дѣлясь впечатлѣніями.

— Душка Окамеловъ! Какъ онъ метрическую систему объяснилъ!—отзывалась одна изъ милочекъ объ одномъ руководителѣ курсовъ.

— А какъ Зиминъ насчетъ урока Лебедянцевой сказалъ!.. Вотъ потѣха!.. Помните?—„Господинъ Зиминъ, ваше мнѣніе объ урокѣ?"—„Да что же мнѣніе... мечется, какъ угорѣлая кошка, а толку никакого, вотъ и мнѣніе".

— Оригиналъ! Въ лоскъ всѣхъ положилъ!.. „Мечется, какъ угорѣлая кошка, а толку никакого".

— А замѣтили, какъ тотъ... Бутаевъ изъ Гуслицъ за Катериной Ивановной ухаживалъ?—подмигнулъ низенькій учитель на одну изъ милочекъ.

— Неправда, не выдумывайте!—закраснѣлась Катерина Ивановна.

— Да что ужъ тамъ, неправда!.. Ухаживалъ и пользовался взаимностью, такъ, вѣдь?.. Будетъ скромничать! Что краснѣете! Дѣло житейское!..

— Лебедеву очень нравилось, какъ я смѣюсь,—мечтательно вставляла учительница съ Николы-на-топорѣ.—Какъ, говоритъ, вы смѣетесь, Ольга Петровна, точно серебромъ сыплете!

— Но меня инспекторъ удивилъ! Танцовалъ со мной на вечерѣ такъ долго, что я устала .. А онъ еще такой полный...—бросила въ общій потокъ воспоминаній третья.

— А какую рѣчь закатилъ Серега!—хлопнулъ по плечу высокаго учителя низенькій.—Просто я не ожидалъ.

— Да, да!—заговорили разомъ милочки.—„Да будетъ свѣтъ!"—сказалъ Богъ въ первый день творенья, и былъ свѣтъ!—Начало вышло очень торжественно!—Нѣтъ, конецъ эффектнѣй... какъ это?.. „Пусть общество даетъ намъ гроши, будемъ горды сознаніемъ, что мы даемъ ему больше, чѣмъ

оно намъ, что нашъ должникъ... Шире дорогу свѣту! Да будетъ свѣтъ!

— Да, наговорилъ ерунды съ три короба,—скромно замѣтилъ про себя высокій.

— Въ рукѣ дрожитъ бокалъ съ виномъ, самъ блѣденъ, худъ и высокъ, и кричитъ: „Да будетъ свѣтъ!“—опять хлопнулъ его по плечу низенькій.

Какимъ виномъ насъ угощали!
Кокой обѣдъ намъ подавали!

продекламировала Катерина Ивановна.

— Да, заключительный вечеръ удался на славу,—резюмировали всѣ.

— А помните, какъ Окамеловъ къ намъ съ карточками пришелъ?—Стучится къ двери... Кто тамъ?—Я!—Батюшки! Мы только что встали, никто не одѣлся, кто волоса подкалываетъ, кто за кофточку!..—Кондратій Матвѣичъ, кричимъ, мы не одѣты!—Поздно, поздно вы, а я вамъ карточки свои хотѣлъ подарить на память...

— А чѣмъ то кончится романъ у Петрова съ Гущиной? Навѣрное, женятся!—вздохнула одна.

— Ну нѣтъ, наврядъ... Чѣмъ же жить будутъ?—отозвалась другая.

— Я вотъ въ чемъ не согласенъ съ Тиховымъ,—заговорилъ высокій учитель.—Объяснительное чтеніе основа русскаго языка, конечно! Но, вѣдь, въ низшей школѣ это—энциклопедія разныхъ знаній... По моему, нужно читать не художественныя произведенія, а по исторіи, по географіи, по зоологіи, что ли... Свѣдѣнія нужно давать, а не „Что ты спишь, мужичокъ“. Что мужичокъ спитъ,—это они и безъ насъ знаютъ.

— Чудакъ ты какой!—заволновался низенькій, и всѣ заспорили о значеніи объяснительнаго чтенія.

Прошло нѣсколько дней.

Съ утра лилъ дождь; къ вечеру захолодало.

На погостѣ было грязно, стояли лужи, но они все-таки сошлись, усѣлись на скамейку и тутъ снова почувствовали, что курсы кончились и начался погостъ.

Тема изсякла, впечатлѣнія потускнѣли, возбужденіе улеглось. Всѣ поняли, что на курсахъ имъ показали что то попригляднѣе ихъ прошлой жизни, показали и спрятали, и теперь имъ стало еще тошнѣе.

Ползли и клубились между деревьями и крестами су-

мерки, съ ними смѣшивалась тѣнь, падавшая отъ колокольни.

— „Я здѣсь пою такъ тихо и смиренно!..“—рявкнулъ вдругъ кто то пьянымъ громовымъ басомъ около самой ограды и испугалъ другого пьянаго, мирно прикорнувшаго подъ рѣшеткой. Этотъ скверно выругался и забормоталъ съ перепугу:

— Вотъ такъ заоралъ!.. Прямо съ заднихъ ногъ кожа слѣзла!.. И съ головы слѣза... и съ заднихъ ногъ слѣзла... Вотъ такъ зѣвнулъ!...

Гдѣ-то вдалекѣ прозвенѣлъ колокольчикъ почтовой тройки; она уносила кого-то куда-то... Кто то уѣзжалъ, можетъ быть, навсегда изъ Николаевскаго посада, а они оставались на мѣстѣ. И всѣ они сразу почувствовали, что будутъ снова сидѣть такъ долго-долго, можетъ быть, еще шестнадцать лѣтъ... и всѣмъ стало жутко.

— Клавдія Еремѣевна,—обратился блондинъ учитель къ милочкѣ съ Николы-на-кадкѣ: — Отчего у васъ комната треугольная?

— Не знаю, отчего... Такъ вздумали перегородки поставить... Не я ставила!

— А отчего у насъ у всѣхъ жизнь треугольная? На кого ни погляди, у всѣхъ жизнь о четырехъ углахъ, а у насъ треугольная!

И никто ничего не отвѣтилъ.

Надвигались и сгущались сумерки, дремали осинки надъ крестами, спали кресты надъ могилами...

Обыватели погоста глядѣли вокругъ себя—и видѣли погостъ, глядѣли въ прошедшее, видѣли погостъ, пробовали заглянуть въ будущее, но и тамъ не видали ничего, кромѣ погоста.

Часы на длинной колокольнѣ вызванивали унылую четвертную трель, похожую и на „Ночи безумныя“, и на вальсъ „Ожиданіе“, а пятна свѣта и тѣней сплетались надъ ними въ безформенныя массы и глухо, но выразительно шептали: „Ничего... Никогда“...

С. Сергѣевъ-Ценскій.

---

* * *

Жизни угрюмое море
Много послало намъ горя,
Много губительныхъ волнъ!
Часто съ могучаго вала
Буря насъ въ бездну бросала
И затопляла нашъ челнъ!

Люди спокойно взирали,
Какъ мы въ борьбѣ погибали
И выбивались со дна!
Съ берега тихаго счастья
Было красиво ненастье
И развлекала волна!

Вѣрой и смѣлой борьбою
Мы побѣдили съ тобою!
Но въ этотъ радостный часъ
Снова насъ манитъ стихія,—
Тамъ погибаютъ другіе...
Счастье преступно для насъ!

А. Лукьяновъ.

—————

„Тамъ, гдѣ кончается Висла"...

(Посвящается А. Д.)

Тамъ, гдѣ кончается Висла
Мощной широкой струей,
Гдѣ на пескахъ побережья
Солнце играетъ съ волной,

Гдѣ въ безграничномъ просторѣ,
Въ блѣдной лазури небесъ,
Дремлетъ зеленое море,
Полное тайнъ и чудесъ,

Гдѣ по уступамъ песчанымъ,
Чопорно выстроясь въ рядъ,
Словно прибрежные стражи,
Гордыя сосны стоятъ,

И надъ волной изумрудной,
Съ бѣлымъ косматымъ хребтомъ,
Чайки, предвѣстницы бури,
Носятся съ крикомъ кругомъ,

Гдѣ такъ привольно весною
Дышитъ усталая грудь,—
Тамъ я хотѣлъ бы съ тобою,
Милый мой другъ, отдохнуть!

С. Темниковъ.

Тамъ, гдѣ кончается Висла...

Повѣсть Артура Грушецкаго.

(Переводъ съ польскаго А. Даманской.)

— Ягуся! Ягуся,—кликнула мать, открывая дверь изъ сѣней въ большую низкую комнату съ тремя окнами.

— Слышу, мамуся,—отвѣтила молодая дѣвушка съ красивыми голубыми глазами, поднимая склоненную надъ шитьемъ бѣлокурую головку.

— Каэтанъ уже вернулся съ ловли, вѣрно, и отецъ скоро пріѣдетъ. Ступай на берегъ, быть можетъ, ему не донести одному.

— Сейчасъ, мамуся!

Она отложила работу, встала, выпрямилась, оправила для себѣ платье, надѣла башмаки съ деревянными подошвами и вышла изъ комнаты. Мать, чистившая картофель въ сѣняхъ, сказала ей:

— Возьми съ собою, Ягуся, Андрюшу и мѣшочекъ для рыбы, и не замѣшкайся.

— Конечно... что-жъ мнѣ тамъ дѣлать?—весело отвѣтила она и, снявъ съ гвоздя корзинку, вышла изъ дому.

Іюльское солнце, несмотря на ранній часъ, уже сильно пригрѣвало. И съ теплыхъ песковъ, на которыхъ безъ плана и безъ порядка разбросаны были каменные домики рыбаковъ, вѣяло лѣтней дремой. Ягуся озиралась кругомъ, ища глазами братишку, но, не видя его, крикнула разъ, другой:

— Андрюша!.. Андрюша!.. Гдѣ ты?..

Не получивъ никакого отвѣта, она свернула изъ-за угла дома налѣво, въ сторону узкаго лѣска, тянувшагося длинной полосой за рыбацкимъ поселкомъ. Ягуся, надвинувъ пла-

точекъ на лицо, тихо шла между домиками, большинство которыхъ не было огорожено ни заборомъ, ни палисадникомъ; кругомъ желтѣлъ лишь сухой песокъ, издававшій тихій скрипъ подъ напоромъ деревянныхъ подошвъ. Изъ-за какого-то домика раздались голоса играющихъ дѣтей. Ягуся остановилась и позвала брата. Черезъ минуту изъ-за дома выбѣжалъ восьми-лѣтній мальчуганъ, босой, загорѣлый, съ шляпой въ рукѣ и крикнулъ:

— Ты звала меня, Ягуся?

— Пойдемъ, Андрюша, со мною на берегъ. Скоро тятя пріѣдетъ.

— Сейчасъ, я позову только Антошу и Витю,—отвѣтилъ онъ и опять скрылся за домомъ.

Скоро три мальчика, бѣгая взапуски, исчезли на поворотѣ лѣсной тропинки. Дѣвушка прибавила шагу и скоро вошла въ робкую тѣнь сосенъ съ сухими вѣтвями и скудной листвой. И лѣсныя дорожки покрыты были сплошнымъ пескомъ, скрипѣвшимъ подъ ногами. А въ глубинѣ лѣса, подъ защитой деревьевъ, зеленѣла на пескахъ убогая жалкая растительность; кое-гдѣ пестрѣлъ одинокій цвѣтокъ.

Отъ этой неказистой рощи, чудомъ пробившейся изъ безплодной земли, вѣяло бодрящей прохладой и живительнымъ запахомъ, казавшими вдвойнѣ пріятными послѣ горячихъ песковъ поселка и жгучихъ лучей солнца. За тонкими голыми стволами сосенъ свѣтился позолоченный солнцемъ песчаный холмъ, который защищалъ лѣсокъ и рыбацкій поселокъ отъ бурныхъ волнъ Балтійскаго моря; и волны гонимыя къ берегу западнымъ вѣтромъ, разбивались объ этотъ высокій песчаный валъ.

Съ этого вала бѣжали въ это время къ лѣсу дѣти, обгоняя матерей, которыя несли въ корзинкахъ, мѣшкахъ и рогожкахъ наловленную рыбаками рыбу.

Ягуся обвела быстрымъ взглядомъ шедшихъ ей навстрѣчу женщинъ, которыя всѣ были ей знакомы, а когда изъ ряда выдвинулась одна, высокая и худая, она невольно остановилась на мгновеніе и вспыхнула. Она увидѣла рыбачку Кустошову, и знала, что та недолюбливаетъ ее.

Но встрѣча была неизбѣжна; она выпрямилась, украдкой оглядѣла себя и, убѣдившись, что передникъ ея чистъ, синяя юбка, въ бѣлыхъ крапинкахъ, въ порядкѣ и чулки совершенно цѣлы, ускорила шаги и спокойно продолжала путь.

— Добраго утра!—крикнула она первымъ рыбачкамъ.

— Добраго утра, Ягуся!—отвѣтили ей.—Не спѣши, твоего тятьки не видно еще.

— Я подожду немного,—отвѣтила она, не останавливаясь. Поровнявшись съ Кустошовой, она тихо, съ пылающимъ лицомъ сказала:

— Добраго утра!..

Та едва кивнула головой и что-то буркнула въ отвѣтъ.

И Ягусѣ послышалось, какъ она опять сказала что-то злобное и насмѣшливое насчетъ ея матери, выросшей въ селѣ, далеко отъ побережья. Она вспыхнула до ушей отъ гнѣва и обидѣлась, такъ какъ чувствовала себя настоящей рыбачкой; она здѣсь, въ Ястаркѣ, родилась, здѣсь выросла, и все-таки люди не хотѣли забыть, что мать ея издалека, изъ села, и только благодаря замужеству вошла въ рыбацкую семью, въ которой еще дѣды и прадѣды были рыбаками На песчаномъ холмѣ уже стоялъ Андрюша со своими товарищами и, закрывъ руками глаза отъ солнца, смотрѣлъ вь даль.

— Ягуся, не видать еще татьки!—крикнулъ онъ сестрѣ и кубаремъ скатился съ горы.

Дѣвушка, разстроенная насмѣшками рыбачекъ, стиснула зубы, сдвинула съ головы свѣтлый платочекъ, открывшій русые волосы, которые отливали на солнцѣ яркимъ золотомъ, и медленно пошла на холмъ. На вершинѣ она остановилась и внимательно посмотрѣла въ даль. Необъятное море тихо рябилось и сверкало. Изумрудныя волны обгоняли другъ друга и, съ мягкимъ шумомъ набѣгая на берегъ, разбивались мыльной пѣной и таяли на золотистомъ пескѣ. Порой солнечные лучи загорались въ водѣ блестящей полосой, которая быстро дробилась и разсыпалась яркими блестками на новыхъ волнахъ, набѣгавшихъ и убѣгавшихъ съ ритмомъ таинственной и упоительной музыки моря. Безбрежное море жило, дышало, смѣялось, играло красками, гармоничными линіями волнъ, съ ласковымъ шопотомъ набѣгавшихъ на берегъ и, словно со вздохомъ облегченія, убѣгавшихъ вновь къ блестящимъ, вздрагивающимъ волнамъ.

И шумъ волнъ, игра красокъ, вспыхивающіе и гаснущіе огни, вздохи водъ, цѣлующихъ чистые берега—сливались въ какую-то дивную пѣснь моря, пѣснь тоски безъ муки, радости безъ восторга, труда безъ усталости...

И пѣснь эта лилась гармоничная, неизмѣнная, свѣтлая и вѣчно новая, къ берегамъ, гдѣ воздухъ, напоенный живительнымъ запахомъ моря, несъ ее черезъ песчаный валъ, сосновый лѣсокъ.... И пѣснь, сливаясь съ шумомъ бора, съ пѣніемъ птицъ лилась надъ рыбацкимъ по

селкомъ, надъ лугами и таяла въ шумѣ Пудскаго залива, обливающаго полуостровъ съ восточной стороны.

Ягуся внимательно смотрѣла на искрящееся море опытнымъ глазомъ рыбачьей дочери, привыкшей къ далекимъ пространствамъ волнующихся водъ, взглянула на горизонтъ, на парусное судно съ султаномъ чернаго дыма, плывшее на сѣверъ, и бѣлоснѣжные паруса купеческаго судна. Но хорошо знакомыхъ ей темныхъ точекъ рыбачьихъ лодокъ она не видѣла еще на западѣ. Съ сверкающаго моря она перевела глаза на плоскій берегъ, тянувшійся отъ песчанаго вала на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ къ набѣгающимъ волнамъ.

Кромѣ Андрюши, игравшаго въ пескѣ съ товарищами она замѣтила еще нѣсколько рыбаковъ, которые натягивали сѣти на высокія палки, чтобъ онѣ обсохли послѣ ночной ловли и нѣсколько рыбачьихъ лодокъ, выдвинутыхъ на сухой песокъ.

На фонѣ искрящагося моря, и яркозолотистаго песка, ихъ неуклюжія фигуры производили впечатлѣніе безжизненныхъ труповъ, какихъ-то гробовъ печали и страданій, отталкивающихъ и безобразныхъ орудій муки. Лодки послѣ долгой ночи труда отдыхали вмѣстѣ съ рыбаками, и съ темныхъ, высокихъстѣнокъ медленно стекала вода на свѣтлый приморскій песокъ, словно струйки пота съ утомленнаго чела.

— Ягуся! Ягуся! — зазвенѣлъ свѣжій, молодой голосокъ.

Дѣвушка обернулась къ лѣсу. По тропинкѣ быстро шла къ песчаному валу ея ровесница подруга, такъ-же одѣтая, какъ она, въ свѣтло-синюю ситцевую юбку. Она взбѣжала на холмъ и, вся красная отъ быстрой ходьбы, остановилась подлѣ Ягуси.

— Наши еще не вернулись,—сказала она и внимательно взглянула на море.— Это хорошо. Мнѣ надо поговорить съ тобою о многомъ. Я еще утромъ хотѣла побѣжать къ тебѣ, но мнѣ некогда было.

— А что случилось, Розалька?—улыбаясь, спросила Ягуся.—Стахъ пріѣзжаетъ?

— Нѣтъ, не то. Вѣдь, онъ писалъ, что въ концѣ августа пріѣдетъ, а теперь только начало... Это про тебя, Ягуся!.. Чего я только не наслышалась!—сказала она и покачала головой, при чемъ изъ-подъ платочка выбились темныя пряди волосъ.

— Обо мнѣ?.. Говори, говори-же, Разалька!.. Мнѣ такъ интересно знать.

— Здѣсь солнце жжетъ. Сойдемъ на берегъ, — предложила Розалька. — Сядемъ тамъ подлѣ лодки и поговоримъ.

— Да кто говорилъ, Розалька?.. Когда ты слышала?..

— Вчера вечеромъ къ намъ собрались сосѣдки... Сейчасъ все узнаешь.

— Дурное или хорошее?—допытывалась Ягуся.

— И то, и другое,—со смѣхомъ отвѣтила Розалька, показывая красивые, бѣлые зубки.

Они сѣли, наконецъ, на песокъ, въ тѣни высокой лодки и Ягуся, пытливо вглядываясь въ лицо Розальки, шепнула:

— Ну что-жъ? Говори!..

— Это было такъ... Послѣ ужина мамуся сѣла на колоду, знаешь, что передъ окнами, а я на порогѣ. И мы говоримъ о нашей пеструхѣ, что, вотъ, она стала мало молока давать.,. Какъ вдругъ у Пыпровъ открывается дверь, и къ намъ подходятъ Кустошова съ Пыпровой...

Услыша первое имя, Ягуся вздрогнула и покраснѣла подъ любопытнымъ взглядомъ Розаліи.

— Что-жъ она говорила?—спросила она съ напускнымъ равнодушіемъ въ голосѣ.

— Сейчасъ узнаешь, — улыбаясь, отвѣтила Розалія. — Сперва Пыпрова... знаешь, вѣдь, эту ханжу,—стала жаловаться, что молодые, молъ, испорчены, что не слушаются родителей, и призвала въ свидѣтельницы Кустошову... Ну, а та какъ пошла... Слушай, Ягуся, ты мнѣ правду скажи! Ты вчера вечеромъ сидѣла съ Валекомъ подъ лѣсомъ?

— Неправда! — вскрикнула дѣвушка, вспыхнувъ до ушей.—Я пошла за нашей цвѣтухой, которая рвалась, какъ бѣшеная, къ телкѣ, и встрѣтила Валека. Поговорила съ нимъ немного,—и все... Ты, вѣдь, знаешь, Розалька, что онъ всегда меня поджидаетъ... Онъ помогъ мнѣ отвязать цвѣтуху—и только...

Розалька заломила руки и со вздохомъ сказала:

— Ну вотъ они люди!.. А что они изъ этого сдѣлали?!.. Что вы сидѣли до ночи въ лѣсу, что ты настраивала его противъ матери, что ты цѣловала его, что онъ тебя...

— Это ложь! — крикнула Ягуся. — Мы пошутили съ минуту, и я сейчасъ-же ушла... Вотъ, какъ передъ Богомъ, правду говорю!..

— Я тебѣ вѣрю, Ягуся... Я тебя, вѣдь, знаю... Но что могутъ надѣлать злые языки!.. Моя мамуся не повѣрила и замолвила за тебя доброе слово. Но ее закричали... А

все зло приписываютъ тому, что нѣкоторые рыбаки женятся на деревенскихъ дѣвушкахъ и портятъ рыбачій родъ...

При этихъ словахъ изъ глазъ Ягуси полились слезы, и она сказала голосомъ, прерываемымъ тихимъ рыданіемъ:

— Чего люди хотятъ отъ меня?.. Развѣ я виновата въ томъ, что моя мать не здѣшняя?..

— И-и, Ягуся! Стоитъ-ли обращать вниманіе на людскіе толки! — успокаивала ее Розалька тономъ особы, искушенной въ жизненныхъ столкновеніяхъ. — Языки у нихъ чешутся, ну... и болтаютъ. А ты, главное, и виду не подавай.

— О, Господи милосердый! — всплеснувъ руками, сказала Ягуся. — Вѣдь, мы же съ Валекомъ помолвлены, и, какъ только онъ вернется со службы, мы поженимся. Такъ неужели мнѣ съ нимъ и слова сказать нельзя?

— Гм... Это то можно... только...

— Розалька моя!—возбужденно заговорила она.—А ты со Стахомъ мало развѣ говорила? Развѣ онъ не ходилъ за тобою, какъ тѣнь?

— Это совсѣмъ другое дѣло... Стахъ по нашимъ обычаямъ,— она подчеркнула послѣднія слова,—поклонился родителямъ, получилъ благословеніе...

— А ты думаешь, Валекъ не былъ у насъ?

— Можетъ, онъ и былъ, но безъ своихъ родителей,— твердо отвѣтила она.

— Потому что Кустошова ссорится съ мамусей... Развѣ это моя или его вина?

— Между семьями, которыя хотятъ породниться, долженъ быть миръ. Ужъ такой у насъ обычай.

— Что-жъ, Розалька, и ты начинаешь надо мною насмѣхаться?—сказала она съ упрекомъ въ голосѣ.

— Я—нѣтъ. Вѣдь, мы знаемъ другъ друга съ дѣтства...

Въ это время подбѣжалъ Андрюша съ крикомъ:

— Ягуся! Ужъ ѣдутъ!

Дѣвушки поднялись съ земли и, ставъ позади лодки, у руля, смотрѣли на море, полное искръ и волнистаго движенія. Вдали, на западѣ, гдѣ небо сливалось съ темной линіей моря, бѣлѣли, словно крылья бѣлыхъ чаекъ, паруса рыбачьихъ лодокъ. Видно было, какъ лодки мѣрно подымались и опускались вмѣстѣ съ волнами.

Мальчики, взобравшіеся на верхъ лодки, выдвинутой на сухой песокъ, громко считали, перекрикивая другъ друга.

— Разъ, два, три... Восемь насчитали!

— Всѣ вмѣстѣ возвращаются,—сказала Розалька.

— Да, конечно,—добавила Ягуся.—Море спокойно, они и ѣдутъ всѣ въ рядъ.

Въ каждой изъ восьми лодокъ сидѣло по трое рыбаковъ, а всѣ восемь составляли одну рыбачью группу, подъ предводительствомъ одного шкипера.

Теперь на валу каждую минуту появлялись жены и дѣти возвращавшихся рыбаковъ, и всѣ столпились тутъ же надъ моремъ, чтобы встрѣтить своихъ, узнать о результатѣ ловли и забрать рыбу домой.

— Го! Го!—донеслось издали съ моря.

— Здорово! Много Богъ послалъ? А? Много?

— Посчитайте! Какъ-нибудь донесемъ. Могло и больше быть!—раздавалось то изъ одной, то изъ другой лодки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега паруса упали съ мачтъ, и моряки налегли на весла, стараясь какъ можно дальше выдвинуть носы на сухой песокъ.

Розалька быстрымъ взглядомъ обвела всѣ лодки и шепнула:

— Ягуся, а, вѣдь, Валека здѣсь нѣтъ.

— Да онъ и не долженъ быть здѣсь. Онъ черезъ мѣсяцъ будетъ призываться.

— И шкиперъ его уволилъ?

— Да, уволилъ.

Среди говора и смѣха лодки причалили къ плоскому берегу.

— А, ты здѣсь, Ягуся?—крикнулъ невысокаго роста широкоплечій рыбакъ, съ улыбкой на бритомъ лицѣ, когда носъ его лодки врылся глубоко въ сухой песокъ.

— Да, тятька,—отвѣтила она, подходя къ отцу.—И Андрюша здѣсь.

Два другихъ рыбака снимали паруса и приводили лодку въ порядокъ, а старый Рудзинъ поднялъ мѣшокъ, спитый изъ старой густой сѣти, выскочилъ на берегъ и высыпалъ на песокъ пойманную рыбу. Больше всего здѣсь было камбалы и еще какой-то рыбы странной формы, плоская, съ двумя глазами на пестрой сторонѣ тѣла и красными плавниками. Выброшенныя на горячій песокъ, онѣ испуганно смотрѣли своими плоскими глазами, судорожно вздрагивали, рылись въ сыпучемъ пескѣ и широко раскрывали рты, словно молили о помощи и спасеніи. Другія съ испугу лежали неподвижно и по нимъ скользили змѣевидные ужи, извивавшіеся склизкими тѣлами между кучами рыбъ. Испуганные окуни даже не пытались расправить свои плавники, хотя

тутъ-же подлѣ нихъ трепеталъ ненасытный водный волкъ—щука, открывая и замыкая челюсти съ острыми зубами.

Дѣти и женщины со смѣхомъ и криками хватали разбросанную на пескѣ рыбу, клали ее въ кошелки и корзины и, не сортируя ея, несли изо всѣхъ лодокъ въ лодку шкипера, который вмѣстѣ съ двумя товарищами вытаскивалъ свою лодку на берегъ. Старшіе несли, а дѣти подбирали падавшую на землю рыбу,—и среди веселаго шума весь ловъ сбросили въ черную лодку шкипера.

Рыбаки тѣмъ временемъ вытаскивали лодки съ моря, собирали мокрыя сѣти и развѣшивали ихъ на палкахъ, вбитыхъ въ прибрежный песокъ.

Ягуся, бросивъ послѣднюю рыбу въ лодку шкипера, подошла къ отцу, который съ восемнадцатилѣтнимъ сыномъ Яковомъ вытаскивалъ сѣти изъ лодки.

— Принести палки?—спросила дѣвушка.

— Надо сперва еще починить сѣть,—отвѣтилъ ей братъ.—Мы изъ-за васъ одинъ уловъ потеряли.

— Какъ изъ-за насъ?—вспыхнула она.

— Потому что вы очень крѣпко вяжете,—сказалъ онъ, смѣясь, показывая дыры въ сѣтяхъ.

— И канатъ порвется, если на острый камень попадетъ,—оправдывалась она.

— Однако, у другихъ не порвалось, потому что другіе знаютъ, какъ надо сѣти плести.

— Куба, да оставь ее въ покоѣ!—примирительно сказалъ отецъ.—Вѣдь, она не одна вязала.

— Но и не со мной,—проворчалъ братъ.

— Ягуся,—сказалъ отецъ,—мы съ Кубой понесемъ домой сѣть,—надо починить ее до вечера... а ты съ Андрюшей пойдешь къ Симону,—онъ указалъ глазами на лодку шкипера,—и возьмешь, какъ всегда, двѣ доли.

— Хорошо, тятька. Эй, Андрюша, иди-ка сюда!.. Ахъ, наказаніе Божіе съ этимъ мальчикомъ!..

— Ну что же? Ребенокъ, да еще мальчикъ,—ласково сказалъ отецъ.

Ягуся быстро подошла къ лодкѣ шкипера, которую окружили со всѣхъ сторонъ женщины, дѣвушки и дѣти и ждали своихъ долей. Шкиперъ Симонъ—высокій сѣдѣющій человѣкъ, съ обросшимъ подбородкомъ и шеей, сидѣлъ въ лодкѣ на лавочкѣ, помогалъ и присматривалъ за сортировкой рыбъ.

Поминутно нѣсколько десятковъ рукъ,—большія, почернѣвшія, мозолистыя мужскія руки и узкія, бѣлыя женскія

опускались въ кучу мокрыхъ рыбъ и, вылавливая камбалу и форель, бросали эти сорта въ особые мѣшки.

Это была рыба, назначенныя для продажи въ Данцигъ, прибыль съ которой шла въ общую кассу.

Другія рыбы, зеленоватыя, сѣрыя, серебристыя, желтыя, пестрыя или одноцвѣтныя, съ чешуей и безъ чешуи отодвигались или бросались въ сторону лавочки, на которой сидѣлъ шкиперъ.

При общей работѣ, сортировка скоро кончилась, и Симонъ крикнулъ:

— Камбалу и форель въ ящикъ

Три рыбака быстро и ловко принесли лежавшій поодаль трехъугольный ящикъ, съ небольшими отверстіями въ крышкѣ, и стали перекладывать туда рыбу.

Шкиперъ тѣмъ временемъ дѣлилъ на глазъ оставшуюся рыбу на равныя части. Каждый членъ артели получалъ свою долю на домашнее употребленіе, вдовы получали полъ-доли.

Старый Симонъ столько лѣтъ уже дѣлилъ ежедневно рыбу, что съ математической точностью дѣлилъ огромной почернѣвшей рукой кучи безпокойныхъ, трепещущихъ, мятущихся рыбъ на одинаковыя части. Жены, дочери или малолѣтніе сыновья рыбаковъ тутъ же подхватывали свои доли и уходили черезъ песчаный холмъ по дорогѣ въ лѣсъ, къ рыбачьимъ поселкамъ.

Ягуся, улучивъ удобную минуту, забрала двѣ доли за отца и брата Якова, который, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, состоялъ уже членомъ артели, и, кликнувъ Андрюшу, пошла домой.

Скоро ее догнала Розалька.

— Ягуся,—сказала она,—какъ поѣдешь завтра въ Данцигъ...

— Послѣ завтра,—задумчиво добавила Ягуся.

— А мнѣ казалось, что завтра.

— Нѣтъ. Симонъ говорилъ-же, чтобъ мы въ пятницу поѣхали съ рыбой.

— Все равно—завтра или послѣ завтра... Купи мнѣ полтора метра ситцу, я тебѣ дамъ образчикъ,—мнѣ на юбку не хватаетъ,—и бѣлыхъ нитокъ, и бумаги, и полъ-дюжины иголокъ... Не забудешь?

— Зачѣмъ же забыть? Дай мнѣ только образчикъ и номеръ нитокъ скажи.

— Я забѣгу къ тебѣ вечеромъ или завтра утромъ и скажу тебѣ.

Они молча взошли на песчаный валъ. Ягуся, взглянувъ

на дорогу, уходившую въ лѣсъ, вспомнила свою встрѣчу съ Кустошовой, матерью Валека, бросила быстрый взглядъ на подругу и нерѣшительно сказала:

— Розалька! А ты мнѣ скажешь правду, всю правду?

— Я всегда говорю тебѣ правду.

— Повтори-же мнѣ, что говорила вчера про меня Кустошова?

— Она жаловалась, что Валекъ непокорный сынъ, что онъ ради тебя только записался въ артель Симона, чтобъ тебя чаще видѣть,—при этихъ словахъ она залилась веселымъ смѣхомъ,—что ты, вѣроятно, его заколдовала,—такъ онъ за тобою гонится. А Пыпрова совѣтовала приворожить... Ну вотъ... всякіе пустые разговоры.

— И больше ничего?—допытывалась Ягуся.

— Развѣ я могла все запомнить?—улыбаясь, сказала Розалька.—Вѣдь, онѣ добрыхъ два часа тарабарили. А Кустошова утѣшается тѣмъ, что когда Валекъ пойдетъ во флотъ и не будетъ тебя видѣть, то это все у него изъ головы вылетитъ.

— И пускай... Развѣ я его держу или принуждаю его? Привязался ко мнѣ, и изъ-за него на мой счетъ языки всѣ чешутъ... Развѣ онъ одинъ на свѣтѣ?!

· На твоемъ мѣстѣ я на чистоту объяснилась бы съ нимъ.

— Что жъ бы ты сказала ему?

— Хочешь жениться, то пусть будетъ миръ между нашими, а не будетъ мира—не будетъ и свадьбы.

— Ого... Ты, Розалька, рѣшительная, умная,—похвалила Ягуся.

— Потому что я старше и опытнѣе тебя.

— Ну... на много-ли ты старше?..

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Семнадцать.

— А мнѣ уже двадцать. А, вѣдь, каждый годъ что-нибудь значитъ.

— Гм... это правда. Я въ этомъ году много пережила. Я наслушалась клеветы, узнала несправедливость... Ну и Валекъ пойдетъ во флотъ, быть можетъ, поѣдетъ въ теплые края, за море...

— Эхъ, не тужи, Ягуся. И мой Стась былъ три года за моремъ и пріѣзжаетъ живъ-здоровъ въ Ястарню.

— Когда жъ вы поженитесь?—спросила Ягуся.

— Онъ, вѣроятно, будетъ торопить, но мнѣ не къ спѣху. У его родителей есть домъ, но всѣ дѣти при нихъ—мѣста

мало. А въ чужомъ домѣ я жить не хочу. Онъ еще до службы скопилъ сто талеровъ; и изъ флота что-нибудь привезетъ; быть можетъ, еще сотню... Но этого мало еще чтобы домъ.

— Гм... зачѣмъ же вамъ сразу цѣлый домъ и хозяйство?

— О, мнѣ у мамуси хорошо; я жить кое-какъ не хочу, хотя бы и со Стахомъ.

— Вотъ ты какая!—шепнула ей Ягуся.

— Ну конечно. Если-бъ онъ меня хорошенько попросилъ и поклялся, что будетъ изо-всѣхъ силъ работать, построилъ бы хату съ кухней, какъ бывала мода въ прежнее время,— я, быть можетъ, вышла-бы за него, потому что... что ни говори, а все таки лучше всего на своемъ хозяйствѣ.

— И люди перестали-бы чесать свои языки,—со вздохомъ добавила Ягуся.

— Ого, я на свой счетъ никому прохаживаться не позволила-бы... Ужъ я бы знала, что сдѣлать.

— Что-жъ бы ты сдѣлала?

— Пусть бы только Урбаны стали носъ задирать, я сейчасъ бы сказала Стасю: „Пускай держатъ языкъ за зубами, или ищи себѣ другую. Я тебѣ не пара“.

Ягуся тихо вздохнула въ отвѣтъ.

Онѣ подходили уже къ поселку; всѣ почти домики ничѣмъ не были огорожены. Подруги должны были разстаться, такъ какъ дороги ихъ расходились.

Ягуся прибавила шагу и, пройдя извилистую тропинку между безпорядочно разбросанными домами, остановилась передъ своимъ домомъ; вся семья, вмѣстѣ съ ближайшими сосѣдями, разсматривала порванную сѣть. Два боковыхъ крыла, укрѣпленныхъ на вертикальныхъ древкахъ, къ которымъ привязываютъ канаты при спусканіи сѣти въ море, были невредимы, только средняя часть, такъ называемая матка, задерживающая рыбу, была порвана и, натянутая на палки, зіяла большой дырой.

Старый Рудзишъ, жестикулируя, громко говорилъ:

— Мы уже возвращались домой, а Куба вдругъ мнѣ говоритъ: „Спустимъ-ка еще разъ тоню...“ Ну что-жъ, пустить, такъ пустить... бросили... Матка опустилась и тянется по дну; даже не глубоко, аршинъ на пятьдесятъ, а можетъ, и меньше... Вдругъ слышу—что-то держитъ ее... канаты натягиваются. Я имъ говорю: „вытаскивайте!“—а они все тянутъ да тянутъ.—Онъ указалъ на сына и его товарища.

— Слѣдовало пустить,—замѣтилъ сосѣдъ.

— Я и говорилъ,—добавилъ Рудзишъ.

5*

— Пустить?—вскрикнулъ Яковъ, подходя къ нимъ.—Да я, вѣдь, сейчасъ понялъ, что матка зацѣпилась, и еслибы нити были крѣпкія, сѣть скользнула бы по препятствію, или порвалось бы очко. Ну а при такихъ плохихъ нитяхъ и такой плохой работы,—онъ съ упрекомъ взглянулъ на мать и сестру,—все лопнуло, и мы вытащили пустую сѣть.

— Нити—не желѣзо. Ты рванулъ, онѣ и порвалась,—вставила Ягуся.

— Ты меня уму-то не учи,—огрызнулся Яковъ.—Что-жъ, мнѣ на дно было нырнуть, чтобъ распутать ее руками?

— Зачѣмъ же? — сказалъ сосѣдъ. — Надо было только осторожнѣе поднимать ее.

— А вы думаете, дядюшка, я такъ-таки сразу рванулъ? Я на всякіе лады пробовалъ, и другая сѣть выдержала бы, ну, а такая дрянь...—Онъ брезгливо смотрѣлъ на порванную сѣть.

— Да что-жъ ты, Куба, придираешься? — заговорила мать. — И нити хороши, и плетеніе не хуже, чѣмъ у другихъ. А какъ попала на острый камень — и растянулась — понятно...

— Она не растянута, она порвана, — упрямо твердилъ сынъ.

Всѣ стали обсуждать повреждение сѣти. Мнѣнія расходились, и споръ разгорался. Старый Рудзишъ прекратилъ его:

— Жаль время тратить на пустые разговоры. Рванулъ... сѣть порвалась... ну, и починить надо, потому что вечеромъ опять поѣдемъ. А теперь отдохнуть надо... Мать, — сказалъ онъ женѣ:—что у тебя поѣсть можно?

— Горячій кофе есть.

— Ну и подавай! А потомъ я прилягу. Я чертовски усталъ.

Они вошли въ большую комнату съ низкимъ потолкомъ, съ поперечными балками. Мужчины сѣли за большой столъ, стоявшій между двумя окнами, на которыхъ красовались горшки съ геранью и фуксіей. Ягуся положила предъ отцомъ хлѣбъ и ножъ и, думая о скучной работѣ надъ сѣтью, сложила начатую утромъ работу въ комодъ, стоявшій въ углу комнаты. Отецъ съ довольной улыбкой оглянулъ чистую, прибранную комнату и, замѣтивъ на полкѣ, висѣвшей почти подъ самымъ потолкомъ, среди пестрыхъ раскрашенныхъ тарелокъ и мисокъ, одну тарелку не на своемъ мѣстѣ, поднялся, переставилъ ее, сѣлъ опять за столъ и сказалъ своей дочери, указывая на двѣ прялки въ углу:

— Ягуся, ты бы связала крѣпкія нити изъ американской конопли, а то наша никуда не годится.

— Мы съ мамусей цѣлый клубокъ свили,—отвѣтила она, улыбаясь.—Теперь надолго хватитъ.

— Гмъ... гмъ... это хорошо. Ты у меня проворная, какъ мать. Хорошей хозяйкой будешь.

При этихъ словахъ въ комнату вошла Рудзишова съ двумя кружками кофе и на порогѣ спросила:

— О какой ты хозяйкѣ говоришь?

— О тебѣ и Ягусѣ.

— Это по поводу готовыхъ нитокъ,—добавила дочь.

— Чудной народъ мужчины эти! — добродушно сказала она.— Столько лѣтъ хозяйство веду, а онъ все дивится, что нити готовы. Беэпамятный какой!..

—Гмъ...правда. Вотъ ты-то памятлива и на зло, и на добро,— сказалъ онъ, улыбаясь и попивая кофе.

— Ужъ какая родилась, такая и есть, — отвѣтила она и сѣла за столъ.

Андрюша, сидѣвшій на лавочкѣ подлѣ большой кафель, ной печи, нѣсколько минутъ молча глядѣлъ на отца и брата которые съ аппетитомъ пили свой кофе, и, наконецъ, заявилъ:

— Мама, я ѣсть хочу.

— Да, вѣдь, ты недавно ѣлъ,—сказала она, придвигая къ себѣ ковригу хлѣба.

— Много бѣгаешь, — добавилъ отецъ. — Вотъ и ѣсть часто охота.

— На, Андрюша. — Мать подала ему ломоть хлѣба. — А ты, Ягуся, дай ему молока. Я оставила его на кухнѣ.

Андрюша съ Ягусей вышли. Яковъ первый выпилъ свой кофе и, отодвигая кружку, глубоко вздохнулъ.

— Не хочешь-ли еще? — заботливо спросила мать.

— Если есть...

— Найдется,—сказала она, вставая.—А тебѣ, старикъ, довольно?

— Гм.. дай мнѣ полъ-кружки.

— Ну, кончай,—потчевала его жена.

— Нѣтъ, нѣтъ, долей.

Она вышла и скоро вернулась съ двумя полными кружками, поставила ихъ на столъ, сѣла на свое мѣсто, взглянула въ открытое окно и сказала съ довольной улыбкой:

— А вотъ Ягуся уже за работой. Теперь она мнѣ большая подмога. Слава Богу.

Похвала сестрѣ уязвила самолюбіе Якова и онъ сказалъ съ досадой въ голосѣ:

— Легкая работа... и дѣлается легко. Вотъ бы ей такъ помучиться, какъ я...

И онъ вздохнулъ, продолжая хлебать свой кофе.

— Такъ у тебя, вѣдь, и силы другія,—отвѣтила мать, съ гордостью глядя на широкія плечи и сильныя руки сына.

— Знаешь, Марыся, это силачъ,—улыбаясь, сказалъ отецъ.—Онъ какъ начнетъ вытягивать сѣти, то съ нимъ никому не сравняться.

— Славу Богу, жаловаться грѣхъ,—сказалъ Яковъ, польщенный словами отца, и хвастливо выпрямилъ большую сильную мозолистую руку.

— Горе намъ будетъ, когда ты во флотъ пойдешь,—проговорила мать, теперь уже огорченная перспективой военной службы сына.

— Да это еще далеко, мамуся,—отвѣтилъ онъ, смѣясь.—Еще цѣлыхъ два года. Много еще перемѣнится...

— Да что же можетъ измѣниться?—замѣтилъ отецъ, пожимая плечами.—Служба, какая была, такая и будетъ. А ты выростешь, возмужаешь, и тебя заберутъ.

— Хоть бы мнѣ калѣкой стать, что-ли?—громко сказалъ сынъ, и въ голосѣ его была слышна увѣренность здороваго, сильнаго человѣка.

— Ну не болтай глупостей!—заволновалась мать.—Долго ли несчастье накликать?

— И-и... мамуся деревенская, она и моря боится. А я его знаю, мнѣ оно не страшно.

— Боюсь я его, или нѣтъ—это дѣло мое,—сказала она, хмурясь при напоминаніи о ея происхожденіи, которымъ ей вѣчно надоѣдали.—А ты ложись вотъ спать. Постель готова

— И сосну-же я, съ удовольствіемъ!—сказалъ онъ, вставая, и тяжелыми шагами вышелъ въ смежную комнату, гдѣ спалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ.

Какъ только дверь закрылась за нимъ, отецъ заговорилъ:

— Это силачъ, какихъ мало, жена. Онъ сегодня чуть лодку не перевернулъ, какъ сѣть рванулъ.

— Ну вотъ видишь!—горячо отвѣтила она.—Я говорила, что онъ, вѣроятно, сильно рванулъ. У тебя никогда сѣти не рвались.

— Что-жъ? Молодой, горячій. И я такой былъ,—сказалъ онъ, вставая съ креселъ.—Марыся, Лога приходилъ?

— Онъ еще утромъ былъ,—отвѣтила она, подходя съ мужемъ къ большой кровати, стоявшей за перегородкой.—Онъ говорилъ, что такъ какъ мы должны ему семьсотъ ма-

рокъ, а уловъ неважный, то онъ намъ больше дать взаймы не можетъ.

— Какъ это семьсотъ?—вспылилъ онъ.

— Потому что онъ считаетъ проценты за два года.

— Ахъ, ростовщикъ этакій! Но я съ нимъ посчитаюсь, а провести себя не дамъ!—гнѣвно сказалъ онъ.

— Извѣстное дѣло, хоть судиться будемъ, а гроша лишняго не отдадимъ... Что? У насъ дѣтей нѣтъ?.. Быть можетъ, Ягусѣ Богъ нынче жениха пошлетъ. Кто знаетъ?

— Гмъ... они любятъ другъ друга,—сказалъ онъ, снимая старую куртку.

— Кто?

— Развѣ ты не знаешь? Кто-же, если не Валекъ съ Ягусей?

— Эге... онъ теперь на службу идетъ. Кто знаетъ, что будетъ?

— Что же будетъ? Они поженятся—и все.

— Я ничего противъ этого не имѣла-бы. Онъ—славный парень. И носъ Кустошовой хотѣлось бы утереть: ужъ больно она зазнается... Но безъ ихъ просьбы я ни за что Ягуси не отдамъ.

— Это понятно...—отвѣтилъ онъ, зѣвая.—Они—должны прійти къ намъ, по нашимъ обычаямъ... а теперь я отдохну. Какъ почините сѣть, разбуди меня—я посмотрю.

— Спи, спи, я тебя во-время разбужу.

Онъ легъ на широкую деревянную кровать, устланную, несмотря на лѣтнюю пору, перинами и пуховиками, выпрямилъ усталые члены и скоро заснулъ.

Было еще добрыхъ два часа до захода солнца, когда Рудзишова, убѣдившись, что обѣдъ, оставленный въ печкѣ для мужа и сына, еще не остылъ, разбудила сперва мужа, затѣмъ пошла къ сыну. Въ комнаткѣ подлѣ кухни, несмотря на раскрытое окно, было жарко и душно. Яковъ, красный и потный, крѣпко спалъ подъ легкимъ пуховикомъ.

— Куба! Куба!.. Вставай, родной!

На ея громкій окрикъ спящій вздрогнулъ и перевернулся лицомъ къ стѣнѣ. Мать подошла къ кровати и дернула его за руку.

— Что? Что?—вскрикнулъ онъ, протирая глаза.

— Вставай, Куба, уже солнце садится...

— Сейчасъ... Но какъ здѣсь жарко, словно въ предбанникѣ!...

— Встань—освѣжишься.

— А обѣдъ?

— Сейчасъ подаю,—отвѣтила она, уходя въ кухню.

Старикъ между тѣмъ уже одѣлся и вмѣстѣ съ Ягусей осматривалъ починенную сѣть.

— Гмъ... работа отмѣнная...—похвалилъ онъ дочь.—Нити крѣпкія, и плетенье отличное. . все хорошо. Пошли, Господи, хорошій уловъ!

— Дай Богъ!—серьезно и тихо отвѣтила Ягуся.

— Гей! Супъ твой остынетъ!—крикнула Рудзишова съ порога.

— А Куба?

— Онъ уже всталъ.

Рудзишъ, тяжело ступая и переваливаясь, направился къ дому, говоря шедшей за нимъ дочери:

— Когда продадите рыбу завтра, возьмешь у Михаила марку и купишь себѣ, что тебѣ нужно.

— Спасибо!—сказала дѣвушка, цѣлуя мозолистую руку отца.—А я ужъ тужила, думала все—гдѣ-бы мнѣ достать денегъ на кружева къ переднику.

— Гдѣ-же ты можешь достать?—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.— Пока ты у меня, это моя забота.

— Я хотѣла захватить съ собою немного нашей рыбы...

— Какой?—спросилъ онъ, нахмурившись.

— Да той, что на кухнѣ, и продать.

— Гмъ... если можешь продать, бери. Но прежде всего ты должна предлагать камбалы и форели.

— Это я знаю...

Они вошли въ комнату. Отецъ сѣлъ за столъ, на которомъ стояла уже полная тарелка ухи; въ ту-же минуту вошелъ Яковъ. Оба набожно перекрестились, накрошили въ свои тарелки хлѣба и стали ѣсть, громко хлебая изъ цинковыхъ ложекъ; послѣ супа мать подала жареную рыбу съ подливкой, а затѣмъ заливное изъ рыбы, облитое уксусомъ.

Старикъ, окончивъ обѣдъ, вытеръ губы дырявымъ платкомъ, вынулъ изъ кармана жилета кисетикъ и, бережливо высыпавъ на руку щепотку табаку, осторожно втянулъ ее въ носъ громко чихнулъ, такъ, что въ комнатѣ зазвенѣло, и, крякнувъ, разсмѣялся.

— Хорошій, крѣпкій табакъ,—сказалъ онъ, втягивая оставшійся въ рукѣ табакъ.—Гмъ... А ты знаешь, мать, что Ягуся завтра въ Данцигъ пойдетъ?

— Знаю, знаю...—отвѣтила она, вздыхая.—Столько вещей купить надо... Муки, крупы, кофе, цикорія, сахару...

— На сколько же всего?—спросилъ онъ, нахмурившись.

— Гмъ... марокъ на восемь...

— Много, слишкомъ много.

— Да, помилуй, столько ртовъ надо накормить... Что же, я добра твоего не берегу, не работаю?.. Что же, для меня все это?..

— Ну, ну, ладно... Ягуся возьметъ у Михаила четыре марки, а четыре дай изъ комода.

— Хоть бы онъ пять далъ,—сказала жена.

— Онъ пять и дастъ, но одна для Ягуси.

— А ей на что?—спросилъ Яковъ.

— Ей за работу слѣдуетъ.

— Для нея тятька не скупится... а я по цѣлымъ ночамъ работаю...—недовольно проворчалъ сынъ.

— Ты, Куба, въ артели,—вѣско сказалъ отецъ,—и зарабатываешь, сколько и я. Я твоихъ денегъ не трогаю, а если тебѣ нужно что-нибудь, можешь самъ себѣ купить.

— Ты богаче отца,—добавила мать.—Зарабатываешь не меньше его, а у тебя нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни дома...

— Но, вѣдь, я долженъ вамъ за сапоги, за сѣти, лодку со снастями... Что же мнѣ останется въ концѣ года?

— То, что ты долженъ, то отдашь,—строго отвѣтила мать.—Ты, вѣдь, знаешь, что отецъ задолжалъ Логѣ для тебя?

— Знаю, знаю—и отдамъ... Слушай, Ягуся, купи мнѣ галстухъ, такой, знаешь модный, въ полоскахъ, и запонки.

— Дай же денегъ.

— У тебя не попрошу,—презрительно отвѣтилъ онъ.— Скажешь Михаилу, онъ дастъ тебя на мой счетъ,—съ гордостью добавилъ онъ.

— Если дастъ, то куплю.

— Какъ же онъ можетъ не дать?—вспыхнулъ Яковъ.— Я такое же право имѣю получать деньги, какъ и другіе.

— Конечно, конечно...—успокоилъ его отецъ.—Онъ не можетъ тебѣ отказать...

— Далъ бы Богъ хорошую погоду...—вставила мать, взглянувъ въ открытое окно на синее безоблачное небо.

Рудзишъ высунулся въ окно и сказалъ:

— Вѣтеръ юго-западный и, вѣрно, продержится до утра. Это хорошо.

— А на обратномъ пути?—тревожно спросила мать.

— Пріѣдемъ, пріѣдемъ,—съ улыбкой отвѣтилъ сынъ.— Ужъ такъ или иначе, а къ утру въ Ястарнѣ будемъ.

Рудзишъ всталъ, завелъ стѣнные часы и сказалъ:

— Ты сегодня слишкомъ много перцу положила въ рыбу.

Жена взглянула на него и язвительно отвѣтила:

— Зачѣмъ эти увертки? Хочешь пива—говори; нечего про перецъ болтать. Я сегодня самую малость положила.

— Пивца-то я выпью... безпремѣнно. А все таки такъ много перцу класть не надо. Все нутро обожгло.

— Я тебѣ дамъ кофе, зачѣмъ тебѣ пива?

Мужъ засмѣялся.

— Кофе дашь мнѣ потомъ, а теперь пойду прополощу глотку пивцомъ.

Онъ взялъ шапку, лежавшую на кровати Ягуси, застланной горой перинъ и подушекъ, и направился къ двери.

— И я съ тятькой пойду,—сказалъ Яковъ, вставая изъ за стола.

— И ты пиво началъ пить?—сказала мать съ упрекомъ.

— Нѣтъ. Я зайду къ Михаилу переговорить о деньгахъ. А сколько нужно?

— Почемъ я знаю?—отвѣтила сестра.

— Двухъ марокъ хватитъ?

Хватитъ...

Отецъ съ сыномъ ушли. Черезъ минуту Рудзишова, убирая посуду, услышала громкій плачъ ребенка, игравшаго передъ домомъ. Поставивъ тарелки на столъ, она быстро вышла изъ комнаты и крикнула съ порога дома:

— Зося, чего онъ такъ оретъ?

Дѣвочка лѣтъ восьми, нянчившая годовалаго братишку, равнодушно отвѣтила:

— Почемъ я знаю? Раскричался и все.

Мать взяла ребенка на руки, стала его ласкать, цѣловать, вытерла ему слезы передникомъ и нѣжно приговаривала:

— Тише, цыпочка... не плачь, цыпочка... спать уложу... молочка дамъ... ну не плачь-же, дѣточка... не плачь... не плачь, Владичекъ.

И, качая на рукахъ ребенка, она внесла его въ комнату, положила на кровать и крикнула дочери:

— Ягуся, перемой посуду и присмотри—кабы тамъ кофе не ушло.

Черезъ часъ вернулись отецъ съ сыномъ и стали собираться на ловлю. Рудзишова, уложивъ ребенка, налила въ кружки кофе и поставила ихъ въ корзинку, куда положила также хлѣбъ и холодную закуску.

Мужчины осторожно свернули сѣть, паруса, собрали гирьки, запасныя весла, теплую одежду, багры, мѣшочки, шесты и прочее. Пришелъ и третій рыбакъ, ѣздившій всегда въ лодкѣ Рудзишей и состоявшій въ той-же артели, что и они.

Когда всѣ сборы были окончены, Рудзишъ крикнулъ:

— Давай, старуха, кофе—намъ пора уходить!

— Иду, иду,—отвѣтила она и, повязавъ голову темнымъ платкомъ, вышла изъ комнаты съ корзинкой въ рукахъ.

— Я пойду съ тобой,—сказала она,—всегда провожала и сегодня провожу... Гей, Ягуся, приведи корову съ поля, а ты, Зося, присмотри за ребенкомъ... покачай его, если онъ проснется.—Ну, пойдемте, съ Богомъ.

Мужчины пошли впередъ, а она шла за ними, скрипя по песку своими деревянными башмаками, и поминутно оглядывалась на домъ, пока контуры его не растаяли въ надвигавшихся сумеркахъ.

Ягуся при словахъ матери вспыхнула до ушей отъ сознанія, что она злоупотребляетъ довѣріемъ матери, такъ какъ она увѣрена была въ встрѣчѣ съ Валекомъ.

Въ первое мгновеніе она рѣшила послать за коровой младшую сестренку Зосю, а самой остаться дома, гдѣ работы было еще по-горло.

Но Пеструха могла вырваться изъ рукъ Зоси, могла убѣжать въ лѣсъ, гдѣ ее заберетъ полѣсовщикъ и еще придется пожалуй заплатить штрафъ. Нѣтъ... Зосю она послать не можетъ. Можно-бы еще послать Андрюшу, но это такой озорникъ,—встрѣтитъ мальчишекъ и про все забудетъ, а теленокъ будетъ здѣсь мычать и разбудитъ Владика.

Нѣтъ, нельзя послать ни Зосю, ни Андрюшу, она пойдетъ сама, но скажетъ Валеку, что это уже... послѣдній разъ.

Довольно съ нея всѣхъ этихъ толковъ и пересудовъ. Уже разговоры пошли о какихъ-то свиданіяхъ и поцѣлуяхъ... все это сплетни и ложь. Она ходила за коровой, потому что кому-нибудь надо-же было ходить за нею, и если встрѣчала Валека, то болтала съ нимъ нѣсколько минутъ... И въ этомъ ничего дурного не было. Но, чтобы зажать людямъ рты, она перестанетъ ходить за Пеструхой, скажетъ матери всю правду—и кончено... Но сегодня она должна пойти сама, разъ ей послать некого...

Она вошла въ комнату и остановилась передъ зеркаломъ, висѣвшимъ надъ комодомъ. Быстро причесала растрепавшіеся волосы и заплела ихъ въ двѣ косы. Приколола къ воротнику блестящую брошку, обтянула сборки на юбкѣ и, поручивъ Зосѣ присмотръ за спящимъ ребенкомъ, быстро вышла изъ дому.

Пеструха паслась за Ястарней, на полѣ, смежномъ съ сосѣднимъ рыбачьимъ поселкомъ, Боромъ, закрытомъ съ сѣверной и западной стороны сосновымъ лѣсомъ. Ягуся, не

желая проходить мимо домовъ Кустошовой и Пыпровой, свернула отъ поселка налѣво и пошла берегомъ залива. Она шла очень быстро, не озираясь и не оглядываясь, какъ вдругъ ее окликнулъ чей то звонкій голосокъ:

— Ягуся! Ягуся! Куда ты такъ торопишься?

— Я за Пеструхой иду.

— Да, вѣдь, она привязана... не убѣжитъ... погоди немного.

Молоденькая черноволосая дѣвушка подбѣжала къ Ягусѣ, говоря:

— Завтра мы въ Данцигъ поѣдемъ съ камбалой. Что, тебѣ покупокъ много надо сдѣлать?

— Не мало, и мнѣ и для себя надо купить кое-что, и для дома, и для Розальки.

— Насъ должны были везти Михаилъ корабельщикъ и Лаврентій Горный, но Лаврентій, кажется, боленъ...

— Тогда кто-нибудь другой поѣдетъ... рыба ждать не можетъ.

— Конечно... А Казя Трачова поѣдетъ въ новомъ платьѣ, а ты?

— А я въ самомъ старомъ...

— Гм... въ поношенномъ-то платьѣ, пожалуй, не совсѣмъ ловко въ Данцигъ ѣздить.

— Мнѣ, Маруся, до Данцигскихъ жителей нѣтъ никакого дѣла,—сказала Ягуся, не безъ злого умысла подчеркивая слова; она знала, что Марусю интересуетъ одинъ парень, служившій матросомъ въ данцигскомъ флотѣ.

Маруся поняла намекъ и, скрывая свое смущеніе, живо отвѣтила:

— А мнѣ какое дѣло до данцигскихъ жителей? Я уже невѣста, а мать и отецъ жениха все просятъ меня не забывать его... Они прямо надоѣли мнѣ, Ягуся, своими просьбами.

Ягуся, въ свою очередь, поняла колкость Маруси и, вспыхнувъ до ушей, спокойно, однако, отвѣтила:

— Въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ,—у насъ такой обычай. Ну, я пойду за Пеструхой... надо ее подоить... До завтра, Маруся.

Она быстро шла къ выгону и съ горечью думала о томъ, что всѣ въ поселкѣ знаютъ уже о несогласіи Кустошовой на бракъ Валека съ нею, съ Ягусей.

Пройдя Ястарню, она облегченно вздохнула и оглянулась. Она стояла на невысокомъ холмѣ, съ котораго ей видны были красныя крыши сосѣдняго поселка. Направо, въ лу-

чахъ заходящаго солнца темнѣли убогія гряды картофеля, а дальше бѣлѣлъ уже на далекомъ унылом пространствѣ песокъ. Онъ царилъ на всемъ полуостровѣ, выдерживалъ дикій напоръ обезумѣвшихъ волнъ и непобѣдимый, гордый, блестѣлъ на солнцѣ милліардами кристалликовъ, изъ которыхъ каждый путемъ страшной борьбы съ моремъ, волнами и мракомъ выбрался къ свѣту и солнцу.

Изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ неукротимое море высылало волну за волной для покоренія своего бывшаго невольника.

Волны налетали на берегъ, уносили мелкія песчинки, но плотные слои лишь крѣпли подъ напоромъ воды и песчаное царство расширялось.

Воздухъ былъ мягокъ и тихъ. Косые яркіе лучи закатнаго солнца горѣли на верхушкахъ деревьевъ, золотили песокъ и зажигали на волнахъ огненныя пятна

Ягуся медленно шла, смотрѣла на золотящійся песокъ и на искрящееся море и прислушивалась къ далекому ритмичному шуму моря. Въ этой тишинѣ, прерываемой чириканьемъ какой-то одинокой пташки, Ягуся забыла про всѣ свои заботы и огорченія и чувствовала себя сильной, доброй, чистой и веселой; она съ наслажденіемъ вдыхала щекочущій острый ароматъ, который вѣтерокъ приносилъ съ далекаго моря, въ душѣ ея зазвенѣла молодая радость, и она запѣла:

„Плыву въ своей я лодочкѣ, при мнѣ одно весло...
Эхъ, милое, безцѣнное ты наше ремесло!“

Она не успѣла еще допѣть первую строфу, какъ изъ-за лѣса выбѣжалъ молодой человѣкъ, остановился на песчаномъ холмикѣ подлѣ нея и радостно крикнулъ:

— Ягуся моя, Ягуся!

Она улыбнулась ему свѣтлой счастливой улыбкой.

Но, когда онъ внезапно обнялъ ее и поцѣловалъ, она оттолкнула его и съ негодованіемъ заговорила:

— Оставь, Валекъ! Довольно уже съ меня людскихъ пересудовъ!..—И она подозрительно оглянулась кругомъ.

Она никого не замѣтила, но лицо ея сохранило суровое выраженіе и она съ непріязнью смотрѣла на удивленнаго Валека.

— Что случилось, Ягуся? — спросилъ онъ.—Кто тебя обидѣлъ?

— Ты лучше моего знаешь,—отвѣтила она.—Нечего комедію ломать. Спроси у своихъ, что они про меня говорятъ, да какъ судачатъ?

— Да, Богомъ клянусь... я ничего не знаю...

— Не знаешь? Не знаешь, какъ твоя мать вчера чернила меня передъ Пыпровой и Борковой?

— Но почему? Почему? Разскажи, Ягуся.

— Она говорила, что мы сходимся по уговору, просиживаемъ цѣлые вечера за лѣсомъ и, Богъ знаетъ, какія вещи тутъ продѣлываемъ... И за что, за что? За то, что ты заговариваешь со мной, а я отвѣчаю, такъ за это надо безчестить дѣвушку?

— Ягуся, но, вѣдь, я въ этомъ ни душой, ни тѣломъ неповиненъ...—тихо и покорно сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ты, ты одинъ во всемъ виноватъ,—возбужденно заговорила она.—Если мать запрещаетъ тебѣ жениться на мнѣ, зачѣмъ ты ходишь за мной, какъ тѣнь, выслѣживаешь меня, заговариваешь?.. Между семьями долженъ быть миръ,—повторила она слова Розальки.—И разъ твоя мать меня поноситъ, то я вовсе не желаю обручаться съ тобою.

— Ягуся, радость моя, да, вѣдь, ты со мной жить будешь, а не съ моей матерью... У меня есть своя воля, и я женюсь на тебѣ потому, что ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

— Тебѣ легко говорить... А мнѣ въ глаза тычутъ тѣмъ, что я, непрошенная, войду въ чужую семью...

— Ну, Ягуся, я тебѣ скажу всю правду,—сказалъ Валекъ.

— Говори, говори, но все, безъ утайки.

— Я говорилъ уже про тебя отцу... Онъ тебя еще маленькой зналъ и ничего противъ моего желанія не имѣетъ... Ну, а мать...

— Валекъ, говори правду,—строго вставила Ягуся.

— Мать все зла за что-то на твою мать и говоритъ: „зачѣмъ мнѣ теперь попусту слова тратить,—все равно ты на службу пойдешь. Когда ты вернешься домой, я пойду къ Рудзишовой и переговорю съ нею... А теперь не пойду ни за что“. И сколько я ни просилъ ее и отецъ, она не согласилась.

Ягуся слушала его, краснѣя и блѣднѣя, и, скрипнувъ зубами, сказала:

— Если твоя семья не довѣряетъ тебѣ, и надѣется, что черезъ три года ты не то уже будешь пѣть, то что-же я могу тебѣ сказать...

— Ягуся, Богъ съ тобой... да выслушай меня прежде... Я, какъ понялъ, что мать уломать не удастся, сейчасъ пошелъ къ дѣду... Они съ бабушкой, какъ самые старшіе въ семьѣ, должны рѣшить наше дѣло...

— Ну... и что-же?

— И въ воскресенье они пойдутъ къ твоимъ и будутъ просить твоей руки...

Она зардѣлась яркимъ румянцемъ, но молчала.

— Я летѣлъ сюда съ этой новостью, земли подъ собой не чувствовалъ, а ты меня встрѣтила, какъ обманщика, проходимца какого-то,—съ укоромъ сказалъ Валекъ.

— Да... если бы ты зналъ, каково мнѣ... если-бъ тебя такъ донимали колкостями, какъ меня, и ты потерялъ-бы терпѣніе...

— Ягуся моя дорогая, хотя-бы меня пытали, колесовали, я отъ тебя не отказался-бы... А ты съ легкимъ сердцемъ хотѣла уже отказать мнѣ...

— Съ легкимъ-ли сердцемъ... этого ты, вѣдь, не знаешь,— отвѣтила она, вся красная и смущенная.

— О, Ягуся, я такъ люблю тебя,—прошепталъ онъ и, прижавъ ее къ себѣ, покрылъ ея лицо поцѣлуями.

Она высвободилась изъ его объятій и вытерла глаза передникомъ.

— Ягуся, о чемъ ты плачешь?—удивленно спросилъ онъ.

— Я не знаю,—тихо отвѣтила она и быстро подошла къ привязанной къ дереву Пеструхѣ.

— Подожди... я скоро, вѣдь, уѣду на три года... посиди... поболтаемъ...—просилъ ее Валекъ.

— Я опоздаю...—отвѣтила Ягуся и сѣла рядомъ съ Валекомъ подъ сосной.

— Такъ ты предупреди, Ягуся, своихъ, что дѣдъ съ бабушкой придутъ къ вамъ въ воскресенье, послѣ обѣда,— говорилъ Валекъ и, прижимая ее къ себѣ, добавилъ:—Ахъ, Ягуся, если бы ты знала, какъ я тебя люблю!

— Какъ?—съ любопытствомъ спросила она.

— Гдѣ-бы я ни былъ, дома-ли, въ лѣсу, на морѣ, я всегда думаю о тебѣ, и вижу тебя передъ собою. А ты, Ягуся?..

— Я тоже о тебѣ думаю, хотя и не вижу тебя.

— А знаешь, я даже высмотрѣлъ уже мѣсто, гдѣ-мы домъ нашъ построимъ—у меня семьдесятъ талеровъ уже есть, кое-что скоплю на службѣ, остальное я призайму,—и будемъ строиться... У насъ въ Ястарнѣ очень хорошо; и я не понимаю людей, которые шатаются по чужимъ городамъ.

— А быть можетъ, гдѣ нибудь дальше еще лучше...— мечтательно замѣтила Ягуся.

— Лучше быть не можетъ: у насъ лѣсъ, поле, море, никакого надъ нами хозяина нѣтъ. Что заработаемъ, то наше... Нѣтъ, Ягуся, у насъ здѣсь чудесная жизнь...

— А меня иногда любопытство разбираетъ... такъ хочется знать, что тамъ за этимъ синимъ моремъ, какіе тамъ люди, нравы, и если-бъ я была бѣлой чайкой, я полетѣла-бы вотъ туда, гдѣ море сливается съ небомъ, и еще дальше.

— А я не люблю чужихъ краевъ и не тянетъ меня туда. Для меня нѣтъ ничего милѣе Ястарни.

— Ну, мнѣ пора, я пойду!—сказала Ягуся и вскочила съ земли.

— Еще одну минутку!

— Не могу... а ты, Валекъ, побудь еще немного здѣсь... Я не хочу, чтобъ насъ видѣли вмѣстѣ.

Она подошла къ коровѣ, отвязала веревку, опутала ей рога, чтобы она не бодалась и, простившись съ Валекомъ, пошла домой.

По дорогѣ, она не переставала думать о своемъ разговорѣ съ Валекомъ. Конечно, это хорошо, что старики придутъ къ нимъ, но ближе всѣхъ къ сыну стоялъ отецъ съ матерью, а эти чванятся и не желаютъ ее въ невѣстки...

И при этой мысли—ее охватила прежняя досада на Кусошову и сомнѣнія въ своемъ будущемъ, и отравили ей радость свиданія.

Мать уже ждала ее и спросила съ порога дома:

— Что, напаслась Пеструха?

— Едва ноги передвигаетъ!—безразличнымъ тономъ отвѣтила Ягуся.

Мать, взявъ подойникъ вошла въ хлѣвъ и, столкнувшись въ дверяхъ съ Ягусей, спросила ее:

— Ягуся, что ты... такъ грустна?

— У меня свои заботы, мама.

Старуха ласково, сочувственно взглянула на дочь и глубоко вздохнула:

— У кого ихъ нѣтъ, дитя мое?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Мама ушла.

(Наброски).

Пора, читатель, отдохнуть отъ дѣловой суеты, отъ операцій по ссудамъ, отъ учета векселей, отъ споровъ о томъ, хорошо или плохо осуществлена девальвація, нужна ли Манжурка, устоитъ ли „въ добрѣ“ винополія, не почерпѣютъ ли въ скорости красныя линіи на картѣ желѣзныхъ дорогъ... и такъ далѣе, и такъ далѣе... Мнѣ, человѣку дѣла, пришла эта мысль объ отдыхѣ не потому, чтобы я оказался внезапно отрѣшеннымъ отъ дѣла, а потому, что ужъ очень надоскучила та сухмень, безъ которой дѣловая сутолока немыслима. И я сказалъ себѣ: „Пора отдохнуть!“.. Потомъ, взялъ отпускъ, уѣхалъ сюда, на живописную Оку-рѣку,—и вотъ, хочу писать наброски. Ужъ если отдыхать отъ сухмени, то ужъ отдыхать такъ, чтобы ничего дѣлового и въ поминѣ не было!.. Посвятимъ, поэтому, наши досуги музамъ. А кстати, у меня есть и поразсказать кое-что.

Начну свои „литературные досуги“ этакимъ, знаете ли, предисловьицемъ, хотя и помню со школьныхъ лѣтъ, что Лермонтовъ говорилъ: „предисловій у насъ не читаютъ“.— Что-жъ!.. Пускай себѣ не читаютъ, а я, какъ истинный финансистъ нашего времени, предисловіе нахожу необходимымъ и полезнымъ, почему и не могу не написать хотя-бы самой крохотной „вступительной замѣтки“.—Привычка, какъ хотите!..

Меня, видите ли, всегда и чрезвычайно глубоко занимаетъ вопросъ: вполнѣ ли правъ тотъ хмурый философъ, который утверждалъ, что чувство любви порождается исключительно инстинктомъ продолженія рода... Или,—какъ тамъ, у него? Помнится (давно ужъ я, за недосугомъ по банку, не

читывалъ никакихъ метафизикъ!), будто-бы онъ, въ своихъ домыслахъ о любви, приходитъ къ тому выводу, что самая пылкая и непреоборимая любовь тотчасъ-же гаснетъ и слагаетъ свой колчанъ, лишь только появился на свѣтъ живой крохотный результатикъ „метафизики любви",—ребенокъ. Конечно, упаси Боже меня, чиновника, отъ искушенія спорить съ философомъ о метафизикѣ! Но я, однако, позволю себѣ усомниться въ незыблемости этого вывода передъ фактами жизни,—я не могу принять на вѣру „постулата", что любовь объявляетъ себя банкротомъ и ликвидируетъ дѣла тотчасъ-же, какъ только Гансъ и Гретхенъ оказались родителями. Ибо если такой выводъ правиленъ, то,—спросимъ философа,—почему-же это Гансы и Гретхены оставляютъ на произволъ судьбы тѣ трогательно-безпомощные „выводы", къ которымъ ихъ приводитъ метафизика любви? Вѣдь, ужъ если философія подобнаго рода закончена аксіомой, которая вопіетъ сама за себя, барахтаясь въ люлькѣ, то, значитъ, нечего и метафизировать дальше!—Интересы рода восторжествовали, — quod demonstrandum est—инстинктъ продолженія незыблемо консолидированъ, любовь прекратила платежи, и Гансу съ Гретхенъ не зачѣмъ озираться по сторонамъ, ища другихъ метафизиковъ: имъ, исполнителямъ приказаній Воли Міра, продолжать-бы свое дѣло въ интересахъ рода:—беречь ребенка, охранять его здоровье, растить, холить, довести „до дѣла", то есть до половой возмужалости, и завершить такимъ образомъ свою жизненную миссію заботами о комфортѣ молодыхъ Гансовъ и Гретхенъ, новыхъ продолжателей рода. А они, куда ни оглянись, поминутно бѣгаютъ, бросая ребятокъ!.. Ей-богу, тутъ что-то не совсѣмъ такъ, какъ это казалось Шопенгауеру. Эти метафизическіе интересы рода едва ли въ большомъ выигрышѣ оттого, что Гансъ отправится искать новую Гретхенъ, а она—другого Ганса, предоставивъ свою крошку волѣ всякихъ случайностей!—Крошка, безъ родительскаго присмотра, легко можетъ упасть со стула, напримѣръ, подползти къ хавроньѣ, которая примется ее жевать, вмѣстѣ съ арбузными корками... Можетъ искалѣчиться, однимъ словомъ, заболѣть, умереть еще до половой возмужалости, или-же, оставшись въ живыхъ, созрѣть уродомъ, неспособнымъ исполнять велѣнія метафизической Воли.

Пересмотрѣть-бы какъ нибудь на досугѣ этотъ вопросъ о любви, дорогой читатель.

Собственно для меня этотъ вопросъ о любви и о дѣтяхъ является совершенно постороннимъ: я холостякъ,—сорокапя-

тилѣтній, то-есть почти безнадежный, отчаянный холостякъ. Но, тѣмъ не менѣе, и вчужѣ меня глубоко трогаетъ участь покинутыхъ дѣтей, которыхъ безсовѣстно, безсердечно надула и обидѣла метафизика.—Чѣмъ, Боже мой, грѣшны эти крошки, если виновникамъ ихъ дней (какъ правильно, какъ вѣрно, точно, справедливо это слово „виновники“ въ приложеніи къ родителямъ!) какая-то тамъ Воля съ представленіемъ приказала разбѣжаться въ разныя стороны?! За что невинные, безгрѣшные „выводы“ должны нести всѣ невзгоды сиротской судьбы при живыхъ родителяхъ, покинувшихъ ихъ безъ призора?! Тяжелый это вопросъ, читатель!..

Май былъ хорошъ въ этотъ годъ,—теплый, ясный, дождливый... Дожди перепадали ежедневно, не проливные,—короткіе и веселые: набѣжитъ тучка, брызнетъ дождь въ теченіе четверти часа,—и снова небо ясно, солнце привѣтливо свѣтитъ, деревья и газоны обмыты, пыли нѣтъ. Главная заслуга этихъ ежедневныхъ ливней-шалуновъ въ томъ и заключалась, что они плотно прибивали пыль, нашу городскую, баснословную, безпримѣрную пыль, досадную даже для насъ, сроднившихся съ ней, и способную перепугать насмерть какого-нибудь ротердамца, копенгагенца. Безъ пыли, воздухъ былъ невѣроятно чистъ, даже благовоненъ, были ярки цвѣта, прозрачна даль, жива и ослѣпительна на солнцѣ бѣлизна домовъ, точно выросшихъ, похорошѣвшихъ; безъ пыли просто не вѣрилось, что живешь дома, въ нашемъ родномъ городѣ... И настроеніе было такое хорошее, счастливое, бодрое, юное и привѣтливое.

Мы шли по главной улицѣ съ Сергѣемъ Петровичемъ Паули, моимъ недавнимъ знакомымъ, которымъ я увлекался. Встрѣтились мы въ это утро у дверей отеля, гдѣ жилъ Паули, гдѣ я снялъ на лѣто номеръ, переселивъ на дачу мать и сестру; встрѣтились съ оживленными восклицаніями привѣта,—точно годъ не видались!—оба веселые, оба осчастливленные и прекрасной погодой, и собственнымъ хорошимъ настроеніемъ, и—особенно я—нашей встрѣчей... Но надо сказать пару словъ о Паули.

Познакомился я съ нимъ въ ресторанѣ нашего отеля, гдѣ обѣдалъ въ будніе, служебные дни. Оба вспоминали объ обѣдѣ поздно, часу въ седьмомъ, оба появлялись почти одновременно въ залѣ. И, встрѣчаясь ежедневно, мы начали обмѣниваться взглядами, потомъ сдержанными поклонами, потомъ парою словъ, и къ концу второй недѣли нашего шапочнаго знакомства уже поджидали другъ друга, если одинъ изъ насъ запаздывалъ, а свидѣвшись, садились за

одинъ и тотъ-же отдѣльный столикъ. Нашлось у насъ много общаго,—вкусы, привычки, симпатіи, взгляды... Оказалось, что тотъ и другой изъ насъ имѣлъ общихъ знакомыхъ въ отечественныхъ столицахъ, въ городахъ Европы, общихъ любимцевъ въ литературѣ, общихъ антагонистовъ въ сферѣ мысли... Сошлись, однимъ словомъ, замѣчательно дружно. Могло быть при этомъ, что Паули не создавалъ иллюзій на мой счетъ и дарилъ меня вниманіемъ лишь потому, что былъ одинокъ, безъ знакомства; что-же до меня,—я буквально былъ влюбленъ въ моего компаньона-сотрапезника. Съ перваго же момента привлекъ онъ и остановилъ на себѣ мое вниманіе красивымъ, энергичнымъ и открытымъ лицомъ, корректнымъ, почти элегантнымъ костюмомъ, манерами, независимость которыхъ смягчалась естественной, незаученной граціей, умѣньемъ держаться съ большимъ достоинствомъ, но скромно, что особенно чаруетъ въ провинціи, дэнди которой еще ждутъ своего Мольера. Отъ головы, остриженной а-ля-броссъ, нѣжнымъ и густымъ темно-каштановымъ плюшемъ, до носковъ ботинокъ; отъ взгляда живыхъ темно-сѣрыхъ глазъ, общительнаго и въ то-же время независимаго, до привлекательной, чисто-свѣтской манеры владѣть ножомъ, вилкой, не скрывая здороваго аппетита,—все у Паули было какъ-то не по-нашему, не по-руски, а по-иностранному, что мнѣ очень нравилось. Среди обычныхъ посѣтителей первокласснаго ресторана,—неотесанныхъ нахаловъ-дворянъ, гордящихся своимъ малиновымъ околышемъ, разфуфыренныхъ купчиковъ съ жестами дипломированнаго Журдена, важныхъ биржевиковъ, выглядѣвшихъ шуллерами, блестящихъ офицеровъ, выступавшихъ пышно и гордо, какъ индюки,—симпатичная фигура моего Сергѣя Петровича казалась феноменально интересной. Не удивительно, что я съ восхищеніемъ отмѣтилъ его съ перваго-же дня, быстро пошелъ съ нимъ на сближеніе, а сблизившись и увидѣвши подъ этой очаровательной внѣшностью очаровательный умъ, не могъ уже дня жить безъ Паули. Къ концу мѣсяца, въ теченіе котораго длилось наше знакомство, мы были почти-что друзьями.

Почти-что—сказалъ я... Да,—только *почти*! Ибо Паули былъ не изъ тѣхъ, падкихъ на сближеніе, Маниловыхъ, которые начинаютъ глядѣть на васъ влюбленными глазами послѣ двухъ-трехъ интимныхъ словъ и испытываютъ недомоганіе, пока не выльютъ передъ вами душу, чаще всего шаблонно-скучную, мелкую. Паули,—чувствовалось это,—тонко-деликатно иронизировалъ надъ вами и надъ собой даже въ

тѣ моменты откровенности, когда, повидимому, ставилъ васъ въ преддверіе собственныхъ тайниковъ!—Остроумнымъ трюизмомъ, саркастической шуткой спѣшилъ онъ тотчасъ-же завѣсить эти тайники, едва вы насторожили ваше вниманіе. При необходимости указать литературный образецъ, я охотнѣе всего сравнилъ-бы Сергѣя Петровича съ Печоринымъ... если-бы герой мрачнаго времени не былъ такъ схематически-демониченъ, а Паули — такъ общителенъ, любезенъ и простъ, даже такъ весело-простъ въ проявленіяхъ той откровенности, которая собственно его душевныхъ тайниковъ не касалась.

Что тайники у него были, это я замѣтилъ, это я *почувствовалъ* очень скоро, присмотрѣвшись къ Паули влюбленными и ревнивыми глазами друга, сознающагося себѣ въ нѣкоторомъ проигрышѣ на валютѣ, при обмѣнѣ взаимностей, но... только почувствовалъ!.. Я прожилъ съ Паули мѣсяцъ, видясь ежедневно, проводилъ съ нимъ въ увлекательной бесѣдѣ цѣлыя ночи, цѣлые дни оставался съ нимъ наединѣ, когда увозилъ его къ себѣ на дачу,—я наблюдалъ, изучалъ, анализировалъ его, я даже шпіонилъ за нимъ... И, однако, я не могу безъ оглядки отвѣтить и самому себѣ на вопросъ о безукоризненности этой закрытой, загадочной для меня души...

Что-же касается его біографіи, его соціальнаго положенія,—я узналъ, конечно, все, что требуется и въ полиціи, и въ дружбѣ: этотъ безупречный джентльменъ считалъ-бы нелѣпымъ скрывать свою исторію, какъ скрывалъ свою психологію, и выдавать себя не за того, кѣмъ онъ былъ. Онъ повѣдалъ, что онъ третій сынъ одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Поволжья, но не наслѣдникъ, въ силу майората, что онъ располагаетъ солиднымъ доходомъ, дающимъ свободу заниматься бездоходнымъ дѣломъ науки; что онъ въ разрывѣ съ братьями и остальной родней; что онъ естественникъ и ассистентъ профессора Франсуа Франка; что онъ холостъ, независимъ и не влюбленъ.

Жилъ онъ постоянно за границей, а сюда, на родину, заглядывалъ единожды въ пятокъ лѣтъ, когда стоскуется по пыли родного города, гдѣ выросъ,—и, заглянувъ, начиналъ скучать по Европѣ.—„Тамъ, говорилъ онъ, улыбаясь, я чувствую себя замѣшкавшимся гостемъ, а здѣсь, въ родномъ краю—совершеннымъ чужестранцемъ.—Шлемиль, но Шлемиль „по-русски“, то-есть такой, котораго наличность родной тѣни, блѣдной и безформенной, крайне удручаетъ...“

— А мы, домосѣды, привыкли къ полутьмѣ, и — горя мало!—отзывался я.

Итакъ, мы шли по главной улицѣ, восхищенные прелестью безпыльнаго утра, отдаваясь тому бодрому животному удовольствію дышать чистымъ воздухомъ и оживленно говорить, при которомъ легко забываешь спѣшное дѣло, принятое намѣреніе, предначертанную цѣль и охотно замедляешь прогулку, болтая, смѣясь, оживленно жестикулируя. Среди нашей болтовни о тысячѣ предметовъ, мы не замѣтили, какъ прошли улицу до конца, какъ повернули назадъ и снова прошли до другого конца улицы, гдѣ она упирается въ площадь. Тутъ мы остановились. Мнѣ показалось, что Сергѣй Петровичъ выжидаетъ, не вздумаю ли я откланяться.

— Ну?—спросилъ онъ, когда мы умолкли, истощивъ запасъ бо-мо, и начали переминаться на углу.—Вы... куда же теперь?

— Да мнѣ рѣшительно все равно!—отвѣтилъ я.—Я вышелъ пройтись до завтрака... Куда хотите!

Онъ кинулъ быстрый взглядъ на скверъ, гдѣ пестрѣли туалеты и весеннія, яркія шляпки, слегка нахмурилъ брови и оглянулся назадъ,—на улицу, раскинувшуюся въ строгой красивой перспективѣ; мимоходомъ его взглядъ скользнулъ и по мнѣ... Иногда настроеніе вашего сосѣда, друга, собесѣдника тѣмъ яснѣе улавливается, чѣмъ мимолетнѣе его взглядъ, брошенный на васъ: я почувствовалъ въ этомъ бѣгломъ взглядѣ моего хладнокровнаго, уравновѣшеннаго, всегда тактичнаго Сергѣя Петровича тревогу, колебаніе, недостатокъ увѣренности въ себѣ... Я догадался, что онъ въ эту минуту не похожъ на себя и, стараясь въ томъ не подать вида, насторожился внутренне: „что-де за причина?“ Дальнѣйшее поведеніе Сергѣя Петровича показало, что моя подозрительность не безосновательна;— вотъ онъ снова оглянулся на скверъ, на площадь, вотъ онъ опустилъ голову и нетерпѣливо постукалъ тростью объ элегантный щиблетъ... Потомъ, безъ всякой надобности поправилъ цилиндръ на головѣ, потомъ снова скользнулъ по мнѣ одними уголками глазъ... И у меня уже не оставалось сомнѣнія: да, мой безупречный образецъ самообладанія охваченъ какой-то тревогой, которую не въ силахъ и замаскировать! Меня, что называется, подстрекнуло. Я поклялся сыграть простофилю-наяна и не отставать отъ него.

— Я готовъ не покидать улицу до завтра!—воскликнулъ я, блаженно улыбаясь.

— Гм... Если такъ, то... сдѣлаемъ еще un petit tour,— покорился судьбѣ Сергѣй Петровичъ, медленно повернувшись въ сторону улицы.

Мы отправились, возобновивъ нашу пріятную болтовню. Когда прошли улицу до конца и вернулись, Паули замедлилъ шаги, оборвалъ на полусловѣ юмористическую параллель между роднымъ городомъ и Ліономъ и сказалъ медленнымъ, почти меланхоличнымъ тономъ:

— Какъ хорошо это утро, право!..

— Дивно! Прелестно!—подхватилъ я и разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ хорошему утру. Но не забывалъ при этомъ своей кошачьей роли, подмѣчая каждое движеніе моего спутника. Вотъ онъ въ виду сквера, который былъ уже близокъ къ намъ, еще болѣе замедлилъ шагъ; вотъ онъ даже остановился на секунду, переполненный восторгомъ, выпрямилъ корпусъ, откинувъ руки, и съ наслажденіемъ потянулъ воздухъ всей грудью. Однако, какъ ни чуденъ воздухъ, а итти было необходимо, и Сергѣй Петровичъ поплелся впередъ и заговорилъ тономъ какого-то пояснительнаго вступленія:

— Я, знаете, за послѣднее время пріобрѣлъ привычку бродить безъ цѣли тамъ и сямъ по городу... Точно, понимаете ли, въ предчувствіи, что я разстанусь съ родиной надолго, если не навсегда... Брожу то по отдаленнымъ улицамъ, то въ саду, бываю на рѣкѣ... Захожу вотъ сюда, въ этотъ скверъ,—прибавилъ онъ какъ-бы мимоходомъ, черезъ минуту молчанія.

Потомъ, поднявши голову и улыбаясь кончиками губъ, при чемъ его шелковистые усы замѣтно дрожали, онъ продолжалъ съ напряженной непринужденностью:

— Полюбилъ, представьте, дѣтьми любоваться... Посмотрите, сколько тамъ ихъ, этихъ живыхъ шариковъ!—указалъ онъ на скверъ, гдѣ пестрѣли дѣтскіе токи и гамлеты. — И у меня, какъ это ни странно для меня, есть уже одно очень пріятное знакомство среди крохотныхъ посѣтительницъ этого сквера,—прелестная вострушка лѣтъ пяти, очаровательная, какъ... купидончикъ! Простите это тривіальное сравненіе, но я теперь не подберу лучшаго...

„Прощаю!"—подумалъ я.—„Прощаю, мой очаровательный другъ, въ виду вашего безвыходнаго положенія лицомъ къ лицу со мной, наяномъ, поклявшимся не терять васъ изъ виду. Ужъ до сравненій ли вамъ!" И я поощрилъ его, воскликнувъ съ самой наивной веселостью:

— Что вы?! Какъ я радъ, что у васъ такое прекрасное

сердце, Сергѣй Петровичъ!.. Я самъ такъ люблю дѣтокъ... Ну-те, ну-те?

— Да!.. Очень милая дѣвочка. Мы съ ней уже коротко сошлись... Обыкновенно, такъ происходятъ наши свиданія: я сажусь на одну изъ скамей, она подбѣгаетъ, довѣрчиво, чистосердечно лепечетъ, позволяетъ цѣловать ручонку, съѣдаетъ плиточку миньонъ...

— Ахъ, соблазнитель!.. Вы и конфетки приносите?

— Да... знаете... иногда... Очень рѣдко... Вы, кажется, находите, что этотъ сентиментализмъ не къ лицу старому холостяку, какъ я?—спросилъ Паули съ озабоченнымъ выраженіемъ. Хитрецъ! Другой, менѣе тонкій дипломатъ, чѣмъ онъ, задалъ-бы этотъ вопросъ игривымъ тономъ.

— Ну что вы!—поспѣшилъ я успокоить его.—Это, право, такъ мило съ вашей стороны...

И вдругъ, не докончивъ начатаго ободренія, неожиданно для самого себя, самъ не зная, почему,—я спросилъ:

— А она развѣ одна бываетъ въ скверѣ, ваша дѣвчурка?

— Н... не знаю,—затруднился онъ, окинувъ меня тѣмъ же скользящимъ взглядомъ однихъ глазныхъ уголковъ.— Какъ-то не замѣтилъ, не подумалъ объ этомъ... Но, вѣроятно, есть кто-нибудь съ ней,—гувернантка, maman... Конечно,— кто нибудь да сопровождаетъ ребенка!.. Но я не интересовался этимъ вопросомъ, право... Кажется, есть какая-то дама. Но какое намъ дѣло? Позвольте,—остановился онъ, что-то вспомнивъ:—на самомъ дѣлѣ!.. Есть, есть какая-то дуэнья у моей крошечной догарессы,—солидная пожилая дама... Сейчасъ вспомнилъ!.. Но наша дуэнья, кажется, очень снисходительно смотритъ на нашу короткость съ милой крошкой. А дѣвочка такая милая!.. Такъ очаровательно щебечетъ, такъ увлекательно смѣется!.. Бѣгаетъ въ своихъ ажурныхъ чулочкахъ, рѣзвится около меня... Какъ котенокъ!.. Помните, у Мицкевича-Пушкина? „И рѣзва, что котенокъ у печи...“ Въ паркѣ Монсо, среди прелестныхъ дѣтокъ, приходилось мнѣ часто видѣть такую-же малютку-диво, съ темными кудрями, съ темными глазами. Это былъ феноменъ лѣтъ шести...

И пока мы, шагъ за шагомъ, приближались къ площади, Сергѣй Петровичъ съ живымъ и нервнымъ краснорѣчіемъ разсказывалъ о шестилѣтнемъ феноменѣ парка Монсо, совершенно забывши о купидончикѣ нашего сквера;—не вытекало ли изъ этого, что онъ вообще большой любитель дѣтей, гдѣ-бы ихъ ни встрѣчалъ: въ нашемъ скверѣ, въ Парижскомъ паркѣ, и—повсюду?

На углу площади онъ снова остановился, снова продѣлалъ рядъ едва уловимыхъ тѣлодвиженій, свидѣтельствовавшихъ все о той-же, подмѣченной мной тревогѣ, снова посмотрѣлъ на меня съ нерѣшительной улыбкой.

— Ну?—не вытерпѣлъ онъ.—Вы куда намѣрены?.. Я пойду въ скверъ, на свиданье. А вы?

— Я?.. Да что-же! На дачу ѣхать еще рано... Посижу и я въ скверѣ.

— Ахъ... Вотъ и отлично!—одобрилъ меня тонкій дипломатъ, быть можетъ, кляня въ душѣ тупоумнаго болвана, не желающаго понять, что онъ лишній.—Утро такъ хорошо, такъ пріятно посидѣть среди зелени!—добавилъ онъ, какъ-бы желая предупредить возможность перемѣны моего намѣренія.

Мы перешли площадь. У входа въ скверъ, Паули съ забавной серьезностью попросилъ меня не стѣснять его въ „любовномъ свиданіи“, занять мѣсто поодаль отъ него,—на тотъ случай, если его дѣвочка тутъ, въ скверѣ.

— Вы, вѣдь, знаете, дорогой мой,—всѣ догарессы міра скромны, недовѣрчивы и стыдливы. Моя крошка не рѣшится подбѣжать ко мнѣ, если увидитъ рядомъ со мной „чужого дядю“.

Я смѣялся, конечно, и толкалъ его въ плечо.

— Allez!.. Bonne chance mon vieux! Я сяду поодаль.—Но надо было не знать Сергѣя Петровича такъ хорошо, какъ я его зналъ, надо было не изучить такъ любовно всѣ оттѣнки тона моего очаровательнаго пріятеля, какъ изучилъ я, чтобы оставить безъ вниманія его сегодняшнее поведеніе, нервное и безпокойное, порывистость въ выборѣ темъ для нашей болтовни, хитрыя уловки, при помощи которыхъ онъ хотѣлъ что-то скрыть отъ меня..—„Что именно?“—тиранилъ я себя догадками, пока выбиралъ мѣсто, откуда могъ-бы наблюдать пріятеля, не внушая подозрѣній.

* * *

Паули, оставивъ меня, окинулъ взглядомъ публику, прошелъ по лѣвую сторону отъ монумента и сѣлъ на одну изъ свободныхъ скамей. Я занялъ мѣсто у входа, между кормилицей съ груднымъ бебе и старичкомъ чиновничьей внѣшности. Скверъ съ обмытыми дождемъ густозелеными тополями, съ цвѣтущими клумбами, съ толпой публики въ яркихъ весеннихъ костюмахъ—казался мило-уютнымъ и бонбоньерочно-красивымъ; напоминалъ пеструю и недорогую олеографію, приложенную, какъ безплатная премія, къ погодѣ,

изданной чисто и изящно. Гигантская тѣнь отъ памятника, вытянувшись живописнымъ конусомъ по сѣверной половинѣ сквера, была такъ отчетливо темна, почти черна, какъ-будто на олеографію плеснули чернилами: Сергѣй Петровичъ, удручаемый блѣдностью родныхъ тѣней, могъ-бы утѣшиться, если-бы не утѣшился въ эту минуту чѣмъ-то инымъ.

Публики въ скверѣ было порядочно, и она еще прибывала, подходя сюда отъ литургіи: колокола собора доканчивали свой торжествующій могучій концертъ, гдѣ среди веселыхъ трелей краснаго звона оглушительно гудѣла, колебля воздухъ, октава мѣднаго гиганта.

Среди публики у меня, виднаго гражданина, было тутъ много знакомыхъ, съ которыми приходилось раскланиваться, мѣняться улыбками, шутками и—куда дѣнешься?—выслушивать указанія, самому напоминать каждому о томъ, что ясно и безъ словъ: „Какая погода!.. Прелесть погода!“ Такъ что, когда я, познакомивъ добрый десятокъ добрыхъ знакомыхъ съ состояніемъ погоды, взглянулъ въ сторону Паули, около него уже стояла крошка и онъ уже съ ней разговаривалъ, нагнувшись къ ея лицу. Меня очень удивило, что эта крошечная дѣвочка показалась мнѣ знакомой. Ростъ малютки, фигурка, жесты, пышное платьице, шляпка съ огромными полями, ажурные чулочки.. ну, положительно, я видѣлъ гдѣ-то эту дѣвочку!.. Быть можетъ, видѣлъ не вблизи, черезъ окно, въ теченіе какой-нибудь одной секунды, но видѣлъ, видѣлъ!.. И почему-то запомнилъ ея фигурку. И особенно казался мнѣ характернымъ въ воспоминаніи одинъ пріемъ ребенка, остановившій мое вниманіе и теперь: разговаривая съ Паули, дѣвочка поднимала обѣ ручонки въ уровень съ головой,—какъ-будто, припоминалось мнѣ, она желала обнять кого-то въ самый тотъ моментъ, когда я ее замѣтилъ, и какъ-будто съ тѣмъ-же желаніемъ она стояла у колѣнъ своего знакомца, этого красиваго, изящнаго „чужого дяди“. Я перебиралъ въ памяти знакомыя семьи, гдѣ были дѣти ея лѣтъ, но безуспѣшно: дюжина домовъ съ дѣтворой предъявляла моей памяти однихъ лишь досадныхъ для холостяка сорванцовъ, капризныхъ плаксъ, оралъ-мучениковъ, тогда какъ эта дѣвочка... Тогда-какъ вотъ эта самая дѣвочка...

Быть можетъ, я сбиваюсь въ хронологіи собственнаго „чувствилища“, быть можетъ, я чувствовалъ не въ этотъ день, когда видѣлъ эту дѣвочку у колѣнъ Сергѣя Петровича, а послѣ; но я чувствовалъ, наблюдая ее, что въ ней сквозитъ что-то недѣтское, какая-то не по возрасту зрѣлая ласковость, и... у меня почему-то такъ вдругъ защемило

сердце... И, кромѣ того, когда она кинула взглядъ въ мою сторону, разыскивая, очевидно, кого-то глазами, мнѣ показалась въ ея большихъ темныхъ глазкахъ тѣнь преждевременной задумчивости, быть можетъ, печали... Дѣвочка была дивно красива. Такія томно-свѣженькія пучеглазыя личики въ обильныхъ кудряхъ, съ пунцовымъ ротикомъ не попадаются на глаза живыми: скорѣе-же увидите вы ихъ въ дверяхъ магазина... на плакатѣ Ралле, Сіу, или—въ англійской иллюстраціи... Или-же на художественной выставкѣ, въ музеѣ, гдѣ имѣются головки Харламова, напримѣръ... Вообще-же,—въ художественномъ воспроизведеніи, но не въ жизни. Этакая какая-то неописуемая красота, невѣроятная въ живомъ ребенкѣ... Ужъ не знаю, какъ тамъ въ паркѣ Монсо,—много ли, мало ли такихъ дѣтокъ, но здѣсь, въ нашемъ скверѣ, я рѣшительно впервые видѣлъ такую поразительно красивую крошку...

Но, чѣмъ дольше я любовался ею, тѣмъ больше росло во мнѣ убѣжденіе, что я уже видѣлъ ее гдѣ-то раньше...

Она улыбалась Сергѣю Петровичу, и улыбка ея пунцоваго ротика также не радовала меня, а пугала: уголки дѣтскихъ губокъ, слагаясь въ улыбку, падали какъ передъ плачемъ, и эта едва уловимая гримаска придавала въ моихъ глазахъ ея улыбкѣ выраженіе мольбы... Слушая, что разсказываетъ ей дядя, о колѣнку котораго она опиралась, дѣвочка клала на руку головку, и въ этомъ поникающемъ движеніи ея головки мнѣ чувствовалась надломленность... Вотъ она отбѣжала отъ Паули и скрылась за монументомъ;—и ея походка, и ея граціозные, но сдержанные прыжки опять-таки показались мнѣ нерадостными... Самыя оживленныя ея движенія были въ моихъ глазахъ не тѣми беззаботно-животными „разряженіями мускульной энергіи“, что свойственны звѣрькамъ-дѣтямъ, а скорѣе копировкой этихъ животныхъ „разряженій“, искусственнымъ чѣмъ-то...

Однимъ словомъ, подмѣтивъ въ этомъ ребенкѣ какую-то едва уловимую тѣнь преждевременной грусти, я разстроился. Мнѣ стала очень понятной симпатія къ этой трогательно-красивой крошкѣ со стороны моего уважаемаго друга, человѣка съ душой деликатно-воспріимчивой; но подумалось и о томъ, почему онъ, разсказывая о своемъ пріятномъ знакомствѣ сквера, ни словомъ не заикнулся о главномъ, что поразило меня въ малюткѣ: о непонятной печали въ ея глазкахъ, улыбкѣ, въ поникающемъ движеніи ея головки... Рѣшивши, что необходимо сообщить Сергѣю Петровичу мои наблюденія и вообще вернуться къ разговору о дѣвочкѣ, я поднялся,

чтобы пойти завтракать; но прощальный взглядъ въ сторону Паули заставилъ меня остаться на мѣстѣ: малютка снова была около него, а онъ снова наклонился къ ней... И тотчасъ-же меня охватило сильное желаніе подсмотрѣть, дознаться, кто тутъ съ ребенкомъ, выяснить себѣ, гдѣ и когда я могъ видѣть эту дѣвочку. Я всталъ, улучивъ моментъ, когда Сергѣй Петровичъ занялся разговоромъ съ дѣвочкой, и отправился соглядатайствовать.

Остановившись неподалеку отъ того мѣста, гдѣ находились Паули и дѣвочка, я наблюдалъ ихъ сквозь сочную зелень молодыхъ кустовъ и не видѣлъ ничего такого, что могло-бы порадовать честнаго мушара: оба они, мужчина и ребенокъ, оживленно разговаривали, забавлялись какой-то игрушкой, разсматривали ее поочередно, передавая изъ рукъ въ руки,— ничего особеннаго въ этомъ не было. Игрушка дѣвочки была также безъинтересна, и вниманіе къ ней со стороны ребенка могло быть объяснено лишь тѣмъ педагогически-загадочнымъ капризомъ дѣтей, по которому они предпочитаютъ чурбашекъ дорогой куклѣ и бросовую коробку изъ-подъ спичекъ—парижской кареткѣ: это былъ четыреугольный картонъ оливковаго цвѣта, напоминавшій конвертъ по величинѣ и формату... И, любуясь глубокомысленностью, съ которой оба они, дитя и взрослый, занимались своимъ оливковымъ картономъ, я невольно улыбнулся: „Много ли человѣку нужно, что-бы пріятно убить время?—Кусочекъ картона,—и только!“ Затѣмъ, я подумалъ, что на всякаго мудреца довольно простоты: мой саркастическій философъ, рекомендовавшійся бон-виваномъ en retraite, охотно возобновлявшій разговоръ объ усталости ума и сердца, долго жившихъ иллюзіями, сегодня велъ себя какъ мирный буржуа, позабывши ради ребенка всю философическую прохладу ума и чувствъ. Пожалъ я плечами съ сочувственной и теплой ироніей къ пріятелю, способному любить малыхъ сихъ, и пошелъ въ окружающую аллею продолжать сыскъ.

Толпа публики все росла; яркія пятна костюмовъ и шляпокъ переливались какъ въ калейдоскопѣ; живые шарики въ токахъ и гамлетахъ разсыпались и прыгали по песку, какъ искры потѣшныхъ огней... Трудно было среди этой пестрой сплошной массы лицъ и туалетовъ отыскать ту гувернантку, maman, дуэнью, присутствіе которой могло-бы объяснить мнѣ, когда и гдѣ я встрѣчалъ дѣвочку. Въ перепутанной радугѣ зонтиковъ, платьевъ, накидокъ и прочихъ дамскихъ атрибутовъ, имена которыхъ ты, господинъ Ворть, вѣси, терялся взглядъ, не различая лица отъ лица; и разобраться въ этомъ

спектрѣ не помогали даже его фраунгоферовы линіи,—темные, сѣрые, черные сюртуки, жакеты, пиджаки, мелькавшіе тутъ и тамъ, среди цвѣтныхъ группъ женщинъ. Я старательно обводилъ глазами эти группы, всматриваясь въ каждое лицо, въ каждую женскую фигуру, ожидая найти среди нихъ спутницу дѣвочки, шелъ туда и сюда и снова возвращался; но всѣ мои старанія были безполезны—добрую половину всѣхъ этихъ дамъ, старыхъ и молодыхъ, я или зналъ, какъ ихъ хорошій знакомый, или не могъ не знать хотя-бы по-наслышкѣ, какъ ихъ давнишній согражданинъ; остальныя же, которыхъ я не зналъ совсѣмъ, были ужъ слишкомъ просты, мѣщански незагадочны для того, чтобы сулить мнѣ найти объясненіе загадки... А дѣвочка замѣшкалась около Сергѣя Петровича и не показывалась здѣсь, около которой-нибудь изъ дамъ.

Такимъ образомъ, мнѣ оставалось окинуть послѣднимъ рощальнымъ взглядомъ дамскую публику, ходившую и сидѣвшую, посмѣяться надъ неудачнымъ дебютомъ финансиста въ роли шпіона и итти завтракать. Я окинулъ прощальнымъ взглядомъ дамскую публику... и вздрогнулъ.

Страннымъ образомъ вздрогнулъ я, дорогой читатель, — вздрогнулъ такъ, что ощутилъ жгучій трепетъ въ глазахъ и холодныя мурашки на головѣ... Когда я былъ молодымъ праздношатаемъ и слонялся по бѣлу свѣту, мнѣ довелось испытать однажды такую-же дрожь въ Луврскомъ музеѣ. Жилъ я въ Парижѣ круглый годъ, бывалъ неоднократно во всѣхъ музеяхъ, а въ Луврѣ и подавно; но, изъ чувства юношески-гордаго противорѣчія, не шелъ за толпой и не смотрѣлъ на то, что стало притчей во языцѣхъ. Среди этихъ притчъ была и знаменитая Венера. Я не желалъ знать, гдѣ она стоитъ въ Луврѣ! Не высоко цѣня скульптуру, это „искусство для искусства", я каждый разъ проходилъ мимо античной галлереи рэ-де-шосэ, съ ея пожелтѣлыми мраморами, и шелъ наверхъ упиваться живописью. Но въ тотъ день, когда мнѣ пришлось, bon-gré, mal-gré, покинуть прекрасный городъ, когда я поплелся прощаться съ милымъ Лувромъ, я уже не выбиралъ дороги и шелъ, куда глядятъ мои опечаленные глаза... Приплелся я, такимъ образомъ, и въ античную галлерею съ ея пожелтѣлыми мраморами, покидать которые мнѣ было такъ-же грустно, какъ и макадамъ милыхъ *парижскихъ* улицъ,—ничуть не болѣе. Тутъ были Меркуріи, Аполлоны, Орфеи, Александры Македонскіе, Діаны, Граціи, Венеры-просто и Венеры-Афродиты, Адонисы, Вакхи и снова Венеры. Равнодушный вообще къ бо-

гамъ и героямъ, не исключая и безвредно-мраморныхъ, я все-же любилъ ихъ въ эту минуту за то, что они парижане,—любилъ и шелъ дальше и дальше, низко понуривъ голову подъ гнетомъ грусти и меланхоліи. И вотъ я доплелся до конца галлереи, до полукруглой ниши, гдѣ стояла какая-то небольшая статуя, сѣрая отъ старости; я поднялъ голову, такъ-какъ дальше итти было некуда и... вздрогнулъ. Грусти и меланхоліи какъ не бывало, но зато къ глазамъ прилила жгучая волна, по головѣ и спинѣ пробѣжали мурашки, и я самъ превратился въ статую. Она, она!.. Та, которую я такъ гордо обѣгалъ, не довѣряя говору всего міра объ этой притчѣ во языцѣхъ: Венера Лувра, Венера Милосская!.. Въ ней не красота,—что красота передъ нею?—въ ней непостигаемое очарованіе!.. Въ священномъ испугѣ восторга передъ нею чувствуешь, что этотъ мраморъ—богиня, и... палъ бы къ ея ногамъ, будь она въ капищѣ, наединѣ съ тобою!. Люди не знаютъ имени генія, рука котораго создала эту счастливящую улыбку, этотъ волшебный взглядъ, эти божественно-чистыя линіи тѣла, безрукихъ плечъ, нѣжно склоненной головы; но не знаютъ только потому, что эта богиня могла быть создана лишь рукою благодѣтеля-демона... Если-же Венеру Милосскую дѣйствительно создалъ человѣкъ, не богъ, то не будемъ спрашивать, кто былъ этотъ забытый волшебникъ, а бодро поднимемъ голову!—Какъ ни мрачны пороки людей, какъ ни глубоко ихъ паденіе,—вѣрьте въ величіе духа тѣхъ существъ, одно изъ которыхъ создало Венеру Милосскую!..

Какъ тогда, въ Луврѣ, такъ и теперь, въ скверѣ родного города, я почувствовалъ священный трепетъ и впился глазами въ одну изъ группъ, сидѣвшихъ предо мною,—забылъ и свои поиски, забылъ и все!

* * *

Неподалеку отъ меня, но поодаль отъ пестраго цвѣтника дамъ, ихъ шляпокъ и зонтиковъ, сидѣла въ тѣни осокоря пожилая дама, солидная, гордая и суровая, а рядомъ съ ней—молодая женщина, вѣрнѣе—дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, пяти, блѣдная, но удивительно красивая: она-то и заставила меня вздрогнуть.—Помимо ея томной красоты, не только поразившей, но даже почему-то напугавшей меня, я вспомнилъ, что вижу эту дѣвушку уже не впервые, что около мѣсяца назадъ я видѣлъ ее издали и мелькомъ на опушкѣ рощицы, когда ѣхалъ на дачу. Тогда я видѣлъ ее

мелькомъ, не могъ разсмотрѣть, какова она, да не имѣлъ и надобности разсматривать; теперь-же я видѣлъ ее почти рядомъ и не могъ отвести глазъ отъ нея...

Одѣта она была очень просто, безъ яркой пестроты, какъ большинство дамъ, находившихся въ скверѣ, но, пожалуй, съ большимъ вкусомъ, чѣмъ всѣ, если я могу судить о вкусѣ при выборѣ костюма. Тогда я, глядя на нее, сильно волновался, ныль душой, самъ не знаю, почему... Теперь-же, оглядываясь на всѣ описываемые здѣсь факты „съ объективнымъ спокойствіемъ", я спокойно могу говорить о вкусахъ, о костюмахъ, о томъ, что я—невѣжда, круглый олухъ въ вопросахъ моды, и что я очень люблю, когда верховные жрецы этой вертлявой богини называютъ ее, по-своему, le ridicule de demain: гора съ плечъ!—не зачѣмъ и умудрять себя въ томъ, что завтра-же станетъ нелѣпымъ! Одѣта она была просто, почти бѣдно; тѣмъ не менѣе, простое бѣлое платье, черный кружевной воротничокъ и скромная соломенная шляпка безъ цвѣтовъ такъ хорошо шли къ этой дѣвушкѣ, что я готовъ былъ счесть за послѣднее слово моды именно ея платье, ея шляпку. Было-бы дурно, непочтительно къ ней вообразить ее въ иномъ, менѣе простомъ, пышномъ, крикливомъ костюмѣ,—она не была-бы въ немъ такъ хороша, какъ теперь.

А хороша она была... Я сказалъ уже—удивительно; теперь-же прибавлю: трогательно, до ощущенія жуткости. Не даромъ я вздрогнулъ, увидѣвъ ее такъ близко. И чѣмъ больше смотрѣлъ я на нее, тѣмъ шире, необъятнѣе развертывалось передъ моими уже влюбленными, уже пристрастными глазами колоссальное богатство природы этой скромно, почти бѣдно одѣтой женщины: ея томная красота чаровала мой взглядъ каждымъ движеніемъ ея головы, шеи, плеча... и этой утомленной позой, и этими ровными взмахами груди... Вся она, въ этомъ простенькомъ бѣломъ платьѣ,—отъ волнистыхъ и тяжелыхъ матово-темныхъ косъ до маленькой ножки въ дешевомъ кожаномъ ботинкѣ,—вся она была гармонична и закончена, какъ дивное изваяніе, — стройная, изящная, кроткая... Да, я позабылъ и дѣвочку, и Сергѣя Петровича, и дачу, и завтракъ, и шпіонскую цѣль, съ которой бродилъ по скверу, пока не увидѣлъ эту дѣвушку,—все позабылъ, трепетно упиваясь ея красотой, внушавшей мнѣ и жуткость, и отраду!..

Тутъ-же узналъ я, впервые въ жизни, какъ можно ревновать незнакомую женщину, которой любуешься, и какъ неосновательно чувство ревности: ему достаточно химеры,

чтобы сжать сердце тисками... Она сидѣла въ полъ-оборота ко мнѣ, съ опущенной головой, и, слушая, что говоритъ ей строгая гордячка-сосѣдка, задумчиво била зонтикомъ по ботинку. И это вдругъ напомнило мнѣ Паули, когда онъ, минутъ двадцать назадъ, стоялъ на углу площади и задумчиво постукивалъ тростью по ботинку... Даже показалось что-то общее въ темпѣ ударовъ... „Боже мой, какая дичь!"—упрекнулъ я себя, почувствовавъ, какъ сжалось сердце. И тотчасъ-же поспѣшилъ съ негодованіемъ замять, затоптать ревнивую мысль о сходствѣ, о подражательности,—мысль, достойную пошляка. Вѣдь, только любовники взаимно и безсознательно усваиваютъ жесты, манеры, мины... Но могло ли быть что-либо общее между моимъ пріятелемъ, жившимъ здѣсь какія-нибудь недѣли, корректнымъ, себя уважающимъ, благороднымъ человѣкомъ и этой скромной красавицей-дѣвушкой отъ которой вѣяло чистотой, дѣвственной прелестью?! Но если-бы онъ видѣлъ ее,—что-бы онъ сказалъ!..

Какъ тогда, въ Луврѣ, я стоялъ и млѣлъ, млѣлъ артистически, безъ тѣни ощущенія своего пола. Я уже любилъ эту блѣдную красавицу, я уже пристрастно искалъ въ ней новыхъ и новыхъ чертъ красоты, я уже успѣлъ и приревновать ее къ воображаемому сопернику; но и любилъ, и упивался, и ревновалъ я не какъ мужчина, а какъ цѣнитель и знатокъ красоты. Какъ мужчина, я, повидимому, не уязвимъ... Впрочемъ, какъ знать?.. У меня, говоря мимоходомъ, есть предчувствіе, что я, цѣнитель и знатокъ красоты, полюблю когда-нибудь не красавицу, а фефелу, которая къ тридцати годамъ расплывется, какъ варъ по панели, и будетъ ходить въ капотѣ...

Моя блѣдная красавица подняла голову; я увидѣлъ большіе темные, почти черные глаза, глядѣвшіе печально, страдальчески и тревожно. Съ такой мучительной тоской, съ такимъ нетерпѣніемъ смотрѣла она передъ собой, на противоположную сторону сквера, какъ-будто слова ея неустанно говорившей сосѣдки утомляли ее, терзали... А важная старая дама, одѣтая въ дорогое, не по времени тяжелое платье, такъ энергично трясла головой, въ тактъ своимъ быстрымъ словамъ, такъ злобно и подозрительно сверкала глазами на юную женщину, что казалась ея тюремщикомъ-добровольцемъ. Такъ злобно трясти головой, разговаривая съ человѣкомъ, можно лишь тогда, когда ненавидишь его, когда желалъ-бы преслѣдовать, вогнать его въ гробъ преслѣдованіями. Но чѣмъ могла провиниться эта бѣдная мученица передъ старой мегерой?.. Мнѣ стало такъ жаль молодую,

меня взяла злость на старую. „Вѣдьма, — ругался я внутренне, — такихъ ли преслѣдуютъ, ненавидятъ?! На такихъ молятся!..“

Было ясно: она страдала, блѣдная прекрасная женщина. Страданіе я читалъ во взглядѣ дивныхъ глазъ; оно выражалось въ движеніяхъ изящной головки, опускавшейся поминутно; его я подмѣчалъ даже въ легкомъ трепетѣ руки, сжимавшей никкелевый рантъ ридикюля, который она не выпускала изъ рукъ. Разъ и другой, какъ я замѣтилъ, она подняла на старуху взглядъ ужаса и презрѣнія; но лишь только та дѣлала движеніе въ ея сторону, мучечически-блѣдное лицо дѣвушки принимало ледяное выраженіе равнодушія, непроницаемости.

Было ясно: передо мной находилось двое людей, связанныхъ какой-то трагедіей жизни, въ которой старая гордая дама играла роль тирана, а ея юная прекрасная сосѣдка — жертвы. Жертва страдала великодушно-героически, не позволяя себѣ обнаружить своихъ мукъ даже взглядомъ... Ея муки усугубляли ея красоту въ моихъ глазахъ!

Одно лишь было не ясно: чѣмъ завершится для меня внезапно вспыхнувшій и страстный интересъ новоявленнаго фискала, забывшаго ради этой красавицы свои шпіонскія цѣли? Остаться ли мнѣ еще минутъ съ пятокъ здѣсь и помлѣть отъ художественнаго восторга, или-же итти завтракать и пережевать вмѣстѣ съ омлетомъ свои впечатлѣнія, смутныя, перемѣшанныя, не то грустныя, не то эстетически-отрадныя... Интересъ къ дѣвочкѣ Сергѣя Петровича уже поблѣднѣлъ. Выбирая, итти ли мнѣ, или погодить, я повелъ глазами по той и другой сторонѣ и рѣшилъ остаться: бѣжала дѣвочка. Она приблизилась своими натянуто-веселыми прыжками къ двумъ дамамъ, миновала старуху и бросилась съ разбѣга въ колѣни молодой...

Это было для меня такъ неожиданно, что я чуть не вскрикнулъ и подался назадъ. Мнѣ почудилось, что самъ неподвижный великанъ на монументѣ переступилъ съ ноги на ногу отъ удивленія, всколебавъ бронзовую полу своей шинели; что вся публика разомъ повернула головы въ нашу сторону, крайне шокированная безпримѣрнымъ и неприличнымъ скандаломъ... „Такъ вотъ какъ!“ — прошепталъ я, вытягивая шею и впиваясь невѣрящими себѣ глазами въ мою красавицу. — „Такъ вотъ кто!..“ И въ моей памяти разомъ возникла вся картина той рощицы при вечернемъ освѣщеніи, на опушкѣ которой я мелькомъ видѣлъ эту женщину:

узкая дачная дорога, по которой я ѣхалъ на своемъ норовистомъ Воронкѣ, выбивавшемся изъ оглобель, промелькнувшая среди травы фигурка дѣвочки съ поднятыми руками, дальше—рощица, за которой начинались сады дачъ, потомъ— фигура женщины, облитая пурпуромъ заката и казавшаяся розовой... Стой въ эту минуту обѣ фигуры рядомъ, или-же не отвлеки шалунъ Воронокъ моего вниманія въ промежуткѣ, моя память не раздѣлила-бы ихъ, — женщину у опушки и дѣвочку въ травѣ близъ дороги, откуда она протягивала ручонки къ розовой фигуркѣ, какъ-бы приглашая ее догнать и обнять. Теперь все это стало понятнымъ. Но зато совершенно непонятнымъ и подозрительнымъ оказалось теперь побужденіе, заставившее Паули скрыть наличность молодой женщины, когда онъ, съ дѣланнымъ равнодушіемъ говорилъ: „Есть какая-то дуэнья у моей догарессы, солидная пожилая дама". Уже по той стремительности, съ которой юная догаресса кинулась въ колѣни молодой женщины, обѣжавъ старуху съ какимъ то испугомъ, слѣдовало заключить, что дѣвочка принадлежала именно молодой женщинѣ, что она не довѣряла старухѣ и едва ли появлялась въ скверѣ съ этой фуріей. Если-же онѣ приходили сюда втроемъ, то надо было окосѣть, чтобы замѣтить старуху и не обратить вниманія на дивную, выдающуюся красавицу, сопутствующую ей! Однимъ словомъ, добрая дюжина самыхъ неожиданныхъ соображеній завертѣлась у меня въ головѣ, точно вихрь по степи. Чтобы разобраться въ нихъ и выяснить себѣ что-нибудь положительное изъ всѣхъ этихъ наблюденій и совпаденій, потребно было время, спокойствіе, а я растерялся, не зналъ, что и думать. Меня страшно поразила неожиданность открытія, которому я не рѣшался вѣрить... Надо было наблюдать, шпіонить до конца. Нити какого-то крайне загадочнаго романа были уже у меня въ рукахъ, но въ самомъ запутанномъ состояніи: было необходимо добраться до концовъ этихъ нитей.

У малютки въ рукахъ сѣрѣлся все тотъ-же ея неразлучный картонъ; она хлопала о него ладошкой и, подпрыгивая около молодой... я ужъ не рѣшился-бы называть ее теперь молодой дѣвушкой! — лепетала что-то звонкимъ, слегка носовымъ голоскомъ. Улыбаясь дѣвочкѣ, печальная красавица осторожно завладѣвала ея игрушкой. пока оправляла свободной рукой локоны, платьице, шляпку ребенка. Когда она кончила охорашивать маленькую щеголиху и та отодвинулась, картона уже не было ни у той, ни у другой изъ нихъ,— уронили, вѣроятно, на землю и не замѣтили этого. Затѣмъ

она склонилась надъ головкой дѣвочки, — что-то говорила ей, опустивши обѣ руки въ ридикюль; старуха, откинувъ гордую голову, глядѣла на нихъ величественно и сердито и тоже что-то говорила, при чемъ банты черныхъ лентъ на ея шляпкѣ волновались, какъ раздраженныя галки. На минуту красный зонтъ скрылъ отъ меня ребенка и молодую даму; нашелся, вѣроятно, какой-нибудь непорядокъ въ костюмчикѣ, требовавшій исправленія: старая дама зорко оглядываетъ публику, отвернувшись отъ сосѣдки съ дѣвочкой, въ опасеніи, что могутъ замѣтить неприличіе ея внучки... Въ самомъ дѣлѣ,—кто онѣ другъ другу, эти три женщины трехъ поколѣній? Въ дѣвочкѣ съ молодой дамой чувствуется что-то общее... Глаза малютки, пугливо обѣгающіе старуху, поднимаются къ лицу молодой съ такимъ свѣтлымъ восторгомъ, съ такой недѣтской страстностью, что нельзя и сомнѣваться въ преданной любви этой крошки къ очаровательно-томной красавицѣ. Неужели она, изящная и хрупкая, дивная и чистая, какъ мечта поэта,—мать? Мнѣ всегда становится „и скучно, и грустно“, когда суровая правда жизни ставитъ меня въ необходимость думать о материнствѣ тѣхъ упоительно-милыхъ молодыхъ женщинъ-дѣвушекъ, красота которыхъ внушаетъ мнѣ художественный восторгъ и,—на-ряду съ чудесами природы,—возвышенныя мысли объ Отцѣ красоты, творенія, человѣчества... Святое учрежденіе—материнство, чтобы ни говорили о немъ метафизики инстинктовъ, — но и этому святому учрежденію нѣтъ иной опоры, кромѣ земли...

Но исправленіе непорядка въ костюмчикѣ кончено: зонтъ сложенъ, молодая женщина, мать... дѣлаю эту невольную уступку самому себѣ, въ виду несомнѣннаго сходства, — мать оправляетъ локоны ребенка, въ рукѣ котораго снова сѣрѣется картонъ; старуха перестала озирать публику, повернула лицо къ дѣвочкѣ и читаетъ ей властнымъ, жесткимъ голосомъ упреки въ излишней рѣзвости:

— Нина, ты слишкомъ подвижна, оживлена до крайности. Можно-ли благовоспитанной дѣвочкѣ такъ носиться, какъ ты носишься?.. Ты едва не повалила меня со скамьи, бросившись къ намъ!.. Что могутъ подумать объ умѣніи твоей матери руководить тобой, если ты ведешь себя, какъ уличный мальчишка!..

Я весь превращаюсь въ слухъ и зрѣніе, наблюдаю, дѣлаю мысленныя отмѣтки. — Съ ребенкомъ творится нѣчто ужасное при первыхъ-же звукахъ жесткаго голоса старухи: личико становится деревяннымъ, широко раскрытые глазки стекленѣютъ; а на блѣдномъ лицѣ молодой женщины про-

ступаютъ пятна тонкаго румянца, и ея дивно очерченный ротикъ, карминовый, что капелька крови, складывается въ болѣзненную улыбку, и печальную, и презрительную... „Такъ!" — отмѣчаю я:—„Роковая разница во взглядахъ на воспитаніе этой бѣдной крошки и есть та трагедія, которая заковала въ одну колодку двухъ женщинъ,—чванливую старуху и кроткую красавицу-мать".

— Посмотри кругомъ себя, — продолжаетъ ворчать старая... дама,—кто изъ этихъ дѣтей бѣгаетъ?—одни лишь сорванцы, наглыя дѣвчонки, скверные мальчишки!.. Всѣ дѣти хорошихъ фамилій, матери которыхъ не бравируютъ мнѣніемъ свѣта, ведутъ себя не такъ, какъ ты,—ходятъ, играютъ неподалеку отъ мамы или-же сидятъ. Надо не имѣть ровно никакого понятія о приличіи, чтобы держать себя, какъ ты!..

— Перестань шалить! — шипитъ сквозь зубы сѣдая мегера. — Сядь!.. Ты уже достаточно бѣгала, сломя голову... Становится жарко; пора намъ домой... И, вообще, я не могу постичь, что за удовольствіе посѣщать этотъ площадной уголокъ, съ его слишкомъ смѣшанной толпой... Сядь-же, Нина!..

Но молодая женщина вступается за ребенка, бархатные глазки котораго вспыхиваютъ огнемъ обожанія и благодарности, поднимаясь на маму, свою единственную защиту.

— Пускай еще побѣгаетъ, тетя!—тихо и грустно молитъ красавица. Ея пѣвучій, слегка носовой, чуднаго музыкальнаго тембра голосъ звучитъ нѣжно, вибрируетъ, какъ струна на флажолетной нотѣ... Онъ такъ поразительно похожъ на голосъ дѣвочки, что я уже не сомнѣваюсь болѣе въ ихъ родствѣ—мать и дочь,—это ясно...

Старуха нетерпѣливо пожимаетъ плечами, глядя въ сторону, на матерей хорошихъ фамилій, какъ-бы приглашая ихъ содрогнуться отъ негодованія къ ея племянницѣ... Но она еще не побита окончательно въ своей борьбѣ за благопристойность: она пронзаетъ грознымъ взглядомъ малютку и снова накидывается.

— Что это у тебя за идіотское занятіе, послушай? — говоритъ она дѣвочкѣ, пытаясь отнять у нея оливковый картонъ. — Постоянно вертишь ты въ рукахъ эту крышку отъ коробки, какъ лабазникъ... Дай сюда!..

Дѣвочка протестуетъ изо всѣхъ силъ, защищая свое идіотское занятіе, составляющее для нея, очевидно, любимѣйшую изъ игрушекъ: она вцѣпилась ручонками въ картонъ, извивается, подпрыгиваетъ, стараясь вырвать его изъ пальцевъ старухи... Она готова плакать.

— Дай, Ниночка,—спокойно и тихо говорить ей мать. И совершается чудо: ребенокъ, такъ отчаянно отбивавшій свою игрушку, мгновенно перерождается въ послушную пай-дѣтку и подаетъ старухѣ картонъ: „На, баба!"

Отмѣчаю: „Ниночка, ненавидящая всѣми силенками своего сердечка лихого недруга-старуху, боготворитъ мать свыше всѣхъ силенокъ... Боготворитъ до того, что теряетъ самую непреоборимую изъ силъ дѣтской души—упрямство!"— Психологія крошекъ наблюдается, по необходимости, въ мелочахъ.

Старуха, получивши картонъ, поднимаетъ его въ протянутой рукѣ передъ старыми дальнозоркими глазами, убѣждается, что это совсѣмъ не крышка отъ коробки лабазника, и даетъ мнѣ возможность убѣдиться въ томъ, что это и не картонъ, а книжечка въ пятокъ толстыхъ золотообрѣзныхъ листковъ, переплетенная въ изящную папку, — маленькій прелестный альбомчикъ, милая бездѣлушка заграничной работы, несомнѣнный article de Paris по тонкости исполненія. Мы со старухой разсматриваемъ эту прелестную вещицу и оба, повидимому, находимъ, что такая игрушка не можетъ шокировать чувство благопристойности. Старуха съ снисходительной улыбкой переворачиваетъ атласные листочки, и я вижу на нихъ безсистемную пестроту разноцвѣтныхъ кружочковъ и черточекъ пастельными карандашами, кое-какъ набросанныхъ дѣтской ручонкой. Отлично! Пускай Ниночка забавляется этимъ хорошенькимъ пустячкомъ. Чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось...

Къ великой радости малютки, старуха возвращаетъ ей ея любимую игрушку безъ единаго слова. Ниночка прыгаетъ, хлопаетъ ладошками съ тихимъ и сдержаннымъ смѣхомъ. Мать улыбается блуждающей загадочной улыбкой и посылаетъ дочку:

— Ну, поди, побѣгай, Ниночка. Тетя позволяетъ...

Въ три-четыре сдержанно-радостныхъ прыжка ребенокъ убѣгаетъ за памятникъ, а старуха сново начинаетъ пилить сосѣдку, потрясая бантами шляпки, и дивные темные глаза снова смотрятъ передъ собой, на ту сторону сквера съ выраженіемъ нетерпѣливой тоски, внушающей мнѣ меланхолію... Меланхолія меня давитъ, меня давитъ чувство безполезности моего сочувствія къ прекрасной молодой мученицѣ,—вѣдь, я ничего не могу сдѣлать, чтобы эти чудные глаза смотрѣли веселѣе и счастливѣе... Да и не ждутъ отъ меня какихъ-либо шаговъ, мѣропріятій или подвиговъ въ облегченіе доли этой молодой женщины, которой я чуждъ

неизвѣстенъ, безразличенъ... Кучка гуляющихъ останавливается рядомъ со мной, тѣснитъ меня, мѣшаетъ мнѣ продолжать наблюденія, и я охотно уступаю необходимости уйти: надо, пора разобраться во всемъ, что мнѣ пришлось увидѣть и узнать въ эти два-три десятка минутъ. А что собственно я узналъ? Да ничего собственно!.. Кое-что подмѣтилъ, а больше предположилъ, кое-что сопоставилъ не безъ натяжки, боясь сдѣлать какой-либо выводъ, и въ результатѣ—„имѣю въ головѣ вертижъ“, какъ говаривала моя покойная бабушка. Самъ-же лично дошпіонился до того, что сталъ подавленъ, угнетенъ, разстроенъ... Хоть и не завтракай!

Уходя изъ сквера, раздвигаю вѣтки сзади Паули.—Крошка у его колѣнъ, а онъ весь ушелъ въ созерцаніе шелковой подкладки на днѣ своего цилиндра, низко склонивъ надъ нимъ плюшевую голову. Что онъ тамъ изслѣдуетъ?—Клеймо Bon marché?.. Впрочемъ, плюшъ черезъ какую-нибудь минуту уже прикрытъ цилиндромъ, а въ рукѣ Сергѣя Петровича сѣрѣется любимецъ Ниночки—оливковый альбомчикъ, который они оба старательно разсматриваютъ... Какой, вѣдь, дѣтолюбъ, однако!.. Даже какъ то того,—странно какъ то... О, сердце человѣка! ты невѣдомо, ты загадочно, ты мучительно-интересно и необъяснимо, какъ... какъ туманное пятно Андромеды! (Смотри „Мірозданіе“ Мейера). И что предъ тобою инстинкты?!

* * *

Въ этотъ-же незабвенный день, часа въ два, мы сидѣли семейно за кофе,—мама, я и моя сестра. Она выводила меня на чистую воду.

— Знаешь, мама,—говорила моя бѣдная сестренка, теперь уже, увы! ничего не говорящая,—Димъ измучилъ меня сегодня своей любознательностью... Такой это пытливый мальчикъ, право!.. Такъ онъ всѣмъ живо интересуется!.. А особенно—нашими сосѣдями съ лѣвой стороны, и трижды особенно,—сосѣдкой... Я и такъ, и сякъ,—и не знаю, кто эти дачники, такъ какъ среди нихъ жениховъ нѣтъ, и не вѣдаю о нихъ ничего, такъ-какъ поселились они въ нашемъ сосѣдствѣ первый сезонъ... Ничего не слушаетъ, не понимаетъ мой Димъ, и одно свое твердитъ: „Кто, откуда, когда, почему, какъ зовутъ“... И такъ далѣе!

Димъ—это я, дорогой читатель. Меня зовутъ Діомидъ, какъ звали одного изъ третьестепенныхъ героевъ Иліады; но Люба, при всемъ ея уваженіи къ Гомеру, всегда клялась,

что она не допустила-бы этого имени ея старшему и единственному брату, не задержись сама лѣтъ на пять въ дорогѣ на его крестины, всегда отрицала мое имя, всегда готова была всячески его искалѣчить. Прошу поэтому не впадать въ недоумѣніе, если я буду фигурировать въ разговорѣ сестры подъ псевдонимами Димъ, Дидимъ, Мидіотъ, Демонидъ, даже Іодомѣдъ. Впрочемъ, разъ зашла рѣчь о моемъ имени, позвольте ужъ новому русскому писателю отрекомендоваться сполна. Я собственно не писатель, какъ вы уже, конечно, замѣтили изъ изложенія, а управляющій банка, Діомидъ Адріановичъ Прахонинъ,—къ услугамъ вашимъ... Горячо надѣюсь, что мои усилія угодить вамъ на литературномъ поприщѣ увѣнчаются такимъ-же успѣхомъ, какъ и при нарощеніи дивиденда на вашу акцію, если вы кліентъ нашего банка, пайщикъ, причастникъ его доходовъ,—то-есть мой искренній другъ и почитатель, дорогой читатель.

Но... Сейчасъ, при воспоминаніяхъ, мнѣ грустно... До того грустно, что я не радъ и своему будущему успѣху... Вотъ, несомнѣнно, взойдетъ и заблеститъ въ зенитѣ родной литературы моя звѣзда, а тѣ два родныя сердца, которыя встрепенулись-бы искренней радостью, глядя на новое свѣтило, уже не бьются болѣе,—бѣдныя мои мама и Люба унесены въ могилу одна за другой кровавыми руками вѣдьмы-инфлюэнцы... Я самъ едва ускользнулъ отъ ея костлявыхъ пальцевъ, вспомнивъ на краю могилы, какъ еще необходимъ для родной литературы, для ея вящей славы... Нѣтъ,—шутки шутками, а прискорбно мнѣ, что нѣтъ уже Любы и мамы...

— Да?—спросила мама, когда сестра кончила.

— Онъ ведетъ свои разспросы осторожно, мама, но очень настойчиво, и эта его настойчивость меня пугаетъ... Бдите, консулы,—любовь у порога. Совѣтую тебѣ обезпокоиться, мама,—нашъ Іодомъ—увлекающійся старичокъ, и если онъ такъ интересуется сосѣдкой, то... Гм!.. Гм!..

Къ шуткамъ сестры я отношусь, бывало, во всеоружіи героическаго терпѣнія, такъ-какъ и самъ поминутно изводилъ ее лубочными эпиграммами. Я кивнулъ головой.— „Калякай, дескать, себѣ!—И сама ты далеко не прочь поговорить о сосѣдкѣ, если завела рѣчь о нашихъ интимныхъ переговорахъ при мамѣ.“ Мама посмотрѣла на меня, улыбаясь. Потомъ ея улыбка стала задумчивой, почти грустной.

— Интересуешься?—начала она.—Не мудрено это! Я женщина, старуха, эгоистка, какъ всѣ старые люди; но и я не

могу не интересоваться нашей новой сосѣдкой, красотой ея рѣдкостной и щемящей... Есть что-то волшебное, сказочное въ ея блѣдномъ лицѣ и темныхъ глазахъ... Классическая, гордая правильность линій—и покорная, какая-то надломленная печаль... Захватываетъ это, глубоко интересуетъ!.. Какъ, бывало, въ юности, захватывала романтическая баллада Жуковскаго, Вордсворта, Шиллера. Отъ такой ослѣпительно-унылой красоты такъ и отдаетъ безнадежнымъ страданіемъ, заживо погребеннымъ счастіемъ, печалью безъ примиренія...

— О, пощади, мамочка!—прервала ее Любка, затыкая уши.—Мы, вѣдь, не выросли, какъ ты, на романтическихъ балладахъ, почему и всѣ эти вордсворто-шиллеровскіе похоронные звоны кажутся намъ выписными, бумажными... Даже не картонными, какъ театральные громы, а просто бумажными!..

Ну,—и грянулъ бой, полтавскій бой!.. Я подумалъ себѣ, что Люба противорѣчитъ мамѣ совсѣмъ не съ точки зрѣнія критико-литературно-эстетической, а съ иной, гораздо болѣе компактной: отъ зависти; мама-же ринулась въ словесность съ воодушевленіемъ инвалида-вояки, на глазахъ котораго молокососъ-новобранецъ не почтилъ поклономъ ветхое знамя. Два литературныя поколѣнія сшиблись въ общемъ крикѣ... Наконецъ, когда мамѣ удалось перекричать охрипшее молодое поколѣніе, она почила на лаврахъ и предложила ему сравнительно мягкій ультиматумъ.

— Всякое крупное литературное теченіе, Люба,—начала мама,—всякая литературная школа имѣетъ законный смыслъ, потому-что всегда имѣетъ глубокіе корни въ своемъ обществѣ,—и смыслъ, и оправданіе, и душу безсмертную, которую нужно умѣть понимать и въ позднѣйшія эпохи, когда школа уже перешла въ исторію, уступила свое мѣсто своимъ законнымъ дочерямъ, новымъ школамъ. Даже,—посмотрите повнимательнѣе,—даже пресловутые, возбуждающіе смѣхъ большинства символизмъ, декадентство и тѣ даже должны имѣть свой оправдательный смыслъ, какъ выраженіе запросовъ, творческихъ стремленій, идеаловъ, еще покуда смутныхъ, еще неясныхъ и самимъ-то декадентамъ! Такъ и романтизмъ, Люба, кажущійся теперь вамъ, молодежи, смѣшнымъ и нелѣпымъ...

— Да, позволь, однако, мама!—снова подняло голову молодое поколѣніе, нѣсколько отдохнувши.—Совсѣмъ ты не такъ смотришь на эволюцію...

Но, разъ дѣло дошло до эволюціи,—не жди конца!—Эво-

люція не можетъ кончиться раньше свѣтопреставленія, а мнѣ нельзя было ждать такъ долго, при моемъ нетерпѣніи узнать все о сосѣдкѣ. И я вскочилъ изъ за кофе, чтобы перекричать обѣ воинствующія школы.

— Эхъ, бросимте, Господа ради, эту лапту словесную!.. Долой всѣ школы, и да здравствуетъ одинъ романтизмъ на сегодня!—Балладу мнѣ, балладу, мама!.. Поговоримъ о балладѣ съ волшебно-темными глазами, помѣщенной рядомъ!— Кто ея мужъ, чѣмъ онъ занимается, каково ихъ настоящее и прошлое?.. Мама, твоя баллада стоитъ того, чтобы заняться исключительно ея изученіемъ, забывъ всѣ школы... Разскажите мнѣ все о ней... Она меня измучила сегодня, какъ угрызеніе совѣсти!

Мои дамы переглянулись... Но знаній своихъ о сосѣдствѣ не скрыли и сообщили все, что знали. Знали же онѣ, какъ оказалось, все... Ибо нѣтъ такой глубоко-ученой женщины,— доктора философіи въ желтой шали, астронома въ чепцѣ,— которой изслѣдованія глубинъ любомудрія или наблюденія отдаленнѣйшихъ звѣздъ помѣшали-бы наблюсти и изслѣдовать, кто живетъ на сосѣдней дачѣ и что онъ дѣлаетъ. И вотъ что я узналъ о томъ, кто живетъ на сосѣдней дачѣ и что тамъ творится.

Живутъ тамъ мужъ, жена и ребенокъ, люди очень богатые, съ цѣлымъ штатомъ прислуги. Онъ—пожилой баринъ, старше баллады вдвое, если не больше, крупный чиновникъ, управляющій одного изъ казенныхъ учрежденій губерніи, присланъ сюда недавно, около шести мѣсяцевъ. Жилъ здѣсь раньше, лѣтъ пять назадъ, здѣсь-же и женился, высватавъ бѣдную сироту, воспитанницу многосемейныхъ Кармазиновыхъ, къ одной изъ вѣтвей которыхъ принадлежала родная, по матери, бабушка. Онъ—персона, богачъ, хорошаго рода; но его бракъ съ безприданницей не мезальянсъ: она-то ужъ совсѣмъ древняго, ветхаго рода, который даже вымеръ отъ ветхости... и отъ недостатка питанія. Ея прадѣдъ при Екатеринѣ,—вычитывала Люба, питавшая мѣщанскую слабость къ генеалогіи,—былъ то-то и то-то, а прадѣдъ этого прадѣда при царѣ-косырѣ заявлялъ свои права на удѣльное княженіе въ Суздалѣ, такъ какъ велъ свой родъ отъ...

— А онъ любитъ её?—вдругъ прервалъ я генеалога вполнѣ современнымъ вопросомъ, неожиданность котораго спутала всѣ хартіи.

— Мама,—вспылилъ генеалогъ,—ты предсѣдатель безсмѣнный: призови члена Дидима къ порядку!

Но мама только улыбнулась и приняла вопросъ члена Дидима во вниманіе. Она сказала:

— Было-бы естественнѣе спросить: любитъ ли *она?*.. А впрочемъ, я ни на тотъ, ни на другой вопросъ не сумѣла-бы отвѣтить: дѣло темное... Но по условіямъ его службы, отъ катастрофы онъ не обезпеченъ.

— Какъ такъ?—спросили мы съ Любой одновременно.

— Да такъ!—Вѣдь, онъ—совершенная невидимка у себя: уѣзжаетъ въ девять на службу, возвращается въ пять, а въ семь снова ѣдетъ въ городъ и остается тамъ до другихъ девяти, часто до полночи. И это—каждый день почти, не исключая праздниковъ.

Но мы съ Любой, къ великому огорченію нашей мамы, оказывались тупоумнѣе, чѣмъ она ожидала: мы не могли уяснить себѣ зависимости семейныхъ катастрофъ отъ служебнаго рвенія мужей-чиновниковъ. И она, умудренный опытомъ человѣкъ, дала намъ въ поученіе стройную и законченную теорію регрессивной эволюціи бюрократической семьи,—цѣлую страничку изъ соціологіи, пропущенную Спенсеромъ, по неспохватливости.

Чиновникамъ тѣхъ учрежденій, гдѣ принято, чтобы дѣла было по самое горло, слѣдовало-бы жениться лишь на пожилыхъ вдовахъ съ полдюжиной дѣтей: каждый часъ, проведенный въ канцеляріи, безконечно пріятнѣе каждой минуты, проведенной рачителемъ казны и карьеры дома среди шести разверстыхъ глотокъ. И женѣ рачителя не скучно на дѣтяхъ: тому шлепокъ, тому пинокъ,—глядишь, день и прошелъ незамѣтно. Семья ретиваго бюрократа, благодаря этимъ условіямъ, находится въ стадіи устойчиваго равновѣсія. А, съ другой стороны, мужьямъ молодыхъ женъ, какъ бездѣтныхъ, такъ и съ однимъ ребенкомъ, надлежало-бы воспретить службу тамъ, гдѣ триста шестьдесятъ пять дней въ году, отъ зари до зари, не прерывается порча казеннаго добра, какъ бланки, чернила, штемпеля и нитки. Это незлобивое занятіе канцелярій, слегка обременительное для казны, но совершенно безопасное для родины, какъ видъ тихаго помѣшательства, обездоливаетъ чиновниковъ, отдающихся ему безъ передышки: оно губитъ молодыя еще неупроченныя шестью глотками бюрократическія семьи. На самомъ дѣлѣ,—мужъ цѣлыя сутки „имѣетъ честь“ хлебать чернила, писать, штемпелевать, подписывать; молодая жена одна скучаетъ; ребенокъ, если онъ и имѣется, являясь совершеннымъ незнакомцемъ отцу-невидимкѣ, не можетъ заполнить все свободное время у матери... Отсюда—ката строфы!

— Вотъ потому-то, вѣроятно,—добавила мама, изложивъ свою теорію и возвращаясь къ „балладѣ“,—онъ, ея мужъ—службистъ, и увозитъ такъ часто свою молодую жену въ городъ, къ своей теткѣ, старой дѣвѣ, богачкѣ и большой барынѣ,—боится, чтобы она не сошла съ ума отъ скуки... Нѣтъ того дня, чтобы наша Ирина не отрапортовала: „А сосѣдскій дѣдушка опять повезъ въ городъ свою внучку съ дочкой!..“

Мама сопроводила эту шутку короткимъ старческимъ хихиканьемъ, въ которомъ больше покорной грусти, чѣмъ вызова къ веселью, и вздохнула; мы съ Любой молчали, каждый за своимъ занятіемъ,—она механически выправляла ошибки въ тетрадяхъ своихъ гимназистокъ, я тиранически холилъ полтора волоса моихъ усовъ, тщетно пытаясь распушить ихъ, какъ у его величества Вильгельма Молчаливаго... И всѣ трое, мы были подавлены.

— Il est jaloux sans bornes, qu'on prétend,—тихо сказала мама, уважая присутствіе Ирины, убиравшей стаканы.— А та... sa tante... On dit que c'est une espèce d'inquisiteur... И перевозятъ, бѣдную, изъ тюрьмы въ тюрьму,—закончила мама, когда ушла горничная,—какъ Желѣзную Маску какую-то!.. По внѣшности,—все прилично, но... шила въ мѣшкѣ не утаишь,—достаточно поглядѣть на ея печальные глаза.

Я нисколько не преувеличилъ, когда признавался своимъ роднымъ, что мысль о сосѣдкѣ измучила меня, какъ угрызеніе совѣсти. Но послѣ сообщеній мамы, волшебно-сказочная, щемящая красота блѣднаго личика стала для меня еще мучительнѣе, а темные глаза, полные „надломленнаго“ выраженія печали, тоски, мольбы и нетерпѣнія, еще глубже проникли въ тайники моей души... Углубясь въ себя, среди общаго молчанья, я такъ ясно видѣлъ красавицу - „балладу“, какъ-будто она стояла рядомъ со мной; а рядомъ съ ней зловѣще трепетали черныя галки на сѣдой и курчавой головѣ тетки-инквизитора, бросая зловѣщія тѣни на гордое, жесткое лицо фуріи въ дорогомъ, не по времени тяжеломъ платьѣ. Да,—за бѣдняжкой слѣдятъ, ей не довѣряютъ, ее перевозятъ съ дачи въ городъ, изъ города на дачу,—не ради ея развлеченія, а по полицейскимъ соображеніямъ... Она должна страдать вдвойнѣ, если замѣчаетъ эту политику. Но почему же вдвойнѣ? Не предполагаю ли ужъ я, самъ того не замѣчая, что у ней есть еще какая-либо причина страдать? Какая-же бы это?.. Такъ странно, право,—постороннее, совсѣмъ меня не касающееся дѣло, а я, между тѣмъ, такъ занятъ, такъ полонъ судьбой этой красивой молодой женщины...

Максимильянъ вывелъ меня изъ задумчивости, стукнувъ по столику подносикомъ, который онъ, повидимому, усталъ держать у меня за спиной; я оглянулся и увидѣлъ конвертъ, съ почеркомъ Сергѣя Петровича. Взялъ конвертъ, разорвалъ, вынулъ, прочиталъ, просіялъ, — обрадовался... Я всегда испытывалъ искреннюю радость въ тѣхъ случаяхъ, когда доводилось мнѣ видѣть этого прекраснаго человѣка, слышать что-либо о немъ, читать его самыя пустячныя записки. Онъ писалъ:

„Вы оказали-бы безграничное великодушіе, пріютивши у „себя сегодня чужестранца на родинѣ. Я не успѣлъ навязаться вамъ лично утромъ: вы исчезли изъ глазъ моихъ „такъ внезапно. Испытывая тоску одиночества, молю отвѣтить съ извозчикомъ, привезшимъ эту записку, не стѣсню „ли я Вашихъ милыхъ родныхъ, если разрѣшу себѣ удо„вольствіе посидѣть au coin de votre feu“.

— Что съ нимъ? — ворчалъ я, нѣсколько пораженный этимъ избыткомъ деликатностей.—Къ чему онъ затѣялъ такія церемоніи, — странно! - Ѣхалъ бы себѣ сюда безъ всякихъ прелиминарныхъ запросовъ, да и баста!.. Вѣдь, ужъ бывалъ не разъ, и вполнѣ увѣренъ, что тутъ ему всегда рады, какъ ясному солнышку... Точно будто дѣло какое „экзорбитальное“ замыслилъ,—проситъ разрѣшенія быть... Еще, пожалуй, во фракѣ явится, чудесникъ!.. Гм!.. А не того ли ужъ?.. Гм!.. гм!.. Ужъ не думаетъ ли онъ Любкѣ предложеніе... Гм!

— Что ты тамъ ворчишь, дѣдушка Демонидъ?—спросила Люба, вставая изъ-за тетрадокъ.

Меня охватило веселое настроеніе и захотѣлось поставить ловушечку сестрѣ, въ отместку за ея сегодняшнія измывательства надо мной.

— Вотъ,—пробурчалъ я,—письмо!.. Прочти, узнаешь!..

Она пробѣжала глазами пятокъ строчекъ крупнаго энергическаго почерка и, наткнувшись на подпись, круто повернулась на каблукахъ къ окну, съ заалѣвшимися щеками: ловушечка захлопнулась!.. Моя бѣдная сестренка не умѣла управлять своими эмоціями. Изящный физіологъ былъ такъ очаровательно уменъ, что знать его и не любить—представлялось невозможнымъ не одному мнѣ только. Но, откровенно говоря,—дѣло прошлое и невозвратимое, и самому мнѣ казалось не рѣдко, что Люба была-бы недурной товарищъ въ физіологическихъ работахъ Сергѣя Петровича, при которомъ она становилась всегда какъ-то живѣе, милѣе, румянѣе, чѣмъ обыкновенно.

Внутренне насладившись торжествомъ моего злопыха-

тельства надъ бѣдной сестренкой, я написалъ Сергѣю Петровичу ругательское разрѣшеніе и поклялся гробовой клятвой не отпускать его до завтра. „Вы должны искупить ваши десять тысячъ церемоній,—писалъ я,—однимъ хотя-бы ночлегомъ. Тѣмъ болѣе, что завтра тоже праздникъ, и я свободенъ“.

* * *

Въ этотъ же вечеръ, вѣрнѣе, въ эту теплую, тихую и преступно-черную ночь, „безъ звѣздъ блестящихъ, безъ луны“, произошли событія, которыя напугали меня, глубоко, сильно потрясли и могущественно очаровали, раскрывъ передо мною тайну двухъ душъ, охранявшихъ ее ревниво, свято, безумно, до сумасбродствъ, до институтскихъ ухищреній!..

По натурѣ, я человѣкъ подозрительный. Если же моя подозрительность всколыхнулась глубоко; если-же объектъ ея, помимо пикантности, имѣетъ и другой, болѣ существенный интересъ,—психологическій, соціальный, политическій,—тогда я становлюсь Лекокомъ, куперовскимъ индѣйцемъ-слѣдопытомъ, ищейкой, Талейраномъ изворотливости и находчивости!.. Я ловлю мимолетные взгляды, невольныя междометія, вздохи, я подмѣчаю незначительнѣйшія движенія, ихъ психо-физическую основу, я схватываю легчайшія уклоненія въ походкѣ, въ жестикуляціи, въ интонаціи, въ привычкахъ жертвы моей подозрительности, оставаясь для нея простодушнѣйшимъ ротозѣемъ... Маху далъ я, измѣнивши Ѳемидѣ ради Меркурія! Я былъ-бы идеальнѣйшимъ судебнымъ слѣдователемъ... Да вотъ сейчасъ это будетъ видно: я приступлю къ описанію событій той незабвенной ночи.

Событія той незабвенной ночи начались собственно со скрипа табуретки... Впрочемъ, необходимо сначала скомпоновать небольшую увертюрку къ этому скрипу.

Часу въ четвертомъ прибылъ къ намъ Сергѣй Петровичъ, и у насъ началось такое столпотвореніе, что я рѣшительно позабылъ и меланхолію, и основныя свойства моей лекоковской души,—такъ мнѣ было весело!.. Я не знаю, не зналъ и, вѣроятно, не буду никогда больше знать человѣка, столь-же способнаго становиться душой общества, какъ Сергѣй Петровичъ Паули. Съ момента появленія этого обаятельно-изящнаго умницы, мы, всѣ трое—мама, сестра и я, я-то особенно,—мы какъ веселящаго газа нанюхались. Смѣхъ, неумолкаемый, оживленный разговоръ, остроты, комическіе

пассажи на роялѣ, комическіе танцы!.. И такъ до позднихъ сумерекъ, часовъ до десяти. Я рѣзвился, какъ гимназистъ-приготовишка, котораго осчастливило поощреніе добраго и ласковаго класснаго наставника, если только допустима такая педагогическая разновидность, хотя-бы въ воображеніи.

Сергѣй Петровичъ былъ необыкновенно въ ударѣ. Онъ ни на минуту не переставалъ вызывать насъ на всевозможныя дурачества, не давая намъ ни отдыху, ни сроку, — сыпалъ остроты, анекдоты, замѣчанія наблюдательнаго человѣка, долго жившаго въ Европѣ, милыя игривыя морсо, отъ которыхъ мы катались со смѣху. Но самъ не бѣсновался вмѣстѣ съ нами, колесомъ не ходилъ, какъ мы съ Любой,— это я сообразилъ уже потомъ, когда вспоминалъ о событіяхъ. Мы съ сестрой школьничали, мама хохотала до коликовъ; самъ-же нашъ вдохновитель оставался почти неподвижнымъ. Всего лишь однажды за цѣлый этотъ мирно-сумасбродный вечеръ всталъ онъ съ мѣста,—когда показывалъ, какъ танцуютъ легкіе танцы буржуа-парижане на ихъ fêtes'ахъ. Онъ пригласилъ для этой ученой демонстраціи маму,—„наиболѣе положительнаго человѣка", при ея возрастѣ и солидной комплекціи, и демонстрація вышла безпримѣрно удачной: мы всѣ помирали со смѣху. „Легкіе" танцы ситойеновъ оказывались стопудовыми, какъ шаги Вія, и незыблемо вѣрными себѣ во всѣхъ наименованіяхъ: буржуа топтались вперевалку на одномъ мѣстѣ, положивъ обѣ руки другъ другу на плечи, совершенно одинаково, какъ въ вальсѣ, такъ и въ полькѣ, какъ въ мазуркѣ, такъ и въ карманьолѣ, сарабандѣ, кадрили... И развеселые же, должно быть, люди, эти парижскіе буржуа, если такъ мало надо имъ хореографіи, чтобы наполнить свой фэтъ!.. Мы много смѣялись. Когда-же кончилось демонстрированіе, и Люба,—она была очаровательно пунцова, бѣдная, ея глаза сіяли на заглядѣнье, хотя Сергѣй Петровичъ пришелъ къ намъ и въ сѣромъ жакетѣ, а не во фракѣ,—Люба попросила меня побарабанить на роялѣ, чтобы сдѣлать турикъ вальса объ руку съ нашимъ милымъ гостемъ; онъ опечалилъ ее рѣшительнымъ отказомъ. Граціозный джентльменъ признался съ искреннимъ смущеніемъ, что онъ и шагу ступить не можетъ подъ музыку, что онъ способенъ причинить боль своей неуклюжестью въ танцахъ, что физіологическая лабораторія Сорбонны сдѣлала его неисправимымъ увальнемъ... Мы надъ этимъ много смѣялись. Да и вообще смѣялись мы въ этотъ вечеръ какъ никогда, не выбирая серьезныхъ причинъ для заливистаго хохота, и если-бы нашему гостю-

магу пришла малопочтенная фантазія казать намъ послѣдовательно всѣ пальцы, мы-бы,—я увѣренъ,—и тутъ катались со смѣху... Ужъ такой чудотворъ! Я, повторяю, забылъ все—и меланхолію, и „балладу“, думы о которой причинили меланхолію, и—даже!—собственную хваленую подозрительность. Но я такъ любилъ Паули!..

Часовъ въ десять Люба нашла, что нашъ дорогой гость что-то блѣдноватъ, смотритъ утомленно... Бѣдняжечка-сестренка,—нѣтъ сомнѣнія, она могла-бы поспорить съ братомъ въ силѣ любви, если была такъ чутко-внимательна къ Сергѣю Петровичу. Мы съ мамой посмотрѣли ему въ глаза и согласились, что Люба права: онъ глядѣлъ утомленно, хотя и старался улыбаться. Встревожились, конечно, обступили его съ убѣдительными просьбами не насиловать себя, прекратить забавы, итти спать. Онъ краснорѣчиво увѣрялъ, что чувствуетъ себя прекрасно... Но какъ то нечаянно обмолвился, что предыдущую ночь страдалъ мигренью и не свелъ глазъ съ глазомъ. Тогда мы усугубили настоянія, рѣшились на насиліе и увлекли дорогого гостя подъ руки въ облюбованную имъ комнату, гдѣ и простились съ нимъ до пріятнаго утра, пожелавъ ему покойной ночи. Пожимая руки намъ съ Любой, онъ не могъ скрыть сладкой позѣвоты, что вызвало новый взрывъ смѣха, — уже послѣдній въ этотъ вечеръ.

По уходѣ вдохновителя, настала такая тишина, что обѣ мои дамы начали клевать... И не позднѣе половины одиннадцатаго мы всѣ были уже по комнатамъ.

Я лежалъ съ послѣдней книгой журнала, услаждаясь полемикой. Полемика—страсть моя, или, вѣрнѣе,—одна изъ моихъ страстей.

Вдругъ скрипнула табуретка. До моего чуткаго слуха явственно донесся этотъ скрипъ, — легкій, осторожный, воровской. Въ неподвижной тишинѣ темнаго вечера каждый изъ рѣдкихъ звуковъ приумолкшей природы,—сонный шумъ древесныхъ верхушекъ, мягкій рокотъ соловья, тоскующаго гдѣ-то вдали, коротенькій и слабый пискъ уснувшей птички, задорный сипъ комара въ комнатѣ,—каждый звукъ, мимолетный и легкій, выдѣлялся такъ ясно на фонѣ тишины, что тотчасъ-же сообщалъ уху, откуда онъ, что онъ такое, чѣмъ онъ вызванъ; я угадалъ тотчасъ-же, какъ уловилъ скрипъ, что это скрипнула табуретка, что эта табуретка около самой кровати моего гостя, ночующаго въ старомъ павильонѣ, куда ведетъ изъ кабинета досчатый коридорчикъ, теперь запертый, такъ какъ у павильона имѣется от-

дѣльный выходъ, черезъ створчатую дверку въ садъ. Но, выяснивъ себѣ происхожденіе скрипа, я все-таки не успокоился: табуретъ скрипнулъ странно,—рѣзко, нетерпѣливо... Подозрительно! Звуки и неодушевленныхъ предметовъ обладаютъ психологіей, какъ голоса существъ, заимствуя ее въ страсти, въ возбужденности человѣка, коснувшагося ихъ: я догадался по этому, едва уловимому скрипу, что онъ не спроста, что-то означаетъ, и насторожилъ ухо. Звякнула створчатая дверь, тихо-тихо, вкрадчиво... Такъ и есть,—моя тревога основательна: крадется... Не желаетъ, чтобы услышали. Будь иначе, — дверь хлопнула-бы съ бо́льшимъ шумомъ. Съ бьющимися висками, скользнулъ я на полъ, проползъ на четверенькахъ, — чтобы не быть замѣченнымъ въ свѣтѣ лампы, тушить которую было-бы безуміемъ,—на террасу и припалъ къ балясамъ;—тихіе крадущіеся шаги тяжело прошуршали по травѣ... Онъ уходилъ тайкомъ, заботясь о томъ, чтобы произвести поменьше шороха. Меня обезпокоила мысль о Робертѣ: вотъ, какъ встревожится присутствіемъ чужого, если спитъ гдѣ-нибудь тутъ, да подниметъ лай... Какъ это будетъ глупо, какъ не кстати!.. Хрупнула подъ ногой вѣтка чилижника за повильономъ, другая,—подальше... тсс! — нащупываетъ дорогу. И мягко зашуршали кусты, точно межъ ними проскользнулъ, исчезая, хищный звѣрь... Меня сорвало съ мѣста. Я, какъ былъ, босой, въ одномъ бѣльѣ, махнулъ черезъ перила, повисъ на карнизѣ и, выпустивъ его, опустился на прохладный песокъ цвѣтника. Преслѣдованіе начато!

У моей подозрительности не было ясной цѣли, не было плана, даже не было опредѣленнаго, а пожалуй, и никакого сознанія: я дѣйствовалъ инстинктивно, какъ выведенная изъ дремоты кошка, идущая выяснить, что такое царапнуло, нѣтъ-ли мыши. Ступая шагъ за шагомъ голыми ногами по песку, я слышалъ, какъ осторожные шаги постепенно становились нетерпѣливѣе, быстрѣе, по мѣрѣ удаленія отъ дома, и шелъ за ними; онъ направился въ глубину сада цѣликой, треща вѣтками валежника, шурша вѣтвями; — я слѣдовалъ за нимъ поодаль, тропинкой. Онъ не зналъ условій мѣстности такъ хорошо, какъ я, и онъ останавливался среди чащи, выбирая направленіе. Мнѣ не приходилъ въ голову вопросъ, куда онъ идетъ,—я былъ всецѣло поглощенъ животнымъ чувствомъ преслѣдованія; но зато слабыми зигзагами мелькало соображеніе о сатанинскомъ притворствѣ человѣка, сумѣвшаго принуждать себя цѣлые шесть часовъ

къ беззавѣтному веселью и къ откровенному хохоту: какая сила воли!..

Вдругъ онъ повернулъ прямо на меня. Я юркнулъ подъ скамью, разсчитывая, что если онъ сядетъ, я сумѣю незамѣтно откатиться по взрыхленному чернозему къ парникамъ. Онъ не сѣлъ, а повернулъ судя по шуму шаговъ, влѣво, и увѣренно зашагалъ къ забору, отдѣляющему мою дачу отъ сосѣдской.

Мнѣ стало жарко отъ неожиданности, которой я ожидалъ смутно... Какъ? Что такое?! Неужели всѣ неясныя, блуждающія тѣни предположеній, танцовавшія, какъ пылинки въ лучѣ, въ моей головѣ за день, начиная съ утра, въ скверѣ всѣ обрывки, кусочки мыслей можно, нужно, необходимо сформировать въ одно цѣлое, страшное, оскорбительное?. Къ кому?—Къ ней!.. Къ этой женщинѣ, надломленная печаль которой была знаменіемъ ея поэтической возвышенности, святости, чистоты?.. О,—да!—Заборъ, нашъ старый расшатанный заборъ кряхтитъ подъ сильной рукой: онъ перелѣзаетъ, онъ спрыгнулъ по ту сторону... Такъ просто! Такъ.. пошло!.. Конечно, я могъ ждать этого, имѣй я склонность предпочитать всему скабрезность; но... ждалъ-ли я этого!. И отъ кого-же?! Отъ двоихъ людей, изъ которыхъ одинъ околдовалъ меня въ мѣсяцъ выдающимися достоинствами а другая совершила такое-же волшебство въ нѣсколько минутъ своимъ страдальческимъ видомъ!.. Я прильнулъ къ щели. Но я могъ прильнуть, минуя щель, и къ доскѣ съ тѣмъ-же успѣхомъ, — что я могъ видѣть въ темнотѣ, при которой нельзя было разсмотрѣть собственной руки у самыхъ глазъ!

А тамъ за заборомъ, послышался звукп, обычный, вульгарный звукъ изъ заигранной интродукціи свиданій: щелкнулъ кленовый листокъ... Но на него былъ отвѣтомъ звукъ рѣдкій, завидный,—тихій, трепещущій счастіемъ голосъ, стонъ сердца, короткій и радостный. Меня, припавшаго къ забору, охватило волненіе,—ея голосъ былъ такъ чистъ, такъ дѣтски безгрѣшенъ... Но вотъ узкая полоска свѣта, напоминавшаго синеватый лучъ бриллiанта, протянулась по тропинкѣ за заборомъ,—я приникъ къ щели, увидѣлъ темные узоры вѣтвей, фигуру мужчины въ ихъ густотѣ, окно и въ немъ бѣлое видѣніе: она!.. Нѣтъ!—это она... Лучъ потухъ. Потухла и моя вѣра въ исключительныхъ людей!

Лежа подъ заборомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ежъ прорылъ а кухаркинъ мальчишка расширилъ сквозную дыру на сосѣднюю дачу,—дыру вполнѣ достаточную для того, чтобы

положить въ нее голову самаго мозговитаго изъ Гороновъ, я страдалъ не меньше того, если-бы мнѣ въ эту минуту измѣняла моя любимая жена, моя любовница...

Вспоминая теперь съ раздумчивой насмѣшливостью эту минуту, я сознаюсь, что мое положеніе, съ головой въ дырѣ было безспорно глупое, мало отвѣчающее достоинству управляющаго банкомъ. Но это-же я подозрѣвалъ и тогда, а уходить все-таки не хотѣлъ: „выпью—думалось мнѣ,—эту горькую чашу до дна“!.. А въ голову, пока я прислушивался къ тишинѣ первыхъ минутъ ихъ свиданія, лѣзли самыя дикія, неидущія къ дѣлу картины, слова, фразы, въ родѣ, напримѣръ, загадки: „У насъ, у васъ поросенокъ увязъ“.. Но такой ужъ я нелѣпый человѣкъ, если присмотрѣться ко мнѣ извнутри,—мнѣ всегда лѣзутъ въ голову, самымъ страннымъ образомъ, глупости именно въ моменты бѣды, невзгоды, горя... Однажды у насъ исчезъ артельщикъ съ полсотней тысячъ, который, впрочемъ, скоро отыскался, и съ деньгами. И вотъ, въ то самое время, когда мы были въ паникѣ, когда воображеніе уже рисовало грозныя брови главноуправляющаго, его перстъ, указующій намъ дорогу въ судъ, въ моемъ мозгу упорно барабанили слова какой-то глупой пѣсни: „По базару усы ходятъ, усы пряники жуютъ... Ай-да усы, ра-аз-валисты-густы!..“

* * *

За заборомъ-же все было тихо, безмолвно. Что-же это, однако? — они ведутъ еще предварительные переговоры? онъ еще не проникъ къ ней?! Мнѣ были-бы слышны характерные звуки обуви, царапающей носкомъ деревянную стѣну, легкое кряхтѣнье человѣка, съ усиліемъ поднимающагося на рукахъ, прыжокъ. Но ничего такого не слышалось, зато послышались, послѣ долгаго безмолвья, ихъ голоса. Они говорятъ, я напрягаю слухъ, но вотъ слышны голоса, шопотъ, даже вздохи: словъ же не слышно. Шопотъ ближе,—его шопотъ,—энергичный, ласкающій, порывистый какъ скороговорка; шопотъ дальше,—ея,—медленный слабый, жалующійся... Стали долетать и слова,—вырвавшееся противъ воли восклицаніе гнѣва съ его стороны, скорбный молящій стонъ со стороны женщины, страданія которой, несомнѣнно, сильнѣе, нежели любовь и ея порывы... Тутъ далеко отъ того, что меня оскорбило-бы!—тутъ не паденіе, не грѣхъ, не позоръ: тутъ муки, мольбы и жалобы...

Слова, наконецъ, доносятся ясно; но разобрать ихъ я не

могу: они говорятъ очевидно не по-русски, даже не по-французски, а на какомъ-то иномъ, мнѣ не знакомомъ языкѣ, и только по стремительному тону его рѣчи я могу предположить, что они спорятъ, умоляютъ о чемъ-то другъ друга. Впрочемъ,—вотъ страстная мольба, вырвавшаяся у него на родномъ языкѣ. „Пожалѣй-же меня!"—стонетъ онъ, и въ его голосѣ я слышу рыданіе... О чемъ онъ проситъ ее такъ печально и безпомощно?.. Не о любви эта мольба, эта—мольба о пощадѣ... И снова,—тихій шопотъ, неясныя слова, стоны и жалобы... Наступаетъ перерывъ и другой: очевидно она отходитъ отъ окна, что-бы посмотрѣть, нѣтъ ли опасности; въ эти интервалы я слышу, какъ онъ разминаетъ подъ окномъ свои уставшія ноги... Господи!—отстрани отъ нихъ опасность...

Шепотъ, сдержанные взрывы его гнѣва, ея стоны, мольба, жалоба, снова шепотъ... И такъ до блѣдной сѣроватой полоски въ вершинѣ аллеи!.. И тихо закрывается окно, и идетъ онъ назадъ тяжелымъ шагомъ человѣка, который разбитъ, утомленъ, удрученъ горемъ... И снова крякаетъ мой ветхій заборъ подъ его рукой, и снова движется по тропинкѣ къ павильону мой гость, но уже безъ предосторожностей, безъ опасеній, до которыхъ ему теперь нѣтъ дѣла, къ которымъ онъ равнодушенъ подъ бременемъ печали...

И—ни одного поцѣлуя, ни одной ласки!.. Если это любовь то не заурядная это любовь: это любовь святая и великая любовь страстотерпческая.

...Здѣсь я думаю оставить пробѣлъ... Страницы двѣ-три чистой бумаги пусть сохранятся въ первомъ изданіи моихъ набросковъ, и пусть засвидѣтельствуютъ читателю, что я еще не въ силахъ обнять, понять, истолковать комплексъ чувствъ, тиранившихъ мою душу въ то время... Лишь ко второму изданію, я быть можетъ, соберусь съ силами отнестись вполнѣ объективно къ самому себѣ и описать то, что я сталъ думать о ихъ любви послѣ этой ночи...

Въ эту ночь, ночь тайнъ, у меня возникъ въ душѣ таинственный культъ красоты и страданія... Богиней была блѣднолицая темноокая женщина-мученица; верховнымъ жрецомъ—Паули. Я не шучу, я говорю искренне...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Гольдебаевъ.

Метеоръ.

Надъ ледяною гранью горъ,
Дремавшихъ въ мракѣ полуночи,
Пронесся яркій метеоръ,
Слѣпя лучистымъ блескомъ очи.
На дно долины онъ упалъ,
Вблизи мятежнаго потока,
И въ землю врѣзался глубоко—
И блескъ, и силу потерялъ.
И много дней прошло съ тѣхъ поръ,
Угрюмый мракъ ночей смѣняя...
Лежитъ остывшій метеоръ,
Травой и мохомъ обрастая...
И лишь порой подъ грохотъ волнъ
Съ тоскою вспоминаетъ камень,
Что въ немъ кипѣлъ когда-то пламень,
Что былъ и онъ стремленья полнъ.

Вас. Смирновъ.

Медаль.

РАЗСКАЗЪ.

(Съ французскаго.)

Мнѣ было тогда лѣтъ восемь или десять. Въ Анвянѣ— мѣстечкѣ, гдѣ я родился, — учителемъ въ то время былъ господинъ Лассаль.

Какъ преподаватель, онъ во всякомъ случаѣ не могъ служить образцомъ. Педагогическихъ нововведеній онъ терпѣть не могъ и велъ свое дѣло по старинкѣ, какъ истый рутинеръ съ самымъ ограниченнымъ кругозоромъ. Но если онъ нисколько не заботился о томъ, чтобы придать уроку интересъ, если вообще съ учениками мало разговаривалъ и если охотнѣе занимался развитіемъ памяти, нежели соображенія, то все-же онъ обладалъ извѣстнымъ опытомъ, умѣлъ заставить насъ быть прилежными и выучивать наизусть заданныя упражненія такъ, чтобы ни одно слово не было пропущено. Не дай Богъ, если кто запнется раза два-три во время отвѣта,—онъ такъ взглянетъ, что душа въ пятки уйдетъ, и ужъ тутъ не до извиненій: лишь бы удрать поскорѣе на мѣсто, да уткнувшись въ книгу, снова приняться за долбню до тѣхъ поръ, пока не будешь знать урока безъ единой ошибки. И большинство отвѣчало такъ, какъ того желалъ господинъ Лассаль. Съ нимъ вообще разговоры бывали коротки.

— Старъ я сталъ, чтобы со мною шутки шутить,—говаривалъ онъ.

И никто не „шутилъ", не то онъ такъ по щекамъ нахлопаетъ, что долго въ памяти останется.

И боялись же мы его, хуже чорта: шевельнуться въ его присутствіи—и то страшно бывало.

У господина Лассаля была, между прочимъ, весьма странная особенность. Самъ онъ происходилъ изъ народа, а на-

роднаго языка не выносилъ. Когда мы, бывало, читали ему вслухъ наши письменныя упражненія, пересыпанныя выраженіями, ничего общаго не имѣющими съ литературнымъ языкомъ, то господинъ Лассаль зеленѣлъ отъ злости и даже руки и ноги у него начинали дрожать.

— Опять, опять по-своему,—задыхаясь, повторялъ онъ по адресу одного изъ насъ.—Я всѣ силы прилагаю, чтобы только научить васъ объясняться на настоящемъ французскомъ языкѣ, а вы что мнѣ подносите? Да французы вы, наконецъ, или нѣтъ? Несчастные! Поймите,что такъ говорятъ только воры, разбойники, всякая дрянь!.. Развѣ кто нибудь изъ порядочныхъ людей употребляетъ такія слова? Вотъ я, напримѣръ... Да лучше языкъ себѣ вырвать!..

И это была правда. Господинъ Лассаль, въ отличіе отъ большинства своихъ товарищей по профессіи, говорившихъ на полулитературномъ, полународномъ языкѣ,—вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы ихъ понимали,—всегда изъяснялся на самомъ правильномъ діалектѣ.

Что касается меня, то я не вполнѣ соглашался съ моимъ преподавателемъ. Напримѣръ, мои родители: они были не какая нибудь дрянь и ужъ во всякомъ случаѣ не изъ воровской шайки; напротивъ того,—всѣ ихъ уважали и они даже принадлежали къ аристократіи нашей деревни. Какъ ни почиталъ я господина Лассаля, но чувства мои искренне возмущались его злобными рѣчами.

Бывали случаи, когда я изъ тщеславія или изъ другого какого либо побужденія старался заучивать пріемы и произношеніе настоящаго французскаго языка; но, надо сказать правду, мнѣ это плохо удавалось.

Но что, главнымъ образомъ, мѣшало мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей, отличавшихся застѣнчивымъ нравомъ, слѣдовать въ полной мѣрѣ совѣтамъ господина Лассаля, внушавшаго намъ столько страху,—такъ это насмѣшки тѣхъ изъ насъ, что были посмѣлѣе и составляли, такъ сказать, оппозицію. Они безпощадно издѣвались надъ нашими усиліями изображать „французовъ" и преслѣдовали насъ словами:

— Туда же суются, точно богатые!

Тутъ я моментально запрятывалъ въ далекій ящикъ свой учебникъ со словами на обоихъ нарѣчіяхъ и возвращался къ музыкѣ родного языка, съ зари и до зари наполнявшаго своими звуками улицы деревни и окружающія ее поля.

Нашъ учитель былъ убѣжденъ, что мы не слушаемся его изъ упрямства, и выходилъ изъ себя. Онъ во чтобы то

ни стало, хотѣлъ изгнать, лангедокское нарѣчіе не только изъ нашего обихода, но разсчитывалъ заставить все мѣстное населеніе говорить по-своему. Сколько разъ онъ твердилъ намъ съ горящимъ взоромъ вдохновеннаго проповѣдника:

— Дѣти мои, заклинаю васъ, говорите по-французски. Привычка эта дастъ благіе результаты не только вамъ самимъ, но и окажетъ громадное вліяніе на окружающихъ. Добрый примѣръ заразителенъ. Ваши родители и тѣ въ концѣ-концовъ перестанутъ говорить на своемъ отвратительномъ жаргонѣ. Если я этого достигну, то умру спокойно, съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ.

Разобраться тогда въ томъ, правъ ли былъ мой учитель или нѣтъ,—я не могъ, но, слушая его безпрестанныя увѣренія въ томъ, что мои родные говорятъ на воровскомъ языкѣ, я въ концѣ-концовъ рѣшался дѣлать имъ замѣчанія, на которыя, однако, получалъ отвѣты, дѣйствовавшіе на меня на подобіе холодной ванны:

— Твой учитель суется не въ свое дѣло,—замѣчалъ отецъ.

— Мы говоримъ, такъ какъ насъ тому учили, какъ говорили наши отцы и наши дѣды,—возражала мать.

А сестры и братья, а тетушки и дядюшки! Въ сущности, они чрезвычайно насъ любили, но, видя наши попытки ихъ „учить“, осыпали насъ безъ всякаго милосердія градомъ насмѣшекъ. Приходилось воздержаться отъ преподаванія другимъ того, что мы охотно и сами забрасывали, лишь только выходили изъ школьной ограды.

Иногда мы сообщали господину Лассалю о томъ, что намъ говорили дома по поводу его совѣтовъ, но онъ этимъ ничуть не смущался и съ той же настойчивостью продолжалъ преслѣдовать свою идею. Видя, что всѣ его старанія не могутъ заставить насъ говорить по-французски внѣ школы, онъ придумалъ, наконецъ, нѣчто такое, что неминуемо должно было привести къ желанному результату.

Говорятъ, кто ищетъ, тотъ и находитъ. И господинъ Лассаль нашелъ, потому что искалъ.

Однажды, войдя на дворъ школы, мы всѣ замѣтили, что онъ былъ удивительно радостно настроенъ. Онъ потиралъ руки отъ удовольствія и—что всего страннѣе—при входѣ въ классъ даже напѣвалъ какую-то пѣсню. Если бы онъ заговорилъ по-лангедокски, то, я думаю, мы и тогда бы менѣе удивились, чѣмъ той перемѣнѣ, которая произошла съ нашимъ учителемъ. Во все время урока онъ не переставалъ быть веселымъ, а въ перемѣну снова сталъ напѣвать. На насъ это не могло не подѣйствовать и мы сами готовы были

послѣдовать его заразительному примѣру. А между тѣмъ, въ тотъ день какъ разъ читались письменныя работы. Но— что за чудеса!—господинъ Лассаль слушалъ наши удивительныя произведенія литературы и даже не морщился. Улыбается себѣ, да и только. Правда, подъ конецъ улыбка его пріобрѣла нѣчто двусмысленное, насмѣшливое, злобное, такъ что у насъ мурашки забѣгали по спинѣ. Къ тому-же онъ нѣтъ-нѣтъ да и пробурчитъ:

— Ничего, ничего, когда нибудь да настанетъ этому конецъ, изувѣры!

Цѣлое утро мы чувствовали себя на седьмомъ небѣ,—и вдругъ такое разочарованіе! Въ одиннадцать часовъ, лишь только мы собрались упорхнуть, на подобіе спугнутой стаи воробьевъ, господинъ Лассаль совершенно неожиданно жестомъ руки пригласилъ насъ не покидать нашихъ мѣстъ.

— Друзья мои!—восклицаетъ онъ,—мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ нѣсколько словъ...

Почуявъ бѣду, мы сразу примолкли и съ затаеннымъ страхомъ устремили взоры на нашу грозу.

Молча и важно, господинъ Лассаль протянулъ къ намъ свою правую руку, и мы увидѣли между большимъ и указательнымъ его пальцами небольшой круглый предметъ, въ которомъ тотчасъ же узнали мѣдную монету временъ Людовиковъ XIV, XV и XVI; такія монеты до сихъ поръ еще въ ходу среди деревенскаго населенія.

Медленнымъ жестомъ, съ видомъ церковнослужителя, проносящаго дарохранительницу передъ своей колѣнопреклоненной паствой, онъ провелъ протянутой рукой справа налѣво, при чемъ улыбнулся, но такъ, что мое бѣдное сердце перестало биться отъ страха.

— Ну-съ!—проговорилъ онъ,—наконецъ, чувствуете-ли вы, что означаетъ эта медаль?

Медалями у насъ назывались крупныя старыя монеты, нерѣдко служившія намъ вмѣсто игрушекъ.

— Этой штучкой я васъ подтяну, милые мои друзья... Вы продолжаете говорить по-своему... Ну теперь ужъ этого больше не будетъ. Обманывать меня вамъ съ сегодняшняго дня не удастся. Гдѣ бы я ни былъ, хотя на полюсахъ, все равно никому не придетъ больше въ голову практиковаться на своемъ излюбленномъ нарѣчіи. Что, хорошо придумано? Мысль геніальная, ха-ха!

Мы ничего не понимали. Околдовалъ кто нибудь его монету, что ли?

— Спятилъ!—прошепталъ подлѣ меня одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ.

Но господинъ Лассаль былъ далекъ отъ сумасшествія, что тотчасъ же онъ и подтвердилъ, начавъ совершенно спокойно и обстоятельно объяснять намъ подробности своего макіавеллистическаго замысла.

Дѣло было въ томъ, что медаль передавалась тому, кто первый заговоритъ на недозволенномъ языкѣ, съ правомъ наградить ею того изъ товарищей, который тоже ослушается приказанія; второй передаетъ третьему, третій—четвертому, и т. д. У кого же медаль очутится къ концу дня, тотъ подвергнется строгому наказанію: ему зададутъ двойной урокъ и, кромѣ того, онъ долженъ будетъ дежурить въ школѣ до самаго вечера.

Мы не на шутку пріуныли тѣмъ болѣе, что, въ довершеніе благодѣянія, господинъ Лассаль преподнесъ намъ еще слѣдующее:

— Я отдалъ другую такую-же медаль одному изъ васъ, тому, кто хорошо себя велъ. Совѣтую вамъ быть осторожными. Кто провинится, тотъ будетъ меня помнить. Въ понедѣльникъ я это дѣло разберу...

— У кого медаль? У кого медаль?—закидали мы другъ друга вопросами, лишь только намъ была возвращена свобода. Начались подозрѣнія: „У Мака? У Поля!?" Но обладателя медали намъ такъ и не удалось обнаружить.

Съ тѣхъ поръ довѣріе между нами исчезло. Игры наши потеряли свой прежній характеръ непринужденнаго веселья. Каждый товарищъ становился опаснымъ. Несмотря на все стараніе, услѣдить за собой было чрезвычайно трудно,— привычка брала верхъ, и въ увлеченіи игры невольно произносились слова на родномъ языкѣ. Товарищъ, получившій медаль, конечно, пользовался первымъ случаемъ, чтобы отъ нея отдѣлаться. Даже если обладателя злополучнаго предмета и не было среди насъ, все-же сердце невольно сжималось, лишь только поймаешь себя на ослушаніи.

Въ скоромъ времени мы всѣ стали говорить по-французски, за исключеніемъ нѣсколькихъ шалуновъ, которые ни во что не ставили необходимость продежурить лишнее время въ школѣ за книгой; впрочемъ, они зорко слѣдили за тѣмъ, какъ бы скорѣе сбыть съ рукъ роковую монету, хотя бы съ цѣлью составить себѣ компанію на часы отбытія наказанія.

Тѣ, что были потрусливѣе и позастѣнчивѣе, дрожали съ утра до вечера и, чтобы не попасться, отказывались отъ игръ, предпочитая сидѣть безвыходно дома.

Мѣсяцъ спустя положеніе стало невыносимымъ. Не имѣть возможности говорить между собой на языкѣ, къ которому привыкъ съ ранняго дѣтства,—да что можетъ быть тяжелѣе?!

Оставалось пуститься на хитрости.

Мы стали собираться по четыре и по пять человѣкъ, торжественно клялись другъ другу, что ни у кого изъ насъ не было медали, и затѣмъ удирали куда нибудь далеко въ лѣсъ, гдѣ можно было порѣзвиться въ полной безопасности. Но и тамъ мы рѣдко чувствовали себя спокойными: такъ и казалось, что нѣтъ-нѣтъ да кто нибудь и подслушаетъ. Малѣйшій посторонній шумъ приводилъ насъ въ трепетъ. Въ ушахъ раздавались грозныя слова господина Лассаля:

— Такой-то напишетъ сегодня сто строкъ каллиграфіи и останется безъ обѣда за то, что говорилъ на своей тарабарщинѣ!

Нѣтъ, прежняго веселья не было и слѣда. Недовѣріе другъ къ другу росло и опутывало насъ на подобіе паутины. Между нами завелись предатели, которые, несмотря на данную клятву, вдругъ подсовывали кому нибудь ненавистную монету. Они знали, что господинъ Лассаль ихъ за это похвалитъ. Но, надо правду сказать, шпіонство у насъ не привилось, и въ скоромъ времени никто больше не позволялъ себѣ прибѣгать къ обману: виновные въ этомъ получили здоровую потасовку и навсегда отказались отъ угожденія учителю путемъ надувательства.

Больше всего говорилось на родномъ языкѣ, конечно, по воскресеньямъ, когда мы собирались всей деревней для игръ и всякаго рода забавъ. Понятно, что въ пылу общаго веселья, предписаніе забывалось и невольно произносились слова на запрещенномъ нарѣчіи. Тутъ-то медаль особенно бойко переходила изъ рукъ въ руки, и не было возможности увильнуть отъ необходимости принять ее, такъ какъ всякій протестъ вызывалъ двойное наказаніе. Въ понедѣльникъ наступала расплата. О, какъ мы ненавидѣли этотъ день! Сколько хитрили, чтобы только не пойти въ классъ! Какихъ, какихъ болѣзней себѣ не выдумывали! Многіе, бывало, дойдутъ до двери школы, а тамъ и назадъ... Во всю жизнь не забыть мнѣ того чувства, которое испытывалъ я по понедѣльникамъ утромъ, въ минуту пробужденія. Не дай, Господи, никому!

Ровно въ десять часовъ важной поступью въ классъ входилъ нашъ учитель. Всѣ притихали. Строгимъ голосомъ онъ вопрошалъ:

— Жакъ, вамъ я отдалъ медаль... Кому вы ее передали?

— Людвигу, господинъ учитель.

— Хорошо. Людвигъ вы проспрягаете четыре раза глаголъ „говорить по-тарабарски“ и останетесь безъ обѣда за рецидивъ. А вы кому отдали?

— Жану,—съ плачемъ отвѣчаетъ мальчуганъ.

Жану предписывается соотвѣтственное наказаніе, затѣмъ слѣдующему и еще слѣдующему и, наконецъ, чуть что ни всей школѣ.

Иногда, впрочемъ, раздавались и протесты.

— Неправда, господинъ учитель, я не говорилъ посвойски.

— По-свойски, что это за выраженіе? Развѣ такъ говорятъ?

— Я не зналъ, какъ сказать.

Тутъ начиналась разборка, выразился ли ученикъ на своемъ нарѣчіи по незнанію соотвѣтствующаго слова на французскомъ языкѣ, или же изъ упрямства. Несказанно бывалъ радъ ученикъ, если ему удавалось такимъ путемъ снять съ себя вину и тѣмъ избѣжать наказанія.

Цѣлыхъ полчаса продолжалась, бывало, пытка. И какъ же въ тѣ минуты мы ненавидѣли и учителя, и школу!

— Выросту большой, буду всегда, всегда, всегда говорить по-своему...

Этой предвкушаемой местью мы старались вознаградить себя за испытанныя непріятности. Господинъ Лассаль, самъ того, быть можетъ, не подозрѣвая, порождалъ и затѣмъ развивалъ въ насъ чувство злобы и ненавистничества, хотя, въ сущности, самъ онъ не былъ злымъ человѣкомъ. И, дѣйствительно, лишь только мальчишка окончитъ школу, онъ тотчасъ же перестаетъ говорить на языкѣ, такъ усердно преподаваемомъ ненавистнымъ учителемъ. Наиболѣе озлобленные норовили при встрѣчѣ съ нимъ бросить ему въ лицо нѣсколько словъ на самомъ отчаянномъ жаргонѣ.

— Негодяй!—кричитъ господинъ Лассаль внѣ себя отъ гнѣва,—жаль, что ты не ходишь больше въ школу,—насидѣлся бы ты у меня на хлѣбѣ и на водѣ.

За его спиной раздавался смѣхъ и всякаго рода возраженія все на томъ же діалектѣ.

Однако, годъ спустя всѣмъ до-нельзя надоѣло такое положеніе вещей. Вмѣсто прежней трусливой покорности между учениками стало проявляться такое раздраженіе, что каждый былъ готовъ итти на какую угодно борьбу, лишь бы отвоевать себѣ утраченную независимость. И въ одинъ прекрас-

ный день ненавистная медаль полетѣла къ чорту. Мы забросили ее далеко, на крыши домовъ. Наказаніе послѣдовало небывалое. Уличенный въ содѣянномъ преступленіи въ продолженіе цѣлаго мѣсяца долженъ былъ просидѣть неотлучно въ школѣ съ восьми часовъ утра и до семи вечера на завтракъ ему полагался кусокъ черстваго хлѣба, и, кромѣ того, ему было приказано писать безконечное число разъ слѣдующую фразу: „Я продолжаю говорить по-тарабарски, несмотря на строгое запрещеніе господина учителя“.

Но главная бѣда была въ томъ, что наша продѣлка ни къ чему не привела. Сколько бы медалей мы ни забрасывали, у господина Лассаля появлялись все новыя и новыя, до безконечности. Тогда мы рѣшили никому не передавать медали, какъ будто никто и не говорилъ по-лангедокски.

Но, само собой разумѣется, нашъ учитель намъ не повѣрилъ. Провести его не такъ то было легко. Однако, какъ ни странно это, но на такую удочку въ концѣ-концовъ намъ удалось таки его поймать. Подобно тирану, воображающему, что силою можно заставить себѣ подчиниться, господинъ Лассаль мало-по-малу повѣрилъ въ успѣхъ придуманной имъ системы. Убѣдившись въ незыблемости своихъ нечеловѣческихъ предписаній, онъ кончилъ тѣмъ, что успокоился и свою обычную суровость смѣнилъ на болѣе мягкое обращеніе. Ему даже стало казаться, что наши письменныя работы страдаютъ меньшимъ количествомъ стилистическихъ курьезовъ. А на самомъ-то дѣлѣ!..

И вотъ, насталъ такой моментъ, когда господинъ Лассаль чуть не со слезами умиленія объявилъ намъ, что медаль больше ненужна, такъ какъ своими стараніями онъ заставилъ насъ взять въ привычку то, отъ чего мы такъ долго и упорно отбивались...

Каково? Ахъ, онъ, несчастный...

Уходя на этотъ разъ изъ школы, мы лицемѣрно отвѣсили ему по низкому поклону, и онъ отвѣчалъ намъ сердечными напутствіями. Несказанно довольные, мы пустились бѣжать въ сосѣднюю лощину, гдѣ веселыми играми отпраздновали побѣду надъ нашимъ мучителемъ. Пришлось однако, порѣшить, что употреблять жаргонъ слѣдовало лишь вдали отъ школы, въ стѣнахъ же ея говорить по-французски, чтобы не возбудить новыхъ подозрѣній въ нашемъ достопочтенномъ преподавателѣ.

Перев. **Е. Щировская.**

Изъ жизни интеллигентнаго пролетаріата.

I.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1832 г., въ Англіи вышелъ забытый романъ Бульвера: „Евгеній Арамъ“.

Въ немъ—впервые въ европейской литературѣ — изображена исторія интеллигентнаго пролетарія.

Сынъ разорившагося арендатора, Евгеній Арамъ, стоялъ одинъ на божьемъ свѣтѣ. „Стѣна нищеты“ отдѣляла его отъ людей. Часто голодалъ онъ, часто ночевалъ подъ открытымъ небомъ. Но въ душѣ его горѣла жажда знанія, жила мечта просвѣтить, осчастливить человѣчество. Не имѣя уроковъ, онъ порой былъ готовъ стать поденщикомъ. Онъ скоро почувствовалъ, что не въ силахъ разлюбить науку.

Случайно сошелся онъ съ темной личностью, стоявшей внѣ порядочнаго общества, съ человѣкомъ, жившимъ на чужой счетъ. Дерзкія рѣчи профессіональнаго мошенника потрясли душу голодавшаго интеллигента.

Однажды Евгеній познакомился съ богатымъ лордомъ, негодяемъ до мозга костей, который наслаждался всѣми благами жизни, пользовался всеобщимъ почетомъ.

„Стоитъ-ли быть порядочнымъ человѣкомъ,—подумалъ онъ про себя,—если героями на жизненномъ пиру являются мерзавцы?“

Какъ-то разъ при всѣхъ лордъ поднялъ на смѣхъ его поношенный костюмъ. Евгеній не помнилъ себя отъ горя и стыда! Куда-бы онъ ни шелъ, куда-бы ни глядѣлъ, всюду ему мерещилось „проклятіе, которымъ люди заклеймили бѣдность“.

Удрученнымъ настроеніемъ студента воспользовался товарищъ и предложилъ ему убить лорда. Долго колебался бившійся въ тискахъ нужды юноша. Когда-же онъ узналъ, что лордъ нагло оскорбилъ одну дѣвушку, онъ далъ свое согласіе. Вѣдь, если онъ

убьетъ негодяя, онъ освободитъ общество отъ вреднаго паразита на деньги лорда онъ пріобрѣтетъ знанія, а ими онъ облагодѣтельствуетъ весь міръ.

И Евгеній убиваетъ лорда.

Но преступленіе легло камнемъ на его душу. Попрежнему онъ больше всего на свѣтѣ любилъ науку, но мысль при ея помощи осчастливить человѣчество въ немъ сразу и навсегда умерла. Онъ зажилъ безрадостнымъ отшельникомъ, созерцая звѣзды, пока не очутился, выданный товарищемъ, на скамьѣ подсудимыхъ.

Бульверъ надѣлилъ своего героя массой привлекательныхъ качествъ, чтобы расположить къ нему читателя—красивымъ лицомъ, способнымъ вскружить голову дѣвушкамъ, громаднымъ талантомъ, обращающимъ на него вниманіе министровъ родной страны и ученыхъ всего свѣта, добрымъ сердцемъ, побуждающимъ его помогать бѣднякамъ, спасать изъ воды утопающихъ...

Прошло почти сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ англійскій романистъ изобразилъ впервые фигуру интеллигентнаго пролетарія, и за это время его герой успѣлъ превратиться изъ исключительной личности въ самый обыкновенный типъ.

Не ухаживаютъ за нимъ министры, не влюбляются въ него помѣщичьи дочки, не кажется онъ простолюдину таинственнымъ чародѣемъ—онъ сталъ гораздо прозаичнѣе.

Но его блѣдное лицо часто мелькаетъ мимо васъ на улицѣ среди разодѣтой суетливой толпы, и если вы при яркомъ дневномъ свѣтѣ не обратите на него вниманія, оно неожиданно посмотритъ на васъ изъ книги моднаго романиста, которую вы взяли въ руки вечерней порой.

II.

Сравнительно недавно, въ послѣднія десятилѣтія XIX в., образовался на западѣ этотъ новый соціальный классъ, составленный изъ людей разнообразнаго происхожденія и разнородныхъ профессій: матеріальная необезпеченность объединила ихъ въ одну большую семью.

Исторія этой общественной группы еще не написана и пока трудно дать обстоятельный очеркъ ея возникновенія и развитія: придется ограничиться лишь нѣсколькими главами.

Огромное количество деклассированныхъ интеллигентовъ существуетъ, напр., въ Италіи, для которой собранъ богатый статистическій матеріалъ.

Итальянская буржуазія, ставшая послѣ объединенія страны господствующей политической силой, охотно посылаетъ своихъ сыновей въ университетъ, тѣмъ болѣе, что высшихъ техническихъ школъ здѣсь почти нѣтъ... Количество студентовъ стало поэтому быстро возрастать; въ короткій промежутокъ времени отъ 1876—1896 г. оно увеличилось почти втрое (9,000—24,000). Если на 100,000 жителей приходится студентовъ:

	во Франціи	54
	въ Германіи	60
то	въ Италіи	75

А Италія одна изъ самыхъ бѣдныхъ европейскихъ странъ. Если ежегодный доходъ:

	англичанина равенъ.	7,000 фр.
	француза	5,000 фр.
то	итальянца . . . . . . только	2,000 фр.

Такъ какъ въ послѣдніе годы много интеллигентныхъ тружениковъ выходятъ изъ среды народа и женщинъ, то совокупность всѣхъ этихъ условій ставитъ окончившаго курсъ итальянскаго студента въ довольно безвыходное положеніе.

Особенной симпатіей пользуется здѣсь, какъ и вездѣ, карьера адвоката. На 30 мил. жителей приходится ихъ цѣлыхъ 23,000, хотя, по мнѣнію юриста Феррери, и половины было-бы совершенно достаточно. По свидѣтельству проф. Пуччини есть не мало юристовъ, охотно ведущихъ дѣла за одну лиру вознагражденія. Сотрудникъ соціалистической газеты Il grido del popolo разсказываетъ, что среди рабочихъ, строившихъ желѣзную дорогу вдоль рѣки Конго, въ Африкѣ, было около 20 бывшихъ адвокатовъ, и если внимательно просмотрѣть списки самоубійцъ, не разъ натолкнешься на представителей этой профессіи.

Не лучше положеніе врача.

Въ Италіи около 22,000 медиковъ. Изъ нихъ только немногіе получаютъ жалованіе, находясь на казенной службѣ. Остальные 13,000—вольнопрактикующіе. Если вспомнить, что за послѣднее время среди итальянскихъ врачей замѣчается все усиливающаяся тенденція къ эмиграціи, то можно получить нѣкоторое представленіе о ихъ матеріальномъ положеніи.

Незавидно и положеніе преподавателей.

На 1,500 вакантныхъ мѣстъ иногда является 4,000 кандидатовъ. Въ провинціи учитель получаетъ 700 лиръ, учительница — 560, при чемъ это нищенское жалованье выплачивается далеко не аккуратно.

Большой контингентъ пролетаріевъ существуетъ среди писателей. Только корифеи современной литературы—ихъ около 12—живутъ безбѣдно: остальные голодаютъ. Нигдѣ такъ мало не читаютъ, какъ въ Италіи. Не даромъ сложилась народная поговорка, что слово „писатель" риѳмуетъ со словомъ „нужда" (poeta—dieta). Часто крупныя литературно-научныя предпріятія терпятъ фіаско за отсутствіемъ читателей, напр., миланское книгоиздательство Дюмоларъ.

Литературный трудъ оплачивается въ Италіи очень скудно. Даже въ большихъ журналахъ писатели съ именемъ получаютъ за статью, сколько-бы въ ней ни было листовъ—только 60 лиръ.

Въ газетахъ плата еще болѣе грошевая. Репортеръ никогда не получаетъ больше 100 лиръ въ мѣсяцъ. Главный контингентъ посѣтителей ночлежныхъ домовъ въ Италіи состоитъ изъ литераторовъ. Къ сожалѣнію, современные писатели еще не обратили вниманія на этотъ новый типъ.

III.

Много интеллигентныхъ пролетаріевъ существуетъ въ Норвегіи.

Здѣсь этотъ новый соціальный классъ возникъ подъ вліяніемъ особыхъ условій, именно какъ результатъ разложенія крестьянскаго хозяйства, вызваннаго ростомъ городовъ.

Въ романѣ Арне Гарборга, „Крестьяне-студенты", прекрасно изображенъ какъ этотъ экономическій процессъ, такъ и его моральныя послѣдствія.

Самъ авторъ вышелъ изъ простого народа и хорошо знаетъ его матеріальную и духовную жизнь.

„Нашъ мужикъ,—говоритъ онъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ,—спѣшитъ какъ можно скорѣе заложить свой дворъ. Земля принадлежитъ ужъ не ему, а банку, для котораго онъ коситъ и пашетъ. Крестьянинъ проникается вмѣстѣ съ тѣмъ ненавистью къ своему сословію, къ своему труду. Если у него есть сынъ, онъ ни за что не позволитъ ему остаться хлѣбопашцемъ— сохрани Боже,—это было-бы слишкомъ прозаично. Онъ его непремѣнно пошлетъ въ семинарію, а разъ сынокъ его кончитъ, онъ уже не желаетъ жить трудомъ своихъ рукъ, а предпочитаетъ въ качествѣ чиновника существовать на деньги, заработанныя другими. Такъ исчезаетъ старая доблесть изъ крестьянскаго сословія, получаются какіе-то отбросы, образуется пролетаріатъ".

Мелькающія передъ читателемъ картины изъ жизни „крестьянъ-студентовъ" служатъ иллюстраціей къ этимъ словамъ. Онъ видитъ университетъ въ городѣ Христіаніи въ день пріемныхъ экзаменовъ, когда изъ „всѣхъ чердаковъ выползаютъ спавшіе зимой медвѣжьимъ сномъ студенты-пролетаріи". „Никто не подозрѣвалъ о ихъ существованіи: теперь они появляются на божій свѣтъ, голодные, оборванные, небритые — цѣлая армія бродягъ и босяковъ".

Оторванные отъ родной матери-земли, сконфуженные непривычной городской обстановкой, бьющіеся изъ-за куска насущнаго хлѣба, они кончаютъ жалко или печально—одинъ умираетъ отъ чахотки, другой эмигрируетъ въ Америку, третій идетъ на службу въ полицію...

Когда Даніилъ, герой романа, поступилъ въ университетъ, онъ далъ себѣ слово жить для народа, ему посвятить свои силы, стать впослѣдствіи на деревенской нивѣ сѣятелемъ знанія и счастія. Онъ былъ убѣжденъ, что крестьянинъ-студентъ не дол-

женъ думать о матеріальныхъ благахъ—онъ обязанъ быть идеалистомъ.

Онъ скоро понялъ, что голодъ поэтиченъ только издали.

Онъ хотѣлъ пріискать себѣ работу, но въ городѣ съ его безжалостной конкуренціей студенту труднѣе устроиться, чѣмъ „конторщику“ или „рабочему“. Онъ мечталъ пойти въ журналисты, но въ редакціи ему прямо заявили, что такими людьми Христіанія можетъ снабдить весь міръ.

Къ Рождеству истощились его послѣднія средства. Дома сидѣть было невозможно: руки коченѣли отъ холода. Усталый и голодный бродилъ онъ по улицамъ города. Долго стоялъ онъ передъ окнами магазиновъ, гдѣ были выставлены такія соблазнительныя яства. Съ завистью слѣдилъ онъ за горничными, мелькавшими мимо него съ карзинами съѣстныхъ припасовъ и бутылокъ. Вотъ ужъ нѣсколько дней какъ онъ ничего не ѣлъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ, колѣни его дрожали, внутри все горѣло. Вспоминались ему гомеровскіе герои, уплетавшіе за обѣдомъ цѣлаго быка — сытому не трудно быть героемъ (думалъ онъ). Мимо него неслась возбужденная толпа, спѣша домой къ чаю, къ ужину. Уныло побрелъ онъ дальше.

Даніилъ не былъ способенъ ни на мученичество, ни на героизмъ: онъ сумѣлъ подъ конецъ „устроиться“.

Сдѣлавъ предложеніе не молодой уже дѣвушкѣ, дочери помѣщика, въ домѣ котораго онъ давалъ уроки, онъ получилъ возможность кончить университетъ и, отказавшись отъ своихъ народническихъ идеаловъ, зажилъ благонамѣреннымъ и пошлымъ чиновникомъ.

Въ другомъ романѣ Гарборга, „Усталыя души“, предстаетъ передъ нами подъ другимъ именемъ (Габріэль Грамъ) этотъ-же самый герой, оторвавшійся отъ крестьянскаго сословія и не сумѣвшій органически слиться ни съ однимъ изъ городскихъ классовъ. Чужой въ столицѣ, онъ спѣшитъ назадъ въ деревню: по цѣлымъ часамъ готовъ онъ любоваться тихимъ сельскимъ пейзажемъ, бѣлой церковью, обвѣянной старинными преданіями. Но на лонѣ природѣ онъ тоскуетъ по городу. Скучной кажется ему однообразная красота лѣсовъ и полей. „Меня тянетъ назадъ въ мою среду!“—восклицаетъ онъ. „Романтизмъ обитаетъ въ лѣсахъ, современный человѣкъ—въ городахъ“.

Но и въ городѣ онъ не знаетъ, что дѣлать, къ чему прислониться. Не принадлежа ни къ одному изъ существующихъ классовъ общества, онъ мечтаетъ о новомъ сословіи людей, куда вошли-бы такіе-же, какъ онъ, деклассированные интеллигенты. Онъ скоро разочаровывается въ возможности создать эту „аристократію будущаго“, эту „аристократію духа“. Такъ не находитъ онъ нигдѣ твердой почвы. Одиноко стоитъ онъ внѣ общества, не раздѣляя его идеаловъ и надеждъ — типическій декадентъ. Онъ живетъ отшельникомъ, избѣгая любви и дружбы. Не вѣритъ онъ ни въ чувство солидарности, ни въ соціальный прогрессъ.

Все глубже погружается онъ въ пессимизмъ. Міръ кажется ему „навозной кучей“, „помойной ямой“. Не зная, что съ собою дѣлать, куда итти, онъ устремляется назадъ, къ идеаламъ предковъ, къ религіозной старинѣ. Онъ хотѣлъ-бы вѣрить такъ просто, какъ вѣрили прошедшія поколѣнія. Онъ предаетъ анаѳемѣ „критику, подточившую въ людяхъ спинной мозгъ вѣры“, проклинаетъ науку, „дерзкой рукой экспериментатора загрязнившую все святое и неприкосновенное“. Онъ чувствуетъ себя лучше всего за „церковной оградой“—тамъ раздаются старинныя мелодіи—„пѣсни ушедшихъ вѣковъ“, тамъ сіяютъ надъ алтарями „лики мадоннъ, увѣнчанныхъ цвѣтами“. И онъ принимаетъ католицизмъ. Такъ превращается незамѣтно интеллигентъ, стоящій по ту сторону классовой организаціи общества, въ декадента-мистика.

Не связанный органически съ современной дѣйствительностью, онъ обращаетъ свои взоры съ тоской къ отжившей старинѣ.

IV.

Въ потрясающемъ романѣ, озаглавленномъ „Голодъ“, разсказалъ другой норвежскій писатель, Кнутъ Гамсунъ, свою собственную исторію.

Изъ страницъ этой книги, какъ отчаяніе безразсвѣтной, встаетъ передъ нами застѣнчивая фигура нищаго литератора, въ тускломъ освѣщеніи уличныхъ фонарей. Заброшенный въ столицу съ ея непосильной борьбой за существованіе, онъ бродитъ по площадямъ и переулкамъ, какъ призракъ, въ вѣчныхъ поискахъ за хлѣбомъ.

Онъ спитъ въ лѣсу, подъ одѣяломъ изъ мокрыхъ листьевъ, жуетъ поднятыя съ мостовой апельсинныя корки и щепки. Прохожіе смотрятъ съ улыбкой на его оборванный костюмъ, съ руганью наѣзжаютъ на него ломовики. Съ его блѣдныхъ устъ ни разу не срывается ни протестъ, ни проклятіе: ему только стыдно за себя.

Книга Гамсуна интересна, во-первыхъ, тѣмъ, что показываетъ, какъ въ душѣ интеллигентнаго пролетарія борется чувство самосохраненія съ чувствомъ альтруизма.

Герой романа голодалъ уже цѣлую недѣлю, какъ ему неожиданно заказываютъ журнальную статью. Онъ заходитъ въ магазинъ попросить въ долгъ свѣчу. Приказчикъ по разсѣянности вручаетъ ему, вмѣсто одной изъ покупательницъ, нѣсколько кронъ сдачи. Голодающій писатель спокойно прячетъ деньги въ карманъ и идетъ въ ресторанъ обѣдать. Однако, совершенное имъ преступленіе не даетъ ему покоя. Онъ проходитъ мимо старушки, торгующей пирожками, и швыряетъ ей на столъ оставшіяся деньги. Такъ думаетъ онъ искупить свой грѣхъ. Впрочемъ, совѣсть продолжаетъ его мучить. Вдругъ онъ возвращается въ магазинъ и доказываетъ приказчику, что передъ нимъ стоитъ уголовный преступникъ, котораго слѣдовало бы ареcто-

вать. Когда приказчикъ хочетъ послѣдовать его совѣту, онъ, однако, спѣшитъ улизнуть. Дорогой его опять охватываетъ раскаяніе. „Въ какое глупое положеніе поставилъ я приказчика (думаетъ онъ)? Какой я, въ самомъ дѣлѣ, подлецъ“. Въ эту минуту голодъ заглушаетъ совѣсть. Онъ спѣшитъ обратно на площадь и выпрашиваетъ у старушки пирожокъ. Жадно глотая куски онъ бредетъ къ своей конурѣ. Вдругъ новая мысль озаряетъ его мозгъ. На той сторонѣ улицы, подъ окнами небольшого домика каждое утро играетъ маленькій мальчикъ. Съ какимъ восторгомъ съѣлъ бы онъ, вѣроятно, кусокъ лакомаго пирога. И голодающій литераторъ кладетъ половину своей добычи на окошко, въ надеждѣ, что завтра ее найдетъ обрадованный ребенокъ.

Книга Гамсуна интересна еще тѣмъ, что показываетъ, какъ въ душѣ интеллигентнаго пролетарія родятся мистическія настроенія.

Подавленный жестокой дѣйствительностью, его герой не знаетъ, какъ объяснить необходимость своихъ мученій. Онъ подыскиваетъ для нихъ не соціальныя, а метафизическія причины. Онъ убѣжденъ, что долженъ голодать не въ силу земныхъ случайностей, а по волѣ самого неба. Онъ считаетъ себя святымъ мученикомъ, божіимъ избранникомъ. Кажется ему, что само божество прикоснулось перстомъ къ его нервной ткани и привело ея нити въ безпорядокъ. Кажется ему, будто Богъ пробуравилъ дыру въ его мозгу, такъ что мысль его вѣчно путается и тускнѣетъ.

Книга Гамсуна интересна, наконецъ, тѣмъ, что показываетъ, какіе странные образы родятся въ головѣ голодающаго писателя.

Герой задумалъ написать драму изъ средневѣковой жизни. Въ ея центрѣ стоитъ падшая женщина—воплощеніе безстыдства, какъ-бы олицетвореніе той грязи, среди которой живетъ бѣдный литераторъ. Она безобразна какъ грѣхъ, на исхудаломъ тѣлѣ торчитъ смуглая голова съ отвисшими ушами, и когда она идетъ, сквозь платье видно, какъ движутся ея тощія ноги.

Эта фигура словно выхвачена изъ декадентскаго романа, изъ стихотворенія Бодлера. Впослѣдствіи Кнутъ Гамсунъ подарилъ норвежской публикѣ еще два замѣчательныхъ произведенія, озаглавленныя „Мистеріи“ и „Панъ“.

Такъ какъ его герои родились въ мозгу человѣка, обезличеннаго тяжелой соціальной обстановкой, то они всѣ отличаются полнымъ отсутствіемъ собственнаго достоинства. Безвольные и безсильные, они любятъ унижаться передъ людьми, передъ природой. Они не боевыя, а рабскія натуры. Когда, напр., въ романѣ „Панъ“ молодой поручикъ узнаетъ, что его соперникъ хромаетъ, онъ собственноручно прострѣливаетъ себѣ ногу: онъ не желаетъ имѣть передъ нимъ никакихъ преимуществъ. Въ его жизни бываютъ минуты, когда онъ готовъ „лобызать ноги своихъ враговъ“.

Онъ и любовь понимаетъ не иначе, какъ въ смыслѣ безусловнаго подчиненія женщинѣ. Для него нѣтъ большаго наслажденія, какъ чувствовать, что „милая рука рветъ его за волосы", нѣтъ лучшаго счастья, какъ „цѣловать руку, которая его бьетъ". Порой въ лѣсу, охваченный нѣжностью къ природѣ, онъ опускается на колѣни и лижетъ полный смиренья каждую травку, растущую по дорогѣ.

Такъ какъ герои Гамсуна вышли изъ мозга, разъѣденнаго долголѣтней нуждой, изъ мозга, пробуравленнаго божествомъ, т. е., проще говоря, голодомъ, то они—натуры въ значительной степени патологическія, руководящіяся въ своихъ поступкахъ ирраціональными настроеніями, совершающія странныя выходки.

Въ романѣ „Голодъ" герой въ оборванномъ костюмѣ позволялъ себѣ дерзкія вольности по адресу проходившихъ мимо него дамъ, становился на колѣни посреди площади, читалъ свою драму при свѣтѣ уличныхъ фонарей. Въ романѣ „Мистеріи" Нильсенъ Нагель ведетъ себя такъ странно, что обыватели провинціальнаго городка считаютъ его не безъ основанія сумасшедшимъ. Въ романѣ „Панъ" поручикъ любитъ молодую дѣвушку, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Однажды они катаются въ лодкѣ въ большой компаніи. Съ ноги дѣвушки соскакиваетъ башмачокъ. Поручикъ схватываетъ его и бросаетъ его въ море. Одинъ изъ гребцовъ спасаетъ башмакъ. Нѣсколько дней спустя, дѣвушка даетъ балъ. Собралось довольно много гостей. Вдругъ хозяйка обращается къ поручику и благодаритъ его за золотую монету, которую онъ будто бы далъ моряку, вытащившему ея башмачокъ изъ воды. Поручикъ недоумѣваетъ: онъ не давалъ никакихъ денегъ. Тогда дѣвушка вызываетъ изъ кухни моряка. „Не правда-ли,—говоритъ она ему,—поручикъ подарилъ вамъ золотую монету?"—„Никакъ нѣтъ,— отвѣчаетъ старикъ.—Вы сами мнѣ дали ее". Гости въ восторгѣ. Поручикъ не знаетъ, куда дѣться, а дѣвушка смотритъ на него полная любви. Впослѣдствіи она принимается ухаживать за глупымъ барономъ, хотя не перестаетъ думать о поручикѣ; онъ вступаетъ въ связь съ работницей, хотя не можетъ забыть своей невѣсты. Они предпочитаютъ выражать свою страсть не въ ласкахъ и не въ поцѣлуяхъ, а въ странныхъ мстительныхъ выходкахъ.

Такъ какъ герои Гамсуна родились въ мозгу писателя, долго стоявшаго внѣ общества, то они естественно безпочвенные мечтатели, боящіеся каждаго прикосновенія реальной дѣйствительности, они называютъ себя „чужестранцами въ жизни", призраками, „обитающими за границей міра". Нильсенъ Нагель въ „Мистеріяхъ" постоянно теряетъ грань мечты и правды: то ему кажется, что онъ находится въ таинственной башнѣ, наполненной поющими ангелами, то къ нему приходитъ изъ морской глубины блѣдная утопленница съ зеленымъ крестомъ на груди. Жизнь превращается для него въ сонъ, и онъ спасается отъ дѣйствительности путемъ самоубійства.

Лишніе въ обществѣ, внѣ котораго такъ долго стоялъ ихъ творецъ, герои Гамсуна охотно уходятъ въ природу, превращаясь изъ слабовольныхъ фантастовъ въ сентиментальныхъ анахоретовъ. Когда въ романѣ „Панъ“ поручикъ бродилъ съ ружьемъ за спиною въ лѣсу, онъ видитъ, какъ межъ кустами порхаетъ лѣсная фея, слышитъ, какъ она ему нашептываетъ волшебныя сказки, и ея воздушные поцѣлуи горятъ на его губахъ, на щекѣ.

Когда вечеромъ дальній горизонтъ окрашивается въ золотисто-лиловый цвѣтъ, ему кажется, что на небѣ свершается праздникъ, звучитъ оркестръ звѣздъ и по райскимъ рѣкамъ плывутъ ладьи съ разодѣтыми гостями.

Когда на землю спускается ночь, и на небѣ какъ бѣлая раковина, сіяетъ луна, сердце его наполняется невыразимой нѣжностью. „Это луна“,—шепчетъ онъ. „Это луна“,—повторяетъ онъ страстно. Вотъ пронесся вѣтерокъ. Точно его зовутъ. Оно оборачивается и прислушивается. Вдругъ ему чудится, будто чьи-то незримыя всесильныя руки вызываютъ его изъ окружающаго міра и крѣпко сжимаютъ въ своихъ объятіяхъ. Вѣроятно, гдѣ-нибудь вблизи стоитъ Богъ и смотритъ на него...

Въ своихъ трехъ большихъ произведеніяхъ Гамсунъ изобразилъ три разныхъ момента изъ жизни одного и того же героя—изъ жизни деклассированнаго интеллигента.

Сначала онъ предстаетъ передъ нами въ видѣ нищаго литератора, борющагося съ непосильной нуждой—въ романѣ „Голодъ“, потомъ онъ превращается въ безпочвеннаго фантаста, перестающаго понимать жизнь—въ романѣ „Мистеріи“, и онъ кончаетъ свою карьеру сентиментальнымъ отшельникомъ, въ отчаяніи бросающимся на грудь природы—въ романѣ „Панъ“.

Въ физіономіи этого героя, родившагося въ воображеніи писателя-пролетарія, довольно отчетливо выступаютъ знакомыя черты декадентской психологіи—отсутствіе воли и логики, преобладаніе ирраціональныхъ настроеній, склонность къ мистицизму, наконецъ, желаніе уйти отъ людей какъ можно дальше въ царство горъ и лѣсовъ, въ міръ безплотныхъ видѣній.

Въ этой самой соціальной средѣ—въ средѣ деклассированной интеллигенціи—откуда вышелъ декадентъ, сложился и другой, болѣе воинственный типъ—типъ демократа.

Въ упомянутомъ выше романѣ Гарборга, „Крестьяне-студенты“, передъ нами грязная кофейня, въ глухомъ переулкѣ столицы. Тамъ собирается по вечерамъ передовая молодежь. За столомъ сидитъ въ потертомъ сюртукѣ худощавый человѣкъ съ безпорядочными черными волосами, съ дѣтскимъ выраженіемъ глазъ. За неимѣніемъ бумаги онъ пишетъ на поляхъ старой газеты статью для журнала. Это вождь демократической партіи—Фрамъ, впослѣдствіи знаменитый редакторъ радикальной газеты „Впередъ“.

Постепенно комната наполняется шумливой толпой. Одинъ еще не обѣдалъ и требуетъ кружку пива. Другой пришелъ съ

книгами, потому что дома не топлено. Третій просто думаетъ пожить на счетъ товарищей.

И скоро въ комнатѣ сквозь облака табачнаго дыма, при тускломъ свѣтѣ газоваго рожка, поднимается горячая молодая бѣсѣда.

Эта горсть интеллигентныхъ пролетаріевъ, не перестававшихъ—по словамъ автора—„вѣрить въ идею“, „любить свободу“, лелѣять въ сердцѣ будущее Норвегіи,—держала въ рукахъ факелъ прогресса.

V.

Изъ среды интеллигентнаго пролетаріата вышли и въ Германіи типъ демократа и типъ декадента.

Послѣ франко-прусской войны Берлинъ сдѣлался центромъ объединенной имперіи. Изъ далекой провинціи молодежь шла толпой въ столицу въ поискахъ за хлѣбомъ. Французское золото, наводнившее страну, быстро подняло ея промышленность. Въ столицѣ прошла рѣзкая линія между богатыми и бѣдными.

Въ числѣ послѣднихъ былъ не одинъ провинціалъ, мечтавшій добиться положенія литературнымъ заработкомъ.

Такъ образовалась въ Берлинѣ въ концѣ 80 годовъ группа писателей-пролетаріевъ, извѣстныхъ подъ разными названіями—натуралистовъ, импрессіонистовъ, Sturm und Dränger'овъ.

Громадный торгово-промышленный городъ, наполненный грохотомъ фабричныхъ машинъ, произвелъ на этихъ провинціаловъ удручающее впечатлѣніе.

Одинъ изъ нихъ—Арно Гольцъ—увѣковѣчилъ въ сборникѣ стихотвореній, озаглавленномъ: Buch der Zeit, настроенія, вызванныя въ нихъ ошеломляющей сутолкой столицы.

Среди бездушныхъ машинъ и бездушныхъ людей невольно оживалъ въ ихъ памяти, обвѣянный миромъ и потонувшій среди полей и лѣсовъ, далекій отчій домъ.

О, еслибъ никогда я не покинулъ васъ,
Святая ночь весны, цвѣтовъ душистыхъ шопотъ...
Здѣсь въ городѣ колесъ машинныхъ ропотъ
Мой мозгъ убилъ, мой разумъ здѣсь угасъ.
Къ чему борьба и рай высокихъ думъ,
Къ чему надѣяться и вѣрить въ избавленье,
Когда въ хоромахъ богачей ликуетъ наслажденье,
А я мечтаньями свой изсушаю умъ?
Я понялъ все теперь. Ни мысли и ни чувства
Запросы голода не могутъ побѣдить.
О, мама, ты права была, стараясь убѣдить,
Что хлѣбъ для бѣдняка важнѣе, чѣмъ искусство.

Заключенные въ каменной темницѣ, эти пролетаріи прекрасно знали очень хорошо, что не вернуться имъ больше подъ сѣнь мирной идилліи. А здѣсь, въ столицѣ, ихъ взоры на каждомъ шагу поражали мрачныя картины.

Вотъ стоитъ на окраинѣ пятиэтажный домъ, гдѣ ютится вся-

кая голь. Внизу, въ кабакѣ раздаются пьяныя пѣсни, сливаясь съ визгомъ уличной шарманки, съ шумомъ фабричныхъ колесъ на сосѣднемъ дворѣ. А наверху, на чердакѣ, живетъ нищій поэтъ:

На пятомъ этажѣ, въ коморкѣ полутемной,
Гдѣ лишь кровать, да столъ одинъ стоялъ,
Дрожащею рукой, работой изнуренный,
Мечтатель молодой стихи свои писалъ.
Лохмотьями на немъ висѣла его блуза,
Порою черствый хлѣбъ сосѣдъ ему носилъ,
А онъ, нужды не замѣчая, все „О муза"—
Взглядъ устремляя вдаль, восторженно твердилъ.
Всю ночь, мерцаніемъ огарка озаренный,
Когда усталый городъ тихо, мертво спалъ,
Дрожащею рукой, работой изнуренный,
Мечтатель молодой стихи свои писалъ.

Или вотъ другая картина.

Въ жалкой лачугѣ умираетъ молодая швея. Въ разбитыя окна врывается холодный вѣтеръ. Ломая руки въ отчаяніи, у постели стоитъ старушка мать.

Полно плакать, старушка, о дочкѣ своей!
Твоя дочка счастливѣй тебя:
Надъ работой корпѣть не придется ужъ ей,
Свои дни золотые губя.
Жизнь въ лохмотьяхъ тоски безысходной полна
[Вѣдь, ты знаешь сама нищету],
Не сегодня, такъ завтра раздавитъ она
Ея чистой души красоту.
Вѣдь, ты знаешь, что бѣдность въ позорѣ живетъ,
А позору конецъ тамъ, въ больницѣ...
О, какъ много нужда слезъ и крови прольетъ
Въ этой клѣткѣ звѣриной, въ столицѣ!

Подъ вліяніемъ этихъ мрачныхъ картинъ нищеты и горя молодые писатели прониклись, естественно, демократическими чувствами, состраданіемъ къ чернорабочей массѣ.

Потомъ эти соціальныя чувства угасли въ ихъ груди.

Другой видный представитель этого поколѣнія, безвременно погибшій Конради, оставилъ очень интересный автобіографическій романъ, подъ заглавіемъ „Фразы", прекрасно рисующій превращеніе недавнихъ демократовъ въ декадентовъ.

Эти молодые люди пришли въ столицу гордыми завоевателями. Они скоро поняли, что не такъ легко пробиться. Они воображали, что пойдутъ къ славѣ дорогой, усѣянной цвѣтами...

Тогда въ ихъ душѣ образовался разладъ, выражавшійся въ вѣчныхъ колебаніяхъ между самомнѣніемъ и подавленностью, между желаніемъ борьбы и мыслью о ея безцѣльности.

Эта душевная драма рано надломила ихъ организмъ.

Потомъ, вдумываясь глубже въ свое положеніе среди другихъ классовъ столицы, они очень скоро увидѣли, что они „одиноки". Стоя по ту сторону буржуазнаго міра, они ненавидѣли всей душой богатое мѣщанство. Сидя у себя въ мансардѣ, подъ чердакомъ,

или бесѣдуя въ кофейнѣ за кружкой пива, они горячо ратовали противъ капитализма, „пригвоздившаго къ кресту всякую мораль“, нападали на большихъ фабрикантовъ въ родѣ Круппа, громили и марксизмъ, рисовавшій въ дали вѣковъ картину крупнаго коллективистическаго производства. Не сочувствовали они, естественно, и мелкому мѣщанству съ его копеечной расчетливостью, изъ котораго они сами вышли. Они сознавали, что между ними и буржуазіей „зіяетъ пропасть“, черезъ которую не „перешагнешь“. Какъ рыцари духа, какъ натуры артистическія, они больше симпатизировали аристократіи—„міру кавалеровъ съ безупречнымъ этикетомъ“. Но они очень хорошо понимали, что дворянство только красивый пережитокъ старины, изящная декорація безъ жизни.

Тогда они обратили свои взоры на простой народъ. Сами знакомые съ нуждой, они готовы были сочувствовать всѣмъ горемыкамъ. „Все страждущее, угнетенное, безпомощное потрясаетъ меня!“—восклицаетъ герой Конради. Но эти „пролетаріи духа“ (Proletarier des Geistes) скоро поняли, что у нихъ совсѣмъ иные интересы, чѣмъ у „пролетаріевъ труда“. Горячо мечтая о великомъ днѣ „освобожденія“, они его въ душѣ боялись. „Онъ принесетъ и намъ гибель,“—думали они „Если побѣдятъ дѣти рабства и нужды—горе намъ“.

Понявъ, такимъ образомъ, свое одиночество среди другихъ классовъ, эти молодые люди рѣшили составить особую соціальную группу съ своимъ кодексомъ нравственности, своимъ катехизисомъ идеаловъ.

Но и эту мораль и эти принципы еще нужно было создать—ихъ не было на-лицо. На ихъ счастье, какъ разъ въ это время выступилъ Ф. Ницше. Эти молодые люди ухватились за его философію, какъ за якорь спасенья. Хотя идеи Заратустры не имѣли никакого отношенія къ интеллигентному пролетаріату, но послѣдній находилъ въ нихъ ту теоретическую почву, которой ему самому не доставало. Такъ какъ господствующіе идеалы были созданы другими классами, то упомянутая молодежь заявила вслѣдъ за Ницше, что „настало время не имѣть никакихъ идеаловъ“. Такъ какъ она должна была выработать себѣ новое міросозерцаніе, она стала толковать вслѣдъ за нимъ о необходимости „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“. Они называли себя, въ отличіе отъ демократовъ и аристократовъ—„соціалъ-аристократами“, они величали себя тогда „монистическими индивидуалистами“, въ отличіе отъ пантеистовъ и матеріалистовъ—въ глубинѣ души они, однако, чувствовали, что говорятъ только „фразы“.

Третій видный представитель этого поколѣнія молодежи—Шляфъ—прошелъ послѣдовательно всѣ эти фазисы духовнаго развитія: былъ соціалистомъ, былъ и ницшеанцемъ и кончилъ декадентомъ. Мы знаемъ документально тѣ матеріальныя условія, при которыхъ онъ началъ свою литературную карьеру. Молодымъ филологомъ онъ жилъ съ своимъ другомъ, поэтомъ Гольцъ,

недалеко отъ столицы, въ бѣдной конурѣ, походившей, по опредѣленію послѣдняго, скорѣе на „птичью клѣтку". Вѣтеръ врывался къ нимъ въ комнату сквозь плохія окна, и они сидѣли за работой, укутанные по самый носъ въ красныя одѣяла. Каждый день отправлялись они въ сосѣдній Берлинъ обѣдать, тратили на ходьбу болѣе часа и возвращались домой голодные. Часто за неимѣніемъ табаку курили они куски высохшей цвѣточной гирлянды.

И Шляфъ остался до конца своихъ дней этимъ „вольнымъ сыномъ богемы". Предпослѣдній его романъ, „Въ поискахъ", является драгоцѣннымъ документомъ, доказывающимъ, что такъ называемое декадентство не только не продуктъ буржуазной среды, а было первоначально живымъ протестомъ противъ мѣщанства.

Герой романа — докторъ Фальке—человѣкъ со средствами: у него хорошая практика, прекрасный домъ, нѣсколько рысаковъ. Но докторъ недоволенъ своей судьбой. Съ каждымъ годомъ растетъ въ немъ отвращеніе къ окружающей обстановкѣ, къ этимъ „филистерамъ", интересующимся только „денежными спекуляціями", къ этимъ „купцамъ и чиновникамъ", провозгласившимъ „практичность" своимъ девизомъ. Чужой среди самодовольныхъ бюргеровъ, докторъ начинаетъ сознавать себя одинокимъ въ собственномъ домѣ. Онъ охладѣваетъ къ своей умной и доброй женѣ—„скучна" ему ея вѣчная „уравновѣшенность". Казалось, все въ его домѣ—роскошная мебель, дорогіе ковры, изящныя бездѣлушки—говорили ему громко: ты здѣсь лишній.

Въ духовной физіономіи доктора выступаютъ довольно отчетливо своеобразныя черты декадента. Обычной психологіи онъ противополагаетъ свой духовный міръ, сотканный изъ „особыхъ нервическихъ вибрацій", „безсознательныхъ эмоцій", слуховыхъ и зрительныхъ галлюцинацій. Мѣщанской семьѣ онъ противопоставляетъ эротизмъ въ духѣ французскаго писателя Луиса, автора извѣстнаго романа „Aphrodite", или глубокомысленную метафизику полового экстаза, заимствованную у польскаго поэта Пшибышевскаго, или, наконецъ, попытку—неудачную, впрочемъ— создать ménage à trois.

Какъ всѣ декаденты, онъ эстетъ, любитель экзотическихъ цвѣтовъ и своеобразныхъ костюмовъ, персидскихъ ковровъ и китайскихъ вазъ, вагнеровской музыки и импрессіонистическихъ картинъ. Какъ всѣ декаденты, онъ не признаетъ ни вопросовъ науки, ни интересовъ политики, ни законовъ морали. Онъ относится свысока ко всякимъ теоріямъ, потому что въ нихъ отражается міровоззрѣніе господствующихъ классовъ, преимущественно ненавистнаго мѣщанства.

Однажды доктора позвали къ больной дѣвушкѣ, „наивной, какъ ребенокъ", нетронутой „цивилизаціей", своеобразной, какъ ея родина—венгерская степь.

Докторъ только и ждалъ этой встрѣчи. Онъ спѣшитъ сбро-

сить съ себя „путы сытаго прозябанія". Онъ порываетъ съ семьей, отказывается отъ своей профессіи и идетъ бродить съ дикаркой по бѣлому свѣту—безъ цѣли. Онъ превращается изъ обезпеченнаго барина въ „беззаботнаго босяка", въ „вольнаго сына богемы".

Подъ маской этого декадента прячется самъ авторъ романа, вышедшій изъ интеллигентнаго пролетаріата и задыхающійся въ чуждой ему атмосферѣ мѣщанскаго міра. Но на мѣсто его политическихъ, научныхъ и моральныхъ идеаловъ онъ способенъ поставить только эстетизмъ, эротоманію, галлюцинаціи и безцѣльное шатанье по землѣ, гдѣ людямъ предстоитъ еще такъ много работы.

VI.

Быть можетъ, ни въ одной изъ европейскихъ странъ такъ не разросся новый соціальный классъ, какъ во Франціи. Благодаря добросовѣстнымъ работамъ сотрудниковъ журнала Revue des Revues, въ нашихъ рукахъ теперь обильный статистическій матеріалъ. Причины возникновенія интеллигентнаго пролетаріата сами бросаются въ глаза.

Покончивъ съ замкнутыми средневѣковыми корпораціями, великая революція провозгласила принципъ свободной конкуренціи: отнынѣ каждый гражданинъ могъ проложить себѣ дорогу къ почестямъ и богатству. Обязанность оцѣнить личныя способности была, естественно, возложена на университеты. Доступъ къ высшему образованію былъ теперь открытъ не только людямъ привилегированныхъ классовъ, а также дѣтямъ народа. Молодежь охотно посѣщала университеты и потому, что дипломъ освобождалъ ее отъ ига воинской повинности Вѣроятно, многіе изъ этихъ юношей прошли бы мимо университета, если бы родились не во Франціи, странѣ милитаристической, а въ какомъ-нибудь промышленномъ государствѣ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ. При такихъ условіяхъ количество студентовъ стало быстро возрастать.

Въ 1814	г.	ихъ	было	5.000
„ 1870	„	„	„	10.000
„ 1895	„	„	„	27.000

Количество вакантныхъ мѣстъ не возросло, конечно, въ одинаковой прогрессіи: добрая половина интеллигентовъ была, такимъ образомъ, заранѣе обречена на роль „лишнихъ" людей. Необходимо также считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что цѣна на интеллигентный трудъ не повысилась за послѣднія 50 лѣтъ, тогда какъ стоимость денегъ понизилась почти втрое.

Это перепроизводство интеллигенціи въ связи съ растущею дороговизной жизни и были главными признаками образованія новаго соціальнаго класса.

Положеніе интеллигентнаго труженика въ современномъ французскомъ обществѣ довольно трагическое.

Ежегодно университеты выпускаютъ около 1.200 врачей; только половина изъ нихъ находитъ заработокъ. Юристы сидятъ, по свидѣтельству одного парижскаго адвоката (Гастона Майера), до 35-лѣтняго возраста безъ дѣла и принуждены заниматься репортажемъ или уроками. Не лучше положеніе лицъ, окончившихъ филологическій факультетъ. Ежегодно изъ университетовъ выходятъ около 100 адъюнктъ-профессоровъ и 1.000 лиценціатовъ (agregés и licencies). Такъ какъ свободныхъ мѣстъ бываетъ не больше 300, то имъ приходится питаться грошевыми уроками. Преподаватели начальныхъ школъ еще менѣе обезпечены: изъ 150.000 учителей и учительницъ три четверти положительно голодаютъ. Тѣмъ не менѣе наплывъ на эти мѣста все увеличивается: на 150 вакансій въ Парижѣ записываютъ въ 100 разъ больше кандидатовъ (15.000)—если только вѣрна эта чудовищная цыфра. Давно потеряла свое прежнее обаяніе и карьера инженера: ежегодно выходятъ въ 10 разъ больше техниковъ, чѣмъ ихъ нужно государству.

Какъ это ни странно, но въ рядахъ интеллигентнаго пролетаріата стоятъ и народныя представители, главнымъ образомъ, благодаря дороговизнѣ столичной жизни. „Есть не мало депутатовъ,—говоритъ одинъ знатокъ ихъ быта (Потье),—жалованіе которыхъ за долги находится подъ арестомъ. Не обладая ни собственнымъ капиталомъ, ни приданымъ жены, они остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни. Не имѣя квартиры, они ночуютъ у друзей и обѣдаютъ случайно, если ихъ пригласятъ знакомые.“

Печальное существованіе влачатъ и художники. Обитая обыкновенно на Монмартрѣ или Монпарнасѣ въ пятомъ этажѣ дешевой гостиницы, гдѣ платятъ 15 фр. за комнату, они ѣдятъ разъ въ день въ одномъ изъ плебейскихъ кабачковъ на улицѣ Дофинъ или Неверъ. Свои картины они отправляютъ обыкновенно въ Hôtel Drouit, гдѣ ихъ оцѣниваютъ въ 10 или 20 фр., смотря по величинѣ полотна — не мало такихъ картинъ перекупались потомъ знатоками за 3.000 или 6.000 фр. Многіе извѣстные художники жили впроголодь. Жерико часто стиралъ краски съ собственныхъ картинъ, не имѣя денегъ на покупку новаго полотна, Пассаэръ спился и семидесятилѣтнимъ старикомъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ, знаменитый Миллье не зналъ, какъ содержать семью.

Изъ среды необезпеченной интеллигенціи вышло и большинство тѣхъ поэтовъ, которые создали, такъ называемое, символическое искусство. Какъ Верлэнъ, какъ Виллье-де-Лилль Аданъ, они были нищими бродягами, всю жизнь скитавшимися по кабачкамъ и больницамъ. Въ этой поэзіи не было никакихъ соціальныхъ чувствъ и общественныхъ стремленій, не было никакого культурнаго содержанія. Въ ней чувствуется атмосфера душныхъ cabarets, пропитанныхъ табакомъ и абсентомъ, чувствуется грязь

уличныхъ лужъ и дешевыхъ притоновъ. Въ ней чередуются оргическія вакханаліи съ пароксизмами смиренья и порывами въ міръ фантастики. Эта была поэзія неудачниковъ, поэзія лишнихъ людей.

Много лѣтъ тому назадъ изложилъ Ш. Моррисъ, одинъ изъ первыхъ декадентовъ, въ своей книгѣ „La littérature de toute à l'heure“, философію новыхъ поэтовъ, философію декадентскихъ интеллигентовъ, стоящихъ по ту сторону буржуазнаго міра. Не принимая никакого участія въ промышленной и политической жизни страны, декаденты отвергаютъ съ легкимъ сердцемъ индустрію и парламентъ. Они затыкаютъ уши, чтобы не слышать „скрипа государственной машины“, чтобы не слышать шума, вызываемаго „газетами, выборами и паденіемъ министерствъ“. Они ненавидятъ торговлю, потому что она убила „любовь къ поэзіи“. Они отрицаютъ и науку, которая имъ не нужна, науку, „вычеркнувшую изъ жизни всѣ тайны“. Они не любятъ и природы, отнесшейся къ нимъ, какъ мачеха. Они не находятъ нужнымъ изучать ея законы. Они больше любятъ фантазировать о ея метафизическомъ смыслѣ, стараясь „уловить неуловимое и выразить невыразимое“. Они предпочитаютъ прислушиваться къ „словамъ древнихъ маговъ“, искать вдохновенія къ „забытыхъ религіяхъ“. Они становятся мечтателями-мистиками: колдовство, спиритизмъ, хиромантія, алхимія имъ кажутся интереснѣе мѣщанской науки. Такъ точно на мѣсто натурализма въ литературѣ декаденты хотятъ поставить особое мистическое искусство—прерафаэлитизмъ въ живописи, готическій стиль въ архитектурѣ, церковный гимнъ въ музыкѣ являются для нихъ послѣднимъ словомъ художественнаго творчества. Чувствуя себя пасынками буржуазнаго общества, декаденты предпочитаютъ жить въ фантастическомъ царствѣ, гдѣ могутъ наслаждаться всѣми благами жизни. Они стараются завѣсить стѣны реальнаго міра рыцарскими гербами и выцвѣтшими гобленами, спѣшатъ загородить ихъ японскими бездѣлушками, индусскими статуэтками и мадоннами Ботичелли.

Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще можно было спорить о соціальной почвѣ символизма, то теперь въ нашихъ рукахъ есть документальное свидѣтельство одного изъ первыхъ и, какъ онъ себя теперь называетъ, „послѣднихъ“ символистовъ, Гюстава Кана. Въ своей, недавно вышедшей книгѣ Symbolists et decadents онъ довольно подробно излагаетъ мотивы, побудившіе его и, нужно думать, его товарищей приняться за реформу французской поэзіи.

Такъ какъ буржуазія является, по его мнѣнію, вырождающимся классомъ, а простой народъ еще не доросъ до пониманія литературы, то писателямъ остается одинъ только выходъ, приспособиться ко вкусамъ и требованіямъ лучшей части французской націи, т. е. интеллигентнаго пролетаріата—prolétaires intellectuels.

Но, какъ часто случается въ соціальной жизни, гдѣ происходитъ вѣчное треніе другъ о друга разныхъ общественныхъ группъ,

буржуазія съ жадностью накинулась на новую поэзію и, не замѣтивъ ея враждебнаго къ себѣ отношенія, раскрыла передъ нею настежь двери своихъ салоновъ и будуаровъ. Такъ сдѣлался декадентъ, сначала противъ собственнаго желанія, любимцемъ того самаго мѣщанскаго общества, которое онъ всей душой презиралъ, а потомъ, ставъ моднымъ героемъ свѣтскихъ гостиныхъ, онъ и самъ охотно отдалъ свое перо въ распоряженіе гостепріимныхъ хозяевъ... Впрочемъ, изъ среды интеллигентнаго пролетаріата вышелъ и во Франціи другой типъ—болѣе воинственный.

Такъ какъ между деклассированной интеллигенціей и рабочей массой существуетъ аналогія матеріальнаго положенія, то между ними скоро установилась и нравственная близость.

Отчетливо выступаетъ эта связь въ романѣ Ж. Казъ: „Красная шапка“.

Оливье Датанъ, молодой адвокатъ безъ дѣла, живетъ въ крошечномъ номерѣ, обѣдаетъ въ грязной кухмистерской, едва перебиваясь грошевыми уроками. Въ его груди горитъ одно только желаніе—пробиться (arriver). Такъ какъ общество вовсе не желаетъ признать его, человѣка безъ имени и протекціи, то онъ все глубже проникается ненавистью къ существующему строю. Онъ предлагаетъ рядъ фельетоновъ, по крайней мѣрѣ, пяти редакціямъ; ихъ отвергаютъ. Онъ отправляется къ вождю либеральной партіи съ визитомъ—его скоро забываютъ. Злоба накипаетъ въ душѣ обиженнаго интеллигента. „Они не хотятъ меня признать, они меня отталкиваютъ, отрицаютъ во мнѣ талантъ. Я покажу имъ, что онъ у меня есть. Я заставлю ихъ дать мнѣ мѣсто“.

И онъ надѣваетъ на голову—„красную шапку“.

Пролетарій по положенію, онъ всегда горячо симпатизировалъ пролетаріямъ по происхожденію.

Молодымъ человѣкомъ, непризнаннымъ журналистомъ, онъ близко сошелся съ простой работницей. Представитель другого класса, онъ въ ней полюбилъ своихъ обездоленныхъ братьевъ. Потомъ они, правда, разошлись. „Ты не можешь вѣчно жить со мной“,—сказала она ему:—„Ты—буржуа и больше ничего. Ты долженъ сдѣлать карьеру, жениться на богатой и самъ стать богатымъ“.

„Бѣдная обездоленная,“ — подумалъ онъ, прощаясь съ ней.— „Снова вернешься ты къ прежней жизни безъ разсвѣта и надежды. А потомъ ты умрешь и станешь прахомъ. И сколько ихъ на свѣтѣ такихъ несчастныхъ, какъ ты!“

Любовь работницы не прошла, однако, безслѣдно для интеллигента. Онъ далъ себѣ слово стать современемъ глашатаемъ за всѣхъ угнетенныхъ, за всѣхъ „нѣмыхъ“.

Въ провинціи на одномъ изъ громадныхъ заводовъ произошла забастовка. Молодой человѣкъ произноситъ блестящую рѣчь въ защиту стачечниковъ. Ликуя, толпа выноситъ его на рукахъ

изъ залы суда. Въ Парижъ онъ возвращается знаменитостью, становится редакторомъ демократической газеты и вступить не сегодня-завтра депутатомъ въ палату, гдѣ сядетъ на скамьяхъ крайней лѣвой.

Такъ протягиваетъ интеллигентный пролетарій руку помощи и дружбы рабочему народу.

VII.

Хотя исторія деклассированной интеллигенціи еще не написана, но и на основаніи приведеннаго здѣсь матеріала можно сдѣлать нѣсколько выводовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Мы видѣли, что въ концѣ XIX вѣка образовался почти во всѣхъ европейскихъ странахъ изъ людей разнаго происхожденія и разныхъ профессій новый общественный классъ, насчитывающій въ своихъ рядахъ огромное количество членовъ.

Одни изъ нихъ пытались, было, создать особую соціальную группу съ своей психологіей, своимъ нравственнымъ кодексомъ.

Въ дѣйствительности они ограничились простымъ отрицаніемъ существующихъ идеаловъ и большинство изъ нихъ стало звать назадъ, къ средневѣковой старинѣ.

Когда потомъ богатая буржуазія, отчасти въ поискахъ за острыми ощущеніями, отчасти отъ скуки, накинулась на изобрѣтенную ими поэзію, они охотно пошли ей навстрѣчу и все чаще появлялись желанными гостями въ салонахъ крупныхъ финансистовъ, въ будуарахъ свѣтскихъ дамъ.

Другіе представители этого новаго класса, болѣе воинственные и непримиримые, идутъ служить рабочей массѣ, хотятъ расчистить почву для демократическаго государства.

Такъ стали по обѣ стороны буржуазнаго міра два любопытныхъ типа—по правую руку, кокетничая съ нимъ, *поэтъ-декадентъ*, а по лѣвую, отвернувшись отъ него, *прогрессистъ-демократъ*.

В. Фриче.

Крестьянское царство.

(Очеркъ исторіи и современнаго состоянія Канады.)

Положеніе Канады въ ряду культурныхъ странъ современнаго міра.

I.

Какъ извѣстно, часть континента Сѣв. Америки, находящаяся къ сѣверу отъ Соед. Штатовъ, составляетъ англійскую колонію Канаду. Какъ исторія, такъ и современное состояніе Канады представляютъ значительный интересъ во многихъ отношеніяхъ. Исторія Канады замѣчательна тѣмъ, что эта обширная область первоначально и притомъ въ теченіе долгаго времени принадлежала французамъ и затѣмъ была завоевана англичанами. Такимъ образомъ, изучая исторію Канады, мы имѣемъ возможность сравнить пріемы колонизаціи двухъ великихъ народовъ.

Надо сказать, что, завоевавъ Канаду, англичане взяли на себя тяжелую задачу продолжать далѣе колонизацію далекаго материка, не вызывая, по возможности, раздраженія первыхъ колонистовъ края, французовъ. Такое осторожное отношеніе къ французамъ стало особенно необходимымъ съ тѣхъ поръ, какъ болѣе старыя англійскія колоніи въ Америкѣ подняли знамя возстанія для образованія самостоятельнаго государства; это возстаніе, какъ извѣстно, произошло всего черезъ 11 лѣтъ послѣ завоеванія Канады англичанами.

Какъ мы увидимъ ниже, англійское правительство справилось съ этой нелегкой задачей весьма успѣшно: со времени присоединенія Канады къ владѣніямъ Англіи эта дотолѣ жалкая, бѣдная и почти безлюдная страна обратилась постепенно въ одно изъ самыхъ свободныхъ благоустроенныхъ, богатыхъ и счастливыхъ государствъ [1]) современнаго культурнаго міра, гдѣ сообща при

---

[1]) Какъ мы увидимъ ниже, Канада уже давно пользуется фактически почти всѣми правами и привилегіями свободнаго самостоятельнаго государства, почему мы и позволяемъ себѣ употреблять по отношенію къ Канадѣ такой терминъ.

полномъ взаимномъ довѣріи и уваженіи работаютъ надъ разрѣшеніемъ соціальныхъ, политическихъ и другихъ вопросовъ просвѣщенные граждане, принадлежащіе къ латинской (французы) и англосаксонской расамъ. Представители обѣихъ этихъ расъ — по крайней мѣрѣ, со второй половины царствованія покойной королевы Викторіи— при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ шумно выражаютъ свои вѣрноподданническія чувства и свою привязанность къ метрополіи. Впрочемъ, искренность своихъ чувствъ жители Канады доказали и болѣе убѣдительнымъ образомъ, а именно многочисленными жертвами людьми и деньгами во время минувшей англо-бурской войны и, можетъ быть, еще болѣе поразительнымъ, не менѣе извѣстнымъ русскому обществу фактомъ, когда Канада, представляющая, въ сущности, почти самостоятельное государство, при пересмотрѣ своего таможеннаго тарифа (1897 г.) предоставила весьма существенныя льготы [1]) метрополіи, не испрашивая себѣ ничего взамѣнъ, въ твердомъ убѣжденіи, что послѣдняя не захочетъ остаться въ долгу [2]).

Столь поразительныя отношенія метрополіи и колоніи были достигнуты далеко не сразу: прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ правительству метрополіи удалось создать такой политическій режимъ, который удовлетворилъ вполнѣ какъ французовъ, такъ и англичанъ, и устранилъ всякіе поводы для неудовольствій и взаимныхъ подозрѣній одной категоріи колонистовъ по отношенію къ другой и для тѣхъ и другихъ по отношенію къ власти имперскаго правительства.

Послѣдующее изложеніе имѣетъ, между прочимъ, цѣлью описаніе и объясненіе этого замѣчательнаго историческаго процесса, параллели которому трудно было бы найти въ исторіи колоніальныхъ владѣній другихъ странъ.

Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что Канада представляетъ собой единственную значительную область Новаго Свѣта, оставшуюся во владѣніи европейскаго правительства. Европейцы постепенно утратили почти всѣ свои владѣнія на Американскомъ континентѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе возстанія колонистовъ и туземцевъ. Только англичане послѣ горькаго опыта утраты части своихъ колоній, образовавшихъ нынѣшніе С. Штаты, сумѣли удержать за собой остальныя свои владѣнія въ Америкѣ, поверхность которыхъ немного менѣе территоріи сосѣдней республики, которая, въ свою очередь, немного менѣе всей Европы.

Англійское правительство не только, однако, удержало за собой Канаду, оно, какъ мы видѣли, сумѣло внушить жителямъ чув-

---

[1]) Для товаровъ, привозимыхъ изъ метрополіи, дѣлается въ пошлинѣ скидка въ 33%.

[2]) См. книгу проф. политич. экономіи въ университетѣ Канадской провинціи Новый Брунсвикъ Дж. Дэвидсона. (I. Davidson). Commercial Federation and Colonial Trade Policy, 1900, стр., 76—77.

ство глубокой привязанности къ метрополіи. Въ самомъ дѣлѣ, власть англичанъ въ Канадѣ менѣе всего держится силою оружія [1]). Въ теченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ въ Канадѣ никогда серьезно не возбуждался вопросъ о присоединеніи къ сосѣдней великой, славной и благоденствующей республикѣ, хотя, конечно, англичане никакъ не могли бы помѣшать такому вліянію, если бы этого желали обѣ заинтересованныя стороны.

Если мы теперь оставимъ вопросы политическіе и перейдемъ къ вопросамъ экономическимъ, то и въ этомъ случаѣ мы увидимъ, что Канада представляетъ величайшій интересъ, особенно для насъ, русскихъ. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія 15—20 лѣтъ, т. е. со времени проведенія желѣзной дороги черезъ всю колонію отъ береговъ Атлантическаго къ берегамъ Тихаго океана, стала необычайно быстро прогрессировать распашка земель къ западу отъ т. наз. страны великихъ озеръ (Верхнее, Гуронъ и т. д.). Эти земли оказались весьма пригодными для культуры хлѣбныхъ растеній и для скотоводства, вслѣдствіе чего Россія нашла себѣ въ Канадѣ новаго конкурента на международномъ рынкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, что, конечно, не могло не содѣйствовать дальнѣйшему пониженію цѣнъ на эти продукты, составляющіе основу русскаго экспорта. Надо сказать при этомъ, что какъ эксплуатація природныхъ богатствъ края, такъ и организація сбыта въ Канадѣ настолько хороши, что наше министерство земледѣлія недавно командировало даже въ Канаду довольно извѣстнаго агронома г. Крюкова для изученія сельскаго хозяйства, а частью и другихъ отраслей промышленности этой сравнительно молодой страны съ 5-милліоннымъ населеніемъ [2]). Съ другой стороны, насколько намъ извѣстно, Канадское правительство до сихъ поръ ни разу не находило нужнымъ посылать кого-либо въ Россію — страну, по преимуществу земледѣльческую — для изученія того или иного отдѣла сельскаго хозяйства или сельско-хозяйственной промышленности...

Есть еще сторона, съ которой Канада можетъ представлять интересъ для насъ, русскихъ. Дѣло въ томъ, что Канада по своему климату сильно напоминаетъ нашу Сибирь, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., нашъ извѣстный метеорологъ проф. Воейковъ.

Есть, однако, и другая аналогія между Канадой и Сибирью. Въ Канадѣ, какъ и въ Сибири, при огромномъ протяженіи

---

[1]) Достаточно сказать, что Англія держитъ въ Канадѣ всего одинъ полкъ въ ближайшемъ къ Европѣ и къ С. Штатамъ порту Галифаксѣ, изъ чего уже можемъ видѣть, для чего предназначенъ этотъ полкъ. Правительство Канады содержитъ лишь милиціонныя войска въ общей численности до 40,000.

[2]) Н. А. Крюковъ. Канада. Сельское Хозяйство въ Канадѣ въ связи съ другими отраслями промышленности. Спб. 1897. (Изданіе Мин. Земледѣлія).

обѣихъ странъ, насчитывается нѣсколько болѣе 5 милл. жителей. Начало колонизаціи Канады европейцами и завоеваніе Сибири русскими относятся почти къ одному и тому же времени, съ той, однако, весьма существенной разницей, что Канаду отъ Европы отдѣляетъ Атлантическій океанъ, переѣздъ черезъ который продолжался до введенія пароходныхъ океаническихъ сообщеній 6—8 недѣль. Въ Канадѣ, какъ и въ Сибири, до появленія европейцевъ жили туземныя племена, которыхъ завоеваніе застало въ стадіи охотничьяго промысла и рыболовства (въ Сибири—охотничьяго промысла, рыболовства и скотоводства).

II.

Канада въ эпоху владычества французовъ.

„Характеръ правительства яснѣе всего сказывается на строѣ колоній. Кто хочетъ изучить характеръ и недостатки правительства Людовика XIV, долженъ ознакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ Канады".

A. Tockeville. L'Ancien Régime et la Révolution.

Вѣсть объ открытіи Колумбомъ дороги въ богатую Индію (извѣстно, что Колумбъ умеръ, не зная, что онъ открылъ новый материкъ) быстро обошла всю Европу. Государи разныхъ странъ отправили эскадры для разысканія ближайшаго пути къ сказочно богатымъ странамъ, которыя, какъ всѣ думали, находятся не въ особенно далекомъ разстояніи къ западу отъ береговъ Европы.

Всего пять лѣтъ спустя послѣ составляющихъ эпоху открытій Колумба, а именно въ 1497 г., англійскій король Генрихъ VII отправилъ экспедицію изъ двухъ кораблей подъ начальствомъ Джона Кабота (генуэзца по рожденію, но впослѣдствіи ставшаго венеціанскимъ гражданиномъ) и его сына Себастьяна „во всѣ страны востока, запада и сѣвера... разыскивать и открывать всякаго рода острова, заселенные язычниками и до сего времени невѣдомыя христіанамъ". Адмиралу Каботу было разрѣшено и „водружать королевское знамя во всѣхъ открываемыхъ деревняхъ, городахъ, крѣпостяхъ, материкахъ, покоряя окрестное населеніе и завладѣвая (именемъ англійскаго короля) новыми областями".

Экспедиція вышла въ маѣ 1497 г. изъ Бристоля и направилась прямо на западъ. Они увидѣли берега ранѣе, чѣмъ ожидали, и сдѣлали нѣсколько высадокъ въ разныхъ мѣстахъ; впрочемъ, до сихъ поръ еще не установлено въ точности, гдѣ именно высаживалась экспедиція Кабота, на островахъ ли, получившихъ впослѣдствіи названіе Нью-Фаундлэнда и Капъ-Бретона, или на полуостровѣ Лабрадорѣ. Если вѣрно послѣднее предположеніе, то Каботъ окажется, такимъ образомъ, первымъ изъ европейцевъ,

ступившихъ на континентъ Америки, такъ какъ плаванія Колумба до тѣхъ поръ (1497) ограничивались посѣщеніемъ острововъ, расположенныхъ въ Мексиканскомъ заливѣ.

Какъ бы то ни было, берега, открытые Каботомъ, оказались малолюдными и довольно бѣдными, вслѣдствіе чего результаты экспедиціи сильно разочаровали какъ самого короля, такъ и лондонскихъ и бристольскихъ купцовъ, хлопотавшихъ о снаряженіи эскадры Кабота. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій годъ была отправлена изъ Англіи вторая экспедиція для поисковъ той же богатой Индіи, но и она увѣнчалась не лучшими результатами, вслѣдствіе чего у англичанъ надолго охладѣлъ пылъ конкурировать съ Испаніей въ открытіи новыхъ странъ. Однако, впослѣдствіи англичане пытались основать свои притязанія на берега Сѣв. Америки именно тѣмъ, что эти берега были открыты двумя экспедиціями Кабота.

Слѣдующія попытки искать дорогу въ Индію, отличную отъ той дороги, которой держались испанцы (отъ Канарскихъ острововъ къ берегамъ нынѣшней Вестъ-Индіи), принадлежатъ французамъ. Въ царствованіе Франциска I, въ 1523 г. былъ отправленъ для открытія новыхъ странъ флорентинецъ Джіованни Верацдино; онъ прошелъ вдоль береговъ Сѣв. Америки, а именно той части ихъ, которая находится между нынѣшнимъ штатомъ Южной Каролиной и Нью-Фаундлэндомъ. Еще черезъ 11 лѣтъ въ Америку отправился французскій морякъ Картье. Подобно Верацдино и Каботу онъ искалъ сѣверо-западнаго пути въ Индію; но, конечно, таковаго не нашелъ; вмѣсто этого онъ открылъ заливъ и рѣку Св. Лаврентія и пытался основать поселки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся города Квебекъ и Монреаль. Картье остался въ Канадѣ (это названіе, представляющее искаженіе одного индійскаго слова, появляется на картахъ со времени путешествія Картье) на зиму, но зима оказалась очень суровой, и французы страшно страдали отъ плохой одежды и недостатка пищи; многіе изъ нихъ погибли, остальные поспѣшили вернуться на слѣдующій годъ во Францію. Однако, энергичный и смѣлый мореплаватель Картье въ скоромъ времени отправился во второй разъ въ открытыя имъ области, опять провелъ тамъ зиму и еще разъ убѣдился въ трудности колонизаціи новаго края. Въ самомъ дѣлѣ, и на этотъ разъ многіе изъ экипажа Картье погибли отъ лишеній, связанныхъ съ жизнью въ почти безлюдной пустынѣ, съ климатомъ, значительно отличающимся отъ климата Франціи.

Несмотря на всѣ эти невзгоды, Картье въ отчетахъ о своихъ плаваніяхъ такъ много говорилъ объ естественномъ плодородіи почвы новыхъ странъ и о дружественномъ отношеніи индѣйцевъ къ европейцамъ, что король Францискъ I рѣшилъ, во что бы то ни стало, завладѣть новымъ краемъ и населить его французами. Въ 1541 г. въ новую страну, названную „Новой Франціей“, была отправлена первая партія переселенцевъ, за которыми

вслѣдъ поѣхалъ и „вице-король“ Новой Франціи, Робервалъ. Несмотря на выгоды рыбной ловли у береговъ Америки, несмотря на еще большія выгоды мѣновой торговли мѣхомъ съ туземцами, несмотря даже на все еще господствовавшее убѣжденіе въ томъ, что рѣка Св. Лаврентія лежитъ на пути въ богатую Индію, несмотря на все это, первая попытка французскаго правительства колонизовать новыя страны окончилась полной неудачей. Дѣло въ значительной мѣрѣ объясняется крайне неподходящимъ составомъ первыхъ переселенцевъ: это были по большей части разные искатели приключеній, любители быстрой наживы, лица, побывавшія на родинѣ въ тюрьмахъ и т. п.

Все это, а также и то обстоятельство, что во Франціи вскорѣ настало тревожное время религіозныхъ междоусобій и войнъ, было причиной совершеннаго прекращенія на цѣлыхъ 60 лѣтъ всякихъ дѣятельнѣйшихъ попытокъ создать на западномъ материкѣ „Новую Францію“.

Съ восшествіемъ на престолъ короля Генриха IV (1594) во Франціи, какъ извѣстно, надолго прекратились религіозныя и междоусобныя распри; вмѣстѣ съ этимъ возобновились и попытки французовъ колонизовать открытыя ими области, лежащія по теченію рѣки Св. Лаврентія и въ т. наз. въ то время Акадіи (нынѣшняя Канадская провинція Новая Шотландія). Въ 1599 г. Генрихъ IV утвердилъ уставъ т. наз. Compagnie du Canada et de l'Acadie, которой были предоставлены весьма широкія права и привилегіи. Душою новыхъ попытокъ колонизаціи былъ знаменитый Симъ Шампленъ, который въ теченіе своей жизни совершалъ много разъ путешествія въ Канаду и самымъ подробнымъ образомъ изслѣдовалъ какъ берега американскаго континента близъ залива Св. Лаврентія, такъ и обширныя области, отдѣлявшія французскія владѣнія по рѣкѣ Св. Лаврентія отъ ближайшихъ поселеній англичанъ.

Къ сожалѣнію, усилія Шамплена привлечь колонистовъ въ „Новую Францію“ парализовались крайне эгоистической политикой вышеупомянутой торговой компаніи, думавшей исключительно о своихъ ближайшихъ выгодахъ, а также и всей совокупностью порядковъ, которые правительство метрополіи хотѣло создать въ Новомъ Свѣтѣ. Правительство раздавало дворянамъ крупныя земельные участки, предоставляя имъ право заселять эти участки колонистами, которые, помимо уплаты извѣстной арендной платы, были бы обязаны нести разныя натуральныя повинности. Тѣмъ же дворянамъ было даже предоставлено въ извѣстныхъ границахъ и право суда и расправы надъ живущими на ихъ земляхъ колонистами. Однимъ словомъ, правительство хотѣло, чтобы „Новая Франція“ была точной копіей старой Франціи, со всѣми прелестями сохранившагося еще въ послѣдней феодальнаго режима [1]).

---

[1]) См. объ этомъ прекрасную статью канадскаго ученаго Беннета.

Все это, конечно, было выгодно для дворянъ [1]), но совсѣмъ невыгодно для лицъ низшихъ сословій, которыя, такимъ образомъ, теряли всякое основаніе къ выселенію на далекіе, безлюдные и негостепріимные берега Новаго Свѣта.

Вслѣдствіе всего этого, когда въ 1635 г., послѣ 20 лѣтъ упорныхъ трудовъ на пользу новаго края, Шампленъ умеръ, въ Канадѣ жило не болѣе 150 французовъ; почти всѣ они занимались не земледѣліемъ, а, главнымъ образомъ, скупкой мѣховъ у туземцевъ. Иными словами, спустя почти полтораста лѣтъ послѣ первыхъ плаваній къ берегамъ Америки Вераццино и спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ утвержденія широковѣщательнаго устава Compagnie de Canada et de l'Acadie французы не сумѣли организовать прочнаго основного ядра колонистовъ въ Новомъ Свѣтѣ.

Англичане, какъ извѣстно, значительно позже французовъ стали дѣлать первыя попытки колонизаціи береговъ Сѣв. Америки; однако, къ описываемому нами времени число англійскихъ колонистовъ въ Америкѣ, по мнѣнію американскихъ историковъ, переходило за двадцать тысячъ; притомъ это были настоящіе колонисты, пріѣхавшіе въ Новый Свѣтъ, чтобы остаться тамъ навсегда, а не для того, чтобы поскорѣе нажиться выгодами скупки мѣховъ у туземныхъ племенъ, и затѣмъ возвращаться восвояси.

Едва ли, впрочемъ, можно удивляться этому контрасту, если вспомнить, какъ велика была политическая и религіозная свобода, которой пользовались англичане, переселявшіеся въ Новый Свѣтъ, вслѣдствіе чего они и ѣхали туда тысячами, между тѣмъ какъ французское правительство съ начала колонизаціи Канады не разрѣшало ни одному гугеноту переселяться въ Новой Свѣтъ, чѣмъ имѣлось въ виду оградить послѣдній отъ язвы еретическихъ ученій.

Прошло тридцать лѣтъ со времени смерти Шамплена—и во Франціи опять возникаютъ попытки болѣе энергичной колонизаціи обширнаго бассейна залива Св. Лаврентія и ближайшихъ областей. Къ такимъ попыткамъ побуждало французовъ, между прочимъ, постоянно растущее сознаніе ничтожности достигнутыхъ результатовъ по сравненію съ поселеніями англичанъ въ С. Америкѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, къ описываемому нами времени (60-ые годы XVII столѣтія), было уже положено прочное начало колоніямъ, извѣстнымъ впослѣдствіи подъ названіемъ Виргиніи, Мэриленда, Каролины, Массачузэтса, Коннектикута и т. д.

Мунро (Munro) „Das Feodalsystem im Kanada" (Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwoltungund Volkswirtschaft 1902, 3 Heft). Также извѣстное сочиненіе. P. Leroy - Beaulieu La Colonisation chez les peuples modernes, vol. I, 152.

[1]) Впрочемъ, феодальный строй землевладѣнія и всего соціальнаго режима былъ введенъ въ Канадѣ, главнымъ образомъ, позднѣе, во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.

24 мая 1664 г., Людовикъ XIV, слѣдуя совѣту великаго Кольбера, подписалъ уставъ новой т. наз. „Западной Компаніи", которой были предоставлены значительныя права и преимущества для болѣе успѣшной колонизаціи западнаго материка (т. е. С. Америки) и западныхъ береговъ Африки: „Такъ какъ,—говорилось, между прочимъ, въ королевскомъ эдиктѣ,—слава Господа Бога является главной задачей всего дѣла. Компанія обязана имѣть въ новыхъ областяхъ достаточное число священно-служителей, старательно исключая въ то же время всякихъ проповѣдниковъ ложныхъ ученій". Скажемъ, ради контраста, что за тридцать лѣтъ передъ этимъ (1636) нѣкоторые изъ англійскихъ поселенцевъ въ Америкѣ основали колонію (Родъ Айлэндъ), гдѣ фактически были проведены принципы отдѣленія церкви отъ государства и гдѣ граждане, образуя добровольно общественный союзъ, формально обязались подчиняться избираемымъ ими властямъ лишь въ ихъ распоряженіяхъ, относящихся къ *свѣтскимъ* дѣламъ [1]).

Итакъ, въ 1664 г. состоялось утвержденіе на 40 лѣтъ правъ и привилегій новой торговой компаніи („Западной Компаніи"), которая должна была заботиться о колонизаціи французскихъ владѣній въ Америкѣ. Въ слѣдующемъ году въ Канаду прибылъ новый губернаторъ и цѣлый полкъ солдатъ, число которыхъ, кстати сказать, превосходило число французскихъ колонистовъ [2]). Впрочемъ, эти солдаты принесли свою пользу краю, такъ какъ съ ихъ приходомъ прекратились непрерывныя враждебныя столкновенія колонистовъ съ туземными племенами, значительно мѣшавшими піонерской дѣятельности колонистовъ [3]).

Вмѣстѣ съ полкомъ солдатъ была прислана въ Канаду и небольшая партія навербованныхъ компаніей колонистовъ; съ этого же времени начался систематическій, хотя и очень медленный, притокъ вполнѣ добровольныхъ переселенцевъ. Однако, въ числѣ переселявшихся было крайне мало женщинъ, что не мало смущало французскихъ администраторовъ, заботившихся объ умноженіи населенія этого далекаго края въ виду постоянныхъ опасеній сосѣднихъ англійскихъ колоній.

Новый губернаторъ Канады графъ Фронтенакъ, управлявшій Новой Франціей, съ короткимъ перерывомъ, 26 лѣтъ (1672—1698), не остановился и передъ этимъ, повидимому, непреодолимымъ затрудненіемъ. Онъ организовалъ періодическую доставку въ Канаду партій женщинъ, преимущественно молодыхъ крестьянокъ.

---

[1]) См. серію Epochs of American History, первый томъ. The Colonies by R. Thwaites, Nev York, 1891, 147, или нашу книгу, Исторія колоніальной политики и колоніальной имперіи Англіи. 1902.

[2]) См. серію British Empire Series, томъ III. British America, 1900, 57.

[3]) Впослѣдствіи большая часть офицеровъ и солдатъ этого полка остались въ Канадѣ, соблазнившись щедрыми надѣленіями землей, предложенными правительствомъ, которое хоть такимъ образомъ хотѣло устроить въ Канадѣ болѣе значительное основное ядро колонизаціи.

Въ извѣстное время устраивались выставки прибывшихъ дѣвушекъ, при чемъ въ числѣ этихъ дѣвушекъ въ видѣ исключенія были и дворянки, предназначавшіяся для офицеровъ и мѣстной знати (noblesse).

Надо сказать, впрочемъ, что прибывшимъ дѣвицамъ принадлежало послѣднее слово въ выборѣ того или иного изъ лицъ, заявившихъ притязаніе на ихъ сердце. По полученіи такого согласія немедленно приступали къ свадьбѣ, при чемъ на слѣдующій же день послѣ бракосочетанія молодые получали въ даръ отъ губернатора быка, корову, пару свиней, пѣтуха и курицу, два боченка солонины и одиннадцать золотыхъ.

Правительство старалось содѣйствовать бракамъ колонистовъ и разными иными способами: одно время холостымъ мужчинамъ было запрещено охотиться, ловить рыбу или вести торговлю съ туземцами; съ родителей, сыновья которыхъ, по достиженіи 21 года не женились, или дочери которыхъ, по достиженіи 16 лѣтъ, не выходили замужъ, взимали штрафъ и т. п. [1])

Надо думать, что такая политика правительства оставила прочный слѣдъ въ нравахъ французовъ, поселившихся въ Канадѣ, такъ какъ до сихъ поръ еще французы, живущіе въ Канадѣ, отличаются необычайной плодовитостью, составляющей столь замѣчательный контрастъ совершенно иному явленію, наблюдаемому въ современной Франціи, явленію не мало смущающему патріотическія сердца многихъ французовъ, слѣдящихъ съ тревогою за быстрымъ умноженіемъ населенія въ Германіи.

Возвращаясь къ исторіи Канады, мы должны, однако, сказать, что, несмотря на всѣ старанія французскаго правительства и его мѣстныхъ агентовъ, число всѣхъ французовъ, жившихъ въ Канадѣ въ исходѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, не превосходило 15,000; въ это же время въ американскихъ колоніяхъ Англіи число жителей доходило почти до 200,000; даже въ ближайшихъ къ Канадѣ англійскихъ колоніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Новой Англіи (Массачузэтсъ, Нью Джерси и т. д.), число жителей доходило въ описываемое нами время до 100,000 [2]).

Населеніе, т. наз., „Новой Франціи“ было не только, въ общемъ, весьма незначительно, оно, кромѣ того, было разбросано по громадному пространству. Дѣло въ томъ, что французы стремились къ возможно большему распространенію своихъ владѣній въ Америкѣ, увлекаемые частью желаніемъ изслѣдовать невѣдомыя дотолѣ страны, лежащія къ западу и югу отъ первыхъ поселеній на берегахъ рѣки Св. Лаврентія. Въ поискахъ ближайшей дороги въ Индію и въ Азію вообще они уже къ половинѣ XVIII вѣка достигли подножія Скалистыхъ горъ. Однако, теченіе Миссисипи и его притоковъ представляло болѣе удобный путь изслѣ-

[1]) См. цитированное изданіе Britisch America, глава The Province of Quebec, стр. 59.

[2]) Цитированное сочиненіе американскаго историка Thwoites, 265.

дованія, почему къ концу XVII вѣка эта рѣка была пройдена на всемъ своемъ громадномъ протяженіи. Знаменитый Ласаль (La Salle) первый спустился внизъ по Миссисипи къ самому устью этой рѣки послѣ весьма продолжительнаго, полнаго опасностей и лишеній, плаванія, заключивъ его 9 апр. 1682 г. торжественнымъ присоединеніемъ къ владѣніямъ Франціи всей долины рѣки Миссисипи.

Само собою разумѣется, что это присоединеніе было тогда— и оставалось до самаго конца владычества французовъ въ Америкѣ—чистой фикціей, такъ какъ и въ послѣдній изъ указанныхъ моментовъ власть французовъ въ долинѣ Миссисипи опиралась на нѣсколько небольшихъ фортовъ, имѣющихъ малочисленный гарнизонъ и удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ.

Въ самомъ дѣлѣ къ половинѣ XVIII вѣка, несмотря на то, что Франція заявляла притязаніе на громадную территорію отъ устьевъ рѣки Св. Лаврентія до Скалистыхъ горъ и на все теченіе рѣки Миссисипи, число всѣхъ французовъ, жившихъ на этомъ огромномъ районѣ, едва достигало 70,000, при чемъ около 60,000 приходилось на поселенія по рѣкѣ Св. Лаврентія, сосредоточенныя около городовъ Монреаля и Квебека. Въ это же самое время населеніе англійскихъ колоній, расположенныхъ на сравнительно незначительномъ районѣ между берегами Сѣв. Америки и цѣпью Аллегонскихъ горъ, достигало почти $1^1/_2$ мил., т. е. превосходило населеніе „Новой Франціи“ болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ! Въ послѣдніе дни власти французовъ въ Канадѣ тамъ было всего 3 города достойныхъ сколько нибудь такого названія, при чемъ совокупное населеніе этихъ городовъ (Квебекъ, Монреаль и Три Рѣки—Trois Rivières) достигало лишь 13,000 т е. равнялось населенію одного лишь города Бостона (главный городъ англійской колоніи Массачузэтсъ).

Весь вывозъ изъ Канады въ концѣ французскаго владычества по своей цѣнности не превосходилъ $3^1/_2$ мил. франковъ и состоялъ почти исключительно изъ мѣховъ; цѣнность вывоза изъ англійскихъ колоній въ Америку была, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ больше. Контрастъ этихъ цыфръ будетъ еще болѣе знаменательнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Англія почти ничего не тратила на администрацію своихъ колоній въ Америкѣ, тогда какъ французское правительство расходовало десятки милліоновъ франковъ на содержаніе администраціи и войскъ (въ англійскихъ колоніяхъ таковыхъ почти не было вплоть до начала недоразумѣній между метрополіей и колоніей въ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, недоразумѣній, закончившихся революціоннымъ движеніемъ и независимостью), постройку крѣпостей, помощь эмиграціи и т. п.

Въ чемъ же, однако, секретъ, въ чемъ причина столь поразительной разницы въ результатахъ французской и англійской колонизаціи Америки. Слѣдующія слова одного изъ современныхъ

американскихъ историковъ могутъ служить, какъ намъ кажется, достаточнымъ объясненіемъ указываемыхъ нами фактовъ.

„Хотя Канада и во время владычества французовъ постоянно прогрессировала, но это прогрессивное движеніе совершалось крайне медленно. Это явленіе объясняется, главнымъ образомъ, тремя обстоятельствами: феодальнымъ характеромъ поземельнаго законодательства, большимъ вліяніемъ духовенства и отсутствіемъ политической свободы у колонистовъ“.

„Во всякой странѣ, какъ старой, такъ и новой, гдѣ владѣніе землею сосредоточено въ немногихъ рукахъ, земледѣліе не можетъ процвѣтать, но такой порядокъ имѣетъ особенно роковое значеніе для колоній, такъ какъ возможность легкаго пріобрѣтенія небольшихъ земельныхъ участковъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ эмиграціи въ новыя страны. Въ Канадѣ же въ этомъ отношеніи съ самаго начала дѣло было поставлено плохо. Правительство создало сначала классъ землевладѣльцевъ; считалось, что крестьянская масса сама собою явится. Такія надежды, однако, не оправдались... Въ первый періодъ колонизаціоннаго движенія положеніе земледѣльческаго класса въ Канадѣ было немногимъ лучше, чѣмъ положеніе крестьянъ во Франціи, обремененныхъ разнаго рода повинностями по отношенію къ помѣщикамъ; что же удивительнаго въ томъ, что прогрессивное развитіе колоній подвигалось медленно?“ (Что же удивительнаго, прибавимъ мы отъ себя, что французскіе крестьяне и не стремились въ Новый Свѣтъ, гдѣ ихъ ожидали тѣ же порядки, та же зависимость и подчиненность во всѣхъ сферахъ жизни?).

„Въ Канадѣ, какъ и южно-американскихъ владѣніяхъ Испаніи, духовенство играло чрезвычайно большую роль. Частью въ видахъ болѣе легкаго обращенія туземцевъ въ христіанство, частью якобы въ видахъ огражденія ихъ отъ дурного обращенія и дурного примѣра бѣлыхъ, духовенство старалось предотвратить всякіе случаи непосредственнаго сношенія представителей бѣлой и цвѣтной расъ. Эти попытки оказались, однако, какъ это бываетъ обыкновенно, неудачными; кромѣ того, онѣ были причиной примѣненія по отношенію къ туземцамъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ и распоряженій. Индѣйцы, которымъ запрещено было торговать съ французами, вели тайную торговлю съ англійскими и голландскими колонистами (извѣстно, что часть нынѣшняго штата Нью Іорка была открыта и колонизована голландцами, и что городъ Нью Іоркъ назывался ранѣе Новымъ Амстердамомъ; завоеваніе англичанами Новаго Амстердама состоялось въ 1664 г. П. М.), а это повлекло за собою контрабанду, взаимное раздраженіе французовъ и туземцевъ и массу потерь и ущерба для французскаго правительства...“

„Еще большій вредъ молодой колоніи приносило взиманіе духовенствомъ десятиннаго сбора; земледѣльческое населеніе, имѣя вообще очень скудныя средства, съ большимъ трудомъ могло уплачивать этотъ сборъ. Больше же всего принесло зла

то вліяніе, которое католическое духовенство успѣло скоро пріобрѣсти въ колоніи надъ болѣе богатыми и видными представителями молодого общества... Уже во времени Шамплена (первая половина XVII вѣка) сталъ распространяться обычай дарить или завѣщать церкви на вѣчное владѣніе значительныя помѣстья и капиталы; такимъ образомъ, въ рукахъ духовенства скопились значительныя суммы и крупныя поземельныя владѣнія“ [1])...

„Вмѣстѣ съ тѣмъ само духовенство, которое прежде принимало такіе дары съ благодарностью, теперь стало почти ихъ требовать, при чемъ, чѣмъ болѣе росло богатство и вліяніе духовенства, тѣмъ оно становилось требовательнѣе, вслѣдствіе чего вскорѣ церковь въ колоніи стала такой же богатой, какъ и въ самой Франціи“ [2])...

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о формѣ управленія французскими колоніями вообще и Канады въ частности. Колоніальныя дѣла были подвѣдомственны во Франціи морскому министру [3]). Непосредственными представителями правительства метрополіи въ Канадѣ были генералъ-губернаторъ и т. наз. „интенданты“.

Первому принадлежало высшее начальство надъ военнымъ и гражданскимъ управленіемъ; это былъ обыкновенный по соціальному положенію аристократъ и по профессіи военный. Интендантъ завѣдывалъ финансовыми дѣлами колоніи и считался также главой судебной власти и вѣдомства общественныхъ работъ (куда входили и пути сообщенія). Онъ былъ непосредственно подчиненъ правительству метрополіи и вслѣдствіе важности и разнообразія дѣлъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію, оказывался фактически болѣе вліятельнымъ, чѣмъ губернаторъ, который офиціально занималъ самое высокое положеніе въ колоніи. Третьимъ важнѣйшимъ лицомъ въ колоніи былъ епископъ. Между всѣми этими лицами существовало постоянное взаимное соперничество и вражда, при чемъ о вліяніи епископа можно судить уже по одному тому, что однажды по навѣтамъ епископа былъ смѣненъ генералъ-губернаторъ колоніи. Лѣтописи канадской исторіи во

---

[1]) По даннымъ, которыя мы находимъ въ цитированной статьѣ канадскаго ученаго Мунро, ко времени завоеванія Канады англичанами около трети всѣхъ земель въ Канадѣ, находившихся въ частныхъ рукахъ, принадлежали католической церкви (Цит. статья, Shmollers Jahrbuch, 1902, 3 Heft, стр. 229).

[2]) H. Morris. The History of Colonization, vol. I, стр. 372 (New-York, 1900). Такимъ же образомъ объясняются причины неудачи французской колонизаціи Канады въ классическомъ трудѣ по исторіи колонизаціи, принадлежащемъ извѣстному французскому экономисту Полю Леруа-Болье. De la colonisation chez les peuples modernes, см. 5 изданіе (1902), томъ I, стр. 151 - 155.

[3]) Такое соединеніе этихъ двухъ, повидимому, довольно разнородныхъ по задачамъ вѣдомствъ существовало во Франціи до самаго послѣдняго времени.

времена французскаго владычества полны эпизодами, возникшими изъ-за ссоры генералъ-губернатора и епископа по поводу разныхъ важныхъ и неважныхъ дѣлъ и даже по поводу вопросовъ этикета. Можно представить себѣ, какъ дурно отражались эти взаимныя ссоры и интриги высшихъ лицъ въ колоніи на общемъ ходѣ дѣлъ.

Это тѣмъ болѣе справедливо, что мнѣнія массы колонистовъ не оказывали никакого вліянія на администрацію края. Правительство метрополіи пробовало даже черезъ посредство своихъ агентовъ въ Канадѣ регулировать не только жизнь колонистовъ, но даже и жизнь туземцевъ [1]), что весьма естественно приводило много разъ къ кровавымъ столкновеніямъ съ послѣдними. Низшіе агенты колоніальной администраціи, глядя на высшихъ, менѣе всего думали о благѣ колоніи и пользовались своимъ положеніемъ для разныхъ незаконныхъ поборовъ, къ чему также они находили достойный примѣръ у своихъ начальниковъ [2]). Такого рода поборы были тѣмъ болѣе легки, что для всякаго предпріятія, коммерческаго или иного, требовалось предварительное разрѣшеніе разныхъ властей. Это было особенно на руку разнымъ аферистамъ, которые охотно обращались къ правительству съ просьбами о разрѣшеніи разныхъ новыхъ предпріятій, испрашивая вмѣстѣ съ тѣмъ на помощь своему патріотическому дѣлу крупныя денежныя пособія, которыя затѣмъ и дѣлились между жаднымъ чиновничествомъ и такого рода негодяями.

Однимъ словомъ, говоря словами цитированнаго выше современнаго американскаго ученаго, „несмотря на большое число законовъ и ихъ строгость, едва-ли можно найти другую колонію, въ которой царила бы такая анархія и гдѣ такъ часто возникалъ бы раздоръ между установленными властями... Въ то же время колонисты во всѣхъ отношеніяхъ находились въ полной зависимости отъ своего повелителя за океаномъ или отъ его корыстолюбивыхъ и фанатичныхъ (духовенство) представителей въ колоніи“ [3]).

Да не подумаетъ читатель, что такого рода характеристика французскаго колоніальнаго режима въ Канадѣ грѣшитъ сильнымъ преувеличеніемъ. Въ общемъ, мы находимъ одинаковую картину, обратимся ли мы къ сочиненію американца Морриса, къ труду крупнаго общественнаго дѣятеля современной Канады и извѣстнаго канадскаго ученаго Бурино или, наконецъ, къ цитированному выше классическому французскому трактату по исторіи колонизаціи „De la colonisation chez les peuples modernes“.

Однако, все это само по себѣ не привело бы къ гибели

---

[1]) H. Morris, цитир. сочин., 275.
[2]) См. сочиненіе канадскаго историка Bourinot. Canada under British Rule. 1900, 33.
[3]) H. Morris, цит. сочин., vol. I, 375.

французскія владѣнія въ Америкѣ. Какъ ни было, вообще говоря, плохо правовое положеніе массы колонистовъ въ Канадѣ, все же оно было лучше положенія французскаго крестьянства. Какъ колоніальныя власти, такъ и землевладѣльцы должны были щадить народную массу, хотя бы въ виду постоянной опасности нападенія индѣйцевъ и еще болѣе грозной опасности со стороны сосѣднихъ англійскихъ колоній.

Экономическое положеніе колонистовъ также было выше положенія французскихъ крестьянъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи земли не могло быть такого стѣсненія, какое было во Франціи того времени [1]).

Вслѣдствіе всего этого, населеніе Канады, увеличивавшееся крайне медленно въ XVII вѣкѣ, въ XVIII вѣкѣ возрастало уже гораздо быстрѣе, чему, впрочемъ, не мало содѣйствовало муссированіе колоніальнаго вопроса пресловутымъ авантюристомъ Дж. Ло [2]).

Роковой, фатальной ошибкой французовъ, ошибкой, которая если и не вызвала самаго паденія колоніальной имперіи Франціи въ Америкѣ, то, по крайней мѣрѣ, значительно ускорила это паденіе, было стремленіе французовъ захватывать возможно болѣе значительныя территоріи, подчиняя ихъ, — конечно, главнымъ образомъ, на бумагѣ, — верховной власти французскаго короля. Вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли, въ половинѣ XVIII столѣтія Франція, имѣвшая по самому щедрому расчету не болѣе 70,000 колонистовъ въ Америкѣ, предъявляла притязанія на области, прилегающія къ рѣкѣ Св. Лаврентія, на страну великихъ озеръ (Верхнее, Гуронъ и т. д.) и почти на весь бассейнъ Миссисипи.

Въ то же время въ близкомъ сосѣдствѣ съ французами жило болѣе 2 мил. англичанъ, занимавшихъ районъ гораздо меньшій и тѣмъ не менѣе встрѣчавшихъ самое рѣшительное противодѣйствіе французскихъ колонистовъ, поддерживаемыхъ при этомъ правительствомъ метрополіи, всякій разъ, когда англичане дѣлали попытки распространить свою колонизаціонную дѣятельность на западъ, по теченію рѣки Огайо и другихъ притоковъ Миссисипи.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ столкновенія между французами и англичанами были неизбѣжны, при чемъ полному изгнанію французовъ изъ Канады мѣшала только своевременная помощь, оказываемая правительствомъ метрополіи, и перипетіи весьма сложной борьбы, которую Франція и Англія вели почти непрерывно въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта.

---

[1]) См. цитированное сочиненіе Bourinot, 32, и статью Munro.

[2]) H. Morris, vol. I, 381. Впрочемъ нѣкоторые пріемы французской колонизаціи Америки были лучше тѣхъ, которыхъ держались англичане, какъ объ этомъ можно прочесть въ статьѣ канадскаго ученаго Munro.

Вообще говоря, англичане въ концѣ концовъ повсемѣстно брали перевѣсъ надъ французами; касаясь въ настоящемъ изложеніи этой борьбы лишь постольку, поскольку она отражались на американскихъ владѣніяхъ обоихъ государствъ, мы считаемъ нужнымъ указать здѣсь лишь на тотъ фактъ, что уже по утрехтскому миру (1718) къ англичанамъ отошла Акадія, названная англичанами Новой Шотландіей. Въ силу того же договора, за англичанами была признана власть надъ обширной областью, прилегающей къ Гудзонову заливу.

Такого рода уступки могли удовлетворить англійское правительство, но онѣ почти не имѣли никакого значенія для англійскихъ колонистовъ, жившихъ въ приатлантическихъ колоніяхъ значительно южнѣе Акадіи и на огромномъ разстояніи отъ Гудзонова залива. Каждая изъ такихъ колоній, жившихъ къ тому же въ значительной степени обособленной жизнью, желала распространенія своихъ предѣловъ на западъ, относясь почти безразлично къ тому факту, что англійскій флагъ развѣвается гдѣ то на Гудзоновомъ заливѣ за тысячи верстъ.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ столкновенія французскихъ и англійскихъ колонистовъ въ Америкѣ не прекратились. Надо сказать, что эти столкновенія начинались всегда много раньше и кончались много позже, чѣмъ происходила формальная война между Франціей и Англіей въ Европѣ. Такого рода положеніе было и передъ семилѣтней войной (1756—1763), въ которой, какъ извѣстно, приняли участіе Франція и Англія, распространивъ вскорѣ свои военныя дѣйствія и на Новый Свѣтъ.

Дѣйствія англичанъ въ Америкѣ, благодаря весьма существенной помощи колоніальной милиціи, были въ высшей степени успѣшны. Франція же, будучи занята въ Европѣ борьбой съ Германіей, не могла посылать достаточно подкрѣпленій въ Канаду, и потому французы, уступая значительно въ числѣ англичанамъ, несмотря на свою храбрость, теряли одну крѣпость за другой: въ 1758 г. палъ Луисбургъ, крѣпость на островѣ Капъ Бретонъ (Cap Breton), которая считалась неприступной и на которую французы затратили десятки милліоновъ франковъ, въ 1759 г. палъ такимъ же образомъ Квебекъ и въ 1760 г. Монреаль. Этими тремя побѣдами англичанъ судьба Канады была фактически рѣшена, и мирный договоръ 1763 г. лишь санкціонировалъ совершившееся еще ранѣе полное прекращеніе всякой власти французовъ на материкѣ Сѣв. Америки.

Это событіе имѣло огромное, трудно поддающееся какому-либо учету значеніе какъ для самой Канады, такъ и для всего континента Сѣв. Америки. Переходъ Канады подъ власть англичанъ привелъ вскорѣ къ такому процвѣтанію этого далекаго края въ отношеніи матеріальной и умственной культуры, котораго Канада долго не дождалась бы, если бы оставалась подъ владычествомъ Франціи. О томъ, каковы были нравы чиновниче-

ства въ Канадѣ передъ крушеніемъ французской колоніальной имперіи въ Америкѣ, можно судить уже по одному тому факту, что вернувшемуся изъ Канады послѣднему ея интенданту Биго пришлось возвратить въ казну 12.000,000 франковъ, награбленныхъ во время службы въ Канадѣ [1]).

Завоеваніе Канады англичанами имѣло, какъ мы сказали огромное значеніе для судьбы всего континента Сѣв. Америки. Въ самомъ дѣлѣ, изгнаніе французовъ изъ Канады можно съ большимъ основаніемъ считать однимъ изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, обусловившихъ какъ самую возможность послѣдовавшаго вскорѣ возстанія старыхъ англійскихъ колоній противъ метрополіи, такъ и окончательный успѣхъ мятежниковъ въ ихъ неравной борьбѣ [2]) съ одной изъ самыхъ сильныхъ европейскихъ державъ того времени, умѣвшей справляться со всѣми своими врагами во всѣхъ частяхъ свѣта, но оказавшейся не въ силахъ преодолѣть непоколебимую энергію и твердость своихъ непокорныхъ сыновъ, колонизовавшихъ далекій и мало гостепріимный материкъ и успѣвшихъ въ новомъ отечествѣ развить нѣкоторыя лучшія свойства и традиціи своихъ энергичныхъ и свободолюбивыхъ предковъ.

III.

Первые годы владычества англичанъ въ Канадѣ. Канада въ эпоху американской революціи.

Вотъ какъ современные намъ жители Канады опредѣляютъ значеніе перехода Канады подъ власть англичанъ [3]).

„Завоеваніе Канады англичанами было наиболѣе счастливымъ событіемъ въ исторіи этой страны. Средневѣковыя учрежденія сразу уступили мѣсто другимъ, болѣе согласнымъ съ новѣйшей культурой. Раболѣпная покорность далекому развращенному двору смѣнилась мѣстнымъ самоуправленіемъ. Habeas Corpus Act (знаменитый актъ XVII вѣка, составляющій оплотъ личной сво-

---

1) Цитированный сборникъ British America, стр. 62. Такова была канадская администрація; что же касается соціальнаго строя Канады, то проф. Мунро считаетъ, что въ концѣ XVIII вѣка феодализмъ существовалъ въ Канадѣ въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ самой Франціи. См. цитированную статью въ Shmollers' Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 1902. III Heft, S. 234.

2) Какъ извѣстно, скончательный успѣхъ американцевъ въ значительной степени объясняется помощью французовъ, желавшихъ, хотя такимъ образомъ, отомстить англичанамъ за отнятіе Канады. См. нашу книгу „Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція“. Спб. 1901.

3) См. цитированный сборникъ статей разныхъ авторитетныхъ писателей и крупныхъ общественныхъ дѣятелей Канады и другихъ владѣній англичанъ въ Америкѣ „British America“ (стр. 62). То же самое можно прочесть и въ цитированномъ сочиненіи Bourinot и въ статьѣ Munro (см. одно изъ предш. примѣчан.).

боды въ Англіи. П. М.) и судъ присяжныхъ замѣнили собой пріемы феодальной юстиціи. Будучи теперь свободны отъ нападеній индѣйцевъ и лихоимства и. недобросовѣстности чиновниковъ, французскіе колонисты могли теперь съ большей энергіей приняться за расчистку и обработку дѣвственной почвы. Торговля также освободилась отъ путъ монополіи, что, конечно, также не мало содѣйствовало экономическому развитію Канады. Несмотря на то, что завоеватели принадлежали къ иной расѣ и говорили на чуждомъ языкѣ, французскіе крестьяне, жившіе въ Канадѣ, не могли не видѣть, что переходъ верховной власти въ руки англійскаго правительства, въ общемъ, былъ для нихъ выгоденъ. Однако, огромное численное преобладаніе французовъ въ колоніи заставляло англичанъ съ самаго начала быть въ высшей степени осторожными въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, будучи вѣрными подданными своего новаго правительства, французы, жившіе въ Канадѣ, подобно другимъ завоеваннымъ народамъ, были очень чувствительны ко всякимъ дѣйствительнымъ и воображаемымъ посягательствамъ на свои права, вслѣдствіе чего отъ Канадскаго правительства требовались всегда необыкновенный тактъ и осторожность".

Въ приведенныхъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія; необходимо только сказать, что всѣ блага, указываемыя въ только что цитированныхъ строкахъ, явились не сразу, а постепенно.

Первое время, какъ само собой разумѣется, управленіе Канадой носило чисто военный характеръ; однако, англичане пытались устранить всякіе поводы, которые могли бы вызвать неудовольствіе французскихъ жителей Канады.

Такимъ образомъ, напр., они не вмѣшивались вовсе въ религіозныя дѣла и церковное управленіе, требуя, съ другой стороны, и отъ католическаго духовенства, чтобы оно ограничивалось лишь сферой церковныхъ дѣлъ. Желая устранить возможность возникновенія раздоровъ колонистовъ съ туземцами, англичане постановили, чтобы впредь никто не могъ пріобрѣтать земель непосредственно отъ туземцевъ; всякая такая покупка должна была совершаться черезъ посредство агентовъ правительства. Этимъ былъ положенъ конецъ продѣлкамъ европейцевъ, пользовавшихся неразвитіемъ и неграмотностью индѣйцевъ. Во времена французскаго владычества всякія такія мѣры могли служить только лишь къ вящему обогащенію тѣхъ же чиновниковъ. Во главѣ Канадскаго правительства стоялъ губернаторъ, при немъ былъ законодательный совѣтъ изъ назначаемыхъ губернаторомъ мѣстныхъ гражданъ, при чемъ, конечно, эти лица выбирались изъ числа горсти англичанъ (менѣе 400 лицъ), жившихъ въ Канадѣ среди почти 70,000 французовъ. Безъ нихъ французы и при прежнихъ порядкахъ не имѣли никакого голоса въ управленіи краемъ, почему указанный фактъ самъ по себѣ не могъ вызывать неудовольствія колонистовъ. Скажемъ кстати, что изъ 70,000 французскихъ жителей Канады уѣхало во Францію всего нѣсколько

сотъ чиновниковъ и дворянъ, вся же остальная масса не подумала воспользоваться выговореннымъ по Парижскому договору (1763) условіемъ, согласно которому всякій житель Канады могъ въ теченіе полутора года по заключенію мира уѣхать обратно на родину со всѣмъ своимъ добромъ.

Разныя отдѣльныя распоряженія англійскаго правительства относительно управленія Канадой были объединены въ одно цѣлое такъ называемымъ Квебекскимъ актомъ (Quebec Act) британскаго парламента, изданнымъ въ 1774 г. Названіе акта объясняется тѣмъ, что въ то время Квебекомъ называлась вся область по рѣкѣ Св. Лаврентія, завоеванная англичанами у французовъ (теперешняя провинція Квебекъ и Онтаріо).

Впрочемъ, Квебекскій актъ вносилъ въ управленіе завоеванной областью и нѣчто новое, но нѣкоторые новые порядки составляли уступку французскимъ колонистамъ; къ такимъ уступкамъ англійское правительство стало особенно склонно съ тѣхъ поръ, какъ въ старыхъ американскихъ колоніяхъ Англіи начались волненія и безпорядки, перешедшіе вскорѣ, какъ извѣстно, въ настоящее возстаніе. Такъ, напр., англичане рѣшили оставить въ силѣ французское гражданское законодательство, несмотря на всю его архаичность, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя касались порядковъ землевладѣнія (вспомнимъ, что въ скоромъ времени въ самой Франціи прежнее гражданское законодательство было сметено революціоннымъ потокомъ). Однако, уголовное законодательство англичане ввели свое, утверждая, не безъ основанія, что за девять лѣтъ, протекшихъ со времени установленія владычества англичанъ въ Канадѣ (1763—1774) французы имѣли возможность убѣдиться на опытѣ въ гуманности уголовныхъ законовъ Англіи.

Тѣмъ же актомъ католической церкви въ Канадѣ были предоставлены почти всѣ тѣ права, какими она пользовалась во времена французскаго владычества; духовенству было разрѣшено попрежнему взимать съ вѣрующихъ десятинные и другіе сборы. Для Канады это, въ сущности, былъ актъ реакціонный, такъ какъ всякое, усиленное вліяніе католическаго духовенства не могло конечно содѣйствовать культурному прогрессу Канады. Поступая такимъ образомъ, англійское правительство просто шло навстрѣчу желаніямъ французскихъ колонистовъ и того класса лицъ (духовенство), который имѣлъ на это населеніе наибольшее вліяніе. При своей слабости и при крайней ничтожности числа англичанъ, жившихъ въ то время въ Канадѣ, англійское правительство и не могло поступить иначе. Для самой Англіи это была мѣра даже либеральная, такъ какъ въ этомъ случаѣ въ первый разъ послѣ торжества реформаціи въ Англіи англійское правительство офиціально признало католическую церковь и католическую іерархію въ своихъ владѣніяхъ. Вотъ почему эта часть Квебекскаго акта, продиктованнаго, какъ мы знаемъ, политическими соображеніями, вызвала неудовольствіе многихъ англи-

чанъ въ метрополіи и большинства англичанъ, жившихъ въ то время въ Канадѣ.

Англійское правительство оставило за собой право регулировать таможенные сборы и вообще таможенную политику провинціи Квебекъ (Канады), при чемъ весь получаемый отъ таможенныхъ сборовъ доходъ долженъ былъ итти на содержаніе мѣстнаго управленія новой провинціи, въ случаѣ же недостатка этой суммы правительство метрополіи брало на себя ея дополненіе необходимыми ассигнованіями. Эта послѣдняя часть Квебекскаго акта объясняется вполнѣ уже начавшимся разладомъ между англійскимъ правительствомъ и болѣе старыми колоніями Англіи, которыя выразили самый рѣзкій протестъ противъ посягательствъ Англіи получать съ американской колоніи извѣстный доходъ путемъ взиманія извѣстной части таможенныхъ пошлинъ въ свою пользу. Указаннымъ выше распоряженіемъ англійское правительство устранило и этотъ поводъ къ возможности возникновенія подобныхъ неудовольствій въ своихъ новыхъ владѣніяхъ.

Управленіе Канадой („Квебекомъ") ввѣрялось губернатору и состоящему при немъ законодательному совѣту, члены котораго,—числомъ не болѣе 23,—назначались правительствомъ изъ числа мѣстныхъ жителей Канады. Отсутствіе выборнаго законодательнаго собранія не могло возбуждать неудовольствія французовъ, такъ какъ они и ранѣе не имѣли голоса въ управленіи краемъ. Этимъ, однако, была очень недовольна небольшая группа англичанъ, жившихъ въ то время въ Канадѣ; они хотѣли, чтобы въ Канадѣ, какъ и въ другихъ американскихъ колоніяхъ Англіи, былъ избираемъ населеніемъ мѣстный парламентъ, при чемъ, по мнѣнію тѣхъ же англичанъ, членами такого парламента не могли быть, конечно, католики, которые въ описываемую нами эпоху не имѣли права быть членами парламента и въ самой Англіи. Англійское правительство не могло, конечно, согласиться на организацію такой пародіи парламента, выражая въ то же время устами перваго министра лорда Норса (въ рѣчи, произнесенной имъ въ парламентѣ при обсужденіи Квебекскаго акта)" горячую надежду, что и на жителей Канады будутъ съ теченіемъ времени распространены тѣ изъ законовъ и учрежденій (our constitution) Англіи, которые могутъ быть для нихъ благотворными, ... но это время еще далеко" [1]).

Самъ король, подписавши Квебекскій актъ, совершенно правильно оцѣнилъ его, сказавъ, что этотъ актъ „основанъ на здоровыхъ принципахъ справедливости и гуманности и будетъ, несомнѣнно, содѣйствовать успокоенію умовъ и благополучію нашихъ канадскихъ подданыхъ" [2]).

Такое мнѣніе было совершенно основательно и получило блестящее подтвержденіе въ обстоятельствахъ наступившей вскорѣ

1) Bourinot, цитиров. сочин., 48.
2) Тамъ же. 47.

американской революціи, по поводу которой намъ придется теперь сказать нѣсколько словъ.

Выше мы видѣли, какъ часты были столкновенія англійскихъ и французскихъ колонистовъ въ Америкѣ въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ и какъ ревниво относились французы ко всякимъ попыткамъ англичанъ распространить свою колонизаціонную дѣятельность за предѣлы Аллегонскихъ горъ или внизъ по теченію рѣки Огайо. Поэтому послѣдняя война англичанъ съ французами была очень популярна въ Америкѣ; необычайное рвеніе, которое выказали при этомъ англичане, жившіе въ Америкѣ, сильно содѣйствовало успѣшности дѣйствій англійской арміи и флота, причемъ въ это время началась военная карьера офицера американской милиціи Георга Вашингтона.

Парижскій миръ, заключенный въ 1763 г. между французами и англичанами, миръ, согласно которому французы лишились всѣхъ своихъ владѣній на континентѣ Америки, наполнилъ необычайной радостью сердца англичанъ, жившихъ въ Америкѣ, или американцевъ, которые избавились, такимъ образомъ, отъ опасныхъ и задорныхъ сосѣдей. Однако, прекращеніе французскаго владычества въ Америкѣ повлекло за собой также и нѣкоторыя другія весьма важныя слѣдствія, очень непріятныя для американцевъ. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ англійское правительство предоставляло жителямъ своихъ колоній въ Америкѣ самую широкую самостоятельность во всѣхъ дѣлахъ. Каждая колонія имѣла выборное законодательное собраніе, отъ котораго зависѣло вотированіе денегъ на содержаніе администраціи, судовъ и т. д.; въ двухъ колоніяхъ даже губернаторъ избирался населеніемъ, вслѣдствіе чего эти колоніи были на самомъ дѣлѣ демократическими республиками, подчиненность которыхъ англійскому правительству носила почти номинальный характеръ [1]).

Единственная сфера, которую правительство метрополіи считало внѣ компетенціи колоніальныхъ властей, было регулированіе таможенныхъ сборовъ, при чемъ вмѣшательство англійскаго парламента въ эту область оправдывалось исключительно необходимостью такъ регулировать внѣшнія торговыя сношенія колоній, чтобы эти сношенія имѣли характеръ, наиболѣе согласный съ выгодами метрополіи. Такимъ образомъ, и эти сборы не носили фискальнаго характера, т. е. не должны были приносить англійской казнѣ сколько-нибудь значительнаго прямого дохода, содѣйствуя обогащенію торговыхъ и промышленныхъ классовъ Англіи обезпеченіемъ имъ значительнаго американскаго рынка.

Однако, эта цѣль достигалась не вполнѣ; американцы сплошь и рядомъ нарушали таможенныя правила, установленныя англійскимъ правительствомъ; нѣкоторые американскіе купцы вели открыто значительную контрабандную торговлю. Англійское прави-

---

[1]) См. нашу книгу „Великій расколъ англо-саксонской расы Американская Революція". 1901.

тельство, съ своей стороны, смотрѣло на эти нарушенія закона сквозь пальцы, такъ какъ было занято почти всегда войнами съ другими европейскими государствами, особенно съ Франціей, сосѣдство которой на американскомъ материкѣ заставляло англійское правительство относиться съ особой осторожностью къ своимъ свободолюбивымъ гражданамъ, поселившимся на американскихъ берегахъ Атлантическаго океана.

Послѣ завоеванія Канады англійскому правительству нечего было церемониться со американскими колонистами, и оно пожелало, чтобы и колонисты несли часть того тяжелаго податного бремени, которое было возложено на англійскій народъ огромными займами, заключенными на веденіе ряда войнъ, изъ которыхъ послѣдняя принесла американцамъ самыя существенныя выгоды. Вотъ причина введенія получившаго столь печальную извѣстность въ исторіи пресловутаго гербоваго сбора, послѣдовавшаго всего черезъ два года (1765) послѣ заключенія Парижскаго мира.

Здѣсь не мѣсто разсказывать перипетіи послѣдовавшей далѣе борьбы американцевъ съ англійскимъ правительствомъ, борьбы, выражавшейся долгое время со стороны американцевъ въ разнаго рода протестахъ колоніальныхъ законодательныхъ собраній, въ шумныхъ демонстраціяхъ и митингахъ, въ массѣ рѣчей и печатныхъ произведеній, въ которыхъ доказывалась незаконность посягательствъ англійскаго правительства на обложеніе американцевъ податями и налогами (кромѣ таможенныхъ сборовъ въ цѣляхъ регулированія внѣшнихъ торговыхъ сношеній колоній), имѣющими фискальныя цѣли [1]).

Единодушный протестъ американцевъ, смѣлости которыхъ много содѣйствовало отсутствіе опасности со стороны французовъ, оставшихся жить въ Канадѣ, заставилъ англійское правительство отказаться отъ гербоваго сбора и этимъ на время возстановить прежнія добрыя отношенія со своими американскими гражданами. Однако, это продолжалось не долго. Новое англійское министерство сдѣлало вторичную попытку обложить американцевъ нѣкоторыми новыми таможенными сборами, носившими уже прямо фискальный характеръ. Американцы отнеслись къ этой мѣрѣ англійскаго правительства съ тѣмъ же крайнимъ негодованіемъ, какое они проявили при введеніи гербоваго сбора, хотя въ этомъ случаѣ они имѣли гораздо меньше юридическихъ или какихъ либо иныхъ основаній для такого протеста. Колонисты не успокоились даже и тогда, когда англійское правительство, уступая ихъ желанію, фактически отказалось и отъ второй попытки извлекать доходъ отъ колонистовъ, оставивъ для того, чтобы отступленіе было не такъ позорно, одинъ ничтожный сборъ, имѣвшій чисто номинальный характеръ. Мало того: по

---

[1]) Т. е. доставленіе государственному казначейству извѣстнаго болѣе или менѣе значительнаго дохода.

нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ которыя мы не находимъ возможнымъ[1]) посвящать читателя, этотъ сборъ былъ даже выгоденъ въ матеріальномъ отношеніи для колонистовъ.

Но колонистамъ и этого было мало: они говорили, что протестуютъ не противъ отяготительности обложенія, а противъ самаго принципа, считая, что только избранныя ими самими законодательныя собранія могутъ опредѣлять взимаемые съ нихъ подати и сборы. Англійское правительство, съ своей стороны, считало совершенно безосновательными такія притязанія колонистовъ, при чемъ въ настоящее время наиболѣе свободные отъ національныхъ предразсудковъ американскіе историки[2]) склонны думать, что въ этомъ спорѣ право было скорѣе на сторонѣ правительства метрополіи. Не таково было, конечно, настроеніе наиболѣе горячей части колонистовъ въ описываемое нами время. Въ разныхъ мѣстахъ начались шумныя демонстраціи, а иногда и акты открытаго неповиновенія представителямъ власти метрополіи; въ одной колоніи законодательное собраніе отказалось вотировать деньги на содержаніе администраціи и судей; между частными лицами состоялось соглашеніе не покупать и не употреблять никакихъ англійскихъ товаровъ и т. д.

Въ концѣ концовъ взаимное раздраженіе повело къ излишествамъ съ обѣихъ сторонъ, т. е. какъ со стороны колонистовъ, такъ и со стороны представителей властей метрополіи, въ распоряженіе которыхъ были посланы изъ Англіи войска. Впрочемъ, первыя крайнія проявленія раздраженія и первые акты насилія исходили отъ колонистовъ... Какъ бы то ни было, весною 1775, дѣло дошло до открытыхъ схватокъ англійскихъ регулярныхъ войскъ и американской милиціи, а 4 іюля 1776 г. конгрессъ представителей разныхъ колоній, собравшихся въ Филадельфіи, издалъ знаменитую декларацію независимости, въ которой англичане, жившіе въ Америкѣ, возвѣщали всему міру о причинахъ, побудившихъ ихъ отвергнуть всякую власть надъ собой британскаго правительства.

Мы не будемъ, конечно, излагать здѣсь борьбы между метрополіей и ея возставшими колоніями, борьбы, закончившейся торжествомъ колонистовъ, при чемъ этому торжеству, какъ мы имѣли случай упомянуть, сильно содѣйствовала Франція, желавшая хотя такимъ образомъ отомстить Англіи за отнятіе Канады и другія свои пораженія въ разныхъ частяхъ свѣта. Эта борьба для насъ интересна, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что здѣсь подтвердилась самымъ неопровержимымъ образомъ разумность

---

[1]) См. нашу книгу „Великій расколъ англо-соксонской расы“ и литературу этого въ высшей степени интереснаго движенія, указанную тамъ же.

[2]) Напр. проф. Tyler (Literary history of American Revolution) или проф. A. Bushnell Hart (Epochs of American History: Formation of the Union).

англійской политики въ Канадѣ. Американцы въ началѣ своего возстанія между прочимъ вторглись въ англійскія владѣнія въ Канадѣ, полагая, что французскіе крестьяне охотно примкнутъ къ движенію, направленному противъ далекаго и чуждаго французамъ англійскаго правительства, или во всякомъ случаѣ отнесутся пассивно къ борьбѣ американской милиціи и англійскихъ регулярныхъ войскъ, стоявшихъ въ Канадѣ Эти расчеты оказались, однако, ошибочными: французское населеніе Канады, которое со времени установленія англійскаго владычества чувствовало себя гораздо легче и свободнѣе, чѣмъ когда либо раньше, отнеслось большею частью съ сочувствіемъ къ призыву законныхъ властей и оказало англійскимъ войскамъ весьма цѣнное содѣйствіе въ ихъ борьбѣ со вторгшейся въ Канаду американской милиціей, которой поэтому пришлось вскорѣ отступить назадъ. Все это произошло въ самомъ началѣ борьбы американскихъ колонистовъ съ правительствомъ метрополіи; разочарованіе американцевъ было такъ сильно, что впослѣдствіи они уже и не пытались распространять свои военныя дѣйствія на англійскія владѣнія въ Канадѣ.

IV.

Переселеніе въ Канаду такъ называемыхъ лойялистовъ по окончаніи американской революціи.

Итакъ, мы знаемъ, что Канада, или какъ она тогда называлась, провинція Квебекъ, осталась вѣрной англійскому правительству во время войны Англіи съ американскими колоніями. Мы знаемъ также, что въ самомъ возникновеніи войны американцы виновны, по меньшей мѣрѣ, столько же, какъ и англичане, такъ какъ только вызывающее и не свободное отъ прямого нарушенія законовъ поведеніе американскихъ колонистовъ заставило правительство метрополіи прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, которыя также не имѣли вполнѣ легальнаго характера и во всякомъ случаѣ не согласовались съ традиціоннымъ отношеніемъ Англіи къ своимъ американскимъ колоніямъ.

Все это объясняетъ намъ, почему въ Америкѣ довольно значительный процентъ колонистовъ (есть основаніе думать, что число такихъ колонистовъ составляло около трети всего населенія) не сочувствовало крайнимъ мѣрамъ наиболѣе горячихъ изъ своихъ согражданъ, будучи увѣрены, что правительство метрополіи, если его не раздражать открытымъ неповиновеніемъ, въ концѣ концовъ пойдетъ на компромиссъ, и американскія колоніи будутъ и впредь наслаждаться тѣми благами мирнаго культурнаго развитія, какими онѣ пользовались до роковыхъ разногласій, начавшихся со времени введенія гербоваго сбора.

Какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, перевѣсъ

взяла наиболѣе рѣшительная и смѣлая часть гражданъ; люди же умѣренныхъ взглядовъ, послѣ долгой и часто самоотверженной оппозиціи, должны были въ концѣ концовъ замолчать, особенно съ тѣхъ поръ, когда споръ съ метрополіей перешелъ въ открытую войну. Наиболѣе выдающимся сторонникамъ примирительной политики съ Англіей пришлось даже, спасаясь отъ насилій со стороны болѣе горячихъ американскихъ патріотовъ, бѣжать въ города и крѣпости, занятые англійскими войсками, откуда многіе уѣхали затѣмъ въ Англію. Но вотъ война, продолжавшаяся, какъ извѣстно, семь лѣтъ, кончилась. Согласно мирному договору, лица, остававшіяся во время войны вѣрными Англіи, т. наз. лойялисты (вѣрноподданные loyalist — отъ фр. слова loyal), могли вернуться въ прежнія мѣстожительства, получить обратно конфискованныя у нихъ имущества и вообще всѣ утраченныя гражданскія и политическія права. Даже тѣ изъ лойялистовъ, которые принимали активное участіе въ борьбѣ съ возстаніемъ, примкнувъ къ рядамъ англійскихъ войскъ, могли, согласно договору, вернуться домой и получить назадъ свое конфискованное имѣніе, уплативъ новымъ его собственникамъ сумму, уплаченную послѣдними революціонному правительству.

Однако, все это не могло осуществиться на дѣлѣ. Несмотря на неоднократныя напоминанія правительства конфедераціи (такъ назывался союзъ американскихъ колоній до принятія нынѣ дѣйствующей федеральной конституціи въ 1789 г.), правительства отдѣльныхъ колоній или штатовъ въ виду продолжающагося раздраженія населенія противъ лойялистовъ, не хотѣли, да, въ сущности, часто и не могли ничего сдѣлать для исполненія указанныхъ выше статей мирнаго договора.

Вслѣдствіе всего этого, жизнь лойялистовъ, пытавшихся вернуться въ свои прежнія мѣстожительства, была невыносима: имъ не только не возвращали ихъ имѣній, но нерѣдко подвергали разнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіемъ. Для того, чтобы помочь своимъ бывшимъ вѣрнымъ подданнымъ, а также для того, чтобы образовать надежное ядро англійскихъ колонистовъ въ Канадѣ, англійское правительство предложило лойялистамъ переселяться въ Канаду, обѣщая щедрыя пожалованія землей въ областяхъ, еще совершенно не колонизованныхъ французами или имѣющихъ самое ничтожное французское населеніе. Такимъ образомъ, въ теченіе года или двухъ, слѣдовавшихъ за заключеніемъ мира, въ Канаду переселилось до 40,000 лойялистовъ: одно это показываетъ, какъ далеко отъ единодушія было возстаніе американскихъ колонистовъ противъ Англіи.

Наиболѣе значительная часть переселенцевъ высадилась въ сосѣднихъ съ Соед. Штатами областяхъ,—въ нынѣшнихъ канадскихъ провинціяхъ Новой Шотландіи и, въ особенности, въ Новомъ Брунсвикѣ; самое основаніе этой послѣдней колоніи относится къ 1784 г., т. е. именно ко времени заселенія ея англійскими лойялистами.

Меньшая часть переселенцевъ—однако, до 10,000 человѣкъ—направилась въ глубь англійскихъ владѣній въ Америкѣ; она миновала поселенія французовъ по нижнему теченію Св. Лаврентія и послѣ большихъ трудовъ и лишеній достигла пустынныхъ верховьевъ этой рѣки (не забудемъ, что рѣка Св. Лаврентія, которую мы привыкли видѣть такой маленькой на нашихъ картахъ, имѣетъ болѣе тысячи верстъ длины) и озера Онтаріо. Здѣсь, находясь далеко отъ французскихъ колонистовъ, англійскіе лойялисты могли зажить прежней своей жизнью, имѣть свои законы, свои порядки, свои школы и т. д. Правда, все это далось имъ не легко, они были почти отрѣзаны отъ остального міра и отъ главной массы переселенцевъ, осѣвшей, какъ мы видѣли, въ приатлантическихъ областяхъ (Новый Брунсвикъ и Новая Шотландія) Канады; кромѣ того, имъ пришлось въ теченіе первыхъ 10—15 лѣтъ вынести весьма тяжелую борьбу съ природой и довольно суровымъ климатомъ, при чемъ многіе нашли себѣ тамъ преждевременную могилу, что объясняется рядомъ страданій, вызванныхъ отсутствіемъ всякихъ жизненныхъ удобствъ, непосильнымъ трудомъ и скудостью пищи, скудостью, доходившей иногда до формальной голодовки.

Все это, однако, еще болѣе закалило эти сильныя и энергичныя натуры, что доказывается, между прочимъ, необычайнымъ прогрессомъ этой части Канады,—верхней Канады,—оставившей вскорѣ за собой ту часть этой далекой области, которая была колонизована французами еще въ первой половинѣ XVII вѣка.

V.

Политика Англіи по отношенію къ Канадѣ и война Англіи и С.-Штатовъ въ 1812—15 годахъ.

Итакъ, мы знаемъ, что, вслѣдъ за окончаніемъ войны Англіи съ ея старыми американскими колоніями, въ обширную область, называемую нынѣ Канадой, переселилось до 40,000 американцевъ, не сочувствовавшихъ возстанію противъ правительства метрополіи. Въ Канаду стали теперь же направляться и тысячи англійскихъ эмигрантовъ, которые при иныхъ условіяхъ предпочли бы переселиться въ болѣе старыя колоніи, достигшія самостоятельности и относившіяся крайне враждебно къ новымъ пришельцамъ изъ Англіи. О томъ, какъ быстро совершилась колонизація Канады со времени перехода ея во власть англичанъ, можно судить уже по одному тому, что въ 1763 г., т. е. во время присоединенія Канады къ владѣніямъ Англіи, въ ней насчитывалось не болѣе 70,000 жит., въ 1800 г. жителей въ Канадѣ было уже около 240,000, т. е. въ три слишкомъ раза больше. Еще черезъ 14 лѣтъ, т. е. пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ появленія англичанъ въ Канадѣ, тамъ насчитывалось уже болѣе 400,000 жителей. Иными словами, Канада за полувѣковое владычество англи-

чанъ пріобрѣла жителей въ 5 разъ больше, чѣмъ за полтораста лѣтъ французской колонизаціи.

Столь быстрое увеличеніе населенія означало, однако, не только прогрессъ колонизаціи края, но и, если такъ можно выразиться, прогрессъ его „англицизаціи“ (anglicization). Въ самомъ дѣлѣ, къ 40,000 выселившихся въ Канаду американскихъ лойялистовъ прибывали постоянно новые пришельцы той же расы изъ Англіи, французскіе же колонисты увеличивались въ числѣ лишь въ силу естественнаго прироста населенія. Это обстоятельство имѣло большое значеніе для послѣдующей политической исторіи Канады.

Дѣло въ томъ, что переселившіеся въ Канаду изъ отдѣлившихся американскихъ колоній, а равно и тѣ, которые впослѣдствіи эмигрировали въ Канаду изъ метрополіи, не могли, конечно, подобно привыкшимъ къ своему политическому безправію французамъ, относиться спокойно къ организованному самовластію, какимъ было съ англійской и въ особенности съ американской точки зрѣнія тогдашнее управленіе Канады.

Иными словами, тѣ самые лойялисты, которые еще недавно выселились изъ старыхъ колоній Англіи, не желая приставать къ революціонерамъ, сами вскорѣ, по ироніи судьбы, оказались въ числѣ недовольныхъ организаціей управленія Канады.

Въ самомъ дѣлѣ, англійское правительство, утративъ большую часть своихъ американскихъ колоній, которыя всегда, какъ мы знаемъ, пользовались самой широкой свободой въ политическомъ отношеніи, теперь не спѣшило разставаться съ прерогативами верховной власти и надѣлило поэтому губернаторовъ Квебека (теперешнія провинціи Квебекъ и Онтаріо), Новаго-Брунсвика и Новой Шотландіи самыми широкими полномочіями. Этимъ были въ особенности недовольны англичане, жившіе во французской или нижней Канадѣ, но ничтожное число этихъ англичанъ—всего 2,000 среди нѣсколькихъ десятковъ тысячъ французовъ—позволяло правительству спокойно игнорировать ихъ желанія.

Въ той части провинціи Квебекъ, которая прилегала къ верховьямъ рѣки Св. Лаврентія, заселеннымъ, какъ мы знаемъ, сплошь англичанами и притомъ преимущественно лойялистскими, переселившимися изъ старыхъ колоній, дѣло обстояло иначе. Эти переселенцы желали выдѣленія своей области изъ провинціи Квебекъ, чтобы имѣть возможность завести во всемъ свои порядки, не справляясь съ желаніями французской части населенія Квебека, сохранившаго, какъ мы знаемъ, многія наслѣдія феодальнаго строя земельныхъ и иныхъ отношеній дореволюціонной Франціи.

Знаменитый политическій дѣятель Англіи XVIII вѣка В. Питтъ рѣшилъ воспользоваться для цѣлей метрополіи этой естественной рознью двухъ частей провинціи Квебекъ, и въ 1791 г. провелъ въ парламентѣ такъ наз. Constitution Act, которымъ провинція Квебекъ была раздѣлена на двѣ части: Нижнюю или французскую Канаду и Верхнюю или англійскую Канаду, при чемъ границей между этими новыми провинціями было теченіе рѣки От-

тава. Какъ выражался по этому поводу самъ Питтъ, цѣлью его было „создать двѣ отдѣльныя колоніи, относящіяся одна къ другой съ подозрѣніемъ и завистью, чтобы предотвратить, такимъ образомъ, возможность повторенія такихъ печальныхъ событій, какъ отдѣленіе отъ Англіи ея тринадцати возмутившихся американскихъ колоній“.

Цѣли своей своей Питтъ достигъ, даже, можетъ быть, въ большей мѣрѣ, чѣмъ желалъ, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ части Канады зажили каждая особою жизнью, отличаясь и до настоящаго времени какъ общимъ соціальнымъ укладомъ, такъ и рядомъ законовъ и учрежденій, хотя впослѣдствіи населеніе нижней или французской Канады въ значительной мѣрѣ утратило однородность своего этническаго состава.

Тѣмъ же Constitution Act'омъ 1791 года въ обѣихъ Канадахъ, равно какъ и въ провинціяхъ Новой Шотландіи и Новомъ Брунсвикѣ, были созданы выборныя народныя собранія (assemblies). Управленіе канадскими провинціями или колоніями приняло теперь такой характеръ: при губернаторѣ состоялъ исполнительный совѣтъ, члены котораго назначались правительствомъ. Въ рукахъ этого совѣта была сосредоточена власть, роль же народнаго собранія сводилась, главнымъ образомъ, къ критикѣ дѣйствій правящей клики и вотированію бюджета. Правительство метрополіи оставило попрежнему за собой право регулировать таможенные и иные сборы; распоряженіе получаемыми такимъ образомъ суммами считалось de jure принадлежащимъ законодательнымъ собраніямъ канадскихъ колоній, фактически же оно находилось также въ рукахъ губернаторовъ и состоящихъ при нихъ исполнительныхъ совѣтовъ [1]).

Англичане, жившіе въ Верхней Канадѣ, будучи довольны отдѣленіемъ своей области отъ Нижней Канады, далеко не были довольны своимъ политическомъ режимомъ, желая болѣе прямого вліянія на дѣла управленія. Французы, жившіе въ Нижней Канадѣ, должны были радоваться уже одному тому, что имѣютъ въ первый разъ возможность посылать своихъ представителей въ народное собраніе, гдѣ эти представители могутъ съ полнымъ правомъ критиковать распоряженія колоніальной администраціи и требовать отчета въ разныхъ ея дѣйствіяхъ. Нѣкоторое недовольство развилось и здѣсь, но на иной почвѣ: дѣло въ томъ, что въ исполнительномъ совѣтѣ колоніи преобладали англичане, въ законодательномъ собраніи,—французы, вслѣдствіе чего губернаторъ, опираясь на поддержку своего совѣта, могъ иногда срав-

---

[1]) Слѣдуетъ помнить, что въ описываемое нами время (конецъ XVIII и начало XIX вѣка) Верхняя и Нижняя Канады, Новая Шотландія и Новый Брунсвикъ не только представляли собой отдѣльныя провинціи (колоніи) въ отношеніи политическаго управленія, но онѣ не были объединены въ отношеніи таможенномъ, вслѣдствіе чего въ каждой провинціи были свои таможенные сборы.

нительно безнаказанно игнорировать желанія и требованія избираемаго народомъ собранія. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что при всемъ томъ вліяніе народнаго собранія было достаточно сильно, вслѣдствіе чего оно часто мѣшало осуществленію, несомнѣнно, прогрессивныхъ мѣръ и законовъ, которыхъ добивался губернаторъ и его совѣтъ, исполняя желанія англичанъ, жившихъ въ Нижней Канадѣ, но составлявшихъ тамъ, какъ мы знаемъ, значительное меньшинство населенія.

„Такимъ образомъ, это меньшинство",—говоритъ проф. Payne, авторъ превосходнаго сочиненія „History of European Colonies",—„къ тому же меньшинство, постоянно возраставшее, тщетно пыталось добиться отмѣны многихъ дурныхъ законовъ, а равно и, между прочимъ, близорукой коммерческой политики, унаслѣдованной отъ французскаго режима. Исторія парламента Нижней Канады есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія борьбы этого англійскаго меньшинства съ консервативнымъ французскимъ большинствомъ. Такъ, напр., въ 1795 г., губернаторъ Нижней Канады, лордъ Дорсестеръ, тщетно старался добиться согласія французовъ на измѣненіе ихъ феодальнаго земельнаго законодательства, хотя англійскому меньшинству удалось все-таки провести нѣсколько полезныхъ законовъ для улучшенія торговой и фискальной политики колоній".

„Надо замѣтить, однако, что французы въ Нижней Канадѣ увеличивались въ числѣ скорѣе, чѣмъ англійскіе иммигранты, вслѣдствіе этого парламентъ Нижней Канады становился все болѣе и болѣе консервативнымъ и не соглашался ни на какія новшества. Это обстоятельство нерѣдко побуждало губернатора и его министровъ прибѣгать къ интригамъ и даже къ чисто произвольнымъ распоряженіямъ" [1]).

Изъ всего предшествующаго, по меньшей мѣрѣ, видно то, что хотя англійское правительство, проученное возстаніемъ большей части своихъ американскихъ колоній, пользовавшихся самымъ широкимъ самоуправленіемъ, значительно ограничило вольности жителей своихъ новыхъ колоній, тѣмъ не менѣе и въ новыхъ колоніяхъ вліяніе жителей было все-таки достаточно сильно, чтобы парализовать многія благія начинанія мѣстныхъ представителей власти метрополіи.

Все это показываетъ также, что населенію Канады, особенно населенію французской Канады — не было причинъ для сколько нибудь серьезныхъ неудовольствій на англійское правительство и вообще на порядки новаго управленія. Къ тому же англійское правительство, отказавшись предоставить Канадѣ ту степень политической самостоятельности, которой пользовались передъ возстаніемъ старыя американскія колоніи, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи экономическомъ не пыталось болѣе искать въ новыхъ своихъ владѣніяхъ прямыхъ матеріальныхъ выгодъ для фиска.

---

[1]) Payne. History of European Colonies, 150.

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ начала формальной борьбы американскихъ колоній съ метрополіей (1776), а именно въ 1778 г. англійскій парламентъ издалъ законъ огромной важности, имѣвшій цѣлью остановить возстаніе и обратить мятежниковъ на путь примиренія.

Цѣль эта, какъ извѣстно, не была достигнута,—законъ остается до сихъ поръ неизмѣненнымъ, составляя съ того времени весьма важную особенность колоніальной политики англичанъ. Согласно этому закону парламентъ обѣщалъ „не облагать впредь колоніи Его Величества“ въ Америкѣ никакими повинностями, налогами или пошлинами, за исключеніемъ тѣхъ пошлинъ, которыя оказались бы нужными для регулированія торговыхъ сношеній. Чистый доходъ отъ этихъ пошлинъ долженъ быть всегда употребляемъ исключительно на нужды той колоніи, въ которой собрана та или иная пошлина, совершенно такъ же, какъ расходуется доходъ, получаемый отъ всякихъ иныхъ сборовъ, которыми облагается населеніе той или иной колоніи законодательнымъ ея собраніемъ [1].

Англійское правительство по отношенію къ Канадѣ не только держалось всегда этого принципа, но впослѣдствіи пошло даже дальше, а именно издало рядъ мѣръ, въ силу которыхъ товарамъ, привозимымъ изъ Канады, были предоставлены въ Англіи значительныя льготы по сравненію съ такими же товарами, привозимыми изъ другихъ странъ. Это касалось, главнымъ образомъ, лѣса, въ которомъ была въ Англіи значительная потребность во времена деревяннаго судостроенія. Указанная мѣра, будучи очень выгодной для канадскихъ колонистовъ, приносила существенный ущербъ англійскимъ судостроительнымъ верфямъ, получавшимъ до тѣхъ поръ лѣсъ, главнымъ образомъ, изъ болѣе близкихъ сѣверныхъ странъ Европы. Такого рода уступки Канадѣ мотивировались англійскимъ правительствомъ существованіемъ стѣсненій, созданныхъ Англіей для торговыхъ сношеній самой Канады, жители которой должны были, напр., покупать мануфактурныя произведенія, главнымъ образомъ, въ Англіи. Дѣло въ томъ, однако, что и безъ этихъ формальныхъ стѣсненій жители Канады все равно обращались бы за такими покупками въ Англію, которая уже въ то время пріобрѣла господствующее положеніе въ мірѣ по качеству и относительной дешевизнѣ своихъ мануфактурныхъ произведеній.

Все это характеризуетъ колоніальную политику Англіи въ началѣ XIX вѣка и объясняетъ намъ, почему при начавшейся въ 1812 г. войнѣ между Англіей и С. Штатами вторженіе американцевъ въ Канаду имѣло такъ же мало успѣха, какъ и вторженіе ихъ при началѣ борьбы за независимость. Между тѣмъ, казалось бы, Канада представляла весьма легкую добычу для американцевъ: послѣднихъ въ описываемое время было болѣе

---

[1]) Законъ приведенъ въ извѣстной книгѣ проф. Дайси. Основы государственнаго права Англіи.

6 мил., колонистовъ же въ Канадѣ насчитывалось нѣсколько болѣе 400.000, при этомъ, по крайней мѣрѣ, половина жителей Канады были французы, до тѣхъ поръ все еще очень чуждавшіеся своихъ согражданъ англосаксонской расы. Соединенные Штаты имѣли, далѣе, ко времени войны до 35.000 регулярнаго войска и большое число милиціи; въ Канадѣ количество регулярнаго войска не превосходило 1.500, а количество милиціи не превышало 4.000.

Вторгшись въ Канаду, американскій генералъ Гуллъ издалъ высокопарное воззваніе, въ которомъ говорилъ жителямъ Канады, что и для нихъ настала „пора сбросить съ себя иго тираній и притѣсненій и вернуть себѣ достоинство свободныхъ людей". Для французовъ эти слова не имѣли смысла, такъ какъ они никогда не пользовались и такой свободой, какая наступила для нихъ съ переходомъ Канады подъ власть Англіи; для англійскаго же населенія Канады, состоящаго еще въ значительной мѣрѣ изъ лойялистовъ или ихъ дѣтей, вышеприведенныя слова могли казаться даже злой ироніей.

Гораздо большее впечатлѣніе, — такъ какъ оно было гораздо болѣе близко къ истинѣ,—произвело обращеніе къ жителямъ Канады губернатора Брока, который, между прочимъ, писалъ въ немъ слѣдующее. „Есть ли между жителями Канады хоть одинъ, кто могъ бы основательно пожаловаться на то, чтобы онъ испыталъ какую нибудь несправедливость со стороны правительства, чтобы его незаконно лишили свободы или посягнули на его собственность? Гдѣ, въ какой странѣ можно найти примѣръ столь же быстраго роста благоденствія и богатства, какой мы видимъ въ Канадѣ?".

Не будемъ утверждать, что эти слова не грѣшатъ никакимъ преувеличеніемъ. Однако, надо думать, что въ нихъ была большая доля правды (читатель отчасти можетъ самъ объ этомъ судить по предшествующему изложенію), такъ какъ иначе населеніе не проявило бы такой готовности оказать всякую поддержку дѣйствіямъ ничтожной кучки регулярныхъ войскъ въ Канадѣ, которымъ при содѣйствіи наскоро сформированныхъ милиціи и ополченія пришлось вести неравную борьбу съ значительнымъ корпусомъ американскихъ войскъ. Впослѣдствіи съ прибытіемъ новыхъ войскъ изъ Англіи силы сражающихся нѣсколько сравнялись, хотя на сушѣ перевѣсъ силъ всегда былъ на сторонѣ американцевъ. Тѣмъ не менѣе американцы были съ большимъ урономъ прогнаны англичанами, пытавшимися даже, хотя тоже безплодно, занять нѣкоторые укрѣпленные пункты въ Соед. Штатахъ. Вторая попытка вторженіе американцевъ въ Канаду въ 1813 г. была еще болѣе неудачна, чѣмъ первая; а затѣмъ начались уже переговоры о мирѣ между враждующими сторонами (Англія и Соед. Штаты).

Описанная война между Англіей и Соед. Штатами, театромъ которой на сушѣ были англійскія владѣнія въ Канадѣ и пограничныя американскія области, имѣла большое значеніе для Канады, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что жившіе въ Ка-

надѣ англичане и французы должны были вторично [1]) вступить въ довольно продолжительную борьбу общими силами съ сильнымъ сосѣдомъ и забыть пока свои взаимныя пререканія и неудовольствія, равно какъ вѣками установившуюся непріязнь представителей англосаксонской и латинской расъ. Война научила французовъ и англичанъ, жившихъ въ Канадѣ, уважать другъ друга и оказывать другъ другу взаимную поддержку, а это имъ скоро понадобилось, но уже для совершенно иныхъ цѣлей.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. Мижуевъ.

---

[1]) Первымъ случаемъ такихъ совмѣстныхъ дѣйствій была борьба съ американскими революціонными войсками, посланными въ Канаду во время возстанія старыхъ англійскихъ колоній въ Америкѣ (1776—1783 г).

Отзвуки минувшаго.

(„От марксизма къ идеализму". Сборникъ статей г. С. Булгакова. Спб. 1904).

„Не сотвори себѣ кумира"...

I.

Между *теоретическимъ убѣжденіемъ* и *вѣрою* существуетъ глубокое принципіальное различіе. Когда человѣкъ разрѣшаетъ возникающіе у него вопросы путемъ чисто-познавательнымъ, то получаемые имъ отвѣты могутъ соединяться съ большей или меньшей степенью увѣренности, отъ простого „мнѣнія" или предположенія до точнаго знанія, но, какъ выяснялъ еще Кантъ, между всѣми этими степенями нѣтъ такой, которая называлась бы „вѣрою". Разница тутъ не просто количественная, а „качественная", и заключается она въ томъ, что вѣра есть дѣло не только познанія, но также *воли*, и даже главнымъ образомъ воли. Теоретическое убѣжденіе говоритъ: на основаніи такихъ-то фактовъ и доказательствъ, *я думаю* такъ-то; вѣра говоритъ: мнѣ не важны ни факты, ни доказательства,—*я чувствую*, что это такъ. „Я чувствую" означаетъ здѣсь одновременно и „я думаю", и „я хочу", вѣрнѣе—„я думаю, потому что хочу", чтобы это было такъ.

Нерѣдко приходится видѣть, что человѣкъ пытается теоретически обосновать и доказать истину своей вѣры. Люди строгой и твердой вѣры всегда отрицательно относятся къ подобнымъ попыткамъ. Дѣйствительно, настоящая вѣра не нуждается въ теоретическихъ подпоркахъ: ея основа — непреклонная вѣрная себѣ воля, а для такой воли что́ значатъ аргументы? Если вѣра начинаетъ искать аргументовъ, то очевидно, что воля уже не такъ тверда, уже измѣняетъ себѣ понемногу,—очевидно, что вѣра пошатнулась. Живая вѣра не ищетъ доказательствъ, она даже не хочетъ ихъ, какъ лишняго, безполезнаго балласта.

Это не измѣняетъ, однако, того факта, что въ жизни между

вѣрою и теоретическимъ убѣжденіемъ возможенъ и параллелизмъ, и конкуренція. Одни и тѣ же вопросы и ставятся и рѣшаются то съ точки зрѣнія вѣры, то съ точки зрѣнія теоретическаго познанія. Бываетъ и такая комбинація, что съ одной точки зрѣнія вопросъ ставится, а съ другой—разрѣшается. Всего чаще, однако, оба элемента соединяются или, вѣрнѣе, перепутываются въ самыхъ различныхъ пропорціяхъ, два критерія ежеминутно смѣняютъ другъ друга, а идейный результатъ не имѣетъ ничего общаго ни съ дѣвственной наивностью вѣры, ни съ холодной чистотой познанія.

Различныя проявленія и слѣды такой путаницы можно найти почти въ каждой области мышленія; но въ процессѣ развитія человѣчества царство идейнаго хаоса понемногу суживается, и въ наше время простирается, главнымъ образомъ, на сферу такъ называемыхъ „послѣднихъ" или, иначе, „проклятыхъ" вопросовъ, каковы вопросы о сущности міра, о смыслѣ жизни, о происхожденіи добра и зла, и т. под.

Сравнимъ различныя постановки одного и того же вопроса съ точки зрѣнія чистаго познанія, съ точки зрѣнія вѣры, и съ той спутанной точки зрѣнія, которая получается путемъ смѣшенія двухъ первыхъ. Пусть дѣло идетъ объ одномъ изъ „проклятыхъ вопросовъ"—о значеніи зла въ жизни.

Представитель научной философіи, чтобы имѣть ясную и точную постановку этого вопроса, старается, прежде всего, опредѣлить всю ту сумму реальныхъ фактовъ, изъ которой возникаетъ самый вопросъ, самая потребность въ его рѣшеніи. При этомъ, положимъ, оказывается, что дѣло идетъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя приходится непосредственно испытывать живымъ существамъ при различныхъ конфликтахъ со стихійною природою и другими существами. Разъ это установлено, задача выясняется для изслѣдователя, и онъ выражаетъ ее приблизительно такимъ образомъ:

Во-первыхъ, надо опредѣлить, при какихъ реальныхъ условіяхъ страданіе возникаетъ, при какихъ возрастаетъ, уменьшается, исчезаетъ.

Во-вторыхъ, надо опредѣлить, какіе результаты обусловливаетъ страданіе для самого страдающаго—въ смыслѣ развитія его жизни или ея деградаціи, и при какихъ условіяхъ; какъ вліяетъ оно на послѣдующія его отношенія къ внѣшней природѣ и къ другимъ живымъ существамъ; въ какомъ смыслѣ и въ какихъ предѣлахъ оно является положительнымъ или отрицательнымъ условіемъ для послѣдующихъ страданій или удовольствій и т. под.

Итакъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы найти мѣсто страданія въ жизненной цѣпи причинъ и слѣдствій. Если познающій разрѣшилъ, хотя бы приблизительно, эту задачу, то онъ обладаетъ опредѣленнымъ *теоретическимъ убѣжденіемъ* о значеніи зла въ жизни. Въ какомъ же отношеніи находится это пріобрѣтеніе къ *волѣ* познающаго?

Съ одной стороны, исходной точкой изслѣдованія послужилъ, конечно, толчокъ со стороны воли,—но то была только *воля къ познанію*. Затѣмъ, въ самомъ процессѣ изслѣдованія воля сохраняла нейтралитетъ, не предъявляя никакихъ требованій и предписаній относительно результатовъ изслѣдованія: познаніе было „чистымъ познаніемъ". Получилось теоретическое убѣжденіе; что дѣлать съ нимъ волѣ? Она можетъ *имъ руководиться* въ своемъ стремленіи къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Если, напр., цѣлью ставится непосредственное устраненіе страданій, то выработанное теоретическое убѣжденіе указываетъ, какія надо осуществить условія, чтобы достигнуть этой цѣли, и въ какихъ предѣлахъ она вообще достижима. Если цѣлью ставится развитіе жизни, ея полноты и гармоніи, то теорія выясняетъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ обстоятельствахъ страданіе можетъ служить средствомъ для достиженія этой цѣли, и когда оно является, напротивъ, препятствіемъ на пути къ ней и т. д. Словомъ, теорія намѣчаетъ для воли способы *овладѣть* страданіемъ,—устранить его или сдѣлать его средствомъ для тѣхъ цѣлей, которыя волею поставлены. И теорія выполняетъ эту задачу тѣмъ лучше, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе „чистымъ" было создавшее ее познаніе, чѣмъ менѣе допускало оно вмѣшательства въ свою работу со стороны *практической* воли.

Теперь посмотримъ, въ какомъ видѣ выступаетъ тотъ же вопросъ о значеніи зла въ жизни съ точки зрѣнія вѣры. Чтобы не исказить чужихъ взглядовъ, мы возьмемъ готовую формулировку, принадлежащую перу одного изъ современныхъ представителей вѣры:

„Это есть проблема теодицеи (божественной справедливости. А. Б.) въ собственномъ смыслѣ слова... Это есть самая великая и важная проблема не только метафизики исторіи, но и всей нравственной философіи. Здѣсь должно быть дано „оправданіе добра"... которое должно вмѣстѣ съ тѣмъ явиться оправданіемъ зла, зла въ природѣ, въ человѣкѣ, въ исторіи. Философія должна показать внутреннее безсиліе зла, его призрачность, его,—страшно сказать,—конечную разумность." [1])

Дѣло вполнѣ ясное: философія „должна" разрѣшить вопросъ, разумѣется, вполнѣ „честно", какъ указываетъ дальше человѣкъ вѣры, но непремѣнно въ такомъ смыслѣ, чтобы зло оказалось „безсильнымъ" и „призрачнымъ", и, слѣдовательно, „разумнымъ". Она „должна" прійти именно къ этому рѣшенію, а не къ какому-либо иному. „Почему должна?"—спросите вы. Да потому,—отвѣ-

---

[1]) „Проблемы идеализма", стр. 34, ст. г. Булгакова „Основныя проблемы теоріи прогресса". Цитированное мѣсто нѣсколько измѣнено во второмъ изданіи статьи—въ сборникѣ г. Булгакова „Отъ марксизма къ идеализму", но измѣнено не по существу, а сдѣлано только нѣсколько блѣднѣе по формѣ (меньше паеоса). Мы выбираемъ болѣе выразительную формулировку (цитируемъ passim).

чаетъ человѣкъ вѣры,—что при иномъ рѣшеніи не могло бы быть вѣры, и жить не стоило бы. Другими словами, она должна потому, что мнѣ это въ высшей степени желательно. Вопросъ рѣшенъ волей, а „философія" должна „свободно" подчиниться и создать подходящія формулы. Если же она этого не сдѣлаетъ, то... но въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что съ нею будетъ въ случаѣ конфликта съ волею.

Предположимъ, что философія подчинилась „примату" воли и разрѣшила вопросъ въ требуемомъ смыслѣ. Что дастъ она этимъ человѣку? Конечно, она не укажетъ ни новыхъ способовъ борьбы со зломъ, ни новыхъ пріемовъ превращенія зла въ средство къ благу,—она не поможетъ *реально* подчинить зло человѣческой волѣ. Она дастъ нѣчто другое: „отрадное убѣжденіе, радостнѣй котораго не можетъ быть ничего на свѣтѣ", какъ поясняетъ тотъ же авторъ нѣсколькими строками дальше. Съ такимъ убѣжденіемъ живется, безспорно, гораздо легче и спокойнѣе...

Но вотъ третья, смѣшанная постановка вопроса:

„Философія должна честно посчитаться съ этимъ вопросомъ во всемъ его объемѣ, малодушно не уклоняясь и не умаляя его трудности, безтрепетно глядя въ глаза надеждѣ и отчаянію, и та философія, которая вынесетъ эту борьбу побѣдоносно и пройдетъ этотъ тернистый и мучительный путь сомнѣній, ничего не потерявъ изъ своего прежняго убѣжденія въ разумности существующаго и торжествѣ правды, достойна своего имени и можетъ быть учительницею людей... Счастливъ, о, трижды счастливъ тотъ, кому удалось честно и свято дострадаться до этого отраднаго убѣжденія, ибо радостнѣй этого убѣжденія не можетъ быть ничего на свѣтѣ." [1])

Истинная твердость въ вѣрѣ представляетъ въ наши дни очень рѣдкое явленіе — этимъ объясняется тотъ фактъ, что, за сравнительно чистой постановкой вопроса въ духѣ вѣры, мы у того же автора находимъ немедленно другую, допускающую какія-то „сомнѣнія", и „трудности", допускающую вопросъ „во всемъ его объемѣ", словомъ, то, что вполнѣ естественно въ объективномъ изслѣдованіи, для котораго вопросъ не предрѣшенъ, но не въ философіи вѣры, для которой изъ „объема" вопроса о значеніи зла заранѣе устранена возможность отрицательнаго рѣшенія, а съ нею всѣ „трудности" и „сомнѣнія" [2]).

Что же дастъ человѣку рѣшеніе вопроса на почвѣ этой третьей его постановки? Да то же самое, что и при второмъ способѣ рѣшенія, плюсъ еще, можетъ быть, раскаяніе въ прежнихъ

---

[1]) „Проблемы идеализма", стр. 34—35, passim.

[2]) Вся эта вторая постановка вопроса совершенно выброшена г. Булгаковымъ во второмъ изданіи его статьи. Выкинуты также слова „страшно сказать" въ предыдущей цитатѣ, слова, тоже указывающія на нѣкоторую нерѣшительность и нетвердость въ вѣрѣ (истинной вѣрѣ ничего не можетъ быть „страшно сказать", что съ нею согласно). Очевидно, что колебанія г. Булгакова миновали, и вѣра его укрѣпилась.

сомнѣніяхъ, грѣховныхъ по отношенію къ вѣрѣ, и радость о томъ, что они побѣждены. Но пока надлежащее рѣшеніе не достигнуто, остается еще непріятный рискъ рѣшить вопросъ въ духѣ „отчаянія" и „дострадаться" до потери всякой надежды. Ясно, что этотъ путь—самый худшій.

Но, — замѣтитъ свѣдущій читатель,—вы не совсѣмъ вѣрно изобразили рѣшеніе вопросовъ на пути вѣры въ томъ смыслѣ, что слишкомъ преувеличиваете подчиненіе мышленія практической волѣ. Что мысль и здѣсь пользуется извѣстной свободой, о томъ достаточно свидѣтельствуетъ хотя бы самый фактъ *различныхъ* отвѣтовъ на одни и тѣ же вопросы со стороны различныхъ системъ вѣрящаго мышленія.—Дѣйствительно, напр., по тому же вопросу о значеніи зла въ жизни одинъ метафизикъ сообщитъ намъ одно, другой—другое, третій—третье: ученикъ Платона объяснитъ, что зло не обладаетъ истинной реальностью, потому что такая реальность принадлежитъ только „идеямъ", а зло заключается въ неадэкватности эмпирическихъ вещей ихъ идеямъ, въ неполнотѣ воплощенія идей; ученикъ Манеса будетъ говорить о борьбѣ двухъ абсолютныхъ началъ, добраго и злого, и о неизбѣжной конечной побѣдѣ перваго; ученикъ современнаго гностика Вл. Соловьева, г. Булгаковъ, разскажетъ со словъ учителя о семейныхъ отношеніяхъ между абсолютомъ и міровой душою, и т. д., и т. д.

Все это такъ, но что изъ этого слѣдуетъ? Если воля предпишетъ мышленію и постановку вопроса, и основный смыслъ отвѣта, который долженъ получиться, то мышленіе можетъ, конечно, вознаградить себя за свою покорность полнымъ произволомъ въ способахъ выполненія предписаннаго. Но, какъ ни комбинировать покорность съ произволомъ, въ результатѣ никогда не будетъ того, что называется свободой, а будетъ только проявленіе двухъ неразрывно связанныхъ между собою сторонъ авторитарной психологіи — психологіи подчиненія и господства, при чемъ мышленію достается роль раба, который, пользуясь моментами свободы, устраиваетъ разнузданныя оргіи.

Впрочемъ, даже упомянутый произволъ въ способахъ выполненія предписаннаго имѣетъ довольно тѣсныя границы или, вѣрнѣе, связанъ съ довольно значительными затрудненіями и неудобствами. Дѣло въ томъ, что различныя рѣшенія однихъ и тѣхъ же вопросовъ, даже если сходятся между собою по основному смыслу, все-таки необходимо сталкиваются, конкурируя изъ-за господства надъ умами, потому что не могутъ же всѣ быть приняты одновременно. Что тогда происходитъ? Начнемъ съ фактовъ дѣйствительности.

Вотъ что разсказываетъ г. Булгаковъ объ историческихъ отношеніяхъ вѣры и разума: „...въ живомъ или „конкретномъ" сознаніи... неразрывно соединены всѣ три источника познанія: вѣра, разумъ и опытъ. Въ исторіи философіи поочередно выдвигался какой-нибудь одинъ изъ нихъ, и объявлялись безу-

міемъ оба остальные, хотя живое сознаніе никогда не отказывалось и не можетъ отказаться отъ нихъ. Въ эпоху господства богословія, отвлеченнаго клерикализма, по выраженію Соловьева, признавались права одной слѣпой, не просвѣтленной „блудницей" разумомъ вѣры; во славу вѣры горѣли костры инквизиціи, возжигаемые противъ свободнаго изслѣдованія. Прошли вѣка, и вѣру постигло такое же гоненіе отъ разума и науки, какому она ихъ въ свое время подвергала: самыя законныя и священныя потребности вѣры подвергались осмѣянію или просто игнорировались" [1]).

Сдѣлаемъ важную поправку: „костры инквизиціи" были гораздо безпристрастнѣе, чѣмъ изображаетъ ихъ г. Булгаковъ; они „возжигались" не только противъ свободнаго изслѣдованія, но также — и еще больше — противъ свободной вѣры, противъ всякаго творчества въ дѣлахъ вѣры. „Разумъ и наука" тоже не настолько односторонни, — всего больше они осмѣиваютъ, а затѣмъ игнорируютъ не „священныя потребности", а плохія теоретическія построенія. И та и другая сторона были достаточно послѣдовательны и добросовѣстны въ своихъ „гоненіяхъ". Но вотъ вопросъ: какимъ образомъ у г. Булгакова хватило... хладнокровія написать слова „такое же гоненіе"? Какъ, насмѣшливая критика и игнорированіе — это „такое же гоненіе", какъ костры? Я, партизанъ „разума и науки", позволившій себѣ въ шутливомъ тонѣ бесѣдовать о просвѣщенномъ клерикализмѣ г. Булгакова и не придавать большого значенія его догматическимъ вѣщаніямъ, я „такой же гонитель", какъ тотъ инквизиторъ, который сжегъ Джордано Бруно?! Да, г. Булгаковъ умѣетъ выбрать для себя выгодную позицію...

Г. Булгаковъ не усмотрѣлъ глубочайшаго принципіальнаго различія—моралистъ назвалъ бы это различіе „этическимъ" — между методами борьбы въ томъ и другомъ случаѣ. А это различіе вытекаетъ изъ основного содержанія тѣхъ принциповъ, о борьбѣ которыхъ идетъ рѣчь.

Когда теоретическое убѣжденіе борется противъ другихъ убѣжденій, сущность дѣла можно выразить такой формулой: „я думаю такъ, а онъ думаетъ иначе, слѣдовательно—надо его *опровергнуть*". Опровергнуть — значитъ показать внутреннія противорѣчія данной идеи или ея противорѣчіе съ фактами. Показать это надо не только для противника, но и для всѣхъ, кто можетъ ознакомиться съ его идеей, а для этого надо изобразить противорѣчія въ живой, наглядной, общедоступной формѣ,—а такова по преимуществу форма юмористическая, тѣмъ болѣе, что сущность „комическаго" именно и заключается въ легко преодолѣваемомъ психикою противорѣчіи. Вотъ вамъ и „осмѣяніе". Иногда же противорѣчія слишкомъ очевидны — тогда не стоитъ

[1]) „Отъ марксизма къ идеализму", стр. 207—208, passim.

формально опровергать, а лучше „игнорировать". Такова логика чисто-теоретической борьбы.

Иное дѣло — борьба вѣры противъ вѣры. Здѣсь *мало* той формулы, которая выражаетъ борьбу теоретическихъ убѣжденій. Вѣра, какъ первичная, недифференцированная форма, заключаетъ въ себѣ элементы и мышленія, и воли, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ этихъ послѣднихъ. „Я вѣрю такъ, а онъ вѣритъ иначе" — это противоположеніе, если его вывести изъ эмбріональной формы и представить въ развернутомъ видѣ, разлагается на двѣ формулы: „я думаю такъ, а онъ думаетъ иначе", и „я *хочу* такъ, а онъ *хочетъ* иначе". Выводъ изъ первой формулы тотъ же, что и раньше: „слѣдовательно, надо опровергнуть", — отсюда теоретическіе споры между людьми, вѣрящими различно. Но выводъ изъ второй, очевидно, совершенно иной: одна воля не можетъ „опровергнуть" другую, она можетъ только сломить ее или уничтожить. Отсюда съ полной послѣдовательностью вытекаетъ и пытка и костеръ. *Въ этомъ* инквизиція не ошибалась: она обладала хорошей логикой, до которой далеко ея нынѣшнимъ, дрябло-сентиментальнымъ потомкамъ. И это вполнѣ понятно: вѣдь, у инквизиціи была реальная сила, при которой не было надобности отступать передъ крайними практическими выводами изъ своего собственнаго міровоззрѣнія.

Здѣсь лежитъ фактическая граница „свободѣ", вѣрнѣе — произволу въ дѣлахъ вѣры.

II.

Изъ предыдущаго можно, повидимому, сдѣлать тотъ выводъ, что съ переходомъ отъ мышленія вѣрящаго къ строгому познанію психическая жизнь становится бѣднѣе содержаніемъ: вѣдь, при этомъ происходитъ *устраненіе* элементовъ воли изъ сферы мышленія, — остается, слѣдовательно, меньше, чѣмъ было. Именно таково мнѣніе г. Булгакова.

„Благодаря указаннымъ особенностямъ, кругъ доступнаго вѣрѣ шире, чѣмъ кругъ доступнаго дискурсивному мышленію; вѣрить можно даже въ то, что не только вполнѣ недоказуемо, но и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму, и эта область собственно и составляетъ спеціальное достояніе вѣры. Разсматривая дѣло исключительно съ формальной стороны, мы должны, слѣдовательно, сказать, что тѣ знанія (какъ ни мало, повторяю, подходитъ здѣсь это слово), которыя даетъ вѣра, богаче и шире тѣхъ, которыя даетъ опытная наука и метафизика: если метафизика разрываетъ границы опытнаго знанія, то вѣра уничтожаетъ границы умопостигаемаго" [1]).

Вопросъ о метафизикѣ мы, конечно, оставимъ въ сторонѣ: эта промежуточная форма насъ теперь не занимаетъ, такъ какъ

[1]) „Проблемы идеализма", стр. 6; „Отъ марксизма къ идеализму", стр. 118.

дѣло идетъ о болѣе опредѣленныхъ и крайнихъ типахъ мышленія. Важно выяснить, какъ измѣняется психическая жизнь, когда моментъ познанія и моментъ воли строго дифференцируются одинъ отъ другого и перестаютъ смѣшиваться между собой.

Познаніе, освободившись отъ авторитарнаго вмѣшательства воли, выигрываетъ, очевидно, прежде всего въ томъ смыслѣ, что становится „свободнѣе" въ своемъ творчествѣ, получаетъ возможность не отступать передъ такими выводами, которые прежде были психологически-невозможны, какъ оскорбляющіе „чувство" (слово „чувство" въ этихъ случаяхъ есть неопредѣленное обозначеніе для общаго направленія воли). Выигрываетъ познаніе и въ томъ отношеніи, что для изслѣдованія открываются новыя области, которыя раньше были совершенно ему недоступны, какъ, напримѣръ, объективная природа и генезисъ того же вѣрящаго мышленія во всѣхъ различныхъ его формахъ (*само себя* это послѣднее могло разсматривать, конечно, только какъ данное, а именно, данное свыше, и потому объективному изслѣдованію не подлежащее). Вообще, освобожденное познаніе прогрессируетъ и количественно, и качественно.

А воля? Не терпитъ-ли она большого ущерба, утративши цѣлую обширную область, на которую прежде простиралось ея вліяніе? Чтобы судить объ этомъ, надо принять во вниманіе, какую дань получала она изъ этой области.

Всякое рабство развращаетъ не только раба, но и господина. Господинъ пріучается къ лести и впадаетъ въ изнѣженность. Чтобы угодить своей властительницѣ-волѣ, вѣрящее мышленіе *постулируетъ* то, что для воли желательно (напр., хотя бы „призрачность и безсиліе зла"), и тѣмъ самымъ *удовлетворяетъ* и *успокаиваетъ* волю. Если желательное уже постулировано и признано болѣе реальнымъ, чѣмъ сама реальность, то къ чему заботиться объ его „видимомъ" осуществленіи? Вассальное мышленіе приноситъ въ дань сюзеренной волѣ опіумъ и гашишъ и, отравляя ее квіетизмомъ, мстатъ ей за свое рабство.

Просвѣщенный клерикализмъ, впрочемъ, не хочетъ признать этого факта. Г. Булгаковъ утверждаетъ:

„.....съ признаніемъ разумности общаго плана исторіи мы нисколько не освобождаемся отъ обязанности любить добро и ненавидѣть зло и бороться съ нимъ, разъ ему дано мѣсто въ жизни и въ исторіи. Это признаніе можетъ лишь укрѣпить увѣренность въ побѣдѣ добра и тѣмъ самымъ поднять духъ для борьбы со зломъ" [1]).

Но, сопоставляя это съ тѣмъ, что говорилось раньше о значеніи зла въ жизни, мы видимъ, что здѣсь имѣется явная непослѣдовательность или, вѣрнѣе, одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда г. Булгаковъ, говоря его собственными словами, „разрываетъ границы умопостигаемаго" и „вѣритъ даже въ то, что не только

---

[1]) „Отъ марксизма къ идеализму", стр. 160.

вполнѣ недоказуемо, но и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму". Вѣдь, если зло призрачно и безсильно, то какъ можно серьезно къ нему относиться? „Ненавидѣть зло и бороться съ нимъ", зная, что оно есть только видимость — не значитъ-ли это съ озлобленіемъ бросаться на злодѣя, фигурирующаго въ картинѣ кинематографа или посылать секундантовъ къ ругающемуся фонографу?

Въ данномъ случаѣ выводы г. Булгакова, очевидно, дѣлаютъ честь его благороднымъ чувствамъ, но отнюдь не его логикѣ [1]).

Мышленіе, освобожденное отъ подчиненія волѣ, въ свою очередь, освобождаетъ волю отъ наркоза утѣшительныхъ иллюзій, и активность воли можетъ развернуться въ полной мѣрѣ. Съ этого времени воля находитъ въ познаніи не услужливаго льстеца, а вѣрнаго товарища, который добросовѣстно указываетъ волѣ лучшія средства къ достиженію ея цѣлей, выясняетъ шансы ихъ осуществленія, степень ихъ прогрессивности и вообще отношеніе ихъ къ общему ходу жизни.

Строгое разграниченіе въ психической жизни момента познанія и момента воли устраняетъ препятствія на пути развитія какъ познанія, такъ и воли. Этимъ создается возможность свободнаго прогресса глубины и ясности познанія, съ одной стороны, активности воли—съ другой. Энергія психической жизни возрастаетъ.

III.

Въ предисловіи къ своей книгѣ „Отъ марксизма къ идеализму" г. Булгаковъ разсказываетъ исторію своей Каноссы. Сущность дѣла такова: г. Булгаковъ раньше *вѣрилъ* въ марксизмъ, а потомъ весьма правильно нашелъ, что это очень не подходящій объектъ для вѣры, и сталъ искать другихъ объектовъ; поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ, лишь только г. Булгаковъ „разорвалъ границы умопостигаемаго", границы, которыя, какъ извѣстно, опредѣляются логикой. — Этимъ самымъ г. Булгаковъ вполнѣ оградилъ себя отъ полемики по существу со стороны тѣхъ, кто остался по сю сторону границъ логики, и наша задача по отношенію къ нему можетъ быть формулирована такъ: описывать и по возможности объяснять, но отнюдь не опровергать.

Итакъ, г. Булгаковъ „вѣрилъ" въ марксизмъ, и это было большимъ заблужденіемъ не только съ его точки зрѣнія, но и съ нашей. „Спеціальное достояніе вѣры" составляетъ, по словамъ самого г. Булгакова, „то, что не только вполнѣ недоказуемо, но и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму". Очевидно, что для марксизма такая характеристика была-бы черезчуръ лестной, и по справедливости онъ ея не заслужилъ. Въ самомъ

[1]) Наркотическое дѣйствіе вѣрящаго мышленія на идеалистическую волю признается даже нѣкоторыми изъ нашихъ болѣе современныхъ противниковъ (см. В. Кистяковскій „Проблемы идеал.", стр. 354—5).

цѣлѣ, имѣется-ли въ немъ мѣсто недифференцированному отъ воли, вѣрящему мышленію?

Изъ различныхъ жизненныхъ противорѣчій въ общественныхъ отношеніяхъ людей, для отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ возникаетъ опредѣленная практическая задача: *овладѣть общественными отношеніями людей въ интересахъ человѣчества*. Эта задача выражаетъ собою опредѣленное направленіе активной воли. Нецѣлесообразность первыхъ инстинктивныхъ попытокъ воли въ данномъ направленіи (утопизмъ интеллигентный и неинтеллигентный—воззванія къ филантропіи господствующихъ классовъ, разрушеніе машинъ и т. под.) пробуждаетъ *волю къ познанію*: ставится задача понять, *какъ и при какихъ условіяхъ измѣняются общественныя отношенія*. Это—теоретическая задача. Если она разрѣшена, то у насъ имѣется опредѣленное *теоретическое убѣжденіе* относительно природы общественныхъ отношеній и закономѣрности ихъ измѣненія. Основываясь на немъ, человѣкъ приходитъ къ выясненію такихъ вопросовъ: въ какомъ направленіи измѣняются существующія отношенія людей сами по себѣ, помимо активнаго вмѣшательства *сознательной* воли? Какія дополнительныя условія могутъ быть созданы этимъ вмѣшательствомъ? Осуществима-ли основная задача—овладѣть общественными отношеніями въ интересахъ человѣчества,—осуществима-ли она при данномъ направленіи стихійнаго развитія этихъ отношеній, и какія дополнительныя условія могутъ сдѣлать это осуществленіе возможно болѣе легкимъ, могутъ уменьшить растрату силъ человѣчества, которой это осуществленіе будетъ стоить? Какъ создать эти условія? и т. д.—Въ результатѣ, у насъ получится стройная система сознательной жизни, въ которой активная воля, стремясь къ реальной жизненной цѣли, имѣетъ своимъ руководителемъ свободное познаніе, намѣчающее цѣлесообразныя средства. Одной изъ такихъ возможныхъ системъ является и марксизмъ, только не тотъ, въ который „вѣрилъ“ г. Булгаковъ.

Дѣло въ томъ, что такая система не оставляетъ въ самой себѣ мѣста вѣрящему мышленію. Въ ней направленіе активной воли опредѣляется потребностями жизни, а выводы теоріи—матеріаломъ опыта; эти выводы могутъ быть *гипотезой*, но не объектомъ и, особенно, не результатомъ вѣры, потому что получаются они на пути объективнаго познанія, а не субъективнаго „чувства“, мотивируются фактами опыта, а не „законными потребностями“ воли, для которой желательно, чтобы было такъ, а не иначе. Въ такой системѣ, какую мы описали, познаніе и воля взаимно дифференцированы и не смѣшиваются между собою.

Однако, нерѣдко случается, что человѣкъ, встрѣчая въ жизни такую систему, дѣлаетъ ее объектомъ вѣры; это было, какъ мы знаемъ, съ г. Булгаковымъ, ученымъ экономистомъ, но бываетъ также—и всего чаще—съ людьми неразвитыми, мало-образованными, которые „по чувству“ присоединяются къ плохо понятому міросозерцанію. Какимъ образомъ это возможно?

Дѣло происходитъ въ различныхъ случаяхъ неодинаково, и не трудно установить два главныхъ типа подобныхъ явленій. Въ однихъ случаяхъ человѣкъ, по недостатку знанія и развитія, смутно и неясно воспринимаетъ данную систему; она близка и симпатична его душѣ, потому что соотвѣтствуетъ направленію его воли, но теоретическая сторона системы недоступна его провѣркѣ, и даже обыкновенно не вся ему извѣстна. Тогда онъ принимаетъ „на вѣру" ея выводы, „постулируетъ" ихъ, потому что ему *желательно*, чтобы вся система была истинной. Здѣсь вѣра является результатомъ недостаточнаго знанія. Съ теченіемъ времени она и замѣняется знаніемъ, или, говоря общѣе, теоретическимъ убѣжденіемъ. Достаточно человѣку пріобрѣсти знанія и опытъ, необходимые для провѣрки теоріи — и онъ переходитъ въ высшую фазу міровоззрѣнія: онъ сознательно принимаетъ или отвергаетъ теорію не потому, что ему инстинктивно хочется принять или отвергнуть, а потому, что теорія оказывается въ соотвѣтствіи или не въ соотвѣтствіи со всей суммой его опыта и знаній. На мѣсто эмбріональной формы мышленія выступаетъ развитая, „инстинктивное" смѣняется „сознательнымъ".

Въ другихъ случаяхъ сущность дѣла заключается не въ недостаткѣ знаній и опыта, а въ *типѣ мышленія*. Человѣкъ стоитъ на точкѣ зрѣнія вѣрящаго мышленія и принципіально неспособенъ съ нея сойти. Онъ вѣритъ, потому что живетъ вѣрой, потому что его мышленіе не можетъ освободиться отъ подчиненія волѣ, и воля не хочетъ отказаться отъ права предписывать мышленію. Такой человѣкъ и *воспринимаетъ* описанную нами систему неизбѣжно въ искаженномъ видѣ, именно, какъ систему вѣры. Теоретическія положенія системы представляются ему не какъ выводы изъ опыта, точные или приблизительные, а какъ „постуляты"; они для него истинны потому, что желательны, остальное для него не важно. При этомъ то, что въ теоріи условно, онъ разсматриваетъ, какъ безусловное, въ гипотезахъ видитъ догматы, и т. д. Ясно, что та система, въ которую онъ вѣритъ, совсѣмъ не та, которую другіе признаютъ; это *фетишизированная* система. Ясно и то, что, будучи такимъ образомъ извращена, она должна оказаться дисгармоничной, полной противорѣчій и путаницы, вытекающихъ всецѣло изъ смѣшенія мышленія вѣрящаго и свободнаго. Человѣкъ перестаетъ удовлетворяться такой плохой вѣрою, и ищетъ новой, которая была бы уже настоящей вѣрой, а не извращенной теоріей. Найти, конечно, не трудно: стоитъ только оглянуться въ прошлое.

Такъ было съ г. Булгаковымъ. Дѣло осложнялось для него еще тѣмъ, что у него было, по его словамъ, двѣ вѣры: въ Маркса и въ Канта. Въ Канта г. Булгаковъ вѣрилъ еще больше, такъ какъ „повѣрялъ Маркса Кантомъ". Но, разумѣется, обѣ вѣры перессорились, и г. Булгаковъ предпочелъ.... третью.

IV.

Яркимъ примѣромъ того, какъ искажается теоретическое убѣжденіе, когда его превращаютъ въ объектъ вѣры, могутъ служить разсужденія г. Булгакова о научно-философской теоріи прогресса. Онъ полагаетъ, что эта теорія предписываетъ вѣрить въ безусловную необходимость прогресса, и естественно, что не находитъ у нея достаточныхъ для этого предпосылокъ. Въ дѣйствительности, эта теорія выясняетъ именно *условія* прогресса, и указываетъ способы овладѣть стихійными силами жизни такъ, чтобы направить ихъ въ сторону прогресса. Она можетъ также находить, и съ извѣстной степенью достовѣрности утверждать, что *данная* дѣйствительность заключаетъ въ себѣ достаточно условій для дальнѣйшаго прогресса—именно такъ относится современная теорія прогресса къ развитому капиталистическому строю. Но „постулировать“ прогрессъ какъ нѣчто необходимое при всякихъ условіяхъ, независимо отъ условій — это вовсе не ея дѣло, а дѣло вѣры; и г. Булгаковъ самъ отвѣтственъ за всѣ несообразности той „теоріи“, которую критикуетъ. Вольно ему было фантазировать и „вѣрить“ тамъ, гдѣ требуется изслѣдовать и понимать [1]).

Опровергнувъ *свою* старую теорію прогресса, г. Булгаковъ предлагаетъ взамѣнъ ея новую, если только можно примѣнить выраженіе „новая“ къ догматикѣ, въ которой „нѣтъ того слова, чтобы меньше трехсотъ лѣтъ отъ роду“. Вотъ что онъ „постулируетъ“:

„Итакъ, основныя посылки теоріи прогресса таковы: нравственная свобода человѣческой личности (свобода воли), какъ условіе автономной нравственной жизни; абсолютная цѣнность личности и идеальная природа человѣческой души, способная къ безконечному развитію и усовершенствованію; абсолютный разумъ, правящій міромъ и исторіей; нравственный міропорядокъ или царство нравственныхъ цѣлей, добро не только какъ субъективное представленіе, но и объективное и мощное начало“ [2]).

Рядъ „недоказуемыхъ“ положеній, которыя мы должны безпрекословно принять, чтобы „обосновать“ на нихъ „теорію прогресса“. Не слишкомъ ли много требуетъ отъ насъ г. Булгаковъ? А что если намъ, при всѣхъ усиліяхъ, не удастся повѣрить, положимъ, хотя бы одному изъ этихъ положеній? Тогда безполезно вѣрить въ остальныя — никакой „теоріи прогресса“

---

[1]) Я ограничиваюсь здѣсь этими немногими словами, потому что болѣе подробно выяснялъ эти недоразумѣнія г. Б. въ своей прежней статьѣ „Новое средневѣковье“ („Образованіе“, 1903, 3, стр. 17—23).

[2]) „Отъ марксизма къ идеализму“, ст. „Основн. пробл. теоріи прогресса“, стр. 147.

не получится. И не лучше ли, не утомляя своей вѣры сложной схоластикой, просто и безхитростно „постулировать“ только одну „предпосылку“ — самый прогрессъ, — сказать себѣ: „вѣрю въ прогрессъ, потому что очень хочется, чтобы онъ былъ“, и кончено. Правда, тогда не о чемъ писать большія статьи, и притомъ наивность вѣры будетъ очевидна для всякаго. Но все же, что легче—вѣрить ли въ шесть сложныхъ и тяжеловѣсныхъ предпосылокъ, или въ одинъ—простой и легкій—„прогрессъ“.

Конечно, если имѣть въ виду „умерщвленіе плоти“ (точнѣе—логики), то надо предпочесть аппаратъ, предложенный г. Булгаковымъ...

А къ „плоти“ г. Булгаковъ безпощаденъ, и не стѣсняется требовать отъ нея прямо невозможнаго. „Предположимъ на минуту, — говоритъ онъ, — что мы имѣемъ самый точнѣйшій прогнозъ относительно ближайшаго 10-лѣтія, и на основаніи этого прогноза всѣ наши лучшія стремленія обречены на неудачу. Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы они перестали быть обязательными? Никоимъ образомъ. Ты можешь, ибо ты долженъ—таковъ нравственный законъ“ [1]). Другими словами: бейся лбомъ объ стѣну, растрачивай свои силы завѣдомо безплодно, не смѣй беречь ихъ и накоплять къ тому времени, когда онѣ могли бы быть полезны — „ты можешь, потому что долженъ“. Пусть ты станешь инвалидомъ, вреднымъ балластомъ для дѣла къ тому времени, когда „лучшія стремленія“ станутъ практически осуществимы — это все ничего не значитъ — „ты можешь, потому что долженъ“. — „Страшна эта формула“, полагаетъ г. Булгаковъ. Такъ ли? Не подходитъ ли къ ней больше другая характеристика?

Здѣсь у г. Булгакова подразумѣвается, очевидно, еще одна „предпосылка“—credo, quia absurdum.

V.

Какъ мы видѣли, г. Булгаковъ во времена своей, по его выраженію, „атеистической вѣры“, извратилъ,—конечно, неумышленно,—научно-философскую теорію прогресса, приписавши ей вѣру въ *безусловную* необходимость прогресса. При этомъ самая теорія, естественно, пріобрѣтала окраску грубаго фатализма, а роль прогрессивныхъ силъ исторіи, роль передовыхъ классовъ оказывалась иллюзорной: разумно ли заниматься созиданіемъ *условій* прогресса, когда неизбѣжность его все равно *безусловна*? Той дѣйствительной теоріи прогресса, которая изучаетъ его общія условія и для даннаго общества признаетъ или отвергаетъ его объективную вѣроятность, находя въ этомъ обществѣ до-

---

[1]) Тамъ же, стр. 146.

статочно или недостаточно такихъ условій, той теоріи г. Булгаковъ не зналъ, какъ и теперь не знаетъ, потому что она не укладывается въ рамки формъ вѣрящаго мышленія. Въ своей новой „теоріи прогресса" почтенный экономистъ значительно усилилъ окраску фатализма, такъ что „теорія" оказалась фаталистической въ самомъ точномъ — буквальномъ значеніи этого слова.

Первоначальное значеніе слова „fatum"—„сказанное", и чистая идея предопредѣленія включаетъ въ себя понятіе о *личной волѣ*, которая заранѣе „сказала"—формулировала и предписала—то, что случится. Именно такую личную волю и принимаетъ теперь г. Булгаковъ, какъ „предпосылку теоріи прогресса"; а издѣвательство этой воли надъ „абсолютнымъ достоинствомъ человѣческой личности", которая въ своихъ „свободныхъ поступкахъ и стремленіяхъ" оказывается „средствомъ для цѣлей абсолюта", онъ называетъ „абсолютнымъ лукавствомъ". Какая изъ двухъ формъ фатализма г. Булгакова унизительнѣе для человѣка, какъ существа развивающагося и активнаго? Намъ кажется, что послѣдняя: ужъ лучше быть игрушкой безличныхъ силъ, которыя „не вѣдаютъ, что творятъ", чѣмъ игрушкой личнаго лукавства. А всего лучше вовсе не быть игрушкой,—но ужъ на это г. Булгаковъ, конечно, не согласится.

Курьезны тѣ возраженія, которыя дѣлаетъ г. Булгаковъ критикамъ, отмѣчающимъ фаталистическій характеръ его „теоріи прогресса". Прежде всего, онъ отводитъ критиковъ-позитивистовъ на томъ странномъ основаніи, что они *сами* фаталисты. — Да если бы это и было такъ, то какимъ образомъ это оправдывало бы фатализмъ г. Булгакова, или дѣлало бы его „теорію" менѣе фаталистичною? Но онъ, по обыкновенію, невѣрно передаетъ взгляды своихъ противниковъ, превращая ихъ *теорію* въ вѣру, а ихъ *принципы познанія* въ идоловъ. По его мнѣнію они, признавая „абсолютное господство закона причинности", тѣмъ самымъ признаютъ какой-то fatum. Очевидно, что законъ причинности представляется почтенному профессору не то какъ личное существо, „лукавствующее" надъ волею людей, не то какъ самостоятельная стихійно-принудительная сила, „господствующая" надъ ними. Ему, разумѣется, извѣстно, но онъ *не хочетъ* знать и видѣть, что современный позитивизмъ считаетъ „законъ причинности" только способомъ познавательно связывать явленія въ непрерывный рядъ, только *формой координаціи опыта*, — что эту форму онъ признаетъ исторически-выработанной, всеобщей въ силу своей цѣлесообразности для познанія, и подлежащей критикѣ и дальнѣйшему развитію. Г. Булгаковъ предпочитаетъ заканчивать исторію позитивизма на матеріалистѣ Гольбахѣ, жившемъ около $1^1/_2$ вѣковъ тому назадъ. Вообще, г. Булгаковъ умѣетъ выбирать для себя самую выгодную позицію. Это, впрочемъ, обычная черта просвѣщеннаго клерикализма.

Затѣмъ г. Булгаковъ возражаетъ за себя противъ обвиненія

въ фатализмѣ. Съ точки зрѣнія вѣрящаго мышленія его возраженія, вѣроятно, очень сильны, но если держаться „границъ умопостигаемаго", т. е. логики, то они производятъ странное впечатлѣніе. Вотъ эти возраженія: „Во всякомъ случаѣ въ своей статьѣ я не далъ повода причислять себя къ сторонникамъ метафизическаго фатализма, ибо говорю въ ней и о долгѣ, и о категорическомъ императивѣ, и объ историческихъ обязанностяхъ, словомъ, о такихъ вещахъ, о которыхъ фаталисту, пожалуй, слѣдовало бы молчать. Напротивъ, я стремлюсь помирить въ своемъ міровоззрѣніи необходимость и свободу, не жертвуя ни свободой въ пользу всепожирающаго детерминизма, ни объективной закономѣрностью въ пользу абсолютнаго окказіонализма и личнаго произвола. Міровой и историческій процессъ можно мыслить, какъ такой планомѣрный процессъ, въ первоначальный планъ котораго включена человѣческая свобода, какъ его основное и необходимое условіе..... существованіе общаго провиденціальнаго плана возможно безъ какого бы то ни было стѣсненія человѣческой свободы. Конечно, такое рѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости можетъ быть предложено лишь въ связи съ цѣльной метафизической доктриной.... Я лично нахожу его въ философіи Вл. Соловьева, къ которой и отсылаю читателя" [1]).

Г. Булгаковъ „говоритъ о томъ, о чемъ фаталисту слѣдовало бы молчать: о долгѣ, историческихъ обязанностяхъ", и т. д. Что же онъ этимъ доказываетъ? Повидимому, только свою непослѣдовательность. А впрочемъ, развѣ все это—и долгъ, и категорическій императивъ, и историческія обязанности — не входитъ въ область вѣдѣнія фатальнаго „лукавства"? Если свобода „включена въ планъ", и всѣ ея проявленія „предусмотрѣны", т. е. предопредѣлены, то какая же это „свобода"? Тутъ даже Вл. Соловьевъ ничего не подѣлаетъ... И все „примиреніе свободы и необходимости" сводится, такимъ образомъ, къ тому, что „лукавство" жестоко издѣвается надъ обѣими. Славное примиреніе!

Повторяемъ еще разъ: мы вовсе не имѣемъ въ виду опровергать г. Булгакова,—это *невозможно*, потому что всякое плоское противорѣчіе, имъ высказанное, онъ во всякій моментъ можетъ вполнѣ оградить отъ какой бы то ни было критики, объявивши, что оно „не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму". Но *констатировать* эти противорѣчія мы, все таки, въ правѣ, и дѣло читателя—судить о нихъ.

Однако, не находитъ ли читатель, что для настоящей вѣры въ „теоріи прогресса" г. Булгакова слишкомъ много разсужденій и схоластическихъ увертокъ, тогда какъ для „теоріи" слишкомъ много „недоказуемыхъ постулятовъ"?

---

[1]) „Отъ м. къ ид.", стр. 158. *Цитируемъ passim.* Пропуски не мѣняютъ дѣла.

На этомъ врядъ ли возможно остановиться: это неустойчивая комбинація.

VI.

Г. Булгаковъ по спеціальности экономистъ. Политическая экономія есть наука, пока еще не особенно точная, но во всякомъ случаѣ *наука,* и, какъ таковая, допускаетъ, конечно, гипотезы, предположенія, но отнюдь не постуляты вѣрящаго мышленія. Г. Булгаковъ и здѣсь, однако, не измѣнилъ своей натурѣ: онъ былъ и остается *вѣрующимъ* экономистомъ; онъ мѣнялъ только объекты своего „правовѣрія". Когда онъ вѣровалъ въ свою pseudo-„научную теорію прогресса", то вѣровалъ также и въ экономическое ученіе марксизма, внося въ него, разумѣется, всѣ неизбѣжныя недоразумѣнія вѣрящаго мышленія. Когда онъ увѣровалъ въ „лукавство", онъ долженъ былъ, соотвѣтственно этому, перейти и въ другую экономическую вѣру. Этой послѣдней посвящены его статьи „Объ экономическомъ идеалѣ" и „Задачи политической экономіи".

Новая ортодоксія почтеннаго экономиста такова:

„Политическая экономія... возникла и существуетъ, поддерживаемая той практической важностью, которую въ настоящее время имѣютъ экономическіе вопросы въ жизни культурнаго человѣчества. Она родилась какъ плодъ поисковъ современнаго сознанія и совѣсти за *правдой* въ экономической жизни. Она вызвана не теоретическими, а этическими запросами современнаго человѣчества. *Политическая экономія,* по этому предварительному ея опредѣленію, *есть прикладная этика,* именно, этика экономической жизни". [1])

Съ точки зрѣнія „умопостигаемаго" здѣсь можно было бы найти крупныя натяжки. Напр., трудно какъ-то повѣрить, чтобы „этическими" только запросами было вызвано ученіе о „денежномъ балансѣ", о „торговомъ балансѣ", ученіе А. Смита объ экономическомъ принципѣ эгоизма, противоположномъ этическому принципу альтруизма, различныя вульгарно-апологетическія теоріи, „послѣдній часъ" Senior'a и т. п.—Дѣло объясняется тѣмъ, что *всякая наука возникаетъ изъ практическихъ потребностей жизни,* которыя побуждаютъ и опредѣляютъ собою волю къ познанію; а политическая экономія возникла, соотвѣтственно этому, изъ *общественно-практическихъ потребностей,* что́ съ точки зрѣнія „свободы воли" и „лукавства" нѣтъ надобности отличать отъ „этическихъ" потребностей: въ свѣтѣ абсолютнаго вся жизнь людей есть этическое упражненіе.

„Этическій экономистъ" есть, очевидно, не что иное, какъ спеціальная разновидность „субъективнаго соціолога". Г. Булгаковъ самъ вполнѣ признаетъ это.

---

[1]) „Отъ маркс. къ ид.", „Объ эконом. ид.", стр. 264, passim.

„Субъективизмъ необходимо присущъ всякому творчеству, созданію изъ себя или изъ своей субъективности, и поскольку политическая экономія есть не только наука, но и техника, не только констатируетъ существующее, но и постулируетъ должное, субъективизмъ изъ нея неустранимъ... Итакъ, соціальная наука вообще и политическая экономія въ частности не можетъ понимать безъ того, чтобы не плакать и не смѣяться; въ этомъ состоитъ не только ея право, но и ея обязанность... И въ этой борьбѣ съ претензіями зазнавшагося объективизма, — повторяю это еще разъ,—заключается правда субъективной соціологіи, какъ ни дурно обосновывала ее философски эта послѣдняя". [1])

„Дурная философская обосновка"—это, очевидно, формальное признаніе идей позитивизма нашими старыми субъективными соціологами. Если бы они догадались уйти изъ „границъ умопостигаемаго" и „обосновывать" свое ученіе на „лукавствѣ"— ничего больше бы не требовалось. Правда, г. Булгаковъ дѣлаетъ еще оговорку насчетъ того, что „соціологическій субъективизмъ долженъ быть возможно наученъ, контролироваться средствами научнаго опыта." [2]) Но противъ такой оговорки „субъективные соціологи", конечно, ничего не возразятъ; напротивъ, имъ должно очень понравиться спокойное и увѣренное повтореніе ихъ любимаго плоскаго противорѣчія „научный субъективизмъ", повтореніе особенно цѣнное послѣ того, какъ ихъ противники выяснили и доказали, что „объективизмъ" и „научность" въ познаніи одно и то же.

И все-таки мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобы наши субъективисты обрадовались своему новому союзнику. Тотъ путь, на которомъ онъ пришелъ къ этому союзу, придаетъ не особенно лестное освѣщеніе ихъ собственной психологіи: онъ подчеркиваетъ то смѣшеніе элементовъ вѣры и теоретическаго мышленія, которое составляетъ основу и ихъ доктрины.

VII.

Теоретическая экономія съ ея абстрактнымъ методомъ отличается такимъ крайнимъ объективизмомъ, что превратить ее въ этику, да еще прикладную, нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Поэтому г. Булгакову, чтобы выдержать свою точку зрѣнія, оставалось только одно: совсѣмъ покончить съ этой наукою. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Почтенный экономистъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ теоретическую экономію:

„Она ставитъ себѣ приблизительно такой вопросъ: какъ можно

---

[1]) „Отъ м. къ ид." 332—333. Цитировано passim во избѣжаніе длинныхъ выписокъ.

[2]) Тамъ-же, стр. 334.

мыслить въ абстракціи связь между нѣкоторыми фактами (феномены цѣнъ, прибыли, капитала, ренты), помимо эмпирической связи между ними, устанавливаемой и разъясняемой въ политической экономіи? Какой логическій мостъ можно перекинуть, опираясь на эти твердыя основанія? Она не находитъ себѣ задачи прямо въ опытѣ, а ее выдумываетъ, сочиняетъ, и тѣмъ самымъ выдумываетъ самое себя.

„Что теоретическая экономія на самомъ дѣлѣ не имѣетъ цѣлью опытное познаніе, изученіе и анализъ дѣйствительности, ясно само собою изъ ея содержанія. Послѣ всѣхъ ея логическихъ усилій и построеній наши эмпирическія познанія нисколько не обогащаются, такъ что для пониманія экономической дѣйствительности ничего не потеряетъ тотъ, кто останется совершенно чуждъ спекуляціямъ о цѣнности и т. д., какъ это хорошо извѣстно и изъ исторіи экономической науки.“ [1])

Здѣсь самое поразительное—это ссылка на *исторію экономической науки*. Воздерживаясь отъ всякой полемики съ г. Булгаковымъ, которая, какъ я уже указывалъ, по существу дѣла невозможна, я не могу не отмѣтить для читателя, какъ вѣрящее мышленіе, въ случаѣ надобности, безъ колебаній и сомнѣній искажаетъ факты.

Именно исторія экономической науки даетъ намъ понятіе о томъ громадномъ значеніи для познанія и жизни, которое имѣла и имѣетъ теоретическая экономія. На ней обосновывались рѣшенія вопросовъ о фритредерствѣ и протекціонизмѣ, вопросовъ о значеніи потребительныхъ и производительныхъ товариществъ для общаго уровня жизни рабочаго класса, современнаго вопроса о томъ, могутъ или не могутъ трёсты устранить общіе кризисы и т. д. Г. Булгаковъ предложилъ бы рѣшать всѣ эти вопросы на почвѣ „эмпирическихъ фактовъ“, независимо отъ общаго необходимаго или, какъ онъ выражается, „логическаго“ соотношенія между капиталомъ и прибылью, заработной платой и цѣнностью средствъ потребленія, между предпріятіями однородными и разнородными и т. д. Пусть такъ: г. Булгакову, очевидно, не нравятся тѣ рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, которыя получаются при помощи теоретической экономіи; но человѣку, стоящему на почвѣ изслѣдующаго, а не вѣрящаго мышленія, это никогда не послужило бы основаніемъ утверждать, что такія рѣшенія вообще невозможны, что теоретическая экономія, какъ чистая схоластика, ставитъ несуществующіе вопросы и не можетъ служить для разъясненія и пониманія фактовъ дѣйствительности.

То идеализированное и схематизированное представленіе фактовъ опыта, которое характеризуетъ абстрактный методъ теоретической экономіи, есть общая черта *всѣхъ наукъ, устанавливающихъ общіе законы явленій*. Кто знакомъ съ естественными науками, тотъ знаетъ, что всякій общій научный принципъ выра-

[1]) „Отъ м. къ ид.“ стр. 342.

жаетъ какое-нибудь идеальное соотношеніе, такое, какого въ чистомъ видѣ опытъ, даже наилучше обставленный, никогда не даетъ. Всѣ эти принципы исходятъ изъ идеальныхъ, *предѣльно-простыхъ* условій, и служатъ выраженіемъ *предѣльныхъ* отношеній между явленіями. Никогда и никто не видалъ взаимодѣйствія только двухъ тѣлъ, или движенія тѣла безъ всякаго воздѣйствія на него среды, а потому законы движенія, установленные Ньютономъ, суть только *предѣльныя абстракціи*. Но онѣ даютъ намъ способы анализировать и понимать конкретныя явленія. Таковы же предѣльныя абстракціи теоретической экономіи, и таково же ихъ реальное значеніе.

VIII.

Въ послѣднихъ статьяхъ г. Булгакова есть много ярко-прогрессивныхъ фразъ, которыя для большинства читателей могутъ показаться достаточной компенсаціей за реакціонныя основы міровоззрѣнія почтеннаго профессора. Чтобы болѣе точно оцѣнить взаимное отношеніе этихъ двухъ сторонъ идейной дѣятельности г. Булгакова, мы сдѣлаемъ нѣсколько маленькихъ сопоставленій.

Идеи равенства и свободы г. Булгаковъ выводитъ изъ потусторонняго міра,—въ этомъ для него ихъ *высшая санкція*: „Люди неравны по природѣ, неравны по возрастамъ, по поламъ, по талантамъ, по образованію, по наружности, по условіямъ воспитанія, по жизненнымъ успѣхамъ, по характерамъ и т. д. и т. д. Слѣдовательно, изъ опыта идеи равенства почерпнуть мы не могли, изъ опыта мы могли бы получить скорѣе античныя или ницшеанскія идеи. Равенство людей не только не есть фактъ, но даже и не можетъ имъ сдѣлаться, это есть лишь *норма* человѣческихъ отношеній, идеалъ, прямо отрицающій эмпирическую дѣйствительность“ [1]).

Представимъ себѣ такой случай: г. Булгаковъ неожиданно для себя пришелъ къ тому выводу, что идея равенства (и точно также идея свободы) имѣетъ *эмпирическое* происхожденіе. Тогда потусторонняя санкція идеи сразу исчезнетъ, и идея потеряетъ все значеніе въ глазахъ г. Булгакова. А между тѣмъ мысль объ эмпирическомъ происхожденіи идеи равенства настолько проста и естественна, что отъ нея не можетъ гарантировать даже вѣрящее мышленіе. Достаточно сообразить, что изъ фактическаго неравенства для людей возникаетъ много непріятностей, и они въ своей борьбѣ съ этимъ неравенствомъ обобщаютъ свое отрицательное отношеніе къ нему въ идеѣ, которая окажется именно идеей равенства. Вѣдь, человѣкъ всегда стремится къ тому, чего ему не хватаетъ, что, слѣдовательно, еще не дано объективно въ его опытѣ,—но самое-то стремленіе возникаетъ изъ противо-

---

[1]) Ст. „О соціальномъ идеалѣ“, стр. 300.

рѣчій и неудобствъ того, что дано въ опытѣ; и обобщенная формула этого стремленія есть лишь обобщенное отрицаніе этихъ противорѣчій и неудобствъ, т. е. не заключаетъ въ себѣ ровно ничего сверхъ-опытнаго. Съ точки зрѣнія г. Булгакова слѣдовало бы принять, что человѣкъ вообще не можетъ на почвѣ опыта сдѣлать ничего новаго, потому что новое—это и есть то, что еще не дано въ опытѣ. Если г. Булгаковъ отступитъ передъ этимъ выводомъ, то ему останется только признать и идею равенства не сверхъ-опытной по происхожденію; а тогда какую цѣну будетъ она имѣть въ его глазахъ? *Вѣрить* въ нее онъ во всякомъ случаѣ перестанетъ,—„эмпирическое" слишкомъ низменный объектъ для вѣры.

„Идеалъ равенства,—говоритъ г. Булгаковъ,—имѣетъ смыслъ и значеніе, соотвѣтствуетъ верховной идеѣ справедливости лишь какъ требованіе возможнаго равенства условій для развитія личности въ цѣляхъ свободнаго ея самоопредѣленія, нравственной автономіи. Другими словами, все практическое содержаніе идеи равенства сводится къ идеѣ свободы личности и къ требованію общественныхъ условій развитія, этой свободѣ наиболѣе благопріятствующихъ" [1]).

„Достижимы въ историческихъ условіяхъ только конкретныя цѣли, между тѣмъ идеалъ справедливости абстрактенъ и, по самому своему смыслу, можетъ соединяться съ различнымъ конкретнымъ содержаніемъ... Измѣняющіяся конкретныя условія приносятъ новыя данныя для рѣшенія этой задачи и для новаго нахожденія этого всемірно-историческаго искомаго... Не забудемъ, что идеалъ равенства и свободы является отрицаніемъ этихъ условій, и уже потому не можетъ цѣликомъ въ нихъ воплотиться" [2]).

Итакъ, идеалъ равенства недостижимъ, хотя онъ выражаетъ лишь „требованіе возможнаго равенства условій для развитія личности". Почему же собственно недостижимъ? Развѣ нельзя допустить возможность въ будущемъ такихъ общественныхъ условій, при которыхъ *неравенство въ условіяхъ развитія* личности *A* и личности *B* можетъ быть сдѣлано меньше всякой данной величины, т. е. теряетъ всякое практическое значеніе? Вѣдь, это неравенство—*не безконечная величина*,—какъ все, что дано въ опытѣ, оно ограниченно и конечно; а все, что ограниченно и конечно, лежитъ принципіально въ предѣлахъ развивающихся человѣческихъ силъ.—Но для вѣрящаго мышленія *необходимо* сдѣлать идеалъ недостижимымъ, иначе тутъ не во что вѣрить.

Любопытно сопоставить съ этимъ научно-философское пониманіе идеала. Оно, напротивъ, допускаетъ *только достижимые* идеалы, находя, что невозможно *активно* стремиться къ недо-

---

1) Тамъ же, стр. 303.
2) Тамъ же, стр. 307.

стижимому—о недостижимомъ можно только мечтать, это идолъ, а не идеалъ. Для вѣрящаго мышленія достиженіе идеала есть „конецъ исторіи, неподвижность", потому что такое мышленіе консервативно, ему недоступно творчество новыхъ и новыхъ идеаловъ, оно получаетъ ихъ только извнѣ. Напротивъ, свободное мышленіе въ соединеніи съ активной волей, едва лишь достигаются одни идеалы, переходитъ творчески къ другимъ: оно не боится остановки.

Идеалъ свободы представляется г. Булгакову въ нѣсколько своеобразной окраскѣ:

„Легко различить зависимость внутреннюю или свободную и внѣшнюю или принудительную. Первую мы имѣемъ въ отношеніяхъ ученика къ учителю, читателя къ писателю, сына къ отцу и т. д. Подобная зависимость не только не нарушаетъ духовной свободы личности, но, по настоящему, она представляетъ поле для ея проявленія, ибо свобода личности фактически осуществляется лишь въ общеніи съ другими людьми" [1]).

Изъ всѣхъ формъ „свободной" зависимости не упомянута, какъ видимъ, именно та, которая *одна* вполнѣ заслуживаетъ этого названія—*товарищеская* форма взаимной зависимости. Ученикъ лишь постольку „свободно" зависитъ отъ учителя, читатель отъ писателя и т. д., поскольку одинъ относится къ другому не какъ къ авторитету, а какъ къ товарищу, поскольку ученикъ или читатель считаетъ себя принципіально не ниже учителя и писателя, и умѣетъ отнестись къ послѣднему вполнѣ сознательно, критически, а при случаѣ можетъ научить его чему-нибудь въ свою очередь. Г-ну Булгакову *смягченныя формы авторитарной зависимости* кажутся настоящей „духовной свободой", тогда какъ съ точки зрѣнія современнаго мышленія это далеко не такъ. Въ своихъ наиболѣе сильно выраженныхъ проявленіяхъ эта „свободная" авторитарная зависимость переходитъ въ самое настоящее духовное рабство—въ слѣпое поклоненіе человѣка человѣку, какъ низшаго существа высшему.

Все это мѣшаетъ намъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ жизненной надежности прогрессивныхъ стремленій г. Булгакова. Тѣ же слова означаютъ у просвѣщеннаго клерикала нѣчто иное, чѣмъ у представителей дѣйствительно прогрессивныхъ формъ мышленія.

Но это еще не самое главное. Всего важнѣе глубокое, безысходное противорѣчіе между тѣми идеалами, о которыхъ г. Булгаковъ говоритъ, какъ бы сомнительно и неясно ни было у него ихъ пониманіе,—и той основной идеей, на которой онъ хочетъ строить свое міросозерцаніе. Если представлять всю жизнь въ ея цѣломъ, весь міровой процессъ, какъ своего рода „послушаніе", если видѣть идеалъ жизни въ полномъ и безусловномъ подчиненіи каждой личной воли какой-то иной, но тоже личной

---

[1]) Тамъ же, стр. 304.

волѣ, то какая еще можетъ быть рѣчь объ этихъ идеалахъ діаметрально противоположнаго характера, объ идеалахъ, исключающихъ личное подчиненіе? Рано или поздно, но они должны быть отвергнуты.

На первый взглядъ можетъ, конечно, показаться довольно естественнымъ и вѣроятнымъ, что человѣкъ, удовлетворяя вполнѣ свои рабскіе инстинкты въ одномъ мірѣ—въ области трансцендентнаго, будетъ чувствовать себя тѣмъ болѣе свободнымъ отъ нихъ въ другомъ мірѣ—въ сферѣ опыта. Это было бы мыслимо, если-бы оба міра были абсолютно раздѣлены. Но это не такъ. Для вѣрящаго мышленія они неразрывно сливаются между собою, и одинъ изъ нихъ есть только *проявленіе* другого. Авторитарное пониманіе основной связи міропорядка, и идеалъ автономной воли для эмпирическихъ проявленій этой связи—жизненно несовмѣстимы между собою. Вотъ почему просвѣщенный клерикализмъ не можетъ составлять прочной системы міровоззрѣнія: это всегда лишь временное, неустойчивое равновѣсіе противоположныхъ жизненныхъ тенденцій. Время его разрушитъ.

А. Богдановъ.

Интеллигенція, какъ соціальная группа.

I.

Кто желаетъ разобраться въ теченіяхъ русской общественной мысли, тотъ необходимо долженъ уяснить себѣ, что такое „интеллигенція". Въ противоположность общепринятому у насъ взгляду, мы думаемъ, что общественная группа, сходная съ нашей „интеллигенціей", существовала и существуетъ и въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи. Но несомнѣнно, что благодаря общимъ соціально-политическимъ условіямъ, въ извѣстной мѣрѣ различнымъ для Россіи и для другихъ странъ, судьбы русской интеллигенціи, ея значеніе и роль въ жизни, ея духовно-общественный складъ во многомъ разнятся отъ того, что было и есть на Западѣ. Оттиснутая отъ практической жизни въ область теоретическихъ умствованій, но страстно рвущаяся къ этой жизни, наша интеллигенція совершила большую умственную работу, на которой лежитъ неизгладимая печать условій, въ которыхъ она находилась. Цѣлая полоса нашей беллетристики и почти вся публицистика, важная эпоха русскаго искусства (передвижники), рядъ научныхъ попытокъ (русская соціологическая школа)—все запечатлѣно у насъ духомъ „интеллигенціи". Это обстоятельство придавало указаннымъ проявленіямъ русской духовной жизни особую силу, оно же таило въ себѣ и корень ихъ слабости и микробъ снѣдавшей ихъ скоротечной чахотки. Сила заключалась въ томъ, что эти повѣсти, романы, стихи, статьи, картины и „ученые" труды не были для нашего интеллигента простымъ средствомъ развлеченія или умственнаго наслажденія, а были для него поистинѣ пищей духовной. Съ ними была связана вся его жизнь, они образовали то духовное содержаніе, безъ котораго интеллигентъ превратился бы въ ничто, въ нравственный нуль, потерялъ бы право на существованіе. Все, къ чему интеллигентъ ни прикасался, все, что

онъ ни изучалъ, все, что онъ ни воплощалъ въ художественные образы, такъ или иначе проходило черезъ интеллигентскую призму и окрашивалось въ соотвѣтствующіе цвѣта. Поэтому то для интеллигенціи оно было не игрушкой, не забавой, а дѣломъ жизни, острымъ и яркимъ. Въ этомъ заключалась сила „интеллигентскаго“ творчества, но тутъ же надо искать и корень его слабости. Все это было полно жгучаго, страстнаго интереса для интеллигенціи, но все это говорило очень мало „уму и сердцу“ другихъ общественныхъ группъ и слоевъ, а потому то и умирало такъ скоро, не всегда даже оставляя по себѣ прочный слѣдъ. Исторія нашей художественной литературы служитъ яркимъ тому доказательствомъ. Истинно-геніальныя, безсмертныя произведенія русской художественной литературы созданы не „интеллигенціей“, разумѣя подъ нею опредѣленную соціологическую группу, о которой у насъ и пойдетъ рѣчь ниже. Писатели-разночинцы 60-хъ и 70-хъ годовъ, эти истинные и типичные интеллигенты, Гл Успенскій, Златовратскій, Кущевскій, Омулевскій, Каронинъ и т. д. были очень талантливые, очень искренніе люди, но ихъ произведенія претендовать на безсмертіе не могутъ. Наиболѣе популярный, наиболѣе яркій, бодрый и смѣлый изъ современныхъ писателей Максимъ Горькій, по соціальному своему положенію, вышелъ не изъ интеллигенціи. Правда, въ послѣднихъ произведеніяхъ М. Горькаго чувствуется вѣяніе охватившаго его интеллигентскаго духа — и, къ сожалѣнію, по общему признанію, въ художественномъ отношеніи эти послѣднія произведенія ниже первыхъ, когда творческое вдохновеніе молодого художника не было заражено болѣзнями „интеллигенціи“...

„Интеллигентская“ печать лежитъ на большей части духовной работы, совершенной Россіей въ XX вѣкѣ. Казалось бы, вопросъ, что такое „интеллигенція“, долженъ былъ неотступно стоять передъ каждымъ мыслящимъ человѣкомъ и неотступно требовать разрѣшенія прежде всякого другого. Къ удивленію, ничего подобнаго мы не видимъ. Этотъ вопросъ почти не подымался. Только въ одинъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ въ жизни нашей интеллигенціи, въ началѣ 80-хъ годовъ, вопросъ этотъ силою вещей выдвинутъ былъ на очередь и послужилъ предметомъ острой литературной полемики. Полемика эта происходила при слишкомъ острыхъ обстоятельствахъ, время тогдашнее было временемъ полнаго господства „субъективнаго метода“, что, конечно, находитъ себѣ исчерпывающее объясненіе въ общественно-экономическихъ условіяхъ момента, — а при такомъ положеніи дѣла невозможно было и разсчитывать на объективное выясненіе вопроса. Полемика начала 80-хъ годовъ объ „интеллигенціи“ проникнута чисто „субъективнымъ“ настроеніемъ. Рѣчь шла не о выясненіи того, что же такое интеллигенція, а о защитѣ ея отъ нападеній. Поводомъ къ полемикѣ послужила, помѣщенная въ „Новомъ Времени“ статья противъ интеллигенціи. Интеллигенція громилась во имя яко-бы „народа“, а на самомъ дѣлѣ

во имя неприкосновенности темноты и невѣжества крестьянской массы, служащихъ нерѣдко опорой и поддержкой. По этому поводу прогрессивная литература и вступилась за „интеллигенцію“, при чемъ, конечно, хотя и мимоходомъ, приходилось давать опредѣленіе „интеллигенціи“.

Виднѣйшій публицистъ того времени, общепризнанный глава „русской соціологической школы“, Н. К. Михайловскій, безъ упоминанія о которомъ не можетъ обойтись ни одна статья, посвященная идейной жизни русскаго общества, писалъ: „Мы можемъ съ чистой совѣстью сказать: мы—интеллигенція потому, что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо *сердце и разумъ нашъ съ нимъ*“ [1]). Далѣе, приводя примѣры, Н. К. Михайловскій говоритъ: Бѣлинскій, Лермонтовъ—интеллигенція, а „Аксаковъ есть *интеллигенція*, состоящая въ вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи, къ московскимъ купцамъ“. Логическая несостоятельность этихъ, чисто субъективныхъ, опредѣленій бьетъ въ глаза. Если въ понятіе интеллигенціи, какъ необходимый признакъ, отличающій ее отъ всѣхъ „такъ называемыхъ цивилизованныхъ людей“, входитъ требованіе, чтобы „сердце и разумъ“ человѣка были „съ народомъ“, то какъ же можно назвать „интеллигенціей“ Аксакова, „состоящаго въ вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи“? Одно изъ двухъ: либо Аксаковъ „интеллигенція“ и тогда въ силу самого даннаго опредѣленія и Аксаковскіе „сердце и разумъ“ „съ народомъ“, либо онъ находится въ „вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи“ и является никакъ не интеллигенціей, а просто „цивилизованнымъ“ человѣкомъ. Многое другое поражаетъ теперь насъ, уже умудренныхъ горькимъ опытомъ, въ этомъ опредѣленіи Н. К. Михайловскаго, которое его современникамъ казалось столь яснымъ. Теперь то мы отлично знаемъ, что противополагать интеллигенціи „народъ“, какъ единое тѣло, нельзя, что „народъ“ раздѣляется на много элементовъ, что ходъ исторіи многосложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ казалось. Доказывать это теперь, значитъ ломиться въ открытую дверь. А въ то время дѣло представлялось яснымъ: былъ народъ, были враги его, кулаки и капиталисты, собиравшіеся провести „народъ“ сквозь капиталистическій строй, и была, наконецъ, интеллигенція, призванная защищать „народъ“ и оберегать его отъ капиталистической напасти. Тотъ же Н. К. Михайловскій для характеристики тогдашняго положенія дѣлъ приводилъ картинный примѣръ испанца, попавшаго въ сѣверную страну въ зимнее время. На испанца набросились собаки. Чтобы оборониться отъ нихъ, онъ хотѣлъ схватить лежащій на землѣ камень, но камень оказался примерзшимъ. „О, проклятая страна!—

[1]) Отеч. Зап. т. CCLIX стр. 201.

вскричалъ испанецъ.—Тутъ пускаютъ бѣгать собакъ и привязываютъ камни!"

„Интеллигенція" — это люди, „сердце и разумъ" которыхъ „съ народомъ". Въ наше время никто, конечно, не подпишется подъ этимъ опредѣленіемъ, насквозь пропитаннымъ первороднымъ грѣхомъ Н. К. Михайловскаго, его „субъективнымъ методомъ". Поговорите-ка, напримѣръ, съ нововременскимъ Энгельгардтомъ или княземъ Мещерскимъ. Они горячо будутъ васъ увѣрять, что именно ихъ „разумъ" и ихъ „сердце" съ „народомъ", что они-то „съ чистой совѣстью" могутъ сказать про себя: мы — интеллигенція, тогда какъ Н. К. Михайловскій, В. Г. Короленко не кто иные, какъ лица, „состоящія въ вассальныхъ отношеніяхъ" къ врагамъ Россіи. И очевидно, что на этой почвѣ никакой споръ съ ними невозможенъ, очевидно также, что на столь шаткомъ и субъективномъ критеріи нельзя построить опредѣленія цѣлой соціальной группы, наличность которой въ Россіи для всѣхъ очевидна и крупная роль которой въ жизни страны ни для кого не является тайной. Необходимо поискать признаки, опредѣляющіе, что такое интеллигенція, въ другомъ мѣстѣ, лежащемъ внѣ субъективныхъ представленій о томъ, „съ народомъ" или нѣтъ „сердце и разумъ" даннаго субъекта.

Но для этого прежде всего необходимо устранить цѣлый рядъ недоразумѣній, напластовавшихся отъ чрезмѣрнаго злоупотребленія въ разговорной рѣчи терминомъ: „интеллигенція".

II.

Сплошь и рядомъ въ газетахъ читаешь такія извѣстія: „на торжествѣ присутствовала вся мѣстная интеллигенція", и затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе этой интеллигенціи: земскій начальникъ, исправникъ, становой, окрестные помѣщики, купцы, священникъ, волостной писарь, учитель и т. д., иногда вплоть до урядника и волостного старшины. Здѣсь, очевидно, „интеллигенція" противополагается „грубой, сѣрой массѣ". Отличительнымъ признакомъ служитъ отчасти грамотность и извѣстная образованность, отчасти просто внѣшній лоскъ, нѣкоторыя культурныя привычки, усвоенныя въ подражаніе высшимъ слоямъ городского населенія. Такая группировка, понятно, слишкомъ широка и никакого ни практическаго, ни теоретическаго значенія имѣть не можетъ. Вмѣсто слова „интеллигенція" въ указанныхъ случаяхъ съ большимъ основаніемъ говорятъ просто: цивилизованные, культурные, интеллигентные люди. Но интеллигентные люди, къ разряду которыхъ очень часто могутъ быть отнесены и купцы, и фабриканты, и чиновники, и рабочіе,—не составляютъ еще специальной соціологической категоріи, именуемой „интеллигенціей". Очень сложенъ вопросъ о томъ, входятъ ли чиновники въ составъ „интеллигенціи", какъ особой соціальной группы. Ниже мы увидимъ, въ чемъ именно сложность этого вопроса и почему онъ не мо-

жетъ быть такъ легко разрѣшенъ, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Еще сложнѣе, еще запутаннѣе отношеніе писателей, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, къ интеллигенціи, какъ особой группѣ. Такъ какъ значительная часть интеллигенціи имѣетъ то или иное дѣйственное отношеніе къ печатному слову и, большею частью, пишетъ и печатаетъ, то сложился взглядъ, что всякій писатель принадлежитъ въ то же время къ интеллигенціи. Надо строго различать писателя, какъ индивидуума, отъ собранія его литературныхъ трудовъ. Литературные труды писателя входятъ въ жизненный обиходъ интеллигенціи, способствуютъ подчасъ образованію тѣхъ или иныхъ сторонъ ея міросозерцанія, но самъ писатель, ихъ создавшій, можетъ вовсе и не принадлежать къ интеллигенціи, какъ особой соціальной группѣ. Конечно, большею частью, запросы, тревоги, радости и надежды интеллигенціи,равно какъ и ея духовный складъ близки „уму и сердцу“ почти каждаго писателя, но даже и это не обязательно. Тургеневу, напримѣръ, была очень близка духовная жизнь современной ему интеллигенціи, произведенія Тургенева играли большую роль въ выработкѣ нашей интеллигенціей своего міросозерцанія—стоитъ только вспомнить знаменитую полемику изъ-за Базарова,—но все это не мѣшало Тургеневу по своему соціальному положенію принадлежать не къ группѣ интеллигенціи, или, точнѣе, не столько къ ней, сколько къ группѣ помѣщиковъ-дворянъ. И въ наше время странно было бы оспаривать, что соціальное положеніе Тургенева наложило сильный отпечатокъ на его творчество. Еще характернѣе положеніе Л. Н. Толстого. Онъ не только не принадлежалъ къ интеллигенціи по своему соціальному положенію, но въ первую половину своей литературной дѣятельности былъ даже совершенно чуждъ и духовной жизни этой общественной группы. То же самое можно сказать и про Лермонтова. Пушкинъ, хотя и по своему соціальному положенію и по духовнымъ интересамъ и принадлежалъ къ интеллигенціи, однако тяготился этой принадлежностью, стыдился ея и изо всѣхъ силъ тянулся къ придворной аристократіи. Само собою разумѣется, что все это касается названныхъ писателей, лишь какъ индивидуумовъ, равныхъ всякому другому индивидууму А, Б, В. Произведенія же всѣхъ этихъ геніальныхъ художниковъ составляютъ прочное духовное сокровище всей Россіи и прежде всего „интеллигенціи“.

Великіе геніальные писатели не только не должны обязательно принадлежать по своему соціальному положенію къ группѣ интеллигенціи, но, какъ доказываетъ историческій опытъ, выходятъ большею частью изъ другихъ общественныхъ слоевъ. Интеллигенція, хотя и важная общественная группа, быть можетъ,—даже, въ наше время и самая важная,—однако, она не имѣетъ монополіи ни на духовное творчество, ни на отраженіе и воплощеніе тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя въ данное время при-

сущи наибольшей части народа, общи очень многимъ и общностью своей уничтожаютъ и покрываютъ, хотя бы временно, различія, отдѣляющія однѣ группы народа отъ другихъ. Писателей, такимъ образомъ, нельзя смѣшивать съ интеллигенціей.

Мы видимъ, слѣдовательно, что ни субъективный критерій семидесятниковъ, сводившійся къ любви къ народу („сердце и разумъ съ народомъ"), ни объективные критеріи грамотности, образованности, прикосновенности къ писательству не могутъ дать достаточныхъ основаній для выдѣленія изъ людской массы особой группы, именуемой интеллигенціей. Между тѣмъ, въ жизни такое выдѣленіе производится. Называя то или иное лицо, мы, большею частью, можемъ безъ колебаній отвѣтить, принадлежитъ ли оно къ особой соціальной группѣ: „интеллигенція"—или нѣтъ; тамъ же, гдѣ колебанія существуютъ, напримѣръ, въ вопросѣ о чиновникахъ, сами эти колебанія представляютъ большой интересъ для выясненія этой категоріи, границы которой, какъ и всякой иной соціальной группы, не отличаются, понятно, математической точностью. Для выясненія того, что такое „интеллигенція", необходимо обратиться къ инымъ критеріямъ, и искать ихъ слѣдуетъ въ матеріальномъ базисѣ общества, въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ.

Тутъ, конечно, послышатся обычные у насъ упреки въ матеріализмѣ, въ грубомъ непониманіи духовнаго существа интеллигенціи, въ желаніи дискредитировать наиболѣе прогрессивную общественную группу, свести высочайшіе ея духовные запросы на „интересы желудка". Упреки эти такъ стары, такъ пошлы и вздорны, что обращать на нихъ вниманіе, право, не стоитъ. Въ одной изъ своихъ статей Фр. Энгельсъ говоритъ: „Марксъ впервые сдѣлалъ очевиднымъ тотъ фактъ, что люди должны ѣсть, пить, обитать въ жилищахъ и одѣваться, слѣдовательно, работать прежде, чѣмъ они могутъ спорить о господствѣ, заниматься политикой, религіей, философіей и т. п." Въ этихъ словахъ вовсе не заключается „весь экономическій матеріализмъ", какъ думаютъ нѣкоторые, но въ этихъ словахъ, безспорно, содержится одна изъ глубочайшихъ основныхъ идей историко-матеріалистской гипотезы. Собственно говоря, это не что иное, какъ констатированіе общественнаго и всеобщаго факта. Прежде всего люди должны существовать и поддерживать свое существованіе. Кажется, какъ это банально, просто, общеизвѣстно! А между тѣмъ, въ дѣйствительности отъ этой „банальной истины" теоретики почему то считаютъ нужнымъ прятаться, считая ее, очевидно, позорной для рода человѣческаго.

Возьмемъ хотя бы интеллигенцію. Эта общественная группа состоитъ изъ людей. Люди прежде всего должны ѣсть, жить, одѣваться и т. д.. закону этому подчинены и интеллигенты, слѣдовательно, они должны добывать для этого средства. Когда передъ нами какой-либо одинокій интеллигентъ, въ родѣ пѣвца или сказителя въ древней общинѣ, вопросъ о средствахъ, на которыя

онъ живетъ, не имѣетъ особаго значенія, онъ либо занимается ремесломъ, либо добрые люди не оставляютъ. Но когда въ странѣ появляется цѣлая отдѣльная общественная группа, вопросъ о томъ, на какія средства она существуетъ, пріобрѣтаетъ огромную важность, безъ разрѣшенія его нельзя сдѣлать впередъ и шагу. Обобщеніе здѣсь неминуемо. Несмотря даже на извѣстное разнообразіе въ пріобрѣтеніи средствъ отдѣльными членами группы, по отношенію ко всей группѣ возможно открыть законосообразность.

Недавно г. Бердяевъ, числящійся теперь идеалистомъ, въ качествѣ таковаго писалъ: „Сверхклассовая интеллигенція т. е. та часть человѣчества, въ которой идеальная сторона человѣческаго духа побѣдила групповую ограниченность“ и далѣе въ поясненіе, очевидно, того, что разумѣть подъ этой „ограниченностью“ заявилъ: „Интеллигентъ не имѣетъ непосредственной связи съ той или иной экономической группой, онъ живетъ *прежде всего* интересами разума, интеллекта, духовный голодъ есть преобладающая страсть“ [1]). Не знаю, быть можетъ, это и очень идеально, возвышенно, краснорѣчиво, но мнѣ было крайне непріятно читать эту сентиментальную ложь, стремящуюся изобразить интеллигента человѣкомъ не отъ міра сего, подобно тому, какъ средневѣковые католическіе апологеты разрисовывали на суздальскій манеръ жизнеописанія своихъ святыхъ. Безспорно, отдѣльные интеллигенты могутъ и пожертвовать жизнью ради удовлетворенія духовнаго голода. Но то же самое бываетъ и съ лицами другихъ общественныхъ состояній, подобные случаи нерѣдки, напримѣръ, въ рабочей средѣ. Утверждать же, что интеллигентъ, въ противуположность всѣмъ людямъ, простымъ смертнымъ, живетъ по перевернутой формулѣ Маркса-Энгельса, т. е. прежде занимается политикой, религіей, философіей, чѣмъ пьетъ, ѣстъ, обитаетъ въ жилищахъ и одѣвается—значитъ, по-просту говоря, лгать. И г. Бердяевъ, несомнѣнно, искажаетъ дѣйствительность, быть можетъ, безсознательно, въ порывѣ увлеченія красивой фразой. Если бы дѣло обстояло такъ, какъ рисуетъ закутанный въ мантію идеалистъ, то никакой общественной группы „интеллигенціи“ не существовало бы, а тамъ и сямъ бродили бы голодные, ободранные субъекты, насыщающіе свой духовный голодъ. Я не думаю, чтобы бердяевская ложь сколько-нибудь возвышала и облагораживала интеллигенцію, какъ не думаю, чтобы правдивое серьезное изученіе матеріальныхъ основаній существованія и развитія интеллигенціи позорило ее, дискредитировало ту высшую миссію, которую осуществляетъ въ нашей жизни эта группа. Значеніе интеллигенціи вовсе не страдаетъ отъ того, что эта общественная группа для своего существованія должна получать опредѣленныя средства на пищу, одежду и жилища. Въ психологіи интеллигенціи погоня за этими средствами, за пищей, одеждой и жили-

---

[1]) „Міръ Божій“, 1903 № 10. Критика историческаго матеріализма.

щемъ не играетъ такой роли, какъ въ психологіи другихъ классовъ. Это безспорный фактъ, но въ то же время, если эти потребности не удовлетворены, если нѣтъ средствъ на ихъ удовлетвореніе, то нѣтъ и интеллигенціи. Пока народъ такъ бѣденъ, что не можетъ удѣлить никакихъ средствъ на интеллигенцію, до тѣхъ поръ въ странѣ и не бываетъ такой общественной группы. Это опять-таки историческій фактъ, хотя, быть можетъ, и непріятный г-ну Бердяеву, такъ какъ, по его мнѣнію, интеллигентъ *прежде всего* чувствуетъ духовный голодъ, а ощущеніе физическаго голода—не болѣе, какъ неважная второстепенная подробность...

III.

Слово „классъ" принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыми наиболѣе часто злоупотребляютъ, объединяя при его помощи самыя разнохарактерныя явленія. Такъ какъ у насъ весьма нерѣдко приходится слышать, что интеллигенція, по словамъ однихъ, есть особый классъ, а по словамъ другихъ—класса не составляетъ и скорѣе должна считаться явленіемъ надклассовымъ, то для того, чтобы уяснить соціальную природу „интеллигенціи", неизбѣжно остановиться на точномъ опредѣленіи понятія „классъ". Въ этомъ отношеніи господствуетъ полный хаосъ. Одинъ ученый пишетъ: бюрократія, какъ классъ; отъ яраго марксиста на ряду со словами: „рабочій классъ", „классъ капиталистовъ", вы услышите и рѣчи о классѣ мелкихъ собственниковъ, о классѣ крупныхъ собственниковъ, ростовщиковъ и т. д. Въ обыденномъ словоупотребленіи дѣло обстоитъ еще хуже. Тутъ такъ и мелькаютъ выраженія: военный классъ, духовный классъ, классъ сапожниковъ и проч. и проч. Очевидно, что объединеніе и по профессіи, и по условному размѣру имущественнаго ценза, и по юридическому отношенію къ государству—все это смѣшивается и подводится подъ понятіе класса. Такое же смѣшеніе понятій господствуетъ и у марксистовъ.

Какъ извѣстно, на послѣдней страницѣ III, посмертнаго, тома „Капитала" написано: Глава пятьдесятъ вторая „Классы". Здѣсь Карлъ Марксъ со свойственнымъ ему презрѣніемъ ко всякимъ околичностямъ, приступаетъ прямо къ дѣлу. На протяженіи полусотни строкъ онъ формулируетъ вопросъ и намѣчаетъ путь къ его рѣшенію—но тутъ перо вырывается изъ рукъ геніальнаго мыслителя, и книга заканчивается роковыми словоми: „на этомъ рукопись прерывается". „Собственники одной только рабочей силы, говоритъ К. Марксъ, собственники капитала и собственники земли, соотвѣтственными источниками доходовъ которыхъ являются рабочая плата, прибыль и рента, слѣдовательно, наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы, составляютъ три обширные класса современнаго общества, основывающагося на капиталистическомъ способѣ производства". Марксъ весьма осторожно замѣчаетъ, что раздѣленіе классовъ нигдѣ не проявляется въ

чистомъ видѣ, что повсюду среднія и переходныя стадіи скрываютъ разграничительныя черты. Существуютъ, такимъ образомъ, смѣшанныя, гибридныя формы. Изъ этого видно, какъ далекъ былъ самъ Марксъ отъ прямолинейныхъ доктринеровъ, повсюду проводящихъ рѣзкія, неподвижныя разграничительныя черты. Марксъ не хуже современныхъ гносеологовъ зналъ, что въ жизни не существуетъ формъ рѣзко отдѣленныхъ одна отъ другой, что для составленія опредѣленій необходимо брать только крайнія формы и что съ точки зрѣнія среднихъ промежуточныхъ формъ ни одно опредѣленіе не можетъ выдержать критики.

„Изъ кого же состоитъ классъ, вслѣдствіе чего наемные рабочіе, капиталисты, землевладѣльцы, представляютъ собою три большіе общественные класса?“ спрашиваетъ Марксъ и даетъ такой отвѣтъ: „*На первый взглядъ* кажется, будто вслѣдствіе тождества доходовъ и источниковъ доходовъ. Эти три большія общественныя *группы*, составныя части которыхъ, лица, составляющія ихъ, живутъ рабочею платою, прибылью и земельной рентой, пользуясь своею рабочею силою, своимъ капиталомъ и своею земельною собственностью. *Однако*, съ этой точки зрѣнія врачи, напримѣръ, или чиновники точно такъ-же образовали бы два класса, такъ какъ они принадлежатъ къ двумъ различнымъ общественнымъ группамъ, при чемъ доходы сочленовъ каждой изъ нихъ получаются изъ одного и того же источника. То же самое относилось бы къ безконечнымъ *раздробленіямъ интересовъ* и положеній, на которыя, благодаря раздѣленію общественнаго труда, распадаются какъ рабочіе, такъ и капиталисты, и землевладѣльцы,—послѣдніе, напримѣръ, какъ владѣльцы виноградниковъ, пахотной земли, лѣса, нѣдръ земли съ ископаемыми богатствами, рыбныхъ ловель“... На этихъ рыбныхъ ловляхъ и обрывается рукопись.

Эти заключительныя слова III тома возбуждаютъ много недоумѣній. Марксъ представляетъ классъ, какъ группу, составными частями которой являются лица. Между тѣмъ съ эмпирической и раціоналистической точки зрѣнія мы знаемъ не группу, а только индивиды. Понятіе группы есть исключительно продуктъ нашей умственной работы, это нѣкое идеальное единство, образъ, составляемый нами путемъ отвлеченія отъ многихъ индивидовъ сходныхъ чертъ. Но этотъ образъ вовсе не есть сумма индивидовъ, онъ продуктъ нашего творчества, при чемъ при формированіи его участвовали не только нынѣ живущіе и знакомые намъ индивиды, но и свѣдѣнія, дошедшія до насъ тѣмъ или инымъ путемъ объ индивидахъ, уже исчезнувшихъ съ поля реальной жизни. Когда мы говоримъ: такой то человѣкъ принадлежитъ къ такой-то группѣ, къ такому-то классу,—это вовсе не значитъ, что мы наблюдали эмпирическую принадлежность его къ группѣ. Это означаетъ только, что мы приписываемъ индивиду черты, принадлежащія, по нашему мнѣнію, нѣкоему образу, созданному, разумѣется, нашей психикой. Поэтому вполнѣ понятно, что одному

и тому же индивиду мы можемъ одновременно приписывать черты, „принадлежащія“ разнымъ образамъ. Тогда одинъ и тотъ же индивидъ будетъ входить въ составъ различныхъ группъ, но понимать матеріалистически такой порядокъ вещей невозможно. Между тѣмъ, точка зрѣнія Маркса не ясна. Рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы—три *обширные класса* современнаго, капиталистическаго общества. Означаетъ ли это, что, кромѣ трехъ „обширныхъ“ классовъ, существуютъ еще и другіе, необширные, или же въ обществѣ, кромѣ указанныхъ классовъ, другихъ не существуетъ? Яснаго указанія у Маркса мы не имѣемъ. Онъ не соглашается видѣть особые кассы во врачахъ и чиновникахъ, а причисляетъ ихъ только къ общественнымъ *группамъ*. Но эти общественныя группы онъ считаетъ совершенно равнозначащими тѣмъ группамъ, которыя образовались въ „трехъ обширныхъ классахъ“ отъ „безконечнаго раздробленія интересовъ и положеній“. Такимъ образомъ, общественная группа есть только какъ бы подраздѣленіе класса, хотя раньше классъ и группа отождествлялись. Но какъ же все-таки быть съ врачами и чиновниками? Входятъ ли они въ составъ какого-либо класса, или стоятъ сбоку? Въ послѣднемъ случаѣ не значитъ ли это, что классовое дѣленіе не обнимаетъ всего общества? На всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта, Марксъ не далъ опредѣленія понятія „классы“, но онъ, *видимо*, отвергнулъ то опредѣленіе, исходившее изъ объективныхъ признаковъ, которое, по его же словамъ, кажется правильнымъ „на первый взглядъ“. По мнѣнію Маркса, кажется, нельзя въ основу опредѣленія „классъ“ ставить понятіе тождества доходовъ. Всѣ недоразумѣнія, вызываемыя словами Маркса, объясняются тѣмъ, что онъ въ данномъ случаѣ отождествилъ процессъ производства со всей соціальной жизнью и думалъ вывести опредѣленіе класса изъ анализа процесса производства, тогда какъ для этой цѣли необходимо анализировать всю соціально-экономическую жизнь въ совокупности.

Преемники Маркса, видя, что на объективной почвѣ удовлетворительнаго результата не добьешься, перешли на субъективную, быть можетъ, даже безсознательно. Классы стали опредѣлять, какъ группу лицъ, имѣющихъ одинаковые экономическіе интересы. Это опредѣленіе сдѣлалось классическимъ и вошло даже въ энциклопедическіе словари. Но интересъ, несмотря на то, что къ нему прибавлено слово „экономическій“, не перестаетъ оттого измѣняться сообразно съ психическимъ настроеніемъ лица. Получается признакъ столь шаткій, что для спасенія понятія „класса“ вынуждены были подмѣнить простой экономическій интересъ „здраво или правильно понятымъ интересомъ“. Но и это не помогло, и на фундаментѣ экономическаго интереса не удалось воздвигнуть зданія соціальнаго элемента—„класса“. Рядомъ съ гигантскимъ рабочимъ класомъ вырисовывается какой то безформенный карликъ, классъ сапожниковъ, каменщиковъ и т. д.; по „экономическому интересу“ оказывается, что классъ льняныхъ рабочихъ

ткачей противостоитъ классу ткачей хлопчатобумажныхъ и т. д. и т. д. Въ результатѣ полнѣйшая путаница, свидѣтельствующая о непригодности избраннаго пути для опредѣленія класса. Необходимо найти признакъ, который былъ бы общъ для всѣхъ индивидовъ, связанныхъ съ другими людьми экономическими отиошеніями, и позволялъ бы дѣлить ихъ на группы, понимая подъ такимъ дѣленіемъ, какъ выше было сказано, подведеніе индивидовъ подъ образъ, созданный нашей психикой посредствомъ отвлеченія отъ многихъ субъектовъ одинаковыхъ чертъ. Образъ, построенный на этомъ опредѣленномъ признакѣ, мы и будемъ называть классомъ, а про индивидовъ, подходящихъ подъ данный образъ, мы и будемъ говорить, что они принадлежатъ къ такому-то классу. Классовое дѣленіе будетъ наиболѣе общимъ дѣленіемъ людей въ отличіе отъ дѣленія по инымъ признакамъ, обнимающимъ меньшія общественныя группы индивидовъ, такъ или иначе уже подошедшія подъ дѣленіе классовое [1]). Такое пониманіе и взаимное отношеніе „класса“ и „группы“ является вполнѣ условнымъ—и, кто желаетъ, можетъ переставить одно понятіе вмѣсто другого, важно лишь, чтобы они были точно опредѣлены и чтобы ими нельзя было жонглировать, по прихоти подставляя одно вмѣсто другого.

IV.

Всякое явленіе можетъ быть опредѣлено словами лишь въ его крайнихъ и рѣзкихъ, даже не реально-существующихъ, а лишь идеально-предполагаемыхъ, мнимыхъ формахъ. Среднія промежуточныя и смѣшанныя формы, т. е., иначе говоря, всѣ существующія реально, всегда тѣмъ или инымъ угломъ будутъ выпирать изъ данаго опредѣленія. Честная критика должна твердо помнить этотъ фактъ и не предъявлять къ словесному опредѣленію требованій, которымъ никакое опредѣленіе удовлетворить не можетъ. Сдѣлавши это необходимое предисловіе, приступаемъ къ опредѣленію понятія „классъ“.

Общество существуетъ потому, что отдѣльные индивиды вступаютъ другъ съ другомъ въ отношенія. Отношенія эти могутъ имѣть безвозмездный характеръ, или, точнѣе, не обязательно-возмездный, напримѣръ, отношенія любви, семейной помощи, дружбы, простой бесѣды, подачи милостыни, дружескаго пѣнія и т. д. Это одинъ типъ отношеній. Другой типъ отношеній *принципіально*

[1]) Само собою разумѣется, что „группа“ можетъ обнимать индивидовъ, „принадлежащихъ“ къ разнымъ „классамъ“. Вся разница между классовымъ и групповымъ дѣленіемъ та, что опредѣляющій признакъ перваго дѣлитъ все человѣчество, примѣнимъ ко всѣмъ людямъ, а опредѣляющій признакъ группы такой универсальностью не обладаетъ. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о людяхъ, находящихся въ экономическихъ отношеніяхъ другъ къ другу, то понятно, почему дѣти и нищіе не объемлются этими дѣленіями.

имѣетъ *обязательно возмездный характеръ*. Такого рода отношенія мы называемъ экономическими. Они то и являются главенствующими въ современномъ обществѣ, опредѣляющими его строеніе. Эти отношенія и вырисовываются въ огромную сѣть, въ ячейкахъ которой размѣщается все остальное, что заполняетъ человѣческую жизнь.

Опредѣленіе класса мы извлекаемъ изъ области этихъ экономическихъ отношеній. Опредѣляющимъ признакомъ явится отвѣтъ на вопросъ: при посредствѣ чего человѣкъ входитъ въ экономическія отношенія съ другими людьми. У человѣка современнаго общества есть только четыре способа войти въ экономическія отношенія съ другими людьми, а именно: во-первыхъ, черезъ посредство своего физическаго труда, во-вторыхъ, умственнаго труда, въ третьихъ, черезъ посредство землевладѣнія, владѣнія почвой, и, въ-четвертыхъ, черезъ посредство капитала, т. е. накопленнаго труда, и при томъ труда чужого. Напоминаю здѣсь еще разъ то, что выше сказано объ опредѣленіяхъ вообще. Само собою разумѣется, что провести полную границу между реальнымъ физическимъ и реальнымъ умственнымъ видами труда невозможно. Какъ дровосѣку для его работы требуется извѣстная затрата не только физической, но и психической, умственной энергіи, такъ и педагогъ, артистъ, художникъ, литераторъ не могутъ обойтись безъ затраты физической, мускульной силы. Но въ крайнихъ идеальныхъ формахъ это различіе всѣмъ понятно, и трудъ обтесыванія камня никто не отождествитъ съ трудомъ художественнаго творчества, созданія картины, исполненія музыкальнаго произведенія. Точно также едва ли во всемъ обществѣ найдется хоть одинъ человѣкъ, который вступалъ бы въ отношенія съ другими людьми черезъ посредство *только одного* изъ указанныхъ нами четырехъ способовъ. Землевладѣлецъ въ большинствѣ случаевъ является и собственникомъ капитала, и обратно. Умственный трудъ, какъ было только что указано, не отдѣлимъ отъ реальныхъ проявленій труда физическаго и vice versa. Нѣкоторые представители мускульной силы являются нерѣдко собственниками клочка земли и держателями нѣкоторыхъ капиталовъ, но само собою разумѣется, что только одно лицемѣріе или неразуміе можетъ превратить такихъ рабочихъ изъ пролетаріевъ въ капиталистовъ и землевладѣльцевъ.

Переходныя и смѣшанныя формы и наполняютъ всю дѣйствительную жизнь, дѣлая ее столь сложной и прихотливо разнообразной. Но для изслѣдованія мы вполнѣ можемъ ограничиться четырьмя указаными идеальными, абстрагированными отъ дѣйствительности, взятыми въ чистомъ, т. е. не существующемъ видѣ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы можемъ установить, что всѣ индивиды, составляющіе общество, непремѣнно входятъ въ какую-либо одну изъ четырехъ указанныхъ категорій. Они входятъ въ экономическія отношенія съ другими людьми либо черезъ посредство труда физическаго, либо умственнаго, либо землевладѣ-

нія, либо капитала, т. е. накопленнаго чужого труда. Людей, объединенныхъ общностью того средства, при помощи котораго они вступаютъ въ экономическія отношенія съ другими людьми, мы и причисляемъ къ одному *классу*. Современное общество въ отличіе отъ того, какъ полагалъ Марксъ, дѣлится не на три, а на четыре великихъ класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ, физическихъ рабочихъ и умственныхъ работниковъ. Само собою разумѣется, что дѣленіе это совершенно абстрактное. Въ конкретной дѣйствительности, во-первыхъ, не существуетъ классовъ, какъ эмпирическихъ единицъ, во-вторыхъ, отдѣльныя личности могутъ сразу принадлежать не одному, а нѣсколькимъ классамъ съ преобладаніемъ вліянія того или другого класса на психику отдѣльнаго человѣка.

Оставимъ въ сторонѣ отношенія этихъ классовъ къ процессу производства, отношенія очень сложныя и крайне интересныя. Укажемъ вкратцѣ хотя бы на слѣдующее. Сторожа, прислуга, приказчики и т. д., несомнѣнно, принадлежатъ къ классу физическихъ рабочихъ, но въ процессѣ производства они не участвуютъ, поэтому цѣнности, которыя ими получаются, извлекаются, въ сущности говоря, изъ труда производительныхъ рабочихъ, занятыхъ производствомъ матеріальныхъ благъ, точнѣе, даже изъ прибавочнаго труда этихъ рабочихъ. Организація этихъ непроизводительныхъ рабочихъ, въ свою очередь, строится по типу организаціи производства и. т. д. Истинную природу отношеній выдаетъ тотъ рѣзкій и крайній фактъ, что въ странѣ съ непропорціональнымъ развитіемъ непроизводительныхъ рабочихъ и при слабости развитія внѣшней торговли, водаряется ужасающая бѣдность, такъ какъ прибавочнаго труда производительныхъ рабочихъ не хватаетъ. Изъ этого примѣра мы видимъ, что классъ рабочихъ, хотя и надѣляетъ своихъ членовъ болѣе или менѣе общими характерными психическими чертами, не представляетъ, однако, единаго цѣлаго, а дѣлится на много различныхъ группъ. Изъ выясненія того, что мы понимаемъ подъ „классами,“ выясняется въ самыхъ общихъ чертахъ и взглядъ на то, что именуется въ наше время нравственной стороной соціальнаго вопроса. Средства, при помощи которыхъ отдѣльные субъекты вступаютъ въ экономическія отношенія съ другими и по которымъ они группируются въ классы, разнокалиберны и разноцѣнны. Съ одной стороны, умственный и физическій трудъ, свойства самого человѣческаго организма, съ другой—продукты человѣческой исторіи, съ даннымъ индивидуумомъ непосредственно и необходимо не связанные: землевладѣніе и владѣніе капиталомъ. Такъ какъ весьма нерѣдко люди владѣютъ одновременно тремя или даже всѣми четырьмя этими средствами, только въ разномъ размѣрѣ, то тѣмъ самымъ каждому индивиду дается возможность сравненія и оцѣнки. Нерѣдко интеллигентъ, работающій „головой“ и снабженный вдобавокъ нѣкоторыми средствами, перешедшими отъ предковъ, единственно нравственнымъ, единственно достойнымъ человѣка

считаетъ трудъ физическій, въ то время какъ представители этого послѣдняго видятъ свой идеалъ въ трудѣ интеллектуальномъ, а то и просто во владѣніи землей и капиталомъ. Когда исходнымъ пунктомъ идеи нравственнаго становится „личность", то естественно, что цвѣтомъ нравственности окрасятся тѣ силы и свойства, которыя неизбѣжно присущи личности, какъ таковой, т. е. ея способность къ физической и умственной работѣ, а не случайно связанные съ данной личностью соціальные придатки въ видѣ разнообразныхъ формъ собственности.

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ эти вводные вопросы и обратимся къ классу интеллектуальныхъ работниковъ, и постараемся выдѣлить изъ него ту соціальную группу, которую можно назвать „интеллигенціей" [1]).

V.

Классъ интеллектуальныхъ работниковъ, подобно тому, какъ и классъ физическихъ работниковъ, неоднороденъ и можетъ быть подраздѣленъ на множество группъ. Дѣленіе это, въ свою очередь, можетъ быть очень разнообразнымъ въ зависимости отъ того признака, по которому оно производится. Получающіяся при этомъ группы, какъ и всякія вообще соціальныя группы, не являются чѣмъ-либо строго отграниченнымъ. Когда мы говоримъ про извѣстное лицо, что оно принадлежитъ къ опредѣленной соціальной группѣ, напр., интеллигенціи, мы хотимъ только сказать, что наиболѣе яркія черты даннаго лица соотвѣтствуютъ тому образу, который создалъ нашъ интеллектъ, отвлекая у цѣлаго ряда субъектовъ ихъ типическія черты и выдѣляя данныхъ субъектовъ на основаніи этихъ чертъ изъ общей человѣческой массы. Понятно, что эти черты въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ той или иной мѣрѣ могутъ быть присущи и личностямъ, принадлежащимъ къ другимъ соціальнымъ группамъ. Напримѣръ, когда мы говоримъ объ интеллигентѣ, какъ о субъектѣ, принадлежащемъ къ соціальной группѣ интеллигенціи, то мы разумѣемъ психическія черты, типическія тѣмъ людямъ, которыхъ мы на основаніи вполнѣ объективныхъ признаковъ выдѣлили въ особую соціальную группу, называемую интеллигенціей. Но несомнѣнно, что и другія лица не только разныхъ видовъ интеллектуальнаго труда, но даже и другихъ классовъ, могутъ въ разной мѣрѣ обладать психическими чертами, свойственными интеллигенціи. Такія „отступничества" хотя и случаются въ жизни, но не такъ часто, какъ принято думать. Въ предѣлахъ одного класса такія

---

[1]) Какъ видно изъ послѣдующаго, соціальная группа „интеллигенція" не находится въ *непосредственной* связи съ процессомъ производства матеріальныхъ благъ. Послѣднія получаются „интеллигенціей" либо прямо отъ классовъ, участвующихъ въ производствѣ, либо отъ промежуточныхъ группъ. Всѣ эти крайне важные и для психологіи „интеллигенціи" моменты будутъ разсмотрѣны особо.

перемѣщенія возможны быстрѣе, чѣмъ изъ одного класса въ другой. Напримѣръ, личности, принадлежащія къ классу интеллектуальныхъ работниковъ, и не входя въ составъ соціальной группы, именуемой интеллигенціей, могутъ скорѣе принадлежать къ интеллигенціи по духу, чѣмъ лица другихъ классовъ,—капиталистовъ, землевладѣльцевъ, физическихъ рабочихъ и т. д.

Что же мы разумѣемъ подъ особой соціальной группой „интеллигенціей"?

Признакомъ, дозволяющимъ изъ рядовъ класса интеллектуальныхъ работниковъ выдѣлить извѣстное количество индивидуумовъ и объединить ихъ въ особую соціальную группу интеллигенцію, служитъ *присущій профессіональной дѣятельности этихъ лицъ элементъ учительства, въ широкомъ смыслѣ слова*, передачи людямъ свѣдѣній и накопленныхъ знаній съ цѣлью наученія. Признакъ вполнѣ объективный, объясняющій матеріальныя основы существованія „интеллигенціи", не включающій такихъ, напримѣръ, субъективныхъ требованій, чтобы у представителя интеллигенціи „сердце и разумъ" были „съ народомъ". Даже обыденное словоупотребленіе, въ которомъ царитъ полный хаосъ, содержитъ явные намеки на то, что „учительство"—характернѣйшій признакъ интеллигенціи. Средній человѣкъ при перечисленіи представителей интеллигенціи непремѣнно назоветъ на первомъ планѣ: профессоровъ, учителей, литераторовъ, проповѣдниковъ. Для нихъ обычное словоупотребленіе создало даже особый терминъ: представители *высшей* интеллигенціи страны, при чемъ подъ низшей, очевидно, разумѣются всѣ остальные представители интеллектуальнаго труда—отъ врачей до бухгалтеровъ и отъ консисторскихъ писцовъ до департаментскихъ заправилъ. Педагоги всѣхъ родовъ, литераторы и проповѣдники, дѣйствительно, являются наиболѣе типичными представителями соціальной группы интеллигенціи; они даютъ окраску и другимъ лицамъ, подобно тому какъ въ наше время принципы *профессіональнаго* „учительства" распространяются и на учительство, не ставшее еще профессіей.

На зарѣ исторіи сообщеніе свѣдѣній и передача знаній не обособились еще въ отдѣльную профессію. Процессъ учительства тянулся всю жизнь, совершался въ семьѣ, ордѣ, племени, при чемъ старѣйшіе, какъ болѣе опытные, естественно играли первую роль, но въ этой роли не было ничего спеціально учительскаго. Въ общемъ, можно сказать, что родители сами учили своихъ дѣтей. Раньше другихъ обособилось религіозное „учительство". Нѣкоторыя истины, сообщенныя Богомъ людямъ, стали принадлежностью группы людей, обучавшихъ и поучавшихъ другихъ этимъ истинамъ. Духовенство является, такимъ образомъ, первой интеллигенціей. Организовавшись и выработавши стройную, недоступную измѣненію въ силу своего божественнаго происхожденія, доктрину, духовенство забрало въ свои руки все „учительство", лежавшее внѣ семьи, т. е. не касавшееся непо-

средственно хозяйственной и ремесленной дѣятельности. Поддерживая органы власти и экономически господствующіе классы и группы, духовенство вскорѣ само пріобрѣло и силу власти, и экономическое могущество, объявило себя носителемъ непреложной, абсолютной истины и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало противъ себя протестъ подавленныхъ классовъ и группъ. Протестъ выразился въ той же религіозной области, исходилъ либо изъ иныхъ божественныхъ откровеній, либо изъ иного толкованія прежнихъ откровеній, и вначалѣ разыгрывался на почвѣ учительства.

Наряду съ этимъ протестомъ противъ духовенства, замкнувшаго въ свои рамки всю духовную жизнь людей, всю ихъ умственную работу, развивалась и наука, столь тѣсно связанная съ развитіемъ экономической жизни и усложненіемъ соціальныхъ отношеній. Накопленіе знаній вызывало и появленіе людей, спеціальной задачей которыхъ становилось распространеніе этихъ знаній, наученіе людей [1]). Такимъ образомъ народилась современная интеллигенція, въ отличіе отъ духовенства не имѣющая неизмѣнной отъ Бога данной истины и не объединенная въ одинъ цѣльный организмъ.

До послѣдняго времени у насъ господствовалъ взглядъ, что требованія свободы слова, мысли и совѣсти, съ такою силою выдвигавшіяся въ эпоху, предшествовавшую Великой Революціи, являлись лишь отраженіемъ борьбы буржуазіи противъ остатковъ феодализма, въ частности, напримѣръ, противъ цеховой организаціи. Взглядъ этотъ, черезчуръ упрощающій историческую дѣйствительность, до очевидности одностороненъ и несправедливъ. Эту несправедливость у насъ почувствовали такъ скоро и такъ сильно, что, въ порывѣ реакціи, за оправданіемъ свободы слова и совѣсти обратились даже къ „вѣчному сіянію абсолюта“. А это уже совершенно излишнее, ибо стоитъ ли тревожить столь высокую особу по поводу нашихъ житейскихъ и вполнѣ земныхъ отношеній. Буржуазія, несомнѣнно, требовала свободы и особенно такъ называемой „свободы труда“. Эти требованія весьма часто обобщались и выдавались за требованія свободы вообще. Это совершенно справедливо, однако; выводить отсюда все освободительное движеніе, по меньшей мѣрѣ, неправильно. Безъ существованія религіозныхъ диссидентовъ и безъ нарожденія особой соціальной группы, современной интеллигенціи, человѣческій міръ никогда бы не зналъ, что такое свобода слова и совѣсти. И въ тѣхъ странахъ, гдѣ безраздѣльно господствуетъ одна религія и гдѣ нѣтъ современной „интеллигенціи“, нѣтъ ни религіозной свободы, ни свободы мысли. Выше мы указали, что религіозные диссиденты являются тоже одной изъ разновидностей „интеллигенціи“, что ихъ протестъ совершается на почвѣ „учительства“. Такимъ образомъ, мы можемъ сдѣлать общій выводъ, что по-

[1]) Отношеніе этихъ людей къ процессу производства предполагается разсмотрѣть особо.

явленіе въ обществѣ особой соціальной группы интеллигенціи и влечетъ за собой водвореніе въ жизни духовной свободы.

Характернымъ признакомъ членовъ группы интеллигенціи мы признали „учительство", передачу свѣдѣній и знаній. „Учительство" (конечно, не въ одномъ смыслѣ школьнаго обученія) возможно или когда передающій знанія обладаетъ полной, разъ навсегда установленной и неподвижной истиной, или когда дозволено свободное изысканіе. Первое означаетъ, что соціальная группа, присвоившая себѣ монополію учительства, обладаетъ властью, основанной прямо или косвенно на экономическомъ могуществѣ, пресѣчь распространеніе всякаго несогласнаго съ установленнымъ ученія. Такое положеніе дѣлъ существовало въ средніе вѣка и было характерно для господства католицизма. Второй типъ учительства, когда по одному вопросу допускаются разныя мнѣнія, нуждается въ свободѣ и появляется тогда, когда окрѣпла и выросла современная интеллигенція. Существованіе ея, какъ группы, возможно только при свободѣ, поэтому то для современной интеллигенціи вопросъ о свободѣ есть самый коренной, самый существенный вопросъ, вопросъ существованія. Для нашихъ соотечественниковъ, склонныхъ къ оригинальному толкованію всякихъ „матеріалистическихъ" взглядовъ, поясню, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о жратвѣ, не о томъ, что свобода обезпечиваетъ интеллигенціи кусокъ хлѣба, а о томъ, что соціальное существованіе особой группы интеллигенціи возможно только при свободѣ.

Буржуазія XVII вѣка требовала свободы для того, чтобы избавиться отъ остатковъ феодальнаго режима, мѣшавшихъ развитію производительныхъ силъ. И буржуазія добилась бы этой свободы даже и въ томъ случаѣ, если бы въ борьбѣ не приняли участія ни религіозные диссиденты, ни интеллигенція. Но тогда и полученная свобода была бы не та. Свобода, требовавшаяся буржуазіей, *непосредственно* вовсе не связана съ той духовной свободой, которой добивалась интеллигенція, какъ необходимаго условія своего существованія. Подчеркиваю слово: *непосредственно* потому, что посредственно развитіе промышленности, развитіе производительныхъ силъ очень и очень тѣсно связано съ духовной свободой, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ появленія интеллигенціи. Все растущее значеніе школы и распространенія знаній для практической жизни, для экономическаго прогресса— общепризнанный фактъ. Наблюденіе свидѣтельствуетъ и о другомъ фактѣ: тамъ, гдѣ нѣтъ духовной свободы, невозможно хорошо организовать школу, невозможно удачно устроить распространеніе въ народѣ знаній, хотя бы и самыхъ прозаическихъ, самыхъ далекихъ отъ духовныхъ запросовъ. Кажется, вся внѣшняя машина налажена прекрасно, созданы уставы, написаны программы, заимствованныя изъ лучшихъ нѣмецкихъ источниковъ, найдены учителя и лица, надъ ними надзирающія,—а дѣло все

не клеится и ничего прочнаго, большого, положительнаго не получается.

„Учительство", понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, нуждается въ свободѣ. Сдѣлайте элементарный психологическій опытъ. Если въ самой обыкновенной школѣ, гдѣ учитель занимается съ ребятишками, будетъ постоянно присутствовать лицо для надзора за преподаваніемъ, ученіе пойдетъ крайне скверно даже въ томъ случаѣ, если надзиратель будетъ только наблюдать и производить, такъ сказать, нравственное давленіе, если же онъ будетъ и активно вмѣшиваться, поправлять учителя, то изъ ученія ровно ничего не выйдетъ. Это же явленіе, только въ большемъ масштабѣ, повторяется въ дѣятельности всей интеллигенціи. Учительство требуетъ наличности извѣстныхъ отношеній между лицомъ, распространяющимъ знанія, и тѣмъ, кто ихъ воспринимаетъ, такихъ отношеній, которыя бы обезпечивали для интеллигента самоуваженіе. Безъ самоуваженія трудъ интеллигенціи никогда не будетъ производительнымъ. Учительство въ широкомъ смыслѣ безспорно самый тонкій видъ интеллектуальнаго профессіональнаго труда. И, дѣйствительно, ни въ одной соціальной группѣ самоуваженіе, чувство собственнаго достоинства не развито такъ сильно, какъ у интеллигенціи. И имѣетъ оно при этомъ свой специфическій характеръ. Чувство собственнаго достоинства было развито очень сильно у феодаловъ, у родовой аристократіи. Но тамъ оно было иного типа. На основаніи его требовали власти, покорности другихъ, признаковъ подчиненности. Чувство же собственнаго достоинства у интеллигенціи заставляетъ ее требовать свободы, отстаивать свою независимость, даже больше, требовать свободы и для враждебныхъ мнѣній, для своихъ противниковъ...

VI.

Необходимость духовной свободы является главной психической чертой субъектовъ, принадлежащихъ къ соціальной группѣ интеллигенціи. Чтобы выяснить другія характерныя черты этой группы, необходимо прослѣдить ея отношеніе къ творчеству художественному и соціальному, и къ другой соціальной группѣ—бюрократіи. Въ этихъ областяхъ чаще всего приходится встрѣчаться со смѣшеніемъ понятій, ведущимъ къ полному искаженію роли и задачъ интеллигенціи.

Творчество не есть необходимое свойство интеллигенціи. Задача послѣдней—распространеніе и передача всякихъ знаній. Но творчество этихъ знаній, созданіе новыхъ художественныхъ образовъ, созданіе новыхъ формъ человѣческихъ отношеній, новыхъ идей и религіозныхъ вѣрованій—вовсе не есть необходимый продуктъ дѣятельности интеллигенціи. Въ этой области, въ сферѣ творчества, другіе классы общества и другія соціальныя группы нерѣдко проявляютъ большую энергію и мощь, чѣмъ

интеллигенція. Быть можетъ, необходимость изучать и запоминать продуктъ чужого творчества для ознакомленія съ ними другихъ людей ослабляетъ собственную творческую способность личности, отдаляетъ ее отъ непосредственной живой жизни, которая въ концѣ концовъ, вѣдь, и является главнымъ стимуломъ творчества и даетъ для него матеріалъ. Особенно ярко сказывается это въ области художественной литературы. Лица, избравшія своей профессіей интеллектуальный трудъ, создали, въ общемъ, очень мало геніальныхъ творческихъ образовъ. Лица, принадлежащія къ той соціальной группѣ, которую мы назвали интеллигенціей, повинны въ этомъ сугубо. Кто назоветъ геніальныхъ художниковъ, вышедшихъ изъ среды профессіональныхъ педагоговъ, даже профессоровъ, журналистовъ и проч.?

Интеллигенціи необходимо присуща извѣстная теоретичность. Интеллигенція удалена отъ жизни—этимъ обусловливается и слабость ея соціальнаго творчества. Она можетъ все понять, все разъяснить, всему научить, но созиданіе дается ей съ трудомъ. Попытки интеллигенціи принять участіе въ соціальномъ творчествѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ кончались неудачно, тогда какъ моравскіе братья, іезуиты въ Парагваѣ, простые русскіе крестьяне-духоборы съ громаднымъ, относительно, успѣхомъ предпринимали попытки практическаго осуществленія новыхъ формъ жизни. Интересно отмѣтить, что и геніальнѣйшіе утописты - художники нашего времени Фурье, Оуэнъ, Сенъ-Симонъ не принадлежали къ интеллигенціи.

Наоборотъ, геніальнѣйшіе соціалисты изъ интеллигенціи, Марксъ и Лассаль, не были утопистами и при всемъ ихъ колоссальномъ литературномъ дарованіи не были способны, даже если бы хотѣли, дать конкретные образы совершеннаго будущаго общества.

Созидательныя силы интеллигенціи слабы. Но не въ творчествѣ смыслъ ея существованія. Интеллигенція—это какъ бы пути сообщенія, которыя развозятъ знанія по всѣмъ концамъ свѣта. И хотя развозимые товары созданы и не самой желѣзной дорогой, но безъ транспортныхъ средствъ люди не могли бы пользоваться этими товарами. По мѣрѣ того, какъ научный, индуктивный методъ пріобрѣтаетъ въ жизни, и въ производствѣ, и въ мышленіи, все большее и большее значеніе, растетъ въ обществѣ и роль интеллигенціи, какъ элемента, передающаго знанія. Современное общество безъ интеллигенціи немыслимо.

Въ указаніи на слабость творческихъ силъ интеллигенціи не слѣдуетъ видѣть упрека по адресу этой группы. Этотъ недостатокъ тѣсно связанъ съ той главнѣйшею типической чертой интеллигенціи, которая составляетъ ея славу и гордость: съ ея стремленіемъ къ духовной свободѣ. Если духовенство въ свое время и обнаружило больше творческой силы, чѣмъ современная интеллигенція, то потому, что, объявивъ себя носительницей абсолютной истины, оно убило свободу. Исторія человѣческой

мысли знаетъ интереснѣйшій эпизодъ, когда сдѣлана была попытка присвоить интеллигенціи такую же роль, которую въ средніе вѣка играла католическая церковь. Было объявлено, что наука, приведенная въ систему, дастъ непреложныя истины, по которымъ и должна будетъ слагаться человѣческая жизнь. Какъ всегда, и тутъ за научными истинами, управляющими человѣческой жизнью, скрывались люди, обладающіе силой принужденія. Тутъ они назывались философами и брали въ свои руки монопольное управленіе всей духовной жизнью человѣчества. Мы говоримъ о знаменитой утопіи основателя позитивной философіи Огюста Конта; въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ утопія эта была провозглашена Ренаномъ, да и вообще она не исчезаетъ изъ области мысли. Но эта утопія есть отрицаніе интеллигенціи. Если бы она осуществилась, исчезло бы свободное изслѣдованіе, исчезла бы свобода въ современномъ значеніи слова. Быть можетъ, во времена грядущія, когда какой-либо общественный классъ совершенно захватитъ „интеллигенцію" въ свои руки, такъ оно и будетъ, но теперь дѣла обстоятъ иначе.

Сущность интеллигенціи не въ творчествѣ вообще и не въ соціальномъ творчествѣ въ частности. Соціальное творчество— удѣлъ классовъ и группъ, принимающихъ непосредственное участіе въ жизни, въ производствѣ матеріальныхъ благъ. Когда современная интеллигенція берется за несвойственное ей соціальное творчество, она рискуетъ только обратиться въ бюрократическую силу и вмѣсто двигателя жизни превратиться въ тормазъ. Отношенія между интеллигенціей и бюрократіей одна изъ самыхъ интересныхъ и жгучихъ злободневныхъ темъ, о которой слѣдовало бы поговорить особо. Здѣсь я могу коснуться этихъ отношеній только слегка, указавъ лишь самыя общія и наиболѣе важныя ихъ стороны.

Бюрократія—это группа людей, обладающихъ надъ населеніемъ властью, основанной на правѣ, формально исходящемъ отъ Верховной Власти. Изъ этого видно, что по своему существу бюрократія есть только орудіе, орудіе Верховной Власти, т. е. тѣхъ общественныхъ силъ, которыя ею олицетворяются. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Тамъ, гдѣ связь между Верховной Властью и господствомъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ силъ неприкрыта и ясна для всѣхъ, очевидной становится и служебная роль бюрократіи. Напримѣръ, во Франціи, несмотря на видимое всесиліе бюрократіи, внимательный наблюдатель легко замѣтитъ, что, въ существѣ дѣла, эта всесильная машина является орудіемъ буржуазіи, при помощи бюрократіи стойко поддерживающей свое господство. Тамъ же, гдѣ суверенитетъ номинально независимъ отъ какихъ бы то ни было общественныхъ группъ, бюрократія, уничтоживъ всякое фактическое значеніе элемента, формально правопроизводящаго, легко обращается въ самодовлѣющую силу, все себѣ подчиняющую. Конечно, ей и тутъ приходится считаться съ общественными силами, но слабость ихъ

развитія можетъ обезпечить бюрократіи господство въ теченіе сравнительно долгаго времени, особенно, если она умѣетъ во время дѣлать необходимыя уступки и принимать всевозможныя охранительныя мѣры, ничѣмъ при этомъ не стѣсняясь.

Если духовенство, опираясь на свою матеріальную силу, не желаетъ отказаться отъ самостоятельной роли въ жизни страны, бюрократія вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Борьба эта во всѣхъ странахъ поразительно схожа и сводится, главнымъ образомъ, къ секуляризаціи, т. е. конфискаціи церковныхъ имуществъ. Послѣ этой мѣры духовенство обыкновенно сдается и признаетъ супрематъ бюрократіи. Матеріальное существованіе духовенства прямо (въ формѣ жалованья) или косвенно (въ видѣ разрѣшенія брать съ паствы и принимать отъ нея дары) становится зависимымъ отъ бюрократіи. Въ такомъ видѣ духовенство дѣлается очень цѣннымъ элементомъ для бюрократіи, господство которой находитъ серьезную опору въ поддержкѣ духовенства, снабженнаго непререкаемымъ авторитетомъ.

Но современное общество, какъ мы выше указали, немыслимо безъ распространенія знаній, немыслимо безъ интеллигенціи, необходимой, хотя и въ разной мѣрѣ, для всѣхъ классовъ и группъ, и бюрократія неизбѣжно приходитъ въ столкновеніе съ этой силой, развитію которой нерѣдко она сама и содѣйствовала. Возникающія отсюда отношенія имѣютъ очень сложный характеръ. Стремленіе къ духовной независимости въ современной интеллигенціи неистребимо. Распространяя знанія, интеллигенція и прямо, и косвенно, путемъ усиливанія общественныхъ группъ, подрываетъ господство бюрократіи. Послѣдняя реагируетъ какъ цѣлымъ рядомъ моментальныхъ мѣръ, такъ и опредѣленною системой, сводящейся къ тому, чтобы включить интеллигенцію въ ряды бюрократіи. Усиливается контроль надъ всевозможными средствами распространенія свѣдѣній и знаній, одна за другой дѣлаются попытки монополизаціи этихъ средствъ. Гдѣ невозможно взять эти средства прямо въ свои руки, бюрократія дѣйствуетъ при помощи угрозъ или подкупа. При включеніи интеллигенціи въ ряды бюрократіи создается типъ, средній между интеллигентомъ и бюрократомъ. Въ груди такого человѣка поистинѣ живутъ двѣ души. Какъ интеллигентъ, онъ сторонникъ свободы изслѣдованія, какъ бюрократъ, онъ проповѣдникъ офиціальной истины. Если бы интеллигенція, подобно духовенству, обладала абсолютной истиной, подчиненіе бюрократіи прошло бы для нея сравнительно благополучно. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ оно родитъ настоящую трагедію. Особенно удобно наблюдать ее въ школьномъ дѣлѣ, преимущественно въ области высшаго образованія, стоящаго въ непосредственномъ соприкосновеніи съ источниками знанія. Однако, и для самой бюрократіи пріобщеніе интеллигенціи не проходитъ безслѣдно. Интеллигентный духъ проникаетъ и въ бюрократію, абсолютизмъ ея ослабѣваетъ. Этимъ объясняется, почему иногда въ обычномъ слово-

употребленіи бюрократовъ причисляютъ къ интеллигентамъ, и это шокируетъ менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Преувеличивать значеніе этого процесса, однако, не слѣдуетъ.

Бюрократія, хотя бы и самая просвѣщенная и либеральная, все же тормозитъ развитіе живыхъ общественныхъ силъ. Современное общество, немыслимое безъ бюрократіи, должно стараться только, чтобы она возможно меньше препятствовала развитію общественныхъ силъ. И если интеллигенція, обуреваемая реформаторскими планами, стремясь къ соціальному творчеству, пытается осуществить свои планы безъ содѣйствія общественныхъ силъ, она превращается въ бюрократію, въ силу, тормозящую общественное развитіе, какъ бы почтенны и прекрасны ни были тѣ реформаторскіе планы, которыми интеллигенція собирается облагодѣтельствовать человѣчество. Обстоятельства могутъ сложиться такъ, что прекрасные планы въ дѣйствительности превратятся въ аракчеевщину, въ военныя поселенія. Къ этому, напримѣръ, несомнѣнно, привели бы попытки интеллигенціи превратить существующую крестьянскую общину въ знаменитую „высшую форму“ коллективнаго устройства...

VII.

Въ извѣстныя времена разные общественные классы и группы становятся подъ знамя свободы. Въ XVIII вѣкѣ подъ такимъ знаменемъ стояла буржуазія, теперь во Франціи, напримѣръ, подъ этотъ стягъ особенно охотно становится католическое духовенство. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ свобода понимается очень односторонне и, освобожденная отъ реторическихъ фразъ, превращается въ нѣчто мало привлекательное. Во всѣхъ этихъ случаяхъ свобода является не цѣлью, а средствомъ для иныхъ цѣлей. И только соціальная группа интеллигенція стремится къ полной, разносторонней, равной для всѣхъ свободѣ, только для этой группы свобода является вмѣстѣ и средствомъ и цѣлью, ибо не положено конца изслѣдованію, изученію, не можетъ, слѣдовательно, быть конца и распространенію знаній. Для интеллигенціи, какъ соціальной группы, свобода является почти абсолютнымъ благомъ, вслѣдствіе чего у нѣкоторыхъ лицъ и родилось искушеніе выдать ее за велѣніе свѣтозарнаго Абсолюта. Стараніе совершенно излишнее, такъ какъ стремленіе интеллигенціи къ свободѣ можетъ быть вполнѣ удовлетворительно выведено и изъ земныхъ источниковъ.

Когда въ окружающей жизни мало простора, интеллигенція, въ силу присущаго ей стремленія къ свободѣ, становится на самый высшій пьедесталъ въ странѣ, переживаетъ героическую эпоху. Такъ было во всѣхъ странахъ, вездѣ было время, когда интеллигенція рождала несмѣтное число героевъ. По мѣрѣ того, какъ область свободы расширяется (все относительно),

по мѣрѣ того, какъ усиливаются ранѣе подавленныя общественныя группы, интеллигенція обезцвѣчивается и распадается, идетъ на службу къ различнымъ общественнымъ группамъ. Это процессъ фатальный, о которомъ теперь, впрочемъ, рѣчь не идетъ.

Но въ тѣ времена, когда въ жизни вообще нѣтъ простора, когда всѣ общественныя группы чувствуютъ потребность и въ прочной независимости для своей дѣятельности, и въ обезпеченности личности членовъ своей группы, интеллигенція, съ ея стремленіемъ къ полной и разносторонней свободѣ, становится передовымъ элементомъ общества. Въ это время она и можетъ сыграть выдающуюся роль въ національной жизни, твердо дѣйствовать, какъ особая, цѣльная по своимъ практическимъ стремленіямъ, общественная группа, громко говоритъ отъ имени всей націи, интересы которой она представляетъ, такъ какъ эти интересы въ самой общей формулировкѣ сводятся къ освобожденію человѣческой личности, къ освобожденію духа.

А. С. Изгоевъ.

Юридическая помощь населенію.

(По трудамъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.)

Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона.—Эта основная формула нашей юридической жизни создана была еще римскими юристами и до сихъ поръ она свято охраняется наукою и практикой. Но именно потому, что формула эта осталась неизмѣнной на протяженіи десятковъ вѣковъ, въ теченіе коихъ совершенно измѣнилась картина соціальной жизни, именно потому вполнѣ естественно, что она не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ дѣйствительности. Я думаю, впрочемъ, что уже при самомъ своемъ возникновеніи это—praesumptio juris et de jure съ дѣйствительностью расходилась. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, пока граждане фактически могли знать законы, до тѣхъ поръ не могло встрѣтиться и надобности въ установленіи такого правила. И только тогда, когда фактически знаніе всѣхъ законовъ стало невозможнымъ,—могла возникнуть мысль создать фикцію такого знанія. Во всякомъ случаѣ теперь, когда законы каждаго культурнаго государства образуютъ цѣлыя библіотеки, когда съ трудомъ найдется человѣкъ, который хотя бы поверхностно зналъ все законодательство страны, теперь эта презумпція, будто каждый гражданинъ знаетъ всѣ законы, составляетъ, по справедливому замѣчанію Менгера, самую смѣшную изъ всѣхъ фикцій, и тѣ вредныя юридическія послѣдствія., которыя законодатель связываетъ съ этимъ незнаніемъ, составляютъ вопіющую несправедливость. Вредъ, говоритъ Биндингъ, причиненный этимъ положеніемъ римскаго права, превосходитъ всѣ другіе случаи вреднаго его вліянія, такъ какъ тяжело вспомнить сколько невинныхъ человѣческихъ жертвъ принесено этому идолу.

Особенную силу такой упрекъ имѣетъ по отношенію къ Россіи, гдѣ законодательство разрослось до совершенно чудовищныхъ размѣровъ и гдѣ едва ли хоть одинъ спеціалистъ можетъ

похвастать тѣмъ, что онъ знаетъ, не говоря уже о всѣхъ или большинствѣ законовъ, но даже и свою отрасль во всей ея полнотѣ. Чтобы иллюстрировать это утвержденіе, позволю себѣ привести одинъ происшедшій со мною случай.—Швейцаръ дома, въ которомъ я жилъ, обратился ко мнѣ, какъ къ юристу, участвующему въ редакціи юридической газеты, слѣдовательно, считающему себя призваннымъ давать совѣты,—обратился съ просьбой объяснить ему, какъ оформить обмѣнъ между нимъ и односельцемъ его усадебной землей съ находящимися на ней постройками. Само собою разумѣется, что отвѣтить ему тутъ же на ходу я оказался не въ состояніи; мнѣ нужно было посмотрѣть въ справочныя изданія законовъ, которыхъ въ редакціи имѣлось въ изобиліи.—Но, увы, отвѣта я найти не могъ и, предложивъ моему кліенту подождать нѣсколько дней, обѣщалъ ему зато навести справку у самаго кладезя—въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдающемъ, какъ извѣстно, крестьянскія дѣла. Въ земскомъ отдѣлѣ для разрѣшенія вопроса, который, казалось бы, долженъ чуть не ежедневно возникать въ крестьянскомъ обиходѣ, пришлось созвать консультацію; она въ концѣ концовъ отказалась дать опредѣленный отвѣтъ, и я вынужденъ былъ признаться предъ швейцаромъ, что я не могу указать ему форму, которая бы вполнѣ гарантировала прочность предпринимаемой имъ сдѣлки.

Едва ли, впрочемъ, нужны вообще какіе-либо примѣры, если вспомнить, что законодатель и самъ, не рѣшаясь покуситься на самую формулу ignorantia juris nocet,—старается окольнымъ путемъ парализовать тѣ вредныя и несправедливыя послѣдствія, которыя неминуемо съ ней связаны.—Мы имѣемъ въ виду такъ называемый Anwaltszwang, т. е. недопущеніе сторонъ до веденія ихъ гражданскихъ дѣлъ на судѣ личными силами; почти всѣ законодательства западной Европы требуютъ, чтобы стороны были представлены на судѣ адвокатами. Очевидно, какъ замѣчаетъ Малышевъ, законодатель исходитъ изъ того, что „чѣмъ болѣе развивается бытъ народа, тѣмъ сложнѣе становится система его права и процесса, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ потребность въ спеціальномъ изученіи этой системы. Люди, не изучавшіе ея..., при всемъ своемъ умѣ, образованіи и житейской опытности, обыкновенно не въ состояніи овладѣть юридическимъ языкомъ и массою положительныхъ юридическихъ свѣдѣній, когда имъ приходится вести дѣло въ судѣ. Они нуждаются... въ юридической поддержкѣ для судебнаго осуществленія или охраненія своихъ правъ“.

И у насъ, еще при введеніи судебныхъ уставовъ 1864 г., поднимался вопросъ о введеніи обязательнаго представительства на судѣ, и если вопросъ этотъ не получилъ положительнаго разрѣшенія, то отнюдь не изъ принципіальныхъ соображеній, а въ виду недостатка у насъ юристовъ. Такимъ образомъ, вполнѣ сознавая, что стороны не въ состояніи справиться съ механиз-

момъ процесса, законодательство закрываетъ глаза и рѣшается выставить принципъ состязательности, при которомъ судьи спокойно смотрятъ на пропуски сторонами, по незнанію ихъ, сроковъ, на оставленіе безъ использованія имѣющихся въ рукахъ доказательствъ и т. д. и т. д.

Мы, впрочемъ, отнюдь не имѣемъ намѣренія выступать здѣсь противъ освященной вѣками формулы. Борьба съ нею не можетъ вестись мимоходомъ, она требуетъ серьезной подготовки. Мы, напротивъ, хотѣли именно подчеркнуть незыблемость этого принципа, чтобы напомнить о необходимости бороться съ приносимыми имъ вредными послѣдствіями.—Необходимость эта особенно живо чувствуется у насъ, гдѣ прежде всего нужно еще учить не тому, какъ защищать свои права, а что есть какія то права, которыя можно и должно защищать.

„Жизнь нашихъ захолустьевъ, говоритъ въ своихъ чрезвычайно ярко написанныхъ очеркахъ г. Соколовскій („Рус. Бог.“ 1900 г. № 3), складывалась и складывается такъ, что въ деревенскомъ міровоззрѣніи крѣпко засѣла пословица: законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло; а потому въ глазахъ крестьянина нѣтъ законности и беззаконности, а есть только ваше желаніе или нежеланіе помочь ему; въ этомъ вы его не разубѣдите“. Г. Соколовскій относитъ эти замѣчанія свои только къ гражданскимъ правоотношеніямъ, но то же самое говоритъ г. Новиковъ и про всю правовую сферу вообще. „Крестьянинъ не вѣритъ въ законъ, для него законъ есть приказаніе начальника. Вы все можете, говоритъ вамъ мужикъ, когда вы ему толкуете про законъ“ [1]). Да, вѣдь, у Горбунова и министръ говоритъ: я вамъ дѣло говорю, а вы мнѣ законы тычете. „Мужикъ боится закона, потому-что онъ всегда падалъ на него бѣдой, внезапно, какъ снѣгъ на голову. Мужика пороли—по закону; тащили коровенку со двора—по закону. Словомъ—вездѣ, гдѣ напасть и бѣда,—тамъ законъ и по закону. Своей другой стороной—стороной права и защиты—законъ слишкомъ рѣдко обращался къ крестьянскому міру, слишкомъ рѣдко для того, чтобы видоизмѣнить вѣками сложившееся воззрѣніе“ [2]).

Едва ли нужно доказывать, что такое положеніе не можетъ быть терпимо. Можно требовать строгаго соблюденія закона и на этомъ основаніи отстаивать свои права, если ихъ кто либо нарушитъ. Но для того, чтобы это отстаиваніе не было безуспѣшно, чтобы крестьянинъ не разочаровался въ томъ, въ чемъ его хотятъ убѣдить, нужно и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подать конкретный совѣтъ, указать, какъ и куда обратиться и что написать. Иначе, проигравъ дѣло по своей винѣ, по несоблюденію требуемыхъ закономъ формъ, онъ отнесетъ это на счетъ общихъ условій, на счетъ „пожалованія“ земскому начальнику.

---

1) Записки, стр. 26.
2) Соколовскій, стр. 116.

Сообразно намѣченной такимъ образомъ двойственной задачѣ— поднятія и укрѣпленія правосознанія, воспитанія стремленія къ борьбѣ за право, съ одной стороны, и оказанія помощи въ отдѣльныхъ случаяхъ правонарушеній, съ другой,—дѣятельность, направленная на борьбу съ указанымъ зломъ, должна развиваться также въ двухъ направленіяхъ. Первую задачу должна взять на себя юридическая литература для народа, которая, къ сожалѣнію, находится у насъ въ самомъ зачаточномъ состояніи. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на данномъ вопросѣ, такъ какъ два года назадъ мы посвятили ему спеціальную работу. Теперь напомнимъ лишь, что, независимо уже отъ достоинствъ и недостатковъ, эта литература занята почти исключительно практическими вопросами. Кромѣ многочисленныхъ руководствъ для старшинъ, старостъ и т. п., здѣсь царитъ: „исковое прошеніе", „какъ защищать себя на уголов. судѣ", „о нашихъ гражданскихъ законахъ" и т. п. Все это, очевидно, преслѣдуетъ цѣль дать крестьянину возможность обойтись безъ совѣтчика. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, кроется серьезная ошибка. Если даже не считаться съ неграмотностью и крайней неразвитостью крестьянскаго населенія, если даже и закрыть глаза на несоотвѣтствіе нашихъ, устарѣлыхъ— какъ по формѣ, такъ и по содержанію законовъ—требованіямъ дѣйствительности то не слѣдуетъ забывать, что и образованные люди предпочитаютъ въ практическихъ вопросахъ юриспруденціи обращаться къ помощи спеціалиста. „Если, говорилъ въ Бирскомъ комитетѣ г. Балахонцевъ, городскіе люди иногда становились втупикъ, не зная выхода изъ затруднительнаго положенія безъ профессіональнаго юриста, то во сколько разъ остры нужда будетъ у крестьянина". Примѣненіе закона къ жизни составляетъ дѣло далеко не легкое. Встрѣчаясь съ тѣмъ или другимъ практическимъ явленіемъ, законъ выхватываетъ его типическія черты, замѣчаетъ только яркія краски; но въ безконечно разнообразной жизни типическія явленія почти не встрѣчаются: яркія краски смягчаются, привходятъ другіе оттѣнки, и нужно много знаній, умѣнья и опытности, чтобы въ художественной картинѣ жизни найти сходство съ рѣзкими размахами кисти закона. Отвлечь отъ даннаго правоотношенія, расцвѣтшаго въ житейскихъ условіяхъ, его существенные признаки и подвести ихъ подъ признаки той или другой статьи закона, которая при этомъ также должна быть подвергнута анализу, это—весьма сложная умственная работа, и чтобы ее совершить, нужны способность и привычка къ логическому мышленію. Каждый практическій юристъ можетъ, конечно, разсказать о томъ, какъ трудно заставить кліента сосредоточить свой разсказъ на существенныхъ моментахъ дѣла, которые обыкновенно совершенно расплываются, исчезаютъ въ массѣ подробностей; что же касается крестьянъ, вотъ что о нихъ говоритъ г. Соколовскій въ цитированномъ уже нами очеркѣ „Деревенскіе консультаціи" (стр. 113). „Ребяческая, поистинѣ горемычная безпомощность деревни,

нигдѣ не выражается съ такой силой, какъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ „насчетъ ея правовъ и дѣловъ". Самый умный обстоятельный крестьянинъ, съ которымъ въ дѣлахъ обыденныхъ пріятно и полезно побесѣдовать, попавши въ скромнѣйшую правовую передрягу, становится неузнаваемымъ, путается и теряется въ простѣйшихъ положеніяхъ, разсказъ его утрачиваетъ обычную бойкость, смѣтку, связность, онъ не находитъ словъ и оборотовъ для передачи ни того, что говоритъ за него, ни того, что противъ. Вводя въ свою рѣчь то, что нейдетъ ни къ селу, ни къ городу, и забывая о самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ своимъ многословіемъ окончательно затемняетъ основную мысль, гвоздь дѣла; или, чтобы затушевать свое невѣжество, не ударить себя передъ слушателемъ въ грязь лицомъ, онъ ударяется въ другую крайность: боится сказать лишнее слово, такъ что каждое слово, путемъ не малыхъ усилій, приходится клещами вытягивать изъ него. Но, такъ или иначе, съ многословіемъ или краткословіемъ, вы слушаете безпомощный лепетъ человѣка, очутившагося въ безразсвѣтномъ темномъ лѣсу, гдѣ для заблудившагося нѣтъ ни тропинки, ни выхода; какъ ни бейся—вездѣ колода, пень, дерево сплошной стѣной. Самыя простѣйшія процессуальныя и правовыя положенія, безъ которыхъ нельзя обойтись, разъ рѣчь коснулась „насчетъ правовъ и дѣловъ", только усиливаютъ смущеніе заблудившагося".

При такихъ условіяхъ, очевидно, не слѣдуетъ возлагать на литетатуру разрѣшеніе какихъ-либо узко-практическихъ задачъ; этихъ задачъ она разрѣшить не въ состояніи и ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ. Попытка крестьянина довѣриться въ практическомъ дѣлѣ своимъ силамъ, опираясь на полученныя изъ популярной книжки свѣдѣнія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несомнѣнно, окончится печальной неудачей и вызоветъ разочарованіе, отнюдь не желательное. И напротивъ, литература можетъ принести ничѣмъ незамѣнимую пользу, если она будетъ преслѣдовать цѣль—поднятія уровня народнаго правосознанія, если она постарается выяснить основныя начала права, его роль въ общественной жизни, соотношеніе права съ другими соціальными явленіями, значеніе закона. Мы уже не говоримъ о необходимости ознакомить народъ съ основными формами государственнаго устройства и особенностями нашего строя, съ понятіемъ раздѣленія властей, значеніемъ суда вообще и суда присяжныхъ въ частности, и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, на этомъ пути работа предстоитъ неисчерпаемая и столь же отвѣтственная, сколь и безгранично необходимая. Въ бесѣдѣ по поводу прочитаннаго мною доклада о юридической литературѣ для народа (въ ноябрѣ 1901 г.) С.-Петербургское юридическое общество, по административному отдѣленію, признало, что популяризація права и возможна, и желательна, при чемъ даже не исключало возможности систематическаго изложенія правовыхъ понятій. Что-же касается подачи

помощи въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, то это должно быть предоставлено живому слову, непосредственному общенію, которое принесетъ пользу не только ученику, но вмѣстѣ съ тѣмъ и учителю, познакомивъ его съ цѣлымъ міромъ невѣдомыхъ для него понятій и міросозерцаній и выяснивъ такимъ образомъ путь, по коему слѣдуетъ направить юридическое развитіе.

Въ настоящее время юридической помощи въ селеніяхъ вовсе нѣтъ, да и въ уѣздныхъ городахъ она является чисто случайной, объ организованной помощи почти вовсе нѣтъ рѣчи: она только теперь начинаетъ возникать. Такое положеніе дѣла весьма энергично эксплуатируется такъ называемой подпольной адвокатурой. Контингентъ сельской адвокатуры, читаемъ мы въ докладѣ г. А. И. Ладыженскаго (б. мирового судьи и б. мирового посредника) Епифанскому уѣздному комитету о нуждахъ с.-х.-промышленности, „состоитъ изъ полуграмотныхъ крестьянъ, едва владѣющихъ перомъ и, безъ всякаго знанія законовъ, уволенныхъ отъ службы чиновниковъ и, въ меньшинствѣ, оставшихся въ живыхъ дореформенныхъ. Они вредны по незнанію законовъ и извращенному о нихъ понятію и по недобросовѣстному отношенію къ дѣлу. Безграмотный крестьянинъ глубоко вѣритъ подобному адвокату, а тотъ, въ свою очередь, беретъ съ него деньги, спаиваетъ водкою и переноситъ дѣло изъ инстанціи въ инстанцію изъ своекорыстныхъ видовъ. Въ результатѣ крестьянинъ разоряется, а по дѣлу все таки получаетъ отказъ“.

„Подпольная адвокатура, говорится въ докладѣ г. Малиновскаго Ардатовскому уѣздному комитету, срываетъ самые лихвенные проценты съ юридическаго невѣжества крестьянскаго населенія“. Болѣе подробно рисуется положеніе дѣлъ въ докладѣ г. Н. П. Воробьева Арзамасскому уѣздному комитету. „Къ кому обращается, спрашиваетъ онъ, неграмотный крестьянинъ, желающій возстановить свое нарушенное право? Онъ идетъ къ мѣстному подпольному адвокату, который служилъ раньше какимъ нибудь сельскимъ писаремъ, а будучи за пьянство или какіе нибудь служебные проступки уволенъ отъ должности, сталъ заниматься писаніемъ отъ имени арестуемыхъ разнаго рода прошеній, жалобъ и незримо для суда руководить тяжущимися лицами въ веденіи судебныхъ процессовъ. Не обладающій нравственными качествами, вѣчно пьяный, совершенно несвѣдущій въ законѣ, адвокатъ за бутылкою водки, купленной ему лицомъ, явившимся къ нему за юридическимъ совѣтомъ, пишетъ послѣднему безграмотное прошеніе или жалобу и, получивъ за свое писаніе полтинникъ или болѣе, направляетъ крестьянина съ прошеніемъ въ какое нибудь судебное или административное учрежденіе. Благодаря незнанію адвокатомъ закона, прошеніе оказывается написаннымъ совершенно не туда, куда слѣдуетъ. За нанесеніе легкихъ побоевъ или за произнесеніе угрозъ жалоба вмѣсто волостного суда, которому дѣла эти подсудны,

подается судебному слѣдователю. Послѣдній возвращаетъ жалобу просителю по неподсудности дѣла съ указаніемъ судебнаго мѣста, въ которое проситель долженъ обратиться. Такъ какъ весьма часто проситель подаетъ прошеніе слѣдователю или судьѣ лично, нарочно для этой цѣли выѣзжая изъ деревни своей въ городъ, то, помимо денежныхъ расходовъ, связанныхъ съ писаніемъ прошенія и съ этою поѣздкою, онъ теряетъ непроизводительно еще и дорогое иногда для крестьянина время, отрываясь, напр., лѣтомъ отъ крестьянскихъ работъ. Весьма нерѣдкими въ практикѣ бываютъ и такіе случаи. Судебный слѣдователь, получивъ написаную адвокатомъ жалобу отъ имени какого нибудь крестьянина, вынужденъ принять ее къ производству слѣдствія лишь только потому, что въ жалобѣ этой всѣ обстоятельства преступленія описаны такимъ образомъ, что изъ простого, напримѣръ, оскорбленія дѣйствіемъ, проступка, подсуднаго волостному суду, получается въ жалобѣ тяжкое преступленіе—покушеніе на убійство. Конечно, слѣдователю для выясненія обстоятельствъ дѣла приходится вызывать и потерпѣвшаго, и свидѣтелей, отвлекая ихъ подчасъ отъ спѣшныхъ крестьянскихъ работъ, и затѣмъ или посылать дѣло въ окружный судъ на прекращеніе или же направлять его по подсудности къ земскому начальнику или въ волостной судъ, которые при разборѣ дѣла опять должны вызывать потерпѣвшаго, свидѣтелей и обвиняемаго.

„Еще болѣе матеріальнаго вреда наноситъ деревенскій подпольный адвокатъ крестьянамъ, побуждая ихъ къ веденію гражданскихъ процессовъ, которые, какъ извѣстно, соединены съ большими матеріальными тратами тяжущихся и требуютъ отъ нихъ большихъ знаній закона. Не только отдѣльныя лица, но иногда и цѣлыя крестьянскія общества поддаются убѣжденіямъ деревенскаго авдвоката, доказывающаго имъ выгоду отъ предъявленія того или другого гражданскаго иска, который въ дѣйствительности оказывается лишеннымъ всякаго юридическаго основанія. Просудятъ крестьяне изъ своего скромнаго бюджета значительную сумму и въ довершеніе всего проигрываютъ дѣло во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ.

„Кромѣ матеріальнаго, имущественнаго вреда, причиняемаго крестьянамъ подобными ходатаями, работа послѣднихъ въ области гражданскаго и уголовнаго права и процесса среди крестьянскаго населенія не остается безслѣдною и въ области моральной. Не обладая въ значительной степени нравственными устоями, лица эти не только подстрекаютъ крестьянина къ предъявленію исковъ, не имѣющихъ юридическаго основанія, но помогаютъ возбужденію и такихъ дѣлъ, начатіе которыхъ противорѣчитъ требованіямъ нравственности. Въ систему судебныхъ доказательствъ вводится ими лжесвидѣтельство; ложное показаніе на слѣдствіи или судѣ среди крестьянскаго населенія уже начинаетъ считаться совсѣмъ не такимъ зломъ, которое грозитъ и народной нравственности и общественному правопорядку. Въ настоящее время начинаетъ

уже довольно ясно обрисовываться особый типъ лжесвидѣтеля, сдѣлавшаго для себя изъ ложнаго показанія на судѣ особую профессію. При всемъ этомъ нельзя не признать того обстоятельства, что этотъ фруктъ, такъ успѣшно выросшій на почвѣ юридической дѣятельности подпольной адвокатуры, является почти совершенно неуязвимымъ въ отношеніи уголовной отвѣтственности за свою профессію, такъ какъ всѣмъ извѣстно, насколько трудно уличить на судѣ лжесвидѣтельство.

„Въ заключеніе мнѣ остается указать еще на одну сторону дѣятельности подпольнаго авдвоката. Составляя для крестьянъ безграмотныя прошенія и жалобы, адвокатъ отчасти по своей безграмотности, отчасти подъ вліяніемъ той бутылки водки, которую купилъ ему пришедшій къ нему за юридическимъ совѣтомъ крестьянинъ, наполняетъ эти прошенія и жалобы такими выраженіями, которыя являются оскорбительными для должностного лица или извѣстнаго учрежденія, и въ результатѣ неграмотный проситель или жалобщикъ, отъ имени коего написаны авдвокатомъ прошеніе или жалоба, оказывается на скамьѣ подсудимыхъ за оскорбленіе на бумагѣ должностного лица или учрежденія".

Въ Сибири, какъ указывалъ г. Высоцкій въ Ачинскомъ комитетѣ подпольные адвокаты вербуются изъ ссыльно-поселенцевъ, которые обманомъ вымогаютъ у крестьянъ деньги и стараются развить въ населеніи любовь къ сутяжничеству.

Нѣкоторые комитеты попытались подвести итогъ, во что обходится населенію подпольная адвокатура. Такъ, въ докладѣ г. Королева Суджанскому комитету приводится слѣдующее вычисленіе:

„Въ Суджанскомъ уѣздѣ ежегодно разбирается волостными судами до 6.000 дѣлъ, изъ нихъ большинство—по земельному устройству, земскими начальниками, уѣзднымъ членомъ окружнаго суда— до 3.500, уѣзднымъ съѣздомъ и губернскимъ присутствіемъ—до 1.600 и, затѣмъ, въ административномъ порядкѣ: губернскимъ присутствіемъ, земскими начальниками, земской управой и волостными правленіями—до 4.500 дѣлъ (въ числѣ административныхъ дѣлъ показаны всѣ тѣ дѣла, по которымъ крестьянину приходится подавать письменное прошеніе), всего въ теченіе года производится въ уѣздѣ до 11.000 судебныхъ и 4.500 административныхъ дѣлъ. Всѣ эти дѣла, въ силу установившейся практики, возникаютъ только по письменнымъ прошеніямъ. Конечно, по каждому, даже самому простому дѣлу, требуется подать иногда не одно прошеніе. Вотъ тутъ то на сцену и выступаетъ подпольный адвокатъ, такъ какъ крестьянинъ, даже и хорошо грамотный, не имѣя подъ руками толковаго образца, никогда не рискнетъ самостоятельно составить офиціальную бумагу, не прибѣгая къ помощи „повѣренныхъ". Послѣдніе, смотря по своему положенію, берутъ за написаніе простыхъ прошеній отъ 25 к., съ придачей чего-либо изъ продуктовъ и водки, и до 5 руб., а въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, болѣе сложныхъ,—отъ 10 до

20 р., за написаніе нѣкоторыхъ апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ—до 50 р.. По каждому судебному дѣлу противная сторона, благодаря убѣжденію этихъ адвокатовъ, пишетъ объясненія, въ большинствѣ случаевъ совершенно ненужныя. Такимъ образомъ, въ теченіе года, въ одномъ лишь Суджанскомъ уѣздѣ получается написанныхъ: судебныхъ прошеній—9.500, объясненій на нихъ не менѣе $^1/_3$,—3.200, апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ—1.600, объясненій на нихъ—500 и по административнымъ дѣламъ—4.500, а всего не менѣе 19.300 прошеній. Считая плату за написаніе прошеній въ среднемъ: первыхъ по 1 р., вторыхъ —2 р., и третьихъ—по 50 к., то и тогда крестьянское населеніе этого уѣзда ежегодно теряетъ только за одно написаніе прошеній до 20.000 рублей. Цыфра эта, конечно, ниже дѣйствительной, такъ какъ плата взята минимальная, да и крестьяне, кромѣ денегъ, согласно обычаю, даютъ своимъ адвокатамъ въ придачу водку и что-либо изъ продуктовъ".

Въ Енисейской губерніи г. Е. П. Шольпъ въ своемъ докладѣ Красноярскому у. комитету опредѣлилъ расходы на подпольныхъ адвокатовъ въ суммѣ не менѣе 10 тысячъ рублей по каждому уѣзду. Невыгоды такого положенія вещей сознаются, очевидно, и самимъ населеніемъ, со стороны котораго замѣчаются попытки такъ или иначе ихъ избѣжать. Въ докладѣ Александровской земской управы XXXII земскому собранію объ организаціи юридической помощи сообщалось со словъ одной газеты, что „крестьянинъ Валковскаго у. Харьковской губ. нѣкто Софіенко былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ, занимаясь мѣховой торговлей, нажилъ большое состояніе. Онъ постоянно жаловался на то, что сосланъ совершенно напрасно, и повторялъ, что если бы въ деревняхъ были свѣдущіе въ законахъ, ему не пришлось бы испытать ту участь, которая выпала на его долю. Передъ смертью Софіенко, заботясь о нуждахъ своихъ односельчанъ по Валковскому у., завѣщалъ 10 тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы на %% съ этихъ денегъ воспитывали одного изъ способнѣйшихъ мѣстныхъ мальчиковъ сначала въ гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи курса въ университетѣ стипендіатъ этотъ долженъ въ теченіе 12 лѣтъ, проживая въ селѣ, быть ходатаемъ за своихъ односельчанъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. При этомъ Софіенко завѣщалъ еще около 20 тысячъ рублей, %% съ которыхъ должны итти въ жалованье сельскому юристу. Такимъ образомъ, въ теченіе этихъ 12 лѣтъ, когда получившій полное образованіе въ университетѣ будетъ служить нуждамъ своихъ односельчанъ, другой крестьянскій мальчикъ, на утвержденную въ 10 тысячъ рублей стипендію, долженъ учиться въ гимназіи и университетѣ и быть впослѣдствіи замѣстителемъ своего предшественника".

Въ „Правѣ" сообщалось, со словъ „Каспія", что „въ Баку прибыло нѣсколько человѣкъ рабочихъ съ рыбныхъ промысловъ для организаціи юридической помощи всѣмъ вообще на промыс-

лахъ рабочимъ-рыбникамъ. Необходимость такой помощи видна уже изъ того, что рабочій, напримѣръ, недополучившій 5—10 р. заработанныхъ денегъ, вынужденъ или оставить это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, или же, теряя время, заработокъ и деньги, прибыть для этого въ Баку. Почему они имѣютъ намѣреніе пригласить для веденія подобныхъ дѣлъ одного изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, вознагражденіе которому будетъ производиться изъ процентовъ съ выигранныхъ имъ дѣлъ".

Болѣе рѣшительная попытка принадлежитъ сельскому обществу слободы Покровской Сарат. губ., которое, по словамъ того же „Права", учредило у себя съ 1901 г. безплатную юридическую консультацію. „Для этой цѣли на службу въ качествѣ юрисконсульта приглашенъ сельскимъ обществомъ помощникъ прис. повѣреннаго Рахмановъ. Живетъ онъ пока въ Саратовѣ и будетъ пріѣзжать въ слободу два раза въ недѣлю, въ дни засѣданій общественнаго банка. Въ эти дни въ залѣ волостного суда онъ будетъ давать безплатные юридическіе совѣты населенію. Нужно полагать, что скоро онъ совсѣмъ переѣдетъ въ слободу". Къ сожалѣнію, подобные случаи представляютъ исключительное явленіе, и ждать, сложа руки, проявленія инціативы со стороны самого народа было бы, конечно, совершенно непозволительно. Нѣкоторые уѣздные комитеты справедливо находили параллель между разсматриваемымъ явленіемъ и созданіемъ земской медицинской помощи, которая проводилась не только помимо, но подчасъ и вопреки желанію населенія, и довѣріе къ этой помощи со стороны крестьянъ стало появляться уже много лѣтъ спустя, послѣ того какъ настойчивая и беззавѣтная работа врачей шагъ за шагомъ убѣждала населеніе, что передъ нимъ не враги, а истинные друзья. Точно такъ же и здѣсь—нельзя ожидать того времени, когда потребность будетъ ясно сознана, нужно, какъ вѣрно замѣчаетъ отчетъ Московской консультаціи, самимъ вызвать потребность и удовлетворить ее.

Одна изъ главныхъ трудностей борьбы съ подпольной адвокатурой и состоитъ въ томъ, что „подпольный адвокатъ раньше всего всевѣдущъ, вездѣсущъ и всемогущъ. Его кліенту, обывателю окраинъ, не приходится путешествовать изъ конца города въ центръ, не приходится узнавать адресъ „аблаката", такъ какъ въ любомъ трактирѣ, возлѣ любой казенной лавочки или даже просто на улицѣ онъ легко найдетъ нѣсколько поджидающихъ его разбойниковъ пера. У нихъ нѣтъ пріемныхъ часовъ, они не заставляютъ ждать себя, къ нимъ можно обращаться во всякое время дня. Если „аблакатъ" узнаетъ, что такой-то обыватель нуждается въ юридической помощи, нуждается въ совѣтѣ, хочетъ подать прошеніе, аблакатъ тутъ какъ тутъ съ своей походной канцеляріей, состоящей изъ бумаги, пера и чернилъ. Нѣсколько вопросовъ о дѣлѣ, нѣсколько фразъ, рисующихъ обывателю перспективы успѣха, возстановленія правъ, оправданія отъ взведеннаго обвиненія, веселый звонъ нѣсколькихъ мѣдныхъ

или серебряныхъ монетъ, шелестъ бумаги, звукъ пера—и консультація окончена къ обоюдному удовольствію: времени ушло мало, стоило дешево, впереди увѣренно обѣщанный успѣхъ. Кліентъ чувствуетъ себя отлично; съ нимъ, маленькимъ человѣкомъ, „аблакатъ" обошелся вполнѣ корректно, поздоровался, какъ съ равнымъ, поговорилъ, взялъ недорого" [1]).

Какія же мѣры принимались и принимаются для борьбы съ очерченнымъ зломъ?

Земство, ставъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ ужаснымъ безправіемъ, въ которомъ продолжаетъ пребывать наша деревня, не могло успокоиться на сочиненіи проектовъ: нужно было—хорошо ли, худо ли—поскорѣе прійти на помощь „страждущимъ и голоднымъ".

Еще въ 1871 г. Моршанское земское собраніе, по предложенію гласнаго, князя Н. Н. Чолокаева, постановило пригласить адвоката для судебной защиты лицъ, принадлежащихъ къ земству. Это постановленіе, опротестованное губернаторомъ, какъ выходящее изъ круга дѣлъ, разрѣшенныхъ земскимъ учрежденіямъ, перешло затѣмъ на разсмотрѣніе Сената. Сенатъ, имѣя въ виду: „что кругъ дѣлъ, разрѣшаемыхъ земскимъ учрежденіямъ, въ точности опредѣленъ положеніемъ о сихъ учрежденіяхъ, что приглашеніе адвоката для защиты по дѣламъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ земству, не относится ни къ одному разряду дѣлъ, перечисленныхъ въ ст. 2 положенія, что ссылка земства въ оправданіе своего постановленія на п. XI ст. 2 положенія представляется лишенною всякаго основанія, такъ какъ въ этомъ пунктѣ говорится лишь о завѣдываніи со стороны земскихъ учрежденій мѣстными сборами, на основ. устава о земск. повин., призналъ внесенный въ земскую смѣту расходъ на содержаніе адвоката неправильнымъ и постановленіе земскаго собранія отмѣнилъ" [2]).

Эта единичная попытка многократно засимъ возобновляется въ концѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Въ 1887—8 г.г. Рязанская уѣздная земская управа, при содѣйствіи мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, организуетъ безплатную юридическую консультацію для крестьянъ. Въ 1891 г. Юхновское уѣздное земское собраніе постановило пригласить лицо съ юридическимъ образованіемъ для подачи юридическихъ совѣтовъ и составленія прошеній по дѣламъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ земству. Постановленія эти были опротестованы губернскою властью, и вопросъ о правѣ земствъ учреждать должности земскихъ юрисконсультовъ по дѣламъ частныхъ лицъ вновь былъ представленъ на разрѣшеніе Сената. Въ это время послѣдовало введеніе въ дѣйствіе новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., и Сенатъ означенныя дѣла, не разсматривая по существу, производствомъ прекратилъ.

(¹ Р. Вѣд. № 3 М. Берштамъ, Юридич. консультація въ Россіи.
(² Заимствуемъ изъ статьи А. Лукашевича „Юристъ" № 40 за 1903 г.

Затѣмъ въ 1896—7 г.г. вопросъ о земскихъ юридическихъ консультаціяхъ былъ возбужденъ въ Тамбовскомъ, Казанскомъ, Черниговскомъ и Вятскомъ губернскихъ, Лохвицкомъ и Клинскомъ уѣздныхъ земствахъ [1]).

Помимо перечисленныхъ земствъ, вопросъ этотъ съ особенной тщательностью былъ разработанъ Александровской земской управой (Екатериносл. губ.), представившей обстоятельный докладъ XXXII очередному собранію (1897 г.) [2]).

Разрабатывая планъ организаціи помощи, управа обратилась съ соотвѣтствующими запросами во всѣ земскія управы.

„Изъ полученныхъ отвѣтовъ отъ 215 земствъ выяснилось, что значительное большинство, а именно 59%, отнеслось къ этому вопросу весьма сочувственно. Изъ нихъ 23 земства уже задавались или только заняты разрѣшеніемъ этого вопроса. Въ Екатеринославской губерніи вопросъ возникалъ уже въ Маріупольскомъ земствѣ, хотя тамъ разрѣшенъ нѣсколько иначе. Признано необходимымъ внести въ курсъ народной школы преподаваніе начатковъ юридической науки и ассигновано на составленіе необходимаго для этой цѣли учебника 700 р... Изъ всѣхъ отвѣтившихъ земствъ 15% положительно не сочувствуютъ по той или иной причинѣ осуществленію этой мысли, 20% болѣе или менѣе индифферентны, отъ 4% получены неопредѣленные отвѣты“.

Итакъ, несмотря на общепризнанность потребности населенія въ юридической помощи, всѣ попытки земствъ остались тщетными; оставлены были безъ послѣдствій комитетомъ министровъ и земскія ходатайства нѣкоторыхъ губерній о включеніи разсматриваемаго дѣла въ компетенцію земскихъ учрежденій.

Единственное указаніе на благопріятное разрѣшеніе вопроса мы имѣемъ въ цитированномъ уже докладѣ Александровской управы относительно Тамбовскаго и Елецкаго земствъ. Докладъ сообщаетъ, что „въ юридическую консультацію при Тамбовской уѣзд-

---

[1]) По дѣлу Лохвицкаго и Вятскаго земствъ вопросъ вновь дошелъ до Сената. Лохвицкая управа въ своей жалобѣ указывала, что „цѣль предположенной консультаціи—борьба съ подпольной адвокатурой и помощь населенію въ области сложнаго судопроизводства и что такая помощь населенію со стороны земствъ, въ силу п. 11 ст. 2 пол. о з. учр., относится къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій. Но Прав. Сенатъ остался всецѣло на прежней точкѣ зрѣнія и нашелъ, что возбужденный въ немъ вопросъ разрѣшенъ уже Прав. Сенатомъ въ указѣ его отъ 30 мая 1873 г., за № 4551 по аналогичному дѣлу Моршанскаго уѣзднаго земства въ отрицательномъ смыслѣ. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что п. 11 ст. 2 положенія о земск. учрежд. 12 іюня 1890 г., на которомъ управа основываетъ защиту постановленія земскаго собранія, нисколько не расширяетъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій сравнительно съ положеніемъ 1 января 1864 года, Прав. Сенатъ опредѣляетъ жалобу Лохвицкой уѣздной управы оставить безъ послѣдствій (Заимствуемъ изъ Свода указовъ Н. Кузнецова, стр. 94).

[1]) Считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность Александровской управѣ за любезную присылку намъ доклада.

ской управѣ обращались не только городскіе жители и жители Тамбовскаго уѣзда, но и отдаленныхъ отъ Тамбова уѣздовъ... Юридическая помощь имѣется и при Елецкой уѣздной земской управѣ, которой разрѣшено тратить ежегодно до 300 р. на уплату мѣстнымъ юристамъ за безплатные совѣты населенію". На какихъ основаніяхъ существуетъ эта организація, у насъ, несмотря на собственные справки, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣется.

Лишенныя возможности самостоятельно заняться организаціей юридической помощи, земства поспѣшили оказать свое посильное по обстоятельствамъ времени содѣйствіе, какъ только явились новыя силы, взявшія на себя разрѣшеніе задачи. Мы имѣемъ въ виду образующіяся въ послѣдніе годы группы молодой адвокатуры, дѣятельность которой яркимъ пятномъ выдѣляется на фонѣ сѣренькой жизни сословія прис. повѣренныхъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ московская консультація помощниковъ прис. повѣренныхъ при Московскомъ съѣздѣ мировыхъ судей, которая не ограничиваетъ своей дѣятельности предѣлами Москвы, а стремится проникнуть и во всѣ уѣздные города и губерніи и участвуетъ въ выѣздныхъ сессіяхъ суда. Изъ отчетовъ консультаціи и трудовъ Рузскаго сельско-хозяйственнаго комитета видно, что отчасти временныя, отчасти постоянныя отдѣленія консультаціи открыты въ Клинскомъ, Подольскомъ, Рузскомъ уѣздахъ. Земство предоставило консультаціи помѣщеніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ участвуетъ такъ или иначе въ расходахъ. Такъ, „Петербургское уѣздное земство, кромѣ предоставленнаго Шлиссельбургской консультаціи помѣщенія въ чрезвычайно удобномъ зданіи школы, обязалось еще вносить 100 р. въ годъ на освѣщеніе (электричествомъ) и прислугу; на помощь Екатеринославскому бюро по организаціи безплатныхъ защитъ пришли Екатеринославскія уѣздное земство и городская управа, а также Александровское уѣздное земство". Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Права" сообщалось, что Ярославское губернское земское собраніе удовлетворило ходатайство присяжныхъ повѣренныхъ принять на себя расходъ по поѣздкамъ для безплатной защиты на выѣздныхъ сессіяхъ суда.

Намъ думается, что если бы теперь земства вновь проявили иниціативу, обратившись съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ къ мѣстнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, то во многихъ уѣздныхъ городахъ оказались бы молодыя силы, готовыя посвятить себя этой высокой дѣятельности, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила бы для стажьеровъ прекрасной практической школой.

Всего вообще имѣется консультацій не менѣе пятидесяти [1]). Въ Петербургѣ—7, Москвѣ и Кіевѣ по 2, въ Казани, Одессѣ, Иркутскѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Гроднѣ, Харьковѣ, Лохвицѣ, Тиф-

[1]) Мы пользуемся данными, напечатанными въ „Правѣ" за 5 лѣтъ и отчасти сведенными въ уже цитированной статьѣ г. Беренштама, въ которой весьма обстоятельно разсмотрѣна дѣятельность нашихъ консультацій.

лисѣ, Ташкентѣ, Рязани, Владимірѣ, Ярославлѣ, Севастополѣ, Ростовѣ на Дону, Житомірѣ, Могилевѣ, Баку, Екатеринославѣ, Люблинѣ, Кутаисѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Николаевѣ, Кишиневѣ, Томскѣ, Воронежѣ, Херсонѣ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ, Оргѣевѣ, Новой Ушицѣ, Армавирѣ, Волчанскѣ, Маріуполѣ, Валкѣ, Новомосковскѣ и Архангельскѣ—по одной. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ развиваютъ такую энергію, какъ Московская и Петербургская. Многія изъ нихъ посѣщаются членами неаккуратно, мѣстами плата за совѣтъ назначена слишкомъ высокая, такъ что въ газетныхъ корреспонденціяхъ то и дѣло приходится читать сообщенія, что борьба съ подпольной адвокатурой оканчивается побѣдой послѣдней, подпольная адвокатура развивается все больше и больше, и происходитъ это отъ того, что консультація дожидается, пока деревня прійдетъ къ ней въ кабинетъ, а надо итти навстрѣчу этой невѣжественной и обездоленной деревнѣ. Нѣкоторыя изъ вышеперечисленныхъ консультацій возникли и организовались по иниціативѣ уѣздныхъ попечительствъ о народной трезвости. Такъ въ „Правѣ“ за 1902 г. сообщалось, что Валковскій комитетъ попечительства организовалъ при народномъ домѣ бюро для писанія прошеній, юридическихъ сдѣлокъ и т. д. Для веденія бюро приглашено комитетомъ за небольшое вознагражденіе особое лицо, которое, устроившись за однимъ изъ столовъ чайной народнаго дома, пишетъ здѣсь же для желающихъ прошенія, сдѣлки и т. п. Для неимущихъ прошенія пишутся безплатно, а для остальныхъ по слѣдующей таксѣ: за написаніе исковыхъ прошеній, апелляцій, а также сдѣлокъ, цѣной выше 80 р., взимается $^1/_4$% съ цѣны иска; за написаніе векселей, заемныхъ писемъ, объявленій, почтовыхъ переводовъ отъ 3 до 20 коп. Въ виду успѣшной дѣятельности бюро, комитетъ обратился въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ просьбой организовать консультацію, которая на первое время дѣйствовала хотя бы только въ ярмарочные и базарные дни.—Приглашеніе комитета встрѣчено было весьма сочувственно, и консультація уже приступила къ дѣйствіямъ. Благодаря тому, что, съ одной стороны, порядокъ открытія консультацій, юридическихъ бюро и т. п. совершенно непредусмотрѣнъ нашимъ закономъ, и что, посему, они разрѣшаются и запрещаются, какъ и кому, можно сказать, Богъ на душу положитъ, а съ другой—такъ какъ въ попечительствахъ видное мѣсто занимаетъ губернское начальство, то естественно, что вопросъ о правѣ попечительства заниматься организаціей юридической помощи на практикѣ не возникалъ, и учрежденіе попечительскихъ консультацій отнюдь не вызывало тѣхъ рѣшительныхъ препятствій, какія, какъ мы видѣли, ставились земству на этомъ пути. Даже, напротивъ, были случаи, что губернаторы (Екатеринославскій) сами обращались къ уѣзднымъ попечительствамъ съ предложеніемъ организовать юридическую помощь, не спрашивая раз-

рѣшенія губернскаго комитета [1]). Пользуясь этимъ, Валковскій комитетъ сумѣлъ проникнуть со справочнымъ бюро и въ деревню, устроивъ таковое въ Новой Водолагѣ и Колемагѣ. Но съ другой стороны, высказывается опасеніе, чтобы помощь, оказываемая попечительствами, не принесла отрицательныхъ результатовъ. „Среди членовъ попечительствъ преобладаютъ вліятельныя должностныя лица губерніи, и консультаціи, обязанныя своимъ существованіемъ содѣйствію этихъ лицъ, будутъ недостаточно энергичны и смѣлы тогда, когда имъ придется защищать интересы сѣрыхъ кліентовъ, обиженныхъ должностными и вообще вліятельными лицами губерніи или города“ [2]).

Хотя мы и не допускаемъ мысли, чтобы присяжная адвокатура отступила отъ своего профессіональнаго долга, въ виду наличности вліятельныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе считаемъ это опасеніе небезосновательнымъ, ибо врядъ ли населеніе станетъ по всякимъ щекотливымъ дѣламъ обращаться за помощью къ такимъ учрежденіямъ, во главѣ которыхъ стоятъ лица, участвующія въ созданіи этого щекотливаго положенія. Если же, напр., какъ сообщаютъ изъ Льгова, консультаціей будутъ завѣдывать судебные слѣдователи, то какъ быть съ жалобами на предварительное слѣдствіе.

Все вышеизложенное приводитъ къ несомнѣнному выводу, что настоятельная потребность въ юридической помощи представляется далеко неудовлетворенной. При такомъ положеніи дѣла вполнѣ естественно, что комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, признавшіе крестьянскій вопросъ центромъ современной неурядицы, должны были остановиться и на вопросѣ объ организаціи юридической помощи. Изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ видно, что вопросъ этотъ возбуждался въ Алатырскомъ, Ардатовскомъ, Арзамасскомъ, Ачинскомъ, Бирскомъ, Борисоглѣбскомъ, Дмитровскомъ, Епифанскомъ, Звенигородскомъ, Камышловскомъ, Кишиневскомъ, Красноярскомъ, Малмыжскомъ, Мамадышскомъ, Нижнеломовскомъ, Новомосковскомъ, Полтавскомъ, Поневѣжскомъ, Самарскомъ, Сапожниковскомъ, Сарапульскомъ, Ростовскомъ, Рузскомъ, Семеновскомъ и Суджанскомъ уѣздныхъ и Архангельскомъ и Симбирскомъ губернскихъ комитетахъ. Кромѣ того, вопросъ возбуждался въ Курмышскомъ комитетѣ, который призналъ введеніе юридической помощи населенію неимѣющимъ отношенія къ задачамъ комитета, и въ Симбирскомъ губернскомъ, который также высказался отрицательно послѣ замѣчанія предсѣдателя объ отдаленности вопроса о юридической помощи населенію отъ задачъ

---

[1]) Маріупольскій комитетъ принялъ предложеніе и, рѣшивъ организовать консультацію, обратился за денежной субсидіей къ земству. Любопытно, какъ отнесется губернаторъ, если земство удовлетворитъ ходатайство комитета.

[2]) Верштамъ, 1 стр.

комитета и отсутствіи у земства средствъ, даже на прямыя его нужды.

Но и въ тѣхъ комитетахъ, гдѣ въ окончательномъ выводѣ вопросъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, раздавались голоса самые разнообразные. Такъ, въ Дмитровскомъ комитетѣ высказано было, что правымъ предъ судомъ нечего обращаться къ посторонней помощи и что если таковая будетъ организована, то она послужитъ лишь на пользу виноватымъ, что она будетъ затемнять дѣло, увеличитъ количество дѣлъ. Не будемъ, однако, строги къ „провинціаламъ“. Вспомнимъ, что аналогичныя сужденія мы можемъ встрѣтить по вопросу о допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи—въ объяснительныхъ запискахъ. Во всякомъ случаѣ, что касается положенія дѣлъ въ деревнѣ, то о произволѣ властей, юридическомъ невѣжествѣ земскихъ начальниковъ, у котораго связываются всѣ нити деревенскаго обихода, столько писали и такъ это стало общеизвѣстно, что необходимость противопоставить попечительной власти разумную силу ни въ комъ, кромѣ—увы, все рѣдѣющихъ—прозелитовъ „Моск. Вѣд.“ и „Гражданина“, сомнѣній не вызываетъ. Но если и допустить, что правому не нужна посторонняя помощь, то не мѣшаетъ позаботиться и о виноватомъ, ибо и ему должно быть воздано не свыше мѣры содѣяннаго.

Близко къ этому крайнему мнѣнію о вредѣ адвокатской помощи подходитъ другое (высказанное г. Н. А. Хомяковымъ въ Смоленскомъ губернскомъ комитетѣ), которое считаетъ эту помощь излишней: „если говорить о штатной должности добраго совѣтчика, то, навѣрное, въ каждомъ уѣздѣ найдется болѣе одного такого,—тѣ же земскіе начальники“, а въ Мамадышскомъ комитетѣ гг. Лащинскій, Котовъ и Клиновъ констатировали, что и къ правительственнымъ чиновникамъ крестьяне охотно идутъ за совѣтомъ, напр., къ земскимъ начальникамъ. Въ статьѣ своей о земской адвокатурѣ („Право“ 1899 г. №№ 39 и 40) В. Д. Кузьминъ-Караваевъ подвергаетъ серьезной, можетъ быть даже слишкомъ серьезной, разрушительной критикѣ мнѣніе о пригодности земскаго начальника въ роли совѣтчика. Здѣсь и указаніе на то, что сущность дѣятельности судьи и администратора, съ одной стороны, и адвоката, съ другой—прямо противоположны и потому не могутъ быть совмѣщаемы въ одномъ лицѣ; что земскій начальникъ такъ обремененъ своими прямыми обязанностями, что ему рѣшительно некогда было бы заниматься еще и частными дѣлами, что, какъ судьѣ, ему настолько же нужно содѣйствіе юридически представляемой стороны, какъ и судьѣ мировому, окружному суду, палатѣ, Сенату. Мы позволимъ себѣ отослать къ этой прекрасной статьѣ тѣхъ читателей, которые нуждаются въ доказательствахъ выставленныхъ положеній; здѣсь же отмѣтимъ лишь одно приводимое имъ соображеніе, дѣлающее излишними всѣ остальныя, подобно тому, какъ въ извѣстномъ анекдотѣ о Наполеонѣ I—отсутствіе пушекъ въ числѣ ста при-

чинъ, помѣшавшихъ бургомистру встрѣтить императора пушечной пальбою. Соображеніе это касается того, „что земскій начальникъ едва ли не въ половинѣ повседневныхъ крестьянскихъ дѣлъ принимаетъ участіе—или какъ начальникъ надъ органами крестьянскаго самоуправленія, или какъ единоличный судья, или какъ членъ уѣзднаго съѣзда. А потому большинство жалобъ крестьянъ неизбѣжно имѣетъ характеръ прямого или косвеннаго обжалованія дѣйствій земскаго начальника. Если же такъ, то врядъ ли можно сомнѣваться, что предоставленіе земскому начальнику роли государственнаго юрисконсульта ни къ чему иному, кромѣ умноженія случаевъ примѣненія 61 и 62 ст. пол. о зем. нач., не привело бы, а этихъ случаевъ и безъ того болѣе чѣмъ достаточно".

Но затѣмъ, и независимо отъ особеннаго положенія земскихъ начальниковъ, мы горячо убѣждены, что вообще оказаніе юридической помощи не можетъ быть поручаемо лицу, скованному узами государственной службы. Служба создаетъ зависимость и подчиненность, а защита права отъ нарушеній нерѣдко и въ самомъ благоустроенномъ государствѣ способна вызвать тяжелыя коллизіи съ этими основными требованіями, и защитнику пришлось бы либо нарушить эти требованія, либо отступить предъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей. Намъ могутъ возразить на это, что государственнаго юрисконсульта можно сдѣлать независимымъ и неподчиненнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, подобно тому, какъ это постановлено судебными уставами въ отношеніи судей. Такое возраженіе имѣло бы значеніе тогда, когда судебные уставы вводились. Но уже и въ то время, какъ мы недавно напоминали на этихъ же страницахъ, „Современникъ" (1868 г. № 4, ст. Унковскаго) спрашивалъ: „чего же можно ожидать отъ нашихъ будущихъ судебныхъ учрежденій, какое мѣсто займутъ они въ средѣ другихъ государственныхъ и общественныхъ установленій и представятъ ли они достаточныя ручательства въ томъ, что правосудіе будетъ отправляться ими совершенно честно и нелицепріятно? Отвѣчать на эти вопросы весьма затруднительно. Независимые и хорошіе органы правосудія не могутъ создаваться одними уставами судопроизводства и судоустройства... Особыя постановленія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ могутъ получить жизнь и дѣйствительное значеніе лишь настолько, насколько они соотвѣтствуютъ общему строю народной жизни. При извѣстныхъ условіяхъ, существованіе независимаго и нелицепріятнаго суда точно такъ же невозможно, какъ существованіе гласности безъ права свободной рѣчи или публичности безъ публики". Наступившая затѣмъ дѣйствительность съ каждымъ годомъ все ярче и ярче подчеркиваетъ удивительную прозорливость высказаннаго здѣсь мнѣнія, и теперь, конечно, врядъ ли кто нибудь станетъ придавать существенное значеніе предоставленію, хотя бы и закономъ, независимости тому или другому отдѣльному органу или учрежденію.

Какъ справедливо указывалось недавно въ печати по поводу юбилея В. В. Муравьева, всѣ части государственнаго строя естественнымъ образомъ стремятся къ взаимной между собой согласованности. Вотъ почему едва ли нужно доказывать, что функціи адвокатуры отнюдь не слѣдуетъ включать въ систему колесъ, приводимыхъ въ движеніе нашимъ бюрократическимъ маховикомъ; напомнимъ лишь, что чѣмъ острѣе потребность въ юридической помощи, тѣмъ чаще и рѣзче зависимость юрисконсульта можетъ приводить къ весьма сложнымъ коллизіямъ, а между тѣмъ, повторимъ опять, задача заключается не только въ томъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ лицо, къ которому онъ могъ бы обратиться. Нужно, вѣдь, еще воспитать довѣріе къ этому лицу, вселить убѣжденіе, что этотъ юрисконсультъ дѣйствительно его защитникъ и онъ долженъ быть поставленъ выше всякихъ подозрѣній, хотя бы уже потому, что всякимъ такимъ подозрѣніемъ искусно воспользуется подпольный ходатай, который, конечно, не уступитъ своей теперешней позиціи безъ упорной борьбы. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ комитеты такъ взглянули на дѣло: они требовали коронныхъ защитниковъ (Ростовскій окружный), „учрежденія особой должности крестьянскаго юрисконсульта", „котораго можно подчинить окружному суду" (докладъ г. Воробьева Арзамасскому комитету). Въ Кишиневскомъ комитетѣ г. Горобецъ высказалъ мнѣніе, что необходимо „установленіе при уѣздномъ съѣздѣ должности юриста для подачи безплатныхъ совѣтовъ... и для руководительства дѣлопроизводителей волостныхъ судовъ по принятію словесныхъ населенія"; въ Мамадышскомъ комитетѣ г. Беневитскій полагалъ, что съѣздъ могъ бы лучше слѣдить за правомѣрностью дѣятельности земскаго юриста; въ Епифанскомъ комитетѣ г. Ладыженскій предлагалъ просить у правительства субсидію на содержаніе юрисконсульта. Противъ такого направленія протестовалъ въ Красноярскомъ комитетѣ г. Е. Г. Шольцъ, доклады котораго вообще не могутъ не обратить на себя вниманіе серьезностью и детальностью разработки. „Конечно, говоритъ онъ, организовать безплатную юридическую помощь для сельскаго населенія Енис. губ., не говоря уже о значительныхъ денежныхъ расходахъ, дѣло нелегкое и возможно только при существованіи въ губерніяхъ земскихъ учрежденій; безъ этого сельскіе юрисконсульты будутъ чиновниками, мало полезными для населенія, но необходимо законодательное признаніе неотложности юридической помощи сельскому населенію, подобно помощи врачебной, и устраненіе препятствій къ организаціи на мѣстахъ земскихъ юридическихъ бюро".

Всѣ остальные комитеты, обсуждавшіе этотъ вопросъ, точно также высказались за отнесеніе къ компетенціи земства дѣла организаціи юридической помощи По этому поводу можетъ быть предъявлено возраженіе о томъ, что и земская служба создаетъ зависимость, а между тѣмъ крестьянское населеніе вступаетъ въ многочисленныя и разнообразныя отношенія къ земству. На это

и указывалъ В. Д. Спасовичъ въ Спб. юридическомъ обществѣ при обсужденіи доклада В. Д Кузьмина-Караваева; В. Д.Спасовичъ отмѣтилъ неизбѣжную зависимость земской адвокатуры отъ земскихъ учрежденій, противорѣчащую самой идеѣ. Несомнѣнно, что это возраженіе имѣетъ извѣстное значеніе и, конечно, болѣе желательной явилась бы организація консультацій адвокатурой за свой страхъ или приглашеніе юрисконсультовъ сельскими обществами на свой счетъ. Но пока это неосуществимо фактически, ибо адвокатура теперь и безъ того больше всякаго другого профессіональнаго класса отдаетъ себя общественному служенію, а инициативы крестьянъ ждать было бы слишкомъ долго. Въ ожиданіи же этого будущаго предлагаемый комитетами выходъ является наилучшимъ, ибо нельзя упускать изъ виду, что служба земская—вольнонаемная и потому моментъ подчиненности является здѣсь гораздо слабѣе выраженнымъ; что, засимъ, земство соприкасается съ населеніемъ, главнымъ образомъ, на почвѣ имущественныхъ интересовъ, изъ-за которыхъ при настоящихъ условіяхъ не можетъ возникать столь острыхъ коллизій и, наконецъ, что независимость земскаго юрисконсульта можетъ быть гораздо болѣе реально обезпечена. Такъ, г. Малиновскій предлагалъ Ардатовскому комитету „гарантировать положеніе сельскихъ адвокатовъ тѣмъ, чтобы увольненіе ихъ зависѣло отъ земскаго собранія". Комитетъ, правда, принялъ записку съ поправкой въ томъ, чтобы увольненіе земскихъ юристовъ происходило только по единогласному постановленію земской управы.

Упомянемъ еще, что въ нѣкоторыхъ комитетахъ предполалось принять рѣшительныя мѣры противъ подпольныхъ адвокатовъ. Г. Горобецъ въ Кишеневскомъ комитетѣ рекомендовалъ, чтобы никакія прошенія, писаныя доморощенными адвокатами, не служили поводы къ начатію дѣла. Камышовскій комитетъ, по докладу предсѣдателя уѣзднаго съѣзда Бырдина, предлагаетъ для борьбы съ сутяжничествомъ установленія особаго судебнаго сбора. Едва-ли нужно доказывать, что подобныя мѣры могутъ только способствовать успѣху подпольной адвокатуры, ибо лишь скрѣпятъ узы между нею и населеніемъ къ адвокату точно также чувствуетъ себя гонимымъ.

Намъ остается еще коснуться еще организаціи дѣла. Здѣсь намѣчаются два пути. Въ своей статьѣ о земской адвокатурѣ, которую мы уже неоднократно цитировали, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ ставитъ на первый планъ веденіе дѣлъ и сообразно съ этимъ утверждаетъ, что число земскихъ адвокатовъ должно быть не менѣе двухъ, дабы и истецъ, и отвѣтчикъ могли одновременно пользоваться ихъ услугами. Такой порядокъ можетъ вызвать на практикѣ существенныя неудобства. Соглашеніе о веденіи дѣла должно быть абсолютно свободнымъ, а здѣсь земскій плательщикъ является къ адвокату, состоящему на земской службѣ, какъ къ лицу, обязанному вести его дѣло, и такое положеніе не можетъ не стѣснять порядочнаго человѣка. Каковъ, далѣе, выработается

взглядъ на адвокатуру, если одинъ изъ земскихъ юрисконсультовъ откажется отъ веденія дѣла, а другой приметъ его? Каково будетъ положеніе стороны, противникъ которой пригласитъ одного изъ адвокатовъ для защиты своихъ интересовъ, если второй адвокатъ откажется отъ поддержки ея интересовъ, и каково будетъ положеніе адвоката, сознающаго, что онъ оставляетъ сторону безъ всякой юридической помощи? Наконецъ, если, чего иначе и допустить нельзя, адвокату предоставлено отказываться отъ веденія дѣла, то будетъ ли надъ этимъ какой либо контроль и кому онъ могъ бы принадлежать? Всѣ эти неудобства, которыхъ мы далеко еще не исчерпали, и побуждаютъ насъ высказаться за консультативный характеръ дѣятельности земскихъ адвокатовъ, т. е., чтобы они ограничивались подачей совѣтовъ—устныхъ и письменныхъ—и разъясненіемъ сторонамъ ихъ юридическаго положенія. Къ этому именно взгляду примыкаютъ и уѣздные комитеты. Такъ Рузскій и Суджанскій находятъ, что „необходимо учредить при каждой земской управѣ юридическое бюро съ образованнымъ практическимъ юристомъ во главѣ, гдѣ бы давались совѣты устные и письменные, писались разныя необходимыя прошенія и давалось бы общее руководство по веденію дѣлъ въ судебныхъ и судебно-административныхъ учрежденіяхъ, земельныхъ банкахъ и проч. мѣстахъ—земскому плательщику безплатно, а не плательщику за установленное земской управой вознагражденіе".

Земскій юрисконсультъ или его помощникъ въ качествѣ стороны на судѣ въ уѣздѣ является ненужнымъ, такъ какъ дѣла, разрѣшаемыя въ уѣздныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, хотя въ существѣ для тяжущихся и важныя, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ несложныя, да такое выступленіе было бы и не всегда справедливымъ, такъ какъ противная сторона могла бы и не имѣть защитника.

„Впрочемъ, въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ земскій юрисконсультъ могъ бы выступить защитникомъ на судѣ, но въ уголовныхъ только дѣлахъ, а по гражданскимъ, преимущественно въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, такое право слѣдуетъ предоставить ему лишь въ спорахъ, возникающихъ между земскимъ плательщикомъ и какимъ-либо учрежденіемъ—казной, вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, желѣзной дорогой и проч. Приглашеніе же нѣсколькихъ юристовъ адвокатовъ на уѣздъ, которые бы являлись представителями интересовъ всѣхъ тяжущихся на судѣ, пока еще не по силамъ земству. Для успѣшной постановки дѣла необходимо выхлопотать право полученія самимъ бюро по дѣламъ его кліентовъ справокъ какъ въ частныхъ, такъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ.—Точно также Ардатовскій комитетъ находитъ, что „ради практическихъ удобствъ слѣдуетъ въ началѣ пригласить одного—двухъ повѣренныхъ на уѣздъ съ жалованьемъ не болѣе 1000—1500 руб., въ годъ, съ обязательствомъ подачи совѣтовъ въ всѣхъ стадіяхъ процесса. Для расширенія дѣла можетъ быть образованъ особый

фондъ, черезъ установленіе сбора за совѣты и написаніе бумагъ, при чемъ эта незначительная плата была бы полезна еще въ отношеніи къ лицамъ, склоннымъ къ сутяжничеству, такъ какъ удержала бы ихъ отъ эксплуатаціи земскихъ адвокатовъ въ случаѣ безплатности ихъ помощи, но установленіе платы не должно исключать дарового совѣта для завѣдомо малосостоятельныхъ, по удостовѣренію управы. Для приближенія повѣренныхъ къ народу они должны выѣзжать въ заранѣе намѣченные пункты". Докладчикъ Арзамасскаго комитета находитъ, что „обязанности крестьянскаго юрисконсульта должны заключаться въ томъ, что, объѣзжая періодически уѣздъ, онъ будетъ за вознагражденіе по установленной таксѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ безплатно, давать совѣты по дѣламъ судебнымъ крестьянскому населенію и составлять отъ имени крестьянъ прошенія и жалобы, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ будетъ вести отъ имени крестьянъ и дѣла въ судебныхъ инстанціяхъ.—Отъ платы за пользованіе юридическими совѣтами у крестьянскаго юрисконсульта могутъ быть освобождены крестьяне, бѣдность которыхъ удостовѣрена волостнымъ правленіемъ". Таковъ же въ существѣ взглядъ Ачинскаго, Бирскаго, Епифанскаго, Мамадышскаго Малмышскаго и Самарскаго и Сарапульскаго комитетовъ. Но, что гораздо важнѣе, къ такому же заключенію приходитъ и Александровская уѣздная земская управа въ докладѣ своемъ, о которомъ мы уже неоднократно упоминали, при чемъ это заключеніе составлено по указаніямъ всѣхъ земствъ, запрошенныхъ, какъ мы уже знаемъ, управой. Докладъ предлагаетъ возложить на обязанность юрисконсульта давать безплатно устные совѣты всѣмъ земскимъ плательщикамъ безъ различія. Заготовленіе же бумагъ и всякаго рода письменныхъ работъ должно вознаграждаться по особой таксѣ, и вознагражденіе поступаетъ въ пользу юрисконсульта.—Въ противоположность Ардатовскому комитету управа высказывается за стаціонарную систему.

„Не мѣшаетъ, говорится далѣе въ докладѣ, упомянуть здѣсь, что высказанныхъ нѣкоторыми земствами неудобствъ отъ подачи совѣтовъ однимъ и тѣмъ же лицомъ противнымъ сторонамъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ; юристъ даетъ совѣты для обѣихъ сторонъ, исходя изъ одного и того же основанія, т. е. извѣстныхъ законоположеній. Совѣтъ по существу одинъ, такъ какъ само дѣло—одно, а по одному дѣлу можетъ быть только одно законное рѣшеніе. Для юрисконсульта въ даномъ случаѣ не больше неудобствъ и затрудненій, чѣмъ для судьи, рѣшающаго по существу и на основаніи законовъ какое-либо дѣло. Что касается вопроса о защитѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ, то выступать въ таковыхъ юристъ не обязанъ, но въ важныхъ случаяхъ можетъ по особому съ кліентами соглашенію брать на себя и веденіе дѣлъ".

По поводу такого плана дѣлается обыкновенно возраженіе, что онъ противорѣчитъ требованіямъ адвокатской этики, которая не позволитъ адвокату, познакомившемуся съ дѣломъ изъ сно-

шеній съ одной стороной, давать совѣты другой. Это требованіе основывается на томъ правильномъ соображеніи, что — вольно или невольно—адвокатъ можетъ воспользоваться впользу одной стороны данными, довѣрительно сообщенными ему другой стороной позицію одной и ослабить положеніе второй. Признавая вполнѣ серьезность этихъ опасеній, мы думаемъ однако, что поскольку фактически невозможно пригласить двухъ юрисконсультовъ приходится мириться съ такимъ положеніемъ и довѣриться такту и безпристрастью адвоката.

Итакъ, планъ организаціи, въ общемъ, намѣчается довольно согласно: дѣло должно быть поручено земствамъ, помощь должна носить консультативный характеръ и въ принципѣ быть возмездной. Само собою разумѣется, однако, что такая помощь не можетъ быть признана достаточной, необходимо и представительство сторонъ на судѣ, но организація его рѣшительно не по силамъ земству. Это могло бы быть достигнуто лишь консультаціями, образующимися изъ молодыхъ силъ, проникнутыхъ сознаніемъ, что задача адвокатуры не исчерпывается веденіемъ дѣлъ по порученіямъ отдѣльныхъ лицъ, а включаетъ и общественное служеніе.—Повторяемъ мы убѣждены, что если бы въ этомъ направленіи земства проявили достаточно инициативы, то теперь, когда самые глухіе уголки провинціи ожили и заговорили, въ большинствѣ городовъ можно было бы найти группы молодыхъ адвокатовъ, готовыхъ посвятить себя дѣлу оказанія помощи населенію. А такая инициатива (за которой, конечно, должно слѣдовать и возможное со стороны земствъ содѣйствіе) тѣмъ болѣе желательна, что, повидимому, при настоящихъ условіяхъ земству не удастся осуществить самостоятельную организацію юридической помощи.

I. Гессенъ.

То-ли нужно?

(Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній).

Въ прибавленіяхъ къ 36 номеру „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1902 годъ напечатано „Окружное посланіе преосвященнаго Антонія, епископа Волынскаго, къ епархіальному духовенству“. Насколько это произведеніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ матеріаловъ, помѣщаемыхъ въ прибавленіяхъ къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“, можно заключить уже изъ того, что перепечатки посланія въ отрывкахъ появились даже въ солиднѣйшихъ органахъ нашей ежедневной прессы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ 36 номера „Церковныхъ Вѣдомостей“. Дѣйствительно, „посланіе“ преосвященнаго Антонія въ своемъ родѣ выдающееся литературное явленіе и по жизненности взятой имъ темы, и по широтѣ и глубинѣ затронутыхъ имъ вопросовъ; но что особенно подкупаетъ въ немъ читателя, такъ это его необычайная искренность и откровенность въ изображеніи дѣйствительности, — той дѣйствительности, которая обыкновенно замалчивается въ печати, особенно въ духовной, или же рисуется въ ней сентиментально-елейными красками. Чуждое подобныхъ прикрасъ, „окружное посланіе“ п. Антонія рисуетъ жизнь современнаго духовенства такъ, какъ она есть въ дѣйствительности, не скрывая ея недостатковъ и даже преимущественно указывая на нихъ. Весьма возможно, что эта выдающаяся особенность пастырскаго посланія преосвященнаго Антонія стоитъ въ связи съ экстраординарностью вызвавшихъ его поводовъ. Глубоко чувствующая душа архипастыря была смущена крайне пассивной ролью духовенства въ предупрежденіи послѣднихъ крестьянскихъ волненій, бывшихъ на югѣ Россіи. По заявленію „посланія“, большинство пастырей въ охваченномъ крестьянскимъ движеніемъ районѣ даже не знало о начинавшихся въ ихъ приходахъ „бурныхъ волненіяхъ“. Усматривая въ этихъ фактахъ выраженіе „небывалаго ослабленія нравственной

связи между пастырями и пасомыми", „явленіе недовѣрія прихожанъ къ своему пастырю, распространенное у насъ повсюду", авторъ посланія не находитъ возможнымъ объяснить все это случайными причинами,—тѣмъ болѣе, что „ссора, а потомъ и ненависть возникаютъ у прихожанъ" и „по отношенію къ священнику вполнѣ исправному, трезвому, доброму семьянину и исполнительному требоисправителю и законоучителю школы" („Ц. В." № 36-й, стр. 1234, ст. 2-й). „Есть,—говорится въ посланіи,—нѣчто болѣе глубокое среди причинъ такой вражды, нѣчто заключающееся въ самыхъ убѣжденіяхъ священника, въ самыхъ воззрѣніяхъ его на дѣло своего служенія". Это „нѣчто"—буржуазныя привычки", духовенства, „буржуазный бытъ священника-чиновника, внутренне чуждаго и своему жребію, и окружающему его народу", „его глубоко враждебное презрѣніе къ простому сѣрому народу, не знающему ни французскихъ словъ, ни воротничковъ, ни перчатокъ, ни того, чтобы стоять за свою амбицію" (Ibid. ст. 1234—35). „На почвѣ такого взаимнаго отчужденія жизнь священника сама собою складывается такъ, что онъ оказывается среди народа просто землевладѣльцемъ-хозяиномъ, въ лучшемъ случаѣ—воспитателемъ своей семьи, а въ худшемъ—спеціалистомъ какой-либо праздной привычки, коннозаводчикомъ, музыкантомъ и т. п." (Ibid, ст. 1236). Объясняя, какъ выработался такой несимпатичный типъ современнаго намъ священника, пастырское посланіе въ качествѣ причинъ, отвлекающихъ духовенство отъ его назначенія, указываетъ и ослабленіе „матеріальной зависимости духовенства отъ народа", и вліяніе на пастырей опасныхъ приманокъ культурной жизни: поверхностной литературы, газетъ, музыки и т. п. Но главный корень зла, какъ это настойчиво проводится въ нѣсколькихъ мѣстахъ посланія, кроется въ нашей духовной школѣ. „Суевѣрное преклоненіе предъ мишурой жизни, читаемъ въ посланіи, къ сожалѣнію, невольно и безсознательно усвоивается въ школѣ и юношами—будущими священниками, и дѣвицами—будущими матушками". Эта школьная закваска потомъ тормозитъ переворотъ духовныхъ интересовъ священника „отъ буржуазности къ народности", хотя бы онъ вполнѣ искренне желалъ этого. Дѣло въ томъ, что „при всемъ уваженіи къ духовной жизни русскаго народа, при всей готовности быть руководителемъ его духовныхъ интересовъ, онъ чувствуетъ себя совершенно къ тому неподготовленнымъ, что его поученія народу непонятны, что семинарскій дипломъ, свидѣтельствующій о его познаніяхъ въ области библейской и церковной хронологіи и германской философіи, не далъ ему рѣшительно никакихъ свѣдѣній о жизни человѣческой совѣсти, о средствахъ борьбы со страстями, ни даже о такой постановкѣ церковнаго богослуженія, которая назидала бы крестьянъ и нравилась имъ" (Ibid, стр. 1238).

Послѣ всего сказаннаго въ посланіи о бытѣ современнаго намъ русскаго духовенства, повидимому, можно бы было ожи-

дать, что авторъ окружнаго посланія, сумѣвшій такъ глубоко захватить поднятый имъ вопросъ, уловить основной тонъ жизни современнаго духовенства и тонко понять сложныя причины буржуазной настроенности послѣдняго, наряду съ архипастырскими увѣщаніями ad hominem предложитъ и рядъ мѣръ къ искорененію и предупрежденію возмущающихъ его явленій, мѣръ, вполнѣ отвѣчающихъ и раскрываемому имъ злу, и вызывающимъ его причинамъ. Но, прочитывая посланіе до конца, можно воочію убѣдиться, что дѣйствительность далеко не оправдываетъ эти вполнѣ законныя надежды. Въ положительной части посланія встрѣчаются лишь одни назиданія; найдутся, несомнѣнно, такія наставленія и въ поученіяхъ обличаемыхъ пастырей. „Возлюби... смиренный и христіанскій народъ русскій", вникай „съ благоговѣніемъ въ слова церковныхъ молитвъ", подчини свою духовную жизнь „руководству церкви, возьми себѣ любое отеческое руководство къ духовному совершенству, хотя бы книжку епископа Ѳеофана: „Путь ко спасенію", возврати „православной службѣ богатство ея содержанія и простоту ея формъ", обогащай „свой духъ ежедневнымъ чтеніемъ хотя бы св. Библіи и Златоуста":—вотъ все, что предлагаетъ посланіе духовенству для излѣченія отъ его глубокаго недуга. Резюмировать всѣ эти назиданія вмѣстѣ съ ожидаемыми отъ ихъ исполненія результатами можно, пользуясь текстомъ самого посланія, такъ: „Если ты только возлюбишь въ своемъ сердцѣ врученный тебѣ Святымъ Духомъ смиренный и христіанскій народъ русскій, если по любви къ нему и къ собственному спасенію своему, ты подчинишь свою жизнь и свою волю руководству святой церкви и, усовершая себя въ молитвѣ и въ изученіи воли Божіей, будешь насаждать въ твоемъ храмѣ настоящую православно-церковную жизнь",... то „ты привлечешь къ себѣ сердце народное раньше, чѣмъ ты смѣлъ на то надѣяться... народъ сроднится съ тобой", всякое растлѣніе въ паствѣ „истаетъ, какъ воскъ отъ лица огня".

Какъ ни хороши всѣ эти назиданія для пастырей церкви, но, сопоставляя ихъ въ качествѣ мѣръ борьбы противъ недуга, разъѣдающаго современное духовенство, съ характеромъ самаго недуга и съ вызывающими его причинами, невольно поражаешься рѣзкой несоразмѣрностью между тѣми и другими. Причины буржуазной настроенности духовенства указываются посланіемъ въ независящихъ отъ единичной личности соціальныхъ условіяхъ современной русской жизни, складывавшихся постепенно, цѣлыми столѣтіями, а мѣры борьбы съ этой вредной настроенностью, рекомендуемыя посланіемъ, сводятся исключительно къ проповѣди личнаго совершенства на началахъ церковности. Можетъ быть, такая непропорціональность въ характерѣ содержанія обличительной части посланія и положительной объясняется скромной задачей его автора написать „увѣщаніе о томъ, какъ помочь дѣлу"? Но если такъ, то лучше бы не затрогивать такъ глубоко въ посланіи вопроса о причинахъ буржуазности духовенства.

Ничего не теряя въ назидательности, посланіе при этомъ условіи выиграло бы въ томъ отношеніи, что никого бы не ввело въ заблужденіе. Нельзя этого сказать о немъ въ настоящей его формѣ. Если принять во вниманіе выработавшуюся подъ вліяніемъ духовной школы и профессіи склонность духовенства объяснять всѣ явленія добра и зла въ жизни человѣка исключительно личными достоинствами и недостатками послѣдняго, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что громадное большинство духовенства, прочитавши до конца посланіе, только еще лишній разъ придетъ къ заключенію, что всѣ недостатки въ его средѣ, поставленные на видъ посланіемъ, вполнѣ исправимы только личными усиліями каждаго пастыря въ направленіи, указаниомъ посланіемъ,—и большаго для искорененія недостатковъ ничего не требуется. Между тѣмъ, закрѣпленіе такой точки зрѣнія у нашего духовенства на средства его возрожденія въ духѣ народности едва-ли въ интересахъ пастырскаго посланія, если разсматривать послѣднее именно какъ призывъ къ возрожденію. Какъ ни богато посланіе деталями и подробностями, вскрывающими передъ нами разныя причины существеннаго дефекта у современнаго духовенства, но суть ихъ, и по взгляду самого посланія, въ одномъ: въ общественномъ дальтонизмѣ духовенства, въ его умственной близорукости, мѣшающей ему разглядѣть и различить въ жизни общества нравственно дурное отъ нравственно хорошаго. И вотъ эту-то самую умственную и общественную близорукость духовенства, какъ будто намѣренно, старается поддержать у него вторая половина посланія, гдѣ идетъ рѣчь о мѣрахъ борьбы съ недостатками духовенства. Обыкновенно, когда призываютъ на борьбу съ врагомъ, то не только возбуждаютъ мужество въ бойцахъ, но и снабжаютъ ихъ самымъ усовершенствованнымъ оружіемъ, а затѣмъ ведутъ ихъ на всѣ позиціи врага, не исключая сильнѣйшихъ. Посланіе настаиваетъ совсѣмъ на иныхъ пріемахъ борьбы съ открытымъ имъ врагомъ. Указывая въ личномъ совершенствованіи единственное средство противъ недостатковъ духовенства, выросшихъ на почвѣ историческихъ и соціальныхъ условій, оно, какъ будто нарочно, рекомендуетъ оставить безъ вниманія самую сильную позицію зла и, скрывая отъ бойцовъ надежнѣйшее оружіе, предлагаетъ имъ ринуться въ бой, вооружившись лишь мужествомъ и храбростью. Такая тактика невольно напрашивается на сближеніе ея уже съ испытаннымъ въ исторіи нашего отечества патріотическимъ рецептомъ закидать враговъ шапками. Неужели-же такъ радикальны на самомъ дѣлѣ предлагаемыя посланіемъ мѣры для улучшенія духовенства, и такъ ничтожны въ сравненіи съ ними такіе факторы, вызвавшіе уклоненіе духовенства отъ истиннаго пути, какъ исторія русскаго духовенства за нѣсколько столѣтій, какъ буржуазное направленіе всей современной жизни, и, наконецъ, какъ постановка образованія въ современной духовной школѣ, гдѣ безсознательно усвоивается презрѣніе „къ незнающимъ латинскаго языка, реторики

и метафизики“ и „суевѣрное преклоненіе предъ мишурой жизни“? Нѣтъ, и только нѣтъ! За этотъ отвѣтъ,—косвеннымъ образомъ, между строкъ,—и само посланіе. Иначе не зачѣмъ было бы ему выдвигать на сцену сложный аппаратъ историческихъ справокъ въ объясненіе того, какъ постепенно уклонялось духовенство отъ своего прямого назначенія подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ причинъ; съ другой стороны, въ немъ не констатировались бы такіе факты, какъ возникновеніе ненависти у прихожанъ „къ священнику, вполнѣ исправному, трезвому, доброму семьянину и исполнительному требоисправителю и законоучителю школы“,—факты, въ корнѣ подрывающіе вѣру въ дѣйствительность, а тѣмъ болѣе исключительную пригодность мѣръ борьбы со зломъ, рекомендуемыхъ посланіемъ.

Всѣ эти мѣры способны выработать какъ разъ только что охарактеризованный типъ пастыря, образцоваго съ узко-личной и церковной точки зрѣнія и въ то-же время непользующагося, какъ видно изъ посланія, ни любовью, ни довѣріемъ прихожанъ. Правда, у такихъ пастырей, по замѣчанію посланія, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, не достаетъ очень существеннаго: любви къ прихожанамъ изъ сѣраго крестьянскаго люда. Но этотъ недочетъ, при наличности другихъ достоинствъ у священника, какъ кажется, только еще рѣзче подчеркиваетъ отсутствіе параллелизма и причинной связи между духомъ церковности у пастыря и его любовью къ сѣрому крестьянскому люду, и, такимъ образомъ, еще болѣе подрываетъ вѣру и силу рекомендуемыхъ пастырскимъ посланіемъ мѣръ къ искорененію буржуазнаго духа у духовенства. Если бы дѣйствительно любовь къ сѣрому крестьянскому люду развивалась параллельно съ духомъ церковности и православія и въ зависимости отъ того, насколько пастыри церкви упражняются въ чтеніи Св. Писанія, святоотеческихъ твореній и другихъ религіозно-нравственныхъ произведеній, то едва ли въ наше время была бы нужда въ пастырскомъ посланіи, обличающемъ духовенство въ буржуазныхъ наклонностяхъ и въ презрѣніи къ сѣрому крестьянству. Отдавая сравнительно ничтожную долю времени изъ своего многолѣтняго курса на ненавистную посланію германскую философію и другія свѣтскія общеобразовательныя науки, наши духовныя школы посвящаютъ больше всего времени и вниманія тѣмъ именно наукамъ, которыя ведутъ къ детальному ознакомленію съ Св. Писаніемъ, отеческими твореніями и къ проникновенію питомцевъ этихъ школъ духомъ церковности и русскаго православія. Затѣмъ, типъ вполнѣ исправнаго священника, трезваго, добраго семьянина, исполнительнаго требоисправителя и законоучителя школы, лишь съ маленькими недочетами въ механизмѣ по части любви къ сѣрому крестьянскому люду, — тоже продуктъ современой духовной школы. У подобныхъ типовъ священниковъ, несомнѣнно, есть черты пастырскаго идеализма. Но та же духовная школа, читая и толкуя своимъ питомцамъ 6 лѣтъ Св. Писаніе, изучая съ ними рядъ

богословскихъ наукъ и святоотеческія творенія, воспитывая ввѣренное ей юношество, и теоретически, и практически, въ духѣ церковности и православія, все-таки не можетъ повернуть міросозерцаніе богословски развитой молодежи въ сторону народности, и это міросозерцаніе прекрасно укладывается въ рамки господствующаго въ наше время мѣщанско-буржуазнаго направленія. И такой результатъ получается тогда, когда духовная школа особенно добросовѣстно утилизируетъ какъ разъ тѣ самыя учебно-воспитательныя средства, которыя посланіе считаетъ лучшимъ противоядіемъ противъ духа буржуазности; какъ-то и почему-то они въ ея рукахъ не вызываютъ ожидаемаго отъ нихъ посланіемъ эффекта. Духъ современности почти цѣликомъ заглушаетъ народническія чувства у питомцевъ духовныхъ школъ, и не только въ Волынской епархіи, а на пространствѣ всей Россіи, какъ можно судить объ этомъ по типамъ духовенства въ произведеніяхъ Чехова, Елеонскаго, Бѣлоконскаго и другихъ. Очевидно, мѣры и средства къ возрожденію духовенства въ духѣ народности и опрощенія, указываемыя посланіемъ, сами по себѣ безсильны привести къ желанной цѣли; а почему?—удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ кажется, можетъ дать вся прошлая исторія христіанства. Устанавливая принципы жизни, христіанство не предрѣшаетъ той формы соціальныхъ отношеній, въ которой должны отлиться они, и не связываетъ себя ни съ одной изъ соціальныхъ формъ. На этомъ основаніи можно быть истинно религіознымъ человѣкомъ, тонкимъ знатокомъ Св. Писанія, глубокимъ идеалистомъ, искренне возмущающимся отдѣльными проявленіями зла, и все-таки не понимать, въ жизни какой соціальной группы въ данный историческій моментъ въ наибольшей степени осуществляются великіе принципы христіанства, и какая изъ общественныхъ группъ только прикрывается ими, внося на самомъ дѣлѣ въ жизнь общества нравственное растлѣніе и разложеніе. Пониманіе и знаніе такого рода дается не Св. Писаніемъ, раскрывающимъ намъ только вѣчныя истины, хотя бы и на почвѣ фактовъ, большинство которыхъ имѣютъ нынѣ уже совсѣмъ иную соціальную подкладку; не святоотеческой и религіозно-нравственной литературой, разрабатывающей нравственные вопросы преимущественно съ психологической стороны и съ точки зрѣнія методовъ усвоенія человѣкомъ высокихъ нравственныхъ началъ среди постоянной внутренней борьбы съ побужденіями противоположнаго характера: то и другое можно почерпнуть только изъ наукъ, изучающихъ жизнь общества въ ея конкретныхъ формахъ и проявленіяхъ,—короче, изъ наукъ общественныхъ. Распутывая необычайно сложные узлы современныхъ общественныхъ отношеній, открывая глаза на взаимную связь послѣднихъ и ихъ моральную подкладку, указывая на фактахъ, какой нравственный эффектъ является постояннымъ спутникомъ той или иной формы установившихся между людьми отношеній,—общественныя науки только однѣ и могутъ пролить свѣтъ на окружающую среду и оказать незамѣнимую услугу пастыря-

церкви въ оцѣнкѣ разныхъ элементовъ его паствы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціальныя науки дадутъ возможность священнику сформировать не отвлеченный нравственный идеалъ, а практическій и жизненный; онѣ подскажутъ ему, усвоившему изъ писанія и философскихъ наукъ высокіе моральные принципы, гдѣ и въ чемъ въ современной жизни зло, съ которымъ нравственно-развитой личности нужно бороться, и гдѣ то добро, которому должно содѣйствовать и помогать. Понявши все это, священникъ не уйдетъ отъ жизни въ узкую сферу своей богослужебной спеціальности, и не превратится, какъ теперь, только въ исправнаго требоисправителя, проникнутаго нелѣпымъ презрѣніемъ къ незнающимъ латинскаго языка и метафизики; нѣтъ, общественныя науки открываютъ ему перспективы широкой общественной дѣятельности какъ разъ въ той средѣ, гдѣ онъ нынѣ находитъ досугъ заниматься коннозаводствомъ, потому что тогда измѣнится самый взглядъ священника на эту среду. Въ сѣромъ крестьянскомъ людѣ съ его своеобразнымъ укладомъ жизни онъ увидитъ не безсмысленную массу, прозябающую для того только, чтобы плодиться и умирать, а очень важную общественную группу, носительницу опредѣленныхъ соціальныхъ принциповъ, которымъ, быть можетъ, принадлежитъ будущее нашей родины. Съ установленіемъ у священника правильнаго взгляда на свою крестьянскую паству, у него само собою устранится множество поводовъ къ разладу и недоразумѣніямъ съ прихожанами, хотя онъ и ближе встанетъ къ ихъ жизни и чаще будетъ вмѣшиваться въ нее. Какъ глубоко понимающій жизнь народа интеллигентъ, священникъ своимъ вмѣшательствомъ въ разныя стороны жизни своихъ прихожанъ принесетъ имъ массу добра. Прихожане оцѣнятъ его и будутъ относиться къ своему пастырю съ уваженіемъ, несмотря на мелочные недостатки въ его характерѣ.

Если въ наше время приходится чаще констатировать совсѣмъ иныя отношенія прихожанъ къ духовенству, то это только потому, что за мелочными недостатками священника прихожане зачастую не видятъ въ немъ ничего крупнаго; народъ не чуетъ въ немъ дѣйствительно интеллигентной общественной силы, способной въ любой моментъ и по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ дать окружающимъ темнымъ людямъ надлежащій совѣтъ и указаніе. Не искупаетъ этого крупнаго недочета священника въ глазахъ народа и его исправность, какъ требоисправителя. При распространеніи грамотности въ народѣ, особенно церковнаго характера, конкурентомъ священнику въ этомъ отношеніи можетъ выступить съ полнымъ успѣхомъ любой начетчикъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній, какъ членъ крестьянской общины, можетъ дать своимъ односельчанамъ здравый практическій совѣтъ, между тѣмъ какъ дипломированные пастыри временами обнаруживаютъ въ общественныхъ дѣлахъ младенческую безпомощность мысли, несмотря на искреннее желаніе принести своимъ прихожанамъ пользу. Въ какія курьезныя положенія иногда ставитъ жизнь

современное духовенство съ его доморощенными взглядами на общественныя явленія, это, какъ кажется, въ достаточной степени можетъ освѣтить слѣдующій фактъ. Не далѣе, какъ два года тому назадъ, мнѣ пришлось пробыть нѣсколько дней въ домѣ одного знакомаго священника. Отыскивая, съ его позволенія, листъ почтовой бумаги, я нечаянно натолкнулся въ письменномъ столѣ на очень интересный документъ. Онъ представлялъ изъ себя тетрадь полулистоваго формата, раздѣленную по длинѣ полулиста, на двѣ половины. На одной половинѣ полулиста, судя по знакамъ вопроса, написаны были вопросы, а на другой отвѣты на нихъ. Мнѣ прежде всего бросились въ глаза отвѣты: они были несложны. Противъ каждаго вопроса написано было рукой священника то „нѣтъ“, то „не имѣется“, то „нѣтъ нужды“. Другихъ отвѣтовъ не было. Удивившись однообразію отвѣтовъ, я поинтересовался, что это за документъ. Оказалось—это были вопросные пункты, составленные С—кой земской управой, съ цѣлью узнать отъ мѣстнаго духовенства, не нуждаются-ли села въ какихъ-нибудь общественно-полезныхъ сооруженіяхъ, къ которымъ земская управа рѣшила привлечь мѣстныхъ крестьянъ въ видахъ оказанія имъ трудовой помощи въ неурожайный годъ. Познакомившись затѣмъ съ содержаніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, я ужъ окончательно былъ поставленъ втупикъ отрицательными отвѣтами на нихъ священника. Отвѣты цѣликомъ искажали дѣйствительность. Судя по нимъ, въ селѣ не было нужды ни въ запрудахъ, ни въ мостахъ, ни въ другихъ сооруженіяхъ, хотя тутъ-же, предъ окнами священническаго дома, протекала по обширной долинѣ небольшая рѣчушка, бурлившая послѣ каждаго сильнаго дождя и заливавшая съ обѣихъ сторонъ перекинутый черезъ нея живой мостъ. Въ весенніе разливы черезъ рѣку не было ни хода, ни ѣзды. Между тѣмъ, она преграждала доступъ къ вокзалу желѣзной дороги, куда поселяне доставляли такъ называемый „ферментный камень“, отрывавшійся въ горахъ около села и доставлявшій порядочный заработокъ крестьянамъ. — „Какъ же вы, батюшка, пишете на всѣ вопросы все „нѣтъ“ да „нѣтъ“?—замѣтилъ я:—вотъ у васъ предъ глазами рѣка и топкая долина, гдѣ послѣ каждаго дождя крестьяне, возчики камня, до смерти замучиваютъ своихъ лошадей. Тутъ нужно бы сдѣлать и плотину и хорошій мостъ“.

„Это я знаю самъ,—отвѣтилъ священникъ:—Есть у насъ и овраги, которые слѣдовало бы запрудить... Да кто знаетъ, что на умѣ-то у земской управы?!. Нашему писарю тоже прислали эти вопросы, и онъ не знаетъ, что отвѣтить на нихъ. Напиши, говоритъ, имъ, что нужны такія-то и такія-то сооруженія, а управа-то и взвалитъ на нашихъ мужиковъ новый налогъ, или просто выгонитъ ихъ на работу въ этихъ оврагахъ... Ну, мы и порѣшили написать оба съ писаремъ, что въ нашемъ селѣ нѣтъ нужды ни въ какихъ сооруженіяхъ“.

Можетъ быть, такъ своеобразно понявшій земскія начинанія

священникъ не типиченъ и представляетъ своего рода исключеніе? Но, вѣдь, зато современная жизнь деревни ставитъ передъ священникомъ и не такіе только вопросы! Съ теоретической точки зрѣнія, пожалуй, безразлично, какой отвѣтъ сложится въ головѣ священника на волнующіе его прихожанъ общественныя злобы дня.—Важно то, что, выработавши свой доморощенный взглядъ на тотъ или другой общественный вопросъ и настаивая на этомъ взглядѣ, современный священникъ всегда рискуетъ встать вразрѣзъ съ интересами большинства прихожанъ и вызвать ихъ недоброжелательство къ себѣ и недовѣріе. Въ наше время единичному уму, безъ свѣта общественныхъ наукъ, не подъ силу разобраться въ явленіяхъ общественной жизни и оцѣнить ихъ моральное значеніе. — Какъ разъ этихъ-то, особенно важныхъ для пастырей церкви, общественныхъ наукъ и нѣтъ почти въ нашихъ духовныхъ школахъ, — ни въ среднихъ, ни въ высшихъ. Мало того: всякія попытки питомцевъ духовныхъ школъ самостоятельно ознакомиться со сферой знаній, раскрывающихъ экономическую и юридическую структуру современнаго общества, встрѣчаютъ самое неодобрительное отношеніе со стороны духовно-учебнаго начальства.

И все это практикуется, когда по сосѣдству бокъ-о-бокъ съ духовными школами существуютъ среднія земледѣльческія, техническія и коммерческія школы, гдѣ общественныя науки входятъ въ составъ обязательныхъ предметовъ! Какъ будто священнику нужно знать только правду божественную, и нѣтъ нужды знать, гдѣ правда житейская! Мудрено-ли послѣ этого, что у пастырей церкви слово отвлеченной правды сплошь и рядомъ расходится съ дѣломъ, и они теряютъ кредитъ въ глазахъ прихожанъ?!

Удивительно-ли, что, при такой односторонности знаній, священникъ, невольно тяготѣя къ интеллигентнымъ элементамъ города и деревни и наталкиваясь на лицъ, болѣе его свѣдущихъ въ общественныхъ наукахъ, но состоящихъ на службѣ у капитала и буржуазіи, — самъ усваиваетъ ихъ взгляды и копируетъ въ своей жизни буржуа?! Кстати сказать, въ этомъ отношеніи усиленно поддерживаютъ священника благонадежнѣйшіе и самые распространенные органы нашей печати, съ торжествомъ привѣтствующіе всѣ успѣхи буржуазныхъ начинаній, хотя бы послѣднія наносили крупный вредъ деревнѣ, и удѣляющіе на своихъ страницахъ мѣсто деревенской жизни лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эта жизнь выходитъ изъ нормальной колеи и разражается какимъ-нибудь серьезнымъ правонарушеніемъ или дикимъ проявленіемъ темноты и невѣжества. Чѣмъ можетъ воспользоваться священникъ изъ всего, даннаго ему семинаріей, для отраженія напирающихъ на него со всѣхъ сторонъ буржуазныхъ вѣяній? Религіозно-нравственными принципами?—Идеями общаго блага?—Но развѣ не тѣ-же принципы пишетъ на своемъ знамени буржуа?! —Можетъ быть, оборонятъ священника отъ духа времени

его знанія? Но въ научномъ багажѣ современныхъ богослововъ одна отвлеченщина, а ихъ орудіе — воспитанная на этой отвлеченщинѣ необыкновенно гибкая мысль, привыкшая работать дедуктивнымъ методомъ и создавать изъ ничего воздушные замки но незнакомая практически съ научными, индуктивными, пріемами мышленія.

То и другое наслѣдіе нашихъ духовныхъ школъ только облегчаетъ богослову возможность въ рѣшеніи соціально-этическихъ вопросовъ пуститься въ путь отъ свѣтлыхъ идеальныхъ береговъ, и незамѣтно самому для себя приплыть къ грязной лужѣ; а гибкая логическая метла изъ всевозможныхъ словесныхъ хитросплетеній искусно сгладитъ всѣ неудобства такого перехода отъ высокихъ идеаловъ къ далеко не идеальному воплощенію ихъ въ дѣйствительности.—И обвинять бывшихъ питомцевъ семинарій за это шатаніе мысли въ невѣдомой имъ области общественныхъ отношеній нельзя. Можетъ быть, въ этихъ блужданіяхъ выражается исканіе житейской правды, желаніе перейти отъ безпочвеннаго идеализма къ идеализму дѣятельному, практическому?

Виновата въ этихъ недочетахъ духовенства, помимо жизни, наша духовная школа, выпускающая своихъ питомцевъ въ море буржуазности безъ надежнаго руля, съ однимъ запасомъ практически необоснованнаго идеализма.

Пастырское посланіе къ волынскому духовенству предъявляетъ духовнымъ школамъ еще болѣе серьезное и положительное обвиненіе. Оно находитъ, что духовныя школы не только не вооружаютъ будущихъ пастырей церкви надежнымъ оружіемъ для защиты отъ буржуазныхъ вѣяній вѣка, но еще привносятъ не мало и отъ себя въ этомъ направленіи во взгляды учащейся молодежи, въ родѣ „суевѣрнаго преклоненія предъ мишурой жизни“.—Нельзя не согласиться и съ этимъ движеніемъ. Если духовныя школы, построенныя въ городахъ, въ силу необходимости отрываютъ дѣтей духовенства физически отъ простой, безыскусственной трудовой крестьянской среды, то, кажется, не въ ихъ интересахъ было бы отрывать своихъ питомцевъ отъ деревни и сѣраго люда нравственно? Между тѣмъ и предметы обученія, и ихъ преподаваніе поставлены въ духовныхъ школахъ такъ, какъ будто послѣднія нарочно стараются вытравить у учащихся эту самую прочную и наименѣе зависимую отъ условій внѣшней обстановки нравственную связь съ деревней. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, входитъ въ программы духовныхъ школъ предметовъ, возбуждающихъ интересъ къ деревнѣ и ея люду, вызывающихъ стремленіе поближе подойти къ этой деревнѣ и серьезно вдуматься въ ея жизнь?—Нечего говорить въ этомъ отношеніи о низшихъ духовныхъ школахъ, о духовныхъ училищахъ! Начиная со II-го класса, духовныя училища ошеломляютъ только-что оторвавшихся отъ деревни дѣтей классицизмомъ. При 32 урокахъ по двумъ классическимъ языкамъ въ трехъ старшихъ клас-

сахъ духовныхъ училищъ, зазубриваніе латинскихъ и греческихъ словъ, этимологическихъ и синтаксическихъ тонкостей, наполняющихъ латинскія и греческія грамматики, составляетъ центръ тяжести всего обученія въ этихъ первичныхъ разсадникахъ духовнаго просвѣщенія —Классическими языками въ духовныхъ училищахъ отодвигаются на задній планъ всѣ остальные предметы преподаванія. Стиснутый въ трехъ старшихъ классахъ училища подавляющимъ количествомъ уроковъ по классическимъ языкамъ, русскій языкъ въ тѣсныхъ рамкахъ шести уроковъ влачитъ лишь жалкое существованіе. Онъ поневолѣ подгоняется какъ по своимъ задачамъ, такъ и по методамъ преподаванія къ его классическимъ собратьямъ и сводится почти цѣликомъ на изученіе грамматическихъ формъ и на грамматическій разборъ хитросплетенныхъ фразъ, отличающихся сложностью и замысловатостью построенія входящихъ въ нихъ предложеній. Несомнѣнно, такая постановка родного языка въ духовныхъ школахъ до крайности суживаетъ и его задачи, и развивающее значеніе; но ей, кажется, нельзя отказать и еще въ болѣе серьезномъ: въ отрицательномъ нравственномъ воздѣйствіи на учащихся. Не въ этой-ли постановкѣ таится корень той розни и того взаимнаго непониманія пастырей и пасомыхъ, которыя констатируются посланіемъ? Имѣя постоянно дѣло съ разными мудреными фразами, представляющими своего рода грамматическіе гордіевы узлы, привыкши видѣть эти хитросплетенныя высокопарныя фразы въ образцахъ, предлагаемыхъ учащимся на урокахъ и для домашнихъ работъ, ученикъ невольно долженъ проникнуться мыслью, что говорить умно и по-ученому, значитъ, говорить мудрено и витіевато. Разъ западетъ учащемуся въ голову эта мысль, онъ всѣми силами будетъ стараться усвоить этотъ образцовый языкъ и выражаться имъ. Подобное стремленіе запоминать пышныя, вычурныя выраженія, особенно съ иностранными словами, и пустить ими, при случаѣ, пыль въ глаза слушателямъ замѣтно не только у дѣтей, но и у взрослыхъ изъ малокультурныхъ слоевъ. Въ громадной степени такое стремленіе присуще питомцамъ низшихъ и среднихъ духовныхъ школъ. Вотъ на какой характерный въ этомъ отношеніи случай пришлось однажды натолкнуться мнѣ въ одномъ изъ духовныхъ училищъ. Проходя какъ-то во время вечернихъ занятій около IV-го класса, я замѣтилъ, что обыкновенно спокойные и занятые въ это время своимъ дѣломъ ученики чѣмъ-то взволнованы и, сбившись въ кучу, о чемъ-то ведутъ оживленный разговоръ. „Въ чемъ дѣло, господа?“—спросилъ я, появившись въ классѣ.—„Да вотъ читаемъ очень интересное письмо; только ужъ очень умно написано: многаго не понимаемъ, чего тутъ желаютъ,“—нѣкоторые въ это время спѣшили наизусть воспроизвести особенно поразившія ихъ мѣста изъ письма и просили меня объяснить непонятное. „А можно поинтересоваться самымъ письмомъ?“—спросилъ я.—„Съ великимъ удовольствіемъ! Только разъясните.“ —Мнѣ подали

письмо. Оно было прислано воспитанницей епархіальнаго училища своему брату, ученику д. училища II-го класса. Какъ и почему частное письмо сдѣлалось предметомъ общаго вниманія учениковъ IV-го класса, точно мнѣ никто не объяснилъ этого. Но, по догадкамъ нѣкоторыхъ учениковъ, широкое ознакомленіе съ письмомъ чуть не всего училища, повидимому, входило въ затаенные планы его автора. Съ свойственной женщинамъ чуткостью, писавшая письмо дѣвица тонко понимала, что можетъ сдѣлать ее объектомъ общаго вниманія среди будущихъ жениховъ, поставить ее въ глазахъ послѣднихъ на недосягаемую высоту, и потому написала второклассину-брату такое посланіе, въ которомъ онъ безъ чужой помощи не могъ понять ни слова. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, особенно поразившій питомцевъ духовнаго училища и заставившій ихъ сразу увѣровать въ высоту ума его автора: „Позволь пожелать тебѣ на будущіе годы успѣшнаго прогресса физической и раціонально-нравственной сторонъ твоей субстанціи. Пусть каждая городація дальнѣйшей твоей жизни будетъ запечатлѣна благополучіемъ. Пусть наука найдетъ въ тебѣ горячаго адепта и убѣжденнаго апологета своихъ высокихъ истинъ".

На основаніи орѳографіи отрывка, можно съ полной увѣренностью сказать, что эта мудреная тирада составлена не номинальнымъ авторомъ письма, а взята имъ на прокатъ у какого-нибудь достигшаго уже идеала мудрости семинариста. Стремятся изо всѣхъ силъ достигнуть того же идеала и питомцы низшихъ духовныхъ школъ подъ вліяніемъ изучаемыхъ примѣровъ и образцовыхъ статей; въ той или другой степени достигаютъ его, и, благодаря этому, чуть не съ пеленокъ утрачиваютъ самое важное средство сближенія съ простонародьемъ—умѣнье говорить съ нимъ просто и вразумительно —Параллельно съ развитіемъ преклоненія предъ искусственной, витіеватой рѣчью въ массѣ учащихся въ духовныхъ школахъ складывается самый невыгодный взглядъ на простонародную рѣчь. Она становится въ ихъ глазахъ символомъ неразвитости, невѣжества, тупоумія, чего-то такого, надъ чѣмъ можно только посмѣяться.

Такъ, благодаря господству классицизма и ненормальной постановкѣ родного языка, еще въ низшей духовной школѣ закладывается прочный фундаментъ для того же невнимательнаго и высокомѣрно-презрительнаго отношенія пастырей къ простому крестьянскому народу, на которое сѣтуетъ пастырское посланіе.

Далѣе, остановимъ вниманіе на другихъ предметахъ курса духовныхъ училищъ. Наибольшее вліяніе изъ нихъ, въ смыслѣ идейнаго сближенія учащихся съ деревней и крестьянствомъ, могла бы оказывать на питомцевъ духовныхъ училищъ географія. Но и этой прекрасной наукѣ изъ-за классицизма отмежовано въ духовныхъ училищахъ всего 6 недѣльныхъ уроковъ, и въ теченіе ихъ программа географіи обязываетъ ознакомить уча-

щихся со всѣми государствами земного шара. Въ виду крайней скудости учебныхъ часовъ, отведенныхъ на изученіе этого обширнаго матеріала, географія, понятно, оказывается не въ силахъ ни дать учащимся, хотя бы общее, но отчетливое представленіе объ ихъ родинѣ, ни освѣтить имъ бытъ, нравы, культурныя условія жизни и нужды разныхъ слоевъ ея населенія, ни обстоятельно выяснить положеніе и сравнительное значеніе разныхъ промысловъ и промышленныхъ группъ населенія, а въ томъ числѣ и крестьянства, какъ самаго важнаго общественнаго слоя въ нашемъ отечествѣ по его численности и экономической роли. Все изученіе географіи сводится къ зазубриванію названій горъ, рѣкъ, морей и городовъ, выдающихся развитіемъ какой-нибудь отрасли промышленности, преимущественно обрабатывающей.—Поглощая въ громадныхъ дозахъ такого сорта географическій матеріалъ и наталкиваясь въ учебникѣ всего на 2—3 строки съ характеристикой тысячеверстныхъ районовъ, занятыхъ исключительно земледѣліемъ и крестьянствомъ, учащіеся невольно проникаются мыслью о важности городовъ съ ихъ богатой, бойкой, разнообразной промышленной и культурной жизнью и о ничтожествѣ тихой, скромной деревни, не поражающей ни разнообразіемъ населенія, ни шумомъ трудовой жизни, разбросанной по необозримымъ полямъ. Такимъ образомъ, единственный предметъ обученія съ оттѣнкомъ общественности, и тотъ въ нашихъ низшихъ духовныхъ школахъ повертываетъ учащуюся молодежь спиной къ крестьянству и деревнѣ.

Не больше и въ духовныхъ семинаріяхъ наукъ, способныхъ выработать у молодежи выгодное для деревни соціальное міросозерцаніе.

Преподается въ нихъ общая гражданская исторія, но исторія г. Иловайскаго, проводящая на историческія явленія точку зрѣнія творца „Иліады“, игнорирующая народъ и внутреннюю жизнь народныхъ массъ. Кромѣ убѣжденія въ косности народа и его пригодности лишь въ качествѣ пушечнаго мяса, изъ этой исторіи едва ли что вынесутъ будущіе пастыри церкви.

Преподается въ семинаріяхъ и исторія русской литературы; но она освѣщаетъ произведенія литературы почти исключительно съ стилистической точки зрѣнія. Можетъ быть, поэтому семинарская исторія русской литературы останавливается особенно долго на произведеніяхъ старинныхъ русскихъ мастеровъ литературнаго стиля, въ родѣ Ломоносова, Державина, Карамзина, бряцавшихъ славу героямъ и вождямъ и умѣвшихъ minimum мысли обряжать въ пышную литературную мишуру, а писателямъ новѣйшаго, послѣ-гоголевскаго періода, особенно беллетристамъ-народникамъ, не удѣляетъ ни одного урока. Съ точки же зрѣнія прогресса въ языкѣ и слогѣ семинарская исторія русской литературы разсматриваетъ и историческую преемственность писателей и ихъ произведеній. Вполнѣ солидарна съ такимъ узкимъ пониманіемъ задачи исторіи литературы и узость освѣщенія всѣхъ

измѣненій въ области литературнаго творчества. Рѣдко-рѣдко для этихъ цѣлей привлекается даже внѣшняя, показная. исторія страны. Появляются ли писатели съ новымъ направленіемъ, смѣняются ли литературные періоды,— все это въ семинарской исторіи литературы—внѣ связи съ исторіей народной жизни и съ развитіемъ народа; всѣ смѣны литературныхъ направленій представляются въ ней продуктомъ исключительно личныхъ усилій и дарованій корифеевъ-писателей, прислушивающихся лишь къ голосу своего генія да къ велѣніямъ сверху вождей и героевъ г. Иловайскаго.—Какой же любви, какого тяготѣнія къ простому сельскому люду можно ждать отъ питомцевъ духовныхъ школъ, ознакомившихся въ такомъ видѣ и освѣщеніи съ исторіей своего отечества и съ исторіей его литературы?! Нѣтъ, не народъ и деревня идейно потянутъ къ себѣ будущихъ дѣятелей среди народа, а тѣ верхи, гдѣ чрезъ призму только что указанныхъ наукъ духовное юношество видѣло умъ, творческую прогрессивную мысль, художественный блескъ и красоту. Къ народу же, не заявившему себя въ массѣ, подъ освѣщеніемъ тѣхъ же наукъ, ничѣмъ подобнымъ на протяженіи всего своего прошлаго, не принесшему на алтарь прогресса и культуры ни единой лепты, всегда косному и мало воспріимчивому къ голосу лучшихъ историческихъ дѣятелей, будущій пастырь невольно отнесется свысока, въ лучшемъ случаѣ почувствуетъ къ нему сожалѣніе, но никакъ ужъ не уваженіе и любовь. Не дадутъ ему этой любви всѣ остальныя семинарскія науки какъ общеобразовательнаго характера, такъ и богословскія, хотя бы онѣ и выработали изъ учащагося человѣка съ глубокоидеальной настроенностью, съ стремленіемъ потрудиться на благо ближнихъ. Дѣло въ томъ, что, развивая въ юношествѣ идеализмъ, сознаніе долга поработать на пользу своей родины и прочія прекрасныя качества, всѣ эти науки въ то-же время не ставятъ своей задачей указать ему самую выгодную точку приложенія его идеальныхъ стремленій въ живой современности, въ наличныхъ соціальныхъ условіяхъ. Предметъ этихъ наукъ—отвлеченный человѣкъ вообще. Поэтому въ результатѣ усвоенія курса духовныхъ школъ и получается то, что, проучившись около 10-ти лѣтъ и занявши высокое положеніе пастыря, бывшій питомецъ духовныхъ школъ съ своей идеальной настроенностью чувствуетъ себя среди дѣйствительной жизни такъ, какъ будто онъ упалъ на землю съ луны, или попалъ на такое зыбкое мѣсто, гдѣ его ноги не могутъ найти твердой почвы. Вслѣдъ за тѣмъ въ жизни священника начинается тяжелый періодъ блужданія и исканія точекъ соприкосновенія между привитымъ ему школой идеализмомъ и окружающей дѣйствительностью. Развивается и кончается этотъ процессъ мучительныхъ колебаній у разныхъ лицъ далеко не одинаково. Люди съ широкой натурой и съ малой выдержкой стараются заглушить червь сомнѣнія усиленной выпивкой, какъ типичный о. діяконъ въ разсказѣ Г. И. Успенскаго; натуры

иного масштаба, постигши суть механизма обыденной реальной жизни и не отыскавъ въ ней ничего идеальнаго, просто напросто начинаютъ плевать на свой идеализмъ и семинарское прошлое, какъ на мальчишество, и смотрятъ, какъ бы только получше самимъ устроиться въ жизни. Корректные во всѣхъ отношеніяхъ, только не во имя пастырскаго идеала, а лишь потому, что это качество необходимо для успѣховъ въ жизни, этого рода священники, если только не удалось имъ попасть въ городской приходъ, и представляютъ изъ себя типъ сельскаго батюшки,—землевладѣльца-хозяина, коннозаводчика, лѣсоторговца, короче—сельскаго кулака, въ точности усвоившаго въ неслужебныхъ отношеніяхъ къ прихожанамъ пріемы и манеры г. Разуваевыхъ.—Значителенъ еще среди современнаго духовенства процентъ людей, занимающихъ, такъ сказать, средину между этими типами,—священниковъ, не покинувшихъ своего семинарскаго идеализма и болѣе или менѣе настойчиво пытающихся примѣнить его къ жизни. Но и среди этихъ лучшихъ пастырей очень и очень немногіе стоятъ въ правильныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ-прихожанамъ и питаютъ къ нимъ желательную пастырскому посланію любовь, несмотря на свой идеализмъ. Любить во имя идеала можно только то, въ чемъ, по меньшей мѣрѣ, можно предполагать хоть сѣмена и задатки идеальнаго, что подаетъ надежду развитія въ идеальномъ направленіи. Къ сожалѣнію, семинарскія науки съ общественнымъ характеромъ не могли дать такой точки зрѣнія священнику на сермяжное крестьянство, а непосредственное соприкосновеніе съ крестьянствомъ вырабатываетъ у священника благопріятный взглядъ на прихожанъ-крестьянъ только въ исключительныхъ, рѣдкихъ случаяхъ. И въ этомъ послѣднемъ нѣтъ ничего ни страннаго, ни ненормальнаго.

У личности, непривыкшей за поступками и ихъ ближайшимъ виновникомъ—человѣкомъ, видѣть отдаленную связь дѣйствій индивида со всѣмъ строемъ общественной жизни,—знакомой съ этимъ строемъ только по личнымъ наблюденіямъ да по наслышкѣ,—непосредственное знакомство съ жизнью современнаго крестьянства можетъ зародить не любовь къ нему, а скорѣе совсѣмъ иныя чувства. Современная деревня, вышедшая изъ подъ власти земли, довольно глубоко затронутая отрицательными сторонами буржуазнаго строя, какъ извѣстно, далеко не такъ идиллична, чтобы расположить всякаго наблюдателя ея жизни на любовное отношеніе къ ней. Напрасно разсчитывать, что она произведетъ непремѣнно благопріятное впечатлѣніе на священника.

Напротивъ, какъ блюститель народной нравственности въ приходѣ, священникъ болѣе, чѣмъ кто другой, способенъ поддаться недобрымъ чувствамъ къ деревенскому люду, особенно къ его бѣднѣйшимъ слоямъ, въ силу нужды отдающимъ дань растлѣвающимъ вѣяніямъ времени въ самой неприглядной и рѣжущей глазъ формѣ. Этимъ и объясняется такое, повидимому, стран-

ное и несообразное явленіе, какъ дружба сельскаго духовенства съ кулаками, выражающаяся нерѣдко въ нравственной поддержкѣ, оказываемой духовенствомъ кулакамъ въ борьбѣ послѣднихъ съ эксплуатируемымъ ими крестьянскимъ міромъ.

И допускается это нашимъ духовенствомъ не только „за страхъ“ предъ силой деревенскихъ воротилъ-кулаковъ, но и „за совѣсть“. Среди моральной сумятицы въ современной деревенской жизни буржуй-кулакъ слишкомъ выгодно выдѣляется на общемъ неприглядномъ ея фонѣ и своей сравнительной культурностью, и благообразной внѣшностью, и видимой легальностью и порядочностью, а всего больше наружнымъ благочестіемъ и радѣніемъ къ церкви божіей. Какъ-же не остановить любовнаго взора на этомъ свѣтломъ исключеніи деревни идеалисту-священнику, обреченному оцѣнивать явленія общественной жизни только по личнымъ случайнымъ впечатлѣніямъ и не знающему безъ свѣта общественныхъ наукъ, какую непоказную роль играетъ этотъ культуртрегеръ деревни за ширмами приличія и внѣшняго благообразія? Какъ не поддержать ему своимъ пастырскимъ авторитетомъ этотъ свѣточъ культуры въ борьбѣ съ темной и косной деревенской массой.—А какія соображенія, почерпнутыя изъ семинарскихъ наукъ, и данныя изъ крестьянской жизни могутъ освѣтить священнику въ привлекательномъ видѣ заурядного крестьянина?—Научныхъ соображеній въ этомъ родѣ, повторяемъ, у священника нѣтъ, а жизнь крестьянина можетъ расположить его въ пользу послѣдняго развѣ только своей бѣдностью. Да и то всегда-ли? Возможно, даже очень возможно, что призванный утѣшать труждающихся и обремененныхъ, пастырь церкви, воспитанный на библіи и религіозно-нравственной литературѣ, не узнаетъ въ разоренномъ, но не бросившемъ свое хозяйство крестьянинѣ,—человѣка, нуждающагося въ его помощи и достойнаго ея, пока этотъ крестьянинъ не приметъ формы библейскаго бѣдняка, съ нищенской сумой за плечами. Подобную нравственную близорукость можно наблюдать въ нашей жизни сплошь и рядомъ; ей подвержены почти всѣ люди съ узкимъ общественнымъ кругозоромъ.

Оттого-то у насъ на Руси и приходится такъ часто наталкиваться на людей добрыхъ, чувствительныхъ и щедрыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣднякъ сталъ нищимъ, и въ то же время грубо жестокихъ въ своей житейской практикѣ къ лицамъ, стоящимъ на порогѣ къ нищенству.

Затѣмъ, наше отношеніе къ явленіямъ и фактамъ зависитъ не только отъ того, что̀ мы видимъ, но, главнымъ образомъ, отъ того, какъ мы видимъ. Послѣднее-же обусловливается нашимъ угломъ зрѣнія на вещи.—У духовенства, прошедшаго современную духовную школу, уголъ зрѣнія очень не широкъ: едва-ли не весь онъ опредѣляется двумя почти совпадающими линіями: богословскимъ взглядомъ на міръ и индивидуально-этическими воззрѣніями на все происходящее въ жизни людей. Разсматриваемая подъ такимъ узкимъ угломъ зрѣнія, жизнь крестьянина съ

ея бѣдностью и незадачами можетъ показаться моралисту-богослову ни больше, ни меньше, какъ достойнымъ возмездіемъ за упадокъ нравственности въ современной деревнѣ.

Въ фактахъ, способныхъ поддержать такое воззрѣніе у священника, не будетъ недостатка. Случаи деревенскаго разгула въ праздничные дни, все чаще и чаще встрѣчающіяся неурядицы въ крестьянскихъ семьяхъ, и многое другое непригдядное въ жизни деревни,—все это дастъ священнику очень устойчивую фактическую базу для обоснованія его отрицательнаго взгляда на крестьянскую бѣдноту во имя высшихъ принциповъ нравственности, и оттолкнетъ его отъ этой бѣдноты, среди которой такъ много неприкрытаго грѣха. На такое суровое отношеніе къ крестьянской бѣднотѣ чаще всего можно натолкнуться въ дѣйствительности именно у священниковъ не индефферентистовъ, а у идеалистовъ и безупречныхъ въ своей личной жизни. Этимъ и объясняются довольно часто встрѣчающіеся случаи, что „міръ" какого-нибудь села, повидимому, ни съ того, ни съ сего подаетъ подлежащимъ властямъ коллективную просьбу убрать изъ его прихода ни въ чемъ дурномъ неповиннаго священника и проситъ возвратить въ свое село только что уволеннаго духовнымъ начальствомъ за нетрезвость „стараго попа", хотя тотъ же „міръ" прекрасно знаетъ, что этотъ „старый попъ" не совершитъ въ трезвомъ видѣ ни одной требы. Цѣнится въ такихъ случаяхъ крестьянскимъ „міромъ", конечно, не то, что прежній нетрезвый священникъ спустился въ своемъ поведеніи, пожалуй, ниже уровня окружающей его среды; нравится въ немъ прихожанамъ его простота, доступность и близость къ крестьянамъ, потому что собственный порокъ священника не позволяетъ ему смотрѣть на нихъ свысока и брезгливо относиться къ ихъ несовершенствамъ.—Такъ при современныхъ условіяхъ семинарскаго образованія реальная жизнь превращаетъ достоинства священника въ недостатки, а отрицательныя его качества—въ достоинства.

Даромъ пропадаетъ все хорошее, вынесенное священникомъ изъ своего образованія, не потому, что бѣдный сельскій людъ не цѣнитъ идеализмъ, знанія и порядочность въ поведеніи, а потому, что эти хорошія качества священника, при односторонности семинарскаго образованія, какъ пропасть, отдѣляютъ его отъ мужика, заставляютъ его замыкаться отъ неприглядной жизни послѣдняго. — Такимъ образомъ, если въ недовѣрчивомъ отношеніи къ духовенству народа можно усматривать отрицаніе имъ пользы современной духовной школы, то въ основѣ этого отрицанія лежитъ не то, что духовная школа ставитъ своей задачей выработку изъ питомцевъ культурныхъ и интеллигентныхъ людей и хочетъ добиться этого результата не только при помощи богословскихъ, но и общеобразовательныхъ наукъ въ родѣ философіи и психологіи; нѣтъ, своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ дипломированнымъ пастырямъ народъ подчеки-

ваетъ только неполноту и незаконченность ихъ образованія· Онъ требуетъ, чтобы вмѣстѣ съ высокими нравственными принципами и идеализмомъ духовная школа привила еще своимъ питомцамъ умѣнье правильно относиться къ явленіямъ человѣческой жизни, не какъ къ чему-то связанному лишь съ отдѣльной личностью, а какъ къ продукту, вырабатываемому всей совокупностью наличныхъ условій, существующихъ въ извѣстное время въ данномъ обществѣ. Долговременный жизненный опытъ убѣдилъ народъ, что безъ широкаго научнаго пониманія общественной жизни вынесенный изъ духовной школы пастырскій идеализмъ весьма часто на практикѣ ведетъ его носителей къ отступленію отъ основного евангельскаго принципа любви къ живому человѣку и вырождается въ ригоризмъ. Ближайшая задача духовной школы—уничтожить эту аномалію. Но эту новую задачу, намѣчаемую самой жизнью, духовная школа можетъ осуществить не при помощи случайныхъ бесѣдъ педагоговъ съ питомцами о красотѣ и содержательности жизни простого русскаго народа, о необходимости любить русскаго мужика, а соотвѣтствующей переработкой программъ уже существующихъ предметовъ обученія въ духовныхъ школахъ и введеніемъ въ курсъ ихъ общественныхъ наукъ.

Какъ бы ни были хороши и назидательны подобныя бесѣды, въ нихъ одинъ крупный недостатокъ: онѣ построены на аргументахъ „ad hominem“, и поэтому способны вызвать лишь временный подъемъ мыслей и чувствъ въ желательномъ направленіи, готовый перейти въ полное разочарованіе въ томъ, чему поклялся, при первомъ столкновеніи съ жестокой дѣйствительностью. Упрочить въ личности добрыя чувства къ простонародью, сдѣлать ихъ постоянной дѣятельной силой въ житейскихъ отношеніяхъ къ нему можетъ только солидная аргументація общественныхъ наукъ.

А. С.

Письмо въ редакцію.

М. Г.

Съ давнихъ поръ русское общество неизмѣнно оказываетъ вниманіе и помощь Юрьевскому студенчеству. Заботливость эта, выражаясь не только въ матеріальной, но и въ духовной поддержкѣ облегчала и облегчаетъ О-ву вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Императорскаго Юрьевскаго университета возможность кое-какъ справляться съ своею главною задачею: выдавать студентамъ ссуды для взноса за право слушанія лекцій. Иной помощи, вслѣдствіе скудости средствъ, О-во, къ сожалѣнію, не можетъ оказывать нуждающемуся студенчеству. Поэтому съ особою благодарностью надо отнестись къ тѣмъ, которые путемъ посильныхъ пожертвованій или прэдставленіемъ въ вакаціонное время заработка (главнымъ образомъ, медицинскаго, за что еще разъ приношу мою искреннюю благодарность товарищамъ-врачамъ) помогали сотнямъ юношей существовать и учиться въ Юрьевѣ.

Такая помощь особенно цѣнна именно здѣсь, въ Юрьевѣ, гдѣ собирается молодежь изо всѣхъ уголковъ Россіи, какъ изъ отдаленныхъ окраинъ (Кавказъ, Сибирь), такъ и изъ центральныхъ губерній, и гдѣ немалый процентъ среди студентовъ составляютъ бывшіе воспитанники семинаріи—сыновья сельскаго духовенства, матеріально въ большинствѣ случаевъ плохо обезпеченные, и гдѣ, съ другой стороны, педагогическій и всякій другой заработокъ сведенъ къ минимуму, вслѣдствіе громадной конкуренціи со стороны другихъ Юрьевскихъ учрежденій: студентовъ ветеринарнаго института, служителей фармаціи, наконецъ, гимназистовъ, реалистовъ и гимназистокъ старшихъ классовъ; урокъ за обѣдъ сплошь и рядомъ считается здѣсь роскошью.

Имѣя возможность кое-какъ существовать въ Юрьевѣ и платить за лекціи, студенты оказываются въ безвыходномъ положеніи въ случаяхъ остраго заболѣванія или необходимости безотлагательнаго отъѣзда на родину по поводу какихъ-либо несчастій въ ихъ семьяхъ. Въ такихъ случаяхъ О-во до сихъ поръ было безсильно оказывать имъ какую-либо поддержку, и лишь недавно, по случаю столѣтняго юбилея нашего университета, его

бывшій питомецъ д-ръ И. Г. Симоновъ пришелъ на помощь учащейся молодежи, пожертвовавъ для кратковременныхъ ссудъ въ такихъ случаяхъ, за поручительствомъ троихъ товарищей, капиталъ въ 1000 рублей, названный „Юбилейнымъ рублемъ въ память выпуска врачей Императорскаго Юрьевскаго Университета 1902 года“.

Всѣ эти виды помощи не предусматриваютъ пока тѣхъ случаевъ, когда остро занемогшій студентъ бываетъ вынужденъ слечь въ больницу и по выздоровленіи нѣкоторое время находиться въ лучшихъ условіяхъ питанія и жизни. Поэтому повсюду въ Россіи университетъ приходитъ на помощь учащимся въ такихъ случаяхъ, безплатно пользуя ихъ въ своихъ клиникахъ и выдавая имъ иной разъ на послѣдовательное лѣченіе пособіе. Юрьевскія-же клиники, вслѣдствіе скуднаго бюджета, не оказываютъ привилегію безплатнаго лѣченія... даже студентамъ медикамъ. При такомъ положеніи вещей вопросомъ первѣйшей необходимости является въ настоящее время образованіе фонда, проценты съ котораго могли бы быть употребляемы для представленія безплатной больничной помощи студентамъ, внезапно занемогшимъ въ Юрьевѣ, въ учебное время. По свѣдѣніямъ врача, къ которому здѣшніе студенты обыкновенно обращаются за медицинскою помощью, за истекшій годъ студентами проведено, въ общей сложности, около 300 дней въ юрьевскихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ съ платою отъ 60-ти коп. до 1 рубля въ сутки; это составляетъ въ годъ сумму около 800 рублей. Принимая эту цыфру за норму, для устройства „фонда для безплатнаго больничнаго пользованія недостаточныхъ студентовъ“ потребовался бы капиталъ отъ 8-ми до 9-ти тысячъ рублей.

Не смѣю, разумѣется, разсчитывать, что такая сумма могла бы быть собрана въ короткое время, но многочисленныя доказательства отзывчивости и теплаго участія всѣхъ слоевъ общества къ нуждамъ юрьевскаго студенчества [1]) даютъ мнѣ основаніе надѣяться, что и на этотъ разъ одна изъ вопіющихъ нуждъ, именно необходимость безплатнаго больничнаго лѣченія для недостаточныхъ студентовъ—хотя бы и черезъ нѣсколько лѣтъ — заполнена будетъ при содѣйствіи общественной помощи.

Юрьевъ, Университетъ. Профессоръ **Н. Савельевъ.**

---

[1]) Съ горячею благодарностью приходится здѣсь вспомнить среди многочисленныхъ жертвователей, оказавшихъ свою цѣнную помощь при открытіи студенческой столовой и удовлетвореніи другихъ насущныхъ нуждъ: Ю. И. Базанову (2000 руб.), лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ (1000 руб.), И. Г. Симонова (1000 руб.), Ю. С. Нечаева-Мальцева (500 руб.). З. Талиева (500 руб.), Л. С. Полякова (300 руб.), А. П. Цитурова (300 руб.), С. И. Щегляева (100 руб.), К. А. Рослякова и др. сочувственно отнесшихся къ нуждамъ молодежи. Имена этихъ жертвователей своевременно были приведены мною въ печатныхъ отчетахъ.

Новый проектъ мѣстной реформы.

(Изъ земской и городской жизни.)

Исполнившееся 1-го января 1904 года сорокалѣтіе со дня опубликованія перваго „Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“ застало земскую среду въ неопредѣленномъ и выжидательномъ настроеніи. Послѣ долгаго забвенія, поставлены на очередь самые основные вопросы русской жизни и, какъ первая ласточка предстоящихъ реформъ, на страницахъ „Новаго Времени“ появилось изложеніе проекта преобразованія центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдающихъ мѣстное хозяйство. Сущность этого проекта, какъ сообщаетъ газета, заключается въ томъ, что хозяйственный и медицинскій департаменты министерства внутреннихъ дѣлъ упраздняются; всѣ же дѣла по мѣстному хозяйству, производящіяся какъ въ нихъ, такъ и въ другихъ центральныхъ учрежденіяхъ министерства, объединяются въ вѣдѣніи вновь образуемаго главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, распадающагося на пять отдѣловъ: 1) земскаго хозяйства, 2) городского хозяйства, 3) народнаго здравія и общественнаго призрѣнія, 4) дорожный и 5) пожарно-страховой. На начальника главнаго управленія, какъ на ближайшаго помощника министра, возлагается высшее руководство дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій въ области хозяйственныхъ пользъ и нуждъ населенія и согласованіе этой дѣятельности съ общегосударственными видами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при министерствѣ образуется особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, который составляется изъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ предсѣдателя, изъ начальниковъ подлежащихъ учрежденій министерства, представителей другихъ вѣдомствъ и 15 членовъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, назначаемыхъ Высочайшею властью, срокомъ на 3 года, изъ предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, городскихъ головъ

и земскихъ и городскихъ гласныхъ. По усмотрѣнію министра, составъ совѣта можетъ быть усиленъ и другими мѣстными дѣятелями, полезными своими знаніями и опытомъ. На разсмотрѣніе совѣта вносятся предположенія объ изданіи новыхъ законовъ и распоряженій по мѣстнымъ дѣламъ и ходатайства земствъ и городовъ о принятіи общихъ мѣръ въ области мѣстнаго хозяйства. Заключенія совѣта прилагаются въ спискахъ къ представленіямъ министра въ высшія государственныя учрежденія, но они имѣютъ исключительно совѣщательное значеніе и отнюдь не могутъ быть обязательными для министра или въ чемъ-либо связывать его дѣятельность по руководству дѣлами мѣстнаго хозяйства. Кромѣ общаго собранія совѣта, предполагаются также особыя присутствія его по дѣламъ земскаго и городского хозяйствъ, дорожной и страховой части и т. д.

Обсужденіе дѣлъ въ этихъ присутствіяхъ должно замѣнить нынѣшній письменный порядокъ сношеній между вѣдомствами по предметамъ, требующимъ по закону совмѣстнаго ихъ разсмотрѣнія. Таковы общія и нѣсколько неопредѣленныя черты новаго законопроекта. Но при неопредѣленности онѣ ясно указываютъ на то, что опубликованный на страницахъ „Новаго Времени" законопроектъ представляетъ только часть обширнаго плана реформъ, назрѣвающихъ нынѣ въ правящихъ сферахъ. Преобразованіе центральнаго вѣдомства, очевидно, находится въ неразрывной связи съ преобразованіемъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, слухи о которомъ, уже не разъ мелькавшіе въ газетахъ, подтверждаются предпринятою нынѣ ревизіею губернскихъ земскихъ управъ чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, мѣстныя учрежденія, какъ правительственныя, такъ и общественныя, стоятъ наканунѣ существенныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, подробности преобразовательнаго плана министерства до сихъ поръ не сдѣлались достояніемъ гласности и, поэтому, не могутъ быть разсмотрѣны въ отношеніи ихъ практической цѣлесообразности. Тотъ матеріалъ, который заключается въ сообщеніи „Новаго Времени" и отрывочныхъ замѣткахъ другихъ газетъ, позволяетъ выяснить только общій смыслъ предстоящихъ реформъ и ихъ принципіальное значеніе въ исторіи развитія русской гражданственности.

I.

Люди робкой мысли и слабаго духа, привыкшіе искать золотой вѣкъ не въ свѣтлыхъ идеалахъ будущаго, а въ тускломъ опытѣ прошлаго, окружили земское Положеніе 1864 года ореоломъ, которому чрезвычайно удивились бы современники первыхъ земскихъ учрежденій. Въ дѣйствительности, Положеніе 64 года заключало въ себѣ зародыши всѣхъ даль-

нѣйшихъ бѣдъ и золъ, которыми такъ богата исторія русскаго земства. Оно вполнѣ отразило тѣ смутныя вѣянія, которыя опредѣляли государственную и общественную жизнь Россіи въ шестидесятыхъ годахъ.

Пестрая эпоха, когда „нѣмая страна пріучалась къ слову, страна канцелярской тайны — къ гласности, страна крѣпостного рабства—роптать на ошейникъ“, а бюрократія, „какъ іерусалимскіе паломники, слишкомъ нагрѣшившіе, дѣлала три шага впередъ и два назадъ“,—не благопріятствовала ни цѣльнымъ людямъ, ни твердымъ убѣжденіямъ. Люди съ программой, какъ Николай Милютинъ и его сторонники, вскорѣ оказались за бортомъ правительственнаго корабля, и земская реформа выпала на долю Валуева. Личность этого государственнаго дѣятеля охарактеризована очень яркими чертами въ распространенной книгѣ покойнаго Джаншіева. Это былъ человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій, но умѣвшій снискать себѣ въ руководящихъ салонахъ Петербурга репутацію „не только тонкаго государственнаго человѣка, призваннаго сочетать свободу и порядокъ, но и необычайно хитраго, гибкаго политика, ловкаго дѣльца, словомъ, мага и чародѣя, способнаго объять необъятное, примирить всѣ интересы и сдѣлать всѣхъ довольными“ [1]). Какъ и слѣдовало ожидать, при желаніи всѣмъ угодить, Валуевъ не угодилъ никому. Мы не думаемъ, однако, преувеличивать значеніе личности Валуева въ исторіи земской реформы. Онъ только удачно воплотилъ въ себѣ всѣ черты пестрой эпохи. При данномъ соотношеніи правительственныхъ и общественныхъ силъ, организація мѣстнаго самоуправленія неизбѣжно должна была оказаться такою, какою она явилась по Положенію 1864 года. Какъ извѣстно, основнымъ противорѣчіемъ Положенія 1864 года является то неопредѣленное мѣсто, которое новые органы заняли въ системѣ государственнаго управленія. Проф. Коркуновъ относитъ эту неопредѣленность на счетъ общественной теоріи самоуправленія, якобы безраздѣльно господствовавшей во время выработки Положенія 1864 года [2]).

„Думали, что, установляя самоуправленіе, предоставляютъ уѣздному и губернскому обществамъ завѣдываніе своими собственными интересами, и что всѣ эти интересы имѣютъ исключительно хозяйственный характеръ. Въ самоуправленіи не видѣли поэтому особой организаціи государственнаго управленія, а только отказъ государства отъ завѣдыванія чужими для него хозяйственными дѣлами уѣзда и губерніи“...

„Господство такого воззрѣнія на самоуправленіе отразилось весьма опредѣленно на постановкѣ, какую Положеніе 1864 года давало земскимъ

---

[1]) Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Стр. 294.

[2]) Коркуновъ. Русское государствен. право. Т. II. Стр. 391.

учрежденіямъ. Такъ какъ въ нихъ видѣли не государственныя, а лишь общественныя учрежденія, то и не признавалась возможнымъ надѣлять ихъ функціями власти".

„Поэтому, наши земскія учрежденія оказались прежде всего совершенно лишенными полицейской власти. Затѣмъ имъ не было предоставлено и вообще самостоятельной исполнительной власти". Кромѣ того, „разъ земскія учрежденія не считались призванными къ осуществленію функцій государственнаго управленія, не могло быть и надобности соединять ихъ въ одно органическое цѣлое съ правительственными учрежденіями. Земскія учрежденія были образованы наряду съ правительственными, не будучи съ ними внутреннимъ образомъ связаны въ одну общую систему мѣстнаго управленія. Все мѣстное управленіе оказалось поэтому проникнутымъ дуализмомъ, основаннымъ на противоположеніи правительственнаго и земскаго начала". Намъ кажется, однако, что общественная теорія самоуправленія очень мало повинна въ валуевской организаціи земства, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что составители Положенія принимали эту теорію. Въ объяснительной запискѣ къ проекту Положенія, наоборотъ, совершенно категорически выражено, что „земское управленіе есть только особый органъ одной и той же государственной власти и отъ нея получаетъ всѣ права и полномочія". Правда, тамъ же говорится, что „земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и общественный, очевидно, не могутъ входить въ рядъ правительственныхъ губернскихъ или уѣздныхъ инстанцій... Подчиняясь общимъ законамъ на томъ же основаніи, какъ *отдѣльныя общества и частныя лица*, земскія учрежденія... имѣютъ право на содѣйствіе и исполненіе законныхъ своихъ требованій правительственными лицами и учрежденіями". Но эта двойственная точка зрѣнія ясно показываетъ, что законодатели руководились не теоретическими, а чисто практическими соображеніями. „Необходимо было,—говорится въ объяснительной запискѣ,—положить *предѣлъ* возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ* разныхъ сословій". Валуевъ и попытался разрѣшить эту задачу при помощи „спаекъ" и „параллелограмма силъ и діагоналей", какъ онъ чрезвычайно характерно называлъ свои работы, имѣвшія цѣлью сочетаніе противоположныхъ началъ самоуправленія и бюрократическаго всевластія, сословности и безсословности. Никакія теоріи не принимаютъ на себя, разумѣется, отвѣтственности за подобные „параллелограммы силъ и діагонали". Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ та критика, которою было встрѣчено Положеніе 1864 года. Дуализмъ мѣстнаго управленія, созданный земскою реформою, указанъ былъ впервые не В. П. Безобразовымъ, какъ, повидимому, думаетъ проф. Коркуновъ, а

Н. П. Огаревымъ который тотчасъ же, послѣ обнародованія земскаго Положенія, посвятилъ ему въ своемъ журналѣ обширныя критическія статьи.

Вообще, Положеніе вызвало много сомнѣній и недоумѣній, но официальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ старательно подчеркивалъ серьезность реформы, утверждалъ, что первый шагъ не будетъ послѣднимъ, что создаваемыя учрежденія явятся школою учрежденій представительныхъ. Эти статьи, естественно, не могли остаться безъ вліянія на настроеніе общества, только начинавшаго сознательную политическую жизнь, тѣмъ болѣе, что такія же, по существу, мысли высказывалъ даже Кавелинъ, призывавшій дворянство къ серьезной *мѣстной* работѣ на почвѣ самоуправленія. Такимъ образомъ, умѣренно-либеральные слои русскаго общества должны были ожидать будущаго, основываясь на обѣщаніяхъ министерской газеты. Но и реакціонныя силы могли быть довольны малою компетенціею земства и строгимъ административнымъ надзоромъ надъ его дѣятельностью. По словамъ одной характеристики „Положенія" 1864 года, оно, въ угоду противникамъ земскаго самоуправленія, опредѣляло компетенцію земскихъ учрежденій крайне эластично, сторонникамъ же земства предлагало „внѣшность и надежды на будущее". Такая комбинація отличается крайнею непрочностью, но она была неизбѣжной, поскольку бюрократія стремилась ограничиться частными поправками и отказывалась отъ коренного пересмотра всей системы. Безъ такого пересмотра, какой бы теоріи самоуправленія—государственной или общественной—ни держались составители „Положенія", земскія учрежденія не могли бы занять опредѣленнаго мѣста въ общемъ строѣ государственнаго управленія, такъ какъ смѣшно, конечно, ожидать, что низшія учрежденія могутъ быть организованы на иныхъ началахъ, чѣмъ высшія. Это наивное мнѣніе, съ особою силою отстаивавшееся кн. Васильчиковымъ,—солиднымъ знатокомъ мѣстнаго хозяйства, но очень слабымъ мыслителемъ,—совершенно разбито недолгою исторіею русскихъ земскихъ учрежденій. Первые же шаги русскаго земства показали, что созданныя учрежденія не отвѣчаютъ ни основной идеѣ самоуправленія положенной въ ихъ основаніе, ни тому административному строю, въ который они были механически вставлены и который остался переформированнымъ и неприспособленнымъ къ новымъ условіямъ жизни. Двоевластіе, созданное образованіемъ земскихъ учрежденій наряду съ правительственными, немедленно привело къ столкновеніямъ общественныхъ представителей съ административною властью. Надо замѣтить, что администрація того времени состояла изъ людей николаевской школы, и что, такимъ образомъ, земскія учрежденія попали подъ надзоръ губернаторовъ, предъ „которыми, по выраженію С. Чичерина, все привыкло склоняться и которые привыкли, чтобы все предъ ними склонялось". На этой почвѣ воз-

никъ и развился тотъ антагонизмъ между земствомъ и администраціей, который и до сихъ поръ является больнымъ вопросомъ русской жизни. „Новое Время", въ статьѣ о преобразованіи центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ (№ 9913), дало такое объясненіе исторической борьбѣ земскихъ учрежденій. По словамъ газеты, въ 1864 году „вся тяжесть обязанностей въ отношеніи нуждъ мѣстной жизни была возложена на земство, органы правительственной администраціи обязаны были только наблюдать, чтобы земская дѣятельность не выходила изъ установленныхъ для нея рамокъ, и такимъ образомъ, могли ограничиваться въ отношеніи мѣстныхъ дѣлъ болѣе легкою и гораздо менѣе отвѣтственною ролью критиковъ. Помогать земству, а тѣмъ болѣе руководить его дѣятельностью они не были обязаны. Такимъ образомъ, новымъ земскимъ учрежденіямъ пришлось исключительно собственными слабыми силами прокладывать пути въ нетронутомъ дотолѣ дремучемъ лѣсу мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Не удивительно, что они на первыхъ порахъ надѣлали много ошибокъ и промаховъ, и охотнѣе занимались *политикой*, чѣмъ „нуждами земской жизни", что—къ слову сказать—сильно повредило земству, возбудивъ противъ него подозрительность и недовѣріе въ правительственной средѣ, какъ на мѣстахъ, такъ и въ Петербургѣ". Мы старались показать, что подозрительность и недовѣріе стояли еще у колыбели земскихъ учрежденій. „Слово *земство* наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ,"—писала 26 января 1862 года великая княгиня Елена Павловна Милютину. Слѣдовательно, недостатокъ Положенія 1864 г. заключался вовсе не въ томъ, что оно якобы давало земству возможность заниматься „политикой", и не въ томъ, что администрація лишена была права вмѣшательства въ мѣстныя дѣла, а въ томъ, что Положеніе создало учрежденія, которыя не могли нормально функціонировать при данномъ строѣ. Они должны были эволюціонировать или въ сторону развитія общественной самодѣятельности или въ сторону дореформенныхъ комитетовъ по земскимъ повинностямъ. Незрѣлость общественной мысли, некультурность народныхъ массъ и усиленное стремленіе бюрократіи сохранить дореформенные порядки обусловили ту реакцію, которая началась съ половины шестидесятыхъ годовъ и которая немедленно и больно отразилась на земскихъ учрежденіяхъ. Слѣдовательно, занятіе „политикою", столь непріятное „Нов. Времени", объясняется не какими-либо странными вкусами земскихъ людей, а ихъ естественнымъ желаніемъ обезпечить общими политическими реформами нормальное и безостановочное удовлетвореніе „земскихъ пользъ и нуждъ". Скромныя формы, въ которыя отливалось это желаніе, конечно, извѣстны „Новому Времени". Всѣ ходатайства земства вызваны самыми конкретными нуждами и стоятъ въ неразрывной связи съ правитель-

ственными мѣропріятіями, послѣдовавшими въ области земскаго самоуправленія. Уже 12-го октября 1866 года циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ поставилъ земскихъ служащихъ въ полную зависимость отъ правительственной власти. 21 ноября 1866 г. вышелъ законъ, которымъ ограничено право земскихъ собраній облагать сборами торговыя и промышленныя заведенія. Ходатайство петербургскаго уѣзднаго земскаго собранія о томъ, чтобы вопросы, затронутые этимъ закономъ, обсуждались „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и земства", имѣло результатомъ закрытіе петербургскихъ земскихъ учрежденій. Законъ остался въ силѣ, хотя и въ печати и въ земской средѣ его признали равнозначащимъ уничтоженію земства. 16 декабря 1866 года появилось разъясненіе сената, предоставляющее губернаторамъ право не утверждать избранныхъ земскимъ собраніемъ лицъ; 4 мая 1867 послѣдовало другое разъясненіе, которымъ запрещается сообщеніе земскихъ предположеній въ другія губерніи на томъ основаніи, что земскія учрежденія вѣдаютъ мѣстныя дѣла. 13 іюня 1867 состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, воспрещающее печатать состоявшіяся въ земскихъ городскихъ и сословныхъ общественныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, пренія и т. п. Тотъ же законъ расширилъ власть предсѣдателей собранія, предоставилъ имъ право закрывать собранія и обязалъ ихъ подъ угрозою наказанія закрывать собранія, въ которыхъ ставятся на обсужденіе вопросы, несогласные съ закономъ. 8 октября 1868 г. министръ циркуляромъ подчиняетъ цензурѣ губернатора даже отчеты земскихъ управъ и снова ограничиваетъ сношенія земствъ. Въ 1869 г. учреждаются инспектора народныхъ училищъ съ цѣлью руководства дѣломъ народнаго образованія. 19 сентября 1869 г. комитетъ министровъ признаетъ, что „земскія учрежденія ни по своему составу, ни по основнымъ началамъ не суть власти правительственныя". Законъ 4 іюля 1870 года и циркуляръ 22 октября 1870 года подтверждаютъ и усиливаютъ зависимость земскихъ служащихъ отъ губернаторовъ. Въ 1871 г. инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ предоставляетъ имъ право устранять отъ должности учителей, признаваемыхъ неблагонадежными, и останавливать всякое рѣшеніе училищнаго совѣта съ представленіемъ дѣла на разрѣшеніе попечителя. 25 декабря 1873 года Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія выражаетъ опасеніе, что земская школа при недостаткѣ попечительнаго наблюденія можетъ быть обращаема „въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже и обнаружены нѣкоторыя попытки", и повелѣваетъ предводителямъ дворянства способствовать ближайшимъ своимъ участіемъ обезпеченію нравственнаго вліянія народныхъ школъ.

Затѣмъ, въ 1874 году выходитъ Новое Положеніе о народныхъ училищахъ, отдающее все дѣло завѣдыванія школами въ руки директоровъ народныхъ училищъ. Казанское земство ходатайствуетъ о пересмотрѣ закона при участіи земскихъ представителей, но ходатайство отклоняется... Остановимся на этихъ примѣрахъ. Они ясно показываютъ, какъ, во-первыхъ, нужды мѣстной жизни роковымъ образомъ обращали земскую мысль къ общимъ условіямъ и какъ, во-вторыхъ, неопредѣленный характеръ Положенія 1864 г. побудилъ правительство непрерывно дополнять его новыми узаконеніями, имѣвшими цѣлью связать земскія учрежденія съ общимъ административнымъ механизмомъ. Эта эволюція земскаго законодательства нарушена была только въ самомъ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда въ „Пр. Вѣстникѣ" (1878 г. № 168) появился призывъ къ содѣйствію общества въ борьбѣ правительства съ революціоннымъ движеніемъ, ростъ котораго нарушилъ нормальное теченіе государственной жизни. Назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ Меликова, программа котораго, опубликованная и даже обсуждавшаяся русскою печатью, при всей неопредѣленности, ставила цѣлью обезпечить земству „пользованіе законными правами", открывало, повидимому, нѣсколько иной путь мѣстному самоуправленію. Но неясность взглядовъ самого министра, упорное сопротивленіе реакціонной партіи сдѣлали то, что намѣренія Лорисъ Меликова не оставили никакого слѣда въ земской жизни. Его преемникъ графъ Игнатьевъ, занявшій министерскій постъ въ смутное время послѣ 1 марта 81 года, тотчасъ же заявилъ, что правительство „приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній". Такой способъ былъ найденъ въ созывѣ, по выбору министровъ, такъ называемыхъ „свѣдущихъ людей", которые, въ качествѣ экспертовъ, принимали участіе въ обсужденіи общегосударственныхъ вопросовъ. Ниже мы болѣе подробно остановимся на этой попыткѣ; теперь замѣтимъ только, что она навѣяна славянофильскимъ доктринерствомъ, которому съ шестидесятыхъ годовъ выпадаетъ незавидная роль посредствующаго звена между прогрессивными и реакціонными силами русскаго общества. Безъ сомнѣнія, работы экспертныхъ комиссій не вызвали сочувствія общества и не принесли пользы правительству. 30 мая 1882 г. графъ Игнатьевъ оставилъ министерство и его мѣсто занялъ графъ Д. А. Толстой, уже извѣстный враждебнымъ отношеніемъ къ обществу. Гр. Толстой немедленно поставилъ на очередь реформу земскихъ учрежденій. Исходя изъ той мысли, что „оппозиція правительству свила себѣ прочное гнѣздо въ земствѣ" (объяснительная записка, стр. 139), министръ проектировалъ замѣнить

земскія управы подчиненными губернатору присутствіями и всѣ постановленія земскихъ собраній признать подлежащими губернаторскому утвержденію. При этомъ Толстой опирался на государственную теорію самоуправленія и, считая главнымъ недостаткомъ положенія 1864 года установленный имъ частно-общественный характеръ земства, предлагалъ „признать земское дѣло—дѣломъ государственнымъ". „Согласно государственной теоріи, изъ этого, — говоритъ проф. Коркуновъ,— казалось бы, слѣдовало заключить, что замѣченные недостатки организаціи самоуправленія должны быть устранены расширеніемъ функцій власти земства, какъ органа государственнаго управленія. Но составители первоначальнаго проекта преобразованія земства судили иначе: признавъ земское дѣло государственнымъ, они отсюда заключили, что оно должно подлежать вѣдѣнію правительства при содѣйствіи лишь земскаго представительства"... Предположенія Толстого, по мнѣнію проф. Коркунова, „въ корнѣ противорѣчили государственному пониманію мѣстнаго самоуправленія, какъ возложенія на мѣстныя общества самостоятельнаго осуществленія опредѣленныхъ задачъ государственнаго управленія. Признать, что земское дѣло, будучи государственнымъ, должно находиться непремѣнно въ вѣдѣніи правительства, значило вовсе отринуть самую идею самоуправленія" [1]). Эта точка зрѣнія превращала вопросъ о преобразованіи земскаго самоуправленія въ вопросъ объ его полномъ уничтоженіи и не могла, конечно, быть проведена на практикѣ съ строгою послѣдовательностью. Государственный Совѣтъ существенно измѣнилъ первоначальныя предположенія Толстого, и въ результатѣ реформы явилось нынѣ дѣйствующее Положеніе 1890 года. Оно сохранило прежнюю обособленность земства отъ правительства въ мѣстномъ управленіи и перенесло въ новыя учрежденія тотъ же дуализмъ власти, который причинилъ столько неудобствъ. Усиленіе правительственнаго воздѣйствія на земское дѣло не могло установить внутренняго единства земскаго и правительственнаго начала. Послѣдующія реформы также ограничивались частными ограниченіями земской компетенціи. Изъятіе продовольственнаго дѣла, фиксація земскаго обложенія усиливали вліяніе бюрократическаго строя на земскую дѣятельность, но не могли достигнуть полнаго сліянія общества и правительства въ общей работѣ на почвѣ мѣстныхъ пользъ и нуждъ, такъ какъ эта работа предполагаетъ широкое развитіе самоуправленія. Между тѣмъ, вся эволюція законодательства о земскихъ учрежденіяхъ ясно показываетъ, что сліяніе общества и правительства предполагается достигнуть на почвѣ дореформенныхъ принциповъ административной опеки надъ обывателями и бюрократическаго удовлетворенія всѣхъ нуждъ населенія. Послѣ попытки

[1]) Русское Госуд. Право. Т. II, стр. 393, 394.

Толстого, въ 1894 году министерство внутреннихъ дѣлъ снова пыталось взять въ свое вѣдѣніе руководящее завѣдываніе мѣстною хозяйственною жизнью. Но выработанный тогда проектъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства не получилъ дальнѣйшаго движенія.

II.

Современный проектъ преобразованія центральныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдающихъ дѣлами мѣстнаго хозяйства, представляетъ естественный заключительный аккордъ въ такой эволюціи земскаго законодательства, которую мы, въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, обрисовали предъ читателями. „Новое Время", также отмѣчая подготовленность ожидаемаго преобразованія, видитъ въ проектѣ нѣчто новое, что должно способствовать расцвѣту мѣстнаго самоуправленія. Къ сожалѣнію, уже самое опредѣленіе задачъ новаго учрежденія является несоотвѣтствующимъ идеямъ децентрализаціи и самоуправленія. Предполагаемое руководительство дѣлами мѣстнаго хозяйства со стороны органовъ центральнаго управленія лишаетъ земскія и городскія учрежденія даже той ничтожной независимости, которою они теперь обладаютъ. При послѣдовательномъ проведеніи принципа руководительства мѣстными общественными органами, очевидно, сотрется послѣдняя грань, отдѣляющая ихъ отъ бюрократическихъ учрежденій Такимъ образомъ, новый проектъ, какъ и всѣ предыдущіе, представляетъ развитіе началъ, положенныхъ въ основу преобразованія 1890 года. Онъ стремится передать земское дѣло въ вѣдѣніе правительственныхъ органовъ при содѣйствіи земскаго представительства. Этотъ характеръ ожидаемой реформы выяснится вполнѣ только съ опубликованіемъ проекта преобразованій губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, но и теперь онъ уже достаточно опредѣлился. Централистическія тенденціи задуманнаго главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства ясно говорятъ о содержаніи дальнѣйшихъ преобразовательныхъ работъ. Такимъ образомъ, ни многочисленныя земскія ходатайства, ни вѣскія заявленія уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности не могли отклонить законодательство о земскихъ учрежденіяхъ отъ того пути, по которому оно развивалось въ послѣднее десятилѣтіе. Особенностью проекта является только совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, образующій постоянную экспертную коммиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

„Новое Время" увѣряетъ, что проектъ обрекаетъ на гибель бумажное, канцелярское производство дѣлъ. Краснорѣчиво изображая, какъ при строго-бюрократическомъ строѣ управленія „министръ... нерѣдко чувствуетъ себя лишь исполнителемъ предначертаній своихъ второстепенныхъ чинов-

никовъ“, утверждая, будто „знаменитый афоризмъ Николая I, что Россіей управляютъ столоначальники, отнюдь не каррикатура на дѣйствительность даже до сего дня“, газета указываетъ на особенную недостаточность „искусства въ бумажномъ производствѣ“ для рѣшенія мѣстныхъ дѣлъ. „Отвлеченное канцелярское творчество, которое болѣе или менѣе благополучно сходитъ съ рукъ въ другихъ дѣлахъ, тутъ можетъ приводить къ рѣшеніямъ, которыя потомъ оказывается необходимымъ отмѣнять (стоитъ, напримѣръ, вспомнить законъ 12 іюня 1902 года о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ), или, что бываетъ еще чаще, которыя остаются мертвою буквою и роняютъ престижъ правительства, уваженіе къ закону... Весьма понятно, что такое положеніе дѣлъ признано невыносимымъ“... И „Новое Время“ торжественно привѣтствуетъ новое учрежденіе, которое идетъ на смѣну „устарѣвшимъ бюрократическимъ органамъ центральнаго управленія“. Такъ какъ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства отличается отъ остальныхъ бюрократическихъ учрежденій только временемъ рожденія, то мы не видимъ основанія думать, что оно какимъ-либо образомъ можетъ избавиться отъ власти бумаги. Очевидно, „Новое Время“ возлагаетъ свои розовыя надежды не столько на главное управленіе, сколько на совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Эта часть проекта возбудила упованія, вѣроятно, не одного „Новаго Времени“. Поэтому, мы считаемъ нелишнимъ остановиться на ней съ тѣмъ вниманіемъ, котораго она, въ дѣйствительности, заслуживаетъ. „Новое Время“ полагаетъ, что свѣдущіе люди могутъ пріобрѣсти важное положительное значеніе въ составѣ главнаго управленія. „Хотя мѣстнымъ людямъ,—мечтаетъ газета,—и не предоставлено право инициативы по дѣламъ совѣта, въ которомъ они будутъ состоять членами, но, очевидно, какъ главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, такъ и предсѣдательствующій въ совѣтѣ министръ внутреннихъ дѣлъ будутъ имъ только благодарны, если они, опираясь на свою опытность и на свое близкое знакомство съ положеніемъ дѣлъ на мѣстахъ, подскажутъ такія мысли или мѣры, которыя могутъ имѣть благотворное значеніе для страны. Вообще, это участіе въ дѣлахъ центральнаго управленія мѣстныхъ людей, какъ показываетъ уже имѣющійся на этотъ счетъ опытъ, можетъ принести большую пользу обѣимъ сторонамъ“... Мы должны отмѣтить, что „Новое Время“ очень ошибается, если считаетъ совѣщательныя учрежденія новымъ словомъ въ жизни русскихъ министерствъ. Самый проектъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства является копіей (съ незначительными измѣненіями) съ дѣйствующаго положенія о сельскохозяйственномъ совѣтѣ министерства земледѣлія. Между тѣмъ, этотъ совѣтъ не можетъ даже выполнить такой скромной функціи, какъ ознакомленіе центральной администраціи съ мѣстными нуждами. Въ одной изъ послѣднихъ сессій его, напримѣръ, былъ под-

нять вопросъ объ установленіи болѣе близкой связи между дѣятельностью совѣта и потребностями мѣстной сельскохозяйственной жизни, при чемъ было выражено пожеланіе, чтобы членамъ совѣта открыта была возможность болѣе широко пользоваться помощью и содѣйствіемъ мѣстныхъ силъ. Но, кромѣ вялаго и безцвѣтнаго прозябанія сельскохозяйственнаго совѣта, которое у всѣхъ на глазахъ, земская жизнь имѣетъ и болѣе поучительный опытъ призыва свѣдущихъ людей въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ при графѣ Игнатьевѣ. Этотъ опытъ совершенно не оправдываетъ надеждъ „Новаго Времени". Въ 1881 г. въ короткій промежутокъ пяти мѣсяцевъ были созваны экспертныя комиссіи по вопросамъ о пониженіи выкупныхъ платежей, о мѣрахъ противъ пьянства и объ организаціи переселеній. 12 губернскихъ собраній указали, что для успѣшности работы свѣдущихъ людей необходимо установить такой порядокъ ихъ приглашенія, при которомъ они являлись бы дѣйствительными представителями общества.

Вызываемыя лица только въ томъ случаѣ могутъ выразить мнѣніе земства, когда они имъ на то уполномочены. Во Владимірскомъ губернскомъ собраніи было высказано сожалѣніе о томъ, что свѣдущимъ людямъ придается названіе людей земскихъ, такъ что всякая неудачная работа ихъ падаетъ на земство. „Въ особенности доказательствомъ тому служитъ комиссія по питейному вопросу, работа которой, по общему признанію, оказывается весьма неудачной. Поэтому, имѣя въ виду еще болѣе важную комиссію о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій, въ которую также имѣютъ быть вызваны земскіе люди", собраніе полагало „ходатайствовать, чтобы въ числѣ ихъ были лица, избранныя земскими собраніями, которыя вѣрнѣе могутъ выяснить нужды и потребности населенія всѣхъ разнородныхъ мѣстностей, и чтобы выработанный комиссіею проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній". Херсонское собраніе единогласно приняло мнѣніе управы, что „только вызовъ свѣдущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный, можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпящія отлагательства реформы, завѣщанныя еще прошлымъ царствованіемъ". Харьковское губернское собраніе, выслушавъ записку, подписанную 22 гласными и одобренную редакціонною комиссіею, „какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, постановило ходатайствовать предъ правительствомъ объ установленіи, взамѣнъ существующаго порядка выбора свѣдущихъ людей, такихъ основаній для выбора ихъ, которыя обезпечивали бы возможность видѣть въ свѣдущихъ людяхъ дѣйствительныхъ представителей общества".

Записка указывала на то, что въ призывѣ экспертовъ „сказалось уже желаніе самого правительства обратиться къ единственно неложному источнику познанія истинныхъ потребностей страны и времени. Но обращеніе

въ такой формѣ носитъ въ себѣ явственный слѣдъ той же системы: оно не довѣряетъ еще самому обществу назвать тѣхъ, кого оно считаетъ своими излюбленными людьми, кому можетъ довѣрить говорить его именемъ, на чью отвѣтственность возлагаетъ сказать правду и только правду" [1]). Вообще, мысль, чтобы земскіе люди были привлечены къ участію въ законодательной дѣятельности не въ отдѣльныхъ случаяхъ и не по назначенію отъ правительства, а постоянно и по выбору земствъ, пользовалась значительнымъ распространеніемъ въ земской средѣ.

Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Мысли" за 1881 г. была напечатана статья одного изъ видныхъ мѣстныхъ дѣятелей Колюпанова, принимавшаго участіе въ комиссіи по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей. Комиссія, состоявшая изъ 12 членовъ, немедленно же послѣ начала работъ почувствовала себя безсильной принести ожидаемую пользу. Вслѣдствіе малочисленности, она не обладала необходимыми мѣстными свѣдѣніями и потому должна была довольствоваться или тѣми данными, которыя уже находились въ распоряженіи правительства, или теоретическими соображеніями. Эксперты, по словамъ г. Колюпанова, „не могли принять на себя отвѣтственность немедленнаго исправленія предположеній правительственной комиссіи, исправленія, требующаго одинаково близкаго знакомства со всѣми губерніями и уѣздами"... За недостаткомъ практическихъ свѣдѣній, эксперты должны были стать исключительно на теоретическую почву. Такимъ образомъ, правительство не встрѣтило именно того, чего оно, главнымъ образомъ, добивалось — практическихъ указаній, основанныхъ на мѣстныхъ данныхъ и на знакомствѣ съ мѣстными условіями, неизвѣстными петербургскимъ канцеляріямъ. Иначе, конечно, не могло и быть. Мысль, будто нѣсколько человѣкъ, случайно выхваченныхъ изъ земской среды, окажутся въ состояніи освѣтить мѣстныя нужды страны, является настолько очевиднымъ заблужденіемъ, что опровергать ее не представляется надобности. Тѣмъ не менѣе, эта мысль всплываетъ теперь снова на поверхность. Мы не думаемъ, чтобы она сопровождалась какимъ либо улучшеніемъ мѣстной жизни. Бюрократическій порядокъ, жалобы на который и нынѣ раздаются съ такою же силою, какъ въ шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, не только не затрогивается новыми преобразованіями, но и получаетъ въ нихъ сильное подкрѣпленіе и развитіе.

Ник. Іорданскій.

---

[1]) Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва. 1903. Стр. 83—105.

Новые отчеты фабричной инспекціи.

I.

Рабочій вопросъ въ Россіи особенно ярко обозначился теперь, въ моментъ переживаемаго кризиса. Кризисъ этотъ, затронувшій кровные интересы сотенъ тысячъ людей, подчеркнулъ не одни наши экономическіе недочеты въ тѣсномъ смыслѣ слова—онъ подчеркнулъ коренные недочеты русской жизни вообще.

Что такое фабричный рабочій въ Россіи?

Еще недавно отвѣтъ гласилъ: „тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли". Фабричный рабочій, какъ таковой, рабочій, порвавшій съ земельнымъ надѣломъ, живущій продажей рабочей силы, тѣсно связанный съ фабрикой, это—миѳъ. Нашъ рабочій не пролетарій: у него всегда найдется свой кровъ, своя земля. „Я—Микула есть, мужикъ, я—Селяниновичъ". Даже „вывариваясь въ фабричномъ котлѣ", мужикъ остается мужикомъ. Будетъ такъ, какъ земля захочетъ, будетъ такъ, какъ земля сдѣлаетъ... Еще недавно игнорировался основной фактъ нашего развитія...

Игнорированіе это составляло самое слабое, самое больное мѣсто не только нашей теоріи, но и нашей практики. Въ самомъ дѣлѣ, если съ водвореніемъ капиталистической крупной промышленности рабочіе этой промышленности не выдѣляются изъ общей массы населенія, составляютъ нѣчто случайное, нетипичное; если мы не имѣемъ передъ собой общественную группу, съ совершенно своеобразной физіономіей, съ профессіонально-бытовыми отличіями, значитъ, это—не пролетаріатъ, аналогичный западно-европейскому, „органическій" продуктъ западно-европейской стадіи развитія, значитъ вниманіе должно быть обращено на поселокъ, преимущественно на поселокъ. Наоборотъ, если рабочій шире и шире „плодится и населяетъ землю", если рабочій уже не рабочая единица, а рабочій классъ,

объединенный общностью экономическихъ и правовыхъ условій, хотя и распавшійся на цѣлый рядъ подгруппъ, каждая изъ которыхъ привязана къ извѣстному промышленному району, если группировка эта—неизбѣжный результатъ общественнаго развитія Россіи, никакими мѣрами неустранимый, значитъ, и русскій рабочій, и рабочій западно-европейскій—явленія одного и того же порядка; значитъ онъ, этотъ рабочій, нѣчто отличное отъ Микулы Селяниновича, требующее никакъ не меньшаго, можетъ быть, преимущественнаго къ себѣ вниманія [1]).

Кризисъ, вотъ уже четыре года потрясающій русскій капитализмъ, сказалъ здѣсь послѣднее слово. Такъ, *по даннымъ министерства финансовъ*, фабричная инспекція въ теченіе одного 1901 года имѣла дѣло съ 121 забастовкой въ 132 промышленныхъ заведеніяхъ. Половина ихъ,—въ нихъ приняло участіе 21,104 рабочихъ, т. е. 70,6% всѣхъ причастныхъ къ забастовкамъ въ теченіе отчетнаго года, продолжалась, правда, недолго, но 34 забастовки длились недѣлю, двѣ, мѣстами три. Такого рода забастовки имѣли мѣсто, напр., въ Виленской, Могилевской Херсонской, Курской, другихъ губерніяхъ [2]). Нынѣшнее же лѣто было ознаменовано небывалыми еще у насъ по своей силѣ и продолжительности забастовками промышленныхъ рабочихъ, извѣстія о которыхъ—и офиціальнаго, и частнаго характера—проникли во всю русскую печать.

И вотъ особое, такъ сказать, возрастающее значеніе вопроса, возникшихъ на его почвѣ общественныхъ отношеній, подчеркивается рядомъ частью осуществленныхъ, частью только намѣченныхъ мѣропріятій правительства, рядомъ законовъ о фабричныхъ старостахъ, фабричной инспекціи, вознагражденіи увѣчныхъ, сверхъурочныхъ работахъ и пр.

Законы эти—всѣ они относятся ко второй половинѣ только что минувшаго года—не представляютъ нѣчто цѣльное, законченное. Характеръ ихъ явствуетъ, напр., изъ закона 10 іюня, особенно обратившаго на себя вниманіе, который явится любопытнѣйшей страничкой въ исторіи фабричнаго законодательства Россіи.

На данной фабрикѣ, на данномъ заводѣ рабочіе могутъ получить право представительства въ ихъ сношеніяхъ съ предпринимателями и администраціей, право зачаточной организаціи. Право это обусловлено усмотрѣніемъ и иниціативой заводоуправленій и разрѣшеніемъ присутствій

---

[1]) „Не случайно то, что законодательная защита рабочихъ начинается въ Россіи съ того времени, когда рабочій классъ сталъ пополняться изъ него же самого". Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики въ Россіи, пер. съ нѣм. Спб. 1901 г.

[2]) Министерство финансовъ. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ, табл. XIV.

по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ: хозяева нисколько не обязываются къ этому закономъ. Наоборотъ, администрація можетъ запретить устройство организаціи вопреки даже ходатайству о немъ со стороны хозяевъ. Само представительство рабочихъ обставлено слѣдующимъ образомъ. Рабочіе раздробляются на разряды; правила о томъ, какъ именно дѣлить рабочихъ на разряды, утверждаются губернаторомъ. Назначенный управленіемъ предпріятія староста признается уполномоченнымъ выбравшаго его разряда рабочихъ для заявленія управленію и соотвѣтствующимъ властямъ о нуждахъ и ходатайствахъ всего разряда или отдѣльныхъ рабочихъ, входящихъ въ его составъ, по дѣламъ, касающимся исполненія условій найма или быта рабочихъ въ данномъ заведеніи или промыслѣ. Черезъ старостъ же передаются рабочимъ какъ распоряженія заводоуправленія, такъ и разъясненія по сдѣланнымъ ими заявленіямъ. Для обсужденія всѣхъ этихъ дѣлъ староста можетъ устраивать собранія разряда, въ томъ мѣстѣ и въ то время, какія будутъ указаны заводоуправленіемъ; при этомъ онъ обязывается слѣдить за сохраненіемъ порядка. Что касается дѣлъ, относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ, то рабочіе не могутъ собираться для обсужденія ихъ сообща; могутъ собираться только старосты этихъ разрядовъ. Такимъ образомъ, староста представляетъ собой блюстителя порядка, передающаго рабочимъ разъясненія и распоряженія фабричнаго начальства, фабричному начальству—отчеты о собраніяхъ разрядовъ и пр. [1]); если—согласно закону—утверждаетъ его изъ кандидатовъ промышленное заведеніе, то администрація имѣетъ право устранить отъ должности старосту, „не удовлетворяющаго своему назначенію". Законъ фиксируетъ даже возрастъ: кандидаты должны быть не моложе 25 лѣтъ. Первоначальный проектъ намѣчалъ предѣльнымъ возрастомъ 21 годъ, но законодатель нашелъ цѣлесообразнымъ повысить его еще на четыре года, чтобы устранить отъ выбора безпокойный элементъ фабричнаго населенія—рабочихъ отъ 17 до 20 лѣтъ. Заводоуправленіе можетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовать даже установленія, во-первыхъ, болѣе высокаго предѣльнаго возраста, во-вторыхъ, продолжительности службы рабочаго въ предпріятіи. (Напр., согласно проекту т-ва Прохоровской Трехгорной мануфактуры, „въ кандидаты избираются лица обоего пола, прослужившія на фабрикѣ товарищества не менѣе трехъ

---

[1]) Напр., согласно проекту московской фабрики Авг. Шрадеръ, староста „обязанъ принимать дѣятельное участіе въ мирныхъ улаживаніяхъ всѣхъ вопросовъ, касающихся рабочихъ, а также охранять интересы предпринимателя при неумѣренныхъ требованіяхъ со стороны рабочихъ".

лѣтъ и имѣющія отъ роду: мужчины—не менѣе 30-ти лѣтъ, а женщины не менѣе 25-ти лѣтъ"; согласно проекту мануфактуры Эм. Циндель, въ старосты „могутъ быть избираемы рабочіе только грамотные, безупречнаго поведенія, не моложе 30 лѣтъ и прослужившіе на мануфактурѣ не менѣе трехъ лѣтъ" [1]). Наконецъ, третій пунктъ закона: старосты признаются уполномоченными разрядовъ для заявленій только по дѣламъ, касающимся исполненія условій найма; *измѣненія* этихъ условій старосты не имѣютъ права касаться.

Такъ законъ облегчаетъ „выясненіе истинныхъ желаній и нуждъ рабочихъ". Характеръ закона очевиденъ. Тѣмъ же страдаютъ и другіе акты. Тѣмъ не менѣе, они являются „шагомъ впередъ" въ силу тѣхъ отношеній, на почвѣ которыхъ они родились.

II.

Безъ сомнѣнія, къ „признакамъ времени" относятся и изданія финансоваго вѣдомства—„Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ" и „Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи" за 1901 годъ, вышедшія въ свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Фабричные инспектора, — въ ихъ лицѣ правительство имѣетъ агентовъ съ цѣлью воздѣйствовать извѣстнымъ образомъ какъ на рабочихъ, такъ и на фабрикантовъ,—начали публиковать свои отчеты при Бунге. Отчеты эти содержали весьма цѣнныя данныя объ экономическомъ положеніи рабочихъ, о вліяніи новыхъ фабричныхъ законовъ и пр. Но ихъ дѣятельность, какъ и слѣдовало ожидать, вызвала ожесточенную вражду къ нимъ и фабрикантовъ, особенно московскихъ, и реакціонной печати съ „Современными Извѣстіями" во главѣ. „Воззрѣнія инспекціи на взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими построены на совершенно ложномъ представленіи противоположности интересовъ сторонъ", говорилось въ ходатайствѣ московскаго отдѣленія общества для содѣйствія промышленности и торговли [2]). Началась упорная борьба противъ фабричныхъ законовъ, противъ личнаго состава, борьба, которая не только повела къ выходу въ отставку фабричнаго инспектора Янжула, но поло-

[1]) Русскія Вѣдомости, 1903 г., № 308. О введеніи старостъ на московскихъ фабрикахъ.

[2]) Наша фабрично-заводская промышленность Москва. 1894 г. Стр. 61—64.

жила конецъ и фабричнымъ отчетамъ. Послѣдніе отчеты этого періода относятся къ 1885 году [1]).

И вотъ мы имѣемъ передъ собою попытку вновь открыть двери въ наглухо закрытую область нашихъ промышленныхъ заведеній. Лежащіе передъ нами выпуски представляютъ, однако, отдаленное подобіе тѣмъ богатымъ работамъ, какими явились отчеты фабричныхъ инспекторовъ перваго періода существованія, особенно гг. Янжула и Пескова, вышедшіе подъ заглавіемъ „Фабричный бытъ Московской губерніи" и „Фабричный бытъ Владимірской губерніи". Еще въ прошломъ году вышелъ отчетъ за вторую половину 1900 года. Но онъ—по собственному признанію авторовъ—„не вполнѣ отвѣчаетъ истинѣ". Правда, настоящій отчетъ даетъ представленіе о такихъ сторонахъ дѣла, которыхъ первый опытъ не коснулся, не только о такихъ, какъ распредѣленіе рабочихъ по поламъ и возрастамъ, личный составъ инспекціи, распредѣленіе ея по территоріи, но и о такихъ, какъ разобранныя въ теченіе года жалобы рабочихъ на завѣдующихъ промышленными заведеніями и завѣдующихъ—на рабочихъ, штрафы, несчастные случаи съ рабочими, общеимперскій капиталъ на вспомоществованіе увѣчнымъ и больнымъ и пр. Все же рабочій бытъ, какъ онъ есть—даже заработная плата, даже положеніе врачебнаго дѣла, продолжительность рабочаго дня и пр.,—не получилъ никакого освѣщенія. Отчеты представляютъ сухой наборъ цыфръ, сшитыхъ канцелярскими нитками, цыфръ, въ которыхъ нельзя разглядѣть часто существенныхъ рубрикъ. Тѣмъ не менѣе, съ какимъ интересомъ набрасываешься на эти цыфры! Съ 1885 года въ нашей литературѣ отсутствуютъ какія бы то ни было цыфры не только о культурно-правовомъ положеніи, но и объ экономическомъ положеніи русскаго рабочаго...

Что прежде всего поражаетъ въ „Сводѣ", это тѣ чрезвычайно узкія рамки, въ которыя поставленъ у насъ фабричный надзоръ. Въ самомъ дѣлѣ, общая численность подчиненныхъ надзору рабочихъ Европейской Россіи и Бакинской губерніи равна 1.711,700. Вотъ распредѣленіе промышленныхъ заведеній по группамъ:

Группы заведеній по числу рабочихъ.	Число заведеній на 100.	Число рабочихъ въ нихъ.
менѣе 20	39,4	75.446
отъ 21 до 50	30,9	170.816
„ 51 „ 100	13,4	172.510

[1]) См. статью М. Туганъ-Барановскаго. „Законодательство объ охранѣ труда въ Россіи" въ интересномъ сборникѣ М. И. Водовозовой „Законодательная охрана труда".

„ 101 „ 500	12,7	495.277
„ 501 „ 1000	2,3	272.014
свыше 1000	1,3	525.612

Итакъ, въ лучшемъ случаѣ подчинено инспекціи 75,000 ремесленниковъ. Сюда не входятъ, конечно, ни милліоны „кустарей", работающихъ на фабрикантовъ и скупщиковъ, ни сотни сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, ни рабочія массы, занятыя, вообще, въ мелкой промышленности, тѣ именно сферы труда, которыя получили особое распространеніе въ Россіи. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ принесли разореніе большей части крестьянства, и то, что еще недавно восполняло пробѣлы деревенскаго бюджета, становится единственнымъ источникомъ ихъ средствъ къ существованію. Съ полной потерей хозяйственной самостоятельности, въ ряды этой арміи, притекаютъ все новыя и новыя волны не по днямъ, а по часамъ. Такимъ образомъ, цыфра подчиненныхъ надзору выражаетъ лишь небольшую часть русскаго пролетаріата.

Статистическія данныя, собранныя земствами, показываютъ, что рабочій день многихъ категорій кустарей продолжается отъ 13 до 20 часовъ въ сутки, что заработная плата падаетъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ до 5—10 коп. въ день, что санитарная обстановка ужасна, что дѣтскій трудъ эксплуатируется неограниченно... На Западѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Австраліи существуетъ уже, какъ извѣстно, широкое движеніе въ пользу распространенія на мелкую и домашнюю промышленность законодательной регламентаціи труда. Наше же законодательство, повидимому, избѣгаетъ мелкой промышленности. До закона 8 іюня 1898 года фабричными заведеніями было принято считать всѣ тѣ, которыя по промысловому обложенію обязаны были выбирать гильдейскія свидѣтельства, т. е. заведенія, имѣвшія болѣе 16 рабочихъ или употреблявшія механическіе двигатели при меньшемъ числѣ рабочихъ. Со времени же введенія новаго государственнаго промысловаго обложенія, устранившаго въ отношеніи взиманія налога различіе между ремесленными и фабричными заведеніями и принявшаго за основаніе обложенія размѣръ предпріятія и его доходность, норма эта потеряла всякое значеніе. Принадлежащее главному по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствію право утверждать ходатайства мѣстныхъ присутствій о подчиненіи дѣйствію закона и надзору инспекціи ремесленныхъ заведеній или освобожденію отъ него мелкихъ фабричныхъ заведеній, если по мѣстнымъ условіямъ въ томъ представляется надобность, „нынѣ понимается въ смыслѣ подчиненія заведеній, имѣющихъ менѣе 20 рабочихъ, и освобожденія имѣющихъ свыше этого числа". Очевидно, за отсутствіемъ опредѣленныхъ признаковъ между фабрикой и

ремесленнымъ заведеніемъ, практика инспекціи и мѣстныхъ присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ не только произвольна, но результатомъ новаго порядка могло явиться лишь освобожденіе изъ-подъ надзора еще большаго количества мелкихъ предпріятій. Въ 1901 году подчиненіе мелкихъ ремесленныхъ заведеній имѣло мѣсто въ 28 случаяхъ съ 1,208 рабочими; въ то же время освобождено отъ надзора 508 мелкихъ заведеній съ 5,532 рабочими. Размѣръ заведеній, подчиненныхъ надзору инспекціи, увеличился: въ началѣ года на каждое заведеніе приходилось, въ среднемъ, 93,6 рабочихъ, въ концѣ же—96,2.

Рамки не ограничиваются этимъ. Фабричная инспекція не только не захватываетъ тѣхъ видовъ труда, которые, можетъ быть, еще болѣе нуждаются въ законодательной охранѣ, чѣмъ лица, ей подчиненныя, но даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ примѣняется, поставлена очень узко. Каковы, собственно, обязанности инспекціи? „Обязанности фабричной инспекціи въ Россіи гораздо шире и сложнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ“ [1]. Она наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, регулирующихъ работу малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ, а съ изданіемъ закона 2 іюня 1897 года также и взрослыхъ мужчинъ. На ней лежитъ наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ правилъ найма рабочихъ и взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ, а въ случаѣ споровъ и недоразумѣній,—предупрежденіе неудовольствій путемъ разслѣдованія на мѣстѣ и приведеніе сторонъ къ миролюбивому соглашенію; она разслѣдуетъ и выясняетъ причины несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ. На инспекцію возложена забота объ учрежденіи особыхъ или приспособленіи существующихъ школъ для доставленія малолѣтнимъ рабочимъ первоначальнаго образованія, наблюденіе за исполненіемъ правилъ о врачебной помощи рабочимъ и обязательныхъ постановленій главнаго и мѣстныхъ присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, издаваемыхъ для огражденія жизни и здоровья рабочихъ. Наконецъ, на ней лежитъ собираніе, провѣрка и, въ извѣстной степени, обработка статистическихъ свѣдѣній о промышленныхъ заведеніяхъ, надзоръ за исполненіемъ правилъ о паровыхъ котлахъ и производство періодическихъ освидѣтельствованій и испытаній ихъ.

Вся территорія той части имперіи, на которую распространяется дѣйствіе фабричныхъ законовъ, раздѣлена на 224 участка; каждая губернія, смотря по размѣру ея территоріи и количеству подлежащихъ надзору промышленныхъ заведеній, разбита на такіе участки, кромѣ шести губерній

[1]) Е. М. Дементьевъ. Фабричное законодательство. „Россія въ концѣ XIX вѣка“, подъ общей редакціей В. И. Ковалевскаго. Изданіе министерства финансовъ.

Привислянскаго края, и не отличающихся особымъ развитіемъ промышленности, и незначительныхъ по своимъ размѣрамъ. Въ каждой губерніи отвѣтственность за дѣятельность инспекціи и руководство ею лежитъ на старшемъ инспекторѣ, который лишь въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ „не имѣетъ возможности нести какія-либо обязанности по непосредственному надзору за промышленными заведеніями и потому не имѣетъ участковъ“. Такихъ губерній, конечно, немного. Въ прочихъ же губерніяхъ, гдѣ обязанности старшаго инспектора „не столь сложны и отяготительны“, каждый изъ старшихъ инспекторовъ, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, несетъ также и обязанности участковаго инспектора, завѣдующаго участкомъ „обыкновенно меньшаго размѣра, чѣмъ другіе той же губерніи“. Въ шести же губерніяхъ Привислянскаго края, старшіе инспектора не имѣютъ даже никакихъ помощниковъ и совмѣщаютъ въ себѣ какъ старшихъ, такъ и участковыхъ инспекторовъ. Такимъ образомъ, на каждаго изъ фабричныхъ инспекторовъ въ отчетномъ году, въ среднемъ, приходилось 81,6 промышленныхъ заведеній и 194,4 паровыхъ котла. „Въ дѣйствительности—читаемъ мы—даже числа эти были нѣсколько выше, такъ какъ численность участковыхъ инспекторовъ вслѣдствіе увольненій, смерти и др. причинъ не всегда соотвѣтствуетъ числу участковъ и обыкновенно бываетъ ниже“. Изъ общаго числа 18,279 подчиненныхъ надзору инспекціи промышленныхъ заведеній „въ теченіе года“ было посѣщено *„хотя бы по одному разу* [1])12,813 заведеній“, т. е. 70%!

III.

Передъ нами—одинъ изъ пробѣловъ русскаго фабричнаго законодательства. Но этотъ пробѣлъ не единственный. У насъ до сихъ поръ не вполнѣ запрещенъ ночной трудъ женщинъ и дѣтей, не принято мѣръ къ охранѣ беременныхъ работницъ, не обезпечено сколько-нибудь школьное образованіе малолѣтнихъ.

А сверхъурочныя работы? Правда, сейчасъ опубликованныя правила о сверхъурочныхъ работахъ дѣлаютъ шагъ впередъ. На основаніи этихъ правилъ необязательныя сверхъурочныя работы могутъ производиться во всемъ заведеніи или значительными группами рабочихъ только въ уважительныхъ случаяхъ и лишь съ разрѣшенія мѣстнаго фабричнаго присутствія, а въ экстренныхъ случаяхъ съ разрѣшенія фабричнаго инспектора. Но при производствѣ необязательныхъ сверхъурочныхъ работъ незначительными группами или отдѣльными рабочими фабрикантъ—согласно пра-

[1]) Курсивъ нашъ.

виламъ—не обязанъ испрашивать разрѣшенія; онъ только извѣщаетъ объ этомъ инспектора. Значитъ, разъ дѣло коснется небольшихъ группъ, хозяевамъ не трудно будетъ увеличивать сверхъурочныя работы, какъ прежде. Правила усиливаютъ власть и полномочія инспекціи; она не стѣснена никакими точными предписаніями, когда слѣдуетъ разрѣшать сверхъурочныя работы, когда не слѣдуетъ...

Очевидно, если требованія законодательства скромны, то особое значеніе пріобрѣтаютъ личные взгляды фабричной инспекціи. Лежащій передъ нами отчетъ подтверждаетъ это весьма наглядно.

Данныя объ упорядоченіи фабричной инспекціей взаимныхъ отношеній между рабочими и хозяевами распадаются на четыре вида: жалобы завѣдующихъ промышленными заведеніями на рабочихъ, жалобы рабочихъ на завѣдующихъ, просьбы обѣихъ сторонъ объ устраненіи возникшихъ между ними недоразумѣній и нарушенія законовъ завѣдующими. Преобладающимъ поводомъ жалобъ завѣдующихъ является „самовольный уходъ рабочихъ" до истеченія срока найма, уходъ на работы, дороже оплачиваемыя, чѣмъ въ данномъ мѣстѣ, уходъ на полевыя работы; сохранившійся „кое-гдѣ" обычай найма рабочихъ не на мѣстахъ нахожденія заводовъ, а въ отдѣльныхъ губерніяхъ, путемъ заключенія предварительныхъ условій за нѣсколько мѣсяцевъ до прихода на заводъ, съ выдачей при заключеніи условій болѣе или менѣе „значительныхъ" денежныхъ задатковъ, представляетъ одну изъ причинъ этого ухода. „Возможность полученія при заключеніи условій денежнаго задатка, необходимаго рабочимъ для уплаты въ зимнее время податей—пишетъ инспекторъ Кіевскаго округа—заставляетъ рабочихъ соглашаться на чрезвычайно низкую плату. Придя же на заводъ и отработавъ задатки, многіе рабочіе уходятъ, не дожидаясь окончанія срока найма, надѣясь на полевыхъ работахъ получить значительно высшую плату. Такъ бываетъ обыкновенно на кирпичныхъ заводахъ, на сахарныхъ же—причинами ухода бываютъ также зачастую весьма тяжелыя условія работы".

Болѣе разнообразны были жалобы рабочихъ на фабричное начальство.

Преобладающими поводами этихъ жалобъ, составляющими почти половину всѣхъ поводовъ вообще, были невыдача или задержаніе заработной платы, отказы завѣдующихъ отъ работы до истеченія срока, принужденіе работать сверхъурочно — явленія, тѣмъ болѣе возможныя, что съ введеніемъ машины въ русское народное хозяйство начинается массовое вытѣсненіе болѣе дорогихъ рабочихъ болѣе дешевыми работницами. Въ то время какъ количество мужчинъ въ теченіе отчетнаго года уменьшилось на 13 тысячъ, на фабрикахъ, подчиненныхъ фабричному надзору, число

женщинъ увеличилось на 12 тысячъ. „Это объясняется—по наблюденіямъ старшаго инспектора Владимірской губерніи — большей внимательностью, трудолюбіемъ и воздержанностью женщинъ, *а также ихъ уступчивостью и меньшей требовательностью относительно платы*". „Примѣненіе труда женщинъ—пишетъ другой—возросло, главнымъ образомъ, въ табачномъ, спичечномъ и гильзовомъ производствѣ, а также (въ Одессѣ) въ пробочномъ и издѣліи изъ жести; причина этого увеличенія заключается, повидимому, *въ дешевизнѣ ихъ труда, оплачиваемаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ поразительно низко*. Такъ, при объѣздѣ по фабрикамъ округа мнѣ пришлось констатировать заработокъ подростковъ и женщинъ на одной гильзовой фабрикѣ въ Уманѣ въ 2—4 рубля въ мѣсяцъ, а на одной табачной фабрикѣ въ Житомірѣ въ 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ" [1]). Вотъ новое свойство машины въ рукахъ капитала. Трудъ женщинъ и дѣтей представляетъ преимущество не только потому, что они дешевле: они слабѣе мужчинъ; съ присоединеніемъ ихъ къ рядамъ пролетаріата въ гигантскихъ размѣрахъ увеличивается предложеніе рукъ на рабочемъ рынкѣ. Женскій и дѣтскій трудъ не только понижаетъ содержаніе рабочаго, но—какъ мы видимъ это изъ свидѣтельства инспектора—дѣлаетъ его уступчивѣе. А фабричныя лавочки, расплаты товарами, которыя, какъ извѣстно, сопровождаются такими злоупотребленіями? Если въ Польшѣ, гдѣ неизвѣстны тѣ казармы, въ которыхъ заперты рабочіе въ теченіе всего срока найма, караулъ у фабричныхъ воротъ, средства внѣшняго принужденія, эти расплаты или наемъ на хозяйскихъ харчахъ составляютъ рѣдкое явленіе, то въ Московскомъ фабричномъ округѣ однѣ расплаты товарами составляютъ 9,489,586 руб. Выдано рабочимъ наличными деньгами 67,846,483, товарами изъ лавокъ потребительныхъ обществъ—4,131,456; стоимость содержанія бывшихъ на хозяйскихъ харчахъ равна 1,453,150 руб. Такимъ образомъ, инспекція совершенно опредѣленно отмѣчаетъ цѣлый рядъ злоупотребленій. „Преобладающее большинство жалобъ на невыдачу и задержаніе заработной платы, на принужденіе работать сверхъурочно, вопреки закону, предоставляющему это на волю рабочаго, на неправильное исчисленіе и пониженіе заработка противъ условленнаго по договору и почти всѣ жалобы на сокращеніе рабочаго времени противъ условленнаго при наймѣ, приводящее для сдѣльныхъ рабочихъ къ тому же пониженію заработка, были вполнѣ основательны"...

Но не странно ли въ такомъ случаѣ, что изъ общей массы рабочихъ, которыхъ касались единоличныя или коллективныя жалобы, почти четвертая часть не получила никакого удовлетворенія? По отношенію къ двумъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

третямъ жалобщиковъ, по требованію инспекціи, „состоялось миролюбивое соглашеніе или устраненъ поводъ жалобъ"? *Это „или"—кстати сказать — совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ...* Если мы сопоставимъ процентныя отношенія той и другой стороны, то окажется слѣдующее:

	На какое число рабочихъ (въ процентахъ).	
	По отношенію къ завѣдующимъ.	По отношенію къ рабочимъ.
Отказано по неосновательности обвиненія	23,1	23,1
Дѣло прекращено по просьбѣ жалобщиковъ	9,3	0,3
Состоялось миролюбивое соглашеніе	38,3	66,1
Жаловавшимся предложено обратиться въ судъ или виновный привлеченъ инспекціей къ отвѣтственности	21	7,8
Жалобы оставлены безъ послѣдствій за невозможностью окончанія дѣла	8,3	2,7
Итого	100	100

Итакъ, жалобы, улаженныя миролюбивымъ способомъ, составляютъ немногимъ болѣе третьей части всѣхъ жалобъ завѣдующихъ и... 66,1%—подавляющее большинство—всѣхъ жалобъ рабочихъ. Тогда какъ завѣдующимъ предложено обратиться въ судъ или виновный привлеченъ къ судебной отвѣтственности въ 21% случаевъ, соотвѣтственный процентъ жалобщиковъ-рабочихъ составляетъ 7,8. *Послѣдній, надо полагать, тѣмъ сомнительнѣе, что прямой смыслъ его прикрытъ словечкомъ „или".* Мы этого не видимъ по отношенію къ завѣдующимъ. *Тамъ коротко и ясно: привлеченіе къ судебной отвѣтственности — 20,1%, предложеніе обратиться въ судъ—0,9%* [1]).

Правда, „обращеніе къ судебной защитѣ при неуплатѣ, напр., рабочими заработка или задержкѣ его выдачи—читаемъ мы—въ большинствѣ случаевъ является для нихъ дѣломъ или крайне затруднительнымъ, или даже часто и совершенно невозможнымъ. Да и самая отвѣтственность предпринимателей даже въ этихъ случаяхъ представляется настолько

[1]) Сводъ отчетовъ, X.

незначительной, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить обстоятельствомъ предупредительнымъ, т. е. побуждающимъ къ достаточнымъ заботамъ о надлежащемъ удовлетвореніи рабочихъ". „Невыдача въ срокъ и задержаніе заработка—продолжаетъ „сводъ"—ставитъ рабочаго въ такое тяжелое положеніе, при которомъ онъ или долженъ мириться съ нимъ, такъ какъ фабричная инспекція не въ силахъ ему помочь, или подать жалобу въ судъ и потерять мѣсто и часто надолго остаться безъ заработка. И такимъ положеніемъ рабочаго завѣдывающіе очень пользуются, зная, что рабочій никогда въ такихъ случаяхъ не обращается въ судъ, а предпочитаетъ терпѣть и мириться со своимъ положеніемъ". Безъ сомнѣнія, здѣсь есть доля истины. Но нельзя же не посмотрѣть съ другой стороны. И веденіе процесса противъ рабочаго довольно таки дорого и обременительно; отказъ потерпѣвшему, влекущій за собой судебный процессъ, вызываетъ неудовольствіе не только потерпѣвшаго, но и всего рабочаго персонала. Наконецъ, обращаются же рабочіе къ инспекціи, обращаются часто...

Картина дополняется данными о нарушеніи законовъ, констатируемыхъ отчетомъ по отношенію къ завѣдующимъ. Общее число нарушеній обязательныхъ постановленій и изданныхъ въ ихъ развитіе правилъ достигло въ теченіе отчетнаго года 31,438. У насъ — надо замѣтить — принята система, совершенно отличная отъ системы западно-европейскихъ государствъ. А именно: у насъ инспектора отмѣчаютъ случаи нарушеній независимо отъ числа рабочихъ, относительно которыхъ эти нарушенія обнаружены, тогда какъ въ западно-европейскихъ отчетахъ за отдѣльные случаи нарушеній считается каждый рабочій, по отношенію къ которому констатировано нарушеніе. Напр., случай обнаруженной работы 20 малолѣтнихъ въ недозволенное закономъ время по принятой у насъ системѣ отмѣчается, какъ одно нарушеніе; на Западѣ же оно было бы сочтено за 20 нарушеній. Итакъ, всѣхъ нарушеній, согласно отчету, было 31,438. На первомъ мѣстѣ, послѣ „формальныхъ" нарушеній, оказываются нарушенія правилъ объ охранѣ жизни, здоровья и нравственности рабочихъ, нарушенія различныхъ обязательныхъ постановленій объ огражденіи рабочихъ отъ опасности, о благоустройствѣ рабочихъ помѣщеній—они составляютъ 9,7% всего числа нарушеній. Почти столь же многочисленны нарушенія правилъ о заработной платѣ — задержки уплаты ея, неуплата или неправильное ея исчисленіе и незаконные изъ нея вычеты, дающіе 8,1% всего числа нарушеній. Значительное количество нарушеній падаетъ на правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени (6,3%), на правила о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ, женщинъ (1,3%) и пр.

Неосновательность рабочихъ жалобъ чаще всего наблюдалась „въ неправильномъ будто бы наложеніи штрафовъ", говоритъ отчетъ и заполняетъ рубрики, нисколько не касаясь тѣхъ условій, которыми сопровождается это наложеніе. Между тѣмъ эти условія тяжелы, часто непереносимы. На это указываетъ хотя бы размѣръ штрафа или число штрафованій. На 100 руб. заработной платы штрафныхъ взысканій приходилось въ 1901 году отъ 1,4 коп. до 63,4 коп. [1]), а съ каждаго рабочаго отъ 2,6 коп. до 89,7 коп. [2]), въ среднемъ. Конечно, среднія сами по себѣ еще ничего не говорятъ. Въ шести губерніяхъ Московскаго и Петербургскаго округовъ штрафныя взысканія были особенно высоки. Изъ общей суммы взысканныхъ въ теченіе года штрафовъ почти $^4/_5$ ихъ было получено съ 2,153 фабрикъ Петербургскаго и Московскаго округовъ. Сопоставленіе таблицъ XVIII и XX показываетъ, въ свою очередь, что тамъ, гдѣ примѣнялось штрафованіе, рабочій штрафовался, въ среднемъ, два раза. Но въ то время, какъ въ Кіевскомъ округѣ на каждаго рабочаго приходилось 0,3 случаевъ штрафованія, т. е. изъ трехъ рабочихъ штрафовался только одинъ, въ Московскомъ округѣ рабочій штрафовался чаще, чѣмъ три раза въ годъ. Правда, штрафной капиталъ предназначается на пособія рабочимъ. Но насколько велико его давленіе, настолько же ничтожна оказываемая имъ помощь. Въ самомъ дѣлѣ, за 1901 годъ поступленія въ штрафной капиталъ составили 555,041 руб. 47 коп. противъ 872,000 руб. предыдущаго года [3]). При этомъ „совершенно понятная бережливость большинства инспекторовъ изъ опасенія не выйти въ расходованіи изъ предѣловъ дѣйствительныхъ поступленій и желанія имѣть нѣкоторую сумму на запасъ, на случай возможной безотлагательной нужды въ пособіи, приводятъ къ тому, что въ преобладающемъ большинствѣ губерній расходуется нѣсколько меньше, чѣмъ поступаетъ". Штрафной капиталъ имѣетъ одну хорошую сторону. Съ тѣхъ поръ, какъ законъ воспретилъ фабрикантамъ брать въ свою пользу штрафныя деньги съ рабочихъ, сумма поступленій стала изъ года въ годъ падать. Такимъ образомъ, хотя изъ 17,786 промышленныхъ заведеній, состоявшихъ подъ наблюденіемъ инспекціи въ концѣ отчетнаго года, фабрикъ, имѣвшихъ утвержденныя инспекціей табели взысканія, было немногимъ болѣе половины—наиболѣе крупныхъ, въ которыхъ было занято большинство рабочихъ,—но не всѣ фабрики, имѣвшія утвержденныя инспекціей табели, прибѣгали къ штрафованію рабочихъ. Правомъ этимъ воспользовалась лишь половина послѣднихъ, опять таки

---

[1]) Плоцкая губ.

[2]) Смоленская губ.

[3]) См. „Отчетъ" за вторую половину 1900 года.

наиболѣе крупныхъ фабрикъ. Въ результатѣ, къ фактическому штрафованію прибѣгли только 4,756 фабрикъ — противъ 4,913 промышленныхъ заведеній 1900 г. [1]),—т. е. 26,7% всего числа фабрикъ.

Итакъ, если требованія нашего законодательства скромны, то фабричная инспекція еще сильнѣе дѣйствовала въ этомъ направленіи. То отклоненіе отъ первоначальнаго характера института, которое мы наблюдаемъ уже больше десяти лѣтъ, даетъ себя знать. Еще законъ 24 апрѣля 1890 года передалъ въ руки администраціи то, что при Бунге рѣшалось самимъ закономъ. Отъ высшей губернской администраціи зависѣло послѣ этого закона усилить или ослабить дѣйствіе правилъ, охраняющихъ трудъ, свести правила къ нулю или сдѣлать изъ нихъ дѣйствительное средство охраны. По инструкціи фабричнымъ инспекторамъ, протоколы составляются ими лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною допущеннаго завѣдующимъ промышленнымъ заведеніемъ нарушенія закона или обязательныхъ постановленій является злой умыселъ или корыстныя побужденія или повторность,— значитъ, снисходительность возводится въ принципъ. Оставаясь въ вѣдѣніи министерства финансовъ, инспекція вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется ближайшему руководству губернаторовъ, которые могутъ не только требовать впредь очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи отъ ея чиновъ, но въ нетерпящихъ отлагательства дѣлахъ отмѣнять признаныя ими противорѣчащими закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія этихъ чиновъ, доводя объ этомъ до свѣдѣнія министра финансовъ и передавая такія распоряженія на разсмотрѣніе мѣстнаго присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Если формально на должности чиновъ фабричной инспекціи и назначаетъ еще министерство финансовъ, то и при назначеніи, и при распредѣленіи ихъ по участкамъ и представленіи къ наградамъ послѣднее входитъ въ предварительное соглашеніе съ подлежащимъ губернаторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе тѣхъ узаконеній, которыми опредѣлялись до сихъ поръ начальственныя функціи окружныхъ инспекторовъ по отношенію къ фабричнымъ, пріостанавливается; впредь до пересмотра въ общемъ законодательномъ порядкѣ постановленій объ окружныхъ инспекторахъ, за ними остается лишь производство ревизіи дѣлъ фабричной инспекціи округа и предварительная разработка свѣдѣній по промышленной статистикѣ. Руководящія же указанія касательно примѣненія общихъ правилъ объ отношеніяхъ чиновъ фабричной инспекціи къ губернаторамъ даются по взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Въ томъ же порядкѣ разрѣшаются и возбуждаемые губернаторами вопросы этого порядка.

---

[1]) Ibidem.

IV.

Капиталу, заключающему договоръ съ рабочимъ, нѣтъ дѣла до него, какъ человѣка, имѣющаго цѣлый рядъ физическихъ и духовныхъ потребностей, которыя онъ желаетъ удовлетворить, подобно другимъ людямъ. Рабочій для него товаръ, который принадлежитъ ему до тѣхъ поръ, пока онъ не изсякъ.

Конечно, не такъ смотрятъ тѣ, кому дороги интересы труда.

Условія труда неблагопріятны, даже опасны для здоровья рабочаго, для сохраненія рабочей силы. Современная форма производства стоитъ въ тѣсной связи не только со смертью и потерей трудоспособности отъ несчастныхъ случаевъ, но и съ профессіональными болѣзнями — въ родѣ отравленій, ревматизмовъ,—преждевременной старостью и дряхлостью, словомъ, общей заболѣваемостью рабочаго. Между тѣмъ, рабочая сила тѣсно связана со всѣмъ его существомъ. Рабочая сила единственный источникъ его существованія. Рабочій долженъ беречь ее выше всего на свѣтѣ...

Болѣе 20 лѣтъ тому назадъ вопросъ этотъ сталъ уже предметомъ разсмотрѣнія офиціальныхъ комиссій. Соотвѣтственные проекты дважды вносились въ государственный совѣтъ. Одно время можно было думать, что будетъ предпринята попытка широкаго разрѣшенія вопроса на началахъ личной отвѣтственности предпринимателей. Проектъ 1893 года, какъ извѣстно, предполагалъ включить въ сферу дѣйствія закона и профессіональныя болѣзни, и строительныхъ и другихъ рабочихъ. Наконецъ, высказывались надежды на введеніе у насъ наиболѣе прогрессивной формы обезпеченія увѣчныхъ рабочихъ — обязательнаго государственнаго страхованія, идея котораго была такъ сочувственно встрѣчена на нижегородскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ.

Словомъ, вопросъ не сходилъ съ очереди. Понятно, какой интересъ представляетъ та часть отчета, которая посвящена „статистикѣ несчастныхъ случаевъ съ рабочими".

Исторія этихъ данныхъ такова. Въ 1895 году, на основаніи Высочайше утвержденнаго 14 марта 1894 г. мнѣнія государственнаго совѣта и ст. 40 изданнаго согласно этому закону наказа, чинамъ фабричной инспекціи было предоставлено право требовать отъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, чтобы о каждомъ несчастномъ случаѣ, „послѣдствіемъ котораго можетъ быть смерть или тяжкое поврежденіе", сообщалось инспектору не позднѣе слѣдующаго за несчастнымъ случаемъ дня. „Для обезпеченія владѣльцамъ промышленныхъ заведеній исполненія этого требованія (sic!) были заготовлены и обращены въ продажу особыя книги для записи

несчастныхъ случаевъ“. Въ одной, остающейся въ корешкѣ, заносятся всѣ свѣдѣнія о несчастномъ случаѣ; во второй—вписываются первоначальныя свѣдѣнія о немъ, и эта часть въ видѣ отрывной карточки отсылается инспектору; наконецъ, въ третьей, тоже въ видѣ отрывной карточки, доставляемой инспектору, „лѣчившимъ потерпѣвшаго врачомъ или въ крайнемъ случаѣ фельдшеромъ“ отмѣчаются свѣдѣнія объ исходѣ несчастнаго случая. Собственно свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ начали поступать съ 1 іюля 1895 года. И что же? Подсчетъ ихъ за первые года былъ столь ничтоженъ, что терялъ всякое значеніе. „Многократныя разъясненія и настоянія фабричныхъ инспекторовъ предъ завѣдывающими промышленными заведеніями улучшали дѣло очень медленно“, и лишь съ 1901 года свѣдѣнія оказались настолько „многочисленными“, что явилась возможность подвергнуть ихъ статистической разработкѣ.

Какова-же эта „многочисленность“? При 17,533 промышленныхъ заведеніяхъ, заявленія о несчастныхъ случаяхъ за 1901 годъ поступили только изъ 2,919, т. е. 16,6% всего ихъ числа. По Петербургскому округу свѣдѣнія были доставлены съ 25% фабрикъ, по Московскому — съ 19,5%, по Варшавскому—съ 16,4%, по Поволжскому—съ 14,1%, по Кіевскому—съ 13,3%, наконецъ, по Харьковскому—съ 12,4% наличнаго числа заведеній.

Заглянемъ въ цыфры. Какъ извѣстно, всѣ металлоплавильные, желѣзодѣлательные и сталедѣлательные заводы, вообще, всѣ заводы первичной обработки ископаемыхъ состоятъ у насъ въ вѣдѣніи горнаго надзора; несчастные случаи этихъ заводовъ въ отчетъ не вошли. Напротивъ, во всѣхъ безъ исключенія западно-европейскихъ государствахъ всѣ заводы этого рода подчинены законамъ наравнѣ съ прочими фабриками и состоятъ подъ наблюденіемъ фабричной инспекціи. Но что же мы видимъ? Вопреки той неполнотѣ, какую представляетъ эта статистика,—сферы труда, гдѣ процентъ несчастныхъ случаевъ одинъ изъ самыхъ высокихъ, вовсе отсутствуютъ въ ней—число смертныхъ случаевъ отъ поврежденій равно у насъ 15,60 на 1,000, смертность, въ полтора раза высшая, чѣмъ въ Англіи или Германіи, въ четыре раза высшая, чѣмъ во Франціи или Швейцаріи. Въ Англіи аналогичное число — 10,69, въ Германіи — 10,14, во Франціи — 3,83, въ Швейцаріи—4,26.— Если лежащія передъ нами данныя имѣютъ хотя-бы приблизительное значеніе, то каково должно быть наше удивленіе, когда, напр., въ Варшавскомъ фабричномъ округѣ оказывается въ 1901 г. втрое больше несчастныхъ случаевъ, чѣмъ въ 1897 г. „Легкія поврежденія“ сюда не входятъ [1])...

[1]) О нихъ владѣльцы сообщать не обязаны.

Вопросы статистической карточки должны были-бы давать полный отвѣтъ объ исходѣ каждаго даннаго поврежденія и притомъ отвѣтъ наиболѣе компетентнаго въ данномъ дѣлѣ лица — врача. Но что такое фабричная медицина? „Неисполненіе закона 1866 года на фабрикахъ — замѣтилъ г. Дементьевъ на торговопромышленномъ съѣздѣ 1896 г.—явленіе обычное. Не только на фабрикахъ съ числомъ рабочихъ въ 100—200 человѣкъ, но даже и на крупныхъ или вовсе не существуетъ никакой врачебной помощи рабочимъ, или имѣется нѣчто худшее, т. е. поставлено гдѣ-нибудь требуемое закономъ число голыхъ кроватей, какъ единственный признакъ больницы, безъ какихъ-бы то ни было самыхъ необходимыхъ ея принадлежностей; имѣется невѣжественный, нерѣдко вѣчно пьяный фельдшеръ, а врачомъ больницы номинально считается обыкновенно уѣздный врачъ, состоящій врачомъ обыкновенно на всѣхъ фабрикахъ уѣзда“ [1]). Отвѣты, сплошь и рядомъ, вносятся не врачами, а кѣмъ-либо изъ служащихъ фабрики. Даже отвѣты врачей обыкновенно ровно ничего не говорятъ о дѣйствительномъ исходѣ въ смыслѣ сохраненія потери или трудоспособности потерпѣвшимъ. Обычный отвѣтъ — замѣчаетъ отчетъ— „выздоровѣлъ“. Съ формальной точки зрѣнія врачи, конечно, правы: потерпѣвшій потерялъ руку, раны зажили, значитъ, больной выздоровѣлъ. Только путемъ сопоставленія всѣхъ свѣдѣній о родѣ поврежденія, данныхъ на карточкѣ, изъ которой видно, было-ли лишь легкое поврежденіе, вскорѣ зажившее, или выздоровѣвшій на мѣстѣ ли происшествія, при послѣдовавшей ли операціи оставилъ ту или другую часть своего тѣла, только личнымъ наблюденіемъ, полученнымъ при осмотрѣ „выздоровѣвшаго“ рабочаго, если онъ по какому-либо поводу является къ инспектору, инспекторъ можетъ получить истинное представленіе о той или иной степени потери трудоспособности. Какую-же цѣну имѣютъ отмѣтки простыхъ служащихъ?

Гдѣ причина такого колоссальнаго различія между Россіей и Западомъ? Пробѣгая скорбную лѣтопись раздробленныхъ рукъ, ногъ, череповъ и пр., подъ сокрушающимъ дѣйствіемъ машины, легко видѣть, что среди причинъ, вызывающихъ эти многочисленныя несчастія, превращающихъ рабочаго въ безпомощнаго калѣку, протягивающаго руку за подаяніемъ на городскихъ улицахъ, поддержка, а часто и содержаніе котораго ложится тяжелымъ бременемъ на родственниковъ, прежде всего выступаетъ полное невниманіе къ условіямъ труда самого заводоуправленія. Полное отсутствіе заботъ о жизни и здоровьѣ рабочихъ, невѣжество, а отсюда совершенное незнакомство съ условіями труда, въ которыхъ оперируетъ рабочій,

[1]) Докладъ № 16, V, „Врачебная помощь рабочимъ и страхованіе ихъ отъ болѣзней“, стр. 5.

Переутомленіе, создаваемое этими условіями, само по себѣ создаетъ почву, благопріятную для всякаго рода повреждений во время работы.—Западно-европейскій рабочій стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше. Большее образованіе, большая культурность, болѣе высокое экономическое положеніе, все это факторы, болѣе понижающіе количество несчастныхъ случаевъ на Западѣ по сравненію съ Россіей, гдѣ рабочій, мѣстами тотъ же деревенскій мужичокъ, дѣлаетъ все на „авось". Конечно, сильно развитое законодательство въ огражденіе жизни и здоровья рабочихъ, строгое преслѣдованіе за неисполненіе установленныхъ правилъ на Западѣ является не менѣе важнымъ факторомъ. А у насъ? Отчетъ констатируетъ 27,135 несчастныхъ случаевъ, разслѣдовано было всего 5,294 случая, т. е. 19,5%. У насъ было обнаружено въ теченіе отчетнаго года 2,216 нарушеній въ отношеніи безопасности работъ и составлено по этому поводу... 175 протоколовъ. Надо-ли больше рвенія?

„Безъ сомнѣнія — замѣчаетъ отчетъ—дѣло совершенно измѣнится со вступленіемъ въ силу закона 2 іюня 1903 года о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ".

Едва-ли это такъ. Конечно, законъ (онъ вошелъ въ дѣйствіе съ 1 января текущаго года) недаромъ ожидался съ такимъ нетерпѣніемъ—онъ представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ. До сихъ поръ чуть не единственнымъ источникомъ являлся такъ называемый общеимперскій капиталъ, который составлялся изъ взысканій, налагаемыхъ на владѣльцевъ судомъ или губернскими по фабричнымъ дѣламъ присутствіями, и штрафныхъ капиталовъ закрывшихся промышленныхъ заведеній. Какъ видно изъ таблицы XXIII, изъ суммъ, подлежавшихъ къ поступленію въ 1900 г., осталось въ недоимкѣ 20,289 р. 60 к. взысканій съ завѣдующихъ промышленными заведеніями, наложенныхъ судомъ или присутствіями по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, и 2,086 р. 74 к. штрафныхъ капиталовъ закрывшихся фабрикъ. Въ теченіе 1901 г. должно было поступить, такимъ образомъ, 89,257 руб. 76 коп. Въ дѣйствительности изъ этой суммы поступило 60,850 руб. 7 коп., т. е. осталось въ недоимкѣ 30,474 руб. 73 коп., не считая недоимки, образовавшейся до 1900 года [1]). Очевидно, пособія изъ этого капитала были столь-же ничтожны, сколько и случайны. Трудно думать, чтобы и въ будущемъ этотъ капиталъ достигъ сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ.

Новый законъ основанъ на такъ называемомъ профессіональномъ рискѣ, согласно которому несчастные случаи неизбѣжны въ современныхъ условіяхъ производства хозяинъ долженъ самъ вознаграждать рабочихъ за потерю

[1]) „Сводъ отчетовъ".

трудоспособности—такъ, какъ онъ покрываетъ другія издержки производства...

Это, повторяемъ, большой шагъ впередъ. Тѣмъ не менѣе законъ страдаетъ рядомъ существенныхъ пробѣловъ.

Правила построены на началѣ личной отвѣтственности предпринимателей. Но это не послѣднее слово жизни: правила могли быть построены на началѣ того страхованія, любопытный образецъ котораго представляетъ Германія. Первая статья опредѣляетъ характеръ тѣхъ поврежденій, за которыя полагается вознагражденіе: тутъ и рѣчи нѣтъ объ обезпеченіи рабочихъ отъ болѣзни, отъ старости. Вопросъ идетъ только объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ; вся сфера профессіональныхъ заболѣваній осталась совершенно незатронутой. Очевидно, насколько значеніе закона сужено: число рабочихъ, потерявшихъ трудоспособность отъ болѣзней, неизмѣримо больше числа несчастныхъ случаевъ. Не больше даетъ вторая статья: „владѣлецъ предпріятія освобождается отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиной несчастнаго случая были злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкой производства работъ“. Что значитъ грубая неосторожность? Очевидно, предприниматели ради уклоненія или пониженія платежа все будутъ сваливать на грубую неосторожность и злой умыселъ... Столь же слабую сторону представляетъ размѣръ вознагражденія: всякій, кому приходилось сталкиваться съ рабочимъ населеніемъ, знаетъ, какъ, въ сущности, ничтожна заработная плата простого рабочаго; не только половина, даже двѣ трети заработка при томъ расчетѣ, какой дѣлаетъ законъ (средній поденный заработокъ помножается не на 365, а на 260), совершенно не въ состояніи предохранить рабочаго и его семью отъ голода, отъ нужды. Какъ и въ законѣ о сверхъурочныхъ работахъ, мы видимъ здѣсь расширеніе власти инспекціи. Конечно, изъ всѣхъ агентовъ правительства инспекторъ ближе всѣхъ стоитъ къ фабричному быту,—но что такое современный русскій фабричный инспекторъ? Число инспекторовъ весьма ограниченно. Не окажется ли нерѣдко представитель судебной власти доступнѣе для увѣчныхъ рабочихъ? Мы не говоримъ уже о такихъ пробѣлахъ: владѣльцы предпріятій обязаны вознаграждать рабочихъ за утрату болѣе, чѣмъ на три дня трудоспособности, лишь „въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности“, т. е. изъ сферы дѣйствія закона исключаются не только сельскохозяйственные рабочіе, но и рабочіе строительные, рабочіе по транспорту; степень потери трудоспособности — согласно закону — опредѣляется медицинскимъ свидѣтельствомъ (является ли врачъ всесторонне компетентнымъ въ этомъ опредѣленіи?) и проч.

Вотъ важнѣйшія данныя, которыми фабричная инспекція нашла возможнымъ подѣлиться съ читающимъ обществомъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на болѣе второстепенныхъ данныхъ: безъ сомнѣнія, и эти данныя поучительны... Нельзя, однако, не повторить: это не отчеты, подобные первымъ фабричнымъ отчетамъ. Они не проливаютъ свѣтъ на настоящія нужды, на великія нужды рабочаго.

Л. Клейнбортъ.

Хроника русской жизни.

(Земскія собранія въ Екатеринославѣ, Орлѣ, Смоленскѣ, Калугѣ, Черниговѣ и др. городахъ.—Инциденты въ Курской городской думѣ.—Засѣданія городскихъ думъ въ Томскѣ, Елисаветградѣ и Черниговѣ.—Больничный инцидентъ въ Севастополѣ.—Извѣстія о безпорядкахъ въ Кіевскомъ и Варшавскомъ университетахъ и Кіевскомъ политехникумѣ.—Нѣсколько судебныхъ процессовъ. — Административныя распоряженія по дѣламъ печати.)

„Разумѣется, разные ультра - либералы земцы, Шиповы, Петрункевичи и К°, возбуждающіе противоправительственную смуту и прикрывающіе своею протекціею разныхъ соціалистовъ на земской службѣ, терпимы въ земской службѣ не должны быть".

Такъ изрекъ въ № 100 „Гражданина" авторъ знаменитыхъ „Рѣчей Консерватора" (онѣ же въ переработкѣ „для народа" носятъ названіе „Рѣчей Дружескихъ").

Что вызвало, однако, такой взрывъ ярости князя Мещерскаго, чѣмъ опять провинились г.г. „Шиповы, Петрункевичи и К°" передъ нашимъ сіятельнымъ надзирателемъ?

Грѣхи, совершенные названными земскими дѣятелями въ декабрьскихъ сессіяхъ губернскихъ земскихъ собраній, суть грѣхи, дѣйствительно, непростительно тяжкіе.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не выходить изъ себя, когда Тверское губернское земское собраніе, по иниціативѣ И. И. Петрункевича, почти единогласно возстало на защиту земской школы отъ желанія г. Столпакова и его единомышленниковъ снести ее, если не со всего лица земли русской (для этого у г. Столпакова еще руки коротки), то съ лица Тверского уѣзда Тверской губерніи.

Преступленіе Д. Н. Шипова не менѣе тяжко. Этотъ якобинецъ и членъ,—употребляя подлинное, вполнѣ салонное, выраженіе князя Мещерскаго, — „шайки либеральныхъ дворянъ-земцевъ" заговорилъ въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи о необходимости учредить въ Московской губерніи высшую земскую школу для народа! Это ли еще не самое ужасное преступленіе, до котораго можетъ только доработаться извращенный умъ либеральнаго земца? До чего же мы дошли, и что ждетъ насъ впереди? Про это жутко становится...

Гнѣвъ крѣпостниковъ на земцевъ вызванъ, однако, не столько частными дѣйствіями тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ земцевъ, сколько общимъ духомъ и общимъ тономъ всей земской работы. Конечно, съ крѣпостнической точки зрѣнія трудно сохранять хладнокровіе при видѣ того, что вся страна пропитана тенденціями, съ крѣпостническимъ строемъ мысли ничего общаго не имѣющими. Какъ быть, въ самомъ дѣлѣ, если подавляющее большинство комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности высказалось прежде всего за раскрѣпощеніе Россіи и признаніе многомилліоннаго населенія русскихъ крестьянъ ея полноправными гражданами. Какъ быть, если приглашенные по выбору самой власти въ коммиссію по оскудѣнію центра земцы подали ту антикрѣпостническую записку, которая вызвала взрывъ комической ярости всѣхъ нашихъ литературныхъ Митрофанушекъ? Какъ не волноваться, если тѣмъ же духомъ проникнуты, въ общемъ, и постановленія многихъ земскихъ собраній декабрьской сессіи? Что другое остается нашимъ урядникамъ благочинія, кромѣ систематическихъ призывовъ къ репрессіи? За неимѣніемъ другихъ аргументовъ, они этимъ и занимаются.

Нѣтъ сомнѣнія, что при всѣхъ несовершенствахъ нашего земскаго механизма въ земскихъ учрежденіяхъ всегда бьется болѣе здоровый пульсъ мысли, болѣе громко слышится та нота общественнаго мнѣнія Россіи, которая такъ неугодна нашимъ крѣпостникамъ, но которую всегда готовы поддержать всѣ прогрессивные элементы русскаго общества. Возьмите хотя бы вопросъ объ измѣненіи земельнаго ценза для права участія въ земскихъ учрежденіяхъ, поставленный правительствомъ на обсужденіе земскихъ собраній. Какъ рѣшенъ онъ тамъ? Можно, не обинуясь, сказать, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ онъ рѣшенъ въ смыслѣ большей *демократизаціи* земскихъ учрежденій. Екатеринославское земство, напр.,—одно изъ самыхъ консервативныхъ земствъ въ Россіи (вспомните, что тамъ предсѣдателемъ управы состоитъ знаменитый г. Родзянко),—и то рѣшаетъ этотъ вопросъ совсѣмъ въ нежелательномъ для крѣпостниковъ смыслѣ. Въ своемъ докладѣ губернскому земскому собранію Екатеринославская губернская земская управа сдѣлала такую сводку высказанныхъ по

тому же вопросу пожеланій всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній Екатеринославской губерніи:

1) Понизить размѣръ земельнаго ценза съ 150 десятинъ до 100.

2) Предоставить женщинамъ, владѣющимъ имущественнымъ цензомъ, избирательныя права.

3) Уравнять крестьянъ съ прочими сословіями въ отношеніи порядка выбора гласныхъ отъ крестьянъ.

4) Увеличить число гласныхъ отъ крестьянъ.

5) Вообще увеличить численность состава гласныхъ.

Этого желали ли наши крѣпостники?

Мы не будемъ отмѣчать въ нашей настоящей хроникѣ всѣхъ интересныхъ дебатовъ и постановленій земскихъ собраній, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы остановимся съ большими или меньшими подробностями.

„Русскимъ Вѣдомостямъ" телеграфируютъ изъ Орла, что „губернское земское собраніе, по предложенію предсѣдателя губернской управы, единогласно постановило ходатайствовать, чтобы впредь при вызовѣ въ правительственныя комиссіи представителей земствъ таковые вызывались отъ всѣхъ земствъ и избирались земскими собраніями, которымъ предварительно сообщался бы предметъ совѣщанія".

Изъ другихъ постановленій Орловскаго губернскаго земскаго собранія обращаетъ на себя вниманіе также, принятое собраніемъ, по предложенію извѣстнаго земскаго дѣятеля А. А. Стаховича, постановленіе ходатайствовать о сохраненіи неприкосновенности права земскаго собранія выбирать почетныхъ мировыхъ судей.

Это постановленіе подало поводъ издателю „Гражданина" къ нижеслѣдующимъ любопытнымъ размышленіямъ:

„Зачѣмъ понадобилось такое постановленіе?"—спрашиваетъ кн. Мещерскій.

„Оказывается, что понадобилось это предложеніе, какъ нужна бутылка шампанскаго, чтобы ее съ шикомъ и шумомъ откупорить и полюбоваться его пѣнистою игрою.

„Эту игру шампанскаго взялъ на себя когда-то бывшій товарищемъ министра земледѣлія, а нынѣ сенаторъ Нарышкинъ.

„Онъ говоритъ, что этотъ институтъ почетныхъ мировыхъ судей слѣдуетъ сохранить, потому что въ немъ сокрыты воспоминанія о тѣхъ государственныхъ идеалахъ, которые не удалось осуществить или по нашей слабости, или по другимъ обстоятельствамъ. Онъ говоритъ, что *намъ дорого сохранить принципъ правосудія, ограждающаго отъ административнаго вмѣшательства*. Онъ говоритъ: *пусть выборные*

мировые судьи будутъ напоминать намъ о несбывшихся надеждахъ!!!

„Развѣ все это не взрывы углерода (князь Мещерскій обнаружилъ и здѣсь, какъ всегда, обширную эрудицію: недавно онъ увѣрялъ, что римскіе проконсулы были выразителями и носителями идеи областного *самоуправленія*; теперь онъ увѣряетъ своихъ читателей, что углеродъ есть газъ и притомъ взрывчатый. Что вы съ нимъ подѣлаете?..) изъ откупоренной бутылки шампанскаго? Всякій зналъ и знаетъ на Руси, что были хорошіе почетные мировые судьи и очень много было совершенно ненужныхъ и непригодныхъ, но почему именно въ нихъ сокрыто таятся какіе-то общественные и государственные идеалы болѣе чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ учрежденіяхъ, никто этого не знаетъ.

„Затѣмъ, мнѣ очень понравился въ устахъ сенатора *правительствующаго* сената такой взрывъ либеральнаго газа г-на Стаховича, какъ фраза: *намъ* дорого сохранить принципъ правосудія отъ административнаго вмѣшательства. Кому это *намъ*? Сенаторамъ *правительствующаго* сената или земцамъ? И почему, съ такою самоувѣренностью защищая правосудіе, почтенный сенаторъ думаетъ, что и намъ, можетъ быть, дорого сохранить отъ вмѣшательства администраціи принципъ правосудія? Можетъ быть, такіе сенаторы, какъ гг. Нарышкины, и такіе земцы, какъ гг. Стаховичи, страдаютъ отъ административнаго вмѣшательства въ принципы правосудія, но мы, грѣшные, сто тридцать милліоновъ русскихъ, *мы гораздо болѣе страдаемъ отъ вмѣшательства принципа правосудія въ административную сферу, чѣмъ наоборотъ*—отъ вмѣшательства администраціи въ принципъ правосудія. Кто не помнитъ тѣ горькія былыя времена на Руси, когда принципъ правосудія изображалъ собою тиранически деспотизмъ избраннаго мирового судьи въ деревнѣ, подъ гнетомъ котораго трепеталъ каждый помѣщикъ, когда онъ зналъ, что его мировой судья, этотъ принципъ правосудія, осуществлялъ въ приговорахъ самаго яраго соціализма, самой ярой ненависти къ помѣщику, а съѣздъ мировыхъ судей, гдѣ засѣдали почетные мировые судьи, 50 разъ изъ ста утверждалъ деспотичное рѣшеніе мирового судьи? (Опять таки, если вѣрить князю Мещерскому, то надо думать, что мировые судьи избирались исключительно крестьянами и притомъ изъ среды самыхъ ярыхъ ненавистниковъ помѣщиковъ. Но кому же неизвѣстно, что для права избранія въ мировые судьи требовался, сверхъ образовательнаго, еще и земельный цензъ, другими словами, что мировые судьи были сами помѣщиками. И опять таки,—что вы подѣлаете съ такимъ юмористомъ?) Кто не помнитъ, что именно невозможность спасаться отъ этого принципа правосудія обращеніемъ къ административному вмѣшательству и побудила

правительство въ восьмидесятыхъ годахъ мировыхъ судей, избранныхъ земствомъ, замѣнить земскими начальниками, по назначенію отъ правительства? Кто не знаетъ, что вся наша частная жизнь, если и страдаетъ подчасъ отъ административнаго произвола, то на него есть пути жалобы до самаго престола, тогда какъ отъ безпрестаннаго вмѣшательства принципа правосудія въ отношенія администраціи къ частной жизни мы страдаемъ гораздо болѣе и чаще, а для жалобъ на него пути закрыты?

„Прелестная финальная фраза сенатора Нарышкина: пусть выборные судьи будутъ напоминать намъ о несбывшихся надеждахъ!!!

„Но всего громче пробка шампанскаго выскочила, разумѣется, въ устахъ зѣло великаго Миши Стаховича: предлагаю собранію присоединиться къ единомыслію говорившихъ представителей двухъ земскихъ поколѣній!!!“

Огорчительное для кн. Мещерскаго предложеніе А. А. Стаховича земскимъ собраніемъ было принято.

Въ Смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи большинствомъ *всѣхъ* голосовъ противъ одного, какъ сообщаетъ „Днѣпровскій Вѣстникъ“, прошло слѣдующее постановленіе:

„Возбудить ходатайство предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: 1) чтобы всѣ вопросы для обсужденія которыхъ признано будетъ правительств. учрежденіемъ желательнымъ вызвать земскихъ дѣятелей, передавались правительствомъ на заключеніе всѣхъ тѣхъ земскихъ собраній, интересовъ которыхъ по мѣстнымъ бытовымъ условіямъ касаются предполагаемые законопроекты, и 2) чтобы губернскимъ земскимъ собраніямъ тѣхъ губерній, отъ которыхъ предстоитъ вызовъ земскихъ дѣятелей, предоставлено было право уполномочивать для участія въ совѣщаніяхъ лицъ по выбору земскаго собранія“.

И тутъ, значитъ, завелся „вредный духъ“. Впрочемъ, и не тутъ только, такъ какъ подобныя же постановленія приняты и въ нѣсколькихъ другихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

Въ Калужскомъ земскомъ собраніи 27 ноября, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“, при заключеніи вопросовъ объ исходѣ ходатайствъ, возбужденныхъ прошлымъ очереднымъ собраніемъ, былъ поднятъ общій вопросъ объ отношеніи къ возбужденнымъ ходатайствамъ мѣстной администраціи.

„При этомъ выяснилось, пишетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“, что нѣсколько ходатайствъ губернскаго собранія губернаторомъ не представлялись по назначенію, а или задерживались имъ, или возвращались въ управу. Мотивы такихъ дѣйствій были немногочисленны,—или недостаточная обоснованность, или отсутствіе необходимости въ ходатайствѣ, по мнѣнію администраціи. Одинъ изъ гласныхъ предложилъ собранію, не обжалуя отдѣльныхъ задержаній ходатайствъ, возбудить общее ходатай-

ство „о вмѣненіи калужскому губернатору въ обязанность въ его отношеніяхъ къ калужскому губернскому земству оставаться на почвѣ закона и авторитетныхъ указаній правительствующаго сената, не вводя въ эти отношенія личной инициативы тамъ, гдѣ сказанныя отношенія достаточно регламентированы, поручивъ управѣ тщательно мотивировать ходатайство и иллюстрировать надлежащими фактами". Предсѣдатель собранія отказалъ въ постановкѣ такого вопроса на голосованіе и занесеніе самаго предложенія въ журналъ засѣданія".

Въ Уфѣ губернское земское собраніе встрѣтилось при разрѣшеніи многихъ дѣлъ съ большими затрудненіями, въ виду оказавшейся для почти всего состава служащихъ въ губернской земской управѣ лицъ невозможности исполнить свои обязанности.

Въ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, какъ сообщаютъ кіевскія газеты, 5 декабря произошли очень интересныя пренія по вопросу о допущеніи представителей земства въ губернское совѣщаніе по пересмотру положенія о крестьянахъ. Докладъ управы сводился къ тому, чтобы возбудить ходатайства: 1) чтобы въ Черниговское губернское совѣщаніе по пересмотру законодательства о крестьянахъ были привлечены представители Черниговскаго земства по выбору губернскаго собранія и 2) чтобы земству дана была возможность снабдить руководящими указаніями своихъ уполномоченныхъ и этимъ послѣднимъ былъ бы предоставленъ полный просторъ въ изложеніи мнѣнія земства по данному вопросу. Вопросъ этотъ былъ переданъ собраніемъ на предварительное обсужденіе особо избранной имъ юридической комиссіи, которая и предложила редактировать вышеизложенное ходатайство слѣдующимъ образомъ: „чтобы въ Черниговское губернское совѣщаніе по пересмотру законодательства о крестьянахъ были привлечены представители Черниговскаго губернскаго и уѣздныхъ земствъ по ихъ выбору; чтобы основныя положенія предполагаемыхъ измѣненій въ законоположеніяхъ о крестьянахъ были переданы на разсмотрѣніе земскихъ собраній и чтобы уполномоченнымъ земства былъ предоставленъ *возможно* полный просторъ въ изложеніи ихъ мнѣній". Докладчикомъ мнѣнія юридической комиссіи явился гласный И. Л. Шрагъ. Управа съ своей стороны согласилась на проектированныя комиссіей измѣненія, но настаивала на устраненіи слова „возможно" полный просторъ и настаивала на сохраненіи ея предложенія о „полномъ просторѣ".

Гласный Шрагъ заявилъ, что по этому поводу въ самой комиссіи произошло разногласіе, что онъ остался въ меньшинствѣ, составилъ особое мнѣніе (вполнѣ солидарное съ мнѣніемъ управы), которое и просилъ разрѣшенія прочесть собранію, которое ему и было дано. Вотъ тутъ то и произошли интересныя пренія, которыя мы и воспроизводимъ съ возможною точностью.

Гласный Шрагъ. По моему мнѣнію, слова „возможно полнаго простора“ лишаютъ вторую часть предполагаемаго ходатайства всякаго содержанія, ибо на такое ходатайство можетъ послѣдовать отвѣтъ, что „возможно полный просторъ“ всегда предоставляется. Надо принять ту редакцію ходатайства, которую предлагаетъ управа. Въ ней рѣчь идетъ о полномъ просторѣ рѣчи, и о просторѣ въ предѣлахъ существующихъ законовъ съ судебною отвѣтственностью за нарушеніе ихъ.

А. А. Мухановъ. (Губернскій предводитель дворянства. Предсѣдатель собранія). По моему личному мнѣнію, вторую часть ходатайства вовсе нужно опустить, въ виду ея безцѣльности. Мнѣ, конечно, извѣстны случаи, когда откровенно высказанныя мнѣнія въ комиссіяхъ смѣшаннаго характера влекли за собою весьма печальныя послѣдствія для тѣхъ членовъ комиссій, которые такія мнѣнія высказывали. Но такія послѣдствія неустранимы ходатайствомъ Черниговскаго губернскаго земства. Эти ходатайства не даютъ въ этомъ отношеніи никакихъ гарантій. А кромѣ того, предлагаемое ходатайство имѣетъ и еще одно существенное неудобство: оно какъ бы напередъ предусматриваетъ выхожденіе мнѣній нашихъ представителей за извѣстные предѣлы.

Гласный Кринскій. Ходатайство о свободѣ слова нарушаетъ существующій законъ, требуетъ отмѣны закона. Не можетъ быть позволено кому угодно гдѣ угодно говорить, что угодно. Подобное ходатайство не можетъ быть удовлетворено, а потому не зачѣмъ и ходатайствовать.

Гласный Скоропадскій. Вторая часть ходатайства составляетъ тормазъ удовлетворенія чрезвычайно важнаго для насъ ходатайства о допущеніи нашихъ представителей въ губернское совѣщаніе по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Нѣтъ ровно никакихъ основаній разсчитывать на удовлетвореніе подобнаго ходатайства, а потому возбужденіе его и преждевременно, и вредно.

Г. Свѣчинъ. (Предсѣдатель губернской земской управы.) Я полагаю, что обѣ части предлагаемаго губернской земской управой ходатайства чрезвычайно важны и органически между собою связаны. Я раздѣляю мнѣніе г. предсѣдателя собранія о томъ, что ходатайство не можетъ установить никакихъ гарантій, ибо я знаю, что гарантій не просятъ,—ихъ требуютъ. Но я подчеркиваю, что мы говоримъ о ходатайствѣ предъ высшимъ правительствомъ, а не передъ отдѣльнымъ министромъ, изъ которыхъ каждый по своему можетъ представлять себѣ предѣлы обсужденія вопросовъ въ совѣщаніяхъ. Мы ходатайствуемъ, чтобы предсѣдателямъ будущихъ совѣщаній даны были руководящія указанія въ желательномъ для насъ смыслѣ.

Гласный Шрагъ. Я, съ своей стороны, укажу на то, что чрезвы-

чайно трудно предвидѣть послѣдствія ходатайствъ, а съ другой—укажу на исторію сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Мы еще недавно видѣли, какъ намъ запрещали касаться въ нашихъ комитетахъ тѣхъ вопросовъ, которые въ другихъ мѣстахъ обсуждались. Отъ руководящихъ указаній зависитъ все. Нахожу, что предлагаемое ходатайство выражено скромно и направлено къ измѣненію существующей практики. Что касается возраженія гл. Кринскаго, то, во первыхъ, онъ говоритъ о томъ, чего никто не предлагаетъ, а во вторыхъ, его соображенія не заслуживаютъ отвѣта: это затасканныя, истрепанныя мнѣнія тѣхъ, кому претитъ свобода слова, кто ея боится. По поводу соображеній о практичности скажу: мы работаемъ не только для настоящаго, но и для будущаго.

Гласный Глѣбовъ. (Черниговскій уѣздный предводитель дворянства.) Споръ ставится не на надлежащую почву. Всѣ, конечно, желаютъ свободы слова, но не о ней идетъ рѣчь. Предѣлы вопросовъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ, конечно, не могутъ не опредѣляться общимъ строемъ службы председателей совѣщаній.

Гласный Максимовскій. Все то, что я только что слышалъ, меня не мало удивляетъ: по рѣчамъ и по подъему духа въ нихъ можно думать, что предполагается какой то крестовый походъ, какая то борьба. А между тѣмъ предстоитъ самое скромное дѣло; мѣстныхъ людей спросятъ о чемъ захотятъ, спросятъ о томъ, какія у насъ губернскія и уѣздныя особенности. Чѣмъ тутъ вдохновляться? Я понимаю, если бы насъ собрали въ Петербургъ и сказали, что то, что мы скажемъ, такъ то и будетъ. Тогда и я бы вдохновился. Но насъ никуда не позовутъ. Мы не юноши, которые горячо говорятъ все, что думаютъ, даже когда ихъ не спрашиваютъ. Мы собрались уже на 39-ю сессію и должны помнить о той кипѣ нашихъ ходатайствъ, которыя положены подъ сукно. Не нужно стучаться въ ту дверь, гдѣ насъ нелюбезно принимаютъ. Старинное правило—стучите и отверзится—очень устарѣло. Теперь если постучаться въ дверь, гдѣ васъ не просятъ, васъ отведутъ въ участокъ.

Гласный Скоропадскій подчеркиваетъ острый характеръ ходатайства и совѣтуетъ смотрѣть на тотъ путь, по которому идешь.

Гласный тайный совѣтникъ Красовскій. Чарующее слово „свобода“ увлекло собраніе далеко въ сторону отъ предлагаемаго въ первой части важнаго ходатайства. На ходатайство, выраженное во второй части, можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія практичности—оно безконечно узко, а съ точки зрѣнія желательнаго—оно только увеличитъ архивъ благихъ пожеланій, изъ которыхъ когда то выростетъ прекрасное древо. Вообще я стою за свободу слова, но не объ этомъ сейчасъ рѣчь, а о совмѣстимости двухъ предлагаемыхъ ходатайствъ. Нужно

имѣть въ виду нормальныя условія дѣятельности совѣщательныхъ органовъ. Я понимаю, что затаенная цѣль ходатайства — желаніе оградить членовъ совѣщанія отъ непріятныхъ послѣдствій откровенности. Но вопросъ о предѣлахъ, это во всякомъ случаѣ вопросъ усмотрѣнія, а значитъ, ничего устойчиваго тутъ по существу быть не можетъ. Я еще понимаю, если-бы рѣчь шла о законѣ съ отвѣтственностью за его неисполненіе. Въ настоящихъ же условіяхъ, если уже необходимо возбудить подобное ходатайство, то отдѣлите его отъ перваго и присоедините куда угодно, напр., къ вопросу объ открытіи ярмарки въ несуществующемъ селѣ.

Гл. Свѣчинъ. Думаю, что достоинство земскаго собранія не позволяетъ присоединить серьезное ходатайство къ пустякамъ.

А. А. Мухановъ. Первая часть ходатайства очень существенна, вторая неопредѣленна и ни къ чему не ведетъ на практикѣ.

На баллотировку ставится вопросъ: исключить или оставить вторую часть ходатайства? Большинствомъ 33 голосовъ противъ 20 вторая часть ходатайства исключена, а затѣмъ единогласно постановлено ходатайствовать о передачѣ на предварительное разсмотрѣніе земскихъ собраній основныхъ положеній предполагаемыхъ измѣненій въ законодательствѣ о крестьянахъ.

На слѣдующій день (6 декабря) при чтеніи журнала предыдущаго засѣданія гласный *Ширяй* отъ имени 13 гласныхъ внесъ предложеніе снова пересмотрѣть вчерашнее рѣшеніе собранія.

Гл. Ширяй. Мнѣ кажется, что вчера всѣ были согласны по существу предложенія управы и разошлись лишь по формѣ. Я возбуждаю этотъ вопросъ сегодня. Вчера нѣкоторые позволили себѣ вышучивать предложенное управою ходатайство. Мнѣ кажется, въ вопросѣ такой громадной серьезности шутки неумѣстны.

А. А. Мухановъ. Гласный Ширяй никакихъ новыхъ аргументовъ не привелъ. Вообще, сторонники ходатайства не привели, кромѣ пожеланій, никакихъ аргументовъ, противники же привели серьезные аргументы и количество ихъ можетъ быть увеличено. Наконецъ, гласный Ширяй неправъ, что мы одни возбуждаемъ этотъ вопросъ. Онъ возбуждается во многихъ земскихъ собраніяхъ, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ благоразумныхъ рѣшеній. Мнѣ кажется, что вопросъ о томъ, какія будутъ послѣдствія для высказывающихъ свои откровенныя мнѣнія, — не подлежитъ нашему контролю, а потому не слѣдуетъ присоединять маленькаго ходатайства къ большому вопросу. Если сторонники ходатайства хотятъ привести аргументы, я предоставлю имъ сейчасъ слово.

Гл. Свѣчинъ. Сторонники возбужденія ходатайства вчера привели аргументы и повторять ихъ не видятъ цѣли. Съ своей стороны замѣчу, что противники ходатайства высказали не аргументы противъ, а лишь сомнѣнія, да и то чисто практическаго свойства.

Собраніе большинствомъ голосовъ осталось при своемъ прежнемъ постановленіи.

Вопросы, поднятые въ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (о свободѣ слова и отвѣтственности ораторовъ за произнесенныя ими рѣчи только по суду), дебатировались также въ губернскихъ собраніяхъ Тамбовскомъ и Костромскомъ, при чемъ въ первомъ вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ *единогласно*, а во второмъ большинствомъ пятидесятя голосовъ противъ трехъ.

* * *

Если въ земскихъ учрежденіяхъ въ большей или меньшей степени всегда теплился „живъ духъ“, то нельзя того-же сказать про самоуправленіе городское. Въ послѣднее время, однако, и здѣсь видны проявленія жизнедѣятельности. Къ этой категоріи явленій надо отнести напр., обстоятельства, сопровождавшія выходъ въ отставку курскаго городского головы г. Новосильцева. Изъ напечатаннаго въ газетахъ отчета о томъ засѣданіи курской городской думы, во время котораго г. Новосильцевъ сложилъ съ себя званіе городского головы, не ясно, почему именно такъ упорствовалъ онъ на недопущеніи передъ думою объясненій члена управы г. Сапунова, но, чѣмъ-бы такое поведеніе г. Новосильцева не было вызвано, нельзя не признать, что отношеніе къ этому факту со стороны думы является далеко не обычнымъ въ лѣтописяхъ нашего городского самоуправленія. Вотъ какъ описываетъ этотъ инцидентъ корреспондентъ „С. Петербргскуихъ Вѣдомостей“.

„Управа доложила думѣ, что мѣстный обоянскій баталіонъ, до окончательныхъ переговоровъ съ городскою управой, занялъ казармы козловскаго полка, ушедшаго на Дальній Востокъ, и что управа слагаетъ съ себя отвѣтственность за сохранность имущества козловскаго полка, находящагося въ этихъ казармахъ и стоющаго приблизительно тысячъ восемь. Члены управы Ф. П. Сапуновъ, завѣдующій городскими зданіями, началъ докладывать думѣ о своихъ объясненіяхъ съ администраціей по поводу занятія казармъ, а также хотѣлъ сообщить думѣ причину подачи имъ въ управу прошенія объ оставленіи должности члена управы.

Во время объясненія г. Сапунова, городской голова г. Новосильцевъ сталъ рѣзко звонить, требуя прекращенія объясненія и заявилъ, что снимаетъ съ очереди вопросъ. Гласный, земскій врачъ В. И. Долженковъ, настаивалъ на допущеніи объясненія члена управы г. Сапунова, доказывая съ Городовымъ Положеніемъ въ рукахъ, что вопросы, касающіеся мѣстныхъ интересовъ, по закону, не должны быть снимаемы, а затронутый вопросъ безусловно является чисто мѣстнымъ. Другой гласный, присяжный повѣренный А. Н. фонъ-Агте, замѣтилъ, что дума должна знать, почему членъ управы подалъ въ отставку.

— Можетъ, онъ растратилъ общественныя суммы, — сказалъ этотъ гласный, — тогда мы не только будемъ рады его отставкѣ, но и привлечемъ его къ суду. А быть можетъ, онъ кровью отстаивалъ городскіе интересы: тогда мы поклонимся ему въ ноги и будемъ просить, умолять остаться на службѣ и впредь также защищать городскіе интересы.

Среди сильнаго шума, городской голова высказалъ сожалѣніе, что вынужденъ итти противъ общаго настроенія гласныхъ думы и снять съ очереди этотъ вопросъ.

— Чтобы не поставить, господа, себя въ другой разъ въ такое положеніе передъ вами,—сказалъ онъ,—я сложу съ себя обязанности городского головы.

Въ очень шумномъ до того думскомъ засѣданіи вдругъ воцарилось гробовое, зловѣщее молчаніе... Отставка городского головы была рѣшена.

Когда затѣмъ г. Новосильцевъ смущенно предложилъ думѣ приступить къ обсужденію слѣдующихъ докладовъ, то гласные снова стали энергично требовать допущенія объясненія члена управы, г. Сапунова, о причинѣ подачи въ отставку. Голова и на этотъ разъ не соглашался. Тогда гласный В. И. Долженковъ заявилъ, что нельзя переходить къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ, пока не оконченъ этотъ, отмѣна котораго затрогиваетъ основы городского самоуправленія, и что въ такомъ случаѣ онъ дольше оставаться здѣсь не считаетъ для себя возможнымъ. Вслѣдъ за г. Долженковымъ думскій залъ оставили всѣ гласные и многочисленная публика, собравшаяся на засѣданіе".

Послѣ этого инцидента г. Новосильцевъ и подалъ въ отставку. О дальнѣйшемъ же ходѣ дѣла, послужившаго причиной этой отставки, газеты не сообщаютъ.

Изъ Томска „Восточному Обозрѣнію" сообщаютъ о слѣдующемъ интересномъ засѣданіи Томской городской думы:

„Въ засѣданіи Думы 12 ноября былъ заслушанъ докладъ гласнаго А. Н. Шипицына, который предлагалъ Думѣ почтить заслуги уволенной отъ службы учительницы Л. А. Орловой поднесеніемъ ей адреса. Г. Шипицынъ говоритъ, что уволенная, по распоряженію дирекціи народныхъ училищъ, г-жа Орлова въ продолженіе почти четверти столѣтія занималась въ городскихъ школахъ и пользовалась вполнѣ заслуженными симпатіями какъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ, такъ и въ средѣ тѣхъ лицъ, съ которыми ей приходилось работать на поприщѣ другихъ общественныхъ начинаній. Въ дополненіе къ предложенію г. Шипицына, предсѣдатель городской училищной комиссіи П. В. Вологодской разсказалъ исторію увольненія Л. А. Орловой, которая, въ общихъ чертахъ, сводится къ тому, что дирекція народныхъ училищъ, согласно своихъ данныхъ, нашла, что учи-

тельница Орлова—человѣкъ слишкомъ мягкій и вообще не способный для педагогической дѣятельности"...

Какъ отнеслась къ предложенію гласнаго Шипицына городская дума, извѣстій объ этомъ мы не нашли.

„Русскимъ Вѣдомостямъ" сообщаютъ изъ Елисаветграда:

„Херсонскій губернаторъ В. А. Левашевъ предложилъ думѣ обсудить вопросъ объ учрежденіи у насъ конно-полицейской стражи въ составѣ 12-ти человѣкъ. Губернаторъ мотивируетъ необходимость этой мѣры тѣмъ, что мѣстное коренное населеніе и тысячи фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ отличаются склонностью къ нарушенію общественнаго спокойствія и порядка. Нужно замѣтить, что въ октябрьскую сессію дума, за неимѣніемъ средствъ, отклонила предложеніе губернатора объ увеличеніи штата полицейской команды на средства города. Новый проектъ для своего осуществленія требуетъ ежегоднаго расхода около 5-ти тыс. руб. Въ настоящее время расходы города на содержаніе полиціи достигаютъ почти 40 тыс. руб., при общемъ бюджетѣ въ 290 т. р., на народное-же образованіе тратится около 24-хъ тыс. руб., т. е. нѣсколько болѣе половины ассигновки на полицію".

Той же газетѣ пишутъ изъ Чернигова:

„Въ засѣданіи городской Думы 26-го ноября постановлено отклонить предложеніе губернатора объ увеличеніи числа низшихъ служащихъ полиціи на 15 человѣкъ и возбудить ходатайство о полномъ освобожденіи города отъ расходовъ по содержанію полиціи".

* * *

Что-то необыкновенное произошло въ Севастопольской городской больницѣ. Первоначальныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, напечатанныя въ „Русскомъ Словѣ", гласятъ:

„Старшій врачъ этой больницы д-ръ Никоновъ, три ординатора и весь остальной медицинскій персоналъ (фельдшера, фельдшерицы, сестры милосердія, сидѣлки и проч.) одновременно подали заявленія объ отставкѣ. Огромная больница съ 60-ти-тысячнымъ годовымъ бюджетомъ осталась безъ медицинскаго персонала. Выяснить всѣ причины этого происшествія пока еще не представляется возможнымъ, но нѣкоторыя извѣстны. Нѣсколько времени тому назадъ былъ устраненъ отъ должности смотритель больницы. Городской санитарный совѣтъ, совмѣстно съ городскою управой, избралъ другого смотрителя, но онъ не былъ утвержденъ въ должности губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ. Врачебный персоналъ усмотрѣлъ въ этомъ недовѣріе къ себѣ и не пожелалъ больше служить. Выходъ его въ отставку обратилъ на себя вниманіе въ правительствен-

ныхъ сферахъ. На этихъ дняхъ городской голова, экстренно вызванный, отправился въ Петербургъ для дачи объясненій по больничнымъ дѣламъ".

Затѣмъ по этому же поводу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" были напечатаны такія строки:

„Отставка врачей и нѣкоторыхъ другихъ служащихъ вызвана тѣмъ недовѣріемъ, которое было выказано мѣстною администраціей „медико-санитарному совѣту",—учрежденію, состоящему изъ 20-ти членовъ. Когда администрація потребовала отъ городской управы удаленія смотрителя больницы, правленіе послѣдней указало лицо для замѣщенія этой должности, медико-санитарный совѣтъ одобрилъ выборъ, но администрація не нашла возможнымъ утвердить это лицо и предписала сдать больницу лицу, указанному администраціей. Снова собранный городскимъ головой медико-санитарный совѣтъ остался при прежнемъ мнѣніи, большинствомъ 14-ти членовъ противъ одного. Однако администрація игнорировала и это постановленіе и категорически требовала сдачи должности смотрителя тому лицу, которое указано было администраціей, послѣ чего городская управа сочла себя вынужденною подчиниться требованію. Тогда старшій врачъ больницы С. А. Никоновъ подалъ просьбу объ отставкѣ, за нимъ послѣдовали другіе врачи (гг. Флеровъ, Потаповъ) и нѣкоторые служащіе. Въ настоящее время мѣсто старшаго врача замѣщено д-ромъ К. П. Мертваго при обстоятельствахъ, не совсѣмъ обычныхъ: около 20-ти лѣтъ существуетъ въ мѣстной Думѣ „обычай" назначать врачей больницы по выборамъ. Такъ, между прочимъ, былъ избранъ лѣтъ 16 назадъ г. Мертваго, а когда лѣтъ шесть тому назадъ онъ былъ избранъ городскимъ головой, должность старшаго врача опять была замѣщена по выборамъ г. Никоновымъ. Когда же года два назадъ г. Мертваго въ качествѣ ставленника купеческой партіи, оказавшейся въ меньшинствѣ, былъ забаллотированъ, то, оставшись не у дѣлъ, просилъ объ опредѣленіи его младшимъ ординаторомъ больницы, каковое назначеніе, однако, не состоялось. И вотъ теперь г. Мертваго принялъ должность старшаго врача больницы, будучи назначенъ управой по „предложенію градоначальника".

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о севастопольскомъ инцидентѣ въ газетахъ не появлялось.

* * *

Въ газетахъ появилось нѣсколько сообщеній, касающихся безпорядковъ въ Кіевскомъ университетѣ и политехникумѣ.

18 Ноября, какъ сообщаютъ кіевскія газеты, у студенческаго входа въ университетъ св. Владиміра за подписью ректора было вывѣшено слѣдующее объявленіе:

„Съ 18 Ноября гг. студенты допускаются въ университетъ черезъ парадный ходъ лишь при представленіи входныхъ билетовъ на лекціи".

Вечеромъ того 18 ноября появилось новое объявленіе такого содержанія:

„По распоряженію г. попечителя учебнаго округа, занятія въ университетѣ св. Владиміра и его учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ пріостановлены на 19 и 20 ноября, и доступъ студентамъ въ зданіе университета и его учебно-вспомогательныя учрежденія, за исключеніемъ госпиталя и университетскихъ клиникъ, воспрещается".

24 Ноября было вывѣшено объявленіе:

„Считаю нужнымъ предупредить гг. студентовъ, что по распоряженію высшаго начальства, для прекращенія безпорядковъ въ университетѣ будутъ приняты самыя энергичныя мѣры и въ случаѣ собранія сходки всѣ присутствовавшіе на ней, съ какой бы цѣлью они туда ни явились, будутъ признаны сознательными участниками ея и подвергнуты строжайшему взысканію. Вполнѣ увѣренъ въ томъ, что большинство студентовъ принадлежитъ къ сторонникамъ порядка и желаетъ мирно продолжать учебныя занятія. Я обращаюсь къ ихъ благоразумію и приглашаю ихъ ни въ какомъ случаѣ не оставаться въ томъ помѣщеніи, гдѣ соберется сходка, или въ толпѣ участниковъ ея подъ опасеніемъ быть причисленными къ нарушителямъ порядка.

„Гг. студенты съ 24 ноября входятъ въ университетъ черезъ калитку южнаго двора съ входными билетами, которые предъявляются на площадкѣ при входѣ въ учебный коридоръ".

Затѣмъ въ кіевскихъ газетахъ было напечатано постановленіе кіевскаго губернатора о наложеніи взысканія (арестъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одной недѣли) на 45 студентовъ университета, задержанныхъ 19 ноября возлѣ университета во время уличныхъ безпорядковъ; кромѣ того, 35 студентовъ освобождены отъ ареста.

Затѣмъ, въ кіевскихъ газетахъ появилось такое объявленіе:

„По предложенію министра финансовъ, кіевскій политехническій институтъ закрытъ впредь до особыхъ распоряженій. Студенты, желающіе выбыть, приглашаются получить документы".

Далѣе, въ газетѣ „Кіевское Слово" напечатано:

„На-дняхъ изъ среды студентовъ кіевскаго политехническаго института Императора Александра II была отправлена депутація къ управляющему министерствомъ финансовъ съ ходатайствомъ объ открытіи занятій въ кіевскомъ политехническомъ институтѣ. 4-го декабря въ политехническомъ институтѣ была получена изъ Петербурга телеграмма, что студенты были приняты исполняющимъ должность министра финансовъ, но отвѣтъ

былъ таковъ, что кіевскій политехническій институтъ будетъ нѣкоторое время закрытъ":

Въ газетѣ „Варшавскій Дневникъ" появилось такое сообщеніе:

„На воротахъ варшавскаго университета вывѣшено за подписью инспектора Г. Шестакова слѣдующее объявленіе:

„Имѣю честь увѣдомить гг. студентовъ и постороннихъ слушателей, что лекціи и другія учебныя занятія въ университетѣ и во всѣхъ его учрежденіяхъ съ 1-го декабря сего года до начала слѣдующаго учебнаго полугодія пріостанавливаются".

Въ самомъ же зданіи за подписью ректора г. Ульянова вывѣшено другое объявленіе:

„Настоящимъ имѣю честь объявить гг. студентамъ Императорскаго варшавскаго университета,что, съ разрѣшенія г. попечителя варшавскаго учебнаго округа, вторично пріостановлены съ 1-го декабря с. г. лекціи и другія учебныя занятія въ университетѣ до начала слѣдующаго академическаго полугодія съ тѣмъ, чтобы на такое же количество лекціонныхъ дней, которое нынѣ пропущено вслѣдствіе безпорядковъ, былъ продолженъ весенній лекціонный семестръ въ маѣ 1904 г., согласно циркулярному распоряженію министра народнаго просвѣщенія отъ 12-го января 1902 г., объявленному гг. студентамъ въ прошломъ учебномъ году".

Дальнѣйшихъ извѣстій о событіяхъ въ университетѣ въ газетахъ не появлялось.

* * *

30 Ноября въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" опубликовано слѣдующее постановленіе и. д. харьковскаго губернатора:

„27-го ноября чины харьковской городской полиціи, командированные на Старо-Московскую улицу для возстановленія порядка и безпрепятственнаго по этой улицѣ движенія, нарушенныхъ скопившеюся близъ зданія первой харьковской гимназіи толпой разнаго званія лицъ, обнаружили недостаточное пониманіе правъ и обязанностей полицейской службы, допустивъ при возстановленіи уличнаго порядка дѣйствія и распоряженія, не соотвѣтствовавшія обстоятельствамъ дѣла. Въ виду сего, объявляю виновнымъ въ означенномъ проступкѣ: приставу 1-го полицейскаго участка колл. секр. барону фонъ-Вринкену и его помощнику колл. секр. Коронацкому мой выговоръ, околоточнаго надзирателя Георгія Сукачева подвергаю аресту на трое сутокъ и городового Дмитрія Шинкаренка—увольненію отъ службы".

Въ газетѣ „Южное Обозрѣніе" напечатано слѣдующее извѣщеніе николаевскаго градоначальника:

„10-го ноября къ находившемуся на посту полицейскому служителю Шило обратилось неизвѣстное лицо съ просьбой задержать убѣгавшаго мальчика, заподозрѣннаго въ кражѣ. Полицейскій сдѣлалъ попытку задержать мальчика, но это ему не удалось, вслѣдствіе чего проходившій мимо него торговецъ масломъ на базарѣ мѣщанинъ Пукасенко сталъ упрекать полицейскаго въ нерадивомъ отношеніи его къ службѣ. Шило, какъ говорятъ нѣкоторые свидѣтели, будучи не въ трезвомъ состояніи, задержалъ Пукасенко и при содѣйствіи другихъ городовыхъ доставилъ его въ базарную канцелярію, гдѣ Пукасенко вскорѣ умеръ. Объ этомъ по телефону дано было знать въ городскую полицію, и на мѣсто происшествія тотчасъ же прибылъ временно и. д. полицеймейстера, который возлѣ базарной канцеляріи засталъ толпу народа, а на извозчичьихъ дрожкахъ лежалъ трупъ Пукасенко. Изъ толпы стали раздаваться заявленія, что Пукасенко умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему городовыми; это заявленіе подтвердили родственники Пукасенко. Объ этомъ тотчасъ же было доложено градоначальнику, который немедленно прибылъ къ базарной канцеляріи, гдѣ, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, приказалъ безотлагательно же приступить къ разслѣдованію дѣла и доставить трупъ Пукасенко въ городскую больницу. Произведенное судебно-медицинское вскрытіе трупа въ присутствіи градоначальника, и. д полицеймейстера, судебнаго слѣдователя, четырехъ врачей и четырехъ понятыхъ обнаружило у покойнаго болѣзненное состояніе сердца и рѣзкія патологическія измѣненія всѣхъ внутреннихъ органовъ, вслѣдствіе чего, по мнѣнію врачей, достаточно было психическаго волненія, чтобы вызванъ былъ параличъ дыхательнаго центра и сердца, отчего и послѣдовала смерть. Однако, несмотря на точно постановленную недоказанность причинной связи между смертью Пукасенко и насильственными дѣйствіями со стороны полицейскаго Шило, по распоряженію градоначальника было вновь произведено самое строгое административное разслѣдованіе для провѣрки сдѣланныхъ указаній на нанесеніе Пукасенко побоевъ, слѣдовъ коихъ при вскрытіи на трупѣ не установлено. Разслѣдованіемъ этимъ было выяснено, что полицейскимъ Шило дѣйствительно былъ нанесенъ Пукасенко одинъ ударъ въ голову кулакомъ и, кромѣ того, по дорогѣ въ базарную канцелярію полицейскій Шило подталкивалъ Пукасенко кулакомъ въ бокъ. Въ виду этого постановленіемъ николаевской городской полиціи противъ полицейскаго Шило возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ нанесеніи побоевъ при отправленіи должности мѣщанину Пукасенко, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 347-й ст. улож. о наказ.“.

* * *

Въ саратовскихъ газетахъ напечатанъ краткій отчетъ о засѣданіи казанскаго военно-окружнаго суда, разбиравшаго 21 ноября дѣло объ имѣвшихъ мѣсто въ Саратовѣ пасхальныхъ безпорядкахъ. Дѣло это состояло, по словамъ обвинительнаго акта, въ слѣдующемъ:

„Во время пасхальной недѣли, на Московской площади въ Саратовѣ, гдѣ происходятъ обычныя народныя гулянья съ устройствомъ каруселей, народныхъ театровъ и другихъ мѣстъ развлеченій, вечеромъ 8-го апрѣля 1903 года, когда народъ сталъ расходиться, толпа солдатъ артиллеристовъ (человѣкъ 20—30) собралась у служебной палатки и на площади и на требованіе полиціи не только не расходилась, но произносила ругательства и даже угрозы. Переодѣтый въ партикулярное платье околоточный надзиратель замѣтилъ въ толпѣ одного артиллериста, который подговаривалъ другихъ не расходиться, и сообщилъ о томъ приставу, а послѣдній распорядился задержать подстрекателя. Между тѣмъ къ приставу подошелъ другой околоточный надзиратель и сообщилъ, что два артиллериста подстрекаютъ своихъ товарищей броситься на освобожденіе арестованнаго. Тогда приставъ подошелъ къ кучкѣ солдатъ, но въ этотъ моментъ его окружили человѣкъ 6 съ криками: „зачѣмъ арестуешь?“, а одинъ нестроевой артиллеристъ (въ фуражкѣ съ козырькомъ и съ галунами, въ собственной шинели, лицо интеллигентное, съ черными усиками) схватилъ пристава за бортъ пальто. Приставъ, однако, самъ захватилъ арестованнаго Тр. Матвѣенко за руку и не выпускалъ его. Солдаты толпой накинулись на пристава и смяли его, такъ что онъ упалъ на землю. На шумъ и свистки подскакали казаки и конные стражники и начали нагайками разгонять солдатъ. Въ отвѣтъ на это кто-то крикнулъ: „что смотрѣть на нихъ, вынимай шашки“. Въ толпѣ нѣсколько солдатъ выхватили шашки и замахивались ими.

На основаніи данныхъ предварительнаго дознанія, одиннадцать нижнихъ чиновъ 6-й резервной артиллерійской бригады обвинялись:

1) въ томъ, что 8-го апрѣля 1903 года, около 8 часовъ вечера, всѣ они находились въ толпѣ солдатъ (около 30 человѣкъ) на Московской площади города Саратова въ то время, когда толпа эта, на требованіе полицейскаго пристава Попова разойтись, не только не разошлась, а отвѣчала свистками и ругательствами, а послѣ задержанія полиціей Васильева и Матвѣенко бросилась на пристава и полицейскихъ и силою стала освобождать арестованныхъ, нанося удары полиціи, казакамъ и самому приставу, при чемъ нѣкоторые изъ солдатъ обнажили шашки, раз-

махивая ими, пугая лошадей и нанося ими даже легкіе удары какъ полицейскимъ, такъ и казакамъ и лошадямъ ихъ, а также бросали въ нихъ каменьями. При этомъ Васильевъ и Матвѣенко подстрекали остальныхъ солдатъ, возбуждая ихъ противъ полиціи въ то время, когда полиція требовала, чтобы толпа разошлась, а послѣ арестованія ихъ Васильевъ вырвавшись изъ рукъ полицейскихъ, выхватилъ у казака погайку и сталъ ею наносить удары полицейскимъ, а Матвѣенко сопротивлялся приставу Попову, вырываясь отъ него, и упирался ему руками въ грудь. Бѣлоусовъ схватилъ пристава за воротникъ, а бомбардиръ Кархъ первый крикнулъ: „Вынимай шашки, бей ихъ!“ Остальные подсудимые силою освобождали арестованныхъ вмѣстѣ съ другими нижними чинами, слѣдствіемъ необнаруженными.

Судъ, въ первомъ часу ночи, объявилъ слѣдующую резолюцію: Васильева и Матвѣенко подвергнуть заключенію въ арестантскихъ отдѣленіяхъ на $2^1/_2$ года, Карха и Бѣлоусова заключенію въ военной тюрьмѣ на $2^1/_2$ мѣсяца, съ отдачей затѣмъ подъ надзоръ военнаго начальства. Остальные 7 подсудимыхъ оправданы“.

* * *

„Черноморское Побережье“ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о разбиравшемся судебномъ дѣлѣ о безпорядкахъ въ Туапсе:

„29 ноября въ выѣздной сессіи екатеринодарскаго окружнаго суда въ Новороссійскѣ слушалось при открытыхъ дверяхъ дѣло о безпорядкахъ въ Туапсе, происходившихъ на четвертый день Пасхи, 9 апрѣля настоящаго года. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель екатеринодарскаго окружнаго суда О. А. Ювжикъ-Компанеецъ, при членахъ суда гг. Рубиновскомъ и Антоновѣ и при секретарѣ г. Никифоровѣ. Обвинялъ прокуроръ екатеринодарскаго окружнаго суда г. Вальцъ. Изъ числа 9 обвиняемыхъ въ судъ не явились оказавшіеся неразысканными: Весло Таторъ-Оглы, Сеидъ Іакерія Гаджи Татаръ-Оглы, Муэтдинъ Дервишъ-Али Шетъ Оглы, Дурмышъ Омеръ-Оглы и Османъ Метъ-Оглы. Скамью подсудимыхъ занимали кр. Михаилъ Березинъ, Петръ Воловодовъ, Петръ Платоновъ и Иванъ Селютинъ. Дѣло о нихъ, за нерозыскомъ остальныхъ обвиняемыхъ, выдѣлено въ особое производство. Обвиняемые защитниковъ не имѣли. Допрошено было 14 свидѣтелей, въ томъ числѣ и начальникъ туапситскаго округа капитанъ Цингатровъ. Прокуроръ г. Вальцъ произнесъ сильную обвинительную рѣчь. Послѣ 4-часового разбирательства судъ вынесъ резолюцію, коей кр. Березинъ, Воловодовъ, Платоновъ и Селютинъ приговорены къ лишенію особенныхъ правъ и къ заключенію въ тюрьмѣ, срокомъ на

8 мѣсяцевъ каждый. Обвиняемый Селютинъ, по выслушаніи резолюціи, заплакалъ. Въ окончательной формѣ приговоръ будетъ объявленъ 20 декабря".

* * *

Въ газетѣ „Кавказъ" напечатано:

„На-дняхъ, какъ намъ сообщаютъ изъ гор. Кутаиса, на разсмотрѣніе уголовнаго отдѣленія кутаисскаго окружнаго суда поступило дѣло по обвиненію рабочихъ чіатурскихъ марганцевыхъ промысловъ Герасима Джишкаріани и др. въ числѣ 38 лицъ и бывшаго студента 2-го курса ветеринарнаго института Терентія Церетели, нѣкоторыхъ изъ нихъ въ руководствѣ толпою рабочихъ, другихъ—въ разрушеніи вѣсовъ и будокъ марганцепромышленниковъ, и третьихъ рабочихъ—въ томъ, что они вмѣстѣ съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными лицами, въ текущемъ 1903 г., 17-го іюля, въ п. Чіатуры приняли участіе въ безпорядкахъ и въ нарушеніи общественной тишины. Дѣло это, по распоряженію высшей власти, будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ въ уголовномъ отдѣленіи кутаисскаго окружнаго суда весною будущаго 1904 года".

* * *

Въ офиціальной „Финляндской газетѣ" напечатано слѣдующее распоряженіе финляндскаго генералъ губернатора, касающееся народныхъ библіотекъ:

„Всего въ Финляндіи свыше полторы тысячи библіотекъ, при чемъ большинство изъ нихъ составляютъ народныя библіотеки или читальни въ сельскихъ общинахъ. Весьма значительное число библіотекъ въ селахъ принадлежитъ также такъ называемымъ „обществамъ молодежи" и ихъ многочисленнымъ отдѣленіямъ. При такомъ развитіи библіотекъ-читаленъ и при отсутствіи за ихъ дѣятельностью какого бы то ни было фактическаго контроля, весьма естественно было, что руководители противоправительственнаго движенія не замедлили воспользоваться книгохранилищами въ цѣляхъ преступнаго распространенія въ населеніи своихъ идей путемъ изготовляемыхъ ими подпольныхъ или запрещенныхъ цензурою изданій. Обстоятельство это побудило финляндскаго генералъ-губернатора, въ цѣляхъ огражденія населенія отъ пагубнаго вліянія крамолы и для устраненія возможности превращенія библіотекъ вмѣсто источниковъ просвѣщенія въ очаги преступной пропаганды, на первое время поручить губернаторамъ произвести, хотя бы на выдержку, по своему усмотрѣнію, повѣрку нѣкоторыхъ библіотекъ и читаленъ для ближайшаго выясненія фактической обстановки современнаго ихъ положенія. Сверхъ того, главный

начальникъ края озаботился выясненіемъ этого дѣла на мѣстѣ черезъ особо командированныхъ довѣренныхъ лицъ.

Результатомъ повѣрки было обнаруженіе, съ одной стороны, недостаточной аккуратности постановки самаго библіотечнаго дѣла, а съ другой—справедливость первоначально возникшихъ подозрѣній. Подпольныя изданія найдены были даже въ библіотечныхъ шкафахъ учебныхъ заведеній, что уже прямо показывало на отсутствіе добросовѣстнаго контроля со стороны учебнаго начальства и завѣдующихъ библіотеками.

Принимая все это въ соображеніе, нельзя не считать рекомендованною главнымъ начальникомъ края губернаторамъ мѣру внезапной повѣрки библіотекъ вполнѣ соотвѣтственной и способной хотя нѣсколько ограничить обнаруженное зло. Пунктъ второй § 20-го высочайше утвержденной инструкціи финляндскому генералъ-губернатору отъ 13 (26) марта 1903 г. даетъ право начальнику края даже закрывать постоянно или временно въ особо уважительныхъ случаяхъ тѣ библіотеки или общественныя читальни, а также типографіи, которыя окажутся изобличенными въ преднамѣренномъ храненіи изданій преступнаго содержанія. Примѣненіе этой крайней мѣры по представленіи о томъ начальниковъ губерній могло бы оказаться въ извѣстныхъ случаяхъ неизбѣжнымъ".

Въ той же „Финляндской Газетѣ" напечатано слѣдующее объявленіе гельсингфорскаго полицейскаго управленія: „Каждому иностранцу, прибывающему въ городъ, надлежитъ немедленно подъ законною отвѣтственностью представлять свой паспортъ въ канцелярію полицейскаго управленія, при чемъ всѣмъ тѣмъ иностранцамъ, которые въ настоящее время находятся въ городѣ и не предъявили своихъ паспортовъ, предлагается подъ тою же отвѣтственностью немедленно это исполнить. Тѣ же, которые проживаютъ здѣсь по выдаваемымъ изъ губернскаго правленія видамъ на жительство, обязаны соблюдать, чтобы эти виды въ надлежащее время, т. е. каждые шесть мѣсяцевъ, возобновлялись законнымъ порядкомъ".

В. Б.

Изъ жизни и литературы.

Новая книга о Герценѣ,—Переломъ во взглядахъ Герцена.—Сергѣй Булгаковъ объ этомъ переломѣ.—„Колоколъ“ и его сотрудники.

I.

Много-ли значатъ въ исторіи шестьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ отъ сороковыхъ годовъ насъ отдѣляетъ цѣлая вѣчность. Вѣчность, изъ которой нѣтъ возврата и которая раздѣлила современную Русь отъ рабской безконечною, необъятной пропастью. Пропасть эта залегла въ самыхъ основахъ нашей жизни, и только политическое слабоуміе можетъ галлюцинировать относительно возможности заполненія этой пропасти если не прямымъ возвратомъ къ крѣпостному праву, то косвенно—путемъ усовершенствованной системы подтягиванія, затягиванія и перетягиванія... И если мы видимъ вспышки возвратной горячки аракчеевскихъ идей въ нашей общественной мысли, то это—лишь симптомы угасающей болѣзни, предсмертные хрипы, надъ которыми смѣется жизнь. И эти выводы подсказываетъ не слѣпая вѣра, дѣйствующая съ закрытыми глазами, и не глухая маниловщина, а объективный учетъ силъ, дѣйствіе которыхъ наиболѣе точно улавливается именно изъ перспективы прошлаго.

Въ сороковыхъ годахъ уже началась агонія крѣпостного права. Со времени „блестящаго“ вѣка Екатерины II эта болѣзнь государственнаго организма начинаетъ получать правильный діагнозъ въ общественномъ сознаніи. Первый писатель-народникъ, проявившій вначалѣ большое гражданское мужество, Радищевъ явился раннимъ отблескомъ зари будущаго. Эта заря вспыхнула въ сороковыхъ годахъ уже такимъ сильнымъ огнемъ, что мертвый періодъ 1848—1855 гг. оказался, какъ тормазъ, безсильнымъ: 19 февраля 1861 года приближалось...

Но пока, подъ покровомъ зловѣщей тишины, за крѣпкою стальною

рѣшеткой крѣпостничества, сковывавшаго узами рабства не только тѣло мужика, но и духъ всей Россіи, шла въ сороковые годы усиленная подпочвенная работа мысли.

Сороковые годы дали намъ цѣлую плеяду удивительныхъ дѣятелей. Среди безмолвія и общаго, казалось бы, одичанія ихъ можно принять за одиночекъ, тщетно и безъ поддержки рвущихся впередъ къ недосягаемымъ идеаламъ будущаго. На самомъ дѣлѣ они были геніальными резонаторами подпочвенной работы коллективной общественной мысли и отражали истинный духъ и волю лучшихъ людей страны.

Первое мѣсто среди такихъ дѣятелей 40-хъ годовъ принадлежитъ Александру Ивановичу Герцену.

Г-нъ С. Булгаковъ въ статьѣ „Душевная драма Герцена“ [1]) очень удачно называетъ Герцена однимъ изъ тѣхъ „національныхъ героевъ, при одномъ упоминаніи имени которыхъ расширяется грудь и учащенно бьется сердце“. Герценъ именно — *герой*. Крупная мощная сила, созданная точно нарочно для того, чтобы показать, что значитъ *человѣкъ* на вершинахъ своего развитія и расцвѣта; гигантъ мысли; художественный мастеръ слова и остроумія; политическій борецъ и безстрашный философъ-аналитикъ, не останавливавшійся ни предъ какою бездною скептицизма, ни предъ какимъ величіемъ авторитета,— Герценъ, какъ въ фокусѣ, собралъ лучи національнаго генія и бросалъ ихъ щедрою рукою въ общество, въ теченіе долгого періода находившагося подъ его неотразимымъ вліяніемъ.

Такой недюжинный умъ, какъ Кавелинъ, напримѣръ, признается въ письмахъ къ Герцену [2]): „ты былъ для меня пищей и школой; мнѣ кажется, что я и теперь могу прослѣдить и ощупать жилы и нервы, образовавшіеся въ моемъ характерѣ подъ твоимъ вліяніемъ, въ которыхъ ты живешь во мнѣ“. Въ другомъ письмѣ Кавелинъ называетъ Герцена „первымъ человѣкомъ въ Европѣ“ [3]). Неоднократно Кавелинъ повторялъ: „въ то время, когда всѣ упивались твоими памфлетами (въ „Колоколѣ“), я выбиралъ эти бисеринки изъ твоихъ статей, которыя казались мнѣ программами для цѣлыхъ будущихъ трактатовъ, и благоговѣлъ предъ этими проблесками геніальности, закидывавшими мысль за столѣтіе впередъ“ [4]).

Со дня смерти Герцена прошло уже 34 года. Произведенія его пока

---

[1]) Сборникъ „Отъ марксизма къ идеализму“, стр. 161.
[2]) Изданіе Драгоманова, стр. 1; письмо отъ 1857 г. VIII.
[3]) Письмо отъ іюня 1859 г.
[4]) Стр. 55; письмо изъ Парижа 30 мая—11 іюня 1862 г.

недоступны широкой публикѣ, оставаясь извѣстными ей лишь въ краткихъ цитатахъ и извлеченіяхъ. Но съ каждымъ годомъ литература о Герценѣ растетъ, растетъ количество этихъ цитатъ и извлеченій, и мало по малу накопляется матеріалъ, чрезвычайно цѣнный и любопытный для характеристики общественныхъ движеній въ Россіи.

Только что изданная книга В. П. Батуринскаго „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“ [1]) въ этомъ отношеніи представляетъ собою весьма большой интересъ. Пользуясь неизданными въ Россіи произведеніями Герцена, перепискою съ нимъ такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ И. С. Тургеневъ, и др. матеріалами, г. Батуринскій даетъ чрезвычайно обстоятельный и снабженный массою комментаріевъ очеркъ отношеній между Герценомъ и Тургеневымъ. Отношенія эти менѣе всего носили личный характеръ: они концентрировались около того дѣла, которому служилъ Герценъ. Письма Тургенева къ Герцену рисуютъ нашего великаго романиста „со стороны его политическихъ мнѣній и отношеній его къ политической и соціальной агитаціи, центромъ которой былъ въ то время Герценъ“. Къ этой капитальной главѣ г. Батуринскій прибавилъ рядъ большихъ очерковъ: „Воспоминанія А. И. Герцена объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ“, „Герценъ и Мицкевичъ“ и „Въ началѣ сороковыхъ годовъ“.

Изъ массы матеріала, даваемаго книгой г. Батуринскаго, мы воспользуемся только нѣкоторыми эпизодами заграничной дѣятельности Герцена.

II.

1848 годъ, который пережилъ и перемучился Герценъ, находясь уже за рубежомъ, былъ страшнымъ ударомъ, разрушившимъ его надежды на близкое торжество дорогихъ ему съ юности идеаловъ. Съ этого времени начинается его глубокое разочарованіе въ Западной Европѣ, что послужило темой для его знаменитой книги „Съ того берега“.

Послѣ іюньской бойни 1848 г. всѣ знакомые и друзья Герцена покинули Парижъ (за исключеніемъ Тургенева, постоянно его посѣщавшаго), и при отъѣздѣ Анненкова былъ поставленъ вопросъ о возвращеніи Герцена въ Россію. „Я пошелъ къ А(нненкову),—говоритъ Герценъ въ „Былое и Думы“:—онъ тоже ѣхалъ на-дняхъ; съ нимъ мы вмѣстѣ отправились гулять; улицы были скучнѣе чтенія газетъ, такая тоска...

— Пойдемте ко мнѣ обѣдать,—сказалъ я, и мы пошли.

„Вечеръ былъ безсвязенъ, глупъ.

— Итакъ, рѣшено,—спросилъ я А(нненкова), прощаясь,—вы ѣдете въ концѣ недѣли?

---

[1]) Изданіе Львовича. С.-Пбургъ 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Рѣшено.

— Жутко вамъ будетъ въ Россіи?

— Что дѣлать; мнѣ ѣхать необходимо; въ Петербургѣ я не останусь, уѣду въ деревню. Вѣдь, и здѣсь теперь не Богъ знаетъ, какъ хорошо; какъ бы вамъ не пришлось раскаятся, что остаетесь?

„Я,—продолжаетъ Герценъ,—тогда еще могъ возвратиться, корабли не были сожжены, французская полиція еще не писала своихъ доносовъ. Но *внутри* дѣло было рѣшено. Слова А(нненкова) между тѣмъ все-таки непріятно коснулись моихъ обнаженныхъ нервовъ“ [1]).

Герценъ все-таки колебался и еще въ 1849 году предполагалъ на будущій годъ вернуться въ Россію и заняться хозяйствомъ.

Однако, жребій былъ брошенъ. Колебанія продолжались недолго. Жестокій урокъ 1848 года не только не утихомирилъ Герцена, но, наоборотъ, рѣзко видоизмѣнивъ его міросозерцаніе, поставилъ предъ нимъ новую задачу для русскаго политическаго дѣятеля за границей.

Въ русскомъ предисловіи къ книгѣ „Съ того берега“ Герценъ „едва-ли не впервые противопоставляетъ Россію Европѣ и намѣчаетъ основныя точки той славянофильско-соціалистической программы, которую онъ исповѣдовалъ до конца жизни“.

„Для русскихъ за границей,—писалъ Герценъ,—есть еще другое дѣло. Пора, дѣйствительно, знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ, она знаетъ нашъ фасадъ и больше ничего; для этого знакомства обстоятельства превосходны, ей теперь какъ-то не идетъ гордиться и величаво завертываться въ мантію пренебрегающаго незнанія; Европѣ не къ лицу das vornehme Ignoriren Россіи съ тѣхъ поръ, какъ отъ Дуная до Атлантическаго океана они побывали въ осадномъ положеніи, съ тѣхъ поръ, какъ тюрьмы и галеры полны за убѣжденія... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу оцѣнили въ бою, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; разскажемъ ей объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его чрезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться—отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ

[1]) Батуринскій, 54—55. Въ дальнѣйшихъ цитатахъ мы будемъ указывать только страницу.

явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда; они его только боятся, надобно имъ знать, чего они боятся".

„До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надеждъ и развитія, что представляетъ народная жизнь. Мы дождались нѣмца (бар. Гакстгаузена) для того, чтобы рекомендоваться Европѣ. Не стыдно-ли?

„Успѣю-ли я что сдѣлать?.. Не знаю—надѣюсь!

„И такъ, прощайте, друзья, надолго... давайте ваши руки, вашу помощь, мнѣ нужно и то, и другое" [1]).

Много труда и жизни вложилъ Герценъ въ осуществленіе своего плана, Въ брошюрахъ и статьяхъ: „Съ того берега" (1850 г.), „Русскій народъ и соціализмъ" (письмо къ Мишле, 1851 г.), „Старый міръ и Россія" (Письмо къ В. Линтону, 1854 г.), „Еще варіація на старую тему" (1857 г.), „Концы и начала" (1862 г.) Герценъ ставитъ рѣзкій тезисъ, что западный или латино-германскій міръ безсиленъ выйти изъ осужденныхъ его же мыслью буржуазныхъ формъ общества и что примиреніе этой мысли, реализма и системы соціальной справедливости съ дѣйствительностью совершится въ мірѣ славянскомъ, который, особенно русскій народъ, въ своей нетронутой петровской реформою части—въ селѣ сохранилъ основу будущаго строя —въ крестьянской общинѣ.

Интересно отмѣтить, что въ 1843 году Герценъ, занося въ свой дневникъ впечатлѣнія отъ споровъ съ славянофилами, писалъ, между прочимъ:

„Главная ошибка ихъ (славянофиловъ), что, вѣря, *и не безъ основанія*, въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностью соотвѣтствовать высшему логически-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ самомъ младенчествѣ его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностью развитою и осуществившей свое призваніе" [2]).

Вѣря въ будущее славянъ, Герценъ въ сороковыхъ годахъ ясно видѣлъ, однако, слабую базу славянофильства, но это не помѣшало ему, послѣ горькихъ разочарованій 1848 года, вернуться къ отброшенной ошибкѣ и примкнуть къ славянофиламъ, „отличаясь, впрочемъ, отъ нихъ вѣрностью наукѣ, равно какъ и любовью къ свободѣ", отсутствіе чего у славянофиловъ привело ихъ въ лагерь реакціи.

---

[1]) 56.

[2]) Стр. 193.

Вопросу этому посвящено много интересныхъ страницъ въ письмахъ Тургенева, который рѣзко громилъ Герцена за его новые взгляды: „не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни я удалился, какъ говорилъ Гоголь, „подъ сѣнь струй“ европейскихъ принциповъ и учрежденій. Мнѣ было бы 25 лѣтъ, я бы не поступилъ иначе, не столько для собственной пользы, сколько для народа. Роль *образованнаго* класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ рѣшилъ, что ему отвергать или принимать. Это, въ сущности, скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ. Эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, *нѣмецкимъ процессомъ мышленія*, какъ славянофилы, абстрагируя изъ едва понятной и понятой субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что всего важнѣе, въ сущности, вы отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par exellence и даже носитъ въ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ, и отвращеніе ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ... [1]) Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. Земство, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши,— это пресловутое земство оказалось на дѣлѣ такой же кабинетной, высиженной штучкой, какъ родовой бытъ Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ [2]) (истинно потрудился!) и ничто не измѣнитъ теперь моего убѣжденія. *Земство*—либо значитъ то же самое, что значитъ и любое односильное западное слово, либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно ровно ста мужикамъ изъ ста.

„Приходится вамъ пріискать другую троицу, чѣмъ найденная вами „земство, артель и община“, или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность то низвергаться предъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными...

...„Эхъ, старый другъ, повѣрь, единственная точка опоры для живой пропаганды—то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, кото-

---

[1]) Стр. 188.

[2]) „Земство и расколъ“. Ученіе о народно-оппозиціонномъ значеніи раскола составляло уже и тогда одно изъ положеній народничества.

рое Бакунинъ называетъ и гнилыми, и оторванными отъ почвы, и измѣнниками. Во всякомъ случаѣ у *тебя* другой публики нѣтъ".

Въ другомъ письмѣ Тургеневъ, отвѣчая на статьи въ „Колололе", пишетъ:

„Ты съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозу современнаго человѣчества, но почему это непремѣнно западное человѣчество, а не „bipedes" вообще? Ты точно медикъ, который, разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляетъ, что вся бѣда происходитъ отъ того, что паціентъ—французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ ты видишь великую благодать и новизну, и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ, das Absolute, однимъ словомъ, то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи... Исторія, филологія, статистика—вамъ все ни по чемъ; ни по чемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ „genus europaeum" и, слѣдовательно, по самымъ непремѣннымъ законамъ физіологіи должны итти по той же дорогѣ.

„Я не слыхалъ еще объ *уткѣ*, которыя, принадлежа къ породѣ *утокъ*, дышала бы жабрами, какъ рыба... А между тѣмъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ должно быть дорого: а наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмельными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу".

Тургеневъ сначала хотѣлъ отвѣчать Герцену на страницахъ „Колокола", но затѣмъ раздумалъ, но не „почему-то", какъ неопредѣленно говоритъ г. Батуринскій (стр. 182), а въ силу ясныхъ причинъ, излагаемыхъ Тургеневымъ въ письмѣ отъ 8 октября 1862 г. изъ Баденъ-Бадена: „что же касается до моего отвѣта на письма, помѣщенныя въ „Колоколѣ" („Концы и начала"), то уже нѣсколько страницъ было набросано—я тебѣ покажу ихъ—но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ты пишешь мнѣ („Концы и начала" были, въ сущности, обращены къ Тургеневу, который, какъ видѣли читатели выше, упорно отстаивалъ свою широкую западническую точку зрѣнія), я пріостановлюсь, тѣмъ болѣе, что подъ рукою получилъ офиціозное предостереженіе не печататься въ „Колоколѣ".

Тургеневъ, такимъ образомъ, опасался офиціальныхъ преслѣдованій, которымъ, впрочемъ, онъ впослѣдствіи и подвергся.

III.

Въ отмѣченной нами выше статьѣ „Душевная драма Герцена“, г. Сергѣй Булгаковъ дѣлаетъ попытку объяснить переворотъ, пережитый Герценомъ съ точки зрѣнія идеалистической философіи, къ которой авторъ перешелъ отъ марксизма. Г-нъ Булгаковъ весьма безпощадный человѣкъ. Хотя Герценъ для него великій человѣкъ, хотя при его имени сердце г-на Булгакова „учащенно бьется“ и „расширяется грудь“, однако, эти красивыя и вѣрныя слова не обязываютъ г. Булгакова ни къ чему, оба они, повидимому, сорвались случайно съ талантливаго пера.

Г нъ Булгаковъ не признаетъ въ Герценѣ философа. Пусть такъ: сочиненія Герцена не будутъ имѣть „чести“ лежать на полкѣ рядомъ съ патентованными философами, покрытыми плѣсенью и зеленью, не будутъ они цитироваться университетскими Вагнерами, заблудившимися въ трехъ соснахъ абсолютовъ, не потревожатъ ученыхъ, витающихъ въ надзвѣздныхъ пространствахъ. Въ этомъ для Герцена нѣтъ ни большого зла, ни безчестія, хотя справедливость требуетъ признать, что въ каждой мысли Герцена больше, во всякомъ случаѣ, философіи, чѣмъ въ доморощенныхъ домыслахъ современныхъ пошехонскихъ метафизиковъ.

Далѣе, Герценъ, по обвинительному акту г-на Булгакова, оказывается повиннымъ въ атеизмѣ и позитивизмѣ, до глубинъ которыхъ онъ дошелъ и откуда вернулся, „чтобы разсказать, что на днѣ таится отчаяніе“.

И, наконецъ, Герценъ нашелъ выходъ изъ нравственнаго кризиса въ „духовномъ возвращеніи на родину“, выразившемся въ новой перестройкѣ его міросозерцанія, въ признаніи Россіи — мессіей, въ славянофильскомъ утопизмѣ. Признавая всю силу арументаціи Герцена противъ буржуазіи и клейма вмѣстѣ съ нимъ мѣщанство, г-нъ Булгаковъ весьма рѣзко отчитываетъ, съ современной идеалистической точки зрѣнія, ошибки Герцена о возрожденіи неспособнаго къ соціальному творчеству Запада—Россіей съ ея общиннымъ укладомъ, ошибки, сдѣланныя полстолѣтія тому назадъ

„Что противопоставлялъ Герценъ европейскому мѣщанству, которое его такъ глубоко оскорбляло, и почему онъ считалъ Россію призванною осуществить идеи запада? Отвѣтъ поражаетъ своей несообразностью, своимъ несоотвѣтствіемъ вопросу, и въ этомъ опять сказывается вся *ограниченность* (?!) міровоззрѣнія Герцена: потому что въ Россіи сохранилась всѣми правдами и неправдами поземельная община и признаніе права всѣхъ на землю (довольно проблематичное).

„Огромная нравственная проблема,—говоритъ г. Булгаковъ (стр. 194),— міровой вопросъ въ полномъ смыслѣ слова, вопросъ о возможности настоящей, т. е. не мѣщанской цивилизаціи, унижается, вульгализируется

такимъ до дѣтскости наивнымъ и до мѣщанства матеріалистическимъ отвѣтомъ. Въ этомъ формальномъ несоотвѣтствіи вопроса и отвѣта, размаха и удара есть что то поистинѣ трагическое... Герценъ снова и со всей силой ударяется головой о границы своего позитивнаго міросозерцанія, которое слишкомъ тѣсно для его запросовъ... Герценъ это Прометей, прикованный, или, вѣрнѣе, самъ себя приковавшій къ безплодной скалѣ позитивизма, и каждый умственный его полетъ, смутное влеченіе въ запредѣльныя сферы только болѣе даютъ чувствовать цѣпи здраваго смысла, посредствомъ котораго Герценъ хотѣлъ рѣшать всѣ вопросы бытія. Философія Герцена ниже его личности; умственный мѣщанинъ, резонеръ здраваго смысла душитъ Прометея, постоянно палимаго тѣмъ внутреннимъ огнемъ, который былъ похищенъ имъ съ неба".

Вопросъ рѣшенъ по трафареткѣ, на которой начертаны буквы „идеалистическаго и религіознаго міровоззрѣнія, признанія того, что за міромъ явленій есть область истинно сущаго бытія, міръ идеальный, царство абсолютной Истины, Добра и Красоты". Все, что не подходитъ къ этой трафареткѣ, отъ лукаваго, т. е. отъ позитивизма, то гибнетъ вслѣдствіе этого то „дѣтски наивно" и „до мѣщанства матеріалистично, ограниченно", „безплодно" и т. д. И вся предшествующая исторія борьбы человѣка за лучшую жизнь, какимъ бы трагическимъ величіемъ она насъ ни поражала, какими бы страданіями она ни сопровождалась, вся эта исторія, которая упрямо не хочетъ входить въ подозрительныя тѣснины тройныхъ скалъ (истины, добра и красоты), неизвѣстно гдѣ существующихъ, объявляется внѣ закона, правды и справедливости.

Счастливъ г. Булгаковъ, рѣшающій вопросы съ прямолинейностью богомаза, распредѣляющаго на картинѣ страшнаго суда кого — въ адъ къ чертямъ, кого—въ рай къ ангеламъ. Счастливъ онъ какъ философъ и какъ историкъ: его упрощенный методъ суда облегчаетъ ему самымъ рѣшительнымъ образомъ разгадку самыхъ мудреныхъ загадокъ жизни и мысли: вѣрующіе „въ міръ идеальный" спасутся, прочіе погибнутъ; тяготѣвшіе къ міру идеальному — правы, умны и велики; отрицавшіе его—ограниченны, наивны и безплодны. Такая критическая оцѣнка явленій, безъ стѣсненія исторической перспективой, подобна пріему щедринскаго героя, въѣхавшаго въ городъ на бѣломъ конѣ и упразднившаго науки. Г. Булгаковъ признаетъ только метафизику и, блуждая въ трехъ соснахъ своихъ абсолютовъ, чертитъ намъ упрощенные критеріи оцѣнки соціальныхъ явленій, ихъ статики и динамики.

Г-нъ Булгаковъ думаетъ, что „путь" Герцена, его „исканія", „боренія" и т. д. указують лишь на одно—на необходимость ниспроверженія позитивизма и провозглашенія абсолютизма метафизики.

Таковы выводы изъ „душевной драмы“ Герцена.

Драма эта дѣйствительно сложна, но дѣло въ томъ, что ее переживалъ не одинъ Герценъ. Это драма русской жизни, русскаго общества. Герценъ, какъ мы говорили, былъ геніальнымъ резонаторомъ, усиленно отражавшимъ подпочвенную работу скрытой и скрывавшейся русской мысли. Столкновеніе съ Западомъ вскрыло людямъ сороковыхъ годовъ много тайныхъ язвъ блестящей культуры, а поиски идеальнаго соціальнаго уклада заставляли мысль мучительно работать надъ вопросомъ, какъ, не заражаясь этими тайными язвами, перейти къ лучшимъ формамъ соціальной жизни? Славянофилы пошли своей дорогой и всѣ они въ концѣ концовъ уперлись въ тупикъ реакціи. Герценъ обошелъ славянофильство слѣва, послѣ мучительнаго процесса и пытокъ духа, и пошелъ крайней дорогой, своеобразно распутывая аріаднину нить, которую онъ нашелъ, какъ ему казалось, для выхода изъ лабиринта сложныхъ проблемъ русской исторіи и текущей жизни.

Но все же пошелъ онъ, какъ вѣрно замѣтилъ Тургеневъ, „нѣмецкимъ методомъ мышленія“; въ основѣ его идей лежало то же гегеліанство, то же ученіе о смѣнѣ передовыхъ національностей въ ступенеобразномъ развитіи всемірной исторіи, при чемъ въ конечной ступени развитія человѣчества ставились вмѣсто нѣмцевъ—славяне. Глубокій, скептическій и тревожный умъ Герцена не могъ ограничиться одною критикою язвъ и ранъ западной культуры. Слишкомъ впечатлительный, экспансивный и страстный Герценъ не могъ оставаться на ледяныхъ высотахъ объективизма и съ хладнокровіемъ Вагнера анализировать соотношеніе силъ въ будущемъ. Настоящее его давило. Кровавымъ кошмаромъ стояли событія 1848 и послѣдующихъ годовъ. Соціальныя мечты потонули въ морѣ братской крови, и республику увѣнчалъ „Мазурикъ III“—Наполеонъ. Гнусность буржуазіи била по лицу, какъ наглая пощечина, и только гнѣвными строками могъ заклеймить тогда мѣщанство запада Герценъ.

Смѣлою мыслью онъ обратился домой за разгадкой тайнъ. Не какъ безстрастный философъ, не какъ бездушный академикъ смотрѣлъ на народъ—спавшаго богатыря—Герценъ. Онъ глядѣлъ на Россію тоскующимъ, измученнымъ взглядомъ горячо любящаго сына и ждалъ отвѣта отъ родины. Тоска по ней была сильна въ его душѣ, а издали родина казалась прекраснѣе, какъ кажется прекраснѣе недоступная мечта... И идею безсилія запада и творческой силы Россіи онъ почерпнулъ путемъ мучительнаго процесса *горячо вѣрующей* мысли. Менѣе всего въ этомъ процессѣ творчества новой схемы Герценъ былъ позитивистомъ. Новая схема создана сложнымъ комплексомъ его идейныхъ силъ: метафизическая школа прошлаго, временный крахъ западной культуры, тоска по любимой родинѣ,

религіозное поклоненіе народу, лирическій широкій романтизмъ, такъ свойственный нашимъ общественнымъ движеніямъ.

Позитивистъ долженъ былъ бы считать и учитывать, а не мечтать. А Герценъ вернулся къ абсолютамъ подъ великорусскимъ соусомъ, и изъ общины, артели и земства сдѣлалъ новыхъ боговъ, потому что этихъ боговъ дѣлала русская жизнь; Герценъ же, какъ геніальный мастеръ, отдѣлывалъ ихъ въ раму своей блестящей мысли.

И первоначальное народничество повторило ошибку Герцена. Но теперь легко говорить объ ошибкѣ, потому что въ перспективѣ прошлаго намъ ясно виденъ весь логическій процессъ ея авторовъ, а знаніе дало намъ новое богатство фактовъ. Но тогда вся эта „драма" русской жизни развивалась своимъ естественнымъ путемъ и имѣла свои естественныя причины и слѣдствія.

Г-нъ Булгаковъ неправъ и въ томъ отношеніи, что, примѣняя заднимъ числомъ религіозно-идеалистическую точку зрѣнія къ схемѣ Герцена (слѣдовательно, и послѣдующаго народничества) [1], считаетъ единственнымъ ея содержаніемъ тезисъ объ общинѣ. Тезисъ объ общинѣ былъ однимъ изъ капитальныхъ въ этой схемѣ, но не исчерпывалъ всего ея содержанія. Оно было основано на теоретическихъ и историческихъ построеніяхъ и насквозь пропитано идеалами соціальнаго переустройства, какъ первой задачи времени.

IV.

Съ 1850 г. начинается усиленная литературная дѣятельность Герцена. Помимо тѣхъ изданій, какія мы перечислили, въ томъ-же 1850 г. появились его „Письма изъ Франціи и Италіи"; въ 1851 г. „Du developpement des idées révolutionnaires". Въ 1853 году Герценомъ была основана въ Лондонѣ русская типографія и выпущены первые политическіе памфлеты на русскомъ языкѣ. Въ 1854 г. появились первые отрывки изъ „Былого и Думъ"; въ слѣдующемъ году — первая книга „Полярной Звѣзды"; въ 1856 г. — двѣ книги „Голосовъ изъ Россіи" и 2-ая книга „Полярной Звѣзды".

Друзья Герцена были очень обезпокоены. Смѣлые шаги его, окончательно рвавшіе всѣ связи съ родиной, пугали многихъ. Въ 1858 году Герцена въ Лондонѣ посѣтилъ знаменитый артистъ М. С. Щепкинъ.

„— Я мало-по-малу,—разсказываетъ Герценъ [2], — замѣтилъ что-то

[1] Въ предисловіи къ своему сборнику г. Булгаковъ болѣе „позитивно" относится къ „экономическому славянофильству русскаго народничества" и не мѣряетъ его на свой идеалистическій аршинъ.

[2] Батуринскій, 44—45.

печальное, будто какая-то затаенная мысль мучила честное выраженіе его лица. И дѣйствительно, на другой день мало-по-малу разговоръ склонился на типографію, и Щепкинъ сталъ мнѣ говорить о тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ въ Москвѣ была принята сначала моя эмиграція, потомъ моя брошюра „Du developpement des idées révolutionnaires“, наконецъ, лондонская типографія.

„— Какая можетъ быть польза отъ вашего печатанія? Вы сгубите бездну народа, сгубите вашихъ друзей...

„— Однако-же, Михаилъ Семеновичъ, до сихъ поръ Богъ миловалъ, и изъ-за меня никто не попался.

„Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ, я видѣлъ ясно, что это *не только* личное мнѣніе Щепкина; если-бы оно было такъ, въ его словахъ не было-бы того императивнаго тона.

„Разговоръ этотъ для меня замѣчателенъ, въ немъ слышны первые звуки московскаго *консерватизма*, не въ кругѣ Сергѣя Михайловича Голицына, праздныхъ помѣщиковъ, праздныхъ чиновниковъ, а въ кругѣ образованныхъ людей, литераторовъ, артистовъ, профессоровъ. Я слыхалъ въ первый разъ это мнѣніе, выраженное такимъ образомъ; оно меня поразило, хотя я тогда былъ очень далекъ, чтобы понять, что изъ него впослѣдствіи разовьется то упрямо-консервативное направленіе, которое изъ Москвы сдѣлало, въ самомъ дѣлѣ, Китай-городъ.

„— Александръ Ивановичъ,—сказалъ Щепкинъ, вставая и прохаживаясь въ волненіи по комнатѣ, — вы знаете, какъ я васъ люблю и какъ всѣ наши васъ любятъ... Я вотъ на старости лѣтъ, не говоря ни слова по-англійски, пріѣхалъ на васъ посмотрѣть въ Лондонъ. Я сталъ-бы на свои старыя колѣни передъ тобой, сталъ-бы просить тебя остановится, пока есть время“.

Миссія Щепкина, конечно, не удалась. Еще раньше, въ іюлѣ 1849 г., Тургеневъ писалъ о намѣреніи Герцена заняться издательствомъ: „слышалъ я объ одномъ твоемъ намѣреніи и *не хвалю тебя* за то, за что тебя многіе хвалить будутъ“ [1]).

Всѣ эти опасенія вскорѣ исчезли. Отрицательное отношеніе къ Герцену быстро измѣнилось. Атмосфера въ Россіи стала проясняться. Пульсъ общественной жизни поднялся. Банкротство подъ Севастополемъ открыло глаза даже слѣпымъ, и занялся свѣтъ новой зари.

Въ 1857 году К. Дм. Кавелинъ ѣздилъ за-границу для свиданія съ императрицей Маріей Александровной послѣ приглашенія Кавелина въ наставники къ цесаревичу Николаю Александровичу. Изъ дневника Каве-

---

[1]) 56.

лина объ этой поѣздкѣ, цитируемаго въ извѣстной книгѣ г. Корсакова, видно, что даже въ разговорѣ Кавелина съ императрицей было упомянуто объ отношеніяхъ его къ Герцену. На слова Кавелина о знакомствѣ со многими либералами императрица прервала его и замѣтила, улыбаясь:

„— Прочія дружбы не могутъ вамъ повредить, но что касается до Герцена... je vous en veux aussi pour cela".

Разговоръ этотъ происходилъ 17 (29) августа 1857 г., а вслѣдъ затѣмъ Кавелинъ уѣхалъ въ Остенде и послалъ Герцену письмо, любопытное во многихъ отношеніяхъ.

Съ 1 іюля 1857 г. Герценъ уже началъ издавать свой „Колоколъ", но, повидимому, Кавелинъ не успѣлъ еще ознакомиться съ номерами этого новаго изданія и, говоря въ письмѣ о „журналахъ" своего друга, онъ имѣлъ въ виду „Полярную Звѣзду".

Интересна характеристика переживавшагося тогда Россіей времени въ устахъ хорошо знавшаго дѣла своей родины Кавелина.

„По мѣрѣ того, какъ жизнь подвигается впередъ, несостоятельность существующаго выдается все съ большею и большею выпуклостью и рѣзкостью. Бездна, въ которую безстрашно мы глядѣли, открывается все шире и, по мѣрѣ того, какъ она переходитъ въ событіе, невольно овладѣваетъ умомъ раздумье и ужасъ. Все валится, все разрушается, ничего пока не создается, нѣтъ возможности провидѣть того синтеза, на которомъ построится новое общественное зданіе. Страшно жить посреди этого процесса разложенія и удушливой атмосферы, которою онъ всегда сопровождается...

„*Посреди такихъ обстоятельствъ одна потребность въ особенности живо чувствуется. Это—потребность гласности.* Бродящіе элементы ищутъ выхода, выраженія, и не находятъ его... Нужна возможность обсуждать наши вопросы въ подробностяхъ, безъ иносказаній, а ея-то и нѣтъ къ несчастію... При такихъ обстоятельствахъ заграничный органъ для общественнаго мнѣнія есть насущная потребность, какъ пища и питье для человѣка. Но органъ долженъ быть непремѣнно умѣренный, который чрезъ это получилъ бы возможность входить во всѣ интересы, служить органомъ для всѣхъ (?) мнѣній".

Кавелинъ хвалитъ „Голоса изъ Россіи", а также воспоминанія Герцена въ „Полярной Звѣздѣ" и холодно относится къ прочимъ статьямъ. Затѣмъ Кавелинъ совѣтуетъ издавать на французскомъ языкѣ газету, „которая посвятила бы себя исключительно критикѣ нашего законодательства и администраціи съ самой умѣренной точки зрѣнія, но подъ этимъ знаменемъ безпощадно, хотя и спокойно, преслѣдовала бы всѣ нелѣпости, безсмыслицы и административныя, и судебныя преступленія, отъ которыхъ

мы задыхаемся. Эффектъ такой газеты былъ бы страшный. Будь увѣренъ, чтобы дѣйствовать на нашу образованную публику, надобно проникнуться ея точкою зрѣнія, а она пока состоитъ въ ядовитой критикѣ деталей. До принциповъ добрались немногіе"...

Кавелинъ, конечно, отражалъ настроенія петербургскихъ интеллигентныхъ кружковъ, и, такимъ образомъ, идея руководящей заграничной газеты носилась въ воздухѣ. „Колоколъ" нащупалъ почву и началъ звонить. Уже черезъ двѣ недѣли послѣ выхода въ свѣтъ перваго № Тургеневъ писалъ Герцену:

„Твой „Колоколъ" достигъ высочайшихъ регіоновъ [1]); какое онъ тамъ произвелъ впечатлѣніе, самъ можешь посудить".

V.

„Колоколъ" съ перваго же момента своего появленія получилъ широкое распространеніе по всей Россіи и имѣлъ громадный успѣхъ. Потребность въ гласности, обрисованная такъ энергично Кавелинымъ, удовлетворялась органомъ Герцена вполнѣ: журналъ былъ прекрасно освѣдомленъ изъ всѣхъ сферъ и производилъ впечатлѣніе богатствомъ и точностью своихъ данныхъ. При блестящемъ публицистическомъ талантѣ редактора, „Колоколъ" сумѣлъ завязать прочныя связи съ той средой, которая наиболѣе живо чувствовала отсутствіе гласности, и въ рядахъ его сотрудниковъ мы видимъ блестящія имена Тургенева, Кавелина, Мельгунова, И. С. Аксакова, Самарина, Кошелева, Бѣлоголоваго, В. П. Боткина и мн. др. Такіе корреспонденты обезпечили „Колоколу" полную освѣдомленность во всѣхъ дѣлахъ.

Между редакціей и сотрудниками установилось непрерывное общеніе, и по письмамъ Кавелина и Тургенева можно прослѣдить, какой восторгъ возбуждалъ тогда Герценъ. Въ августѣ 1859 года Кавелинъ пишетъ Герцену:

„Тебѣ лавровый вѣнокъ, представителю русской мысли, свободной, чающей свое величіе и свою неизмѣримую будущность. Если она, въ лицѣ твоемъ, носитъ вмѣстѣ съ лавровымъ и терновый вѣнецъ, то тѣмъ прекраснѣе она въ моихъ глазахъ. Горе торжествующему, если скорбь не примѣшана къ его подвигамъ. Съ той самой минуты, какъ мученичество стало для человѣка предметомъ обожанія, оно легло краеугольнымъ камнемъ всего великаго въ мірѣ, и такимъ будетъ на вѣчныя времена... Идите бодро своей дорогой. Сѣмена, которыя вы сѣете, падутъ на доб-

[1]) Дворца.

рую почву, т. е. на подпочву русскую, свѣжую, не развращенную книжнымъ ученіемъ (?)"...

Въ полномъ восторгѣ отъ Герцена Кавелинъ, состоявшій тогда при дворѣ въ качествѣ преподавателя, восклицаетъ:

„Я не могу любить тебя, какъ совершенно равнаго, потому что преклоняюсь передъ тобой и вижу въ тебѣ великаго человѣка!".

Время изданія „Колокола" до момента польскаго возстанія 1863 года является медовымъ мѣсяцемъ вліянія Герцена. До 1856 года ему пришлось влачить скучные дни. Съ того момента, какъ онъ сталъ работать за вольны ъ станкомъ, онъ успѣлъ уже устать. „Печатая листъ за листомъ и ссыпая груды отпечатанныхъ брошюръ и книгъ въ подвалы Трюбнера,— разсказываетъ Герценъ [1]), я почти не имѣлъ возможности переслать что-нибудь за русскую границу. Не продолжать—я не могъ: русскій станокъ былъ для насъ дѣломъ жизни, доской изъ отчаго дома, которую переносили съ собой древніе германцы,—съ нимъ я жилъ въ русской атмосферѣ, съ нимъ я былъ вооруженъ. Но при всемъ томъ глухо пропадавшій трудъ утомлялъ, руки опускались. Вѣра слабѣла минутами и искала знаменій, и не только ихъ не было, но не было *ни одного слова* сочувствія изъ дому".

„За дѣло!—восклицаетъ Герценъ.—И за дѣло я принялся съ удвоенными силами. Работа не пропадала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ, громкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. „Полярная Звѣзда". читалась нарасхватъ.

„Весной 1856 года пріѣхалъ Огаревъ, годъ спустя (1 іюля 1857 г.) вышелъ первый листъ „Колокола"...

„Вліяніе „Колокола" въ одинъ годъ далеко переросло „Полярную Звѣзду". „Колоколъ" въ Россіи былъ принятъ отвѣтомъ на потребность органа, не искаженнаго цензурными условіями. Горячо привѣтствовало насъ молодое поколѣніе, были письма, отъ которыхъ навертывались слезы на глаза... Но и не одно молодое поколѣніе поддерживало насъ.

„Колоколъ"—*власть*, говорилъ мнѣ—horribile dictu!—*Катковъ* и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу. И прежде его повторяли то же и Тургеневъ, и Аксаковъ, и Самаринъ, и Кавелинъ, генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой; самъ В. П. Боткинъ, — постоянный, какъ подсолнечникъ, въ своемъ поклоненіи всякой силѣ,—умильно смотрѣлъ на „Колоколъ", какъ будто онъ былъ начиненъ трюфелями.

[1]) 78 и слѣд.

„Во дворцѣ „Колоколъ“ получилъ свое гражданство еще прежде. По статьямъ его государь велѣлъ пересмотрѣть дѣло „стрѣлка Кочубея“ [1]), подстрѣлившаго своего управляющаго.

„Горчаковъ съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ „Колоколѣ“ отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу.

— Кто-же,—говорилъ онъ,—могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто-нибудь изъ присутствовавшихъ?

„На меня обрушился ливень писемъ и корреспонденцій,—изъ всѣхъ частей Россіи“.

Герценъ очень внимательно прислушивался къ указаніямъ и критическимъ замѣчаніямъ, которыя дѣлали порой его корреспонденты по адресу „Колокола“.

Такъ, Тургеневъ давалъ ему совѣтъ осторожнѣе относиться къ такому-то лицу или дѣлу. Въ одномъ изъ писемъ (отъ 1 января 1861 г. [2]) Герцену дается такое указаніе:

„Просятъ тебя очень щадить великаго князя Константина Николаевича въ твоемъ журналѣ, потому что, между прочимъ, онъ, говорятъ, ратоборствуетъ, какъ левъ, въ дѣлѣ эмансипаціи противъ дворянской партіи и каждое твое немилостивое слово больно отзывается въ его чувствительномъ сердцѣ“.

Къ этому письму Тургеневъ приложилъ письмо А. В. Головнина къ кн. Н. И. Трубецкому по поводу сдѣланныхъ Герценомъ въ № 86 „Колокола“ (въ статьѣ „Крузенштернъ, Нолькинъ, плюха, линьки, обезьяна и Анкулиновъ“) вопросовъ объ истязаніи матросовъ. По этому дѣлу было произведено разслѣдованіе. А. В. Головнинъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, служилъ тогда въ морскомъ министерствѣ и былъ приближеннымъ великаго князя Константина Николаевича. Головнинъ былъ связанъ дружбой съ Тургеневымъ и послѣдній пользовался свѣдѣніями Головнина для „Колокола“. Въ цитированномъ письмѣ Тургеневъ проситъ хранить въ тайнѣ его посредничество въ передачѣ „Колоколу“ матеріаловъ отъ такихъ лицъ, какъ Головнинъ (а также кн. Орловъ и мн. др.).

Въ русскихъ литературно-политическихъ кругахъ произвело большое впечатлѣніе письмо за подписью Ч., появившееся въ № 82—83 „Коло-

---

[1]) Дѣло „стрѣлка Кочубея“ было послано Герцену Тургеневымъ, который получилъ его „изъ самовѣрнѣйшаго источника“.

[2]) 113.

кола“ (1 января 1859 г.) подъ заглавіемъ „Обвинительный актъ“ (заглавіе дано самимъ Герценомъ).

Ч. отъ имени „значительной части мыслящихъ людей“ въ Россіи обрушивается на „Колоколъ“ за его дѣятельность, по мнѣнію Ч., получившую извращенный характеръ.

„Какая почва для политическаго писателя, пишетъ, между прочимъ, Ч.: правительство, ищущее опоры, народъ, жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетенъ и дрязгъ, окружающихъ ежедневную жизнь.

„Вы можете взвѣсить каждое свое слово и безпристрастно высказывать правду всѣмъ и каждому, обличать злоупотребленія, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль... Въ вашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе: вы сила, вы власть въ русскомъ государствѣ“.

Обвиняя Герцена въ страстности и необузданныхъ порывахъ, Ч. указываетъ на важность переживаемаго періода времени.

„У насъ совершаются великія гражданскія преобразованія, распутываются отношенія, созданныя вѣками. Вопросъ касается самыхъ живыхъ интересовъ общества, тревожитъ его въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующія стремленія, согласить враждебные интересы, развязать вѣковые узлы, чтобы путемъ закона перевести одинъ гражданскій порядокъ на другой!“ Далѣе, идутъ упреки Герцену въ освященіи имъ насилія.

„Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоцѣннымъ растеніемъ, которое надобно заботливо насаждать и терпѣливо лелѣять, какъ лучшій даръ общественной науки. Пусть все это унесется въ роковой борьбѣ, пусть вмѣсто уваженія къ праву и къ закону водворится привычка хвататься за топоръ—вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ во что бы то ни стало нужна цѣль, а какимъ путемъ она достигнется—безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ—это для васъ вопросъ второстепенный... Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніямъ къ одной силѣ, вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать не учтиво..“

Упрекая затѣмъ „Колоколъ“ въ нетерпѣливомъ отношенія къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, Ч. вновь подчеркиваетъ вредъ страстной политической пропаганды, создающей легкомысленное отношеніе къ политическимъ вопросамъ.

Въ заключеніе Ч. „охотно признаетъ“ за Герценомъ „существенную

заслугу—раскрытіе злоупотребленій". „Передъ вашей уликой задумается лихоимецъ и притѣснитель въ самымъ отдаленныхъ областяхъ Россіи. Правительственнаго контроля онъ не боится, онъ съ молоду привыкъ его обходить, но онъ не уйдетъ отъ контроля гласности, которая невидимо сторожитъ его въ лицѣ всѣхъ окружающихъ... съ этой стороны... вы имѣете право на благодарность всѣхъ и каждаго, каково бы ни было различіе политическихъ направленій".

Письмо это произвело бурю. Герценъ получилъ массу сочувственныхъ писемъ. Наиболѣе горячо отозвался Кавелинъ, который, несмотря на нежеланіе Герцена, настоялъ на помѣщеніи въ „Колоколѣ" отвѣта г-ну Ч.

Этотъ отвѣтъ написанъ Кавелинымъ очень горячо. Упрекая Ч. въ томъ, что онъ требовалъ напечатанія своего письма, Кавелинъ утверждаетъ, что авторъ руководился не теплымъ желаніемъ добра, а „увлеченіемъ обидчиваго самолюбія", оскорбленнаго отзывомъ „Колокола" о доктринерахъ. Протестъ Ч. противъ сердца и горячности Герцена Кавелинъ находитъ нелѣпымъ. „Дѣятель и мыслитель безъ сердца—гробъ". Люди, признающіе это, и видятъ ошибки „Колокола", но въ то же время видятъ въ немъ сердечный жаръ, горячую любовь добра и истины, они любятъ его, какъ любитъ его вся Россія. Если бы вы,—продолжаетъ Кавелинъ, обращаясь къ Ч.,—не видѣли этого кругомъ васъ, вы не обратились бы къ нему съ тѣми требованіями, съ какими вы обратились въ вашемъ письмѣ"...

„Вы съ презрительной, самодовольной усмѣшкой смотрите на движеніе сердца; вы гордитесь тѣмъ, что прониклись холодными принципами науки. Садитесь, пожалуйста, рядомъ съ вашими родными братьями, благородными представителями Франціи 1848 года, которые вызвали сами рѣзню, а потомъ нещадно казнили невинныхъ. Будьте спокойны, „Колоколъ" не будетъ причиной пролитія хоть единой капли крови. Это вы, вы, единственно вы можете быть причиной".

„...Вы говорите обвиняемому, что онъ *преступникъ* передъ исполненіемъ своей великой задачи. А вы исполнили вашу задачу, безъ исполненія которой неисполнима задача „Колокола"? Сообщали-ли вы „Колоколу" вѣрныя данныя о состояніи Россіи? Вѣдь, изъ газетъ—изъ нашихъ-ли, изъ иностранныхъ-ли,—не много узнаешь вѣрнаго о Россіи. Ошибки и промахи „Колокола" лежатъ на насъ, а не на немъ".

„...Пусть обвиняемый не сдѣлалъ ничего больше, какъ открылъ контроль общественнаго мнѣнія и гласность преступленій,—этого мало съ васъ? Вѣдь, тошно читать вашу благодарность объ этомъ. Развѣ вы можете отвергнуть, что этотъ контроль предупреждалъ тысячи и тысячи преступленій, тысячи и тысячи горькихъ жертвъ. Что, кажется, было умнѣе

открыть этакій контроль давно; однако, одинъ умъ безъ сердца не придумалъ этого!"

„...Упоминая о вопросѣ освобожденія крестьянъ, вы говорите, что эта реформа не можетъ совершиться вдругъ, и нѣсколько разъ повторяете о противоборствующихъ стремленіяхъ, о враждебныхъ и животрепещущихъ интересахъ, о вѣковыхъ узлахъ, о вѣковыхъ запутанныхъ учрежденіяхъ и т. п., вы говорите что нужно терпѣніе, осторожность, что надо все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить. Экій наборъ ничего не говорящихъ словъ! Что вы сказали этими фразами? Вѣдь, коли вы явились добровольно обвинителемъ въ необдуманности, такъ подавайте намъ не пустословіе, а вашу обдуманную мысль... давайте ее сюда, гдѣ она?"

„Читая ваши взгляды на вопросъ реформы, мнѣ представилось, что они имѣютъ сходство со взглядами слесаря, передъ которымъ навалили груду всевозможныхъ частей машины и говорятъ ему: собери машину и пусти въ ходъ. Слесарь можетъ быть и отличный мастеръ, отлично умѣетъ ковать, пилить, точить нѣкоторыя части машины, но онъ все таки слесарь, а не механикъ... И будетъ слесарь изслѣдовать и собирать машину нѣсколько разъ, а все таки соберетъ ее ощупью, все таки машина будетъ скрипѣть. А придетъ механикъ и соберетъ ее въ часъ, и пойдетъ машина работать такъ, что любо смотрѣть"...

Кавелинъ переслалъ Герцену слѣдующее письмо, полученное имъ вскорѣ послѣ напечатанія отвѣта Ч-у.

„М. Г. Константинъ Дмитріевичъ. Позвольте выразить вамъ наше полное сочувствіе къ вашему письму, написанному въ отвѣтъ письму г-на Ч., помѣщенному въ 29 № „Колокола". И. Бабстъ. N. N. П. Анненковъ. Ив. Тургеневъ. И. Масловъ. N. N.

VI.

Редакція „Колокола" была не только центромъ русской оппозиціонной мысли, но пыталась кое что сдѣлать и въ практическомъ отношеніи. Въ 1860 г. въ Англіи, на о. Уайтѣ, собрался большой русскій кружокъ; въ немъ были: И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, гр. А. К. Толстой (поэтъ) В. П. Боткинъ, братья графы Ростовцевы (сыновья В. Ростовцева) и др. Въ этомъ кружкѣ возникла мысль основать „Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія". За это дѣло очень горячо принялся И. С. Тургеневъ, но проектъ не вышелъ изъ области теоретическихъ предположеній, въ виду измѣнившагося за это время взгляда петербургскихъ сферъ на дѣятельность частной инициативы въ области народнаго образованія.

Между тѣмъ приближались тревожные дни.

„Періодъ 1857—1862 года [1]) былъ не только временемъ наибольшей популярности Герцена, но также и наибольшей, такъ сказать, его общедоступности. На свиданье къ нему въ Лондонъ или на островъ Уайтъ ѣздили люди въ родѣ Каткова и Чичерина, Боткина и Тургенева, братьевъ Ростовцевыхъ, Писемскаго, не говоря уже о представителяхъ болѣе радикальныхъ теченій, въ родѣ Чернышевскаго и Добролюбова, а также о массѣ молодежи. Поѣздки такого рода были „модой", и до 1862 года сходили съ рукъ благополучно, т. е. на нихъ смотрѣли сквозь пальцы. Рѣзкое положеніе, занятое Герценомъ въ польскомъ вопросѣ, пріѣздъ въ Лондонъ Бакунина, соціалистическая окраска, приданная Огаревымъ и Бакунинымъ „Колоколу", заставили правительство отнестись строже къ поклонникамъ Герцена. Уже въ маѣ 1862 года графы Ростовцевы, занимавшіе блестящее положеніе при дворѣ, были исключены изъ службы безъ объясненія причинъ и имъ дано было понять, что причиной столь суровой мѣры послужили ихъ поѣздки къ Герцену. Тогда же былъ арестованъ за сношенія съ Герценомъ литераторъ В. П. Гаевскій. Даже такіе люди, какъ братья Рубинштейны, которые еще въ дѣтствѣ бывали въ домѣ Герцена въ Москвѣ и которые посѣщали его въ Лондонѣ безъ всякихъ политическихъ цѣлей, подвергались при возвращеніи въ Россію обыску на границѣ. Немудрено, что въ это время было обращено вниманіе и на отношенія Тургенева къ Герцену, тѣмъ болѣе, что отношенія эти ни для кого не были тайной, да и самъ Тургеневъ не скрывалъ своихъ дружескихъ чувствъ къ Герцену".

Въ концѣ концовъ дѣло о Тургеневѣ было начато [2]) и его вызвали въ Россію; вскорѣ дѣло окончилось благополучно, но зато Герценъ усмотрѣлъ въ поступкахъ Тургенева нѣкоторое отступничество.

VII.

1863 годъ былъ роковымъ для Герцена. Съ этого момента начинается паденіе „Колокола".

„Колоколъ" былъ органомъ независимаго общественнаго мнѣнія, разсчитаннымъ на самую широкую публику, самыхъ разнообразныхъ слоевъ, состояній и положеній. Онъ удовлетворялъ интересамъ гласности, какъ таковой, и не былъ выраженіемъ мнѣній данной партіи. При такой

---

1) Стр. 203, и слѣд.

2) Тургеневъ подалъ просьбу государю, чтобы вопросные пункты были присланы ему въ Парижъ.

широкой постановкѣ дѣла всякая исключительность, крайнія и рѣзкія грани политическихъ и соціальныхъ требованій не могли разсчитывать на большую аудиторію въ Россіи, только что сбросившей крѣпостное иго и еще болѣвшей послѣдствіями этой язвы. Между тѣмъ „Колоколъ“ все более и болѣе уклонялся въ крайнюю лѣвую. Бакунинъ и Огаревъ внесли въ него много своего, и органъ широкой массы сталъ пріобрѣтать печать кружковщины, не находившей себѣ достаточной почвы въ условіяхъ русской жизни.

Симптомы, угрожавшие въ этомъ отношеніи „Колоколу“, были видны уже давно.

Оторванность Герцена отъ русской жизни, конечно, во многомъ измѣняла его перспективу. Какъ бы ни были важны и солидны непрекращавшіяся его связи съ Россіей, все же корреспонденціи и показанія единичныхъ очевидцевъ не могли замѣнить ему непосредственнаго созерцанія картины жизни, такъ усложнившейся и уплотнившейся съ новой эрой въ русской исторіи. Послѣ крупнаго перелома подъ Севастополемъ, новообразованія въ жизни стали развиваться быстро, и истинному человѣку 40-хъ годовъ было трудно „съ того берега“ правильно оцѣнивать эти явленія. Уже въ 1859 году Герценъ выступилъ въ „Колоколѣ“ противъ „Свистка“ „Современника“, рѣзко отозвавшись о немъ, какъ „о тлетворной струѣ“, „развратѣ мысли“. Герценъ не могъ уже органически понять ростъ новыхъ силъ и не видѣлъ собственными глазами того разночинца, который смертнымъ боемъ завоевывалъ себѣ положеніе въ обществѣ. Не понималъ Герценъ и оцѣнки со стороны новой литературы „лишнихъ людей“, какъ представителей ничего не дѣлающаго барства.

Такимъ образомъ, Герценъ, пострадавшій въ концѣ концовъ за свои утопическія крайности, высказывался противъ крайностей демократической печати, заговорившей на родинѣ съ небывалой смѣлостью.

Но зато Герценъ пошелъ по тѣмъ крайнимъ гранямъ, которыя отличались, съ точки зрѣнія цѣлесообразности „Колокола“, именно нежизненностью. Чернышевскій, наприм., произвелъ плохое впечатлѣніе на Герцена: „удивительно умный человѣкъ, и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе; вѣдь, онъ увѣренъ, что „Современникъ“ представляетъ изъ себя пупъ Россіи; насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили“...

„Какой умница! Какой умница, — восклицалъ, въ свою очередь, Чернышевскій. — И какъ отсталъ... Вѣдь, онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ салонахъ и препирается съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ со страшной быстротой: одинъ мѣсяцъ стоитъ десяти лѣтъ! Присмотришься — у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ“.

Они не понимали другъ друга, эти люди—оба крайнихъ лагерей.

Въ концѣ 1861 года въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, вскорѣ овладѣвшій безхарактернымъ Огаревымъ и съ нимъ вмѣстѣ оказавшій сильное давленіе на Герцена и „Колоколъ“.

Въ августѣ 1862 года Кавелинъ писалъ Герцену:

„Судите и думайте, какъ хотите, а я убѣжденъ... еще въ томъ, что вы портите дѣло „Колокола“. Чѣмъ рѣшительнѣе, открытѣе онъ будетъ знаменемъ соціальной революціи въ Россіи, тѣмъ больше и больше онъ будетъ терять прежнее свое вліяніе. Попомни мои слова!“

Тургеневъ въ декабрѣ того же года писалъ Герцену:

„Правда до политическихъ изгнанниковъ такъ же трудно доходитъ, какъ и до царей; обязанность друзей доводить ее до нихъ. *Колоколъ* гораздо менѣе читается съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ первенствовать Огаревъ: эта фраза стала въ Россіи тѣмъ, что въ Англіи называется трюизмомъ. И это понятно: публикѣ, читающей въ Россіи „Колоколъ“—не до-соціализма“...

Польское возстаніе 1863 года было также весьма важнымъ факторомъ паденія „Колокола“.

Пора разобраться и въ самомъ фактѣ возстанія, и отношеніяхъ къ нему Герцена— еще не пришла. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что Герценъ разсчиталъ очень невѣрно свой ходъ въ польскомъ вопросѣ; его широкая аудиторія не пошла за нимъ, и не только не пошла, но и отвернулась отъ своего учителя. Причины этого сложны и трудны для учета. Бакунинъ все же игралъ тутъ выдающуюся роль. Внѣ его вліянія Герценъ ясно видѣлъ опасность польскаго возстанія. Бурнопламенный старый боецъ революціи увлекъ его въ свою вѣру.

„Какимъ образомъ,— говоритъ Герценъ, вспоминая впослѣдствіи „польскій“ періодъ своей жизни,—откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? Съ одной стороны, достовѣрность, что поступить надо такъ; съ другой—готовность поступать совсѣмъ иначе. Эта шаткость, эта неспѣтость, dieses Zoegernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки, невольной, несознанной. Я дѣлалъ промахи à contre-coeur. Вся отрицательная сторона была у меня предъ глазами.

„Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если бы я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя. Меня упрекали въ увлекающемся характерѣ: я увлекался, но это не составляетъ главнаго...

„Причиной быстрой сговорчивости былъ *ложный стыдъ*, а иногда

и лучшія *побужденія любви, дружбы, снисхожденія*. Но почему же это все побѣждало логику?“

Вѣроятно, широкій романтизмъ, такъ свойственный Герцену, бралъ въ плѣнъ его логику, а героическій розмахъ ослѣплялъ его самокритику слишкомъ сильно...

Во всякомъ случаѣ у Герцена о польскомъ періодѣ остались самыя скорбныя воспоминанія. Въ перспективѣ прошлаго онъ ясно видѣлъ всю фальшь затѣяннаго имъ дѣла, и глубокой ироніей звучатъ его воспоминанія о переговорахъ съ представителями польской революціонной партіи и русской („Земля и Воля“ въ лицѣ поэта Михайлова).

Интересный эпизодъ попутно разсказываетъ Герценъ.

„За нѣсколько дней до отъѣзда Бакунина (проектировавшаго во главѣ революціоннаго отряда высадиться въ Прибалтійскомъ краѣ) пришелъ Мартьяновъ блѣднѣе обыкновеннаго, печальнѣе обыкновеннаго; онъ сѣлъ въ углу и молчалъ. Онъ страдалъ по Россіи и носился съ мыслью о возвращеніи домой. Шелъ споръ о возстаніи. Мартьяновъ слушалъ молча, потомъ всталъ, собрался итти и вдругъ, остановившись предо мной, мрачно сказалъ мнѣ:

„— Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ,—такъ ли, иначе ли, а „Колоколъ“-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки, можетъ, и правы, но ихъ дѣло шляхетное, не ваше. Не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните что я говорилъ. Я-то самъ не увижу, я ворочусь домой... Здѣсь мнѣ нечего дѣлать...

„— Но ни вы не поѣдете въ „Россію“, ни „Колоколъ“ не погибъ,— отвѣтилъ я ему.

„Онъ молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ пророчества и какого то темнаго сознанія, что что-то *ошибочное* сдѣлано...

„Къ концу 1863 года расходъ „Колокола“ съ 2500 — 2000 экземпляровъ сошелъ на 500 и ни разу не поднимался выше 1000 экземпляровъ“ [1]).

А Мратьяновъ вернулся домой и поплатился за свою заграничную дѣятельность ссылкою на каторгу.

Въ 1864 году, по окончаніи польскаго возстанія, Герценъ переѣхалъ въ Швейцарію. Вскорѣ „Колоколъ“ прекратился. Попытка (въ 1868 г.) воскресить его на французскомъ языкѣ оказалась тоже тщетной. Въ 1870 г. Герцена не стало.

---

[1]) 151.

VIII.

Въ заключеніе напомнимъ, по книгѣ того же Ватуринскаго, эпизоды, касающіеся полемики „Колокола“ съ Катковымъ, когда то пріѣзжавшимъ лично къ лондонскому изгнаннику.

Въ мартовской книжкѣ „Русск. Вѣстн.“ за 1862 г. Катковъ въ статьѣ „Къ какой мы принадлежимъ партіи“, стоя на точкѣ зрѣнія прогрессивнаго консерватизма („интересъ свободы составляетъ душу консерватизма“), очень презрительно и доктринерски заговорилъ о нашихъ партіяхъ. Тонъ замѣтки не понравился Герцену и онъ въ статьѣ „Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журналистики“ далъ отповѣдь Каткову, въ которой отрицаетъ у ученыхъ издателей „Русск. Вѣстн.“ всякое практическое чутье въ оцѣнкѣ современныхъ движеній въ Россіи. Катковъ поднялъ перчатку и въ № 20 „Современной Лѣтописи“ „Русскаго Вѣстника“ отвѣчалъ Герцену:

„Неужели суждено еще продлиться этому анархическому состоянію общественнаго мнѣнія, этому положенію вещей, въ которомъ раздраженныя и разложенныя общественныя силы сталкиваются между собою, парализуя себя взаимно и предоставляя агитировать *кому вздумается*, какому-нибудь *свободному артисту*, который уже серьезно воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, рѣшителемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній, и дѣйствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ углахъ русскаго царства, а самъ, сидя въ безопасности за *спиною лондонскаго полисмэна*, для своего развлеченія высылаетъ ихъ на разные подвиги, которые кончаются казематами и Сибирью? Кто этому острослову, *выболтавшемуся вонъ* изъ всякаго смысла, кто даетъ ему силу и этотъ призракъ власти?“.

Въ отвѣтъ на это Герценъ спрашиваетъ Каткова [1]):

„Мы обращаемся прямо къ совѣсти издателей „Современной Лѣтописи“ и спрашиваемъ ихъ: кого же это, когда, при какомъ случаѣ погубилъ нашъ совѣтъ, кого свелъ въ казематы и Сибирь?

„Вы толкуете, что мы сидимъ безопасно въ Лондонѣ за спиною полисмэна. Почему же полисмэна? Почему же не за спиною свободной англійской конституціи? Отчего же это, когда вы писали вашу статью, васъ все безпокоили полицейскіе образы и тѣни?

„Вамъ не нравится то, что мы печатаемъ за границей —отчего же вы сами не печатаете? Если мы ошибались, отчего вы не возражали намъ?

---

[1]) Стр. 178.

Если мы сбивались съ пути,—отчего вы не указывали его?.. Намъ кажется, что свободная рѣчь, какъ свѣжій воздухъ чахоточному, слишкомъ рѣзка для васъ. То ли дѣло съ сурдинкой, съ важнымъ невысказываемымъ, съ намекомъ на какую то глубь премудрости... „Отворите мнѣ темницу, отмѣните мнѣ цензуру и посмотрите, что за гималайская манна словъ посыплется на васъ"... А ну, какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, господа, накличете свободу книгопечатанія... вѣдь, вамъ грозитъ бѣда!!!"

Борьба между Герценомъ и Катковымъ принимала все болѣе острый характеръ, при чемъ Катковъ не стѣснялся въ выборѣ выраженій. Въ той же „Современной Лѣтописи", говоря о лондонскихъ изгнанникахъ, онъ сказалъ, между прочимъ: „наши заграничные réfugiés — мы хорошо знаемъ, что это за люди"...

Герценъ отвѣчалъ съ гнѣвомъ [1]).

„Какіе же мы люди, г. Катковъ?

„Какіе мы люди, г. Леонтьевъ?

„Вы, вѣдь, *хорошо* знаете, какіе мы люди.

„Да, гг. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза: кто кого пересмотритъ?

„Можетъ, вы слыхали, какъ въ 1849 году,—въ народномъ собраніи въ Парижѣ Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся въ ту минуту въ страшный судъ: „говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности; я могу принять это за личность, и тогда я не вызовъ на дуэль вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой; здѣсь, съ этой трибуны я разскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. И потомъ пусть разскажетъ мнѣ противникъ свою жизнь".

Конечно, Каткову было бы неудобно выступить съ покаянной автобіографіей. Онъ отвѣчалъ уже языкомъ диктатора...

Отвѣтъ Каткова вызвалъ негодованіе своимъ безцеремоннымъ тономъ даже среди славянофиловъ, и И. С. Аксаковъ говорилъ о немъ [2]):

„Это непростительная статья! Самъ же Катковъ сознается, что сила Герцена, главнымъ образомъ, въ безсиліи и мертвенности всей нашей общественной среды. Этимъ все сказано. Сказавъ это, нечего было останавливаться на революціонныхъ подвигахъ, распространяться о вожделѣніяхъ „сдѣлаться генераломъ отъ революціи" и проч. Но слѣдовало бы, и даже обязательно, остановиться на нашихъ всероссійскихъ безобразіяхъ,

---

[1]) Стр. 180.

[2]) Стр. 180.

безъ которыхъ и тѣ революціонные замыслы, по его же словамъ, не значили бы ничего ровно. А у него о первомъ цѣлые потоки словъ, а о второмъ ни полслова... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Если бы у насъ и вправду была дана возможность говорить о Герценѣ, я бы первый не пощадилъ его. Но я, въ одной и той же статьѣ, гдѣ однѣми строками бранилъ бы Герцена, рядомъ же другими строками осуждалъ бы еще и весь невозможный порядокъ, который произвелъ у насъ герценизмъ; я громилъ бы и весь нашъ status quo. Ведя борьбу съ Герценомъ, честный русскій писатель долженъ одной и той же рукой наносить ударъ за ударомъ: одинъ Герцену, а другой этому нестерпимому status quo. Если объ одномъ можно у насъ говорить, а о другомъ нельзя — благороднѣе молчать"... Катковъ, однако, дѣлалъ на этомъ карьеру, и ему менѣе всего приходилось думать о благородствѣ...

IX.

. . . .

Ник. Ашешовъ.

Родныя картины.

Новыя газеты.—Съѣздъ желѣзнодорожныхъ юрисконсультовъ.—О владикавказской, симферопольской и нижегородской нравственности. — Новая попытка упразднить законъ о вознагражденіи увѣчныхъ. — Мученики профессіональной этики.—Лѣсной уставъ и натуральныя повинности.—Мелочи.

Въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ ожидался большой урожай на новыя ежедневныя изданія, но, какъ это часто бываетъ, ожиданія окончились почти ничѣмъ, и новыя газеты уродились только самъ-два: газета „Русь", издаваемая молодымъ Суворинымъ, и газета „Русская Земля", издатель которой пожелалъ остаться неизвѣстнымъ, а редакторъ не нашелъ нужнымъ обнародовать свою фамилію (въ объявленіяхъ, по крайней мѣрѣ, не содержится даже отдаленнаго намека на имена этихъ скромныхъ и, должно быть, очень почтенныхъ людей, а просто сказано, что о направленіи новой газеты говорить излишне).

Но хотя обѣ новыя газеты, какъ говорятъ, будутъ издаваться не на ура, а на наличныя деньги, тѣмъ не менѣе, журнальный людъ, такъ жестоко наголодавшійся отъ безработицы, все-таки не спѣшитъ зачислиться ни въ ополченцы г. Суворина, ни въ подданство таинственныхъ незнакомцевъ „Русской Земли".

И даже до такой степени не спѣшитъ, что иной разъ просто диву дашься: у человѣка, какъ говорится, совсѣмъ животы подвело, судебный приставъ сдѣлался у него какъ бы другомъ дома, — а онъ, мятежный, ищетъ ростовщиковъ и собственноручно волочитъ въ „ломбардъ" свою шубу, какъ будто въ шубѣ можно найти покой. У меня, напримѣръ, имѣется одинъ пріятель изъ журнальной семьи, который такъ обтерпѣлся въ своемъ новомъ положеніи безработнаго, что даже успѣлъ перейти на „ты" почти со всѣми судебными приставами.

Этотъ пріятель въ прежніе годы составилъ себѣ крупное газетное имя, а нынѣ, Богу споспѣшествующу, печатаетъ въ журналѣ „Любитель комнатныхъ растеній" руководящія статьи по вопросамъ финансовой и внутренней политики.

Печатаетъ—и въ усъ себѣ не дуетъ, даже пѣсни поетъ: „на Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣкъ".

Иной разъ, случается, спросишь его:

— А почему бы, молъ, не пристроиться вамъ куда-нибудь въ новую газету, ну, хотя бы, напримѣръ, въ младосуворинскую „Русь"?

Но онъ только плечами вскинетъ да ухмыльнется.

— Въ „Русь"? Нѣтъ, ужъ я лучше какъ-нибудь среди комнатныхъ растеній.

— Да почему же, чудакъ-человѣкъ? Вѣдь, говорятъ, что молодой Суворинъ разъ и навсегда исправился — онъ даже присягу принялъ на вѣрность либерализму?

— Да, говорятъ, что принялъ, всѣ говорятъ... А только все-таки я ужъ лучше среди комнатныхъ растеній...

Только и словъ отъ него: утвердился человѣкъ среди своей комнатной флоры — и хоть ты въ него стрѣляй, — совсѣмъ какой-то литературный старообрядецъ!

Однако, обсудивши дѣло со всѣхъ сторонъ и познакомившись съ духомъ этого старообрядчества, я невольно начиналъ склоняться къ мысли, что старообрядецъ, пожалуй, правъ и что „лучше самый старый судебный приставъ, чѣмъ самый цвѣтущій и молодой Суворинъ". Вѣдь, согласитесь, что младосуворинскій либерализмъ, хотя бы и подкрѣпленный присягой, все-таки выросъ въ парникахъ „Новаго Времени", такъ что и вкусъ, и запахъ своего мѣсторожденія онъ долженъ сохранить,—а это ужъ значительно мѣняетъ дѣло и во всякомъ случаѣ даетъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе, почему литераторы-старообрядцы отдаютъ преферансъ судебному приставу. Они просто исполняютъ заповѣдь Господню: „да не поклонишися имъ и не послужиши имъ", — поэтому телецъ изъ „Новаго Времени", хотя бы и поенный съ пальца старика-Суворина, ихъ не привлекаетъ. До такой степени не привлекаетъ, что газета „Русь", видимо, не можетъ создать хоть какой-нибудь кадръ новыхъ сотрудниковъ, которые оживили бы аравійскую пустыню ея столбцовъ и придали бы ея физіономіи черты оригинальности. Молодой Суворинъ пригласилъ лишь инструкторовъ изъ „Новаго Времени", а ополченцевъ-то у него и не оказалось, такъ что нововременскіе унтеръ-офицеры все дѣлаютъ сами: и караульную службу несутъ, и разводы дѣлаютъ, и святочные парады устраиваютъ—все сами.

Впрочемъ, какъ поведется эта служба въ новой газетѣ, пока въ точности сказать трудно. Поживемъ, увидимъ, а сейчасъ какъ-никакъ, а „Русь" обѣщаетъ полную амнистію всѣмъ инородцамъ—и не только эллинамъ, но даже іудеямъ. Правда, относительно іудеевъ вопросъ еще не вполнѣ выяснился, но уже и то хорошо, что въ младосуворинской программѣ не имѣется ни особаго отдѣла заушеній, ни отдѣльной рубрики, посвященной чертѣ осѣдлости. Согласитесь, что для птенца, вывалившагося изъ гнѣзда „Новаго Времени", и это, на первый разъ, очень недурно. Такъ недурно, что и проф. Иванюковъ, числившійся вначалѣ въ объявленіяхъ среди сотрудниковъ „Руси" могъ искренне увлечься и подумать: а ну какъ и въ самомъ дѣлѣ молодой Суворинъ встанетъ на защиту угнетенныхъ: вѣдь, и апостолъ Павелъ прежде былъ Савломъ—съ какой же стати я буду отворачиваться отъ молодого человѣка, который открыто опостучался въ дверь покаянія и хочетъ проложить себѣ свою, младосуворинскую тропинку къ порядочности—пусть его бѣжитъ по этой тропинкѣ и чѣмъ шибче побѣжитъ, тѣмъ лучше. Конечно, человѣкъ средней осторожности могъ бы вспомнить, на мѣстѣ г. Иванюкова, апостольское изреченіе: „бѣгаетъ нечестивый ни единому же гонящу", но... не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ профессоромъ, а профессора—народъ разсѣянный по преимуществу.

* *
*

Еще очень недавно, всего какихъ-нибудь лѣтъ десять тому назадъ, русскіе пишущіе люди относились къ слову „съѣздъ" съ живѣйшимъ интересомъ и, пожалуй, даже съ почтеніемъ.—„Помилуйте,—говорили тогда,—съѣздъ это въ нѣкоторомъ родѣ зерно общественности, это школа для пробуждающагося самосознанія: люди съѣдутся, обмѣняются мыслями, о своихъ нуждахъ поговорятъ, — а тамъ, смотришь, зерно общественности начнетъ прозябать и принесетъ плодъ сторицею". Но проходили годы, съѣзды собирались и распускались, а зерно общественности такъ-таки и не прозябло. И даже до такой степени не прозябло, что самое слово „съѣздъ" нынче наводитъ на русскаго человѣка глубокое уныніе, почти отчаяніе.

— Помилуйте, давно ли сахарозаводчики на пиръ съѣзжались, а теперь опять нелегкая ихъ принесла. Вѣдь, этакъ и по міру пойти недолго!

Только съѣзды, устраиваемые съ просвѣтительными цѣлями, и позволяютъ обществу хоть чуть-чуть передохнуть. Но такихъ съѣздовъ бываетъ крайне мало—разъ, два, да и обчелся.

Въ подавляющемъ же большинствѣ нынѣшній съѣздъ напоминаетъ древне-русскій „потокъ и разграбленіе", гдѣ роль козла отпущенія играетъ

страстотерпецъ-потребитель, котораго въ недалекомъ будущемъ ждетъ участь епископа Гаттона. Потребитель уже и сейчасъ заперся въ башню безмолвія и окружилъ себя цѣлымъ моремъ бѣдности, но, къ сожалѣнію, это море не страшитъ нынѣшнихъ промышленныхъ грызуновъ и они все плывутъ и плывутъ несмѣтной ордой черезъ это безбрежное море и передовыя полчища ихъ уже рвутъ на части бѣднаго Гаттона... А впереди еще и еще виднѣются плывущіе отряды: плывутъ сахаропромышленники, плывутъ нефтепромышленники, подплываютъ горнопромышленники, углепромышленники, золотопромышленники, пароходопромышленники, книгопромышленники... И нѣтъ имъ ни начала, ни конца и по всему морю народной бѣдности виднѣются ихъ жирныя, упитанныя тѣла и ихъ сверкающіе хищные и крѣпкіе зубы... А бѣдный Гаттонъ только глядитъ на плывущую рать и набожно шепчетъ: „Господи! въ руки твои предаю духъ мой"!..

Въ послѣднее время ко всѣмъ перечисленнымъ видамъ грызуновъ присоединились еще и гг. желѣзнодорожные юрисконсульты, которые тоже сидѣли, сидѣли да и поплыли на съѣздъ съ цѣлью доказать Гаттону „неправомѣрность" его молитвы и незаконность его воздыханій. Свой съѣздъ, какъ водится, гг. юридическіе грызуны устроили въ Петербургѣ и, помня завѣты Щедрина, прежде всего посѣтили Воронинскія бани, а затѣмъ образовали секціи и подсекціи и выработали общими силами програму засѣданій. Эта программа въ своихъ существенныхъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1. Представители печати, какъ люди, завѣдомо ехидные, не могутъ быть терпимы на съѣздѣ юрисконсультовъ, тѣмъ болѣе, что гг. юрисконсульты, въ качествѣ професcіональныхъ адвокатовъ, привыкли видѣть литераторовъ лишь на скамьѣ подсудимыхъ, а отнюдь не на съѣздахъ.

Примѣчаніе. Слово „съѣздъ" не слѣдуетъ смѣшивать съ стариннымъ словомъ „съѣзжая", куда гг. литераторамъ тоже входъ не возбраняется.

2. Дѣйствующіе законы, гарантирующіе увѣчнымъ людямъ право иска къ желѣзной дорогѣ, не могутъ быть терпимы въ Россійской Имперіи, такъ какъ означенные законы задерживаютъ прогрессъ экономическаго благосостоянія страны, ибо препятствуютъ желѣзнымъ дорогамъ развернуться во всю ширь.

3. Въ особенности много зла приноситъ статья 683 т. X ч. I, которая предписываетъ выдавать увѣчнымъ вознагражденіе по десятилѣтней сложности ихъ заработка. Такое вознагражденіе, съ одной стороны, развращаетъ увѣчныхъ, посѣвая въ нихъ тлетворную надежду на защиту закона, а съ другой—безполезно обременяетъ бюджетъ желѣзныхъ дорогъ. Посему означенное вознагражденіе, а равно и самая 683 статья не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ государствѣ.

4. Равнымъ образомъ не могутъ быть терпимы: окружные суды, судебныя палаты и прочія судебныя установленія, такъ какъ давно доказано, что судъ занимается попустительствомъ и все болѣе и болѣе охраняетъ интересы увѣчныхъ, тогда какъ положеніе желѣзныхъ дорогъ становится годъ отъ году труднѣе.

5. Наконецъ, не могутъ быть терпимы присяжные повѣренные и ихъ помощники, такъ какъ, поощряемые собственной алчностью и разнузданнымъ корыстолюбіемъ, они возбуждаютъ противъ желѣзныхъ дорогъ иски объ увѣчьяхъ и цѣлое множество другихъ исковъ, какъ-то: объ уплатѣ за утраченный и испорченный грузъ, о вознагражденіи за потерянный багажъ, о несвоевременной доставкѣ клади и пр. и пр.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что я предлагаю его вниманію грубый шаржъ и хочу въ каррикатурномъ видѣ изобразить предѣлъ человѣческой наглости—отнюдь нѣтъ: я почти буквально воспроизвожу тѣ свѣдѣнія о занятіяхъ съѣзда гг. юрисконсультовъ, которыя проникли въ печать и были опубликованы въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ. Притомъ же и самая мысль найти предѣлъ человѣческому нахальству въ основѣ своей должна быть признана утопіей: какія бы каррикатуры вы ни рисовали, какія бы уродства ни изображали—жизнь всегда пойдетъ дальше и дастъ вамъ такіе образцы изувѣрства, безстыдства и наглости, что предъ ними невольно должна потускнѣть самая размашистая кисть каррикатуриста. Лучшій примѣръ—гг. желѣзнодорожные юрисконсульты: собралось ихъ на съѣздъ ровно 60 человѣкъ и между ними не нашлось ни одного, который бы заявилъ протестъ противъ скандальнаго поведенія своихъ товарищей, ополчившихся на печать, на законъ, на судъ и, наконецъ, на своихъ colleg'ъ по профессіи, ведущихъ дѣла противъ желѣзныхъ дорогъ. Хоть бы одинъ всталъ и сказалъ: „Господа! опомнитесь, что вы дѣлаете: можно быть рабомъ желѣзной дороги, но нельзя же быть ея лакеемъ, нельзя въ одномъ и томъ же фракѣ сегодня распинаться за правду, а завтра служить за столомъ своего желѣзно-дорожнаго барина!“ Но такого смѣльчака не нашлось, изъ 60-ти человѣкъ—ни одного! Очевидно, стало быть, что двоякое назначеніе юрисконсультскаго фрака такъ и останется двоякимъ на вѣки, хотя послѣ съѣзда тѣ же гг. юристы, навѣрное, будутъ бить себя въ крахмальную манишку и доказывать присяжнымъ засѣдателямъ, что гласность нынѣшняго судопроизводства—это „лучшій брилліантъ въ коронѣ Царя-Освободителя“, что уваженіе къ суду есть лучшій показатель гражданской зрѣлости, что преклоненіе предъ закономъ есть священная обязанность всякаго юриста и что корректное отношеніе къ товарищамъ составляетъ краеугольный камень адвокатской этики.

А про цитаты изъ поэтовъ и прозаиковъ и говорить нечего: можно

дать руку на отсѣченіе, что на другой же день послѣ съѣзда, тѣ самые адвокаты-юрисконсульты, которые изгнали изъ своей среды представителей печати, будутъ цитировать и Тургенева, и Толстого, и „нашего великаго сатирика Щедрина“, и „поэта народной скорби Глѣба Успенскаго“... Процитируемъ же и мы Успенскаго и вспомнимъ то крылатое словечко, которымъ онъ пронзилъ крахмальную манишку желѣзнодорожнаго юрисконсульта: Успенскій говорилъ, что такого юрисконсульта правильнѣе было бы называть „летучимъ ящеромъ“.

* * *

Всякій пишущій человѣкъ, которому приходилось разбираться въ ворохахъ читательскихъ писемъ, присылаемыхъ въ редакціи газетъ и журналовъ, непремѣнно долженъ былъ сдѣлать одно наблюденіе: почти каждое читательское письмо нынче оканчивается неизмѣннымъ припѣвомъ: „Эхъ, Щедрина-то у насъ нѣтъ?“ Или: „Кабы при нашей подлости да появился у насъ Щедринъ!..“ Или же: „Страшная досада, что у насъ теперь нѣтъ Щедрина!..“ Словомъ, на Щедрина теперь настала какой-то горячечный, лихорадочный спросъ: во всѣхъ концахъ матушки-Руси люди требуютъ Щедрина, Щедрина и Щедрина. И, вѣдь, что удивительно: требуютъ не зря, не потому, что урядникъ нагрубилъ или хозяинъ съ квартиры выселилъ, а, такъ сказать, по причинамъ вполнѣ уважительнымъ. Очевидно, провинціальная пошлость совсѣмъ выступила изъ береговъ и такъ затопила сѣренькую и скудную жизнь бѣднаго обывателя, что въ его распоряженіи не осталось даже сухонькаго мѣста, гдѣ можно было бы отряхнуться и осушиться. Вотъ не угодно ли, напримѣръ, обратить вниманіе на городъ Владикавказъ, гдѣ населеніе въ настоящее время занято борьбой съ рабочими и... проститутками.

Борьба началось, какъ свидѣтельствуютъ „Нов.“, съ рабочихъ: въ городѣ распространился тревожный слухъ, что желѣзнодорожная администрація имѣетъ въ виду перевести во Владикавказъ ростовскія желѣзнодорожныя мастерскія, и этого было достаточно, чтобы „интеллигенція“ забила тревогу и объявила противъ рабочихъ настоящій походъ. Въ качествѣ барабанщика въ этомъ походѣ выступилъ докторъ и гласный думы г. Далгатъ, который на одномъ изъ думскихъ засѣданій отбарабанилъ цѣлую рѣчь на тему о безнравственности рабочей массы. Логическій путь, по которому публично промаршировалъ г. Далгатъ, сводится къ слѣдующему: у г. Далгата имѣются дочери-дѣвицы, которымъ, какъ это водится въ хорошихъ домахъ, прислуживаютъ горничныя и кухарки. А такъ какъ давно доказано, что горничныя и кухарки лишь за весьма рѣдкими исключеніями обходятся безъ любовниковъ, при чемъ, какъ свидѣтельствуетъ

опытъ, любовниковъ своихъ онѣ избираютъ себѣ не только изъ среды того общества, въ которомъ вращается докторъ Далгатъ, но отдаютъ иногда преферансъ и слесарямъ, кочегарамъ и молотобойцамъ, то ясно, какая опасность угрожаетъ достопочтенному семейству доктора Далгата: кухаркѣ можетъ приглянуться молотобоецъ,—и тогда все пропало; молотобоецъ окажется пьяницей и развратникомъ, онъ будетъ ходить въ кухню, будетъ пожирать котлеты г-на Далгата, а послѣ котлетъ учинять скандалы и непотребства. Отсюда г. Далгатъ дѣлаетъ два вывода: 1) дума должна оградить нравственность и котлеты всѣхъ владикавказскихъ жителей и возбудить на сей предметъ ходатайство о совершенномъ недопущеніи въ городъ рабочихъ массъ и 2) городская молодежь „изъ общества" должна организовать особую лигу для борьбы съ тайной и явной проституціей.

По первому пункту дума, какъ говорятъ, сдѣлала какое-то секретное постановленіе, а вторая мысль д-ра Далгата уже осуществилась, и золотая молодежь города Владикавказа цѣлыми стадами бродитъ по улицамъ и все борется, неутомимо борется. До такой степени неутомимо, что молодые люди по вечерамъ ни въ театры не ходятъ, ни родственниковъ не посѣщаютъ, а только борются. Сойдутся гдѣ-нибудь у фонаря и выглядываютъ: если идетъ женщина въ платочкѣ и если эта женщина недурна собой, то косяки золотой молодежи немедленно кидаются на проходящую и тутъ же, на мѣстѣ, возстановляютъ нравственность. Если же при этомъ случится, что проходящая кричитъ или называетъ молодыхъ людей „мерзавцами", то начинается разговоръ о „желтомъ билетѣ":

„— Ты поговори у насъ... Мигомъ снабдимъ билетомъ...

— Да что же вы дѣлаете? Безстыдники! — пищитъ несчастная жертва...

— Ну.. ну... Недотрога!

— Да я—горничная, служу у господина... Не занимаюсь этимъ...

— Ладно... Всѣ вы на одинъ покрой..."

(„Нов.")

Мы не беремся судить, имѣются ли у г. Далгата, кромѣ дочерей, и сыновья, но надо думать, что имѣются, такъ какъ въ объясненіе своего поведенія стада владикавказскихъ саврасовъ ссылаются на медицинскій авторитетъ своего вдохновителя:

— „Вы не знаете,—говорятъ они,—каждая горничная, каждая кухарка—прежде всего тайная проститутка... Борьба необходима суровая, безпощадная... Зло нужно съ корнемъ вырывать... Въ этомъ смыслѣ нами составлена уже записка. Д-ръ Далгатъ самъ написалъ ее. Все тамъ изложено. Въ думѣ обсудимъ ее. Нельзя такъ спокойно относиться къ общественному злу.

— Что же вы предлагаете въ запискѣ?

— Каждую недѣлю подвергать медицинскому осмотру женскую прислугу... Регистрація всеобщая и полная... Отъ этихъ кухарокъ и горничныхъ и получается все зло... Наша молодежь страдаетъ. Нужно оградить ее. Здоровье прежде всего. Молодежь — это будущее Россіи. Она должна быть чиста и здорова...

Итакъ, въ конечномъ итогѣ владикавказская эпопея рисуется въ слѣдующемъ видѣ: такъ какъ въ городѣ Владикавказѣ проживаетъ со своими дочерьми докторъ Далгатъ и такъ какъ дочери его еще не вышли замужъ, то, впредь до ихъ замужества, надлежитъ у градскихъ воротъ поставить рогатку, и людей низкаго званія въ городъ отнюдь не пропускать. Это одинъ выводъ, а вотъ и другой: такъ какъ владикавказскіе молодые люди составляютъ надежду Россіи и въ то же время испытываютъ засвидѣтельствованное врачомъ тяготѣніе къ горничнымъ и кухаркамъ, то, дабы предохранить надежду Россіи отъ любострастныхъ болѣзней, всѣ женщины низкаго званія разъ въ недѣлю должны являться къ д-ру Далгату, который затѣмъ уже и опредѣлитъ: грозитъ ли опасность надеждѣ Россіи, или же все обстоитъ благополучно.

Какъ можетъ судить читатель, такихъ типовъ, какіе народились нынче во Владикавказѣ, не существовало даже и во время Щедрина: это совершенно особенная и, несомнѣнно, болѣзненная наглость, которая, съ одной стороны, примыкаетъ къ прирожденному кретинизму, а съ другой—граничитъ съ полнымъ сумасшествіемъ.

Эта наглость—болѣзнь нашего времени, она распространяется эпидемически и временами охватываетъ цѣлые слои общества, выражаясь въ болѣе или менѣе бурныхъ пароксизмахъ неслыханнаго своеволія и самаго циническаго безстыдства. Отсутствіе стыда и полное забвеніе человѣческаго достоинства составляютъ типичныя черты этой новой болѣзни.

О заразительности этой новомодной классовой болѣзни, я думаю, нѣтъ надобности и упоминать, тѣмъ болѣе болѣзнь эта перекидывается даже изъ города въ городъ, изъ губерніи въ губернію. Такъ, напр., вслѣдъ за д-ромъ Далгатомъ сталъ на ту же тэму „кликать“ нижегородскій земскій гласный г-нъ Зененко, который на земскомъ собраніи впалъ въ состояніе безпамятства и произнесъ рѣчь о необходимости подвергать періодическому освидѣтельствованію все крестьянское населеніе, дабы такимъ путемъ положить преграду сифилитическимъ заболѣваніямъ.

Наконецъ, вотъ вамъ и еще нѣсколько примѣровъ, гдѣ та же болѣзнь, которую можно бы назвать воспаленіемъ общественной наглости, сказалась хотя и не такъ рѣзко, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, но все таки проявилась достаточно ярко. Симферопольскій врачъ психіатрической боль-

ницы г. Боткинъ (да будетъ прославлено имя его) уже давно издѣвается надъ своими безпомощными паціентами. Въ свое время этамъ паціентамъ сторожа преломляли кости, а нынѣ взялся за дѣло и самъ г. Боткинъ. Правда, костей онъ больнымъ не ломаетъ (по крайней мѣрѣ, это не было доказано), но зато измывается надъ ними по своему собственному, „боткинскому" способу. Вотъ, напр., какія характеристики дѣлаетъ онъ своимъ паціентамъ въ больничномъ журналѣ.

„Больная Ривка П. Родословная этой великомученицы очень порочна, и ее составляютъ воры, мошенники, сумасшедшіе, идіоты. Отецъ ея—человѣкъ бездарный, мать—истеричка. Такимъ родителямъ Богъ послалъ дѣвушку Ривку, и, какъ будущую шельму, Онъ отмѣтилъ небольшимъ косоглазіемъ"...

Такъ пишетъ въ своихъ больничныхъ анналахъ г. Боткинъ да еще доказываетъ въ газетахъ, что съ больными и не нужно обращаться лучше.

Этотъ же г. Боткинъ въ свое время стяжалъ себѣ всероссійскую извѣстность кулачной расправой съ газетными корреспондентами, которые откровенно охарактеризовали его просвѣщенную дѣятельность на пользу страждущаго человѣчества.

Какъ можетъ судить читатель, въ лицѣ г. Боткина мы, несомнѣнно, имѣемъ клиническій типъ, типъ завѣдомо больного человѣка. Съ врачами-психіатрами это часто случается: лѣчитъ, лѣчитъ такой врачъ, служитъ, служитъ, а потомъ, какъ умретъ, да распилятъ ему товарищи черепъ, такъ и окажется, что подъ черепомъ то у него одна aqua destillata.

Наконецъ, для полноты коллекціи, предлагаемъ вниманію читаталей и еще одного эскулапа, подвизающагося въ Славяно-сербскомъ уѣздѣ. Фамилія этого друга человѣчества С. А. Котловъ и прославился онъ, по словамъ „Вѣстника Юга", своимъ необыкновенно грубымъ обращеніемъ какъ съ низшими больничными служащими, такъ и съ паціентами. „Ни одинъ амбулаторный больной, какъ-бы ни былъ онъ изнуренъ, не въ правѣ сѣсть въ кабинетѣ врача— а ужъ о „Вы" ему и думать нечего. Если-же онъ слишкомъ приблизится къ стулу врача, то слѣдуетъ окрикъ: „стань дальше!". Словомъ, форма обращенія—самая грубая. Вызвать врача къ больному почти нѣтъ возможности. Какъ бы сильно ни былъ боленъ паціентъ—его должны везти въ больницу. Кажется, что и перечисленнаго было-бы вполнѣ достаточно для характеристики этого почтеннаго эскулапа. Но я не могу не привести въ заключеніе еще одного факта. Послѣднее время въ больницѣ развилась масса мышей. На заявленіе экономки о необходимости купить мышеловки, послѣдовалъ отвѣтъ, что спеціально за ними ѣхать нѣтъ надобности.

Такъ-бы вопросъ о мышеловкахъ и канулъ въ Лету, если-бы... если-бы

въ одной изъ палатъ не лежалъ больной съ разбитыми параличомъ ногами. Этотъ больной испортилъ все. Дѣло въ томъ, что въ одну изъ ночей мыши обглодали ему пальцы ногъ! Можете себѣ представить ужасъ увидѣвшаго это утромъ фельдшерскаго персонала! Изъѣдены ноги у живого человѣка!!! Быстро была сдѣлана перевязка и затѣмъ доложено врачу о случившемся, съ просьбою дать собственныя врача мышеловки. Врачъ Котловъ прехладнокровно слушалъ взволнованныхъ докладчиковъ, когда-же рѣчь дошла до его мышеловокъ, онъ съ негодованіемъ воскликнулъ: „Покорнѣйше благодарю! У меня самого мышей много!"

* * *

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, на страницахъ „Хроники", мы говорили о домогательствахъ харьковскихъ горнопромышленниковъ, которые ополчились на новый законъ, нормирующій вопросъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ и ихъ семействъ. Если помнитъ читатель, горнопромышленники постановили на послѣднемъ съѣздѣ „умолять", чтобы дѣйствующій законъ сдѣлался бездѣйствующимъ, пока они, гг. горнопромышленники, не опомнятся отъ горя и не соберутся съ мыслями. Но, надо думать, что мольбы колѣнопреклоненныхъ промышленниковъ были или будутъ оставлены безъ уваженія, потому что фабриканты и заводчики южной Россіи уже открыли другую лазейку для избѣжанія платежей по увѣчнымъ искамъ.

Вотъ что пишутъ объ этой лазейкѣ „Нов.":

„Нѣкоторые изъ наиболѣе многолюдныхъ заводовъ и фабрикъ южной Россіи порѣшили устроить „анатомическіе театры" для вскрытія умирающихъ ихъ рабочихъ. Замѣчено, что въ послѣдніе годы весьма многія семейства умершихъ фабричныхъ обращаются въ судебныя учрежденія съ просьбой обезпечить ихъ за счетъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, по винѣ которыхъ ихъ мужья, сыновья и отцы потеряли здоровье и преждевременно умерли. Вслѣдствіе этого, въ анатомическихъ театрахъ при фабрикахъ и заводахъ собственными врачами будутъ производиться вскрытія труповъ съ цѣлью дать заключеніе, что умершій потерялъ здоровье и скончался не отъ дурныхъ условій завода, а отъ собственной „непутевой" жизни, какъ-то: отъ пьянства, разгульнаго поведенія, отъ наслѣдственныхъ болѣзней и т. п.

Къ открытію анатомическихъ театровъ фабрикантовъ и заводчиковъ побуждаетъ въ особенности новый законъ объ отвѣтственности предпринимателей за тѣлесныя поврежденія и смерть ихъ рабочихъ.

Любопытно, получали-ли предприниматели разрѣшеніе на систематическое вскрытіе труповъ".

Судя по тому, что эта мысль очень умна, можно съ увѣренностью сказать, что она родилась отнюдь не въ головѣ нашего промышленника.

Нашъ промышленникъ, въ трудныхъ случаяхъ, можетъ только „упасть на колѣни“, и все его общественное поведеніе исчерпывается двумя словами: „умолять“ и „отклонить“: умолять, чтобы упразднили законъ, умолять, чтобы давали казенные заказы, умолять, чтобы не пускали конкурента, и пр., а затѣмъ идетъ длинный рядъ „отклонить“: отклонить устройство библіотеки, отклонить санитарный надзоръ, отклонить школу, отклонить законъ, отклонить исторію, отклонить Господа Бога Очевидно, стало быть, что проектъ всеобщаго потрошенія рабочихъ исходитъ не отъ промышленника, такъ какъ тутъ ни „умолять“, ни „отклонять“ нечего, а нужно было просто пошевелить мозгами. Но въ такомъ случаѣ спрашивается, кто же за нихъ пошевелилъ—вѣдь, не сами же промышленники шевелили? Очевидно, пошевелили за нихъ гг. фабричные врачи, и, надо отдать имъ справедливость, пошевелили очень ловко. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если бы всѣхъ умершихъ рабочихъ разрѣшили вскрывать, то не было бы рѣшительно ни одного затруднительнаго случая и каждое вскрытіе давало бы полную картину „собственной неосторожности“ или различныхъ „злоупотребленій“: злоупотребленіе алкоголемъ, злоупотребленіе недоѣданіемъ, злоупотребленіе чахоткой, злоупотребленіе сифилисомъ, злоупотребленіе безсонными ночами за рабочимъ станкомъ. Словомъ, каждое распоротое тѣло рабочаго всѣми своими суставами, всѣми костями вопіяло бы о невиновности предпринимателя и вопіяло бы такъ громко, съ такимъ „научнымъ“ авторитетомъ, что совсѣмъ заглушило бы не только голосъ новаго закона, но и тотъ голосъ, который когда-то сказалъ: „трудящійся достоинъ пропитанія“... Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, и надо надѣяться, что промышленные потрошители встрѣтятъ серьезныя препятствія въ своемъ желаніи оскопить новый законъ и свести его къ нулю. Имъ это не удастся уже потому, что нашъ народъ смотритъ на вскрытіе труповъ, какъ на страшное и богопротивное дѣло. А если это вскрытіе возвести въ систему и сдѣлать общимъ правиломъ, то, чего добраго, начнутся „мертвецкіе бунты“, чего высшая администрація, конечно, ни въ какомъ случаѣ, не допуститъ и не потерпитъ. Такимъ образомъ, гг. промышленникамъ остается только одно: поскорѣе опомниться отъ своего горя, собрать, хотя бы съ посторонней помощью, свои мысли и навсегда оставить попеченіе о возможности потрошить законы Россійской Имперіи и ея умершихъ подданныхъ.

На ряду съ тѣмъ, слѣдовало бы хоть сколько-нибудь опомниться и тѣмъ изъ господъ врачей, которые уже засучили свои рукава, чтобы вспарывать рабочее брюхо и искать въ немъ приличный гонораръ за прилично составленную экспертизу. Опомниться надо какъ по соображеніямъ матеріальнаго характера (рабочее брюхо въ концѣ концовъ—не золотое дно), такъ и по основаніямъ моральнаго свойства, потому что и въ самомъ

безстыдствѣ надо же соблюдать хотя бы показную умѣренность. Впрочемъ, что касается умѣренности въ безстыдствѣ, то въ средѣ гг. врачей всегда, конечно, найдутся люди, которые на этотъ счетъ останутся при особомъ мнѣніи, и останутся тѣмъ болѣе, что наши врачи до сихъ поръ лишены корпоративнаго устройства и для безстыжихъ у нихъ не имѣется даже товарищеской палки въ видѣ сословнаго суда и сословнаго остракизма... А этотъ судъ и корпоративное устройство съ каждымъ днемъ дѣлаются все нужнѣе и нужнѣе. Потребность въ нихъ до такой степени назрѣла, что въ нѣкоторыхъ городахъ врачи сами собой сливаются въ общества и вырабатываютъ тѣ правила корпоративной морали, безъ которыхъ немыслимо ни уваженіе общества, ни честная работа. Но, къ сожалѣнію, пока эти зародыши будущей корпораціи почти повсемѣстно занимаются, выражаясь вульгарно, ловлей блохъ: они посвящаютъ свои засѣданія вопросамъ о врачебной рекламѣ, о докторской дощечкѣ на дверяхъ квартиры, о газетныхъ объявленіяхъ, о словѣ „ассистентъ“, которое признается неумѣстнымъ на визитной карточкѣ, но позволительнымъ въ газетномъ объявленіи и пр. и пр. Словомъ, какъ и у адвокатовъ, дощечка составляетъ центръ общаго вниманія, и гг. врачи топчутся на ней съ увлеченіемъ, съ азартомъ, наводняя газеты письмами въ редакцію и поднимая такой шумъ и крикъ, что постороннему человѣку такъ и хочется сказать имъ: господа хорошіе, да утихомирьтесь вы хоть на минутку и утрите, по крайней мѣрѣ, потъ съ вашего высокаго чела: столько лѣтъ вы на своей дощечкѣ танцуете, столько лѣтъ бьетесь, а того и не замѣчаете, что въ вашей средѣ уже выросли такіе фрукты, какъ гг. Далгаты, Боткины, Котловы и пр. пр. Вѣдь, пока вы будете заниматься танцами и визитными карточками вашихъ colleg’ъ, гг. Далгаты освидѣтельствуютъ всѣхъ „въ платкѣ ходящихъ“, а котловскіе крысы поѣдятъ паціентовъ... Но, впрочемъ, мы заранѣе увѣрены, что голосъ благоразумія не дойдетъ до слуха „дощечниковъ“—имъ не до того и про нихъ можно сказать словами Пушкина:

«У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ».

Ходитъ-ходитъ и самъ себя старается за хвостъ поймать...

* * *

Въ нашемъ Лѣсномъ уставѣ имѣется цѣлый рядъ статей, возлагающихъ на крестьянъ до крайности тяжелую натуральную повинность, состоящую въ обязанности тушить лѣсные пожары. Гдѣ бы ни загорѣлся лѣсъ и кому бы этотъ лѣсъ ни принадлежалъ—казнѣ, помѣщику, купцу—тушить его должны мужики, и только мужики. Законъ такъ прямо и говоритъ:

„Для потушенія пожара созываются поселяне ближайжихъ селеній, расположенныхъ отъ мѣста пожара на десяти-верстномъ разстояніи; если же ихъ недостаточно для совершеннаго потушенія огня, то поселяне и другихъ селеній, не далѣе, однако жъ, пятнадцати верстъ расположенныхъ“ (ст. 679).

Это пятнадцати-верстное разстояніе, въ случаѣ особенно сильныхъ пожаровъ, увеличивается и до 25 верстъ (ст. 682). При чемъ плата за потерю времени и за трудъ, по закону, полагается только тѣмъ поселянамъ, которые явились на пожаръ болѣе, чѣмъ за 15 верстъ—всѣмъ же остальнымъ никакого вознагражденія не полагается, и Лѣсной уставъ даже не поднимаетъ о немъ рѣчи, хотя въ то же время строжайше предписываетъ являться на пожары. „По первому призыву,--говоритъ ст. 681,—крестьяне должны являться на мѣсто пожара съ лопатами, топорами и другими, имѣющимися у нихъ для тушенія лѣсныхъ пожаровъ орудіями, и дѣйствовать тамъ до потушенія огня“.

Всѣ приведенныя статьи, несомнѣнно, принадлежатъ къ числу, такъ называемыхъ, архаическихъ узаконеній, которыми переполнено все наше законодательство о крестьянахъ. Крестьянинъ въ этихъ статьяхъ трактуется, какъ человѣкъ неполноправный, на котор аго законъ лишь возлагаетъ опредѣленныя обязанности, не задаваясь даже вопросомъ, какимъ образомъ этотъ даровой трудъ можетъ отразиться на хозяйственной жизни мужика. Конечно, лѣсные пожары, какъ и всякіе пожары, тушить нужно—не даромъ же отъ пожаровъ такъ страшно терпитъ лѣсная Россія—но безплатное тушеніе владѣльческихъ лѣсовъ могло возникнуть лишь во времена крѣпостного права, когда и сами „поселяне“ составляли такую же собственность владѣльца, какъ и лѣсъ. Въ наше же время эта повинность потеряла всякое основаніе, такъ какъ лѣсохозяева имѣютъ тысячу способовъ подумать о сохранности своего достоянія, и во всякомъ случаѣ возлагать заботы объ ихъ имуществѣ на одно, и притомъ бѣднѣйшее, сословіе нѣтъ никакого резона. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ: если бы купцу-лѣсовладѣльцу сказали: ты обязанъ по первому требованію сельской полиціи оставить свои дѣла, бросить свое хозяйство и свой домъ и бѣжать за 15 верстъ тушить мужичій лѣсъ—то, право же, купецъ даже не понялъ бы этого предложенія. А вотъ мужикъ долженъ его понимать, да еще, сверхъ того, долженъ и топоры, и багры, и лопаты припасать для купеческаго лѣса.

Несоотвѣтствіе этого устарѣвшаго закона съ требованіями жизни до такой степени бросается въ глаза, что кое-гдѣ земство нашло необходимымъ вмѣшаться въ дѣло и офиціально возбудить вопросъ объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ. При этомъ почти всѣ земства въ основаніе своихъ ходатайствъ кладутъ убыточность стараго закона для крестьянскаго

хозяйства. Такъ, Владимірское земство приводитъ, по словамъ „Курьера", такой типичный примѣръ: „Въ Покровскомъ уѣздѣ горѣли лѣса и болота; все время тушили пожаръ крестьянскими силами, но пожаръ все болѣе и болѣе разростался. Обязанные являться безпрекословно на пожаръ, крестьяне принуждены были оставлять поля неубранными. Мало того, они могли остаться и безъ хлѣба на будущій годъ, такъ какъ наступила пахота подъ озимое, а попрежнему все мужское населеніе деревни участвовало почти безсмѣнно на пожарахъ лѣса. Типичнымъ этотъ примѣръ слѣдуетъ признать уже по одному тому, что офиціальныя донесенія о лѣсныхъ пожарахъ кончаются обычнымъ указаніемъ: „силы мѣстнаго населенія изнемогаютъ, необходима присылка войскъ". Естественно, разъ „силы мѣстныя изнемогаютъ" на тушеніи пожара, онѣ не годятся и для полевыхъ или иныхъ сельскохозяйственныхъ работъ". („Курьеръ").

Нижегородское же земство, отмѣчая тѣ убытки, которые несутъ крестьяне, отправляясь на тушеніе пожаровъ, въ то же время „указываетъ на отсутствіе въ законѣ обязательства для желѣзныхъ дорогъ возить безплатно съ отходящими поѣздами партіи, командируемыя для тушенія казеннаго или частнаго лѣса; это создаетъ такого рода курьезъ, но весьма печальнаго свойства: крестьяне съ заступами и мотыгами, изнемогая, тянутся у шпалъ, спѣша во-время поспѣть на пожарище, а мимо нихъ идутъ пустые поѣзда".

Если даже предположимъ, что поѣзда идутъ не пустые, то „курьезъ" оттого нисколько не измѣнитъ своего характера: вѣдь, не считаютъ же, значитъ, желѣзную дорогу обязанной приходить на помощь лѣсовладѣльцамъ—съ какой же стати несутъ эту обязанность крестьяне: неужели только потому, что бабушка ворожитъ нашимъ лѣсовладѣльцамъ?

Но казалось бы, что при существованіи столь хорошо настроенной бабушки, наши лѣсовладѣльцы, по крайней мѣрѣ, должны были бы чувствовать благодарность какъ къ этой бабушкѣ, такъ равно и къ тѣмъ крестьянамъ, которые безплатно оберегаютъ ихъ лѣсъ—однако же, и этого нѣтъ. По крайней мѣрѣ, на Владимірскомъ земскомъ собраніи нашлись, напримѣръ, люди, которые открыто заявили, что крестьяне *нарочно* поджигаютъ владѣльческій лѣсъ, чтобы имѣть возможность безплатно работать при тушеніи пожара.

Эту остроумную догадку сдѣлалъ г. Голицынъ, который, какъ свидѣтельствуетъ „Русь", заявилъ буквально слѣдующее: „въ своихъ лѣсныхъ владѣніяхъ я долженъ былъ перенести пять поджоговъ крестьянами только потому, что однажды имѣлъ неосторожность дать за тушеніе на ведро водки".

Итакъ, для того, чтобы имѣть счастье выпить рюмку „голицынки",

крестьяне идутъ на тяжкое уголовное преступленіе и повторяютъ это преступленіе до пяти разъ кряду. Удивительно, должно быть, настойчивые крестьяне во Владимірской губерніи!.. И даже не только настойчивые, но и глупые; вѣдь, шутка сказать, пять лѣсныхъ пожаровъ—это, по меньшей мѣрѣ, пять рабочихъ, дней, или въ переводѣ на деньги—2—3 р. Если же предположить, что на каждый голицынскій пожаръ выгонали только по 100 человѣкъ, то и тогда, въ среднемъ, это составитъ сумму въ 200—300 р. за пожаръ или 1000—1500 р. за всѣ 5 пожаровъ. И вотъ эту тысячу цѣлковыхъ глупые мужики выбрасываютъ за ведерко „голицынки“ да еще съ рискомъ пропутешествовать въ Сибирь за поджоги.

Какъ можетъ судить читатель, голицынскій примѣръ чрезвычайно типиченъ: въ немъ, какъ въ каплѣ водъ, отражается вся радуга, всѣ переливы нашего отношенія къ крестьянину и къ даровому мужичьему труду: мы этого труда не цѣнимъ и не уважаемъ и, конечно, не научимся уважать, прежде чѣмъ блага X-го тома Свода законовъ не будутъ дарованы крестьянскому міру и мужикъ не сдѣлается полноправнымъ русскимъ человѣкомъ.

* * *

Газеты не устаютъ отмѣчать факты педагогической грубости и невоспитанности. Такъ, по сообщенію „Новостей“:

„Въ одномъ женскомъ училищѣ былъ такой случай. Одной ученицѣ пришло письмо, адресованное въ училище. Казалось бы, что тутъ дурного? Однако, классная дама взглянула иначе на это,—усмотрѣвъ въ полученіи письма нѣчто въ высокой степени зазорное, дерзкое, въ присутствіи всего класса она обратилась къ ученицѣ:

— На ваше имя получено письмо. Вотъ оно... Но вы не получите его... Смотрите...

И съ этими словами классная дама стала медленно рвать на куски письмо, а дѣвочка стояла и слезы оскорбленія блистали въ ея глазахъ...“

Какъ извѣстно, классныя дамы, а за ними и многія учительницы разъ и навсегда составили себѣ убѣжденіе, что ученицы въ возрастѣ отъ 9 до 18 лѣтъ охотно занимаются любовной перепиской и часто убѣждаютъ своихъ кавалеровъ адресовать письма прямо въ гимназію во избѣжаніе недоразумѣній съ родителями. Поэтому, были случаи, когда письмо, написанное, напримѣръ, бабушкой ученицы, тѣмъ не менѣе вызывало обстоятельное разслѣдованіе со стороны учительскаго персонала, т.-к. г.г. педагоги подозрѣвали, что подъ псевдонимомъ бабушки легко можетъ скрываться предпріимчивый пѣхотный юнкеръ.

* * *

На ту же тему о школьномъ нестроеніи говоритъ и Минскій корреспондентъ „Спб. Вѣд.“

„На-дняхъ въ камерѣ городского судьи 1 участка разбиралось весьма оригинальное дѣло по обвиненію классной надзирательницы второго женскаго училища, Юзефовичъ, въ оскорбленіи ученицы Шапиро. По выяснившимся на судѣ даннымъ, дѣло это заключалось въ слѣдующемъ: 1 марта ученица названнаго училища Ревекка Шапиро просила надзирательницу отпустить ее домой по случаю дня именинъ. Въ отвѣтъ на это наставница сказала: „развѣ у жидовъ бываютъ именины?“. Послѣ этого г-жа Юзефовичъ называла ученицу не иначе, какъ „жидовской именинницей“, и всячески ее преслѣдовала. Глумленію и издѣвательству учительницы надъ ученицей не было предѣла. Дошло до того, что г-жа Юзефовичъ стала арестовывать ученицу три дня кряду. Родители ученицы, замѣтивъ, что она стала поздно возвращаться домой, отправились къ классной надзирательницѣ за объясненіями. Дочь свою они нашли въ кухнѣ, гдѣ въ то время готовили обѣдъ. Шапиро освѣдомился, почему надзирательница принимаетъ его въ кухнѣ, на что послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: „для жидовъ у меня другого хода нѣтъ.“ Шапиро замѣтилъ, что будетъ жаловаться начальству. Тогда надзирательница приказала его вывести. Послѣ этого Шапиро сталъ искать правды, былъ въ учебномъ округѣ, жаловался но начальству, но ему осталось одно—подать въ судъ, что онъ и сдѣлалъ.

„Трудно себѣ представить, какая тяжелая картина развернулась на судѣ. „Я работаю для дѣтей своихъ, хочу дать имъ познанія, а надъ ними глумятся, издѣваются“,—сказалъ несчастный обвинитель. Учительница нашла, конечно, для себя болѣе благоразумнымъ на судъ не явиться, но прислала заявленіе объ угрозахъ Шапиро ей. Судья вошелъ въ положеніе несчастнаго отца, но нашелъ, что дѣло должно быть возбуждено въ порядкѣ надзора, и въ прошеніи ему отказалъ. Дѣло переносится обвинителемъ въ съѣздъ, гдѣ вызываются и другія ученицы для удостовѣренія грубаго обращенія г-жи Юзефовичъ съ ученицами“.

Это уже не первый случай, когда въ роли гонительницъ еврейскаго племени выступаютъ учительницы... И откуда онѣ берутся, эти изящныя дамы, избравшія школу ареной Крушевановской пропаганды?

* * *

„Нижегор. Лист.“ извлекъ изъ иностранныхъ газетъ слѣдующій подлинный текстъ предписанія начальника канцеляріи турецкаго султана тайнымъ агентамъ-перлюстраторамъ: 1) по полученіи почты имѣете право

открывать всѣ письма и пакеты и потребовать у почтъ-директора тѣ, которые покажутся вамъ подозрительными; 2) такія письма и пакеты вы обязаны доставить немедленно въ Ильдизъ-кіоскъ и возвратить почтовой администраціи всѣ, подлежащія возращенію; 3) вамъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за всѣми людьми, посѣщающими оттоманскія почтовыя конторы въ Перѣ, Галатѣ и Стамбулѣ, замѣчать физіономіи подозрительныхъ лицъ и узнать ихъ имена, фамиліи и мѣстожительство; 4) письма съ обозначеніемъ на адресѣ „до востребованія“ можно считать вообще подозрительными, если они не адресованы иностранцамъ; 5) письма, адресованныя тѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, списокъ которыхъ имѣется у насъ, должны быть безъ исключенія немедленно доставлены въ Ильдизъ-кіоскъ; 6) на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ вы должны имѣть бдительный надзоръ за пассажирами, имѣющими при себѣ свертки бумагъ, пакеты, книги и пр., и слѣдить, куда эти лица идутъ, гдѣ живутъ и кто такія; 7) всѣ пароходы, парусныя суда и барки, пристающія къ пристани или выходящія изъ нея, подлежать вашему строжайшему наблюденію. Вы должны отобрать всякіе пакеты или кожаные мѣшки, въ которыхъ подозрѣваются секретныя корреспонденціи; 8) такъ какъ удостовѣрено, что злонамѣренные субъекты переодѣваются зачастую матросами и передаютъ на иностранныхъ пароходахъ тайную корреспонденцію, то вы должны зорко слѣдить и отличать таковыхъ отъ настоящихъ матросовъ, и въ случаѣ надобности, перехватить корреспонденцію; 9) прибывающіе за границу турецкіе подданные должны быть подъ разными предлогами задержаны на нѣсколько часовъ, чтобы провѣрить, кому слѣдуетъ, есть ли на выданныхъ имъ турецкими консульствами видахъ условные знаки и 10) если кто либо изъ васъ будетъ уличенъ въ попустительствѣ и продажности врагамъ падишаха и государства, то онъ будетъ судимъ за измѣну и государственное преступленіе.

* * *

„Саратовскій Дневникъ“ приводитъ выходку мѣстныхъ озорниковъ, которыхъ теперь вездѣ, по-модному, называютъ хулиганами:

Недавно одинъ священникъ часовъ въ 9 вечера возвращался съ желѣзнодорожнаго вокзала. На Крестовоздвиженской площади его встрѣтили трое изъ покровскихъ саврасовъ хулигановъ. У одного изъ встрѣтившихъ священника хулигана въ рукахъ была гармоника, у другого—револьверъ, а у третьяго—кинжалъ.

— Стой! Кто идетъ?—произнесли хулиганы въ одинъ голосъ.

Священникъ назвался.

Хулиганы окружили его со всѣхъ сторонъ.

— Постой, батюшка, у насъ до тебя дѣльце... Деньги есть?—приставали саврасы.

Денегъ у священника не оказалось.

— Ну, коли денегъ нѣтъ—попляши!.. Играй въ гармонь!—приказали двое другихъ хулигановъ третьему, у котораго была гармоника.

Онъ заигралъ...

Надругавшись вволю, хулиганы удалились.

* * *

Газета „Югъ“ сообщаетъ, что „въ 8 часовъ утра, во дворѣ срочнаго помѣщенія елисаветградской тюрьмы приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ убійцами надзирателя Удода—Евлагинымъ и Крыжановскимъ, приговоренными военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Евлагинъ и Крыжановскій, содержавшіеся все время въ губернской тюрьмѣ были приведены въ срочное помѣщеніе елисаветградской тюрьмы, гдѣ тюремный инспекторъ К. И. Звонниковъ, сообщивъ осужденнымъ, что ихъ просьба о помилованіи отклонена, предложилъ имъ священника, дабы они могли исповѣдаться и выслушать христіанское напутствіе. Осужденные согласились на предложеніе тюремнаго инспектора. Ровно въ 7 часовъ утра приговоренные были выведены во дворъ тюрьмы, и у эшафота, окруженнаго каре солдатъ, выслушали конфирмацію, прочитанную секретаремъ суда, и отходную молитву, произнесенную священникомъ. Послѣ этого взошли на эшафотъ: сначала Евлагинъ, а за нимъ Крыжановскій. Въ 8 часовъ казнь была окончена, и трупы казненныхъ, по освидѣтельствованію ихъ врачами Рождественскимъ и Слѣсаревскимъ, были уложены въ черные гробы и похоронены за кладбищенской стѣной... При совершеніи казни присутствовали: прокуроръ херсонскаго окружнаго суда М. В. Литовченко, тюремный инспекторъ К. И. Звонниковъ, начальникъ херсонскаго гарнизона полковникъ Давыдовъ, херсонскій полицеймейстеръ И. Х. Янишевскій, начальникъ губернской тюрьмы кн. Гурамовъ и др., а также рота Бахчисарайскаго баталіона. При совершеніи казни находились также до 70 арестантовъ изъ губернской тюрьмы и исправительнаго арестантскаго отдѣленія“.

* * *

Въ „Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, напечатаны полныя драматизма воспоминанія одного священника объ отобраніи дѣтей у молоканъ:

„Мирныя отношенія наши къ сектантамъ,—разсказываетъ авторъ воспоминаній,—нарушились по одному прискорбному обстоятельству, на которомъ стоитъ остановиться, такъ какъ это переживалось нами приходскими

священниками — очень тяжело. По дѣлу о совратившихся состоялось рѣшеніе уголовной палаты, по которому, между прочимъ, въ случаѣ упорства ихъ въ заблужденіи, дѣти должны быть отобраны отъ нихъ и, по крещеніи или присоединеніи, отданы на воспитаніе православнымъ родственникамъ. Мы—приходскіе священники—выяснили начальству, что эта мѣра безполезна, если отдать дѣтей тутъ же въ селѣ Пришибѣ, такъ какъ ихъ болѣе 60, и большая часть изъ нихъ взрослыя—отъ 7 до 16 лѣтъ; едва ли кто найдется принять таковыхъ на свое попеченіе. Консисторія и палаты приняли это во вниманіе и рѣшили—отдать дѣтей въ другія волости Царевскаго уѣзда.

По распоряженію исправника Кр—цкаго (изъ севастопольскихъ офицеровъ), въ назначенное время съѣхались въ Пришибъ изо всѣхъ волостей сельскія власти съ людьми, которые пожелали взять себѣ на воспитаніе— конечно, даровыхъ—работниковъ. Власти съ понятыми и стражею быстро осадили всѣ дома, гдѣ нужно брать дѣтей, такъ что укрыть ихъ не успѣли. Берутъ, уводятъ и увозятъ. Отцы большею частію только упрашивали не отнимать у нихъ „чадушекъ", не оказывали смѣлаго сопротивленія властямъ, а матери львицами встрѣчали ихъ, хватали дѣтей въ объятія и замирали съ ними; иныя вооружались чѣмъ попало противъ похитителей,—такихъ боевыхъ несчастныхъ въ цѣпяхъ уводили въ холодную. Далеко слышенъ былъ велій вопль Рахилей. Дѣти плакали не меньше матерей; они, озадаченныя, будто терялись и покорно отдавали себя чужимъ.

Чрезъ полгода пріѣзжаетъ въ Пришибъ чиновникъ какой-то и приглашаетъ насъ, священниковъ, порознь, къ себѣ въ квартиру для объясненій по дѣлу объ отобраніи дѣтей у родителей. Оказалось, убитые горемъ отцы подали жалобу Государю Императору и матери Государынѣ Императрицѣ. Чиновникъ этотъ присланъ изъ Петербурга сдѣлать секретное дознаніе. Мы, волею Божіею, уцѣлѣли и консисторію не выдали, а г. исправникъ съ нѣкоторыми изъ губернскихъ чиновъ пострадали. Чрезъ годъ послѣдовалъ указъ возвратить родителямъ дѣтей; но большая часть ихъ безъ того была уже дома, иныхъ похитили чрезъ подкупъ изъ селеній, гдѣ они жили, другихъ,—въ полѣ, въ рабочую пору.

* * *

Въ „С.-Пет. Вѣд." г-нъ А. Стаховичъ передаетъ слѣдующій потрясающій случай, рисующій деревенскіе нравы.

„6 декабря 1903 г. жена священника с. Никольскаго-Губиново, Кудимовской волости, Ливенскаго уѣзда, Орловской губ., о. Петра Михѣева, возвратясь съ мужемъ отъ обѣдни, обнаружила у себя пропажу 16 р. Заподозрили въ кражѣ служившую у нихъ прислугою 14-лѣтнюю дѣвочку Головину. Послали за сотскимъ, который арестовалъ дѣвочку и отправилъ

ее въ „холодную.“ Къ вечеру, когда отецъ Петръ служилъ вечерню, въ арестное помѣщеніе явился мѣстный крестьянинъ, извѣстный пьяница и забулдыга, близкій от. П. Михѣеву человѣкъ, и, по его порученію, началъ допрашивать дѣвочку. Она не сознавалась въ кражѣ пропавшихъ денегъ. Доброволецъ-слѣдователь для полученія ея сознанія приступилъ... къ пыткѣ ея. Привязавъ ея косу петлею къ веревкѣ, перекинулъ другой конецъ черезъ потолочную балку и, потянувъ за него, приподнялъ несчастную дѣвочку отъ пола. Раздались душу раздирающіе крики. Подвѣшиваніе это, въ нѣсколько пріемовъ, продолжалось довольно долго, при чемъ все время уговаривали бѣдняжку сознаться. Не выдержавъ этихъ ужасныхъ мученій, дѣвочка, наконецъ, сказала, что деньги взяла она и запрятала въ солому на дворѣ о. Петра. Пытку пріостановили. Тѣмъ временемъ кончилась вечерня, и о. Петръ съ своимъ наперсникомъ-инквизиторомъ, который пришелъ доложить ему о результатахъ, добытыхъ его разслѣдованіемъ, пошли на дворъ искать деньги. Ихъ не нашли, при чемъ Головина разъяснила, что она „на себя наклепала зря“, чтобы прекратились ужасныя мученія подвѣшиваніемъ ея за волосы, которое она дольше не могла выдерживать. Ее вновь засадили въ холодную. На слѣдующее утро, въ то время, какъ о. Петръ служилъ обѣдню, его довѣренный вновь пришелъ допрашивать Головину; такъ какъ она опять не сознавалась, то вновь началъ пытать бѣдную дѣвочку. Способъ пытки былъ выбранъ иной. Наворачивалъ онъ на палецъ по небольшому пучку волосъ и... съ силою ихъ выдергивалъ. При медицинскомъ освидѣтельствованіи впослѣдствіи Головиной оказалось на головѣ несчастной нѣсколько мѣстъ, величиною съ серебряный рубль, совсѣмъ оголенныхъ этою операціей отъ волосъ. Не выдержавъ этой ужасной пытки, бѣдная дѣвочка опять сказала, что деньги взяла она и передала ихъ отцу своему. Послали за нимъ. Дочь съ рыданіями стала умолять отца дать денегъ мучителю, чтобы онъ ее оставилъ и пересталъ пытать. Это было сочтено за признаніе. За неимѣніемъ денегъ, отецъ Головиной таковыхъ дать не могъ. Тогда дѣвочку повели въ домъ священника, гдѣ инквизиторъ доложилъ о всемъ „матушкѣ“—женѣ о. Петра. Она послала дѣвочку на кухню, гдѣ тотъ-же подручный ея мужа съ другими ихъ приближенными продолжили пытку несчастной страдалицы. Ее раздѣли почти до-гола и начали стегать постромкою по спинѣ и ягодицѣ до крови. Били ее долго, до потери ею сознанія. Хотѣлъ, было, суровый слѣдователь накалить въ печи кочергу и прижечь ею половые органы дѣвочки, но былъ кѣмъ-то отъ того удержанъ. Почтенная „матушка“ все время слышала раздирающіе душу крики пытаемой съ ея вѣдома дѣвочки! Въ безсознательномъ состояніи отвезли ее опять въ холодную. При этомъ надо еще добавить, что за всѣ эти дни ей не давали никакой пищи. На

3 сутки, обезсиленная пыткою и голодомъ, бѣдная мученица чувствовала себя настолько слабою, что, думая, что она кончается, послала за „батюшкой“ для пріобщенія св. таинъ. О. Петръ отказалъ прійти, такъ какъ за нимъ не прислали лошади. Когда таковую за нимъ присляли, онъ поѣхалъ ее причастить, при чемъ предварительно на исповѣди производилъ настойчивый допросъ о пропавшихъ деньгахъ съ угрозами. Этимъ и закончилось слѣдствіе о. Петра и началось... слѣдствіе полицейскихъ властей не надъ нимъ, къ сожалѣнію, главнымъ, если не единственнымъ виновникомъ, а надъ его наперсникомъ, объ истязаніяхъ бѣдной, замученной дѣвочки.

Все сообщенное извлечено изъ полицейскаго дознанія и медицинскаго освидѣтельствованія тѣла несчастной Головиной. Она, бѣдная, жива, но очень слаба...“

* * *

Въ Варшавѣ, по словамъ „Вечерн. Гонца“, директоръ одного изъ кожевенныхъ заводовъ г. К. ввелъ у себя своеобразную систему наказаній. Вмѣсто выговоровъ, штрафовъ и т. д., онъ предлагаетъ провинившемуся рабочему на выборъ—розги или удаленіе съ завода. При трудностяхъ, съ какими сопряжено теперь въ Варшавѣ полученіе работы, эта альтернатива разрѣшается большею частью въ пользу тѣлеснаго наказанія, которое производится всегда въ присутствіи г. директора. (Р. С.)

. Говорятъ, что этотъ фабрикантъ К.—человѣкъ психически разстроенный, но что онъ всѣми мѣрами уклоняется отъ освидѣтельствованія его врачами въ губернскомъ правленіи. Непонятно только, какимъ образомъ губернское правленіе не подвергнетъ его приводу.

Изъ области знаній.

Проблемы оплодотворенія.

Курта Гротевица.

Въ великомъ царствѣ живой природы мы встрѣчаемъ лишь очень немногіе случаи, въ которыхъ не имѣло бы мѣста дѣленіе на полы. Считается почти общимъ правиломъ, что на самыхъ низшихъ ступеняхъ какъ животнаго, такъ и растительнаго царствъ размноженіе живыхъ существъ происходитъ не половымъ путемъ, а путемъ дѣленія. Тѣмъ не менѣе даже самымъ низшимъ организмамъ, за очень незначительными исключеніями, не чуждо различіе половъ. Различіе это проявляется неизмѣнно въ извѣстное время, черезъ опредѣленные промежутки. Ясно, что это различіе и опирающееся на немъ смѣшеніе половъ должны имѣть огромное значеніе для живыхъ существъ. Иначе трудно было-бы понять распространеніе полового различія въ природѣ. Но до сихъ поръ вопросъ о значеніи этого явленія оставался такимъ же темнымъ, какъ и вопросъ о сущности и дѣйствительномъ характерѣ оплодотворенія, ведущаго къ происхожденію новаго индивидуума. Одно можно сказать—вопросы эти въ настоящее время достигли уже той стадіи, на которой можно предвидѣть ихъ рѣшеніе.

Нѣкоторые выдающіеся изслѣдователи высказались за послѣднее время по этому поводу самымъ рѣшительнымъ образомъ. Большихъ успѣховъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ добились зоологъ Theodor Boveri, ботаникъ E. Strassburger, біологи August Weismann и R. Hertwig и нѣкоторые другіе изслѣдователи. По вопросу о томъ, какъ въ дѣйствительности происходитъ процессъ оплодотворенія, вюрцбургскій профессоръ Boveri въ недавно выпущенной имъ книгѣ „Проблемы оплодотворенія“ (Іена 1902 г.) нарисовалъ очень наглядную картину того, что именно происходитъ при

соединеніи сѣмянной клѣтки съ клѣточкой яйца. Картина эта набросана имъ на основаніи точно провѣренныхъ результатовъ изслѣдованія. Внѣшній процессъ соединенія противоположныхъ клѣточекъ особенно легко наблюдается въ клѣточкахъ размноженія морского ежа. Каждое яичко морского ежа состоитъ изъ одной клѣтки, наполненной зернистой протоплазмой съ ядромъ внутри и окруженной сильно водянистой, состоящей изъ слизи оболочкой. Сѣмянныя клѣточки значительно меньше клѣточки яйца. Онѣ состоятъ изъ передней, болѣе утолщенной части, называемой головкой, которая собственно и наполнена клѣточнымъ ядромъ. Къ головкѣ примыкаетъ крошечное тѣльце, заканчивающееся ниточкой хвоста, который, постоянно колеблясь, способствуетъ движенію клѣтки. Если въ жидкость, обильно наполненную сѣмянными клѣточками—сперматозоидами, попадетъ яичко, оно немедленно окружается цѣлой массой этихъ сперматозоидовъ, которые пытаются своими головками проникнуть сквозь его слизистую оболочку. Сѣмячко, успѣвшее раньше другихъ приблизиться къ поверхности яичка, привѣтливо принимается имъ; навстрѣчу ему выдвигается бугорокъ, который, обхвативъ головку и тѣльце сѣмени, всасываетъ его въ себя. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ вокругъ яичка образуется прочная мембрана, назначеніе которой заключается въ томъ, чтобы предохранить яйцевидную клѣтку отъ вторженія остальныхъ сперматозоидовъ. Въ протоплазмѣ яичка сѣмянная клѣточка, которая является теперь уже только въ качествѣ сѣмянного ядра, вызываетъ извѣстное движеніе, образующее вокругъ ядра что-то въ родѣ вѣнка изъ лучей. Въ концѣ концовъ ядро сѣмени и яичка сливаются вмѣстѣ. Такимъ образомъ, двѣ клѣточки превращаются въ одну, которая подобно другимъ клѣткамъ начинаетъ размножаться путемъ дѣленія. Ядро перестаетъ быть видимымъ, и вмѣсто его появляются двѣ лучевыхъ системы, центры которыхъ находятся на противоположныхъ полюсахъ. Между этими двумя лучевыми вѣнками клѣточка какъ бы перетягивается ниткой, въ каждой изъ двухъ половинъ появляется новое ядро и въ концѣ концовъ обѣ части отдѣляются другъ отъ друга, какъ самостоятельныя клѣтки. Каждая изъ этихъ клѣточекъ дѣлится въ свою очередь, и дѣленіе это продолжается до тѣхъ поръ, пока не образуется законченная форма новаго организма.

Если яичко не оплодотворено, то оно погибаетъ. Безъ сомнѣнія, у него нѣтъ способности дѣленія. И эту то способность сообщаетъ ему сѣмянная клѣтка. Очевидно, слѣдовательно, что главнымъ пунктомъ въ проблемѣ оплодотворенія является вопросъ, что именно вноситъ въ яичко сѣменная клѣточка, чтобы вызвать въ немъ процессъ дѣленія. Этотъ послѣдній самъ по себѣ неноситъ уже спеціально полового характера, онъ относится къ тѣмъ особенностямъ роста, которыя свойственны всякой клѣточкѣ.

Яйцевая же клѣточка обладаетъ, очевидно, какимъ то недостаткомъ, благодаря которому она не можетъ дѣлиться самостоятельно. Однако, при такъ называемомъ партеногенетическомъ (дѣвственномъ) размноженіи—наблюдаются случаи, когда яичко развивается и безъ воздѣйствія сперматозоидовъ. Съ другой стороны, американскому біологу I. Loeb'у удалось добиться самостоятельнаго развитія яичекъ морского ежа, послѣ того какъ онъ продержалъ ихъ нѣкоторое время въ опредѣленномъ растворѣ соли. Boveri дѣлаетъ отсюда выводъ, что препятствіе, мѣшающее клѣточному дѣленію яичка, лишь очень незначительно. Безъ сомнѣнія, въ яичкѣ содержится все необходимое для того, чтобы жизненный механизмъ началъ дѣйствовать; не достаетъ только побудителя, который привелъ бы этотъ механизмъ въ движеніе.

Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ было произведено такъ много изслѣдованій по вопросу о томъ, какимъ образомъ дѣйствуетъ сѣмянная клѣточка на клѣточку яичка, что въ настоящее время было бы вполнѣ умѣстно подвести итогъ всѣмъ этимъ изслѣдованіямъ. Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, чего именно не хватаетъ яичку для клѣточнаго дѣленія, необходимо прослѣдить процессъ дѣленія у обыкновенной клѣточки. Импульсъ дѣленія исходитъ въ ней отъ маленькаго тѣльца, такъ называемой центрозомы. Эта центрозома имѣется во всякой способной къ размноженію животной клѣткѣ и вмѣстѣ съ значительно болѣе крупнымъ ядромъ она окружена густой сферой протоплазмы. Тѣльце это дѣлится на двѣ части, при чемъ каждая изъ этихъ двухъ центрозомъ представляетъ изъ себя полюсъ силъ, изъ котораго исходитъ воздѣйствіе на всю клѣточку. Воздѣйствіе это прежде всего распространяется на кольцо протоплазмы, которое какъ-бы распускается въ лучахъ. Эти лучи радіусообразно группируются вокругъ обоихъ полюсовъ центрозомъ, образуя при этомъ упомянутые уже лучевые вѣнчики или астросферы. Но дѣйствіе центрозомъ не ограничивается этимъ. Ядро клѣточки распадается между тѣмъ въ рыхлый остовъ красящаго вещества, который, въ свою очередь, разлагается на цѣлый рядъ частицъ, носящихъ названіе элементовъ ядра. Оба полюса совершенно равномѣрно, съ одинаковой силой, дѣйствуютъ на эти частицы такъ, что онѣ попадаютъ въ промежутокъ между обѣими частицами лучей и здѣсь образуютъ перегородку какъ разъ посрединѣ клѣточки. Теперь каждая изъ лучевыхъ системъ, направляя свое дѣйствіе на обращенную къ ней сторону каждаго отдѣльнаго ядернаго элемента, вызываетъ дѣленіе этихъ элементовъ; лучевыя сферы разступаются въ противоположныя стороны и тянутъ за собой оторвавшіяся другъ отъ друга половины элементовъ ядра. Подъ вліяніемъ дальнѣйшаго дѣйствія центрозомъ клѣточка растягивается и въ концѣ концовъ перешнуровывается пополамъ

между обоими полюсами силъ. Въ каждой отдѣльной половинкѣ элементы ядра соединяются сначала въ остовъ, а затѣмъ въ губчатое ядро. Тутъ половинки окончательно отдѣляются другъ отъ друга и образуютъ самостоятельныя клѣточки со своимъ собственнымъ ядромъ и собственной центрозомой. Процессъ дѣленія, такимъ образомъ, заканчивается. Самую важную роль въ этомъ процессѣ играетъ, безъ сомнѣнія, центрозома. Она-то собственно и является органомъ дѣленія.

Откуда же происходитъ центрозома? Каждая обыкновенная животная клѣточка получаетъ это тѣльце при дѣленіи материнской клѣточки. Если мы, такимъ образомъ, отъ клѣточки къ клѣточкѣ пойдемъ назадъ, то неизбѣжно натолкнемся на яйцевую клѣточку. Здѣсь мы увидимъ, что центрозома занесена въ послѣднюю сѣменной клѣточкой. Слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ каждая центрозома происходитъ отъ сѣменной клѣтки; въ яйцевой клѣткѣ центрозомы не имѣется. Центрозому образуетъ тѣльце сѣменной клѣточки. Если сѣменной клѣткѣ удалось проникнуть въ яичко, то тѣльце ея отдѣляется, какъ центрозома, и образуетъ вокругъ себя лучевую сферу. Она дѣлится на двѣ дочернихъ центрозомы и каждая изъ нихъ вышеописаннымъ образомъ образуетъ центръ силъ. Ядро сѣменной клѣточки подъ дѣйствіемъ обѣихъ сферъ силъ приближается къ ядру яичка. Оба они разлагаются на элементы, которые, не смѣшиваясь, впрочемъ, другъ съ другомъ, образуютъ посреди клѣтки перегородку. Астросферы тянутъ за собой половинки ядерныхъ элементовъ сѣмени и яичка такимъ образомъ, что каждая изъ обѣихъ вновь образовавшихся клѣтокъ содержитъ въ себѣ ровно половину всѣхъ материнскихъ и отцовскихъ элементовъ. Этотъ процессъ дѣленія совершается съ поразительной геометрической правильностью. Boveri такъ наглядно и съ такой простотой изобразилъ намъ всѣ стадіи интереснаго процесса оплодотворенія и дѣленія клѣтки, что въ глазахъ каждаго встаетъ совершенно ясная картина всего этого.

Итакъ, сѣменная клѣточка вноситъ въ яйцевую клѣтку центрозому, этотъ центръ силъ, который вызываетъ необходимое для дѣленія движеніе. Что именно центрозома является побудителемъ движенія, ясно изъ того, что процессъ дѣленія происходитъ обычнымъ путемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ сѣменной клѣточки искусственно удаляется ядро. Единственнымъ результатомъ подобнаго удаленія бываетъ лишь то, что вновь образующіяся дочернія клѣточки вовсе не содержатъ отцовскихъ элементовъ. Впрочемъ, это обстоятельство совершенно не касается самаго акта оплодотворенія. Уже въ 1887 году Boveri выставилъ слѣдующую теорію оплодотворенія: зрѣлое яичко содержитъ въ себѣ всѣ необходимые для своего развитія органы и свойства, лишь центрозома его, которая вообще

является побудителемъ дѣленія, находится въ недоразвитомъ состояніи или въ состояніи бездѣятельности. Сперматозоиды же, наоборотъ, снабжены этимъ тѣльцемъ, но имъ не достаетъ протоплазмы среды, въ которой этотъ органъ дѣленія могъ бы проявить свою дѣятельность. Въ актѣ оплодотворенія происходитъ сліяніе обѣихъ клѣточекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соединеніе всѣхъ необходимыхъ для развитія клѣточки органовъ. Яичко получаетъ центрозому, которая своимъ собственнымъ дѣленіемъ способствуетъ развитію эмбріона.

Если же, тѣмъ не менѣе, при партеногенезисѣ (дѣвственномъ дѣленіи), возможны случаи развитія яичка безъ содѣйствія мужского элемента, то по мнѣнію Boveri, это происходитъ вслѣдствіе регенераціи яицевой клѣтки, новообразующей центрозому. Впрочемъ, такіе случаи онъ считаетъ невыясненными. Итакъ, мы видимъ, что теорія Boveri сводитъ весь процессъ оплодотворенія къ физіологіи клѣточнаго дѣленія или, по крайней мѣрѣ, объясняетъ ею общія основныя черты этого процесса. Но вышеописанныя условія оплодотворенія имѣютъ мѣсто только у животныхъ и, пожалуй, у очень немногихъ растеній. У большинства же растеній нѣтъ центрозомы. Такимъ образомъ, принимая теорію Boveri, слѣдовало бы допустить, что функціи мужского и женскаго половъ не одинаковы во всей органической природѣ. Августъ Вейсманъ въ своей книгѣ „Vorträge über Descendenztheorie“ (Іена 1902. Г. Фишеръ) высказываетъ, правда, мнѣніе, что центрозому въ концѣ концовъ найдутъ во всѣхъ растеніяхъ. Съ своей стороны, размноженіе при партеногенезисѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что яичко сохраняетъ центрозому, которой обладало до своей зрѣлости. Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ стать способнымъ къ оплодотворенію, яичко проходитъ цѣлый процессъ созрѣванія. При этомъ оно дѣлится такимъ образомъ, что выталкиваетъ изъ себя половину массы своего ядра. Эта половинка образуетъ крохотную клѣточку, которая является въ извѣстной степени придаткомъ большой яйцевой клѣтки. Вейсманъ особенно внимательно прослѣживаетъ этотъ процессъ созрѣванія, такъ какъ онъ имѣетъ большое значеніе для его теоріи наслѣдственности. Каждое ядро клѣточки состоитъ изъ опредѣленнаго числа ядерныхъ элементовъ, такъ называемыхъ хромозомъ. Они составляютъ, такъ сказать, наслѣдственную массу, и какъ количество, такъ и качество ихъ является рѣшающимъ обстоятельствомъ для вновь образующагося организма. Еслибы яйцевая и сѣменная клѣточки имѣли такое же количество хромозомъ, какъ и другія клѣтки животныхъ того же вида, то при сліяніи первыхъ двухъ образовалась бы особь съ двойнымъ количествомъ хромозомъ. Во избѣжаніе этого какъ въ яйцевой, такъ и въ сѣменной клѣткахъ передъ актомъ оплодотворенія происходитъ уменьшеніе количества ядерныхъ элементовъ. При партеноге-

незисѣ, какъ доказываетъ Вейсманъ, это редуктивное дѣленіе отсутствуетъ. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ яичко развивается безъ сліянія съ сѣменной клѣткой, оно необходимо должно сохранить нормальное количество хромозомъ. Разложенія центрозомы также не происходитъ въ этихъ случаяхъ. Какъ уже сказано было раньше, всѣ яички, подлежащія оплодотворенію, утрачиваютъ свою центрозому. Оплодотвореніе является, какъ слѣдствіе этой утраты. Слѣдовательно, необходимости въ оплодотворенія могло бы и не быть, такъ какъ яичко могло бы легко сохранить свою центрозому. Только благодаря тому, что центрозома изчезла, яичко потеряло возможность самостоятельнаго развитія.

Почему же, спрашивается, въ большинствѣ случаевъ дѣвственное развитіе было затруднено и должно было создаться половое сліяніе? Какое значеніе имѣетъ оплодотвореніе и раздѣленіе половъ? Непонятно также, почему—разъ у животныхъ яйцевая клѣточка побуждается къ развитію лишь центрозомой сѣменной клѣтки—почему въ такомъ случаѣ яичко не сохраняетъ съ самаго начала своей собственной центрозомы, почему необходимо сліяніе двухъ половъ.

На низшихъ ступеняхъ животнаго и растительнаго царства двѣ особи соединяются другъ съ другомъ посредствомъ такъ называемой коньюгаціи. Два совершенно одинаковыхъ индивидуума просто сливаются въ одно. Такія особи размножаются обыкновенно при посредствѣ дѣленія, но отъ времени до времени онѣ опять прибѣгаютъ къ коньюгаціи. Мы ясно видимъ въ этомъ случаѣ, что различія между мужскими и женскими особями еще не существуетъ, и все таки при сліяніи этихъ двухъ клѣточекъ происходитъ оплодотвореніе. Начиная съ этой коньюгаціи вполнѣ одинаковыхъ индивидуумовъ, мы находимъ въ природѣ всѣ виды и переходы вплоть до образованія специфически мужскихъ и женскихъ половыхъ клѣтокъ. Но для пониманія процесса оплодотворенія особенно важное значеніе имѣетъ именно эта простѣйшая коньюгація. Противоположность половъ есть явленіе вторичное, оно не существенно для оплодотворенія. Первоначально оплодотвореніе не имѣло цѣлью созданія новыхъ индивидуумовъ. Первоначальныя простѣйшія существа размножаются при помощи дѣленія, и коньюгація, слѣдовательно, не могла имѣть своей цѣлью созданіе новыхъ существъ, другими словами она возникла не спеціально для этой цѣли. Да и фактически размноженіе рода не является непосредственнымъ слѣдствіемъ коньюгаціи. Скорѣй наоборотъ, такъ какъ при коньюгаціи, при этомъ первоначальномъ способѣ оплодотворенія, происходитъ сліяніе двухъ особей въ одну—слѣдовательно, уменьшеніе, а никакъ не увеличеніе числа индивидуумовъ.

Всѣ выдающіеся ученые настоящаго времени согласны въ томъ, что

слѣдуетъ всегда различать оплодотвореніе и размноженіе. Оплодотвореніе не ставило своей задачей создавать новыя существа, а размноженіе происходило вначалѣ внѣполовымъ или однополымъ путемъ, такъ какъ различія половъ не существовало. Однополое размноженіе мы и теперь еще находимъ при партеногенезисѣ, встрѣчающемся у многихъ насѣкомыхъ, и при споровомъ развитіи, столь обычномъ у низшихъ видовъ растеній. Споры—это не что иное, какъ половыя клѣточки, которыя развиваются въ новые индивидуумы, не будучи предварительно оплодотворены. Давно пора, какъ вѣрно указалъ Р. Гертвигъ (Отчетъ засѣданія Общества морфологіи и физіологіи, т. XV) отказаться отъ устарѣлаго дѣленія па половое и внѣполовое размноженіе. Вмѣсто этого слѣдовало бы различать размноженіе путемъ дѣленія и размноженіе посредствомъ половыхъ клѣтокъ. Послѣднее—въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ сліяніе половыхъ клѣточекъ двухъ различныхъ индивидуумовъ—можетъ соединяться съ оплодотвореніемъ, но это не обязательно. Во всякомъ случаѣ не размноженіе является настоящей цѣлью [1]) оплодотворенія.

Многіе видятъ назначеніе оплодотворенія въ томъ, что соединеніе двухъ индивидуумовъ вызываетъ обновленіе органическаго матеріала, истощеннаго вслѣдствіе постояннаго внѣполового дѣленія. Но почти всѣ изслѣдователи—Вейсманъ, Гертвигъ, Бовери, Страсбургеръ не согласны съ этимъ воззрѣніемъ Бючли (Bütschli). Во-первыхъ, ни въ яйцевой, ни въ сѣменной клѣткахъ нельзя замѣтить слѣдовъ дегенеративнаго истощенія во-вторыхъ, послѣ коньюгаціи у одноклѣточиыхъ происходитъ не увеличеніе способностей къ дѣленію, а скорѣй наоборотъ—наблюдается извѣстный періодъ застоя. Половое сліяніе въ этихъ случаяхъ происходитъ въ видѣ завершенія особенно оживленнаго процесса дѣленія. Послѣ же сліянія новый индивидуумъ проявляетъ уже меньшую дѣятельность, а иногда даже переживаетъ состояніе покоя. Извѣстныя протоцеи, какъ доказалъ недавно своими опытами Chalkins, создаютъ путемъ дѣленія цѣлыя сотни новыхъ поколѣній и не обнаруживаютъ при этомъ никакихъ признаковъ дегенераціи.

Отсюда ясно, что предположеніе, будто оплодотвореніе служитъ актомъ обновленія животнаго или растительнаго вида, совершенно ложно.

---

[1]) Если здѣсь говорится о „цѣли" клѣточки, то при этомъ, конечно, не имѣется въ виду плана или сознательной тенденціи. Подъ словомъ „цѣль" слѣдуетъ въ этомъ стучаѣ понимать лишь направленіе, по которому чисто механическимъ путемъ совершается развитіе. Такъ, напримѣръ, говорятъ: цѣль плавниковъ—служить органомъ плаванія. Это значитъ, что ихъ развитіе шло къ тому, что они могли превратиться въ органъ плаванія.

При всякомъ соединеніи двухъ клѣточекъ происходитъ сліяніе особенностей обѣихъ. Очевидно, подобное сліяніе особенностей двухъ различныхъ индивидуумовъ приноситъ громадную пользу для вида. Намъ нѣтъ даже надобности знать пока, какого рода польза преслѣдуется здѣсь,—достаточно лишь обратить вниманіе на сложное устройство выработанныхъ растеніями и животными мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ, имѣющихъ цѣлью предохранить себя отъ такъ называемаго самооплодотворенія, чтобы притти къ убѣжденію, что каждый видъ стремится вызвать смѣшеніе гетерогенныхъ (разнородныхъ) характеровъ. Такимъ образомъ, назначеніе оплодотворенія заключается въ соединеніи качествъ двухъ различныхъ индивидуумовъ, въ квалитативномъ смѣшеніи (Qualitätenmischung), какъ выражается Бовери.

У одноклѣточныхъ существъ качественное смѣшеніе достигается простымъ сліяніемъ двухъ клѣточекъ. У многоклѣточныхъ сліяніе двухъ индивидуумовъ невозможно. Чтобы достигнуть возможности качественнаго смѣшенія, многоклѣточные организмы должны были выработать себѣ половыя клѣточки, которыя уже путемъ полнаго сліянія создаютъ новаго индивидуума, соединяющаго въ себѣ особенности двухъ существъ. Понятно поэтому, что эти половыя клѣточки должны были получить такое устройство, при которомъ каждая изъ нихъ не являлась-бы способной къ самостоятельному размноженію и становилась-бы таковой лишь подъ вліяніемъ другой клѣтки; такимъ-то путемъ и создалась дифференціація половъ. Еслибы обѣ клѣтки размноженія были совершенно одинаковы между собой, каждая изъ нихъ могла-бы развиваться самостоятельно; но именно это-то и слѣдовало предотвратить въ цѣляхъ смѣшенія двухъ разнородныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, зачаточныя клѣточки стали дополнять другъ друга; произошли женскія и мужскія половыя клѣточки. Произошло, кромѣ того, раздѣленіе труда, при чемъ маленькія весьма легкоподвижныя сѣменныя клѣточки взяли на себя трудъ разыскиванія яичка; послѣднее же, обильно накапливая протоплазму, доставляетъ питательныя вещества, необходимыя для созданія нового индивидуума.

Итакъ, образованіе половыхъ различій, какъ и самъ актъ оплодотворенія, не имѣло вначалѣ ничего общаго съ процессомъ размноженія. Какъ то, такъ и другое имѣло своею цѣлью достичь лишь соединенія наслѣдственной массы (Vererbungsmasse) двухъ индивидуумовъ. Но такъ какъ особенности двухъ многоклѣточныхъ организмовъ лучше всего соединяются другъ съ другомъ путемъ сліянія половыхъ клѣточекъ, то квалитативное смѣшеніе соединилось съ актомъ размноженія. А такъ какъ квалитативное смѣшеніе могло совершаться тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ менѣе каждая зачаточная клѣточка обладала способностью самостоятельнаго

развитія, то отсюда необходимо должна была развиться дифференціація зачаточныхъ клѣточекъ—сексуальность.

Какую же пользу извлекаетъ животный или растительный видъ изъ квалитативнаго смѣшенія? Бовери и Вейсманъ раздѣляютъ тотъ взглядъ, что смѣшеніе качествъ двухъ индивидуумовъ даетъ возможность создать новое, третье, болѣе совершенное существо. Въ развитіи высшихъ видовъ изъ низшихъ сыграло, несомнѣнно, большую роль созданное оплодотвореніемъ квалитативное смѣшеніе. Громадное значеніе, пріобрѣтенное оплодотвореніемъ въ живой природѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ важности принципа высшаго развитія въ животномъ и растительномъ царствахъ. Индивидуумъ, который наслѣдуетъ особенности двухъ различныхъ особей, имѣетъ гораздо больше шансовъ къ развитію, чѣмъ индивидуумъ, не обладающій такимъ наслѣдствомъ. Такое существо сумѣетъ гораздо легче примѣняться къ различнымъ условіямъ, гораздо легче сможетъ выработать новыя формы, которыя принесутъ громадную пользу для дальнѣйшаго развитія вида.

Эдуардъ Страбургеръ, который недавно опубликовалъ въ Ботаническомъ журналѣ (59 годъ, № 23) трактатъ объ оплодотвореніи, въ существенныхъ чертахъ сходится съ Бовери, Вейсманомъ и другими біологами. Въ актѣ оплодотворенія онъ также видитъ импульсъ къ развитію и комбинацію качествъ. Побужденіе къ дальнѣйшему развитію, вносимое мужскимъ элементомъ, имѣетъ весьма важное значеніе въ физіологическомъ процессѣ оплодотворенія; но побужденіе это удавалось иногда замѣнять химическимъ или физическимъ воздѣйствіемъ. Очень возможно, что дѣйствующимъ агентомъ центрозомы сѣменной клѣтки является химическая субстанція. Бовери, правда, не хочетъ этому вѣрить; но Loeb'у удалось при помощи хлористой магнезіи добиться того, что яички морского ежа стали развиваться самостоятельно. Другой изслѣдователь возбудилъ развитіе тѣхъ же яичекъ вытяжкой изъ сѣменныхъ клѣтокъ морского ежа. Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ побужденіе къ развитію играетъ въ актѣ оплодотворенія лишь второстепенную роль; главное же значеніе оплодотворенія заключается въ комбинаціи особенностей. Р. Гертвигъ видитъ также въ комбинаціи особенностей уравненіе, однако болѣе физіологическаго характера. На основаніи нѣкоторыхъ наблюденій надъ микроорганизмами онъ пришелъ къ заключенію, что въ отношеніи протоплазмы къ клѣточному ядру часто имѣетъ мѣсто нарушеніе равновѣсія. Ядро бываетъ иногда слишкомъ велико. При оплодотвореніи же ядро дѣлится; въ клѣточкѣ образуется новая ядерная масса, которая,—вслѣдствіе того, что она является чуждой этой средѣ,—не такъ легко входитъ въ соотношеніе съ протоплазмой и потому не такъ скоро увеличивается, что

для протоплазмы представляетъ благопріятное условіе. Слѣдовательно, по мнѣнію Гертвига, оплодотвореніе является извѣстнаго рода регуляторомъ, имѣющимъ цѣлью устранять нарушеніе равновѣсія между протоплазмой и ядромъ.

I. Loeb предполагаетъ, что неоплодотворенная яйцевая клѣточка гибнетъ потому, что въ ней получаетъ преобладаніе разрушительный процессъ обмѣна веществъ; сѣменная же клѣтка, наоборотъ, возбуждаетъ созидательную дѣятельность существующей матеріи. Она вызываетъ задержку разрушительныхъ вліяній и побуждаетъ къ наступленію синтетическаго процесса. Возможно, что I. Loeb, мнѣніе котораго опирается на цѣлый рядъ наблюденій,—и правъ въ своемъ изображеніи химическаго характера процесса оплодотворенія; но объясненія его такъ же, какъ и объясненія Гертвига, разрѣшаютъ лишь механическую сторону этого вопроса. Для насъ же самой интересной его частью остается все-таки его біологическая сторона. Страсбургеръ и Бовери точно также согласны, что одного химическаго объясненія недостаточно. Это явленіе настолько сложное, настолько зависитъ отъ соотношенія свойствъ родительской пары и отъ цѣлой массы біологическихъ особенностей, что свести его къ химическому процессу не удастся, пожалуй, никогда или во всякомъ случаѣ еще очень долгое время. Объясненія, данныя Loeb'омъ, слишкомъ общи. Если бы даже всѣ подробности совершающагося при оплодотвореніи химическаго процесса были намъ хорошо извѣстны, сама цѣль этого процесса все-таки осталась бы намъ непонятной. Значеніе оплодотворенія попрежнему представлялось бы намъ необъясненнымъ.

Самое простое и самое естественное объясненіе—это то, что оплодотвореніемъ вызывается смѣшеніе особенностей двухъ индивидуумовъ. Съ этимъ согласны большинство ученыхъ. Правда, въ вопросѣ о выгодахъ этого смѣшенія для вида Страсбургеръ расходится съ Бовери и Вейсманомъ. Въ соединеніи расходящихся особенностей онъ видитъ лишь уравненіе; оплодотвореніе создаетъ, по его мнѣнію, не новыя третьи существа, а, наоборотъ, такія, въ которыхъ противоположныя особенности родительской пары находятъ себѣ примиреніе. По Бовери и Вейсману, оплодотвореніе ведетъ къ прогрессу вида; по Страсбургеру же наоборотъ—оплодотвореніе стремится сохранить постоянство вида, стремится привести отколовшихся членовъ вида къ единству и однообразію. По этому различію въ мнѣніяхъ, которыя являются прямо противоположными другъ другу, можно судить, насколько мало разработана еще эта сторона проблемы оплодотворенія. Но во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ уже во многихъ своихъ пунктахъ значительно приблизился къ сферѣ нашего пониманія. Остается выяснить лишь нѣкоторыя отдѣльныя стороны его. Что же касается значенія сек-

суальности, различія оплодотворенія отъ размноженія и многихъ другихъ интересныхъ вопросовъ, то въ послѣдніе годы было очень много сдѣлано для достаточнаго выясненія ихъ. Въ естественныхъ наукахъ какъ разъ именно теперь наступаетъ время выработки единообразныхъ заключеній изъ результатовъ детальныхъ изслѣдованій, которыя съ такимъ стараніемъ производились въ теченіе многихъ десятилѣтій.

Перев. съ нѣмецкаго **М. Мандельштамъ.**

На Западѣ.

(Изъ Германіи).

Нѣмецкій милитаризмъ въ жизни и литературѣ.

I.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ органовъ нѣмецкой консервативной журналистики, лейпцигскій журналъ „Grenzboten“ съ тревогой восклицаетъ „неужели намъ и въ самомъ дѣлѣ нуженъ новый очистительный огонь, новыя искупительныя жертвы?..“

Лейпцигскій журналъ, вообще говоря, нельзя упрекнуть въ пессимизмѣ, онъ, напротивъ, обыкновенно склоненъ къ политическому оптимизму, разсматривающему нѣмецкую жизнь сквозь розовыя очки. Но и онъ не могъ подавить въ себѣ тревожныхъ сомнѣній насчетъ того, все-ли обстоитъ благополучно въ благословенномъ нѣмецкомъ фатерландѣ и въ состояніи-ли будетъ нѣмецкій народъ справиться съ своимъ назначеніемъ безъ „очистительнаго огня“ новыхъ историческихъ потрясеній.

Голосъ консервативнаго журнала —одинъ изъ многочисленныхъ патріотическихъ голосовъ, бьющихъ въ послѣднее время тревогу. Среди нѣмецкихъ „патріотовъ“ объявляется все большее число лицъ, отрѣшающихся отъ предразсудковъ касты, среды и разныхъ другихъ унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ наглазниковъ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ политической, соціальной и духовной эволюціи нѣмецкой жизни за послѣднее десятилѣтіе. Нельзя сказать, чтобы результаты, къ которымъ ихъ приводитъ этотъ анализъ, вызывали особенно приподнятое настроеніе. Какъ ни парадоксально звучитъ это на первый взглядъ, но приходится вѣрить, когда изъ компетентныхъ и непредубѣжденныхъ устъ раздаются упорныя жалобы на „безпросвѣтность“ нѣмецкой дѣйствительности. Это слѣдуетъ, конечно,

понимать cum grano salis,—и даже сами нѣмецкіе патріоты не рѣшаются „укатегорять всю систему“, все, что творится въ нѣмецкихъ земляхъ, приводить къ одному общему печальному знаменателю. Они предпочтительно говорятъ о такъ называемыхъ образованныхъ классахъ, о которыхъ и утверждаютъ, что они впали въ гибельную апатію или же, почивши на лаврахъ былой славы и всяческихъ побѣдъ, съ вѣчно-самодовольнымъ видомъ восклицаютъ: wie haben wir es doch herrlich weit gebracht!

Изъ года въ годъ возрастаетъ культъ внѣшняго, декоративнаго. Освященіе памятниковъ безъ конца, торжества всякаго рода, рѣчи и тосты выродившіеся уже въ дутую и надменную фразеологію, конгрессы, которымъ нѣтъ числа, программа увеселеній и осмотра достопримѣчательностей становится все болѣе обильной,—такъ характеризуетъ господствующій тонъ въ современной Германіи консервативный лейпцигскій журналъ. А умѣренно-либеральная и націоналистически настроенная „Кельнская Газета“ сообщаетъ слѣдующій фактъ, сопровождая его умильнымъ замѣчаніемъ, что онъ „долженъ радовать каждаго патріота“. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время и нѣмецкія дѣти стали играть въ „освященіе памятниковъ“. Возьмутъ бронзоваго, оловяннаго или бумажнаго всадника, окутаютъ его въ полотна, къ его ногамъ положатъ на диванной подушкѣ вѣнки, а одинъ изъ мальчиковъ накраситъ себѣ углемъ усы и изображаетъ „кронпринца“...

На ряду съ игрой въ освященіе памятниковъ самой распространенной забавой нѣмецкихъ дѣтей является, несомнѣнно, „игра въ солдатики“. И эту игру дѣти, конечно, переняли отъ старшихъ, отъ отцовъ. Но почтенные родители такъ долго и такъ усердно нѣжили своихъ солдатиковъ такъ систематически пріобщали ко всѣмъ своимъ торжествамъ, что отъ милыхъ и избалованныхъ игрушекъ не стало житья и нѣтъ съ ними никакой управы. И вотъ мы видимъ, какъ пресытившіеся этой игрой нѣмецкіе патріоты возвышаютъ теперь свой голосъ противъ той разросшейся до неимовѣрныхъ размѣровъ, всеподавляющей системы, которую принято называть „нѣмецкимъ милитаризмомъ“.

Подъ нѣмецкимъ милитаризмомъ не слѣдуетъ понимать только существующую военную систему, какъ она постепенно сложилась въ Германіи. Подъ нимъ разумѣется также духъ, нравы и привычки, которые создались подъ вліяніемъ существующей военной системы на всю общественную и соціальную жизнь нѣмцевъ и которыя сказываются во все возрастающей степени. Это—духъ высокомѣрія, обособленности и даже извѣстной непріязни ко всей невоенной публикѣ и немундирной части народа. Это—обычай, въ силу котораго солдатъ стоитъ всегда на первомъ планѣ, а

гражданинъ—на второмъ. Согласно этому обычаю, въ общественныхъ отношеніяхъ имѣетъ перевѣсъ не образованіе и не знанія, а военный рангъ, военный мундиръ. Въ связи съ этимъ пенсіонированный офицеръ и унтеръ-офицеръ имѣетъ въ силу своего званія преимущественное право на служебное положеніе, которое штатскому доступно лишь послѣ долгой спеціальной подготовки. Вѣроятно нигдѣ въ мірѣ не обнаруживается такъ рѣзко контрастъ между военнымъ и чисто народнымъ духомъ, какъ въ пруссифицированной Германіи, хотя по своему составу германская армія должна считаться представительствомъ всей націи. И этотъ военный духъ и односторонняя военная подоплека просачиваются черезъ все большіе слои общества и питаются соками тѣхъ условій и учрежденій, которыя тѣсно связаны съ существующей военной системой. Такъ, напримѣръ, въ Германіи сплошь и рядомъ говорятъ объ особомъ „резервно офицерскомъ духѣ“ (Reserveofficiergeist), который сказывается въ опредѣленныхъ военныхъ нравахъ и привычкахъ, переносится затѣмъ въ цивильную жизнь и свое характерное выраженіе находитъ въ томъ, что на визитныхъ карточкахъ и въ разныхъ публичныхъ извѣщеніяхъ рангъ „резервнаго офицера“ ставится на первомъ мѣстѣ, а обозначеніе свѣтской профессіи и даже офиціальнаго служебнаго положенія, какъ нѣчто второразрядное, занимаетъ второе, подчиненное мѣсто. Нѣмецкіе старожилы не наблюдали такого явленія еще какихъ-нибудь два-три десятилѣтія тому назадъ. Его происхожденіе, слѣдовательно, относится къ сравнительно позднему времени, къ расцвѣту нѣмецкаго милитаризма при „новомъ“ и „новѣйшемъ“ курсахъ германской политики. Этотъ своеобразный милитаристскій духъ со всѣми побочными явленіями поощряется, между прочимъ, существованіемъ многочисленнаго персонала получающихъ пенсію офицеровъ, которые вынуждены искать и обыкновенно съ гораздо большимъ успѣхомъ находятъ себѣ разныя служебныя и общественныя положенія, такъ какъ пенсіи не хватаетъ имъ на образъ жизни, „достойный ихъ сословія“, а родовое состояніе не всегда имѣется на лицо. Могущественное усиленіе арміи въ послѣднія десятилѣтія и связанное съ этимъ массовое увольненіе и пенсіонированіе военныхъ чиновъ, начиная отъ фельдфебелей и вахмистровъ вплоть до генераловъ и адмираловъ, создали такую необъятную систему обезпеченія военныхъ претендентовъ общественными и государственными должностями, какой не знали нѣмцы еще въ сравнительно недавнее время. Такой военный претендентъ, т. н. Militäranwärter съ свидѣтельствомъ объ обезпеченіи—Versorgungsschein—есть persona grata. Имперскими и государственными законами общественныя управленія обязываются при замѣщеніи должностей имѣть въ виду такихъ претендентовъ „въ высокой степени“. Изъ такихъ и подоб-

ныхъ явленій сложился въ Германіи тотъ порядокъ, который здѣсь принято характеризовать краткимъ словомъ милитаризмъ.

Если расширить понятіе милитаризма и понимать подъ нимъ соперничество общаго вооруженія, подъ которымъ стонутъ почти всѣ народы міра, то это понятіе интернаціонально; ограниченное же предѣлами Германской Имперіи, оно носитъ специфически прусскій отпечатокъ. Переоцѣнка военнаго сословія,—совершенно неосновательная при условіяхъ всеобщей воинской повинности,—ни съ чѣмъ не сообразное молодечество („Schneidigkeit"—называютъ его нѣмцы) въ мирное время, чувство общественнаго превосходства надъ „цивильной" публикой и множество другихъ досадныхъ военныхъ особенностей возросли на прусской почвѣ. Все это, конечно лишь послѣдствіе историческаго развитія Пруссіи, какъ военнаго и полицейскаго государства. Но эти особенности вызываютъ массу горечи въ нѣмецкомъ народѣ, создаютъ въ его средѣ массу конфликтовъ и озлобленіе. Для устраненія этихъ конфликтовъ и для смягченія классовой жизни слѣдовало бы прежде всего военному сословію спуститься на нѣсколько ступеней съ его возвышеннаго пьедестала. Для глубоко укоренившагося представленія, что оно есть „первое" сословіе и что военный мундиръ есть „благороднѣйшая" форма, нѣтъ, въ сущности, никакихъ логическихъ основаній, и такъ называемые бюргерскіе классы нѣмецкаго общества тѣмъ энергичнѣе протестуютъ теперь противъ такихъ претензій, чѣмъ настойчивѣе онѣ возбуждаются заинтересованными кругами. Во время недавнихъ генеральныхъ дебатовъ въ новомъ германскомъ рейхстагѣ депутатъ отнюдь не антимилитаристской партіи центра, д-ръ Шедлеръ, категорически заявилъ, что „сюртукъ ученаго, художника, священника, чиновника, учителя, да и рабочаго, который въ потѣ лица честно борется за насущный хлѣбъ для себя и своей семьи и, работая въ опасныхъ производствахъ, нерѣдко рискуетъ своей жизнью и здоровьемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ военный въ мірное время,—что такой сюртукъ такъ же „благороденъ", какъ мундиръ офицера, а подчасъ, смотря по человѣку, еще благороднѣе".

То преобладающее положеніе, на которое претендуютъ лица, принадлежащія къ военному и въ особенности къ офицерскому сословію, имѣло бы, пожалуй, нѣкоторый смыслъ и оправданіе, если бы они не только военными, но и всѣми чисто человѣческими качествами превосходили всѣ прочія сословія въ той мѣрѣ, въ какой желаютъ быть выдѣленными надъ ними. Это, конечно, совершенно праздная мысль, и даже огорченный нѣмецкій бюргеръ не думаетъ въ серьезъ предъявлять такія требованія къ своему соотечественнику въ мундирѣ... „Всѣ мы грѣшники,—пишетъ одна берлинская буржуазная газета,—и не платье опредѣляетъ внутреннюю цѣнность человѣка. Человѣческія страсти, напасти и низости не остана-

вливаются и передъ небомъ полубоговъ. Это не упрекъ кастѣ, но это упрекъ тѣмъ, которые считаютъ себя въ правѣ то и дѣло глумиться надъ бюргерскимъ классомъ, ставя не вѣсть какъ высоко военное сословіе надъ ученымъ и рабочимъ сословіями. Мы отказываемся признавать эту возвышенность кадетъ, лейтенантовъ, майоровъ и генераловъ. И мы полагаемъ, что наша армія имѣетъ достаточно основаній нѣсколько умѣрить свою радость обладанія „благороднѣйшимъ мундиромъ“ путемъ внутренней самокритики, которая, быть можетъ, впослѣдствіи благопріятно отразится и на ея репутаціи въ глазахъ невоенной публики“.

O, welche Lust Soldat zu sein! поется въ одной старой солдатской пѣснѣ. Эту пѣсню теперь цитируютъ съ грустью и съ жгучимъ раздраженіемъ. Не проходитъ дня, чтобы не пришлось слышать или читать про тяжелую солдатскую долю. Случаи жестокаго, прямо нечеловѣческаго обращенія съ солдатами въ германской арміи приняли характеръ настоящей эпидеміи, и эта эпидемія изъ года въ годъ становилась все болѣе опустошительной. По вполнѣ понятнымъ причинамъ, изъ за казарменныхъ стѣнъ не все проникаетъ наружу и не всѣ случаи жестокой расправы съ нижними чинами германской арміи становятся достояніемъ гласности. Только болѣе или менѣе сенсаціонные процессы противъ „унтеровъ“ или вѣсть о самоубійствѣ бѣднаго солдатика то и дѣло приковываютъ общее вниманіе къ тому институту, который восторженные нѣмецкіе милитаристы называютъ лучшей школой народнаго воспитанія, но который въ дѣйствительности является нерѣдко институтомъ для систематическихъ зуботычинъ, для разгула звѣрскихъ инстинктовъ, невоздержанныхъ темпераментовъ и для самаго рафинированнаго издѣвательства надъ сынами народа.

Къ статистическимъ даннымъ касательно этой печальной страницы нѣмецкой жизни слѣдуетъ относиться съ большой осмотрительностью,—не потому, конечно, что они преувеличиваютъ, а слишкомъ смягчаютъ подлинную дѣйствительность. И тѣмъ не менѣе, согласно официальной статистикѣ истязаній солдатъ за 1901 годъ, въ этомъ году произведено было въ германской арміи не менѣе 770 судебныхъ взысканій за *дурное обращеніе* съ подчиненными. Къ этому присоединяется 113 судебныхъ взысканій за оскорбительное *и противное инструкціямъ* обращеніе съ подчиненными. Само собою разумѣется, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ, а во второмъ—главнымъ образомъ, объ оскорбленіяхъ словомъ. Итого, слѣдовательно, въ одномъ 1901-мъ году *стало извѣстно* 883 случая болѣе или менѣе тяжелыхъ истязаній и глумленій надъ солдатами. Въ концѣ истекшаго года, во время генеральныхъ преній въ новомъ рейхстагѣ самъ военный министръ сообщилъ рядъ цыфръ по тому же предмету. За періодъ времени

отъ 1 іюля 1902 по 30 іюня 1903 года подверглось наказанію въ судебномъ порядкѣ за истязанія солдатъ 50 офицеровъ, 525 унтеръ-офицеровъ, 52 ефрейтора. Для прусской арміи это составляетъ 0,26% всѣхъ офицеровъ, 0,83% всѣхъ унтеръ-офицеровъ и 0,01% всѣхъ ефрейторовъ. Подверглось истязаніямъ въ указанный періодъ времени 1,239 душъ, что составляетъ 0,32% всей арміи. Военный министръ находилъ, что эти цыфры не свидѣтельствуютъ о такомъ размѣрѣ зла, который можно было бы считать эпидемической болѣзнью и который нельзя было бы искоренить. Онъ, однако, предвидѣлъ возраженіе, что приведенныя имъ цыфры не даютъ полной картины положенія вещей въ арміи, и тутъ же скромно прибавилъ, что онъ, конечно, не можетъ вполнѣ поручиться за полноту своей статистики. Любопытны еще слѣдующія прочувствованныя слова, сказанныя при этомъ новымъ военнымъ министромъ... „Одинъ изъ депутатовъ говорилъ о томъ, что сердце содрагается, когда читаешь объ этихъ истязаніяхъ. Да, вы ощущаете чисто человѣчную сторону дѣла и вполнѣ естественно требуете устраненія этого зла. Мы же чувствуемъ и тотъ громадный военный вредъ, который причиняютъ истязанія солдатъ. Нѣкоторые случаи истязаній свидѣтельствуютъ о какой-то прямо кровожадной жестокости, иной унтеръ-офицеръ съ настоящимъ сладострастіемъ измышляетъ всевозможныя гнусности, чтобы донять несчастную жертву. Это самое ужасное, что можно себѣ представить, и я рѣшительно не понимаю, какъ могутъ долгое время совершаться такія вещи, оставаясь неизвѣстными начальникамъ данной части войска“...

Одинъ изъ депутатовъ католическаго центра нѣсколько лѣтъ тому назадъ назвалъ унтеръ-офицера „видимымъ намѣстникомъ Бога на землѣ“. Для этого набожнаго человѣка унтеръ-офицеръ является представителемъ высшаго авторитета, воплощеніемъ чрезвычайно благотворнаго божественнаго принципа, обезпечивающаго прочность устоевъ человѣческаго общества и государственнаго порядка... Въ томъ же германскомъ рейхстагѣ одинъ изъ чиновъ военнаго министерства увѣрялъ однажды, что казарма для обязанныхъ службой сыновъ отечества служитъ своего рода лѣтней колоніей, въ которой большинство проводитъ чудные дни и затѣмъ всю жизнь вспоминаютъ о нихъ съ восторгомъ... Все это—разныя варіаціи уже знакомаго намъ мотива: O, welche Lust Soldat zu sein!..

Весь безграничный цинизмъ якобы набожнаго политика и весь безграничный оптимизмъ сентиментальнаго милитариста тотчасъ выступаютъ въ своей подлинной сущности, если обратиться къ дѣйствительности, какъ она рисуется въ чудовищныхъ казарменныхъ истязаніяхъ. Возьмемъ изъ обильной военно-судебной хроники самаго послѣдняго времени одинъ—два случая, въ которыхъ гнусность и грубость невѣжественнаго, но все-

властнаго унтеръ-офицера представлены съ концентрированною наглядностью.

Въ Страсбургѣ высшимъ военнымъ судомъ приговоренъ къ $1^1/_2$ годамъ тюремнаго заключенія и лишенію унтеръ-офицерскаго званія за истязанія солдатъ унтеръ-офицеръ Кишъ. Этотъ удивительный „намѣстникъ“ ежедневно давалъ пощечины почти всѣмъ рекрутамъ своего батальона, билъ ихъ въ спину и въ лицо,дралъ плетью, ночью и днемъ гонялъ ихъ подъ пятью кроватями взадъ и впередъ до 50 и 100 разъ. При гимнастическихъ упражненіяхъ онъ совалъ солдатамъ въ ротъ всякія дреколья, заставлялъ ихъ, какъ собакъ, доставать съ земли ртомъ балансерный канатъ. Солдаты должны были обтирать другъ другу тѣло шваброй съ пескомъ, до тѣхъ поръ, покуда на немъ не появлялись раны. Рекруты должны были другъ друга драть палками и плетью; унтеръ-офицеръ Кишъ заставлялъ ихъ ежедневно стоять на колѣняхъ съ ружьями на караулъ. Чтобы раззадорить рекрутовъ противъ одного изъ товарища, Кишъ приказывалъ ему сѣсть на столъ, надѣвалъ ему на голову фуражку и совалъ трубку въ ротъ. Тѣмъ временемъ остальные рекруты должны были чистить аммуницію своего приговореннаго товарища. Вся эта милая шутка кончалась тѣмъ, что этого несчастнаго товарища безсердечнымъ образомъ сваливали со стола... Въ объясненіе всѣхъ этихъ пытокъ унтеръ-офицеръ указывалъ на то, что и съ нимъ такъ-же обращались, когда онъ былъ рекрутомъ. Когда о его дѣяніяхъ было сдѣлано донесеніе, то онъ старался запугать терпѣвшихъ отъ него солдатъ и внушить имъ невѣрныя показанія.

Унтеръ-офицеръ силезскаго гусарскаго полка Гроссе былъ приговоренъ къ $1^1/_2$ годамъ тюремнаго заключенія и лишенію унтеръ-офицерскаго званія за истязанія солдатъ. Среди подчиненныхъ ему рекрутовъ былъ, между прочимъ, и нѣкій Прёве, очень слабый физически и умственно парень. Этотъ самый несчастный Прёве долженъ былъ пройти черезъ рядъ крайнихъ мучительствъ. Унтеръ-офицеръ Гроссе истязалъ его самымъ звѣрскимъ образомъ: кулаками, плетью, шашкой. Когда Гроссе брался за шашку, то Прёве долженъ былъ для удобства экзекуціи перегнуться черезъ скамейку. Одно время Прёве страдалъ поносомъ. Во время упражненія въ верховой ѣздѣ онъ почувствовалъ приступъ поноса и просилъ позволенія „выйти“. Унтеръ-офицеръ отклонилъ эту просьбу, и несчастный больной долженъ былъ совершить естественное отправленіе на конѣ. Гроссе приказалъ ему затѣмъ вычистить свои брюки, но Прёве повѣсилъ ихъ раньше въ шкафъ. Когда унтеръ-офицеръ узналъ объ этомъ, то онъ приказалъ Прёве принести брюки. Послѣ этого онъ съ приподнятой плетью всталъ въ грозную позу и приказалъ несчастному солдату ртомъ и зубами собирать съ брюкъ экскременты и проглатывать ихъ. Объятый страхомъ передъ своимъ мучи-

телемъ, Прёве дѣлалъ, какъ ему было приказано, но все таки выплевывалъ экскременты. Цѣлую четверть часа продолжалась эта отвратительная процедура. Ее наблюдали многіе унтеръ-офицеры и солдаты, покуда ихъ не стошнило. Но ни у кого изъ нихъ не хватило мужества протестовать противъ поведенія озвѣрѣвшаго унтеръ-офицера, хотя видъ дрожащаго и загаженнаго солдата долженъ бы тронуть даже желѣзное сердце...

Изъ приведенныхъ здѣсь случаевъ видно, какъ проблематично право обжалованія истязаній и какъ трудно довести до полнаго свѣдѣнія начальства и до судебнаго разбирательства тѣ дѣла, которыя творятся за высокими казарменными стѣнами. Въ сознаніи молодыхъ солдатъ власть ихъ унтеръ-офицера представляется превыше всякой другой власти; они дрожатъ передъ его местью и скорѣе сносятъ всѣ муки, чѣмъ доносятъ на своего мучителя, потому что отъ такого шага боятся еще худшихъ послѣдствій.

Съ тѣхъ поръ, какъ общественное мнѣніе въ Германіи стало съ большей чуткостью откликаться на жизнь нѣмецкихъ казармъ и судьбу ихъ многочисленнаго населенія, очень высокопоставленные люди и военное вѣдомство вообще неоднократно выступали съ болѣе или менѣе категорическими указами и приказами противъ солдатскихъ истязателей и мучителей. Въ 1890 году по этому поводу обратился съ особымъ указомъ къ командующимъ войсками самъ императоръ; въ 1892 году опубликовалъ такой же приказъ тогдашній принцъ, нынѣшній саксонскій король. Наконецъ, въ прошломъ году всеобщее вниманіе обратилъ на себя очень внушительный указъ наслѣднаго принца Саксенъ-Мейнингенскаго, изданнаго имъ въ качествѣ командующаго силезскимъ корпусомъ. Въ этомъ указѣ говорится:

„Для солдата оскорбительно и унизительно сносить истязанія. На этотъ счетъ не слѣдуетъ оставлять у солдатъ никакого сомнѣнія. Поэтому офицеры должны имъ почаще ставить на видъ, что ихъ истязаніемъ имъ причиняется обидное для ихъ чести обращеніе, что въ этомъ случаѣ попирается ихъ личное достоинство и что солдаты противорѣчатъ волѣ императора, видамъ своего начальства и справедливому чувству собственной чести, если они молча сносятъ такое обращеніе съ собою... Умолчаніемъ о совершенныхъ надъ ними жестокостяхъ они лишь ободряютъ своихъ истязателей къ новымъ актамъ грубаго насилія надъ солдатами...“

Къ сожалѣнію, этотъ гуманный принцъ и военный начальникъ вскорѣ послѣ опубликованія своего указа внезапно былъ отставленъ отъ должности командующаго войсками. Эта сенсаціонная отставка осталась до сихъ поръ не разъясненной. Между прочимъ, предполагаютъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, очень категорическая апелляція саксенъ-мейнингенскаго принца къ чувству чести и личнаго достоинства солдата под-

капываетъ традиціонные устои военной дисциплины. Ходятъ слухи, что въ виду этого же соображенія указъ отставленнаго принца былъ взятъ обратно и, такимъ образомъ, изъятъ изъ употребленія.

Квалификація личнаго достоинства и чести солдата какъ нельзя болѣе ярко опредѣлится изъ слѣдующаго сопоставленія фактовъ. Изъ обильной хроники военныхъ дѣлъ я беру случай истязанія лошади. Одинъ гусаръ приговоренъ къ одному году тюремнаго заключенія и разжалованію во второй разрядъ солдатскаго званія за то, что онъ пырнулъ копьемъ въ бокъ лошади. Надо полагать, что ударъ не былъ особенно опасенъ, потому что лошадь вскорѣ оправилась и снова вступила въ службу... Рядомъ съ этимъ возьмемъ слѣдующіе случаи: Унтеръ-офицеръ Шниръ хватилъ одного солдата саблей по боку такъ, что солдатъ тяжело захворалъ; за это Шнира приговорили къ 4 недѣлямъ тюремнаго заключенія. Унтеръ-офицеръ Купфернагель размозжилъ одному солдату челюсть и отдѣлался 3 недѣлями средняго ареста... Если сопоставить эти факты, то нельзя будетъ не признать, что гусаръ, оскорбившій дѣйствіемъ казенную лошадь, подвергся сравнительно очень тяжелому наказанію...

Съ самаго начала 90-хъ годовъ и особенно съ того времени, когда въ 1898 году была проведена рейхстагомъ реформа военнаго судопроизводства, вопросъ объ истязаніяхъ солдатъ составляетъ постоянную рубрику парламентскихъ обсужденій. Само собою понятно, что въ этомъ дѣлѣ всѣхъ энергичнѣе и почти исключительно выступаетъ на защиту истязуемыхъ демократическая оппозиція рейхстага. Особенныя и всѣми признанныя заслуги по разоблаченію казарменныхъ жестокостей принадлежатъ депутату Бебелю, которому германская армія обязана и тѣми военными указами, о которыхъ говорилось выше. Военная бюрократія, конечно, внѣ себя, что разныя военныя интимности получаютъ теперь такую широкую огласку. Но народъ, посылающій ежегодно около 220.000 своихъ сыновей въ нѣмецкія казармы, естественнымъ образомъ заинтересованъ судьбой этихъ сотенъ тысячъ въ пору ихъ военной службы. Насколько благопріятно вліяетъ неустанная публичная критика казарменныхъ порядковъ, это особенно ясно показываетъ положеніе дѣлъ въ баварской арміи. Тамъ почти совсѣмъ не слышно о случаяхъ истязаній, подобныхъ приведеннымъ выше. Но въ Баваріи еще задолго до имперской реформы 1898 года было введено гласное военное судопроизводство и поэтому тамъ еще значительно раньше печать, заодно съ баварской палатой, принялись за систематическую чистку военныхъ порядковъ и обычаевъ. Въ самомъ концѣ истекшаго года баварская палата и самъ баварскій военный министръ одобрилъ предложеніе соціалъ-демократическаго депутата Адольфа Мюллера: всякое военное лицо, провинившееся въ грубомъ обращеніи съ подчинен-

ными, изгонять изъ арміи. Отсюда видно, какое элементарное единодушіе существуетъ въ Баваріи касательно личной неприкосновенности солдата, и какъ еще далеко до такого взгляда въ командующей и насквозь милитаристской Пруссіи.

II.

Въ Германіи появляется довольно много романовъ и повѣстей изъ военной жизни. Пишутся они большей частью бывшими офицерами и обыкновенно не идутъ дальше изображенія юмористическихъ сторонъ военнаго быта на почвѣ какой нибудь амурной интрижки и возникающихъ отсюда конфликтовъ между представленіями о специфически военной и заурядной цивильной чести. На эту сравнительно безобидную тему написано было въ послѣднее время не мало драматическихъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., „Rosenmontag“ Гартлебена, сдѣлались прочнымъ достояніемъ нѣмецкаго репертуара. Всѣ такія вещи читаются и смотрятся съ благодушнымъ удовольствіемъ, дѣлаютъ большіе сборы и чрезвычайно забавляютъ снисходительную къ военнымъ шалостямъ и слабостямъ нѣмецкую публику.

Но нѣмецкій милитаризмъ, какъ видно, слишкомъ серьезное явленіе, чтобы исчерпываться однѣми шалостями и разсматриваться съ одной лишь юмористической стороны. Это все больше проникаетъ въ сознаніе нѣмецкаго общества; это, между прочимъ, отражается и на характерѣ военной беллетристики.

„Iena oder Sedan?“—такъ гласитъ названіе двухтомнаго романа, котораго бросающаяся въ глаза черно-бѣло-красная обложка, съ изображеніемъ большого желѣзнаго креста посрединѣ, съ нѣкотораго времени украшаетъ витрины книжныхъ магазиновъ. Этотъ романъ, въ отличіе отъ громаднаго большинства нѣмецкой беллетристики, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и его авторъ, ранѣе никому неизвѣстный бывшій офицеръ Францъ Адамъ Бейерлейнъ, сразу сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ нѣмецкихъ писателей. При этомъ нужно сказать, что романъ Бейерлейна съ точки зрѣнія ходячей эстетической и художественной формулы совсѣмъ не настоящій романъ. Но онъ нѣчто болѣе крупное; это—громкій призывъ и жалобный кличъ, обращенный къ нѣмецкому народу. И въ этомъ причина его успѣха,—успѣха настолько сенсаціоннаго, что черезъ самое короткое время послѣ появленія романа потребовалось особое массовое, дешевое, „популярное“ его изданіе, заполонившее теперь всѣ грады и веси обширнаго нѣмецкаго фатерланда.

Романъ Бейерлейна посвященъ порядкамъ въ германской арміи. Въ этомъ не было бы, собственно говоря, ничего примѣчательнаго. Порядками

въ германской арміи многіе уже съ давнихъ поръ заняты самымъ неукоснительнымъ образомъ. Мы видимъ здѣсь людей прогрессивнаго лагеря и антимилитаристовъ, проникнутыхъ очень недобрыми чувствами къ институту, который они считаютъ отжившимъ несвоевременнымъ; мы встрѣчаемъ, съ другой стороны, восторженныхъ патріотовъ, которые все еще пребываютъ въ упоеніи славой и твердо убѣждены въ неподражаемомъ величіи германской арміи. Особенность же произведенія Бейерлейна заключается въ томъ, что въ немъ именно патріотъ возвышаетъ свой голосъ противъ недуговъ, которые раньше обыкновенно приходилось выслушивать только изъ устъ политической оппозиціи. Мы имѣемъ передъ собою обвинительный актъ, составленный человѣкомъ, который хочетъ не осуждать, а спасти, и который самое произведеніе свое, полное горькихъ жалобъ и упрековъ, посвящаетъ „Германской арміи".

Своимъ обширнымъ романомъ Бейерлейнъ вводитъ насъ въ среду нѣмецкой казармы. Онъ описываетъ жизнь и чувства рядовыхъ солдатъ въ казармѣ, бытъ офицеровъ въ небольшомъ саксонскомъ гарнизонѣ и важную роль унтеръ-офицеровъ,—этого третьяго члена военной семьи. Романъ не отличается строго-эстетическимъ характеромъ въ „современномъ" смыслѣ слова, но онъ приковываетъ вниманіе читателя отъ первой страницы до послѣдней и за всѣ художественные промахи сторицей вознаграждаетъ глубоко жизненнымъ изображеніемъ среды, въ которой люди и весь строй ихъ мыслей чувствуются съ полной осязательностью.

Передъ глазами читателя проходитъ служебный періодъ солдатскаго отряда, карьера унтеръ-офицерскаго и офицерскаго корпусовъ цѣлаго артиллерійскаго полка. Такъ называемое „ewigweibliche" играетъ при этомъ довольно видную роль, хотя безъ всякой навязчивости введено въ подлежащія рамки всего изображенія.

Въ связи съ судьбами „военныхъ дамъ",—начиная съ возлюбленной соціалъ-демократическаго артиллериста и до дочери полковника,—разыгрываются всѣ трагедіи въ квартирахъ вахмистровъ и въ виллахъ капитановъ и штабскихъ офицеровъ. Эти офицеры, между прочимъ, въ изображеніи Бейерлейна отнюдь не всегда напоминаютъ собою излюбленные типы юмористическихъ листковъ. Мы видимъ здѣсь не одних только высокомѣрныхъ франтовъ въ монокляхъ, и, если вѣрить Бейерлейну, этотъ именно типъ и въ самой офицерской средѣ пользуется наименьшимъ уваженіемъ.

Но оставимъ романическіе аксессуары произведенія Бейерлейна и ограничимся той его стороной, которая составляетъ существенный интересъ романа. Этотъ интересъ заключенъ въ критикѣ всей нѣмецкой милитаристской системы. Въ жизни солдатъ, какъ ее изображаетъ Бейерлейнъ,

мы видимъ ожесточеніе противъ монотоннаго „дрилля“, умерщвляющаго довольство даже того простого люда, который приходитъ изъ деревень на службу съ запасомъ наивнаго патріотизма и увлеченія солдатчиной. Воспоминанія о мукахъ механической выучки, дѣлающей изъ живого человѣка машину для безупречнаго функціонированія при смотрахъ и парадахъ, вызываютъ тѣ условія, благодаря которымъ армія дѣлается подготовительной школой для соціальной демократіи. На дѣйствующихъ лицахъ романа видно, какъ рекруты изъ промышленныхъ центровъ и городовъ взбудараживаютъ умы неприхотливыхъ и нетронутыхъ сельчанъ, и изъ людей, раньше совершенно незнавшихъ жизни, создаютъ ожесточенныхъ и недовольныхъ лицъ, которыя по окончаніи службы являются благодарной и воспріимчивой почвой для соціалъ-демократической пропаганды. Съ точки зрѣнія тѣхъ патріотическихъ импульсовъ, которыми проникнутъ романъ Бейерлейна, вполнѣ понятно, что авторъ выставляетъ соціалъ-демократію какъ своего рода политическое пугало для сторонниковъ и друзей современной германской арміи. Бывшій офицеръ при этомъ часто смѣшиваетъ общія прогрессивныя тенденціи нашего времени съ ходячими представленіями о „разрушительныхъ идеяхъ“ соціалъ-демократіи. Поэтому-то и тѣ два соціалъ-демократа, которыхъ Бейерлейнъ выводитъ среди солдатъ своего романа, очерчены имъ съ наименьшей правдоподобностью.

Но роковой вопросъ „Іена или Седанъ?“ возбуждается не въ кругу солдатъ, а въ средѣ офицерства. Здѣсь Бейерлейнъ рисуетъ нѣсколько симпатичныхъ образовъ изъ круга нѣмецкихъ офицеровъ, которые познали анахронизмъ многихъ военныхъ учрежденій и пришли къ тому убѣжденію, что, служа этимъ учрежденіямъ, они стоятъ на потерянномъ посту.

..."Я не знаю, какъ быть“,—замѣчаетъ подполковникъ Гюнцъ, вернувшійся только-что изъ военной академіи къ фронтовой службѣ...—„Я невольно думаю теперь объ одномъ тяжеломъ времени...“

„О какомъ такомъ времени?“—спрашиваетъ его товарищъ.

„О времени передъ Іеной!“

Это замѣчаніе, сдѣланное въ началѣ романа, впослѣдствіи находитъ подробное обоснованіе въ особомъ изслѣдованіи, которое пишетъ тотъ же самый офицеръ Гюнцъ не задолго передъ тѣмъ, какъ онъ намѣревается подать прошеніе объ отставкѣ. Въ этомъ изслѣдованіи онъ развиваетъ ту мысль, что при наличныхъ условіяхъ нѣмецкій офицеръ едва ли не обреченъ на совершенно безполезную и безысходную работу... Организація германской арміи ведетъ свое начало отъ принциповъ, которымъ почти сто лѣтъ отъ роду, и въ послѣднія три десятилѣтія она подверглась лишь самымъ несущественнымъ видоизмѣненіямъ,—въ тѣ самыя три десятилѣтія, которыя на поприщѣ общаго прогресса подвинули міръ на дистанцію

гораздо большую, чѣмъ это въ прежнія времена достигалось вѣками. Характеръ военнаго воспитанія солдатъ ведетъ свое начало еще отъ патріархальныхъ временъ и остался такимъ же педантичнымъ, проникнутымъ гнетущей опекой и все еще разсчитаннымъ на извѣстный патріотизмъ, тогда какъ промышленно-городскіе и радикальные элементы, благодаря своему значительному умственному развитію, оказываютъ все болѣе усиливающееся вліяніе на непосредственные умы наивныхъ дѣтей деревни.

Въ арміи рѣдко кто задумывается надъ тѣмъ, чтобы настоящимъ образомъ использовать интеллигентность современнаго рекрута. На дѣлѣ все еще примѣняется тотъ самый „дриль", который былъ высшей солдатской школой во времена Фридриха Великаго. Все воспитаніе солдатъ приноровлено не къ войнѣ, а въ гораздо большей степени къ смотрамъ и парадамъ. Этотъ дриль убиваетъ въ солдатахъ охоту къ службѣ и вселяетъ въ ихъ сердца не патріотизмъ, а нѣчто совершенно противоположное. Дисциплина, воспитанная такимъ путемъ, подобна желѣзному обручу бочки, сухія клепки которой разлетаются отъ перваго толчка.

Офицерство не хочетъ и не можетъ понять духа и запросовъ времени. Проникнутое рѣзко выраженнымъ чувствомъ сословной исключительности, воспитанное въ крайне одностороннемъ направленіи, оно отдѣлено глубокой пропастью отъ мыслей и ощущеній простого солдата, такъ что между обѣими сторонами прямо невозможно то духовное единеніе, которое необходимо для воспитанія дѣйствительно вполнѣ годной и боевой арміи на случай войны. Нынѣшнія условія напоминаютъ собою порядки временъ второй имперіи, приведшіе французскую армію къ Седану, и положеніе вещей послѣ фридериціанской эпохи, завершившейся разгромомъ подъ Іеной.

„Офицеры того времени,—говорилъ Гюнцъ,—слишкомъ долго играли въ солдатики, чтобы быть настоящими солдатами."

Въ арміи все болѣе воцаряется эпидемія совсѣмъ не солдатской роскоши, которая сильнѣе всего охватываетъ молодыхъ офицеровъ и дѣлаетъ ихъ негодными для серьезнаго военнаго дѣла. Весь складъ военной жизни пригоняется къ дутымъ декоративнымъ эффектамъ... „То и дѣло измышляются новыя украшенія, медали, ленточки, шнурки, блестящія пуговицы, какъ будто всѣ эти побрякушки могутъ вселить ни вѣсть какую охоту къ военной службѣ!.."

Таковы приблизительно всѣ тѣ многочисленныя соображенія и разсужденія, которыми наполненъ романъ Бейерлейна. Самое „дѣйствіе" романа еще рельефнѣе рисуетъ всѣ слабыя стороны современнаго нѣмецкаго милитаризма. Мы видимъ молодыхъ людей, избравшихъ офицерское званіе, чтобы проживать свою богатую ренту при той пріятной обстановкѣ, которую военная

карьера пріуготовляетъ людямъ матеріально обезпеченнаго и привилегированнаго класса. Офицеры этой категоріи на самую службу смотрятъ, какъ на бремя, и потому манкируютъ ею. Бейерлейнъ знакомитъ насъ далѣе съ наслѣднымъ принцемъ въ пріятельскомъ кругу офицерскаго казино и тутъ же прибавляетъ, что это товарищеское единеніе высшихъ военно-начальниковъ съ офицерами имѣетъ ту невыгоду, что въ этихъ случаяхъ на передній планъ выдвигается самый ловкій въ свѣтскихъ отношеніяхъ офицеръ, а между тѣмъ такой свѣтскій кавалеръ и пріятный собесѣдникъ не всегда есть въ то же время и хорошій солдатъ. Отсюда-то получается и большое число такъ называемыхъ „Dinergenerale", не говоря уже объ „Unterrockgenerale", которые своимъ чиномъ и положеніемъ обязаны женскимъ интригамъ и махинаціямъ.

Бейерлейнъ выводитъ пустоголовыхъ военныхъ франтовъ, затянутыхъ въ корсетъ, съ браслетами и необыкновенной вышины воротниками мундировъ; онъ описываетъ, какъ бездушно такіе франты бросаютъ въ тюрьмы преданныхъ солдатъ за самый ничтожный проступокъ. Сами офицеры нерѣдко изнемогаютъ отъ невыносимаго „дрилля" и только думаютъ о томъ, чтобы не оскандалиться на смотру и на маневрахъ. Они сами вышучиваютъ учрежденіе маневровъ и сговариваются съ офицерами воюющей противъ нихъ стороны насчетъ того, чтобы за завтракомъ обмѣняться намѣченными ходами и планами дѣйствій. Мы видимъ, словомъ, передъ собою формы, и формы безъ содержанія, тѣло безъ души...

На вопросъ: „Іена или Седанъ?", поставленный во главѣ романа, его авторъ не даетъ вполнѣ категорическаго отвѣта. Но всѣмъ ходомъ дѣйствій своего романа и судьбами выведенныхъ въ немъ многочисленныхъ фигуръ онъ не оставляетъ въ читателѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что при наличныхъ условіяхъ путь неизбѣжно ведетъ къ Іенѣ. Это, конечно, очень безотрадная перспектива, и въ романѣ, коснувшемся такой чрезвычайно важной и наболѣвшей стороны современной нѣмецкой жизни, такая перспектива не есть избавительный финалъ и вожделѣнное рѣшеніе проблемы. Прійти къ заключенію, что дорога ведетъ къ Іенѣ, и не попытаться намѣтить другіе пути—это значитъ лишь наполовину рѣшить роковой вопросъ. Бейерлейнъ пришелъ къ тому убѣжденію, что система, господствующая въ современной германской арміи, не находится болѣе ни въ какомъ согласіи съ духомъ времени. Но онъ не рѣшается предложить совершенно новую систему, которая старалась бы использовать и новаго человѣка съ его новыми понятіями и которая изъ каждаго гражданина сдѣлала бы солдата, не лишая его гражданскаго достоинства.

Быть можетъ, авторъ совершенно невольно подходитъ къ рѣшенію проблемы, когда онъ съ своемъ романѣ неоднократно выступаетъ противъ

самой мысли о войнѣ и то и дѣло заставляетъ своихъ героевъ говорить о безсмыслицѣ и противокультурности военныхъ столкновеній вообще. Одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ героевъ романа передъ своей смертью пророчески резонируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Конечно, война была однимъ изъ самыхъ страшныхъ ужасовъ, какіе когда либо ниспосылались на землю, и то былъ бы новый спаситель, который избавилъ бы міръ отъ этого зла. Но когда же прійдетъ этотъ Мессія?“...

Я уже говорилъ о томъ громадномъ успѣхѣ, который выпалъ на долю романа Бейерлейна, нашедшаго себѣ широкое признаніе даже въ военныхъ кругахъ. Уже этотъ успѣхъ свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ и, можно сказать, болѣзненномъ интересѣ, который въ послѣднее время овладѣлъ нѣмецкимъ обществомъ по отношенію къ своей арміи и всему тому, что творится въ ней. Истекшій годъ, благодаря необыкновенному обилію всякаго рода военныхъ „исторій“, процессовъ, военныхъ судилищъ о жестокомъ обращеніи съ солдатами и т. п., былъ нѣкотораго рода апогеемъ такого милитаристическаго интереса, нашедшаго громкій отголосокъ въ печати, парламентскихъ дебатахъ и въ литературѣ.

Когда вскорѣ послѣ романа Бейерлейна появился въ свѣтъ другой военный романъ „Aus einer kleinen Garnison“ нѣкоего Фрица фонъ-Кирбурга, то наивные нѣмецкіе читатели полагали, что имѣютъ передъ собою слабое спекулирующее на сенсацію подражаніе Бейерлейну съ тѣмъ лишь различіемъ, что у Кирбурга краски еще болѣе сгущены. Во всякомъ случаѣ рѣдко кто могъ предположить, что порядки и бытъ, какъ они описываются у Кирбурга, могутъ существовать гдѣ либо въ нѣмецкой военной дѣйствительности.

И вотъ неожиданно распространилась вѣсть, что романъ „Изъ жизни небольшого гарнизона“ дѣлается предметомъ судебнаго преслѣдованія, что мѣсто дѣйствія романа—маленькій городъ Форбахъ у французской границы, и что авторъ романа—молодой 25-лѣтній лейтенантъ Билзе—предается суду за выдачу служебныхъ тайнъ, за неповиновеніе и клевету. Обвинительная власть была, очевидно, такъ увѣрена въ чрезмѣрныхъ преувеличеніяхъ автора, что ограничила предварительное слѣдствіе самымъ необходимымъ, въ твердомъ расчетѣ, что самое судебное разбирательство блестящимъ образомъ реабилитируетъ тѣхъ офицеровъ, которые служили моделью для молодого беллетриста. Но ходомъ процесса какъ судъ, такъ и публика были самымъ жестокимъ образомъ обмануты въ своихъ оптимистическихъ ожиданіяхъ. Оказалось, что романъ изъ жизни небольшого гарнизона во всѣхъ существенныхъ чертахъ изображенія характеровъ и среды представляетъ картину самой неподдѣльной дѣйствительности.

Военный судъ въ Метцѣ велъ процессъ съ рѣдкой въ военномъ судопроизводствѣ откровенностью и гласностью. Многочисленные офицеры, привлеченные въ качествѣ свидѣтелей, открыто признавались, что они фигурируютъ въ романѣ подъ тѣмъ или инымъ вымышленнымъ именемъ. Копіи такъ точно списаны съ оригиналовъ, что при появленіи нѣкоторыхъ „свидѣтелей" каждый, прочитавшій романъ Билзе, тотчасъ узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Вотъ, напр., одинъ изъ развязныхъ майоровъ Форбахскаго гарнизона: Билзе о немъ говоритъ, что у него слезится одинъ глазъ и что онъ имѣетъ обыкновеніе особымъ движеніемъ головы сбрасывать слезу въ сторону. Судъ зоветъ: свидѣтель такой то! Входитъ майоръ, молодецки расшаркивается передъ судомъ и нервнымъ движеніемъ головы сбрасываетъ докучную слезу... Среди судей и въ публикѣ слышится сдержанный смѣхъ...

Всѣ свидѣтели-герои, спрошенные судомъ, подробно разсказываютъ свои и чужія приключенія, всѣ дѣла и дѣлишки своего гарнизона, нашедшія фотографическое изображеніе въ романѣ ихъ товарища. Объ этихъ дѣлахъ и приключеніяхъ разсказывалось на судѣ цѣлыхъ три дня; даже весь романъ былъ прочитанъ отъ первой страницы до послѣдней.

Въ жизни форбахскаго гарнизона много смѣшного, пошлаго и печальтаго. Вотъ, напр., батальонный командиръ, котораго чурается мѣстная цивильная знать, но который себѣ и въ усъ не дуетъ, такъ какъ онъ съ

Этой знатью все таки „выпивалъ", когда представлялся торжественный офиціальный поводъ. Другой командиръ спокойно сноситъ, какъ жена ротмистра, вопреки предписанію, пользуется казенными лошадьми для своихъ частныхъ цѣлей; но онъ грубо осаживаетъ офицера, который позволилъ себѣ посадить своего мальчика на казенную лошадь. Надъ этимъ же батальоннымъ командиромъ въ товарищескомъ кругу смѣется другой офицеръ за то, что онъ совершенно неспособному мужу ротмистерши поставилъ хорошую кондуитную отмѣтку, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, строгая ротмистерша грозила выцарапать командиру глаза... Нарушенія супружескаго долга—совершенно обычное явленіе въ жизни военнаго Форбаха. За незаконную связь съ женою другого офицера виновные получаютъ только выговоръ, за дуэль и изуродованіе обманутаго мужа—только нѣсколько мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости. Дѣланіе долговъ безъ возврата—такое же обычное явленіе. Два офицера подговариваютъ третьяго забраться въ эскадронную кассу, когда же этотъ офицеръ отказывается выполнить такое порученіе, объясняя своимъ товарищамъ, что онъ уже сдѣлалъ „заемъ" изъ эскадронной кассы, то раздосадованные товарищи доносятъ на него начальству. Разные офицеры не только ухаживаютъ за чужими женами и дѣвушками, но часто и живутъ на ихъ счетъ. Сцены грубой деморализа-

ціи, жестокихъ истязаній солдатъ и несправедливаго отношенія къ подчиненнымъ вообще такъ и пестрятъ на фонѣ форбахской жизни и списаннаго съ нея романа.

Самъ военный судъ, безъ всякихъ усилій со стороны подсудимаго, призналъ вѣрность общаго изображенія жизни форбахскаго гарнизона въ романѣ. Онъ, поэтому, совершенно отказался отъ обвиненія автора романа въ клеветѣ и только, въ силу чисто формальныхъ оснований, усмотрѣлъ въ его дѣяніяхъ оскорбленіе офицерскаго сословія. За это простое оскорбленіе и за нарушеніе императорскаго указа, въ силу котораго офицерамъ дозволяется публицистическая дѣятельность съ предварительнаго разрѣшенія высшаго начальства, Билзе былъ приговоренъ къ 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ лишенію офицерскаго званія. Къ выгодѣ подсудимаго судъ призналъ, что онъ не имѣлъ въ виду сочинять памфлета, а руководился желаніемъ раскрыть и устранить неурядицы, существующія въ маленькихъ гарнизонахъ. Да и почти всѣ свидѣтели, въ томъ числѣ многіе изъ пригвожденныхъ къ позорному столбу офицеровъ, заявили, что лейтенантъ Билзе пользовался репутаціей очень милаго и уважаемаго товарища. И въ результатѣ, тѣмъ не менѣе, такая тяжелая кара, лишній разъ свидѣтельствующая, какъ опасно въ Германіи направлять обличительную критику противъ столь возлюбленнаго милитаризма.

Шалости форбахскаго гарнизона подверглись обстоятельному обсужденію и съ трибуны новаго рейхстага въ его предрождественскую сессію. Новому военному министру для перваго дебюта пришлось расхлебывать эту крайне невкусную стряпню. „Когда я прочелъ романъ лейтенанта Билзе,—заявилъ г. министръ,—то я съ отвращеніемъ бросилъ его въ сторону и сказалъ себѣ: это позоръ, что прусскій офицеръ можетъ писать такія вещи. И, однако, его разсказъ оказался отчасти вѣренъ... Но, господа, могу васъ увѣрить: во всей германской арміи вы не отыщете другого Форбаха!..“

— „Да!—заявилъ ему въ отвѣтъ одинъ изъ депутатовъ:—Покуда не объявится другой Билзе...“

Г. Гроссманъ.

Современная Швейцарія.

(Письмо изъ Швейцаріи).

Если бы русскій читатель, закрывъ книгу, знакомящую его съ политическимъ строемъ современной Швейцаріи, съ ея удивительнымъ демо-

кратизмомъ всего уклада жизни, съ ея прекрасною природою, вздумалъ затѣмъ мысленно перенестись въ эту благодатную страну, то онъ бы, конечно, наполнилъ широкія политическія рамки современной Швейцаріи многошумной рѣкой общественной и политической жизни, а искусство, литературу и науку представилъ бы себѣ и пышно цвѣтущими, и приносящими богатые плоды.

И въ какомъ бы рѣзкомъ противорѣчіи оказалась это „выведенная Швейцарія“ къ живой, дѣйствительной Швейцаріи. Это рѣзкое противорѣчіе рѣжетъ глаза всякому впервые наблюдающему швейцарскую жизнь.

Вмѣсто предполагаемой бурной общественной жизни, передъ вами тихая и размѣренная жизнь, безъ всякаго широкаго творческаго размаха, невыдвигающая крупныхъ общественныхъ дѣятелей.

Широкія политическія вольности—и блѣдная политическая жизнь, не захватывающая и не увлекающая населеніе, не выдвигающая міровыхъ вопросовъ.

Широко открытыя для женщинъ двери университета—и единичныя лишь швейцарки, которыхъ можно по пальцамъ перечесть, переступающія порогъ этихъ дверей, и это въ то время, когда студентки изо всѣхъ странъ широкимъ потокомъ устремляются въ гостепріимныя аудиторіи швейцарскихъ университетовъ.

Безпрепятственное право сходокъ и собраній—и рѣдкость собраній, привлекающихъ общій интересъ, ихъ крайнее малолюдство.

Всѣ эти противорѣчія, рѣжа глаза наблюдателю, ставятъ его втупикъ, и сплошь и рядомъ по закону психологической реакціи заставляютъ его произнести надъ современной швейцарской жизнью суровый приговоръ, признающій его безнадежнымъ царствомъ мѣщанскаго самодовольства, закрывшимъ дорогу всякому дальнѣйшему творчеству новыхъ общественныхъ формъ.

Но дальнѣйшее знакомство со Швейцаріей заставляетъ смягчить этотъ приговоръ, такъ какъ оно обнаруживаетъ, что швейцарская жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а хотя и медленно, но неуклонно движется впередъ. Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ движеніи, мы должны въ общихъ чертахъ обрисовать тѣ политическія условія, въ которыхъ протекаетъ жизнь современной Швейцаріи.

Швейцарія представляетъ собою союзное государство, т. е., иначе говоря, государство, составленное изъ объединившихся отдѣльныхъ государственныхъ единицъ, отдавшихъ извѣстную часть своей политической самостоятельности совокупному государству. Союзное государство Швейцаріи объединило въ себѣ двадцать два самостоятельныхъ кантона, гарантировавъ этимъ кантонамъ неприкосновенность ихъ территорій, внутреннюю

самостоятельность, поскольку она не затрогиваетъ области интересовъ, переданныхъ въ вѣдѣніе союзнаго государства. Отдѣльные союзы не могутъ входить другъ съ другомъ ни въ какіе политическіе договоры и союзы, но имъ предоставлено право заключать другъ съ другомъ административные и экономическіе договоры, нуждающіеся, однако, для своего вступленія въ силу въ утвержденіи со стороны союза. Союзъ въ правѣ не утвердить эти договоры только на формальномъ основаніи нарушенія ими одного изъ параграфовъ Швейцарской конституціи.

Въ случаѣ недоразумѣній и столкновеній между отдѣльными кантонами, кантоны обязаны обратиться для разбора дѣла въ союзный совѣтъ.

Доходы союза распредѣляются между всѣми кантонами пропорціонально величинѣ ихъ населенія, при чемъ не меньше 10% съ доходовъ, получаемыхъ съ обложенія иностранныхъ винъ и водокъ, должно обязательно итти на борьбу съ алкоголизмомъ.

Во внутреннихъ дѣлахъ кантонамъ предоставлена самая широкая самостоятельность, весьма ревниво ими оберегаемая. Централистскія стремленія союзнаго государства, если они и проявляются, то всегда встрѣчаютъ стойкій и рѣшительный отпоръ со стороны кантоновъ, не желающихъ поступиться ничѣмъ изъ предоставленной имъ внутренней самостоятельности.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробную характеристику взаимоотношеній между союзнымъ государствомъ и отдѣльными кантонами; для самаго общаго представленія достаточны тѣ немногія черты, которыя мы только что отмѣтили, а болѣе детальное разсмотрѣніе вопроса не входитъ въ рамки этого письма. Нѣсколько подробнѣе намъ придется остановиться на своеобразной политической организаціи Швейцаріи.

Верховная власть въ Швейцарскомъ союзѣ сосредоточена въ „союзномъ собраніи", состоящемъ изъ: 1) національнаго совѣта, 2) изъ кантональнаго совѣта.

Національный совѣтъ избирается всѣми швейцарскими гражданами, достигшими 20-лѣтняго возраста и не лишенными гражданскихъ правъ (и не принадлежащими къ духовенству). При этомъ каждые 20.000 человѣкъ избираютъ въ національный совѣтъ по одному представителю. Каждый кантонъ, слѣдовательно, посылаетъ въ національный совѣтъ своихъ представителей соотвѣтственно величинѣ народонаселенія (т. е. по одному представителю на каждые 20.000). Во всякомъ случаѣ всякій кантонъ имѣетъ право послать своего представителя, если даже его населеніе не достигаетъ 20.000.

Національный совѣтъ избирается срокомъ на три года. Лица, состоящія уже членами одного изъ какихъ либо другихъ представительныхъ

учрежденій Швейцаріи, не могутъ быть избираемы въ національный совѣтъ.

Весь Швейцарскій союзъ разбитъ на 52 избирательныхъ округа, посылающихъ въ общей сложности 147 депутатовъ въ національный совѣтъ. Эти депутаты, кромѣ безплатнаго проѣзда, получаютъ еще въ періоды законодательной сессіи „діэту" по 20 фран. въ день.

Кантональный совѣтъ состоитъ изъ 44 лицъ, выбираемыхъ (по 2) каждымъ кантономъ. Ежегодно, въ установленный срокъ національный и кантональный совѣты открываютъ очередную законодательную сессію, при чемъ каждый изъ этихъ двухъ совѣтовъ засѣдаетъ отдѣльно; лишь въ исключительныхъ и предусмотрѣнныхъ случаяхъ совѣты эти соединяются вмѣстѣ въ общемъ засѣданіи подъ руководствомъ предсѣдателя національнаго совѣта.

Въ кругъ компетенціи союзнаго собранія, распадающагося, какъ мы только что видѣли, на національный и кантональный совѣты, входитъ наблюденіе за функціонированіемъ учрежденій Швейцарскаго союза, уплата жалованія должностнымъ лицамъ, заключеніе договоровъ съ иностранными государствами и утвержденіе договоровъ между отдѣльными кантонами (впрочемъ, послѣднее только въ томъ случаѣ, если эти договоры, заключенные между кантонами, встрѣтили оппозицію со стороны „союзнаго совѣта", съ которымъ мы въ самыхъ общихъ чертахъ познакомимся ниже).

Союзное собраніе, далѣе, заключаетъ миръ и объявляетъ войну, слѣдитъ за соблюденіемъ нейтралитета Швейцаріи въ международныхъ дѣлахъ, заключаетъ внѣшніе займы, утверждаетъ государственную роспись, назначаетъ главнокомандующаго швейцарской арміей.

Союзное собраніе является вполнѣ представительнымъ правительствомъ швейцарскаго народа, непосредственно его избирающаго. Это же союзное собраніе уже само, безъ участія народа, избираетъ такъ называемый „союзный совѣтъ", въ составъ котораго входятъ семь членовъ.

Совѣтъ союза наблюдаетъ за всѣми дѣлами Швейцарскаго союза, слѣдитъ за неприкосновенностью кантональныхъ учрежденій, предлагаетъ союзному собранію законопроекты и обсуждаетъ предложенія совѣта кантоновъ. Онъ приводитъ въ исполненіе приговоры суда союза, онъ выступаетъ представителемъ Швейцарскаго союза въ международныхъ сношеніяхъ. Въ исключительныхъ случаяхъ „совѣтъ союза" или „союзный совѣтъ" въ правѣ созвать народное ополченіе, однако, при этомъ онъ обязанъ немедленно созвать собраніе союза. Союзный совѣтъ представляетъ собою и высшее финансовое учрежденіе Швейцаріи, на его обязанности лежитъ составленіе государственной росписи. Подъ его наблюденіемъ находятся всѣ должностныя лица союзнаго управленія. Совѣтъ союза обязанъ предста-

влять союзному собранію, въ періодъ очередныхъ засѣданій, отчетъ о своей дѣятельности и о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи Швейцаріи.

Но самымъ своеобразнымъ и достойнымъ вниманія явленіемъ политической жизни Швейцаріи, безспорно, слѣдуетъ признать непосредственное народное законодательство, въ той или иной формѣ существующее во всѣхъ кантонахъ и выражающееся въ правѣ налагать запрещенія (veto), въ правѣ иниціативы и въ такъ называемомъ референдумѣ. Всякаго рода измѣненія швейцарской конституціи должны получить санкцію путемъ непосредственнаго народнаго голосованія. Что же касается отдѣльныхъ законовъ, издаваемыхъ въ Швейцаріи, то они вступаютъ въ законную силу только тогда, если не будутъ опротестованы народомъ. Они должны быть поставлены на народное голосованіе, если этого потребуютъ не менѣе 30.000 швейцарскихъ гражданъ.

Право иниціативы выражается въ правѣ швейцарскихъ гражданъ, если они соберутъ 50 тысячъ подписей, потребовать, чтобы былъ поставленъ на народное голосованіе тотъ или иной новый законъ, или то или иное частное измѣненіе конституціи.

Благодаря этому непосредственному народному представительству, Швейцарія обладаетъ могущественнымъ рычагомъ демократизаціи всего политическаго строя и установленіемъ постоянной возможности непосредственнаго вліянія народа на ходъ внѣшней и внутренней жизни. При самомъ демократическомъ парламентарскомъ строѣ народъ все-таки лишенъ возможности непосредственнаго вліянія на ходъ государственной машины. Представителямъ тѣхъ или иныхъ группъ народа въ парламентѣ приходится на свой страхъ и рискъ рѣшать цѣлый рядъ крупнѣйшихъ вопросовъ, будучи лишенными возможности точно знать отношеніе къ данному вопросу своихъ избирателей. При полной же и ничѣмъ неограниченной гласности работы швейцарскихъ политическихъ учрежденій, весь механизмъ государственной жизни работаетъ точно подъ стекломъ, а непосредственное народное представительство даетъ швейцарцамъ полную возможность вмѣшаться въ эту работу и своимъ голосованіемъ направить ее въ желательную для большинства сторону.

Но и меньшинство, благодаря существованію непосредственнаго народнаго законодательства (референдума, права иниціативы, veto), получаетъ возможность сильнаго вліянія на ходъ законодательной работы. Пользуясь правомъ референдума и иниціативы, оно можетъ ставить передъ народнымъ голосованіемъ любые вопросы политической и коммунальной жизни. Напр., соціалъ-демократическая партія, которой удалось провести въ національный совѣтъ своего представителя впервые въ 1893 г., и внѣ парламентской дѣятельности широко пользовалась народнымъ законодательствомъ и

агитировала за проведеніе путемъ народнаго голосованія цѣлаго ряда крупнѣйшихъ вопросовъ.

Значеніе же непосредственнаго народнаго законодательства, какъ могучаго орудія политическаго воспитанія народа, трудно преувеличить. Непосредственное народное законодательство то и дѣло приводитъ народную массу къ непосредственному соприкосновенію съ механизмомъ государственной жизни, пріучая его видѣть въ этомъ механизмѣ нѣчто свое, близкое, направленіе работы котораго зависитъ отъ его воли. Непосредственное народное законодательство, открывшее швейцарскому народу широкую возможность каждый разъ прервать ходъ государственной работы и активно вмѣшаться въ нее, направивъ въ желательную сторону, не мало содѣйствовало сближенію между правительствомъ и народомъ, затруднивъ при швейцарскихъ условіяхъ и безъ того не легкую возможность правительству работать наперекоръ волѣ народа или его сознательнаго большинства.

Это же народное законодательство весьма сильно содѣйствовало сближенію между народомъ и его парламентскими представителями, дѣятельность которыхъ, благодаря этому, всегда можетъ быть пріостановлена властнымъ вмѣшательствомъ самихъ избирателей въ ходъ законодательной работы и вынесена на обсужденіе изъ душныхъ стѣнъ парламента на вольный воздухъ народнаго голосованія.

Но невольно складывается опасеніе—не можетъ ли эта легкая возможность народа непосредственно вмѣшиваться въ ходъ законодательной работы, не можетъ ли она сдѣлаться весьма опаснымъ орудіемъ въ рукахъ политическихъ авантюристовъ, сумѣвшихъ на время завладѣть народнымъ собраніемъ и, замутивъ тѣмъ или инымъ путемъ его сознаніе, не давъ ему возможности разобраться въ сложномъ вопросѣ, выдвинутомъ на очередь политическаго дня, подъ вліяніемъ охватившаго аффекта принять то или иное рѣшеніе? Да и въ состояніи ли непосредственное народное голосованіе разрѣшить безконечно сложные и запутанные вопросы, выдвигаемые современною жизнью и требующіе для своего рѣшенія внимательной работы болѣе или менѣе спеціализировавшихся умовъ?

Не раскрываетъ ли непосредственное народное законодательство, могущее каждую минуту властно прервать налаженную работу государственнаго механизма, громадную опасность отдачи этого механизма въ капризныя руки „толпы,“ которая, какъ это усердно доказываютъ иные современные соціологи, всегда дѣйствуетъ слѣпо, охваченная массовымъ аффектомъ, не умѣя разобраться въ сложныхъ послѣдствіяхъ принятаго ею рѣшенія?

Подобнаго рода опасенія не разъ раздавались и раздаются по адресу швейцарскаго народнаго законодательства. Но достаточно самаго бѣглаго ознакомленія даже съ чисто внѣшнею стороною законодательной дѣятель-

ности швейцарскаго народа, чтобы убѣдиться въ полной призрачности всѣхъ этихъ опасеній.

Извѣстный общественный дѣятель Швейцаріи, Теодоръ Курти, сгруппировалъ весьма любопытныя данныя о результатахъ швейцарскаго референдума. И эти данныя, какъ нельзя лучше, показываютъ, что работа швейцарскаго народнаго законодательства всегда шла въ полномъ согласіи съ существующимъ въ данное время соотношеніемъ общественныхъ силъ, въ полномъ согласіи съ соціальнымъ положеніемъ народа, давая при этомъ обильный матеріалъ для упрековъ въ отсутствіи соціальной смѣлости и присутствіи чрезмѣрной умѣренности и осторожности и совершенно не подавая поводовъ для упрековъ въ опрометчивости, капризной смѣнѣ стремленій и неспособности разсудочно, а не аффективно отнестись къ злободневному вопросу.

Упомянутый уже нами Т. Курти на основаніи фактическаго анализа длинной исторіи развитія швейцарскаго референдума прекрасно показалъ, что насколько непрочны были всѣ тѣ конституціи и законы, которые навязывались швейцарцамъ закону извнѣ (Наполеономъ І-мъ), настолько же прочны и долговѣчны оказывались всѣ законы, прошедшіе черезъ народное голосованіе. Къ этому народному голосованію швейцарцы никогда не прибѣгали подъ вліяніемъ ложной общественной тревоги, всегда отвѣчая имъ на дѣйствительно назрѣвшіе вопросы требованія законодательнаго урегулированія.

Изъ набросанной выше общей характеристики политическаго строя Швейцаріи читатель легко можетъ убѣдиться, какою широкою политическою свободою пользуется швейцарскій гражданинъ.

Достигнувъ 20 лѣтъ, онъ становится полноправнымъ гражданиномъ, участвующимъ въ выборахъ членовъ правительства и, во многихъ кантонахъ, членовъ администраціи (высшихъ чиновниковъ, судей и т. д.). Возьмемъ хотя бы юнаго цюрихчанина, которому едва исполнилось 20 лѣтъ. Посмотрите, какая широкая политическая дѣятельность для него безпрепятственно открыта. Онъ подаетъ свой голосъ при избраніи городского совѣта, городской думы, при избраніи учителей, священниковъ, судей, нотаріусовъ и т. д. Такимъ путемъ не только государственныя должности, какъ въ другихъ государствахъ, но и административныя заполняются въ Швейцаріи выборными, а не назначенными людьми, что неизбѣжно накладываетъ прочную печать извѣстнаго демократизма и на административныя учрежденія швейцарскаго союза. Но выборами этихъ представителей мѣстной власти политическая дѣятельность цюрихскаго гражданина еще далеко не ограничивается; она переходитъ затѣмъ къ выбору представителей власти уже въ данномъ округѣ—окружныхъ инспекторовъ школъ, окружныхъ судей и т. д., а затѣмъ уже и членовъ швейцарскаго правительства. Каждый годъ.

происходятъ выборы замѣстителей по порядку выбывающихъ членовъ швейцарскаго правительства. А народное голосованіе? По крайней мѣрѣ, 10—12 воскресеній въ году происходитъ въ Цюрихѣ народное голосованіе по какому либо изъ злободневныхъ вопросовъ обще-государственной или, что гораздо чаще, коммунальной или городской жизни.

И, вѣдь, прежде, чѣмъ подойти къ избирательной урнѣ, какъ избиратель, онъ долженъ уяснить себѣ данный вопросъ, разобраться въ немъ, выслушать его сторонниковъ и противниковъ.

И опять таки неограниченное право собраній открываетъ ему здѣсь полную возможность произнести и выслушать доводы за или противъ проектируемаго мѣропріятія.

А между тѣмъ, какъ тиха и монотонна политическая жизнь даже въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Цюрихъ! Она лишена всякаго размаха, она не выдвигаетъ особенно талантливыхъ бойцовъ, которые бы, „какъ своенравный чародѣй,“ умѣли заставить волнующихся слушателей слиться въ одно цѣлое яркое настроеніе.

Какъ вялы и малолюдны происходящія въ Цюрихѣ собранія, призванныя обсудить какой либо вопросъ общаго, принципіальнаго значенія! Какъ вяло и апатично реагируетъ, обыкновенно немногочисленная, публика на слова оратора! И притомъ какой огромный процентъ среди обычныхъ ораторовъ и обычной публики швейцарскихъ собраній составляютъ иностранцы, въ особенности нѣмцы.

Пользуясь широкими политическими вольностями Швейцаріи, нѣмцы уже издавна переселились въ Швейцарію и развивали здѣсь широкую общественную дѣятельность, будоража апатичныхъ швейцарцевъ. Швейцарское демократическое движеніе чрезвычайно многимъ обязано этимъ переселившимся въ Швейцарію нѣмцамъ, которые первые начали основывать самостоятельные рабочіе союзы. И иностранцы гораздо шире и шумнѣе пользуются политическою свободою Швейцаріи, чѣмъ сами швейцарцы. Число иностранцевъ, живущихъ и работающихъ въ Швейцаріи, сравнительно очень велико. Достаточно сказать, что въ одномъ Цюрихѣ насчитываютъ до 10 тысячъ итальянскихъ чернорабочихъ. Въ 1850 г. въ Швейцаріи насчитывали 71,570 иностранцевъ, въ 1860 г. число это поднялось уже до 114,983, а въ 1900 г.—до 392,896! Тогда какъ въ Германіи, при въ десять разъ большемъ населеніи, насчитываютъ всего-на-всего 205,818 иностранцевъ. Въ Швейцаріи въ настоящее время на каждую 1,000 жителей приходится 120 иностранцевъ!

Таково числовое отношеніе между иностранцами и швейцарцами, если взять всю Швейцарію; если же мы возьмемъ лишь большіе города, то получимъ еще больше неблагопріятные для швейцарцевъ цыфры. Въ Цю-

рихѣ, напр., по переписи 1895 г. общее населеніе города равнялось 121,057, а число иностранцевъ — 33,831, т. е. иностранцы составляли 28% населенія. Что же касается до рабочаго населенія Цюриха, то здѣсь во многихъ отрасляхъ производства число иностранцевъ даже превышаетъ число швейцарцевъ. Таковы, напр., пивовары, портные, сапожники, землекопы, каменщики, плотники и т. д., т. д.

Достаточно вдуматься въ одинъ этотъ фактъ, чтобы многое понять въ политической жизни Швейцаріи. Эта не случайность, что въ одно и то же время самыми безпокойными и подвижными политическими элементами швейцарскихъ городовъ являются не швейцарцы, а иностранцы (по преимуществу итальянцы и нѣмцы) и что и безъ того сравнительно немногочисленное городское населеніе Швейцаріи выдѣляетъ громадный процентъ иностранцевъ, въ особенности густо наполняющихъ ряды городскихъ рабочихъ. Оба эти явленія суть явленія одного и того же соціальнаго порядка—преобладанія въ Швейцаріи мелкихъ формъ промышленности и сельскаго хозяйства. А это, какъ мы увидимъ ниже, не могло не наложить печать мелкобуржуазности на всю швейцарскую культуру и помѣшать появленію сплоченной и многочисленной рабочей партіи, которая бы сумѣла наполнить широко свободныя политическія учрежденія Швейцаріи живымъ и столь же широко свободнымъ соціальнымъ содержаніемъ.

По переписи 1895 г. число всѣхъ швейцарскихъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, подчиненныхъ фабричному закону, равнялось 200,000 человѣкъ на $3^1/_2$ милліона жителей. Сельско-хозяйственное населеніе все еще составляетъ 41% всего населенія, а промышленное—39%. Централизація промышленности и вытѣсненіе мелкихъ ея формъ крупными хотя и принимаетъ въ Швейцаріи все растущіе размѣры, но все-таки она еще далеко не достигла тѣхъ размѣровъ, какъ въ сосѣднихъ странахъ— Германіи и Франціи. Напр., изъ 327,633 лицъ (мужск. пола), занятыхъ въ промышленности, ни болѣе, ни менѣе, какъ 98,238 лицъ являются собственниками промышленныхъ заведеній. Да и среди швейцарскихъ рабочихъ весьма многіе еще не оборвали своей пресловутой „связи съ землею“, мѣшающей имъ оторваться отъ точки зрѣнія мелкаго собственника и цѣликомъ перейти на точку зрѣнія безхозяйнаго производителя.

Кромѣ всего этого, еще особенность географическихъ условій Швейцаріи, съ ея чрезвычайнымъ богатствомъ водными источниками, многочисленными горными потоками, привела къ сильной децентрализаціи промышленности, къ тому, что въ противоположность другимъ странамъ промышленныя заведенія Швейцаріи не сосредоточились въ крупныхъ промышленныхъ районахъ, а разбросались по всей странѣ, ставъ въ глухихъ мѣстахъ у источниковъ, дающихъ дешевую двигательную силу. Эта децен-

трализація промышленности не могла не задержать концентраціи классового сознанія, не могла не задержать выработки особаго дифференцировавшагося типа пролетаріата крупныхъ промышленныхъ центровъ, наблюдаемаго нами въ Англіи, Франціи, Германіи.

Связь съ землею, преобладаніе мелкихъ формъ промышленности, пребываніе въ глухихъ мѣстностяхъ съ преобладающимъ сельско-хозяйственнымъ населеніемъ, преимущественно состоящимъ изъ мелкихъ собственниковъ,—таковы тѣ объективныя условія хозяйственнаго быта швейцарскаго народа, которыя не могли не помѣшать выработкѣ политически обособленнаго класса промышленныхъ рабочихъ съ яснымъ и развитымъ классовымъ сознаніемъ.

Въ эту же сторону, какъ это ни странно на первый взглядъ, дѣйствовалъ широкій политическій демократизмъ Швейцаріи. Этотъ широкій политическій демократизмъ сложился въ Швейцаріи еще тогда, когда соціальныя противорѣчія еще не носили ясно выраженнаго капиталистическаго характера и когда политическое сознаніе этого противорѣчія еще совершенно отсутствовало.

Свободныя политическія учрежденія современной Швейцаріи были завоеваны, главнымъ образомъ, мелкой буржуазіей тогда, когда обособленный рабочій классъ составлялъ ничтожную часть населенія и по своему настроенію и воззрѣнію неотдѣлимо сливался съ мелкою буржуазіей. Даже тогда, когда швейцарскіе рабочіе начали основывать свои рабочіе союзы, то на первыхъ порахъ имъ оставалось еще совершенно чуждымъ стремленіе представлять и защищать свои особые классовые интересы.

Первые рабочіе союзы Швейцаріи охотно называли себя „моральнымъ народнымъ обществомъ“, видя свою цѣль въ „содѣйствіи развитію дѣльныхъ гражданъ, знакомыхъ со своими правами и обязанностями“. Этимъ союзамъ не только была чужда активная классовая политика, но они прямо и открыто осуждали всякую классовую борьбу. Когда Блюнчли въ своемъ докладѣ швейцарскому правительству назвалъ союзъ швейцарскихъ рабочихъ „обществомъ ремесленниковъ, стремящихся къ политическому объединенію Швейцаріи“, то союзъ этотъ въ своей репликѣ отвѣчалъ, что союзъ рабочихъ не преслѣдуетъ никакихъ специфически рабочихъ интересовъ, а „наоборотъ, стремится къ братству всѣхъ сословій и къ установленію счастья всего народа“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ атмосферѣ политическаго равенства замирялись экономическія противорѣчія или, точнѣе говоря, сглаживалось сознаніе этихъ противорѣчій. А это не могло, конечно, не настраивать и представителей господствующихъ классовъ на мирный тонъ „со-

ціальнаго мира", и призракъ грядущаго переворота не бросалъ швейцарскую буржуазію въ мрачныя объятія реакціи.

Въ представительныхъ учрежденіяхъ, въ городскомъ и коммунальномъ самоуправленіи, вездѣ и повсюду представители самыхъ различныхъ соціальныхъ слоевъ Швейцаріи привыкли работать рука объ руку, какъ равные, и это политическое равноправіе заглушило боль и сознаніе соціальнаго неравенства.

Таковы были субъективные факторы, содѣйствовавшіе тому, что швейцарскій демократизмъ сумѣлъ въ весьма сильной степени смягчить и сознаніе соціальныхъ противорѣчій и борьбу за ихъ устраненіе.

А объективныя условія соотношенія общественныхъ силъ дѣйствовали, какъ мы видимъ, въ ту же сторону. Преобладаніе мелкихъ формъ промышленности, значительное число мелкихъ собственниковъ не только въ области сельскаго хозяйства, но и въ области промышленности не могли, конечно, не отразиться на меньшей выраженности классовыхъ противорѣчій.

Совокупность этихъ условій сливала въ одно общее демократическое русло общественныя теченія, рѣзко и непримиримо сталкивающіяся въ другихъ странахъ запада. Широкое политическое равенство, объединеніе представителей различныхъ классовъ и партій на одной общей работѣ по улучшенію коммунальнаго и городского быта, въ связи съ уже отмѣченнымъ относительно слабымъ развитіемъ крупнаго производства, дѣлали настроеніе швейцарскаго пролетаріата не такимъ оппозиціоннымъ, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ, а швейцарскую буржуазію менѣе боязливой и болѣе уступчивой. Рабочее движеніе въ Швейцаріи еще далеко не такъ рѣзко обособилось, какъ въ Германіи и Франціи.

Помимо уже указанныхъ факторовъ, смягченію сознанія классовыхъ противорѣчій не мало содѣйствовала широко-демократическая постановка народнаго образованія. Со школьной скамьи дѣти швейцарскихъ рабочихъ не обособлены такъ отъ дѣтей буржуазіи, какъ въ другихъ странахъ, на школьной скамьѣ дѣти крестьянъ и рабочихъ сталкиваются съ дѣтьми часто даже высшей буржуазіи, какъ со своими равными товарищами. Благодаря превосходной, широко-демократической постановкѣ народнаго образованія, дѣти рабочихъ слоевъ швейцарскаго населенія впитываютъ гораздо меньше горечи и озлобленія и сознанія своей соціальной угнетенности и обособленности, чѣмъ дѣти нѣмецкихъ и французскихъ рабочихъ.

А послѣ школы швейцарецъ сплошь и рядомъ проходитъ еще цѣлую амфиладу демократическихъ общественныхъ учрежденій, въ которыя не вносится атмосфера классовыхъ противорѣчій.

Такимъ путемъ швейцарской демократіи, обезпечившей широкое поли-

тическое равенство, удалось, до сихъ поръ довольно успѣшно, установить, такъ сказать, соціальный громоотводъ. Этимъ громоотводомъ соціальныхъ бурь послужило демократическое воспитаніе, демократическія учрежденія, демократизація всего политическаго и административнаго строя.

Но возникаетъ вопросъ, надолго ли и прочно ли можетъ демократія отвести обостреніе и рѣзкое проявленіе соціальныхъ противорѣчій въ Швейцаріи?

Судя по многимъ симптомамъ новѣйшей исторіи Швейцаріи, на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно.

Въ послѣдніе годы промышленное развитіе Швейцаріи совершается съ нарастающею быстротою. Съ 1882 г. по 1895 г. число швейцарскихъ фабрикъ возросло на 124%, количество лошадиныхъ силъ въ машинахъ на 157%. Число рабочихъ, занятыхъ въ фабрикахъ, подчиненныхъ дѣйствію фабричныхъ законовъ, въ періодъ съ 1882 г. по 1895 г. возросло съ 134,862 человѣкъ до 200,199. Въ 1882 г. число промышленныхъ предпріятій, не пользующихся двигательною силою, равнялось 1,170, а число предпріятій, пользующихся двигательною силою—1,472. Въ 1895 г. соотвѣтствующія цыфры уже были равны 1,630 и 3,303. Такъ что число предпріятій перваго рода увеличилось на 40%, а число предпріятій второго рода на 124%.

Параллельно съ этимъ постепенно вырабатывается все болѣе обширный контингентъ промышленныхъ рабочихъ, занятыхъ исключительно наемнымъ трудомъ и порвавшихъ всякую связь и съ кустарными промыслами и съ сельскимъ хозяйствомъ, которое тоже начинаетъ все болѣе втягиваться въ капиталистическую фазу и не только относительно, но и абсолютно сокращать число лицъ, занятыхъ въ немъ.

А рука объ руку съ этимъ идетъ пробужденіе и развитіе классового движенія среди швейцарскихъ рабочихъ и обособленіе ихъ въ отдѣльную политическую партію. Это новое теченіе чѣмъ дальше, тѣмъ больше пугаетъ швейцарскую буржуазію, заставляя ее видѣть въ политическомъ демократизмѣ уже не громоотводъ отъ соціальныхъ бурь, а наоборотъ, орудіе соціальнаго переворота. Изъ страха передъ этимъ разрастающимся теченіемъ швейцарская буржуазія начинаетъ уже порою отказываться отъ своихъ вѣковыхъ демократическихъ завѣтовъ и заигрывать съ реакціей.

Прежде всего швейцарскіе фабриканты, покидая политику „соціальнаго мира", проявляютъ стремленіе фактически сузить слишкомъ широкія политическія права рабочихъ. Не далѣе какъ въ 1890 году дирекція крупной прядильной фабрики въ Шафгаузенѣ требовала отъ своихъ рабочихъ закрытія ихъ ферейна. Городъ Цюрихъ уже выработалъ въ девяностыхъ годахъ полицейскія предписанія, формально направленныя на

„охрану желающихъ работать“ отъ насилія со стороны работать не желающихъ, но фактически на практикѣ это означало урѣзываніе политическихъ правъ швейцарскихъ рабочихъ, которыми они еще, сравнительно недавно, безгранично пользовались.

Подобнаго рода фактовъ можно привести множество изъ новѣйшей соціальной исторіи Швейцаріи, и всѣ они показываютъ, что политическая демократія сумѣла лишь смягчить соціальныя противорѣчія, или, точнѣе, ихъ форму, но устранить ихъ совсѣмъ было не въ ея власти. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ оспариванію, что до послѣдняго времени швейцарской демократіи удалось округлить классовыя грани общества, не дать соціальнымъ классамъ такъ сильно обособиться и дифференцироваться, какъ это мы наблюдаемъ въ другихъ европейскихъ странахъ.

А недостаточная классовая дифференцированность общества не могла, конечно, не привести и къ недостаточной обособленности швейцарскихъ политическихъ партій и недостаточно строгой выдержанности ихъ программъ. Всякому знакомившемуся съ политическими партіями Швейцаріи проходилось наталкиваться на эту характерную особенность ея политической жизни, приходилось убѣждаться въ отсутствіи въ Швейцаріи тѣхъ чистыхъ, выдержанныхъ типовъ политическихъ партій, которые мы привыкли наблюдать въ Германіи, Франціи, Англіи. И программа любой швейцарской политической партіи обнаруживаетъ весьма значительный процентъ лигатуры, составленной изъ совсѣмъ иныхъ соціальныхъ элементовъ.

Въ Швейцаріи насчитываютъ пять основныхъ политическихъ партій— свободомыслящіе, демократы, консерваторы, клерикалы и соціалъ-демократы.

Свободомыслящіе—какъ гласитъ ихъ программа, составленная въ 1892 г.—ставятъ своею цѣлью прогрессивное развитіе швейцарскаго демократическаго законодательства, полную религіозную нейтральность народныхъ школъ и т. д. Въ области соціальной политики они стоятъ за передачу въ руки государства желѣзныхъ дорогъ, развитіе государственнаго страхованія, введеніе монополіи государства на табакъ и спички, усовершенствованіе фабричнаго законодательства и т. д. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что хотя всѣ эти требованія и выставлены въ программѣ свободомыслящихъ, но на самомъ дѣлѣ многіе изъ представителей свободомыслящихъ выступаютъ горячими и открытыми противниками многихъ изъ выставленныхъ соціально-политическихъ положеній. Напримѣръ, по вопросу объ отношеніи къ такъ называемому государственному соціализму эта партія распадается на двѣ различныя и враждующія половины—„нѣмецкую“ и „вельфскую“.

Демократы выставили программу, ни въ чемъ существенно не от-

личающуюся отъ программы свободомыслящихъ, и въ національномъ совѣтѣ обѣ эти партіи идутъ рука объ руку. Демократическая партія только яснѣе и послѣдовательнѣе проводитъ принципы, лишь намѣченные у свободомыслящихъ. Демократическая партія, между прочимъ, требуетъ дальнѣйшей демократизаціи политическаго строя Швейцаріи, она требуетъ, чтобы и союзный совѣтъ, нынѣ избираемый, какъ мы выше видѣли, союзнымъ собраніемъ, избирался непосредственно народомъ. Въ области соціально-политической эта партія послѣдовательно требуетъ тѣхъ же принциповъ, какіе выставлены въ отмѣченной программѣ свободомыслящихъ, придавая имъ лишь болѣе конкретное обоснованіе. Въ число этихъ требованій входитъ государственное страхованіе рабочихъ на случай старости и инвалидности, введеніе десятичасового (вмѣсто теперешняго одиннадцатичасового) рабочаго дня, введеніе государственной монополіи на хлѣбную торговлю и т. д.

Консерваторы представляютъ собою партію крупной буржуазіи, занимая въ національномъ совѣтѣ фракцію центра. Въ своей политической программѣ они являются сторонниками крѣпкаго политическаго объединенія всей Швейцаріи, противниками бюрократическихъ тенденцій, сторонниками сохраненія выбора союзнаго совѣта не непосредственно народомъ, а союзнымъ собраніемъ. Консерваторы требуютъ далѣе зоркаго наблюденія за дѣйствительною свободою вѣры. Въ области соціальной политики консервативная партія требуетъ государственное страхованіе рабочихъ на случай старости и инвалидности, введеніе табачной монополіи и т. д.

Какъ читатель видитъ, въ этой программѣ швейцарскихъ консервато ровъ нѣтъ рѣшительно ничего специфически консервативнаго; подъ этою программою подписался бы любой либералъ.

Но если изъ этого факта читатель поспѣшитъ заключить, что швейцарскіе консерваторы наилиберальнѣйшіе люди, то онъ ошибется. Все дѣло въ томъ, что программы швейцарскихъ политическихъ партій очень мало опредѣляютъ реальную политическую позицію, занимаемую данной партіей, и имѣютъ больше вывѣсочное значеніе. Возьмемъ хотя бы вопросъ о созданіи центральнаго „союзнаго банка“ съ монопольнымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ и съ участіемъ отдѣльныхъ кантоновъ въ прибыляхъ этого банка. Эта банковская реформа уже давно поставлена въ Швейцаріи на очереди дня, вызывая сильное столкновеніе мнѣній за и противъ. Консервативная партія ввела требованіе учрежденія подобнаго банка въ свою программу, которая прямо гласитъ, что консерваторы стремятся къ тому, чтобы былъ основанъ „союзный банкъ съ монополіей кредитныхъ билетовъ и участіемъ кантоновъ въ прибыли“.

Но, какъ только подобный законъ о созданіи государственнаго банка

былъ внесенъ на обсужденіе, консерваторы выступили самыми ярыми его противниками. И вотъ здѣсь только у нихъ изъ подъ демократической оболочки выступило классовое ядро. Дѣло въ томъ, что консерваторы тотчасъ потребовали, чтобы въ этомъ банкѣ было допущено участіе частныхъ капиталовъ, которые бы, конечно, участвовали и въ прибыляхъ банка. Но въ программѣ объ этомъ ни полъ-слова—рѣчь идетъ тамъ только объ участіи въ прибыляхъ кантоновъ.

Программа консервативной партіи показываетъ только, что въ такой широко демократической странѣ, какъ Швейцарія, ни одна политическая партія не рѣшается выступить съ откровенно заявленными классовыми интересами, находя, изъ чувства самосохраненія, необходимымъ завернуться въ демократическую тогу.

Клерикальная или ультрамонтанская партія никакой положительной программы не выдвинула, поставивъ себѣ лишь одну цѣль: быть всегда во враждѣ и оппозиціи къ швейцарскому правительству.

Какъ мы уже замѣтили, швейцарскіе рабочіе въ теченіе долгаго времени не сърганизовывались въ самостоятельную политическую партію, идя на буксирѣ демократическихъ партій.

Соціалъ-демократическая партія Швейцаріи выступила на политическую арену лишь въ 1888 г. Ея программа по существу дѣла ничѣмъ не отличается отъ программы свободомыслящей партіи.

Теперь обратимся къ цыфровымъ даннымъ. При выборѣ въ національный совѣтъ различныя партіи получили слѣдующее количество голосовъ:

	Лѣвая (свободом. и демократы)	*Центръ* (консерваторы)	*Правая* (клерикалы)
1881	169,788	77,687	97,976
1884	186,585	79,818	99,319
1887	173,028	67,747	80,099
1890	215,848	58,068	89,342

Число же избранныхъ въ національный совѣтъ депутатовъ равнялось:

	Лѣвая	*Центръ*	*Правая*
1881	83	26	36
1884	88	22	35
1887	87	24	34
1890	92	19	36
1893	94	19	31

Соціалъ-демократическая партія впервые выставила въ Цюрихѣ двухъ своихъ кандидатовъ въ національный совѣтъ въ 1884 г. (тогда еще пар-

тія не была объединена). Но оба эти кандидата не были избраны. Одинъ изъ нихъ получилъ всего 1,636 голосовъ, а другой—всего 1,955, тогда какъ кандидатъ демократической партіи получилъ 5321 голосъ, а кандидатъ либеральной партіи — 7,416. Въ 1887 г. соціалъ-демократамъ всего-навсего удалось получить 2100 голосовъ. Но въ 1890 г., при поддержкѣ демократической партіи, былъ избранъ соціалъ-демократическій кандидатъ Фогельзангеръ, получившій 11,952 голоса. Въ 1893 г. соціалъ-демократы выставили уже 15 своихъ кандидатовъ въ 14 избирательныхъ округахъ, получивъ въ общей сложности 30,000 голосовъ. Въ 1896 г. соціалъ-демократы выставили уже 21 кандидата въ 12 избирательныхъ округахъ давшихъ въ общей сложности 40,000 соціалъ-демократическихъ голосовъ. Наконецъ, при выборахъ 1899 г. соціалъ-демократы получили половину или больше половины всѣхъ поданныхъ въ большинствѣ крупныхъ городовъ голосовъ—въ Цюрихѣ, Билѣ, Бернѣ, Базелѣ, Золотурнѣ, Лозаннѣ, Нейнбургѣ. Выборы въ 1899 г. провели въ національный совѣтъ 80 членовъ лѣвой, 34—клерикала, 13 членовъ центра. Соціалъ-демократы впервые провели своего кандидата (1) въ національный совѣтъ въ 1893 г., въ 1896 г. они провели двухъ кандидатовъ и въ 1899 г.—3.

Болѣе мелкихъ политическихъ партій и группировокъ мы совсѣмъ не станемъ касаться.

Какъ показываетъ приведенная выше таблица, въ 1890 г. большинство въ національномъ совѣтѣ составили свободомыслящіе и демократы. Съ этихъ девяностыхъ годовъ начинается медленное, но неуклонное движеніе влѣво. Уже при слѣдующихъ выборахъ появляется въ швейцарскомъ національномъ совѣтѣ первый представитель новой въ парламентѣ партіи—соціалъ-демократіи.

Радикальная партія (лѣвая), пославшая въ 1895 г. 95 представителей, въ 1899 г. послало уже всего 80; центръ, пославшій въ 1896 г. 17, послалъ въ 1899 г. лишь 13. Возросла лишь въ числѣ (1896—32, 1890—34) католическая народная партія (правая), держащаяся невѣжествомъ населенія отдаленныхъ католическихъ кантоновъ, оставшихся пока въ сторонѣ отъ большой дороги соціально-экономическаго прогресса. Въ это же время число голосовъ, подаваемыхъ за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, сильно растетъ отъ выборовъ къ выборамъ; между выборами 1896 г. и выборами 1899 г. оно возросло болѣе чѣмъ на 10,000, хотя, конечно, ея ростъ по сравненію съ ростомъ германской соціалъ-демократической партіи, ничтоженъ. Да и въ швейцарскомъ парламентѣ, такъ сказать, количественное значеніе соціалъ-демократическихъ представителей ничтожно—3 соціалъ-демократа на 147 депутатовъ.

Но это количественное ничтожество не мѣшаетъ весьма важному ка-

чественному значенію этихъ трехъ представителей. Прежде всего и само по себѣ, это число растетъ отъ выборовъ къ выборамъ, а во вторыхъ, оно знаменуетъ собою усиленіе процесса болѣе ясно выраженнаго соціальнаго дифференцированія швейцарскаго народа, влекущее за собою коренную перестройку и партійной ея организаціи. Крупная промышленность, входя въ жизнь швейцарцевъ бродильнымъ грибкомъ, вызываетъ распаденіе и обособленіе политическихъ элементовъ, не обладающихъ соціальнымъ средствомъ, происходитъ разложеніе политическихъ элементовъ, соотвѣтствующихъ иной стадіи соціальнаго развитія, и постепенное, крайне, однако, медленное, скопленіе ихъ на двухъ противоположныхъ общественныхъ полюсахъ.

Демократическое прошлое швейцарскаго народа, вольная политическая атмосфера и глубокая уравновѣшенность, по всей вѣроятности, никогда не сдѣлаютъ соціальную борьбу партій въ Швейцаріи такой ожесточенной и обостренной, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ, тѣмъ болѣе, что широко демократическій строй открываетъ возможность постепенной реализаціи назрѣвшихъ и сознанныхъ интересовъ большинства.

Но во всякомъ случаѣ многіе симптомы новѣйшей исторіи Швейцаріи заставляютъ предполагать, что и въ ней, нисколько не утративъ своихъ національныхъ особенностей, сложатся въ общихъ чертахъ тѣ же политическія партіи, которыя мы наблюдаемъ въ ея сосѣдкѣ Франціи, и что ея теперешняя партійная недифференцированность выросла на почвѣ извѣстной отсталости ея соціальнаго развитія.

Въ заключеніе мы должны нѣсколько остановиться надъ тѣмъ рѣжущимъ глаза противорѣчіемъ между широкою возможностью развитія въ Швейцаріи яркой и богатой жизни и ея дѣйствительною монотонностью и блѣдностью. У иныхъ чужеземныхъ наблюдателей эта тихая, размѣренная жизнь современной Швейцаріи, не окрыленная никакими сильными и яркими порывами, поднимаетъ порою даже чувство горькаго упрека по адресу демократіи, приведшей якобы Швейцарію къ ненарушимому царству пошлой посредственности, пошлаго и мелкаго самодовольства и отсутствію широкихъ и свѣтлыхъ перспективъ въ сторону будущаго.

Но достаточно, хотя немного, вдуматься, чтобы понять, что демократизмъ во всемъ этомъ ни при чемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что безъ этого демократизма швейцарцы не совершили бы и сотой доли того культурнаго прогресса, наличность котораго едва ли кто либо станетъ отрицать. Если поверхность швейцарской жизни не бурлитъ и не вздымается большими волнами, то зато она постоянно, не останавливаясь, возвышается, при томъ всегда крѣпко поддерживаясь широкой народной массой.

Стороннему нетерпѣливому наблюдателю этой жизни не замѣтенъ этотъ крайне медленный подъемъ, и онъ готовъ видѣть въ Швейцаріи какой то стоячій строй общества. Но болѣе внимательный наблюдатель, не погрѣшающій противъ закона исторической перспективы, не можетъ не замѣтить, какъ непрерывно идетъ въ Швейцаріи культурная работа.

Если современный швейцарскій демократизмъ не привелъ, не по своей, конечно, винѣ, къ широкому и богатому творчеству новыхъ и смѣлыхъ общественныхъ, политическихъ и семейныхъ идеаловъ, если онъ не удивитъ васъ смѣлостью и рѣшительностью постановки и разрѣшенія такъ называемыхъ проклятыхъ вопросовъ современной цивилизованной жизни то, съ другой стороны, нѣтъ другой такой страны, гдѣ бы каждый шагъ, сдѣланный въ сторону болѣе разумнаго, раціональнаго устроительства жизненныхъ отношеній, былъ такъ прочень и, такъ сказать, неотступенъ, какъ въ Швейцаріи.

Швейцарецъ—говоримъ о швейцарцѣ, конечно, какъ о коллективномъ существѣ—двадцать разъ отмѣритъ прежде, чѣмъ отрѣжетъ, но, отрѣзавъ, онъ уже не отступитъ назадъ, онъ не станетъ спѣшно и скверно бѣлыми нитками сшивать уже отрѣзанное, не станетъ пятиться назадъ, съ испугомъ открещиваясь отъ призванныхъ имъ къ жизни условій.

Оно, конечно, и въ Швейцаріи, какъ и повсюду, бываютъ полосы извѣстнаго общественнаго подъема и оживленія, смѣняющіяся полосами общественнаго затишья, но нигдѣ амплитуда этихъ колебаній такъ не мала и такъ не слаба, какъ въ Швейцаріи. И этимъ Швейцарія обязана вошедшему въ плоть и кровь народа демократизму, о который, какъ о гранитную скалу, разбиваются минутныя мутныя волны реакціи.

Эту историческую заслугу швейцарскаго демократизма едва ли станетъ оспаривать сколько нибудь безпристрастный наблюдатель.

Если отсутствіе сильныхъ общественныхъ приливовъ дѣлаетъ новѣйшую исторію Швейцаріи такой однообразной, бѣдной красками и для сторонняго наблюдателя такой сѣрой и скучной, то зато отсутствіе реакціонныхъ отливовъ не ослабляетъ непрерывно совершающейся культурной работы, не прерываетъ ненарушимую преемственность различныхъ поколѣній въ этой работѣ. И вотъ эта то ненарушимая, поколѣніемъ поколѣнію передающаяся культурная работа и осуществляетъ тотъ культурный прогрессъ, который совершаетъ Швейцарія. И всякій разъ какъ удручающая своею монотонностью общественная жизнь Швейцаріи заставляетъ на минуту усумниться въ прогрессивномъ ходѣ ея культурнаго развитія, на минуту увидѣть въ ней лишь своего рода „бѣгъ на мѣстѣ“, всякій разъ мнѣ вспоминаются наши пѣшія путешествія по Швейцарскимъ горамъ.

Отлично выспавшись, отправляешься съ нѣсколькими товарищами ран-

нимъ свѣжимъ утромъ „въ горы". Чувствуешь себя удивительно свѣжимъ и сильнымъ и быстро подымаешься въ гору. По дорогѣ то и дѣло встрѣчаешь скверно скроенныя, но крѣпко сшитыя фигуры швейцарцевъ, медленно и размѣренно подымающихъ и опускающихъ ноги. Я помню, какъ мы издѣвались надъ „противными" швейцарцами, которые тащутся точно всѣ они въ положеніи... Мы не сомнѣвались, что успѣемъ подняться на вершину горы и спуститься оттуда внизъ прежде, чѣмъ они дотащутся до вершины. Но проходили часы, позади насъ росли километры, и наша прыть начинала быстро убывать. Тяжелая горная обувь невыносимо натирала ноги, плечи ныли отъ внезапно сдѣлавшейся невыносимо тяжелой котомки, въ вискахъ стучала кровь. Мы шли вразбродъ, молча злясь другъ на друга. Отдыхать приходилось все чаще и чаще.

Кончалось тѣмъ, что противные швейцарцы, если и не приходили раньше насъ—а и это случалось не рѣдко—то во всякомъ случаѣ достигали вершины горы въ несравненно менѣе истерзанномъ и замученномъ видѣ, и въ то время, какъ мы, разбитые и усталые, едва дотащившись до вершины, заваливались отдыхать, швейцарцы спокойно любовались разстилающимся видомъ. А намъ не до видовъ было.

Я бы все таки не промѣнялъ наше нервное путешествіе, съ постоянной смѣной впечатлѣній, настроеній, съ приливомъ и отливомъ силъ, на размѣренное, чисто солдатское передвиженіе швейцарцевъ, но это воспоминаніе всегда помогало мнѣ понять, почему это швейцарцы, несмотря на ихъ монотонную, сѣрую жизнь, все таки дѣлаютъ такія крупныя культурныя завоеванія. Это потому, что и по пути культурнаго прогресса швейцарецъ движется тѣмъ же неустающимъ размѣреннымъ, точно заведеннымъ, шагомъ.

П. Б—инъ.

Критика и библіографія.

М. С. Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва. 1903 г.

Освободительная реформа выдвинула „крестьянскій вопросъ“ во всемъ его громадномъ значеніи для такой „крестьянской“, по преобладающему составу населенія, страны, какъ Россія. Не только въ правительственныхъ сферахъ, но и въ сознаніи общества возникаетъ новый и болѣе глубокій интересъ къ „вопросу“, въ обсужденіи котораго, кромѣ бюрократическихъ сферъ, принимаютъ дѣятельное участіе элементы общественные, въ видѣ земскихъ и другихъ представителей мѣстной интеллигенціи, вызванной къ жизни тою же живительной волной „великихъ реформъ“. Работа этихъ мѣстныхъ дѣятелей, хотя и направленная къ одной цѣли, не была, однако, объединена общею программой, хотя, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ одинаковыя условія вызывали одинаковый образъ дѣйствій. Отсутствіе единенія въ дѣятельности мѣстныхъ людей особенно ярко сказывалось въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, гдѣ весьма часто наблюдалось упущеніе наиболѣе существенныхъ нуждъ данной мѣстности и, съ другой стороны, исключительно выдвигались вопросы второстепеннаго и третьестепеннаго значенія. Чувствовалась крайняя потребность въ систематической сводкѣ работъ мѣстныхъ людей. Сводъ земскихъ взглядовъ на реформу мѣстнаго управленія данъ въ книгѣ В. Ю. Скалона, сводъ земскихъ ходатайствъ— въ книгѣ проф. Карышева. Къ такого-же характера трудамъ относится и настоящая книга г. Толмачева, но объемъ ея значительно шире. Она содержитъ въ себѣ обзоръ мнѣній мѣстныхъ людей и земствъ по крестьянскому вопросу съ 1864 г. Издать ее побудила автора, по его признанію, ясно сознанная имъ во время работъ въ сельско-хозяйственномъ комитетѣ потребность имѣть подъ руками исторію вопроса, оріентироваться и озна-

комиться, что сдѣлали и хотѣли сдѣлать другіе въ томъ или иномъ направленіи. „Уѣздные комитеты, — говоритъ авторъ,—съ ихъ случайнымъ составомъ, не выражавшимъ мнѣній всего населенія — земства, безъ подготовки, не имѣя въ распоряженіи матеріала по исторіи вопроса и не зная работъ другихъ комитетовъ, должны много тратить труда и времени, и такъ мало отведеннаго имъ, непроизводительно, спѣшить, намѣчать нужды въ общихъ чертахъ, многое существенное пропускать. Губернскимъ комитетамъ еще болѣе спѣшно пришлось работать и, по своей организаціи, еще менѣе имѣть возможность выразить мнѣніе земства и только успѣть выполнить редакціонно-цензурную роль или только роль передаточной инстанціи работамъ уѣздныхъ комитетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ въ данный моментъ естественнѣй всего было бы примѣнить образцы, завѣщанные намъ эпохою составленія крестьянскаго Положенія 1861 г. 19 февраля“.

Авторъ въ началѣ своего труда даетъ бѣглый обзоръ того, что сдѣлано по крестьянскому вопросу нашимъ законодательствомъ и, характеризуя это послѣднее, указываетъ въ немъ элементы сословности, ведущіе свое начало еще съ Положенія 19 февраля. Въ Положеніе это „легли основанія независимости въ устройствѣ и управленіи крестьянъ своими мірскими дѣлами; мѣстныя общинныя дѣла, сельское и волостное управленіе и судъ были поставлены внѣ вліянія полиціи, администраціи и разныхъ инстанцій. Новаго суда и земства еще не явилось, дореформенныя же всѣ управленія такъ были пропитаны крѣпостническимъ духомъ, что неестественно было тогда связать и сочетать освободившихся крестьянъ, подъ защитой и покровительствомъ главнаго комитета, отъ возможнаго вліянія и подчиненія ихъ помѣщичьей власти. Этого вліянія такъ боялись, что прилагали даже особыя старанія къ такому опредѣленію территоріальнаго состава волостей, при которомъ волость не совпадала бы съ помѣщичьими вотчинами и стояла бы внѣ воздѣйствія со стороны одного помѣщика“. Принципъ сословности не былъ поколебленъ и послѣдующими реформами— земской и судебной, а затѣмъ встрѣтилъ для себя даже прочную поддержку во все болѣе развивающейся административной опекѣ, строго регламентирующей умственную, нравственную стороны, семейный и экономическій строй крестьянской жизни. Подъ вліяніемъ такого руководящаго взгляда и издавались регулирующія крестьянскую жизнь узаконенія, которыхъ за сорокъ лѣтъ появилось свыше полуторы тысячи (по изданному въ 1897 г. М—вомъ Внутреннихъ Дѣлъ указателю — 1589), кромѣ почти такого-же числа рѣшеній и толкованій Правительствующаго Сената. Всѣ эти законоположенія не имѣли необходимаго единства и связи между собою, какъ это и было высказано Кахановской комиссіей въ 1881 г.: „мѣстныя

учрежденія, не составляя въ своей совокупности ни плода правильнаго самобытнаго развитія общественной жизни, ни теоретически созданнаго цѣлаго, представляють пестрое наслоеніе болѣе или менѣе случайныхъ остатковъ, какъ попытокъ теоретическаго построенія всего управленія или части онаго, такъ и долговременной борьбы различныхъ началъ управленія и даже временно преобладавшихъ почему либо потребностей".

Изложивъ затѣмъ въ общихъ чертахъ исторію Кахановской комиссіи и взглядъ ея на крестьянскую реформу (въ смыслѣ коренного измѣненія строя сельскаго и волостного управленія), г. Толмачевъ переходитъ къ основному предмету своей книги—изложенію мнѣній „мѣстныхъ людей". Что касается мнѣній земствъ, то авторъ, въ виду существованія по этому вопросу упомянутыхъ выше работъ Скалона и Карышева, ограничивается лишь простымъ перечисленіемъ земскихъ ходатайствъ, относящихся до сельскаго устройства и управленія, до улучшенія матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянства. По поводу этихъ ходатайствъ авторъ, вслѣдъ за Рузскимъ сельско-хозяйственнымъ комитетомъ, приходитъ къ тому выводу, что между правительствомъ и земствами замѣчается отсутствіе тѣсной связи и довѣрчивыхъ отношеній, которыя являются необходимымъ залогомъ общей плодотворной работы; „ходатайства земскихъ собраній, исходя изъ насущныхъ требованій жизни, повторялись по всѣмъ вопросамъ, близко ихъ касавшимся, въ разныхъ концахъ Россіи, и, не получая большею частью удовлетворенія или даже отвѣта, не вызывали желанія у другихъ съ тѣми же нуждами заявлять свои требованія"; а между тѣмъ, „въ общей сложности за всѣ 38 лѣтъ существованія земства они даютъ опредѣленную картину ихъ нуждъ и направленія ихъ желаній на принципѣ справедливости, внѣсословныхъ и другихъ особыхъ привилегій". По убѣжденію автора, по земскимъ ходатайствамъ Особое Совѣщаніе могло бы получить освѣщеніе помѣстныхъ нуждъ населенія болѣе правильное, чѣмъ по спѣшнымъ работамъ комитетовъ съ ихъ случайнымъ составомъ.

Довольно подробно излагаетъ авторъ отвѣты губернскихъ совѣщаній Министерству Внутреннихъ Дѣлъ на его запросъ въ 1894 г. и земскихъ собраній Министерству Земледѣлія въ 1894—1898 гг. Данныя губернскихъ совѣщаній собраны по программѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ мѣстныхъ совѣщаній и изданы имъ въ 4 томахъ. Сводъ заключеній губернскихъ содержитъ въ себѣ 66 вопросовъ, касающихся узаконеній о сельскомъ и волостномъ управленіи, правилъ о пріемѣ новыхъ членовъ и объ увольненіи ихъ изъ общества, закона о семейныхъ раздѣлахъ, постановленій объ опекахъ, объ общественномъ призрѣніи, о мірскихъ сборахъ и капиталахъ, землепользованіи и нотаріальной части въ селеніяхъ. Въ губернскихъ совѣщаніяхъ значительно преобладалъ бюрократическій составъ,

но тѣмъ характернѣе тѣ выводы, къ какимъ пришли эти совѣщанія, что „въ крестьянскомъ управленіи, особенно въ хозяйственномъ, слѣдуетъ избѣгать шаблоновъ и излишней регламентаціи, почему многія законоположенія, не соотвѣтствующія требованіямъ жизни, остались мертвой буквой, приносили много вреда и были обойдены и сломаны жизнью по-своему; таковы неудачи нормъ въ волостныхъ и сельскихъ сходахъ, въ общинномъ землепользованіи, переселеніи, семейныхъ раздѣлахъ, пріемѣ и выбытія членовъ сельскаго общества, мірскихъ доходахъ и расходахъ и проч. Мѣстныя условія крестьянской жизни нашего обширнаго отечества столь разнообразны, что безъ достаточнаго простора иниціативы и самодѣятельности крестьянскаго общества въ выработкѣ общественно-имущественныхъ устоевъ нельзя создать прочныя и жизненныя формы". Но губернскія совѣщанія не коснулись во всей полнотѣ нѣкоторыхъ нравовъ, соціальныхъ и экономическихъ сторонъ крестьянской жизни, а потому, въ качествѣ основанія для крестьянской реформы, данныя этихъ совѣщаній могутъ служить лишь дополненіемъ къ другимъ, болѣе захватывающимъ вопросъ, даннымъ; къ послѣднимъ принадлежатъ отзывы земствъ Министерству Земледѣлія и программы губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ обратился въ томъ же 1894 году къ губернскимъ земскимъ собраніямъ съ циркулярнымъ предложеніемъ высказаться о мѣрахъ къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности, такъ какъ, по мнѣнію главы Министерства, дѣятельность послѣдняго будетъ тѣмъ плодотворнѣй, чѣмъ большую оно получитъ возможность опираться на иниціативу и содѣйствіе мѣстныхъ силъ и итти навстрѣчу мѣстнымъ потребностямъ и запросамъ. Отвѣты получены отъ 33 земскихъ губерній, при чемъ крестьянскому вопросу въ этихъ отвѣтахъ, какъ и слѣдовало ожидать, удѣлялось главное вниманіе.

Мнѣнія по крестьянскому вопросу уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности представлены г. Толмачевымъ сравнительно наиболѣе подробно, хотя желательной полноты здѣсь, конечно, нѣтъ, да и не можетъ быть по существу дѣла. По взгляду самого автора, полную картину работъ комитетовъ можетъ дать только Особое Совѣщаніе, въ распоряженіи котораго имѣется весь необходимый для этого матеріалъ. Въ печать столичную и провинціальную проникали объ этомъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, протоколы и отчеты комитетовъ печатались или гектографировались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то въ слишкомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, обыкновенно же имѣются лишь въ рукописяхъ; отсутствіе общеземскаго органа сказалось въ этомъ случаѣ наиболѣе рельефно и крайне невыгодно въ интересахъ самого дѣла; для общаго очерка мнѣ-

ній комитетовъ по крестьянскому и связаннымъ съ нимъ вопросомъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи данныя о 59 уѣздныхъ и 49 губернскихъ комитетахъ. Данныя эти вообще отличаются крайнимъ разнообразіемъ отношеній къ крестьянскому вопросу. Въ составъ нѣкоторыхъ комитетовъ, входили земскіе гласные, что, конечно, наиболѣе содѣйствовало достиженію ихъ цѣли—„полному освѣщенію вопроса и разрѣшенію его съ точки зрѣнія совокупности всѣхъ мѣстныхъ интересовъ". Отъ такихъ комитетовъ рѣдко отличаются тѣ, въ которыхъ участниками были только офиціальныя лица,—узостью взглядовъ, отсутствіемъ коренныхъ вопросовъ, малой продуктивностью въ работѣ и устраненіемъ гласности; въ особенности такими чертами запечатлѣны работы нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ: въ однихъ (Тамбовскій) предсѣдатель категорически отказывается хотя-бы огласить вопросы, обсуждавшіеся въ уѣздныхъ комитетахъ, въ другихъ (Черниговскій) обсужденія вопросовъ не было вовсе, засѣданіе происходило всего одинъ разъ и было скомкано самымъ безтактнымъ образомъ, въ большинствѣ вообще многіе вопросы и не возбуждались, какъ не входящіе въ сферу компетенціи земства, и т. д. Тѣмъ не менѣе, и имѣющіяся данныя о работахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ являются очень важнымъ и цѣннымъ матеріаломъ для характеристики мнѣній мѣстныхъ людей по крестьянскому вопросу. Послѣдній занялъ здѣсь главное мѣсто и разработанъ въ чрезвычайно разнообразныхъ отрасляхъ. Авторъ, группируя имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ по содержанію затронутыхъ въ комитетахъ вопросовъ, излагаетъ мнѣнія мѣстныхъ людей—о роли земства въ крестьянскомъ вопросѣ, о крестьянскихъ правахъ (законы о правахъ состоянія, паспортная система, общинное землевладѣніе, институтъ земскихъ начальниковъ, спеціальный сельскій судъ и подсудность, юридическая помощь крестьянскому населенію), о народномъ просвѣщеніи (матеріальная сторона вопроса, организація и завѣдываніе народными школами, языкъ преподаванія въ малорусскихъ и инородческихъ школахъ, устройство библіотекъ, публичныхъ чтеній и курсовъ, сельско-хозяйственныя знанія), объ экономическомъ положеніи крестьянъ (устраненіе малоземелья и разныхъ неудобствъ землепользованія, измѣненіе финансовой политики въ благопріятномъ смыслѣ для земледѣлія—облегченіе податного бремени и болѣе справедливое его распредѣленіе, устраненіе протекціонной системы, увеличеніе производительныхъ государственныхъ расходовъ, мелкій кредитъ, меліорація, переселеніе, противопожарныя мѣры, продовольственный вопросъ, народная трезвость) и др.

Общій выводъ г. Толмачева на основаніи имѣвшагося у него матеріала и его глубокое убѣжденіе—сильно назрѣвшая необходимость коренной реформы крестьянскаго вопроса въ направленіи, указаномъ наиболѣе близко

стоящими къ народу „мѣстными“ людьми. „42 года назадъ, — говоритъ онъ,—пали крѣпостныя цѣпи волей Царя-Освободителя, снявшаго ихъ съ милліоновъ рабовъ и ихъ потомства. Непреклонная воля величайшаго гуманиста признала назрѣвшую необходимость рѣшить вопросъ, сверху, несмотря на многія ставившіяся ему препятствія. Въ настоящее время разразвившіяся требованія жизни нерабскихъ поколѣній выдвигаютъ „превыше всѣхъ заботъ нашего времени“ коренное рѣшеніе крестьянскаго вопроса „со всѣми привходящими сюда вопросами быта“. Все теперь благопріятствуетъ успѣху. Вмѣсто препятствій прежнихъ крѣпостниковъ теперь — 40-лѣтній опытъ, убѣжденное сознаніе, стремленіе къ общественной пользѣ земствъ 34 губерній и другихъ общественныхъ учрежденій. Въ какомъ направленіи и какими силами рѣшить этотъ вопросъ успѣшно, правдиво и жизненно, не можетъ быть сомнѣнія: вся исторія вопроса и 40-лѣтній опытъ, ясно и согласно высказанный въ основныхъ своихъ чертахъ во мнѣніяхъ мѣстныхъ людей и земствъ, указываютъ этотъ путь“.

А. Л.

А. Веберъ. Ростъ городовъ въ 19 столѣтіи. Пер. съ англ. А. Н. Котельникова. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1903. VIII+464 стр. Цѣна 2 р. 50 к.[1]

Вопросъ о значеніи городовъ для разныхъ сторонъ общественной жизни вызывалъ и вызываетъ самые страстные споры. Для однихъ всякій большой городъ представляется „Вавилономъ“, а деревенская жизнь—какой-то безмятежной идилліей, какимъ-то раемъ, въ которомъ человѣкъ сохраняетъ первобытную непосредственность и чистоту. Для другихъ понятія „городъ“ и „культура“ синонимичны, а деревенская жизнь характеризуется безсознательностью, неподвижностью, безучастнымъ или прямо враждебнымъ отношеніемъ къ борьбѣ за прогрессъ. Въ борьбѣ между феодальными и современными классами первые ищутъ и до сихъ поръ находили поддержку въ деревнѣ, вторые опираются преимущественно на городъ и на общественныя группы, которыя стоятъ подъ болѣе или менѣе непосредственнымъ вліяніемъ города. Понятія „городъ“ и „новый строй экономическихъ отношеній“ сдѣлались неразрывными, и экономическій романтизмъ совершенно послѣдовательно выступаетъ противъ „городской цивилизаціи“. Такъ было у насъ, напр., въ полемикѣ о чеховскихъ „Мужикахъ“.

Споры о городѣ породили на Западѣ обширную литературу капитальныхъ изслѣдованій, легкихъ памфлетовъ и газетныхъ статей. Въ полемикѣ принимали участіе экономисты и антропологи, статистики и моралисты

соціологи и военные, ученые и неученые люди. Но самый интересъ къ городамъ и вызванное имъ богатство литературы ставятъ читателя въ затруднительное положеніе. Къ какой бы работѣ онъ ни обратился, его почти всегда съ самаго начала втягиваютъ въ борьбу. Большинство работъ—не объективныя изслѣдованія, а защитительныя или обвинительныя рѣчи.

Работа Вебера, появившаяся года два тому назадъ, по объективизму сразу заняла почтенное мѣсто въ западно-европейской литературѣ. Симпатіи автора, несомнѣнно, тяготѣютъ къ городской культурѣ. Но онъ ни на минуту не забываетъ мрачныхъ сторонъ современной городской жизни и безпристрастно воспроизводитъ и разбираетъ всѣ обоснованныя нападки на города.

По богатству фактическаго матеріала, книга Вебера—рѣдкая, совершенно исключительная монографія. Всякое, даже маловажное, какъ будто само по себѣ очевидное положеніе подтверждается массою статистическихъ данныхъ, относящихся къ разнымъ странамъ и умѣло сгруппированныхъ.

Содержаніе книги собственно шире, чѣмъ показываетъ заглавіе. Первая глава имѣетъ методологическое значеніе. Она выясняетъ историческое и современное понятіе „городъ", излагаетъ пріемы статистическаго изученія этого явленія, знакомитъ съ главными затрудненіями, съ которыми оно связано. Вторая глава даетъ огромный цыфровой матеріалъ о ростѣ городовъ во всѣхъ государствахъ (въ Россіи—по даннымъ переписи 1897 года). Третья глава представляетъ попытку построить теорію развитія городовъ. Дальнѣйшія главы разсматриваютъ соотношеніе между ростомъ городовъ и внутреннимъ передвиженіемъ населенія, структуру городского населенія (по полу, возрасту, національности), движеніе населенія въ городахъ (браки, рождаемость, смертность), санитарно-гигіеническія и экономическія условія, и т.д. Заключительная глава посвящена выясненію вѣроятнаго дальнѣйшаго развитія.

Сфера, захваченная изслѣдованіемъ, значительно шире, чѣмъ заставляетъ думать и этотъ перечень содержанія. Веберъ даетъ сравнительное изученіе города *и деревни*, а съ другой стороны—изучаетъ развитіе города въ связи съ общимъ экономическимъ развитіемъ. Цѣнность книги отъ этого только выигрываетъ.

Теоретическія воззрѣнія автора не отличаются ни особой опредѣленностью, ни особою глубиной. Поэтому вторая глава, хотя и богатая содержаніемъ, слабѣе другихъ. Теорія развитія современнаго города страдаетъ недостаткомъ рельефности.

Нѣкоторой неопредѣленностью и спутанностью характеризуются и общественныя воззрѣнія Вебера. По временамъ (напр., гл. VIII) онъ впадаетъ въ тонъ нѣмецкой этической школы политической экономіи.

Но главная цѣнность такихъ работъ, какъ книга Вебера, не въ воззрѣніяхъ, а въ фактическомъ матеріалѣ. Въ этомъ же отношеніи книга Вебера, повторяемъ, рѣдкая книга.

Переводъ оставляетъ желать очень многаго. Часто попадаются такія неуклюжія и совсѣмъ непонятныя фразы: „Онъ (матеріалъ) особенно является драгоцѣннымъ относительно классификаціи населенныхъ центровъ, съ приведеніемъ всѣхъ существенныхъ данныхъ, согласно съ классификацій“ (90). „Въ цѣломъ эти данныя могутъ быть прекрасно приняты, какъ представляющія городское населеніе Австраліи“ (136). „Въ этомъ всеобщемъ увеличеніи населенія города, естественно, не только принимали участіе, но даже превзошли въ этомъ отношеніи маленькія общины и мѣстности съ разбросаннымъ населеніемъ, такъ какъ именно въ центрахъ, гдѣ было сосредоточено населеніе, ощущалась наибольшая потребность въ научномъ знаніи, для оздоровленія условій жизни“ (151). „Въ 18 вѣкѣ колоніальная система проявляла политику материнской страны, беря на себя роль фабрикантовъ“ (171). „Но между тѣмъ какъ единица капитала, по всей вѣроятности, возрастетъ съ теченіемъ времени, можетъ-ли, спрашивается, производство скорѣе разбиться на нѣсколько маленькихъ предпріятій, чѣмъ сосредоточиться въ одномъ большомъ предпріятіи?“ (185). „Легуа цитируетъ писателя 14 вѣка, который жаловался на возрастающую трудность получить сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на выгодныхъ условіяхъ найма, которыя являются подтвержденіемъ сельской эмиграціи“ (222—223). „Эти статистическія данныя идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ давно принятымъ положеніемъ, что смертность всегда увеличивается въ томъ же самомъ отношеніи, какъ густота населенія, и что еще болѣе детальное правило д-ра Фарра, что смертность въ какомъ-либо дистриктѣ приблизительно равна корню 6-й степени изъ плотности“ (357).

Извѣстные промахи почти неизбѣжны во всякомъ переводѣ, какъ бы тщательно ни былъ онъ выполненъ. Но въ данномъ случаѣ погрѣшностей (можетъ быть, въ значительной степени и корректурныхъ) слишкомъ ужъ много, и онѣ слишкомъ серьезны. Возможно, что по этой причинѣ основная идея многихъ страницъ совершенно неуловима: туманная фраза нанизывается на фразу, не приводя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

И. Степановъ.

W. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im Neunzehnten Jahrhundert. Berlin. 1903. 647 стр.

Въ началѣ 1902 года появились первые два тома важнѣйшей работы

Зомбарта: „Современный капитализмъ". Ровно черезъ годъ появляется „Народное хозяйство Германіи въ XIX вѣкѣ", по размѣрамъ немного уступающая огромнымъ томамъ предыдущей работы. Маленькое извѣщеніе доводитъ до свѣдѣнія читателя, что это—„первая книга, которая научно трактуетъ означенный въ заголовкѣ предметъ", и что „литературы его, слѣдовательно, не существуетъ: можно указать лишь нѣкоторые зачатки ея".

Читатель, знакомый съ „Капитализмомъ", раскрываетъ новую книгу съ самымъ живымъ интересомъ, но съ первыхъ же страницъ испытываетъ разочарованіе. Тайна быстраго появленія новой книги оказывается очень простой. По существу она представляетъ простой перифразъ основной теоретической работы Зомбарта, а многія страницы, около $^1/_6$—$^1/_5$ книги, дословную перепечатку изъ разныхъ мѣстъ „Капитализма", особенно изъ трехъ послѣднихъ отдѣловъ I тома и изъ первой книги второго. Въ „Капитализмѣ" Зомбартъ далъ исторію нѣкоторыхъ сторонъ народнаго хозяйства Германіи во вторую половину XIX вѣка. Теперь онъ пишетъ книгу, входящую, какъ часть, въ серію „Девятнадцатый вѣкъ въ развитіи Германіи",—и даетъ и исторію хозяйства за періодъ, опредѣлямый такими чисто внѣшними, случайными рамками, какъ столѣтіе. Тождество содержанія сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Еще одно обстоятельство послужило къ невыгодѣ новой работы. „Современный капитализмъ"—грандіозная по замыслу попытка теоретическаго построенія экономической науки. Напротивъ, „Народное хозяйство"—работа по преимуществу описательная. Поскольку Зомбартъ выясняетъ взаимную связь между фактами, онъ или воспроизводитъ цѣлыя страницы изъ предыдущей работы или по-просту отсылаетъ къ ней.

Со стороны формы „Народное хозяйство" производитъ впечатлѣніе какой-то невыдержанности. Въ началѣ книги авторъ старается быть занимательнымъ во что бы то ни стало, усвоиваетъ кокетливо-фамильярный тонъ, на каждомъ шагу сыплетъ такими обращеніями, какъ „дорогая читательница", „милая читательница" и т. д. Все это приводитъ на память юмористическія выходки Лоша (Brauns Archiv, 1900 г.) по адресу „моднаго профессора, облаченнаго въ элегантнѣйшій фракъ". Приблизительно со второй трети книги Зомбартъ оставляетъ внѣшніе пріемы занимательности: изложеніе становится серьезнымъ, яркимъ и яснымъ, такимъ, какое мы привыкли встрѣчать у Зомбарта.

Сама по себѣ, безъ сравненій съ „Капитализмомъ", новая книга Зомбарта все же представляетъ крупный интересъ. Хотя разныя части предмета обработаны неодинаково тщательно, она даетъ вообще очень богатый матеріалъ, систематизированный, внутренне объединенный.

Книга открывается импрессіонистски набросанной, но яркой картиной

экономической жизни Германіи въ первую половину XIX вѣка. Далѣе, слѣдуетъ анализъ „движущихъ силъ народнаго хозяйства“. Нѣкоторыя страницы представляютъ воспроизведеніе соотвѣтствующихъ страницъ „Капитализма“, основныя положенія другихъ получили развитіе въ рефератѣ Зомбарта о кризисахъ, прочитанномъ на послѣднемъ собраніи Союза соціальной политики. Потомъ авторъ переходитъ къ географическимъ условіямъ и къ національнымъ особенностямъ различныхъ племенъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи. Зомбартъ, по справедливости, не придаетъ особеннаго значенія этой части работы, такъ какъ въ установленіе „національныхъ свойствъ“ неизбѣжно и всегда вносится значительная доля произвола. Наука не можетъ оперировать съ такими категоріями, не поддающимися строгому опредѣленію.

Слѣдующая глава бѣгло излагаетъ исторію германскаго таможеннаго союза, освобожденія крестьянъ, созданіе единой системы мѣры и вѣса и т. д.

Глава о современной техникѣ даетъ мало новаго по сравненію съ „Капитализмомъ“. Но въ ней разбросано много бѣглыхъ замѣчаній, прямо не относящихся къ главной темѣ работы, нерѣдко парадоксальныхъ, но почти всегда остроумныхъ (о постепенной гибели виталистическихъ воззрѣній, о характерѣ религіозныхъ представленій въ эпоху ремесленной техники). „Мистики“ безъ особеннаго труда и въ новой книгѣ найдутъ поводы для выраженія своего моральнаго негодованія.

Глава о банкахъ и биржѣ замѣчательна по богатству фактическаго матеріала. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ выводовъ Зомбарта, характеризирующіе его точку зрѣнія. Если думаютъ, говоритъ онъ, будто переходъ къ общественной (облигаціонерной и акціонерной) формѣ предпріятій дѣйствуетъ „демократизующимъ образомъ“ на распредѣленіе богатства, то это свидѣтельствутъ о ребяческихъ представленіяхъ. На самомъ дѣлѣ такая форма только помогаетъ капиталистамъ снимать сливки съ доходовъ отъ національнаго производства. Массамъ остается на долю снятое молоко,—и то въ лучшемъ случаѣ. Посредничество банковъ и биржи въ дѣлѣ размѣщенія фондовъ служитъ превосходнѣйшимъ средствомъ для концентраціи капиталовъ. „Публика“ набрасывается на акціи обыкновенно въ то время, когда цѣна ихъ непомѣрно раздута, превратилась въ фиктивную. Крупные капиталисты успѣваютъ въ надлежащій моментъ освободиться отъ ненадежныхъ бумагъ,—и весь рискъ, всѣ убытки перекладываются на „публику“. „Демократизмъ“ акціонернаго начала сводится къ перенесенію на массу расплаты за спекуляцію.

По сравненію съ Бернштейномъ („Voraussetzungen“) и особенно съ Носсигомъ („Revision des Socialismus“) такую оцѣнку роли акціонер-

ныхъ обществъ можно коротко охарактеризовать словами: „назадъ къ марксизму“.

Главы о торговлѣ и средствахъ сообщенія тоже выдѣляются по богатству матеріала. Первая, впрочемъ, представляетъ изложеніе соотвѣтствующихъ главъ „Капитализма“. Въ главѣ о путяхъ сообщенія Зомбартъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе строгой, чисто военной дисциплины. Онъ собирался „въ другомъ мѣстѣ“ поговорить объ оборотной сторонѣ дѣла, но такъ и не сдержалъ обѣщанія. Оборотная сторона—недостойное положеніе почтовыхъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, которыхъ за всякій проблескъ независимой мысли разносятъ отставные гусарскіе генералы, какъ Подбіельскій, и за простую выписку профессіональной газетки вышвыриваютъ со службы.

Зомбартъ вообще не касается внутреннихъ предпріятій. Частныя промышленныя предпріятія онъ характеризуетъ тоже лишь съ внѣшней стороны Такимъ образомъ, въ его книгѣ мы находимъ лишь бѣглыя указанія на смѣну феодально ремесленныхъ отношеній предпринимателя и рабочаго современными отношеніями, и не находимъ указаній на конфликты, сопровождавшіе и сопровождающіе эту смѣну, далеко не достигшую завершенія. Пробѣлъ тѣмъ болѣе досадный, что онъ, повидимому, не будетъ заполненъ другими томами серіи „Девятнадцатый вѣкъ“ [1]).

Многаго ожидали мы отъ главы „Сельское хозяйство“: она могла дать нѣкоторые намеки на главные выводы обѣщаннаго третьяго тома „Капитализма“. Но, повидимому, изученіе аграрнаго вопроса у Зомбарта мало подвинулось впередъ: новаго, по сравненію съ „Капитализмомъ“, онъ даетъ немного.

Глава о міровомъ рынкѣ пострадала отъ склонности Зомбарта къ парадоксамъ, которые затемняютъ существо дѣла и придаютъ автору видъ оригинальности, хотя бы онъ повторялъ старыя положенія.

Послѣдній отдѣлъ книги широкими штрихами характеризуетъ „новое общество“: возрастаніе численности населенія и его агломерація, ростъ богатства, всеобщей необезпеченности существованія, распространеніе прессы, перемѣны въ области духовной и внѣшней культуры. Кое-что можно было бы выпустить и замѣнить описаніемъ другихъ сторонъ новой жизни, на которыхъ Зомбартъ, къ сожалѣнію, не останавливается.

Далѣе, Зомбартъ изслѣдуетъ перемѣны въ профессіональномъ расчлененіи общества, въ распредѣленіи собственности и доходовъ. Эти отдѣлы представляютъ интересъ въ связи съ спорами о тенденціяхъ современнаго обще-

---

[1]) По крайней мѣрѣ, книга Циглера: „Умственныя и соціальныя теченія въ XIX в.“, входящая въ ту же серію и появившаяся на рус. яз. въ двухъ переводахъ, этого пробѣла не восполняетъ.

ственнаго развитія. Зомбартъ критически относится къ пріемамъ аргументаціи, которые обыкновенно примѣняются при обсужденіи перемѣнъ въ распредѣленіи доходовъ. Самъ онъ не приходитъ къ вполнѣ опредѣленнымъ выводамъ, да и не придаетъ имъ особеннаго значенія: хозяйственное положеніе личности, говоритъ онъ, опредѣляется не столько доходами личности, сколько ея классовымъ положеніемъ. Принадлежность къ тому или другому классу, въ свою очередь, опредѣляется не размѣрами собственности или доходовъ. Общественный классъ — это общественная группа, которая является по своей идеѣ представительницей опредѣленной системы хозяйства. Съ этой точки зрѣнія современное общество распадается на феодальную аристократію (представительница феодально-земледѣльческаго, или патріархальнаго помѣщичьяго хозяйства), буржуазію (представительница мѣнового капиталистическаго хозяйства), мелкую буржуазію (представительница ремесленной организаціи), пролетаріатъ (представитель будущей, коллективистической организаціи хозяйства).

Зомбартъ страдаетъ такимъ же „забвеніемъ" крестьянства, какъ и многіе „ученики". Но забвеніе и въ этомъ, и въ другомъ случаѣ кажущееся. „Крестьянинъ", говоритъ З., не экономическое, а техническое понятіе: это—человѣкъ, занимающійся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Какъ таковой, онъ лишенъ опредѣленной экономической окраски и, слѣдовательно, можетъ представлять и дѣйствительно представляетъ разнообразнѣйшія системы хозяйства. „Сапожника" мы встрѣчаемъ въ феодальномъ хозяйствѣ, въ ремеслѣ, въ капиталистическомъ хозяйствѣ, словомъ, повсюду, гдѣ только дѣлаются сапоги. Такъ и „крестьянинъ" можетъ быть представителемъ всевозможныхъ экономическихъ порядковъ. И опытъ показываетъ, что нигдѣ еще не наблюдается такихъ крупныхъ различій экономическаго характера, какъ между крестьянами.

Масса крестьянства для Зомбарта представляетъ „ремесленниковъ въ области земледѣлія", входитъ въ составъ мелко-буржуазнаго класса. Остальныхъ же слѣдуетъ отнести къ буржуазіи или къ пролетаріату.

Очеркъ развитія буржуазіи, пролетаріата и ремесленниковъ въ XIX вѣкѣ прибавляетъ мало новаго къ тому, что даетъ „Капитализмъ". Отмѣтимъ рельефную характеристику феодальнаго класса. „Буржуазное хозяйство, говоритъ Зомбартъ, основывается на доходахъ; размѣрами послѣднихъ опредѣляются размѣры расходовъ. Напротивъ, дворянское хозяйство—расходовое хозяйство, и доходы должны приспособляться къ расходамъ. Получается дефицитъ,—средствомъ его восполненія служитъ не болѣе расчетливое веденіе хозяйства, а вліятельное положеніе въ государствѣ. Полтысячи лѣтъ тому назадъ дворянинъ безъ всякихъ колебаній грабилъ проѣзжихъ купцовъ. Теперь онъ полагаетъ, что государство обязано обез-

нечить ему привычный образъ жизни. Не допуская возможности отказа, онъ требуетъ и получаетъ привилегіи въ области винокуренія, таможенныя пошлины и даже прямыя подачки".

Какую роль играетъ классъ въ современной общественной жизни? Современное общество, отвѣчаетъ З., характеризуется тѣмъ, что отдѣльные элементы населенія все рѣшительнѣе примыкаютъ къ опредѣленному соціальному классу. Классовой антагонизмъ все рѣшительнѣе поглощаетъ остальныя противорѣчія. Въ этомъ смыслѣ можно утверждать, пожалуй, что общественныя противорѣчія упрощаются, и ужъ во всякомъ случаѣ,—что они обостряются. Въ этомъ же смыслѣ можно сказать, что въ XIX вѣкѣ соціальный классъ, какъ основная общественная сила, выступилъ съ небывалой до того времени опредѣленностью. Передъ классовыми противорѣчіями стушевываются противорѣчія національныя: то, что въ настоящее время выступаетъ подъ видомъ національизма, представляетъ выдохшуюся вторую настойку, которая ужъ никого не согрѣетъ. Пустыя фразы прикрываютъ внутреннюю безсодержательность.

Идеи не новыя. Но ихъ никогда не мѣшаетъ напоминать, и особенно въ настоящее время, когда стараются раздуть мнимыя внутреннія національныя противорѣчія, чтобы національною травлей затемнить сознаніе болѣе глубокихъ антагонизмовъ, и когда случается, что даже прогрессивные элементы не находятъ въ себѣ достаточно силы, чтобы противостоять этимъ попыткамъ.

Заключительныя страницы книги—наименѣе содержательныя, наиболѣе необоснованныя. Но было бы скучно раскрывать всѣ внутреннія противорѣчія бѣглыхъ замѣчаній Зомбарта.

Таково содержаніе книги Зомбарта. Для завершенія ея характеристики слѣдуетъ добавить, что приложенія даютъ массу таблицъ, которыя иногда представляютъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ самый текстъ книги. Вообще, несмотря на всѣ недостатки, новая книга сдѣлается незамѣнимымъ пособіемъ для тѣхъ, кто хочетъ познакомиться съ поразительнымъ по быстротѣ экономическимъ развитіемъ Германіи въ XIX вѣкѣ.

И. Степановъ.

Жоржъ Фонсегривъ. *Элементы психологіи.* Переводъ студентовъ Московской духовной академіи подъ редакціей, съ измѣненіями и дополненіями, П. П. Соколова. Второе изданіе. Сергіевъ Посадъ, Моск. губ. 1903. Стр. XVI+376. Ц. 1 р. 25 к.

О первомъ изданіи этой книги мы въ свое время дали отзывъ на

страницахъ „Образованія“ (1901 г. № 2), указавъ и достоинства, и недостатки сочиненія По существу книга осталась неизмѣненной, а слѣдовательно, и замѣчанія, сдѣланныя три года назадъ, остаются въ силѣ. Но оставаясь по существу тою же—иначе и нельзя, книга переводная,— психологія Фонсегрива въ настоящемъ изданіи нѣсколько улучшена въ разныхъ отдѣлахъ, именно дополнена глава объ ощущеніяхъ и физическихъ чувствованіяхъ новыми параграфами о классификаціи ощущеній, объ органахъ чувствъ, о качествахъ ощущеній, о теоріи чувствованій Ланге-Джемса. Точно также дополнена глава о памяти двумя новыми отдѣлами о типахъ памяти и о свойствахъ хорошей памяти. Дополнена библіографія и произведены мелкія исправленія. Всѣ эти дополненія и исправленія улучшаютъ книгу съ внутренней стороны, хотя въ своемъ основномъ строеніи она и осталась неприкосновенной. Объемъ второго изданія книги увеличился по сравненію съ первымъ, но цѣна осталась прежняя. Если въ первомъ своемъ изданіи книга сослужила добрую службу и потребовалось второе изданіе сочиненія, то, несомнѣнно, въ дополненномъ и выправленномъ видѣ она лучше будетъ удовлетворять живо чувствуемой потребности въ хорошемъ элементарномъ руководствѣ по психологіи. Надѣемся, что и это второе изданіе книги скоро разойдется.

П. Каптеревъ.

Яна Амоса Коменскаго Лабиринтъ свѣта и рай сердца. Переводъ съ чешскаго Н. П. Степанова. Книгоизданіе И. А. Сафонова. С.-Пб. 1904.

Въ исторіи славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича о Коменскомъ и его „Лабиринтѣ Свѣта“ сказано слѣдующее: „Коменскій былъ поэтомъ въ этомъ христіанско-философскомъ духѣ, который отличаетъ всѣ его произведенія... Главнымъ плодомъ его поэтическихъ стремленій было произведеніе, которое принадлежитъ къ числу самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ памятниковъ всей чешской литературы. Это—знаменитый „Лабиринтъ Свѣта“.

Приведя эту выдержку изъ сочиненія г.г. Пыпина и Спасовича, переводчикъ ни слова болѣе не говоритъ ни о Коменскомъ, ни о его сочиненіяхъ, ни о томъ, гдѣ и когда былъ написанъ „знаменитый Лабиринтъ Свѣта“. Должно быть, предполагается, что все это извѣстно читающей публикѣ, что она твердо знаетъ исторію славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича. Но такія предположенія весьма ошибочны: найдется, вѣроятно, не мало такихъ просвѣщенныхъ людей, которые совершенно не знаютъ

имени Коменскаго и во всякомъ случаѣ не въ состояніи сказать, въ какомъ вѣкѣ онъ жилъ. Большой промахъ допущенъ переводчикомъ, не снабдившимъ своего перевода соотвѣтствующимъ введеніемъ. Чтеніе книги значительно затрудняется отсутствіемъ необходимыхъ фактическихъ данныхъ объ авторѣ и его сочиненіи.

Книга раздѣляется на двѣ части: на критическую, отрицательную—это собственно и есть „Лабиринтъ Свѣта"—и положительную, изображающую руководящій идеалъ жизни—это „Рай сердца". Наиболѣе интересна первая часть. Въ ней авторъ подъ видомъ любознательнаго путешественника, въ сопровожденіи руководителя, критически обозрѣваетъ жизнь, разныя сословія и отрасли труда, всюду подчеркивая темныя стороны, указывая недостатки и внутреннюю пустоту при внѣшнемъ блескѣ. Картины жизни написаны авторомъ сжато, сильно и подчасъ, на нашъ нынѣшній взглядъ и вкусъ, грубовато. Вотъ, напримѣръ, какъ авторъ изображаетъ бракъ и женатыхъ: въ воротахъ я увидѣлъ какъ-бы кузницу, въ которой каждую пару (мужчину и женщину) заковывали въ страшные кандалы и, заковавъ, пускали дальше. При обрядѣ закованія собиралось много людей, которые нарочно созывались въ качествѣ свидѣтелей, играли и пѣли; оковы же не просто запирались замкомъ, но сковывались, сплавливались, запаивались, такъ что въ продолженіе всей жизни спаянные не могли ни разорвать, ни разломать оковъ. Къ нимъ были припаяны дѣти, которыя кричали, плакали, ссорились, стонали и умирали. Спаянные взрослые нерѣдко также ссорились и грызлись; одинъ хотѣлъ итти въ одну сторону, другой въ другую, происходила сумятица; иногда мужъ тащилъ жену, иногда жена мужа. А подросшія дѣти причиняли множество новыхъ заботъ и тревогѣ.

Очень интересно обозрѣніе сословія правителей. Пришли мы, разсказываетъ путешественникъ-обозрѣватель, въ другія улицы, гдѣ увидѣли со всѣхъ сторонъ много высокихъ и низкихъ стульевъ. На нихъ сидѣли войты, бургомистры, судьи, канцлеры, князья и т. д. Я замѣтилъ, что нѣкоторые покупаютъ мѣста, другіе выпрашиваютъ, третьи пріобрѣтаютъ ихъ лестью, четвертые самовольно садятся. У нѣкоторыхъ не было ушей, которыми они могли бы выслушивать жалобы подданныхъ; у другихъ не было глазъ, которыми могли бы видѣть безпорядки предъ собою; у третьихъ не было носа, которымъ могли бы вынюхивать плутовскія противозаконныя уловки; у четвертыхъ не было языка, которымъ могли бы говорить за безсловесныхъ угнетенныхъ; у пятыхъ не было рукъ, которыми могли бы выполнять судъ правый; многіе не имѣли даже сердца, чтобы исполнить то, что указываетъ справедливость. Наслѣдственно господствующіе надъ подданными сидѣли на высокихъ и широкихъ стульяхъ. Рѣдко кто могъ

подойти къ нимъ и достать до нихъ, кромѣ какъ по приспособленіямъ. Каждый изъ владыкъ вмѣсто ушей имѣлъ какія-то длинныя трубы съ обѣихъ сторонъ, въ которыя и долженъ былъ шептать всякій, кто хотѣлъ сказать имъ что-нибудь. Но трубы эти были искривлены и дырявы: много словъ, прежде чѣмъ дойти до головы, терялось, а которыя доходили, какъ доходили по большей части искаженными. Поэтому хотя иной достаточно громко кричалъ, все же не могъ докричаться до мозга; иногда и давался отвѣтъ, но ни къ селу, ни къ городу. Подобнымъ образомъ и вмѣсто глазъ и языка у владыкъ были трубы, чрезъ которыя вещь представлялась не въ томъ видѣ, какою она была на самомъ дѣлѣ, и отвѣтъ получался совсѣмъ въ иномъ духѣ, нежели желалъ и думалъ самъ владыка. Вокругъ трона ходятъ нѣкоторые люди: одни посредствомъ трубъ что-то дуютъ владыкамъ, другіе насаживаютъ имъ на глаза разные цвѣтные очки, третьи что-то курятъ подъ носъ, четвертые складываютъ и прикладываютъ у владыки руки, поправляютъ подъ владыками тронъ и т. д. Это тайные совѣтники, они образуютъ королей и великихъ владыкъ. Обозрѣватель замѣтилъ: „великіе владыки, будучи такъ связаны, что ничего не могутъ дѣлать иначе, какъ по желанію другихъ, болѣе несчастны, чѣмъ простые мужики“. Нѣкоторые владыки не позволяли муштровать себя и гнали прочь „образователей“, но вмѣсто немногихъ прогнанныхъ являлось много другихъ, которые пытались дуть владыкѣ въ уши, въ носъ, въ ротъ, различно закрывать и открывать его глаза, растягивать туда и сюда его руки и ноги. Каждый, только что пришедшій, хотѣлъ навести и натолкнуть владыку на то, на чемъ самъ уперся, такъ что иной несчастный владыка не зналъ, что дѣлать, кому уступить, кому противодѣйствовать и какъ все сдѣлать хорошенько.

Были и такіе владыки, которые никому не позволяли близко подступать къ нимъ, кромѣ заботившихся объ ихъ удобствахъ и удовлетворявшихъ ихъ прихотямъ. Около такихъ владыкъ вертѣлись люди, которые гладили ихъ рукою, охорашивали, подкладывали подушки, ставили предъ глазами зеркала, дѣлали вѣеромъ вѣтеръ, собирали перья и соръ, цѣловали одежду и башмаки владыкъ, разсчитывая все на будущее; нѣкоторые даже лизали выплюнутую владыкою слюну и сопли, похваливая, что сладко. „Мнѣ это не понравилось“, простодушно замѣчаетъ обозрѣватель, „въ особенности, когда я замѣтилъ, что почти у каждаго такого владыки тронъ колебался и, прежде чѣмъ можно было предвидѣть, падалъ съ нимъ, такъ какъ не было болѣе прочныхъ подпорокъ“.

Другія сословія и ихъ дѣятельность казались обозрѣвателю также не особенно привлекательными. Военное сословіе изображается такъ: на площади увидалъ я стада этихъ людей, одѣтыхъ въ желѣзо, съ рогами и когтями,

прикрѣпленныхъ кучей другъ къ другу, лежащихъ у какихъ-то корытъ и чановъ, куда имъ сыпали и лили ѣду и питье, а они одинъ передъ другимъ лакали и жрали. „Что, здѣсь свиней откармливаютъ на убой?“ спросилъ я. „Хотя я вижу изображеніе человѣческое, но поведеніе свинское“. „Это есть удобство этого сословія“, сказалъ толмачъ. Они же, вставши отъ корытъ, пустились въ плясъ и скокъ и разбѣжались требовать контрибуцій у людей другого сословія, у кого ни попало. Затѣмъ, развалясь, они занимались мужеложствомъ и мерзостью безъ всякаго стыда и богобоязни. „Это сословіе желаетъ имѣть всякаго рода вольности“, замѣтилъ толмачъ. Они, усѣвшись, снова принялись за обжорство, а нажравшись и напившись до отупѣнія, бросились на землю и захрапѣли. Потомъ ихъ вывели на плацъ, гдѣ на нихъ падалъ дождь, снѣгъ, градъ, морозъ, вьюга и всякая грязь, гдѣ они мучились жаждою и голодомъ, такъ что многіе дрожали, тряслись, шатались, мерзли, отдавали себя на съѣденіе вшамъ, собакамъ и коршунамъ. Иные ни на что не обращали вниманія и продолжали свою безстыдную жизнь.

Духовное воинство изображается также не особенно блистательнымъ. „Вошли мы туда, гдѣ жили священники; я думалъ, что найду ихъ за молитвой, или за изученіемъ таинствъ, но, къ сожалѣнію, нашелъ, что одни, развалясь въ перинахъ, храпѣли; другіе, сидя за столами, пировали до дурноты совали и лили въ себя; третьи проводили время въ пляскѣ и прыганія; иные набивали мѣшки, сундуки, кладовыя, иные занимались прелюбодѣяніемъ и пошлостью; нѣкоторые привязывали шпоры и имѣли дѣло съ кинжалами, шпагами и ружьями, нѣкоторые съ собаками гонялись за зайцами, такъ что за библіей-то проводили меньшую часть времени, а нѣкоторые почти никогда не брали ее въ руки и все таки назывались учителями слова“. Начальники же священниковъ—епископы, архіепископы, аббаты, настоятели и т. п.—не наблюдаютъ за порядкомъ среди подчиненныхъ, занятые постоянно реестрами церковныхъ доходовъ. „Тогда я сказалъ: „мнѣ кажется, ихъ по ошибкѣ называютъ духовными отцами, вѣрнѣе было-бы назвать ихъ доходными отцами“.

Вотъ еще нѣсколько чертъ изъ изображенія ученыхъ. Передъ нами громадная зала, по всѣмъ сторонамъ которой множество шкафовъ, перегородокъ, шкатулокъ и ящиковъ—на ста тысячахъ возовъ не увезъ бы ихъ.—Каждая шкатулка имѣла свою надпись и заглавіе. Все это было очень похоже на аптеку, но оказалось библіотекой-складомъ мудрости. Около шкафовъ тѣснились толпы разныхъ ученыхъ. Нѣкоторые, выбирая болѣе прекрасное и утонченное, вытягивали изъ нихъ по куску и принимали во внутрь, спокойно разжевывая и переваривая. Подойдя къ одному изъ нихъ, я спросилъ, что онъ дѣлаетъ. Тотъ отвѣтилъ: „воспринимаю“.

Какой же въ этомъ вкусъ? „Покуда отжуется во рту, ощущается горьковатость или кисловатость, которая потомъ обращается въ сладость". Нѣкоторые съ большою жадностью пожирали все, что ни попадало подъ руку. Взглянувъ внимательнѣе на нихъ, я не замѣтилъ, чтобы у кого поправился сколько нибудь цвѣтъ лица, прибыло тѣла или жира, кромѣ брюха, раздутаго и набитаго; я видѣлъ, что то, что иной напихалъ въ себя, непереваренным лѣзло снова верхомъ и низомъ. У нѣкоторыхъ дѣлалось головокруженіе и помраченіе разума, другіе отъ этого блѣднѣли, сохли и умирали. Иной, взявъ чужой сосудъ, чтобы нѣсколько наполнить свой, разжижалъ сколь возможно, загущалъ пылью и мусоромъ, чтобы только казалось, что вновь сдѣлано. Между тѣмъ привѣшивали великолѣпные этикеты, и безъ стыда, какъ какіе-нибудь шарлатаны, превозносили каждый свое. При такой работѣ рѣдко кто старался узнать внутреннюю сущность, а брали все подъ-рядъ, безъ различія, а если иное и выбирали, то глядѣли только на содержимое внутри и на надпись.

Все изложенное составляетъ первую часть сочиненія „Лабиринтъ Свѣта". Во второй части изображается „рай сердца"—чистое нравственно-религіозное евангельское ученіе. Настранствовавшись по свѣту, насмотрѣвшись всего, путешественникъ нашелъ спокойствіе и радость во Христѣ. Изъ этой части мы приведемъ не многое, но характерное.

Христосъ говоритъ страннику: „здравствуй, здравствуй, милый мой сынъ и братъ!... Гдѣ ты былъ, мой сынъ, куда ходилъ, чего искалъ въ свѣтѣ? Утѣшенія? А гдѣ ты долженъ былъ искать его, какъ не въ Богѣ? А Бога гдѣ найти, какъ не въ храмѣ Его? А который *Храмъ Бога Живаго*, какъ не тотъ храмъ живой, который онъ приготовилъ Самъ Себѣ, *„твое собственное сердце"*?—„Если вздумаешь обратиться ко мнѣ съ рѣчью, то говори: „только я и Ты, Господь мой!", *о комъ нибудь третьемъ заботиться тебѣ нѣтъ нужды*. Держись только Меня, на Меня смотри, мило бесѣдуй со Мной, Меня обнимай, Меня цѣлуй, и всего этого жди и отъ Меня въ свою очередь".—„Ты видѣлъ, какія церемоніи и споры устраиваютъ люди при распространеніи религіи. Твоей религіей пусть будетъ служеніе Мнѣ въ тишинѣ, *а не обязываніе себя обрядами, ибо Я не обязываю ими*. И когда отъ души по правдѣ будешъ служить Мнѣ, такъ, какъ Я учу тебя, ни съ кѣмъ не ссорься изъ за этого, хотя бы и называли тебя лицемѣромъ, еретикомъ и чѣмъ угодно: въ тишинѣ обращай вниманіе свое только на Меня и на служеніе Мнѣ".

Надѣемся изложеннымъ убѣдить читателя, что разсматриваемая книга, написанная знаменитымъ чешскимъ педагогомъ и богословомъ 17 вѣка въ 1623 г., далеко не утеряла своего интереса и глубокаго значенія и

въ настоящее время. Поэтому нужно быть благодарнымъ переводчику за его трудъ и рѣшимость сдѣлать книгу въ цѣломъ, безъ пропусковъ и точекъ вмѣсто словъ, достояніемъ русской образованной публики. Только нужно-бы исправить нѣкоторыя выраженія, напримѣръ, „въ такихъ *выполированныхъ* душахъ“ (стр. 5); „удила у ней были изъ желѣза *упряжки* въ предпріятіяхъ“ (12 стр.); „всѣ подъ-рядъ были въ струпьяхъ, *опаршивленные* или прокаженные“ (18 стр.); „тотъ *сверзивался* самъ“ (22); „какъ много это сословіе скрываетъ въ себѣ *пищелюбія и лощеныхъ бѣдъ* “ (95 стр.); „я увидѣлъ множество ихъ прогуливающимися, съ перьями на головѣ, *съ заостренными пятками и боками*“ (100 стр.), что даже и непонятно.

П. Каптеревъ.

Докторъ-медицины Анна Фишеръ Дюкельманъ Женщина—домашній врачъ. Настольная книга для женщинъ. Значительно дополненный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей доктора медицины I. А. Литинскаго. Съ 463 рисунками въ текстѣ, 96 рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ, отпечатанныхъ черною и цвѣтными красками, и съ портретомъ автора. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса. 1903 г. 1077+VIII стр. in 8⁰. Цѣна 5 руб.

Вмѣсто того, чтобъ предоставить другимъ судить о достоинствахъ предлагаемаго сочиненія и благодарить автора за преподнесеніе цѣннаго подарка, г. редакторъ самъ изощряется въ похвалахъ сочиненію и изо всѣхъ силъ старается доказать безконечныя заслуги передъ читательницами почтенной г-жи Ф. Д. Впрочемъ, расчетъ г. редактора вѣренъ: безъ его помощи въ означенномъ сочиненіи трудно было бы указать на особенно выдающіяся достоинства сочиненія и отличить его отъ подобныхъ твореній, имѣющихся на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Къ этому, похвалы г-жѣ Ф. Д. служатъ оправданіемъ г. доктору мед. Литинскому и въ томъ, что онъ рѣшился отдать трудъ и время на переводъ перваго попавшагося сочиненія, вмѣсто того, чтобы самому написать не менѣе хорошее, если не лучшее. Конечно, сравнивать оригиналъ и переводъ книги Ф. Д. было бы для каждаго дѣломъ нелегкимъ и непріятнымъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя бросающіяся въ глаза измѣненія, дополненія и исправленія текста д-ромъ Л. говорятъ въ пользу научности и добросовѣстности именно его, а не г-жи Ф. Д.

Книга г-жи Ф. Д. дѣлится на три части, озаглавленныя авторомъ такъ: 1) Gesundheitspflege, 2) Giftfreie Behandlung и 3) Das Kind. На

русскомъ читаемъ: 1) Уходъ за здоровьемъ, 2) Энциклопедическая часть и 3) Мать и дитя. Разница, особено по отношенію ко 2-й части, довольно рѣзкая. Giftfreie Behandlung — лѣченіе безъ помощи ядовъ: недурно придумано заглавіе! Оно должно успокоительно дѣйствовать на публику, враждебную къ врачамъ и боящуюся всякихъ медицинскихъ, аптечныхъ снадобій. Заглавіе дѣйствительно разсчитано именно на успокоеніе читательницъ и на вызовъ съ ихъ стороны симпатій и довѣрія къ гуманному женщинѣ-врачу Ф. Д., лѣчащей, не въ примѣръ ея собратамъ по ремеслу, безъ помощи ядовитыхъ, вредныхъ, опасныхъ средствъ. Къ удивленію, однако, г жею Ф. Д. упоминаются въ числѣ необходимыхъ лѣкарствъ опій, морфій, атропинъ, кокаинъ, ртуть — средства, прямо ядовитыя и потому неподходящія къ ея аптекѣ... Переводчикъ поэтому справедливо избѣгъ противорѣчія, озаглавивъ вторую часть „энциклопедическою“. Энциклопедичность дѣйствительно поражаетъ читателя. Чего тамъ только нѣтъ! Есть и описанія всевозможныхъ болѣзней: и женскихъ, и дѣтскихъ, и мужскихъ; есть и описаніе отдѣльныхъ припадковъ болѣзней, и многообразнѣйшихъ лѣкарствъ, и способовъ лѣченія, и, наконецъ, разныхъ словъ и понятій, какія имѣютъ болѣе или менѣе близкое, а подчасъ и отдаленное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ человѣку, какъ къ супругѣ, родительницѣ, матери, женскому существу во всѣхъ возрастахъ, въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Вмѣсто того, чтобы излагать предметъ въ системѣ, авторъ въ первой части сочиненія точно намѣренно не доказываетъ того, что вводитъ въ видѣ дополненія въ 2-ю часть. Напримѣръ, въ первой части говоритъ о печени и желчи, а во второй части продолжаетъ о томъ же, а частію даже повторяетъ сказанное въ первой части. Не цѣлесообразнѣе ли было бы изложить все сразу, нежели разбрасывать въ ущербъ дѣлу? Мы уже не говоримъ о томъ, что такой способъ составленія книги крайне неудобенъ для читателя, да и удорожаетъ изданіе. Вообще, въ книгѣ повтореній и излишнихъ вещей множество, и разбросанность свѣдѣній поражаетъ на каждомъ шагу. Въ виду такой разбросанности г. редактору слѣдовало бы прямо исправить этотъ недостатокъ, упразднивъ вторую часть и распредѣливъ весь ея матеріалъ по соотвѣтствующимъ мѣстамъ первой и третьей части, а не повторять ошибку автора. Для г-жи Ф. Д., пожалуй, вторая часть имѣла опредѣленное значеніе, такъ какъ ей надо было дать читательницамъ возможность воспользоваться благодѣяніемъ лѣченія безъ помощи ядовъ, но д-ру Ли—ому какая была нужда дорожить этою второю частью, превратившеюся съ его благословенія въ какую-то энциклопедію! Къ этому, основныя — первая и третья—части сочиненія занимаютъ обѣ (350 + 122) 472 страницы, дополнительная же, вторая часть — 586 стр., т. е. на 114 стр. болѣе

двухъ основныхъ. Сократить, если не уничтожить вторую часть необходимо было бы потому, что въ нее понатасовано авторомъ множество совершенно ненужныхъ для обыкновенной читательницы вещей. Къ чему, напр., въ справочную книгу для матери введены многія душевныя болѣзни, такія заразныя болѣзни, какъ: чума, проказа, сибирская язва; такія мужскія болѣзни, какъ половое безсиліе, или такія общія болѣзни, какъ мочекровіе, оксалурія? Къ чему описаніе различныхъ минеральныхъ водъ и курортовъ, куда женщина не можетъ, да и не должна ѣхать безъ совѣта врача? Къ чему, наконецъ, въ описываемую книгу вводить разъясненіе такихъ словъ, какъ: агонія, арракъ, баранъ, выборъ профессіи, стеклянный глазъ, непроизвольное сѣмяистеченіе, эрекція, трупосожженіе? Вѣдь, это балластъ, напрасно загромождающій книгу... Попали въ энциклопедію даже слова: балъ, духи, мода, поцѣлуй, потеря невинности, гостиницы, рестораны и т. д. Подобный матеріалъ можно было бы плодить до безконечности, лишь была бы охота. Первая и третья части зато кратки въ ущербъ дѣлу. Анатомическія, физіологическія, да и гигіеническія свѣдѣнія недостаточны, частью непонятны. Авторомъ вставлена масса рисунковъ для уясненія менѣе понятныхъ мѣстъ текста, однако, и въ числѣ этихъ рисунковъ половина, если не болѣе, совершенно излишня и годна развѣ для увеличенія размѣровъ книги. Рисунокъ 301-й изображаетъ обтираніе простыней, рис. 322-й обмываніе нижней части живота, рис. 340-й сидячую ванну, рис. 337 горячую ножную ванну и т. п. Все это не требовало бы никакихъ рисунковъ по своей общеизвѣстности не только взрослой женщинѣ, но и малому ребенку. Что же касается таблицъ или картинъ, вставленныхъ въ текстъ, то онѣ скорѣе разсчитаны на эффектъ, на украшеніе книги, но совсѣмъ не на пользу дѣла. Красивыя женскія головки (Табл. II и IV), здоровыя и болѣзненныя тѣла (Т. III), болѣзненныя женскія лица (Т. VII), здоровыя и естественныя женскія фигуры (Т. X), голыя женщины во время пріема воздушныхъ ваннъ (Т. XIII), все это рѣшительно не идетъ въ серьезную книгу. Въ числѣ таблицъ есть и анатомическія, отчетливо сдѣланныя и весьма детальныя, но онѣ, въ свою очередь, не соотвѣтствуютъ сжатому, коротенькому тексту анатомическаго отдѣла книги. Многіе рисунки отличаются пикантностью и соблазнительностью содержанія, и могли бы быть безъ ущерба устранены изъ книги. Такъ, напримѣръ, измѣреніе температуры въ прямой кишкѣ (рис. 346), клизма въ боковомъ положеніи (рис. 280), приготовленіе къ обертыванію голой женщины (рис. 294), женщина въ сидячей ваннѣ (рис. 384). Не станемъ заподозрѣвать автора въ намѣреніи дѣйствовать своими таблицами и рисунками на половое возбужденіе читательницъ, но не можемъ не замѣтить, что изображенія нагихъ тѣлъ и особенно поло-

выхъ частей въ слишкомъ откровенныхъ позахъ не могутъ не оказывать прямо вреднаго вліянія на воображеніе и на эмоціональную сторону женщины. Вообще, и редактору русскаго перевода слѣдовало бы сдѣлать значительныя сокращенія по части рисунковъ и таблицъ: отъ этого книга не потеряла бы ничего, но выиграла бы весьма много. Можно даже сказать, что большинство изображеній рѣшительно портитъ книгу, лишая ее характера серьезнаго, полезнаго сочиненія.

Автору нельзя отказать въ знаніи и способности толковаго изложенія. Извѣстныя лишь мѣста (напр., обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, нѣкоторыя анатомическія детали) оказываются не достаточно ясными по краткости и серьезности описанія для обычной читательницы. Практическія указанія относительно половыхъ сношеній, описаніе вреда спиртныхъ напитковъ, стягиванія корсетомъ, гигіенической одежды составлены хорошо и должны дѣйствовать внушительно.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что книга г-жи Ф. Д. составлена вполнѣ въ современномъ вкусѣ, во вкусѣ свѣтской женщины, которую привлечь къ чтенію можно не столько серьезностью и поучительностью содержанія книги, сколько игривостью изложенія, красотою изданія, внѣшними вообще, а не внутренними достоинствами. Въ такого рода книгѣ для разумной и образованной женщины у насъ, однако, въ настоящее время особенной необходимости не имѣется, такъ какъ и безъ нея достаточно есть русскихъ изданій, вполнѣ отвѣчающихъ цѣли ознакомленія образованныхъ читательницъ съ физіологіей, гигіеной и половой жизнью женщины, съ уходомъ за ребенкомъ, и съ необходимыми свѣдѣніями по части подачи первой помощи до прибытія врача.

Книга издана изящно, можно сказать, роскошно, но крайне дорога для большинства женщинъ, по крайней мѣрѣ, средняго класса.

А. Вireніусъ.

Ruthenische Revue Halbmonatschrift I. Jahrgang. Подъ такимъ заголовкомъ въ теченіе настоящаго года въ Вѣнѣ издано уже 14 тетрадокъ двухнедѣльнаго „Рутенскаго обозрѣнія“ подъ редакціей Романа Сембратовича и при издателяхъ двухъ членахъ Вѣнскаго парламента — Яворскомъ и Косѣ. „Рутенскимъ“ называется журналъ потому, что рутенами въ Австріи зовутъ малороссовъ Галичины и Южной Россіи. Кромѣ статей, посвященныхъ текущей политикѣ, въ этомъ журналѣ помѣщаются разсказы по исторіи культурнаго развитія малорусскаго народа, переводъ на нѣмецкій языкъ произведеній лучшихъ писателей малорусскихъ за послѣднее столѣтіе, такъ какъ цѣль журнала — ознакомить читающихъ по-нѣмецки съ малоизвѣст-

нымъ для нихъ народомъ. Журналъ этотъ въ первомъ году своего существованія получилъ уже значительное распространеніе: въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года, какъ сообщаетъ „Кіевская газета", „R. Revue" имѣло уже 1,250 платныхъ подписчиковъ; сверхъ того, 1,750 экземпляровъ разсылалось безплатно редакціямъ разныхъ европейскихъ изданій, членамъ парламентовъ, ученымъ, литераторамъ, и т. п. Изъ послѣднихъ многіе прислали въ редакцію письма, показывающія, съ какою степенью интереса отнеслись они къ новому начинанію, выразившемуся въ изданіи журнала о южноруссахъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Напр. Бьőрнстьернъ Бьőрнсонъ писалъ редактору „R. Revue": „Глубокоуважаемый г. редакторъ! Меня восхищаютъ и удивляютъ Ваши стремленія. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ начинаній современности ваше начинаніе—самое интересное: поднять до степени сознательнаго и образованнаго народа тридцать милліоновъ украинцевъ—это что-то такое грандіозное, что должно воодушевлять каждаго! Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ объ этомъ (а про Украйну я ничего не зналъ, пока не появилась „R. Revue"),—жизнь моя стала богаче, надежды на человѣчество болѣе крѣпкими. Я читаю внимательно каждое слово „Ruthenische Revue",—и все въ немъ такъ свѣжо, ново, выразительно, такъ воодушевляетъ!"

Англійскій историкъ Густавъ Чемберленъ пишетъ редактору „R. Revue", что онъ читаетъ его журналъ также съ большимъ интересомъ. „Хотя я не политикъ и не журналистъ, но и съ чисто научной стороны меня необыкновенно интересуетъ Ваше дѣло—возрожденіе украинскаго народа, и я буду говорить о немъ въ моей исторіи XIX вѣка, которую намѣренъ издать".

Въ такомъ-же родѣ пожеланія писать и читать публичныя лекціи объ Украйнѣ высказанъ передъ смертью историкъ Момсенъ, успѣвшій познакомиться съ нѣсколькими нумерами „Ruthenische Revue". Все это показываетъ, что въ Западной Европѣ, гдѣ произведенія графа Л. Толстого и М. Горькаго производятъ большое впечатлѣніе, оживленіе Южнорусской литературной дѣятельности также начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе.

А. Р.

Е. Кирпичникова. Новая книга для чтенія. Хрестоматія для приготовительныхъ классовъ. Москва. 1903 г. Цѣна 75 коп.

„Цѣль этой новой хрестоматіи", какъ говоритъ составительница, „дать дѣтямъ, еще не вполнѣ свободно читающимъ, матеріалъ для пріобрѣтенія навыка въ бѣгломъ чтеніи и пересказѣ прочитаннаго". Поэтому она на-

чинается статейками несложнаго содержанія, снабженными картинками. Выборъ статеекъ богатъ, и, дѣйствительно, матеріала для чтенія много, хотя, по нашему личному мнѣнію и опыту, для пересказа болѣе удобны статьи подлиннѣе, а то въ разсказѣ изъ 2 — 3 строчекъ негдѣ и разойтись ученику. Дѣти любятъ разсказывать длинныя исторіи; это одна изъ причинъ, почему имъ нравятся сказки, изобилующія всевозможными подробностями, въ которыхъ дѣти находятъ особый интересъ.

Нельзя не похвалить автора за то, что въ этотъ первый отдѣлъ онъ не внесъ описаній, какъ литературной формы, мало понятной дѣтямъ.

Второй отдѣлъ—о животныхъ—долженъ доставлять матеріалъ для классной бесѣды, при чемъ составительница, конечно, имѣетъ въ виду тѣ школы, гдѣ не проходится естественная исторія, какъ отдѣльный предметъ. Тамъ подобныя статьи необходимы: по крайней мѣрѣ, хоть на урокахъ родного языка учащіеся пополнятъ этотъ важный пробѣлъ и получатъ нѣкоторое знакомство съ природой. Въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ естественная исторія проходится съ самаго начала курса, не зачѣмъ читать эти статейки, изъ которыхъ многія написаны далеко не художественно; ихъ лучше замѣнить отрывками изъ классиковъ, чтобъ съ самаго ранняго возраста пріучать дѣтей къ рѣчи красивой и литературной. Наконецъ, при такомъ чтеніи можетъ встрѣтиться и иная опасность: преподаватель русскаго языка можетъ быть мало свѣдущимъ въ естественныхъ наукахъ, а между тѣмъ ученики непремѣнно засыплютъ его вопросами о бытѣ животныхъ, о которыхъ трактуется въ статьѣ; весьма возможно, что эти вопросы окажутся выше учительской компетенціи, и дѣтская любознательность, которую надо беречь, какъ драгоцѣнное сокровище, не получитъ надлежащаго удовлетворенія.

Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщены сказки, которыя г-жа Кирпичникова предназначаетъ для задаванія на домъ. Слѣдуетъ возразить на это, что въ приготовительномъ и I классахъ, вообще, стараются обойтись безъ домашнихъ уроковъ, а прочесть дома самостоятельно длинную сказку—не малый трудъ для ребенка, еще не вполнѣ овладѣвшаго самымъ механизмомъ чтенія.

Въ классѣ при совмѣстной работѣ это дается гораздо легче, да и при классномъ пересказѣ ученикъ хорошо ознакомится съ содержаніемъ сказки. Удивило насъ здѣсь отсутствіе чудныхъ сказокъ Пушкина,—не мотивированное авторомъ. Т. к. книга составлена, вообще, хорошо и обдуманно, то этотъ недостатокъ скорѣе всего объясняется предварительнымъ дошкольнымъ знакомствомъ большинства дѣтей съ этими сказками, почему составительница и желала для возбужденія ихъ вниманія предложить имъ что-нибудь поновѣе. Отдѣлъ басенъ и стихотвореній ничѣмъ не отличается отъ

обычнаго; впрочемъ, мы встрѣтили здѣсь остроумную басню Крылова „Обѣдъ у медвѣдя“, которую почему-то рѣдко помѣщаютъ въ хрестоматіяхъ. Въ числѣ произведеній, удобныхъ для заучиванія наизусть, есть такія, которыя, по собственному сознанію автора, выше дѣтскаго пониманія (мы беремъ тотъ возрастъ, для котораго предназначена книга), напр., „Три пальмы“, „Днѣпръ“. Авторъ полагаетъ, что можно давать дѣтямъ и такія пьесы, которыя могутъ быть ими хорошо поняты лишь впослѣдствіи, но каждый педагогъ найдетъ, что непонятное всегда скучно.—Шестой историческій отдѣлъ подготовляетъ учащихся къ эпизодическому курсу исторіи. Книга г-жи Кирпичниковой отличается такой полнотой, что въ ней имѣются и отрывки изъ Евангелія для церковно-славянскаго чтенія и орѳографическія упражненія; обращено особенное вниманіе на переносъ словъ, дѣйствительно затрудняющій дѣтей на этой ступени развитія.

Какое заключеніе можно вывести о трудѣ г-жи Кирпичниковой? Онъ положительно хорошъ, богатъ матеріаломъ и можетъ служить полезной книгой для чтенія въ младшихъ классахъ; но со взглядами автора на употребленіе книги (см. предисловіе) мы согласиться не можемъ: въ нихъ чувствуется теоретикъ.

Н. Леонтьева.

Краткій курсъ отечественной исторіи. (Для городскихъ училищъ). Съ рисунками и портретами въ текстѣ. Составилъ А. Н. Сальниковъ. Цѣна 30 коп. С.-Петербургъ 1900 г. Изданіе П. П. Сойкина.

Введеніе въ курсъ младшихъ классовъ отечественной исторіи, какъ учебнаго предмета, вызвало къ жизни много учебниковъ, по большей части неудовлетворительныхъ. Въ однихъ составители ужъ слишкомъ морализируютъ, въ другихъ изъ боязни уронить въ глазахъ малышей историческихъ дѣятелей стараются умалчивать о ихъ темныхъ сторонахъ, и получается нѣчто странное, какая-то фальсификація: оказывается, напримѣръ, что Іоаннъ Грозный былъ неповиненъ въ смерти митрополита Филиппа, а Пугачевщина произошла вслѣдствіе излишней доброты Екатерины II (см. учебникъ Помяловскаго). Несравненно лучше познакомить дѣтей лишь съ немногими эпизодами русской исторіи, чѣмъ упомянуть почти обо всѣхъ историческихъ фактахъ, но снабжая ихъ подобными лживыми комментаріями. Исторической лжи, конечно, не слѣдуетъ допускать ни въ младшихъ, ни въ старшихъ классахъ. Въ учебникѣ г. Сальникова историческіе факты не такъ усердно подтасовываются, какъ въ упомянутой нами книжкѣ Помяловскаго, но все-же многія объясненія не выдерживаютъ критики. Такъ,

наприм., расколъ, оказывается, произошелъ потому, что „многіе изъ священниковъ, не любившіе Никона за его чрезмѣрную строгость, отказались совершать службу по исправленнымъ книгамъ (стр. 74)“. При чемъ тутъ нелюбовь священниковъ къ Никону, когда причина раскола коренится гораздо глубже—въ общемъ невѣжествѣ всѣхъ слоевъ старой Руси и вытекавшей отсюда излишней привязанности къ буквѣ и обряду. Стоитъ только прочесть „Домострой“ съ его фантастическимъ стремленіемъ уложить всю русскую жизнь въ прочныя и тѣсныя рамки, чтобъ убѣдиться въ неизбѣжности раскола. Будь на мѣстѣ Никона и другой патріархъ — все равно исправленіе книгъ вызвало бы религіозную бурю, почва для которой была давно готова. Не лучше объясняются и причины Севастопольской компаніи. Наполеонъ III хотѣлъ будто-бы отомстить Россіи за низложеніе дяди — такъ что виною всему были его родственныя чувства. Наконецъ, и самый выборъ факторовъ чрезвычайно страненъ, и трудно понять, чѣмъ руководствовался при этомъ авторъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, упоминать о „Русской Правдѣ“ и „Соборномъ Уложеніи“, если нѣтъ намѣренія познакомить учащихся съ заключающимися въ этихъ сводахъ законами, хотя это знакомство, по нашему мнѣнію, ничуть не затруднительно: нельзя же заполнять весь учебникъ лишь войнами да трактатами. Впрочемъ, и факты боевой исторіи поражаютъ странностью выбора: почему много говорится о битвѣ Суворова съ Макдональдомъ, а совсѣмъ не упоминается о такомъ замѣчательномъ его подвигѣ, какъ переходъ черезъ Чортовъ мостъ? Отчего ничего не сказано о Наполеонѣ I, и неизвѣстно, откуда онъ взялся, а также дѣти могутъ недоумѣвать, куда же онъ дѣлся послѣ своихъ пораженій. Авторъ говоритъ только, что онъ бѣжалъ за Рейнъ, и ученики, пожалуй, подумаютъ, что онъ тамъ навсегда и остался. Не надо бы допускать и искаженія фактовъ. Въ учебникѣ говорится о томъ, что по Ништадтскому миру Россія получила Петербургъ, Ригу и Ревель и все побережье между ними. Не точнѣе ли было-бы вмѣсто городовъ назвать провинціи? Авторъ, по его словамъ, хотѣлъ придать изложенію историческихъ событій возможную „ясность и простоту“, но что говоритъ дѣтямъ хотя бы такое упоминаніе, что „Ксенія Годунова была отведена въ домъ князя Масальскаго“. По ясности его можно сравнить развѣ съ знаменитымъ résumé Иловайскаго, (крат. курсъ): „Людовикъ XVI былъ добродушенъ, но слабохарактеренъ и умеръ на эшафотѣ“.

Если авторъ, по его словамъ, не хотѣлъ давать связнаго курса, а желалъ „познакомить учениковъ лишь съ главнѣйшими дѣятелями и событіями родной исторіи“, то не надо бы вовсе упоминать объ Екатеринѣ I и Петрѣ II, а если и упомянуть, то разсказать бы при этомъ интересныя

біографіи Меншикова и Натальи Долгорукой; эти двѣ замѣчательныя жизни производятъ всегда сильное впечатлѣніе на дѣтей. Вообще, эпизодическій курсъ только и можно себѣ представить, какъ рядъ живыхъ и яркихъ образовъ на фонѣ культурныхъ очерковъ. Между тѣмъ, какъ блѣдно обрисованъ здѣсь хотя бы Влад. Мономахъ. Внѣшность книжки тоже не можетъ назваться удовлетворительной, но, впрочемъ, за такую дешевую цѣну нельзя и ожидать ничего лучшаго. Жаль, что учебникъ снабженъ иллюстраціями; онѣ дѣйствительно иллюстрируютъ событіе, когда онѣ хороши, но плохія картинки только вызываютъ смѣхъ и недоумѣніе и, стало быть, вредятъ дѣлу. Что толку въ такомъ изображеніи (см. „Присоединеніе Малороссіи“), гдѣ малороссы (должно быть, въ припадкѣ энтузіазма) хватаются за крыши домовъ.

Н. Леонтьева.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

А. В. Зеленинъ. Очеркъ изъ животнаго царства. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 1 р.

Вас. Брусянинъ. Ни живое—ни мертвое. (Очерки петербургской жизни). Ц. 1 р.

Н. Березинъ. Въ странѣ жажды. Ц. 50 коп.

Изд. А. Ф. Девріена.
- Г. К. Дорофеевъ. Кавказскія сказки.
- В. П. Миллеръ. Аквваріумъ. Ц. 1 р. 35 коп.
- С. Васюковъ. Край гордой красоты. Кавказское Черноморское побережье. Ц. 2 р.
- О. М. Коржинская. Индійскія сказки.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв. Америк. Соедин. Штатахъ. Томъ I. Ред. Е. Смирнова. Изд. Н. Глаголева Ц. 2 р. 25 коп.

Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ Перев. съ франц. съ предисл. проф. А. Ѳ. Фортунатова. Изданіе Д. С. Горшкова Ц. 1 р.

Э. Ѳ. Эрдманнъ. Пролегомена къ общей теоріи „понятій“ на эмпиріокритическомъ основаніи.

М. Петровичъ. По Черногоріи.

Мих. Могилянскій. „Тина“. Драма въ 3-хъ дѣйств. прилож. къ журн. „Всемірный Вѣстникъ“.

Лика. „Гирлянда розъ“ и др. разсказы. Ц 50 к.

И. Гриневскій. Записки рабочаго.

Э. Р. Циммерманъ. Путешествіе вокругъ свѣта. Для русск. юнош. Изд. К. Н. Николаева. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Богрова. Персія и персы. Изд. Историч. Комиссіи Учебн. отд. О-ба распр. технич. знаній. Ц. 20 к.

И. И. Забрежневъ. Цѣна счастья. Изд. Г. Г. Арнщенко. Ц. 70 к.

П. Ю. Шмидтъ. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Изд. О. Н. Поповй.

А. Гудванъ. Приказчики въ Одессѣ. Изд. Ф. М. Максимова. Ц. 20 к.

А. Каррикъ. Фабіола или церковь въ катакомбахъ. Перев. съ англ. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 80 коп.

А. Іонинъ. По Южной Америкѣ. Обработ. для юнош. Е. Лазаревской. Изд. т-ва „Общественная Польза" Ц. 3 р. 50 к.

Ѳ. Ѳ. Тищенко. Какъ учитъ писать гр. Л. Н. Толстой? Ц. 20 коп

С. Гликманъ. О борьбѣ съ пылью. Изъ „Журнала О-ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова".

Каталогъ книжнаго склада Саратовскаго губернскаго земства. Ц. 40 к.

М. Фридманъ. Общества сельскихъ хозяевъ въ деревнѣ. Подъ ред. проф. И. Озерова. Изд. Московскаго стол. попечит. о народн. трезвости. Ц. 6 коп.

Изд. 1-го Московск. О-ва трезвости, подъ ред. врача А. М. Коровина.

Врачъ Н. П. Щаповъ. Перев. съ франц. „Въ пріемной врача". Ц. 5 коп. Врачъ Е. И. Войновъ. Пятилѣтіе 1-го Московскаго о-ва трезвости. 1896—1900 гг. Ц. 5 коп. Проф. М. Кассовичъ. Не давайте ни капли алкоголя дѣтямъ. Ц. 3 коп. Магдалина. Перев. съ франц. Ц. 5 коп. Д-ръ А. М. Коровинъ. Цѣли и задачи О-въ трезвости. Ц. 8 коп.

П. М. Шестаковъ. Образовательныя учрежденія и грамотность рабочихъ на мануфактурѣ т-ва „Эмиль Цинделъ" въ Москвѣ. Ц. 15 коп.

Аделаида Ристори. Этюды и воспоминанія. Перев. Ек. Б-вой. Изд. А. С. Суворина. Ц. 1 р.

С. Р. Минцловъ. Въ грозу. Истор. пов. изъ эпохи Петра Великаго. Изд. О. Н. Поповй. Ц. 1 р.

Политехническій музей. Учебный отдѣлъ. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ за 1902 г.

Треплевъ. Молодое сознаніе. Этюдъ о В. Г. Короленко. Изд. В. М. Сабина. Ц. 40 к.

Петръ Клунный. Вопросы жизни. (Страхованія). Его-же. Сборникъ стихотвореній учениковъ Гадячскаго 4-хъ классного городскаго училища.

В. Г. Вальтеръ. Опера М. И. Глинки. „Русланъ и Людмила". Ц. 80 коп.

Анри Пуанкаре. Наука и Гипотеза. Полный перев. съ франц., съ предисл. проф. Н. А. Умова. Ц. 1 р. 50 к.

Отчеты Тифлисской Комиссіи народныхъ чтеній за 1899—1900 и 1901—1902 гг.

Уставъ Харьковскаго Общества взаимнаго вспомощенія трудящихся женщинъ.

---

12 мѣс. 5 р., 11 мѣс. 4 р. 70 к., 10 мѣс. 4 р. 30 к., 9 мѣс. 4 р., 8 мѣс. 3 р. 70 к., 7 мѣс. 3 р. 40 к., 6 мѣс. 3 р., 5 мѣс. 2 р. 60 к., 4 мѣс. 2 р. 20 к., 3 мѣс. 1 р. 70 к., 2 мѣс. 1 р. 20 к., 1 мѣс. 75 к. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи: Минскъ губ. (телефонъ № 229) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новое обозрѣніе ежедневная политическая и литературная газета, XX-ый годъ изданія. Условія подписки съ доставкой и пересылкой: 12 мѣс. 7 руб. На 6 мѣс. 4 р. Допускается разсрочка платежа: къ 1-му января—4 руб., къ 1-му іюня—3 руб. Подписка принимается не иначе, какъ считая съ 1-го числа каждаго мѣсяца—въ Тифлисѣ въ конторѣ газеты, Барятинская ул., д. № 8. Для сельскихъ учителей, народныхъ и школьныхъ библіотекъ и благотворительныхъ учрежденій сдѣлана скидка: годовая плата для иногороднихъ—6 руб., для городскихъ—5 руб.

Южное обозрѣніе 8-й годъ изданія (политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета), выходящая въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ иллюстраціями въ текстѣ (рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.). За пять лѣтъ существованія „Южное обозрѣніе“ вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ. Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи. Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р. На города (съ пер.) на годъ 8 р. Допускается разсрочка платежа. Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная улица, соб. домъ.

Редакторъ *Н. И. Цакни*. Издатель *Г. М. Бейленсонъ*.

Сѣверный Край ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Областной органъ Архангельской, Владимірской, Вологодской, Костромской, Ярославской, ближайшихъ уѣздовъ смежныхъ губерній: Тверской, Новгородской, Олонецкой и Вятской, издаваемый въ г. Ярославлѣ. Изданія годъ шестой. Подписная цѣна на газету безъ доставки и пересылки въ г. Ярославлѣ, на годъ 7 р. Съ доставкой и пе-

ресылкой во всѣ мѣста Россіи, на годъ 8 р. Сельскіе священники и другіе члены причта, учительскій персоналъ народныхъ училищъ, волостные писаря и воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній за пересылку не платятъ.

За издателя наслѣдники *Э. Г. Фалькъ.*
За редактора *В. М. Михеевъ.*

Бакинскія Извѣстія большая ежедневная съ полной программой, выходящая въ Баку, газета подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ, на годъ 7 р. Для иногороднихъ 8 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель *Н. А. Гриневъ.*

Саратовскій Листокъ 42-й годъ изданія. Подписная цѣна съ доставкою въ Саратовѣ и въ Покровской сл. на годъ 7 р. Съ пересылкою въ другіе города. На годъ 8 р. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге; въ г. Вольскѣ у И. Ѳ. Волкова.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*
Издатель *И. П. Горизонтовъ.*

Нижегородскій листокъ въ 1904 году. Двѣнадцатый годъ изданія. „Нижегородскій листокъ“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ Нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то-же время широкое мѣсто интересамъ государственной и общественной жизни всей Россіи. Подписка принимается: 1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Главной конторѣ „Нижегородскаго листка“, Большая Покровка, домъ Приспѣшникова. 2) Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы „Нижегородскаго Листка“ при конторѣ Н. Печковской—Петровская линія, 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ, въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°. Подписная цѣна для иногороднихъ подписчиковъ на годъ—8 р., на полгода 4 р. 50 к.

„Кіевскіе Отклики“ Литературно-политическая, экономическая и общественная газета съ иллюстраціями и каррикатурами. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 8 руб. Издатель: *Г. Александровскій.* Редакторы: *И. Александровскій* и *Г. Александровскій.*

II. 1904.

[О]БРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ,

научно-популярный

и

ПЕДАГОГИЧЕСКІИ

№ 2.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 23 Февраля 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ № 2.

Братъ Андрей..

(ПОВѢСТЬ).

I.

— Онъ сегодня опоздалъ?

— Сегодня-же четвергъ.

— Ахъ, да! По четвергамъ у нихъ засѣданіе. .

— А сегодня какое-то особенное. Вы знаете, онъ, вѣдь, строитъ больницу въ Рахмановкѣ.

— Ну да, это еще съ марта...

— Да, уже внѣшнія части окончены, зданіе выведено, а на внутреннюю отдѣлку ему даютъ слишкомъ мало. Онъ выходитъ изъ себя.

— Михаилъ Петровичъ выходитъ изъ себя? Не могу этого представить...

— Ну да, разумѣется, онъ не лѣзетъ на стѣну, не пускаетъ изо рта пѣну, не топаетъ ногами. Но ему это непріятно. Такъ вотъ сегодня этотъ вопросъ...

Разговоръ шелъ между двумя дамами. Одна—худенькая сѣдая старушка съ очень пріятнымъ благообразнымъ и добрымъ лицомъ, хозяйка дома, мать Михаила Петровича Образнова, члена уѣздной земской управы; другая—молодая дѣвушка съ красивымъ румянымъ лицомъ, пышущимъ здоровьемъ, съ чудными золотистыми волосами, непокорно, назойливо свѣшивавшимися и на виски, и на лобъ. Ее звали Александрой Васильевной Границкой, а въ этомъ домѣ просто—Сашей.

Здѣсь она была каждодневной гостьей, а въ обѣденный часъ находилась въ этомъ домѣ всегда, какъ бы по обязанности.

Уѣздный городъ былъ невеликъ, жители знали другъ друга въ лицо и каждый могъ разсказать біографію своего ближняго.

Притомъ же, такъ какъ граждане дорожили честью своего города, то каждый тщательно слѣдилъ за жизнью другого и, благодаря этому, взаимныя отношенія гражданъ между собой были точно опредѣлены, а малѣйшее колебаніе или перемѣна въ нихъ немедленно отмѣчались на страницахъ нигдѣ ненапечатаннаго формуляра, который, передаваясь изъ устъ въ уста, переживалъ нѣсколько поколѣній гражданъ.

Поэтому и то обстоятельство, что дочь стараго учителя исторіи и географіи въ мѣстной прогимназіи, Александра Васильевна Границкая, каждый день бывала у члена уѣздной земской управы Образнова, не осталось безъ отмѣтки и комментаріевъ.

Это далеко еще оставалось вопросомъ, объяснились-ли во взаимной любви Михаилъ Петровичъ и Александра Васильевна, былъ ли у нихъ какой нибудь разговоръ о бракѣ и вообще касались-ли они этого вопроса. Но въ формулярѣ ихъ это было занесено самымъ точнымъ образомъ, и въ городѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что Александра Васильевна приходится Образнову невѣстой.

Обстоятельство это, однако жъ, не только ни съ чьей стороны не вызывало протеста, а, напротивъ, всѣми одобрялось. Всѣ находили, что они вполнѣ подходятъ другъ для друга и что это будетъ прекрасная пара. Приводили даже доказательства этого, и вполнѣ удовлетворительныя. Такъ, говорили, что оба они, Образновъ и Александра Васильевна, люди здоровые, дѣятельные и скромные.

Относительно дѣятельности Образнова, конечно, существовали достаточныя данныя, такъ какъ онъ, несмотря на свои тридцать два года, уже нѣсколько лѣтъ состоялъ земскимъ гласнымъ и членомъ уѣздной земской управы, завѣдуя въ ней школами и больницами уѣзда. Что-же касается Александры Васильевны Границкой, то, право, трудно сказать, на какіе источники опирался формуляръ, приписывавшій ей дѣятельный характеръ.

Отъ роду ей было всего двадцать лѣтъ. Ученіе она кончила года два тому назадъ, когда пріѣхала изъ губернскаго города, гдѣ прошла гимназію съ восьмымъ классомъ. И эти два года она жила у своего отца, стараго учителя прогимназіи, давно уже овдовѣвшаго и въ ея отсутствіе жившаго на положеніи стараго холостяка.

Она жила у отца и, надо сказать правду, ничего не дѣлала. Послѣдніе мѣсяцы шла рѣчь о томъ, чтобы Александрѣ Васильевнѣ заняться не то учительствомъ, не то бухгалтеріей,—она и сама не знала, къ чему у нея больше призванія. Но пока

она жадно читала книги—рѣшительно всѣ, какія находились въ мѣстной библіотекѣ для чтенія, и бесѣдовала о прочитанномъ съ Михаиломъ Петровичемъ Образновымъ, отдавая этому дѣлу по нѣсколько часовъ кряду. Споры ихъ, впрочемъ, были мирные, тихіе, безъ замѣтныхъ вспышекъ и повышеній голоса, и въ нихъ Образновъ, давно уже перечитавшій эти книги и, такимъ образомъ, закончившій циклъ своего развитія, игралъ роль авторитета, противъ котораго едва-едва рѣшалась подавать голосъ Александра Васильевна. Но, очевидно, и это было ей зачислено въ «дѣятельность» и даже занесено ея согражданами въ формуляръ.

Жизнь въ квартирѣ Образновыхъ шла чрезвычайно правильно и мирно. Михаилъ Петровичъ всей душой предавался земскому дѣлу, два-три дня въ недѣлю отдавалъ разъѣздамъ по уѣзднымъ больницамъ и школамъ, а остальное время жилъ въ городѣ.

Часовъ въ одиннадцать онъ уходилъ въ управу и тамъ просиживалъ до четырехъ, а послѣ четырехъ приходилъ домой, обѣдалъ, немного отдыхалъ, а вечеромъ прочитывалъ журналы, иногда книги и непремѣнно бесѣдовалъ съ Александрой Васильевной.

Иногда сюда являлся старый Границкій—характерная фигура, представитель того времени, когда люди были крѣпки и несокрушимы,—плотный, коренастый старикъ съ розовыми щеками и отлично сохранившимися, хотя и побѣлѣвшими, густыми волосами, стриженными ежомъ, съ бѣлыми зубами съ внятнымъ звонкимъ голосомъ, которымъ онъ образцово преподавалъ исторію и географію.

Онъ, однако, рѣдко вмѣшивался въ споры молодыхъ людей, а только слушалъ ихъ, иногда позволялъ себѣ вздремнуть тутъ-же, сидя въ креслѣ, а иногда слушалъ ихъ часъ, другой, качалъ головой и говорилъ:

— Ахъ, ахъ! Погляжу я на васъ, какая вы удивительная пара, какъ это вы обо всемъ говорите и мыслите спокойно, разсудительно! Не умѣлъ я такъ въ ваши годы... Да вотъ сейчасъ—Саша говоритъ ересь, ну видимую ересь... Да я на вашемъ мѣстѣ, Михаилъ Петровичъ, прямо, на стѣну полѣзъ бы, а вы, точно запивая только что съѣденную конфекту лимонадомъ, спокойно замѣчаете:—позвольте мнѣ съ вами не согласиться, Александра Васильевна... Ахъ, ахъ...

— Нѣтъ надобности тратить огонь на слова, Василій Николаевичъ,—спокойно и мягко возражалъ на это Образновъ:—огонь нуженъ на дѣло...

И дѣйствительно про Образнова всѣ говорили, что онъ

удивительный работникъ. Школамъ своимъ и больницамъ онъ отдавалъ душу. Дѣло у него было поставлено образцово. Интересы своихъ учрежденій въ управѣ и на земскихъ собраніяхъ онъ защищалъ до послѣдней возможности, хотя и это дѣлалъ очень спокойно, корректно и мягко. Противъ этого по существу ничего не могъ возразить старикъ Границкій.

На этотъ разъ уже было половина пятаго, а Михаилъ Петровичъ все еще былъ въ управѣ. Прибѣжалъ оттуда сторожъ и, по порученію Михаила Петровича, сообщилъ старухѣ, его матери, что Михаилъ Петровичъ задержится часовъ до пяти и проситъ ее не безпокоиться.

— А что тамъ они дѣлаютъ?—спросила сторожа Марья Григорьевна Образнова.

— Спорятъ очненно круто спорятъ. Особенно предсѣдатель нашъ, Платонъ Платоновичъ. А Михаилъ Петровичъ все имъ доказываютъ, доказываютъ, и надо полагать, что къ пяти часамъ докажутъ.

Увѣренность сторожа была основана на многочисленныхъ примѣрахъ прошлаго. Образновъ дѣйствительно никогда не соглашался покинуть управу раньше, чѣмъ докажетъ что нибудь свое. Шелъ на бой онъ обыкновенно хорошо вооруженный, подкрѣпленный фактами и цыфрами, и очень рѣдко случалось, что онъ оставался побѣжденнымъ.

Въ пять часовъ скрипнула калитка, дамы взглянули въ окно и увидѣли вошедшую во дворъ довольно высокую, стройную фигуру Михаила Петровича. Онъ шелъ бодро, держалъ голову прямо и глаза его смотрѣли ясно и спокойно. Онъ поднялся на ступеньки крыльца, отперъ дверь собственнымъ ключомъ, который былъ у него въ карманѣ, и вошелъ въ квартиру.

— Ну что? Побѣдили?—спросила его Александра Васильевна своимъ звучнымъ и ровнымъ голосомъ.

— Побѣдилъ, побѣдилъ. Это стоило мнѣ много пороху!— отвѣтилъ изъ передней Михаилъ Петровичъ, и у него голосъ былъ тоже звучный, увѣренный и ровный.

Онъ вошелъ, протянулъ руку Александрѣ Васильевнѣ, поцѣловалъ мать и сейчасъ же всѣ направились въ столовую, гдѣ все было готово.

Задымился супъ, чинно застучали тарелки, начался обѣдъ. Михаилъ Петровичъ, видимо, наслаждаясь и отдыхомъ, обѣдомъ, и милымъ, привычнымъ для него, обществомъ, ѣлъ с аппетитомъ и въ то же время неторопливо, безъ особеннаго волненія, съ нѣкоторымъ юморомъ разсказывалъ о томъ, как ему пришлось спорить съ предсѣдателемъ управы, Платоном

Платоновичемъ, который вѣчно думаетъ объ экономіи, вѣчно что-то сберегаетъ и поэтому тормозитъ дѣло.

— Ахъ, да,—вдругъ вспомнилъ Михаилъ Петровичъ,—у меня въ карманѣ какое то письмо... Сторожъ ткнулъ мнѣ его при выходѣ, а я такъ торопился къ вамъ, что даже на почеркъ не взглянулъ.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана конвертъ съ загородной маркой и взглянулъ на надпись. Секунды три онъ смотрѣлъ и думалъ, а затѣмъ вдругъ ударилъ себя по лбу.

— Да что же я смотрю? Мама, вѣдь, это почеркъ Андрея!

— Андрюшинъ? Да неужто?—воскликнула Марья Григорьевна

— Ну, конечно, такой замысловатый почеркъ можетъ быть только у него, хотя онъ измѣнился...

— Отъ Андрея Петровича? - спросила Александра Васильевна, почему то очень заинтересовавшаяся, —Покажите.

Михаилъ Петровичъ передалъ ей конвертъ.

— Да, странный почеркъ, —сказала Александра Васильевна: — неровный, не установившійся, точно дѣтскій.

— Слишкомъ рѣзкій для дѣтской руки,—замѣтилъ Михаилъ Петровичъ.— Однако, пора и прочитать... Что это мы все почеркъ изучаемъ,—прибавилъ онъ и, не спѣша, распечаталъ конвертъ.

— Вотъ какъ, вотъ какъ!—говорилъ онъ, прочитывая нѣсколько первыхъ строкъ и слегка даже хмуря брови.—Перемѣна въ судьбѣ...

— Опять перемѣна?—воскликнула Марья Григорьевна.

— Опять перемѣна, мама, и на этотъ разъ неблагопріятная... Вотъ слушай... Да и вы слушайте, Саша, сразу составите понятіе объ Андреѣ.

«Если ты, дражайшій мой братъ, звалъ меня пріѣхать къ себѣ неискренне, то будешь наказанъ, если же отъ чистаго сердца, то тѣмъ лучше, ибо въ самомъ скоромъ времени моя личность появится на стогнахъ родного уѣзднаго и пресквернаго городишки... Спросишь, почему? Самъ доподлинно не знаю. Дурной характеръ—вотъ единственное объясненіе, какое я могу дать. Но все равно, пріятно будетъ увидѣть старую голубятню, въ которой добрые мои родоначальники по неосторожности дали начало моему существованію .. Словомъ, дорогой мой братъ и дорогая мать, я ѣду къ вамъ и въ очень скоромъ времени пріѣду, если какое нибудь неожиданное наитіе не остановитъ меня гдѣ нибудь на срединѣ моей дороги—«съ милаго сѣвера въ сторону южную»... Прими же мѣры: припаси мнѣ кровать, а подушку и одѣяло привезу съ собой... Больше никакихъ приспособленій не надо, ибо мои требованія отъ жизни оста-

лись попрежнему незначительны. Обнимаю васъ обоихъ. Андрей».

Впечатлѣніе отъ этого письма было странное. Марья Григорьевна не выразила материнской радости по поводу того, что младшій сынъ ея обѣщаетъ пріѣхать, а, вѣдь, онъ лѣтъ семь уже не былъ около нея. Нѣтъ, другія мысли и чувства пробудило въ ней это письмо.

Андрей былъ на пять лѣтъ моложе Михаила. Гимназію онъ проходилъ въ губернскомъ городѣ. Странный это былъ мальчикъ. Онъ походилъ на отца—такой же болѣзненный, такой же капризный, неровный характеръ.

Покойный мужъ ея не сдѣлалъ никакой карьеры. Всю свою недолгую жизнь онъ подавалъ надежды и про него всегда говорили, что «если-бы онъ захотѣлъ, то могъ бы»—многое могъ бы онъ. Но онъ не хотѣлъ, и всю жизнь перебивался, и они бѣдствовали.

Андрей въ гимназіи былъ ея мученіемъ. Постоянныя недоразумѣнія съ начальствомъ, непрестанныя замѣчанія, жалобы, угрозы исключить. При этомъ всегда неизмѣнно прибавляли: «вашъ сынъ способный, о, онъ поразительно способный мальчикъ, и если бы хотѣлъ»..

Но Андрей не хотѣлъ и съ величайшимъ трудомъ переползалъ изъ класса въ классъ. Но вдругъ въ седьмомъ классѣ на него нашло какое-то бѣшеное тщеславіе. Кажется, въ это время начали сомнѣваться въ томъ, что онъ «можетъ, если захочетъ», его репутація пошатнулась, потому что онъ слишкомъ долго не хотѣлъ, и онъ взялъ да и захотѣлъ.

Онъ приналегъ на науки, подзубрилъ то, что было пропущено раньше,—память у него была замѣчательная—и два послѣдніе года у него были сплошныя пятерки. На экзаменѣ зрѣлости онъ забилъ всѣхъ товарищей и получилъ золотую медаль. Тогда ожили надежды Марьи Григорьевны.

Андрей уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ поступилъ въ университетъ. Но здѣсь началось что-то несуразное. Онъ мѣнялъ факультеты. То онъ набрасывался на филологію, зарывался въ публичной библіотекѣ, почти не выходилъ оттуда. Но проходилъ годъ, смотришь—ему это уже надоѣло, онъ уже ходилъ въ химическую лабораторію и тамъ упивался парами разныхъ фторовъ и іодовъ.

Бросался онъ и на математику, и на медицину, пробовалъ свои силы даже въ живописи, и всюду говорили, что у него есть способности, но ничего не выходило.

Пятый годъ послѣ того, какъ онъ поступилъ въ университетъ, былъ самый ужасный. Онъ пересталъ писать домой,

но о немъ присылалъ свѣдѣнія его товарищъ. Андрей впалъ въ какое-то мучительное состояніе меланхоліи и даже покушался убить себя.

Но и это прошло. Онъ окончательно бросилъ университетъ, ни разу не перейдя на второй курсъ. Цѣлый годъ болтался онъ, ровно ничего не дѣлая. Изъ дома присылали ему маленькую помощь, онъ выпивалъ и бывалъ пьянъ, ходилъ иногда въ рубищахъ и имѣлъ видъ опустившагося человѣка.

Но однажды онъ остепенился, засѣлъ въ какой-то жалкой меблированной комнатѣ и не выходилъ оттуда съ мѣсяцъ. Плодомъ этого сидѣнья было литературное произведеніе, похожее на повѣсть, но что-то странное, дикое. Однако-жъ его прочитали всѣ, кто только заглядываетъ въ журналы, и всѣ нашли это страннымъ и дикимъ, но талантливымъ, и имя Образнова сразу выплыло на поверхность.

Но славу свою онъ не поддержалъ и больше ни одной вещи не далъ. Ему помогли занять спокойное и прилично оплачиваемое мѣсто чего-то въ родѣ архиваріуса въ какомъ-то частномъ учрежденіи. Онъ ходилъ туда исправно, ничего не дѣлалъ и получалъ жалованье.

И вдругъ вотъ это извѣстіе. Онъ ѣдетъ домой изъ за «дурного характера». Марья Григорьевна получила отъ него рядъ огорченій, но думала, что теперь онъ образумился и сохранитъ за собой мѣсто. И вотъ разочарованіе.

И какъ это странно устроено: Михаилъ весь въ нее — здоровъ тѣломъ и душой, хорошій работникъ, добрый, честный, полезный, уважаемый. А Андрей весь въ отца, съ отцовской слабой грудью, съ отцовскими перепутанными нервами. И жизнь его такая же мучительная, какою была жизнь ея покойнаго мужа. Какъ не огорчиться, какъ не нахмуриться!

Ну а все-таки было для нея удовольствіе въ томъ, что она увидитъ младшаго сына,— и она начала приготовляться къ его пріѣзду.

Отвели комнату, поставили кровать, повѣсили занавѣску, устроили туалетный столикъ. Вышла милая уютная комната. И стали ждать телеграммы отъ Андрея.

II.

Но Андрей телеграммы не прислалъ. Онъ довольно долго не пріѣзжалъ. Уже много сроковъ прошло.

Уѣздный городъ соединялся съ остальнымъ міромъ при помощи особаго рода экипажа, носившаго названіе «дилижанса» или просто «фуры». Это былъ длинный ящикъ на колесахъ,

накрытый сверху пологомъ. Подъ этимъ пологомъ помѣщалось человѣкъ десять пассажировъ.

Фура два раза въ недѣлю тащилась въ губернскій городъ, верстъ за сорокъ и пріѣзжала оттуда обратно. На такой фурѣ однажды пріѣхалъ и Андрей.

Въѣхавъ въ предѣлы города, фура обыкновенно долго разъѣзжала по улицамъ, останавливаясь у воротъ домовъ, и изъ нея вылѣзали пассажиры, таща за собой чемоданы и узлы То же самое произошло и теперь.

Стояло чудное утро конца южнаго мая. Едва только разсвѣтало и солнце еще не взошло. На городскомъ базарѣ начали шевелиться торговки, открывая и приводя въ порядокъ свои лари и корзины съ живностью, свѣжей, соленой и вяленой рыбой, овощами и бубликами, всѣмъ тѣмъ, что требовалось для питанія гражданъ.

Розовая дымка влаги, носившаяся надъ городомъ, предчувствуя скорое появленіе на небѣ солнца, быстро таяла. Въ нѣкоторыхъ домахъ отворялись ставни, городъ просыпался.

И вотъ именно въ этотъ часъ на городскихъулицахъ, никогда не знавшихъ мостовыхъ, ведя за собой густое облако пыли, появилась фура. Гулъ отъ ея тяжелыхъ колесъ заставлялъ дрожать одноэтажные домики, обыватели испуганно открывали глаза и волей-неволей начинали свой день.

Запряженная четверней, фура безпрепятственно мчалась, подпрыгивая на кочкахъ и ныряя въ глубокія ямы. Некрасиво высматривала эта колымага, но отъ нея вѣяло жизнью, чѣмъ то освѣжающимъ, обновляющимъ. Она нарушала тихое прозябаніе уѣзднаго города и своимъ гуломъ, въ которомъ было что-то смѣлое и властное, и новыми лицами, прибывшими изъ губернскаго города, который былъ соединенъ съ остальнымъ міромъ желѣзной дорогой. Пріѣзжіе, хотя они и принадлежали большею частью къ составу гражданъ уѣзднаго города, все таки, побывавъ въ губернскомъ, до извѣстной степени пріобщались къ міровой жизни и привозили съ собой новости.

Часа въ четыре утра фура появилась на той улицѣ, гдѣ стоялъ маленькій домикъ Михаила Петровича Образнова. Передъ воротами фура остановилась. Изъ нея вышелъ высокій худощавый господинъ въ длинномъ балахонѣ безъ рукавовъ.

Погонщикъ подалъ ему маленькій чемоданъ съ привязанными къ нему ремнями подушкой и одѣяломъ, а онъ, пошаривъ въ карманѣ, отдалъ погонщику деньги—плату за свой проѣздъ.

Фура покатилась дальше, а худощавый человѣкъ въ тем-

номъ, сильно помятомъ балахонѣ и черной поярковой шляпѣ съ широкими полями неторопливо вошелъ черезъ калитку во дворъ и положилъ свой чемоданъ на землю.

Онъ оглядѣлся, присмотрѣлся къ окружающему и прежде всего замѣтилъ, что во всемъ домѣ ставни затворены. Тогда онъ, стараясь не стучать сапогами, поднялся съ своимъ чемоданомъ на крыльцо, положилъ его въ уголкѣ около двери, а самъ опять спустился и вышелъ изъ двора.

Въ рукѣ у него оказалась толстая палка съ крючкомъ, за который онъ держалъ ее. Раньше она пряталась подъ балахономъ и ея не было видно.

Онъ пошелъ по улицамъ, повидимому, безъ всякой цѣли, потому что шелъ неторопливо, съ развалкой, часто поднимая голову и осматривая попадавшіяся на пути зданія. Его внѣшній видъ выдавалъ его. Никто такъ не одѣвался въ уѣздномъ городѣ. Такого балахона нельзя было-бы найти здѣсь за большія деньги. Обыватели ходили въ пиджакахъ или просто въ однихъ жилетахъ, потому что кончалась уже теплая весна и начиналось жаркое знойное лѣто.

Но и помимо балахона, если бы пріѣзжій былъ одѣтъ, какъ одѣвались всѣ въ уѣздномъ городѣ, каждый прохожій остановилъ бы на немъ свое вниманіе. У него было странное лицо. Такихъ лицъ не водилось въ уѣздномъ городѣ.

Большой, нѣсколько выпуклый лобъ, горящіе свѣтлые глаза, тонкая линія губъ, которыя часто усмѣхались, повидимому, безъ всякой причины, длинная острая не густая бородка, щеки впалыя и блѣдныя. Такихъ лицъ не было въ уѣздномъ городѣ.

Да и, кромѣ того, всѣ лица, какія были въ уѣздномъ городѣ, всѣмъ обывателямъ были извѣстны досконально. Поэтому всѣ останавливались и смотрѣли на него и думали: это пріѣзжій.

А онъ прошелъ по нѣсколькимъ улицамъ, завернулъ на базаръ, гдѣ началось уже движеніе. потомъ вышелъ за городъ и тамъ гулялъ въ пригородномъ плохенькомъ лѣскѣ.

Часовъ у него въ карманѣ не было, поэтому онъ посматривалъ на солнце, очевидно, стараясь по его высотѣ опредѣлить время. А солнце поднялось уже высоко и палило изрядно. Балахонъ. сталъ стѣснять его; онъ снялъ его и повѣсилъ на руку. Пришлось снять и шляпу, которая обременяла голову.

И теперь, когда онъ возвращался черезъ городъ, обыватели же видѣли менѣе странную фигуру. но все-таки останавливались передъ нимъ и глазѣли.

Онъ, наконецъ, добрался до жилища Михаила Петровича Образнова, опять вошелъ во дворъ и взглянулъ на окна. Ставни были отворены. Но чемоданъ его лежалъ на крыльцѣ въ томъ

самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ его положилъ. Изъ этого онъ заключилъ, что хозяева еще не выходили изъ дома.

Тогда онъ счелъ себя въ правѣ дернуть звонокъ, и въ передней раздался настоящій трезвонъ. Оказалось, что и Михаилъ Петровичъ, и Марья Григорьевна уже встали и сидѣли въ столовой за вкусно сервированнымъ чайнымъ столомъ, не подозрѣвая, что на крыльцѣ все утро лежали пожитки петербургскаго гостя.

Произошла встрѣча, родственные поцѣлуи, заговорили по родственному, пеняя на пріѣзжаго за то, что онъ не разбудилъ ихъ,—словомъ, все происходило, какъ слѣдуетъ.

Но Марья Григорьевна скоро вышла въ другую комнату и тамъ позволила своимъ глазамъ прослезиться, вытерла ихъ и опять вернулась. Ничего огорчительнаго не сказалъ ей гость. Онъ былъ веселъ, разсказывалъ разныя маленькія приключенія, которыя случались съ нимъ въ дорогѣ, передавалъ свои впечатлѣнія отъ уѣзднаго города, который изучалъ все утро, шутилъ, острилъ и смѣялся, а ей отъ всего этого почему то было больно.

Не нравится ей тонъ, которымъ говорилъ Андрей; что то неестественное было въ его голосѣ, какой то надрывъ. Не нравилось ей и то, какъ иногда, повидимому, безъ всякой причины, загорались его глаза, загорались и вдругъ потухали. Не по душѣ ей было и то, какъ онъ одѣтъ. Рядомъ съ Михаиломъ, на которомъ все было чистое, аккуратное, благопристойное, сидѣлъ Андрей въ мягкой не свѣжей рубашкѣ, въ короткомъ пиджачкѣ, точно съ чужого плеча, сильно стоптанныхъ сапогахъ. Нехорошо, нехорошо.

И она знала, что съ нимъ даже нельзя говорить объ этомъ. Она должна бы предложить ему перемѣнить бѣлье. Но она знала, что онъ болѣзненно обидчивъ. Сейчасъ ему покажется упрекъ или презрѣніе. Всегда такъ было и, должно быть, это не измѣнилось. Ни изъ чего не видно, чтобы измѣнился онъ.

Странное положеніе матери и брата, которые не смѣли спросить пріѣзжаго о его дѣлахъ, о причинѣ внезапнаго пріѣзда и должны были ждать, пока онъ самъ начнетъ разсказывать. А онъ и не думалъ разсказывать. Онъ предпочиталъ узнавать о томъ, какъ живутъ родные.

— Ну, какъ же? Ты—гласный? Членъ управы?—говорилъ онъ съ странной, какъ будто иронической, усмѣшкой обращаясь къ брату.—Свершаешь гражданскій долгъ или служишь меньшому брату?—Кажется, такъ это называется?

— Не свершаю и не служу,—мягко, примирительно отвѣтилъ Михаилъ Петровичъ,—а просто работаю и зарабатываю средства къ жизни. Мнѣ, вѣдь, платятъ жалованье.

— Много?

— Двѣ тысячи въ годъ.

— А... Со стороны меньшого брата это благородно. Значитъ, я могу у тебя позаимствоваться на сапоги, — видишь, у меня сапоги какъ стоптались. Впрочемъ, это я не для себя, а для васъ, — боюсь, что въ такомъ видѣ буду компрометтировать васъ, не правда ли?

— Ты можешь распорядиться моими деньгами, какъ своими, Андрей, — сказалъ Михаилъ Петровичъ. — Вотъ возьми, сколько тебѣ надо, и купи...

— Благодарю.

Было тяжело и Михаилу Петровичу, и Марьѣ Григорьевнѣ. Андрей, видимо, былъ очень голоденъ и съ необыкновеннымъ аппетитомъ ѣлъ все, что было на столѣ и пилъ вмѣстѣ и кофе, и чай. Было уже половина одиннадцатаго. Михаилъ Петровичъ началъ собираться на службу. Въ это время въ передней кто то позвонилъ. Михаилъ Петровичъ отправился туда и встрѣтилъ Александру Васильевну. Это былъ странный для нея часъ. Она никогда такъ рано не приходила.

— Такъ рано? — спросилъ онъ въ передней.

— Развѣ Андрей Петровичъ не пріѣхалъ? — спросила въ свою очередь Александра Васильевна.

— Да вы откуда знаете?

— Его видѣли въ городѣ рано утромъ. О, уже весь городъ знаетъ объ этомъ. Мнѣ сказала Наша кухарка.

Этотъ разговоръ они вели негромко, но передняя примыкала прямо къ столовой и тамъ было все слышно.

Александра Васильевна вошла и остановилась на порогѣ. Прищуривъ глаза, она пристально всматривалась въ лицо пріѣзжаго, который при ея появленіи поднялся съ мѣста.

— Это нашъ милый, добрый другъ — Александра Васильевна Границкая, — сказала Марья Григорьевна.

Александра Васильевна подошла къ нему и подала ему руку.

— Это кстати, что вы пришли, Александра Васильевна, — сказалъ Михаилъ Петровичъ. — Мнѣ пора итти въ управу. Вотъ вы и познакомитесь съ Андреемъ. Вы такъ интересовались имъ...

И онъ скоро собрался, но вмѣстѣ съ нимъ стала собираться и Марья Григорьевна. Она хотѣла сама сходить на рынокъ, чтобы купить для обѣда что-нибудь особенное, по случаю пріѣзда младшаго сына.

Въ первыя минуты Александрѣ Васильевнѣ показалось, что положеніе ея затруднительно. Совсѣмъ незнакомаго человѣка

оставили, такъ сказать, на ея рукахъ. Онъ—гость и, значитъ, она должна занимать его. Но, вѣдь и она тоже гостья.

Главное же, что ей мѣшало, это нѣкоторыя предвзятыя свѣдѣнія объ Андреѣ. Она знала, что онъ не простъ, страненъ, болѣзненно обидчивъ, склоненъ къ вспышкамъ.

И все, что приходило ей въ голову, въ качествѣ первыхъ словъ для начала разговора, казалось ей неподходящимъ. И она молчала, въ то время, какъ онъ наливалъ самъ себѣ чай и дѣлалъ это неловко, проливая изъ ситечка на скатерть. Это ее выручило.

— Дайте, я вамъ налью... Вы, кажется, не умѣете,—сказала она.

— Благодарю васъ. Я вотъ налилъ неумѣчи,—отвѣтилъ Андрей и, взявъ стаканъ съ чаемъ, сѣлъ на свое прежнее мѣсто.—Вы здѣсь какъ своя?—спросилъ онъ.

— Да, мы очень дружны съ Михаиломъ Петровичемъ и съ Марьей Григорьевной,—отвѣтила Александра Васильевна.

— Съ обоими вмѣстѣ?

— Да, съ обоими.

— Вотъ и хорошо. Вы познакомите меня съ ними. Скажите, что они за люди?

Александра Васильевна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Вы спрашиваете меня такъ о вашихъ братѣ и матери?

— А что же? Вы съ ними близки, часто видитесь, а я не жилъ съ ними семь лѣтъ. Предполагается, что они, по крайней мѣрѣ, Михаилъ двинулся впередъ за это время... Вотъ я и думаю, что вы знаете его лучше, чѣмъ я. Когда я захочу узнать васъ, то спрошу у него. Я думаю, это разумно?..

— Пожалуй. Но что я могу сказать о нихъ?

— Развѣ они такъ ужъ незначительны, что о нихъ и сказать нечего?—спросилъ Андрей и усмѣхнулся. Усмѣшка у него была слегка ядовитая, но въ то же время красивая. Когда она ближе присмотрѣлась къ его лицу, то нашла въ немъ какія то новыя черты, почти неуловимыя, которыя дѣлали его привлекательнымъ. У него были прекрасные бѣлые, ровные зубы, которые, часто обнажаясь, придавали его рѣчамъ какой то странный блескъ.

— Нѣтъ, я этого не хочу сказать,—отвѣтила Александра Васильевна:—а просто.. мнѣ все въ нихъ кажется хорошимъ...

— А... Значитъ, отъ васъ не жди безпристрастія! Ну ка[…] однако-жъ, проводитъ жизнь Михаилъ Образновъ? Что е[…] увлекаетъ?

— Онъ съ увлеченіемъ занимается земскими школами [...] больницей...

— Съ увлеченіемъ? Развѣ можно съ увлеченіемъ заниматься подобными вещами?

— А почему же нѣтъ? Это хорошія дѣла... Надѣюсь, вы не станете отрицать это.

— Зачѣмъ же я сталъ бы отрицать?.. Но это ничего не значитъ... Спенсеръ очень хорошій писатель, но я еще не видалъ, чтобы кто-нибудь проливалъ надъ нимъ слезы. А еще что дѣлаетъ мой братъ?

— Школы и больницы отнимаютъ у него много времени. Иногда читаетъ журналы, газеты, часто мы съ нимъ бесѣдуемъ... Я надоѣдаю ему своими вопросами по поводу прочитанныхъ книгъ...

Андрей схватился обѣими руками.

— У-у, какъ все это страшно!—съ комическимъ ужасомъ произнесъ онъ.

— Страшно?—широко раскрывъ глаза, спросила Александра Васильевна.

— Еще бы! Часы идутъ... Дни, недѣли, мѣсяцы и даже годы низвергаются въ рѣку забвенія, а вы каждый день, побесѣдовавъ о прочитанномъ, расходитесь по своимъ домамъ и ложитесь въ постели съ пріятнымъ сознаніемъ, что не напрасно прожили день.

— Я не понимаю вашей ироніи, Андрей Петровичъ!—чуть-чуть нервнымъ голосомъ возразила Александра Васильевна.

— Ироніи тутъ нѣтъ. Это зависть. Ибо мнѣ это чувство недоступно. Я никогда еще не чувствовалъ, что не напрасно прожилъ день. Все кажется, что напрасно. Михаилъ—добрый малый, я это знаю. А вы его невѣста?

Александра Васильевна вспыхнула и какъ то вся выпрямилась.

— Почему вы это спрашиваете?—нѣсколько сухо промолвила она.

— А я не зналъ, что этого нельзя спрашивать. Я думаю, что спрашивать можно все, такъ точно, какъ можно не на все отвѣчать...

— Вотъ я не отвѣчу вамъ на это,—сказала Александра Васильевна, подавляя слегка непріятное чувство, которое вызывалъ въ ней его пренебрежительный тонъ.

— Ну, значитъ, я имѣю право самъ отвѣтить: да! Иначе, что же вамъ помѣшало бы сказать: нѣтъ!

— Отвѣчайте, какъ вамъ угодно,—дрожащимъ голосомъ сказала Александра Васильевна.

— Но вы за это сердитесь на меня?

— Н-нѣтъ нисколько... Но это меня непріятно волнуетъ...

Позвольте,—промолвила она тономъ человѣка, задѣтаго за живое,—если я начну спрашивать васъ, что вы за человѣкъ, кого вы любите,—вѣдь, вы не станете мнѣ отвѣчать на это?

— Почему же? Я отвѣчу, но это будетъ недостовѣрно. Ну, право же, я самъ не знаю, что я за человѣкъ. Иногда я кажусь себѣ замѣчательнымъ умомъ, который неоцѣненъ, а иногда глубокимъ ничтожествомъ, которое даже выбросить въ помойную яму—слишкомъ большая честь. Ну такъ при этихъ условіяхъ, что стоитъ мое мнѣніе обо мнѣ? А на вопросъ, кого я люблю, я могу отвѣтить: въ настоящее время... Да знаете ли что? Въ настоящій моментъ я люблю не только мать и брата, а весь уѣздный городъ. Да, да, не удивляйтесь... Въ душѣ есть такія щелочки, куда въ очень далекое, давнее время забрались впечатлѣнія, да такъ и остались тамъ долгіе годы... Поверхъ ихъ ложатся другія впечатлѣнія, которыя все нарастаютъ, какъ мусорная куча... Большею частью, вѣдь, это все мусоръ, всѣ эти такъ называемыя впечатлѣнія... И вдругъ случайный порывъ вѣтра сдуетъ все, всю кучу, и щелочка раскрылась и впечатлѣніе, пригрѣтое солнцемъ, ожило и заговорило... Вотъ это со мной случилось... Въ дѣтствѣ я бѣгалъ босикомъ по улицамъ этого города. Это было ужасно пріятно: бѣгать босикомъ безъ шапки, полоскаться въ лужахъ, швырять камушки въ голубей и въ прохожихъ, и въ окна сосѣднихъ домовъ... Поняли?

— Я поняла, а все таки вы не отвѣтили на мой вопросъ: что вы за человѣкъ?

— Не умѣю... Клянусь вамъ, не умѣю. У меня есть въ Петербургѣ пріятель Мамышевъ. Такъ вотъ онъ знаетъ, что я за человѣкъ, и часто опредѣляетъ это мнѣ, желая образумить меня, но я всегда забываю. Да и не важно. Я пришелъ и уйду, не оставивъ слѣда. Я, вѣдь, изъ тѣхъ, которые были званны, но не оказались избранными; это вамъ ничего не поясняетъ?

— Ровно ничего. А вотъ идетъ съ рынка Марья Григорьевна...—прибавила Александра Васильевна, взглянувъ въ окно.

Въ самомъ дѣлѣ, Марья Григорьевна, неся въ рукѣ кошелку и часто сѣменя старушечьими ногами, вошла въ калитку, но не поднялась на крыльцо, а прошла на черный ходъ.

Минуты черезъ двѣ она явилась въ столовую и объявила, что ей удалось купить необыкновенную индѣйку, которая будетъ сегодня къ обѣду.

III.

Нѣсколько дней уже прожилъ Андрей въ уѣздномъ городѣ и его присутствіе не ознаменовалось ничѣмъ замѣтнымъ. Онъ, правда, мало бывалъ дома. А все больше уходилъ за городъ и тамъ наслаждался природой.

Дома онъ ѣлъ и спалъ, прислушиваясь къ тому, что говорятъ, присматриваясь къ тому, что дѣлаютъ, смотрѣлъ на все какими то необыкновенно внимательными глазами, но самъ не высказывался.

Прошла уже недѣля. Михаилъ Петровичъ по обыкновенію съѣздилъ въ уѣздъ и посѣтилъ тамъ нѣкоторыя школы, побывалъ въ Рахмановкѣ, гдѣ строилась больница, участвовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ управы, гдѣ много спорилъ съ Платономъ Платоновичемъ, проводя свои взгляды, отстаивая свои проекты, послѣ чего приходилъ домой нѣсколько взволнованный, но въ теченіе обѣда незамѣтно остывалъ.

Въ первый четвергъ по пріѣздѣ Андрея, у Михаила Петровича Образнова собрались гости. Это называлось «очередной четвергъ». Каждый четвергъ извѣстный, довольно тѣсный кругъ людей собирался у кого-нибудь поочередно. Это все были представители интеллигенціи уѣзднаго города. Ихъ было не много: три члена управы, въ томъ числѣ и предсѣдатель, Платонъ Платоновичъ, съ которымъ Образновъ вѣчно спорилъ въ управѣ, но дружилъ въ частной жизни два-три учителя прогимназіи, въ ихъ числѣ и старикъ Границкій, владѣлецъ библіотеки для чтенія, который уже по одной своей професссіи причислялся къ интеллигенціи, хотя далеко не прочиталъ всѣ имѣвшіяся у него книги. Были еще земскій техникъ и земскій врачъ, и еще одинъ врачъ, занимавшійся частной практикой въ городѣ. Были двѣ учительницы городскихъ школъ.

У большинства были жены, которыя тоже принимали участіе въ этихъ вечерахъ; собирались рано, часамъ къ восьми, а расходились сейчасъ послѣ полуночи.

Вечеринки были чистенькія. На нихъ, какъ умѣли, обсуждали земскія событія, иногда захватывали и болѣе широкій кругъ, горячились, спорили, пили чай и ѣли соленую рыбу, икру и что-нибудь горячее. Водку и пиво пили умѣренно, считая неприличнымъ напиваться. Въ карты вовсе не играли.

Собственно до Образнова очередь еще не дошла, но всѣ очень хотѣли поближе посмотрѣть на петербургскаго пріѣзжаго, о которомъ много говорили въ уѣздномъ городѣ. И всѣ уговорили Михаила Петровича въ этотъ четвергъ позвать ихъ къ себѣ.

И вечерокъ состоялся. Андрей былъ тутъ, но сильно разочаровалъ уѣздныхъ интеллигентовъ. За чаемъ и потомъ во время оживленныхъ споровъ онъ молчалъ, не проронивъ ни одного слова, но видимо, внимательно, слушалъ и смотрѣлъ, какъ будто изучалъ.

Подали закуски, выпили по рюмкѣ, по другой, разговоръ сталъ живѣе, люди рѣшительнѣе.

И вотъ Платонъ Платоновичъ, предсѣдатель земской управы, съ которымъ такъ много спорилъ Михаилъ Петровичъ, рѣшился растормошить петербургскаго гостя.

— Андрей Петровичъ,—сказалъ онъ безъ всякихъ предисловій,—вотъ мы пришли посмотрѣть на васъ, да послушать васъ, а вы хоть бы слово сказали.

Андрей Петровичъ какъ то странно поднялъ брови и продержалъ ихъ такъ съ полминуты.

— Мнѣ нечего говорить, господа,—отвѣтилъ онъ, наконецъ.

— Какъ нечего? А вотъ мы всѣ цѣлый вечеръ говоримъ.

— Значитъ, у васъ есть о чемъ говорить... — сказалъ Андрей.

— Да неужели васъ не интересуютъ вотъ эти предметы, о которыхъ мы тутъ спорили? Сколько ихъ тутъ было: и школы, и больницы, и продовольствіе, и дороги, за что еще мы тутъ распинались, господа? И среди этого ничего не нашлось, что васъ интересовало бы?

— Нѣтъ,—очень твердо и просто отвѣтилъ Андрей.

На лицахъ у присутствующихъ выразилось недовѣріе, кто то сказалъ:

— Не можетъ быть; Андрей Петровичъ говоритъ это нарочно, чтобы заинтриговать насъ.

Земскій врачъ Изюмовъ, человѣкъ, не считавшійся добрымъ, любившій говорить ядовито и всегда немножко обидно для собесѣдниковъ, возвысилъ голосъ и замѣтилъ:

— Вотъ видите, господа, что значитъ безвыѣздно жить въ уѣздѣ! Очевидно, въ Петербургѣ давно уже совершились такія интересныя вещи, передъ которыми наши дѣла и всѣ наши заботы кажутся нулями.

Андрей взглянулъ на него и въ его глазахъ сверкнулъ холодный блескъ, но сейчасъ же погасъ. Александра Васильевна, сидѣвшая около врача Изюмова, тихонько сказала ему:

— Не говорите съ нимъ такъ, онъ болѣзненно раздражителенъ. Не задѣвайте его.

— Помилуйте, Александра Васильевна, онъ смѣется надъ нами!

— Но онъ не сказалъ ни слова.

— Онъ сказалъ одно слово—на всю нашу дѣятельность—«нѣтъ», и это уже слишкомъ много.

И врачъ Изюмовъ, какъ казалось, задѣтый, прибавилъ громко:

— Когда человѣкъ съ пренебреженіемъ выбрасываетъ вонъ свой старый пиджакъ, то это значитъ, что у него есть новый, получше.

На этотъ разъ Андрей не взглянулъ на него, а холодный блескъ въ его глазахъ, которые смотрѣли внизъ, въ тарелку, сдѣлался постояннымъ.

— Я разскажу вамъ одинъ... одну аллегорію,—промолвилъ Андрей.

— А, ну вотъ...

И общество придвинулось поближе къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Андрей.

— Она, впрочемъ, извѣстна... Можетъ быть, многіе знаютъ ее... Это было въ Швейцаріи. Въ горныхъ мѣстностяхъ есть такіе уголки, гдѣ отъ неизвѣстной еще причины всѣ жители поголовно болѣютъ зобомъ. Вы знаете, что это такое? Ну, конечно, это всѣ знаютъ... Зобомъ болѣютъ мужчины и женщины и даже дѣти и всѣ такъ привыкли къ нему, что даже не замѣчаютъ. Мѣсто было глухое, удаленное отъ города. Туристы сюда никогда не забирались. Но вотъ случайно забрался сюда одинъ англичанинъ съ краснымъ путеводителемъ подъ мышкой. Онъ пробирался горной тропинкой и наткнулся на женщину которая держала за руку мальчика. Стоя у ручья, она собиралась зачерпнуть изъ него воду. У обоихъ былъ основательный зобъ. Англичанинъ прошелъ около нихъ. Мальчикъ, увидѣвъ его, всплеснулъ руками, толкнулъ въ бокъ свою мать и тихонько сказалъ ей:

— Смотри, смотри... вотъ чудо то, вотъ человѣкъ, у котораго не достаетъ половины шеи... ахъ, какой это большой недостатокъ!.. Какой онъ смѣшной, какъ это безобразно!..

— Дядя мое,—поучительно сказала мать, — не слѣдуетъ смѣяться надъ чужимъ несчастіемъ. Это намъ запрещаетъ Богъ... Ну, вотъ и все, милостивые государи.

Всѣ съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга.

— Въ какомъ же это смыслѣ?—спросилъ Платонъ Платоновичъ, самымъ искреннимъ образомъ непонявшій, къ чему вела э а аллегорія.

— Ну, господа, комментировать я не умѣю. Это ужъ тамъ к къ хотите.

— Да комментарій ясенъ,—промолвилъ ядовитый врачъ Изюмовъ.—Это значитъ, что у насъ у всѣхъ есть зобъ, то-есть

интересъ къ разнымъ земскимъ нуждамъ—больницамъ, школамъ и т. п. И мы такъ привыкли считать это достоинствомъ, что готовы признать несчастнымъ Андрея Петровича, у котораго нѣтъ зоба, то-есть интереса къ земскимъ дѣламъ... Вѣдь, такъ?

— Лучше нельзя было объяснить,—сказалъ Андрей.

— Вотъ какъ! Почему же вы думаете, что это зобъ? Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, по вашему, мы всѣ, занимаясь земскими дѣлами, толчемъ воду въ ступѣ?

— Я считаю чрезвычайно удачнымъ это образное выраженіе,—сказалъ Андрей и показалъ при этомъ свои прекрасные бѣлые зубы.

Большинство присутствующихъ развело руками.

— Я протестую, господа!—возразилъ кто-то.

— Это обида!—прибавилъ другой голосъ.

— Да это настоящій камушекъ изъ пращи...

— По нашимъ головамъ...

Словомъ, произошла самая непріятная сенсація. Михаилъ Петровичъ давно уже насторожился. Нѣкоторымъ изъ гостей онъ дѣлалъ умоляющіе жесты, но его не понимали. Сказать же прямо, громко, онъ не считалъ удобнымъ.

То же самое испытывала и Александра Васильевна, но у нея было еще и что-то другое, какое то новое любопытство къ тому, что изъ всего этого можетъ произойти.

Не можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, чтобы такой умный человѣкъ, какъ Андрей Петровичъ, бросалъ людямъ обиду, не имѣя въ своей головѣ основательныхъ доводовъ, на которые могъ бы опереться? И она ожидала этихъ доводовъ съ какимъ то трепетнымъ вниманіемъ.

Андрей посмотрѣлъ на всѣхъ не только не злымъ, а скорѣе наивнымъ, непонимающимъ взглядомъ.

— Я, кажется, сказалъ что-то обидное,—промолвилъ онъ.

Всѣ промолчали. Михаилъ Петровичъ, какъ хозяинъ, чувствовалъ на себѣ отвѣтственность за всѣхъ. Онъ ясно видѣлъ, что всѣ были обижены его братомъ, но въ то же время, зная характеръ Андрея, онъ боялся, какъ бы не добиться чего-нибудь еще худшаго, и онъ сказалъ мягко, осторожно, почти вкрадчиво:

— Я боюсь, Андрей, что общество дѣйствительно имѣетъ право считать себя обиженнымъ.

— Возможно,— отвѣтилъ Андрей,—но въ такомъ случаѣ о о само себя обидѣло...

— Какимъ образомъ, Андрей?—попрежнему осторожно спросилъ Михаилъ Петровичъ.

— А такъ, братъ Михаилъ: посуди, могъ-ли я желать обидѣть общество, которое вижу въ первый разъ? Я могъ только одно: высказать свое мнѣніе. Я могъ и не высказывать его, но меня объ этомъ попросили.

— Да, но мнѣніе твое обидно для общества.

— Это очевидно. Но это недостаточно для того, чтобы мое мнѣніе сдѣлалось другимъ. Господа,—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ, и глаза его метнули свой холодный блескъ.—Общество, которое требуетъ отъ каждаго своего члена, чтобы онъ непремѣнно соглашался съ принятыми въ немъ взглядами и пѣлъ въ унисонъ со всѣми, общество, считающее оскорбленіемъ всякій голосъ, въ которомъ нѣтъ похвалы его дѣятельности, такое общество осуждено на окаменѣніе, на гибель, потому что оно лишено критики. Оно закисаетъ и замираетъ въ собственномъ самодовольствѣ... Позвольте васъ спросить,—продолжалъ онъ, все больше и больше возвышая голосъ, который дѣлался нервнымъ, рѣзкимъ и крикливымъ,—позвольте васъ спросить, когда вы настойчиво требовали отъ меня моего слова, вы, значитъ, хотѣли, чтобы я похвалилъ васъ? Да? Вы должны были предупредить меня, тогда я не раскрылъ бы рта.

— Андрей, Андрей...—попытался, было, остановить его Михаилъ Петровичъ, но Андрея уже нельзя было остановить.

— Нѣтъ,—какимъ то властнымъ голосомъ отрѣзалъ онъ:—я самъ полонъ недостатковъ и пороковъ. Но я прошу васъ, прошу каждаго: говорите мнѣ о моихъ недостаткахъ, указывайте мнѣ на мои пороки! Я буду слушать васъ съ восхищеніемъ. Каждый вашъ критическій голосъ будетъ улучшать меня. А вы—купаетесь въ тепленькой ваннѣ вашей буржуазной добродѣтели и разъ навсегда рѣшили, что вы превосходны, великолѣпны, поднялись до такой высоты, дальше которой подниматься уже вредно. Вы канонизировали сами себя, и критика вамъ кажется святотатствомъ, богохульствомъ.

— Андрей,—все еще мягко и примирительно промолвилъ Михаилъ Петровичъ,—прошу тебя, ради нашего родства, не обижай моихъ добрыхъ друзей.

Андрей вдругъ поднялся и, обращаясь уже прямо къ брату, сказалъ:

— Вотъ эту просьбу я весьма охотно исполню: но ты понимаешь, Михаилъ, что твои добрые друзья будутъ обижены не только моими словами, но и моимъ присутствіемъ: такимъ образомъ, я долженъ удалиться.

И онъ круто повернулся и пошелъ прямо въ переднюю. Нѣсколько гостей стояли на дорогѣ, они разступились передъ нимъ. Съ минуту длилось оцѣпенѣніе. Онъ шарилъ въ пере-

дней, гдѣ было темно: очевидно, онъ не находилъ чего то. Михаилъ Петровичъ вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ туда.

— Андрей, какъ тебѣ не стыдно!..—тихо сказалъ онъ.— Останься, не уходи. Ну, я... я извинюсь передъ тобой...

— Зажги-ка спичку,—сказалъ Андрей, и въ голосѣ его Михаилъ Петровичъ не услышалъ ни раздраженія, ни гнѣва.

Онъ отыскалъ у себя въ карманѣ спички и зажегъ.

— Это, кажется, моя шляпа?—сказалъ Андрей, нащупавъ дѣйствительно свою шляпу.

— Андрей, прошу тебя, не уходи... Ну, слушай, я извиняюсь, я прошу прощенія...

— Но въ чемъ, въ чемъ?—просто и резонно спрашивалъ Андрей.—Меня никто не обидѣлъ. Они обидѣлись, значитъ, они обижены, а я, право, я и не думалъ...

— Ну, куда же ты?

— Куда-нибудь... Я, вѣдь, вернусь, когда твои гости разойдутся: ну просто на воздухъ... Иди-ка, иди... У васъ всякое мнѣніе—или похвала, или обида, а просто мнѣнія—нѣтъ... Это— плохой воздухъ для моихъ легкихъ.

Онъ отперъ дверь и отворилъ ее, потомъ вышелъ. Михаилъ Петровичъ вернулся въ гостиную. Онъ былъ смущенъ и разстроенъ, гости смотрѣли хмуро.

Въ сущности, всѣмъ было непріятно, что вышла такая исторія, даже врачъ Извюмовъ, который отчасти вызвалъ вспышку Андрея, теперь жалѣлъ, что не воздержался. Вѣдь, про Андрея Образнова всѣ раньше знали, что онъ человѣкъ нездоровый, раздражительный, невоздержный. И вотъ, — что же вышло: четверговый вечеръ, единственный вечеръ въ недѣлю, когда они собирались отдохнуть, поболтать, обмѣняться мыслями,— испорченъ. Кто потерялъ отъ этого? Ужъ, конечно, не тотъ чудакъ—онъ себѣ тамъ гуляетъ на свѣжемъ воздухѣ, а они всѣ опустили носы.

Платонъ Платоновичъ больше всѣхъ любилъ четверговые вечера, поэтому онъ и взялъ на себя обязанность возстановить утраченное настроеніе, поднять духъ публики. Онъ началъ шутить, правда, не совсѣмъ искренне, но все же мило.

— Эхъ, господа, Андрею Петровичу просто захотѣлось на воздухъ; мы тутъ накурили, а у него слабая грудь, вотъ и все. Андрей Петровичъ поживетъ тутъ недѣлю-другую, да и уѣдетъ, а намъ дорогъ каждый четверговый часъ,—давайте же какъ ни въ чемъ не бывало разговаривать. Такъ вы, Семенъ Ивановичъ, ѣздили вчера въ Бургаловку? Ну, что же тамъ? Что это за исторія съ мостомъ?

Семенъ Ивановичъ отвѣчалъ, а мало по малу и всѣ при-

соединились къ діалогу Платона Платоновича съ Семеномъ Ивановичемъ, земскимъ техникомъ, и вечерокъ опять наладился.

Одна только Александра Васильевна никакъ не могла настроить себя на мирный ладъ. На нее вся эта исторія произвела глубокое впечатлѣніе. И казалось, что она подстерегала въ своей душѣ какое-то новое странное чувство. Какъ будто она была на сторонѣ Андрея. и всѣ эти милые люди, съ такимъ сознаніемъ своей полезности говорившіе о земскихъ дѣлахъ, люди, которыхъ она искренне уважала, вдругъ показались ей такими маленькими и такими смѣшными.

Она посидѣла съ полчаса, потомъ подошла къ Михаилу Петровичу и тихонько сказала ему:

— Я не хочу будоражить вашихъ гостей, Михаилъ Петровичъ, я уйду потихоньку.

— Вы уходите? Почему это?—съ изумленіемъ спросилъ Образновъ.

— Такъ, мнѣ нездоровится... Голова разболѣлась...—сказала неискренне Александра Васильевна.

Михаилъ Петровичъ съ глубокимъ недовѣріемъ посмотрѣлъ на нее.

— Это странно, Саша... Это ново...

— Нѣтъ, право, ничего нѣтъ, Не обращайте вниманія...

— Но я не могу проводить васъ: нельзя уйти отъ гостей,—сказалъ Михаилъ Петровичъ.

— Не надо. Я сама дойду...

И она тихо, незамѣтно для гостей, пошла въ комнату, гдѣ уже дремала Марья Григорьевна, которая всегда раньше всѣхъ утомлялась, простилась съ нею и ушла.

Гости сидѣли еще часа полтора. Разговаривали, забывъ о непріятномъ эпизодѣ, и все кончилось, какъ всегда.

IV.

Александра Васильевна вышла во дворъ, потомъ на улицу. Это было въ первый разъ, что она уходила изъ гостей одна. Обыкновенно кто нибудь провожалъ ее, почти всегда Михаилъ Петровичъ.

Правда, въ этомъ не было никакой надобности. Уѣздный городъ былъ вполнѣ мирный городъ. Тутъ никогда не случалось ни ночныхъ грабежей, ни разбоя.

Фонарей на улицѣ не было, но была луна, которая свѣтила полнымъ свѣтомъ, и отъ этого всѣ стѣны и крыши домовъ, самая улица, вѣтви деревьевъ, разсаженныхъ по улицѣ, все это казалось какъ-бы покрытымъ полосой матоваго серебра.

Она шла, вдыхая свѣжій ночной воздухъ, и чувствовала, какъ тягота, насѣвшая на ея душу, облегчалась.

Квартира Границкихъ была не особенно далеко отъ дома Образнова. Въ уѣздномъ городѣ вообще не было большихъ разстояній. Всѣ жители чувствовали себя сосѣдями.

Но ей не хотѣлось итти прямо домой и сейчасъ-же забраться въ свою комнату и спать. Въ головѣ было много новыхъ мыслей, тысяча вопросовъ, на которые она не находила отвѣта въ своихъ умственныхъ запасахъ. Все это тревожило ее и разгоняло всякія мысли о снѣ и отдыхѣ. Поэтому она рѣшила взять кружное направленіе и обогнуть расположенный среди города садъ, который назывался бульваромъ. Черезъ самый бульваръ она пройти не рѣшалась.

Это былъ очень старый садъ. Деревья были большія, съ толстыми стволами, съ густыми вѣтвями, смыкавшимися наверху, надъ аллеями. И въ аллеяхъ было теперь совсѣмъ темно.

Она шла по широкой улицѣ. Нога ея вступала въ толстый мягкій слой пыли и отъ этого шаги ея совсѣмъ не были слышны.

Два ряда одноэтажныхъ домовъ были погружены въ глубокій покой. Ставни вездѣ были наглухо затворены. Нигдѣ не было видно огонька. Уѣздный городъ спалъ весь поголовно.

Проходя мимо бульвара, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ она знала, его пересѣкала главная аллея, въ которой по праздникамъ гуляла уѣздная публика, она на минуту остановилась. Ей показалось, что тамъ, на этой аллеѣ, раздался короткій глухой кашель и почему-то у нея мелькнула мысль, что это долженъ быть непремѣнно Андрей. Это было такъ естественно. Онъ ушелъ въ половинѣ одиннадцатаго. Городъ въ это время почти весь погруженъ въ сонъ. Мѣстность ему мало знакома. По улицамъ ходить скучно. А тамъ, на бульварѣ, есть скамейки и можно отдохнуть

Александра Васильевна остановилась и начала прислушиваться. Она разслышала шаги. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ улицу, но общественный садъ съ его аллеями утопалъ въ тѣни и казался темнымъ, мрачнымъ пятномъ на этомъ серебристомъ фонѣ луннаго свѣта. Шаги приближались.

Она подошла къ рѣшеткѣ сада и, всматриваясь въ темную глубину, могла, какъ ей казалось, различать едва обозначавшійся темный силуэтъ.

— Андрей Петровичъ!—нерѣшительно, вполголоса окликнула она.

Силуэтъ остановился и, казалось, прислушался.

— Андрей Петровичъ!—повторила она явственнѣе.

Силуэтъ быстро двинулся по направленію къ рѣшеткѣ и черезъ минуту былъ уже близъ нея. Это былъ Андрей.

— Это вы?—спросилъ онъ, сразу узнавъ Александру Васильевну.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросила она его въ свою очередь.

— Хожу и злюсь...

— На кого?

— Конечно, на себя.

— За что?

— За то, что изобразилъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ... А что, тамъ ужъ разошлись?

— Нѣтъ, только я ушла.

— Почему это?

— Такъ. Вы меня разстроили.

— Извиняюсь.

— Михаилъ Петровичъ тоже огорченъ.

— Жалѣю. Но увѣренъ, что это огорченіе сползетъ съ него, какъ съ гуся вода. Что это мы бесѣдуемъ чрезъ рѣшетку, какъ будто я звѣрь, заключенный въ клѣткѣ? Васъ можетъ арестовать полиція.

— Въ нашемъ городѣ полиція ночью спитъ.

— Счастливый городъ! А вы сдѣлайте одно изъ двухъ: или идите своей дорогой, или заходите въ садъ.

— Въ саду темно...—сказала Александра Васильевна.

— Мы будемъ освѣщать путь сіяніемъ нашихъ душъ...

— О, моя душа на это не претендуетъ.

— Ну, все равно, сіянія моей души хватитъ на двоихъ. Идите. Здѣсь есть маленькая площадка, на которой свѣтло. Вы будете на ней, вамъ будетъ сіять луна, а я въ темной аллеѣ.

Онъ говорилъ шутливо и мирно. Александра Васильевна испытывала величайшее любопытство къ этому человѣку. Главное же, ей хотѣлось, чтобы онъ досказалъ свои мысли. Тамъ, у Михаила Петровича, онъ только отрицалъ. Но есть же у него какой нибудь идеалъ. Все, что она видѣла отъ него до этого времени, были какія-то рѣзкости, угловатости, странности, чудачества. И во всемъ этомъ былъ видѣнъ умъ. Должно же быть у этого ума какое-нибудь содержаніе, какая-нибудь вѣра.

— Хорошо, я приду,—сказала она:—тутъ справа есть калитка; только вы пойдите мнѣ навстрѣчу, а то мнѣ придется итти одной въ темнотѣ.

Она пошла вправо. Шагахъ въ двухстахъ была калитка. Она вошла въ садъ и сразу попала въ глубокую темноту. Но

не вдалекѣ уже слышались шаги Андрея, который скоро подошелъ къ ней.

— Вы любите свѣтъ, а я люблю темноту,—сказалъ онъ, когда они пошли рядомъ.—Ужъ это такое различіе, которое дѣлаетъ насъ непримиримыми.

— Почему можно любить темноту?—спросила Александра Васильевна.

— Въ свѣтѣ все ясно. Каждая вещь освѣщается со всѣхъ сторонъ. Вы смотрите на нее и сейчасъ же схватываете ея внѣшнія формы. И эта ясность внѣшнихъ формъ держитъ васъ въ плѣну, вліяетъ на ваше міропониманіе. По нимъ вашъ умъ, по привычному пріему и шаблону, составляетъ понятіе о внутреннемъ содержаніи. И если даже вамъ удалось заглянуть внутрь, все равно, вы уже будете смотрѣть съ той готовой точки зрѣнія, которая явилась у васъ подъ вліяніяхъ внѣшнихъ формъ. Вы меня понимаете?

— Стараюсь, но не совсѣмъ удается.

— Я хочу сказать, что, благодаря яркому освѣщенію, мы настоящаго, истиннаго внутренняго содержанія вещей не знаемъ, а знаемъ только то, какое, на основаніи внѣшнихъ формъ, по нашему ограниченному смыслу, должно быть... Въ темнотѣ мы слабо видимъ внѣшнія очертанія и потому нашъ умъ не приковывается къ нимъ и не зависитъ отъ нихъ. Они его не ослѣпляютъ и не плѣняютъ, и онъ свободенъ и ему хочется проникнуть въ глубину, и, если это удастся, онъ видитъ дѣйствительную глубину безъ предвзятаго мнѣнія.

— Видитъ въ темнотѣ? Это что-то умное, но непонятное,— сказала Александра Васильевна.

— Очевидно, въ этой области я не могу быть понятенъ. Ну, такъ давайте поговоримъ о другомъ, о чемъ нибудь другомъ, что вамъ понятно.

— Вотъ это лучше. По крайней мѣрѣ, я съ пользой проведу время.

— Давайте тему, теперь ужъ это ваше право.

— Вы уже дали ее—часъ тому назадъ.

— Ну какая же это тема?..

— Ну, да... мнѣ показалось, что вы не успѣли договорить. Всегда такъ бываетъ, что человѣкъ сперва отрицаетъ, а потомъ даетъ что-нибудь положительное.

— Дальше идетъ обычное сравненіе,—съ оттѣнкомъ ироніи сказалъ Андрей:—когда владѣлецъ дома сноситъ старыя стѣны, то потомъ на ихъ мѣстѣ непремѣнно воздвигаетъ новыя. Но это вовсе не обязательно. Можно срыть до основанія старыя стѣны, и ничего новаго на ихъ мѣстѣ не построить: останется пустошь.

— Тогда жить будетъ не въ чемъ.

— Вотъ это то и хорошо, что не въ чемъ. Когда духъ бродитъ по пустоши, онъ свободенъ. Но когда онъ построилъ себѣ особнячокъ, когда у него есть и кабинетъ, и столовая, и гостиная, и спальня, и садикъ для прогулокъ, и бесѣдка въ садикѣ для вздоховъ—кончилась его свобода, ужъ онъ будетъ дѣлать только то, что полагается: въ кабинетѣ будетъ читать ежемѣсячные журналы и ежедневныя газеты, въ столовой обѣдать, въ гостиной принимать друзей и знакомыхъ, въ спальнѣ отдыхать. Всего этого такъ много, что для свободной дѣятельности у него не остается времени. Да и отвыкаетъ онъ скоро отъ свободы. Въ особнячкѣ жить такъ удобно, такъ мило, уютно, все готово, все на своемъ мѣстѣ... А свободный духъ не нуждается ни въ какой постройкѣ.

— Значитъ, вы способны только разрушать и не умѣете строить?

— А вы непремѣнно хотите особнячокъ въ пять комнатъ?

— Да, я такъ привыкла думать: когда отрицаютъ, то во имя чего нибудь положительнаго...

— Иными словами, когда низвергаютъ одного идола, то непремѣнно должны имѣть въ запасѣ другого?

— Надо же во что нибудь вѣрить.

— Во что нибудь? Нѣтъ, ужъ лучше ни во что, чѣмъ во что нибудь. Вѣрить надо только въ истину, а гдѣ она? Кто ее видѣлъ? Кто знаетъ? Гдѣ тотъ счастливецъ, который владѣетъ ею?

— Можно не владѣть ею, но приближаться къ ней.

— А почемъ вы знаете, что приближаетесь, а не удаляетесь?

— Однако-жъ, вы смѣло отрицаете пользу дѣятельности вашего брата, всѣхъ его друзей, значитъ увѣрены, что они, по крайней мѣрѣ, не приближаются къ истинѣ, а удаляются отъ нея.

— Да съ чего вы взяли, что я отрицаю пользу? Я совсѣмъ этимъ вопросомъ не занимаюсь. Очень даже можетъ быть, что они полезны и дѣла ихъ важны...

— Такъ что-же это было?

— Меня возмущаетъ ихъ самодовольство. Они думаютъ, что нашли главный рычагъ, на которомъ держится счастье и благополучіе людей. Они убѣждены, что земскія школы, больницы, запасные магазины и пр. и пр. это тѣ киты, на которыхъ зиждется счастье міра. И, сѣвъ верхомъ на этихъ китовъ, они считаютъ, что ужъ ничего и искать не нужно, что они дошли до самой вершины, куда только можетъ достигнуть

человѣческій духъ. Они сказали себѣ: главное счастье человѣчества заключается въ томъ, чтобы быть сытымъ, здоровымъ, грамотнымъ, размножаться и т. п. А можетъ быть, это какъ разъ наоборотъ? Можетъ быть, счастье человѣчества въ томъ, чтобы разрушиться и погибнуть? Можетъ быть, человѣчество— только несовершенная форма,—а что она несовершенна, мы это знаемъ,—которая, погибнувъ, послужитъ удобреніемъ для почвы, чтобы на этой почвѣ выросло что-то новое, совершенное и прекрасное... Скажи это я имъ, они назовутъ меня сумасшедшимъ, а развѣ они знаютъ навѣрное, что это не такъ? Я допускаю, что это не такъ, я допускаю тысячи рѣшеній этой проблемы, а они признаютъ только свою, самую простую, самую доступную ихъ ограниченному пониманію... Поймите, что жить на землѣ, считаться человѣкомъ, стоитъ только въ томъ случаѣ, если допустить, что у человѣка, живущаго на землѣ, есть какая-то великая, никому еще неизвѣстная задача. Но нельзя же серьезно считать, что эта задача заключается въ постройкѣ земской больницы и школъ, въ починкѣ мостовъ, въ снабженіи крестьянина зерномъ для посѣва и т. п. Думать такъ—значитъ на вѣчныя времена поселить свой духъ въ особнякѣ о пяти комнатахъ и дальше этого ни шагу. Вотъ что я говорилъ и вотъ что я хотѣлъ сказать. Духъ можетъ быть гордъ. Духъ имѣетъ право быть гордымъ. Но духъ доктора Изюмова, который гордится тѣмъ, что докторъ Изюмовъ, по обязанности службы, выпотрошилъ какое нибудь мертвое тѣло, найденное въ полѣ, этотъ духъ только жалокъ и смѣшонъ.

Александра Васильевна слушала его и въ душѣ ея поднимался протестъ противъ высказываемыхъ имъ взглядовъ, но въ то же время она чувствовала, что въ нихъ было какъ бы наркотическое, одуряющее, туманящее.

Она всей душой принадлежала къ кругу людей, представителемъ которыхъ въ ея глазахъ былъ Михаилъ Петровичъ Образновъ. Считала полезной ихъ скромную дѣятельность, принимала сердечное участіе въ ихъ радостяхъ и огорченіяхъ.

Андрей ни на іоту не разубѣдилъ ее въ ихъ полезности, но въ его словахъ была какая то широта, что то свободное, какой-то полетъ, стремленіе въ высь, отъ нихъ кружилась голова и духъ захватывало.

Чувствовалось, что этотъ человѣкъ, хотя и безъ почвы, безъ положительныхъ мнѣній, безъ вѣры, хотя самъ и не работаетъ, и можетъ быть, и неспособенъ работать, всѣ же высшаго калибра. Къ нему хотѣлось присмотрѣться, прислушаться, съ нимъ было пріятно ходить по темной аллеѣ и внимать его свободнымъ рѣчамъ.

Въ этихъ рѣчахъ не было той правды, которая годится для нынѣшняго дня; въ нихъ нечего было искать опоры для той скромной практической работы, которой отдавали себя всѣ ея друзья, но въ нихъ чувствовалась другая правда,—высшая, болѣе широкая, правда, обладающая крыльями и способная парить къ звѣздамъ.

Все это смутно мелькало въ ея головѣ, было неясно и туманно, но заставляло сердце ея сильно биться.

И, Богъ знаетъ почему, ея друзья теперь показались ей такими маленькими, такими безпомощными, и, что хуже всего, Михаилъ Петровичъ, каждому слову котораго она такъ безусловно вѣрила, не былъ исключенiемъ.

Уже на часахъ соборной колокольни давно пробило полночь, а она и не думала о томъ, чтобы уходить. Въ это время гости Михаила Петровича обыкновенно начинали расходиться Многiе изъ нихъ пойдутъ по этой дорогѣ и скоро будутъ слышны шаги ихъ по улицѣ. Теперь даже нельзя ей было итти домой. Она можетъ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь и удивить.

— Слушайте, Андрей Петровичъ, сказала она:—то, что вы говорите... Надъ всѣмъ этимъ надо долго думать. Я не готова къ этому. Я никогда такъ не думала. Но меня всегда, когда я слышала о васъ, интересовала ваша жизнь,—скажите мнѣ что нибудь о ней.

— Моя жизнь....—какъ то брезгливо сдвинувъ плечами, промолвилъ Андрей:—вы могли бы предложить мнѣ что нибудь болѣе прiятное, чѣмъ разсказывать о этой глупой исторiи. Да и, навѣрно, вы знаете факты... Учился тамъ и здѣсь, то хорошо, то плохо, пробовалъ то и это, чего-то искалъ и самъ не зналъ—чего, и, конечно, не нашелъ, ибо какъ же можно найти то, про что не знаешь даже, каково оно съ виду... Моя жизнь... Много было въ ней грязнаго, некрасиваго, отталкивающаго...

— Но было и прекрасное: въ минуты творчества... Я читала вашу вещь... она странная, но въ ней есть что-то охватывающее. Почему вы больше ничего не написали?

— Потому что я не писалъ. Это само написалось. Былъ такой моментъ, настроенiе, наитiе.... Пришелъ генiй, прикоснулся къ человѣку своимъ крыломъ и улетѣлъ безвозвратно. Это такъ бываетъ; а генiй—онъ безстрастенъ, у него нѣтъ симпатiй и привязанностей. Онъ осѣнилъ своимъ крыломъ одного и полетѣлъ дальше и уже осѣняетъ другого. А о томъ, однажды осѣненномъ, онъ забылъ и никогда не вспомнитъ. Есть избранныя души, которыя генiй избираетъ своимъ постояннымъ жилищемъ,—но эти души рѣдки, какъ крупные алмазы...

— Но почему же вы, Андрей Петровичъ, съ вашимъ умомъ до сихъ поръ не устроили себя спокойное существованіе?

— Не хотѣлъ, не хочу и никогда не захочу.... Вѣдь, это особнячокъ о пяти комнатахъ... Неужели вы думаете, что я не могъ бы? Да развѣ это такъ трудно? Развѣ у меня не хватило бы ума строить школы и больницы, какъ мой братъ, или что тамъ хотите?.. Для этого надо только чуточку понизиться, пригнуться, схватить свой гордый духъ и заковать его въ цѣпи. Не хочу, не хочу, не хочу... Вѣдь, если я это сдѣлаю, то въ концѣ концовъ единственно ради «спокойнаго существованія». А мнѣ это-то спокойствіе и противно. Ну, вотъ вамъ и все, и больше нечего сказать обо мнѣ. Я разсказывалъ вамъ всю свою жизнь и ужъ вамъ, навѣрно, спать хочется... Какъ вы думаете, у брата разошлись?

— Я думаю, что уже... Да мнѣ тоже надо домой. Отецъ безпокоится. Онъ не привыкъ, чтобы я такъ поздно приходила.

— Вамъ далеко?

— О, нѣтъ, здѣсь ничего нѣтъ далеко. Выйдемъ изъ сада и сейчасъ наша квартира.

— Пойдемте, я доведу васъ.

Они пошли къ выходу изъ сада. Они шли рядомъ по боковой аллеѣ, вдоль рѣшетки, и нѣкоторое время молчали. У Александры Васильевны была въ головѣ мысль, которую ей очень хотѣлось высказать, но не хватало рѣшимости.

Они уже вышли изъ сада. Мѣсяцъ все еще свѣтилъ во всю. На улицѣ было пустынно и тихо. Скоро они должны были притти къ дому, въ которомъ жили Границкіе. Александра Васильевна, наконецъ, рѣшилась высказать свою мысль.

— Знаете ли, что я думаю, Андрей Петровичъ?—промолвила она съ замѣтнымъ колебаніемъ въ голосѣ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Андрей.

— Я думаю, что ваше отрицаніе всякой практической и полезной дѣятельности происходитъ отъ... отъ того, что вы сами просто... непригодны ни къ какому дѣлу.

И она подняла голову, чтобы заглянуть въ его глаза,—не обидѣлся-ли онъ, и ей показалось, что въ глазахъ его мелькнулъ тотъ холодный блескъ, который у него предшествовалъ вспышкѣ.

— Вы думаете?—произнесъ онъ хмуро.

— Мнѣ такъ кажется.

— А я могъ бы доказать вамъ, что способенъ на всякое дѣло.

— Могли бы, но не хотите?—съ явной ироніей замѣтила Александра Васильевна.

— Могу и захочу... Только, конечно, не строить же мнѣ школу или чинить мостъ.

— Я не говорю, что непремѣнно это. Это дѣло вашего вкуса, влеченія. Да вотъ вамъ: вы много читали, что я знаю и вижу. Вы знаете больше, чѣмъ всѣ интеллигентные люди нашего города, вмѣстѣ взятые: у нихъ такъ мало времени остается, чтобы пополнять свое образованіе. Вотъ взяли бы и прочитали здѣсь рядъ публичныхъ лекцій...

— Охъ-охъ-охъ! Да кто же слушать будетъ, вы одна? Вѣдь, имъ некогда, они чинятъ мосты.

— О, я вамъ ручаюсь, что слушателей наберется много. Всѣ пойдутъ...

— Но зачѣмъ, зачѣмъ? Никто отъ этого не станетъ ни счастливѣе, ни умнѣе.

— У васъ такіе оригинальные взгляды... Вы такъ убѣждены въ ихъ истинности... Убѣжденный долженъ убѣждать другихъ.

— Долженъ? Я никому ничего не долженъ...

— Ну да просто хотя бы для того, чтобы доказать вашу способность что нибудь сдѣлать... Понимаете: начать и кончить.. Я знаю, что это не такъ легко. Я это знаю.

— Вы меня подзадориваете?

— Можетъ быть, и такъ. Да, подзадориваю, потому что и мнѣ будетъ пріятно убѣдиться въ томъ, что вы способны на дѣло, если захотите. Вотъ наша квартира, я сейчасъ позвоню.

Она поднялась на крыльцо съ улицы и дернула за ручку звонка.

— До свиданія, благодарю васъ... Скажите Михаилу Петровичу, что мы встрѣтились и вы почти примирили меня съ собой...

— Почти? Значитъ, остается вотъ это... Если я докажу, то будетъ совсѣмъ?

— Да...

— Ну, хорошо. Я рѣшаюсь... Я докажу.

— Посмотримъ. Спокойной ночи,—сказала Александра Васильевна, когда внутри за дверью щелкнулъ ключъ въ замкѣ и дверь отворилась. Она исчезла.

V.

Въ теченіе первыхъ дней послѣ вечеринки Михаилъ Петровичъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣчалъ, что одновременно произошла какая-то перемѣна и съ его братомъ, и съ Александрой Васильевной. Андрей сдѣлался сдержанъ, сосредоточенъ, видимо, слѣдилъ за собой, и можно было замѣтить, что его озабочиваетъ какая то постоянная мысль.

Александра Васильевна, на взглядъ Михаила Петровича, обнаруживала слишкомъ большой интересъ къ его брату. Она теперь почти все свое время проводила съ нимъ. У нихъ шли безконечныя бесѣды. Большею частью они уходили днемъ за городъ въ лѣсокъ, а вечера проводили на городскомъ бульварѣ, въ тѣ часы, когда тамъ публики уже не было.

Такъ прошло дней пять. Михаилъ Петровичъ все хотѣлъ поговорить съ Александрой Васильевной, чтобы узнать отъ нея о происшедшей перемѣнѣ. Но сдѣлать это при Андреѣ не было никакой возможности.

Поэтому онъ однажды, отправляясь въ управу, вышелъ изъ дому нѣсколько раньше и завернулъ къ Границкимъ. Старикъ уже ушелъ въ прогимназію. Александра Васильевна была дома.

Она встрѣтила его съ улыбкой, повидимому, удовольствія, но онъ не могъ не замѣтить, что въ ея глазахъ было выраженіе какъ бы удивленія.

— Я вамъ рада, Михаилъ Петровичъ,—сказала Александра Васильевна.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ удивлены?

— Ахъ, ну... просто потому, что въ этотъ часъ... Я даже подумала, не случилось ли что?

— А развѣ ничего не случилось?

— Я не знаю...

— Вотъ уже около недѣли, какъ мы съ вами почти не говорили...

— Да, такъ вышло...

— А недавно еще такъ выйти не могло. Вы нуждались въ моей бесѣдѣ и въ моемъ обществѣ. У васъ всегда находились вопросы, недоумѣнія...

— А мы теперь по цѣлымъ часамъ говоримъ съ Андреемъ Петровичемъ.

— Я это знаю и меня это удивляетъ. Взгляды Андрея совершенно противоположны моимъ и, какъ мнѣ казалось, и вашимъ. Какимъ образомъ они могутъ удовлетворять васъ?

— О, я съ нимъ спорю... Я ничего не принимаю на вѣру.

— Но все-таки онъ васъ убѣждаетъ?

Въ тонѣ, какимъ говорилъ Михаилъ Петровичъ, слышалась досада. Александра Васильевна тотчасъ замѣтила это, и ей это было непріятно. Она не хотѣла обижать стараго друга, но и не могла чѣмъ-нибудь существеннымъ опровергнуть его опасенія.

Да, страннымъ образомъ, она, не то чтобы соглашалась со взглядами Андрея, а просто прислушалась къ нимъ, свык-

лась съ ними, и они теперь не казались ей такими странными. Но она объ этомъ не сказала ни слова. Она заговорила о другомъ.

— Я вамъ сознаюсь: я хочу заставить вашего брата проявиться чѣмъ нибудь полезнымъ.

— Что же это значитъ?—спросилъ Михаилъ Петровичъ.

— Онъ много читалъ, много знаетъ и много думалъ. Его мысли оригинальны, не похожи на наши. Онъ высказываетъ ихъ случайными обрывками и, можетъ быть, оттого онѣ кажутся такими странными и иногда нелѣпыми. Вотъ я и убѣдила его привести свои взгляды въ систему и прочитать въ нашемъ городѣ рядъ публичныхъ бесѣдъ.

— Вотъ что... Да... Что-жъ... Это могло бы быть интереснымъ... А о чемъ?

— О разныхъ новыхъ теченіяхъ въ литературѣ и искусствѣ. Вѣдь, онъ читаетъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, а мы только по-русски, мы только то, что печатается въ нашихъ толстыхъ журналахъ, а у него въ головѣ прямо какая-то бездна знаній. И мнѣ удалось убѣдить его. Онъ теперь готовится. У него память поразительная. Онъ часто приводитъ мнѣ страницы изъ прочитанныхъ книгъ. Развѣ онъ вамъ ничего еще не говорилъ объ этомъ?

— Нѣтъ, ничего.

— Онъ будетъ говорить съ вами и вы ему помогите. Михаилъ Петровичъ. Онъ такой непрактичный. Вѣдь, нужно хлопотать о разрѣшеніи, найти помѣщеніе. Развѣ вы не думаете, что это всѣхъ заинтересуетъ? Все-таки у насъ въ городѣ наберется нѣсколько десятковъ людей интеллигентныхъ.

— Да, конечно...—съ какимъ то смутнымъ выраженіемъ въ глазахъ отвѣтилъ Михаилъ Петровичъ.—Это было бы очень интересно, если бы...

— Вы не вѣрите въ его способности и знанія?

— О, напротивъ, въ нихъ я не сомнѣваюсь. Но я сомнѣваюсь въ другомъ,—въ томъ, что онъ въ состояніи выполнить какой-нибудь планъ.

— Онъ сдѣлаетъ это изъ самолюбія.

— Самолюбіе не всегда можетъ замѣнить другія недостающія качества.

— А я вѣрю въ это. Мнѣ хочется, чтобы вы и другіе перемѣнили о немъ мнѣніе. Его какъ то всѣ забраковали...

— Онъ самъ себя забраковалъ. Онъ сдѣлалъ все, чтобы перестали вѣрить въ его способность довести какое-нибудь дѣло до конца. Ну, я тороплюсь на службу. До свиданія.

И онъ на этотъ разъ простился съ ней нѣсколько холодно.

Въ тотъ же день, когда Михаилъ Петровичъ вернулся изъ управы, передъ обѣдомъ Андрей, наконецъ, сказалъ ему о своемъ планѣ и просилъ у него помощи.

— Я предполагаю устроить три чтенія. Думаю, что мнѣ кое-что удастся. Если же я ошибаюсь,—прибавилъ онъ,—то въ этомъ виновата Александра Васильевна, которая увѣрила меня, что это нужно, будетъ интересно и найдутся слушатели.

— Она не ошибается,—сказалъ Михаилъ Петровичъ:—и слушатели будутъ, и интересно... Но для меня вопросъ: хватитъ-ли у тебя терпѣнія выполнить всѣ обѣщанія?

— Я ихъ выполню, — очень твердо сказалъ Андрей. — Однако, тебѣ по секрету скажу, что я не намѣренъ давать никакихъ обѣщаній.

— Какъ же такъ? Ты самъ сказалъ, что хочешь прочитать три лекціи.

— Ну да, но не подумай, что я разсчитываю на какую-нибудь плату. Ты отыщешь залъ и пригласишь, кого хочешь. Хотя деньги мнѣ нужны, но я считаю это неприличнымъ и для себя, и для тебя,—для твоего положенія.

— Ты правъ, и я тебѣ за это благодаренъ. Я буду устраивать.

Это было не трудно для Михаила Петровича. Въ уѣздномъ и въ губернскомъ городѣ у него были хорошія знакомства, онъ былъ на прекрасномъ счету, ему вѣрили. Онъ бралъ лекціи Андрея на свою отвѣтственность, и этого было достаточно для того, чтобы ихъ разрѣшили безпрепятственно.

Андрей засѣлъ и нѣсколько вечеровъ проводилъ одинъ въ своей комнатѣ. Онъ писалъ. Ему приходилось дѣлать это по памяти—въ городѣ не было никакой возможности достать тѣ книги, какія ему были нужны.

Михаилъ Петровичъ добросовѣстно хлопоталъ и устраивалъ все, чтобы предпріятіе брата вышло какъ можно лучше. Но дѣлалъ онъ это безъ всякаго увлеченія, безъ искренности. Это было выполненіе долга, не больше. Лицо его было холодно и въ немъ часто проглядывало выраженіе досады.

— Михаилъ Петровичъ, вы какъ будто недовольны предпріятіемъ Андрея Петровича!—сказала ему однажды Александра Васильевна.—У васъ такой видъ, словно вы помогаете ему по принужденію.

Михаилъ Петровичъ на это промолчалъ. Онъ съ волненіемъ ходилъ по комнатѣ и, видимо, что-то обдумывалъ. Затѣмъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ обратился къ ней:

— Я хотѣлъ бы поговорить съ вами... И тогда вы найдете

отвѣтъ на вашъ вопросъ. Пройдемтесь со мной... Ну хотя бы по бульвару, гдѣ вы такъ часто гуляете съ Андреемъ.

Александра Васильевна взглянула на него съ выраженіемъ опасенія. Этого разговора она ждала, но и боялась его. Приблизительно она предугадывала его содержаніе.

Съ Михаиломъ Петровичемъ они никогда не говорили о чувствахъ, но оба не сомнѣвались, что ихъ соединяетъ нѣжное и, какъ казалось, глубокое чувство. Посторонніе смотрѣли на нихъ, какъ на будущую чету, они же между собой этого вопроса никогда не поднимали, но, кажется, ни у него, ни у нея не было сомнѣній въ этомъ. Это какъ то вытекало само собой изъ давнихъ отношеній и той дружеской близости, которая безъ словъ позволяла Александрѣ Васильевнѣ чувствовать себя у Образновыхъ, какъ въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ. Сомнѣній не возникало, поэтому не къ чему было и подымать объ этомъ вопросъ.

Но теперь у Михаила Петровича возникло сомнѣніе. Александра Васильевна это чувствовала. И если онъ захотѣлъ говорить наединѣ, то, конечно, только объ этомъ.

Она согласилась. Андрей сидѣлъ въ это время въ своей комнатѣ и что то писалъ. Михаилъ Петровичъ сказалъ матери, что пойдетъ съ Александрой Васильевной на четверть часа по дѣлу, и они вышли.

Бульваръ былъ близко, минуты три ходьбы. День былъ жаркій, обыватели уѣзднаго города въ это время предпочитали прятаться въ тѣни своихъ квартиръ съ закрытыми ставнями. Только по главной аллеѣ, пересѣкавшей общественный садъ посрединѣ и служившей какъ бы продолженіемъ улицы, изрѣдка дѣловой походкой проходилъ обыватель.

Они прошли прямо въ узенькую боковую аллею, густо обросшую по обѣимъ сторонамъ акаціями, верхушки которыхъ смыкались и образовывали густую тѣнь.

— Васъ, конечно, изумляетъ это, Александра Васильевна,— промолвилъ Образновъ,—вы не привыкли видѣть меня такимъ. Вы знаете меня спокойнымъ, нетороплившымъ, терпѣливо дожидающимся, и вдругъ такое крайнее нетерпѣніе. Я вытащилъ васъ изъ дома, чтобы поскорѣе сказать вамъ что-то... важное, должно быть.. Это странно? Не правда-ли?

— Ничего нѣтъ страннаго, Михаилъ Петровичъ,—отвѣтила Александра Васильевна,—если мы иногда способны къ волненію и безпокойству, такъ это слава Богу.

Можетъ быть, она этимъ замѣчаніемъ хотѣла успокоить его, но вышло наоборотъ: онъ подозрительно взглянулъ на нее и сказалъ:

— Ваши вкусы перемѣнились. Вы всегда хвалили мой спокойный и благоразумный характеръ, а теперь вамъ больше нравится безпокойство.

— Не говорите такимъ тономъ, Михаилъ Петровичъ. Я знаю, что у васъ есть что то важное, чтобы сказать мнѣ...

— Это правда—важное, важное. Я никогда не говорилъ съ вами объ этомъ, но я думалъ, что вамъ и такъ ясно. Вы тоже не дѣлали мнѣ никакихъ открытій, а я былъ увѣренъ, что и такъ знаю Я говорю о томъ чувствѣ, которое насъ связываетъ. Я думалъ, что никогда не потребуется никакихъ объясненій, а вотъ приходится... Ну, такъ я хочу спросить васъ: способны ли вы, чувствуете ли въ себѣ силу сказать мнѣ прямо и открыто: что случилось? Я говорю не о внѣшнихъ фактахъ, а о вашей душѣ, о ея отношеніи ко мнѣ.

— Я могу отвѣтить вамъ прямо.

— Я жду...

Александра Васильевна не сразу отвѣтила. Вопросъ былъ поставленъ глубоко, положеніе было серьезное. А она не была готова къ этому. Ей не хотѣлось размышлять вслухъ и, можетъ быть, неудачнымъ объясненіемъ излишне тревожить его. Она хотѣла собрать свои мысли и сказать ему главное. Она и сама теперь думала и старалась рѣшить: случилось ли въ ея душѣ что-нибудь существенное по отношенію къ нему? Сталъ ли онъ для нея менѣе близкимъ, менѣе нужнымъ? Нѣтъ, этого не произошло. А между тѣмъ, между ними явилось что то новое. Что же это? Не была ли это личность Андрея? Конечно, нѣтъ, потому что не было ни одной минуты, когда она чувствовала бы къ нему ту интимную близость, какая связывала ее съ Михаиломъ Петровичемъ. Никогда мысленно она не ставила своего новаго друга на мѣсто стараго. И она могла отвѣтить по совѣсти:

— По отношенію къ вамъ, Михаилъ Петровичъ, ничего не случилось.

— Вы не чувствуете себя измѣнившейся?

— Нѣтъ, ни капли.

— Но почему же внѣшніе факты постоянно, на каждомъ шагу, говорятъ мнѣ объ этомъ?

— Внѣшніе факты надо растолковать.

— Растолкуйте-же.

— Я стараюсь растолковать ихъ себѣ... Давайте вмѣстѣ... Мы жили въ постоянномъ неизмѣнномъ кругу. У насъ все было опредѣленно, ясно... Мы разъ навсегда установили, что вотъ это добро, а вотъ это зло, что это важно, нужно и къ этому надо стремиться, а вонъ то суетно и недостойно и его

надо отвергать и избѣгать. И благодаря этому, нашему уму жилось хорошо, спокойно. Когда случалось новое, намъ не было надобности обсуждать и рѣшать, какъ отнестись къ нему. Стоило только взглянуть: есть у него такіе вотъ признаки или другіе. И по этимъ признакамъ мы прямо относили его къ нашему добру, или къ нашему злу. Я говорю: легко было нашему уму, но отъ этой легкости онъ впадалъ въ бездѣйствіе. Въ той счастливой странѣ, идеальной, конечно, и несуществующей, гдѣ все, рѣшительно все ясно и ничто не вызываетъ недоумѣній и вопросовъ, умъ долженъ дремать, его должна сковывать сонливость. И вотъ является человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего яснаго и опредѣленнаго. Всякое новое явленіе у него подвергается сомнѣнію, его умъ постоянно ищетъ, подвергаетъ критикѣ, то разбиваетъ, то воздвигаетъ храмъ и поклоняется.. Это умъ безпокойный, онъ вѣчно мучается, но онъ ищетъ, онъ служитъ истинѣ. И когда съ нимъ общаешься, то начинаешь чувствовать какъ будто и ты переселяешься въ какую-то высшую духовную сферу. Ты самъ повышаешься и твой обычный міръ начинаетъ казаться тебѣ слишкомъ маленькимъ, узенькимъ и.. жалкимъ...

Она замолчала. Михаилъ Петровичъ шелъ рядомъ съ нею и внимательно слушалъ ее, стараясь не проронить ни одного слова. Брови его все больше и больше сдвигались, складки на лбу становились все глубже.

— Это приговоръ...—сказалъ онъ, наконецъ.

— Кому?

— Нашей жизни, нашей работѣ... Все это оказывается маленькимъ узкимъ и жалкимъ.

— Не оказывается, а кажется...

— Сперва кажется, а потомъ и окажется..

— А если бы оказалось такъ, то неужели о такомъ открытіи надо жалѣть? Развѣ не лучше знать печальную истину? Вѣдь, тогда можно расширить рамки своей жизни и возвыситься.

— Вы позволите и мнѣ говорить откровенно?

— Еще бы.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что вы не сдѣлали никакого открытія — по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ. Что нашъ кругъ маленькій, я это всегда зналъ, я никогда не заблуждался на этотъ счетъ Что существуетъ кругъ большій, я это тоже зналъ. Если я самъ заключилъ себя въ маленькій кругъ, зная, что на свѣтѣ есть болѣе широкій, то сдѣлалъ я это сознательно. Вы меня не знали, когда я былъ студентомъ. Мы тогда еще не встрѣтились, да и вы были тогда ребенкомъ, но если бы вы тогда наблюдали меня, то увидѣли-бы передъ собою

юнаго студента, кипѣвшаго всѣми увлеченіями той среды и того времени, воспламенявшагося отъ всякаго благороднаго призыва и стремительно рвавшагося въ высь... Я прошелъ все это. Но когда наступило время мнѣ начинать самостоятельную жизнь, я нашелъ въ себѣ столько твердости духа, столько—я скажу—добросовѣстности, чтобы спросить себя, есть ли у тебя силы для великаго? Не будешь ли ты, стремясь вверхъ, походить на курицу, взмахивающую крыльями, чтобы подняться всего на всего на аршинъ отъ земли? И я съ жестокой холодностью перебиралъ всѣ силы своей души, всѣ способности свои и сказалъ себѣ: нѣтъ, ты—человѣкъ обыкновенный, силы твоей души—заурядны. Стремясь къ высокому, ты только будешь растрачивать свои маленькія силы. Великія дѣла существуютъ, но гдѣ ты видѣлъ этихъ великихъ людей, которые дѣлаютъ великія дѣла? Ты знаешь по имени одного, двухъ, трехъ живыхъ, нѣсколько десятковъ называетъ тебѣ исторія... Такъ неужели же ты будешь такъ дерзокъ, чтобы, уже зная свои душевныя силы, причислить себя къ этимъ нѣсколькимъ десяткамъ изъ сотни милліоновъ?... А, вѣдь, есть на землѣ и маленькое дѣло, которое тебѣ по плечу. Дѣлая его, ты не будешь обманывать ни себя, ни другихъ; дѣлая его, ты не растратишь зря ни одной капли изъ твоихъ небольшихъ силъ и будешь видѣть скромный результатъ твоей скромной работы. И вотъ я рѣшилъ: сознательно съузить свои задачи и стремленія и работать надъ маленькимъ, но доступнымъ моимъ силамъ, дѣломъ. Вы, Александра Васильевна, не переживали этого состоянія, вы прямо послѣ гимназіи встрѣтились съ нашимъ кружкомъ, со мной, когда я уже выбралъ себѣ дорогу, и вотъ почему васъ такъ подняли эти слова, этотъ призывъ къ высшему, къ какой то широкой работѣ, къ чему-то неясному, неопредѣленному и... позвольте мнѣ сказать это—безплодному.

— Вы, значитъ, увѣрены, что Андрей ни на что не способенъ?

— Не хочу отвѣчать на этотъ вопросъ. Мнѣ было бы больно отвѣтить. Но вы сами скажите, на что вы считаете его способнымъ?

— У него такія возвышенныя идеи, такія оригинальныя... Одна проповѣдь этихъ идей—уже работа. Человѣкъ съ пламенной душой можетъ однимъ словомъ зажечь цѣлое общество.

— Да, если у него самого есть вѣра въ тотъ огонь, которымъ онъ горитъ. Если это огонь священный, а не просто огонь бунтующейся крови и слишкомъ впечатлительныхъ нервовъ... Я не хочу разочаровывать васъ, но вы увидите, какой будетъ жалкій конецъ его предпріятію.

— Вы говорите о его бесѣдахъ? Вы въ нихъ не вѣрите?

— Я знаю только одно: что онъ ни разу въ жизни не довелъ до конца ни одного дѣла.

— Но вы видѣли, какъ онъ работаетъ.

— Это всегда бываетъ у него при началѣ дѣла... Но нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу предсказывать. Я хотѣлъ только знать о вашемъ отношеніи ко мнѣ.. Значитъ, вы, по моему мнѣнію, заблуждаясь, все таки попрежнему можете протянуть мнѣ руку? Такъ понялъ я васъ, Саша?

— О, разумѣется... Какъ вы могли сомнѣваться въ этомъ?

Онъ порывисто схватилъ ея руку и крѣпко пожалъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, когда они выходили изъ сада, шли по улицѣ, приближаясь къ дому, Александра Васильевна переживала какъ бы нѣкоторое колебаніе. Горячія слова Михаила Петровича, его разсказъ о студенческой порѣ, объ увлеченіяхъ, и неясное, но достаточно опредѣленное сомнѣніе въ его отзывахъ объ Андреѣ—все это повліяло на нее.

Но вотъ они пришли домой. Андрей все еще сидѣлъ въ своей комнатѣ и работалъ. Александра Васильевна пріотворила дверь въ его комнату и заглянула туда.

— Можно?—спросила она.

— А вотъ ставлю точку,—сказалъ Андрей.

— Послѣднюю?

— Ну, послѣдней точки никогда не бываетъ, если допустить, что мысль движется впередъ. Послѣдняя точка будетъ тогда, когда какой нибудь Юпитеръ или Венера столкнутся съ землей и раздавятъ ее.

И онъ положилъ перо и поднялся. Глаза его горѣли, лицо дышало вдохновеніемъ. Онъ казался весь проникнутымъ своими мыслями, которыя кипѣли въ его головѣ.

Александрѣ Васильевнѣ показалось, что въ эту минуту она, помимо всякихъ соображеній, вѣритъ въ него.

VI.

Первая бесѣда была назначена на субботу. Въ пятницу Андрей объявилъ, что онъ вполнѣ готовъ. Разсчитывать на свою память и на краснорѣчіе онъ не рѣшился. Ему еще никогда не приходилось говорить продолжительное время передъ слушателями. И онъ послѣ долгой работы написалъ на бумагѣ всю бесѣду.

— Только предупреди твоихъ согражданъ,—говорилъ онъ шутя Михаилу Петровичу,—чтобы они запаслись бутербродами. Я, можетъ быть, часа два не отпущу ихъ.

Въ субботу вся интеллигенція уѣзднаго города собралась въ небольшомъ залѣ при городской школѣ. Охотниковъ по-

слушать петербургскаго гостя нашло все-же съ полсотни. По крайней мѣрѣ, половину составляли женщины.

Небольшой залъ былъ почти наполненъ. Всѣ мѣста въ нёмъ были заняты. Притащили учительскую каѳедру, на ней поставили двѣ свѣчи и графинъ съ водой. Въ восемь часовъ публика была уже вся въ сборѣ и съ нетерпѣніемъ ожидала лектора. И онъ, наконецъ, явился.

Его внѣшній видъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ одѣтъ, какъ всегда, небрежно. На немъ были старый пиджакъ и мягкая рубашка. Михаилъ Петровичъ уговаривалъ его одѣться по парадному, предлагалъ ему свой сюртукъ, хотѣлъ придать ему болѣе торжественный видъ, но на это Андрей ни за что не согласился.

— Зачѣмъ?—говорилъ онъ.—Вѣдь они придутъ слушать меня, а не смотрѣть на меня. Притомъ же, у меня нѣтъ сюрту а и, если я явлюсь въ твоемъ, то будетъ обманъ. Впрочемъ,— прибавилъ онъ полушутя,—я, пожалуй, надѣну твой сюртукъ, но съ условіемъ: передъ началомъ бесѣды ты выйдешь и объявишь, что лекторъ, за неимѣніемъ собственнаго сюртука, появится въ сюртукѣ своего брата.

Разумѣется, на подобное условіе нельзя было согласиться, и Михаилъ Петровичъ долженъ былъ допустить, чтобы Андрей читалъ въ своемъ обычномъ видѣ.

Первыя десять минутъ лекторъ читалъ плохо. Онъ сразу началъ слишкомъ громко, а потомъ, замѣтивъ, что получается ненужный крикъ, сейчасъ перешелъ на слишкомъ тихій голосъ и его уже было плохо слышно. Въ это время онъ незамѣтно приспособлялся къ условіямъ. Но, наконецъ, онъ овладѣлъ условіями зала и теперь уже каждое слово произносилось имъ внятно и вся его рѣчь какъ нельзя лучше долетала до слуха и входила въ сознаніе слушателей.

Онъ давалъ очеркъ постепеннаго преемственнаго развитія искусства и въ частности литературы за послѣднія 30 лѣтъ. Слушатели, въ первыя минуты развлекавшіеся недостатками его лекторскаго вида, наконецъ, привыкли къ этому и забыли объ этомъ. Изложеніе захватило ихъ, и они слушали съ величайшимъ вниманіемъ.

Все, что онъ говорилъ, было для нихъ ново. Его очеркъ былъ намѣченъ широко. Онъ остановился на движеніи искусства во Франціи и Германіи, и слушатели все яснѣе и яснѣе видѣли, что въ то время, какъ они, живя въ уѣздномъ городѣ, совершали каждый свое маленькое дѣло, поддерживая свои связи съ умственной жизнью міра при помощи газетъ и журналовъ на свѣтѣ происходили вещи, о которыхъ они и не подозрѣвали

Понятія «декадентство,» «символизмъ» являлись въ уѣздный городъ въ ихъ повседневномъ значеніи и теперь предстали передъ ними въ совершенно новомъ смыслѣ. Имена, о которыхъ они слышали и читали вскользь, подчасъ изображаемыя въ комическомъ видѣ, освѣщенныя теперь новымъ свѣтомъ, вдругъ оказывались значительными и великими. Широко набросанная картина всѣхъ увлекла. И когда, прочитавъ уже больше часу, Андрей поставилъ точку и объявилъ перерывъ, всѣмъ показалось, что прошло не больше четверти часа.

Публика повставала съ своихъ мѣстъ и, гуляя и куря въ корридорахъ, вела неумолкаемые разговоры о бесѣдѣ. Андрей въ это время отдыхалъ въ небольшой комнатѣ, примыкавшей въ залу Къ нему приходили Михаилъ Петровичъ и Александра Васильевна.

Михаилъ Петровичъ былъ тронутъ. Онъ слышалъ отзывы публики, и ему было пріятно, что брату его удалось такъ увлечь слушателей

— Интересно, ужасно интересно,—говорилъ онъ Андрею,— всѣ говорятъ, что ты точно открылъ намъ новый міръ.

— Это оттого, друзья мои, что вы мало читаете,—сказалъ на это Андрей,—повѣрь, что я ни одного слова не выдумалъ изъ головы. Все это написано во множествѣ книгъ.

— Мы этихъ книгъ не читаемъ. Намъ всѣмъ некогда и мы тебѣ очень благодарны, Андрей, за то, что ты прочиталъ ихъ за насъ и разсказалъ намъ.

Сдѣлавъ это трогательное заявленіе, Михаилъ Петровичъ пошелъ въ залъ. Онъ былъ распорядитель, и у него было много обязанностей.

Въ одной изъ школьныхъ комнатъ онъ устроилъ чайный столъ, и всѣмъ присутствовавшимъ былъ предложенъ чай. Хозяйкой тамъ была Марья Григорьевна. Но ей одной трудно было справиться. Онъ помогалъ ей.

Александра Васильевна угощала лектора. Она принесла ему чаю. Сама она испытывала какой то необычный, несвойственный ей подъемъ. Она радовалась тому, что Андрею удалось доказать свою способность быть полезнымъ.

«Въ самомъ дѣлѣ,—думала она.—вотъ мы всѣ тутъ работаемъ годы изо дня въ день, каждый дѣлая свое маленькое незамѣтное дѣло, а онъ въ теченіе одного часа своей бесѣдой подвинулъ насъ на цѣлые десятки лѣтъ впередъ. Какъ все вдругъ освѣтилось! Я стала умнѣе, я это чувствую. Должно быть, и другіе это чувствуютъ».

Она съ благодарностью смотрѣла ему въ глаза и крѣпко пожимала его руку.

Самъ Андрей былъ взволнованъ. Состояніе его нервовъ было повышенное. Ему нравился успѣхъ, и всѣ эти похвалы и признанія доставляли ему удовольствіе.

Послѣ того, какъ гостями былъ выпитъ чай, многіе изъ публики приходили къ нему и пожимали его руку и говорили:

— Мы вамъ очень благодарны, Андрей Петровичъ, вы разсказали намъ много новаго...

Андрею и это было пріятно, хотя онъ и увѣрялъ себя, что равнодушенъ къ похваламъ.

Послѣ перерыва опять всѣ усѣлись на свои мѣста, и Андрей приступилъ ко второй части. Теперь ужъ ему не было надобности приспособляться къ условіямъ. Онъ сразу взялъ правильный тонъ и повелъ своихъ слушателей въ Англію, въ Италію, въ Испанію. Затѣмъ онъ заговорилъ объ искусствѣ на Востокѣ, о томъ вліяніи, какое оригинальное японское искусство оказало на европейское, и опять для слушателей время шло незамѣтно и, когда по прошествіи второго часа, Андрей объявилъ, что въ слѣдующей своей бесѣдѣ, которая состоится, вѣроятно, черезъ недѣлю, онъ будетъ говорить о томъ, какъ всѣ эти новыя теченія и направленія отразились въ русскомъ искусствѣ, а что теперь пора уже кончить,—всѣ съ величайшимъ сожалѣніемъ приняли эту вѣсть. Они могли бы слушать еще долго.

Были горячіе аплодисменты. Многіе изъ публики ходили къ Андрею и опять жали ему руку.

Когда публика мало-по-малу разошлась и Андрей уже собирался уходить домой, къ нему вдругъ подошелъ докторъ Изюмовъ и протянулъ ему руку.

— Я долженъ поблагодарить васъ и извиниться передъ вами,—сказалъ онъ:—тогда вышло недоразумѣніе, я очень жалѣлъ объ этомъ...

Словомъ, произошло полное примиреніе мѣстной интеллигенціи съ пріѣзжимъ изъ Петербурга. Всѣ какъ бы признали. что онъ человѣкъ высшаго калибра, и простили ему его угловатости и чудачества.

Но полчаса позже Андрей получилъ еще высшее удовлетвореніе, какого не ожидали ни онъ, ни Михаилъ Петровичъ.

Едва только они пришли домой—всѣ Образновы и съ ними Александра Васильевна—и собрались въ столовой за чайнымъ столомъ, какъ начали раздаваться одинъ за другимъ звонки въ передней.

Ближніе и дальніе знакомые приходили, безъ всякихъ приглашеній входили въ домъ, являлись въ столовую, которая мало-по-малу наполнилась. Всѣ подходили къ Андрею и

жали ему руку. У всѣхъ были оживленныя, взволнованныя лица.

— Вотъ видите, Андрей Петровичъ, какъ вы освѣжили насъ, подняли —говорили ему:—мы вамъ отъ души благодарны!

Михаилъ Петровичъ, разумѣется, всѣхъ усаживалъ за столъ, предлагалъ чай и, какая нашлась, закуску. Сыпались вопросы.

— Вотъ вы сказали то то... А я вотъ чего не понялъ... Меня заинтересовалъ вотъ какой вопросъ... А есть ли такая вотъ книжка на русскомъ языкѣ и откуда ее можно выписать?..

Андрей совершенно неизбѣжнымъ образомъ сдѣлался центральнымъ лицомъ этой импровизированной группы. Онъ охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы. Онъ дополнялъ свою «бесѣду» сообщеніями, онъ давалъ указанія.

Лицо его было оживлено, глаза горѣли. Онъ, видимо, былъ взволнованъ, вдохновленъ. Онъ переживалъ рѣдкія минуты духовнаго удовлетворенія.

И эта непредусмотрѣнная «бесѣда» длилась долго-долго за полночь. Уѣздный городъ не привыкъ къ такимъ долгимъ сидѣніямъ въ гостяхъ. Уже на улицѣ начало свѣтать, когда незванные гости стали расходиться.

— Ждемъ съ нетерпѣніемъ слѣдующей субботы,- говорили на прощанье Андрею его новые поклонники.

Александра Васильевна ушла поздно. Кто то изъ гостей взялся проводить ее. Она подошла къ Андрею и крѣпко пожала ему руку.

— Вотъ видите,—сказала она ему:—значитъ, надо только захотѣть...

Скоро погасли огни въ домѣ Образновыхъ. Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Андрей очень долго не могъ заснуть. Нервы его были утомлены, но въ то же время и взвинчены. Онъ перевертывался съ боку на бокъ до самаго восхода солнца. И только, когда наступилъ день, вѣки его сомкнулись, и онъ уснулъ глубочайшимъ сномъ.

Онъ проспалъ цѣлый день. Уже вечерѣло, когда онъ проснулся. Умывшись и одѣвшись, онъ вышелъ, когда въ столовой уже все было приготовлено къ обѣду.

VII.

На другой день, за утреннимъ чаемъ, у Андрея лицо было усталое и какое то помятое. Онъ плохо спалъ ночь, потому что выспался днемъ.

Михаилъ Петровичъ часто просыпался ночью, разбуженный

его шагами. Андрей ходилъ по комнатѣ, отворялъ окно, выходилъ даже въ полисадникъ. Теперь безсонная ночь отразилась на его лицѣ. Выраженіе глазъ было какое то смутное.

— Ты будешь заниматься?—осторожно спросилъ его Михаилъ Петровичъ.

— Нѣтъ, сегодня я неспособенъ. Я думаю закатиться на цѣлый день въ лѣсокъ. Побесѣдовать съ природой. Это самый остроумный собесѣдникъ, какого я только знаю!—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Не забывай, что ты назначилъ свою бесѣду въ субботу. А сегодня понедѣльникъ,—сказала Марья Григорьевна.

— Успѣю, успѣю,—разсѣянно отвѣтилъ Андрей и, какъ то шумно отодвинувъ отъ себя допитый стаканъ, поднялся и ушелъ въ свою комнату.

Минутъ черезъ пять онъ оттуда вышелъ, держа въ рукахъ шляпу и палку.

— Обѣдать придешь?—спросила его Марья Григорьевна.

— Надѣюсь. Но если ужъ очень тамъ будетъ хорошо, останусь до ночи.

И онъ вышелъ, а Марья Григорьевна и Михаилъ Петровичъ переглянулись.

— Точно сердится на насъ,—сказала Марья Григорьевна.

— Но мы ничего не сдѣлали такого, за что слѣдовало бы сердиться!—замѣтилъ Михаилъ Петровичъ.—Это просто у него нервы все еще приподняты.

— Ахъ, все нервы, да нервы. Когда вы говорите «нервы», такъ вамъ что то понятно, а вотъ я такъ не понимаю. Нервы тоже должны имѣть причину.

— Повѣрьте, мама, что и мы ничего не понимаемъ. А просто нужно хоть для виду имѣть какое-нибудь, хотя и вздорное объясненіе.

Михаилъ Петровичъ ушелъ въ управу, а Марья Григорьевна занялась хозяйствомъ. Часовъ около двѣнадцати пришла къ нимъ Александра Васильевна. Она поздоровалась съ Марьей Григорьевной, увѣренно подошла къ комнатѣ Андрея и постучалась въ дверь.

— Это ты напрасно стучишь. Его тамъ нѣтъ,—сказала ей почти иронически Марья Григорьевна.

— Какъ? Развѣ онъ не занимается?

— Сказалъ: успѣю, и побѣжалъ въ лѣсокъ.

— Прогуляться?

— Да прогуливаться-то собирается цѣлый день, сказалъ: едва-ли даже обѣдать приду. Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ... Наказаніе

онъ мое, вотъ что. Когда бы не далъ мнѣ Господь Михаила, такъ не имѣла бы я никакого утѣшенія въ жизни. Никуда онъ не пригоденъ, никуда.

— Полноте, Марья Григорьевна, Андрей Петровичъ доказалъ свою пригодность!—возразила Александра Васильевна.

— Доказалъ? Чѣмъ же это онъ доказалъ? Что онъ умный и образованный? Такъ въ этомъ кто же сомнѣвается!

— Не только это, Марья Григорьевна,—развѣ вы не видѣли, какой подъемъ былъ у всѣхъ въ субботу? Какъ всѣ почувствовали себя лучше, чище...

— Э, Александра Васильевна, не понимаешь ты, о чемъ я говорю. Я не о томъ. Развѣ я говорю, что онъ какой-нибудь дурной человѣкъ или что?.. У него и талантъ, и умъ, и образованность, а примѣнить не можетъ. А почему? Да потому что ни до кого ему нѣтъ дѣла, никого и ничего онъ не любитъ и полюбить не можетъ. Все равно ему до всѣхъ... Вотъ и это,—ты говоришь: подъемъ. Такъ, былъ подъемъ, не спорю. Но отчего? Вѣдь, онъ больше недѣли сидѣлъ, писалъ, работалъ, голову ломалъ... Потому внovѣ было. А теперь уже подъема не будетъ, потому что онъ работать больше не станетъ, а такъ изъ головы будетъ говорить, что въ голову придетъ, то и скажетъ. И оскандалится. Вотъ увидишь, что порохъ-то онъ свой въ одинъ разъ истратилъ, а больше и нѣтъ. Видѣла я, по глазамъ его видѣла, что наскучило ему это, и больше онъ палецъ о палецъ не ударитъ.

Александра Васильевна не спорила, но и не согласилась. Она посидѣла съ Марьей Григорьевной съ полчаса, а затѣмъ ушла домой.

Къ четыремъ часамъ она, по обыкновенію, опять была у нихъ. Андрей не явился. Онъ пришелъ тогда, когда уже стемнѣло.

Пришелъ онъ оживленный, прекрасно настроенный, и сейчасъ же началъ говорить о томъ, какъ хорошо въ лѣскѣ, какъ онъ тамъ гулялъ и спалъ и пилъ гдѣ то молоко, сдѣлалъ какія то знакомства, нашелъ какіе то интересные типы... Объ этихъ типахъ онъ говорилъ съ увлеченіемъ и высказалъ намѣреніе завтра опять итти въ лѣсокъ.

— А лекція?—спросила Александра Васильевна.

— Лекція? Да, вѣдь, она въ субботу.

— Вы развѣ не будете готовиться?

— Приготовлюсь. Успѣю. Не диссертацію же въ самомъ дѣлѣ мнѣ писать.

— А для первой вашей лекціи вы писали диссертацію.

— Я всегда говорилъ, что добродѣтель бываетъ опасна.

Поступи одинъ разъ добродѣтельно—и уже это считаютъ для тебя обязательнымъ, къ тебѣ не будутъ снисходительны, всегда будутъ ставить тебѣ въ примѣръ твою же добродѣтель. Вы не безпокойтесь, Александра Васильевна, я свое дѣло сдѣлаю.

Александра Васильевна въ этотъ вечеръ больше ни слова не сказала ему о лекціи, а Михаилъ Петровичъ тѣмъ больше.

Но когда на другой день Александра Васильевна, придя къ Образновымъ, узнала, что Андрей опять съ утра отправился въ лѣсокъ, она серьезно обезпокоилась.

Михаилъ Петровичъ въ этотъ день уѣхалъ въ уѣздъ, чтобы вернуться только на слѣдующій день къ вечеру. Александра Васильевна рѣшила отправиться за городъ, встрѣтиться съ Андреемъ и поговорить съ нимъ.

Ее обременяло странное чувство. Какъ будто она несла отвѣтственность за дѣйствія Андрея. Вѣдь, это она подвинула его, она подбила его начать свои бесѣды; если бы она не уговаривала его, онъ не началъ бы ихъ. Такимъ образомъ, она чувствовала себя лично заинтересованной въ томъ, чтобы дѣло было непремѣнно доведено до конца.

Былъ полдень. Жара стояла нестерпимая. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ прогулка за городъ въ такой день представлялась настоящимъ подвигомъ. Обыватели уѣзднаго города въ такіе дни безъ неотложной надобности старались не выходить изъ дому. До лѣска было версты четыре.

Александра Васильевна прошла пѣшкомъ почти до границы города съ предмѣстьемъ, а здѣсь взяла извощичью бричку. Вотъ она пріѣхала въ лѣсокъ.

Въ лѣсу, она знала, была небольшая досчатая избушка, въ которой жилъ сторожъ. Здѣсь она могла остановиться, кучеръ могъ распрячь лошадь и попасти ее на зеленой травѣ.

Лѣсокъ принадлежалъ городу, не приносилъ никакого дохода и хранился, какъ статья будущаго дохода: его предполагали обратить въ дачныя мѣста. Но пока потребности въ дачахъ никто не обнаруживалъ.

Сторожъ жилъ здѣсь съ семействомъ, и Александра Васильевна немного знала его жену. Она спросила о господинѣ въ черной шляпѣ съ большой палкой въ рукахъ.

— Они тутъ были,—отвѣтили ей,—должно быть, около ручейка сидятъ.

Ручеекъ она знала и направилась туда. Она нашла Андрея не сразу. Прикрытый деревьями, онъ лежалъ на землѣ въ жилетѣ, пиджакъ висѣлъ на сучкѣ.

Онъ услышалъ шаги и оглянулся. Александра Васильевна остановилась шагахъ въ ста отъ него.

— Это я, Андрей Петровичъ.

— О, о... Но погодите минутку, я приведу себя въ порядокъ,— воскликнулъ онъ.

Онъ привсталъ и надѣлъ пиджакъ.

— Теперь идите. Какимъ образомъ вы нашли меня?

— Мнѣ указали у сторожа.

— А, это мои пріятели. У нихъ я пользуюсь сухарями и молокомъ. Садитесь на травку.

Александра Васильевна сѣла близко отъ него.

— Съ чего это вы вздумали вести пустынническій образъ жизни?

— Такъ... Явилось желаніе удалиться отъ людей... Должно быть, совѣсть моя нечиста.

— Ваша совѣсть?

— Очевидно, ибо я слышалъ упреки. Мать и братъ упрекали меня сегодня за бездѣльничество. Вотъ и вы сейчасъ упрекать будете.

— Я не буду упрекать васъ, но спрошу объясненія...

— Ну, это одно другого стоитъ. Я вижу, что здѣсь личной свободы не признаютъ.

— Чѣмъ нарушаютъ вашу личную свободу, Андрей Петровичъ? Вы преувеличиваете.

— Но неужели нѣтъ? Мать и братъ дѣйствуютъ на мою совѣсть. Допустимъ, что моя совѣсть въ самомъ дѣлѣ не чиста. Въ такомъ случаѣ упреки тревожатъ ее, заставляютъ раскаиваться, а раскаяніе есть страданіе... Вы требуете объясненія, но это хуже упрека. На упрекъ можно промолчать, какъ я и дѣлаю, а объясненіе надо давать. Но неужели вы думаете, что каждый поступокъ, каждый шагъ можно объяснить? О, если бы это было такъ, то жизнь походила бы на дипломатическую канцелярію. Сдѣлалъ шагъ и сейчасъ же—нота, меморандумъ, а то и ультиматумъ .. Жизнь была бы невыносима. Не было бы мѣста для этихъ милыхъ безсознательныхъ эмоцій... Я не въ состояніи объяснить свой поступокъ... Наконецъ, мнѣ это доставило бы отраву.

— Въ такомъ случаѣ не объясняйте... Ничего не объясняйте...

— Но у васъ въ головѣ въ это время гвоздемъ будетъ сидѣть мысль; почему онъ не приготовляется къ бесѣдѣ, которая назначена въ субботу,—не такъ ли?

— Это все равно. Я обѣщаю не высказывать свою мысль.

— Но не могу же я спокойно дышать воздухомъ и наслаждаться шелковистой зеленью травы, когда у моего ближняго торчитъ гвоздь въ головѣ.

— Зато никто не покушается на вашу свободу.

— Такимъ образомъ, вы думаете, что если бы на моихъ глазахъ человѣкъ привѣсилъ конецъ веревки къ дереву, а другой, въ видѣ петли, накинулъ себѣ на шею, то это не нарушало бы моей свободы и я могъ бы, глядя на него, спокойно наслаждаться жизнью.

— Если бы васъ это безпокоило, то вы подошли бы и сняли бы съ его шеи петлю.

— Такъ что же собственно вы хотите отъ меня узнать?— будимъ уже говорить напрямикъ.

— Напрямикъ, хорошо: я хочу знать, правда ли то, что мнѣ подсказываетъ моя подозрительность,—что вы уже охладѣли къ вашему предпріятію?

— А, вотъ что! Но, во первыхъ, предпріятіе не мое, а ваше...

— Хорошо это «во первыхъ»,—оно кладетъ мрачную окраску и на второе, и на третье, и на всѣ остальные. Итакъ во вторыхъ?

— Во вторыхъ, что собственно заключаетъ оно въ себѣ такого, передъ чѣмъ слѣдовало бы умиляться?

— Зачѣмъ же умиляться? Вы принесли явную пользу. Развѣ этого недостаточно?

— Явную пользу... Вотъ это то и вопросъ. Я не вижу ни явной, ни тайной.

— Значитъ вы забыли то впечатлѣніе, какое произвела ваша лекція.

— Впечатлѣніе и есть впечатлѣніе; оно сохраняется нѣкоторое время, а затѣмъ исчезаетъ. Ахъ, увѣряю васъ, все это чепуха, обманъ чувствъ, не больше. Если хотите знать мое настоящее мнѣніе, такъ вотъ оно: посѣять зерно даже въ хорошо разработанную почву—не достаточно. Надо ухаживать за нимъ, полоть, расчищать, поливать, защищать отъ холода и жары. А тутъ и почва-то не была приготовлена. Она давно уже заросла сорными травами. А объ уходѣ за посѣяннымъ зерномъ и рѣчи не можетъ быть. Ну хорошо, я посѣялъ зерно, я допускаю это. Но я знаю, какой будетъ за нимъ уходъ. Навѣрно, поверхъ испанской и французской литературы, поверхъ итальянской живописи будетъ положенъ какой нибудь земскій мостъ и раздавитъ его своею тяжестью. Пустое это занятіе. Всѣ мы тѣшимся, не больше. Я тѣшусь тѣмъ, что будто бы приношу пользу, а они получаютъ неосновательное право считать себя вдругъ сдѣлавшимися мудрецами... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, они воображаютъ, что за два часа усвоили себѣ все то, что я изучалъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Это очень легко дѣлать такую починку въ своемъ міросозерцаніи, не правда-ли?

Это все равно, что въ экипажѣ ось сломалась: заѣхали въ кузницу и готово... А? Какъ вы думаете?

Александра Васильевна съ глубокою скорбью смотрѣла на него. Что же это значитъ? Онъ отрицаетъ совсѣмъ, даже безъ оговорокъ? Неужели-же былъ правъ Михаилъ Петровичъ? Такъ это конецъ? Его хватило только на одинъ вечеръ, на начало.

Нѣтъ, съ этимъ такъ легко примириться нельзя. Надо спорить. Надо прибѣгнуть къ какому нибудь ухищренію.

— Ну хорошо, хорошо,—сказала Александра Васильевна:— пусть все это такъ. Но вы забыли, что хотѣли доказать всѣмъ и каждому вашу способность довести дѣло до конца.

— Всѣмъ и каждому!..—саркастически подхватилъ Андрей — Но какое мнѣ дѣло до всѣхъ и каждаго? Неужели вы думаете, что меня можетъ трогать вопросъ: что думаютъ обо мнѣ всѣ и каждый?

— Но, наконецъ, вы *мнѣ* хотѣли это доказать,—промолвила Александра Васильевна, какъ послѣдній свой доводъ.

— Да... Вотъ это... Это, конечно, очень важно .. Ну, а если я васъ спрошу: а это зачѣмъ? Допустимъ, что я вамъ доказалъ. Что-жъ будетъ дальше?

— Но что же можетъ быть дальше?—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на него, промолвила Александра Васильевна.

— Ну да, дальше... Я именно говорю: дальше... Вотъ вы... Вы прекрасная молодая дѣвушка, вы способны сдѣлать человѣка счастливымъ,— разумѣется, насколько счастье возможно на землѣ... Но докажу я вамъ, или не докажу, все равно вы сдѣлаете счастливымъ другого, а не меня...

Александра Васильевна взглянула на него и ужаснулась тому, что прочитала въ его глазахъ. Эти глаза горѣли какимъ-то новымъ огнемъ, какого она ни разу еще не видѣла. Тотъ огонь, какой вспыхивалъ въ нихъ до сихъ поръ, привлекалъ ее, а этотъ вселялъ какой то инстинктивный страхъ. А на губахъ его играла странная усмѣшка и губы эти дрожали.

Она инстинктивно отодвинулась отъ него, а затѣмъ поднялась и брови ея нахмурились.

— Этого довода я совсѣмъ не понимаю, Андрей Петровичъ,—сдержанно, дрожащимъ голосомъ сказала она.

— Ну, то-то и есть... Этого обыкновенно не понимаютъ... Нѣтъ, постойте,—вдругъ, снова возвысивъ голосъ, какъ то настойчиво и требовательно прибавилъ Андрей: объясните мнѣ... Вотъ мой братъ Михаилъ—человѣкъ обыкновенный скромный, ограниченный, какъ и всѣ, вы этого не станете отрицать. А вотъ я: у меня тысяча недостатковъ, даже пороковъ, но вы сами

признали, что я человѣкъ незаурядный... Я это знаю и не имѣю никакого желанія скрывать. Я выше моего брата... Но почему вы все таки отдаете ему предпочтеніе, ему, скромному, обыкновенному, ограниченному, передо мной — способнымъ, по вашему же мнѣнію, въ теченіе двухъ часовъ поднять на какую-то высоту цѣлое общество?.. Отвѣчайте же, отвѣчайте...

— Я вамъ отвѣчу,—какъ то вся выпрямившись, точно выросши, сказала Александра Васильевна.— Я вамъ отвѣчу. Потому что съ вашимъ братомъ меня связываетъ давняя дружба; потому что съ нимъ мы пережили много горя и радости, потому что я такая же скромная и ограниченная и такой же маленькій человѣкъ. какъ и онъ, потому что, наконецъ, вашего брата я люблю... Вы не поѣдете домой Андрей Петровичъ?— почти дѣловымъ тономъ спросила она.—У меня здѣсь извозчикъ.

Онъ не поднялъ головы и не взглянулъ на нее.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Я останусь! — глухо отвѣтилъ онъ.

Александра Васильевна пошла отъ него по тропинкѣ, которая вела къ избушкѣ сторожа. Она не оглянулась Но слышала, какъ онъ что то энергично проворчалъ, потомъ сдѣлалъ сильное движеніе и съ шумомъ грохнулся на траву.

Она не остановилась. Сердце ея стучало мѣрно и холодно. Не странно-ли, что она въ первый разъ въ жизни высказалась въ своемъ чувствѣ къ Михаилу Петровичу и высказалась именно передъ этимъ человѣкомъ?

Она торопилась и торопила извощика, заставляя его поскорѣе запрягать лошадь. Наконецъ, бричка была готова, она сѣла и поѣхала въ городъ

Она не заѣхала къ Образновымъ. Ей непріятно было объяснять Марьѣ Григорьевнѣ то, что она узнала. А между тѣмъ теперь для нея не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Андрей блестяще подтвердитъ предсказаніе Михаила Петровича.

Это объясненіе въ чувствѣ — не ясное, но смѣлое, рѣзкое и угловатое, какъ все, что онъ дѣлаетъ, въ чувствѣ грубомъ, оскорбительномъ, это касается только ея. И это неважно, потому что въ ея власти было дать его объясненію то или другое направленіе.

Но всѣ эти его разговоры о безполезности «бесѣдъ», всѣ его доводы и доказательства, вѣдь, это не больше, какъ безсиліе.

Подъ вліяніемъ-ли вспыхнувшей въ немъ глупой страсти къ ней или тщеславія или каприза, онъ тогда почувствовалъ въ себѣ подъемъ, но этого подъема хватило только на одну недѣлю. А затѣмъ его, очевидно, испугала работа, нѣчто об

зательное. Такія натуры не выносятъ никакого долга... И это кончилось. Дѣло, начатое такъ блестяще, не будетъ доведено до конца, потому что здѣсь не было ни плана, ни строгаго руководства воли, а была только вспышка, одна только вспышка, блестящая, какъ фейерверкъ, но столь же кратковременная и столь же безплодная.

— Такъ вотъ что помогаетъ людямъ быть полезными, даже тогда, когда силы ихъ незначительны,—думала теперь Александра Васильевна.—Твердая воля, ясное сознаніе цѣли, и вѣра, вѣра въ свое дѣло, хотя бы глупая, хотя бы слѣпая, хотя бы и неосновательная вѣра,—но вѣра во что бы то ни стало.

Андрей ни во что не вѣритъ—кромѣ себя, своей личности, своего удовольствія. Между нимъ и этой маленькой ежедневной скучной жизнью съ ея маленькими радостями и печалями, маленькими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но огромными въ томъ общемъ и цѣломъ, что называется жизнью,—нѣтъ никакой связи.

Словно какая то невидимая рука подрѣзала всѣ нити, какія могли связывать его съ этой жизнью, подрѣзала въ самый моментъ его рожденія... И между ними стоитъ стѣна.

Александра Васильевна поѣхала прямо домой. Въ этотъ день она не пошла къ Образновымъ. Она знала, что Михаилъ Петровичъ вернется только завтра къ вечеру. Ей не хотѣлось встрѣчаться съ Андреемъ, пока эта исторія какъ-нибудь не разрѣшится.

Разрѣшилась эта исторія такъ просто, какъ она и не представляла себѣ.

Андрей въ этотъ день не остался въ лѣсу до вечера. Онъ пришелъ домой часа въ четыре. Придя домой, онъ обратился къ матери:

— Михаилъ пріѣдетъ, кажется, завтра?

— Да, не раньше,—отвѣтила Марья Григорьевна.—Ужъ онъ всегда на два дня уѣзжаетъ.

— Досадно... Мнѣ необходимо сегодня уѣхать.

— Сегодня?—спросила Марья Григорьевна, и въ ея тонѣ не было слышно ни капли изумленія, точно она давно это знала.

— Да, сегодня, мама,—не глядя на нее, сказалъ Андрей.—Я получилъ одно извѣстіе... Словомъ, это нужно... Но у меня нѣтъ денегъ, чтобы уѣхать.

— А у меня, Андрюша, очень мало...—сказала Марья Григорьевна.

— Да мнѣ, вѣдь, и не надо много... Я привыкъ ѣздить скромно. Если бы нашлось рублей двадцать...

— Двадцать то рублей найдется... если надо... Я дамъ тебѣ,—кротко сказала Марья Григорьевна.

— Вотъ и прекрасно... Ваша эта «фура» уходитъ, кажется, на ночь въ семь часовъ... Вотъ и я поѣду...

Онъ ушелъ въ свою комнату и очень быстро собралъ тамъ все свое немногочисленное имущество. Чемоданъ былъ готовъ.

Марья Григорьевна принесла ему двадцать рублей. Онъ спряталъ деньги и поцѣловалъ мать. Онъ взялъ свой чемоданъ въ лѣвую руку, а палку въ правую и вышелъ изъ дома. Здѣсь онъ взялъ проѣзжавшаго мимо извощика, сѣлъ въ бричку и поѣхалъ. Черезъ часъ онъ выѣзжалъ изъ уѣзднаго города въ «общественномъ дилижансѣ».

Когда на другой день пріѣхалъ Михаилъ Петровичъ и узналъ объ отъѣздѣ брата, онъ тоже мало удивился этому. Пришлось оповѣстить всѣхъ знакомыхъ о томъ, что продолженіе «бесѣдъ» не состоится, а когда онъ встрѣтился съ Александрой Васильевной, то у обоихъ явилось желаніе обойти всю эту исторію молчаніемъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого, когда прошло лѣто и началась осень, въ уѣздномъ городѣ былъ довольно торжественный праздникъ. Александра Васильевна Границкая вѣнчалась съ Михаиломъ Образновымъ.

И. Потапенко.

За свободу.

РОМАНЪ

Алоиза Ираска.

Перевелъ съ чешскаго В. Южанинъ.

(Продолженіе).

IV.

Въ эту минуту послышались маленькіе быстрые неувѣренные шажки; маленькій Павликъ прибѣжалъ отъ бабушки, а за нимъ, заплетаясь, шла златокудрая Ганалка. Дѣти, увидавъ отца, съ крикомъ бросились къ нему и обхватили его колѣна. Подхвативъ обоихъ, онъ усадилъ ихъ и прижалъ къ себѣ. Вслѣдъ за ними вошла и его старуха мать. И до нея дошла вѣсть о томъ, что паны срубили старую липу Кожины. Больше она ничего не знала. Взволнованная этимъ извѣстіемъ, она нахмурилась, увидавъ сына, играющаго съ дѣтьми.

— Паны срубили липу на Глинищахъ?—сказала она строго.

— Да, я знаю.

Она теперь только увидала его повязку.

— У тебя обвязана голова.

— Мнѣ расшибли ее подъ липой,—спокойно отвѣтилъ онъ.

— Ты оборонялся?!

— Но не сохранилъ ее.

Старая крестьянка, направлявшаяся отъ двери къ постели, при этихъ словахъ вдругъ остановилась, и взглядъ ея съ нѣмымъ удивленіемъ остановился на сынѣ.

Потомъ, прервавъ молчаніе, она спросила, уже не такъ рѣзко:

— У тебя глубокая рана?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

Въ эту минуту не стало старой липы на Глинищахъ. Панскіе работники срубили ее, вернувшись назадъ, послѣ ухода Ходовъ. И когда сумерки спустились на землю, они повалили вѣковое дерево. Оно лежало тутъ, какъ сраженный великанъ, и всю ночь были точно слышны глубокіе вздохи и всхлипыванія.

V.

Пршибки были въ уѣздѣ не изъ первыхъ по богатству. Ихъ усадьба и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличалась отъ другихъ. Она была вся деревянная, уже ветхая, и мѣстами покосившаяся. Дворъ былъ съ передней стороны огороженъ каменной стѣной, съ маленькой форточкой посрединѣ. Рядомъ съ послѣдней возвышались ворота со сводами, крытыя гонтомъ, на деревянныхъ, необтесанныхъ столбахъ. Внизу съ внутренней стороны была видна старая, вышедшая изъ употребленія толчея.

На дворѣ было тихо, нигдѣ ни души. Было воскресенье, немного позже полудня. И каждый, благодаря суровой погодѣ, предпочиталъ оставаться дома, въ теплой горницѣ.

Только Пршибкова Манка [1]) собиралась въ городъ. Она стояла у себя въ коморкѣ, у отвореннаго расписного сундука; черезъ освѣщенное солнцемъ оконце яркіе цвѣта платьевъ, платковъ и чепчиковъ отливали золотомъ. Его лучи падали и на дѣвушку, и на ея красивые, расчесанные волосы. Они были точно изъ льна, такіе же золотистые тонкіе, какъ шелкъ, немного завиты на концахъ, и такіе длинные, что доходили чуть не до пятокъ. Манка была красивая дѣвушка, съ темными блестящими глазами, а когда она улыбалась, то каждый невольно любовался ея бѣлыми зубами; но краше всего были волосы, которые густой золотистой волной ниспадали съ плечъ до самыхъ ногъ. Расчесавъ ихъ, она раздѣлила ихъ на пряди и переплела красной лентой, и надъ лбомъ завязала свѣтлый бантъ.

Дѣвушка была такъ занята своимъ уборомъ, что и не замѣтила, какъ воробей усѣлся на обнаженное дерево и какъ онъ, качаясь на вѣткѣ, громко зачирикалъ.

Зато отъ нея не ускользнуло, что двери напротивъ черезъ сѣни отворились, и что кто то вошелъ изъ большой горницы. Теперь она надѣвала красную юбку въ безчислен-

[1]) Марія

ныхъ сборкахъ. Она быстро завязала ее. Кто то ходитъ въ дверяхъ.

Шаги смолкли. Онъ, можетъ быть, остановился и ждетъ. Манка невольно улыбнулась. Ее ожидало большое удовольствіе, она очень радовалась предстоявшей ей сегодня прогулкѣ. Къ нимъ послѣ полудня пришелъ въ гости дядя Пайдаръ изъ Починовицъ, двоюродный братъ отца, а съ нимъ молодой Шерловскій, тоже изъ Починовца.

Она познакомилась съ послѣднимъ, когда была тамъ съ покойной матерью у знакомыхъ. Это было уже годъ тому назадъ, а она еще и теперь не могла его забыть. Она въ первый разъ тогда увидала молодого Шерловскаго, въ первый разъ съ нимъ говорила. Они потомъ встрѣчались нерѣдко въ городѣ, послѣ обѣдни, онъ всегда останавливался и заговаривалъ съ нею. А сегодня пришелъ къ нимъ, да еще такъ неожиданно! Ее точно что то кольнуло, ей не хотѣлось глазамъ своимъ вѣрить. Но это была пріятная неожиданность. Она чуяла, что онъ не случайно пришелъ, не ради нея и за ней!

Счастливый случай! Сегодня и онъ пойдетъ въ костелъ, а, возвращаясь назадъ съ дядей, проводитъ ее чуть не до города. Онъ прохаживается въ сѣняхъ, поджидая пока она выйдетъ,—это ему милѣе, чѣмъ сидѣть съ мужчинами въ горницѣ, думала обрадованная дѣвушка. Какъ только снаружи раздались шаги, она перестала пѣть. Зато тѣмъ быстрѣе начала одѣваться. Она прикрыла свою роскошную, пышную грудь яркимъ платочкомъ, перепоясалась красивымъ поясомъ съ зелеными вышитыми цвѣтами, между которыми блистали и сверкали маленькія стеклышки, точно блестящая поверхность ручейка среди зелени.

Манка не ошиблась.

Въ сѣняхъ стоялъ молодой Шерловскій, красавецъ молодецъ, высокій и статный. Онъ прошелся нѣсколько разъ, потомъ остановился около наружныхъ дверей, обратившись лицомъ къ сѣнямъ. Его глаза были устремлены на низкія некрашенныя двери, гдѣ наверху были вырѣзаны три креста. Эти двери искушали его. Его такъ и тянуло постучать, чтобы ему отворили. Можетъ быть, Манка уже одѣта. Какъ она долго убирается. Онъ могъ бы теперь самъ поболтать съ ней, вѣдь, онъ этого такъ давно добивается, такъ давно ждетъ. Если она будетъ дольше медлить, изъ дверей можетъ кто-нибудь выйти, наконецъ, его могутъ позвать. Онъ нетерпѣливо прошелся по сѣнямъ.

— Манка,—позвалъ онъ тихо,—Манка!—Его виски покрас-

нѣли. Онъ сдѣлалъ движеніе. Двери неожиданно отворились, и въ нихъ показалась та, которую онъ только что передъ тѣмъ такъ нѣжно звалъ, улыбающаяся, въ праздничномъ нарядѣ, свѣжая и вся такъ мило зардѣвшаяся.

Ему показалось, что все кругомъ него просвѣтлѣло.

— Иду, иду,—сказала она весело.

— Подожди, не спѣши такъ! Намъ еще есть время, мы успѣемъ дойти.

— Но тутъ въ сѣняхъ...—и она поглядѣла на двери, ведущія въ горницу.

— Оставь, они не вспомнятъ о насъ.

— Постой,—началъ онъ умильно просить.—Я такъ давно радовался на эту минуточку.

Она больше не отказывалась, и осталась, но приперла за собой низкія двери, и онѣ затворились. Она стала передъ нимъ. Молодой Шерловскій устремилъ пламенный взоръ на красивую дѣвушку, и, махнувъ рукой, живо и чистосердечно проговорилъ:

— Я уже отсюда слышу, Манка, какъ всѣ скажутъ, когда ты войдешь въ костелъ: „Мать Пресвятая Богородица, вотъ красавица дѣвушка“.

Дѣвушка разсмѣялась.

— У насъ можешь и не сажать розы. Оставь это для Починовскихъ.

— Что вижу, то и вижу. Мои глаза меня не обманываютъ. Вѣдь, я не разъ вспоминалъ тебя.

Во время этой рѣчи, она невольно опустила глаза, а когда ихъ снова подняла, они горѣли.

— Манка,—продолжалъ парень, подойдя къ ней ближе,—скажу тебѣ всю правду. И ты скажи мнѣ чистую правду, чтобы я могъ спокойно уйти,—не приглянулся ли тебѣ какой парень?

— И умѣешь же ты допытываться и убѣждать,—ни дать, ни взять панъ кнезь,—отвѣчала она весело.

— Манка, кто нибудь придетъ, и тогда будетъ аминь, и я не услышу того, что я былъ бы такъ радъ услыхать, то, что я долженъ знать. Для этого я и пришелъ къ вамъ, Манка!—воскликнулъ онъ умоляющимъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ.

Дѣвушка улыбалась, словно не желая высказаться, словно размышляя. Но сердце у нея радостно билось, слушая эти рѣчи. Ей стало жаль статнаго молодца; когда онъ еще разъ убѣдительно попросилъ дать ему отвѣтъ, она отвѣтила рѣшительно: „нѣтъ“—подъ которымъ подразумѣ-

валось, что никто изъ парней не приглянулся ей. Но, произнося это, она вся, какъ маковъ цвѣтъ, зардѣлась и потупила глаза словно побѣжденная. Глубоко обрадованный парень схватилъ ее за руку. Онъ и забылъ про дверь, которая вела въ большую горницу; да и Манка не вспомнила сидящихъ тамъ.

Но счастье улыбалось молодымъ людямъ. Никто не вышелъ оттуда.

И сидящіе тамъ въ горницѣ забыли, что между ними нѣтъ молодыхъ людей. Только здѣсь, въ этой просторной избѣ, которая была убрана просто, безъ всякихъ украшеній, не было такъ весело и радостно, какъ молодымъ людямъ въ сѣняхъ. Сидѣли здѣсь одни мужчины, пожилые и старые, всѣ серьезные и степенные въ движеніяхъ, и бесѣда велась тихая. Былъ здѣсь Матвѣй Пршибекъ безъ жупана, въ однихъ штанахъ и курткѣ; около хозяина его двоюродный братъ Пайдаръ изъ Починовицъ, коренастый и статный Ходъ, по фигурѣ и лицу котораго можно было сейчасъ узнать одного изъ членовъ семейства Пршибковыхъ.

Противъ него,—Постршесковый Псутка, который, идя изъ города, зашелъ сюда съ Пайдаромъ. Они всѣ сидѣли на грубыхъ стульяхъ, кругомъ огромной липовой колоды, служившей съ незапамятныхъ временъ у Пршибка столомъ. Этотъ самодѣльный столъ стоялъ тутъ еще при жизни дѣда Матвѣя Пршибка, какъ увѣрялъ его отецъ. Послѣдній не сидѣлъ больше за нимъ, но противъ него, у очага, завернувшись въ овечій тулупъ. Онъ уже не могъ обойтись безъ него, потому что въ его годы кровь начинаетъ стынуть въ жилахъ. Прожилъ онъ не мало такихъ холодныхъ дней: какъ давно онъ по бѣлу свѣту бродитъ,—и самъ хорошенько не знаетъ, но другіе давали ему, и это, конечно, было вѣрно,—не меньше семидесяти лѣтъ. Онъ самъ не считалъ свои годы, а вѣрилъ только своей памяти. Онъ говорилъ, что хорошо помнитъ великую войну,—парнемъ, родившимся въ началѣ ея, ему еще пришлось участвовать въ ней,—вѣдь, она длилась цѣлыхъ тридцать лѣтъ! Старый Пршибекъ хорошо помнилъ и славныя ходскія времена, когда они еще были вольными людьми, когда они имѣли свой городъ и свои права; онъ видѣлъ еще, какъ отецъ ходилъ въ лѣсъ въ полномъ вооруженіи, со знаменемъ въ рукѣ. Это было въ началѣ той великой войны. Отецъ несъ Ходское знамя, что съ незапамятныхъ временъ было правомъ Пршибковъ.

Старикъ любилъ разсказывать объ этомъ; онъ говорилъ,

какъ дѣлались засѣки, какъ мужчины изъ каждаго села ходили на цѣлыхъ двадцать четыре часа въ лѣсъ на стражу, взявъ съ собою только хлѣба да сушенаго мяса, какъ онъ самъ пятнадцатилѣтнимъ подросткомъ убѣжалъ въ засѣки къ мужчинамъ и оставался тамъ съ ними вмѣстѣ, около костровъ, и днемъ, и ночью. А теперь какія времена, какія перемѣны! Чего онъ только не видалъ, что только не пережилъ, чего еще не дождется! И теперь онъ только что услыхалъ диковинныя вещи, не предвѣщавшія ничего добраго. Постршесковый Псутка и сестринъ сынъ, Пайдаръ изъ Починовицъ, разсказывали о томъ, что паны рыщутъ по всѣмъ селамъ, желая отыскать старинныя грамоты, и что Сыку еще вчера звали въ Трхановъ, въ замокъ, гдѣ ему начали грозить наказаніемъ, ежели онъ не откроетъ, гдѣ находятся эти старые листы.

— Но у него точно языкъ отсохъ, такъ же, какъ и у всѣхъ другихъ,—прибавилъ Псутка, который разсказывалъ о Сыкѣ.

Матвѣй Пршибекъ, нахмурившись, молчалъ и только слушалъ, но вдругъ, поднявъ голову, произнесъ:

— Молчалъ! Мы тоже молчимъ! Это мы всѣ умѣемъ. Они взваливаютъ на насъ новыя тяготы—и мы всѣ молчимъ, они бьютъ насъ—и мы молчимъ, они отняли у насъ лѣсъ—и мы молчимъ, они рубятъ наши межевые знаки, и наши поля, крадутъ—и мы опять молчимъ.

— Но ни ты, ни Кожина не молчали,—перебилъ его рѣчь Псутка,—а что было, и что еще будетъ?

— А что будетъ?—рѣзко спросилъ его Матвѣй.—Ты думаешь, что панъ пропуститъ это тебѣ и Кожинѣ?

— Пропустятъ, не пропустятъ, но имъ было уже довольно времени, а они еще не надумались, и я, полагаю, что и не надумаются.

Тутъ поднялся отъ очага его старикъ-отецъ и скорыми шагами подошелъ къ столу. Старикъ былъ такого же роста, какъ и его сынъ, только голова съ годами наклонилась впередъ, да плечи сгорбились. Онъ былъ лысъ, но отъ темени спадали внизъ длинные бѣлоснѣжные волосы чуть не до разстегнутаго кожуха, который онъ придерживалъ лѣвой рукой. Онъ нахмурилъ густыя, сѣдыя брови; глаза у него загорѣлись, когда онъ, приподнявшись, проговорилъ, еще довольно звучнымъ голосомъ:

— Ты хорошо сказалъ это, парень,—этого не было бы въ стародавнія времена. Всѣ поголовно поднялись бы, посмѣй только кто срубить межевникъ, будь это хоть самъ Князь, а не то что какой нибудь нѣмецъ!

Вдругъ старецъ умолкъ, Псутка и Пайдаръ вскочили и бросились къ окошку. Въ горницу ворвался громкій звукъ полевой трубы, короткій и пронзительный, потомъ онъ снова повторился, дальше и тише. Матвѣй Пршибекъ подошелъ, не спѣша, къ окну и взглянулъ на площадь, его гости тоже. Въ эту минуту въ горницу вбѣжала Манка, а за ней вошелъ и молодой Шерловскій. Этотъ необычайный, рѣзкій звукъ, полевого рога разомъ прервалъ сладкую бесѣду передъ Манкиной коморкой. Парень въ своемъ блаженномъ возбужденіи простоялъ бы тутъ до самаго ужина. Теперь, вполнѣ обнадеженный Манкой, онъ могъ и вернуться домой. Вѣдь, она сначала только обманула его, сказавъ, что о комъ то думаетъ,—этотъ кто то былъ не кто иной, какъ онъ самъ. Она подбѣжала къ дѣду, спрашивая, что приключилось, что дѣлается?

Старикъ, стоя у стола, очнулся отъ своего тяжкаго раздумья и коротко отвѣтилъ:

— Войско.

Манка перепугалась. Взглядъ ея при этихъ словахъ остановился на отцѣ. Онъ стоялъ до сихъ поръ мрачный, неподвижно около окошка и спокойно наблюдалъ.

Гулъ на улицѣ усиливался. Тихое, пустынное село разомъ ожило. Люди выбѣгали изъ домовъ, звали другъ друга, спрашивали, что приключилось. Одни перебѣгали черезъ дорогу, другіе бѣжали по тому направленію, откуда раздавался звукъ трубы. Но всѣ вдругъ остановились, и тѣ, которые шли, и тѣ, которые бѣжали: съ минуту водворилось молчаніе. Изъ за-заборовъ показалась лошадиная голова, за ней другая, третья, и между строеніями выѣхали рысью четверо всадниковъ. Трое были королевскими кирасирами, четвертый въ обыкновенной одеждѣ. На головахъ у солдатъ блестѣли гребенчатые шлемы. На груди чернѣла спереди и сзади мѣдная кольчуга, надѣтая поверхъ бѣлаго мундира съ широкими обшлагами, черезъ плечо было перекинуто ружье. Красныя штаны заложены въ сапоги. Въ рукѣ сверкалъ обнаженный палашъ.

— Чтобы черти его побрали!— вскричалъ Псутка.—Это Трхановскій управитель.

— Онъ указываетъ сюда!—прибавилъ быстро Пайдаръ.— Матвѣй, отецъ, еще есть время, — они, вѣдь, идутъ за тобой.

Манка, вскрикнувъ, подбѣжала къ отцу, умоляя его не слушать и бѣжать черезъ задній ходъ въ поля. Онъ ее тихонько отстранилъ, словно не слыхавъ ея просьбы.

— Зачѣмъ мнѣ бѣжать?—сказалъ онъ, обернувшись къ говорившимъ.—Развѣ я убійца?

— Вотъ это хорошо, парень,—и я такъ думаю,—поддержалъ его старый отецъ.

Конскій топотъ раздался передъ самой усадьбой, а затѣмъ голосъ управителя, который приказывалъ отворить ворота.

Мужчины озабоченно переглянулись. Манка взглянула на отца, который твердыми шагами направился отпирать ихъ. Они скрипнули, и одинъ изъ коней заржалъ. Ножны палашей зазвенѣли, когда два кирасира слѣзали съ коней. Управитель за ними.

— Вотъ онъ!—вскричалъ послѣдній, указывая на Пршибка.—Пойдемъ съ нами, да поскорѣй.

— Куда?—отозвался Ходъ, стоя прямо противъ управителя и выдѣляясь своимъ ростомъ даже надъ громадными высокими кирасирами, которые стали по обѣ его стороны.

— Не спрашивай, а иди. А не пойдешь...—и управитель подошелъ.

— Не грозите,—вы знаете, я этого не боюсь,—отвѣчалъ Пршибекъ, и по его лицу скользнула насмѣшливая улыбка.

— Ну же, поживѣе... А гдѣ твой отецъ?

При этихъ словахъ Пршибекъ вздрогнулъ.

— Что вамъ нужно отъ моего старика?

— Онъ тоже пойдетъ съ нами. Поскорѣе, а то намъ некогда?

— Чтобы я видѣлъ, какіе вы палачи,—раздался голосъ въ сѣняхъ, и на порогѣ показался старый отецъ Матвѣя. Холодный вѣтеръ развѣвалъ бѣлые волосы стараго Кмета, онъ стоялъ прямо, насколько позволяли ему его годы, и равнодушно глядѣлъ на солдатъ и управителя.

Потомъ обернулся къ внучкѣ, которая схватила его въ испугѣ за руку. Въ эту минуту сынъ рѣшительно объявилъ управителю, что не пойдетъ, покуда не узнаетъ, куда его хотятъ вести.

— Скажу тебѣ, чтобы ты не боялся: сначала въ судейскую избу, а потомъ къ намъ,—насмѣшливо проговорилъ управитель.

— А мой отецъ?

— И онъ тоже!

— А зачѣмъ ему?

— И чего тебѣ разговаривать съ нимъ, Матвѣй,—отозвался старикъ.—Пойдемъ. Манка, подай отцу жупанъ.

Онъ прибавилъ только, когда она принесла бѣлый кафтанъ:

— Глупая ты дѣвушка, не горюй, вѣдь, мы сейчасъ вернемся, доглядывай хорошенько за усадьбой!

Передъ усадьбой собрались сосѣди. Всѣ съ ужасомъ глядѣли на невиданное шествіе, которое тронулось изъ усадьбы Пршибка. Впереди ѣхалъ Трхановскій управитель на конѣ, за нимъ трое кирасиръ, между которыми шли, каждый порознь, оба Пршибка: старикъ въ кожухѣ, опираясь на палицу, сынъ безъ нея, съ высоко поднятой головой. За ними слѣдовала Манка съ молодымъ Шерловскимъ, дядей Пайдаромъ и Псуткой. Мужчины старались успокоить испуганную дѣвушку.

Когда они дошли до избы, оттуда выглянули двое другихъ кирасиръ, между которыми стоялъ молодой Кожина съ обвязанной головой, около него блѣдная, заплаканная жена съ маленькой Ганалкой. А рядомъ,—старая Кожинова, держа Павлика за руку. Старуха Кожинова не плакала, но по ея мрачному лицу, по ея глазамъ, устремленнымъ на сына, можно было понять, что на душѣ у нея далеко не спокойно.

Передъ избой уже собралась толпа народа,—и молодыхъ, и старыхъ, и мужчинъ, и женщинъ. Всѣ глядѣли навстрѣчу Пршибку; но вдругъ всѣ обернулись,—откуда то взялся волынщикъ Ршехурекъ, Искра, который, пробравшись къ управителю, остановился передъ нимъ и сказалъ полунасмѣшливо, полусерьезно:

— Панъ управитель, и я участвовалъ въ той музыкѣ подъ липой!

Сочувственный ропотъ встрѣтилъ это заявленіе волынщика, между тѣмъ, какъ откуда то раздалось восклицаніе: „Мать Пресвятая Богородица, еще войско!“

VI.

Но это было не войско, а только кучка всадниковъ,—кирасиръ. Во главѣ ихъ ѣхало нѣсколько пановъ, видимо, начальниковъ, въ бѣлыхъ плащахъ. На головахъ у нихъ были не гребенчатые шлемы, а черныя треуголки, обшитыя галуномъ. Пріѣхали они изъ Домажлицъ. Но такъ какъ тамъ не было никакого войска, то всѣ сейчасъ уже поняли, что они изъ Пильзна.

Какъ только кучка всадниковъ въѣхала въ село, такъ отъ нея немедленно отдѣлилось нѣсколько человѣкъ, кото-

рые направились въ переулки между строеніями и заняли всѣ выходы изъ села. Прочіе остановились на площади передъ избой. Уже появленіе первыхъ кирасиръ переполошило весь Уѣздъ, теперь же при этомъ новомъ неожиданномъ появленіи волненіе еще болѣе усилилось. Шумъ и гулъ несмѣтной толпы разомъ умолкъ, когда вновь прибывшіе вынули, по данному знаку, палаши. Она точно остолбенѣла, когда кованныя ножны зазвенѣли и голое оружіе заблистало на солнцѣ.

Женщины глядѣли въ испугѣ, а мужчины, нахмурившись, смолкли.

Когда передніе два офицера спѣшились, среди людей раздались восклицанія, живое выраженіе ужаса:

— Вонъ, вонъ и Трхановскій панъ.

Едва взоры всѣхъ обратились въ указанномъ направленіи, какъ кто то воскликнулъ:

— И управитель Кошъ изъ Кута тутъ.

И въ самомъ дѣлѣ, это былъ самъ Максимиліанъ Ламмингеръ, владѣтельный панъ фонъ Альбенрейтъ, занимавшій въ это время должность областнаго гетмана Пильзенской области. Рядомъ шли два старшихъ офицера, а за ними управитель Кошъ. Владѣлецъ Ходовъ Ламмингеръ, человѣкъ средняго роста, шествовалъ съ высоко поднятой головой, твердо и увѣренно. Блѣдноголубые глаза глядѣли, повидимому, равнодушно, но и внимательно на толпившійся народъ; холодный вѣтеръ слегка развѣвалъ красивыя кудри его рыжеватаго парика и плащъ, который свободно спускался на его плечи.

Трхановскій управитель поспѣшилъ впередъ и грубо приказалъ толпѣ разступиться и очистить дорогу. Ламмингеръ шелъ среди безмолвнаго народа, глядя себѣ прямо подъ ноги; его глаза встрѣтились у самыхъ дверей со сверкнувшимъ, но мрачнымъ взглядомъ, который прямо остановился на его блѣдномъ надменномъ лицѣ.

А глядѣлъ такъ на него молодой статный крестьянинъ, голова котораго была обвязана бѣлымъ платкомъ. Это были глаза не трусливаго запуганнаго раба, но гордаго, свободнаго человѣка, который зналъ, что такое чувство собственнаго достоинства.

Свѣтлыя рѣсницы Ламмингера невольно быстро замигали.

Въ ту самую минуту, какъ въ сѣни входилъ Трхановскій панъ съ офицерами, волынщикъ Искра, пробравшись къ Пршибку, который стоялъ между двумя кирасирами, ука-

залъ на рыжеватыя кудри Ламмингера и, усмѣхаясь, промолвилъ:

— Господь Богъ его не напрасно отмѣтилъ.

— У каждой шельмы есть своя примѣта,—сухо и коротко отвѣтилъ Пршибекъ. Въ это время Трхановскій управитель приказалъ рѣзкимъ голосомъ войти въ горницу обоимъ Пршибкамъ, молодому Кожинѣ и нѣсколькимъ другимъ, наиболѣе уважаемымъ крестьянамъ, которые были для этого нарочно собраны. Кожина прежде, чѣмъ войти, оглянулся, взглядъ его упалъ на жену и дѣтей. Онъ увидалъ ея блѣдное, заплаканное лицо. Она пробралась вслѣдъ за нимъ, и—удивительно—Трхановскій управитель, оставшійся въ дверяхъ, пустилъ ее и старуху мать съ дѣтьми, такъ же, какъ и женъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ привели въ горницу, а молодая Манка Пршибкова смѣло прошла туда же.

Глаза всѣхъ были устремлены на пановъ, которые, сбросивъ плащи, стояли въ углу у большого стола съ рѣзными ножками и говорили о чемъ то оживленно вполголоса.

Среди офицеровъ въ бѣлыхъ мундирахъ и красныхъ штанахъ выдѣлялся Ламмингеръ своимъ коричневато-краснымъ мундиромъ съ широкими лацканами, у которыхъ спереди блестѣли отвороты и золотое шитье. Вправо отъ пановъ, которые были обуты въ высокіе ботфорты, стоялъ управитель Кошъ: изъ уваженія къ господамъ онъ обнажилъ голову. По его осанкѣ и всему обращенію можно было сейчасъ же догадаться, что это старый служака. Подтверждалъ это и темно-багровый рубецъ надъ правымъ глазомъ, который онъ получилъ при сраженіи подъ Вѣной, гдѣ девять лѣтъ тому назадъ помогалъ въ войскѣ Леопольда отразить силу турецкую.

Поближе къ приведеннымъ Ходамъ, но отдѣльно отъ нихъ, стоялъ Ирша Сыкъ; онъ внимательно наблюдалъ за каждымъ изъ пановъ, и затѣмъ поворачивалъ свою взъерошенную голову въ сторону своихъ земляковъ. Искра Ршехурекъ, стоявшій позади, хорошо видѣлъ, какъ судья, оставивъ незамѣтно и осторожно свое мѣсто, старался приблизиться къ нимъ, вѣроятно, желая имъ что нибудь сказать или шепнуть, и что его не мало затрудняло въ этомъ кучка дюжихъ кирасиръ въ черныхъ кольчугахъ, которые держали громадные обнаженные палаши.

Старѣйшіе крестьяне, которыхъ насильно сюда привели, пристально глядѣли на пановъ, нѣкоторые не безъ раздраженія, большинство же, правда, мрачно, но спокойно ожидало, что будетъ, особенно Матвѣй Пршибекъ, который былъ на

цѣлую голову выше всѣхъ. Хуже приходилось его старому отцу. Кметъ только съ трудомъ стоялъ, а сидѣть было невозможно. Единственнымъ для него облегченіемъ было опираться на могучую старую палицу.

Одинъ молодой Кожина былъ что то неспокоенъ: онъ то взглядывалъ на пановъ и на Сыку, то опять оборачивался, потомъ начиналъ кивать головой не женѣ, а матери. Она, замѣтивъ это, пробралась къ нему. Въ эту минуту паны прекратили свою бесѣду, и Кутскій управитель, по знаку своего господина, началъ громко и отчетливо читать какую то бумагу.

Но старая Кожинова не слыхала его первыхъ словъ. Она была озадачена. Взволновали ее такъ нѣсколько словъ сына.

— Мать, паны не за мной пришли, а за грамотами,— шепнулъ онъ ей.—Хорошо ли вы ихъ припрятали?

Онъ сказалъ только это, и больше ничего. Но для старой Кожиновы этого было достаточно. Онъ знаетъ, что грамоты у нея!

Кто же сказалъ ему? Конечно, не Сыка. Оттого то онъ наблюдалъ за ней и молчалъ, какъ дубъ молчалъ. а теперь боится за нее.

Такія мысли проносились въ сѣдой головѣ старой Ходки. Что дѣлать, что подумать? Ея, полный ужаса, взглядъ остановился на статномъ сынѣ. Онъ уже не оборачивался, но внимательно слушалъ то, что читалъ строгимъ голосомъ Кошъ, стоя такъ же прямо, какъ верстовой столбъ.

Въ горницѣ воцарилась глубокая тишина.

Кутскій управитель припомнилъ, что послѣ страшнаго крестьянскаго возстанія двѣнадцать лѣтъ тому назадъ [1]) было обнародовано высочайшее повелѣніе, по которому всѣ вольности и льготы, данныя передъ этимъ возстаніемъ, были уничтожены и отняты; отсюда произошли тяжбы и споры крѣпостныхъ съ господами за эту самую свободу и вольности. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ же, какъ и въ здѣшнихъ Ходскихъ селахъ, этихъ грамотъ, хотя уже и никуда не годныхъ, не выдали, въ томъ невѣжественномъ заблужденіи, что съ ихъ помощью можно еще чего нибудь добиться. Мало того, здѣсь въ уѣздѣ многіе изъ крѣпостныхъ позволили себѣ насиліе и даже подняли руку на служащихъ у его милости ясновельможнаго пана Ламмингера, гетмана Пильзенской области, ссылаясь на свои права и вольности.

Несмотря на это, его милость рѣшилъ, по своей благости,

---

[1]) Въ 1680 г.

на этотъ разъ простить непокорному, забывшемуся Яну Сладкому, по прозванію Кожина, а равно всѣмъ тѣмъ, которые ему помогали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ Пильзенской области, убѣдившись, что одни только предполагаемыя вольности были тому причиной, издалъ, отъ имени Верховной власти, строгій приказъ—выдать выше упомянутыя грамоты, которыя нигдѣ не могутъ быть спрятаны, какъ тутъ въ Уѣздѣ, и выдать ихъ безъ промедленія и добровольно; въ противномъ случаѣ ослушники и непокорные подвергнутся немедленно, по распоряженію властей, строгой карѣ. Кошъ опустилъ правую руку, державшую этотъ приказъ.

Онъ устремилъ свои надменные глаза на крестьянъ, словно желая убѣдиться, какое дѣйствіе произвели его слова.

Ламмингеръ слушалъ, повидимому, равнодушно, и холодно оглядывалъ стоявшихъ передъ нимъ Ходовъ. Но всего чаще его глаза останавливались на молодомъ Кожинѣ, взглядъ котораго его въ первый разъ такъ поразилъ.

Когда Кошъ докончилъ чтеніе, на минуту воцарилась глубокая, мертвая тишина. Было ясно, что только что прочтенный приказъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Всѣ тѣ, которые только что передъ тѣмъ испугались войска, бряцанья оружія, и начальниковъ съ областнымъ гетманомъ, которые такъ неожиданно появились, теперь глядѣли на Трхановскаго пана не безъ страха и опасенія.

Кожина все таки оглянулся на Сыку, словно ожидая, что судья отзовется. Но тотъ молчалъ. Молодой крестьянинъ, не долго думая, началъ:

— Все то, что панъ управитель читалъ,—правда; я дрался съ панскими работниками, но управитель рубилъ мою родовую липу, и я защищалъ ее, и я долженъ былъ защитить ее. Эта Кожиновская липа стояла тамъ съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, еще при покойномъ отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ,—всѣ старики это хорошо помнятъ. Потому спасибо за милость, но я ничѣмъ не провинился. А что касается до тѣхъ грамотъ, то паны сами хорошо знаютъ, что онѣ еще имѣютъ цѣну. Онѣ имѣютъ цѣну и будутъ ее имѣть, такъ какъ въ томъ сельскомъ возстаніи мы, Ходоваки, не участвовали, даже пальцемъ не пошевельнули. Оттого и повелѣніе это изъ Вѣны не касается насъ, а лишь тѣхъ крестьянъ, которые бунтовали.

Кожина произнесъ первыя слова тихо, словно подыскивая ихъ или медля произнести; но потомъ его рѣчь, бла-

годаря прирожденному краснорѣчію, полилась свободно, и онъ говорилъ скоро и убѣжденно. Его лицо пылало, глаза горѣли. Отвѣтъ Кожины произвелъ большее впечатлѣніе, нежели строгій гетманскій приказъ, прочитанный Кошемъ. Тогда словно тяжелый камень надавилъ грудь присутствующихъ Ходовъ, а теперь всѣхъ облегчила рѣчь Кожины. Сыка съ ужасомъ глядѣлъ на этого смѣльчака, который говорилъ такія рѣчи, на того человѣка, которому онъ до сихъ поръ не довѣрялъ ничего важнаго. Старый Пршибекъ кивалъ своей сѣдой головой, а его сынъ язвительно улыбнулся и взглянулъ на управителя и Ламмингера, точно желая сказать:

— Все это напрасно, хитрая лиса,—не пойдемъ къ тебѣ въ силки!

Остальные же, прежде пріунывшіе, теперь пріободрились Но свѣтлыя рѣсницы Ламмингера опять быстро замигали а въ глазахъ вдругъ вспыхнула злость. Оба офицера, не мало пораженные всѣмъ этимъ, переводили глаза со смѣлаго оратора на областнаго гетмана.

Послѣдній, овладѣвъ, наконецъ, собою, проговорилъ:

— Вы слышали Высочайшее повелѣніе. Совѣтую вамъ покориться. Кто же ослушается, съ тѣмъ будетъ поступлено, какъ съ бунтовщикомъ и мятежникомъ; а вамъ хорошо извѣстно, какъ были недавно наказаны закоренѣлые бунтари.

По его произношенію можно было узнать, что чешскій языкъ не родной ему. Договоривъ же нѣсколько словъ, онъ кивнулъ управителю Кошу, и тотъ началъ поочередно спрашивать всѣхъ Ходовъ, знаютъ ли они, гдѣ грамоты.

Первый, наполовину слѣпой старикъ, отвѣчалъ:

— Не вѣдаю, ваша милость.

Также другой, третій, то же отвѣтилъ и старый Пршибекъ, наконецъ, дошли и до его великана сына. Онъ холодно взглянулъ на красное, разсерженное лицо управителя и отвѣчалъ:

— Не знаю, а еслибы и зналъ, то не сказалъ бы.

Управитель издалъ вполголоса проклятіе; затѣмъ остановился около молодого Кожины и мрачно усмѣхнулся, когда и этотъ произнесъ рѣшительно: „не знаю“,—такъ же, какъ и послѣдній—судья Сыка.

Надменное лицо Ламмингера поблѣднѣло. Оба офицера, раздраженные упорствомъ крестьянъ, начали ему о чемъ то живо говорить вполголоса; онъ же, выступивъ немного впередъ, проговорилъ дрожащимъ голосомъ.

— Лучше выдайте свои старыя бумаги и грамоты, покуда еще не поздно, покуда еще войско, которое останется здѣсь, не отняло у васъ послѣдній талеръ, послѣдній кусокъ хлѣба, покуда вы всѣ, тутъ стоящіе, не закованы въ цѣпи, а одинъ или двое изъ васъ не очутились на плахѣ.

Онъ взглянулъ на молодого Кожину, который даже не опустилъ передъ паномъ глазъ.

Договоривъ это, Ламмингеръ кивнулъ солдату, чтобы тотъ подалъ ему плащъ, потомъ громко сказалъ Кошу, уже уходя:

— Теперь исполняйте свой долгъ, имѣете всѣ полномочія на это.

Старая Кожинова уже не видала, не слыхала всего этого. Она сейчасъ же, какъ только управитель Кошъ началъ читать о грамотахъ, взяла отъ матери Павлика и, шмыгнувъ мимо солдатъ и людей, поспѣшила домой, на усадьбу. Когда же, спустя нѣкоторое время, опять возвращалась, то у самыхъ воротъ встрѣтила Искру Ршехурека, который летѣлъ словно вихрь во дворъ.

— Что случилось?—спросила старуха.

— Не доброе... Сыка хотѣлъ мнѣ что то сказать, да не могъ. Услыхалъ я только одно, что будутъ во всѣхъ усадьбахъ дѣлать обыскъ. Вотъ все, что я могу тебѣ сказать. И теперь я пришелъ только оттого, что всѣ двинулись за панами, когда офицеры съ Трхановскимъ паномъ садились на коней.

— Они уѣхали?

— Да, въ Трхановъ, но войско осталось, а управитель Кошъ больно грозитъ Сыкѣ и Яну.

Старуха вздрогнула.

— А что же ему нужно?

— Что нужно? Грамоты. У Сыки уже глядятъ—вездѣ перешарили эти солдаты, а Ганка, та ужъ причитаетъ.

— А Янъ?

— Какъ дубъ.

Кожинова ничего больше не сказала. Она, словно молодая, пустилась бѣжать. Еще издалека были слышны крики и гулъ. Толпа крестьянъ передъ избой сильно волновалась. Добѣжавъ туда, она встрѣтила одну женщину, которая, выбѣжавъ изъ дома, всплеснула руками и вскричала:

— Мать Пресвятая Богородица, что тамъ дѣлается! Несчастная жена!.. Кожинова!—вскричала она, увидавъ старуху,—бѣги скорѣе, твоего сына бьютъ.

Въ просторной горницѣ было теперь свободнѣе, но зато

страшно глядѣть. Паны уѣхали, нѣсколько кирасиръ сопровождало ихъ.

Когда взволнованная старуха вбѣжала въ горницу, ей представилась тяжелая картина. Въ углу, около своего отца стоялъ связанный Матвѣй Пршибекъ. Рядомъ Манка, держа перепуганнаго Павлика Кожины, между тѣмъ какъ его мать, прижимая къ своей груди Ганалку, стояла на колѣняхъ передъ Кутскимъ управителемъ, прося за своего мужа. Въ сторонѣ, въ другомъ углу, два кирасира наносили палашами удары Сыкѣ, желая вынудить у него признаніе. То же самое продѣлывалось до этой минуты и съ молодымъ Кожиной, пока его вѣрная жена не остановила это звѣрство.

— Ганка, встань, не проси, я ни въ чемъ не виноватъ!— вскричалъ Кожина, но въ эту минуту у него оборвался голосъ:—онъ увидалъ свою старуху мать, которая быстро вошла.

Старуха, съ растрепанными сѣдыми волосами, стояла, какъ громомъ пораженная. Она видѣла, какъ мучатъ ея сына, видѣла, какъ повязка соскочила съ его головы, и какъ изъ едва закрывшейся раны начинаетъ сочиться кровь,—въ эту минуту къ ней подбѣжала ея блѣдная невѣстка внѣ себя и начала Христомъ Богомъ молить уговорить Яна, вспомнить о женѣ и дѣтяхъ.

— Ни слова, мама, вы клялись, даю тебѣ руку, не слушайте Ганку,—кричалъ Кожина, который испугался, чтобы теперь сама мать не призналась въ томъ, что раньше постоянно отъ него таила. Старая Кожинова на мгновеніе точно окаменѣла. У нея въ сердцѣ происходила борьба между матерью и Ходкою. Потомъ она обернулась къ Сыкѣ и воскликнула.

— Судья, вѣдь, моего сына избиваютъ!

— Сыка, ни тебѣ, ни мнѣ не проломятъ головы. Пусть женщины причитаютъ,—воскликнулъ Кожина.

Кирасиры по знаку управителя остановились. А онъ самъ обратившись къ Кожиновой, проговорилъ:

— Ты, старая, все знаешь. Говори и имѣй разумъ, чтобы сохранить сына, иначе, ты, вѣдь, знаешь, что его и васъ всѣхъ ожидаетъ.

Тишина воцарилась съ минуту; глаза всѣхъ были обращены на старуху, которая стояла среди горницы. Она взглянула направо на Сыку, налѣво—на окровавленнаго сына, и молчала, словно размышляя.

— Мама, вы знаете, что покойникъ...—началъ Кожина, видя, что мать колеблется; но не успѣлъ онъ договорить, какъ она

твердо произнесла, обративъ свой мрачный взоръ на управителя:

— Я ничего не знаю, откуда мнѣ знать.

— Мамочка!—вскричала Ганна.

— Ты не знаешь?—закричалъ Кошъ.

— Не знаю,—повторила она еще мрачнѣе.

Управитель, ничего не сказавъ, вышелъ вонъ, ища своего Трхановскаго товарища, который съ нѣсколькими солдатами шарилъ тутъ же въ коморѣ. Оба управителя съ минуту пошептались о чемъ то другъ съ другомъ, затѣмъ Кошъ вернулся назадъ, а Трхановскій товарищъ немедленно направился къ усадьбѣ Кожины, между тѣмъ какъ нѣсколько другихъ кирасиръ отправились къ дому Пршибка.

Остальные же солдаты, ожидавшіе передъ избой съ обнаженными палашами, разъѣхались по усадьбамъ, гдѣ должны были оставаться.

День погасалъ, и сумерки спустились на несчастное село. Прежде это былъ часъ покоя и тишины, теперь онъ былъ полонъ страха и смятенія. Изъ усадьбы раздавались голоса кирасиръ и ржаніе коней.

Передъ избой собралась многочисленная толпа сельскаго люда, но большая часть изъ нихъ разбѣжалась по домамъ— и отъ страха, и для того, чтобы спасать свое имущество отъ незванныхъ ненавистныхъ постояльцевъ.

На пустынной площади только изрѣдка показывался бѣлый плащъ какого-нибудь кирасира, который проходилъ, тяжело ступая и позвякивая громаднымъ палашомъ.

Стемнѣло, по небу неслись странныя, черныя тучи. Иногда между ними проглядывалъ серебристый мѣсяцъ, и на площади вдругъ становилось свѣтлѣе. Въ такую то минуту, со двора Кожины выѣхало съ громкими гиканіями кучка кирасиръ и скорою рысью направилась къ избѣ. Во главѣ ихъ былъ Трхановскій управитель.

И опять здѣсь стало шумно: кирасиры выводили оттуда крестьянъ,—впереди всѣхъ связаннаго Матвѣя Пршибка и молодого Кожину съ обвязанной головой. Сыка шелъ вслѣдъ за ними рядомъ со старымъ Пршибкомъ, котораго велъ одинъ изъ Ходовъ. Всѣ молчали, только вооруженная стража громко шумѣла. Среди этого шума, бряцанія оружія и топота приводимыхъ коней были слышны женскія причитанія и плачъ. Кирасиры двинулись, уводя съ собою и Ходовъ. Выглянулъ мѣсяцъ, и при его свѣтѣ заблестѣли каски и обнаженные палаши, забѣлѣли военные плащи и бѣлые суконные жупаны Ходовъ, которые шли среди кирасиръ и ихъ лошадей.

Шествіе направилось въ недалекій Трхановъ. Молодая Кожинова, почти обезумѣвшая отъ горя и страха, возвращалась со своими дѣтьми домой; старая свекровь шла молча около нея съ опущенной головой. За ними слѣдовала Манка Пршибкова съ Починовскимъ дядей, Пайдаромъ, молодымъ Шерловскимъ и Пострщесковымъ Псуткой, которые провожали женщинъ до дома Кожины. Манка не могла возвращаться одна въ домъ отца, гдѣ въ эту минуту было столько непрошенныхъ гостей.

Уже при входѣ на дворъ можно было увидать, какъ кто то тутъ хозяйничалъ. Въ горницѣ все было разбросано, сундуки отперты, двери у коморы сорваны, разбиты. Мужчины и не замѣтили среди этого переполоха, какъ старуха вышла изъ горницы. Она пробѣжала черезъ дворъ къ себѣ. И тамъ повторилось то же, что и у ея сына. Но старуха не обращала на все это никакого вниманія, она поспѣшила въ дальнюю комору и здѣсь остановилась точно вкопанная. При свѣтѣ луны, которая проникала сюда черезъ маленькое, низкое оконцо, можно было ясно видѣть, какое опустошеніе произвели и тутъ кирасиры. Но старуха не глядѣла на разбитую утварь,—ея глаза были устремлены на одно мѣсто въ полу. Двѣ доски лежали тутъ же въ щепкахъ, изломанныя, отброшенныя въ сторону, и на ихъ мѣстѣ зіяла глубокая дыра, вырытая яма, видимо, потаенное мѣсто еще съ стародавнихъ безпокойныхъ временъ. Она была черна и пуста. Шкатулка „съ вещами Ходовъ", ходское сокровище, драгоцѣнныя грамоты исчезли. Кирасиры ихъ выкрали, унесли.

Старая Кожинова стояла съ опущенной головой, скрестивъ на груди руки, точно надъ раскрытымъ гробомъ. У нея вырвался тяжелый вздохъ, потомъ она схватилась обѣими руками за грудь. Ея мрачное лицо прояснилось, а на крѣпко сжатыхъ губахъ появилась горькая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горделивая усмѣшка.

VII.

Облака на небѣ порѣдѣли; они почти всѣ исчезли за Черховымъ и за горными вершинами, надъ которыми онъ возвышается. Только кое гдѣ ещё летѣло какое-нибудь одно темное, грозное облако, точно запоздалая, одинокая хищная птица, которая распустила свои черныя крылья, желая догнать дружную стаю, пропавшую въ безконечномъ, воздушномъ пространствѣ. Лунный свѣтъ свободно разливался по всему Шумавскому краю, по сторонамъ Чешскаго лѣса, по вер-

шинамъ у Кленча, Ходова, и надъ Трхановскимъ замкомъ. Стѣны недавно построеннаго замка бѣлѣли среди обнаженныхъ деревьевъ. Съ вечера всѣ окна были ярко освѣщены.

Сегодня у Трхановскаго пана были гости, оба офицера, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Пильзна: полковникъ графъ Штампахъ, молодой ротмистръ графъ фонъ-Вартъ и Фрейденталь, о которомъ среди прислуги говорилось, что онъ ухаживаетъ за младшей дочерью ясновельможнаго пана, Маріей. Старшая Барбара была уже замужемъ за Вацлавомъ Грознатомъ графомъ фонъ-Гутисштейнъ, Цесарскимъ полковникомъ.

Общество долго не расходилось. Уже одиннадцать давно пробило, когда огонь погасъ въ окнахъ большой залы.

Свѣтъ еще нѣкоторое время мерцалъ въ остальномъ замкѣ, потомъ погасъ. Только два окна освѣщали еще до поздней ночи стоявшія рядомъ обнаженныя деревья. Это было въ кабинетѣ у пана. Ламмингеръ сидѣлъ въ креслѣ у камина, гдѣ пылалъ огонь. Около него, на столѣ, съ красивой рѣзьбой, стояла дубовая, хорошо окованная шкатулка. Панъ обратилъ свои холодные блѣдноголубые глаза на управителя Коша, который стоялъ передъ нимъ на вытяжкѣ и внимательно слушалъ его докладъ. Управитель передавалъ о томъ, что произошло въ Уѣздѣ, по отъѣздѣ всемилостивѣйшаго пана. Онъ передавалъ о томъ, какъ изъ предосторожности велѣлъ сначала связать Матвѣя Пршпбка, какъ онъ прежде всего старался вынудить у него признаніе.

— Кто изъ нихъ былъ упорнѣе?

— Кожина, всемилостивѣйшій панъ. Когда жена валялась у меня въ ногахъ, онъ велѣлъ ей встать, и отправляться домой.

— Гм...

— Затѣмъ обшарили все у Сыки, но напрасно. Началъ я налегать на бывшихъ тутъ женщинъ, грозилъ имъ, что ихъ мужьямъ круто придется. Для того мы и оставили ихъ тутъ. Но онѣ молчали. Кажется, что онѣ ничего и не знали.

— Вы полагаете?

— Какъ вдругъ пришла мать Кожины. Той, навѣрное, было что нибудь извѣстно.

Управитель принялся разсказывать дальше, какъ она себя вела, какъ онъ послалъ своего Трхановскаго товарища къ Кожинѣ.

— Затѣмъ, пока онъ не вернулся, я продолжалъ грозить. Но эта баба тверда, какъ скала. Молодая жена Кожины

все бы сказала,—и ужъ какъ она плакала, какъ убивалась. Но ее, я полагаю, не посвятили въ эту тайну.

— Хорошо. А что они сказали, когда принесли эту шкатулку?—Панъ устремилъ свои глаза на дубовую шкатулку, стоявшую на столѣ.

— Словно громъ изъ чистаго неба грянулъ, всемилостивѣйшій панъ. Сыка повѣсилъ голову.

— А Кожина?

— Тотъ былъ тверже. Онъ встряхнулъ головой, а этотъ дикій Пршибекъ еще прикрикнулъ на отца, который началъ причитать надъ шкатулкой. Молчи отецъ, грамоты у насъ взяли, но печати остались.

— Такъ! Они шли потомъ спокойно?

— Да, всемилостивѣйшій панъ, они больше не защищались, ни Кожина, ни Пршибекъ.

— Куда вы ихъ отвели?

— Кожину и Пршибка въ черную темницу, каждаго отдѣльно. Остальные заперты въ разсыльной. Не изволите-ли иначе приказать?

— Нѣтъ, такъ хорошо.

— Я также заперъ и волынщика изъ Уѣзда. Онъ сначала исчезъ, но потомъ, когда мы отводили крестьянъ, самъ явился.

Ламмингеръ кивнулъ слегка головой.

— Не изволите ли, всемилостивѣйшій панъ, еще дать какое приказаніе?

— Нѣтъ. Хорошо.

Управитель, отвѣсивъ глубокій поклонъ, удалился. Слышны были удалявшіеся мѣрные шаги и позвякиваніе шпоръ, потомъ и эти звуки замерли.

Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина. Ламмингеръ, вставъ, поднялъ крышку дубовой шкатулки, замокъ которой былъ сломанъ. Онъ съ минуту глядѣлъ на почернѣвшіе пергаменты, которые всѣ были перерыты управителемъ, потомъ вынулъ на удачу верхній листъ со старой печатью и, развернувъ его, устремилъ глаза на первыя строчки.

— Nos Carolus domini regis Boemiae prima genitus marchie Moraviae notum facimus - quod qui paterni nostrique fideles dilecti Chodonos in Domazlicz,—читалъ онъ дальше. Огонь въ каминѣ трещалъ и по временамъ эти звуки смѣшивались съ дрожаніемъ оконныхъ стеколъ, когда ночной вѣтеръ ударялъ въ нихъ.

Ламмингеръ взялъ другой листъ съ большою печатью. Это былъ чешскій листъ. „Мы Рудольфъ Божьей Милостью

Цесарь Святой Римской Имперіи и Король Чешскій." Его прервали прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пробѣжать первыя строчки. Двери сосѣдней комнаты отворились, и на порогѣ показалась его жена, важная панна съ поблекшимъ, но кроткимъ лицомъ. На ней еще были богатые наряды, въ которыхъ она принимала гостей. При свѣтѣ двухъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ на столѣ, сверкнули жемчуга и драгоцѣнныя каменья застежекъ среди атласныхъ кокардъ надъ грудью и на плечахъ, повыше широкихъ буффъ короткихъ рукавовъ. Ея красивые темные волосы были зачесаны надъ ушами, сзади спускались въ безчисленныхъ букляхъ, а на бѣлоснѣжный лобъ спадали маленькіе локончики. Владѣтельная панна робко приблизилась, и ея глаза вопросительно остановились на лицѣ мужа.

— Я не помѣшаю?—спросила она кротко.

— О, нисколько, хотя у меня тутъ прекрасное и очень забавное чтеніе.

Лицо панны прояснилось. Мужъ уже давно не отвѣчалъ ей такъ весело.

— Я пришла вамъ напомнить, дорогой мой, чтобы вы себя поберегли и пошли отдохнуть. Васъ утомила ѣзда.

— Сегодня я не чувствую усталости. Взгляните,—мое давнишнее желаніе.

Онъ указалъ на развернутую грамоту Рудольфа. Панна нагнулась къ нему,

— Ахъ, взгляни, мой прадѣдъ.—И она указала на то мѣсто, гдѣ была подпись канцлера чешскаго Королевства Ладислава Лобковицъ [1]).

— Да, вашъ предокъ. Панъ канцлеръ не предполагалъ, когда онъ скрѣплялъ эти листы, что онъ надѣлаетъ столько хлопотъ одному изъ своихъ потомковъ и что они будутъ уничтожены. Теперь они у меня.

— Я слышала, что они защищались, что они не хотѣли ихъ отдавать, что даже кровь текла.

— Да, да. Все было напрасно.

— Развѣ они вамъ необходимы?—спросила она кротко и почтительно.

Владѣтельный панъ нахмурилъ свои рыжеватыя брови

— Я понимаю, вамъ жаль этихъ бунтовщиковъ.

— Но, вѣдь, эти листы уже ничего не стоятъ.

— И я себѣ то же говорю, но вмѣстѣ съ тѣмъ я ихъ все таки немного побаивался, моя милая. Будь

---

[1]) Жена Максимиліана Ламмингера была изъ роду Лобковицъ.

я прокураторомъ, я бы запретилъ все это, и потомъ настроеніе двора измѣнчиво и не всегда къ намъ благосклонно. Вспомните только, что было при покойномъ королѣ [1]) когда панъ фонъ Грэфенбергъ [2]) принялъ сторону этихъ хамовъ, наконецъ, дальше, чего мнѣ стоило разбить предложеніе князя Ауерсперга [3]). Побѣди онъ, все это не принадлежало бы сегодня мнѣ, а, вѣдь, и тогда эти грамоты такъ же мало имѣли цѣны, какъ и теперь. Основываясь на нихъ, они могли каждый день начать тяжбу. Но теперь уже нѣтъ,—Ламмингеръ усмѣхнулся; зато по лицу его жены словно пробѣжала тѣнь. Она молчала, но вздохъ вырвался изъ ея закрытыхъ устъ.

Мужъ вскинулъ на нее вопросительный взглядъ и быстро проговорилъ;

— Вы еще что нибудь желаете, моя милая?

— Да, но я боюсь. Я слышала, что эти люди изъ Уѣзда будутъ наказаны, что ихъ будутъ бить... сегодня они цѣлый день ничего не ѣли.

— А вотъ какъ, вы милосердны къ тѣмъ, которые противъ васъ? Да, они будутъ наказаны.

— Но между ними есть одинъ раненый и одинъ немощный старикъ.

— Не говорите о томъ раненомъ. Старика я пощажу, такъ же, какъ и остальныхъ, которые не были дерзки, ради васъ. Но уже поздно, моя милая. Покойной ночи! Сегодня можете спокойно спать. Этотъ домъ, это помѣстье останутся нашимъ потомкамъ; пепелъ этихъ пергаментовъ скрѣпитъ все.

Онъ холодно поцѣловалъ жену, которая не рѣшилась больше заступаться. Сначала, увидавъ мужа такимъ веселымъ, ей стало легче на душѣ, теперь же она опять уходила озабоченная, смущенная. Ламмингеръ, оставшись одинъ, прошелся по комнатѣ, потомъ опять остановился передъ листами, и задумчиво смотрѣлъ на нихъ. Вдругъ онъ взялъ одинъ изъ нихъ и подошелъ къ камину. Онъ поднялъ уже правую руку, намѣреваясь бросить въ огонь этого стараго свидѣтеля ходской свободы, какъ его неожиданно остановила проблеснувшая мысль. Онъ опустилъ руку и, вернувшись къ столу, уложилъ листъ въ ходскую шкатулку вмѣстѣ со всѣми остальными, и затѣмъ опустилъ крышку.

---

[1]) Фердинандъ.

[2]) Игнацій Грэфенбергъ, чешскій королевскій прокураторъ, очень благоволившій Ходамъ.

[3]) Князь Янъ Ауерспергъ, тайный совѣтникъ короля Леопольда.

VIII.

Съ этой ночи наступили морозы. Въ Трхановскомъ замкѣ они были ощутительнѣе всего для ходскихъ заключенныхъ. Въ пустой разсыльной безъ всякой мебели ютились старики изъ Уѣзда, вмѣстѣ съ судьей и молодымъ вольницикомъ Искрой Ршехурекомъ. Они сидѣли всѣ вмѣстѣ на полу кругомъ стараго Пршибка, который положилъ къ себѣ на колѣни свою блестящую хорошо окованную палицу. Съ вечера, съ того самого времени, какъ ихъ привели, они много говорили. Разсуждали о Матвѣѣ Пршибкѣ и еще больше о молодомъ Кожинѣ, о его смѣлости и складной рѣчи, обо всемъ его сегодняшнемъ поведеніи, которое всѣхъ изумило. Одинъ только Искра какъ то странно при этомъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— А никто мнѣ вѣрить не хотѣлъ, что онъ славный малый.

Тяжелѣе всего то, что старый Вахалъ справедливо замѣтилъ:

— Зачѣмъ все это, зачѣмъ терпѣли Кожина, судья и Матвѣй Пршибекъ, когда этотъ страшный волкъ отнялъ у насъ наши грамоты.

Всѣ почувствовали справедливость этихъ словъ, потомъ смолкли, и каждый погрузился въ свои думы. И вольницикъ былъ не такъ разговорчивъ, какъ всегда. Поздно вечеромъ двери неожиданно отворились. Вошелъ прислужникъ съ фонаремъ, а за нимъ двое людей; одинъ изъ нихъ постлалъ на полъ соломы, другой принесъ хлѣбъ и воду. Потомъ они ушли. Заключенные, усѣвшись на подостланную солому, принялись за ужинъ. Одинъ только Сыка и старый Пршибекъ не дотронулись до своей части: имъ было не до ѣды и они только одни бодрствовали въ то время, когда другіе расположились на ночь. Надъ краемъ спустилась незамѣтно ночь. Она была тиха и свѣтла. Свѣтъ падалъ изъ двухъ небольшихъ оконъ, черезъ которыя были видны темные лѣса, погруженные въ дремоту. На нихъ остановились взоры обоихъ Ходовъ. Сыка проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Эти лѣса всѣ принадлежали намъ...

— Да,—подтвердилъ старецъ.—Еще мой дѣдъ ходилъ туда, какъ въ свой собственный, онъ былъ тамъ господинъ, а мы теперь смотримъ на нихъ изъ темницы.

Они опять смолкли, но, немного погодя, Сыка, снова

взглянувъ на лѣса, быстро поднялъ правую руку и, указывая туда, сказалъ:

— Взгляни, Пршибекъ, какая звѣзда, вонъ тамъ, надъ лѣсомъ!

Пршибекъ обратилъ туда свой взоръ и потомъ перекрестился.

— Комета,—спокойно произнесъ онъ,—какое нибудь Божье знаменіе.

Надъ высокимъ гребнемъ чернаго лѣса горѣла на темноголубомъ небосклонѣ комета, съ длиннымъ хвостомъ, который былъ обращенъ къ верхнему концу неба.

— И какая же она большая!—повторилъ Сыка.

Теперь ужъ всѣ глядѣли на нее; нѣкоторые стоя на колѣняхъ, другіе поднявшись. Они встали и все слышали, такъ какъ и къ нимъ не приходилъ сонъ.

— Каждая комета что нибудь означаетъ,—сказалъ Пршибекъ.—Я ужъ нѣсколькихъ видалъ на своемъ вѣку, и каждый разъ потомъ наступала война или же голодъ и моровая язва! Но та! Такую громадную, какъ въ тотъ разъ, я еще не видалъ. Я былъ еще совсѣмъ малышомъ,—случилось это передъ той войной [1]), что тридцать лѣтъ длилась. Я хорошо помню, какъ будто это вчера было. Сидѣли мы на дворѣ подъ окошками и глядѣли на небо. Мой покойный дѣдъ вѣрно предсказалъ, что наступутъ тяжкія, очень тяжкія годины. Онъ жилъ еще въ тѣ счастливыя времена, носилъ золотое шитье на жупанѣ и курткѣ,—намъ осталось одно черное. А потомъ самъ бѣдняга увидалъ, какъ исполнилось его предсказаніе, собственными глазами увидалъ, какъ цесарское войско грабило насъ; не осталось ни козленка въ хлѣву, ни куска хлѣба въ домѣ. Съ молоду въ золотомъ шитьѣ, а въ старости побираться, словно нищій! И не осталось у него ничего, кромѣ этой палицы! О, я помню, какъ онъ всегда, бывало, прослезится, вспоминая о звѣздѣ, когда бы рѣчь ни зашла о тѣхъ старинныхъ временахъ. Но это еще все ничего! Ему было тяжко, но что бы онъ сказалъ теперь. Тогда у насъ еще были надежды,—а теперь—эта... звѣзда,—и голосъ старца дрогнулъ,—что то она несетъ?

— Для насъ ничего—насъ Господь Богъ забылъ,—горько произнесъ старый Вахалъ... Взоры всѣхъ обратились на него.

Это было тяжкое слово, и въ другое время его, навѣрное бы, всѣ рѣзко остановили, теперь же никто не проронилъ ни слова. Казалось, всѣ молча согласились.

Матвѣй Пршибекъ въ то время, какъ его отецъ задумчиво

[1]) Въ 1619 году.

наблюдалъ за зловѣщей звѣздой, лежалъ въ мрачной темницѣ, завернувшись въ плащъ, и, подложивъ себѣ подъ голову широкополую шляпу, спалъ. Его руки ужъ не были связаны. Сонъ богатырскаго Хода, спавшаго на твердой, холодной землѣ, не былъ особенно пріятенъ, потому что онъ по временамъ вздрагивалъ и кричалъ во снѣ. Онъ даже и теперь продолжалъ бороться и сердиться на то, что съ нимъ такъ коварно поступили, точно съ какимъ то разбойникомъ: накинулись на него, тамъ въ избѣ, и связали.

Въ самомъ дальнемъ углу своей темницы сидѣлъ Кожина на балкѣ, источенной червями и брошенной у стѣны. Прислонивъ раненую голову къ холодной твердой стѣнѣ, онъ обратилъ свои задумчивые глаза на полоску звѣзднаго неба, которая была видна черезъ заржавленную рѣшетку небольшого окна. Онъ долго размышлялъ о томъ, что сегодня произошло, но у него не было ни унынія, ни малодушія.

На душѣ стало спокойно-спокойно, благодаря разъ принятому рѣшенію и готовности бороться. Ему сдѣлалось все ясно. Исчезла неопредѣленность и давящая тишина передъ надвигавшейся бурей. Борьба началась, но, по крайней мѣрѣ, разсѣялся мракъ, окутывавшій и давившій мысли молодого крестьянина, котораго такъ заботило доброе имя. Сегодняшній день его очистилъ, онъ показалъ всѣмъ, каковы его настоящіе помыслы, показалъ всѣмъ, что онъ не таковъ, какимъ его всѣ считали и даже родная мать. Теперь подтвердилось то, во что онъ твердо вѣрилъ, что ходскія права стоятъ до сихъ поръ нерушимо, несмотря на то, что они попраны панами, несмотря на perpetuum silentium. Что произошло, что случилось, почему Ламмингеръ началъ вдругъ такъ хлопотать о грамотахъ? И теперь должны они ихъ отдать безъ борьбы...

Онъ вспомнилъ дѣтей, мать, какъ она взглянула на него тамъ въ избѣ, когда онъ далъ ей понять, что ему извѣстна ея тайна, а потомъ, когда его въ тотъ же вечеръ отводили въ замокъ! Теперь они всѣ вмѣстѣ,—дѣти спятъ, а Ганка—та несчастная плачетъ. Можетъ быть, дѣти спрашивали о немъ. Павликъ, Ганалка... Эта маленькая головка...—Утомленныя вѣки Кожины начали смежаться, пока ихъ не сомкнулъ сонъ. Но неутомимая мысль перенесла его изъ тюрьмы, черезъ лѣса къ ложу подъ простымъ расписнымъ пологомъ, гдѣ покоились двое дѣтишекъ,—краснощекій мальчуганъ и златокудрая дѣвчурка, надъ которыми склонилась молодая красивая женщина, любовно глядя на своихъ невинныхъ малютокъ.

На слѣдующій день послѣ обѣда Ламмингеръ провелъ своихъ двухъ гостей—полковника графа Штампаха и молодого ротмистра графа фонъ-Вартъ и Фрейденталь въ замковую канцелярію.

Въ просторной, чисто выбѣленной комнатѣ было привѣтливо. Въ каминѣ горѣлъ большой огонь. Паны усѣлись поближе къ нему, въ кожаныя кресла, и продолжали разговоръ, который они вели раньше. Говорилъ Трхановскій панъ.

— Они не перестали бы волноваться, пока у нихъ въ рукахъ былъ бы хоть кусокъ пергамента. Это хитрые люди, оттого то они до сихъ поръ и молчали; но подвернись только случай. Вы не знаете, какія это непреклонныя упрямыя головы. Они крѣпко держатся за то, къ чему привыкли. Мнѣ хорошо извѣстно, какъ они защищались, когда ихъ передавали моему покойному отцу. Какъ они долго не отдавали свои старыя ружья и пушки, да и потомъ не сдѣлали этого сразу. Сколько было преслѣдованій, угрозъ, наказаній.

— Ну а привыкли же они быть безъ оружія,—сказалъ улыбаясь, графъ Штампахъ.

— Безъ сомнѣнія, привыкли—то же будетъ и съ этими грамотами.

— Развѣ у этихъ Ходовъ было военное устройство?—спросилъ молодой ротмистръ.

— У нихъ было знамя и знаменосецъ.

— Ого!

— Помните этого громаднаго Хода, который былъ на цѣлую голову выше всѣхъ остальныхъ,—это и есть ихъ послѣдній знаменосецъ. Онъ же и принесъ его. Они знамя отдали послѣ всего. Скрывали его долго, пока, наконецъ, не дознались, гдѣ оно находится. Оказалось оно въ Уѣздѣ, какъ вчера грамоты—у отца этого великана. Сначала, когда я послалъ туда солдата, они не хотѣли его выдавать, и только, когда имъ строго пригрозили,—принесли его сами. И я вамъ скажу, было это зрѣлище! Несъ его самъ великанъ Пршибекъ, а съ нимъ пришло все село: отецъ его, судьи, всѣ старѣйшіе люди, поголовно всѣ мужчины. То были почетные проводы,—прибавилъ Ламмингеръ, насмѣшливо улыбаясь.—А когда они поставили его сюда въ канцелярію, то у стараго Пршибка брызнули слезы и не одинъ изъ этихъ упрямцевъ вытиралъ себѣ глаза.

— Какъ старые вояки,—прибавилъ полковникъ.

— А существуетъ ли еще это старое знамя, или же оно уничтожено?—спросилъ ротмистръ.

— Оно гдѣ нибудь тутъ, между старымъ хламомъ. Управитель, навѣрное, знаетъ о немъ. Можетъ быть, вамъ его интересно видѣть?

Оба подтвердили, что они были бы очень рады взглянуть на это крестьянское знамя. Ламмингеръ позвонилъ управителю, ожидавшему тутъ же у дверей. По приказанію своего пана онъ принесъ Ходское знамя. Оно стояло за громаднымъ темнымъ сундукомъ, служившимъ для регистраціи; управитель досталъ его не безъ труда изъ этого недостойнаго угла и, обтеревъ снаружи пыль, принесъ обратно, поставивъ передъ панами.

— Древко сильно надломлено,—сказалъ онъ, развертывая знамя, которое окружили паны. Оно было изъ шелковой ткани, когда то бѣлой, и обшито черной каймой. Но теперь совсѣмъ выцвѣло, и мѣстами было порвано.

— Это не гниль, а честныя раны,—сказалъ полковникъ, наклоняясь надъ нимъ.

— А здѣсь гербъ—песья голова,—воскликнулъ молодой графъ, указывая на выцвѣтшее, поблѣднѣвшее изображеніе.

— Они заслужили скорѣе бычачью голову,—прибавилъ насмѣшливо Ламмингеръ.

Затѣмъ, обернувшись къ управителю, спросилъ, какъ вели себя Ходы.

— Такъ же какъ и вчера,—Кожина, Пршибекъ, даже волынщикъ не сморгнули, когда мушкетеръ отсчитывалъ имъ удары.

Ламмингеръ, ничего не отвѣтивъ, обернулся къ офицерамъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ, паны?

— Да, мы можемъ начать,—отвѣтилъ полковникъ. Ламмингеръ кивнулъ управителю, и послѣдній удалился, прислонивъ Ходское знамя къ стѣнѣ, недалеко отъ камина. Черезъ минуту онъ вернулся назадъ со своимъ кутскимъ товарищемъ и двумя панскими прислужниками, за которыми шли заключенные: впереди Пршибекъ съ Кожиною. Они стали полукругомъ передъ панами. Управитель, зная уже о намѣреніяхъ своего пана, поставилъ передъ Ламмингеромъ на столъ ходскую шкатулку. Старый Пршибекъ и Сыка, увидавъ ее, вздрогнули. А Матвѣй Пршибекъ мрачно взглянулъ на старое знамя.

— Вы знаете ее?—началъ Ламмингеръ, хладнокровно указывая на шкатулку.—И грамоты ваши тутъ же.—Управитель, поднявъ при этихъ словахъ крышку, началъ вынимать

одинъ листъ за другимъ, и такимъ образомъ, чтобы всѣ ихъ видѣли.

— Они всѣ тутъ?—и, словно нечаянно дотронувшись, взглянулъ на судью Сыку. Тотъ закрылъ глаза.

— Всѣ, всемилостивѣйшій панъ.

— Ну такъ теперь распрощайтесь съ ними!—отвѣтилъ онъ и, взявъ большой ножъ, отрѣзалъ отъ всѣхъ печати, которыя и бросилъ въ огонь, пылавшій въ каминѣ, а за ними одну грамоту за другой. Пламя затрещало и начало сильнѣе разгораться. Одна минута,—и не стало того, что обезпечивало имъ свободу и права, которыя чтились и признавались въ теченіе многихъ вѣковъ. Правда, тѣ ходы, которые глядѣли здѣсь на ихъ уничтоженіе, никогда не пользовались ихъ благами, исключая одного стараго Пршибка. Они съ золотой свободой были знакомы только по разсказамъ стариковъ, но каждый изъ нихъ зналъ и твердо вѣрилъ, что это сокровище не пропало, что волшебнымъ путемъ къ ней служатъ эти старые листы, унаслѣдованные ими отъ предковъ. И вотъ ихъ уничтожило пламя, они обратились въ горсть пепла, а съ ними погасла на вѣки и послѣдняя надежда на облегченіе участи и на освобожденіе изъ этого позорнаго рабства. Ламмингеръ наблюдалъ за Ходами. Его холодные глаза засвѣтились самодовольнымъ злорадствомъ. Онъ видѣлъ, что не ошибся и вѣрно разсчиталъ. Кончено! Еще вчера они упорствовали, даже когда онъ грозилъ имъ войскомъ и плахой. А теперь! Вонъ, какъ они склонили свои непреклонныя головы, какъ сумрачно и угрюмо глядитъ на губительное пламя даже плечистый Пршибекъ... А этотъ! Неужели?! Кожина можетъ смѣяться, его не смирили ни побои, ни происходящее теперь? И онъ смѣялся, и еще какъ презрительно! О, у него скоро пройдетъ охота смѣяться! Въ канцеляріи въ то время, какъ управитель бросалъ грамоты въ пламя, царствовала глубокая тишина. Прерывалась она только трескомъ и шипѣніемъ огня, когда въ него попадали печати или же пергаменты. Управитель, прежде чѣмъ бросить послѣдній листъ въ пламя, обратился къ Ходамъ:

— Теперь съ грамотами дѣло кончено. Теперь, когда онѣ уничтожены передъ высокими, всемилостивѣйшими панами (онъ перечислилъ ихъ титулы), передъ должностными лицами нашей милостивой верховной власти, передъ вашими глазами, вы, можетъ быть, станете разумнѣе и не будете себѣ всего этого больше позволять.

Онъ уже хотѣлъ бросить послѣдній листъ; но вдругъ

замѣтилъ, что панъ хочетъ что то сказать, и потому остановился, держа пергаментъ въ поднятой рукѣ.

— Исполняйте свои обязанности добросовѣстно, какъ подобаетъ крѣпостнымъ и подданнымъ, дабы не ухудшить своего положенія,—строго проговорилъ Ламмингеръ.—Вы видите—все напрасно.—Онъ махнулъ. Золотой пергаментъ сверкнулъ надъ каминомъ и пропалъ въ немъ; всѣ вздрогнули. Вдругъ ходское знамя соскользнуло и съ грохотомъ упало черезъ каминную рѣшетку прямо въ огонь. Но Матвѣй Пршибекъ очутился тамъ въ одинъ прыжокъ и быстро схватилъ знамя, желая спасти его отъ огня. Однако, было уже поздно. Огонь обхватилъ шелкъ, когда его поднялъ Пршибекъ и съ такимъ отчаяніемъ началъ размахивать имъ, что оно въ одну минуту было все объято пламенемъ. Ламмингеръ, офицеры и всѣ присутствующіе въ ужасѣ отступили. Канцелярія наполнилась дымомъ, который шелъ отъ пылавшаго знамени. Матвѣй Пршибекъ наклонилъ его правой рукой къ землѣ, а лѣвой старался потушить огонь. Однако, было уже поздно. Въ рукѣ у него осталось одно древко. Но, по крайней мѣрѣ, ходское знамя погибло у него въ рукахъ, а не досталось на поруганіе этихъ панскихъ палачей. Дымъ и запахъ послѣ пожара еще болѣе ускорили развязку всего этого.

Ламмингеръ пригласилъ своихъ гостей въ дальніе покои, сердясь на управителя и на этого сельскаго хама, за котораго шутя вступился полковникъ.

— У него славная военная жилка,—сказалъ онъ, и будь только этотъ великанъ помоложе, онъ бы, навѣрное, взялъ его къ себѣ, и никто бы не могъ сравняться съ нимъ.

Полчаса спустя оба графа выѣзжали изъ Трхановскаго замка въ сопровожденіи своихъ кирасиръ, опять по направленію къ Уѣзду.

А немного послѣ полудня со двора замка выходили заключенные до той поры старые уѣздскіе Ходы. Послѣднимъ изъ воротъ вышелъ старый Пршибекъ, опираясь на свою могучую палицу, а подлѣ него его сынъ Матвѣй, неся на плечѣ древко отъ прежняго ходскаго знамени. Ему оставили его въ насмѣшку. Правда, Трхановскій управитель хотѣлъ еще въ канцеляріи отнять послѣднее, но его Кутскій товарищъ, засмѣявшись, сказалъ:

— Оставте ему эту щепку на память, по крайней мѣрѣ, будетъ чѣмъ помянуть свою панскую славу.

И панская дворня при выходѣ насмѣхалась надъ этимъ знаменемъ. Но онъ былъ невозмутимъ, и упорно смотрѣлъ

въ землю не отъ стыда, но изъ предосторожности, чтобы, взглянувъ на эту панскую челядь, не раздразнить ее еще больше и не разогнать, наказавъ за дерзкій смѣхъ.

Сыка, идя рядомъ съ Кожиной, нѣсколько разъ взглядывалъ на него, словно ожидая, не произойдетъ ли чего. Но молодой крестьянинъ молчалъ, точно не понимая этихъ вопросительныхъ взглядовъ. Это было грустное возвращеніе, никто не проронилъ ни слова, только старый Вахалъ одинъ разъ проговорилъ:

— Ахъ, эти хамы, эти хамы.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Мама ушла.

(Наброски).

(Окончаніе).

На другой день я проспалъ долго, и, вскочивши часу въ десятомъ, первымъ дѣломъ спросилъ о Сергѣѣ Петровичѣ.

— Спятъ еще-съ,—доложилъ Максимильянъ.

— Гм!—спитъ... А я ужъ, было, „склоненъ былъ думать", что видѣлъ во снѣ все то, что я видѣлъ, вѣрнѣе, слышалъ въ дыру подъ заборомъ. Но если онъ спитъ, то значитъ... Быть можетъ, и уснулъ-то онъ только-что, передъ обѣднями! Значитъ,—не сонъ, а сама жизнь; удивительная, захватывающая, чудно-таинственная жизнь!.. Творецъ безконечности! Неисповѣдимая Сила, если Ты и населила отдаленные міры разумными тварями, то не могла Ты уже сотворить болѣе глубокое, болѣе загадочное созданіе, чѣмъ царь земли!.. Что изъ того, что этотъ царь несчастенъ, слабъ, порочень?.. Онъ все-таки прекрасенъ, онъ глубокъ и загадоченъ, какъ Ты сама, какъ безконечность!

И такъ далѣе, и такъ далѣе... Такъ думалъ я, вскочивши съ постели и натягивая щиблеты, чтобы бѣжать завтракать,— я способенъ ѣсть тотчасъ-же, какъ проснулся. Но мама и Люба посовѣтовали мнѣ повременить съ аппетитомъ, пока не явится къ завтраку Сергѣй Петровичъ.

Ждалъ я его не только съ нетерпѣніемъ голоднаго человѣка, но и съ... съ... Ну опредѣлите вы сами то чувство, съ которымъ можете ждать къ завтраку дорогого пріятеля, тайна котораго у васъ въ рукахъ, который не подозрѣваетъ объ этомъ, котораго вы любите и съ котораго въ то-же

время не спускаете глазъ, какъ съ коварнаго врага!.. Я думалъ и то, и это, пока ждалъ гостя; на дѣлѣ-же не оказалось ни того, ни этого: Сергѣй Петровичъ пришелъ такимъ же, какимъ былъ здѣсь и вчера, какимъ былъ и всегда,—яснымъ, бодрымъ, веселымъ, уравновѣшеннымъ, готовымъ поддерживать, ради вашего удовольствія, оживленную бесѣду о тысячѣ пустяковъ. Мнѣ нельзя было не преклониться втайнѣ передъ этимъ гигантомъ воли, аппетитно кушавшимъ кофе, превознося толстыя мамины сливки, бахвалясь крѣпкимъ сномъ, который освѣжилъ и помолодилъ его лѣтъ на сорокъ. Мнѣ не вѣрилось, что этотъ-же самый голосъ, теперь веселый и обаятельно милый, рыдалъ минувшей ночью, стеная: „Пожалѣй же меня"... О, хитрецъ прелестный! О, милый лицемѣръ!—Если-бы ты только зналъ, что я все уже знаю!..

Однако, я, въ сущности, не зналъ ничего, или,—еще того хуже,—зналъ наполовину, и жестоко мучился собственнымъ полузнаніемъ. Какъ тутъ, за завтракомъ, такъ и въ послѣдующіе дни, я чувствовалъ, что дѣло у нихъ добромъ не кончится, не можетъ кончиться какъ-нибудь „такъ себѣ", просто, но что будетъ,—и предположить не смѣлъ! Упредить-же событія откровеннымъ сознаніемъ въ шпіонствѣ и могущимъ оттого воспослѣдовать отвѣтнымъ признаніемъ—не могъ: стыдился, боялся, слишкомъ дорожилъ своей тайной. Рѣшился, напротивъ, молчать, до самой смерти молчать и не показывать вида Сергѣю Петровичу, что мнѣ извѣстно кое-что... Поклялся избѣгать тѣхъ зыбучихъ предметовъ бесѣды, сквозь оболочку которыхъ какъ разъ рухнешь въ сферу интимностей,—не заговаривать о сосѣдкѣ, не возвращаться къ разговору о крошечной догарессѣ сквера. Но зато—усилить, усугубить бдительность, подмѣчать, схватывать, шпіонить, шпіонить безъ конца, безъ стыда!..—Игра стоила свѣчъ, цѣлаго склада ихъ, цѣлаго свѣчного завода,—случай былъ необыкновенный. Во первыхъ, онъ, Сергѣй Петровичъ Паули, онъ, безъ преувеличенія,—феноменъ. Такихъ людей я не встрѣчалъ и едва ли когда встрѣчу. Умный, высоко-развитый, на рѣдкость любезный, образецъ порядочности, и сверхъ всего, общительный, деликатный милый. Уже не касаясь его свѣтскости и очаровательнаго облика, однихъ его духовныхъ богатствъ достало-бы на цѣлый десятокъ рядовыхъ русскихъ интеллигентовъ; но они непремѣнно распредѣлились-бы по отдѣльнымъ спеціальностямъ, и человѣкъ порядочный, напримѣръ, въ упоеніи своей спеціальностью, считалъ-бы за излишнюю роскошь

быть еще и развитымъ, а спеціалистъ ума и знанія,—совпаденіе рѣдкое,—держалъ-бы себя въ обществѣ снисходительнымъ божествомъ. Совершенства не существуютъ, и Паули не совершенство, такъ какъ онъ оказался, на мой взглядъ, преступникомъ; но бываютъ, хотя феноменально рѣдко, люди, близкіе къ совершенству,—каковъ и Паули. Потому онъ и феноменъ. Во вторыхъ, она—второй членъ той-же исключительной пары. Дивная, въ моихъ глазахъ, кроткая красавица, каждый шагъ, каждое движеніе которой стало для меня почти чѣмъ-то сверхъестественнымъ, сказочнымъ... Чарующее взглядъ и душу воплощеніе страданія, она—неоспоримое совершенство!—Ея красота, ея печаль, ея мучительно-дивные глаза внушаютъ необыкновенныя думы...

Для меня не могло существовать вопроса, любятъ-ли они, какъ не можетъ быть при ясномъ солнцѣ вопроса,—день ли?—Ихъ свиданье, тонъ ихъ разговора, изумительное самообладаніе Паули, который держался „бон-виван'омъ въ отставкѣ", нося въ душѣ пламя и отчаяніе, его нервозность, которая на моихъ глазахъ росла по часамъ, проявляясь въ причудахъ, какъ прогулка по полю въ ливень, катанье на душегубкѣ въ бурю, кутежъ до зари,—все это исключало потребность въ вопросѣ... И ихъ любовь была для меня дивной поэмой въ мак-ферсоновскомъ стилѣ: тяжелыя сумерки передъ непроглядно-черной ночью, мертвая тишина, гордые неприступные утесы съ двумя тѣнями на вершинахъ, раздѣляемыхъ пропастью, мрачные коршуны, рѣющіе безъ звука надъ трупами друзей-надеждъ, убитыхъ мстительнымъ божествомъ... И прочая, и прочая. Ихъ любовь я любилъ и лелѣялъ больше, пристрастнѣй, чѣмъ могъ-бы любить свою личную страсть. Когда я думалъ о ней,—а это случалось почти поминутно, послѣ ночи тайнъ,—я былъ безкорыстнымъ пайщикомъ этой любви, номинальнымъ акціонеромъ безъ акцій, но съ отвѣтственностью за дефицитъ: если судьба имъ готовила крахъ,—не избѣжать было духовнаго банкротства и мнѣ. Страшно, читатель, а?

Но онъ, мой вулканъ съ пламенемъ и отчаяніемъ!.. Онъ и трогалъ, и подавлялъ меня своимъ титаническимъ „бонвиванствомъ". Въ немногіе дни, что протекли въ его близости до нашей внезапной разлуки,—всего какая нибудь одна недѣля, считая отъ описанной ночи,—я уже не могъ часу провести безъ него, и, ловя его повсюду, цѣпляясь за него при всякомъ удобномъ случаѣ, я всегда видѣлъ въ немъ все того-же корректнаго джентльмена,—любезнаго, общительнаго, веселаго, остроумнаго. Но тайна его души была

предо мною вынута, и я казался себѣ такимъ жалкимъ, духовно-мелкотравчатымъ человѣчкомъ, на ряду съ этимъ гигантомъ мужественнаго самообладанія. Пустыми, ничтожными, презрительно-грошевыми казались мнѣ и мои важнѣйшія дѣловыя заботы; „нудными“, „никчемными“ и „крохоборными“ находилъ я и самые великіе домыслы науки о финансахъ, о прибавочной стоимости, о накопленіи и распредѣленіи... Сухая, измельченная пыль все это въ сравненіи съ глубокой трагедіей двухъ тѣней на утесахъ!

Во имя этой трагедіи, я за послѣдніе дни часто покидалъ свою сухую пыль, что бы стреканутъ въ часы занятій въ скверъ,—посмотрѣть, поискать, пошпіонить... И совершенно напрасно искушалъ терпѣніе кліентовъ, протиравшихъ банковскія кресла въ ожиданіи шефа,—ни скверъ, ни всевозможные городскіе стогны и урочища, по которымъ бѣгалъ я и ѣздилъ на лихачахъ, не доставили ни разу удовлетворенія моей любознательности... Тайна ушла въ себя. Герои трагедіи стали неуловимы. Что изъ того, что я видался ежедневно съ Сергѣемъ Петровичемъ, обѣдалъ съ нимъ, балагурилъ съ нимъ и даже куликалъ за бутылками и наединѣ, и въ „маломъ комитетѣ“?.. Онъ и наединѣ со мной, и въ компаніи нашего брата пожилыхъ молодцовъ съ герцогинями свѣтскихъ полусумерекъ неуклонно былъ вѣренъ себѣ,—городилъ милыя турусы, морилъ со смѣху остротами, чаровалъ герцогинь изяществомъ и внимательностью... На дачѣ, куда я увозилъ его съ умысломъ, моему самоуваженію не льстившимъ, онъ ни разу не заблудился въ саду безъ меня или безъ Любы и упорно отклонялъ всѣ приглашенія остаться переночевать, божась, что сырость и прохлада опасны для его ревматизма... Я просто готовъ былъ съ кулаками накинуться на этого обаятельно-загадочнаго господина Паули, истощивъ всѣ искреннія любезности что бы какъ-нибудь завлечь его въ ловушку!

Наши послѣднія минуты съ нимъ мы провели за бутылками, въ городскомъ саду, въ лѣтнемъ помѣщеніи дворянскаго клуба, на ветхой террасѣ, если изволите знать. Сергѣй Петровичъ въ эту послѣднюю ночь былъ возбужденъ и нервенъ, какъ никогда, и отчаянно, какъ лунатикъ по карнизу, балансировалъ по самому краешку откровенности... Впрочемъ, доложу все по протоколу.

* * *

Сергѣй Петровичъ налилъ снова наши стаканы и продолжалъ:

— Но куда же намъ дѣваться отъ нашей плоти и крови, отъ нашей матеріальной субстанціи, общей съ животными,— отъ природы, вотъ отъ этой самой природы, что окружаетъ насъ и въ насъ самихъ продолжается, сама себѣ довлѣющая, обидно равнодушная къ этимъ порывамъ духа?.. Мы, люди,—медіумы, передаточные аппараты для сообщеній между собой двухъ одинаково темныхъ, одинаково неизвѣданныхъ сторонъ бытія;—если одну изъ этихъ сторонъ назовемъ условнымъ именемъ божества, то другую должны обозначить названіемъ скотства; а въ медіумѣ, въ аппаратѣ, тѣсно переплелись, перепутались нити той и другой стороны. Куда-же мы дѣнемся отъ нашей животной природы, страдая духомъ даже въ тѣ моменты, когда покоряемся ея неустранимымъ повелѣніямъ?.. Туда, развѣ только,—въ землю, въ могилу? Но и этотъ,—единственный, какъ хотѣлось-бы думать,—исходъ, освобождающій нашъ духъ для его чистыхъ функцій, прежде всего наноситъ намъ обиду, доказывая, какъ близко родны мы съ животными.—Засыпавши землей наше тѣло и освободивши нашъ духъ, существованіе котораго сомнительно, мы начинаемъ вполнѣ несомнѣнно, очень неоригинально, гнусно, скверно растворяться въ природѣ, и послѣдовательно вырабатываемъ изъ себя тѣ-же мидалеины, нервины и прочую гниль, что даетъ и околѣвшая свинья... Мы—боги и падаль!

Изящный физіологъ, высказавши этотъ ученый цинизмъ съ гримасой отвращенія, всталъ и принялся шагать по ветхому полу терраски, на которой мы пили и бесѣдовали уже часа три. Я не видѣлъ Паули цѣлые два дня, извелся въ поискахъ и въ ревнивыхъ догадкахъ, гдѣ скрывается мой другъ-загадка, и, подкарауливши его у самой двери отеля, впился въ него, какъ репей въ овцу. Очень вѣроятно, что онъ „мыслилъ“ отправиться въ какую-нибудь таинственную экскурсію, когда я налетѣлъ и взялъ его въ полонъ... Но, ужъ что бы онъ тамъ себѣ ни мыслилъ, а увильнуть не могъ, тонкій политиканъ, и покорился судьбѣ.

— А, знаете,—сказалъ онъ, убѣдясь въ невозможности отступленія,—я чрезвычайно радъ, что васъ вижу. Я, видите ли, такъ странно настроенъ, или разстроенъ, если хотите, что готовъ напиться, какъ „зеленая папка“ въ день получки. Было-бы недурно, если-бы мы нашли уютное мѣстечко, гдѣ бы намъ никто не мѣшалъ выпить въ одинъ присѣстъ всю ту порцію вина, что предопредѣленіе судило намъ выпить съ колыбели до гроба.

— Эге!—подумалъ я, —чего лучше?— И повезъ моего

плѣнника въ уютнѣйшее мѣсто города,—въ полуразрушенный сарайчикъ, гдѣ помѣщается на лѣтнее время нашъ мѣстный клубъ „послѣднихъ могикановъ“ и гдѣ облюбовалъ для насъ терраску надъ Волгой,—пунктъ, опасный даже для самихъ членовъ-стоиковъ, не рѣшавшихся вступать на гнилой полъ терраски, въ виду того, что ихъ всего-на-всего полтора человѣка и что они должны дорожить собственной жизнью, ради клуба. Тутъ мы и засѣли, въ тиши и въ безлюдьи, предупредивъ отощалаго буфетчика и испитого официанта, что крышку погреба, ради цѣлости ржавыхъ петель, лучше оставить открытой, пока мы въ клубѣ; тутъ мы и бражничали,—я съ добросердіемъ паука, хлопочущаго около крупной, аппетитной мухи; онъ, моя муха, — съ затаеннымъ скрежетомъ зубовнымъ, по всей вѣроятности.

— Такъ омерзителенъ адюльтеръ, — говорилъ Сергѣй Петровичъ, шагая медленно, чтобы нога не увязла въ гнилушку,—такъ гадка обезьянья похотливость героевъ и героинь романовъ Прево, Жипъ, Мопассана!.. Особенно если ихъ видишь въ жизни ежедневно, сталкиваешься съ этими красивыми животными въ гостиной, на бульварѣ, въ фойе, на five o'clock'ахъ.—Становишься гадокъ самъ себѣ, когда тѣло, кровь толкаетъ самого тебя по ихъ слѣдамъ... Вѣдь, какъ-бы хотѣлось отрѣшиться отъ этой пошлой, эгоистично-скотской матеріальной оболочки, уйти въ духъ, въ мысль, въ идею!.. Забыть и dindon aux truffles, и трепетанье душистаго женскаго тѣла,—безвозвратно забыть, навсегда!.. Да, вѣдь, ужъ было все *это* неоднократно, извѣдано все уже до пресыщенія, уже давно вынесено изъ всего этого убѣжденіе, что нѣтъ *тутъ* ничего, кромѣ пошлаго повторенія задовъ... Вѣдь, ужъ утомились нервы, достаточно остылъ мозгъ, и душа основательно потрепана въ ненужныхъ побѣдахъ, и „покоя сердце проситъ“... И,—однимъ словомъ,—всѣ данныя къ тому, чтобы мыслящій человѣкъ среднихъ лѣтъ, утомленный жизнью, во многомъ разочарованный, ни въ чемъ не нашедшій спасительныхъ иллюзій, подумалъ-бы о мирныхъ благахъ аскетизма и предался-бы исключительно духовному паренію... Но... куда дѣнемся отъ плоти?! Камо бѣжимъ?! Отдохнула она отъ утомленія, пережила полосу импотентно-хладнаго равнодушія къ скотскому блаженству, и—на мѣстѣ разочарованнаго мудреца—снова жизнерадостный павіанъ, герой, героиня алькова!..

Сергѣй Петровичъ остановился и горькимъ смѣхомъ посмѣялся,—тихо, медленно, съ гримасой вмѣсто улыбки. „Вотъ такъ обыкновенно,—подумалъ я,—смѣется артистъ

Вельскій, когда играетъ благороднаго отца и видитъ, что его нравственныя реплики растоптаны, что наслѣдница богатой и знаменитой фамиліи бѣжала за кулисы съ прапорщикомъ запаса, который отъ неопытности ушелъ въ стѣну, вмѣсто двери..." Но тотчасъ же я и вздохнулъ, сообразивши какъ долженъ быть разстроеннымъ мой идеалъ самообладанія' если позволяетъ себѣ хохотать такъ трагически... А онъ добавилъ:

— Я не дѣлаю исключенія въ этомъ отношеніи ни для кого, кромѣ людей больныхъ или анормально-конструированныхъ, съ органическими и психическими дефектами,—ни для васъ, ни для самого себя...

При этомъ заявленіи, нѣсколько странномъ и неожиданномъ, на губахъ Сергѣя Петровича зазмѣилась его обычная тонко ироническая улыбочка; но за ней почуялось мнѣ что-то необычное... И у меня защипало сердце, такъ же пріятно, какъ отъ портвейна А. Ландъ и компанія, который мы пили: „Ужъ не упреждаетъ ли онъ событія?—подумалъ я.— Ужъ не пробилъ ли благопріятный часъ, чтобы рискнуть мнѣ на конверсію нашихъ „взглядовъ и нѣчто" на предъявителя въ именные фонды?"

— Ну, дорогой мой,—сподличалъ я, въ интересахъ конверсіи,—вы то, при вашей силѣ воли!.. Вы, вѣдь,—адамантъ, скала!.. Вотъ я—такъ дѣйствительно...

Онъ сѣлъ почти рядомъ со мной, бокомъ къ столу, и подперъ ладонью лобъ.

— Нѣтъ, *другъ* мой,—возразилъ онъ меланхолично и тихо, съ глубокимъ вздохомъ, впервые даря мнѣ грамату дружбы.— Сознаемся, что всѣ мы слабы... Главная причина *нашей* слабости,—нашей, поймите... Я уже не о герояхъ Жипъ и Прево хочу вести разговоръ, а о насъ... О подобныхъ намъ людяхъ съ головой и съ сердцемъ,—о васъ, напримѣръ, о.. себѣ.—Главная причина нашей слабости состоитъ въ томъ что мы, повинуясь природѣ, слишкомъ способны забывать на первыхъ шагахъ нашу тѣлесную оболочку, нашу плоть земную и ткать на станкѣ воображенія чудную ризу любви возвышенной, неземной, равноангельской. Чудная риза облекаетъ насъ самихъ, мѣшаетъ видѣть факты, какъ они творятся, лишаетъ насъ лучшаго дара Божія,—способности разсуждать трезво-реально; и тогда лишь она, чудная риза, падаетъ жалкими лохмотьями къ нашимъ ногамъ, когда мы завершили неземную любовь животными содроганіями во тьмѣ алькова. Простите, что я открываю Америки!.. Знаемъ мы твердо, вполнѣ знаемъ, что дѣло не можетъ кончиться

чѣмъ-либо инымъ... и все-таки выступаемъ на избитую дорожку, строя поэтическія иллюзіи, слагая стансы, украшая лучшими перлами и алмазами нашего духа призрачную ткань... Eh, mon Dieu!—что же дѣлать?!

Я съ пріятнымъ изумленіемъ глядѣлъ въ красивые глаза Сергѣя Петровича;—они въ эту минуту потеряли свой обычный холодный блескъ и затеплились влажнымъ мечтательнымъ свѣтомъ. Онъ улыбнулся мягко, покорно, какъ бы извиняясь, что поддается желанію грезить вслухъ, и продолжалъ:

— Ей-богу, жизнь слагается иногда въ такія прихотливо, капризныя арабески, что начинаетъ казаться сказочнымъ царскимъ замкомъ, а ты, трезвый реалистъ, чувствуешь себя мальчикомъ среди очарованнаго лѣса. Ты принимаешь за Божіе чудо жизнь, ту самую жизнь, что утомила тебя ежедневнымъ созерцаніемъ грязи, плутней, торгашества, низкихъ расчетовъ, жертвъ, плавающихъ въ невинной крови, палачей, лишенныхъ совѣсти и сердца, безцѣльныхъ мукъ, ненужныхъ подвиговъ... Ты начинаешь считать благомъ ту пошлую сѣрую жизнь, что уже, кажется, изсушила въ тебѣ и душу, и энергію, и силу своими бичами, посмѣяніями вѣка, безсиліемъ правъ, тираническими притѣсненіями, опозоренными чувствами, продажной любовью, покупной честью... Ахъ, жизнь, жизнь! Великій, таинственный лѣсъ! Ты полна удушливаго смрада мелочей, ядовитыхъ гадинъ, докучныхъ комаровъ и слѣпней, ты полна зловонной грязи... Но нужно стать муравьемъ-хлопотуномъ, однимъ изъ безсмысленнѣйшихъ лѣсныхъ животныхъ, пустымъ полусгнившимъ дупломъ, чтобы не чувствовать въ глубинѣ этого очарованнаго лѣса присутствіе Великаго, Рока, ананкэ... Бога!.. Это я говорю, я,—натуръ-философъ, атеистъ, я—Паули!

Выкрикнувъ съ сердцемъ это признаніе, онъ отчаянно схватилъ бутылку. Но она была пуста. Я торжествовалъ, видя трезваго реалиста и натуръ-философа грезящимъ въ заколдованномъ лѣсу, гдѣ онъ заблудился, несмотря на всѣ компасы инстинктовъ и астролябіи экспериментовъ, съ которыми такъ увѣренно шелъ до сихъ поръ.—„Ну, ничего ничего,—ободрялъ я въ душѣ атеиста,—не ты первый, не ты послѣдній. Всѣ тамъ будемъ, братъ Аркаша!..“ И радостно звонилъ, и весело подмигивалъ лакею на бутылку.

Сергѣй Петровичъ выпилъ два стакана подърядъ, жадно, безъ отрыву и потомъ пріумолкъ; я любовно изучалъ игру борющихся чувствъ на его лицѣ, то принимавшемъ обычное выраженіе непроницаемости, то расплывавшемся въ покорную

мягкую усмѣшку: происходила на моихъ глазахъ борьба двухъ человѣкъ,—Паули, котораго я зналъ, и какого то новаго для меня господина.. Пилъ я умно,—крошечными глоточками. Пилъ я и размышлялъ, глядя на то, какъ незнакомый мнѣ господинъ съ мягкой усмѣшкой беретъ верхъ надъ знакомымъ мнѣ непроницаемымъ Сергѣемъ Петровичемъ: „Нѣтъ и не можетъ быть такого кремня съ человѣческимъ сердцемъ, который не превратился бы хоть разъ въ жизни, хоть на одну минуту въ свѣжеиспеченный мякишъ, доступный и зубамъ младенца!—Пользуйся минутой, Діомидъ, раскуси кремень, пока онъ размякъ,—второго такого случая ты не дождешься..." И меня била легкая лихорадка въ предвкушеніи усладительнаго блюда.

— Вы помните,—тихо сказалъ онъ,—суть того стихотворенія въ прозѣ, которое нашлось какъ то между вашими старыми письмами и принадлежало вашему покойному другу дѣтства? Вы еще мнѣ не совѣтовали его читать, говоря, что оно и безсмысленно, и бездарно, что самъ авторъ его устыдился... Я тогда согласился съ вами, и пробѣжалъ его однимъ глазомъ...

Мнѣ ли было не помнить этого бездарнаго стихотворенія? Его авторъ, покойный другъ моего дѣтства, благополучно здравствовалъ и распивалъ съ Сергѣемъ Петровичемъ душистый портвейнъ А. Лаландъ и компанія... Но я съ малодушнымъ упрямствомъ вторично предалъ бѣдную тѣнь моего ближайшаго друга на поруганіе, отрекшись отъ солидарности съ нимъ.

— Нѣтъ, право, не помню,—отвѣтилъ я.—Ерунда какая то тамъ, зады съ передами... Стыдно читать!.. Что это вамъ вспомнилось?

— Въ литературномъ отношеніи оно, если не обманываетъ память, очень слабо,—правда это... Но въ немъ есть мысль, которая мнѣ въ настоящую минуту кажется... страшно поэтической!—Жители земли объяты паникой: ученые всего свѣта оповѣстили съ высоты обсерваторій, что одна изъ отдаленнѣйшихъ населенныхъ планетъ, покинувъ свою орбиту, устремилась къ солнечной системѣ, что она летитъ сюда со скоростью милліарда миль въ секунду, что уже стали ясны очертанія ея необъятной фигуры, еще вчера незримыя за дальностью... Скоро, скоро грозная гостья ворвется въ мирную семью Солнца и причинитъ неотвратимую гибель всему живому, погубивъ при этомъ и собственныхъ своихъ обитателей.—Уже днемъ расширенные ужасомъ глаза людей видятъ на горизонтѣ темный шаръ, растущій съ каждымъ

мигомъ... Міръ въ отчаяніи. Покинуты дѣла, забыты страсти, тигръ съ безсильнымъ визгомъ ищетъ уюта за спиной овечки... Настежь открытые храмы пусты: человѣкъ съ ужасомъ убѣдился въ минуту роковой опасности, что нѣтъ спасенія въ вѣрѣ, и покидаетъ жертву на потухающемъ алтарѣ, чтобы бѣжать, невѣдомо куда, спотыкаясь о тѣла жрецовъ, упавшихъ въ безпомощномъ ужасѣ... Толпа мечется въ смертельномъ отчаяніи, стеная и моля о пощадѣ небо, на которомъ темный шаръ уже возросъ до необъятной величины; множество людей умерло на мѣстѣ отъ испуга и горя... Но между милліардовъ земныхъ жителей, объятыхъ предсмертнымъ горемъ, есть одинокая душа, чуждая всѣмъ, жизнь которой была всегда горемъ живымъ и неисцѣлимымъ: эта истомленная тоской женщина одна лишь благословляетъ минуту всечеловѣческаго ужаса, одна лишь она, съ отраднымъ замираніемъ сердца ждетъ гибели міра, одна лишь она, съ вдохновеннымъ восторгомъ, смотритъ на грозящій шаръ, затмившій день и, простираетъ къ нему объятія любви, надежды, призыва... Тамъ, на невѣдомой планетѣ, явившейся изъ глубины вселенной, найдетъ она родное сердце, которое принесетъ ей тепло и отраду, которое дастъ ей счастіе, не обрѣтенное среди милліардовъ людей, встрѣчавшихъ ее холодностью и насмѣшками... Еще моментъ терпѣнія, и прильнетъ она къ его груди, и они умрутъ оба съ первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ, переполненные блаженствомъ... Гм... Вѣдь, такъ, кажется?

— Кажется, такъ!—полупрезительно подтвердилъ я... И разомъ вылилъ въ себя цѣлый стаканъ вина. Вышло хорошо: я удержался отъ порыва кинуться на шею Паули и признаться, что-де, какъ ни стыдно, а лучшій другъ моего дѣтства и юношества, и старости—вотъ онъ, я!

— Запомнилъ я,—продолжалъ Сергѣй Петровичъ,—хотя пробѣжалъ поверхностно... Запомнилъ потомъ, когда припоминалъ... Все хотѣлъ спросить у васъ послѣ, не позволите ли прочитать еще разъ. Да такъ и... Собственно, послѣдняя часть сохранилась въ воспоминаніи и заставила вновь передумать цѣлое.—Погибель неизбѣжна. Вопли и стоны толпы, обреченной на истребленіе, замѣнились животнымъ хрипомъ, который, въ свою очередь, уступилъ мѣсто могильной тишинѣ: стали слышны біенія отдѣльныхъ сердецъ, слившіяся въ общій ритмъ, потрясающе-величественный. Только тутъ, въ мигъ всеобщей гибели, люди достигли того, къ чему стремились упованія лучшихъ сердецъ!—Они стали едино стадо, единымъ пастыремъ котораго являлась смерть... Про-

текла безконечная минута мертвой тишины, и... гибель еще не начиналась. Онѣмѣвшіе взгляды, прикованные къ необъятному шару, увидѣли, что онъ стоитъ, не растетъ болѣе... Тамъ и тутъ поднялись головы окаменѣлыхъ людей, не имѣющихъ силъ довѣриться безсознательной радости... Вдругъ оглушительный вопль радости потрясъ землю и вернулъ къ жизни тѣхъ, кто уже терялъ сознаніе: планета уменьшилась... Она измѣнила направленіе, она удалялась... Топча ногами обезсилѣвшихъ, давя старца, ребенка и женщину, опьяненная бѣшенымъ восторгомъ толпа порывисто метнулась во всѣ стороны и вездѣ была встрѣчена жрецами, которые вдохновенно и повелительно указывали ей на алтари и на темную планету, уже уменьшившуюся до величины дѣтской головки: міръ ликовалъ, тигръ терзалъ овечку, вскидывая ея окровавленное тѣло съ радостнымъ ревомъ, пока самъ не упалъ въ конвульсіяхъ отъ шальной пули обезумѣвшаго счастливца... Астрономы съ высоты обсерваторій кричали, задыхаясь отъ радости, что гибель миновала, что грозная планета, несшая смерть землѣ, едва коснулась на своемъ пути отдаленнѣйшихъ предѣловъ солнечной системы... И между милліардовъ ликующихъ жителей земли одна лишь чуждая всѣмъ женщина провожала умирающимъ взглядомъ темную точку, на которой уносилось отъ нея въ безпредѣльную даль желанное счастье...

Мы долго и дружно молчали, занятые каждый своими думами.—Блаженно ухмыляясь отъ торжества, что „ерунда“ моего друга дѣтства удостоилась одобрительнаго отзыва со стороны „такого Петронія“, я уже клалъ на вѣсы два ниспосланные мнѣ дара судьбы: на одну чашку—прозаически-сухую дѣятельность финансиста при окладѣ въ восемь тысячъ, на другую—вдохновеніе свободнаго творца стихотвореній въ прозѣ, по три копейки за строчку... О чемъ думалъ Сергѣй Петровичъ,—неизвѣстно; но глаза у него совершенно потемнѣли „отъ избытка сердца“, а улыбка стала маніакальной. Онъ нарушилъ молчаніе вздохомъ и заговорилъ тихо, съ перерывами,—какъ въ полуснѣ:

— Оттого вспомнилось мнѣ послѣ это стихотвореніе, что и у меня... Что и мнѣ знакома одна... Сказка одна. Станемъ разсказывать сказки, другъ мой. Повѣдаю я вамъ сказку, отъ которой нельзя заскучать, а вы скажите, какъ поступили-бы вы... Но пусть дадутъ намъ еще вина.

Сергѣй Петровичъ нахмурился, борясь съ послѣдними проблесками нерѣшительности, но тотчасъ-же и улыбнулся:

незнакомецъ одержалъ въ немъ окончательно побѣду надъ знакомымъ мнѣ Сергѣемъ Петровичемъ. Полузакрывъ глаза и подперши лобъ ладонью, онъ началъ едва слышнымъ голосомъ:

— У меня былъ хорошій пріятель, русскій, холостякъ, обезпеченный человѣкъ, недурныхъ душевныхъ качествъ. Онъ познакомился съ дивной дѣвушкой. Она была ему симпатична, а онъ ей... дорогъ, какъ первая любовь... Она полюбила... Я не сумѣю вамъ разсказать, какъ хороша эта дѣвушка. Сложена идеально, классически; красива... Такая красота не поддается описанію. При безукоризненности линій, въ ней преобладаетъ духъ, очертанія котораго неуловимы. Кротка, добра, сердечна.. что этимъ скажешь?. Такія, какъ она, обычны въ книгахъ; въ жизни-же едва ли встрѣчаются однажды во сто лѣтъ, и, однако, проходятъ незамѣченными, неоцѣненными: ихъ избѣгаетъ счастіе. Ее и не умѣли, и не хотѣли оцѣнить въ той семьѣ, гдѣ она воспитывалась, въ томъ обществѣ, къ которому она принадлежала... Ее не пожелалъ оцѣнить тотъ, кому она отдала-бы любовь, красоту, жизнь, если-бы онъ захотѣлъ... если-бы зналъ, что въ ней одной найдетъ онъ... Она была бѣдная сирота, росла въ семьѣ, гдѣ имѣлись свои, родныя дѣти, гдѣ барышни, созрѣвшія для замужества, ждали блестящихъ партій, успѣховъ въ свѣтѣ: кроткую красавицу затирали тонко, деликатно, планомѣрно и неукоснительно, боясь соперничества; чистосердечную дѣвушку, къ интригамъ неспособную, окружали незамѣтной, но прочной сѣтью интригъ, ставшихъ системой. Она была тиха и нелюдима установили соглашеніе считать ее недалекой. Она избѣгала шумнаго веселья, памятуя о своей долѣ бѣдной сироты, живущей изъ милости: о ней говорили, пожимая плечами, что она платитъ черной неблагодарностью за родственную къ ней любовь. Она была поневолѣ печальна и молчалива свѣтъ зналъ, что она хитра, зла, скрытна, что она очаровательная змѣя, приближеніе къ которой неблагоразумно. Красивая и глупая, злая и безродная—могла ли она разсчитывать на что либо въ свѣтѣ, помимо участи содержанки,—и патентованные ловласы отравляли своими преслѣдованіями тѣ рѣдкія минуты, когда она появлялась на людяхъ. Для дѣвушки съ чуткимъ сердцемъ это не жизнь была, а непрестанная пытка!..

Единственный человѣкъ, который дарилъ ей свое вниманіе безъ цѣли и безъ обиды, былъ... онъ, мой знакомецъ. Онъ не любилъ ее; онъ проводилъ часы въ ея близости

великодушно ухаживалъ за изгнанницей изъ желанія быть оригинальнымъ. И чѣмъ холоднѣе относился къ ней tout le monde, и чѣмъ плотнѣе вокругъ нея сплеталась тонкая паутина намековъ, тѣмъ болѣе старался онъ не быть какъ всѣ, тѣмъ усиленнѣе принуждалъ себя къ теплому и сердечному отношенію къ одинокой дѣвушкѣ. Онъ говорилъ съ ней о жизни, о научныхъ новостяхъ, о чувствахъ, о себѣ самомъ и о своихъ планахъ,—какъ профессоръ съ ученикомъ говорилъ, горячо, но безстрастно: онъ не любилъ ее... А она, прекрасная, великодушная дѣвушка, обожествила его, полюбивъ такъ, какъ могла полюбить лишь она: вся на всю жизнь... И я зналъ... Я зналъ, что онъ... Что ему ясна ея любовь.

Красота ея неоспорима, а умъ... Я превознесъ красоту и сердце этой дѣвушки, и ни слова не сказалъ о ея умѣ. Но умъ—понятіе крайне условное, какъ и мораль. Цезарь былъ, безспорно, умный человѣкъ, по мнѣнію подавляющаго большинства; но нельзя не согласиться съ Руссо, когда онъ заявляетъ, что былъ умнѣе въ десятилѣтнемъ возрастѣ, чѣмъ Цезарь въ тридцатилѣтнемъ: этотъ герой разрушалъ города, истреблялъ людей, а тотъ мальчикъ думалъ о благѣ ближняго, сажая деревцо. Для Бисмарка умъ Ренана—малоцѣнное украшеніе, а на взглядъ Спинозы мелочно-геніальный Бисмаркъ оказался-бы тупицей: кому что дорого... Геній!. Гм!.. Дешевая погремушка съ ярмарки нашего тщеславія... Почти вся геніальность кровопійцы Наполеона выразилась лишь въ томъ, что этотъ бездушный честолюбецъ - извергъ обезкровилъ Европу, истребивъ десять милліоновъ себѣ подобныхъ. Но онъ—геній!.. Въ иномъ, болѣе разумномъ обществѣ, не въ нашемъ, такому генію отвели-бы мѣсто въ психіатрической лѣчебницѣ. А у его гробницы въ Инвалидахъ еще до сихъ поръ вы увидите каждый день колѣнопреклоненныхъ почитателей... Спросите у нихъ, кто такой Пастеръ, чѣмъ великъ этотъ скромный герой-благодѣтель, сохранившій потомствамъ милліарды жизней?—Васъ не поймутъ, вамъ отвѣтятъ оскорбленіемъ, какъ нарушителю молитвы. Что такое умъ, геній, въ концѣ концовъ?.

Когда-же дѣло идетъ объ умѣ женщины, то... Я, въ свою очередь, боюсь прослыть тупицей, если скажу, что умъ Спинозы или Ньютона, умъ Бисмарка или Маркса вреденъ женщинѣ, какъ царская водка благородному металлу: этотъ умъ уничтожаетъ въ женщинѣ женщину. Нашъ обычный, мужской умъ—умъ земли, умъ праха; и не дальше

праха самые обширные предѣлы его геніальности.. А сущность женщины... Женщина должна имѣть свой, спеціально женскій умъ, геніальность котораго, можетъ быть, неизмѣрима.. Онъ еще не открытъ, но чувствуется... какъ чувствовалась Леверье его планета... Онъ еще ждетъ своихъ Галле, своихъ Коперниковъ, своихъ Аристотелей... Но онъ долженъ быть!. И, быть можетъ, онъ безконечно полезнѣе міру, чѣмъ всѣ міровые умы, принесшіе пользу. Какъ электричество, какъ тяготѣніе, умъ женщины существуетъ отъ вѣка, но... Онъ еще не открытъ... И, быть можетъ, онъ осчастливитъ, наконецъ, человѣчество, озаритъ его вѣчнымъ свѣтомъ и согрѣетъ, развернетъ передъ нимъ новыя перспективы, когда будетъ открытъ и изученъ... гм... Да!.. Умъ женщины, своеобразный, отличный, теперь невѣдомый, таинственный,—сила будущаго... Гм... Счастіе будущаго... Да!. О чемъ я замечтался, однако?—Простите!. Промочимъ горло.

Онъ выпилъ вина, овладѣлъ собой и продолжалъ, поднявши голову:

— Коротко сказать, я... Я знаю за вѣрное, что мой пріятель поддался, подчинился тому, что презиралъ,—общему говору, общему мнѣнію о недалекости красавицы-дичка и... отвѣтилъ на ея робкое полупризнаніе, какъ Онѣгинъ, развѣ чуточку потеплѣе и не такъ высокомѣрно. Старая юная исторія!. А годъ, полтора спустя, земляки, путешествующіе за границей сообщили, ему, что она составила почти блестящую партію, согласившись на замужество съ чиновнымъ старикомъ... Ей было все равно, вѣдь, если ея любовь... Старая юная исторія! У Пушкина, если теперь не измѣняетъ мнѣ память, есть огромный пропускъ въ его великой поэмѣ: отсутствуетъ глава объ угрызеніяхъ сердца Онѣгина. Знаете вы, что такое угрызенія сердца? Они начинаются безпричинно, въ моментъ одиночества, гдѣ нибудь въ иноземномъ захолустьи, на безлюдной станціи, всего легче—въ осенній дождь, въ туманъ, при легкомъ недомоганіи.. Эти сердечныя угрызенія, во всемъ схожія съ муками совѣсти, возникнувъ неожиданно, съ пустяка, съ посторонняго повода, съ легкаго поверхностнаго воспоминанія, растутъ, крѣпнутъ, пускаютъ цѣпкіе корни въ душѣ, сушатъ ее, лишаютъ васъ сна и аппетита... И счастіе, которое было такъ близко, такъ возможно, если-бы самомнѣніе не помѣшало ловить его, когда оно давалось въ руки,—счастіе всей твоей жизни становится неразлучнымъ съ образомъ женщины, оттолкнутой тобой, навсегда утраченной!. Тяжелое, до глу-

пости тяжелое состояніе... Алчная, неутолимая мысль о ней,—прекрасной, дивной, любящей и печальной,—гложетъ преступное сердце, какъ грѣхъ больную совѣсть, доводитъ до безумія!. То самое, что когда-то не замѣчалось или не доходило до сознанія,—ея тоскующая улыбка, ея робкая просьба, ея молящій взглядъ... и эти трепетныя рукопожатія, и эти невольныя проявленія чувства въ тысячахъ мелочей, и жестъ, и поза, и вибрація голоса,—все это давнее, забытое, полузамѣченное въ прошломъ, возникаетъ въ чудномъ таинственномъ аппаратѣ памяти, мучитъ, отравляетъ жизнь, ссоритъ съ любимымъ дѣломъ, рветъ изъ рукъ привычную работу!. Ни погоня за покупнымъ блаженствомъ, ни муссированный разгулъ, ни—всего менѣе—сухопарые доводы разсудка, пытающагося принизить, очернить, опошлить въ памяти и сознаніи дивный, мучащій образъ,—ничто не въ силахъ побороть это влеченіе кающагося сердца къ утраченному имъ счастью,—къ ней, покорной, страдающей вдали отъ тебя, въ неволѣ, въ тяжеломъ союзѣ съ чуждымъ душѣ человѣкомъ!. Да, я долго, упрямо... Я долго и внимательно наблюдалъ, какъ героически боролся мой другъ съ угрызеніями совѣсти,—лѣтъ шесть, семь, изо дня въ день... Это было выше силъ,—онъ пріѣхалъ... Онъ нашелъ ее снова въ родномъ городѣ, куда назначили ея мужа на одинъ изъ высшихъ постовъ... Не помню, не знаю на какой,—не важно... У ней былъ ребенокъ... Какъ это... Гм! Находите ли вы... что это винцо не дурно, въ концѣ концовъ!

Онъ оборвалъ свою сказку, подавивъ вздохъ, и круто повернулся ко мнѣ.

— Попросимъ еще бутылку, промочимъ горло и—баста!.. Все равно, тщетны усилія... Я сегодня хотѣлъ-бы, но не могу быть пьянымъ.

Лицо Сергѣя Петровича выразило муку, чего онъ уже и не старался, повидимому, скрыть... Сказка сказывалась не безъ волненія. И,—полдюжина-ли портвейна тому причиной, или-же волненіе разсказчика, сообщаясь мнѣ, вызвало теплое сочувствіе къ его страданіямъ,—я готовъ былъ признаться, что знаю, о комъ говоритъ сказка. А онъ?—Именно, на всякаго мудреца довольно простоты,—онъ, ей-богу, нисколько не подозрѣвалъ, что мнѣ извѣстны не только „герои“ его сказки, но и нѣкоторыя подробности, недостающія въ его исповѣди отъ третьяго лица. Но еще какъ-бы отнесся этотъ замкнутый человѣкъ къ моей просьбѣ оставить анонимы и облегчить тяготу душевную въ полной откровенности... Махнулъ ли бы рукой на игру въ мѣстоименія, закон-

чилъ ли бы стенаніями отъ своего имени, отъ всей души... или же, напротивъ, ушелъ ли бы въ себя, употребивши всю изворотливость своего ума на то, чтобы запутать, замести слѣды, перетасовать факты и „сказки“, и жизни,—вывернуться? Я опасался этого: я знаю, что онъ былъ способенъ одурачить меня умно, тонко и мило. И, какъ ни пылало у меня сердце сочувствіемъ, я сдерживалъ себя, я молчалъ, до неприличія молчалъ.

* * *

Сказка осталась, однако, недосказанной; Сергѣй Петровичъ, какъ мнѣ кажется, спохватился, что онъ не въ мѣру откровененъ, если не на словахъ, то поведеньемъ, одумался и... бѣжалъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда я совсѣмъ уже развѣсилъ уши; бѣжалъ самымъ страннымъ образомъ, какъ и ждать было нельзя отъ такого корректнаго джентльмена, исчезъ внезапно, вдругъ, на половинѣ фразы, покинувъ на спинкѣ стула пальто, на столѣ—портсигаръ и перчатки, въ углу балкона—палку.

Это случилось уже на разсвѣтѣ, когда отощалый лакей, прибралъ фонарики и доложилъ, что клубъ уже закрытъ, буфетъ-же къ услугамъ нашимъ. Сергѣй Петровичъ въ это время велъ очень рискованныя разсужденія, то вялыя, то страстныя, о повелительности чувства любви, о необходимости жертвъ для нея, о томъ, что его „другъ“ не въ силахъ заставить себя примириться съ живымъ доказательствомъ правъ „чужого, ненавистнаго человѣка“ на обожаемую женщину,—заставить себя полюбить ребенка... Другъ моего друга не могъ любить это, ни въ чемъ неповинное „доказательство“.Онъ много старался пріучить себя къ виду прелестнаго ласковаго дитяти, и убѣдился, что... скорѣе онъ способенъ ненавидѣть малютку любимой женщины, и...

— Взгляните, какъ хороши эти холмы!.. Наши, мои родные холмы!—воскликнулъ Сергѣй Петровичъ, вдругъ прерывая свою сбивчивую рѣчь о сомнѣніяхъ, мучившихъ героя сказки. Я повернулъ голову туда, куда указывала его рука.— Тамъ, на сѣверо-западъ отъ насъ, по компасу-же нѣсколько на востокъ, въ томъ межигорьѣ, куда уходитъ Волга, огибая луку, тамъ мирно, успокаивающе-кротко синѣли въ предразсвѣтной полумглѣ два кургана, раздѣленные рѣкой, а на ихъ гладкихъ ровныхъ вершинахъ почивало двумя, едва замѣтными пятнами отраженіе утренней зари... Я залюбовался, забылся. Сколько разъ до этого утра видѣлъ я наши холмы, сколько разъ любовался ими въ тотъ или другой

часъ дня, издали или вблизи, но никогда еще до сихъ поръ, до настоящаго момента не говорили они своими мягкими контурами душѣ о мирѣ, о вѣчномъ и прекрасномъ безстрастіи природы и о суетности нашихъ человѣческихъ страстей, бурь, геройскихъ подвиговъ, своекорыстныхъ расчетовъ, симпатій и ненавистей... А когда я, выйдя изъ недолгой, но цѣлостной задумчивости, повернулъ голову къ Сергѣю Петровичу, чтобы подѣлиться впечатлѣніемъ, его уже не было на террасѣ. Онъ ушелъ, и, вѣроятно, ушелъ крадучись: я не слышалъ ни малѣйшаго шороха, по крайней мѣрѣ.

Необходимую четверть часа я ждалъ его спокойно, безъ тревоги... Потомъ, въ слѣдующую четверть, встревожился и пошелъ на развѣдки. Тощій офиціантъ, дремавшій за дверкой, сообщилъ, что господинъ вышли поспѣшно и тутъ же повернули къ Волгѣ.—Гм!.. Быть можетъ, надумалъ искупаться!.. Хотя странно—не удостоилъ приглашенія и вообще улизнулъ. Мнѣ оставалось забрать покинутые имъ предметы и самому покинуть захудалый клубъ. Однако, я побродилъ по саду, разыскивая бѣглеца, внимательно оглядѣлъ берегъ, обошелъ аллеи, не исключая и нагорныхъ, далекихъ отъ центра, густыхъ и еще полныхъ мягкой тьмы, запутавшейся здѣсь въ чащѣ корней и травы.—Садъ былъ пустъ и казался утомленно-задумчивымъ, послѣ шумной, людно гульливой ночи. Городскіе сады ведутъ ненормально-изнурительную жизнь, и ложатся спать лишь тогда, когда лѣса и рощи бодро пробуждаются къ здоровой жизни, при первомъ поцѣлуѣ солнца, среди гимна щебетанья и криковъ радости. Оттого и грустенъ нашъ прекрасный, но дряхлѣющій городской садъ... Покиньте среди ночи людныя аллеи и зайдите въ глубину сада, куда едва доносится шарканье тысяченогой толпы, сплошной говоръ и смѣхъ, грохотъ барабана и трубъ, сядьте тамъ, въ тишинѣ, и бѣдный садъ сообщитъ вамъ свою задумчивую и покорную грусть.

Тепло пожелавши зеленому старцу покойнаго дня, я вышелъ и поѣхалъ домой, въ ожиданіи, что Сергѣй Петровичъ уже дома. Но швейцаръ, запирая дверь за мной, поклялся, что онъ Сергѣя Петровича не впускалъ... Я вошелъ въ номеръ съ цѣлой дюжиной предположеній, догадокъ и вѣроятностей, обдумать которыя намѣревался въ постели, пока не засну, и едва лишь увидѣлъ свой столъ, какъ тотчасъ-же рухнули всѣ мои намѣренія, до сна включительно: на столѣ лежала телеграмма. Эта докучная проза жизни, сложенная пакетикомъ, заставила меня позабыть и чужую страсть, и собственное любопытство, и даже сонъ: главно-

управляющій приглашалъ меня безотлагательно прибыть въ Петербургъ для совѣщанія по дѣлу, спѣшному и капитальному; необходимо было выѣхать сегодня-же, если я здоровъ и если дѣла мои въ порядкѣ. Я кинулся въ кресло съ досаднымъ лоскуткомъ прозы передъ глазами, полный хмеля и утомленія: какъ-бы хорошо было остаться дома безотлагательно!... Какъ не хотѣлось-бы покидать героевъ сказки теперь именно, когда, повидимому, созрѣли событія и приближалось что-то „такое-этакое", чего я не умѣлъ предрѣшить, но что уже предчувствовалъ. Но дѣлать было нечего, приходилось ѣхать. И я тотчасъ-же приступилъ къ сборамъ, выливъ предварительно на голову ведро холодной воды.

* * *

Хлопотъ со сборами было много, а времени мало: надо было до вечера, до отхода поѣзда, повидаться съ десяткомъ людей передать замѣстителю бразды, разобрать съ нимъ неотложныя дѣла, дать совѣты, инструкціи, переговорить кое съ кѣмъ изъ крупныхъ капиталистовъ, заглянуть въ банкъ, подписать Оссу документовъ, Пеліонъ ордеровъ. Только милость Божья помогла мнѣ не наклочить бѣды въ этотъ день сборовъ,—голова была пуста и легка, какъ резиновый дѣтскій шаръ на ниточкѣ, а ноги тяжелы,—таково обычное дѣйствіе хорошаго вина, выпитаго въ изобиліи Мысли путались, хотѣлось ухмыляться безъ всякаго повода, клонило ко сну, но спать было некогда, и оттого въ головѣ стоялъ нѣкій томный дурманъ, легкій и прекраснодушный. Съ этимъ пріятнымъ дурманомъ поѣхалъ я на дачу, обѣдалъ, грызся съ Любой, гналъ Максимильяна въ номеръ укладываться, прощался съ своими дамами... Этотъ-же дурманъ потянулъ меня въ знойное и ненарушимо тихое послѣ-обѣда туда, на тропу у террасы сосѣдей, въ ихъ густой березнякъ, куда дорога вела мимо того мѣста, гдѣ я шпіонилъ въ ту ночь.—Такъ хотѣлось взглянуть на сосѣдку, несчастная доля которой уже не была вопросомъ для меня! И я молилъ Творца, съ размашистой религіозностью полупьянаго, чтобы Онъ, Промыслитель, выслалъ очаровательнѣйшее изъ своихъ созданій на терраску... Пробравшись, яко тать, въ кусты, я нашелъ тамъ оконце въ вѣтвяхъ и увидѣлъ черезъ него, что правъ Мармеладовъ, что не гнѣвенъ Богъ на пьяненькихъ, что услышана моя молитва.

Она сидѣла въ качалкѣ, подъ зелеными ножами драценъ и амариллисовъ, подъ чудовищными лапами филодендрона, подъ цвѣтущей шапкой заботливо выхоженнаго олеандра,

который бросилъ на ея прозрачное матинэ пару лилово-розовыхъ лепестковъ,—сидѣла неподвижная какъ изваяніе и бѣлая какъ мраморъ... Я еще впервые видѣлъ ее такъ близко и при томъ въ наилучшихъ условіяхъ для наблюденій: безъ ея вѣдома, внѣ ея подозрѣній, что къ ней прикована пара горящихъ глазъ. И я снова не могъ не задрожать отъ волненія, впившись глазами въ эти дивныя черты... Зачѣмъ люди бываютъ такъ красивы?.. И для чего это лучшее изъ Божьихъ созданій,—человѣкъ,—обладаетъ даромъ страдать такъ очаровательно, такъ трогательно?! Цѣлая бездна покорной скорби смотрѣла изъ этихъ большихъ темныхъ очей на голубое небо, и... не видѣла ничего, кромѣ другой бездны скорби! О, Господи! Эти густыя рѣсницы, эти черныя высокія брови, шелковистыя ворсинки которыхъ такъ отчетливы на бѣломъ атласѣ кожи, и эта бездонная печаль темныхъ глазъ, и этотъ тяжелый гнетъ матово-темныхъ косъ, обременившихъ головку,—ну не трауръ ли это на бѣломъ прекрасномъ лицѣ!.. Почему, Боже мой, за что! И какъ страшно блѣдна!.. Крошечное вишневое пятнышко губъ, блѣдно-розовыя раковинки ушей кажутся чужими на матовой бѣлизнѣ, нейдутъ къ изваянію, даже крася его... О, какъ трогательно блѣдна!.. Если-бы не живая полнота округленныхъ и покатыхъ, женственно-узкихъ плечъ, розовѣющихъ сквозь легкую ткань, если-бы не эта высокая грудь, полная свѣжей упругой силы, я-бы принялъ ее, богиню моего культа, за жертву смертельнаго недуга, доживающую свой послѣдній часъ!..

„Нѣтъ,—шепталъ я, едва не плача отъ восторга и отъ теплоты участія къ ней,—нѣтъ, живи, живи, кроткая, очаровательная, ослѣпляющая! Живи, будь счастлива, весела, румяна!.. Ты стоишь самой завидной доли на свѣтѣ! Ты такъ много, такъ глубоко страдала!..“

Я видѣлъ ее, я налюбовался ею. Я понялъ, какъ законны и заслуженны адскія „угрызенія сердца“ грѣшника, оттолкнувшаго это дивное созданіе, когда оно робко тянулось къ нему, отдавая любовь.

Осторожно выйдя изъ кустовъ на тропинку, я снялъ шляпу, медленно прошелъ съ открытой головой мимо террасы и глубоко поклонился моей богинѣ, ея красотѣ, ея печали. На этотъ поклонъ, несомнѣнно, благоговѣйный, но также, несомнѣнно, и дикій, мнѣ давало право... гм!..—тропинка, на которой я былъ; а вѣрнѣе всего,—мой пріятный дурманъ.

Богиня отвѣтила мнѣ взглядомъ, красота котораго никогда не увянетъ въ моей памяти.

* * *

У хладныхъ невскихъ береговъ со мной произошелъ казусъ, и въ самомъ неподходящемъ для него мѣстѣ, — въ строго-солидномъ „присутствіи“, предъ очами его финансоваго высокопревосходительства... На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній я былъ такъ разсѣянъ и тупъ, что дождался изъ высокихъ устъ ласковаго упрека съ отеческимъ совѣтомъ обзавестись женой,—дабы не вносить дисгармоніи въ дѣловые разговоры. А виноватъ былъ въ этомъ казусѣ Максимильянъ, отличный вообще лакей, но мечтатель и роэя, какихъ свѣтъ не родитъ... Этотъ „метафизикъ“, какъ его опредѣляла Люба, укладывая мои вещи, „не запримѣтилъ“, что онъ кладетъ въ одинъ изъ чемодановъ чужое, не принадлежащее его барину пальто, элегантное, „завтрашняго фасона“, съ клеймомъ на вѣшалкѣ: „Belle jardinière, 2, rue du Pont-Neuf, 2, Paris“. И посмотрѣли бы вы на его мудрую физіогномію, когда онъ, въ номерѣ гостиницы „Демутъ“, уже готовя свои безконечные чемоданы, вынулъ это сѣро-молочное пальто и разинулъ ротъ!... Было достойно кисти Гоголя... Онъ ворочалъ пальто во всѣхъ направленіяхъ и высоко поднималъ брови, а я хохоталъ, какъ хохотали-бы и вы... И вдругъ изъ какого-то кармана пальто выскользнула хорошенькая книжечка въ сафьянѣ... Думаете ли вы, увѣрены ли вы, что я удержался отъ искушенія подхватить эту книжечку на лету, машинально сунуть ее въ жилетку машинально убѣжать въ спальню и посмотрѣть всю, отъ корки до корки, а затѣмъ изслѣдовать и самыя корки?—Нѣтъ, я не удержался! Я изслѣдовалъ, изучилъ книжечку, я нащупалъ въ коркахъ пазушку и извлекъ оттуда листокъ бумаги, исписанный миніатюрнымъ почеркомъ... Потомъ, пропылавши съ минуту отъ стыда, прочиталъ, изучилъ и этотъ листокъ. Оттого и казусъ!...

Крохотная, милая книжечка, удобно помѣщающаяся въ жилетномъ карманѣ, въ ладони, въ узлѣ банта, одна ли ты существуешь на свѣтѣ, или у тебя есть такой-же граціозный дубликатъ? Вѣроятно, есть, или,—въ настоящемъ времени,—былъ: ты служила двумъ заговорщикамъ, ты — ваде-мекумъ любви, ты—манеюль таинственной страсти!...

Да, это былъ воровской словарь, благодаря которому я выяснилъ себѣ одно изъ побочныхъ обстоятельствъ, кидающее досадную тѣнь на мою богиню и на сердечную деликатность Сергѣя Петровича. Чтобы свободно читать этотъ словарь, я затратилъ восемь рублей на пріобрѣтеніе лекси-

кона: крохотный словарекъ былъ составленъ на распространеннѣйшемъ въ мірѣ, но не въ Россіи, языкѣ,—на англійскомъ; мои же познанія въ этомъ языкѣ не совсѣмъ обширны: чекъ, клэркъ, Лондонъ, виски... и еще два слова, которыя можно видѣть и прочесть безъ моей помощи на любомъ изъ нашихъ пароходовъ. А параллельный англійскому языку былъ языкъ цвѣтовъ.

Въ хорошенькой книжечкѣ содержалась заботливо составленная грамматика красокъ, синтаксисъ разноцвѣтныхъ пятенъ, радужно-англійскій толковникъ цвѣтныхъ знаковъ. Если вы видѣли, напримѣръ, голубую облатку,—словарекъ подавалъ вамъ „yes",—да; тотъ-же кружокъ съ голубой полоской означалъ „yes, but not to day"—да, но не сегодня... Если полоски, наклеенныя или проведенныя пастелью, располагались вертикально, онѣ обозначали часы,—розовыя—часы дня, голубыя—ночи... Словарекъ, однако, умалчивалъ, съ котораго часа начиналась его ночь. Дальше.—Красный кружокъ значилъ сегодня, лиловый—завтра, два желтыхъ—нужно видѣть, а двѣ темно-синихъ полоски—нельзя. Сѣрый кружокъ—„онъ", розовый—„ты—она" (очевидно—„она"), красный съ розовымъ рядомъ—„ты—онъ"... Густо-широкая темная полоса означала—„дома", красная—„жду"... И такъ далѣе, на дюжинѣ листочковъ.

Въ первый моментъ, когда я овладѣлъ этимъ языкомъ, мнѣ пришелъ въ голову вопросъ, кто изъ нихъ лексикографъ и Максимъ-грамматикъ: „ты—она" или „ты—онъ"? Если авторъ этой институтской уловки „ты—она", моя богиня,—это еще полгоря: у тебя было много страданій и скуки, больше того,—свободнаго времени:—скука, печаль, свободное время оправдали-бы этотъ кропотливый трудъ женщины, предпринятый и завершенный ею не безъ участія сердца. Но если онъ?—О, какой школьнической забавой кажется тогда эта цвѣтовая символистика, какъ мало рекомендуетъ она умъ и вкусъ зрѣлаго мужа!.. Даже на самую эту его демонически страдальческую любовь кидаетъ легкомысленно-полишинелевскія пятнышки, омѣщаниваетъ ее пестротой разноцвѣтныхъ облатокъ и пастельныхъ полосокъ!.

Такъ я умозаключилъ въ первый моментъ. Но потомъ... Внезапно, по странному капризу памяти, припомнился мнѣ нашъ скверъ, памятникъ, рѣшетка вокругъ него, скамьи... И незамѣтныя для непосвященнаго ока цвѣтовыя пятнышки промелькнули въ воображеніи... на ребрѣ скамьи, на тумбѣ рѣшетки.

— Почему школьническая забава?. Но если за ней

такъ слѣдили, если каждый ея шагъ контролировался чьимъ-нибудь ревнивымъ окомъ,—какъ-бы могла „она“ сноситься съ „нимъ“, не будь у ней этихъ пятенъ и полосокъ? Вѣдь, не могла-же она довѣрить прислугѣ, вѣроятно, оплаченной, письмо, а можетъ быть, не могла даже безъ помѣхи и написать-то его!. Но бросить пару облатокъ въ условномъ мѣстѣ, налѣпить ихъ на экранъ въ окнѣ, на ребро скамьи не помѣшали-бы ей и три бдительныя тетки. А онъ—иди и читай, что говорятъ эти невинныя пятнышки, полоски, никому не интересныя, нѣмыя для всѣхъ, кромѣ него! Съ другой стороны, онъ, не имѣя возможности сообщить ей свое желаніе, совѣтъ, утѣшеніе въ ея печали ни черезъ почту, ни съ нарочнымъ, ни черезъ знакомаго,—замѣчу въ скобкахъ: самый пагубный для любовниковъ способъ сношеній!—могъ, напримѣръ, раздобыть анонсы моднаго магазина или что-нибудь въ этомъ родѣ, адресовать ихъ супругѣ виднаго сановитаго чиновника, отпечатавъ ея адресъ при помощи хотя-бы тѣхъ „домашнихъ типографій“, что Левенсоны и Гиршманы предлагаютъ выслать каждому желающему за два цѣлковыхъ;—прикрѣпить бандерольку пар облатокъ, черкнуть на ней двѣ-три разноцвѣтныхъ полоски очень умѣстно... Да мало ли уловокъ, которыхъ, безъ надобности въ нихъ, и не придумаешь!. А оливковый альбомчикъ-то!. Вѣдь, благодаря этой дѣтской игрушкѣ, любовники такъ основательно переговорили подъ взглядами тетки-тюремщика, что назначили и свиданье въ ту-же ночь!. Э, полно,—какая тутъ забава!. До забавъ ли имъ, бѣднымъ!.

Такъ я воскликнулъ потомъ, когда припомнилъ и обсудилъ побочное обстоятельство, въ которомъ играла невольную роль главная героиня моихъ набросковъ...

Покончивъ дѣла въ Питерѣ и возвращаясь домой, я оба дня пути провелъ не скучно: я составлялъ цвѣтныя признанія въ любви къ самому себѣ, молилъ о свиданіи въ страстнѣйшихъ, несдержанно-яркихъ облаткахъ, и тотчасъ же склонялся на мольбы черточками вполнѣ раздѣляемой взаимности... И я утопалъ въ блаженствѣ совершенной, ничѣмъ не смущаемой любви, пока не извелъ запаса облатокъ и не переломалъ всѣ карандаши на неудержимо-пылкихъ полоскахъ. Въ интервалахъ же этой отрадно-радужной переписки, выходя на станціяхъ, чтобы хлебнуть помой, напоминающихъ супъ, и куснуть подметку съ картошкой, я начиналъ ныть и сердцемъ, и совѣстью.—Что то совершается тамъ, дома?! Что то подѣлываютъ „ты—онъ“ и „ты—она“, персонажи сказки?.. И,—что бы они ни подѣлывали,—какъ

то я взгляну въ глаза Сергѣю Петровичу?! Вѣдь, что удралъ то я, негодяй, низкій шпіонъ и предатель,—нахально забрался съ сапогами въ интимнѣйшую тайну двухъ душъ, въ святая святыхъ, въ алтарь ихъ любви!.. И чувствую тамъ себя прекрасно, какъ двунадесятъ-язычный галлъ.

Подло!.. Варварски безсовѣстно!..

И эту безсовѣстно-варварскую подлость я паки и паки усугубилъ,—я прочиталъ, изучилъ, зазубрилъ письмо, найденое въ пазушкѣ книжечки,—ея письмо къ нему... Какъ я возвращу этотъ сердечный документъ?! Остается, одно: приложить грѣхъ ко грѣху, взгромоздить преступленіе на преступленіе, и длить эту архитектонику до тѣхъ поръ, пока вавилонская башня пороковъ не раздавитъ въ презрѣнно-плоскій блинъ мою черную душу,—врать! Сказать, если Паули спроситъ о книжечкѣ,—„знать не знаю!..“ „Не выпала ли, часомъ, въ саду, на улицѣ, когда я искалъ васъ, Сергѣй Петровичъ, и мотался изъ стороны въ сторону, волоча пальто... Надо заявить полиціи: градоначальникъ мнѣ кумъ,—онъ предпишетъ, чтобы изъ земли вырыли, да нашли книжечку!.. „Но Сергѣй Петровичъ напугается этой предупредительной угрозы полиціей, и джентльменски махнетъ рукой: „пустяки, дескать, не стоитъ труда!..“ И, Богъ поможетъ, я какъ-нибудь вывернусь...

Ея письмо было написано по-французски, красивымъ бисернымъ почеркомъ, почти безъ пробѣловъ, и буквочки были настолько тонки, что казались выгравированными кончикомъ иглы. Писать такъ кропотливо-убористо способенъ лишь тотъ, кто привыкъ терпѣть, покоряться судьбѣ, сжимать въ комочекъ сердце, чувства, желанія; кто находитъ печальную усладу въ уединеніи съ самимъ собой, тайкомъ отъ всѣхъ... Письмо не имѣло ни даты, ни подписи, ни адреса;—это было, пожалуй, и не письмо, а отрывокъ изъ дневника, предназначавшійся „ему“... Сомнительно, впрочемъ, чтобы у ней была возможность вести дневникъ... Не знаю, однимъ словомъ! Она писала:

„... если бы ты вполнѣ зналъ, какъ я измучена, ты, жалѣя меня, убилъ бы меня. Всѣ послѣдніе дни и ночи я не живу, а страдаю. Днемъ—отъ мысли о тебѣ, ночью—отъ того же и еще отъ опасности снова испытать муки униженія, отъ котораго хранилъ меня Господь, врачъ и моя хитрость эти четыре года, но теперь, боюсь, уже не сохранитъ ничто, кромѣ угрозы покончить съ собой, что равносильно скандалу. Конецъ всему этому необходимъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ... Нѣтъ, я не могу сказать: тѣмъ лучше,—я не знаю..

Что ждетъ впереди, какія новыя муки и испытанія,—только Творцу извѣстно!.. Я не жду ни счастія, ни отрады въ будущемъ. Но мнѣ, пойми, все равно, что бы ни ждало,—я не могу оставаться здѣсь дольше, и если обстоятельства задержатъ меня здѣсь на одинъ только мѣсяцъ, я буду знать о срокѣ,—я не ручаюсь, что не разобью голову о косякъ окна, въ припадкѣ отчаянія... невыносимаго страданія... Прости мнѣ эти слезы,—я такъ рѣдко плачу, и только при тебѣ, при мысли о тебѣ, и мнѣ легче становится. Зачѣмъ совершилось то, чему не нужно быть, зачѣмъ эти оковы?.. Боже, я должна причинять горе, наносить смертельные удары людямъ... я,—кроткая овца (brebis), и это для того, чтобы освободиться отъ нихъ. И подумать, что стоило тебѣ бросить одно слово, одинъ взглядъ,—я жила бы до гроба въ терпѣливомъ ожиданіи твоей ласки, я не впала бы въ безжизненную апатію, не допустила бы, какъ безвольная сомнамбула, поступить со мной такъ, какъ внушали расчеты окружающихъ. Я не упрекаю, а скорблю. Снова скорблю и о томъ, о чемъ такъ горячо рыдала у тебя на груди, не слыша твоихъ протестовъ и утѣшеній, о чемъ буду плакать и скорбѣть еще много-много лѣтъ, о поруганіи благочестивой жертвы. Ты увѣряешь, что это такъ не важно, такая второстепенная подробность... не кощунствуй, пытаясь меня успокоить! Ты не понимаешь моего чувства. А я такъ хотѣла бы уяснить тебѣ, перелить всю мою душу въ тебя, чтобы ты понялъ мое чувство и тутъ, какъ всегда! Но подумай самъ: вѣдь, для меня это не наслажденіе, а пытка, какъ, вѣроятно, и для каждой дѣвушки; пытка же должна быть освящена, иначе она—позоръ, паденіе. Вникни въ эти слова: я робко и отрадно мечтала о священныхъ мукахъ первой жертвы, которую принесу своему обожаемому, я, дрожа отъ страха, ждала таинственной минуты и сплетала съ этими страданіями, которыя лишь ты причинилъ бы мнѣ, нѣжную мысль о твоей радости... и все исчезло, все поругано! О, почему же ты не хочешь понять моей скорби! Нѣтъ, ты ошибаешься, стараясь меня увѣрить, что я перемѣню свои взгляды и забуду поруганіе! Если бы я не была оскорблена въ душѣ, то.. Но нѣтъ, я не въ силахъ уяснить тебѣ!

Господи! если я еще стою Твоей милости, ускорь развязку. Нѣтъ силъ моихъ терпѣть, Serge. Я не знаю, что со мной стало твориться. Съ той минуты, какъ ты явился ко мнѣ съ первымъ ласковымъ словомъ, съ мольбой о прощеніи, у меня захватило духъ, какъ въ горномъ воздухѣ. И я

возродилась изъ безразличной апатіи къ разумной жизни... Но ужели для того лишь, чтобы начать умирать ежеминутно отъ скорби? Скорѣе, скорѣе! Хоть одинъ годъ, даже мѣсяцъ жизни, свободы съ тобой, хоть одинъ блаженный день забвенія съ божествомъ всѣхъ думъ, всѣхъ мгновеній, милый, милый!.. А потомъ,—пусть я погибну!.. Вѣдь, за страданія я не требую, я не ищу счастія...

Нѣтъ, не сомнѣвайся,—Нина меня не смущаетъ. Я о ней почти не думаю. Мнѣ кажется, я мало любила это несчастное дитя, а теперь уже не могу и мало любить. Бѣдная заняла не свое мѣсто, сама того не зная, не желая; но нѣтъ у меня силъ заставить себя любить ее. Мнѣ жаль: ея отецъ—себялюбивый карьеристъ съ каменнымъ сердцемъ, суровый, деспотичный,—чиновникъ, въ которомъ нѣтъ ни капли сочувствія къ людямъ, къ ихъ горю, нѣтъ способности понимать горе и нѣтъ никакого своего горя, кромѣ достиженія отличій, кромѣ служебныхъ интригъ. Онъ забудетъ о дѣвочкѣ, да онъ и не знаетъ ее, какъ и она его. Но что мнѣ съ этимъ дѣлать?. Я не могу дѣлить себя надвое. Каждая капля крови моей, каждый крохотный нервъ моего тѣла, моего мозга, каждое движеніе одного отдѣльнаго нерва принадлежитъ одному и навсегда. Нѣтъ во мнѣ мѣста для иного чувства. Я говорю объ этомъ потому, что ты это знаешь. Не вынуждай себя на уступку: буржуазный миръ съ нежеланнымъ ребенкомъ - малое облегченіе.

Завтра въ полдень пройди медленно мимо дома тетки, но удержись и не гляди на окна: она можетъ стоять рядомъ, со мной. Я скажу тебѣ вслѣдъ: „помнишь ли ты обо мнѣ, мой вѣчный, мой желанный? Прости“...

Собственно, чего надо было ждать въ виду корреспонденціи подобнаго рода?—Катастрофы... И, откровенно говоря, побаивался-таки я, какъ-бы чего не стряслось въ мое отсутствіе: предчувствіе говорило, что безъ катастрофы тутъ дѣло не обойдется...

* * *

Она, конечно, и совершилась, эта катастрофа, и вскорѣ по моемъ отъѣздѣ—на другой или на третій день; хотя и не оказалась такъ страшна, какъ бы это думалось мнѣ, еслибы я ждалъ ее увѣренно.—Вышло просто: бѣжала молодая жена высокопоставленнаго старичка, какъ убѣгаютъ сотни женъ высоко и низкопоставленныхъ, старыхъ и молодыхъ мужей; бѣжала съ неизвѣстнымъ. Кто онъ?—не знали, и говорили о неизвѣстномъ господинѣ лишь потому, что „надо-

же, послушайте, съ кѣмъ-нибудь бѣжать молодой, красивой женщинѣ, если она не психопатка или не имѣетъ въ виду поступить въ вольноопредѣляющіяся"... Даже въ отелѣ, гдѣ жили мы съ Паули и гдѣ ждала меня около недѣли незначительная записочка Сергѣя Петровича съ выраженіями сожалѣнія, что „неожиданная телеграмма, вынудившая къ поспѣшному отъѣзду, лишаетъ удовольствія"... и такъ далѣе,—даже, говорю, въ отелѣ не догадывались, что господинъ Паули, уѣхавшій вполнѣ прилично, солидно, не торопясь, и неизвѣстный господинъ—одно и то же лицо. У меня остались, однако, вещи неизвѣстнаго никому господина: пальто, палка портсигаръ, перчатки и завѣтная книжечка. И если „мой безыскусственный разсказъ" дойдетъ до рукъ Сергѣя Петровича, если онъ узнаетъ въ немъ себя, подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Паули, то пусть онъ не сомнѣвается въ цѣлости и сохранности своихъ вещей: я берегу ихъ въ несгораемомъ шкафѣ банка, а Максимильянъ время отъ времени чиститъ элегантное пальто съ клеймомъ „Belle jardinière"... и такъ далѣе. Лишь отъ ближайшихъ сосѣдей покинутаго мужа не укрылась таинственная личность похитителя сосѣдки: мама и Люба, благодаря всесвѣдущимъ Иринамъ и Катеринамъ, знали, что нашъ очаровательный гость за послѣдніе дни нерѣдко „шемавался" около дачи сосѣдей, все больше въ ночную пору, и что наканунѣ исчезновенія „баллады" его видѣла Ирина за заборомъ, гдѣ онъ долго покашливалъ и гдѣ обронилъ смятый конвертъ съ „нѣмецкими словами". Сомнѣній не могло быть: Люба уголкомъ глаза пробѣжала адресъ конверта въ рукахъ Ирины и увидѣла, что „нѣмецкія слова" означаютъ „M—r Serge Paouly, docteur ès-sciences"...

Мои дамы встрѣтили меня холодно, почти враждебно,—мама съ оттѣнкомъ презрѣнія роняла замѣчанія о „мушкатерахъ нашего времени", а Люба... Она была блѣдновата, бѣдная дѣвушка... Она, конечно, слегка презирала обоихъ мушкатеровъ, но о „той" рѣшительно не желала ни упоминать сама, ни слушать упоминаній,—такъ сильно было ея негодованіе. Но,—да проститъ меня дорогая тѣнь моей сестренки!—я, грѣшный человѣкъ, подумалъ таки о Любѣ: А что-бы ты сказала о себѣ, если-бы не „ту", а тебя укралъ „онъ"?!

Ужъ какъ вы тамъ себѣ хотите, друзья мои, моралисты и этики, а роскошный ветроградъ нашей нравственност коренится на навозной почвѣ преступленій ближняго! Не

будь этихъ преступленій, едва ли бы мы имѣли поводы набивать руку въ добродѣтельности.

Мнѣ много было возни съ моими дамами, не желавшими вѣрить, что я ничего не зналъ о планахъ Сергѣя Петровича, что любопытствовалъ о сосѣдкѣ за свой собственный рискъ и страхъ,—лично для себя, а не ради комиссіи, что самъ пораженъ оборотомъ дѣла... Наконецъ, мнѣ повѣрили и сообщили подробности изчезновенія, насколько таковыя были вѣдомы городу и міру.

„Та“ исчезла ровно шесть дней назадъ, подъ утро. Еще за полночь спеціалистки своего дѣла, стоя у двери, слышали, что барыня ложится спать, отпустивъ горничную, какъ и всегда, а проснулись по-утру—ея и слѣдъ простылъ! Баринъ, когда поглядѣлъ на пустую комнату, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и просидѣлъ тамъ до сумерекъ, а потомъ вышелъ и сказалъ: „Вы всѣ должны знать, что ваша барыня уѣхала, съ моего разрѣшенія, лѣчиться на теплыя воды. Такъ и должны говорить“. Старая барыня, тетка, живетъ теперь на дачѣ безвыѣздно, и все ругается съ бариномъ на иностранныхъ діалектахъ, а онъ почти совсѣмъ ужъ и не заглядываетъ сюда изъ города. Остальное-же все попрежнему, какъ и было; вся лишь разница въ томъ, что барыня уѣхала...

Ну, уѣхала, и... Отлично! Дай ей, Боже, счастія. Она, бѣдная, стоитъ счастія! Она выстрадала и блаженство, если найдетъ блаженство, сверхъ собственныхъ ожиданій. Ихъ любовь, даже и при наличности облатокъ, не пошлая интрижка, а великая, глубокая страсть, освященная долгими годами страданій и рыцарской вѣрности чувству,—рѣдкостному, возвышенному чувству! Аминь.

Такъ-то вотъ, читатель, дорогой читатель! — Вы почитываете себѣ мои наброски, и не предчувствуете того, что скоро мы разстанемся... Да, я уже въ послѣдній разъ обласкалъ васъ именемъ дорогого читателя: черезъ недѣлю конецъ отпуска, и мнѣ пора снова заняться сухменью дѣловой сутолоки,—прощайте, другъ мой, до свиданья, если позволите. Попишу вотъ сегодня, а завтра ужъ—баста, стану укладываться. Окидывая ретро-спек-тив-нымъ... уф! рука отнялась... взглядомъ мою литературную дѣятельность, я убѣждаюсь (а вы?), что... Хвалилась синица море сжечь!— Воздымалъ я длани, чтобы побить метафизику, но метафи-

зики не побилъ, заболтавшись о вѣчномъ „томъ-же“,—о любви... Да и тутъ, съ любовью-то, вышло у меня не какъ у людей,—мололъ, мололъ, потомъ отправилъ героевъ неизвѣстно куда, и отчета не отдамъ, что съ ними,—живы ли, счастливы-ли, или же отошли туда, идѣ-же нѣсть ни печали, ни воздыханія... Впрочемъ, тутъ ужъ бѣда не моя: о нихъ ни слуху, ни духу, а выдумать что-либо, для красиваго завершенія разсказа,—нѣтъ ужъ, слуга покорный,—не въ моихъ правилахъ!.. Но у меня осталась, вѣдь, еще одна героиня, главная, та, съ задушевной мыслью о которой я и писать-то началъ,—Ниночка.

Проза жизни вцѣпилась въ меня тотчасъ-же, какъ только я вернулся, и снова задернула своей туманно-сѣрой занавѣской всѣ личныя дѣла, интересы, мысли и страсти,—какъ-будто ничего и не случилось. Снова банкъ, снова документы, снова цыфры... Только черезъ недѣлю, если не позднѣе, выпала досужая минута, когда я могъ вернуться мыслью къ героямъ „сказки“,—какъ-то въ праздникъ, послѣ обѣда. И я пошелъ побродить по „тѣмъ мѣстамъ“. Былъ въ павильонѣ, сидѣлъ на кровати, гдѣ Сергѣй Петровичъ провелъ одну изъ спокойнѣйшихъ ночей въ своей жизни, мужественный лукавецъ; скрипѣлъ табуреткой, все еще находившейся на томъ-же мѣстѣ, гдѣ она стояла и при гостѣ... Потомъ, сидѣлъ на скамьѣ, подъ которой мнилъ обрѣсти спасеніе, если-бы Паули подошелъ ко мнѣ въ ту ночь, стоялъ въ философическомъ раздумьи и надъ дырой, гдѣ завязла моя голова и изнывала душа... А потомъ, конечно, перебрался черезъ заборъ и, кинувъ мимолетный взглядъ на окно ея комнаты,—кидать долголетные взгляды среди бѣлаго дня на чужія окна позволительно лишь шарманщику,—я поспѣшилъ на ту проходную аллею, на которую выходитъ сосѣдская терраса,—та самая, гдѣ я любовался въ день отъѣзда моей богини. На террасѣ также было все попрежнему: остролистыя драцены, нелѣпыя лапы филодендрона, олеандръ въ цвѣту и подъ нимъ качалка. Разница съ прежнимъ была только въ томъ, что качалка была сиротливо пуста и откинулась назадъ, высоко поднявши локотники; точно она пала духомъ, узнавши, что уже не придетъ посидѣть на ней очаровательная женщина, да такъ и замерла... А въ двери стояла Ниночка.

Палъ и я духомъ, увидѣвши малютку, и чѣмъ дольше вглядывался въ ея позу и личико, тѣмъ сильнѣе сжималось мое сердце... Крошка стояла у косяка двери, и дверь казалась безконечно высокой въ сравненіи съ нею. Въ лѣ-

вой рукѣ она держала за спиной большую куклу, а пальчикомъ правой тихо и задумчиво колупала окраску на косякѣ, низко опустивши головку. Въ высокую дверь за крохотнымъ тѣльцемъ виднѣлась высокая непривѣтливая комната, изъ которой вела другая высокая дверь въ другія комнаты, такія-же высокія, холодныя, опустѣлыя. Было тихо... Точно все населеніе этого неуютнаго жилища вымерло, оставивъ въ живыхъ только одну Ниночку.

— Забыли!.. забыли! — невольно прошептали мои губы...

„Но, позвольте!—ударило мнѣ въ голову точно камнемъ—кто-же собственно забылъ?.. Вѣдь, это мы, главнымъ образомъ, забыли,—мы, люди съ сердцемъ, съ душой, съ чуткой отзывчивостью!.. А не они, не эти микроцефалы! Съ нихъ нечего и взыскивать. Но мы-то, мы!.. Что-же это мы?! Изливались въ высокихъ словахъ, кипѣли возвышенными страстями, сыпали изысканные афоризмы, изнывали и страдали отъ глубокихъ нечеловѣческихъ мукъ и угрызеній сердца, уносились пытливой мыслью въ неисчерпаемыя глубины мірозданія... и ни разу не подумали объ этомъ безпомощномъ существѣ!.. Да кто-же мы такіе, да какъ-же насъ назвать?!.“

Глухой короткій стукъ помѣшалъ мнѣ найти отвѣтъ и заставилъ малютку вздрогнуть; упала кукла. Ниночка съ испугомъ оглянулась на высокія комнаты и замерла, точно ждала наказанія. Потомъ, кинувъ взглядъ на куклу, тихо боязливо шагнула къ качалкѣ и подняла на нее глаза, съ выраженіемъ недѣтской печали... Мнѣ вспомнился другой взглядъ Ниночки, замѣченный въ скверѣ,—тотъ, полный благодарности и обожанія взглядъ, который подняли эти бархатные глазки на маму, свою единственную защиту... Качалка была сиротливо пуста. Прекрасная страсть, великая любовь моихъ героевъ „сказки“ внезапно заволоклась неприглядымъ туманомъ, сѣрымъ и грубымъ, какъ халатъ арестанта, преступника.

Ниночка съ усиліемъ, какъ больная, повернула головку въ мою сторону, медленно подошла къ рѣшеткѣ, положила локотки на перила и подперла ручонками блѣдное грустное личико, какъ тогда, у колѣнъ Сергѣя Петровича... Я увидѣлъ большіе темные глазки, полные преждевременной тоски, я услышалъ тихій голосокъ, безсознательно вымолвившій то, что малютка, быть можетъ, повторяла ежеминутно:

— Мама усла-а...

Сухая вѣтка до крови царапнула мнѣ по щекѣ, когда я бросился при этомъ пѣвучемъ голоскѣ прочь отъ террасы и, задыхаясь, пошелъ домой, пошелъ быстро, энергично, сердито,—чтобы не заплакать на медленномъ ходу.

Гольдебаевъ.

* * *

Высится сосенъ громада.
Снѣга блеститъ пелена.
Строгость, покой и отрада.
Властью царитъ тишина.
Если-бъ не шумъ водопада!

Будто отъ грозной погони
Мчась въ безконечный побѣгъ,
Волны—косматые кони—
Бьются о скалы и снѣгъ,
Словно закованы въ брони.

Берегъ молчитъ одиноко.
Волны, дробясь о гранитъ,
Падаютъ въ пропасть глубоко.
Въ чащѣ сосновой звенитъ
Жалобный ропотъ потока.

Въ музыкѣ стройнаго бора
Чудится стрѣльчатый храмъ,
Слышится пѣніе хора:
„Кто непокоренъ и прямъ—
Тотъ разбивается скоро!“

Арфою кажется боръ.
Словно гигантскія струны—
Сосны задумчивыхъ горъ—
Прямы и зелено-юны—
Къ небу возносятъ укоръ.

Скиталецъ.

На войнѣ.

Новелла Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго М. Толмачевой.

Если соберется гроза, рота можетъ разсчитывать на возвращеніе въ квартиры. Посты стягиваются, лейтенантъ принимаетъ рапортъ, унтеръ-офицеры собираютъ вокругъ себя свою команду, колонна выстраивается и съ глухимъ шумомъ начинаетъ двигаться. Усталые солдаты покрыты пылью. Еслибъ они пѣли, они меньше чувствовали-бы усталость, но имъ не поется. Чувствуется духота и тяжелое настроеніе въ природѣ, и эти суровые сыны деревень и фабрикъ точно поневолѣ задумались надъ чѣмъ-то, что до сихъ поръ ощущалось ими лишь, какъ смутное стремленіе или затаенная злоба. Лейтенантъ спрашиваетъ сержанта, почему не поютъ; сержантъ дружелюбно толкаетъ въ бокъ нѣкоторыхъ унтеръофицеровъ, а тѣ тихонько ругаютъ своихъ солдатъ и командуютъ пѣсню: „Непріятель идетъ къ намъ изъ Франціи". Но насильно исторгнутые звуки замираютъ при самомъ началѣ, и лейтенанту приходится на сегодня отказаться отъ пѣнія. Низко спустились темныя облака, и ласточки почти что съ жалобнымъ чириканьемъ носятся надъ краями полей. А развѣ не кажется, что лѣсъ вдали старается убѣжать отъ наступающей колонны? Изъ лѣсу доносятся тихіе раскаты грома; толстый слой пыли лежитъ на всемъ, и вѣтеръ поднимаетъ ее и гонитъ въ лицо солдатамъ. Но они такъ оцѣпенѣли отъ усталости, что даже не дѣлаютъ попытки стереть пыль съ вѣкъ и съ губъ. Они проходятъ черезъ деревню, гдѣ изъ маленькихъ грязныхъ оконъ на нихъ смотрятъ любопытныя, сострадательныя или мрачныя лица;

веселыя дѣвушки стоятъ у сараевъ и смѣются довольно безпричинно. Снова тянется равнина; все вокругъ дѣлается мрачнѣе; ближе раздаются медленные равномѣрные раскаты грома. Изрѣдка кто нибудь изъ солдатъ сдѣлаетъ вслухъ рѣзкое замѣчаніе или произнесетъ ругательство, и снова надолго водворяется тишина. Они мечтаютъ о ночи, когда имъ можно будетъ заснуть. Инымъ хотѣлось бы спать все время, пока не кончатся годы службы. У многихъ есть зазноба, и они вспоминаютъ послѣдній воскресный отпускъ и уединенное ложе любви гдѣ-нибудь въ тихомъ лѣсномъ уголкѣ или вверху на сѣновалѣ. Но большинство ни о чемъ не думаетъ: глаза ихъ какъ бы покрыты пеленой, а въ ногахъ чувствуется тяжесть. Оружіе давитъ плечо, а ранецъ—спину. Потное платье плотно прилипло къ тѣлу; всѣ чувства притупились и умерли. Они не доступны больше никакому впечатлѣнію, кромѣ равномѣрнаго шума шаговъ, которые съ тяжелымъ ритмомъ раздаются у нихъ въ ушахъ: разъ—два, разъ—два...

Лѣсъ сталъ ближе, и легкій паръ поднимался надъ нимъ. Упали первыя капли дождя, и передняя часть колонны очутилась подъ защитой густыхъ верхушекъ. „Теперь ужъ приближаемся къ дому", думалъ Франкъ Ашенбрэннеръ, и одинъ онъ улыбался среди этой большой толпы усталыхъ и равнодушныхъ людей. Хотя потъ горячими каплями струился у него со лба и съ красныхъ волосъ, онъ все же не переставалъ думать о Вэни Эшеръ. Ее собственно звали Ювэнія, и ему было странно и удивительно, что крестьянскую дѣвушку могли звать Ювэніей. Онъ какъ-то особенно моргалъ глазами, думая о ней, объ ея толстыхъ косахъ, бѣлыхъ, прекрасныхъ зубахъ, и крѣпкихъ, сильныхъ рукахъ, объ ея упрямствѣ и надменности, о ея дикости и ея славныхъ поцѣлуяхъ. Ему припомнилась вся деревня, какой она была тогда при разставаньи: безмолвная и торжественная, она распростерлась на берегу озера, поднимаясь слегка вверхъ по отлогимъ скатамъ холмовъ. Вдали мерцалъ мѣсяцъ, отражаясь въ водѣ, точно вуаль, тихо колеблемая легкимъ вѣтеркомъ. Благоуханная тишина разливалась повсюду, и въ нѣкоторыхъ домикахъ окна еще были освѣщены. Потомъ показались длинныя облака и погребли подъ собой мѣсяцъ. Волны плескались о берегъ съ такой силой, что камни дребезжали, какъ болтливые гномы. Жалобно трещали сучья, боязливо сгибаясь подъ напоромъ ночного вѣтра. А утромъ! Какой свѣжестью дышала вся деревня! На лугу блеяли овцы, а въ домѣ Вэни такъ пріятно пахло свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ (отецъ ея былъ мѣстнымъ пекаремъ). Она

часто выходила за ворота и вызывающе смѣялась въ лицо всему міру.

Долой мечты: онъ почувствовалъ сзади толчокъ ружейнымъ прикладомъ, потому что сталъ итти не въ ногу. Со всѣхъ сторонъ раздались крики: Ступай въ ногу! Ступай въ ногу! Казалось, власть грозы въ ничто обращала строевой порядокъ маршировавшихъ солдатъ. Частые удары грома стали раздаваться въ лѣсу; воздухъ дрожалъ. Трудно и страшно было все итти и итти впередъ, не сбиваясь съ такта. Унтеръ-офицерамъ слышалось порой чье-нибудь бѣглое, злобное замѣчаніе, сказанное вслухъ. У иныхъ сквозь стиснутые зубы вырывалось проклятіе. Но они такъ сильно утомились, что не въ состояніи были надолго предаваться злобнымъ чувствамъ. Ихъ болѣзненно возбужденная фантазія скорѣй склонна была рисовать картины отдыха и сна; имъ представлялся тюфякъ, набитый соломой, стаканъ жирнаго молока и кусокъ сочнаго мяса на квартирѣ у крестьянъ. Но лѣсъ становился все гуще, темнота все усиливалась. Дождь шелъ ливнемъ, стекая съ ихъ касокъ на ремни ранцевъ и громко барабаня по верхушкамъ деревьевъ. Молнія освѣщала глубину лѣса, и казалось, будто какая-то фантастическая рота быстро идетъ мимо, мелькая позади дальнихъ стволовъ деревьевъ.

Франкъ Ашенбреннеръ, мечтая о родинѣ, не замѣчалъ, что дѣлалось вокругъ него. Какъ бы въ дремотѣ, то просыпаясь, то снова закрывая глаза, онъ почти до самозабвенія отдался своимъ мечтамъ, рисовавшимъ передъ нимъ удивительныя картины, внушаемыя надеждой и ожиданіемъ. Почему, думая о Вэни, онъ ощущалъ въ глубинѣ своей души какое то горькое чувство, какъ бы сомнѣніе? И именно это чувство побуждало его строить воздушные замки, что было вообще чуждо его крестьянской натурѣ.

Предполагалось, что рота остановится ночевать въ Санктъ-Генрихѣ и проведетъ тамъ весь слѣдующій день, который былъ днемъ отдыха. Капитанъ и три офицера ѣхали значительно позади, и команда во время пути была поручена лейтенанту, барону Герлаху. Это былъ красивый и симпатичный молодой человѣкъ, который старался хорошо обращаться съ солдатами. Тѣмъ не менѣе въ обращеніи съ подчиненными онъ усвоилъ себѣ извѣстную строгость, которая такъ нравится начальству. Онъ происходилъ изъ древняго знатнаго рода, но былъ очень бѣденъ, и въ будущемъ могъ разсчитывать только на свою шпагу и свое честолюбіе. Онъ казался мечтателемъ. Молчаливый и замкнутый, онъ, пови-

димому, боролся съ все усиливающимся въ немъ презрѣніемъ къ жизни и, казалось, не сомнѣвался болѣе въ неисполнимости своихъ желаній. Лѣсъ освѣтился, и измученная рота увидѣла передъ собой деревню, всю окутанную въ нѣжный сѣрый туманъ и сверкающую мокрыми отъ дождя черепичными крышами съ неуклюжими дымовыми трубами, изъ которыхъ медленно поднимался голубоватый дымокъ, разлетаясь въ чистомъ, прохладномъ воздухѣ. Позади деревни разстилалось озеро, сверкая матовымъ блескомъ, точно желѣзная плита. Все дышало полнымъ спокойствіемъ въ этомъ уединенномъ углу. Солдаты вздохнули свободнѣе; многіе повеселѣли въ надеждѣ на кусокъ мяса и на день отдыха. Имъ всегда жилось привольно у крестьянъ, если только квартирмейстеръ, по злобѣ, не напихивалъ ихъ дюжинами въ сарай къ какому-нибудь бѣдняку или скупому человѣку.

Франкъ Ашенбрэннеръ помѣстился съ двумя товарищами у своихъ родителей. Старики стояли у воротъ, и лица ихъ сіяли отъ гордости. Встрѣча произошла безъ фразъ и безъ длинныхъ разговоровъ. Сбросивъ съ себя ношу, три солдата усѣлись на скамью возлѣ огромнаго стола. Крестьянинъ принесъ имъ хлѣба и простокваши и, сѣвъ напротивъ измученныхъ солдатъ, съ широкой улыбкой смотрѣлъ, какъ они ѣдятъ. Вскорѣ наступилъ вечеръ. Франкъ, удерживаемый какой-то странной боязнью, такъ и не рѣшился спросить о Вэни. Когда уже было довольно поздно, онъ надѣлъ только что вымытый китель и фуражку и пошелъ лѣнивымъ шагомъ вдоль по улицѣ. Онъ робко присматривался къ дѣвушкамъ, стоявшимъ у колодца, но не находилъ между ними той, которую искалъ. Онъ часто останавливался у воротъ, привѣтствуя друзей и знакомыхъ; всякому хотѣлось, чтобъ онъ разсказалъ что-нибудь о себѣ, и онъ съ трудомъ могъ уйти отъ нихъ. Ему говорили комплименты, и всѣ гордились, что изъ ихъ деревни вышелъ такой пригожій солдатъ. Но страсть влекла его къ цѣли, и онъ быстро шагалъ по направленію къ дому пекаря Эшера. Онъ хотѣлъ рѣшительно войти въ домъ, и вдругъ увидѣлъ ее въ сѣняхъ: она стояла въ мечтательной позѣ, устремивъ глаза впередъ. Она съ испугомъ посмотрѣла на него, когда онъ взялъ ее за руку. Въ первую минуту она какъ будто не узнала его, а затѣмъ вспыхнула и въ смущеніи пролепетала привѣтствіе. „Какъ она перемѣнилась", подумалъ Франкъ и забылъ о своемъ намѣреніи заключить ее въ свои бурныя объятія. И вотъ они молча стояли другъ передъ другомъ, не зная, что сказать.

— Сердишься ты на меня, что-ли?—спросилъ, наконецъ, молодой солдатъ.

Она отрицательно покачала головой и хотѣла улыбнуться непринужденно. Но, несмотря на темноту, онъ увидалъ, что улыбка ея неестественна, и почувствовалъ, что у нея есть что-то на сердѣ.

— Уходи! — вдругъ настойчиво и поспѣшно сказала дѣвушка:—сейчасъ вернется лейтенантъ. Онъ не долженъ видѣть тебя здѣсь. Мы увидимся съ тобой завтра. Я иду въ Дюрнбахъ, и ты можешь итти со мной. А теперь уходи, слышишь?

— Лейтенантъ?—пробормоталъ пораженный Франкъ, глядя передъ собой. Онъ еще не могъ понять, что произошло. Онъ хотѣлъ обнять Вэни и заставить ее поцѣловать его, но она безмолвно вырвалась изъ его рукъ и прошмыгнула черезъ темныя сѣни.

Молодой человѣкъ не думалъ о возвращеніи домой, хотя ни одинъ солдатъ не имѣетъ права оставаться на улицѣ послѣ десяти часовъ. Онъ все еще ничего не понималъ и бродилъ вокругъ дома, засунувъ руки въ карманы и опустивъ глаза въ землю. Въ воздухѣ славно пахло сѣномъ и навозомъ. Послѣ грозы облака разсѣялись, звѣзды сіяли на небѣ, какъ чистыя, прозрачныя жемчужины, и стало опять такъ же душно, какъ наканунѣ вечеромъ.

Двѣ ночныя бабочки пролетѣли по двору, перелетѣвъ черезъ плечо Франка Ашенбрэннера. Слѣдя за ними глазами, онъ увидѣлъ, что одно окно наверху освѣщено, и онъ узналъ окно комнаты Вэни. Вдругъ онъ замѣтилъ тамъ двѣ тѣни. По близости стояла старая груша. Онъ быстро взобрался на нее, и ему стало видно, что дѣлается въ комнатѣ. Тамъ сидѣлъ лейтенантъ, держа въ своихъ объятіяхъ молодую Вэни. Она не сопротивлялась его объятіямъ, нѣтъ, она отдавалась имъ и искала ихъ, спрятавъ лицо у него на груди. „Скоро же они поладили“, подумалъ солдатъ въ своемъ оцѣпенѣніи, и сукъ, на которомъ онъ сидѣлъ, едва не сломался. Ему показалось, что спѣлые плоды затанцовали вокругъ него на деревѣ. Кошка пробѣжала внизу по двору, испуская жалобное, страстное мяуканье; летучая мышь съ шумомъ пролетѣла мимо. Наконецъ, лейтенантъ потушилъ огонь, а Франкъ все сидѣлъ въ оцѣпенѣніи, не зная, сколько прошло времени, пока, наконецъ, не раздался барабанный бой, призывавшій къ сбору. „Ого!“ подумалъ онъ и сломалъ отъ злости вѣтку: „они не даютъ намъ ни минуты покоя! Это означаетъ ночное ученье, приказъ бригадѣ“... Онъ язвительно разсмѣялся про себя и, спустившись съ дерева, по-

бѣжалъ домой, гдѣ родители съ безпокойствомъ ждали его. Тутъ онъ сталъ собираться на ученье, какъ и другіе.

Вся деревня пришла въ движеніе. Команда начала строиться; солдаты двигались тяжело и лѣниво, съ мрачнымъ недовольствомъ на лицахъ. Большой полумѣсяцъ ярко освѣщалъ всю картину. Капитанъ разъѣзжалъ передъ фронтомъ и торжественными словами старался вдохновить солдатъ. Затѣмъ онъ въ короткихъ словахъ сообщилъ планъ предполагаемаго ночного маневра. Приказъ исходилъ изъ армейскаго корпуса: третья бригада должна окружить валиками опушку лѣса и до разсвѣта удержаться на позиціи. Офицеры изучали карту, унтеръ-офицеры дѣлали у себя замѣтки не потому, чтобъ это было нужно, а изъ желанія выказать свое неутомимое усердіе къ службѣ. Между тѣмъ жители деревни стояли молча вокругъ солдатъ и наблюдали непонятную для нихъ дѣятельность. Воздухъ былъ крайне удушливый; странный туманъ стлался по полямъ, и подъ тяжелымъ покровомъ ночи часто сверкали какіе то таинственные огоньки. Наконецъ, данъ былъ приказъ двигаться, и по деревенской улицѣ раздались глухіе равномѣрные шаги колонны. А позади ихъ осталось озеро; нѣжный туманъ, подобно длинному вуалю, беззвучно скользилъ по гладкой поверхности. Духъ скрытаго возмущенія овладѣлъ солдатами, которыхъ лишили ночного покоя и опять подвергали усталости и напряженію. Начальство чувствовало, что здѣсь царитъ духъ упорства и того нѣмого недовольства, похожаго на огонь, который стараются потушить, и который все продолжаетъ тлѣть и тлѣть, пока, наконецъ, не охватитъ всѣхъ, заставивъ ихъ забыть о всякомъ благоразуміи и сдержанности. Ночь была лунная и дрожащій сумрачный свѣтъ мѣсяца придавалъ что то фантастическое движущейся шеренгѣ, которая медленно и какъ бы безцѣльно ползла впередъ по шоссе, точно какая то странная машина. Слабо блестѣли ружейные приклады и пуговицы мундировъ. Всѣ шли молча, ни у кого не было охоты болтать. Только когда кто-нибудь отставалъ или начиналъ итти не въ ногу, слышалось злобное ворчаніе, и скрытое негодованіе обращалось противъ не во-время уставшаго товарища. У многихъ были, очевидно, натерты ноги, потому что они ступали осторожно и нерѣшительно, не касаясь земли каблуками; у другихъ были натерты ляжки и они шагали, растопыривъ ноги.

На пути къ лѣсу, который продолжался довольно долго, двѣнадцать ротъ полка соединились вмѣстѣ. Недалеко отъ

мѣста назначенія встрѣтился и другой полкъ, такъ что бригада могла приступить къ систематическому занятію территоріи. Все это происходило беззвучно. Луна поднималась все выше, и душный, легкій вѣтерокъ дулъ со стороны озера. Ночная тишина лѣса нарушалась лишь глухими криками команды: бригада впередъ! шагомъ! ложись! назадъ! и т. п. Франкъ Ашенбрэннеръ только что собирался лечь, радуясь, что можетъ, наконецъ, отдохнуть. Страшная усталость сковывала ему члены, лишая его способности думать о чемъ бы то ни было. Вдругъ онъ услыхалъ, что его и двухъ другихъ солдатъ назначаютъ въ патруль вмѣстѣ съ лейтенантомъ фонъ-Герлахомъ. Онъ забылъ свою усталость и чуть не засмѣялся отъ удовольствія, испытывая непреодолимую потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими чувствами. Онъ не задумывался надъ странной случайностью, въ силу которой останется одинъ-на-одинъ съ лейтенантомъ на отдаленномъ посту, а весь отдался чувству радости и ожиданія.

На лейтенанта возложено было важное порученіе вывѣдать положеніе непріятеля съ лѣваго фланга, и онъ отправился вмѣстѣ съ тремя солдатами вдоль лѣса и дальше по равнинѣ. Нѣкоторое время онъ шелъ по ручью, пересѣкъ герцогскій охотничій участокъ Биркенфельдъ и, наконецъ, передъ глазами усталаго патруля раскрылось широкое, ровное поле. Они пошли лугомъ, шагая по межамъ; все пустыннѣе дѣлалось вокругъ, не видно стало ни куста, ни дерева. На восточной сторонѣ неба показались бѣловатыя легкія облака, освѣщенныя луннымъ свѣтомъ. Отъ времени до времени робко пролетала мимо ночная птица; сверчки стрекотали все громче и громче, не мѣняя ритма, такъ что ухо переставало различать эти звуки. Солдатамъ пришли на память старыя, забытыя народныя пѣсни, и Юргъ Кальманъ сталъ даже напѣвать про себя „Одинокій часовой“. Недалеко отъ мѣста назначенія, на перекресткѣ, дорога раздѣлилась, и лейтенантъ фонъ-Герлахъ разбилъ свой патруль на двѣ части: Юргъ Кальманъ и Стефанъ Вэй должны были медленно и съ большой осторожностью пробираться къ главной дорогѣ, самъ же онъ вмѣстѣ съ Франкомъ Ашенбрэннеромъ хотѣлъ пойти на рекогносцировку по направленію къ сѣверу. Франкъ засмѣялся про себя хрипло, почти не слышно. Изъ травы странно глядѣли яркіе осенніе цвѣты; мѣсяцъ ужъ покраснѣлъ и виднѣлся низко на горизонтѣ. Отъ травы, покрытой ночной росой, отсырѣли ноги; казалось, что звѣзды сопровождаютъ двухъ одинокихъ

путниковъ. Равнина тянулась безконечно: на темносинемъ небѣ выдѣлялись мягкія линіи горизонта; кое-гдѣ торчало одинокое дерево, какъ мечомъ разрѣзая окружающій мракъ. Вдругъ Франкъ Ашенбрэннеръ засмѣялся страннымъ, клокочущимъ смѣхомъ. Лейтенантъ остановился и посмотрѣлъ на него какимъ то неувѣреннымъ, виноватымъ и недовольнымъ взглядомъ. Франкъ въ отвѣтъ на этотъ взглядъ безстрашно посмотрѣлъ на лейтенанта и даже впился въ него глазами, какъ бы желая видѣть его насквозь. Онъ стоялъ стиснувъ зубы и не двинулся съ мѣста, пока лейтенантъ не повернулся и не пошелъ молча впередъ. Но съ этого момента молодой офицеръ не переставалъ чувствовать на себѣ мрачный, исполненный ненависти взглядъ своего солдата, испытывая при этомъ какъ бы физическую боль. А Франкъ Ашенбрэннеръ, смертельно усталый и измученный, какъ никогда въ жизни, даже и не сознавалъ своей усталости: одна единственная мысль наполняла все его существо, дѣлая его нечувствительнымъ къ физическимъ страданіямъ. Когда лейтенантъ остановился передъ тощимъ ивнякомъ, Франкъ снялъ ружье и, какъ во снѣ, выслушалъ приказъ офицера сѣсть на корточки и смотрѣть, не будетъ ли что видно на шоссе. Офицеръ между тѣмъ вытащилъ изъ кармана записную книжку и приготовился дѣлать замѣтки. Но Франкъ не исполнилъ приказанія, и офицеръ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Онъ, казалось погрузился въ свое занятіе, но на самомъ дѣлѣ чувствовалъ неопредѣленный, но сильный страхъ. Ночное безмолвіе и присутствіе позади него сильнаго человѣка съ разгоряченной кровью и съ возбужденными инстинктами совершенно не давали ему сосредоточиться на его важной военной миссіи. Не то что бы онъ боялся, но какое то странное смущеніе овладѣло имъ, подъ вліяніемъ котораго онъ не рѣшался даже обратиться къ своему безмолвному подчиненному съ опредѣленнымъ приказаніемъ.

По ту сторону сѣрой, узкой лентой вилась большая дорога, и лейтенантъ вдругъ увидалъ непріятельскій патруль, который двигался по направленію къ дальней деревнѣ.

— Намъ нужно спрятаться въ засаду,—тихо сказалъ онъ, показавъ рукой на маленькую сосновую рощу, которая н…ходилась за ближайшимъ холмистымъ возвышеніемъ, г…крытымъ лугами. Онъ опять пристально посмотрѣлъ въ ли…о солдату и на этотъ разъ вздрогнулъ и сталъ судорожно к…г…зать свои жидкіе усы. Солдатъ послѣдовалъ за нимъ. П…о…шедшее вдругъ ожило въ его памяти: ему припомнил…сь

годы его тихой юности, наполненной счастьемъ любви; припомнился часъ разлуки, который тоже не лишенъ былъ сладости, и глаза его расширились. Онъ сталъ смотрѣть въ окружающій его мракъ, одновременно горя жаждой мести и жаждой свободы, которой онъ такъ долго былъ лишенъ и лишеніе которой теперь только впервые созналъ. Онъ устремилъ на молодого офицера взглядъ, исполненный дикой ненависти, и тотъ сталъ все яснѣе сознавать угрожающую ему опасность. Глубокая тишина и безмолвіе ночи привели его нервы въ самое чувствительное состояніе.

Они стояли подъ деревьями въ темномъ лѣску. Тишина угнетала здѣсь еще сильнѣе, воздухъ былъ еще удушливѣе.

— Господинъ лейтенантъ, — заговорилъ Франкъ Ашенбрэннеръ.

Офицеръ обернулся къ нему:

— Ну?

— Вэни была моя зазноба.

Лейтенантъ началъ дрожать и не зналъ, что отвѣтить. Черезъ нѣсколько времени онъ сказалъ ему хриплымъ голосомъ:

— Вы должны смирно вести себя. Что вамъ нужно?

— Ты—пёсъ,—сказалъ Франкъ съ неожиданной для него самого рѣшимостью.—Ты—песъ,—повторилъ онъ, когда лейтенантъ все еще молчалъ.

— Долой ружье и штыкъ! — закричалъ лейтенантъ, собравъ послѣднія силы, и рѣшительно пошелъ на солдата, который стоялъ неподвижно. Но вдругъ, какъ дикій звѣрь, онъ бросился на своего офицера...

Ужъ близко утро. На поля ложится серебристый туманъ и на востокѣ блѣднѣетъ небо. Медленно надвигается сѣрый день. Бѣловатыя облака испуганно и поспѣшно уходятъ на западъ. Издали доносятся ружейные залпы маневрирующихъ бригадъ. Ашенбрэннеръ сидитъ у трупа офицера, съ котораго онъ стащилъ мундиръ, и все продолжаетъ глядѣть въ лицо мертвеца. Оно дѣлается все блѣднѣе при свѣтѣ наступающаго утра. Теперь, когда на тѣлѣ молодого лейтенанта не было пестраго мундира съ эполетами, это былъ ужъ для него не начальникъ, котораго онъ убилъ, а равный ему человѣкъ. Онъ убилъ его, защищая свою честь, и не могъ поступить иначе. И вотъ онъ сидитъ, глядя на трупъ, и не чувствуетъ ни малѣйшаго раскаянія. Душа его испытываетъ странное удовлетвореніе по поводу случившагося. Будутъ-ли его искать? Ему это совершенно все равно.

Наконецъ, онъ встаетъ—ужъ давно прозвучалъ сборный

призывъ,—поправляетъ свою одежду, беретъ на плечо ружье и медленно шагаетъ по пашнямъ, какъ будто ничего не случилось. На душѣ у него весело и легко, блестящими глазами смотритъ онъ въ свѣтлѣющее небо, и никогда жизнь не казалась ему такой прекрасной, какъ именно теперь, когда онъ собственно покончилъ съ нею. Вотъ онъ начинаетъ напѣвать про себя тихонько, и ради забавы отшвыриваетъ ногой камни, попадающіеся на пути. Вдругъ онъ останавливается, вспомнивъ, что онъ бѣденъ, и что никогда въ своей жизни не имѣлъ лишняго пфеннига. „У офицера должны быть деньги", подумалъ онъ, и ему стало жаль, что онъ даже не порылся въ карманахъ мертваго лейтенанта. Представленіе о богатствѣ офицера выросло въ его фантазіи до такихъ размѣровъ, что онъ повернулъ назадъ и сталъ поспѣшно искать мѣсто своего ночного дѣянія. Вскорѣ онъ опять находился въ лѣску подъ низкими деревьями. Дрожащими руками онъ обыскалъ всѣ карманы, но ничего не нашелъ, кромѣ кошелька, въ которомъ было немного больше семи марокъ. Это его поразило и потрясло. Что лейтенантъ можетъ быть бѣденъ, даже бѣднѣе его самого—этого онъ никакъ не могъ понять, и пришелъ въ дѣтскій ужасъ.

Франкъ Апенбрэннеръ сунулъ къ себѣ въ карманъ деньги и пошелъ. Лицо его было блѣдно и онъ вдругъ почувствовалъ страхъ. Лежавшія въ карманѣ деньги показались ему страшно тяжелыми: все его тѣло сгибалось подъ ихъ бременемъ, и онъ точно падалъ куда-то въ бездну или на пашню, мимо которой шелъ. Вся его веселость и удовлетвореніе разомъ исчезли, и онъ сталъ пристально вглядываться вдаль, боясь преслѣдованія. Ему казалось, что онъ слышитъ крики, казалось, что мертвый всталъ и бѣжитъ за нимъ; ему почудилась мать убитаго, и будто она кричитъ ему что-то... Онъ вынулъ деньги и далеко швырнулъ ихъ прочь отъ себя, но это не помогло. Страхъ, наполнявшій его душу, дѣлался все нестерпимѣе, и вдругъ онъ увидалъ на горизонтѣ приближавшійся военный патруль. Тогда онъ сбросилъ съ себя ружье и пустился бѣжать. Какое-то безуміе овладѣло имъ, и онъ побѣжалъ какъ-разъ навстрѣчу патрулю. Изъ груди его вырывались стоны: вокругъ него все катилось, катилось золото—сотни тысячъ монетъ. Когда взошло солнце, ему показалось, что онъ видитъ огромную блестящую монету, которая медленно надвигается на него, чтобъ его раздавить. Потомъ монетъ стало больше, онѣ бѣжали все скорѣе, набрасывались на него и, какъ ножами, рѣзали

его тѣло. И вдругъ сознаніе безысходности своего горя охватило его всего.

Вскорѣ его схватила военная стража. Подъ звуки литавръ и барабана, бригада маршируетъ обратно къ своимъ квартирамъ. Немножко военной музыки, и истощенные солдаты снова оживились. Забыта всякая злоба. Блестятъ на солнцѣ офицерскія шпаги и ружья. Ничто не напоминаетъ мученій, испытанныхъ во время ночныхъ маневровъ. Снова господствуютъ порядокъ и дисциплина и, едва смолкаетъ музыка, тысяча глотокъ подхватываетъ бойкую солдатскую пѣсню:

„Непріятель идетъ къ намъ изъ Франціи, и пѣшій, и конный“.

Мой стихъ.

Съ судьбою споря,
Въ горнилѣ горя,
Въ горнилѣ битвы
Я стихъ кую!

Въ немъ есть страданья,
Но нѣтъ рыданья,
Но нѣтъ молитвы
За жизнь мою.

Въ немъ много боли,
Но жажда воли,
Но крикъ свободы
Звучатъ сильнѣй.

Такъ, смявъ оковы,
Залить готовы
Весною воды
Просторъ полей.

Не звонъ пасхальный
Души кристальной,
Не воркованья
Въ стихѣ дрожатъ,—

Какъ громъ грохочетъ
И жизни хочетъ
И рветъ молчанье
Ночной набатъ!

С. Ценскій.

Тамъ, гдѣ кончается Висла...

Повѣсть Артура Грушецкаго.

(Перев. съ польскаго А. Даманской).

II.

На востокѣ забрезжила утренняя заря, и звѣзды стали блѣднѣть и гаснуть, когда рыбакъ Михайла, котораго звали „Корабельщикомъ“, потому что онъ всю свою молодость провелъ на морѣ, сначала служа во флотѣ, а потомъ на купеческихъ корабляхъ, вышелъ изъ своей избы. На немъ была старая, ватная куртка, засаленная, заплатанная, выливавшая отъ морской воды, дождей и солнца, и кожаные сапоги съ высокими голенищами. Тяжело ступая своими толстыми подошвами, Корабельщикъ подошелъ къ избѣ Рудиша и постучалъ въ окно, какъ было условлено съ вечера.

Когда на первый стукъ изъ избы никто не отозвался, онъ постучалъ еще разъ и крикнулъ грубымъ голосомъ:

— Эй, вставайте!.. Пора.

Ягуся быстро вскочила съ теплой постели, подбѣжала къ окну и сказала:

— Сейчасъ, дяденька!

Корабельщикъ кивнулъ головой и пошелъ будить другихъ дѣвушекъ, которыя должны были ѣхать сегодня съ рыбою въ Данцигъ.

Въ избѣ было еще темно, и Ягуся стала одѣваться впотьмахъ; но, несмотря на осторожность, то то, то другое падало на полъ и производило легкій шумъ.

Когда она завязывала теплую юбку, изъ сосѣдней ком-

наты тихо вышла мать и, зажигая на столѣ лампу, сказала по обычаю:

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

— И во вѣки вѣковъ,—отвѣтила дочь.

— Еще пѣтухи не пропѣли, а ты уже встаешь,—со вздохомъ сказала мать.

— Нужно, ничего не подѣлаешь.

— А чулки взяла чистые, крѣпкіе?—спросила опять мать, немного помолчавъ.

— Я еще съ вечера все приготовила,—весело отвѣтила дочь.

— Вотъ это хорошо... Ягуся моя, послушайся меня, надѣнь свою красную юбку въ крапинкахъ.

— Жалко мнѣ ее, мамуся. Сегодня я торговка, ѣду на базаръ торговать рыбой,—разсмѣялась Ягуся,—а по нашей модѣ нужно, чтобы торговка была въ самомъ что ни на есть старьѣ.

— Знаемъ объ этой вашей модѣ рыбацкой,—отвѣтила мать.—Но, вѣдь, ты пойдешь въ городъ за покупками, тебя тамъ осмѣютъ.

— А мнѣ что за дѣло?

— Я не хочу, чтобы моя дочь походила на нищую,—сказала мать строго.—Надѣнь, надѣнь, Ягуся!.. У насъ, бывало, когда дѣвки шли на деревню и то рядились, а Данцигъ городъ не малый.

— Сдѣлаю это для мамуси и захвачу съ собою и красную юбку.

— Этого мало, что захватишь. Ты пойди въ ней за покупками.

— Хорошо, мамуся!.. А рыба собрана?

— Ахъ, правда!.. Сейчасъ соберу,—воскликнула мать и пошла къ дверямъ.

— Я помогу тебѣ!—крикнула Ягуся, надѣвая сверхъ краснаго платья старую, линючую юбку и длинный, изъ грубаго полотна фартукъ, завязывающійся сзади.

Мать съ трудомъ придвинула къ дверямъ избы кадку съ рыбой и сняла съ гвоздя приготовленный заранѣе веревочный мѣшокъ, связанный въ мелкую петлю.

Прибѣжала Ягуся, растянула мѣшокъ на пескѣ передъ порогомъ и, съ помощью матери поднявъ кадку, опрокинула ее на сѣть.

При блѣдномъ свѣтѣ утренней зари блеснула чешуя различныхъ рыбъ. Тутъ были щуки, окуни, угри и даже нѣсколько сельдей.

Мать, разсматривая бьющуюся на пескѣ рыбу, замѣтила:

— Можетъ, продашь марки на три.

— Далъ бы Богъ!.. Какъ много навезутъ, такъ и отдашь за безцѣнокъ.

— Смотри, кабы не обманули тебя... Торгуйся хорошенько.

— Ого, не таковская!—Ягуся быстро схватила мѣшокъ съ рыбою, завязала, взвѣсила его на рукахъ и, поцѣловавъ мать, ласково сказала:

— Будьте здоровы, мамуся, оставайтесь съ Богомъ!

— Да хранитъ тебя Господь Богъ и Пресвятая Матерь... Будь здорова, возращайся скорѣе!

— Хорошо, мамуся, хорошо,—крикнула Ягуся, уходя.

— Не забудь о покупкахъ!

— Знаю, знаю!—отвѣтила та и завернула за уголъ сосѣдняго дома.

Мать вздохнула и стала читать молитву, испрашивая у Бога счастливаго пути для дочери, но вдругъ вспомнила, что Ягуся не взяла съ собою завтракъ.

Она быстро побѣжала въ кухню, схватила приготовленную жестянку съ кофеемъ и, босая, въ одной юбкѣ, съ развѣвающимися волосами побѣжала къ Малому морю.

Ягуся шла быстро и миновала уже послѣдніе дома Ястарни, когда услышала окрики матери.

Она остановилась, нетерпѣливо поджидая мать, потому что замѣтила уже движеніе на морскомъ берегу.

— Ты забыла кофейникъ съ кофеемъ,—сказала запыхавшаяся мать.

— Не умерла бы съ голоду, мамуся,—отвѣтила Ягуся и взяла жестянку и хлѣбъ.

— Проголодалась-бы.

— Пустяки... Оставайтесь съ Богомъ, мамуся!

— Съ Богомъ!.. Охъ, ужъ и буду же я ждать тебя!

Ягуся, не оглядываясь, быстро направилась къ группѣ людей, разговаривавшихъ на берегу.

Мать долго стояла и смотрѣла вслѣдъ дочери, но, вспомнивъ, что дома ее ждутъ дѣти, прошептала молитву и тихо поплелась домой, поминутно оглядываясь назадъ.

Какъ только Ягуся приблизилась къ берегу, ее догнали Марыся Салтысекъ и Кася Трачева, и всѣ три, весело болтая, подошли къ рыбакамъ.

— Ого! Здѣсь Валекъ Кустошовъ,—воскликнула Марыся.

— Это для тебя, Ягуся,—разсмѣялась Кася.

Дѣвушка покраснѣла и, хотя рада была, что Валекъ ждалъ ее, сказала:

— Подкараулилъ таки и здѣсь... Гдѣ не посѣешь и тамъ пожнешь.

— Живо, торговки, пора!—закричалъ старый Михайла.

— Успѣемъ, дяденька!—разсмѣялась Кася.

Дѣвушки подошли къ рыбакамъ и поздоровались съ ними.

— Ты что это приволокла, Ягуся?—спросилъ высокій, худой, жилистый рыбакъ, Лаврентій Горный.—Это что за рыба?

— Это со вчерашняго улова,—отвѣтила Ягуся робко.—Можетъ быть, удастся продать.

— У васъ два рыбака въ артели, а еще, видно, норовите урвать,—сказалъ сердито Лаврентій.

— Куба самъ для себя работаетъ, а тятенькѣ тяжело,—отвѣтила, покраснѣвъ, Ягуся.

— Да ужъ забирай съ собой, ничего,—разрѣшилъ Михайла.—Только не смѣй продавать, пока не кончится базаръ.

— Хорошо, дяденька Михайла!

— А теперь въ дорогу, шкуна ждетъ.—И онъ показалъ на небольшое парусное судно, мѣрно покачивающееся на волнахъ, шагахъ въ трехстахъ отъ берега.

Благодаря мелководью, шкуна не могла ближе подойти къ полуострову. Даже рыбацкія лодки стояли шагахъ въ пятидесяти отъ берега и, чтобы добраться до нихъ, приходилось брести въ водѣ, и мѣстами мужчинамъ вода была выше колѣнъ.

Рыбаковъ, обутыхъ въ кожаные сапоги съ высокими голенищами, вода не смущала, особенно если кожа была пропитана рыбьимъ жиромъ и не пропускала воды, но дѣвушкамъ нужно было бы разуваться, при чемъ онѣ все таки рисковали перемочить свои платья.

И у рыбаковъ изстари велся обычай переносить женщинъ на рукахъ до ближайшей лодки, на которой и переправлялись на шкуну.

Влюбленный Валекъ съ нетерпѣніемъ ждалъ эту минуту, и первымъ былъ на берегу, чтобы перенести Ягусю на лодку, уже заранѣе приготовленную имъ.

Услыхавъ приказаніе Корабельщика собираться въ дорогу, онъ быстро подошелъ къ Ягусѣ и сказалъ съ улыбкой:

— Пойдемъ, Ягуся, я тебя перенесу.

— Возьми Марысю; я слишкомъ тяжела для тебя,—отвѣтила Ягуся, краснѣя.

— Донесу тебя, какъ перышко,—разсмѣялся онъ.

— А ну, коза, прыгай скорѣе,—сказалъ Марысѣ Лаврентій, сгибая свою высокую худую фигуру.

— Довольно уже вамъ торговаться то,—крикнулъ старый Михайла Ягусѣ и Валеку.—Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Не пожалѣлъ-бы только потомъ,—засмѣялся онъ.

Ягуся положила мѣшокъ съ рыбою на песокъ и, вся зардѣвшись, позволила Валеку взять себя на руки.

Онъ поднялъ ее, какъ ребенка, и, стараясь итти свободнымъ, непринужденнымъ шагомъ, вошелъ въ море и тихо сказалъ:

— О, Ягуся моя, всю жизнь несъ бы тебя такъ, дорогая моя!

— Осторожнѣе, Валекъ, не урони меня въ воду.

— Черезъ всѣ моря прошелъ бы такъ съ тобою!—И вдругъ онъ попалъ въ какую-то ямку, споткнулся и чуть, было, не упалъ.

— Валекъ, не дѣлай меня посмѣшищемъ для людей,—строго сказала Ягуся.

— Буду осторожнѣе,—и онъ еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ.

Оставшаяся на берегу Кася, недовольная, что обѣ ея подруги скоро будутъ уже въ лодкѣ, жалобно кричала Корабельщику:

— Дяденька Михайла, возьмите меня, я не тяжелая!

— Ого-го! У меня уже сидитъ одна на шеѣ, двухъ не дотащу,—смѣялся старый рыбакъ, намекая на свою сварливую жену.

Всѣ дружно расхохотались, а Валекъ, который уже подходилъ къ лодкѣ, крикнулъ:

— Подожди, Кася! Сейчасъ вернусь...

— Обойдусь и безъ тебя,—сердито проворчала Кася, сѣла на песокъ и начала быстро разуваться, намѣреваясь сама дойти до лодки.

Валекъ осторожно посадилъ Ягусю въ лодку и тихо сказалъ:

— Вечеромъ буду ждать тебя и перенесу опять на берегъ.

— Можетъ быть, поздно вернемся,—замѣтила Ягуся.

— Всю ночь буду сторожить,—отвѣтилъ Валекъ.

— Вольному воля... Принеси мнѣ рыбу съ берега.

— Вмѣстѣ съ Касей,—разсмѣялся Валекъ и, повернувшись, увидѣлъ, что оставленная дѣвушка, снявъ чулки намѣревалась войти въ воду.

— Эй, Кася, подожди, иду!—закричалъ онъ и поспѣшно направился къ ней.

Но Кася вошла уже въ море. Почувствовавъ холодную воду, она остановилась въ нерѣшительности, но потомъ превозмогла свой страхъ и, поднявъ юбки до колѣнъ, пошла дальше, внимательно слѣдя за высотою воды.

Бѣлыя ноги Каси покраснѣли отъ холода. Вода достигала уже колѣнъ дѣвушки, а лодка была еще далеко.

Издали доносились смѣхъ и крики старыхъ рыбаковъ:

— Выше поднимай юбки, Кася, а то смокнешь!

Дѣвушка остановилась въ нерѣшительности, стыдясь рыбаковъ, въ особенности Валека, который съ веселой улыбкой приближался къ ней, смѣло шагая своими высокими кожаными сапогами.

Вдругъ набѣжала волна. Кася инстинктивно выше подняла юбку, но потомъ, застыдясь, опустила ее опять, да такъ низко, что смочила весь подолъ.

— Добилась таки своего,—закричалъ, смѣясь, Лаврентій.

Смѣялись и обѣ подруги, сидя спокойно въ лодкѣ.

Кася чуть не плакала съ досады и стыда. Валекъ подошелъ къ ней и ласково сказалъ:

— Вернись, Кася! Я захвачу мѣшокъ съ рыбой и перенесу тебя.

— Дойду и сама,—упрямилась она.

— Вода будетъ тебѣ по поясъ, какъ-же ты дойдешь,—убѣждалъ онъ ее, глядя на маленькія, покраснѣвшія ноги.— Вернись, Кася!

Онъ взялъ ее за руки и повелъ къ берегу. На сухомъ пескѣ Кася быстро выжала мокрую юбку, надѣла чулки и башмаки и, уже весело смѣясь, позволила нести себя въ лодку.

— Должно быть, тяжело тебѣ, Валекъ,—сказала она, когда онъ вошелъ въ воду.

— Нѣтъ, ты легкая.

Помолчавъ немного, она опять сказала:

— Валекъ, какой ты добрый!

— А что?

— Да вотъ... тащишь меня.

— А что-же?.. Иль ты не рыбачка, а я не рыбакъ? Да и родня мы съ тобой.

— Да, правда,—прошептала она и тихонько вздохнула, позавидовавъ въ душѣ Ягусѣ.

Посадивъ Касю, Валекъ отпихнулъ носъ лодки, врѣзавшійся въ песокъ отмели, на болѣе глубокое мѣсто, вошелъ

самъ въ лодку, вытащилъ якорь, сѣлъ на средней лавочкѣ, взялъ въ обѣ руки весла и двинулъ лодку въ воду. Лодка закачалась и быстро понеслась къ шкунѣ.

Приблизившись къ шкунѣ настолько, что можно было ухватиться за бортъ рукою, Лаврентій подтянулъ къ ней лодку, привязалъ ее цѣпью къ кольцу и первый вскочилъ въ шкуну. За нимъ вошелъ Корабельщикъ, а Валекъ, стоя въ сильно качавшейся лодкѣ, помогъ перейти и дѣвушкамъ.

Лаврентій и Корабельщикъ принялись сматывать канатъ, на которомъ былъ укрѣпленъ якорь, глубоко врывшійся въ песчаное дно.

Посрединѣ шкуны, съ двумя небольшими мачтами, былъ устроенъ садокъ для рыбы—довольно высокій четыреугольный ящикъ съ люкомъ.

Валекъ поднялъ люкъ, и любопытныя дѣвушки заглянули внутрь.

Въ глубинѣ садка кишмя-кишѣла рыба, извиваясь въ соленой водѣ.

Туда-же Валекъ спустилъ и мѣшокъ Ягуси, затѣмъ закрылъ люкъ, засунулъ засовъ и крикнулъ рыбакамъ:

— Распускать паруса?

Михайла, занятый сматываніемъ каната, повернулъ голову и отвѣтилъ:

— Спусти большой парусъ.

Валекъ подскочилъ къ мачтѣ, проворно отвязалъ парусъ, сдѣланный изъ прочнаго грубаго полотна, и ловко укрѣпилъ его.

Корабельщикъ сталъ у руля. Держа въ правой рукѣ деревянную рукоятку руля, а въ лѣвой веревку, прикрѣпленную къ нижнему концу паруса, онъ старался измѣрить силу вѣтра и поставить парусъ подъ соотвѣтствующимъ угломъ, въ то время, какъ Лаврентій распускалъ и укрѣплялъ другой, меньшій парусъ.

Шкуна качалась на волнахъ; носъ вертѣлся то вправо, то влѣво, но, наконецъ, Корабельщикъ нашелъ нужный уклонъ для паруса, повернулъ руль и судно тронулось впередъ.

— Идемъ!—воскликнулъ Корабельщикъ.

Валекъ поставилъ ногу на бортъ, снялъ шапку и сказалъ:

— Съ Богомъ! Счастливаго пути!

И однимъ прыжкомъ онъ былъ уже въ своей лодкѣ.

Ягуся отвязала цѣпь, которой лодка была привязана къ шкунѣ, и молодой рыбакъ, еще разъ помахавъ шапкой, направилъ свой челнъ къ берегу.

На шкунѣ всѣ затихли,

Рыбаки, опытные пловцы, соображаясь съ силою вѣтра, ловко управляли парусами и, по временамъ, поглядывали на море.

Дѣвушки, усѣвшись на рыбный садокъ, задумчиво смотрѣли вдаль.

На востокѣ алѣла заря, и розовые лучи разгарались все выше и выше на блѣдномъ утреннемъ небѣ.

Мягкая зыбь моря и легкій морской туманъ покрылись предразсвѣтными фіолетовыми тѣнями; и отъ всего—отъ моря, отъ волнъ и тумановъ—вѣяло ласковой грустью.

Непокойныя, суетливыя волны, поднимаясь вверхъ, какъ будто разрывали пелену тумана и нетерпѣливо заглядывали на румяную зорю.

И вдругъ розовые лучи прорѣзали легкую мглистую пелену и искрами разсыпались по волнамъ.

Морская даль засвѣтилась. Волны окрасились въ розовые, фіолетовые, красные и пурпурные цвѣта; и вдругъ все море порозовѣло и засверкало, привѣтствуя своимъ ритмичнымъ шумомъ восходящее солнце.

Наступалъ день.

И съ плывущей шкуны понеслась пѣснь:

И земля, и небо поютъ Тебѣ хвалу
О, Боже Великій, Всесильный!

Чистымъ, звонкимъ голосамъ дѣвушекъ вторили хриплые, грубые голоса мужчинъ.

Вначалѣ пѣніе было нестройно. Въ первыхъ двухъ строфахъ пѣвцы не могли подладиться другъ къ другу. Но вскорѣ голоса зазвучали ровнѣй; и въ ритмъ поднимающихся и опускающихся волнъ, подъ аккомпаниментъ шумящаго моря полилась звучная, мелодичная пѣснь.

Пѣніе давно кончилось, а дѣвушки все еще прислушивались къ звукамъ святого псалма, и имъ казалось, что эхо передавало ихъ отъ одной волны къ другой. Но это была лишь вѣчная музыка моря, ритмичная пѣснь волнъ, сверкавшихъ въ лучахъ восходящаго солнца.

Дѣвушки оглянулись назадъ.

Длинный полуостровъ, изгибающійся на сѣверо-западъ, протянулся на горизонтѣ двумя широкими лентами—бѣлою и черною.

Это, въ лучахъ солнца, серебрился бѣлый песокъ на фонѣ чернаго лѣса.

Костелъ, школа и дома тонули въ темной линіи деревьевъ.

Постепенно бѣлая лента становилась все уже и уже, сверкнула свѣтлой полоской и, наконецъ, исчезла въ зеленыхъ волнахъ. Темная линія лѣса еще долго царила надъ моремъ, то исчезая, то вновь появляясь, но волны поглотили и ее.

Вокругъ, на всемъ пространствѣ доступномъ глазу, блестѣло море, подернутое сверкающей рябью, а надъ нимъ сіялъ яркій, голубой куполъ неба съ лучистымъ солнцемъ на востокѣ.

— Вотъ уже и Ястарни не видно,—вздохнула Кася.

— Сегодня вечеромъ увидишь ее,—усмѣхнулась Ягуся.

— А знаете,—сказала Марыся,—я моря не боюсь, привыкла къ нему; но мнѣ какъ-то не по себѣ, когда я не вижу ничего, кромѣ воды, да неба.

— И мнѣ тоже,—замѣтила Кася, поправляя платокъ на темныхъ волосахъ.—Пока я вижу нашъ берегъ, мнѣ и горя мало... А лучше всего дома, въ нашей Ястарнѣ.

— А ты Ягуся?

— Я?—сказала Ягуся, оглядываясь вокругъ.—Люблю я море, вотъ такое, безъ конца. Только золотое солнышко видно въ немъ... Какъ-то покойнѣе здѣсь, веселѣе, и подальше отъ злыхъ язычковъ.

— А мнѣ такъ нравится больше въ Ястарнѣ, дома.

— И мнѣ!—воскликнула Кася.

— Злыхъ язычковъ я не боюсь,—продолжала Марыся.—Веду себя хорошо и слушаюсь старшихъ.

— И я тоже осторожна,—заявила Кася съ достоинствомъ.

— Ужъ какъ попадешь людямъ на зубокъ—пропало дѣло!

Въ словахъ обѣихъ подругъ Ягусѣ почуялись какіе-то намеки, она покраснѣла и сказала громко:

— И я не боюсь людскихъ пересудовъ, потому что совѣсть моя чиста. А если люблю вотъ это море,—сдѣлала она широкій жестъ рукой,—то потому, что здѣсь судитъ меня Богъ, который видитъ мое сердце, а тамъ,—показала она въ сторону Ястарни,—несправедливые люди.

— Справедливые или нѣтъ, да наши же рыбаки,—отвѣтила Марыся, нахмурясь,—и пускай меня судятъ.

Сморщенное лицо стараго Корабельщика, стоявшаго неподалеку у руля, прояснилось улыбкой при словахъ Ягуси и онъ воскликнулъ:

— Молода ты, Ягуся, а разумна! Истинную правду сказала. Одинъ у насъ судья праведный—Господь Богъ, и одна вещь хорошая на свѣтѣ—море... Гм... Теперь я не дивлюсь, что старый Алоизій хочетъ сватать тебя за своего внука.

Кася отъ изумленія всплеснула руками, а Марыся даже съ мѣста привскочила, такъ неожиданна была новость, только что услышанная ими. Не только въ Ястарнѣ, но и въ Боркахъ, и въ Кузницахъ было извѣстно, что Кустошовы не одобряютъ выбора своего сына, и вдругъ самъ старый Алоизій, дѣдъ Валека, хочетъ сватать Ягусю за внука.

— Ягуся, можетъ-ли это быть?—первая опомнилась Марыся.

Выраженное недовѣріе показалось обиднымъ старому Корабельщику,—онъ вынулъ изо рта трубку и сказалъ:

— Когда говорю, значитъ можетъ быть.

Тонъ, какимъ были сказаны эти слова, былъ такъ суровъ и строгъ, что Кася и Марыся почти одновременно воскликнули:

— Дяденька Михайла, да мы знаемъ, что это правда!

— А, однако же, не вѣрили?

— Да это такъ только, отъ удивленья,—оправдывалась Марыся.—Теперь я понимаю, почему онъ вскочилъ сегодня спозаранку.

— И первую понесъ тебя,—добавила Кася.

— А ты-бы хотѣла, чтобы онъ тебя первую понесъ,—пошутилъ Лаврентій.

— Совсѣмъ нѣтъ,—воскликнула Кася, покраснѣвъ,—я думала о Марысѣ.

— Обо мнѣ не безпокойся,— отвѣтила та раздражительно.—Я не боюсь воды, какъ другія.

— Да и я не боюсь,—сказала съ живостью Кася,—но не итти-же мнѣ по поясъ.

— Правда, ты такая маленькая,—замѣтила пренебрежительно высокая Марыся.

— До свадьбы выраститъ,—засмѣялся Корабельщикъ.

— А что-же ты, Ягуся, молчала о старикахъ?—спросила ее съ упрекомъ Марыся.

— Это дѣло Валека. Зачѣмъ мнѣ болтать объ этомъ.

— Теперь Кустошова пообмякнетъ,—вырвалось у Каси.

Марыся сердито взглянула на нее, но сейчасъ-же съ любопытствомъ перевела взглядъ на покраснѣвшую Ягусю, которая, стараясь овладѣть своимъ волненіемъ, равнодушно спросила:

— Къ чему ты это говоришь, Кася?

— Да ни къ чему, такъ себѣ,—отвѣтила смущенная Кася.—Я слышала... да, должно быть, все сплетни... что мать не хочетъ женить его теперь.

— Да и не можетъ... Валекъ идетъ въ этомъ году на службу, во флотъ,—замѣтила строго Марыся.—Вотъ наслушались сплетенъ...

— Изъ за этихъ сплетенъ лучше по мнѣ море пустынное, чѣмъ Ястарня,—съ горечью сказала Ягуся.

— Пустынное-то оно пустынное, — отозвался Корабельщикъ,—да не такое, какимъ кажется .. особливо городскимъ, для которыхъ уже и Висла не вѣсть какая большая вода,—иронически усмѣхнулся онъ,—да и нашимъ, что ходятъ парусами въ Пуцкѣ, либо Данцигѣ. Тамъ, гдѣ на тысячи верстъ разливается море, гдѣ недѣлями не видать ни клочка земли, тамъ лежатъ страшныя чудовища, появляются духи, привидѣнія, летаютъ вампиры .. У каждой волны своя тайна.

Дѣвушки жадно слушали старика, въ особенности Ягуся; а Марыся, услыхавъ о привидѣніяхъ и вампирахъ, сказала, перекрестясь:

— Хоть осыпьте меня золотомъ, не поѣхала бы туда.

— И я бы умерла со страху,—добавила Кася.

— Дяденька Михайла, а вы видѣли все это?—робко спросила Ягуся.

— Чего-чего я не навидался на океанѣ,—задумчиво отвѣтилъ старый морякъ.

Марыся, которой не понравилось постоянное поддакиваніе Каси, обратясь къ Корабельщику, сказала:

— Знаете, дяденька Михайла! Я совсѣмъ уже не такая трусиха, чтобы умереть со страху... И я читала въ книжкахъ, что тамъ есть острова,—можно и отдохнуть.

— Острова, говоришь... острова,—медленно произнесъ Корабельщикъ, задумчиво смотря передъ собою, какъ бы припоминая что-то.—Гм... вотъ черезъ острова-то я и отказался отъ службы на морѣ... Э, да что тамъ говорить...

— Дяденька Михайла, разскажите... просимъ васъ,—умоляли дѣвушки.

Даже самъ Лаврентій, привязавъ веревку, которою онъ управлялъ малымъ парусомъ, подошелъ къ стоявшему у руля Корабельщику и сказалъ:

— Кумъ, не скупись на науку для молодыхъ. Онѣ дальше Малаго моря ничего не видали и не знаютъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ... Вѣтеръ попутный,—указалъ онъ на равномѣрно вздувавшіеся паруса, — время терпитъ.

— Становись у руля,—отвѣтилъ старикъ,—а то мнѣ что-то не хочется разсказывать, когда руки заняты.

Корабельщикъ сѣлъ, вынулъ трубку, закурилъ и началъ:

— Въ послѣдній разъ поступилъ я на службу въ Гаврѣ, на бригъ „Вѣра“, который отправлялся съ товарами въ Китай. Платили намъ, матросамъ, хорошо на-диво, а почему—я узналъ позднѣе, когда уже мы были въ открытомъ морѣ.

— А что?.. Везли контрабанду?—спросилъ Лаврентій тономъ свѣдующаго въ такихъ дѣлахъ человѣка.

— Хуже,—отвѣтилъ со вздохомъ разсказчикъ.—Бригъ былъ корабль новый, съ двуми большими мачтами; въ плаванье шелъ всего только во второй разъ... а былъ у него одинъ порокъ... который стоилъ всѣхъ другихъ.

— Какой-же? — съ любопытствомъ допрашивалъ Лаврентій.

— Не былъ счастливъ ни на вѣтеръ, ни на море. Сначала онъ назывался „Нептунъ“, а когда замѣтили, что дѣло-то не ладно, перекрестили его „Вѣрой“, какъ ужъ послѣ-то мы узнали... Но и это не помогло,—не было ему удачи ни въ чемъ.

— Да отчего-же, дяденька Михайла?—воскликнула Марыся.—Можетъ быть, команда была плохая?.. Какіе нибудь негодяи, безбожники?..

— Э, глупости мелешь,—возмутился Корабельщикъ.—Команда мѣняется...Кто приноситъ несчастье, того всегда можно распознать и высадить. Нѣтъ, это было въ самомъ кораблѣ... Можетъ, дерево росло на могилѣ удавленника, либо смертный грѣхъ совершенъ на немъ и пролита человѣческая кровь... Кто-же это можетъ знать?.. Мы уже только въ Атлантическомъ океанѣ замѣтили, что нѣтъ намъ ни въ чемъ благополучія. Подумайте только, Лаврентій, мы кружились по нѣсколько дней, чтобы войти въ какой нибудь портъ за углемъ, либо водой, такъ намъ мѣшало что то...

— Ой-ой,—покачалъ Лаврентій головой и тихо добавилъ:—Это ужъ нечистая сила.

— Мы всѣ сразу это смекнули, да что подѣлаешь?... Служба—службой. Пошли дальше... На Мадагаскарѣ должны мы были взять воды и провіанту, чтобы хватило до Суматры... Хорошо... Но отъ порта Святой Маріи отогнала насъ буря. Нашъ капитанъ и говоритъ: „Ничего не значитъ, говоритъ, все, что нужно достанемъ на Маврикіи, а до Маврикія намъ хватитъ“... Пошли дальше...

— А о которомъ это Маврикіи вы говорите, кумъ? И я знаю такой портъ...

— А объ томъ, что на Индѣйскомъ океанѣ.

— Ага, понимаю... Ну и что-же?

— Я говорилъ уже, что не было намъ ни въ чемъ удачи. Что мы ни задумывали, все выходило навыворотъ. Говоритъ нашъ капитанъ: „Завтра будемъ въ портѣ“,—а намъ что-то не вѣрится... Хоть и вѣтеръ попутный, да знаемъ ужъ свой карабль. И точно... Около полуночи какъ хватитъ насъ съ востока, да такъ, что едва-едва паруса убрали. Вѣтеръ свищетъ, море реветъ, волны, какъ щепку, бросаютъ насъ изъ стороны въ сторону... да цѣлыя сутки вотъ такъ-то...

— Аварія была?—спросилъ Лаврентій.

— Такъ, пустяки... Снесло кое-что съ палубы, смыло одну спасательную лодку, другая-то осталась,—а бригъ былъ не поврежденъ. Капитанъ, бывалый морякъ, зналъ свое дѣло, да и мы, матросы, тоже виды видывали на морѣ... Когда немножко успокоилось, капитанъ посмотрѣлъ на свои инструменты и сказалъ, что до ближайшаго берега тысяча миль.

— О, Господи! Страсти какія!—воскликнула Кася.

— А ты думала,—усмѣхнулся Карабельщикъ,—какъ до Данцига, пять миль?..

— Конецъ изрядный!—замѣтилъ Лаврентій.—А гдѣ-же вы воду-то брали? Для ѣды можно что нибудь наловить.. Или вашъ капитанъ зналъ какой нибудь способъ очистки воды?

— А вотъ увидишь,—отвѣтилъ серьезно Корабельщикъ.— По приказанію капитана намъ выдали только полпорціи воды, потомъ четверть... Бѣда!.. Солнце жаритъ и словно сосетъ тебя всего; полно море воды, а тутъ жажда такая, что, кажись, выпилъ бы цѣлый колодезь, хоть-бы такой тухлой, какую намъ давали...

— Пресвятая Богородица!—воскликнула Марыся.—Тухлую воду давали?..

— А ты думала, что изъ родника,—засмѣялся Михайла.

— Гм... странно, что капитанъ не зналъ способа. На нашемъ кораблѣ капитанъ приказалъ кипятить морскую воду въ котлѣ, и паръ, какъ дождь, капалъ съ трубы. Эту воду можно было пить.

Корабельщикъ усмѣхнулся, слушая его, потомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Дѣлали и это... да развѣ легко напоить восемнадцать человѣкъ? Подумай только...

— А все-же человѣкъ не помираетъ.

— Да и силъ не хватало,—на караблѣ работы и безъ того много. Нужно было лавировать, вѣтеръ дулъ непопутный... Я стоялъ на вахтѣ; дѣло было къ разсвѣту. Смотрю

впередъ, не сплю, а глаза слипаются, на вѣкахъ словно гири. Мѣсяцъ заходилъ, а все еще свѣтилъ немного... Гляжу... Земля, не земля! Протираю глаза... Земля... Ущипнулъ себя... Земля!.. Даю сигналъ... Подходитъ ко мнѣ офицеръ и спрашиваетъ: „Что случилось?“ Земля, говорю... „Бредишь, говоритъ, гдѣ?“ Показываю... Офицеръ пошелъ, посмотрѣлъ на карту и разбудилъ капитана, потому что на картѣ никакой земли тутъ нѣту. Разсвѣтало тѣмъ временемъ. На кораблѣ всѣ радуются, потому что вода и провіантъ будутъ. Но капитанъ, какъ опытный морякъ, не подошелъ къ берегу близко, хоть и деревья уже видать,—велѣлъ намъ сѣсть въ лодку и обслѣдоватъ островъ. Сѣло насъ шесть человѣкъ, седьмой рулевой, и отправились. Черезъ какой нибудь часъ причалили. Видимъ—островъ, деревья растутъ, сидятъ на нихъ птицы черныя, то вспорхнетъ которая, то опять сядетъ, а подъ деревьями бѣлѣется что-то... Жутко намъ сдѣлалось какъ-то, страшно... А рулевой, забубенная головушка, собирается высаживаться, хоть и видитъ, что островъ какой-то неладный... Небо, до той поры ясное, вдругъ покрылось тучей, волны поднялись... Мы его отговариваемъ, а онъ смѣется и говоритъ: Поищемъ, гдѣ можно тутъ пристать. Соскочилъ на землю, увязъ по колѣни, и кричитъ: „Болото братцы! Будетъ вода!..“ И полѣзъ дальше. Потомъ выстрѣлилъ, должно быть, увидалъ что нибудь. Черныя птицы вспорхнули, захлопали крыльями, закаркали... Насъ всѣхъ морозъ по кожѣ подралъ. Смахивали онѣ скорѣй на злыхъ духовъ, чѣмъ на птицъ.—Корабельщикъ глубоко перевелъ духъ и замолкъ.

Марыся и Кася слушали, затаивъ дыханіе, и при послѣднихъ словахъ старика поспѣшно перекрестились. Ягуся съ раскраснѣвшимися щеками вся превратилась въ слухъ и, когда Корабельщикъ замолчалъ, воскликнула:

— Дальше, дяденька! Что же было дальше?

— А волна то нахлынетъ, набѣжитъ на островъ и пропадётъ. Видимъ островъ сталъ колебаться. Мы отплыли шаговъ на триста и смотримъ. Вдругъ деревья закачались и съ трескомъ повалились другъ на друга. Волны поднимались всё выше да выше..... Мы быстро поплыли назадъ, а за нами шумъ, трескъ, свистъ, какіе-то крики нечеловѣческіе.... и тамъ, гдѣ только что былъ островъ и деревья, бушевали однѣ черныя волны.

Дѣвушки вскрикнули отъ удивленія, а Корабельщикъ продолжалъ:

— Жаль намъ было рулевого. И на морѣ нужно своего

спасать. Черезъ нѣкоторое время мы опять поплыли на то самое мѣсто и осмотрѣлись кругомъ..... И вотъ видимъ плыветъ по водѣ что-то бѣлое, одно, другое, третье, всё больше да больше.... и окружило насъ со всѣхъ сторонъ. Глядимъ, а всё это бѣлое-то—кости человѣческія, ударяются о бортъ нашей лодки, словно хотятъ сказать что то.... И хотя ни одинъ изъ насъ не зналъ, что такое страхъ, но мы все окаменѣли; а когда опомнились, то перекрестились и стали осѣнять крестнымъ знаменіемъ кости покойниковъ. Тогда онѣ разступились передъ нами и мы избавились отъ смерти.

Послѣ долгаго молчанья Ягуся спросила:

— Дяденька, а рулевой?

— Погибъ..... Вѣчная память!

Корабельщикъ снялъ шапку и прочиталъ коротенькую молитву. Остальные сдѣлали то же самое.

— Дяденька Михайла,—вновь начала Ягуся,—а что же это такое было?

— Что было?.... Гм.... это тайна моря.

— А все таки, дяденька Михайла, вы сами то какъ объ этомъ думаете?

— Я думаю, что это былъ островъ мертвыхъ, чистилище для несчастныхъ, погибшихъ безъ Святого Причастія. А когда грѣшный человѣкъ, вотъ хотя бы нашъ рулевой, подсмотрѣлъ, что дѣлается на томъ свѣтѣ, островъ и пропалъ безслѣдно.

— Должно быть, ваша правда,—сказалъ Лаврентій съ глубокимъ убѣжденіемъ.—И кости, вѣрно, принадлежали тѣмъ самымъ несчастнымъ людямъ, и ждали только крестнаго знаменія, чтобы успокоиться. Со святыми упокой....—забормоталъ онъ, снимая шапку.

Помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— А что сдѣлалось съ бригомъ?

— Съ большимъ трудомъ добрались мы до Китая, взяли свѣжій грузъ и вернулись въ Гавръ. А потомъ я ужъ бросилъ службу и возвратился домой.

— Ну довольно болтовни,—добавилъ онъ, подходя къ Лаврентію, и, отобравъ у него руль, сказалъ дѣвушкамъ.—А вы спѣли бы что нибудь,—дорога то незамѣтно и пройдетъ.

Дѣвушки исполнили желаніе старика и запѣли:

Подъ покровомъ Господа нашего Іисуса Христа....

Глубокимъ чувствомъ и благоговѣніемъ звучали ихъ голоса.

Разсказъ стараго моряка напомнилъ имъ, какъ близки на морѣ несчастье и бѣда, отъ которыхъ спасти можетъ одинъ только Богъ.

Послѣ пѣнія онѣ позавтракали кофеемъ съ хлѣбомъ, и едва успѣли помыть свои чайники и спрятать ихъ въ каюту, небольшую коморку на кормѣ съ маленькимъ оконцемъ и желѣзной печкой, какъ Корабельщикъ воскликнулъ:

— А вотъ и Данцигъ!

Сначала дувушки ничего не могли разсмотрѣть, но, спустя минуту, различили вдали черную неподвижную точку, которая понемногу увеличивалась.

— Это Марьинская башня,—сказала Марыся, оправляя свой платокъ.

Постепенно изъ воды появились дома, стройныя башни костеловъ, ратуша, бѣлая цитадель, и Данцигъ, сверкая на солнцѣ живыми, яркими красками и бѣлизной, становился съ каждой минутой все больше и красивѣй.

Шкуна вошла въ спокойныя воды Вислы, миновала доки и суда, на которыхъ развѣвались флаги всевозможныхъ національностей.

Благодаря попутному вѣтру и весламъ, Корабельщикъ съ Лаврентіемъ очень скоро причалили къ рыбному базару, и по указанію полицейскаго, привязали свое судно цѣпью къ желѣзному колку.

Дѣвушки перекинули поперекъ шкуны доску, достали плоскія корзины и принялись поспѣшно укладывать въ нихъ рыбу.

Надъ рыбнымъ базаромъ, расположеннымъ на набережной Вислы, носился острый запахъ свѣжей, соленой и копченой рыбы. Среди торговцевъ-перекупщиковъ сновали кухарки съ корзинками, мѣщанки съ хорошенькими бечевочными мѣшечками и домовитыя хозяйки.

Съ лодокъ и шкунъ рыбацкихъ раздавались выкрикиванія торговокъ, зазывавшихъ покупателей. Въ ранніе утренніе часы купцамъ запрещено было скупать оптомъ рыбу.

Оптовые торговцы, преимущественно евреи, съ глубокомысленнымъ видомъ ходили взадъ и впередъ, внимательно присматриваясь и прицѣниваясь къ рыбѣ.

Когда дѣвушки уложили самую крупную рыбу въ корзины, Корабельщикъ, усѣвшисъ поудобнѣй на кормѣ, усмѣхнулся и крикнулъ своимъ грубымъ голосомъ:

— Ну, торговки, начинайте!

Началась торговля; цѣна установилась, и продажа шла бойко.

Постепенно наплывъ покупателей уменьшался. Торговки, весело позвякивая пфенигами и марками въ глубокихъ карманахъ своихъ мокрыхъ, испачканныхъ чешуей фарту-

ковъ, радостно улыбались, потому что розничная продажа шла удачна.

На городскихъ часахъ пробило десять. Торговцы начали входить въ лодки и на рыбацкія шкуны, осматривали рыбу, прицѣнивались, но торговались уже не съ дѣвушками, а съ рыбаками.

Поднялся шумъ и гамъ. Всѣ кричали разомъ, клялись, божились, торговались...

Корабельщикъ, сообразивъ, что ему дали хорошую цѣну, ударилъ по рукамъ и сталъ считать рыбу на копы.

Этотъ же самый торговецъ взялъ рыбу и у Ягуси, которая, къ своему большому удовольствію, выручила за все четыре марки.

— Хорошій базаръ,—весело усмѣхнулся Корабельщикъ и отсчиталъ дѣвушкамъ деньги на покупки, которыя имъ поручили сдѣлать рыбаки.

— А теперь въ городъ!—воскликнула Марыся.

Дѣвушки попрятали свои старыя платья и фартуки въ каюту и, принарядившись, быстро пошли въ городъ.

Послѣ ихъ ухода Корабельщикъ, не спѣша, поднялся съ своего мѣста, потянулся, сложилъ подъ лавку весла, привязалъ покрѣпче паруса къ мачтамъ, попряталъ разную мелочь въ каюту, заперъ ее на ключъ и пошелъ на бульваръ.

Закупивъ все, что ему было нужно, и аккуратно исполнивъ всѣ порученія, онъ вошелъ, нагруженный свертками, въ знакомый трактиръ, надъ которымъ красовалась вывѣска съ ярко намалеваннымъ попугаемъ,—обычное мѣсто свиданій рыбаковъ съ Малаго моря.

Корабельщикъ зналъ многихъ изъ присутствующихъ, но у него не было никакого дѣла ни до одного изъ нихъ, и онъ спокойно сидѣлъ, попивая винцо.

Молча съѣлъ онъ поданную ему уху, и кончалъ уже второе блюдо, когда въ ресторанъ вошелъ молодой человѣкъ, шатенъ съ маленькими усиками, одѣтый въ синій костюмъ моряка и, снявши шапку, внимательно осмотрѣлся вокругъ.

Увидѣвъ стараго Корабельщика, онъ, улыбаясь, подошелъ къ нему.

— Дяденька Михайла, узнаете меня? — спросилъ онъ звучнымъ голосомъ.

Старикъ поднялъ склоненную надъ тарелкою голову и, прищурившись, чтобы лучше видѣть, сказалъ, продолжая жевать свою рыбу:

— Какъ не узнать... Стахъ Урбанекъ.

Старикъ протянулъ черезъ столъ свою большую, широкую руку, улыбнулся и сказалъ сердечно:

— Ну, здравствуй, Стахъ! Вернулся уже?.. Садись, время есть.

— Три года прослужилъ во флотѣ,—сказалъ Стахъ, садясь.—Стосковался по своимъ.

— Будутъ тебѣ рады; думали, что только въ концѣ мѣсяца пріѣдешь.

— Раньше отпустили... Ну, какъ тамъ наши?

— Гм... все по старому. Отецъ работаетъ; и до сей поры у нихъ артель лучше идетъ нашей На брата приходится безъ малаго по сорока пяти талеровъ, а у насъ тридцать четыре.

— Плохой заработокъ за полугодовую работу, — усмѣхнуля Стахъ,—даже во флотѣ лучше.

— Привезъ сколько нибудь, э?..

— Двѣсти талеровъ,—отвѣтилъ Стахъ съ оттѣнкомъ гордости.

— Ого, кругленькая сумма!.. Много навидался всего?

— Почти весь свѣтъ объѣздилъ.

— А въ Килѣ былъ?

— Три мѣсяца... да три мѣсяца въ Вильгельмгафенѣ. А потомъ отправились въ дальнее плаваніе.

— Въ Америку?

— Нѣтъ. Сначала въ Голландію, затѣмъ въ Африку... Кружились по всѣмъ морямъ.

— Гм... повезло тебѣ, вотъ ты и собралъ денежку... Что-же, домъ выстроишь? Женишься?

— Увижу какъ... разное у меня на умѣ... Осмотрѣться нужно... Дядюшка Михайла, стаканчикъ баварскаго?

— Не мѣшаетъ... жарко!—И онъ разстегнулъ свою ватную куртку.

— Хозяинъ, два пива!—крикнулъ молодой человѣкъ.

— Выросъ ты, возмужалъ,—сказалъ Корабельщикъ, разсматривая его.

— Три года... времени не мало,—улыбнулся Стахъ. — А вы, дяденька, не перемѣнились нисколько.

— Ба, чего захотѣлъ!.. Я ужь такимъ и останусь до могилы.

Хозяинъ подалъ пиво. Чокнулись стаканами и выпили.

— Не хотите-ли сигару, дяденька?—предложилъ Стахъ.

— А не обижу тебя?—улыбнулся старикъ, беря сигару.

— У меня довольно... Я сейчасъ же узналъ шкуну изъ Ястарни... Съ кѣмъ пріѣхали?

— Съ Лаврентіемъ Горнымъ и съ тремя торговками.

— Кто да кто?

— А что тебѣ?.. Пойдешь на шкуну, самъ увидишь.

— А возьмете меня съ собой?

— Чепуху мелешь!.. Или ты не свой?

— Ну, а какъ уловъ?

— Гм... Лѣтось былъ больше, въ этомъ году меньше. Вотъ, можетъ, угри поправятъ дѣла.

— Все, какъ и прежде, — замѣтилъ съ легкой ироніей молодой человѣкъ.

— Перемѣнъ мало... все по старому.

— Когда я былъ въ Англіи, слыхалъ я тамъ одну поговорку.

— Какую?

— Fischery-lottery... а по-нашему это значитъ—что рыболовство, что лотерея—все одно.

— Гм... старо... ничего новаго.

— Такъ... но тотъ выигрываетъ въ лотерею, кто больше рискуетъ, у кого билетовъ больше въ рукахъ.

— Знаю я, куда ты мѣтишь. Хотѣлось бы тебѣ измѣнить и то, и другое,—усмѣхнулся рыбакъ.—Бывали ужъ такіе, бывали, да потомъ умнѣй стали... И я тебѣ скажу одну старинную поговорку: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.

— Да не въ журавляхъ тутъ дѣло... Мнѣ они не нужны,— разсмѣялся Стахъ. — Рѣчь идетъ о томъ, чтобы синица-то была въ рукахъ, чтобы трудъ не пропадалъ даромъ, не изводилъ понапрасну человѣка.

— Э, глупости все...—отвѣтилъ Корабельщикъ, нахмурясь.—Я уже старъ и знаю, что работа никогда не изводитъ человѣка; другое дѣло—лѣнь и болтовня пустая... Мы тоже поѣздили не мало на своемъ вѣку, а все же держимся старинныхъ обычаевъ въ своемъ дѣлѣ, значитъ, имѣемъ на то причины.

— И всегда вы такъ думали, дядюшка Михайла? — разсмѣялся Стахъ.

— Гм... всегда, не всегда... Ну, да ладно ужъ... Сколько же тебѣ лѣтъ?

— Двадцать четыре.

— Да? Ну теперь я не дивлюсь. Эй, хозяинъ, баварскаго!.. Я былъ въ твоихъ годахъ, когда вышелъ изъ флота... Тѣсно мнѣ показалось въ Ястарнѣ. Нанялся я на корабль. — Эхъ, вотъ было житье!.. Полюбилось мнѣ море... Однако-же, пришлось вернуться въ Ястарню; а потомъ... Эхъ, да что тамъ вспоминать... Выпьемъ, Стахъ!

Выпили. По знаку Стаха, хозяинъ принесъ еще двѣ бутылки.

— А что-же потомъ было, дядюшка Михайла? — допрашивалъ Стахъ.

— Потомъ... Потомъ понравилась мнѣ моя покойница... Эхъ! Вотъ была баба!.. Работа кипѣла у нея въ рукахъ... а къ морю рвалась... побѣжала-бы на край свѣта, лишь бы повидать все то, что я видѣлъ. И что-же?.. Померла, бѣдная, въ Ястарнѣ... Дѣти остались; нужна была имъ мать, дому хозяйка... ну, и женился опять.—Корабельщикъ вздохнулъ, выпилъ пива и добавилъ:—Но эта ужъ не такая.

— Я тоже не спѣшу съ женитьбой, — сказалъ Стахъ. — Прежде осмотрюсь.

— Кажется, ты не глупъ, а говоришь, какъ дитя малое. Ты думаешь, что человѣкъ женится по своей воли? — Что?

— Кто-же меня заставитъ?

— Вотъ глупый!—разсмѣялся добродушно старикъ.—Для каждаго приходитъ такая пора, когда весь свѣтъ ему не милъ,—только и думушки о томъ, какъ бы повѣнчаться со своей любой. Каждый женится, хочешь - не хочешь. Такъ ужъ Господь Богъ назначилъ, чтобы родъ человѣческій не переводился на свѣтѣ.

Помолчали немного. Корабельщикъ вынулъ большіе, серебряные часы и сказалъ:

— Черезъ полчаса отчалимъ.

— О, такъ мнѣ пора! Нужно еще взять чемоданъ съ постоялаго двора и перенести на шкуну.—И Стахъ позвонилъ, чтобы расплатиться за пиво.

— Не торопись, Стахъ! Наши торговки, навѣрное, не придутъ во время.

Стахъ расплатился и вышелъ.

Черезъ часъ всѣ вернулись на шкуну. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и восклицаній удивленія по адресу Стаха, котораго дѣвушки не сразу узнали, всѣ стали собираться въ обратный путь.

Стахъ, которому Лаврентій на его усиленныя просьбы уступилъ мѣсто у руля, сильно натянулъ паруса, и шкуна поплыла, слегка покачиваясь на небольшихъ волнахъ.

Корабельщикъ, отыскивая мѣстечко, гдѣ поудобнѣе можно было-бы усѣсться, натолкнулся на чемоданъ Стаха. Думая, что онъ легкій, старикъ хотѣлъ отодвинуть его къ сторонкѣ ногой. Но чемоданъ оказался довольно тяжелымъ, и Корабельщикъ долженъ былъ употребить нѣкоторое усиліе, чтобы перенести его на другое мѣсто.

— Гм... что это у тебя тамъ такое?.. Тяжеленько.

— Книжки.

Всѣ посмотрѣли на него съ недовѣріемъ, а старый рыбакъ воскликнулъ:

— Придумалъ-бы что-нибудь другое... а то книжки!.. Кто-жъ повѣритъ?

— Правду говорю, дядюшка Михайла!

Всѣ громко разсмѣялись, не исключая и Стаха, который добавилъ:

— Учить дѣтей ни линейкой, ни розгой, я не собираюсь, а книжки эти держу для себя.

— Какія-же это книжки? — спросилъ Лаврентій.

— Польскія... На службѣ у меня былъ товарищъ съ озера Гопла. Ему присылали изъ дому газеты и книжки. Въ свободное время мы прилежно ихъ читали, — вѣдь, мы были въ чужихъ краяхъ... А потомъ я сталъ выписывать и для себя; и черезъ три года у меня набралась ихъ цѣлая куча.

— А что же въ нихъ написано, въ этихъ книжкахъ? — спросила Марыся.

— Разное... О мірѣ, о людяхъ, о разныхъ приключеніяхъ, о томъ, что въ старину бывало...

— И что тебѣ въ этихъ книжкахъ?—спросилъ презрительно Корабельщикъ. — Для рыбака только двѣ книжки надобны... одна, чтобы помолиться Господу Богу, какъ надлежитъ истинному христіанину, а другая книжка — море,— показалъ онъ на безконечную даль. — Научись хорошенько читать въ небѣ, въ облакахъ и волнахъ, вотъ ты и ученъ, и мудръ.

— Одно другому не мѣшаетъ, дядюшка Михайла!

— Не тебѣ меня учить. Знавалъ я такихъ, что всю жизнь сидятъ надъ книжкой, а на морѣ и глаза таращатъ, и уши наставляютъ, а все ничего не смыслятъ. Для нихъ все одно, такая-ли, другая-ли волна; прозрачная, или мутная вода; сѣрыя, или бѣлыя облака; дуетъ вѣтеръ порывомъ, или съ ровной силой. Они, словно слѣпые, или глухонѣмые, — смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ... а тоже книжки читаютъ!

— Истинная правда, — проворчалъ Лаврентій.

— Дядюшка Михайла, а еслибъ котораго нибудь изъ васъ отправить въ городъ на желѣзный, сахарный, машинный или стеклянный заводъ; или даже просто поставить въ поле, къ плугу,—сумѣлъ-бы онъ справиться съ работой? У людей разный трудъ, и нечего удивляться, что они того или другого не знаютъ.

— Я и не дивлюсь, а говорю лишь, что каждый долженъ своего держаться, рыбакъ — рыбачества, книжникъ— книжекъ, — сказалъ рѣшительно Корабельщикъ. — И повѣрь мнѣ, старику, проку изъ этого не выйдетъ. У рыбака долженъ быть вѣрный глазъ, а надъ книжкой попортишь его.

— А можетъ быть, еще лучше видѣть стану,—разсмѣялся Стахъ.

— Какъ-же это?—воскликнулъ Лаврентій.—Я только по воскресеньямъ молюсь по книжкѣ, и то буквы прыгаютъ у меня въ глазахъ... А чтобы сталось со мной, если бы я читалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ?

— Дядюшка Михайла, вы опытнѣе молодыхъ, которые только что взялись за нашъ промыселъ, и больше у васъ разума, чѣмъ у многихъ рыбаковъ... Разумъ этотъ пришелъ къ вамъ съ годами, съ опытомъ,—вы много видѣли людей и свѣтъ... не такъ ли?

— Ну, и что же?

— Въ книжкахъ пишутъ, что разные люди испытали, пережили, видѣли. Если я хорошенько запомню, что люди видѣли и испытали, то, какъ будто, я самъ пережилъ всё это... Человѣкъ умнѣе становится... и потому то я и читаю книжки.

— Да читай себѣ,—сказалъ Корабельщикъ недовольнымъ тономъ,—мнѣ твоихъ книжекъ не надо.

Плыли нѣкоторое время молча; потомъ Ягуся спросила Стаха:

— Стахъ, а про старину интересно читать?

— И еще какъ!

— А не дашь ли ты мнѣ почитать?

— Хорошо.

— И мнѣ дай,—воскликнула Марыся.

— И мнѣ также,—добавила Кася.

— Хорошо... всѣмъ дамъ...—отвѣтилъ, улыбаясь, Стахъ.— Только помните—не пачкать и не рвать.

— О, мы знаемъ,—воскликнули дѣвушки.

— Только бы новинка,—презрительно усмѣхнулся Корабельщикъ,—а ужъ баба ухватится за нее, какъ рыба за приманку.

— Прискучитъ, скоро прискучитъ,—добавилъ Лаврентій,— это, вѣдь, не ленточки и не платочки.

— Читать мы умѣемъ; а ужъ лучше сидѣть за книжкой, чѣмъ слоняться безъ дѣла,—сказала Марыся.

— За работу васъ засадить, а не за книжку,—сердито проворчалъ Лаврентій.

— А дайте намъ ее,—рѣшительно воскликнула Ягуся.— Единственный заработокъ на желѣзной дорогѣ; и всегда сбѣжится столько народу, что отказываютъ.

— Выйдешь замужъ, пойдутъ дѣти, сама не захочешь итти на заработки,—ни времени, ни силъ не хватитъ,—сказалъ Корабельщикъ.

— А до замужества я родителямъ въ тягость,—отвѣтила Ягуся.

— Я знавалъ рыбачекъ,—началъ Стахъ,—которыя занимались копченіемъ, маринованіемъ и соленіемъ рыбы... и онѣ хорошо зарабатывали. Была бы добрая воля... зарабатывать могли бы и наши.

— Этого еще не хватало,—размѣялся Лаврентій,—тогда намъ ужъ самимъ пришлось бы готовить ужинъ и обѣдъ.

— До сихъ поръ еще не стряпали и впредь не будете,— проворчала вполголоса Марыся.

На шкунѣ воцарилось молчаніе.

Корабельщикъ и Лаврентій были невеселы и чувствовали себя одинокими. Что то стало между ними и молодежью, но что—они не умѣли себѣ объяснить.

Корабельщикъ, пуская дымъ изъ трубки, пытливо смотрѣлъ на Стаха и думалъ:

„Гм... рыбакъ онъ дѣльный, правитъ хорошо, знаетъ дѣло, свой, и изъ старинной рыбацкой семьи, а, однако же, чудной онъ какой то... Не врагъ и не другъ... Не лежитъ къ нему сердце".

И онъ глубоко задумался, стараясь найти причину своей глухой непріязни и безотчетной грусти.

Когда онъ поднялъ глаза—правда, сидѣлъ онъ лицомъ къ заходившему солнцу—ему показалось, что не Урбанекъ стоитъ у руля, а сверкающій столбъ свѣта. Онъ протеръ глаза—и вотъ опять стоитъ живой Стахъ, освѣщенный лишь солнечными лучами.

Онъ перевелъ глаза на солнце, и теперь Урбанекъ показался ему черной тучей, которую онъ, старый рыбакъ, везъ на несчастье Ястарни.

— Слѣпнуть ужъ я сталъ,—пробормоталъ старикъ, вздыхая.—Что подѣлаешь? Года берутъ свое.

Лаврентій, обиженный замѣчаніемъ Марыси, тоже молчалъ—не связываться же ему съ торговкой!.. Да какъ то и не весело стало на шкунѣ, не то, что сегодня утромъ... Можетъ быть, дѣвушки устали... И ему самому что то

тягостно, хоть и погода ясная, и вѣтеръ попутный, и шкуна идетъ хорошо.

Онъ молча разсчитывалъ, сколько придется на его часть отъ послѣдняго улова. Потомъ припомнилось ему, что Валекъ уходитъ изъ ихъ артели и, такимъ образомъ, они лишаются одной рабочей силы. Не подговорить ли Урбанека занять его мѣсто?—И Лаврентій крикнулъ:

— Стахъ, что ты думаешь дѣлать дома?

— Работать, какъ и всѣ.

— Гм... такъ поступай къ намъ въ артель; отъ насъ ушелъ Валекъ Кустошъ.

— А что съ нимъ случилось?

— Онъ пойдетъ на службу,—въ этомъ мѣсяцѣ наборъ въ Пуцкѣ.

— Но я его еще застану?

— Можетъ, и сегодня еще увидишь, — засмѣялась Марыся,—онъ придетъ за Ягусей.

— Ты обручена съ нимъ?

Покраснѣвшая Ягуся молчала. За нее отвѣтила Марыся:

— Она дала слово. Въ воскресенье его дѣдъ придетъ на обрученье.

— Валекъ мой двоюродный братъ, мы всегда любили другъ друга; можетъ быть, и я приду съ теткой Кустошовой.

Дѣвушка молчала, не зная, какъ сказать Стаху, что родители Валька не довольны этимъ сватовствомъ.

— Будетъ ли мать Валека—неизвѣстно,—выручилъ ее Корабельщикъ,—она что-то кобенится.

— Гм... удивляюсь!.. Валекъ лучше Ягуси не найдетъ,— сказалъ Стахъ, глядя съ улыбкой на смущенную дѣвушку.

— То же самое думаетъ и Валекъ,—замѣтилъ Лаврентій.

— Ну и добьется своего,—разсмѣялся Стахъ.

— Большой вопросъ,—возразилъ Корабельщикъ. — Его мать—упрямая, гордая баба.

— Только бы Валекъ крѣпко стоялъ на своемъ, все будетъ хорошо. Нѣтъ препятствій, которыхъ любовь не превозмогла бы,—серьезно сказалъ Стахъ.

— А развѣ есть среди васъ вѣрные люди?—разсмѣялась Марыся.—Я такъ Франку и сказала: понравится тебѣ какая-нибудь,—плакать не стану, найдется и другой.

— Ястарня!—воскликнула Кася.

На западѣ, на фонѣ искрившагося моря появилась темная полоска, и, становясь все шире и яснѣй, золотилась сверху въ солнечныхъ лучахъ, а внизу темнѣла и сливалась съ моремъ.

Урбанекъ не спускалъ глазъ съ полуострова. И видно было по его лицу, что онъ птицей полетѣлъ бы туда. Всѣ повеселѣли. Только Ягуся глубоко задумалась, припоминая все, что говорилось о Валекѣ и о его матери.

Шкуна остановилась. Лаврентій бросилъ якорь и закричалъ что-то внукамъ Корабельщика, которые, шлепая по водѣ, взапуски бѣжали уже къ лодкѣ, намѣреваясь переправиться въ ней на шкуну.

Наконецъ, и лодка подплыла. Со шкуны перенесли покупки, а потомъ, по очереди, перешли дѣвушки и рыбаки.

Ягуся тщетно высматривала Валека, но его не было на берегу.

На мели первый выскочилъ изъ лодки Урбанекъ и, протянувъ руки, сказалъ:

— Пойдемъ, Ягуся, я тебя перенесу.

— Была первая утромъ, вечеромъ хочу быть послѣдней,— отвѣтила Ягуся, краснѣя.

— Не ломайся! — крикнулъ Корабельщикъ —Тебя понесетъ Стахъ, Марысю.—Лаврентій, а я— Касю, она поменьше всѣхъ.

Ягуся позволила Стаху взять себя на руки. Когда онъ прижалъ ее къ себѣ, она невольно вспыхнула и, стараясь быть какъ можно легче, стыдливо спросила:

— Тяжело тебѣ, Стахъ?

— Нѣтъ, ничего... вѣдь, ты мнѣ почти сестра... мы братья съ Валекомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*
* *

Солнце правды, яркимъ свѣтомъ
Міръ печальный оживи,
Пусть запахнетъ, теплымъ лѣтомъ,
Теплой радостью любви!
Солнце правды, встань надъ нами,
Въ глубину сердецъ взгляни,
И горячими лучами
Холодъ злобы изгони!
Мы тоскуемъ, мы страдаемъ,
И подъ кровомъ темноты,
Какъ заблудшіе, взываемъ:
Солнце, солнце, гдѣ-же ты?!

А. Лукьяновъ.

Одинокимъ путемъ.

Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ

Артура Шнитцлера.

(Переводъ А. Ф. Даманской.)

Дѣйствующія лица:

Профессоръ Веграть, директоръ академіи художествъ.
Габріэла — его жена.
Феликсъ } их дѣти.
Іоганна } их дѣти.
Юліанъ Фихтнеръ.
Стефанъ фонъ-Сала.
Ирена Гермсъ.
Докторъ Францъ Райманъ—врачъ.
Слуга Фихтнера.
Слуга ф.-Сала.
Горничная у Веграта.

Дѣйствіе происходитъ въ Вѣнѣ.

Дѣйствіе первое.

Небольшой садикъ при домѣ профессора Веграта. Кругомъ высокіе дома, перспектива ограниченная. Направо въ саду одноэтажный домикъ съ крытой верандой и тремя деревянными ступенями. Почти посрединѣ сада зеленый садовый столъ съ такими же креслами, одно большое мягкое кресло, налѣво подъ деревомъ небольшая желѣзная скамья.

Явленіе первое.

Іоганна гуляетъ по саду. Входитъ Феликсъ въ уланскомъ мундирѣ.

Іоганна *(обернувшись)*. Феликсъ?

Феликсъ. Да, это я.

Іоганна. Здравствуй.—Неужели тебѣ опять дали отпускъ?

Феликсъ. Не надолго... Ну какъ здоровье мамы?

Іоганна. Послѣдніе дни ей лучше какъ будто.

Феликсъ. Не испугается она, если я неожиданно войду къ ней?

Іоганна. Не думаю. Но лучше подожди немного. Она спитъ сейчасъ. Я только что вышла изъ ея комнаты...—Ты долго пробудешь у насъ, Феликсъ?

Феликсъ. Завтра вечеромъ я опять уѣду.

Іоганна *(глядя вдаль)*. Уѣдешь...

Феликсъ. Это звучитъ громко... Но, въ сущности, я такъ близокъ отъ васъ... Да во всѣхъ отношеніяхъ, я вовсе недалеко ушелъ...

Іоганна. Ты этого такъ хотѣлъ... (*Указывая на его мундиръ*)... и достигъ. Развѣ ты не доволенъ?

Феликсъ. Во всякомъ случаѣ это самое благоразумное изъ всего, за что я брался до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ, я вижу теперь, что въ извѣстныхъ условіяхъ я могу что-нибудь сдѣлать.

Іоганна. Мнѣ кажется, ты и на всякомъ другомъ поприщѣ чего нибудь добился-бы.

Феликсъ. Сомнѣваюсь. Въ качествѣ адвоката или техника я врядъ-ли пробилъ-бы себѣ дорогу. Да и вообще я чувствую себя теперь лучше, чѣмъ когда-бы то ни было. Мнѣ только кажется порою, что я не во время родился. Мнѣ надо было бы явиться на свѣтъ Божій, когда не было еще такъ много порядка, когда можно было безнаказанно дѣлать то, чего теперь дѣлать нельзя.

Іоганна. Но, вѣдь, ты—свободный человѣкъ, вполнѣ распологаешь собою.

Феликсъ. Въ извѣстныхъ границахъ.

Іоганна. Во всякомъ случаѣ, онѣ шире этихъ...

Феликсъ (*озирается, улыбаясь*). Но... вѣдь, это не тюрьма... Садъ сталъ очень красивъ. Какъ грустно было здѣсь, когда мы были дѣтьми... А это что такое? Ползучія деревья! Это очень мило.

Іоганна. Идея доктора Рейманa.

Феликсъ. Я такъ и подумалъ.

Іоганна. Почему?

Феликсъ. Потому что кому изъ насъ могла бы притти въ голову такая полезная мысль... А какъ обстоятъ его дѣла? Есть у него надежда получить профессуру въ Грацѣ?

Іоганна. Не знаю, ничего не знаю. (*Отворачиваетъ лицо.*)

Феликсъ. Мама въ эти дни много бывала на воздухѣ?

Іоганна. Да.

Феликсъ. А ты читаешь ей вслухъ? Ты бы старалась, Іоганна, чѣмъ-нибудь ее развлекать.

Іоганна. Какъ будто это такъ легко.

Феликсъ. Надо прилагать всѣ усилія, Іоганна.

Іоганна. Да... тебѣ легко говорить...

Феликсъ. Въ чемъ же дѣло...

Іоганна (*тихо*). Я не знаю, поймешь-ли ты меня...

Феликсъ (*улыбаясь*). Почему-же я вдругъ перестану тебя понимать?

Іоганна (*спокойно глядя на него*). Я меньше люблю ее съ тѣхъ поръ, какъ она больна.

Феликсъ (*удивленно*). Какъ?

Іоганна. Нѣтъ, ты этого не можешь понять... Она все

больше удаляется отъ насъ... Какъ будто каждый день на нее опускается новая пелена.

Феликсъ. И что-же это должно означать?

Іоганна (*спокойно смотритъ на него*).

Феликсъ. Ты думаешь?...

Іоганна. Я въ этихъ вещахъ не ошибаюсь, ты это знаешь, Феликсъ.

Феликсъ. Я это знаю?...

Іоганна. Я знала, что Лили-фонъ-Сала умретъ, когда никому и въ голову не приходило, что она можетъ заболѣть.

Феликсъ. Тебѣ это снилось... ты была ребенкомъ.

Іоганна. Мнѣ это никогда не снилось. Я это знала (*Рѣзко.*) Я не могу это объяснить.

Феликсъ. (*Пауза*) А отецъ... сознаетъ?

Іоганна. Сознаетъ-ли онъ?... Ты думаешь, *онъ* тоже замѣчаетъ, какъ ее обволакиваетъ пелена...

Феликсъ (*качая головой*). Ну что за фантазіи, Іоганна... Однако, я-бы хотѣлъ. (*Оборачиваясь къ дому.*) Отецъ не пришелъ еще?

Іоганна. Нѣтъ. Онъ теперь поздно приходитъ домой. У него очень много дѣла въ академіи.

Феликсъ. Я постараюсь ее не будить; я тихонько войду. (*Уходитъ черезъ веранду въ домъ*).

Явленіе второе.

Іоганна садится въ кресло, скрестивъ руки на колѣняхъ. Черезъ нѣсколько мгновеній входитъ Сала. Ему 45 лѣтъ, но онъ выглядитъ моложе. Высокаго роста, худощавъ. Темно-русые волосы съ проборомъ съ правой стороны; на вискахъ легкая просѣдь. Бритое лицо съ рѣзкими энергичными чертами, сѣрые свѣтлые глаза.]

Сала. Здравствуйте, Іоганна.

Іоганна. Здравствуйте.

Сала. Мнѣ сказали, что ваша мать спитъ, и я позволилъ себѣ войти къ вамъ въ садъ.

Іоганна. Феликсъ только что пріѣхалъ.

Сала. Да? Ему опять дали отпускъ? Въ мое время строже бывало въ полку. Правда, мы стояли на границѣ гдѣ-то въ Галиціи.

Іоганна. Я все забываю, что вы тоже были на военной службѣ.

Сала. Да, это было давно. И служилъ-то я всего года два. Но я пережилъ тамъ много перекрасныхъ минутъ.

Іоганна. Вѣроятно, все, что вы пережили, было прекрасно...

Сала. Да, многое.

Іоганна. Присядьте.

Сала. Благодарю. (*Садится на ручку кресла.*) Вы позволите? (*Закуриваетъ папиросу.*)

Іоганна. Вы уже на своей виллѣ?

Сала. Завтра переѣзжаю.

Іоганна. Вы, вѣрно, очень рады?

Сала. Да... радоваться рано еще...

Іоганна. Развѣ вы суевѣрны?

Сала. Если хотите—да. Но дѣло не въ томъ. Я на время только переѣзжаю...

Іоганна. Почему?

Сала. Потому-что я предпринимаю путешествіе и очень продолжительное.

Іоганна. Да? Отъ души завидую вамъ. Я тоже хотѣла-бы странствовать вотъ такъ по свѣту, свободная, независимая...

Сала. Все еще?

Іоганна. Все еще... Что это значитъ?

Сала. Я помню, когда вы были совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой, вы носились уже съ разными фантастическими планами... Чѣмъ только вы не хотѣли быть? И танцовщицей, кажется. Не правда-ли? Разумѣется, очень знаменитой...

Іоганна. Почему вы такъ говорите объ этомъ, точно танцовщица—это что-то недостойное вашего вниманія. (*Не глядя на него.*) *Вамъ* не слѣдовало-бы такъ говорить.

Сала. Почему?

Іоганна (*пристально смотритъ на него*).

Сала. Я не увѣренъ, что понимаю васъ... Но... (*Просто.*) Іоганна, вы знали, что я васъ видѣлъ тогда?

Іоганна. Когда?

Сала. Въ прошедшемъ году, когда вы жили на дачѣ и я однажды ночевалъ въ мезониинѣ. Была свѣтлая лунная ночь и, мнѣ помнится, какая-то фея порхала на лужайкѣ.

Іоганна (*улыбаясь, качаетъ головой*).

Сала. Она для меня порхала?

Іоганна. Я васъ видѣла, вы стояли за занавѣской.

(*Пауза.*)

Сала. Но передъ другими вы, конечно, не станете такъ танцовать?..

Іоганна. Почему?... Я танцовала. И вы и тогда видѣли меня. Но это было очень давно. Это было на одномъ греческомъ островѣ. Меня окружалъ тѣсный кругъ мужчинъ... и вы были среди нихъ... и я была лидійской рабыней.

Сала. Плѣненной принцессой.

Іоганна (*серьезно*). Вы не вѣрите?

Сала. Если вамъ угодно—могу повѣрить.

Іоганна (*все такъ же серьезно*). Вы должны вѣрить всему, во что другіе повѣрить не могутъ.

Сала. Придетъ время—я повѣрю..

Іоганна. Вотъ, видите-ли, я... я, напримѣръ.... меня во всемъ можно убѣдить, только не въ томъ, что я первый разъ живу на землѣ. И бываютъ моменты, когда я совершенно отчетливо вспоминаю многое, многое...

Сала. И тогда былъ такой моментъ?

Іоганна. Да, годъ тому назадъ, когда я въ лунную лѣтнюю ночь танцовала на лугу. Но это, конечно, было не въ первый разъ. (*Короткая пауза; внезапно мѣняетъ тонъ.*) Куда-же вы ѣдете?

Сала (*въ тонъ, дѣловито*). Вь Бактрію, фрейлейнъ Іоганна.

Іоганна. Куда?...

Сала. Въ Бактрію—это чрезвычайно интересная страна, и самое интересное въ ней то, что она болѣе не существуетъ. Я примкнулъ къ экспедиціи, которая отправляется туда въ ноябрѣ. Вы, быть можетъ, читали объ этомъ въ газетахъ?

Іоганна. Нѣтъ.

Сала. Дѣло идетъ о раскопкахъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, когда-то находилась старая Экбатана—около шести тысячъ лѣтъ тому назадъ. Какъ видите, это было еще до вашихъ лидійскихъ временъ.

Іоганна. Когда вамъ пришла въ голову эта мысль?

Сала. Только нѣсколько дней тому назадъ. Совершенно случайно, въ разговорѣ съ графомъ Ронскимъ. Онъ—иниціаторъ этого дѣла и очень уже прельщалъ меня поѣхать съ ними. Да ему, впрочемъ, не стоило большого труда увлечь меня... Это предложеніе пришло навстрѣчу моей давнишней мечтѣ. (*Оживляясь.*) Подумайте только, фрейлейнъ Іоганна: видѣть собственными глазами, какъ какой нибудь городъ выступаетъ изъ нѣдръ земли, домъ за домомъ, камень за камнемъ, столѣтіе за столѣтіемъ. Нѣтъ, нѣтъ, видно мнѣ не суждено умереть раньше, чѣмъ исполнится мое желаніе.

Іоганна. Почему вы говорите о смерти?

Сала. Да какой-же порядочный человѣкъ въ лучшія минуты жизни думаетъ о чемъ нибудь другомъ?...

Іоганна. Мнѣ кажется, что всѣ ваши желанья всегда исполнялись...

Сала. Всѣ?...

Іоганна. Я знаю, что вы пережили и много горя, но мнѣ кажется иногда, что вы и этого жаждали...

Сала. Жаждалъ?... Я имъ упивался... Вы совершенно правы.

Іоганна. Я это очень хорошо понимаю! Жизнь безъ страданій была-бы такъ же жалка, какъ жизнь безъ счастья. (*Пауза.*) Сколько уже времени прошло?...

Сала. О чемъ вы говорите?

Іоганна. Съ тѣхъ поръ, какъ умерла ваша жена?

Сала. Семь лѣтъ, какъ разъ семь лѣтъ.

Іоганна. И Лили... въ томъ-же году?

Сала. Да, Лили умерла мѣсяцъ спустя. Вы еще вспоминаете иногда Лили, фрейлейнъ Іоганна?

Іоганна. Очень часто. У меня съ тѣхъ поръ не было больше подругъ. (*Тихо.*) И она теперь была-бы уже взрослая. Она была очень красива. У нея были такіе-же темные блестящіе волосы, какъ у вашей жены, и свѣтлые глаза, какъ у васъ... (*Тихо.*)

„Въ далекій свѣтлый край вдвоемъ
Печальнымъ вы ушли путемъ".

Сала. Какая у васъ память, Іоганна!

Іоганна. Семь лѣтъ прошло—какъ это странно.

Сала. Почему?

Іоганна. Вы строите себѣ домъ и откапываете древніе города и пишите прелестные стихи,—а люди, которые были вамъ такъ близки, лежатъ уже семь лѣтъ въ могилѣ и гніютъ, а вы еще почти молоды—какъ все это сложно!

Сала. Ты, оставшійся въ живыхъ, не плачь, не рыдай—говоритъ Омаръ-Намэ, сынъ Богдадскаго котельника, родившійся въ 412 году по магометанскому лѣтоисчисленію. Впрочемъ, я знаю одного человѣка, которому теперь 83 года; онъ похоронилъ двухъ женъ, семь человѣкъ дѣтей и, вѣроятно, не мало внуковъ, и играетъ на рояли въ какомъ-то жалкомъ трактирѣ, когда на эстрадѣ являютъ свое искусство танцоры и танцовщицы въ трико и воздушныхъ юбочкахъ. И вотъ недавно, когда балетъ этотъ окончился и погасили уже огни, онъ невозмутимо продолжалъ стучать по желтымъ клавишамъ. Мы съ Ронскимъ пригласили его къ

нашему столику и втянули его въ разговоръ. Оказалось, что послѣдняя вещь, которую онъ игралъ, было его собственное сочиненіе. Мы, конечно, поспѣшили выразить ему свои восторги. И глаза его загорѣлись огнемъ, и онъ спросилъ насъ дрожащимъ голосомъ: „Вы думаете, господа, что мое произведеніе будетъ имѣть успѣхъ?"—Ему 83 года, карьеру свою онъ заканчиваетъ въ какомъ-то трактирѣ, публика его—горничныя и фельдфебеля,—и онъ волнуется и жаждетъ имѣть у нихъ успѣхъ!

Явленіе третье.

Іоганна, Сала, докторъ Рейманъ.

Докторъ Рейманъ. Здравствуйте, фрейлейнъ Іоганна. *(Протягиваетъ обоимъ свои руки.)* Здравствуйте. *(Обращаясь къ ф.-Сала)*. Какъ ваше здоровье?

Сала. Чудесно! Вѣдь, не совсѣмъ уже погибшій тотъ человѣкъ, который однажды имѣлъ честь посовѣтываться съ вами.

Докторъ Рейманъ. Я и забылъ объ этомъ. Но есть люди, которые меня боятся... Мама отдыхаетъ, фрейлейнъ Іогнна?

Іоганна *(пораженная обмѣномъ фразъ между докторомъ и ф.-Сала, внимательно смотритъ на послѣдняго)*. Она, вѣроятно, уже проснулась. Феликсъ у нея.

Докторъ Рейманъ. Феликсъ?.. Но развѣ... вѣдь, его... никто не вызывалъ?..

Іоганна. Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно. Кто-же?..

Д-ръ Рейманъ. Я думалъ, мало-ли... Вашъ отецъ такъ безпокоится временами.

Іоганна. Вотъ они идутъ.

Явленіе четвертое.

Іоганна, Сала, докторъ Рейманъ. Фрау Веґратъ съ Феликсомъ сходятъ съ веранды.

Фрау Веґратъ. Здравствуйте, дорогой докторъ. Какой сюрпризъ! Какъ это вамъ нравится?

(Мужчины сердечно здороваются.)

Сала. Мнѣ очень пріятно видѣть, сударыня, что вы поправляетесь.

Фрау Веґратъ. Да, мнѣ лучше немного. Если-бъ только осень не была такъ близка.

Сала. Помилуйте, теперь только наступятъ самыя прекрасные дни. Лѣса окрасятся пурпуромъ и золотомъ, голубая дымка окутаетъ холмы и небо будетъ далекое и блѣдное, словно собственная безконечность навѣетъ на него ужасъ!

Фрау Веграть. Я хотѣла-бы увидѣть это еще одинъ разъ.

Докторъ Рейманъ (*укоризненно*). Фрау Веграть...

Фрау Веграть. Простите, иногда такія мысли приходятъ въ голову... (*Веселѣе.*) Если-бъ я знала, по крайней мѣрѣ, какъ долго еще пробудетъ здѣсь мой добрый докторъ.

Д-ръ Рейманъ. На этотъ счетъ могу успокоить васъ — я остаюсь въ Вѣнѣ.

Фрау Веграть. Да? Это дѣло рѣшеное?

Д-ръ Рейманъ. Да.

Феликсъ. Въ Грацъ, значитъ, назначенъ другой?

Докторъ Рейманъ. Нѣтъ. Тотъ, кто считался первымъ кандидатомъ, убился въ горахъ.

Феликсъ. Тогда ваши шансы теперь вѣрные... Или, кромѣ васъ, еще кто-то имѣлся въ виду?

Д-ръ Рейманъ. Мои шансы были-бы теперь очень недурные... Но я снялъ свою кандидатуру!

Фрау Веграть. Почему? Вы такъ суевѣрны?

Феликсъ. Или горды?

Д-ръ Рейманъ. Ни то, ни другое. Мнѣ слишкомъ тяжела была-бы мысль, что своимъ успѣхомъ я обязанъ чужому несчастью. Это отравило-бы мнѣ существованіе. Какъ видите, это самое обыкновенное, мелочное самолюбіе.

Сала. Н-нѣтъ... Это очень тонкія чувства, докторъ.

Фрау Веграть. Изъ всего этого я понимаю только, что вы остаетесь. Ахъ, какіе низменные эгоисты больные люди!

Докторъ Рейманъ (*замѣтно желая перемѣнить тему разговора*). Ну, Феликсъ, какъ вамъ живется въ полку?

Феликсъ. Очень хорошо.

Фрау Веграть. Ты, значитъ, вполнѣ доволенъ, милый мой?

Феликсъ. Я вамъ очень благодаренъ, тебѣ особенно, мама.

Фрау Веграть. Почему-же мнѣ особенно? Послѣднее слово принадлежало отцу.

Докторъ Рейманъ. Ему, конечно, пріятнѣе было-бы, если-бы вы избрали мирное призваніе.

Сала. Въ настоящее время болѣе мирнаго призванія нѣтъ.

Феликсъ. Совершенно вѣрно. Кстати, вамъ поклонъ отъ поручика Шротинга

Сала. Благодарю... Онъ еще помнитъ меня?

Феликсъ. И не съ одинъ. Мы тамъ очень часто вспоминаемъ васъ. Въ нашемъ казино висятъ портреты бывшихъ офицеровъ полка. И вашъ тамъ имѣется...

Явленіе пятое.

Іоганна, Сала, докторъ Рейманъ, Феликсъ, фрау Веграть профессоръ Веграть.

Вегратъ. Здравствуйте... Какъ, Феликсъ?.. Опять! Вотъ сюрпризъ!..

Феликсъ. Здравствуй, папа. — Я взялъ отпускъ на два дня.

Вегратъ. Отпускъ... отпускъ... Отпускъ-ли это? А? Или опять какая-нибудь проказа?

Феликсъ (*весело*). Ну, папа, когда-же я лгалъ...

Вегратъ (*шутливо*). Да я тебя и не подозрѣваю. Наконецъ, если-бы ты даже дезертировалъ, желаніе видѣть мать было-бы достаточнымъ оправданіемъ.

Фрау Вегратъ. Желанье видѣть родителей...

Вегратъ. Всѣхъ, всѣхъ насъ... Конечно. Но такъ какъ ты теперь немного прихварываешь, то, вѣдь, главное лицо въ домѣ—ты... Ну какъ ты себя чувствуешь, Габріэла? Тебѣ лучше, да? (*Тихо, съ робкой нѣжностью.*) Милая моя... (*Проводитъ рукой по ея лбу и волосамъ.*) Родная... Какой сегодня мягкій воздухъ...

Сала. Чудесная осень!

Д-ръ Рейманъ. Вы сейчасъ только изъ академіи, профессоръ?

Вегратъ. Да. Я теперь директоръ, и у меня масса работы... И не всегда интересная и благодарная. Но говорятъ, что я созданъ для черной работы. Это, очевидно, правда. (*Улыбаясь.*) Кто-то съострилъ на мой счетъ: чиновникъ по дѣламъ искусства.

Сала. Вы несправедливы къ себѣ профессоръ.

Фрау Вегратъ. И ты, вѣроятно, опять возвращался пѣшкомъ?

Вегратъ. Да, я даже сдѣлалъ небольшой крюкъ— черезъ Турецкій валъ. Я очень люблю эту дорогу. Въ такіе вечера, какъ сегодня, весь городъ внизу словно подернутъ

серебристой паутиной... Да!.. Могу тебѣ передать поклонъ, Габріэла. Я встрѣтилъ Ирену Гермсъ.

Фрау Веграть. Она въ Вѣнѣ?

Веграть. Проѣздомъ. Она будетъ у тебя на дняхъ.

Сала. Она еще въ Гамбургѣ играетъ?

Веграть. Нѣтъ. Она говорила мнѣ, что совсѣмъ покинула сцену и живетъ у своей замужней сестры, въ деревнѣ.

Іоганна (*обращаясь къ ф.-Сала*). Я ее видѣла одинъ разъ, въ вашей пьесѣ.

Сала. Но вы, вѣроятно, были тогда совсѣмъ маленькой?

Іоганна. Она играла испанскую принцессу.

Сала. Къ прискорбію. Эта роль совершенно не въ ея средствахъ. Она никогда не умѣла читать стихи.

Д-ръ Рейманъ. И вы теперь еще помните, что какая-то дама когда-то плохо читала ваши стихи?

Сала. Какъ-же не помнить, дорогой докторъ? Если-бы вы находились въ центрѣ земли, вы знали-бы, что всѣ предметы одинаковой тяжести, а если-бы вы очутились въ центрѣ вселенной, вы поняли-бы, что всѣ предметы одинаковой важности.

Фрау Веграть. А какъ она... не измѣнилась?

Веграть. Она еще очень красива.

Сала. Похожа еще на портретъ, который виситъ въ музеѣ?

Феликсъ. Какой это портретъ?

Іоганна. Развѣ въ музеѣ есть ея портретъ?

Сала. Да, вы, навѣрно, знаете его. Въ каталогѣ сказано „актриса", просто, „актриса". Молодая женщина въ костюмѣ арлекина и греческой тогѣ, у ногъ ея рой масокъ. Она стоитъ одна, на пустой, полутемной сценѣ среди разныхъ раздвинутыхъ кулисъ... Часть комнатной стѣны, часть лѣса, подземелья...

Феликсъ. А на заднемъ планѣ южный пейзажъ съ пальмами и платанами...

Сала. Да, полуразвернутый... такъ что за нимъ видна еще нагроможденная мебель, ступени, сверкающіе кубки, короны...

Феликсъ. И это картина Юліана Фихтнера?

Сала. Конечно.

Феликсъ. Я не зналъ, что эта женская фигура изображаетъ Ирену Гермсъ.

Веграть. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ рисовалъ этотъ портретъ, прошло уже болѣе двадцати пяти лѣтъ. Онъ пре-

извелъ тогда сенсацію. Это былъ его первый большой успѣхъ. А въ настоящее время есть, вѣроятно, очень много людей, которые даже имени его не знаютъ... Я спрашивалъ про него Ирену Гермсъ. Но оказывается, даже „вѣчная пріятельница“ не знаетъ, на какой планетѣ онъ теперь находится.

Феликсъ. Я всего нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ его.

Веградъ. Какъ? Ты видѣлъ Юліана Фихтнера? Онъ былъ въ Зальцбургѣ? Когда-же?

Феликсъ. Дня три, четыре тому назадъ. Онъ меня разыскалъ и мы съ нимъ провели вечеръ вдвоемъ.

Фрау Веградъ (*бросаетъ взглядъ на доктора Реймана*). Ну, какъ онъ?

Веградъ. Что онъ тебѣ разсказывалъ?

Феликсъ. Онъ немного посѣдѣлъ, но, въ общемъ, мало измѣнился.

Веградъ. Когда онъ уѣхалъ изъ Вѣны? Кажется, года два тому назадъ, не правда-ли?..

Фрау Веградъ. Да, около того.

Феликсъ. Онъ куда-то далеко ѣздилъ?..

Сала. Я получилъ отъ него какъ-то открытое письмо.

Веградъ. Мы тоже... Но я думалъ, что вы съ нимъ въ постоянной перепискѣ.

Сала. Постоянной? Нѣтъ.

Іоганна. Вѣдь, онъ, кажется, вашъ другъ?

Сала. У меня вообще нѣтъ друзей... А если появляются таковыя, я отъ нихъ бѣгу.

Іоганна. Но прежде вы съ нимъ были очень близки.

Сала. Вѣрнѣй, онъ со мной.

Феликсъ. Какъ это? Я васъ не понимаю.

Іоганна. А я васъ очень хорошо понимаю. У васъ, вѣроятно, такъ со всѣми складываются отношенія...

Сала. Совершенно одинаково, до мельчайшихъ подробностей.

Іоганна. Да, конечно... Это видно и по вашимъ произведеніямъ.

Сала. Я думаю. Въ противномъ случаѣ, всякій другой могъ-бы ихъ написать.

Веградъ. Онъ не говорилъ, когда вернется въ Вѣну?

Феликсъ. Кажется, скоро, хотя онъ мнѣ ничего опредѣленнаго не сказалъ.

Іоганна. Я очень рада буду увидѣть опять Фихтнера. Я люблю такихъ людей.

Веграть. Какіе-же это „такіе люди"?

Іоганна. Которые всегда являются издалека.

Веграть. Но когда ты его знала, онъ не являлся издалека... Онъ жилъ тогда здѣсь.

Іоганна. Это все равно, жилъ-ли онъ здѣсь или въ другомъ мѣстѣ. Даже когда онъ ежедневно приходилъ, мнѣ казалось всегда, что онъ пріѣзжалъ откуда-то издалека.

Веграть. Ну да...

Феликсъ. И на меня онъ часто производилъ такое впечатлѣніе.

Веграть. Странно—отчего онъ такъ мечется, рыщетъ по свѣту въ послѣдніе годы...

Сала. Развѣ онъ не всегда былъ такой... мятущійся человѣкъ? Вы, кажется, давно его знаете... Вѣдь, вы съ нимъ вмѣстѣ учились?

Веграть. Да. И надо было тогда знать его для того, чтобы дѣйствительно его знать. Когда онъ былъ молодъ, въ немъ было что-то плѣнительное, чарующее. Я не встрѣчалъ больше человѣка, къ которому слово „многообѣщающій" такъ подходило-бы, какъ къ нему.

Сала. Но, вѣдь, онъ много обѣщаній и сдержалъ.

Веграть. Да... того-ли онъ могъ-бы достигнуть!..

Д-ръ Рейманъ. Мнѣ кажется, чего можно достигнуть, то и достигается.

Веграть. Не всегда. Юліанъ, несомнѣнно, могъ больше сдѣлать. Онъ не умѣлъ только сосредоточиться на работѣ, у него не было никогда душевнаго мира, тишины. Всегда его куда-то тянуло, куда-то влекло. Его несчастье было въ томъ, что онъ даже на своихъ работахъ, такъ сказать, мимоходомъ останавливался.

Феликсъ. Онъ показалъ мнѣ пару этюдовъ, которые сдѣлалъ въ послѣднее время.

Веграть. Хороши?

Феликсъ. По моему, удивительно хороши... Я былъ прямо растроганъ.

Фрау Веграть. Растроганъ? Что-же это за картины?

Феликсъ. Пейзажи. И даже веселые пейзажи.

Іоганна. Я видѣла однажды во снѣ весенній пейзажъ, ласковый, солнечный, но помню мнѣ было такъ грустно и я даже плакала.

Сала. Да, печаль часто таится въ вещахъ, гдѣ немногіе видятъ ее.

Веграть. Такъ что онъ опять работаетъ? Тогда, пожалуй, еще можно ждать отъ него чего-нибудь крупнаго...

Сала. Отъ человѣка, который однажды показалъ себя художникомъ, всегда можно ждать сюрпризовъ.

Вегратъ. Да, вы правы. Въ этомъ вся разница между нимъ и другими. Чиновникъ по дѣламъ искусства никому никакихъ сюрпризовъ не поднесетъ. *(Съ веселой ироніей.)* Этотъ ежегодно рисуетъ прекрасную картину для выставки и при всемъ своемъ желаніи не можетъ нарисовать ее плохо.

Д-ръ Рейманъ. Еще большой вопросъ, кто двигаетъ міръ и искусство—чиновники, какъ вы, профессоръ, или... такъ называемые геніи.

Вегратъ. О, я очень далекъ отъ того, чтобы напускать на себя скромность. Но что касается геніевъ—то лучше о нихъ мы говорить не будемъ. Это совершенно особый міръ и внѣ всякихъ споровъ—какъ элементы.

Д-ръ Рейманъ. Я этотъ взглядъ отнюдь не раздѣляю.

Вегратъ. Говорить можно, вѣдь, только о людяхъ, для которыхъ существуютъ извѣстныя границы. И я думаю, что лучше, полезнѣе тотъ, кто лучше понимаетъ свои границы. Въ этомъ смыслѣ, я имѣю полное основаніе цѣнить себя весьма высоко.,. Тебѣ не свѣжо, Габріэла?

Фрау Вегратъ. Нѣтъ.

Вегратъ. Закутайся плотнѣй въ свой платокъ и, давайте, пройдемтесь немного.

Фрау Вегратъ. Съ удовольствіемъ... Докторъ, дайте мнѣ руку. Вы еще двухъ словъ не сказали со своей паціенткой.

Д-ръ Рейманъ. Къ вашимъ услугамъ.

(Іоганна съ братомъ, профессоръ съ ф. Сала идутъ впереди; д-ръ Рейманъ и фрау Вегратъ какъ будто слѣдуютъ за ними, но фрау Вегратъ внезапно останавливается.)

Явленіе шестое.

Фрау Вегратъ, д-ръ Рейманъ.

Фрау Вегратъ. Вы замѣтили, какъ свѣтились его глаза—я говорю о Феликсѣ, когда заговорили о *немъ*. Это было удивительно.

Д-ръ Рейманъ. Такіе люди, какъ Фихтнеръ, всегда нравятся молодымъ людямъ. Ореолъ таланта, интереснаго прошлаго... это дѣйствуетъ на молодежь.

Фрау Вегратъ *(качая головой)*. И онъ его навѣ-

стилъ. Очевидно, онъ за тѣмъ только и поѣхалъ въ Зальцбургъ, чтобы его повидать. Повидимому, онъ начинаетъ чувствовать себя одинокимъ.

Д-ръ Рейманъ. Почему-же и не навѣстить молодого друга, проѣзжая случайно городъ, гдѣ онъ живетъ? Я въ этомъ ничего необыкновеннаго не вижу.

Фрау Веграть. Быть можетъ, вы и правы. Быть можетъ, раньше я точно такъ же взглянула-бы на это. Но теперь, въ виду... Нѣтъ, нѣтъ, я не желаю вдаваться въ паѳосъ.

Д-ръ Рейманъ. Я противъ паѳоса ничего не имѣю... Я возражаю только на нелѣпости...

Фрау Веграть *(улыбаясь)*. Благодарю васъ... Но я не могу не думать, не взвѣшивать... Не осуждайте меня, дорогой другъ. Вы, вѣдь, знаете, я для того только разсказывала вамъ все, чтобы имѣть возможность говорить съ умнымъ добрымъ человѣкомъ о прошедшемъ—а не за тѣмъ, чтобы получить отпущеніе грѣховъ.

Д-ръ Рейманъ. Сдѣлать кого-нибудь счастливымъ труднѣе и достойнѣе, чѣмъ быть безгрѣшнымъ. И такъ какъ вамъ это удалось, то вы, слѣдовательно, поступили хорошо.. чего же еще?

Фрау Веграть. И это вы говорите?

Д-ръ Рейманъ. Почему-же мнѣ не говорить?...

Фрау Веграть. Какъ будто я не понимаю, что вы всѣхъ насъ одинаково презираете—и обманывающихъ и обманутыхъ.

Д-ръ Рейманъ. Я презираю?... Но то, что вы называете презрѣніемъ—если-бы вы и не ошибались—было-бы только замаскированной завистью,—или вы думаете, что у меня нѣтъ желанія жить такъ, какъ другіе живутъ? У меня нѣтъ только для этого таланта. По совѣсти говоря, мое завѣтнѣйшее желаніе:—быть подлецомъ, негодяемъ, который лицемѣритъ, соблазняетъ, издѣвается, шагаетъ по трупамъ...—Но за отсутствіемъ темперамента я обреченъ на званіе порядочнаго человѣка и на муку слышать отъ всѣхъ, что я... порядочный человѣкъ.

Фрау Веграть *(слушаетъ его съ улыбкой)*. А причина, побудившая васъ остаться въ Вѣнѣ, та-ли, о которой вы говорили... докторъ...

Д-ръ Рейманъ. Конечно. Другой причины нѣтъ и не можетъ быть. Не будемъ больше говорить объ этомъ.

Фрау Веграть. Развѣ наша дружба не даетъ мнѣ права говорить съ вами обо всемъ? Я васъ понимаю, докторъ.

Но я думаю, что вы могли-бы разсѣять разныя фантазіи и грезы дѣвичьей души... Для меня большой отрадой было-бы сознаніе, что я оставляю васъ здѣсь, среди этихъ людей, которые мнѣ такъ близки и ничего другъ о другѣ не знаютъ, едва сознаютъ взаимныя отношенія и какъ-будто обречены на то, чтобы разсѣяться по свѣту...

Д-ръ Рейманъ. Теперь не время объ этомъ говорить...

Фрау Веграть. Я ни въ чемъ не раскаиваюсь. Мнѣ кажется, я никогда ни въ чемъ не раскаивалась. Но я чувствую, что что-то... не въ порядкѣ. Быть можетъ, меня взволновалъ необычный блескъ въ глазахъ Феликса... Не развѣ не странно, не тяжело думать: онъ будетъ жить и никогда не узнаетъ, кому онъ обязанъ жизнью?

Д-ръ Рейманъ. Это слова, общія слова. А они только затемняютъ смыслъ самыхъ простыхъ и ясныхъ вещей... Я съ своей стороны думаю, что ложь, сумѣвшая создать миръ цѣлой семьи, важнѣй и дороже правды, которая могла-бы только разрушить образъ прошедшаго, осквернить настоящее и смѣшать планы и надежды на будущее... *(Уходятъ.)*

Явленіе седьмое.

Іоганна и Сала.

Іоганна. Вотъ такъ мы всегда приходимъ на тѣ-же мѣста, откуда ушли... Вашъ садъ, вѣроятно, больше?

Сала. Мой садъ—цѣлый лѣсъ—для людей, фантазію которыхъ не смущаетъ тонкая рѣшетка.

Іоганна. Ваша вилла теперь очень красива.

Сала. Развѣ вы видѣли ее?

Іоганна. Да, недавно... Въ послѣдній разъ я видѣла ее три года тому назадъ.

Сала. Но три года тому назадъ она даже не строилась еще...

Іоганна. Для меня она тогда уже существовала.

Сала. Какъ загадочно...

Іоганна. Ничуть. Вспомните только... Мы однажды совершили прогулку въ Дорнбахъ,—родители, Феликсъ и я. Мы встрѣтили васъ съ Фихтнеромъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ вашъ домъ. И вилла теперь точно такъ и выглядитъ, какъ вы тогда рисовали ее...

Сала. Какъ вы попали туда?

Іоганна. Я часто гуляю теперь одна, съ тѣхъ поръ, какъ мама больна.

Сала. А когда вы проходили мимо моего дома?

Іоганна. Недавно... сегодня

Сала. Сегодня?

Іоганна. Да. Я обошла кругомъ.

Сала. Кругомъ? И вы не замѣтили маленькую калитку, которая ведетъ прямо въ лѣсъ?

Іоганна. Да. Но съ той стороны домъ почти не виденъ. Его деревья закрываютъ. Гдѣ-же у васъ стоятъ бюсты римскихъ императоровъ?

Сала. Они стоятъ на колоннахъ вдоль аллеи. Тутъ-же стоитъ небольшая мраморная скамья, а передъ скамьей— небольшой прудъ...

Іоганна (*качаетъ головой*). Какъ вы говорили тогда... И вода отливаетъ зеленовато-сѣрымъ блескомъ... и по утрамъ въ ней дрожатъ тѣни буковыхъ деревьевъ... я знаю... (*Она смотритъ на него и улыбается. Оба уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ квартирѣ Юліана Фихтнера. Уютная, изящная комната; нѣкоторый безпорядокъ. Большіе книжные шкафы. На двухъ стульяхъ кипы книгъ, на другомъ раскрытый дорожный сакъ. Юліанъ, стоя передъ столомъ, перебираетъ бумаги въ ящикахъ, разрываетъ нѣкоторыя и бросаетъ ихъ въ корзину.

Явленіе первое.

Юліанъ, слуга, потомъ Сала.

Слуга (*докладываетъ.*) Фонъ-Сала. (*Уходитъ.*)

Сала. (*Въ теченіе всей сцены Сала по свойственной ему привычкѣ, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Присаживается на мгновеніе, или останавливается передъ Юліаномъ и говоритъ съ нимъ, положивъ руку на его плечо. Раза два, три быстро прижимаетъ руку къ сердцу, словно чувствуетъ тамъ боль.*)

Юліанъ. Очень радъ. (*Пожимаютъ руки другъ другу.*)

Сала. Сегодя утромъ пріѣхали?

Юліанъ. Да.

Сала. И остаетесь?

Юліанъ. Это еще неизвѣстно. Какъ видите, и квартира не убрана. И врядъ-ли даже будетъ приводиться въ порядокъ. Я намѣренъ ее оставить.

Сала. Жаль; я такъ привыкъ къ ней. Куда-же вы переѣдете?

Юліанъ. Возможно, что я пока вовсе квартирой обзаводиться не стану. Быть можетъ, опять скитаться буду, какъ въ послѣдніе годы. Я намѣренъ даже пустить въ аукціонную продажу свою обстановку.

Сала. Ничуть не симпатичная мнѣ мысль.

Юліанъ. Мнѣ тоже. Но теперь выступаетъ и мате-

ріальный вопросъ. Я сильно поисдержался въ послѣдніе годы. Надо возстановить равновѣсіе. Позднѣе я, вѣроятно, опять устроюсь. Раньше или позже—надо-же успокоиться и приняться за работу... Ну, какъ вы поживаете? Что подѣлываютъ наши друзья и знакомые?

Сала. Развѣ вы никого еще не видѣли?

Юліанъ. Никого. Я только васъ извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ.

Сала. И у Вегратовъ не были еще?

Юліанъ. Нѣтъ. Я не рѣшаюсь даже пойти къ нимъ.

Сала. Почему?..

Юліанъ. Въ извѣстномъ возрастѣ не слѣдуетъ посѣщать мѣста, гдѣ проведены молодые годы. Предметы, люди мѣняются. Все не то уже. Не правда-ли?.. Фр [illegible] вѣроятно, очень измѣнилась за время своей болѣзни. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ Феликсъ. Я предпочелъ-бы не встрѣчаться съ нею болѣе. Вы должны это понимать, Сала.

Сала (*съ оттѣнкомъ холоднаго удивленія*). Конечно, конечно... понимаю... Вы давно уже не получали извѣстій изъ Вѣны?

Юліанъ. Моя корреспонденція все догоняетъ меня. Я уже недѣли двѣ никакихъ писемъ не получалъ. (*Тревожно.*) А что случилось?

Сала. Фрау Веграть недѣлю тому назадъ умерла.

Юліанъ. О! (*Онъ потрясенъ, молча шагаетъ по комнатѣ, потомъ садится въ кресло. Пауза.*) Этого надо было ждать... и все-же...

Сала. Она умерла тихой безболѣзненной смертью—какъ это обыкновенно доподлинно извѣстно бываетъ другимъ. Какъ-бы тамъ ни было, она спокойно уснула вечеромъ и больше не проснулась.

Юліанъ (*очень тихо*). Бѣдная Габріэла! Вы видали ее въ послѣднее время?

Сала. Да, я почти ежедневно бывалъ тамъ.

Юліанъ. Да?

Сала. Іоганна звала меня... Она боялась оставаться одна съ матерью.

Юліанъ. Боялась?

Сала. Больная прямо наводила на нее ужасъ. Она теперь даже покойнѣе какъ-будто.

Юліанъ. Странное существо... А другъ нашъ, профессоръ, какъ переноситъ потерю... Съ полнымъ смиреніемъ, да?

Сала. Дорогой Юліанъ, это человѣкъ съ призваніемъ...

Мнѣ кажется, что намъ даже этого не понять. Мы съ вами по волѣ мгновенія бываемъ богами, а порою чѣмъ-то пониже людей...

Юліанъ. Феликсъ, конечно, еще здѣсь?

Сала. Я часъ тому назадъ видѣлъ его и сообщилъ ему, что вы пріѣхали. Онъ очень радъ былъ, что вы навѣстили его въ Зальцбургѣ.

Юліанъ. Кажется, да. И мнѣ очень пріятно было его видѣть. Я думаю поселиться въ Зальцбургѣ.

Сала. Навсегда?

Юліанъ. На время. Ради Феликса. На меня такъ отрадно дѣйствуетъ его молодость, я самъ молодѣю при немъ. Если-бы онъ не былъ мой сынъ, я, быть можетъ, завидовалъ-бы ему—и не одной его молодости. *(Съ улыбкой.)* Но сына мнѣ остается только любить. Тяжело и унизительно, что я могу его любить, такъ сказать, лишь инкогнито.

Сала. Не запоздали-ли нѣсколько ваши чувства?

Юліанъ. Они явились раньше, чѣмъ я это зналъ... И притомъ вы, вѣдь, знаете,—я впервые увидѣлъ мальчика когда ему было уже лѣтъ десять или одиннадцать, и тогда лишь узналъ, что онъ мой сынъ.

Сала. А, должно быть, интересная встрѣча была между вами и фрау Вегратъ десять лѣтъ спустя послѣ вашей коварной измѣны—какъ говорили наши дѣды.

Юліанъ. Нѣтъ, ничего особеннаго... Все обошлось совершенно просто... Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Парижа я случайно встрѣтилъ Веграта на улицѣ, и встрѣтились мы, какъ старые друзья... Есть люди, самой судьбой обреченные на такія роли... А что касается Габріелы...

Сала. Она простила вамъ?

Юліанъ. Простила-ли?.. Не знаю. Мы одинъ только разъ говорили о прошедшемъ—она безъ упрека, я безъ раскаянія, точно это касалось постороннихъ людей. И никогда больше къ этому разговору не возвращались. Мнѣ даже казалось, что прошедшее какимъ-то чудомъ совершенно погасло въ ея памяти. И, въ сущности, между этой тихой женщиной и существомъ, которое я когда-то любилъ, не было ничего общаго. А мальчика—какъ вамъ извѣстно—я любилъ вначалѣ такъ же, какъ могъ-бы любить всякаго другого красиваго милаго ребенка... Но десять лѣтъ тому назадъ я былъ другой. Тогда у меня была еще почва подъ ногами. Она ускользнула. Съ каждымъ годомъ меня все больше тянуло въ домъ Вегратовъ, пока я совершенно къ нему не привыкъ.

Сала. Надѣюсь, вы не досадовали на меня за то, что я разгадалъ ваши отношенія къ дому Вегратовъ?

Юліанъ. Вы, кажется, не одобряли моей привязанности...

Сала. Отчего-же? И я нахожу, что въ семейной жизни есть что-то очень милое.... но когда оно происходитъ въ собственной семьѣ.

Юліанъ. Вы знаете, какъ меня тяготила ненормальность этихъ отношеній. Это было и одной изъ причинъ, заставившихъ меня уѣхать. Конечно, были и другія. Главнымъ образомъ, то, что мнѣ съ работами моими не везло.

Сала. Но, вѣдь, вы и до того нѣсколько лѣтъ ничего не выставляли.

Юліанъ. Дѣло не въ томъ, выставлялъ-ли я или нѣтъ. Настроенія для работы не было, и я надѣялся, что путешествіе поможетъ мнѣ, какъ въ прежніе годы.

Сала. Ну... какъ-же вамъ жилось? Я ничего почти про васъ не знаю. Вы могли-бы чаще и подробнѣе писать мнѣ. Вы знаете, вѣдь, что вы мнѣ ближе всѣхъ другихъ моихъ знакомыхъ. Мы съ вами такъ ловко подаемъ другъ другу реплики. Не правда-ли? Есть люди, которые такія отношенія называютъ дружбой. А, впрочемъ, возможно, что въ прошедшемъ столѣтіи мы говорили бы другъ другу „ты“, и вы, пожалуй, даже выплакали бы свою скорбь на моей груди. Мнѣ васъ часто недоставало въ эти годы, право... Я почти всегда вспоминалъ на одинокихъ прогулкахъ наши разговоры въ дорнбаховскомъ паркѣ и какъ мы отъ „глубочайшихъ и высочайшихъ вопросовъ“ камня на камнѣ не оставляли... Ну, разсказывайте, откуда вы сейчасъ?

Юліанъ. Изъ Тироля.—Я нынче лѣтомъ дѣлалъ большія прогулки пѣшкомъ. Даже по горамъ лазилъ на старости лѣтъ. Съ недѣлю прожилъ на какомъ-то горномъ пастбищѣ... Да, я многое продѣлалъ. За что только не хватаешься въ одиночествѣ.

Сала. Въ одиночествѣ? Въ самомъ дѣлѣ?

Юліанъ. Да... если не считать нѣсколько незначительныхъ перерывовъ.

Сала. Но, вѣдь, горю одиночества можно было помочь.

Юліанъ. Я знаю... Но то, что мнѣ еще доступно,—меня не прельщаетъ. Я слишкомъ избалованъ. Моя жизнь до извѣстнаго времени прошла въ угарѣ увлеченій и страстей. А это уже приходитъ къ концу... Ахъ, Сала, къ какимъ жалкимъ хитростямъ и уловкамъ мнѣ приходилось прибѣгать въ послѣдніе годы. Мнѣ претитъ, когда я вспоминаю объ этомъ,

а когда я думаю о будущемъ, я застываю отъ ужаса. И я спрашиваю себя: неужели отъ всего этого огня, который во мнѣ горѣлъ, останется только безсильная злоба на то, что онъ погасъ и что *я*, я такъ-же подверженъ человѣческимъ законамъ, какъ и всякій другой.

Сала. Ну, ну, зачѣмъ такъ отчаиваться? Вѣдь, если нѣкоторыя наслажденія молодости потеряли цѣну или надоѣли, то, вѣдь, не всѣ-же еще радости на землѣ исчерпаны. И вы, вы, Юліанъ, этого не понимаете?

Юліанъ. Отнимите у актера его роль и спросите его, тѣшатъ-ли его красивыя кулисы, среди которыхъ онъ остался.

Сала. Но, вѣдь, въ послѣднее время вы что то написали, кажется.

Юліанъ. Почти что ничего.

Сала. Феликсъ разсказывалъ, что вы показали ему пару этюдовъ.

Юліанъ. Онъ говорилъ объ этомъ?

Сала. Да, и восхищался.

Юліанъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Сала. И разъ вы ихъ показывали ему, очевидно, вы довольны ими.

Юліанъ. Я не потому показалъ ихъ ему... *(Ходитъ по комнатѣ.)* И я скажу вамъ правду—хотя рискую, что вы отнынѣ будете считать меня совершеннымъ дуракомъ.

Сала. Совершеннымъ или несовершеннымъ—не все-ли равно... Говорите...

Юліанъ. Я-бы хотѣлъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, онъ не переставалъ вѣрить въ меня. Вы это понимаете? Онъ мнѣ теперь дороже всѣхъ. Я знаю, что для всѣхъ, и даже для васъ, я—погибшій человѣкъ, талантъ котораго погасъ съ его молодостью. И это меня нисколько не печалитъ. Но въ глазахъ Феликса я хочу быть тѣмъ, чѣмъ я былъ, и чѣмъ остался до сихъ поръ. Когда онъ узнаетъ, что я его отецъ, онъ долженъ гордиться этимъ.

Сала. Когда онъ узнаетъ?...

Юліанъ. Я не намѣренъ всю жизнь хранить отъ него эту тайну. Особенно теперь, когда мать его умерла. Когда я въ послѣдній разъ говорилъ съ нимъ, мнѣ ясно стало, что я не только въ правѣ, но даже обязанъ сказать ему правду. Онъ—чуткій, вдумчивый юноша. Онъ все пойметъ. И у меня будетъ близкій родной человѣкъ, который будетъ знать, какъ онъ мнѣ дорогъ, для котораго стоитъ жить, работать. Я буду жить вблизи него, буду проводить съ нимъ свободные часы. Я опять стану на твердую почву, опять сталъ бы

работать, какъ въ прежнее время, въ молодости. Я буду работать—да, и вы убѣдитесь, что вы всѣ ошибались, всѣ!

Сала. Но кто же въ васъ сомнѣвается? Если бы вы только послушали, что мы недавно говорили о васъ! Всѣ ждутъ и знаютъ, что раньше или позже вы еще покажете свои силы...

Юліанъ. Ахъ, довольно обо мнѣ, довольно... простите... Давайте говорить о васъ.... Вы живете уже въ своемъ новомъ домѣ?

Сала. Да.

Юліанъ. А какіе у васъ ближайшіе планы?

Сала. Я уѣзжаю съ графомъ Ронскимъ въ Азію.

Юліанъ. Съ Ронскимъ? Вы примкнули къ этой экспедиціи, о которой пишутъ?

Сала. Да. Меня давно уже прельщаетъ такое предпріятіе. Вы читали сообщеніе Рольстона о бактрическихъ раскопкахъ 92-го года?

Юліанъ. Нѣтъ.

Сала. Это удивительно интересно. Подумайте только, подъ мусоромъ и щебнемъ предполагается огромный городъ, такой приблизительно, какъ современный Лондонъ. Они откопали тогда какой-то дворецъ и нашли въ немъ прелестную живопись. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ она вполнѣ сохранилась. И лѣстницу они откопали изъ чудеснаго, невиданнаго мрамора, добытаго, быть можетъ, съ какого нибудь острова, давно уже затонувшаго. Триста двѣнадцать ступеней, блестящихъ, какъ опалъ, ведущихъ куда-то, въ неизвѣстную глубину, неизвѣстную потому, что на триста двѣнадцатой ступени они перестали копать—Богъ знаетъ, почему! Сказать вамъ не могу, какъ меня интересуютъ эти ступени!

Юліанъ. Но, вѣдь, писали, помнится, что рольстонская экспедиція погибла?

Сала. Ну нѣтъ, не всѣ погибли—изъ двадцати четырехъ европейцевъ восемь вернулись три года спустя, а человѣкъ шесть погибло по дорогѣ въ Азію. Тамъ свирѣпствуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страшныя лихорадки. Затѣмъ на нихъ напали курды и убили нѣсколько человѣкъ. Но наша экспедиція несравненно лучше снаряжена. Кромѣ того, къ намъ примкнетъ на границѣ русскій отрядъ, который ѣдетъ подъ прикрытіемъ военнаго конвоя. А что касается лихорадки, то я ея не боюсь... она ко мнѣ не пристанетъ. Я провелъ въ молодости въ римскихъ термахъ,—вы знаете, какая это болотистая мѣстность,—много опасныхъ лѣтнихъ ночей и остался живъ, здоровъ.

Юліанъ. Это ничего еще не доказываетъ.

Сала. Все-же... Я познакомился тамъ съ одной римлянкой. Она жила на Via-Appia. Она вотъ заболѣла и умерла... Конечно, я теперь уже не такъ молодъ, какъ тогда... Но я еще чувствую себя совершенно бодрымъ.

Юліанъ (*закуриваетъ и предлагаетъ папиросы*). Вы курите?

Сала. Благодарю. Мнѣ собственно нельзя... Докторъ Рейманъ вчера только запретилъ мнѣ. Ничего серьезнаго— сердце немного не въ порядкѣ... Ну да отъ одной хуже не станетъ.

Явленіе второе.

Юліанъ, Сала, слуга, потомъ Ирена Гермсъ.

Слуга. Фрейлейнъ Гермсъ спрашиваетъ, можно-ли васъ видѣть?

Юліанъ. Конечно, проси.

Слуга (*уходитъ*).

Ирена Гермсъ (*лѣтъ 43, очень моложава, просто, со вкусомъ одѣта. Живыя, порою совсѣмъ молодыя движенія. Каштановые пышные волосы, веселые, добрые глаза, быстро затуманивающіеся слезой. Входитъ, улыбаясь, кланяется Сала и съ счастливымъ лицомъ протягиваетъ руку Юліану. Радостно, сердечно*): Здравствуй! Ну?... Какое счастье, что я осталась еще въ Вѣнѣ на нѣсколько дней. Вотъ и увидѣла его опять! (*Обращаясь къ Сала.*) Знаете, сколько мы съ нимъ не видѣлись?

Юліанъ. Около трехъ лѣтъ.

Ирена (*теперь только выпуская его руку*). Этого еще ни разу не бывало... твоему послѣднему письму тоже два мѣсяца уже минуло. Я говорю „письмо", чтобы не срамить себя, но это было только открытка съ какимъ то видомъ. Гдѣ-же ты все время шатался?

Юліанъ. Первымъ дѣломъ, присядь... ты все это узнаешь. И сними шляпу. Ты, вѣдь, посидишь у меня немного?

Ирена. Конечно... Но какой у тебя чудесный видъ! (*Къ Сала.*) Красивъ, а? Я всегда знала, что онъ будетъ интересенъ съ сѣдой бородой.

Сала. Теперь вы услышите исключительно пріятныя вещи. Я, къ сожалѣнію, долженъ уйти.

Ирена. Надѣюсь, я вамъ не помѣшала?

Сала. Помилуйте, фрейлейнъ Гермсъ!

Ирена. Вы, вѣроятно, идете къ Веґратамъ? Какое несчастье, Юліанъ? Это ужасно!... Кланяйтесь имъ тамъ.

Сала. Я сейчасъ не туда иду, я пойду домой.

Ирена. Домой? И вы говорите это такъ просто? Вѣдь, вы теперь живете въ замкѣ?

Сала. Нѣтъ, это далеко не замокъ—скромная дача. И вы доставите мнѣ большое удовольствіе, если пріѣдете лично убѣдиться въ этомъ. Вотъ садъ у меня дѣйствительно хорошъ.

Ирена. И фруктовыя деревья есть, и овощи?

Сала. Въ этомъ отношеніи могу только похвастать кочаномъ капусты и дикой грушей.

Ирена. Если время позволитъ, непремѣнно пріѣду посмотрѣть вашу виллу.

Юліанъ. Развѣ ты скоро уѣзжаешь?

Ирена. Ну да... Мнѣ надо домой,—я сегодня только утромъ получила письмо отъ моего маленькаго племянника: онъ скучаетъ обо мнѣ. Пятилѣтній пузырь и тоже скучаетъ... Какъ это вамъ нравится?

Сала. Вѣроятно, и васъ уже тянетъ обратно?

Ирена. Дѣло не въ томъ. Но я начинаю привыкать къ Вѣнѣ. У меня здѣсь на каждомъ шагу дорогія воспоминанія... Представь себѣ, гдѣ я была вчера, Юліанъ? Въ квартирѣ, гдѣ я жила еще маленькой дѣвочкой,—проникнуть туда было дѣломъ не легкимъ,—тамъ живутъ теперь чужіе люди. Но я все таки была во всѣхъ комнатахъ.

Сала (*съ любезной ироніей*). Какъ-же вы это устроили, фрейлейнъ Гермсъ?

Ирена. А я вошла подъ предлогомъ посмотрѣть комнату... Мнѣ показалось будто-бы, что у нихъ сдается комната—для одинокой пожилой дамы. Но я вдругъ такъ разревѣлась, что они, должно быть, приняли меня за полоумную. И тогда я имъ сказала, зачѣмъ я собственно пришла. Тамъ живетъ теперь почтовый чиновникъ съ женой и двумя дѣтьми,—одинъ изъ нихъ—премилый мальчуганъ—игралъ въ желѣзную дорогу съ заводнымъ паровозомъ... и паровозъ перескочилъ черезъ мою ногу... Но это васъ, вѣроятно, мало интересуетъ, ф.-Сала?

Сала. На самомъ интересномъ мѣстѣ прервали! Я съ удовольствіемъ дослушалъ-бы до конца. Но, къ сожалѣнію, я долженъ уйти. До свиданья, Юліанъ, я буду васъ ждать, фрейлейнъ Гермсъ. (*Уходитъ.*)

Явленіе третье.

Юліанъ, Ирена.

Ирена. Слава Богу!

Юліанъ (*улыбаясь*). Ты все еще не долюбливаешь его?

Ирена. Не долюбливаю?.. Я его ненавижу! Это только ты, при твоей безконечной добротѣ можешь его терпѣть. Это твой злѣйшій врагъ,

Юліанъ. Чего ты только не скажешь!..

Ирена. Да, вѣдь, это чувствуется, этого нельзя не чувствовать.

Юліанъ. Ты до сихъ поръ не можешь безпристрастно отнестись къ нему.

Ирена. Почему?

Юліанъ. Очевидно, ты не можешь простить ему, что не имѣла успѣха въ его пьесѣ десять лѣтъ тому назадъ.

Ирена. Двѣнадцать... И я въ этомъ не была виновата. Потому что его, съ позволенія сказать, произведенія, по моему, безсмыслица. И это не мое только мнѣніе... Но ты его не знаешь. Чтобы оцѣнить этого господина во всемъ его великолѣпіи, надо его видѣть на репетиціяхъ. (*Копируя Сала.*) Фрейлейнъ, это стихи... стихи, фрейлейнъ... Надо это слышать, чтобы понять, сколько возмутительнаго самомнѣнія въ этомъ человѣкѣ. Впрочемъ, кто-же не знаетъ, что онъ убилъ свою жену!

Юліанъ (*смѣясь*). Ну, послушай, какъ тебѣ могла притти въ голову такая дикая мысль!

Ирена. Да, вѣдь, не умираютъ-же люди ни съ того, ни съ сего въ двадцать пять лѣтъ.

Юліанъ. Ирена, надѣюсь, ты другимъ не разсказываешь такихъ нелѣпостей?

Ирена. И надобности нѣтъ разсказывать. Всѣ это знаютъ, кромѣ тебя. И я, съ своей стороны, никакого основанія не имѣю щадить человѣка, который въ теченіе двадцати лѣтъ преслѣдуетъ тебя своими насмѣшками.

Юліанъ. Но ты все таки поѣдешь къ нему?

Ирена. Поѣду. Я очень люблю красивыя виллы. А его вилла, должно быть, очаровательна. И, наконецъ, если-бы мы бывали только у людей...

Юліанъ. Которые никого не убивали.

Ирена. Однако, довольно о немъ говорить — слишкомъ много чести для него. Ну, Юліанъ? Какъ поживаешь? Почему ты такъ рѣдко мнѣ писалъ? Или ты не могъ?

Юліанъ. Не могъ?..

Ирена. Тебѣ, быть можетъ... запрещали...

Юліанъ. Ахъ, да... Мнѣ никто ничего не запрещаетъ.

Ирена. Въ самомъ дѣлѣ? Ты... свободенъ?

Юліанъ. Да.

Ирена. Это меня радуетъ... Ничего съ собой подѣлать не могу—это меня радуетъ. Хотя это глупо, конечно,—не сегодня-завтра опять что-нибудь новое завяжется.

Юліанъ. Прошли уже времена.

Ирена. Если-бы это было такъ!.. А нельзя-ли у тебя чайку напиться?

Юліанъ. Конечно. Вотъ, займись.

Ирена. Гдѣ-же? Ахъ, да... здѣсь! А чай?.. Я знаю (*Открываетъ шкафъ, достаетъ отуда чайный приборъ и готовитъ чай.)*

Юліанъ. Ты въ самомъ дѣлѣ не больше двухъ дней пробудешь здѣсь?

Ирена. Нѣтъ не больше—я всѣ покупки уже сдѣлала.. Представь себѣ, въ деревнѣ, у моей сестры даже туалетовъ никакихъ не надо.

Юліанъ. Ну разсказывай, какъ тебѣ тамъ живется?

Ирена. Чудесно! Ахъ, ничего не слышать про таатръ—это одно какое блаженство!

Юліанъ. Но, вѣдь раньше, или позже ты вернешься на сцену.

Ирена. Глубоко ошибаешься. Зачѣмъ? Подумай только, вѣдь, у меня теперь есть все, чего я желала: свѣжій воздухъ, лѣсъ вблизи. Я ѣзжу верхомъ, сижу по утрамъ въ капотѣ въ огромномъ паркѣ, гдѣ никого больше нѣтъ... а главное: ни людей, ни директора, ни публики, ни товарищей, ни авторовъ—хотя они не всѣ такіе несносные, какъ обожаемый тобою Сала. Я живу въ деревнѣ, въ прелестной усадьбѣ, можно сказать, даже въ замкѣ, у меня есть паркъ и верховая лошадь, и капотовъ, сколько душѣ моей угодно. Правда, все это не мое—кромѣ капотовъ, конечно, но это безразлично. Къ тому же, я живу у лучшихъ людей, какіе только существуютъ на свѣтѣ. Потому что зять мой—великолѣпный человѣкъ, если хочешь, даже лучше Лори.

Юліанъ. Кажется, онъ когда-то ухаживалъ за тобой?

Ирена. Еще какъ! Хотѣлъ во что бы то ни стало жениться на мнѣ. Какъ-же!—Раньше они всѣ въ меня влюблены... были, были, хочу я сказать. Но наиболѣе благоразумные большей частью переходили къ Лори. Я оттого и сомнѣвалась въ твоемъ умѣ, что ты никогда не былъ влюб-

ленъ въ Лори. А насколько она лучше меня, ты знаешь, — объ этомъ и говорить нечего. Чѣмъ только я не обязана ей! Если-бы не Лори!.. И вотъ я у нихъ живу уже полгода.

Юліанъ. Вопросъ только въ томъ, долго-ли ты тамъ уживешься?

Ирена. Долго-ли? Ну, Юліанъ, посуди самъ, что можетъ побудить меня покинуть этотъ рай и вернуться въ болото, гдѣ я провела (*тише*) двадцать пять лѣтъ? И что, наконецъ, можетъ еще дать мнѣ сцена? На пожилыя роли я не гожусь. Не имѣю никакого желанія изображать ни благородныхъ матерей, ни злостныхъ кокетокъ, ни комическихъ старухъ... Я умру уже въ нашемъ замкѣ старой дѣвой и, если все будетъ обстоять благополучно, я черезъ сто лѣтъ явлюсь правнукамъ моей сестры въ образѣ бѣлой дамы. Словомъ, у меня впереди счастливѣйшая жизнь. Чему ты смѣешься?

Юліанъ. Я радъ видѣть тебя такой веселой, молодой...

Ирена. Это деревенскій воздухъ такъ дѣйствуетъ. Надо бы и тебѣ испытать это, на продолжительное, конечно, время. Вообще, я проморгала свое призваніе. Я, навѣрно, создана для того, чтобы быть коровницей или пастушкой. Или, быть можетъ, пастушкомъ?.. Я всегда имѣла успѣхъ въ мужскихъ роляхъ. Да... налить тебѣ еще? (*Наливаетъ.*) Нѣтъ-ли чего-нибудь къ чаю?

Юліанъ. Кажется, въ сакѣ осталось еще немного печенья. (*Достаетъ изъ сака небольшой пакетикъ.*)

Ирена. Благодарю... Очень вкусно.

Юліанъ. Но это у тебя, кажется, совсѣмъ новое увлеченіе?

Ирена. Печенье?

Юліанъ. Нѣтъ. Природа.

Ирена. Что-ты? Я всегда безгранично любила природу. Ты забылъ наши прогулки? Помнишь, какъ мы въ одинъ жаркій лѣтній день уснули въ лѣсу? А помнишь образъ Богоматери на холмѣ, гдѣ насъ настигла гроза. Ахъ, Господи! Природа—не пустая мечта! Позднѣе, когда наступило для меня тяжелое время, когда я хотѣла, дура, покончить съ собой изъ-за тебя... тогда природа была моимъ спасеніемъ. Право, Юліанъ. Я могла-бы тебѣ еще показать мѣсто, гдѣ я бросилась на траву и плакала. Это въ десяти минутахъ отъ вокзала, за аллеей акацій, подлѣ ручья. Да, я бросилась на траву, и плакала, и ревѣла. Это было въ тотъ день, когда ты не пустилъ меня къ себѣ.

Ну, и когда я полежала съ полчаса и хорошенько выплакалась, я опять вскочила на ноги и стала бѣгать по лугу, какъ ребенокъ. Я вытерла слезы и мнѣ опять стало легко. (*Пауза.*) Правда, на другой день я опять была у твоихъ дверей и опять вопила—и все опять началось... (*Темнѣетъ.*)

Юліанъ. И ты все это еще помнишь?

Ирена. Какъ и ты. Ну и въ концѣ концовъ кто изъ насъ былъ глупъ? Кто? Скажи мнѣ по совѣсти? Кто?.. Ты былъ съ другой счастливѣе чѣмъ со мной? Другая любила тебя такъ, какъ я?.. Конечно, нѣтъ. А ту... ту глупую исторію ты, право же, могъ мнѣ простить. Это вовсе не имѣетъ такого значенія, какое вы, мужчины, придаете этому... конечно, когда это съ нами случается. (*Пьютъ чай.*)

Юліанъ. Зажечь лампу?

Ирена. Не надо. Такъ уютнѣе въ сумеркахъ.

Юліанъ. Ты говоришь „не имѣетъ такого значенія". Возможно. Но мириться съ этимъ нельзя. И если-бы даже мы примирились—все равно, того, что было, не могло уже быть. Лучше ужъ такъ. Когда прошлое зажило, мы стали наилучшими друзьями, а, вѣдь, и это тоже хорошо.

Ирена. Да. Теперь я вполнѣ довольна. Но тогда!.. О, Боже, что я тогда перенесла! Ты, вѣдь, ничего не знаешь. Я тогда только, въ сущности, полюбила тебя... когда я потеряла тебя благодаря своему глупому легкомыслію. Да, тогда лишь я поняла, какъ ты мнѣ дорогъ. И что я потомъ пережила! Нѣтъ, нѣтъ, мужчина не въ силахъ это понять...

Юліанъ. Повѣрь мнѣ, Ирена. Я это отлично понимаю.

Ирена. А, впрочемъ, мы только понесли съ тобою, Юліанъ, заслуженную кару.

Юліанъ. Мы оба?

Ирена. Да. Я давно это поняла. Заслуженную кару.

Юліанъ. Мы оба?

Ирена. Да. И ты.

Юліанъ. За что же?

Ирена. Мы ничего другого не заслужили.

Юліанъ. Не понимаю.

Ирена (*серьезно*). Юліанъ, ты, вѣдь, такъ уменъ. Какъ ты думаешь, если-бы это случилось тогда, я бы... я бы затѣяла такую игру, если-бы... у насъ... если-бы у насъ былъ ребенокъ? Скажи, Юліанъ, по совѣсти? Ни я, ни ты. Все было-бы иначе. Все... Мы-бы не разошлись, у насъ были-бы еще дѣти, мы поженились бы, жили-бы вмѣстѣ. И я не доживала-бы свой вѣкъ старой дѣвой, а ты...

Юліанъ. Старымъ холостякомъ.

Ирена. Да... А главное, у насъ былъ-бы ребенокъ. У меня былъ-бы ребенокъ. (*Пауза.*)

Юліанъ (*ходитъ по комнатѣ*). Къ чему это, Ирена? Къ чему перебирать давно забытое?...

Ирена. Забытое?

Юліанъ. Прошедшее.

Ирена. Да, прошедшее. Но тамъ, въ деревнѣ, времени много, невольно вспоминаешь то, другое... Что только не приходитъ въ голову... Особенно, когда видишь чужихъ дѣтей,—у Лори два мальчика... Какъ-то недавно у меня прямо какая-то галлюцинація была... Я гуляла въ полѣ, вечеркомъ. Я часто гуляю тамъ одна. Кругомъ... ни души. Вдали безмолвная деревушка. И я ухожу все дальше, дальше, къ лѣсу. И вдругъ—ты подлѣ меня. И мы оба ведемъ за руки маленькаго ребенка—и это нашъ ребенокъ. (*Раздражительно повышая голосъ, точно желая подавить этимъ рыданіе*). Это глупость, я, вѣдь, понимаю, что ребенокъ былъ-бы теперь двадцатитрехлѣтнимъ верзилой, былъ-бы, быть можетъ, шелопаемъ или пустой дѣвчонкой. Или давно уже умеръ-бы. Или шатался бы гдѣ нибудь по свѣту и намъ отъ него ни тепло, ни холодно не было-бы... да, да. Но когда нибудь онъ былъ-бы нашъ, когда-то онъ былъ-бы маленькимъ и мы-бы его любили. И.... (*Не въ состояніи говорить дальше. Молчаніе.*)

Юліанъ (*мягко*). Ирена, не разстраивай себя. Съ этимъ ты должна примириться. Ты другое испытала, лучшее—твоя жизнь была богаче всякой материнской жизни... Ты была артисткой.

Ирена. Скажите!..

Юліанъ. Большой знаменитой артисткой. Это что нибудь да значитъ. И ты пережила еще много прекраснаго послѣ меня—я, вѣдь, знаю.

Ирена. Что же это мнѣ дало? Что это для меня значитъ? Женщина, у которой нѣтъ ребенка, никогда не была женщиной. Но женщина, которая могла его имѣть, должна была имѣть и.... которая... не стала матерью... это... Ахъ! Но этого ни одинъ мужчина понять не можетъ, этого никто понять не можетъ. Лучшій изъ васъ—негодяй въ этомъ отношеніи. Развѣ знаетъ кто нибудь изъ васъ, сколько дѣтей вашихъ скитается по свѣту. Я, по крайней мѣрѣ, знаю, что у меня ихъ не было. А ты знаешь?

Юліанъ. А если бы я и зналъ...

Ирена. Какъ? Неужели у тебя есть ребенокъ? Говори-же, Юліанъ, говори. Гдѣ онъ? Сколько ему лѣтъ? Мальчикъ? Дѣвочка?

Юліанъ. Не спрашивай... Если у меня и есть дитя, то оно не мнѣ принадлежитъ.

Ирена. У него есть дитя! У него есть дитя! (*Пауза*) Почему-же оно не съ тобой?

Юліанъ. Ты, вѣдь, это сама сказала: лучшій изъ насъ негодяй въ этомъ отношеніи. А я не лучше другихъ.

Ирена. Почему ты его не берешь къ себѣ?

Юліанъ. Да какое мнѣ до него дѣло? Какое у меня право на него?... (*Пауза*). Не хочешь ли еще чаю?

Ирена. Благодарю, благодарю. Больше не хочу. (*Пауза.*) *Темнѣетъ*). У него есть дитя и я этого не знала.

Долгая пауза.

Явленіе четвертое.

Юліанъ, Ирена, слуга, потомъ Феликсъ.

Слуга (*входитъ*).

Юліанъ. Что нужно?

Слуга. Поручикъ Веграть спрашиваетъ: можете-ли вы принять его?

Юліанъ. Конечно. Проси.

Слуга (*зажигаетъ лампу и уходитъ*).

Ирена. Молодой Веграть?—Я полагала, что онъ уже уѣхалъ.—Бѣдный юноша, онъ былъ страшно убитъ.

Юліанъ. Воображаю.

Ирена. Ты навѣстилъ его въ Зальцбургѣ?

Юліанъ. Да, я пробылъ тамъ въ августѣ дня два.

Феликсъ (*въ штатскомъ платьѣ*). Здравствуйте.—Здравствуйте, фрейлейнъ Гермсъ.

Ирена. Здравствуйте.

Юліанъ. Мой дорогой Феликсъ... Я хотѣлъ быть у васъ.. еще сегодня вечеромъ. Какъ это хорошо... спасибо, что ты ко мнѣ пришелъ.

Феликсъ. Я послѣ завтра долженъ уѣхать. Я и не думалъ, что мнѣ удастся васъ повидать.

Юліанъ. А нельзя-ли отложить отъѣздъ? Я ничего, вѣдь, не зналъ—представь себѣ. Мнѣ Сала только часъ тому назадъ сообщилъ.

Ирена (*смотритъ то на одного, то на другого*).

Феликсъ. Этого мы не предвидѣли нынче лѣтомъ!

Юліанъ. Внезапно?..

Феликсъ. Да. И меня не было при ней. Я уѣхалъ поздно вечеромъ, а она въ ту же ночь умерла.

Ирена. На слѣдующее утро она уже не проснулась.

Феликсъ. Мы вамъ очень многимъ обязаны, фрейленъ Гермсъ.

Ирена. Что вы...

Феликсъ. Мама такъ оживлялась, когда вы бывали у нея, болтали съ ней, играли ей на рояли...

Ирена. О, моя игра!..

(*Бьютъ часы*).

Ирена. Какъ поздно! Надо итти!

Юліанъ. Куда вы торопитесь, фрейлейнъ Гермсъ?

Ирена. Я въ оперѣ сегодня. Хочу воспользоваться этими днями, что пробуду еще здѣсь.

Феликсъ. Вы еще заглянете къ намъ, фрейлейнъ Гермсъ?

Ирена. Конечно. Вы, вѣроятно, раньше меня уѣдете.

Феликсъ. Да. Мой отпускъ кончается...

Ирена (*какъ-бы мимоходомъ*). А вы давно уже офицеръ?

Феликсъ. Три года. Но на дѣйствительной службѣ я считаюсь только съ этого года. Я нѣсколько поздно началъ свою карьеру.

Ирена. Поздно? Почему?... Сколько вамъ лѣтъ?..

Феликсъ. Двадцать три года.

Ирена. Такъ. (*Пауза.*) Но... когда я васъ видѣла четыре года тому назадъ, еще вольноопредѣляющимся, я тогда подумала почему-то, что вы, вѣроятно, останетесь на военной службѣ. Помните Юліанъ? Я и вамъ говорила.

Юліанъ. Да...

Феликсъ. Это было лѣтомъ, когда вы въ послѣдній разъ были у насъ.

Ирена. Кажется.

Феликсъ. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ.

Ирена. Да! Это были чудесные дни! Не правда-ли, Юліанъ? Съ того вечера, въ садикѣ у Вегратовъ мы съ вами и не видѣлись больше. (*Смотритъ на Феликса и Юліана, Пауза*). Ну, мнѣ, однако, пора. До свиданья. Кланяйтесь вашимъ, Феликсъ. До свиданья, Юліанъ. (*Уходитъ. Юліанъ провожаетъ ее до дверей.*)

Явленіе пятое.

Феликсъ, Юліанъ.

Феликсъ. У васъ какъ будто перемѣна какая-то...

Юліанъ. Развѣ? И неужели ты могъ это замѣтить? Вѣдь, ты былъ здѣсь, кажется, всего раза два, три...

Феликсъ. Да. Но въ послѣдній разъ я былъ у васъ въ очень важный моментъ моей жизни. Я пришелъ совѣтоваться съ вами.

Юліанъ. Все устроилось такъ, какъ ты желалъ. И отецъ твой съ этимъ примирился.

Феликсъ. Да. Ему, конечно, пріятнѣе было-бы, если-бы я пошелъ по технической части. Но теперь онъ убѣдился, что и въ мундирѣ можно вести разумную жизнь—не дѣлать долговъ и не затѣвать дуэлей.

Юліанъ. Ну а что у васъ дома слышно?

Феликсъ. Дома?... Повѣрите, это слово почти потеряло для меня смыслъ.

Юліанъ. Отецъ опять принялся за работу?

Феликсъ. Да. Онъ два дня спустя уже опять сидѣлъ въ своей мастерской. Я ему удивляюсь. Я этого не понимаю даже... Я вамъ не мѣшаю? Вы хотѣли привести въ порядокъ свои бумаги?

Юліанъ. Это не къ спѣху. Въ порядокъ привести ихъ недолго. Я большинство сжигаю.

Феликсъ. Какъ?

Юліанъ. Да, вѣдь, это самое разумное. Вещи, на которыя едва приходится взглянуть, лучше всего сжигать.

Феликсъ. А вамъ не жаль такъ вотъ... уничтожать связь съ прошедшимъ?

Юліанъ. Жаль?.. Но, вѣдь, это неизбѣжно.

Феликсъ. Отчего же?.. Если-бы вы сожгли письмо, портретъ или какую-нибудь другую вещь тотчасъ по полученіи—тогда это было-бы еще понятно, но вещь, которая можетъ быть воспоминаніемъ о счастьи или страданіи, никогда не утрачиваетъ своего значенія. И особенно въ вашей жизни—такой тревожной, интересной... Развѣ вы сами не чувствуете порой нѣкотораго благоговѣнія передъ своимъ прошедшимъ.

Юліанъ. Какимъ образомъ ты въ твои годы пришелъ къ такимъ мыслямъ?

Феликсъ. Мнѣ это сейчасъ только пришло въ голову.

Юліанъ. Быть можетъ, ты и правъ. Но меня еще одна

причина побуждаетъ уничтожать, какъ ты говоришь, связь съ прошедшимъ... Я скоро стану, такъ сказать, бездомнымъ человѣкомъ?

Феликсъ. Какъ?

Юліанъ. Я оставляю эту квартиру, а гдѣ буду жить, не знаю еще. И я предпочитаю совсѣмъ уничтожить нѣкоторыя вещи, чѣмъ упаковать ихъ въ ящикахъ и отправить въ погребъ на сгніеніе.

Феликсъ. Но съ нѣкоторыми вещами вамъ, должно быть, жалко разставаться?

Юліанъ. Я не думалъ объ этомъ.

Феликсъ. И у васъ, вѣроятно, есть воспоминанія, которыя не только для васъ представляютъ какой-либо интересъ. Какіе-нибудь наброски, напримѣръ,—вы большинство, навѣрно, сохранили?

Юліанъ. Ты... про эти этюды, что я показывалъ тебѣ въ Зальцбургѣ?

Феликсъ. Я и о нихъ подумалъ.

Юліанъ. Они еще не распакованы; ты хотѣлъ-бы ихъ имѣть?

Феликсъ. Очень. Я буду вамъ очень благодаренъ. Они на меня произвели большое впечатлѣніе (*Пауза.*) Но у меня къ вамъ еще одна просьба—очень большая. Если вы позволите?..

Юліанъ. Говори, говори...

Феликсъ. У васъ долженъ быть портретъ моей матери, который вы рисовали съ нея, когда она была еще дѣвушкой. Это небольшая акварель...

Юліанъ. Да, вѣрно... я рисовалъ съ нея такой портретъ.

Феликсъ. Онъ сохранился у васъ?

Юліанъ. Кажется... Гдѣ-то онъ долженъ быть.

Феликсъ. Мнѣ-бы хотѣлось на него посмотрѣть.

Юліанъ. Твоя мать вспоминала объ этомъ портретѣ?

Феликсъ. Да. Она говорила о немъ въ послѣдній вечеръ, наканунѣ смерти. Я не предполагалъ тогда, что конецъ такъ близокъ, и она тоже. Мнѣ кажется теперь... страннымъ, что она какъ разъ въ этотъ вечеръ такъ много говорила о давно минувшихъ дняхъ.

Юліанъ. И объ этомъ маленькомъ портретѣ?

Феликсъ. Онъ вамъ очень удался?

Юліанъ (*вспоминая*). Куда я могъ его дѣть? Погоди... (*Подходитъ къ книжному шкафу, открываетъ широкія дверцы. Видны полки съ папками.*) Я рисовалъ его въ деревнѣ, въ маленькомъ домикѣ, гдѣ жилъ твой дѣдъ съ бабушкой.

Феликсъ. Я знаю.

Юліанъ. Но ты врядъ-ли помнишь стариковъ...

Феликсъ. Смутно. Это были простые хорошіе люди, не правда-ли?

Юліанъ. Да. (*Подходитъ къ столу съ большой папкой.*) Должно быть, здѣсь. (*Садится.*)

Феликсъ (*стоя за его кресломъ, смотритъ черезъ его плечо*).

Юліанъ. Вотъ это—домикъ, гдѣ жила твоя мать со стариками... (*Перелистываетъ дальше.*) А это—видъ на долину съ кладбища.

Феликсъ. Лѣто...

Юліанъ. Да. А это — небольшая деревенская гостиница, гдѣ мы жили съ твоимъ отцомъ... А это... (*Смотритъ безмолвно на листъ. Оба долго молчатъ.*)

Феликсъ (*беретъ листъ въ руки*). Сколько лѣтъ было тогда моей матери?

Юліанъ (*сидя въ креслѣ*). Восемнадцать.

Феликсъ (*отходитъ къ шкафу, чтобы видѣть оттуда портретъ въ лучшемъ освѣщеніи*). Вы его рисовали, стало быть, за годъ до ея замужества?

Юліанъ. Нѣтъ, въ томъ-же году. (*Пауза.*)

Феликсъ. Какой удивительный взглядъ... Эти губы улыбаются, онѣ чуть-ли не говорятъ...

Юліанъ. Что тебѣ разсказывала мать... въ этотъ послѣдній вечеръ?

Феликсъ. Не много. Но мнѣ кажется, что я узналъ больше, чѣмъ она разсказала мнѣ. Какъ это странно: вотъ такъ, какъ она смотритъ на меня съ этого портрета, она смотрѣла и на васъ. И мнѣ кажется, что въ этомъ взглядѣ есть какая-то робость, почти тревога... Такъ смотрятъ на людей, явившихся изъ другого міра, куда рвешься душой и котораго боишься.

Юліанъ. Твоя мать въ то время еще рѣдко выѣзжала изъ своей деревни.

Феликсъ. Она не похожа была на остальныхъ женщинъ, съ которыми вы встрѣчались потомъ... Не правда-ли? Почему вы молчите? Я не изъ тѣхъ, которые не понимаютъ, не желаютъ понять, что матери и сестры—тоже женщины,—я догадываюсь, что тогда грозила опасность и ей... и другому... (*Просто.*) Вы очень любили мою мать?

Юліанъ. Какой странный вопросъ... Да, я любилъ ее.

Феликсъ. И это были, вѣроятно, счастливые часы, когда вы сидѣли въ маленькомъ садикѣ, у зеленой изго-

роди, съ этимъ полотномъ на колѣняхъ, а противъ васъ, на свѣтлой лужайкѣ, среди бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, стояла эта молодая дѣвушка, съ соломенной шляпой въ рукахъ, съ робко-улыбающимися глазами...

Юліанъ. Мать говорила объ этихъ часахъ въ послѣдній вечеръ?

Феликсъ. Да.—Это, быть можетъ, ребячество, но съ той минуты я не могу думать, чтобы какое-нибудь существо было вамъ когда-либо дороже... этого...

Юліанъ (*съ возрастающимъ волненіемъ, но сдержанно*). Я тебѣ на это ничего не скажу. Я боюсь впасть въ искушеніе казаться лучше, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ. Ты знаешь, какую жизнь я велъ. Она никогда не шла прямой, ровной колеей, какъ жизнь другихъ. И я не былъ надѣленъ даромъ давать или принимать продолжительное счастье.

Феликсъ. Я это чувствую, я это всегда чувствовалъ,—иногда съ состраданіемъ, даже съ болью. Но именно такіе люди, какъ вы, которымъ суждено было такъ много пережить, именно такіе люди, мнѣ кажется, съ благодарностью и теплотой хранятъ такія тихія ласковыя воспоминанія,—они должны быть вамъ дороже другихъ воспоминаній о тревожныхъ бурныхъ дняхъ вашей жизни. Развѣ я не правъ?

Юліанъ. Быть можетъ, и правъ.

Феликсъ. Мама никогда раньше не говорила мнѣ объ этомъ портретѣ. Развѣ это не странно?... Въ этотъ послѣдній вечеръ, она заговорила въ первый разъ... мы были съ ней одни на верандѣ, я уже со всѣми простился... и вдругъ она заговорила объ этихъ далекихъ, далекихъ лѣтнихъ дняхъ,—она, быть можетъ, и сама не замѣчала того, что звучало въ ея словахъ. Мнѣ кажется, что ея собственная далекая молодость безсознательно открывала свою душу моей. Это меня такъ растрогало, я вамъ сказать не могу. Она меня очень любила, но она никогда до этого вечера такъ не говорила со мной, и мнѣ кажется, что она никогда не была мнѣ такъ дорога, какъ въ этотъ часъ. И когда я сталъ, наконецъ, прощаться съ ней, я чувствовалъ, что она не все еще сказала мнѣ... Вы понимаете теперь, почему мнѣ такъ хотѣлось увидѣть этотъ протретъ. Мнѣ казалось, что онъ доскажетъ мнѣ то, что сказала бы мнѣ мать,—если-бы я могъ еще ее спросить!..

Юліанъ. Спрашивай... спрашивай, Феликсъ.

Феликсъ (*удивленный его взволнованнымъ голосомъ, поднимаетъ на него глаза*).

Юліанъ. Я думаю, что онъ много еще скажетъ тебѣ.

Феликсъ. Что съ вами?..

Юліанъ. Ты хотѣлъ-бы имѣть этотъ портретъ?

Феликсъ. Этотъ портретъ?..

Юліанъ. Ну да, бери его. Я его дарю тебѣ. Когда я обзаведусь вновь квартирой, я его опять возьму у тебя. Но ты сможешь смотрѣть на него столько, сколько захочешь... Конечно, это возможно при условіи... чтобы тебѣ не надо было далеко ходить ради этого.

Феликсъ (*опять смотритъ на портретъ*). Онъ съ каждой минутой все больше оживаетъ... и этими глазами она смотрѣла на васъ!.. Этотъ взглядъ? Такъ-ли я понимаю этотъ взглядъ?

Юліанъ. И у матерей бываетъ такая же судьба, какъ и у другихъ женщинъ.

Феликсъ. Мнѣ кажется, что этотъ взглядъ мнѣ все сказалъ. (*Кладетъ портретъ на столъ. Долгая пауза.*)

Юліанъ. Ты не берешь его съ собой?

Феликсъ. Не теперь. Онъ принадлежитъ вамъ больше, чѣмъ я думалъ.

Юліанъ. И тебѣ...

Феликсъ. Нѣтъ, я возьму его лишь тогда, когда мнѣ все станетъ ясно. (*Прямо смотритъ Юліану въ глаза.*) Не понимаю, что со мной: вѣдь, ничего, въ сущности, не измѣнилось... ничего, кажется... ничего...

Юліанъ. Феликсъ!

Феликсъ. Нѣтъ, этого я не предполагалъ. (*Смотритъ на него долгимъ взглядомъ, съ нѣжностью и любопытствомъ.*) До свиданья.

Юліанъ. Ты уходишь?

Феликсъ. Я хочу побыть немного одинъ. До завтра.

Юліанъ. До свиданья, Феликсъ. Я завтра у васъ... я завтра буду у тебя, Феликсъ.

Феликсъ. Я жду васъ. (*Уходитъ.*)

Юліанъ (*нѣсколько мгновеній стоитъ посреди комнаты, затѣмъ подходитъ къ столу и застываетъ въ созерцаніи портрета*).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

А. Даманская.

Къ лѣсу.

О чемъ такъ сладко ты шумишь,
Кому таинственно звенишь,
О комъ вздыхаешь и грустишь,
О, лѣсъ, въ тиши ночей?
Молитвы ль небу шепчешь ты,
О солнцѣ ль вѣчной красоты
Лелѣешь сладкія мечты,
Зари ли ждешь лучей?..
О, братъ, скажи, откройся мнѣ!
И я, какъ ты, наединѣ
Хочу молиться въ тишинѣ
И гимны небу пѣть...
И я, какъ ты, душой моей
Хочу смѣяться солнцу дней.
Среди долинъ, луговъ, степей.
Хочу, какъ ты, звенѣть...
Но горе мнѣ... Въ глухихъ стѣнахъ,
Всегда въ оковахъ и цѣпяхъ,
Среди камней, въ тоскливыхъ дняхъ
Забылъ молитву я...
И вотъ тебя, мой братъ родной,
Прошу истерзанной душой:
Молитвѣ радостной, святой,
О, научи меня!

Ѳ. Поступаевъ.

Изъ исторіи періодической печати въ Швейцаріи. [1])

Всякій, кто интересуется общественною жизнью цивилизованныхъ странъ, знаетъ, какимъ огромнымъ вліяніемъ пользуется тамъ печать вообще и печать политическая въ частности. Такъ блестяще развившись въ послѣднія десятилѣтія въ техническомъ и духовномъ отношеніяхъ и отражая въ своей совокупности, такъ сказать, всю общественную жизнь, печать выросла и продолжаетъ все болѣе вырастать въ такую силу, значеніе которой врядъ ли уже возможно теперь вполнѣ опредѣлить. Великія пріобрѣтенія истекшаго столѣтія въ области политическихъ учрежденій, благотворныя реформы, достигнутыя на поприщѣ государственной и гражданской жизни, не имѣли бы ни того успѣха, ни того значенія, если бы повременная печать не содѣйствовала быстрому распространенію проявляющихся въ обществѣ идей, взглядовъ, направленій; если бы она не выступала изо дня въ день то въ

[1]) Для этой статьи авторъ пользовался слѣдующими источниками: *D-r M. Bühler*, Pressfreiheit und strafrechtliche Verantwortlichkeit der schweizerischen Presse. Статья въ „Die Schweizer Presse“, Bern. 1896. *D-r J. K Burckardt*, Schicksale der baslerischen politischen und periodischen Presse vor 1831. Въ Beiträge zur vaterländischen Geschichte, T. 10-ый; Базель, 1876. *Th. Curti*, Die Anfänge des Zeitungswesens in der deutschen Schweiz. Статья въ «Die Schweizer Presse». *Того же автора*, Geschichte der Schweiz im XIX. Jahrhundert; Neuenburg, 1902. *C. Dändliker*, Der Ustertag und die politische Bewegung der dreissiger Jahre im Kanton Zürich; Zürich, 1881. *Его же*, Geschichte der Schweiz mit besonderer Rücksicht auf Entwick. des Verfassungs-u. Kulturlebens. T. 3-й; Zürich, 1895. *P. Feddersen*, Geschichte der schweizerischen Regeneration von 1830 bis 1848. Zürich. 1867. *O. Henne-Am-Rhyn*, Geschichte des Schweizervolkes u. seiner Kultur, T. 3-й. Leipzig, 1866. *Prof. C. Hilty*, Oeffentliche Vorlesungen über die Helvetik; Bern, 1878. *Его же*, Die Bundesverfassungen der Schweizerischen Eidgenossenschaft; Bern, 1891. *Ludvig Snell*, Beherzigung bei der Einführung der Pressfreiheit in der Schweiz; Zürich, 1829. *Gaspard Vallette*, Die Presse,— статья во второмъ томѣ «Die Schweiz im XIX. Jahrhundert».

качествѣ учительницы, то въ качествѣ народнаго трибуна, и если бы она, наконецъ, не возбуждала, не направляла и не руководила народными массами.

Конечно, не всегда и не вся печать стояла на должной высотѣ; не всегда и не вся она служила и служитъ прогрессу и развитію соотвѣтственныхъ прогрессивнымъ идеямъ формъ общежитія. Являясь отраженіемъ дѣйствительной жизни, она необходимымъ образомъ воплощаетъ въ себѣ также все то громадное противорѣчіе взглядовъ и направленій, всю ту борьбу общественныхъ силъ, которыя существуютъ въ дѣйствительности. Но подобно тому, какъ результатомъ всей этой борьбы является, несомнѣнно, развитіе общественной жизни въ восходящей линіи, точно такъ же и пресса въ конечномъ счетѣ служитъ стремленіямъ общества къ достиженію лучшаго будущаго.

Однако, какъ бы въ этомъ отношеніи дѣло ни обстояло, несомнѣнно то, что печать стала въ настоящее время такой силою, не считаться съ которой положительно болѣе невозможно.

Въ предлагаемой статьѣ мы намѣрены коснуться, въ общихъ только, конечно, чертахъ, исторіи освобожденія періодической печати въ Швейцаріи. Чествовавшійся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ двухсотлѣтній юбилей нашей повременной печати, несомнѣнно, вызвалъ во многихъ желаніе ознакомиться поближе съ тѣми перипетіями, какія приходилось переживать прессѣ за границей. Выразилось это желаніе въ томъ обстоятельствѣ, что въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ сообщалось въ газетахъ, читались рефераты на соотвѣтственныя темы.

Швейцарія, на которой мы для этой цѣли остановились, хотя, по занимаемой ею территоріи, страна довольно маленькая, зато по общественнымъ и политическимъ своимъ учрежденіямъ, несомнѣнно, одна изъ самыхъ передовыхъ. Правда, въ ней общественная жизнь не бьетъ, что называется, ключомъ, не „бушуетъ подобно разъяренному морю“, не отличается ни „интересными“ парламентскими дебатами, ни сенсаціонными процессами или тому подобными эффектными явленіями, споообными привлечь къ себѣ вниманіе даже мало интересующихся всякаго рода культурными и политическими проблемами; но стоитъ хоть немного ближе присмотрѣться къ тому, что происходитъ вокругъ васъ въ этой странѣ, чтобы не замедлить убѣдиться, какая великая культурная работа совершается въ ней безпрестанно, несмотря на всю ту небогатую внѣшними эффектами, а потому кажущуюся будничной, общественную жизнь. Вы скоро замѣчаете, что имѣете дѣло съ страной, сумѣвшей въ теченіе долгой своей исторіи выработать такія формы общежитія, которыя даютъ ей возможность даже вопросы первостепенной важности, вопросы, которые въ другихъ государствахъ, несомнѣнно, въ состояніи довести политическія страсти, что называется, до бѣлаго каленія, разрѣшать сравнительно мирно и спокойно.

Въ настоящее время швейцарская печать — неперіодическая

какъ и періодическая—пользуется самой широкой свободой. Всякія стѣсненія, которыя въ той или иной формѣ встрѣчаются еще по отношенію къ ней въ другихъ конституціонныхъ странахъ, здѣсь окончательно устранены. Свободная и независимая, она руководствуется лишь собственными соціально-политическими взглядами и соображеніями; и покуда она не приходитъ въ конфликтъ съ общими законами страны, она ни предъ кѣмъ не отвѣтственна, развѣ только морально предъ своими читателями.

Но всегда ли такъ дѣло обстояло? Всегда ли швейцарская печать пользовалась такими широкими льготами?

Обратимся къ ея исторіи.

Швейцарская періодическая печать насчитываетъ теперь безъ малаго триста лѣтъ своего существованія; она, слѣдовательно, почти на сто лѣтъ старше русской. Первая регулярная газета, о которой имѣются фактическія данныя, появилась въ 1610 году въ Базелѣ. Мы говоримъ „регулярная" потому, что, собственно, уже задолго до нея публика въ Швейцаріи, какъ, впрочемъ, и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, знакомилась съ тѣми или другими интересными событіями путемъ такъ называемыхъ летучихъ листковъ, появлявшихся отъ времени до времени въ продажѣ; но періодической прессы въ томъ смыслѣ, какъ мы ее теперь понимаемъ, въ то время еще не существовало.

Кстати сказать, эта базельская газета, носившая названіе „Ordinari Zeitung", оказывается, насколько намъ извѣстно, въ цизальпійскихъ, по крайней мѣрѣ, странахъ, самой старшей. Въ Италіи, правда, книгопродавцы уже приблизительно съ 1580 года стали издавать регулярно листки новѣйшихъ извѣстій, но по отношенію ко всей остальной Европѣ Франкфуртъ долго считался тѣмъ городомъ, въ стѣнахъ котораго впервые появилось періодическое изданіе, что, однако, произошло лишь въ 1615 г., т. е. черезъ пять только лѣтъ послѣ появленія базельской ординарной газеты.

Упомянутыми фактическими данными о существованіи такой газеты являются исключительно правительственные протоколы базельскаго кантона, восходящіе до 1588 года; какихъ либо другихъ доказательствъ, помимо нихъ, совершенно не сохранилось. Изъ этихъ протоколовъ мы узнаемъ, что 24-го іюля 1610 г. правительство признало необходимымъ выразить редакторамъ означенной газеты порицаніе за то, что они напечатали въ ней „несуразныя вещи". Вскорѣ затѣмъ, 20-го августа того же года, надлежащимъ властямъ поручается,— очевидно, все съ цѣлью борьбы противъ той же газеты—пересмотрѣть цензурный уставъ и впредь строже примѣнять его; а 23-го мая 1611 года мы вновь читаемъ въ протоколахъ, что издатель приговоренъ по жалобѣ Бернскаго правительства,—очевидно, выставленнаго газетою въ не совсѣмъ пріятномъ для него свѣтѣ,—къ тюремному заключенію. На этомъ свѣдѣнія и заканчиваются. Нужно полагать, что издатель нашелъ болѣе удобнымъ для себя совсѣмъ закрыть газету, чѣмъ постоянно

подвергаться подобнымъ придиркамъ. Такъ закончилась первая попытка насадить въ Швейцаріи періодическую печать, и летучіе листки опять входятъ въ свои права, становясь надолго единственнымъ источникомъ различныхъ свѣдѣній. Лишь двадцать слишкомъ лѣтъ спустя мы вновь наталкиваемся на періодическое изданіе. На этотъ разъ піонеромъ на указанномъ пути выступаетъ Цюрихъ, который съ 1633 года издаетъ у себя еженедѣльную газету подъ названіемъ „Ordinari und Extraordinari-Zeitung". Эта газета оказалась, очевидно, болѣе счастливою, такъ какъ она просуществовала до 1668 года. За этотъ промежутокъ въ Цюрихѣ появляется еще одна газета—„Wochenzeitung", а немного погодя, періодическая печать проникаетъ и въ нѣкоторые другіе кантоны. Однако, въ общемъ, успѣхи журналистики остаются въ Швейцаріи и въ послѣдующія два-три десятилѣтія едва замѣтными, и только къ началу восемнадцатаго столѣтія они становятся, наконецъ, болѣе многочисленными. Въ сравнительно короткое время Бернъ, Люцернъ, Сантъ-Галленъ, Хуръ, Шафгаузенъ и другіе кантоны обзаводятся собственными газетами, выходящими, правда, большей частью только разъ въ недѣлю.

Надо замѣтить, что первоначально газеты были почти исключительно еженедѣльныя и появлялись въ свѣтъ, обыкновенно, черезъ день послѣ того, какъ въ редакціи получалась иностранная почта и, слѣдовательно, всевозможныя заграничныя новости, которыя немедленно перепечатывались, снабжались какими-либо примѣчаніями и сентенціями и затѣмъ преподносились читателямъ, какъ самыя свѣжія извѣстія. Это обстоятельство объясняетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, почему тогдашнія швейцарскія газеты носили въ большинствѣ случаевъ имена различныхъ дней недѣли, каковы, напр., „Montägliche Churer Zeitung", „Luzernische Dienstags-Zeitung" и т. п.

Примитивный характеръ всѣхъ этихъ газетъ позволялъ ихъ издателямъ соединять въ своей личности и редактора, и наборщика, и печатника—такъ какъ издатели бывали большей частью сами типографщики,—и даже экспедитора. Словомъ, первоначально въ этой области процвѣтало—что вполнѣ соотвѣтствовало духу времени — нѣчто въ родѣ кустарнаго производства. Только подъ вліяніемъ новыхъ условій и новыхъ стремленій журнальная дѣятельность становится болѣе комплицированной. Современемъ газеты начинаютъ выходить два и три раза въ недѣлю, да и названія ихъ не такія безразличныя, какъ мы сейчасъ видѣли,—они обыкновенно выбираются болѣе съ такимъ умысломъ, чтобы выразить ими до извѣстной степени и характеръ данной газеты. Таковы названія „Патріотъ", „Республиканецъ", „Другъ свободы", „Свобода-равенство", „Альпійскій вѣстникъ", „Что новаго", и многія другія. Указаннымъ измѣненіямъ чисто внѣшняго характера соотвѣтствуютъ также измѣненія самаго духа газетъ, что, въ свою очередь, приводитъ къ необходимости предъявлять больше требованій къ знаніямъ и способностямъ редак-

тора: является необходимость въ спеціальныхъ знаніяхъ, въ большемъ пониманіи политическихъ событій, въ болѣе широкомъ взглядѣ на общественныя явленія. Теперь редактору приходится отдаваться всецѣло своему занятію: такимъ образомъ, мало по малу вырабатывается классъ людей, посвятившихъ себя исключительно журнальному труду и заботящихся о преуспѣяніи печати.

Чрезвычайно интересенъ тотъ фактъ, что швейцарская пресса вплоть до конца восемнадцатаго столѣтія, наполняя свои столбцы различными сообщеніями изъ заграничной жизни, обходитъ чуть ли не полнымъ молчаніемъ всѣ тѣ вопросы, которые выдвигаются общественной жизнью въ самой странѣ. Новые законы, новыя постановленія или рѣшенія властей, финансовое положеніе государства, вопросы, обсуждаемые въ совѣщательныхъ собраніяхъ, на тагзтацунгахъ—все это или совершенно игнорируется тогдашней печатью, или если и встрѣчается что либо въ ней по этому поводу, то лишь въ видѣ простой передачи фактовъ безъ всякихъ комментаріевъ. Явленіе на первый взглядъ, несомнѣнно, довольно странное; но, при немного болѣе глубокомъ взглядѣ на тогдашнее положеніе вещей, оно становится намъ вполнѣ понятнымъ.

Дѣло въ томъ, что въ ту пору,—да и, какъ увидимъ ниже, еще долгое время спустя,—швейцарскія власти относились чрезвычайно подозрительно къ періодической печати. Съ самаго начала онѣ, какъ достаточно ясно показалъ намъ уже примѣръ Базеля, стали смотрѣть на нее, какъ на какое-то нарождающееся общественное зло, и потому, ставъ во враждебное къ ней отношеніе, старались по возможности не давать ей развиваться. Подъ благовиднымъ предлогомъ заботы о „государственномъ спокойствіи и порядкѣ“ онѣ подвергали печать всевозможнымъ регламентаціямъ; сдѣлали изъ нея въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ родъ монополіи,—допуская въ опредѣленномъ районѣ только извѣстное количество періодическихъ изданій. Далѣе, онѣ подчинили ее строгимъ цензурнымъ условіямъ, вмѣнивъ цензорамъ -все подъ тѣмъ же предлогомъ—въ обязанность подавлять въ печати всякое стремленіе стать выразительницей нуждъ и потребностей страны, не давать ей возможности обсуждать вопросы внутренней политики; вообще уничтожать въ ней всякое проявленіе свободнаго и независимаго духа. Доходило до того, что чиновники безъ всякихъ окольныхъ путей прямо обращались къ лицамъ, сотрудничавшимъ въ томъ или другомъ періодическомъ органѣ, съ требованіемъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ немъ; иногда же просто декретировалось: „дабы не бударажить понапрасно ненужными разсужденіями спокойствіе обывателя, вамъ совѣтуется впредь воздержаться отъ всякаго писанія газетныхъ статей“. И всякое ослушаніе такого „отеческаго совѣта“ влекло за собою денежные штрафы, высылку изъ предѣловъ кантона и тому подобныя наказанія.

Немного большей, сравнительно съ газетами, свободой пользовались тогдашніе журналы. Объясняется это тѣмъ, что читатели послѣднихъ рекрутировались преимущественно изъ среды привилегированныхъ сословій, отчего вліяніе ихъ казалось властямъ не столь опаснымъ. Впрочемъ, и сами журналы обыкновенно старательно избѣгали всякихъ конфликтовъ съ властъ имущими; они обходили молчаніемъ всякіе щекотливые вопросы или же разсуждали о нихъ въ туманныхъ и абстрактныхъ выраженіяхъ, недоступныхъ простымъ смертнымъ.

Было бы ошибочно, однако, думать, что указанное, враждебное отношеніе швейцарскихъ правительствъ къ печати принималось тогдашней публикой безъ всякаго протеста, какъ нѣчто вполнѣ понятное и должное. Напротивъ, въ литературѣ того времени—въ спеціальныхъ брошюрахъ, какъ и въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ—иногда встрѣчаются голоса, строго осуждающіе или осмѣивающіе подобное ограниченіе свободы мнѣнія. „Что такое безъ свободы слова и печати такія выраженія, какъ „отечество", „свобода"?—спрашиваетъ одинъ въ „Erinnerer", издававшемся съ 1765 года Лафатеромъ и Песталоцци;—и самъ же затѣмъ отвѣчаетъ: „это лишь безсмысленный лепетъ, лишь мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій". Въ другой статьѣ: „Манифестъ Порты противъ свободы печати", появившейся въ Цюрихскомъ ежемѣсячникѣ за 1777 годъ, мѣтко и остроумно осмѣивается некультурное отношеніе и боязнь предъ свободной критикой властъ имущихъ. Муфтій, разсказывается тамъ, издалъ декретъ и пожелалъ всѣмъ мусульманамъ побольше благоглупости и благополучія. Завезенное въ Стамбулъ типографское искусство торжественно объявляется высокимъ совѣтомъ трехъ мудрыхъ и богобоязненныхъ мужей: кадиксомъ, имамомъ и факиромъ,—діавольскимъ изобрѣтеніемъ, ибо оно служитъ только къ облегченію распространенія въ народѣ знанія и, слѣдовательно, къ уничтоженію невѣжества—этого исконнаго стража и незамѣнимаго защитника всякаго благоустроеннаго государства. Далѣе, декретъ высказываетъ опасеніе, какъ бы безстыдство газетныхъ писакъ не дошло еще до безцеремонной критики всего ими видѣннаго и слышаннаго и до проповѣди,—о ужасъ!—законности и любви къ отечеству—понятій, находящихся, какъ извѣстно, въ строгомъ противорѣчіи съ исконными правами и привилегіями великаго муфтія и могущихъ поэтому—чего Аллахъ упаси!—умалять достоинство и значеніе его въ глазахъ его вѣрноподданныхъ.

Однако, покуда въ силѣ оставался старый политическій режимъ, всѣмъ этимъ и подобнымъ протестамъ суждено было оставаться абсолютно безрезультатными. Раздробленная и расщепленная на мелкія государства, власть которыхъ находилась почти исключительно въ рукахъ немногихъ аристократическихъ семействъ, Швейцарія періода до великой французской революціи не могла не относиться враждебно ко всѣмъ проявленіямъ сво

бодной и назависимой мысли, ко всему, что противорѣчило взглядамъ и стремленіямъ лицъ, стоявшихъ у кормила правленія. Какъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда усердствуютъ черезъ мѣру, такъ и въ своемъ ретивомъ „охраненіи“ народа отъ вреднаго вліянія печати цензура доходила нерѣдко до крайне смѣшного. Только одинъ примѣръ: такъ она заставила однажды Бодмера замѣнить въ его „Дискурсахъ“ непріятное будто для религіознаго уха выраженіе „адье!“ болѣе, по ея мнѣнію, благозвучнымъ „будь здоровъ!“.—„Хуже испанской инквизиціи,—жаловался одинъ цюрихчанинъ священникъ Вазеръ,—ведетъ себя наша проклятая цензура!“ Этими немногими словами онъ вполнѣ ярко обрисовалъ все плачевное положеніе тогдашней швейцарской печати.

Только когда подъ вліяніемъ освободительныхъ идей великой французской революціи, пронесшихся ураганомъ и по другимъ частямъ континента и задѣвшихъ особенно Швейцарію, накопившееся въ населеніи этой страны недовольство противъ ея правителей привело къ коренной ломкѣ старыхъ порядковъ и къ созданію единой Гельветической республики, только тогда въ этой послѣдней оказалось мѣсто и для свободной печати. Гельветика, по мнѣнію знатока этого періода, профессора Гильти,—это родная дочь французской революціи, съ которой начинается періодъ демократіи; это—первый опытъ основанія господства демократіи на всей территоріи швейцарскаго союза. Понятно, что ея правительству нечего было опасаться свободнаго слова, нечего было создавать вокругъ себя таинственной атмосферы. И оно, дѣйствительно, не только освобождаетъ печать отъ сковывавшихъ ее такъ долго позорныхъ цѣпей и предоставляетъ ей самыя широкія льготы, но еще само относится поощрительно ко всякаго рода публицистическимъ предпріятіямъ. По иниціативѣ министра Штапфера издается подъ редакціей знаменитаго Песталоцци, вокругъ котораго группируется цѣлый штабъ сотрудниковъ, новый органъ: „Гельветическая народная газета“, выходящая два раза въ недѣлю на всѣхъ трехъ главныхъ языкахъ страны и развивающая принципы просвѣщенія, свободы и равенства, поясняющая значеніе новаго конституціоннаго строя и дебатирующая всякіе относящіеся сюда вопросы. Далѣе, правительство носится съ мыслью издавать для народа популярно-научный журналъ: „Гельветическій народный учитель“, и съ этой цѣлью ведетъ переговоры съ извѣстными швейцарскими литературными силами и учеными. Для ознакомленія широкихъ массъ съ законами страны издается „Дневникъ законовъ и декретовъ законодательныхъ собраній“, а также проектируется цѣлый рядъ другихъ подобныхъ изданій. На появляющіеся здѣсь и тамъ въ печати нападки на правительство, послѣднее отвѣчаетъ не процессами или другими какими либо репрессивными мѣрами, а, напротивъ, старается путемъ печати же доказать несостоятельность возводимыхъ на него обвиненій и вообще относится весьма терпимо ко взглядамъ, противоположнымъ къ его собствен-

нымъ. Такое положеніе вещей, естественно, только могло содѣйствовать быстрому росту повременной печати. Извѣстные политики Эшеръ и Устери начинаютъ издавать свой „Швейцарскій республиканецъ“, пріобрѣвшій сразу сильное вліяніе. Появляются „Журналъ Гельветической республики“, „Журналъ для и о Гельвеціи“ и масса другихъ. Если до 1798 года насчитывалось всего около десятка газетъ и журналовъ съ нѣкоторымъ политическимъ оттѣнкомъ, то теперь ихъ число быстро возрастаетъ, а главное, ихъ рѣчь становится болѣе увѣренной, ихъ критика—болѣе прямою. Иностранныя извѣстія, до того составлявшія, какъ мы видѣли, главное содержаніе швейцарской періодической литературы, сразу отодвигаются на задній планъ, уступая мѣсто преимущественно вопросамъ внутренней политики или разсужденіямъ о различныхъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ нуждахъ.

Къ сожалѣнію, красные дни печати оказались довольно непродолжительными. Не успѣла еще она вполнѣ расправить свои крылья и смѣло взглянуть на окружающій ее міръ, какъ она незамѣтно вновь очутилась въ своихъ старыхъ, теперь вдвойнѣ тяжелыхъ для нея оковахъ.

Новая конституція, хотя и провозгласила свободу печати, но сдѣлала это только въ чисто теоретической формѣ, не обставивъ ее никакими реальными гарантіями. „Свобода печати, такъ гласитъ § 7-ой гельветической конституціи, является естественнымъ слѣдствіемъ того права, которое имѣетъ каждый изъ насъ на полученіе образованія“. Вотъ и все. Что такая формулировка допускала самыя противоположныя толкованія, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Къ тому же— и это именно главное— Гельветика не была исключительно дѣломъ рукъ швейцарскаго народа, не исключительно его усиліями завоеванный и установленный новый государственный порядокъ: хотя многіе передовые швейцарцы уже задолго до основанія Гельветики мечтали о „единой и нераздѣльной“ республикѣ, въ которой всѣ граждане имѣли бы равныя права и обязанности, но, очевидно, въ самомъ народѣ эта идея еще не успѣла тогда пустить глубокихъ корней, не успѣла развиться и окрѣпнуть настолько, чтобы могла воодушевить массу, заставить ее самое взяться, такъ сказать, за собственный рискъ и страхъ за ея осуществленіе. Да и не мудрено! Гдѣ было народу набраться политическаго пониманія, когда управлявшіе имъ аристократы и магнаты долго и систематически устраняли его отъ всякаго участія въ дѣлахъ страны, держали его вдали отъ всего, что только въ состояніи было расширить его кругозоръ, его пониманіе связи между различными общественными явленіями. Понадобилось раньше нашествіе французовъ и вмѣшательство Наполеона, чтобы, такъ сказать, черезъ ночь создать изъ всего входившаго въ составъ союза множества мелкихъ государствъ—этого конгломерата изъ правящихъ, примыкающихъ и подчиненныхъ мѣст-

ностей—одно неразрывное цѣлое. Но эта-то коренная ломка путемъ внѣшняго вмѣшательства, какъ ни благотворна она была для послѣдующаго развитія Швейцаріи, по ближайшимъ своимъ послѣдствіямъ оказалась фатальной уже тѣмъ, что поставила гельветическое правительство въ сильную зависимость отъ Франціи. Что въ томъ, что Директорія преисполнена была всякихъ благихъ намѣреній, когда на дѣлѣ ей приходилось согласовать свои дѣйствія не съ тѣмъ, что могло бы споспѣшествовать дальнѣйшему развитію страны, а съ господствовавшими въ Парижѣ въ данный моментъ воззрѣніями? А эти воззрѣнія оказались вдругъ чрезвычайно враждебными печати. Публичная критика правительственныхъ мѣропріятій стала во Франціи преступленіемъ, и оппозиціонныя газеты подвергались безпощадному преслѣдованію. Естественно, что эта реакція при указанномъ положеніи вещей неминуемо должна была отразиться во всей своей силѣ и на швейцарской печати. И дѣйствительно, уже въ ноябрѣ 1798 года—всего, слѣдовательно, черезъ какихъ нибудь восемь мѣсяцевъ по установленіи новаго строя—появляется декретъ, на основаніи котораго всѣ газеты, журналы и другія періодическія изданія, выходящія въ предѣлахъ Швейцаріи, подчиняются непосредственному контролю полиціи, а издатели обязываются доставлять штатгальтерамъ по одному экземпляру всѣхъ напечатанныхъ произведеній для дальнѣйшаго вожденія ихъ гельветической директоріи.

Первой жертвой этого декрета сдѣлался „Бернскій дневникъ" за его,—что особенно характерно,—защиту независимости Швейцаріи отъ Франціи. Затѣмъ, предается суду редакторъ цюрихской „Freitagszeitung", издатель бернскихъ „Анналовъ" и мног. др.

Однако, какъ ни прискорбенъ самъ по себѣ ужъ тотъ фактъ, что правительство, считавшее себя—и до извѣстной степени не безъ основанія — радикальнымъ, рѣшилось наложить руку на свободу печати, необходимо признать одно кругъ: „преступленій по дѣламъ печати" былъ имъ сильно ограниченъ. Главнымъ образомъ преслѣдовались рѣзкая критика въ періодическихъ изданіяхъ поведенія французскихъ правительственныхъ комиссаровъ въ предѣлахъ Швейцаріи и нападки на не успѣвшій еще твердо установиться новый государственный порядокъ. Въ первомъ случаѣ это было, какъ мы видѣли, печальной необходимостью, такъ какъ Франція рѣшительно не допускала никакой критики своихъ дѣйствій, а Швейцарія, будучи слабой, принуждена была во что бы то ни стало избѣгать всякихъ конфликтовъ съ нею [1]). Во вто-

[1]) Какъ безцеремонно французскіе комиссары хозяйничали въ Швейцаріи, достаточно ясно хотя бы изъ слѣдующаго факта: въ іюнѣ 1798 года Рапина издаетъ самовластно, т. е. безъ всякаго соглашенія съ швейцарскими властями, приказъ всѣхъ журналистовъ и писателей въ Швейцаріи, которые будутъ выступать печатно противъ французскаго правительства или арміи, судить военнымъ судомъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія.

ромъ случаѣ репрессіи вызывались тѣмъ обстоятельствомъ, что аристократія въ связи съ духовенствомъ, стремилась къ возстановленію до-революціоннаго строя, къ контръ-революціи, и путемъ явной и тайной пропаганды и агитаціи стремилась къ достиженію своей цѣли.

Мы уже имѣли случай указать на то, что большинство швейцарскаго народа стояло еще на низкой ступени политическаго развитія, вслѣдствіе систематическаго устраненія его въ продолженіе долгихъ лѣтъ отъ участія въ дѣлахъ правленія. При этомъ и экономическое положеніе страны—господство натуральнаго хозяйства и отсутствіе промышленнаго развитія—мало способствовало выработкѣ въ немъ широкаго кругозора и истиннаго пониманія различныхъ явленій общественной и политической жизни и той связи, которая между ними существуетъ. Не удивительно поэтому, что масса съ самаго начала относилась съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и недоумѣніемъ къ установившемуся такъ неожиданно для нея новому порядку вещей. Кромѣ того, Гельветика хотя и принесла съ собою народу большія облегченія и разныя льготы, но въ то же время лишила его въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно въ такъ называемыхъ старыхъ демократіяхъ, нѣкоторыхъ изъ его прежнихъ ему дорогихъ привилегій, передавъ ихъ общему законодательному собранію. Если принять еще въ соображеніе, что гельветическая конституція непремѣнно связывалась въ народномъ представленіи съ потерей независимости родины, съ „французскимъ рабствомъ“, что до извѣстной степени имѣло свое основаніе, то станетъ ясно, что консервативные и всевозможные другіе ретроградные элементы, неустанно и искусно возбуждавшіе въ народѣ неудовольствіе и всѣми способами дѣйствовавшіе—особенно подъ флагомъ федералистовъ—противъ ненавистной имъ „единой“ республики, могли разсчитывать на успѣхъ. Чтобы удержать напоръ реакціонныхъ силъ, стоявшая у кормила правленія радикальная партія нашла нужнымъ, хотя бы временно, прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Но, какъ извѣстно, такія мѣропріятія, если когда либо и задерживали на время накопившееся неудовольствіе, то лишь съ тѣмъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ еще съ большей силой проявить его, вызвать еще болѣе рѣзкое сопротивленіе. Такъ, именно, случилось и здѣсь. Но послѣдовавшій затѣмъ, послѣ паденія въ 1800 году директоріи, съ чрезвычайной быстротой цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, не только не принесъ никакого облегченія печати, а, напротивъ, только ухудшилъ, какъ и слѣдовало ожидать, ея положеніе. Получивъ на первыхъ порахъ перевѣсъ въ правительствѣ, реакціонные элементы прежде всего обратили вниманіе на радикальную печать, слѣдствіемъ чего было уничтоженіе самыхъ лучшихъ и вліятельныхъ органовъ, какъ, напр., „Швейцарскій республиканецъ“ или „Республика на либеральныхъ началахъ“. Но и оставшіяся газеты появлялись большей частью испещренными чуть ли не на половину черными по-

лосами, — знаками „тщательнаго“ цензурнаго просмотра. Въ то же время подчинены были строгому надзору и политическія общества; а чиновники съ рѣзко республиканскими воззрѣніями замѣнены болѣе покладистыми натурами.

Въ конституціи такъ называемой второй гельветической республики, 1802 года, которая хотя и была дѣломъ менѣе реакціонныхъ элементовъ, уже вовсе нѣтъ параграфа, который бы такъ или иначе регулировалъ права печати. Въ такомъ же безправномъ состояніи мы находимъ публицистику и въ теченіе всего послѣдующаго періода, періода господства медіаціоннаго акта—конституціи, „подаренной“ Швейцаріи въ 1803 году „великимъ посредникомъ“, Наполеономъ. Рука объ руку съ уничтоженіемъ различныхъ привилегій, пріобрѣтенныхъ народомъ въ началѣ основанія Гельветики, идетъ также и уничтоженіе правъ печати; мудрая политика „пресѣченій и предупрежденій“ оказывается въ большомъ почетѣ. Денежные штрафы, конфискаціи, аресты, высылки изъ предѣловъ кантона, лишеніе гражданскихъ правъ такъ и сыплются на тѣхъ публицистовъ, которые не желали оставаться нѣмыми зрителями творящихся на ихъ родинѣ безобразій. Журналистика опять стала чахнуть. Газеты, желавшія и при этомъ режимѣ продолжать свое существованіе, принуждены были отказаться отъ всякаго обсужденія на своихъ столбцахъ какихъ либо внутреннихъ дѣлъ, отъ всякаго вмѣшательства въ политическіе вопросы, и становились обыкновенно чисто коммерческими предпріятіями или довольствовались тѣмъ, что сообщали своимъ читателямъ различные анекдоты, сплетни и нѣкоторыя заграничныя новости. Изъ всѣхъ періодическихъ изданій того времени развѣ только еще одинъ „Швейцарскій вѣстникъ“ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Основанный въ 1804 году въ Ааргау подъ редакторствомъ Генриха Чоккэ, онъ достигаетъ, благодаря своему живому языку, своему юмору и содержательности, въ сравнительно короткое время тиража въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, что для тогдашнихъ и въ особенности швейцарскихъ условій представляетъ собою огромный успѣхъ, и становится однимъ изъ самыхъ любимыхъ и вліятельныхъ органовъ,—каковымъ онъ не перестаетъ затѣмъ быть въ теченіе сорока лѣтъ. И если безпрестанныя придирки цензуры [1]) заставляли его быть во многихъ вопросахъ, особенно въ политическихъ, осмотрительнымъ, то, съ другой стороны, редакторъ его, Чоккэ, умѣлъ преподносимую имъ народу духовную пищу дѣлать чрезвычайно удобоваримой, хотя ему часто приходилось излагать свои мысли эзоповскимъ языкомъ. Ярый противникъ аристократическаго режима, паденію котораго онъ впослѣдствіи не мало способствовалъ, приверженецъ

---

[1]) Такъ, напр., въ 1808 году базельское правительство запретило ввозъ его въ базельскій кантонъ только потому, что онъ позволилъ себѣ критиковать мѣропріятія тамошней администраціи противъ пожаровъ.

широкихъ реформъ и сильной единой республики, „Швейцарскій вѣстникъ“ много способствовалъ соціальному и моральному подъему швейцарскаго населенія, особенно сельскаго—самой неразвитой еще въ то время части народа.

Для болѣе яркой иллюстраціи тогдашняго положенія печати въ Швейцаріи укажемъ хотя бы на слѣдующій эпизодъ. Нѣкій Пехтъ изъ Констанца основываетъ совмѣстно съ своимъ другомъ въ 1809 г. въ Тургау газету, которую онъ же редактируетъ. Черезъ нѣкоторое время онъ издаетъ брошюру противъ Наполеона, подвергая въ ней рѣзкой критикѣ его дѣйствія. По этому поводу авторъ, по требованію французскаго посла, предается суду, приговаривается къ изгнанію на три года изъ предѣловъ страны, а сама брошюра сжигается. Но что особенно интересно во всемъ этомъ инцидентѣ—это, что его собственная газета ни единымъ словомъ не смѣетъ упомянуть о немъ; она должна молчать, если не желаетъ, съ своей стороны, подвергнуться наказанію.

Таково было положеніе швейцарской журналистики и журналистовъ въ періодъ наполеоновскаго „протектората“. Но если думать, что съ уничтоженіемъ протектората, т. е. послѣ 1814 года, произошло какое-нибудь измѣненіе къ лучшему, то это будетъ большая ошибка. Напротивъ. Медіаціонный актъ имѣлъ, какъ извѣстно, въ виду соединить старое съ выдвинутыми временемъ новыми требованіями—аристократію съ либерализмомъ или даже съ демократіей, что само собою должно было привести къ полному фіаско, а при тогдашнемъ положеніи вещей, въ подробный разборъ котораго здѣсь входить не мѣсто, даже къ еще большему усиленію реакціи, что въ концѣ-концовъ и случилось. Не успѣли австрійскія войска перешагнуть границы Швейцаріи, какъ аристократы, только того и ожидавшіе, почувствовали себя вновь господами страны, и въ связи съ духовенствомъ, всегда дѣйствовавшимъ заодно съ ними, торопливо стали готовиться къ приведенію въ исполненіе своихъ завѣтныхъ желаній—отбросить Швейцарію назадъ, по возможности въ до-революціонную эпоху. И если это имъ не во всѣхъ кантонахъ удалось въ такой степени, какъ они того хотѣли, то во всякомъ случаѣ въ большинствѣ изъ нихъ они успѣли создать такое положеніе, что о какихъ-либо народныхъ правахъ почти что и помину не осталось. Весь государственный строй смотрѣлъ теперь лицомъ назадъ въ „доброе“ старое прошлое. Подобно тому, какъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ опять возстановляются къ тому времени старыя легитимныя правительства, опиравшіяся на божественное право, такъ и по всей швейцарской территоріи реставрируются, за малыми исключеніями, правленія „избранныхъ“, которыя стремятся утвердить свой авторитетъ на „искони“ имъ принадлежавшихъ и „неотъемлемыхъ“ правахъ. Только извѣстные классы, заявлялось ими, призваны занимать мѣсто у кормила правленія, весь же остальной народъ обязанъ лишь молча повиноваться; правительство само въ состояніи знать, что странѣ

полезно и что ей можетъ послужить во вредъ,—оно не нуждается поэтому ни въ чьихъ указаніяхъ и совѣтахъ. Понятно, что свобода союзовъ, сходокъ, совѣсти и мнѣнія—вещи, не подходящія тамъ, гдѣ главная добродѣтель—послушаніе. Въ скорости между правительствами и гражданами устанавливаются чисто бюрократическія отношенія; строгая регламентація дѣйствій и поступковъ „подданныхъ" выдвигается на первый планъ, и всякія, хотя бы самыя скромныя, либеральныя пожеланія печати яростно преслѣдуются не только цензурой, но и, считавшимъ себя почему-то къ тому не менѣе призваннымъ, клерикализмомъ. Изъ всѣхъ двадцати пяти кантональныхъ конституцій только одна женевская еще признавала принципъ свободы печати, но и та тутъ же прибавляетъ, что если обстоятельства того потребуютъ, то парламенту предоставляется право путемъ особыхъ постановленій ограничить свободу печати. Дошло, наконецъ, до того, что во многихъ мѣстахъ вся журналистика исчерпывалась исключительно однимъ какимъ-нибудь безцвѣтнымъ офиціальнымъ листкомъ.

Казалось, что стремленіе низвести общественное значеніе періодической печати на нѣтъ достигло своей цѣли и что дальше въ этомъ направленіи некуда было итти. Но нѣтъ. Не надо забывать, что Швейцарія, хотя и управлялась олигархіей, все же была республикой, и ужъ, какъ таковая, не могла прійтись по вкусу тогдашней реакціонной Европѣ. Кромѣ того, она, издавна служившая убѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ за тѣ или другія политическія или религіозныя убѣжденія, продолжала и теперь оставаться, несмотря на господствовавшую въ ней реакцію, вѣрной своимъ традиціямъ и держала свои границы открытыми для всякаго рода эмигрантовъ. Но это еще не все. Швейцарская печать, пользовавшаяся въ указанное время немного большей свободой въ обсужденіи иностранныхъ событій, охотно предоставляла этимъ эмигрантамъ, среди которыхъ находилось много высокоталантливыхъ личностей, свои столбцы для объясненія и защиты тѣхъ идей и убѣжденій, ради которыхъ имъ пришлось оставить свою родину. И вотъ эти-то обстоятельства — терпимое отношеніе швейцарскихъ властей къ эмигрантамъ, съ одной стороны, и допущеніе въ печати иностранныхъ событій, съ другой—послужили поводомъ къ цѣлому ряду дипломатическихъ нотъ и къ весьма рѣзкимъ требованіямъ „укротить" печать. Но если въ отношеніи перваго пункта швейцарскія власти не такъ спѣшили удовлетворить желанія дипломатіи, то тѣмъ болѣе предупредительными онѣ показали себя въ отношеніи второго пункта.

Въ 1823 году швейцарскій тагзатцунгъ принимаетъ рѣшеніе, въ которомъ усиленно рекомендуется кантонамъ зорко слѣдить за выходящей въ ихъ предѣлахъ печатью, не допускать въ ней ничего такого, что могло бы подавать поводъ иностраннымъ державамъ къ предъявленію какихъ-либо жалобъ. Какъ эта „рекомендація" понималась нѣкоторыми кантонами, можно видѣть хотя бы изъ того, что въ томъ же году базельское правительство

издаетъ слѣдующій классическій декретъ: „Для устраненія могущихъ произойти непріятностей, запрещается въ предѣлахъ базельскаго кантона всякое изданіе газетъ“: Коротко, ясно, а главное, неимовѣрно просто! Да и, собственно, довольно послѣдовательно: вѣдь, что же оставалось печати послѣ того, какъ у нея раньше отнята была возможность заниматься обсужденіемъ внутреннихъ дѣлъ, а теперь также и внѣшнихъ, какъ не совсѣмъ перестать существовать? Декретъ этотъ и положилъ конецъ ея прозябанію, по крайней мѣрѣ, въ Базелѣ.

Понятно, что указанное положеніе печати являлось только отраженіемъ, такъ сказать, того общаго положенія, въ которомъ находилась тогда вся страна. Въ теченіе пятнадцатилѣтняго медіаціоннаго періода Швейцарія вновь изнываетъ подъ режимомъ, который, казалось, послѣ событій 1798 года навсегда уже ушелъ, было, въ область преданій. Старыя безобразія опять оживаютъ; на одной сторонѣ всевозможныя привилегіи, на другой — всякія ограниченія: деревня угнетается городомъ, а городское населеніе, въ свою очередь, аристократіей или другими привилегированными сословіями. Государственное управленіе окружается какой-то мистической тайной. Финансовое положеніе страны, роспись приходовъ и расходовъ и засѣданія городскихъ, кантональныхъ и федеративнаго совѣтовъ, судебныхъ учрежденій — все это тщательно держится вдали отъ глазъ и ушей обывателя, а цензура, съ своей стороны, зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ничего изъ непредназначеннаго для непосвященныхъ не проникло какъ-нибудь въ печать. Однако, какъ ни велики были старанія заинтересованныхъ сферъ удержать существующій порядокъ, надолго задержать ходъ дальнѣйшаго развитія имъ не удалось; уже въ серединѣ двадцатыхъ годовъ начинаетъ замѣчаться нѣкоторое движеніе въ пользу измѣненія ставшаго, очевидно, долѣе невыносимымъ, существующаго положенія вещей. Если въ періоды медіаціи (1803—1814) и затѣмъ реставраціи (1814—1830) политическая жизнь Швейцаріи находилась, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ волненій въ томъ или другомъ кантонѣ, въ состояніи почти полнаго застоя, то какъ въ экономической, такъ и въ умственной ея жизни можно было, наоборотъ, замѣтить сильное движеніе впередъ, которое рано или поздно должно было повлечь за собою соотвѣтственное измѣненіе и во всѣхъ другихъ областяхъ государственнаго механизма. Народный духъ никогда не давалъ себя окончательно пришибить; онъ, какъ крѣпкое, но гибкое дерево: если и удастся пригнуть его на время къ землѣ, то съ тѣмъ большей силой оно затѣмъ норовитъ выпрямиться. Реставрація, имѣвшая, какъ извѣстно, въ виду подавить въ народѣ всякое стремленіе къ самостоятельности, только создала среди него больше недовольства, заставила его крѣпче призадуматься надъ своимъ положеніемъ и сдѣлала его тѣмъ самымъ воспріимчивѣе къ новымъ вѣяніямъ. Народъ сталъ организовываться, соединяться въ союзы, общества, сначала—въ самыя

безобидныя, какъ, напр., пѣвческія общества, гимнастическія, но вскорѣ и въ такія, какъ общества стрѣлковъ, союзы общественной пользы или отечественные союзы съ болѣе или менѣе явными политическими тенденціями. Нѣкоторымъ изъ указанныхъ обществъ суждено было затѣмъ сыграть выдающуюся роль въ швейцарской исторіи. Таково, напр., ааргауское общество стрѣлковъ, ежегодныя празднества котораго обращаются собственно въ большія народныя собранія, гдѣ раздаются энергическія рѣчи въ пользу коренныхъ реформъ, гдѣ слышатся требованія о возвращеніи народу отнятыхъ у него правъ. Помимо этихъ союзовъ и обществъ, много способствовавшихъ расширенію кругозора обывателя, особенно сильное вліяніе на пробужденіе общества имѣло образованіе, проникавшее, преимущественно благодаря частной инниціативѣ, все глубже въ массы и дѣлавшее ихъ болѣе чувствительными къ тому гнету, который наложилъ на кантоны и союзъ насильно навязанный имъ въ 1814 и 1815 годахъ образъ правленія. У всѣхъ, одинаково какъ у крестьянина, такъ у рабочаго или мелкаго ремесленника, пробуждается потребность быть освѣдомленнымъ относительно того, что въ каждый данный моментъ происходитъ въ странѣ; всѣхъ ихъ одинаково занимаютъ общественныя явленія, что, понятно, съ своей стороны, вызываетъ потребность въ хорошо освѣдомленной газетѣ. Даже въ самомъ отдаленномъ хуторѣ, разсказываетъ очевидецъ, можно было разсчитывать встрѣтить ту или другую газету. Но въ этихъ газетахъ, какъ мы знаемъ, меньше всего находилось именно того, чего въ нихъ особенно искали. Такимъ образомъ, самимъ ходомъ вещей выдвигается на очередь вопросъ о болѣе свободной печати, и этому вопросу удѣляется все чаще и чаще вниманіе на собраніяхъ, въ ферейнахъ, въ литературѣ и, наконецъ, въ самихъ кантональныхъ парламентахъ.

Въ 1828 году выступаетъ въ цюрихскомъ парламентѣ въ защиту свободы печати глава тогдашней прогрессистской партіи Паулъ Устери. Въ пламенной рѣчи онъ требуетъ уничтоженіе цензурныхъ стѣсненій и рисуетъ предъ своими коллегами тотъ нелицепріятный приговоръ, который будетъ произнесенъ надъ ними за ихъ враждебное отношеніе къ печати ихъ потомками. Годомъ спустя, появляется знаменитая брошюра другого извѣстнаго политическаго дѣятеля, Людвига Снелля, пробившая, такъ сказать, первую брешь въ крѣпкомъ валу стѣснительныхъ для печати законовъ.

Снеллъ называетъ право свободно высказывать свои мысли и взгляды устно или письменно естественнымъ и неотъемлемымъ, однимъ изъ тѣхъ правъ, съ которыми человѣкъ, какъ свободное и разумное существо, рождается на свѣтъ, которыя составляютъ его истинное достоинство и безъ которыхъ для него немыслимо ни моральное, ни духовное развитіе. Если есть какой нибудь народъ, говоритъ онъ, который достоинъ полнѣйшей свободы печати, то это именно швейцарскій: онъ серьезенъ, спо-

коенъ, неопрометчивъ и разсудителенъ; онъ слишкомъ высоко цѣнитъ истинныя заслуги, слишкомъ уважаетъ чужую честь и достоинство, чтобы легко поддаваться разнымъ ни на чемъ не основаннымъ инсинуаціямъ. Всякая боязнь критики есть плохой признакъ, безразлично, подверженъ ли этой боязни общественный дѣятель или учрежденіе. Если вамъ свободная критика не втерпежъ, обращается онъ къ правящимъ сферамъ, то не говорите, по крайней мѣрѣ, что вы управляете на основаніи свободной конституціи и свободнымъ народомъ, слушающимся лишь закона; скажите лучше откровенно, что вамъ пріятнѣе имѣть безмолвныхъ подданныхъ, для которыхъ ваша воля—все. Какъ мало свободная критика можетъ унизить достоинство истинныхъ государственныхъ мужей, продолжаетъ Снеллъ, видно на примѣрѣ Англіи. Болѣе открыто и безцеремонно нигдѣ администрація не практикуется, а между тѣмъ нигдѣ въ мірѣ она не занимаетъ такой твердой позиціи, какъ именно въ этой странѣ. Тамъ печать—учительница: она дѣлаетъ англійскую администрацію болѣе дальнозоркой, болѣе отзывчивой къ требованіямъ общества, и этимъ самымъ укрѣпляетъ за нею репутацію народолюбивой.—Уваженіе, съ которымъ свободный народъ относится къ своимъ правителямъ, имѣетъ высокую цѣну, хвала же изъ устъ рабовъ—почесть, которой врядъ ли даже сами рабы завидуютъ. „Мы не сомнѣваемся, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своей брошюры, что препятствія, мѣшающія введенію свободы печати въ Швейцаріи, въ непродолжительномъ времени будутъ окончательно уничтожены. Въ этомъ насъ убѣждаетъ цѣлый рядъ явленій, указывающій на пробужденіе въ народѣ стремленій къ болѣе широкой и свободной политической жизни, способной повести страну по пути новаго и плодотворнаго національнаго развитія".

И дѣйствительно, симптомы, на которые указывалъ Снеллъ, были, какъ мы уже знаемъ, довольно значительнаго свойства. Со всѣхъ сторонъ раздались требованія въ пользу радикальнаго измѣненія status quo, и эти требованія становились съ каждымъ днемъ все болѣе настойчивыми. Скоро Цюрихъ увидѣлъ себя вынужденнымъ приступить къ пересмотру своихъ законовъ о печати, измѣнить ихъ въ болѣе либеральномъ духѣ. Этому примѣру послѣдовали черезъ короткое время Ааргау, Люцернъ—въ послѣднемъ новые законы оказались даже болѣе либеральными, чѣмъ цюрихскіе—и нѣкоторые другіе кантоны.

Нужно имѣть въ виду, что и раньше, т. е. во время существованія упомянутыхъ строгихъ цензурныхъ правилъ, нѣкоторыя періодическія изданія, не пугаясь ни частыхъ штрафовъ, ни другихъ наказаній, не переставали писать въ просвѣтительномъ духѣ, не переставали будить народное самосознаніе. Но особенно сильно развились подобныя изданія въ двадцатыхъ годахъ, когда охватившія Швейцарію новыя вѣянія заставили начальство смотрѣть на многое менѣе строго, чѣмъ то было до того. Такова была основанная въ 1821 году подъ редакціей

упомянутаго Устери „Neue Züricher Zeitung“, получившая распространеніе преимущественно среди интеллигентныхъ слоевъ швейцарскаго общества. Мѣтко и остроумно бичевала она узкія политическія воззрѣнія и съ воодушевленіемъ работала въ пользу расширенія образованія, въ пользу свободнаго развитія человѣка и гражданина. Таковъ былъ, далѣе, „Швейцарскій наблюдатель“, нашедшій себѣ дорогу въ народъ. Дѣлая его своими статьями воспріимчивымъ къ идеямъ прогресса, онъ пробуждалъ въ немъ въ то же время бодрый и смѣлый духъ. Таковы были также въ романской Швейцаріи основанный въ 1826 году „Journal de Genève“ и дѣйствовавшій преимущественно въ Ваадтѣ „Nouvelliste voudois“, интересный особенно по спору, затѣянному имъ съ „Gazette de Lausanne“ по поводу свободы совѣсти. Но изъ всѣхъ газетъ наибольшимъ вліяніемъ пользовалась основанная въ 1828 году „Аппенцельская газета“, ставшая вскорѣ центральнымъ органомъ всѣхъ радикальныхъ элементовъ и много способствовавшая тому, что тлѣвшій долго въ странѣ слабый огонекъ неудовольствія вспыхнулъ, наконецъ, яркимъ пламенемъ. Ни одна газета до нея не выступала съ такой смѣлостью противъ всякихъ злоупотребленій, ни одна не раскрывала такъ безбоязненно всѣ тайныя интриги аристократіи и ея поспѣшниковъ. Конечно, эта смѣлость ей часто обходилась очень дорого, но дороже всего была ей преслѣдуемая ею цѣль. Свобода, которой швейцарская печать пользовалась хотя и короткое время въ періодъ Гельветики, очевидно, не совсѣмъ пропала для нея даромъ — любовь къ ней продолжала жить, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ ея представителяхъ, и потому совершенно оттѣснить печать назадъ стало, несмотря на всѣ старанія заинтересованныхъ классовъ, болѣе невозможно.

Однако, отмѣченное нами освободительное движеніе проявлялось до 1830 года только спорадически; только мѣстами тѣ или другія передовыя идеи находили свое выраженіе въ законодательствѣ; окончательный же толчокъ къ пробужденію Швейцаріи къ новой жизни данъ былъ лишь іюльской революціей, освободившей Европу отъ тяжелаго гнета меттерниховской системы. Хотя европейскія державы, скрѣпя сердце, и поспѣшили—для вящаго успокоенія умовъ—такъ сказать, легализировать созданный іюльскими событіями новый порядокъ вещей, нанесшій сильное пораженіе какъ принципу легитимизма, такъ и вообще всѣмъ затѣямъ Священнаго союза, тѣмъ не менѣе события эти все таки отдались сильнымъ эхомъ во многихъ странахъ и вызвали тамъ сильное броженіе умовъ и демократическую пропаганду, приведшую затѣмъ къ болѣе или менѣе радикальнымъ измѣненіямъ въ политической жизни этихъ странъ.

То же самое случилось и въ Швейцаріи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ней, и помимо парижскихъ событій 1830 года, произошли бы всѣ тѣ измѣненія, которыя встрѣчаются нами въ кантонахъ и союзѣ непосредственно послѣ нихъ, — доказатель-

ствомъ чему служитъ хотя бы кантонъ Тесинъ, измѣнившій у себя еще въ маѣ конституцію 1814 года, какъ и вообще броженіе, происходившее уже съ конца двадцатыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ, — но несомнѣнно также и то, что безъ указаннаго толчка эти измѣненія совершались бы гораздо медленнѣе. Вліяніе Парижа было чрезвычайное: не прошло и года, какъ уже въ двѣнадцати кантонахъ конституціи измѣняются въ духѣ новыхъ требованій, а въ остальныхъ — почти повсюду выдвигается въ той или иной формѣ вопросъ о расширеніи народныхъ правъ или даже о введеніи полной демократіи. Народный суверенитетъ—вотъ тотъ принципъ, который, главнымъ образомъ, выставлялся теперь на первый планъ: какой-либо власти выше народной нѣтъ и быть не можетъ; народъ самъ вѣдаетъ своей судьбой, а потому желать что либо утаивать отъ него—въ высшей степени абсурдно. Въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ демократія не терпитъ ничего таинственнаго, — ея девизъ — самая широкая гласность во всемъ, какъ и самая широкая критика законодательныхъ и административныхъ актовъ. Ясно, что и всякое ограниченіе печати находится въ прямомъ противорѣчіи съ принципами демократіи, — болѣе того — оно является прямымъ преступленіемъ противъ послѣднихъ. И вотъ, повсюду и вездѣ, на ряду съ другими требованіями, раздаются энергичныя требованія въ пользу признанія полной свободы печати. Даже самые консервативные кантоны и тѣ не отступаютъ отъ общаго хора. Въ консервативномъ Бернѣ, въ Тургау, находившемся съ 1815 года подъ строгимъ аристократическимъ режимомъ, въ Базелѣ, запрещавшемъ вообще у себя всякую газету, и во многихъ другихъ кантонахъ эти требованія ставились такъ категорически, что правительствамъ ничего больше не оставалось, какъ только удовлетворить ихъ по возможности скорѣе, чтобы не довести дѣла до открытаго народнаго возстанія, какъ это произошло въ Базелѣ, гдѣ оно продолжалось десять дней и кончилось народной побѣдой. Измѣненіе режима въ демократическомъ духѣ часто требовалось громадными народными митингами, какъ, напр., памятными въ швейцарской исторіи, народными собраніями въ Вейнфельденѣ, Устери, Бальеталѣ, Мюнцингенѣ и мног. друг. мѣстахъ.

Конечно, отъ многихъ своихъ требованій народу пришлось еще и на этотъ разъ отказаться. Чтобы добиться истинной демократизаціи формъ правленія, ему предстояла еще долгая и упорная борьба. Но если въ этомъ отношеніи новыя конституціи оставляли желать большаго, то въ отношеніи вопроса, здѣсь насъ спеціально интересующаго, онѣ оказались на должной высотѣ—цензура была, за небольшими исключеніями, уничтожена, и печать получила возможность безпрепятственно развиваться.

Какъ быстро и глубоко вкоренилось въ сознаніе народныхъ массъ представленіе о необходимости свободы печати, видно

хотя бы изъ того обстоятельства, что уже въ проектѣ новой общешвейцарской конституціи 1833 года имѣется параграфъ, ограждающій печать отъ всякихъ поползновеній федеральнаго правительства. А такое огражденіе было крайне необходимо уже въ виду опыта прошлыхъ лѣтъ. Слабость федеральнаго правительства, его непростительная уступчивость внѣшнимъ давленіямъ сильно отражались, какъ мы знаемъ, на положеніе печати, и чтобы устранить въ будущемъ возможность повторенія такихъ случаевъ, какъ хотя бы случай 1828 года, проектъ передаетъ контроль надъ печатью исключительно въ руки кантоновъ; впредь у союза отнималось всякое право уничтожать свободу печати, ограничивать ее или ввести какую либо цензуру. Между прочимъ, то обстоятельство, что кантоны могли, быть сдѣланы теперь стражами свободы печати, ясно указываетъ, какое сильное измѣненіе произошло въ политическомъ строѣ послѣднихъ. По всей Швейцаріи повѣяло духомъ свободы, и подъ ея сѣнью печать заняла подобающее ей почетное мѣсто. Скоро она проникаетъ и въ такія мѣстности Швейцаріи, гдѣ ее до того лишь чрезвычайно изрѣдка или даже вовсе нельзя было встрѣтить. Назрѣвшіе въ обществѣ всевозможные вопросы находятъ въ ней сильный откликъ, на ея столбцахъ происходитъ живой обмѣнъ мыслей, горячіе споры между представителями различныхъ политическихъ воззрѣній, принимающіе нерѣдко довольно острый характеръ. Появляется много газетъ и журналовъ, которые посвящаютъ себя почти исключительно вопросамъ политики; это органы двухъ большихъ партій—консервативной и либеральной. Но и болѣе молодая партія — радикальная — выступаетъ скоро съ значительнымъ количествомъ органовъ, редактируемыхъ притомъ въ большинствѣ случаевъ очень талантливыми личностями. Такъ, въ романской Швейцаріи радикальная партія выступаетъ съ „Europe centrale", „Representant", „Revue" и друг., а въ нѣмецкой—передовой радикализмъ находитъ своихъ представителей въ „Schweizer Republikaner", „Landboten", „Berner Zeitung" и т. п.

Но народная свобода еще не была вполнѣ гарантирована; еще шелъ споръ не только о расширеніи народныхъ правъ вообще, но и о томъ, уравнять ли въ правахъ сельское населеніе съ городскимъ. Швейцарскій историкъ Дендликеръ говоритъ о либералахъ описываемаго нами періода, что хотя они и старались очистить путь отъ остатковъ отжившаго, хотя они и стремились внести свѣтъ во всѣ углы государственнаго строенія, но до извѣстной степени они сами еще оставались слѣпыми: имъ недоставало яснаго представленія о томъ, что такое истинная демократія. Для нихъ сельское населеніе еще оставалось низшимъ сортомъ людей, нуждающимся въ руководителѣ. Они, конечно, допускали необходимость расширенія его правъ, но не въ такой степени, какъ это требовалось ими для городского населенія. Полное народоправіе было для нихъ рав-

насильно анархіи. Такимъ образомъ, истиннымъ демократамъ приходилось вести борьбу съ этимъ либерализмомъ не меньше, чѣмъ съ аристократами и клерикалами, поползновенія которыхъ все еще оставались тѣми же, что и раньше, и которые только выжидали удобный моментъ, чтобы опять наложить на управленіе свою руку. Находя раздробленность и безсиліе Швейцаріи болѣе выгоднымъ для своихъ цѣлей, аристократія и клерикализмъ всѣми силами отстаивали федерализмъ противъ стремленій прогрессивныхъ элементовъ создать единое и сильное централизованное государство. Скоро опять на всемъ протяженіи швейцарской территоріи разгорается борьба,—борьба религіозная въ отдѣльныхъ кантонахъ и политическая въ кантонахъ и союзѣ.

Восемнадцать лѣтъ продолжалась эта борьба. Особенно выдѣляется въ этомъ періодѣ война, извѣстная подъ названіемъ зондербундской, разгорѣвшаяся по поводу спорнаго вопроса— въ правѣ ли отдѣльные кантоны заключать между собою союзы, и окончившаяся полной побѣдой демократіи и созданіемъ изъ этого множества мелкихъ государствъ, какимъ Швейцарія до тѣхъ поръ являлась, болѣе цѣльнаго и здороваго организма на основѣ равноправія всѣхъ гражданъ безъ исключенія, — мы имѣемъ въ виду принятую большинствомъ народа конституцію 1848 года, уничтожившую окончательно старый союзъ государствъ и создавшую на его мѣстѣ союзное государство.

Цѣли, которыя преслѣдовалъ этотъ новый союзъ, не исчерпывались болѣе заботой о внѣшней независимости страны и охраненіемъ порядка и спокойствія внутри ея; онъ понялъ теперь свою задачу болѣе широко и вслѣдствіе этого включилъ въ свои основоположенія пункты, вмѣнявшіе правительству въ обязанность защищать также права и свободу гражданъ отъ всякихъ на нихъ поползновеній съ чьей бы то ни было стороны. Однимъ изъ такихъ пунктовъ является п. 55-ый конституціи, который гласитъ, что свобода печати гарантируется на всемъ протяженіи швейцарской территоріи и что кантональныя постановленія о печати подлежатъ утвержденію союзнаго правительства. Послѣднее, конечно, означаетъ, что эти постановленія лишь въ томъ случаѣ могутъ получить утвержденіе, если они не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что путемъ толкованія могло бы привести къ ограниченію печати.

Съ тѣхъ поръ союзъ сдѣлался вѣрнымъ паладиномъ свободы печати, и въ этой его новой роли поддержкой ему служила сама печать, ревниво охранявшая свои права и рѣзко выступавшая противъ всякой, даже самой отдаленной, попытки ограничить ее. Раньше всего, конечно, еще надлежало удалить все то изъ старыхъ кантональныхъ узаконеній и постановленій, что мѣшало или затрудняло печати ея развитіе. Въ 1852 году Бернъ издалъ для своего кантона новыя постановленія о печати, которыя, за исключеніемъ одного параграфа, дававшаго вла-

стямъ возможность всякое преступленіе по дѣламъ печати изъять изъ компетенціи суда присяжныхъ, были утверждены союзнымъ правительствомъ. Вскорѣ, однако, заявленъ былъ протестъ и противъ нѣкоторыхъ другихъ параграфовъ. Назначенная союзнымъ собраніемъ комиссія для разбора этого дѣла пришла къ заключенію, что хотя въ отдѣльности каждый изъ инкриминируемыхъ параграфовъ врядъ-ли можетъ послужить къ ограниченію печати, но, въ общемъ, они, несомнѣнно, носятъ враждебный печати характеръ и потому не могутъ быть допустимы. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и все собраніе, и параграфы, несмотря на то, что уже получили, было, утвержденіе со стороны правительства, были исключены. Вотъ этотъ-то инцидентъ и подалъ затѣмъ союзному собранію поводъ предложить правительству поближе ознакомиться и съ остальными кантональными узаконеніями, дабы привести ихъ въ соотвѣтствіе съ требованіями общешвейцарской конституціи. Результатомъ такого ознакомленія было уничтоженіе цѣлаго ряда статей изъ тессинскаго, валлійскаго, люцернскаго и друг. кантональныхъ уставовъ о печати, препятствовавшихъ свободѣ критики и изслѣдованія, допускавшихъ возможность пріостанавливать выходъ газетъ, вторично въ чемъ-либо провинившихся, запрещать на время ввозъ внѣкантональныхъ періодическихъ изданій и т. п.

Зато страннымъ образомъ признаны были непротиворѣчащими основамъ конституціи такія мѣры, какъ временная конфискація періодическихъ изданій, требованіе извѣстнаго залога отъ издателя или обложеніе печати штемпельнымъ сборомъ. Скоро, однако, мнѣнія и на этотъ счетъ измѣнились: опытъ показалъ, что допущеніе этихъ мѣръ, въ сущности, равносильно допущенію косвеннаго ограниченія той самой свободы печати, защищать которую союзъ по закону призванъ,—и мѣры эти, наконецъ, исчезли совершенно изъ обихода кантоновъ.

Верховный союзный судъ, въ компетенцію котораго входитъ слѣдить за тѣмъ, чтобы граждане не урѣзывались въ гарантированныхъ имъ союзной конституціей правахъ, обязанъ также слѣдить и за тѣмъ, чтобы нигдѣ въ кантонахъ больше не появлялось враждебныхъ печати новыхъ постановленій и чтобы обыватель не преслѣдовался такъ или иначе за выраженные имъ устно или печатно взгляды или мысли. И вся практика этого учрежденія ясно показываетъ, что оно строго придерживается того принципа, что убѣжденія ни въ коемъ случаѣ не должны быть сдѣланы предметомъ преступленія, что свобода слова и печати—высокое благо, и потому должна быть возможно лучше оберегаема отъ неуклюжихъ рукъ карательной власти.

Такъ создалось, наконецъ, то положеніе, на которое мы вначалѣ указали. Какое вліяніе оно имѣло на развитіе журналистики, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ цыфровыхъ данныхъ: до 1848 года въ Швейцаріи имѣлось всего 76 политическихъ газетъ; теперь же ихъ насчитывается болѣе 400. Въ

1843 году появляется лишь первая ежедневная газета; къ концу сороковыхъ годовъ таковыхъ можно насчитать не болѣе двадцати, а въ настоящее время ихъ уже имѣется 104, изъ которыхъ три выходятъ по два раза въ день, а одна даже три раза. Всего же въ Швейцаріи, по новѣйшимъ даннымъ, 1,200 различныхъ періодическихъ изданій, что составляетъ по одному такому изданію на 3,000 жителей, не считая при этомъ, конечно, той огромной періодической литературы, которая ввозится сюда ежегодно изъ за границы.

Что Швейцарія—богатая газетами и журналами страна, видно уже изъ приведенныхъ данныхъ; но еще болѣе это видно будетъ, если сравнимъ послѣднія съ данными о періодической печати другихъ странъ. Оказывается, что въ то время, какъ въ Швейцаріи, какъ указано было выше, одно періодическое изданіе приходится на 3,000 жителей, такое изданіе приходится въ Германіи лишь на 4,700, во Франціи—на 6,300, въ Англіи—на 7,800, въ Австріи—на 10,000, въ Италіи—на 12,000, а у насъ въ Россіи—болѣе чѣмъ на 100,000 жителей. Если же принять во вниманіе только политическую печать, то Швейцарія имѣетъ одну газету на 7,500 жителей, Германія—на 13,000, Австрія же только на 72,000. Такимъ образомъ, Швейцарія стоитъ, такъ сказать, во главѣ „бумажной культуры“.

Если успѣхи печати въ Швейцаріи можно отчасти объяснить потребностями сильно развившейся во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія торговли и промышленности, то все таки приходится сказать, что, главнымъ образомъ, она обязана своимъ развитіемъ той абсолютной свободѣ, которой она пользовалась, начиная съ 1848 года. Это ясно видно изъ слѣдующаго небольшого сопоставленія. Въ то время, какъ за пятьдесятъ почти лѣтъ—съ 1800 по 1848—появилось всего какихъ-нибудь 75 новыхъ періодическихъ изданій, уже самое первое десятилѣтіе послѣ основанія новаго союза насчитываетъ 73 такихъ изданія.

Весьма справедливо указываютъ на то, что количество свободы, которымъ печать пользуется въ странѣ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ мѣриломъ и всей политической свободы послѣдней въ ея совокупности; но съ не меньшимъ основаніемъ можно утверждать и обратное—чѣмъ свободнѣе политическія учрежденія страны, тѣмъ свободнѣе и ея печать. Это доказала намъ Швейцарія. Она поняла, что жизненный элементъ журналистики—это ея свобода, и поспѣшила одарить ее ею въ достаточной степени.

Зато и печать, съ своей стороны, сослужила Швейцаріи не малую службу. Если она теперь болѣе сплочена внутри и менѣе зависима отъ доброй воли и политики своихъ сосѣдей; если она теперь можетъ съ гордостью считать себя основательницей истинной демократіи и руководительницей народовъ на этомъ славномъ пути, то этимъ она въ большой степени обязана своей печати. Это знаетъ швейцарскій народъ и потому старается не

давать ее въ обиду и защищать отъ всякихъ поползновеній на ея свободу.

Намъ извѣстно, какъ швейцарскія власти нѣкогда относились къ печати; мы также видѣли, что она долгое время представлялась имъ зломъ, достойнымъ быть искорененнымъ всѣми мѣрами, и что онѣ на эти мѣры дѣйствительно не скупились. Послушаемъ же къ концу также, какъ отзывается о ней теперь одинъ изъ высшихъ сановниковъ страны, членъ союзнаго совѣта—вице-президентъ республики.

На бывшемъ годъ тому назадъ въ Бернѣ интернаціональномъ съѣздѣ представителей періодической печати вице-президентъ швейцарской республики сказалъ въ своей привѣтственной рѣчи, между прочимъ, слѣдующее:

„Если прессѣ, этой великой державѣ въ области мысли и пера, постоянно и повсюду приходится выполнять великую культурную миссію, то это тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто въ странѣ демократической. Такъ у насъ, въ Швейцаріи, гдѣ каждому гражданину должна быть дана возможность оріентироваться въ дѣлахъ политическихъ, гдѣ приходится, такъ сказать, политически воспитывать его, такъ какъ онъ призванъ подавать свой голосъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ и является отвѣтственнымъ за судьбу своей страны, за ея развитіе. Главнымъ условіемъ успѣшнаго выполненія этой задачи является прежде всего свобода, свобода печати. И ею мы пользуемся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Она гарантирована намъ нашей конституціей, какъ неотъемлемое основное право. Но пресса въ Швейцаріи еще и въ томъ отношеніи свободна, что она ограждена отъ всякаго вліянія на нее со стороны властей: у насъ нѣтъ субсидированной правительствомъ печати, нѣтъ вообще никакихъ правительственныхъ органовъ, долженствующихъ защищать его политику. Свободно и безпрепятственно печать можетъ выполнять у насъ поставленную себѣ задачу, можетъ ходить съ гордо поднятой головой, пока она сама не унизитъ себя какими-либо поступками, которые не только наказываются судомъ, но которые одинаково вызываютъ къ себѣ презрѣніе со стороны общественнаго мнѣнія“.

Д-ръ Юліанъ Райхесбергъ.

Бернъ.

Крестьянское царство.

(*Продолженіе*).

(Очеркъ исторіи и современнаго состоянія Канады).

VI.

Состояніе Канады въ XIX вѣкѣ до дарованія ей самоуправленія.

Послѣ окончанія войны Англіи съ Америкой и заключенія мира (1815 г.) начинается періодъ особенно быстрой колонизаціи Канады—этой далекой въ то время области (вспомнимъ, что первые опыты пароходнаго сообщенія черезъ Атлантическій океанъ были сдѣланы въ 20-хъ годахъ). За двадцать пять лѣтъ, протекшихъ между окончаніемъ упомянутой выше войны и 1840 годомъ, когда Канадѣ дано было полное самоуправленіе, населеніе Канады съ полумилліона увеличилось почти до полутора милліона; болѣе трети всего этого числа приходилось на долю Нижней или французской Канады. Однако, и въ этой наиболѣе старой части Канады появилось уже такъ много англичанъ, что они составляли до трети населенія Нижней Канады.

Нижняя Канада представляла собой не только самую населенную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самую богатую часть Канады, при чемъ богатство это въ извѣстной степени объяснялось особыми льготами, предоставленными Англіей канадскимъ лѣсопромышленникамъ. Надо сказать при этомъ, что честь организаціи торговли лѣсомъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ промысловъ, принадлежитъ не французамъ, а англичанамъ, которые всегда были и теперь остаются въ Канадѣ наиболѣе энергичнымъ элементомъ населенія. Итакъ, богатство колоніи, позволявшее ей легко покрывать расходы администраціи и имѣть каждый годъ значительный излишекъ въ средствахъ, объясняется предпріимчивостью англосаксонскаго меньшинства населенія колоніи. Въ исходѣ обозрѣваемаго нами періода исторіи Канады (1815—1840) въ Нижней Канадѣ были два города—Квебекъ и Монреаль,—имѣвшихъ каж-

дый до 35.000 жителей, при чемъ Монреаль, по мнѣнію путешественниковъ того времени, по красотѣ и благоустройству не уступалъ лучшимъ изъ городовъ С.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ.

Верхняя Канада [1]) немного уступала (на $^1/_5$) по населенію Нижней Канадѣ, но, будучи колонизована много позже, конечно, значительно уступала по богатству Нижней Канадѣ, которая и въ отношеніи торговли съ Англіей находилась, вслѣдствіе близости, въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Правда, и въ Верхней Канадѣ жители пользовались полнымъ матеріальнымъ достаткомъ, но это былъ достатокъ людей, жившихъ въ примитивныхъ условіяхъ обыкновенной обстановки піонеровъ. Населеніе Верхней Канады жило почти исключительно земледѣльческимъ трудомъ; въ этой колоніи было всего два города: Торенто (10.000 жит.) и Кингстонъ (4.000 жит.).

Въ противоположность Нижней Канадѣ населеніе Верхней Канады было весьма однородно по своему составу, такъ какъ колонія была заселена лойялистскими переселенцами изъ старыхъ англійскихъ колоній въ Америкѣ, къ которымъ впослѣдствіи присоединились эмигранты изъ метрополіи. Почти столь же однородный составъ имѣло и населеніе колоній Новой Шотландіи, Новаго Брунсвика и острова Принца Эдуарда [2]). Впрочемъ, въ судьбахъ Канады эти три колоніи—значительно менѣе населенныя (менѣе полумилліона жителей во всѣхъ трехъ колоніяхъ)—играли сравнительно маловажную роль, слѣдуя обыкновенно за болѣе значительными провинціями Канады.

О томъ, въ какой степени прогрессировала эксплуатація природныхъ богатствъ Канады въ теченіе первой трети XIX вѣка, можно судить по тому, что въ 1837 г. общая цѣнность ввоза въ Канаду достигала почти 50.000.000 руб. (5 милл. фунт. стерл.) и почти такую же цѣнность имѣли и товары, вывозимые изъ Канады (лѣсъ, пшеница, рыба). Прибавимъ къ этого рода интересной параллели, что передъ переходомъ Канады во власть англичанъ общая цѣнность вывоза не достигала и $8^1/_2$ мил. франк., т. е. полутора милліона рублей, и что внѣшняя торговля Сибири и теперь, вѣроятно, не достигаетъ означенныхъ выше суммъ, относящихся къ Канадѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Народное образованіе въ Канадѣ, сообщаетъ намъ одинъ изъ ея историковъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей, значительно ушло впередъ по сравненію съ эпохой владычества въ Канадѣ французовъ, когда даже дѣти офицеровъ и чиновниковъ сплошь и рядомъ были неграмотны. Впрочемъ, все таки „и въ 30-хъ годахъ XIX вѣка дѣло образованія находилось въ жалкомъ положеніи: въ школахъ числилось не болѣе $^1/_{15}$, т. е. $6^1/_2$% насе-

---

[1]) Вспомнимъ, что такъ называлась тогда территорія, носящая въ настоящее время названіе провинціи Онтаріо.

[2]) Всѣ эти колоніи, или, по канадской терминологіи, провинціи, находятся къ югу и востоку отъ рѣки Св. Лаврентія.

ленія“ [1]). У насъ, русскихъ, конечно, въ этомъ отношеніи долженъ быть иной масштабъ, такъ какъ извѣстно, что у насъ и теперь еще не болѣе 4% населенія въ школахъ. Впрочемъ, даже и по сравненію съ Англіей того времени образованіе въ Канадѣ было не такъ плохо, такъ какъ едва ли можно допустить, чтобы въ 30-хъ годахъ въ школахъ Соединеннаго Королевства насчитывалось болѣе 15% населенія страны, хотя, конечно, школы метрополіи были организованы много лучше.

Еще болѣе поразительно для насъ, русскихъ, отмѣтить тотъ фактъ, что въ описываемое нами время въ Канадѣ былъ рядъ т. наз. грамматическихъ школъ, что соотвѣтствуетъ нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, и три высшихъ учебныхъ заведенія, основанныхъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Наиболѣе характернымъ, однако, какъ для указанія степени распространенія въ Канадѣ образованія, такъ и для указанія степени политическаго развитія населенія Канады слѣдуетъ считать тотъ фактъ, что въ одной лишь Верхней Канадѣ выходило въ описываемое нами время болѣе 40 періодическихъ изданій, т. е. почти столько же, сколько выходило такихъ изданій во всей Россіи того времени.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ политическаго состоянія Канады послѣ войны 1812—1815 годовъ, слѣдуетъ сказать, что въ теченіе 20-хъ и 30-хъ годовъ истекшаго только что столѣтія у жителей Канады явилось постепенно не мало поводовъ для неудовольствій на правительство метрополіи и его мѣстныхъ агентовъ—провинціальныхъ губернаторовъ. Въ Нижней Канадѣ отношенія между губернаторомъ и избираемымъ народомъ собраніемъ представителей обострились вслѣдствіе разногласій по поводу расходованія народныхъ денегъ. Другимъ обстоятельствомъ, вызывавшимъ раздоръ между губернаторомъ и народнымъ собраніемъ, были мѣры, имѣвшія цѣлью содѣйствіе притоку новыхъ иммигрантовъ въ колонію. Дѣло въ томъ, что почти всѣ иммигранты были родомъ англичане, вслѣдствіе чего содѣйствіе иммиграціи колонистовъ было равносильно усиленной „англицизаціи“ края, что, конечно, никоимъ образомъ не могло входить въ расчеты большинства населенія Нижней Канады, состоявшаго въ то время изъ французовъ.

Въ разногласіяхъ между народнымъ собраніемъ и губернаторомъ послѣдній находилъ всегда поддержку въ исполнительномъ совѣтѣ, представлявшемъ собой родъ верхней палаты, члены которой назначались правительствомъ, отдававшимъ, конечно, преимущество англичанамъ; англичанамъ же доставались по большей части и разныя болѣе или менѣе выгодныя мѣста по администраціи колоніи, если назначеніе на эти мѣста зависѣло отъ губернатора.

Дѣло въ томъ, что хотя въ Нижней, какъ и въ Верхней, Канадѣ, въ описываемое нами время и существовала нѣкоторая

---

1) Bourinot. Canada under British rule, 162.

форма представительнаго правленія, тѣмъ не менѣе вліяніе населенія на ходъ государственныхъ дѣлъ было сравнительно слабо. Правда, избранному болѣе достаточной частью колонистовъ народному собранію принадлежала исключительная власть назначать налоги и другіе внутренніе сборы, чѣмъ обезпечивалось извѣстное вліяніе на губернатора и администрацію края, но, съ другой стороны, эта самая администрація не была отвѣтственна передъ народнымъ собраніемъ, а лишь передъ назначившимъ ее губернаторомъ.

Въ Нижней Канадѣ положеніе дѣла осложнялось тѣмъ, что масса колонистовъ состояла изъ французовъ, администрація же края изъ англичанъ, составлявшихъ, какъ мы знаемъ, не болѣе трети населенія Нижней Канады.

Все это намъ объясняетъ, почему, начиная съ 20-хъ годовъ, въ Англію были посылаемы періодически петиціи изъ Канады съ выраженіемъ разныхъ неудовольствій колонистовъ. Однако, въ Англіи въ это время все еще доминировали реакціонныя вліянія, получившія преобладаніе вслѣдъ за окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ; вслѣдствіе этого петиціи колонистовъ были оставляемы безъ вниманія.

Агитація противъ правительства метрополіи имѣла въ Нижней Канадѣ отчасти англофобскій, т. е. расовый характеръ, при чемъ во главѣ недовольныхъ стоялъ молодой французъ Папино, выбранный народнымъ представителемъ въ 1815 г. и съ тѣхъ поръ болѣе двадцати лѣтъ лѣтъ подъ-рядъ выбиравшійся предсѣдателемъ (спикеромъ) народнаго собранія.

Этотъ фактъ характеризуетъ, конечно, настроеніе большинства представителей французскихъ жителей Нижней Канады, но онъ еще болѣе характеризуетъ ту свободу, которую и въ то время англійское правительство предоставляло критикамъ своихъ порядковъ дома и въ колоніяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ Папино уже открыто говорилъ о желательности основанія въ Канадѣ „la nation Canadienne“. Не имѣя возможности прямо помѣшать губернатору содѣйствовать иммиграціи въ Нижнюю Канаду англичанъ изъ метрополіи и желая сдѣлать его болѣе покорнымъ волѣ народныхъ представителей, народное собраніе въ 1832 г., въ значительной степени подъ вліяніемъ Папино, отказалось даже вотировать бюджетъ на содержаніе администраціи, вслѣдствіе чего чиновники, судьи и другія лица администраціи остались безъ жалованья, при чемъ такой порядокъ, или, вѣрнѣе, безпорядокъ, продолжался нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ.

Не довольствуясь этимъ, въ слѣдующемъ, т. е. 1834 году, палата представителей подъ вліяніемъ пламенныхъ рѣчей Папино вотировала знаменитыя въ исторіи Канады 92 резолюціи, въ которыхъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалось англійское правительство и даже вообще всякое монархическое правительство; въ то же время правительству С. Штатовъ, „пользующемуся

любовью гражданъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое либо иное изъ нынѣ существующихъ правительствъ", высказывались столь же неумѣренныя похвалы. Въ дальнѣйшихъ резолюціяхъ недовольное большинство палаты, настаивая на безусловной необходимости реорганизаціи управленія Канады, предлагало „принять въ этомъ случаѣ С. Штаты за образецъ". Въ резолюціяхъ было и напоминаніе англійскому парламенту „о послѣдствіяхъ, какія имѣли для Англіи попытки управлять американскими колоніями несогласно съ желаніями народа".

Была, впрочемъ, и другая сторона вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, англійское меньшинство населенія колоніи, къ которому пристала болѣе благоразумная часть французовъ, составило также резолюцію, но уже въ иномъ тонѣ, жалуясь на отсталое земельное законодательство Нижней Канады и обвиняя въ этомъ чрезмѣрную привязанность французскаго большинства палаты къ завѣщаннымъ французскимъ режимомъ учрежденіямъ.

Получивъ упомянутый выше „адресъ" палаты представителей Нижней Канады, гдѣ, какъ мы сказали, съ 1832 года не было вотируемо денегъ на содержаніе администраціи края, англійское правительство рѣшило послать въ Канаду комиссію для изученія положенія дѣла. Комиссія вернулась черезъ годъ, представивъ отчетъ, на основаніи котораго лордъ Джонъ Россель, глава англійскаго кабинета того времени, внесъ въ 1837 г. въ англійскій парламентъ проектъ реформы исполнительнаго совѣта Нижней Канады. Согласно этому проекту совѣтъ долженъ былъ болѣе точно выражать желанія населенія колоніи, хотя все таки населенію не было и теперь дано право выбирать членовъ совѣта, чего добивалась наиболѣе радикальная часть французскаго населенія Канады.

Вѣсть о компромиссѣ, на которой готово было итти правительство метрополіи, не успокоила Папино и его наиболѣе горячихъ сторонниковъ. Въ газетѣ, считавшейся органомъ Папино, можно было прочесть такія фразы: „все становится законнымъ, когда находятся въ опасности основы свободы", „не должно быть никакой пощады дли нашихъ грабителей".

Въ газетахъ континентальныхъ странъ Европы того времени, не пользовавшихся и половиной той свободы, которой пользовалась Канада, появлялись рѣзкія статьи по адресу коварнаго Альбіона, губящаго всякіе признаки свободы въ своихъ американскихъ колоніяхъ и въ то же время эксплуатирующаго эти колоніи для вящей выгоды своихъ мануфактуристовъ. Однимъ словомъ, въ этомъ случаѣ повторилось то, что уже за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ происходило во время т. наз. американской революціи. Въ самомъ дѣлѣ, эти старыя англійскія колоніи, пользовавшіяся фактически такой свободой самоуправленія и самообложенія, какой не имѣлъ ни одинъ изъ народовъ континентальной Европы того времени, подняли тѣмъ не менѣе знамя возстанія, такъ какъ желали еще большей свободы. Порабощенные же народы Европы привѣтствовали это движеніе, видя

въ немъ протестъ колонистовъ, доведенныхъ до отчаянія угнетеніями англичанъ, не подозрѣвая въ огромномъ большинствѣ случаевъ, что то, что называлось „рабствомъ“ въ Америкѣ, явилось бы для Европы верхомъ возможной свободы....

Возвратимся, однако, къ Канадѣ конца тридцатыхъ годовъ и будемъ говорить пока о состояніи Нижней Канады. Что же мы видимъ въ этой *угнетаемой* колоніи? Съ 1832 г. собраніе представителей не вотируетъ денегъ на содержаніе администраціи, вслѣдствіе чего правительство задолжало болѣе 7 мил. рублей судьямъ и другимъ лицамъ, находящимся на службѣ. Оппозиціонныя газеты были полны рѣзкихъ отзывовъ о правительствѣ метрополіи и его представителяхъ въ Канадѣ, какъ это мы видѣли по примѣру нѣсколькихъ фразъ, заимствованныхъ изъ органа Папино. Въ то же время таможенная политика Англіи приняла такое направленіе, что ложилась тяжелымъ бременемъ на главную массу потребителей въ Англіи, не принося никакихъ существенныхъ выгодъ англійскимъ купцамъ и промышленникамъ [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого въ томъ, что въ Англіи существовала тогда довольно значительная партія, крайне недовольная существованіемъ колоніальныхъ владѣній и готовая дажепо возможности развязаться, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ такихъ колоній.

Это же обстоятельство объясняетъ намъ, почему знамя возстанія, которое въ своемъ неумѣренномъ увлеченіи поднялъ въ 1837 г. Папино и его наиболѣе горячіе сторонники, собрало вокругъ себя незначительное число лицъ; большинство же населенія Нижней Канады не подумало пристать къ движенію, рѣзкость котораго не имѣла за собой сколько нибудь серьезныхъ основаній. Въ короткое время повстанцы были побѣждены, многіе изъ нихъ бѣжали въ С. Штаты, при чемъ въ числѣ первыхъ бѣглецовъ былъ самъ Папино.

Таково было положеніе дѣлъ въ Нижней или французской Канадѣ. Положеніе дѣлъ въ Верхней Канадѣ было немного лучше. Для того, чтобы выяснить состояніе Верхней Канады въ описываемое нами время, слѣдуетъ сказать, что во главѣ правительства этой провинціи, какъ и Нижней Канады, стоялъ губернаторъ, дѣлившій законодательную власть съ т. наз. законодательнымъ совѣтомъ (legislative council), члены котораго назначались правительствомъ, и народнымъ собраніемъ (Assembly), члены котораго выбирались населеніемъ. Управленіе провинціей находилось въ рукахъ губернатора и состоявшаго при немъ исполнительнаго совѣта, состоящаго изъ лицъ, имъ выбираемыхъ и только передъ нимъ отвѣтственныхъ. Такой порядокъ управленія былъ установленъ согласно вышеупомянутому Constitution Act'у 1791 г.,

---

[1]) См. выше характеристику таможенной политики Англіи относительно колоній, а также сочиненіе проф. Davidson'a. Commercial Federation and Colonial Trade Policy. London and New York, 1900.

когда произошло раздѣленіе бывшей колоніи Квебекъ на двѣ самостоятельныя провинціи—Нижнюю и Верхнюю Канаду.

Въ началѣ XVIII столѣтія населеніе Верхней Канады, какъ мы знаемъ, было ничтожно; притокъ новыхъ эмигрантовъ изъ Англіи въ первое время существованія колоніи увеличивался медленно, вслѣдствіе чего въ колоніи образовался мало-по-малу кругъ семействъ, фактически захватившихъ въ свои руки всѣ болѣе выгодныя должности и мѣста. Какъ читатель помнитъ, Верхняя Канада была заселена сначала такъ называемыми лойялистами изъ старыхъ американскихъ колоній, почему правительство метрополіи всегда считало себя обязаннымъ быть особенно любезнымъ по отношенію къ этимъ лойялистамъ и ихъ ближайшимъ потомкамъ, награждая ихъ мѣстами въ ущербъ болѣе позднимъ колонистамъ края. Это послѣднее было тѣмъ болѣе возможно, что администрація колоніи, какъ мы знаемъ, не была зависима прямо или косвенно отъ выборнаго народнаго собранія, почему губернаторъ при замѣщеніи должностей могъ поступать по крайнему своему разумѣнію, или, иначе, по своему произволу, котораго не могли сдержать зависящіе болѣе или менѣе отъ него исполнительный и законодательный совѣты.

Когда въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ въ Англіи и въ сосѣднихъ С. Штатахъ стали торжествовать демократическіе,—а въ Соед. Штатахъ даже ультра-демократическіе,—принципы, существованіе такого рода незаконной олигархіи или клики, забравшей въ свои руки все вліяніе и власть, стало казаться нестерпимымъ зломъ для остальной массы жителей Верхней Канады. Послушное голосу общественнаго мнѣнія, народное собраніе (Assembly) Верхней Канады составило въ 1835 г. цѣлое посланіе правительству метрополіи, въ которомъ перечисляло необходимые, по его мнѣнію, реформы, изъ которыхъ важнѣйшими были: отвѣтственность министровъ передъ народнымъ собраніемъ, установленіе выборнаго законодательнаго совѣта (родъ верхней палаты), сокращеніе числа должностей, замѣщаемыхъ по усмотрѣнію правительства, и т. д. Отправляя этотъ „адресъ“ (address) въ Англію, губернаторъ сообщалъ правительству метрополіи, что считаетъ все движеніе затѣей сравнительно незначительной группы недовольныхъ, на которую не стоитъ обращать вниманія.

Англійскому правительству въ то тревожное время было много дѣла и у себя дома, чтобы вникать въ колоніальную жизнь, вслѣдствіе чего адресъ законодательнаго собранія Верхней Канады не имѣлъ никакихъ практическихъ результатовъ. Мы знаемъ, однако, что въ это самое время въ сосѣдней провинціи, Нижней Канадѣ—велась весьма смѣлая и рѣшительная агитація противъ Англіи Папино и его сторонниками. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что вскорѣ завязались нѣкоторыя сношенія между наиболѣе горячими головами въ обѣихъ провинціяхъ, вслѣдствіе чего поднятіе возстанія въ Ниж-

ней Канадѣ послужило сигналомъ и для аналогичнаго движенія среди недовольной части населенія Верхней Канады.

Однако, въ Верхней Канадѣ было еще меньше серьезныхъ основаній для возстанія, чѣмъ въ Нижней, вслѣдствіе чего число сторонниковъ мятежа въ первой изъ названныхъ провинцій оказалось совершенно ничтожнымъ; большинство населенія оказало даже содѣйствіе правительству въ подавленіи возстанія, самая возможность котораго объясняется презрительнымъ игнорированіемъ губернатора открытой агитаціи, которой занималась незначительная группа непримиримыхъ. Большинство населенія Канады было, правда, недовольно вышеописанными недостатками управленія, но въ то же время было увѣрено въ возможности добиться отъ англійскаго правительства необходимыхъ реформъ настойчивыми и энергичными, но въ то же время облеченными въ легальную форму требованіями. Послѣдующая исторія Канады подтверждаетъ, какъ намъ кажется, правильность послѣдней точки зрѣнія.

VII.

Дарованіе Канадѣ самоуправленія и переломъ въ колоніальной политикѣ Англіи.

Итакъ, въ 1837 г. въ Верхней и Нижней Канадѣ небольшой группой смѣльчаковъ и непримиримыхъ было поднято почти одновременно знамя возстанія противъ Англіи. Не имѣя подъ собой серьезной почвы, возстаніе было безъ труда подавлено, несмотря на ничтожное количество регулярныхъ войскъ въ Канадѣ. Оба предводителя движенія (Папино въ Нижней Канадѣ и Мэкензи въ Верхней) должны были искать спасенія своей жизни бѣгствомъ въ сосѣднюю американскую республику.

Таковы были обстоятельства въ Канадѣ, когда на англійскій престолъ вступила (въ іюнѣ 1837 г.) семнадцатилѣтняя королева Викторія, въ царствованіе которой совершилась полная перемѣна въ характерѣ колоніальной политики Англіи. Какъ ни скоро было потушено пламя возстанія въ Канадѣ, правительство метрополіи было имъ сильно напугано: оно пріостановило дѣйствіе конституціи въ обѣихъ Канадахъ и послало туда въ качествѣ генералъ-губернатора и чрезвычайнаго уполномоченнаго лорда Дургама—одного изъ самыхъ видныхъ представителей радикальной фракціи либеральной партіи, къ которой принадлежало и министерство. Лорду Дургаму было поручено „упрочить верховную власть британскаго правительства, поддержать честь и святость законо"... „игнорируя всякіе партійные счеты англійскаго и французскаго населенія"... На основаніи изученія положенія дѣла на мѣстѣ, лордъ Дургамъ долженъ былъ „представить свои соображенія о наиболѣе пригодной организаціи правительственной власти въ Верхней и Нижней Канадѣ".

Какъ главноуполномоченный (high commissioner), лордъ Дургамъ выполнилъ свою задачу превосходно. Отчетъ его о состоя-

ніи Канады и необходимыхъ реформахъ составленъ превосходно; онъ послужилъ для министерства исходнымъ пунктомъ для реформы управленія Канады, реформы, сопровождавшейся самыми благими результатами. Отчетъ Дургама, можно сказать, создалъ нѣкоторую эпоху въ развитіи колоніальной политики Англіи, онъ не потерялъ своего значенія до настоящаго дня, что убѣдительнѣе всего доказывается недавнимъ (1912 г.) выходомъ въ свѣтъ новаго изданія этого отчета, что, какъ извѣстно, вообще можно считать фактомъ чрезвычайно рѣдкимъ по отношенію ко всякимъ офиціальнымъ документамъ.

Не такъ удачна была дѣятельность Дургама, какъ генералъ-губернатора Канады: тутъ онъ, несмотря на свои радикальные принципы, поддался нѣкоторымъ вспышкамъ своей властной натуры, позволилъ себѣ нѣсколько незаконныхъ поступковъ по отношенію къ захваченнымъ въ плѣнъ повстанцамъ, за что и былъ смѣщенъ, какъ только англійскому обществу сталъ извѣстенъ фактъ противозаконнаго лишенія свободы нѣсколькихъ лицъ.

Въ январѣ 1839 г. отчетъ лорда Дургама былъ опубликованъ въ числѣ такъ называемыхъ „синихъ книгъ“ англійскаго парламента и сразу привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Сущность предложеній Дургама заключалась въ соединеніи Верхней и Нижней Канады въ одну колонію или провинцію и въ дарованіи колонистамъ возможности имѣть отвѣтственное передъ ними правительство.

Въ объясненіе предшествующихъ словъ слѣдуетъ сказать, что въ Англіи различаютъ представительное (representative government) и отвѣтственное правительство (responsible government). Представительнымъ называется такое правительство, въ которомъ крупную роль играетъ собраніе народныхъ представителей, отъ которыхъ въ большей или меньшей степени зависитъ опредѣленіе размѣра суммъ, подлежащихъ взиманію съ населенія въ видѣ налоговъ, и, частію, способъ расходованія этихъ суммъ органами исполнительной власти. Такое же правительство, гдѣ самые органы исполнительной власти отвѣтственны за всѣ свои дѣйствія передъ выборнымъ народнымъ собраніемъ, называется отвѣтственнымъ, хотя характеръ и способы осуществленія этой отвѣтственности варіируютъ въ весьма значительной степени, какъ это показываетъ самая исторія Англіи въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ [1]).

О характерѣ отчета лорда Дургама можно судить, напр., по тому, что онъ отказывался „понять, какимъ образомъ какой-либо государственный человѣкъ въ Англіи могъ когда-либо вообразить, что колоніей съ представительнымъ собраніемъ можно хорош управлять, не давая ей отвѣтственнаго правительства... Пре

[1]) См. по поводу предшествующихъ строкъ „A. Caldecott. Englis Colonization and Empire. London 1901 или Cotton and Payne Colonies an Dependencies, (English Citizen Series).

положить что-либо подобное—это значить думать, что французы могли полвѣка пользоваться представительными учрежденіями, не уразумѣвъ въ концѣ концовъ, въ чемъ заключается основной признакъ свободнаго народа, или что англичане теряютъ свои политическіе принципы и чувства, какъ только переселяются въ колоніи, или что духъ англосаксонской свободы совершенно измѣняется и ослабляется у тѣхъ представителей этой расы, которые переѣхали на другую сторону Атлантическаго океана" [1]).

Въ январѣ 1839 г., какъ мы знаемъ, былъ опубликованъ отчетъ лорда Дургама; въ іюнѣ того же года правительство метрополіи внесло въ парламентъ проектъ реформы управленія Канады, согласованный съ предложеніями лорда Дургама. Послѣ двухъ чтеній билля въ парламентѣ, правительство отложило третье и послѣднее чтеніе почти на годъ, чтобы дать возможность ознакомиться съ биллемъ населенію Канады и, если бы это понадобилось, сдѣлать въ законопроектѣ соотвѣтственныя измѣненія. Вмѣстѣ съ этимъ министръ колоній офиціально сообщалъ въ Канаду, что правительство метрополіи „не имѣетъ вовсе намѣренія держаться такой политики относительно своихъ подданныхъ въ Канадѣ, которая не согласовалась бы съ желаніями этихъ послѣднихъ", и что „правительству метрополіи было бы пріятнѣе всего видѣть полную гармонію между исполнительной и законодательной властью въ Канадѣ".

Проектъ Канадской конституціи, внесенный министерствомъ въ 1839 г. и одобренный обѣими палатами англійскаго парламента въ 1840 г., состоялъ, во-первыхъ, въ соединеніи Нижней и Верхней Канады въ одну колонію съ общимъ управленіемъ, почему законопроектъ и назывался Union bill (а по утвержденіи—Union Act). Согласно новому закону, законодательная власть въ Канадѣ принадлежала законодательному совѣту, представлявшему родъ верхней палаты, члены которой назначались пожизненно, и палатѣ депутатовъ, члены которой избирались населеніемъ, при чемъ каждой изъ двухъ бывшихъ провинцій было дано одинаковое число представителей въ нижней палатѣ. Соединеніе двухъ провинцій въ одну съ общими высшими учрежденіями должно было, по мысли законодателей, содѣйствовать большему сліянію французскаго и англосаксонскаго элементовъ въ населеніи Канады, между которыми все еще замѣчался значительный антагонизмъ и недовѣріе.

Съ формальной точки зрѣнія новый конституціонный актъ мало измѣнялъ порядки управленія Канадой; все дѣло было въ томъ, какъ новая конституція будетъ примѣняться на практикѣ. Для полнаго выясненія этого крайне важнаго вопроса намъ придется сдѣлать небольшое отступленіе и познакомить читателя

---

[1]) См. Bourinot. Canade under British Rule, 1900, или C. Hopkins. Progress of Canada in the (19) Century. London. 1902 (Nineteenth Century Series).

съ нѣкоторыми основными особенностями государственнаго строя Англіи.

Вѣроятно, не всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстно, что англійская конституція—даже въ наиболѣе важныхъ своихъ чертахъ—представляетъ собой рядъ болѣе или менѣе твердо установившихся обычаевъ, сила которыхъ покоится на уваженіи англичанъ къ прецеденту, не опираясь вовсе на какомъ бы то ни было писаномъ законѣ. Современная форма правленія въ Англіи, говоритъ глубокій знатокъ государственнаго права профессоръ Э. Дженксъ [1]), „представляетъ собой любопытный продуктъ англійской исторіи XVIII и начала XIX столѣтій и можетъ служить лучшимъ доказательствомъ основательности притязанія англійскаго народа на изобрѣтательность въ области политическихъ учрежденій... Вотъ что можно считать главными основами англійской системы управленія черезъ посредство отвѣтственнаго министерства или кабинета.

1) Контроль всѣхъ органовъ исполнительной власти группой лицъ (министровъ), стоящихъ во главѣ разныхъ отраслей управленія; совѣтамъ этихъ лицъ глава государства долженъ слѣдовать во всѣхъ случаяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ рѣдкихъ вопросовъ, могущихъ возникнуть относительно распущенія парламента. 2) Всѣ члены этой группы лицъ или т. наз. кабинета министровъ должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ членами одной или другой палаты, гдѣ имъ могутъ быть предлагаемы разные запросы относительно состоянія разныхъ частей управленія. 3) Почти всѣ лица, состоящія на государственной службѣ, кромѣ министровъ, не могутъ быть въ то же время членами палаты общинъ, какъ болѣе вліятельной части парламента; такимъ образомъ, министерство или кабинетъ не имѣетъ возможности вліять на подачу голосовъ въ парламентѣ раздачей должностей. 4) Всѣ члены парламента, принимая министерскій портфель, должны для сохраненія права засѣданія въ парламентѣ вновь явиться въ свои избирательные участки для переизбранія. 5) Твердо установившееся обыкновеніе, согласно которому кабинетъ долженъ подавать въ отставку, какъ только онъ потеряетъ поддержку большинства палаты общинъ. 6) Стремленіе кабинета представляетъ собой солидарную группу лицъ, готовыхъ вмѣстѣ работать и вмѣстѣ же оставлять власть для передачи ея другимъ“...

„Изъ этихъ основныхъ фактовъ англійской конституціи только два (третій и четвертый) имѣютъ источникомъ положительный законъ. Все же остальное, даже самыя названія кабинета или перваго министра, взаимныя отношенія перваго министра и его коллегъ, равно какъ и отношенія кабинета и парламента, обезательство для короля (въ колоніяхъ губернатора. П. М.)

---

[1]) Ed. Jenks (бывшій профессоръ Мельбурнскаго, нынѣ профессоръ одного изъ англійскихъ университетовъ) History of Australasian Colonies, 1895, стр. 239 и слѣд.

слѣдовать указаніямъ кабинета министровъ,—все это ни единымъ словомъ не упоминается ни въ одномъ англійскомъ законѣ, являясь лишь результатомъ длинной и сложной политической исторіи Англіи“...

Предшествующее авторитетное указаніе чрезвычайно характерныхъ особенностей парламентарнаго режима въ Англіи вполнѣ объясняетъ намъ, почему и въ новой конституціи Канады не было никакого прямого упоминанія ни о кабинетѣ министровъ, ни объ отвѣтственности министровъ передъ выборной палатой, ни о нѣкоторыхъ другихъ весьма важныхъ основахъ парламентарнаго правленія. Весьма понятно также, что губернаторъ вновь организованной колоніи не рѣшился разстаться сразу со своей властью и первое время пытался, составивъ кабинетъ изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ нижней палаты, предоставить этому кабинету лишь совѣщательный голосъ, сохранивъ за собой рѣшающій голосъ во всѣхъ случаяхъ. Это не могло, конечно, удовлетворить палату представителей. Она вотировала нѣсколько резолюцій, въ которыхъ требовала отвѣтственности правительства въ той формѣ, въ какой она существовала тогда въ самой Англіи. Правительство метрополіи стало на сторону колонистовъ, и съ тѣхъ поръ губернаторъ Канады сталъ въ колоніи играть роль конституціоннаго короля, который „царствуетъ, но не управляетъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно англійскому королю въ метрополіи, губернаторъ не отвѣтственъ передъ населеніемъ колоніи ни за одно изъ распоряженій и дѣйствій правительства колоніи, хотя всѣ эти распоряженія дѣлаются именемъ губернатора.

Объясняется это тѣмъ, что губернаторъ въ такихъ случаяхъ является лишь исполнителемъ воли кабинета, несущаго всю отвѣтственность передъ законодательными собраніями. Потеря довѣрія собранія ведетъ за собой паденіе министерства, послѣ чего губернаторъ, слѣдуя опять таки образу дѣйствій короля въ метрополіи, обращается къ предводителю оппозиціонной партіи съ предложеніемъ составить новое министерство.

Правда, есть случаи, когда губернаторъ можетъ или даже долженъ не подписывать законопроекта, хотя бы онъ былъ утвержденъ обѣими палатами, но эти случаи бываютъ рѣдко и касаются лишь вопросовъ, затрагивающихъ интересы всей Британской Имперіи.

Впрочемъ, полное свое развитіе принципъ отвѣтственности правительства получилъ въ Канадѣ лишь въ концѣ 40-ыхъ годовъ, когда губернаторомъ Канады былъ знаменитый политическій дѣятель Англіи, впослѣдствіи вице-король Индіи, лордъ Элджинъ.

Скажемъ, наконецъ, что около описываемаго нами времени полное самоуправленіе было предоставлено и другимъ болѣе значительнымъ провинціямъ Канады—Новой Шотландіи и Новому Брунсвику, хотя это совершилось и не безъ нѣкоторыхъ колебаній со стороны правительства метрополіи.

Указываемые нами факты имѣютъ огромное принципіальное значеніе, такъ какъ ими знаменуется начало новаго направленія въ колоніальной политикѣ Англіи, показавшей примѣръ всему міру почти безразличнаго довѣрія уму, такту и вѣрноподданническимъ чувствамъ своихъ гражданъ, основавшихъ за океаномъ Новую Англію.

VIII.

Взглядъ на исторію Канады отъ дарованія самоуправленія до федеративнаго движенія.

Изъ предшествующей главы мы знаемъ, что съ 40-ыхъ годовъ прошлаго вѣка въ исторіи Канады начинается новая эпоха, главными особенностями которой слѣдуетъ считать соединеніе Верхней и Нижней Канады въ одну провинцію и предоставленіе этой новой провинціи или колоніи, а затѣмъ и другимъ англійскимъ колоніямъ въ Америкѣ полнаго самоуправленія, простирающагося на всѣ отрасли общественной жизни.

Двадцатипятилѣтіе, протекшее со времени реформы управленія Канады до начала федеративнаго движенія между канадскими провинціями, ознаменовалось, вообще говоря, еще болѣе значительнымъ прогрессомъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ первая половина XIX вѣка, въ чемъ нельзя не видѣть убѣдительнаго доказательства благотворности поворота въ колоніальной политикѣ Англіи, совершившагося, какъ мы знаемъ, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ знаменитаго лорда Дургама.

Въ самомъ дѣлѣ, начнемъ съ прогресса въ численности населенія Канады: въ 1841 г. населеніе всей Канады (со включеніемъ Новаго Брунсвика и друг. провинцій) не достигало и полутора милліона, въ 1861 г. оно переходило за 3 мил. (3,200,000), т. е. за двадцать лѣтъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза. Особенно сильно, однако, было увеличеніе населенія въ прежней провинціи Верхней Канады: тогда какъ населеніе Нижней или французской Канады не увеличилось и вдвое (съ 600,000 до 1,100,000), населеніе Верхней Канады увеличилось болѣе, чѣмъ втрое (съ 400,000 до 1,400,000). Такимъ образомъ, за указываемое двадцатипятилѣтіе прежняя провинція Верхняя Канада, будучи, какъ мы знаемъ, наиболѣе молодой, стала вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе населенной и богатой частью всѣхъ англійскихъ владѣній въ С. Америкѣ. Старинный французскій городъ Квебекъ насчитываетъ всего до 50,000 жителей, тогда какъ въ болѣе молодыхъ городахъ Монреалѣ и Торенто насчитывалось: въ первомъ до 100,000, а во второмъ до 60,000 жителей. Скажемъ для параллели, что въ описываемое время въ Сибири не было еще ни одного города съ 50,000 населенія.

Заселенію Верхней Канады много содѣйствовала усиленная эмиграція изъ Ирландіи, послѣдовавшая вслѣдъ за злополучнымъ

въ исторіи Ирландіи 1848 годомъ, годомъ полнаго неурожая картофеля и массовыхъ голодовокъ. При всей своей любви къ „Золотому Эрику“ (какъ ирландцы называютъ свой островъ) ирландцы десятками тысячъ покидали свою родину и ѣхали въ дебри Канады, гдѣ такъ легко было заработать пропитаніе привычнымъ имъ земледѣльческимъ трудомъ и гдѣ весьма скоро можно было сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ, о чемъ не приходилось и мечтать въ классической странѣ лэндлордизма.

Надо сказать при этомъ, что соединеніе Нижней и Верхней Канады въ одну провинцію или колонію повлекло за собой нѣкоторое сближеніе англосаксонскаго и французскаго населенія, при чемъ англійскому большинству удалось съ теченіемъ времени добиться отмѣны или, по меньшей мѣрѣ, ослабленія завѣщаннаго французскимъ режимомъ феодальнаго земельнаго законодательства, остававшагося до тѣхъ поръ въ Нижней Канадѣ почти не тронутымъ. Такимъ образомъ, были, напр., выкуплены у помѣщиковъ ихъ права на нѣкоторыя натуральныя повинности со стороны мѣстнаго крестьянскаго населенія. Въ томъ же духѣ, т. е. въ духѣ новыхъ культурныхъ вѣяній было реформировано и мѣстное управленіе въ Канадѣ, носившее также до тѣхъ поръ многіе слѣды „добраго стараго времени“ съ вотчинной полиціей и вотчинной юстиціей.

Труднѣе было справиться съ затрудненіемъ, которое представляло для прогресса колонизаціи края сосредоточеніе значительныхъ земельныхъ владѣній въ рукахъ духовенства. Однако, въ половинѣ 50-ыхъ годовъ удалось, наконецъ, провести законъ, въ силу котораго многія земли, предназначавшіяся для обезпеченія нуждъ духовенства, были переданы городскимъ и сельскимъ свѣтскимъ властямъ; взамѣнъ этого духовенство получило небольшіе денежные капиталы.

Въ пятидесятыхъ же годахъ началась въ Канадѣ постройка желѣзныхъ дорогъ, общее протяженіе которыхъ въ 1864 г. достигло уже трехъ тысячъ верстъ, т. е. немного уступало протяженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ около того же времени.

Наконецъ, въ описываемое нами время было положено начало превосходной системѣ начальнаго народнаго образованія въ Канадѣ, при чемъ, какъ и можно было ожидать, особенную заботливость о школахъ проявило англійское населеніе прежней Верхней Канады, видѣвшее достойный подражанія образецъ въ сосѣдней американской республикѣ. Въ т. наз. Нижней Канадѣ дѣло организаціи народнаго образованія крайне затруднялось разноисповѣднымъ составомъ населенія и сохранившимся со временъ французскаго владычества большимъ вліяніемъ на начальное образованіе католическаго духовенства, что выражалось не только въ требованіи отдѣльныхъ школъ для католическаго населенія, но и въ доминирующемъ значеніи предметовъ религіознаго образованія и воспитанія въ ущербъ общимъ или свѣтскимъ задачамъ школы.

Скажемъ въ заключеніе, что въ 1864 г. общая цѣнность вывоза товаровъ изъ Канады и ввоза въ нее достигла феноменальной для того времени и для столь молодой и малолюдной страны (3 мил. жителей)—цыфры въ 300,000,000 рубл., увеличившись за 25 лѣтъ въ три раза.

Для полной оцѣнки этого прогресса Канады слѣдуетъ вспомнить, что въ *десятилѣтіе* между 1850 и 1860 г. цѣнность ввоза въ Россіи составляла, въ среднемъ, 119 мил. рубл. въ годъ и цѣнность вывоза 129 мил.; иными словами, обороты внѣшней торговли Канады превосходили обороты внѣшней торговли Россіи въ предшествующее десятилѣтіе [1]).

IX.

Образованіе федераціи Канадскихъ провинцій (колоній).

Какъ ни быстро прогрессировали отдѣльныя „провинціи" или колоніи Канады въ половинѣ XIX вѣка, тѣмъ не менѣе фактъ ихъ взаимной политической обособленности съ теченіемъ времени сталъ значительнымъ тормазомъ для нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ предпріятій, какъ, напр., проведеніе крупныхъ желѣзнодорожныхъ путей, проходящихъ черезъ нѣсколько провинцій, или установленіе однородной таможенной политики по отношенію къ метрополіи или къ сосѣдней Американской Республикѣ.

Впрочемъ, даже и торговыя сношенія между самыми „провинціями" Канады сильно затруднялись существованіемъ въ каждой изъ нихъ особаго таможеннаго тарифа, естественнаго слѣдствія существованія въ Канадѣ нѣсколькихъ почти самостоятельныхъ и во всякомъ случаѣ независимыхъ другъ отъ друга правительствъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Union Act 1840 года соединилъ Нижнюю и Верхнюю Канаду въ одну провинцію, тотъ же актъ даровалъ этой провинціи фактически полную самостоятельность, каковая, какъ мы знаемъ, вскорѣ была предоставлена и другимъ важнѣйшимъ колоніямъ Англіи въ С.-Америкѣ—Новой Шотландіи и Новому Брунсвику. Такимъ образомъ, вторая половина XIX вѣка въ Канадѣ характеризуется развитіемъ свободы и самоуправленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторой обособленности, которая между тѣмъ мало гармонировала съ неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ общности многихъ важнѣйшихъ нуждъ и интересовъ.

Такое положеніе не могло долго продолжаться. Болѣе дальновидные общественные дѣятели Канады еще въ 1849 г. основали т. наз. British American League, Лигу британскихъ гражданъ, живущихъ въ Америкѣ. На собраніяхъ этой Лиги много разъ поднимался вопросъ о томъ, какимъ образомъ можно было бы сов-

---

[1]) См. статью В. К. „Промышленность и Торговля Россіи" въ словарѣ Брокгаузъ и Ефронъ, 54 полутомъ, стр. 328.

дать ту или иную форму федераціи отдѣльныхъ провинцій Канады.

Прошло еще пять лѣтъ, и вопросъ о федераціи сталъ предметомъ обсужденія парламентовъ отдѣльныхъ колоній, при чемъ первымъ по поводу его высказался (въ 1854 г.) парламентъ Новой Шотландіи, вотировавшій такую резолюцію [1]: „соединеніе или федерація британскихъ провинцій (колоній) въ Америкѣ, дѣлая болѣе прочной ихъ связь съ метрополіей, содѣйствовало бы въ то же время ихъ дальнѣйшему прогрессу и матеріальному благосостоянію, увеличило бы ихъ силу и вліяніе, равно какъ и ихъ авторитетъ“ (въ Британской имперіи).

Начиная съ этого времени, федеративное движеніе стало быстро расти; въ пользу его стали публично высказываться крупные политическіе дѣятели разныхъ колоній, а затѣмъ этотъ вопросъ вошелъ и въ офиціальныя программы политическихъ партій.

Итакъ, мы видимъ, что жители отдѣльныхъ англійскихъ колоній въ Америкѣ, добившись отъ метрополіи почти полныхъ правъ самоуправленія, готовы были теперь пожертвовать *другъ для друга* частью своей самостоятельности, имѣя въ виду такимъ образомъ достигнуть нѣкоторыхъ весьма важныхъ для всѣхъ цѣлей.

Въ 1864 г. жители Канады перешли уже отъ словъ къ дѣлу. Въ указанномъ году происходилъ составляющій эпоху въ исторіи Канады съѣздъ представителей отдѣльныхъ канадскихъ колоній въ Квебекѣ, куда прибыло около 30 наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей англійскихъ колоній въ Америкѣ, дѣятелей, соединявшихъ часто продолжительный политическій опытъ съ обширными свѣдѣніями по вопросамъ государственнаго права. „Никогда ни до, ни послѣ этого“, говоритъ историкъ Канады и выдающійся ея политическій дѣятель Бурино, „никогда не собиралось въ Квебекѣ такого совѣщанія мѣстныхъ (Канадскихъ) знаменитостей и притомъ людей вполнѣ компетентныхъ для выработки важнѣйшихъ законовъ, необходимыхъ для основанія новой націи. Потомки піонеровъ французской Канады, потомки за сто лѣтъ передъ тѣмъ переселившихся въ Канаду американскихъ лойялистовъ, краснорѣчивые ирландцы и хитрые шотландцы, — притомъ все это были люди хорошо знакомые съ нуждами Канады,—собрались въ Квебекъ для обсужденія важнѣйшаго вопроса, который когда либо и кому либо былъ поручаемъ населеніемъ англійскихъ колоній въ Америкѣ“.

Къ предшествующимъ словамъ нельзя не прибавить для большей точности, что делегаты, явившіеся на Квебекскій конвентъ (convention), были избраны не непосредственнымъ населеніемъ Канады, а министерствами или правительствами отдѣльныхъ провинцій, хотя, конечно, министерства, поступая такимъ образомъ, если не формально, то фактически являлись исполнителями того, чего отъ нихъ требовало общественное мнѣніе страны. Какъ бы

[1]) Цитировано въ сочиненіи Bourinot, Canada under British Rule, 195.

то ни было, прогрессъ демократическихъ идей въ теченіе второй половины XIX вѣка былъ настолько значителенъ, что когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобный вопросъ подлежалъ разрѣшенію въ Австраліи, для выработки федеральной конституціи Австраліи былъ также созванъ специальный Конвентъ, но члены этого Конвента были *ad hoc* выбраны всѣмъ взрослымъ мужскимъ населеніемъ Австраліи.

Квебекскій конвентъ засѣдалъ около трехъ недѣль и выработалъ проектъ федераціи, формулировавъ его въ формѣ 72 резолюцій. Затѣмъ эти резолюціи были переданы на одобреніе законодательнымъ собраніямъ каждой изъ колоній, гдѣ онѣ и были утверждены значительнымъ большинствомъ голосовъ, послѣ чего были посланы адреса соотвѣтственнаго содержанія къ королю.

Нѣкоторые изъ канадскихъ гражданъ возражали противъ такого образа дѣйствій законодательныхъ собраній, указывая на его незаконность въ виду отсутствія у канадскихъ парламентовъ прямыхъ полномочій на созданіе въ Канадѣ новаго политическаго режима. Однако, это возраженіе имѣло скорѣе принципіальное, чѣмъ практическое значеніе, такъ какъ не могло быть сомнѣнія въ настроеніи общества, которое рѣшительно поддерживало движеніе въ пользу установленія федеративной связи между колоніями [1]).

Правительство метрополіи, отвѣчая на упомянутые выше адреса, предложило правительствамъ отдѣльныхъ канадскихъ колоній прислать по нѣсколько делегатовъ, которые могли бы дать всѣ необходимыя разъясненія и участвовать въ редакціи окончательнаго законопроекта федераціи Канады. Скажемъ кстати, что островныя колоніи Принца Эдуарда и Ньюфаундлэндъ не присоединились къ федераціи, такъ какъ ихъ законодательныя собранія не одобрили вышеупомянутыхъ 72 резолюцій, выработанныхъ Квебекскимъ конвентомъ.

Вообще говоря, правительство метрополіи исполнило почти въ точности желанія колоній, домогавшихся федераціи, настоявъ, съ своей стороны, лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ, имѣвшихъ цѣлью болѣе полное огражденіе интересовъ всей Британской имперіи.

17 февраля 1867 г. тогдашній министръ колоній графъ Карнорвенъ внесъ въ парламентъ законопроектъ федераціи Канады, который послѣ, сравнительно весьма непродолжительныхъ, преній былъ принятъ обѣими палатами и 29 марта того же года подписанъ королевой, чѣмъ для Канады открылась новая эра.

---

[1]) Въ недавно закончившемся федеративномъ движеніи въ Австраліи все дѣло происходило при гораздо болѣе полномъ формальномъ соблюденіи принципа верховенства народа во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. См. нашу книгу „Исторія колоніальной имперіи Англіи“ (1902) или статьи въ „Образованіи“ (1901) „Какъ образовались С. Штаты Австраліи“.

Впрочемъ, образованіе Канадской федераціи составляетъ эру не только въ исторіи самой Канады, не только даже въ исторіи колоніальной имперіи Англіи, но, въ извѣстной мѣрѣ, и въ исторіи политическихъ учрежденій всего міра. Въ самомъ дѣлѣ, тщетно было бы искать въ лѣтописяхъ исторіи примѣра подобнаго генезиса федераціи политическихъ обществъ, считающихся формально подчиненными внѣшней доминирующей надъ нимъ власти. Несмотря на свое формально зависимое положеніе, эти политическія общества, или, иначе, англійскія колоніи въ Америкѣ, совершенно свободно обсудили и подробно выработали планъ и условія федераціи, не справляясь даже о томъ, какъ взглянетъ на это дѣло суверенная власть или британскій парламентъ или британское правительство.

До свѣдѣнія этого правительства проектъ федераціи былъ сообщенъ—правда, въ видѣ вѣрноподданнической просьбы, обращенной къ королевѣ—лишь тогда, когда онъ былъ почти готовъ во всѣхъ частяхъ и когда правительству метрополіи осталось лишь придать санкцію закона состоявшемуся между канадскими колоніями соглашенію, создавшему совершенно новый политическій строй въ Канадѣ. Тѣмъ не менѣе, выработанъ этотъ новый политическій режимъ былъ безъ всякаго—прямого или косвеннаго—участія суверенной власти, какой для всей Британской имперіи является англійскій парламентъ и англійскій кабинетъ министровъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было сказано выше, одобренный парламентомъ законъ объ установленіи федераціи въ Канадѣ — т. наз. British North America Act—строго сообразовался во всѣхъ подробностяхъ съ упомянутыми выше резолюціями Квебекскаго конвента, вслѣдствіе чего участіе англійскаго правительства въ окончательной редакціи законопроекта въ Лондонѣ, равно какъ и послѣдующее обсужденіе его въ обѣихъ палатахъ носило болѣе или менѣе формальный характеръ.

Конечно, такое явленіе, примѣръ такого отношенія метрополіи къ своимъ колоніямъ, представляло собой нѣчто новое подъ луной.

Даже и въ послѣдующей исторіи человѣчества, въ исторіи второй половины XIX вѣка, мы находимъ вторичный такой же примѣръ лишь въ Австраліи, когда отдѣльныя колоніи этого континента на зарѣ XX вѣка совершенно самостоятельно выработали во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ проектъ федеральной конституціи, подвергли его у себя дважды народному голосованію и затѣмъ, послѣ одобренія его народомъ, послали на утвержденіе англійскаго правительства, которое съ чрезвычайными осторожностями позволило себѣ,—притомъ опираясь на поддержку значительнаго меньшинства населенія Австраліи,—измѣнить одну лишь статью австралійской конституціи. Надо замѣтить при этомъ, что измѣненіе имѣло скорѣе принципіальный, чѣмъ практическій характеръ. За этимъ единственнымъ исключеніемъ законопроектъ австралійской федеральной конституціи прошелъ черезъ обѣ

палаты въ точно такомъ видѣ, въ какомъ былъ присланъ изъ Австраліи.

X.

Политическій строй современной Канады.

Современный политическій строй Канады покоится на упомянутомъ выше законѣ „British N. America Act“, т. е. актѣ объ управленіи британскими владѣніями въ С. Америкѣ. Въ силу этого акта, утвержденнаго англійской королевой въ мартѣ 1867 г., съ іюля того же года въ Канадѣ было организовано особое федеральное правительство, имѣющее своей резиденціей городъ Оттаву. Въ федерацію согласно ихъ желанію вошли первоначально провинціи или колоніи Квебекъ и Онтаріо [1]), образованныя изъ прежней провинціи, называвшейся Канадой, Новая Шотландія и и Новый Брунсвикъ, т. е. четыре главныя канадскія провинціи; какъ мы увидимъ ниже, вскорѣ (съ 1873 г.) къ новой федераціи пожелала присоединиться и провинція, носящая названіе „Островъ Принца Эдуарда“.

Правительству федераціи были даны самыя широкія полномочія; законодательная дѣятельность ея могла и можетъ распространяться на всѣ сферы жизни; федерація, какъ само собой понятно, не можетъ лишь издавать законовъ, которые явились бы нарушеніемъ международныхъ договоровъ. Однако, если правительство Канады не можетъ издавать законовъ, противорѣчащихъ международнымъ обязательствамъ Англіи, то съ теченіемъ времени установилась традиція, согласно которой англійское правительство не заключаетъ договоровъ, которые могли бы коснуться интересовъ Канады, не заручившись формальнымъ согласіемъ правительства Канады [2]). Какъ видимъ, съ теченіемъ времени и здѣсь обязательства стали взаимными.

Во главѣ правительства федераціи стоитъ генералъ-губернаторъ, назначаемый правительствомъ метрополіи изъ числа выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей Англіи; въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыми изъ бывшихъ своихъ генералъ-губернаторовъ (лордъ Дюфферонъ, лордъ Аберданъ) Канада имѣетъ полное основаніе гордиться.

Генералъ-губернаторъ получаетъ отъ правительства федераціи 100,000 руб. въ годъ жалованья и играетъ въ Канадѣ роль конституціоннаго короля, т. е. царствуетъ, но не управляетъ. Будучи формально главой правительства, генералъ-губернаторъ

---

[1]) Называвшіяся, какъ мы знаемъ, до конституціи 1841, объединившей эти двѣ провинціи въ одну, Верхней (Онтаріо) и Нижней Канадой (Квебекъ).

[2]) Или же, заключая договоръ, правительство Англіи обусловливает распространеніе его на Канаду согласіемъ послѣдней, которое можетъ быть выражено правительствомъ Канады впослѣдствіи.

de facto слѣдуетъ во всемъ „совѣтамъ“ (advice) своихъ министровъ, которые одни и отвѣтственны передъ федеральнымъ парламентомъ за ходъ общественныхъ дѣлъ федераціи. Генералъ-губернаторъ можетъ не подписать законопроекта, прошедшаго черезъ обѣ палаты федеральнаго парламента, лишь въ случаѣ явнаго, по его мнѣнію, нарушенія общихъ интересовъ Британской имперіи; подобнаго рода обстоятельства случаются крайне рѣдко, вслѣдствіе чего отношенія между генералъ-губернаторомъ и его министрами остаются обыкновенно самыми лучшими.

Канадскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: сената (senate), соотвѣтствующаго англійской палатѣ лордовъ, и палаты представителей или, по офиціальной терминологіи, „палаты общинъ“ (hous of commons). Иными словами, для обозначенія своей нижней палаты, Канада взяла названіе аналогичнаго учрежденія метрополіи. Насколько намъ извѣстно, въ большинствѣ самоуправляющихся колоній Англіи нижнія палаты называются иначе (Assembly, House of Representatives и т. д.)

Федеральный сенатъ состоитъ изъ 72 членовъ, при чемъ одна треть ихъ должна быть изъ провинціи Онтаріо, другая изъ провинціи Квебекъ и третья изъ провинцій Новая Шотландія, Новый Брунсвикъ и (1873) съ острова Принца Эдуарда. Сенаторы назначаются губернаторомъ (слѣдующимъ и въ этомъ случаѣ „совѣту“ министерства); они не могутъ быть моложе 30 лѣтъ и должны владѣть нѣкоторой собственностью. Такой порядокъ пополненія личнаго состава сената имѣетъ то неудобство, что въ случаѣ долгаго пребыванія во власти одной политической партіи, эта партія оказывается въ состояніи заполнить своими единомышленниками сенатъ, который, такимъ образомъ, перестаетъ быть надлежащимъ коррективомъ для неумѣренныхъ партійныхъ,—будь то либеральныхъ или консервативныхъ—увлеченій той партіи, которая располагаетъ властью, что, кстати сказать, и произошло на самомъ дѣлѣ въ Канадѣ, гдѣ консервативная партія располагала властью въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ послѣ основанія федераціи. Впрочемъ, какъ читатель увидитъ ниже, консервативная партія въ Канадѣ произвела много такихъ реформъ, на которыя не рѣшились бы и либеральныя партіи въ европейскихъ странахъ. Тѣмъ не менѣе въ Канадѣ болѣе прогрессивная часть общества недовольна существующимъ порядкомъ пополненія сената, желая, чтобы члены сената, какъ и члены палаты депутатовъ, получали свои полномочія путемъ народнаго избранія. Замѣтимъ, ради параллели, что по конституціи Австралійской федераціи (Australian Commonweolt) члены федеральнаго сената избираются на 6 лѣтъ, причемъ въ выборахъ участвуетъ вся взрослая мужская (а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и женская) часть населенія.

Члены нижней палаты или палаты общинъ Канадской федераціи выбираются на пять лѣтъ всѣмъ взрослымъ (старше 21 года) мужскимъ населеніемъ федераціи. Такимъ образомъ, въ

этомъ отношеніи политическій режимъ Канады гораздо либеральнѣе режима метрополіи, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ еще всеобщей подачи голосовъ, но уступаетъ значительно режиму Австралійской федераціи, гдѣ въ выборахъ членовъ федеральной палаты депутатовъ участвують женщины во всѣхъ тѣхъ колоніяхъ (называемыхъ, впрочемъ, со времени основанія федераціи „штатами"—states), гдѣ онѣ пользуются избирательными правами для колоніальныхъ выборовъ.

Въ Канадѣ, какъ и въ другихъ самоуправляющихся колоніяхъ Англіи, члены законодательныхъ палатъ получаютъ жалованье (2,000 руб.) и помильную плату для выѣздовъ на сессіи. Какъ извѣстно, въ Англіи работа законодателей до сихъ поръ безплатна, что стѣсняетъ возможность крупной политической дѣятельности для лицъ, принадлежащихъ къ болѣе бѣднымъ классамъ, а это, конечно, не можетъ не отражаться, въ свою очередь, на направленіи законодательства страны.

Состоя изъ членовъ, получившихъ свои полномочія путемъ народнаго избранія, канадская федеральная палата общинъ, весьма естественно, считается болѣе вѣрной выразительницей народной воли, чѣмъ сенатъ, вслѣдствіе чего и авторитетъ этихъ двухъ собраній не одинаковъ. Такимъ образомъ, напр., въ силу прямого закона, всѣ законопроекты, касающіеся расходованія народныхъ денегъ, могутъ исходить лишь изъ палаты общинъ. Сверхъ того, согласно установившемуся обычаю, сенатъ можетъ или принимать эти билли, или отвергать ихъ цѣликомъ, но не имѣетъ права ихъ передѣлывать. Это весьма существенное ограниченіе компетенціи сената, которое мы находимъ и въ Австралійской федераціи, но въ послѣдней оно уже покоится не на традиціи, какъ въ Канадѣ, а на прямой статьѣ закона. Какъ извѣстно, аналогичную [1]; но еще гораздо большую разницу въ авторитетѣ верхней и нижней палаты мы находимъ въ самой Англіи.

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи правительства федераціи и входящихъ въ составъ ея членовъ, называемыхъ въ Канадѣ „провинціями" (provinces).

„Вообще говоря, федеральная конституція Канады была выработана по образцу конституціи С.-Американскихъ Штатовъ, но съ нѣкоторыми существенными отступленіями. Извѣстно, что въ конституціи С.-Америки точно формулируется лишь сфера компетенціи федеральнаго правительства, вся остальная власть остается въ рукахъ населенія отдѣльныхъ штатовъ. Такимъ образомъ, въ Америкѣ населеніе каждаго штата въ отношеніи весьма значительнаго числа вопросовъ общественной жизни остается верховнымъ рѣшителемъ своихъ нуждъ и способовъ ихъ

---

[1]) Т. е. и въ самой Англіи права верхней и нижней палаты не одинаковы, при чемъ въ самой Англіи авторитетъ палаты общинъ имѣетъ еще болѣе доминирующее значеніе.

удовлетворенія. Такая чрезвычайная децентрализація власти [1]) вызывала не разъ въ Америкѣ конфликты между федеральнымъ правительствомъ, съ одной стороны, и правительствами отдѣльныхъ штатовъ, съ другой, при чемъ важнѣйшій изъ такихъ конфликтовъ, разрѣшенный окончательно лишь на полѣ брани послѣ четырехлѣтней (1861—65) кровопролитной войны, возникъ, какъ извѣстно, изъ-за вопроса о рабовладѣніи" [2]).

Вышеописанный Квебекскій конвентъ засѣдалъ тогда (1864), когда еще не совсѣмъ закончилась борьба между сѣверными и южными штатами Америки, а потому делегаты канадскихъ провинцій, желая предотвратить для своей родины возможность возникновенія столь же роковыхъ разногласій по поводу истолкованія взаимныхъ правъ федеральнаго правительства и отдѣльныхъ членовъ федераціи, внесли въ федеральную конституцію Канады точное перечисленіе правъ провинціальныхъ правительствъ, оставивъ всю остальную власть федеральному правительству. Характеризуя государственное устройство Канады, профессоръ Дайси, одинъ изъ самыхъ выдающихся знатоковъ государственнаго права въ Англіи, выражается слѣдующимъ образомъ:

„Власть федеральнаго правительства Канады не опредѣлена или не ограничена; власть провинцій опредѣлена или ограничена (и даже въ очень тѣсныхъ предѣлахъ).. Парламентъ Канады можетъ издавать законы относительно всѣхъ вопросовъ, не предоставленныхъ исключительно законодательнымъ учрежденіямъ провинцій. Законодательныя же собранія провинцій могутъ издавать законы лишь относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, имъ исключительно предоставленныхъ".

Къ цитированнымъ словамъ англійскаго ученаго мы прибавили съ своей стороны, что въ сферу компетенціи федеральныхъ властей Канады входитъ общественный кредитъ федераціи (т. е. федеральное правительство въ правѣ дѣлать займы безо всякихъ ограниченій или контроля какой-либо высшей власти), регулированіе торговыхъ сношеній федераціи, взиманіе налоговъ на нужды федераціи, денежное и банковое дѣло, мѣры и вѣсы, почта, желѣзныя дороги, военная и морская служба, всѣ дѣла, касающіяся мореплаванія, судостроенія, рыбной ловли и туземнаго населенія (индѣйцевъ). Вопросы уголовнаго законодательства, законы о банкротствахъ, о бракахъ и разводахъ, о натурализаціи и нѣко-

---

[1]) Въ особенности же отсутствіе въ законѣ всякихъ указаній относительно способа разрѣшенія разногласій, возникающихъ между федеральнымъ правительствомъ и правительствами отдѣльныхъ штатовъ при толкованіи статей федеральной конституціи. Единственнымъ компетентнымъ для этого учрежденіемъ является въ С. Штатахъ Верховный федеральный судъ, но и этотъ путь, какъ показываетъ исторія С. Штатовъ, слишкомъ сложный и медленный. См. Дж. Брайсъ. Американская Республика, и другія сочиненія по государственному праву Америки.

[2]) См. нашу. книгу „Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи". 1902, стр. 64.

торые другіе относятся къ исключительному вѣдѣнію федеральнаго парламента Канады.

Отправленіе юстиціи, охрана и регулированіе гражданскихъ правъ населенія, дѣло народнаго образованія, общественная благотворительность и вообще „всѣ дѣла, имѣющія чисто мѣстное значеніе", подлежатъ вѣдѣнію провинціальныхъ властей. Скажемъ, наконецъ, что федеральное правительство Канады имѣетъ право отклонять акты провинціальныхъ законодательныхъ собраній даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда этими актами не было совершено превышенія власти, данной конституціей провинціямъ.

Однимъ словомъ, актъ 1867 г. создалъ для всей Канады сильную власть, которую никто не можетъ ограничить, кромѣ всесильнаго британскаго парламента, но и этотъ послѣдній, по крайней мѣрѣ, de facto, почти никогда не рѣшается вмѣшиваться въ какую-либо сферу общественной жизни въ Канадѣ. Такимъ образомъ, Канада, представляя собой одну изъ самыхъ демократическихъ странъ современнаго міра, имѣетъ въ то же время весьма сильное правительство, лишь номинально подчиненное верховной власти британскаго парламента. Хотя генералъ-губернатору и принадлежитъ право налагать veto на постановленія федеральнаго парламента, фактически это право почти никогда не примѣняется. Народная воля гораздо полнѣе и въ особенности гораздо скорѣе приводится въ исполненіе правительствомъ Канады, чѣмъ правительствомъ С. Штатовъ, которому американская федеральная конституція предоставляетъ сравнительно гораздо менѣе полномочій. Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ отказаться отъ изложенія фактовъ и соображеній, которыми было бы очень легко подтвердить основательность высказываемаго взгляда [1]).

Таково правительство Канадской федераціи. Что касается управленія отдѣльныхъ „провинцій" или колоній, то оно организовано аналогичнымъ образомъ. Во главѣ каждой колоніи стоитъ губернаторъ, назначаемый на 5 лѣтъ изъ мѣстныхъ жителей генералъ-губернаторомъ Канады; правительственная власть въ колоніи принадлежитъ губернатору, дѣйствующему согласно „совѣтамъ" министерства, отвѣтственнымъ передъ выбираемымъ населеніемъ колоніальнымъ или провинціальнымъ собраніемъ, состоящимъ въ большинствѣ провинцій изъ одной палаты, что дѣлаетъ строй провинціи еще болѣе демократическимъ, чѣмъ политическій режимъ федераціи. Изо всего этого видно, что Канада представляетъ собой de facto демократическую федеральную республику, состоящую также изъ демократическихъ республикъ, пользующихся каждая довольно широкими правами самоуправленія, хотя, впрочемъ, не столь значительными, каким

---

[1]) См. цитированныя сочиненія Дайси, Bourinot, Galdecott, Hopkins'а и друг.

располагаютъ штаты, входящіе въ составъ сосѣдней Американской Республики.

Когда была образована Канадская федерація, въ нее вошли „провинціи“ Квебекъ, Онтаріо (эти двѣ провинціи, какъ мы знаемъ, были образованы изъ прежней провинціи „Канады“), Новый Брунсвикъ и Новая Шотландія; въ 1873 г. къ федераціи присоединился на правахъ отдѣльнаго члена островокъ Принца Эдуарда. Въ 1870 г. федеральное правительство Канады выкупило права такъ называемой Торговой Компаніи Гудзонова залива (за 3 мил. руб.) и, такимъ образомъ, распространило свою власть почти на всю остальную часть громадныхъ владѣній Англіи въ С. Америкѣ, въ то время еще весьма мало заселенныхъ. Изъ части этой огромной области—части, сравнительно болѣе заселенной—была образована провинція Манитоба, которая затѣмъ вошла въ качествѣ равноправнаго члена въ Канадскую федерацію, пріобрѣтя впослѣдствіи всемірную извѣстность въ качествѣ житницы Канады.

Въ 1871 г. въ федерацію вступила провинція Британская Колумбія, прилегающая, какъ извѣстно, къ берегамъ Тихаго океана. Въ то время ее отдѣляли отъ остальной Канады огромныя и совершенно безлюдныя области, состоящія частью изъ хребта и отроговъ дикихъ Скалистыхъ горъ. До своего вступленія въ федерацію Британская Колумбія существовала въ качествѣ отдѣльной колоніи, непосредственно подчиненной правительству метрополіи.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что вступленіе въ федерацію Британской Колумбіи было рѣшено послѣдней лишь послѣ того, какъ правительство Канады обѣщало приступить немедленно къ постройкѣ трансконтинентальной желѣзной дороги и начать эту постройку съ обоихъ концовъ.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ англійскихъ владѣній въ С. Америкѣ только островъ Ньюфаундлэндъ не вошелъ пока въ Канадскую федерацію, предпочитая самостоятельно (Ньюфаундлэнду было дано полное самоуправленіе около половины XIX вѣка, т. е. немного позже, чѣмъ континетальнымъ „провинціямъ“ Канады) разрѣшать всѣ свои нужды и затрудненія. И въ этомъ случаѣ Канадская федерація представляетъ нѣкоторую аналогію съ Австралійской, въ которую также не вошла пока колонія Новая Зеландія; впрочемъ, Новая Зеландія отстоитъ гораздо далѣе (1,200 миль) отъ сосѣдняго материка, чѣмъ Ньюфаундлэндъ.

Говоря о политическомъ строѣ Канады, нельзя не обратить вниманія на широкое развитіе въ Канадѣ мѣстнаго самоуправленія—городского и сельскаго, особенно за послѣднія 10—15 лѣтъ. Рядъ произведенныхъ реформъ сдѣлалъ мѣстное управленіе въ Канадѣ болѣе демократическимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было на бѣломъ свѣтѣ, не исключая и большинства штатовъ С. Америки. Вотъ почему Элизе Реклю могъ съ полнымъ правомъ писать по поводу Канады въ своей „Всемірной Географіи“ („Земля и люди“, томъ XV, Сѣв. Америка): „Канадцы въ гораздо болѣе широкой

мѣрѣ пользуются мѣстнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ, напр., жители французскихъ общинъ, почти всецѣло зависящихъ отъ центральной власти, несмотря на республиканскій образъ правленія во Франціи".

Такъ *демократичны* всѣ учрежденія, которыя развиваются въ недавно еще пустынныхъ странахъ, находящихся подъ верховнымъ контролемъ *монархической* Англіи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

П. Г. Мижуевъ.

Писатель-интеллигентъ.

Молотъ кузнеца
Подними въ рукѣ твоей—
И въ желѣзныя сердца
Бей!... *Скиталецъ.*

Десять лѣтъ тому назадъ въ 1894 г. въ журналѣ „Русское Богатство" появилась повѣсть Вересаева: „Безъ дороги". Повѣсть была сразу замѣчена, объ авторѣ заговорили.... Почти въ то же время на литературную арену выступаетъ цѣлая группа молодыхъ писателей. Новая струйка бьется въ каждой строкѣ свѣжихъ, колоритныхъ разсказовъ. Чувствуется пробужденіе отъ долгой, зимней спячки. „Весеннія обѣщанія," весеннія мелодіи невольно захватываютъ сердца читающей молодежи. Въ литературномъ мірѣ чувствуются новыя вѣянія. Писатель, который пописываетъ, уступаетъ дорогу провозвѣстнику идей; читатель, который почитываетъ, замѣняется читателемъ, взыскующимъ града. Сразу чувствуется, что новые авторы—плоть отъ плоти, кость отъ кости молодого поколѣнія, которому принадлежитъ будущее и которому улыбается это будущее.

Далеко не случайно на литературное поприще выступила одновременно цѣлая группа писателей, проникнутыхъ сродствомъ душъ: единствомъ настроеній, общностью симпатій и чаяній. Въ лицѣ этихъ новыхъ авторовъ—„людей девяностыхъ годовъ"—молодое поколѣніе видѣло продолжателей и носителей великихъ завѣтовъ. Наша литература вспомнила „забытыя слова" и воплотила ихъ въ „новое слово", перестала оплакивать конецъ исканій и провозгласила „начало" всѣхъ исканій, заупокойныя, кладбищенскія мелодіи замѣнила радостнымъ гимномъ въ честь новыхъ вѣяній „жизни".

Какимъ образомъ, однако, могла породить эти новыя вѣянія та убогая литература безвременья, которая со своимъ старческимъ беззубымъ бормотаньемъ смѣнила героическую эпоху семидесятыхъ годовъ? Вѣдь, та самая литература, которая въ эпоху

подъема была полна великихъ надеждъ и великаго желѣнія, та самая литература въ эпоху безвременья превратилась въ литературу мертвецовъ, отъ которыхъ нечего было ждать, потеряла „ключъ жизни", обезцѣнилась, обезличилась, обезцвѣтилась... Отъ гордыхъ надеждъ впала въ унылую безнадежность, отъ самозабвенія перешла къ безочарованію, отъ самопожертвованія просто къ пожертвованіямъ, отъ смѣлаго „все" къ смиренному „хоть что-нибудь",—и вотъ на смѣну этому „медленному заворачиванію фронта, этому общему ренегатству, этому оплевыванью всего свѣтлаго и хорошаго", выражаясь словами Чеканова, героя „Безъ дороги", пришло оживленье девяностыхъ годовъ. Повторяемъ, какимъ образомъ изъ безвременья вышла эпоха?

Пока процвѣтала „абрамовщина" съ проповѣдью малыхъ дѣлъ и собираньемъ отрадныхъ явленій, пока личность призывали къ самоусовершенствованью, пытливая русская мысль пробивалась едва замѣтной струйкой, искала путей и билась упорно подъ ледяными покровами общественнаго бездорожья. Промышленный кризисъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ городѣ; голодъ 91 г. въ деревнѣ, холера 92 года съ нелѣпыми холерными бунтами дали сильный толчокъ русскому обществу, встряхнули его и пробудили Россію отъ спячки. Въ деревнѣ, въ той деревнѣ, гдѣ интеллигентъ уже услышалъ страшное „не суйся", во всемъ своемъ неописуемомъ ужасѣ обнаружилось „обыкновенное деревенское". Слишкомъ было очевидно, что не тамъ „ключъ жизни", не тамъ, гдѣ—

„Поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей,
Живутъ безъ всякаго слѣда
И безъ урока для дѣтей".

Но пройти мимо голодной смерти, мимо избіенія докторовъ уже не могли никакіе равнодушные. Формулы: „безъ этого нельзя", „мы-то чѣмъ виноваты", „а послѣ насъ хоть потопъ" замѣняются другими, властно призывающими къ вмѣшательству въ общественныя отношенія: „куда же мы смотримъ?...", „такъ дальше не можетъ продолжаться", „штопаньемъ не поможешь"—заговорили повсюду...

Но гдѣ же, гдѣ найти „ключъ жизни?"—Городъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Та самая идейная едва замѣтная струйка, которая начала пробиваться еще съ начала восьмидесятыхъ годовъ въ научныхъ статьяхъ Зибера, Валентинова, отчасти Русанова (Русановъ—это псевдонимъ не Бельтова, а Тихомирова), въ „Словѣ", въ „Отечественныхъ запискахъ", „Дѣлѣ", теперь стала могучимъ весеннимъ потокомъ, приносившимъ въ жизнь новыя начала, новыя слова Загорѣлась борьба между отживающей или, вѣрнѣе, отжившей уже идеологіей—мелко буржуазнымъ, реакціоннымъ народничествомъ, призывавшимъ назадъ, и народившейся идеологіей класса, надежды котораго были въ будущемъ, класса,

который уже началъ бороться за свои грядущія судьбы. „Критическія замѣтки“ (94 г.), „Монистическій взглядъ на исторію“ (95 г.), „Исторія русской фабрики“, „Развитіе капитализма въ Россія“, „Самарскій вѣстникъ“ (96 г.), „Новое слово (97 г.)“, „Начало“ (99 г.), „Жизнь“ (1900 г.) и „Сѣверный курьеръ“ (1901 г.) цѣлой гурьбой высыпали на улицу русской жизни.

Это былъ небывалый подъемъ духовныхъ интересовъ, далеко не закончившій своего роста и понынѣ... Издательское предложенье не успѣвало отвѣчать спросу. „Капиталъ“ Маркса вышелъ сразу въ нѣсколькихъ изданіяхъ. И нужно было видѣть, что дѣлалось въ Петербургѣ въ моментъ выхода этой завѣтной книги, содержавшей „ключъ жизни“... Въ нѣсколько дней изданье было распродано, а спросъ далеко не былъ удовлетворенъ. [Для характеристики духовныхъ запросовъ въ эти двѣ эпохи, очень интересныя данныя даетъ Рубакинъ въ статьѣ „Книжный потокъ“ (1903 г. „Русская мысль“ III)].

Въ 1887 г. вышли на русскомъ языкѣ 5,442 книги, а въ 1901 г.—10,318. Въ 1887 г. каждая книга была выпущена, въ среднемъ, въ 3,407 экземпляровъ, а въ 1901 г.—5,672. Въ общемъ, книжный матеріалъ въ 1887 г. увеличился на $18^1/_2$ милліоновъ экземпляровъ, а въ 1901 г.—на $58^1/_2$.

Живое слово дѣйствовало на ряду съ печатнымъ. Знаменитый диспутъ „отцовъ и дѣтей“, московскихъ экономистовъ и *молодыхъ* петербургскихъ, напоминаетъ знаменитый диспутъ Погодина и Костомарова. Только теперь спорили о развитіи русской промышленности, или, вѣрнѣе, „о судьбахъ капитализма“, „объ артеляхъ“.... Кто бывалъ въ „вольно-экономическомъ обществѣ“ въ тѣ приснопамятные дни, тотъ никогда не забудетъ атмосферы этого зала, огня этихъ преній, оживленья этой молодежи. Тамъ вѣяло „дыханье бурно“, тамъ пытливая мысль расправляла свои крылья.

Правда, девятисотые годы начались подъ знакомъ критики. Прежніе журналы сошли со сцены. Стали нарождаться „Новые пути“, „Новые міры“ и. т. д. Прежніе Булгаковъ, Бердяевъ, Струве, даже Туганъ-Барановскій стали вносить поправки въ свое прежнее матеріалистическое пониманіе исторіи, и такія поправки, отъ которыхъ прежняя стройность, прежняя цѣльность совершенно исчезала. Кромѣ „критики“, литература ничего *не могла* давать читателю, и были читатели, которые не понимали, что литература перестала отражать жизнь, что общественное теченіе разлилось на два русла, и только одно—правое попадало на страницы нашихъ журналовъ.

Но жизнь и безъ журналовъ и безъ литературы научной уже знала свой ключъ и слишкомъ громко говорила свое слово.

Мы уже говорили, что расцвѣтъ нашей художественной литературы начался со второй половины 90-хъ годовъ. Этотъ расцвѣтъ совпалъ съ общественнымъ подъемомъ. Горькій и Вересаевъ заняли видное мѣсто въ литературномъ мірѣ, въ особенности

Горькій. Такого ошеломляющаго успѣха, какой выпалъ на долю Горькаго, не видывалъ ни одинъ писатель. Горькій явился „въ пору гостемъ“. Мѣщанству съ его культомъ копейки онъ противупоставилъ босячество съ его культомъ свободы отъ всякихъ путъ... Мѣщанинъ готовъ былъ пожертвовать цѣлымъ міромъ— только бы не потерять копейки; босяку нечего было терять, а пріобрѣсти онъ могъ весь міръ. Въ слово „босякъ“ вкладывалось своеобразное содержаніе. Босякъ Горькаго это не Вересаевскій босякъ. Это скорѣе—„увріеръ“, по терминологіи Боборыкина въ романѣ „Тяга“.

Сапожникъ Орловъ, булочникъ Коноваловъ привлекали любовь читателя, именно, какъ „увріеры“. „Не нашелъ я точки своей, ищу, тоскую, не нахожу,“—говорилъ Коноваловъ. „Эхъ, вы, сволочи, зачѣмъ живете!?“—восклицалъ Орловъ. „О, еслибъ въ небо хоть разъ подняться!“—мечталъ Соколъ. Это исканіе вмѣсто тупого самодовольства, это безумство храбрости вмѣсто эгоистическаго расчета, этотъ порывъ въ небо, вмѣсто ползанія въ грязи—нашли горячій откликъ въ живыхъ душахъ. И какъ раньше литература семидесятыхъ годовъ могла сказать о себѣ, подобно Еленѣ, героинѣ „Накунунѣ“: „Слово найдено—я влюблена“... *въ народъ*, такъ литература послѣдняго десятилѣтія могла бы сказать: „Слово найдено—я влюблена“... *въ увріера*... Горькій со своимъ босякомъ сталъ властителемъ если не думъ, такъ чувствъ молодого поколѣнія.

Вересаевъ не явился ни властителемъ думъ, ни властителемъ чувствъ. Онъ просто оказался чуткимъ, вдумчивымъ интеллигентомъ, *надъ которымъ* властвовали думы и чувства современности. Удивительно точно и своевременно отражалъ онъ колебанія общественныхъ волнъ. Онъ фиксировалъ всѣ измѣненія курса общественной мысли, всѣ этапы общественнаго движенія, и въ этомъ смыслѣ его талантъ родствененъ талантамъ Тургенева, Золя, Боборыкина.

Вересаевъ и Боборыкинъ—художники нашихъ дней; оба они „уловляютъ моментъ“, и въ этомъ смыслѣ оба идутъ по стопамъ Тургенева. Но послѣдній отмѣчалъ тотъ или иной моментъ, какъ бы скользя, какъ бы мимоходомъ, вѣчно уносясь на крыльяхъ своей фантазіи въ свѣтлый замокъ личной любви. Тѣ или другія вѣянія эпохи въ его произведеніяхъ являлись только обстановкой, если хотите, увертюрой, вовсе не заслонявшей главнаго въ произведеніяхъ Тургенева — волшебной „Пѣсни торжествующей любви“, той пѣсни, которая заставляла притихнуть и нигилиста Базарова, и народника Нежданова, и западника Рудина... и, наконецъ, самого читателя, которому начинало, наконецъ, казаться, что и нигилизмъ, и „дымъ“, и „новь“—все это мимолетное, все это пройдетъ безъ слѣда, въ то время какъ природа вмѣстѣ съ любовью будетъ все также „красою вѣчною сіять“. Каждую свою повѣсть Тургеневъ посвящалъ все той-же вѣчно старой и вѣчно новой пѣснѣ, и каждую повѣсть читатель не читалъ, а пилъ,

точно какой-то невѣдомый опьяняющій напитокъ боговъ. Этотъ вопросъ о зарождающейся любви выросталъ у Тургенева въ вопросъ громадной важности. Читатель откладывалъ на время всякія проклятые вопросы и начиналъ переживать томленіе все той-же любви—такова сила покоряющаго искусства.

У Тургенева, какъ и у Вересаева, вѣчно противупоставлены двѣ группы, ручные и дикіе, сильные и слабые, дѣятельные и лишніе. Но въ то время, какъ у Тургенева слабые всегда окружены поэтическимъ ореоломъ красоты, ореоломъ тепла и свѣта, а сильные очерчены рѣзкими штрихами, поражаютъ насъ черствостью и прозаичностью, у Вересаева наоборотъ. У Вересаева сильные и дѣятельные, какъ яркіе свѣтильники, озаряютъ потемки русской жизни и, какъ свѣточи христіанства, будятъ въ душѣ страстное желаніе жить въ свѣтѣ и радостно итти на подвигъ изъ жалкой повседневности. Слабые и пассивные люди у Вересаева вычеркиваются изъ жизни и не принимаются подъ защиту. Тургеневъ на сторонѣ Рудиныхъ, лишнихъ Лаврецкихъ; Вересаевъ на сторонѣ Наташи, Тани...

Много ли мѣста удѣляетъ Вересаевъ любви въ своихъ произведеніяхъ? И у Вересаева, и у Боборыкина музыка любви на второмъ планѣ, у Вересаева же о ней даже и рѣчи нѣтъ, ни въ одномъ его произведеніи; у обоихъ писателей тотъ или другой общественный моментъ заслоняетъ личную жизнь. Если у Тургенева общественное теченье лишь форма, а личная жизнь—содержанье, то у Вересаева, наоборотъ,—личность, какъ форма, содержитъ лишь то, что вложитъ въ нее то или другое общественное теченіе. Почти то же можно сказать о Боборыкинѣ. Мы отнюдь не смѣшиваемъ этихъ писателей, у каждаго изъ нихъ свой „акцентъ творчества". Вересаевъ художникъ-субъективистъ, Боборыкинъ—объективистъ. Одинъ идетъ въ міръ искусства отъ пережитаго и перечувствованнаго имъ самимъ—„отъ сердца горестныхъ замѣтъ", другой исходитъ отъ внѣшнихъ фактовъ, отъ „ума холодныхъ наблюденій". Одинъ переживаетъ, другой наблюдаетъ, одинъ „свой" среди всѣхъ своихъ героевъ, другой—чужой изображаемой имъ жизни. Произведенія Вересаева передаютъ настроеніе и создаютъ его, они „заражаютъ", проникая во внутреннюю жизнь современнаго мыслящаго поколѣнія, его произведенія, какъ живые цвѣты, сохраняютъ аромать общественной жизни. Нельзя того сказать о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя Боборыкинъ чисто механически коситъ направо и налѣво, занося ихъ въ приходо-расходную книгу своего творчества. Правда, Боборыкинъ тщательно воспроизводитъ обстановку, всѣ мельчайшія подробности внѣшняго обихода, но самая жизнь отлетаетъ отъ его образовъ... Какъ Золя былъ въ Римѣ, а папы не видѣлъ, хотя и осмотрѣлъ всѣ 10,000 комнатъ его Ватикана, такъ и Боборыкинъ видитъ 10,000 чисто внѣшнихъ подробностей, но не видитъ души описываемаго имъ предмета. Въ то же время читатель Боборыкин-

скихъ романовъ не видятъ души и автора, который „спокойно зритъ на правыхъ и неправыхъ“.

Викентій Викентьевичъ Смидовичъ, въ печати Вересаевъ, родился въ Тулѣ 4 января 1867 г. Отецъ его пользовался въ Тулѣ широкою извѣстностью, какъ врачъ и какъ общественный дѣятель. Многочисленная, дружная семья воспитывалась въ религіозномъ духѣ. Викентій Викентьевичъ первоначальное образованіе получилъ въ Тульской гимназіи, которую окончилъ въ 1884 г. Затѣмъ онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, а по окончаніи его переѣхалъ въ 1888 г. въ Юрьевъ, гдѣ кончилъ медицинскій факультетъ. Въ 1892 году еще студентомъ медикомъ онъ ѣздилъ на холеру въ Екатеринославскую губ., гдѣ на одномъ изъ рудниковъ близъ Юзовки завѣдывалъ баракомъ. Въ 1894 году онъ получилъ званіе врача и сталъ практиковать сперва въ Тулѣ, а затѣмъ поступилъ сверхштатнымъ ординаторомъ въ Боткинскую больницу въ Петербургѣ, которую въ 1901 г. принужденъ былъ покинуть. Теперь онъ живетъ въ Тулѣ.

Еще мальчикомъ 12—13 лѣтъ онъ писалъ стихи и переводилъ Гейне и Вернера. Первое его печатное произведеніе—(стихи) появились въ 1885 году въ „Модномъ свѣтѣ“ за подписью Викентьевъ. Въ 1894 г. онъ напечаталъ повѣсть „Безъ дороги“ въ „Русскомъ Богатствѣ“, послѣ того, какъ забраковалъ ее одинъ московскій журналъ. Съ тѣхъ поръ Вересаевъ начинаетъ печататься въ „Новомъ словѣ“, „Началѣ“, „Жизни“, „Журналѣ для всѣхъ“, въ „Мірѣ Божьемъ“ и т. д.

Ни въ чьихъ произведеніяхъ не бросается такъ въ глаза зависимость литературы отъ жизни, какъ это можно наблюдать въ произведеніяхъ Вересаева. Можно безъ преувеличенія сказать, что, знакомясь съ развитіемъ общественныхъ отношеній, провѣряешь творчество Вересаева, а знакомясь съ его творчествомъ, узнаешь эволюцію русской жизни за послѣднее десятилѣтіе. Три момента русской жизни отразились въ творчествѣ Вересаева... Картина русской жизни, намѣченная нами въ началѣ нашего очерка въ видѣ схемы, въ произведеніяхъ Вересаева развертывается передъ читателемъ въ лицахъ.

Конецъ восьмидесятыхъ годовъ вплоть до холернаго 92 года представленъ въ лицѣ врача Чеканова. Этотъ моментъ, съ такой тоской пережитый нашей интеллигенціей, удачно обозначенъ Вересаевымъ двумя словами: „Безъ дороги“. Проходитъ нѣсколько лѣтъ—на общественной аренѣ появляется съ 1896 года „племя молодое незнакомое“. Наташа смѣняетъ Чеканова, „Повѣтріе“ смѣняетъ бездорожье. Опять проходятъ нѣсколько лѣтъ, наступаетъ 1900 г.—и опять слышатся „новыя пѣсни“. Интеллигенція „На поворотѣ“ раскалывается: часть идетъ влѣво, часть—вправо; представителями этого поворотнаго теченья являются непримиримая Таня и приспособляющійся Токаревъ.

Если вы прочтете романы Тургенева: „Отцы и дѣти“ „Нака-

нунѣ", „Дымъ", „Рудинъ", „Новь", „Дневникъ лишняго человѣка", Чеховскія драмы: „Дядя Ваня", „Три сестры", а затѣмъ три упомянутыя повѣсти Вересаева, то легко представите себѣ развитіе русской общественности за цѣлыя 50 лѣтъ.

Тургеневъ началъ „Лишнимъ человѣкомъ", Вересаевъ человѣкомъ „Безъ дороги". Тургеневскій лишній „складываетъ ненужныя руки на пустой груди".—Это разновидность Обломовыхъ, Онѣгиныхъ, Печориныхъ, этихъ дѣтищъ крѣпостническихъ отношеній. Лишніе люди скучаютъ, а не скорбятъ, переживаютъ бездѣлье, а не бездорожье. Герой Вересаева самъ отдѣляетъ себя отъ „лишнихъ людей". „Я не лишній человѣкъ,—читаемъ мы въ его дневникѣ.—Я ненависть чувствую ко всѣмъ этимъ тунеядцамъ... Меня не пугаетъ нужда, не пугаетъ трудъ, я съ радостью пойду на жертву... И все таки—пусто и мертво въ сердцѣ; кругомъ посмотришь — жизнь молчитъ, какъ могила!... Вѣдь, я-то чѣмъ живу? У меня ничего нѣтъ за душой!" — вотъ какіе коршуны терзаютъ сердце этого человѣка „Безъ дороги". Если лишніе люди *скучаютъ* отъ того, что на счастіе другихъ не могутъ купить себѣ личнаго счастья, то люди „Безъ дороги" *скорбятъ* о томъ, что личнымъ счастьемъ они не въ силахъ завоевать счастья всѣхъ... Печорины *„наркотизируются"* тѣмъ, что, пройдя полный курсъ „науки страсти нѣжной", они отъ бездѣлья „стукаютъ лбами" своихъ поклонницъ, отдаваясь игрѣ въ любовь всѣмъ своимъ существомъ. Чекановы „наркотизируются" тѣмъ, что отдаются всѣмъ своимъ существомъ дѣлу, въ которое не вѣрятъ.—только бы забыться! Тамъ безочарованіе, здѣсь безвременье, а каждый изъ нихъ герой своего времени. Чекановъ вспоминалъ гордыя слова Базарова—„зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пускай лучше оно зависитъ отъ меня"—и съ горькимъ чувствомъ восклицаетъ—„вотъ были люди! Какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю,—это именно въ неодолимую силу времени. Оно незамѣтно захватываетъ тебя и ведетъ, куда хочетъ. Хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ?" Чекановъ не замѣчаетъ, что и надъ Базаровымъ сказывается власть времени, этой слѣпой необходимости, но все счастіе, вся сила Базарова заключается въ томъ, что „его путь лежитъ туда-же", а путь Чеканова лежитъ „не туда"... Какъ ни пытается стать Чекановъ выше времени, онъ все чаще сознаетъ себя „обезсмысленной щепкой когда-то побѣдоноснаго корабля."

Вотъ онъ разсказываетъ о голодѣ 91 г., разсказываетъ молодежи, чающей отъ него разрѣшенія этого вопроса—что дѣлать?—И вмѣсто непоколебимой вѣры, которая горами двигаетъ, вмѣсто гордаго призыва, который „жжетъ сердца людей", отъ его словъ вѣетъ холоднымъ и мрачнымъ отчаяніемъ. Это отходная героическому чувству! Какъ съ этимъ отчаяніемъ можно жить и даже работать?! „Одного за другимъ валила страшная болѣзнь,—разсказываетъ онъ объ эпидеміи голоднаго тифа,—а мы, безпо-

мощные, стояли передъ нею со своими ненужными лѣкарствами"....

Вотъ онъ на холерѣ 92 г. въ самомъ неспокойномъ мѣстѣ. Помните картинку? Смрадный и грязный уголъ... Куча безкровныхъ дѣтей... Глупая невѣжественная мать этихъ дѣтей... Отецъ семейства, измученный каторжнымъ трудомъ и умирающій отъ холеры... Холодъ... Мракъ и отчаянье... Докторъ, желающій спасти умирающаго... Жена, не допускающая къ мужу доктора „съ отравой"... Рискуя жизнью, докторъ самъ пьетъ лѣкарство изъ одной чашки съ больнымъ холерою, только бы они вѣрили ему. Они повѣрили!... Больной спасенъ отъ смерти, онъ будетъ жить... Эта жизнь куплена цѣною подвига!...

А въ свой дневникъ этотъ самоотверженный врачъ съ мрачнымъ отчаяніемъ записываетъ: „Для чего любовь этихъ сильныхъ красивыхъ людей, дающихъ въ результатѣ такихъ жалкихъ рахитическихъ уродцевъ, и для чего, вообще, они трудятся? Что поддерживаетъ этихъ людей въ ихъ тяжелой работѣ?—Забота объ этомъ смрадномъ углѣ?"

Какъ съ этимъ отчаяніемъ можно жить и даже работать? А Чекановъ живетъ и работаетъ; мало того, отдавая свою жизнь за сотни жизней, Чекановъ начинаетъ даже оживать, побѣда надъ смертью даже изъ его устъ вырываетъ радостный крикъ: „весело жить!",—но надолго-ли? Точно въ отвѣтъ на эту запоздалую вѣру въ собственный подвигъ, раздается бѣшеный хохотъ дикой невѣжественной толпы. Эта толпа „изловила доктора", чтобы надругаться надъ нимъ. Эта толпа въ пьяномъ торжествѣ топчетъ его чистое, его самоотверженное сердце. „Гоо... Бе-ей его!.."—раздается неистовый вопль, и озвѣрѣвшіе люди на своего спасителя обрушиваются за то, что онъ „народъ морилъ".

Какъ послѣ этого можно жить и работать?!—И, къ счастью Чеканова, ему уже не долго остается жить послѣ потѣхи толпы... Страшныя по своему трагизму слова заноситъ въ свой дневникъ Чекановъ уже холодѣющей рукой. Это послѣднее слово приговореннаго къ смерти... „Они меня били, били!... Били за то, что я пришелъ къ нимъ на помощь, за то, что я несъ имъ свои силы, свои знанья—все. Теперь только вижу я, какъ любилъ я народъ и какъ мучительно горька обида. Нужно умирать. Не смерть страшна мнѣ, а жизнь, холодная и тусклая, *полная безплодныхъ угрызеній*... За что ты боролся, *во имя чего умеръ?* Ты только жертва безсмысленная, никому ненужная... Такъ и должно было быть! *Мы всегда были имъ чужды*"...

Все несчастье Чеканова заключалось въ томъ, что у него не „пропала совѣсть". Онъ не захотѣлъ умыть руки и сказать, „не моя въ томъ вина... Я сдѣлалъ, что могъ"... Чекановъ, по его словамъ, былъ не способенъ на то, чтобы „спокойно дѣлать, что можешь".

Каковы отношенія Чеканова къ грядущему поколѣнію, главнымъ образомъ, къ Наташѣ? Онъ постоянно твердитъ: „долгъ

народу", „дѣло", „идея"... Она ждетъ отъ Чеканова—этого „настоящаго человѣка"—и настоящаго лозунга для жизни, а самъ Чекановъ чувствуетъ себя не настоящимъ человѣкомъ, а бывшимъ; и отъ жизни и отъ себя ужъ ничего не ждетъ, ожиданія-же Наташи его мучатъ, растравляя старую рану. „Настоящій человѣкъ" Тургеневской „Нови"—Соломинъ, этотъ положительный русскій Штольцъ—могъ совѣтовать Маріаннѣ, что дѣлать, съ чего начать: „Сегодня вы Лукерью чему-нибудь доброму научите,—самодовольно поучалъ онъ,—а недѣли черезъ три съ другой Лукерьей помучитесь, а пока ребеночка помоете, или азбуку ему покажете, или больному лѣкарства дадите". Пламенной Маріаннѣ, готовой на жертву, „прохладный" Соломинъ совѣтовалъ свысока „шелудивому мальчику волосы расчесать, потому что это большая жертва, на которую немногіе способны". Герой Вересаева—Чекановъ—не Соломинъ и не умѣетъ съ легкимъ сердцемъ разговаривать, можетъ быть, потому, что въ глазахъ Чеканова и Соломинъ не самый настоящій человѣкъ, какъ думалъ Тургеневъ, а также лишній, какъ показали о настоящемъ дѣлѣ восьмидесятые годы. Правда, Чекановъ пытался отвязаться отъ проклятыхъ вопросовъ Наташи, указавъ на дѣло „спасительной сельской учительницы", какъ отвязываются отъ умирающаго отъ голода, подавая ему копейку, но „больная совѣсть" не даетъ покоя Чеканову. Почитайте его исповѣдь въ дневникѣ о разговорѣ съ Наташей. „Наташа шла, опустивъ голову...—Голубушка, это дѣло мелко, но оно даетъ великіе результаты... Я почти физически страдалъ, какъ все фальшиво, фразисто мнѣ казалось, что теперь Наташа видитъ меня насквозь, мнѣ казалось, что я и самъ только теперь увидѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, увидѣлъ, какая безнадежная пустота во мнѣ".

Такъ кончилась жизнь безсчастнаго человѣка, жизнь, холодная и тусклая, полная безплодныхъ угрызеній...

Эти „*безплодныя угрызенія*"—вотъ основная черта человѣка, который *не хочетъ* быть лишнимъ, *но долженъ* быть лишнимъ, человѣка, который чуждъ самодовольства лишнихъ людей и „не можетъ простить нашей чуткой литературѣ того, что она благоуханными цвѣтами поэзіи увѣнчала людей, достойныхъ лишь сатирическаго бича",—намекъ на Тургенева въ особенности. Не нашелъ Чекановъ точки опоры тамъ, въ деревнѣ, не нашелъ дороги туда, въ народное море: „мы всегда были имъ чужды и далеки,—ихъ ничего не связывало съ нами",—вотъ причины безплодныхъ угрызеній.

Героиня „Повѣтрія", Наташа, эту точку опоры, эту дорогу нашла... Если въ 1892 г., у постели умирающаго Чеканова она стояла, „вѣрящая, ожидающая", то въ 1896 году передъ лицомъ жизни, пробудившейся вокругъ, Наташа стоитъ, какъ энтузіастка, нашедшая истину, этотъ „ключъ жизни".

Опять Вересаевъ возвращается къ Тургеневу и опять спѣшитъ отмѣтить разницу, устами Чеканова, между Наташей и Еле-

ной, героиней „Наканунѣ“. Елена—это разновидность типа очень стараго: неопредѣленныя порыванья вдаль, игнорированіе окружающаго, исканье чего то эффектнаго, яркаго, необычнаго. Инсарова она полюбила не за то, что онъ указалъ ей дѣло, а просто потому, что онъ—*„замѣчательный человѣкъ...* Неужели-же все дѣло женщины заключается въ томъ, чтобы отыскать достойнаго ея любви мужчину-дѣятеля? Гдѣ-же потребность настоящаго дѣла?“—Образъ Наташи—вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Наташа самоотверженно любитъ только дѣло, это какая-то беззавѣтная влюбленность, и отъ этой влюбленности вѣчно-женственное нисколько не пострадало. Когда-то художникъ-интеллигентъ, Ярошенко, написалъ свою картину „Курсистка“. Успенскій въ этой картинѣ отмѣчалъ „нѣчто прибавившееся къ женскому типу—новую мужскую черту, черту свѣтлой мысли вообще“... По его словамъ, это то гармоническое слитіе дѣвичьихъ и юношескихъ чертъ въ одномъ лицѣ, въ одной фигурѣ, осѣненной не женской и не мужской, а человѣческой мыслью, превращало картину въ новый народившійся, небывалый и свѣтлый образъ—*„человѣческій“*... Если у этой „Курсистки“ и Ярошенко не было имени, то Вересаевъ его далъ. Въ самомъ дѣлѣ: вы присмотритесь только къ Наташѣ, къ этой „женщинѣ-человѣку“. Въ повѣсти „Безъ дороги“ Наташа почти подростокъ, „дѣвушка сорви-голова, съ бродившими въ душѣ смутными, широкими запросами, вся—порывъ, вся—безпокойное исканіе“. Въ повѣсти „Повѣтріе“ она уже настоящая женщина-человѣкъ, побывавшая и за границей, и въ Петербургѣ, и на югѣ Россіи. „Отъ нея вѣетъ бодростью, энергіей, счастьемъ. Она нашла дорогу и вѣритъ въ жизнь“. Какъ далека она отъ этой „барышни уѣздной съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ“. Въ лицѣ Наташи характерно, что Вересаевъ выбралъ женщину, а не мужчину. Кончаются „эти дни больного озлобленья, эти дни унынья и тоски“, на которые изливалъ всю горечь своей души Надсонъ—поэтъ больного поколѣнія. Передъ Наташей открывается не „море холоднаго мрака, враждебнаго нашимъ блестящимъ мечтамъ“, какъ писалъ о восьмидесятыхъ годахъ пѣвецъ „энергіи отчаянья“—П. Я., а то море, которое съ такимъ восторженнымъ крикомъ „θάλαττα“ привѣтствовали 10,000 грековъ послѣ безконечнаго, мучительнаго скитанья.

Если въ первой повѣсти Наташа, „вѣрящая, ожидающая“, противупоставлена Чеканову, то въ повѣсти „Повѣтріе“ Наташа, увѣренная и дѣйствующая вмѣстѣ съ студентомъ Даевымъ, очерченнымъ крайне блѣдно, противупоставлена самодовольному народнику Киселеву, гордящемуся своимъ народолюбіемъ и вѣрующимъ въ спасительность артелей.

Въ длинномъ спорѣ, утомляющемъ читателя, обрисовываются два лагеря—филантропы, давно уже великое жалѣніе и великую жертву размѣнявшіе на хлопоты „о мнози службѣ“, а рядомъ съ ними „эти узкіе и черствые люди“, съ гордостью говорящіе

о служеніи и исторической необходимости. „Жизнь развивается по своимъ законамъ, не справляясь съ вашими идеалами, нужно принять тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность“—такъ говоритъ Даевъ людямъ, стремящимся предотвратить и измѣнить историческій ходъ вещей... Даевъ, если хотите, признаетъ ту же власть времени, о которой писалъ Чекановъ, но иго *этого* времени—благо, и бремя его легко есть.

У Наташи съ Даевымъ есть свои разногласія, но они, пока что, не останавливаются на нихъ, дружно обрушиваясь на враждебное имъ обоимъ міросозерцаніе Киселевыхъ; впрочемъ, „Киселевъ настолько вѣритъ въ свое дѣло и настолько тупъ, что его не переубѣдишь“.

Пріятель Киселева, врачъ Троицкій, напоминаетъ врача Чеканова. Оба они отвѣчаютъ: „не знаю“ на проклятые вопросы Наташи. Но Чекановъ съ этимъ незнаніемъ не можетъ жить, а Троицкій можетъ, выработавши формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ. „Нельзя гоняться за какими то отвлеченными историческими задачами, когда такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ“.

Наташа не отказывается отъ насущнаго дѣла, дѣла каждаго дня, но живетъ она для самаго важнаго историческаго дѣла, дѣла всей жизни. Наташа не товарищъ Троицкому. Она можетъ сказать о себѣ; „полюбивъ, мы умираемъ“, а Троицкій можетъ сказать о себѣ: „мы готовы разлюбить—только бъ жить“... „Какъ можете вы съ этимъ жить?—произнесела Наташа съ дрожью въ голосѣ, поведши плечами.—Выдвигаются совершенно новыя задачи. И вы стоите передъ этимъ хаосомъ, потерявъ подъ ногами всякую почву. Оставаться въ вашемъ лагерѣ невозможно ужъ по одному тому, что это значитъ прямо обречь себя на духовную смерть“.

Эта жестокая отповѣдь Наташи является отповѣдью всего молодого поколѣнія. Почти одновременно съ „Повѣтріемъ“ появляется разсказъ Чирикова „Инвалиды“. Та же тема, тѣ же сопоставленія, тотъ же суровый приговоръ. На смѣну пѣвцамъ больного поколѣнія пришли ихъ могильщики и констатировали духовную смерть тѣхъ, которые отреклись отъ историческихъ задачъ.

Наташа своей отповѣдью бросила перчатку цѣлому поколѣнію. Михайловскій поднялъ эту перчатку, и въ 1899 г. (I—II кн). въ „Русскомъ Богатствѣ“ писалъ о Наташѣ: „Она суется въ воду, не зная броду. Она ищетъ не такой задачи, которая была бы ей подъ силу, а просто самой важной, самой полезной, для которой она, можетъ быть, и не годится. Характерна, для героевъ Вересаева, эта фраза: искать себѣ дѣла, безъ соображенія своихъ силъ и своихъ склонностей, и потомъ искать не непосредственно въ жизни, а по указаніямъ „свѣдущихъ людей“.

Одинъ изъ сверстниковъ Наташи отвѣчалъ Михайловскому: „Современныя Наташи ищутъ не героическихъ позъ, не превос-

ходныхъ степеней, не самыхъ полезныхъ, самыхъ важныхъ задачъ, а дѣла, которое бы стояло въ непосредственной связи съ ихъ общественнымъ міросозерцаніемъ. Для другого дѣла найдутся и находятся другіе хорошіе люди, для него не потребуются, какъ непремѣнное условіе, ихъ общественные взгляды и симпатіи Тотъ, кто является дѣйствительнымъ, а не самозваннымъ наслѣдникомъ прошлаго, можетъ спросить нашихъ скептиковъ: кто, кромѣ Наташи и Даевыхъ, будетъ выполнять незавершенное историческое дѣло. Если они не пойдутъ туда, гдѣ они пока особенно нужны, никто другой не пойдетъ".

Въ этой оцѣнкѣ Наташи одинъ изъ критиковъ пытался ее отрицать, другой горячо ее привѣтствовалъ, а оба оправдывали слова Гете: „Въ пестрой драмѣ всякъ свое найдетъ: увидитъ каждый то, что въ сердцѣ принесетъ".

Важно, однако, подчеркнуть то, что Наташа близка русской интеллигенціи; объ этомъ образѣ, высоко-художественномъ, можно сказать то же, что говорилъ о Танѣ одинъ изъ героевъ повѣсти „На поворотѣ": „она возбуждаетъ въ людяхъ либо рѣзко враждебное, либо ужъ горячо сочувственное, почти восторженное отношеніе".

Поколѣніе „Повѣтрія" не знало рефлексіи. Борьба съ народничествомъ объединяла и Наташу, и Даева, и многихъ, часто не согласныхъ между собою: помните споръ Наташи и Даева о переселеніяхъ? Но союзники торопливо затушевывали маленькія разногласія. Только въ концѣ девятидесятыхъ годовъ, когда борьба съ народничествомъ кончилась и Россія была признана страной, вступившей на путь капитализма, обнаружились разногласія въ самомъ лагерѣ союзниковъ и одни „пошли на выручку капитализма", а другіе же съ яснымъ умомъ и пылающимъ сердцемъ устремились навстрѣчу тому, къ чему неизбѣжно приводитъ развитіе противорѣчій въ нѣдрахъ капиталистическаго общества. Подобно тому, какъ въ эпоху великихъ реформъ обнаружились въ средѣ интеллигенціи два лагеря: „семинаристовъ", разночинцевъ, и кающихся дворянъ—птенцовъ изъ дворянскаго гнѣзда, лагерь Добролюбова и лагерь Тургенева,—такъ и теперь обнаружились два теченія. Теченіе все той же безсословной, разночинной интеллигенціи и теченіе, если хотите, кающихся буржуа, непримиримое и поддающееся прирученію, представители которыхъ убѣдились, что надо размежеваться. Въ повѣсти „На поворотѣ" Наташу энтузіастку и доктора „Безъ дороги" смѣняютъ непримиримая Таня и усумнившаяся Варенька. Во взглядахъ, цѣляхъ и стремленіяхъ послѣдней хотя и осталось все прежнее, но отъ нихъ все больше отлетаетъ духъ живъ. Нѣтъ желанія отдать себя цѣликомъ, когда „вовсе собой недорожишь". Варенька „если и умретъ за что-либо хорошее, то вовсе не ради хорошаго, а просто потому, что потребуется умереть". Узнаете?

Старый знакомый Чекановъ! Но тотъ хотѣлъ отдаться исто

рической задачѣ, да не могъ, потому что не видѣлъ ея, а эта можетъ отдаться исторической задачѣ, да не хочетъ, потому что крылья не держатъ. Варенька не изъ тѣхъ, которыя покоряются. Какъ и братъ ея Сергѣй, она скорѣе умретъ, чѣмъ „перемѣнитъ видъ“—и она умираетъ.

Зато братъ Тани Токаревъ ради жизни готовъ сказать:

«И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ»...

Больная совѣсть Токарева толкаетъ послѣдняго къ теоретической обосновкѣ его отпаденія. Бернштейна и Бердяева онъ призываетъ на помощь, но призываетъ всуе—не въ теоріи тутъ сила. Бернштейны и Бердяевы являются *не какъ причины*, а *какъ слѣдствіе* перемѣны настроенія. Приглядываясь къ эволюціи нашихъ размагниченныхъ интеллигентовъ, невольно вспоминаешь рѣзкій парадоксъ Базарова: „Принциповъ нѣтъ, а существуютъ одни ощущенья!..“ Эту власть ощущеній прекрасно отмѣтилъ и самъ Токаревъ въ одну изъ своихъ покаянныхъ минутъ: „Я вижу, что во мнѣ исчезаетъ что то страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ *непосредственное чувство*, и его не замѣнишь ничѣмъ. Хочется жить для себя. Я вотъ теперь много читаю и думаю объ этикѣ. Стараюсь философски обосновать мораль, уясняю себѣ разныя категоріи долга, но... почему раньше мнѣ ничего подобнаго не было нужно?.. У людей дѣйствующихъ мораль поразительно скудна и убога. А вотъ когда *человѣкъ остываетъ*, тутъ-то и начинаются у него настойчивыя мысли о морали, о долгѣ... Всегда, когда я говорю или думаю о долгѣ, у меня въ самой глубинѣ души начинаетъ безпокойно копошиться стыдъ, какъ будто я собираюсь начать игру съ фальшивой колодой картъ!..“ Въ томъ и горе Токарева, что въ душѣ его не перестаетъ звучать „насмѣшливый внутренній голосъ“, что Токареву нечѣмъ жить съ его возвышенной идеологіей, съ его абстрактнымъ пониманіемъ. Для иного понять это пониманіе—это умереть, но Токаревы не умираютъ,—по своей волѣ, по крайней мѣрѣ. Они уйдутъ за призракомъ жизни, они предпочитаютъ „покой бытія“ „покою небытія“. Они готовы отказаться отъ всего, только бы жить, только бы жить, и, если хотите въ этой такъ называемой жизни заключается ихъ смерть духовная, а не физическая. Настроеніе Токарева перемѣнитъ видъ, душа человѣка переселится въ тѣлесную оболочку животнаго, Токаревъ обрастетъ шерстью и будетъ по новому влачить свое существованіе, „не увлекаясь, приспособляясь“. Подобно „размагниченному“ интеллигенту Рубакина, Токаревъ можетъ сказать о себѣ: „Есть осуществимыя мечтанія, но я то никогда ихъ не осуществлю: я—нѣчто постороннее всему этому, я—созерцатель, я—мыслящая, анализирующая единица. Мыслю—значитъ еще существую. А отъ окружающаго меня отдѣляетъ моя собственная кожа.. Зато какъ больно я себя чувствую! Эта боль мѣшаетъ мнѣ оглядываться по сто-

ронамъ и я гоню въ три шеи и чувства и идеи. Дайте же мнѣ пожить, чортъ возьми, и личною жизнью". И Токаревъ, и размагниченные интеллигенты вообще—это тѣ же бывшіе люди, это духовные босяки. Ихъ душа какъ „разбитая ваза"—„увялъ ея цвѣтокъ, ушла ея вода", и нѣтъ въ ней никакого содержанія.

Интересную черту этихъ „бывшихъ людей" отмѣчаетъ Вересаевъ: это страстное желаніе получить отпущеніе грѣховъ отъ „настоящихъ людей". Инстинктъ самосохраненія заставляетъ ихъ добиваться оправданія и самооправданія, потому что безъ этого нельзя жить интеллигенту. Какъ существо общежительное, человѣкъ, даже отбиваясь отъ группы, пытается создать свою группу, и Токаревъ, напримѣръ, тащитъ въ свое болото Сергѣя, который еще живетъ, еще дышетъ. Видно, „на міру и смерть красна". То же дѣлаютъ и у Горькаго его босяки, его бывшіе люди; помните, Сатинъ („На днѣ") тащитъ назадъ актера, отбивая его у Луки, вся ночлежка въ нѣдра свои тащитъ Клеща—рабочаго человѣка. Ассимилировавшіеся ассимилируютъ. Не борьба за жизнь, не „борьба за идеализмъ", а борьба за смерть, борьба за право жить въ болотѣ—вотъ удѣлъ Токаревыхъ.

Рѣзкимъ контрастомъ по отношенію къ Токареву и Варенькѣ является Таня—сестра Токарева. Таня это та-же Наташа, съ тою разницей, что Наташа пережила періодъ мучительнаго исканія, а Таня получила уже готовую истину. Наташа *аргументируетъ* въ спорѣ съ народниками, а Таня *декретируетъ* въ спорѣ съ „критиками"... Но нутро обѣихъ дѣвушекъ то же: то же веселое самоотреченіе, та же любовь къ жизни и безстрашіе передъ жизнью, та же вѣра въ необходимость лучшаго будущаго. Всю зиму она съ компаніей пробыла на голодѣ, все, что было у нея, „просадила". Въ Томилинскъ пришла по шпаламъ, кой-какъ раздобыла уроки, и вмѣсто нытья и усталости, вмѣсто жалобъ и самодовольства, отъ всей ея фигуры вѣетъ счастьемъ и молодымъ задоромъ. Говоритъ она о своемъ подвижничествѣ, какъ о забавныхъ приключеніяхъ, вовсе не замѣчая своего подвижничества—„вотъ было весело",—радостно заканчиваетъ она свои разсказы и не догадывается полюбоваться собою. Братъ весьма резонно упрекаетъ ее за то, что она бросила курсы—„дипломъ оберегалъ-бы ее", а Таня съ нетерпѣливымъ безразсудствомъ отвѣчаетъ: „Господи, какъ это скучно—о будущемъ думать... Не боюсь я никакого будущаго, всегда сумѣю прожить и безъ диплома". Не даромъ же Сергѣй говоритъ о Танѣ:—„это такой пролетарій, до мозга костей: никакія условности для нея не писаны, ничѣмъ она не связана, ничего ей не нужно"... Наташа и Таня принадлежатъ къ людямъ, которые, по словамъ Ницше, „*знаютъ, зачѣмъ они живутъ, а потому имъ все равно, какъ они живутъ*".

Кромѣ разобранныхъ нами типовъ, передъ глазами читателя проходитъ цѣлая вереница типовъ... Вотъ самодовольный земецъ съ супругою, уже приспособившіеся съ жизни. Когда супруга читаетъ свѣжій номеръ „Русскаго Богатства", супругъ рисуетъ „лоша-

диныя головки". Самодовольные супруги весьма либерально оказывають протекцію „безграмотной молодежи".

Вотъ педагогъ Осьмериковъ—„чистая душа". Этотъ педагогъ „ненавидитъ одаренныхъ людей, которые все баламутятъ". Вотъ почтенные обитатели Гнѣздиловки, отецъ и мать Сергѣя, въ хозяйствѣ и картахъ отводящіе душу... Все это тѣ маленькіе, довѣрчивые, чистые сердцемъ люди, которые по словамъ Ницше—словно низкія двери: *Только мелкое одно проходитъ въ нихъ.*

Таковы три главныя повѣсти Вересаева, рисующія жизнь интеллигенціи: ея скитанія, ея служенія, ея настроенія и идеалы. Всѣ они горячатся, спорятъ, отстаиваютъ ту или другую *точку зрѣнія*. Никто изъ нихъ не живетъ просто, безъ точки зрѣнія, но различіе между ними коренится, по словамъ Вересаева, „не во взглядахъ, не въ логикѣ, а въ самомъ строѣ души". Вотъ этотъ „строй души", это „настраиваніе" и это „разстройство" души и занимаетъ автора, который всегда пытается установить связь между тѣмъ или инымъ міросозерцаніемъ и дѣятельностью съ тѣмъ или инымъ настроеніемъ, темпераментомъ дѣйствующихъ лицъ.

Нѣсколько небольшихъ очерковъ только дополняютъ широкую картину, захваченную художникомъ въ трехъ только что разобранныхъ очеркахъ. Здѣсь уже нѣтъ законченныхъ типовъ, а только наброски карандашомъ, но зато въ нихъ еще рѣзче подчеркиваются основныя формулы русской интеллигентной жизни.

Въ разсказѣ „Встрѣча" намѣчены двѣ категоріи интеллигентовъ. Одни живутъ въ просторѣ и просторъ въ нихъ (Вязовъ—статистикъ), другіе живутъ въ норѣ и трепетъ живетъ въ нихъ (педагогъ Смирницкій), они находятъ, что „въ жизни все до безумія страшно", другіе убѣждены на опытѣ, что „всѣ пережитыя передряги гораздо *легче въ жизни, чѣмъ въ ожиданіи*".

Въ разсказѣ „Товарищи" когда то увлекавшіеся школьные пріятели за кружкой пива съ пугливой недовѣрчивостью прислушиваются къ ихъ общей тайнѣ, которую всѣ они старательно другъ отъ друга скрываютъ. „Въ семьѣ, въ школѣ намъ никто не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ,—выбалтываетъ эту тайну одинъ изъ нихъ,—Зубаренко.—Не воруй, не лги, не обижай другихъ—вотъ была мораль. Мы думали спокойно прожить съ этою моралью, какъ жили отцы. И вдругъ приходитъ книга и обращается къ намъ съ неслыханно громаднымъ запросомъ: она требуетъ, чтобы жизнь была сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ же взять для этого силъ? Книга намъ ихъ дать не могла, она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ *больной совѣстью*". Товарищи одинаковы несчастны, но „*никто изъ нихъ не уважаетъ своего горя.*—Горе ихъ дряблое, бездѣятельное, ему нѣтъ оправданья, стыдиться его нужно, а не нести на люди".

Отчего же когда-то они могли увлекаться, могли хотѣть и хотѣли хотѣть, а теперь только винтятъ да пиво пьютъ. Отчего русскій до 30 лѣтъ—герой, а послѣ 30—подлецъ, а нѣмецъ до

30 лѣтъ—буршъ, а послѣ 30 лѣтъ— общественный дѣятель, уважающій себя и уважаемый другими? Отчего?—Вересаевъ, отвѣчая на этотъ вопросъ, подчеркиваетъ опять таки *не первичный факторъ*—соціальную сторону, *а производное*—психологическую основу. „Въ жизни каждой самой болотной души,—говоритъ Токаревъ въ одинъ изъ моментовъ своего духовнаго просвѣтленія,—бываетъ возрастъ, когда эта душа преображается: у нея вырастаютъ крылья. Смутные порывы оформливаются въ стремленіе къ яснымъ идеаламъ. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ, крылья высыхаютъ и отваливаются".

Этимъ „болотнымъ душамъ" съ мимолетными стремленіями противупоставляются „люди нутра": „ихъ можно бить, но нельзя расколоть на двое, для нихъ мысль тѣмъ самымъ, что она мысль, есть въ то же время и дѣйствіе."

Итакъ, мы покончили съ той частью очерковъ Вересаева, въ которой онъ говоритъ объ интеллигенціи. Мы видѣли, что одни интеллигенты *приспособляются къ жизни*, а другіе *приспособляютъ жизнь*, одни боятся того, чего вовсе и не нужно бояться, другіе же съ безумствомъ храбрыхъ спѣшатъ навстрѣчу опасности. Послѣдніе, подобно „безразсудному и непокорному юношѣ Адеилу" (Звѣзда), уходятъ изъ края, „гдѣ царитъ вѣчная ночь, гдѣ гнилые туманы поднимаются надъ болотистой землей и стелются въ воздухѣ, гдѣ люди рождаются, растутъ и умираютъ въ самомъ мракѣ, изъ жалкаго края рабовъ они уходятъ искать путей къ звѣздамъ, искать свѣта для жизни".

Гдѣ же этотъ свѣтъ? Гдѣ та путеводная звѣзда, которую нашелъ и принесъ людямъ Адеилъ? На эти вопросы отвѣчаетъ Вересаевъ въ цѣломъ рядѣ другихъ очерковъ... Эти очерки раскрываютъ передъ читателемъ жизнь, какъ она есть, въ деревнѣ и городѣ, авторъ, какъ Гораціо, ведетъ читателя, этого современнаго Данте, отъ одного отдѣленія ада жизни къ другому, и читатель все больше проникается любовью къ страждующему человѣку и стремленіемъ принести въ его мрачное царство звѣзду. Эту звѣзду читатель вполнѣ ясно начинаетъ различать на небосклонѣ русской жизни, и въ этой звѣздѣ спасеніе отъ того отчаянія, которое овладѣваетъ сердцемъ при видѣ цѣлаго ряда безотрадныхъ картинъ. Вы только приглядитесь къ этимъ картинамъ.

У ржавой гнилой дороги, заросшей негоднымъ бурьяномъ, идущей къ заброшенной шахтѣ, стоитъ сторожка, а въ этой сторожкѣ живетъ крестьянинъ Михайло „На мертвой дорогѣ". Онъ вѣчно съ сокрушеніемъ разсказывалъ о деревенскихъ непорядкахъ, о міроѣдахъ, о надѣлахъ, на которыхъ „курицѣ ступить негдѣ", о неурожаѣ... Въ его *ропотѣ* безъ конца одна унылая нота звучитъ *неизмѣнно*, „*а мы* отощали". У сторожки Михайлы зачастую останавливаются случайные прохожіе. Всѣ они сходятся „На мертвой дорогѣ".—Тутъ проходятъ богомолка, „баба умная", съ безконечными разсказами о святыхъ мѣстахъ. „Изъ

своего путешествія, полнаго тяжелыхъ лишеній, она несетъ въ своей душѣ нѣчто новое и безконечно для нея дорогое, что всю ея остальную жизнь заполнитъ тепломъ, счастьемъ и миромъ". Это нѣчто понесетъ она и своимъ односельчанамъ. „Золотыя ворота тамъ есть,—повѣствуетъ старушка,—въ эти ворота Христосъ въѣзжалъ на ослѣ. Евреи стлали ему бархаты, шелка, а Онъ говоритъ: не поѣду по бархату, шелкамъ, а поѣду по вербамъ, что мнѣ дѣти постлали. Евреи смотрятъ. Зачѣмъ, говорятъ, Онъ по вербамъ ѣдетъ? Царь, что ли?—Хотѣли дѣтей прогнать. Только Христосъ имъ этого не дозволилъ, говоритъ:—Не препятствуйте имъ! Если, говоритъ, воспрепятствуете, то аще камни *возопіе*!.. И что же, миленькіе мои? Такъ до сего времени всѣ тѣ камушки, разинувъ рты, и лежатъ".

На той же „Мертвой дорогѣ" показывается на минуту шахтеръ Никитинъ. Онъ безъ конца чертитъ „планты" рудниковъ. Этими „плантами" онъ хочетъ открыть всему міру глаза. Онъ наивно вѣритъ въ волшебную силу своихъ „плантовъ",— пусть только до людей дойдетъ эта правда изъ подземелья, эта правда „прошибетъ ихъ", и тогда—все будетъ по другому, бѣдный людъ не будетъ задыхаться и гибнуть, живущимъ тамъ, наверху, станетъ стыдно... И Никитинъ безъ отдыха сидитъ надъ плантами, а въ шахтахъ все такъ же душно невыносимо, все такъ же „темно и сыро".

Здѣсь „мертвая дорога", здѣсь нѣтъ звѣзды, здѣсь не найдетъ отклика интеллигентъ, грустно провожающій въ безрадостную даль этихъ мимоидущихъ. Разбирая этотъ и послѣдующіе очерки, мы видимъ, что въ каждомъ человѣкѣ художника интересуютъ тѣ черты, которыя указываютъ на принадлежность его къ той или другой группѣ. Художникъ, заранѣе зная, что тотъ человѣкъ—босякъ, а этотъ—рабочій, третій—лавочникъ, пытливо заглядываетъ имъ въ лицо и старается отмѣтить групповыя черты этихъ людей.

Вы помните разсказъ Вересаева „Степь"? У каменной бабы въ степи встрѣтились два человѣка, какъ у Островскаго въ „Лѣсѣ" Аркашка и Геннадій у верстового столба.

Одинъ—косарь-Никита еле тащится съ пораненной ногой обратно на родину... Онъ безъ работы. Въ его желудкѣ пусто, въ его карманѣ ни гроша.

Другой—„стрѣлокъ". Работы онъ не ищетъ, онъ жнетъ, гдѣ не сѣялъ. У него и водочка есть, и деньжата водятся. Онъ сытъ и доволенъ. У Аркашки въ узелкѣ были старые водевили, у странника въ узелкѣ „святой припасъ", отъ котораго пахнетъ не однимъ ладономъ и кипарисомъ. „Стрѣлокъ" за компанію накормилъ и Никиту—онъ жадности не знаетъ, въ потребленіи продуктовъ онъ не признаетъ ни твоего, ни моего. Посидѣли попутчики, да и побрели вмѣстѣ. Въ первой же деревнѣ странникъ-стрѣлокъ завелъ душеспасительную бесѣду, сталъ продавать „святой припасъ", выдавши Никиту за глухонѣмого, которому

будто бы обѣщающее исцѣленіе черезъ три года. Получивъ „за работу" натурой и деньгами, странникъ тронулся въ путь, а за нимъ Никита. Уже въ полѣ „стрѣлокъ" сталъ, было, дѣлиться съ Никитою „заработкомъ", тотъ отказался. Стрѣлокъ расхохотался—„Эхъ ты, деревенщина". Тогда Никита молча хватилъ своего спутника, что было силы, кулакомъ въ лицо и побрелъ безъ оглядки домой.

По этой канвѣ Вересаевъ яркими красками вышилъ узоръ сложныхъ общественныхъ отношеній. И Никита, и стрѣлокъ—живые образы этихъ отношеній, каждый съ рѣзко выраженными чертами своей группы. Оба они босяки, но Никита—*временный*, до работы, а стрѣлокъ—*профессіональный*, до могилы. Вся фигура безработнаго пролетарія Никиты-босяка поневолѣ является „воплощенной укоризною" по отношенію къ „стрѣлку"—босяку по призванію.

Эти образы точно въ параллель босякамъ Горькаго говорятъ: „есть босякъ и босякъ". Въ босячествѣ, больше чѣмъ въ другихъ общественныхъ группахъ, можно наблюдать самыя разнородныя физіономіи. Изъ какихъ слоевъ попали въ босяки Никита и стрѣлокъ? Никита изъ трудовой семьи. Онъ, какъ Клещъ у Горькаго „На Днѣ",—рабочій человѣкъ, „рабочія руки", онъ хочетъ работать, чтобы жить.

Его спутникъ—вольная птица, его „дѣло—легкое". На вопросъ Никиты, зачѣмъ стрѣлокъ былъ на станціи, тотъ отвѣчаетъ: „Дѣла надо было кой-какія справить, поторговаться, попить чайку". Никита громко расхохотался—„нешто это дѣло? Сказалъ бы *поработать*, а то чайку попить. Это не дѣло!" Какъ не похожъ этотъ добродушный человѣкъ въ нанковомъ подрясникѣ на Никиту, который „глядитъ на людей, какъ затравленный волкъ".

Передъ нами люди разные, говорящіе на разныхъ языкахъ. „Немного же тутъ *вашего* брата набилось",—говоритъ стрѣлокъ. Косарь молчитъ и злыми глазами глядитъ на сосѣда, внутренне сознавая, что передъ нимъ „не свой братъ". *Таковы* Вересаевскіе босяки; за разною внѣшностью, за различнымъ прошлымъ которыхъ скрываются два разные „уклада", двѣ разныя психики.

Если въ разсказѣ „Степь" ярко обрисованы фигуры безработнаго пролетарія и беззаботнаго стрѣлка-босяка, то въ другихъ разсказахъ одинъ за другимъ проходятъ передъ нами крестьянинъ, *аграрій*, лавочникъ, рабочій.

Вотъ деревенскій парень Ванька. Попалъ онъ на заводъ. Онъ—олицетвореніе смутнаго испуга. Всѣ надъ нимъ смѣются. Правило всей его жизни: „нешто я не понимаю? Небось [illegible]" („Ванька").

Вотъ другой парень, захлебываясь отъ восторга, разсказываетъ про порядки „обѣтованной земли", отъ которыхъ морозъ по кожѣ деретъ. „У насъ крѣпко живутъ",—поетъ парень,—„Бунтовать не дозволяютъ никому... Въ хозяйствѣ каждый свое дѣло знаетъ, не упирается, *старшого слушаетъ*". Говоря о раздѣлахъ, парень

чикъ указываетъ парню на то, что *„бабы“* тоже люди, хотятъ жить „посвободнѣе“. „Люди!—усмѣхнулся парень.—Баба... баба—сатана! Поссорились бабы —отецъ взялъ кнутъ ременный, да всѣхъ и успокоилъ. Попробуй, подѣлись, отведетъ тебя отецъ въ волостное правленіе, всыплетъ 25 горячихъ“... („Земля обѣтованная“). Слушайся старшого, каждый по своей волѣ жить начнетъ, что будетъ?! Вотъ главные принципы героевъ обоихъ разсказовъ.

Разсказъ „Объ одномъ домѣ“ отмѣчаетъ еще одну черту деревенскаго уклада,—стремленье „домъ сохранить“. У Афанасія старика осталась послѣдняя дочь Дунька и старуха жена. Старики на ладонъ дышутъ. Одна думка у нихъ: принять въ домъ зятя, чтобы „домъ сохранить“. У нихъ даже на примѣтѣ парень „съ подозрительно-землистымъ цвѣтомъ лица“, неспособный къ деревенской работѣ. Правда, красавица Дунька любитъ другого парня изъ сосѣдней деревни, да тому парню нельзя итти „въ зятья“. А тутъ еще про Дуньку ходятъ слухи, что она „порченая“—выбирать, стало быть, не приходится, только бы „домъ сохранить“... Итакъ, женихъ есть—остановка за міромъ, но міръ наотрѣзъ отказываетъ. „Земли и своимъ не хватаетъ, безумно принимать въ общество еще новыхъ членовъ“. Дунька остается въ дѣвкахъ и умираетъ. Старуха тоже. Одинъ старикъ „зажился—чужой вѣкъ живетъ...“ Сидитъ онъ въ пустой избѣ... Въ ней пахнетъ холодною сажей. А съ улицы на развалюшку избу холодно и враждебно смотрятъ другія избы, крѣпкія сознаніемъ своего права на жизнь.

Тому же стремленію „домъ сохранить“ („Къ спѣху“) другой крестьянинъ отдаетъ всю свою душу. Четыре мѣсяца прошло, какъ умерла его жена. На рукахъ у него трое дѣтей и хозяйство. Нужна въ домъ „работница“, нужна „къ спѣху“, такъ какъ наступила „страда“. И вотъ вдовецъ-женихъ объѣзжаетъ деревню „нѣтъ-ли гдѣ рябыхъ дѣвокъ!“—другія не пойдутъ за вдовца.

А что, какъ не то же желаніе „домъ сохранить“, заставляетъ крестьянина покидать семью, уходить въ городъ... „въ отхожій промыселъ!?“ Въ деревнѣ жена „домъ сохраняетъ“, а мужъ за тридевять земель вырабатываетъ на подати, да на хозяйство. „Разъ въ годъ пріѣдешь,—разсказываетъ литейщикъ изъ крестьянъ („Въ сухомъ туманѣ“).—А что тамъ безъ меня жена дѣлаетъ? Баба она молодая, горячая... Самъ-то нешто тихо живешь? Эхъ, братъ!“—„Да на что вамъ хозяйство?.. Порвалъ съ хозяйствомъ—и баста, перевезъ *семью* въ городъ и живи однимъ хозяйствомъ,“— говоритъ попутчикъ. „Какъ на что? Скажемъ, работы нѣтъ, заболѣлъ, старъ сталъ—куда дѣнешься? На улицѣ пропадать? А тутъ *свой уголъ*“... Литейщикъ прекрасно сознаетъ, что въ этомъ своемъ углу „съ тоски пропадешь“, но для него все таки лучше ужъ медленная агонія въ деревнѣ... „Но это, все таки, не больше, какъ агонія,—говоритъ авторъ.—*А право на эту агонію* приходится покупать *цѣною калѣченія всей жизни*“...

Художникъ продолжаетъ свой анализъ, обнажая одну за другой „свѣтлыя стороны“ крестьянскаго уклада. Вотъ благообразный шахтеръ Сергѣй во вкусѣ героевъ Златовратскаго, но вы послушайте, „чѣмъ люди живы“.—Главное, пріобрѣсти земли хоть „мало-маленечко“, мечтаетъ шахтеръ. Для своего „крестьянства“ онъ пожертвуетъ всѣмъ. Для него онъ готовъ перенести всѣ тягости заводской жизни, готовъ спать на землѣ, жить вдали отъ жены и дѣтей, дрожать передъ мастеромъ, все это онъ готовъ претерпѣть: „впереди ждетъ земля съ любимымъ трудомъ, съ теплотой и уютомъ *своего* хозяйства“. Но не находитъ въ своемъ сердцѣ авторъ радостнаго отклика на радостныя мечтанія Сереги. „Какая цѣна всей этой радостной суетѣ вокругъ своего дома и своей личности,—говоритъ художникъ,—если она ведетъ за собою такое глубокое равнодушіе ко всему, что находится внѣ этого дома и личности... Здѣсь-то именно душа человѣческая и продается. Благополучіе свое Сергѣй устраиваетъ *въ одиночку*“.

Забота только о себѣ, о своемъ благополучіи въѣлась въ плоть и кровь крестьянина. Нужда эту заботу доводитъ до уродливыхъ проявленій... Среди гоньщиковъ на плотахъ затесались голодающіе мужики („На холоду“). Они страшно сбили цѣну, получая за сутки работы 5 копеекъ... Идутъ на такой заработокъ они, „чтобы дома не видѣть, какъ ребята сохнутъ. Плохо стало жить теперь, тѣсно. *Земли мало, людей много...* Простору нѣтъ человѣку!—говоритъ скуластый гонщикъ съ мрачнымъ лицомъ и добавляетъ:—„А что, говорятъ, хворь пошла по нашимъ мѣстамъ, кровью человѣкъ исходитъ,—правда“—„Правда!“—„Можетъ, *почиститъ* народъ, свободнѣе жить станетъ,“ задумчиво говоритъ онъ.

Этотъ жестокій эгоизмъ человѣка-звѣря, безплодный и безсмысленный, эгоизмъ, отрицающій всѣхъ во имя своего я, жалкаго и придавленнаго къ землѣ, страшно рѣжетъ ухо.

Неужели-же внѣ цынги, внѣ *чистки* народа нѣтъ спасенія?—Нѣтъ, имѣются и другіе пути къ простору. Въ товарномъ вагонѣ съ надписью „40 лошадей, 8 человѣкъ“ ведется нескончаемая бесѣда о Сибири—этой обѣтованной землѣ, куда направляется эта партія переселенцевъ („Въ пути“). „Конецъ мужику приходитъ... У насъ панскую землю закупилъ Тарашко, богачъ извѣстнѣйшій. Выгонъ совсѣмъ прекратилъ. Приказчикъ даетъ такія условія, все равно, какъ крѣпостныя. А мы безъ выгону не можемъ жить, что же дѣлать? Одно остается—*утекать*“, говоритъ одинъ изъ переселенцевъ, и всѣ дружно вторятъ ему: „утекать, утекать! Тамъ просторъ, тамъ нѣтъ прижимокъ“... ихъ и „климатъ“ не страшитъ...

Интересно отношеніе къ этимъ *осѣдлымъ пролетаріямъ*, крѣпкимъ землѣ, ихъ односельчанъ *лавочника* и *аграрія*—владѣльца 40 десятинъ. Аграрій держится вполнѣ опредѣленнаго образа мыслей, не то лавочникъ. Эта перелетная птица бросается изъ стороны въ сторону. Ему по своему жаль крестьянъ (то-же,

вѣдь, „покупатели“) и съ аграріемъ согласиться лестно. „Сильно народъ бѣдствуетъ,—вздохнулъ лавочникъ.—„У насъ тутъ не бѣдный нынче бѣдствуетъ, а зажиточный,—отрѣзалъ аграрій.—Онъ старается подать платить исправно. Въ общественную магазею свою долю ссыпаетъ, а пришелъ неурожай: „Онъ—говорятъ—можетъ жить, ему не надо. Значитъ, разоряйся... Вся эта *кормежка—одинъ развратъ*“.—„Нѣтъ, Трифонъ Ивановичъ, ты все-таки... того...Есть, которые бѣдствуютъ—жалко. Какъ его не накормить. *Круто не гни*: къ тебѣ же въ амбаръ залѣзетъ. Что ему острогъ“...

И лавочникъ, и аграрій, эти „люди съ волчьими душами и волчьими стремленіями“ сумѣютъ постоять за себя... У нихъ есть и сила, и бодрость.

Таково „мужицкое“ царство въ произведеніяхъ Вересаева. Въ фигурахъ, прошедшихъ передъ вами, не найдете цѣльныхъ законченныхъ образовъ, „то были образы безъ лицъ“. Въ каждомъ изъ нихъ отмѣчены не личныя, а групповыя черты. За каждымъ образомъ читатель видитъ тысячи людей, обладающихъ той же характерной существенной чертой. Развѣ не тысячи, не милліоны Ванекъ живутъ не по своей волѣ, а „*по волѣ старшого*?!“ Развѣ не тысячи Афанасіевъ мечтѣ „*домъ сохранить*“ отдаютъ все самое дорогое?! Развѣ не тысячи Сергѣевъ во что бы то ни стало стараются „*пріобрѣсти хоть мало-маленечко*“, живя въ „*одиночку*“, развѣ одинъ гонщикъ мечтаетъ о *чисткѣ народа* цынгой, развѣ не сотни тысячъ ежегодно *утекаютъ* изъ родимыхъ гнѣздъ, развѣ одинъ Михайло ропщетъ безъ конца на непорядки и на прижимки Тарашки?! Такъ живутъ, такъ ропщутъ милліоны мелкихъ производителей, переживая агонію своего нищенскаго хозяйства.

Но исчерпываютъ ли всѣ отмѣченныя Вересаевымъ черты деревенскаго уклада всю народную жизнь?—Нѣтъ-ли типовъ среди крестьянъ, которые остались незамѣченными авторомъ? Намъ кажется, что въ характеристикѣ народа Вересаевъ не достаточно оказался чуткимъ. Народъ—носитель завѣтныхъ думъ интеллигента, народъ, который провозглашался коллективистомъ по инстинкту, у Вересаева является темнымъ, забитымъ, не подающимъ никакихъ надеждъ. Кромѣ стремленія „домъ сохранить“ да пріобрѣсти „мало-маленечко“, художникъ ничего не усматриваетъ въ крестьянской средѣ. Въ этомъ взглядѣ на будущее народа намъ, кажется, отразилась точка зрѣнія интеллигенціи девяностыхъ годовъ. Но девятисотые годы выдвинули нѣсколько иное отношеніе „къ народу“. Во всемъ крестьянствѣ, въ цѣломъ народѣ, пока не говоря о рабочемъ классѣ, живетъ основная, господствующая идея, намеки на которую слышатся и въ произведеніяхъ Вересаева. Прислушайтесь еще разъ къ жалобамъ переселенцевъ, утекающихъ въ Сибирь: „У насъ панскую землю захватилъ Тарашко, богачъ извѣстнѣйшій. Выгонъ совсѣмъ прекратилъ. Приказчикъ даетъ такія условія, *все равно, какъ крѣ-*

постныя, а мы безъ выгона не можемъ жить". Это *утѣсненіе* чувствуется всей деревней, и въ отвѣтъ на утѣсненіе не только утекаютъ крестьяне, не только мечтаютъ о чисткѣ народа цынгой. Присмотритесь-ка къ молодой деревнѣ, не знавшей крѣпостного права, къ деревнѣ пореформенной. Такъ-ли дѣти чувствуютъ себя, какъ отцы?! Этой молодой деревни нѣтъ въ произведеніяхъ Вересаева. И Ванька, и Серега далеко не исчерпываютъ типовъ молодой деревни. Ванька и Серега разсуждаютъ, какъ старшіе, но развѣ деревня не знаетъ парня, слушающаго не старшаго, а книжку, полюбившаго книжку и желающаго жить не въ одиночку и не ради пріобрѣтенія, а по правдѣ и ради правды, вмѣстѣ съ возлюбившими правду. Современная интеллигенція, именно та часть ея, чуждая романтизма, которая свои идеалы обосновываетъ научно, вовсе не идеализируетъ деревенской зоологической правды. Она прекрасно понимаетъ, что тамъ, поскольку идетъ дѣло объ экономической сторонѣ, господствуетъ мелкобуржуазный укладъ, а не общинный духъ. Но для нея ясно, что и деревня прогрессивна, разъ дѣло идетъ о завершеніи великихъ реформъ, объ уничтоженіи остатковъ крѣпостного права, разъ рѣчь идетъ о крестьянствѣ въ цѣломъ, какъ о непривилегированномъ сословіи. Несомнѣнно, эта прогрессивность деревни—чисто буржуазнаго характера, но констатированіе ея даетъ возможность интеллигенціи видѣть въ деревнѣ не только мракъ, не только холодъ, не только отчаяніе.

Во всѣхъ Вересаевскихъ разсказахъ-миніатюрахъ безотрадные факты „льются, какъ льются струи дождевыя въ осень глухую порою ночною". Иногда кажется, что выхода нѣтъ изъ тупого угла русской жизни, „и что дальше некуда итти". Тяжелое настроеніе охватываетъ душу читателя. Хочется бѣжать дальше отъ этой „обѣтованной земли". Но сама же безотрадная жизнь создаетъ и свое отрицаніе. Вы чувствуете, что силы, которыя привели къ этимъ противорѣчіямъ, должны, подобно копью Ахилла, исцѣлять раны, которыя наносятъ... Осѣдлый пролетарій, *крѣпкій землѣ*, мало-по-малу освобождается отъ нея и превращается въ пролетарія свободнаго, какъ птица. Происходитъ на нашихъ глазахъ „раскрестьянствованіе", обновленіе или, вѣрнѣе, перерожденіе человѣка.

Въ повѣсти Вересаева „Конецъ Андрея Ивановича" читатель можетъ наблюдать конецъ *обыкновеннаго деревенскаго* и начатки городской культуры. Правда, въ этомъ мірѣ „мастеровщины" царитъ трактиръ, гдѣ „за стаканомъ пьютъ стаканъ—въ головѣ туманъ", но тамъ же есть и школы, гдѣ за книгой читается книга—въ головѣ пробуждается свѣтлая мысль.

Самъ Андрей Ивановичъ еще не отрѣшился отъ деревенской дикости, но онъ уже благоговѣетъ передъ культурой. Правда, онъ бьетъ свою жену, когда пьянъ, но въ то же время возмущается пріятелемъ, который бьетъ свою любовницу, въ то же время говоритъ: „я не могу простить, когда попираютъ мои

права, потому что *я не рабъ*, не невольникъ". Онъ читаетъ, по собственному признанію, „ерунду", но въ то же время интересуется хорошей книгой, а о своей „Живой Струнѣ", конфузясь, говоритъ: „глупыя идеи — нечего читать, одна только критика для смѣху". Пьетъ онъ много, напивается до озвѣрѣнія, но пьетъ онъ „отъ думъ". Работаетъ человѣкъ всю недѣлю, а потомъ начнетъ думать—хочется всякій вопросъ разобрать по основнымъ мотивамъ: Что? Какъ? Для чего?—Куда отъ этихъ думъ дѣться?

Фигура Андрея Ивановича очерчена авторомъ любовно, облечена въ плоть и кровь, не страдаетъ эскизностью и, по своей законченности, напоминаетъ Наташу, Чеканова, Таню... Рядомъ съ Андреемъ Ивановичемъ едва-едва намѣченъ типъ другого мастерового, Барсукова. Этотъ бѣжитъ не *отъ* думъ, а *навстрѣчу* думамъ, не въ трактиръ, а въ школу, читаетъ не „струну", а „полезные предметы",..

И Андрей Ивановичъ, и Барсуковъ живутъ въ компаніи, а не въ одиночку, дорожатъ не копейкой а товарищемъ. Не даромъ же говоритъ жена Андрею Ивановичу: „товарищу ты послѣдній двугривенный отдашь, а мы хоть по міру иди—тебѣ все равно!"

Интеллигенція, крестьянство, мастеровщина — таковы три группы, очерченныя Вересаевымъ въ его книгахъ. Интеллигенція ищетъ путей къ осуществленію идеала, крестьянство ищетъ простора и живетъ въ одиночку, мастеровщина ищетъ отвѣта на проклятые вопросы.

Интеллигенція, попадая подъ перекрестный огонь классовой борьбы, двоится, часть идетъ на служеніе буржуазнымъ требованіямъ, идетъ на выручку капитала, на борьбу за буржуазный прогрессъ, а часть—интеллигентный пролетарій—уходитъ къ тѣмъ обиженнымъ, къ тѣмъ униженнымъ, которые *могутъ постоять* за себя.

Въ повѣсти „На поворотѣ" Вересаевъ, какъ бы мимоходомъ, рисуетъ два типа „униженныхъ", два нравственныхъ уклада людей, крѣпкихъ землѣ, и людей, у которыхъ все *пролетѣло*—пролетаріевъ, свободныхъ, какъ птица. Прослѣдите отношенія интеллигенціи къ тѣмъ и другимъ. Вотъ вамъ двѣ картинки: „Мужики сбѣгали съ платформы. Сторожъ, размахнувшись, ударилъ одного изъ нихъ кулакомъ по шеѣ, тотъ втянулъ голову въ плечи и побѣжалъ дальше... Таня стояла, злобно нахмурившись, и молча смотрѣла въ окно.—И по дѣломъ имъ—сами виноваты!—быстро проговорила она.—О, эти мужики!—Въ глазахъ ея была такая ненависть, такое презрѣніе"...

Но вы прослѣдите, что дѣлается съ этою самою Таней, когда на ея глазахъ разыгрывается другая сценка, героемъ которой является человѣкъ, умѣющій за себя постоять. „Сволочь ты, негодяй!—оралъ какой-то господинъ въ грязномъ парусиновомъ

пиджакѣ и сѣромъ картузѣ, съ блестящимъ чернымъ козырькомъ.— Я—отставной поручикъ Слесарскаго гренадерскаго полка, а ты мнѣ смѣешь „ты" говорить? Подлецъ!..—Мастеровой въ чуйкѣ, съ блѣднымъ зеленоватымъ лицомъ, мирно заговорившій съ сердитымъ господиномъ, въ первую минуту опѣшилъ... —Я думалъ, это пушки—анъ это лягушки! — медленно и громко протянулъ онъ.—Ишь, ты какой! Ясный козырекъ нацѣпилъ себѣ, и думаетъ—хозяинъ! Мнѣ на твой ясный козырекъ наплевать! Сказать что-нибудь ясному козырьку противъ меня—не позволю!"

Черезъ полчаса Таня сидѣла въ уголкѣ съ мастеровымъ и оживленно бесѣдовала.—„Я, милая барышня,—конфиденціально сообщалъ ей мастеровой,—желаю жить, чтобы было по справедливому, чтобы обиды не было. Я этого не желаю терпѣть никогда! А за деньгами я не гонюсь"...

Передъ вами уже не половой Николай Чикильдѣевъ („Мужики" Чехова), который при столкновеніи съ зоологической правдой деревни безсильно протестуетъ и не способенъ ни на какое сопротивленіе. Половой Чикильдѣевъ по сравненію съ „Мужиками" высшій типъ, но онъ не борецъ, а вотъ этотъ мастеровой съ зеленымъ лицомъ умѣетъ уже и постоять за себя, да и не только за себя—вотъ за то онъ и любъ Танѣ.

„Романъ интеллигенціи съ народомъ" когда то не удался, теперь мы наблюдаемъ восторженно-благоговѣйное отношеніе интеллигента къ мастеровому. Впрочемъ, и въ этихъ отношеніяхъ Вересаевъ отмѣчаетъ нѣкоторую эволюцію. Правда, въ той же повѣсти „На поворотѣ" авторъ ярко подчеркиваетъ это восторженное благоговѣйное отношеніе къ *носителю*, но на ряду съ этимъ слышатся и другія нотки. Помните пріѣздъ къ молодежи слесаря Балуева? Бывшіе его товарищи—Токаревъ, Варенька, подрастающее поколѣніе смотрятъ на него снизу вверхъ. Отъ самого Балуева такъ и вѣетъ сознаніемъ своей силы, своего жизненнаго опыта. „Потомъ поступилъ я въ вечернюю трехклассную школу, кончилъ тамъ, — повѣствуетъ Балуевъ, — послѣ этого, конечно, получилъ широкій умственный горизонтъ". Слушатели украдкой переглядываются. Послѣднее выраженіе вызываетъ у нихъ умиленіе.

Но не всѣ умиляются и не всѣ благоговѣютъ передъ Балуевымъ. Сергѣй и Вегнеръ подходятъ къ нему уже съ серьезнымъ запросомъ, какъ къ равному, и глядятъ на него не снизу вверхъ, какъ на „носителя", а какъ на товарища. Вегнера ужасаетъ полное отрицаніе Балуевымъ теоріи: „Это положительно ужасно,—говоритъ онъ,—такое отрицаніе теоріи—гибель и смерть рѣшительно всему. Мы это поймемъ, но поймемъ слишкомъ поздно". Сергѣя тоже поражаетъ характерная черта отношенія интеллигенціи „къ носителю". Поражаетъ „мягкая снисходительность съ высоты своего теоретическаго величія, и въ то же время чисто холопское пресмыканіе передъ нимъ... Почему онъ такъ гордо несетъ свою голову, живя самъ собою, а я только вздыхаю, да

поглядываю на него. Въ концѣ-концовъ *я—самъ историческій фактъ*, я—интеллигентъ, я уважаю его, но прежде всего хочу вѣрить въ себя".

Въ этихъ немногихъ словахъ послѣднее слово интеллигенціи. Было время, когда только и признавалась критически-мыслящая личность. Всесильное „мы" интеллигенціи носилось надъ хаосомъ жизни и должно было творить міръ по образу своему и подобію. Казалось, стоитъ сказать интеллигенціи свое „да будетъ"—и хаосъ превратится въ благоустроенный міръ... Отъ этой переоцѣнки критически-мыслящей личности, которая все можетъ, перешли къ полному обезцѣниванію интеллигенціи. Интеллигентъ былъ готовъ стыдиться своей интеллигентности, какъ прирожденнаго грѣха. Это было какое-то духовное переодѣваніе. Интеллигентъ съ радостью провозглашалъ свой девизъ: „интеллигенція—ничто," и съ этимъ девизомъ, духовно опростившись, поклонялся ломаному грошу—дорогому простому, сѣрому люду.

Формула: „интеллигенціи—все" замѣнилась другой формулой: „интеллигенція—ничто". Но и это время почти прошло. Полное отрицаніе идеаловъ интеллигенціи, этой сознательной части пробужденныхъ, отрицаніе во имя уже сознанныхъ интересовъ сѣрой массы—прошло, и теперь интеллигенція съ гордостью говоритъ о своихъ заслугахъ и съ настойчивостью отстаиваетъ свои идеалы, такъ какъ сознаетъ, что „съ высокихъ вершинъ науки можно видѣть раньше восходъ солнца, чѣмъ среди обыденной сумятицы". Самое понятіе интеллигенціи расширилось и охватило всѣхъ тѣхъ, *кто сознательно защищаетъ интересы своего класса* и является его передовымъ слоемъ.

Таково содержаніе творчества Вересаева. Разумѣется, въ своемъ небольшомъ очеркѣ мы далеко не охватили во всей полнотѣ той массы вопросовъ, которые затронулъ этотъ художникъ, каждое произведеніе котораго—попытка освѣтить тотъ или иной общественный вопросъ съ опредѣленной точки зрѣнія.

Какъ же относится самъ авторъ къ своему творчеству? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найдете въ словахъ писателя Ососкина („На эстрадѣ"), устами котораго явно говоритъ самъ Вересаевъ. „Идетъ великая рать бойцовъ на великое освободительное дѣло. Я—рядовой этой рати, ну, быть можетъ, одинъ изъ ея барабанщиковъ что-ли". Въ этихъ немногихъ словахъ Вересаевъ выпрямился во весь свой ростъ, какъ художникъ-интеллигентъ, россійскій интеллигентъ. Что Вересаевъ — только рядовой великой рати,—это чувствуется въ каждой строкѣ его произведеній. Въ этихъ произведеніяхъ художникъ никогда не спѣшитъ „отдѣлаться стихами" отъ мимолетнаго въ нихъ, онъ всегда и неуклонно выражаетъ свое *главное*. Художественная форма не отвлекаетъ его отъ содержанія. Аскетизмъ мысли, замѣчаемый у нашихъ лучшихъ интеллигентовъ, свойственъ и Вересаеву. Боязнь фразы, боязнь лишнихъ словъ и жалкихъ словъ бросается въ глаза читателю. Съ первыхъ же страницъ любого разсказа читатель чувствуетъ,

что вдумчивый художникъ не занимаетъ его „чарованіемъ красныхъ вымысловъ“ не развлекаетъ острыми словечками, а заставляетъ вдуматься въ окружающую общественную жизнь. „Не плакать, не смѣяться, а понимать“ корни и нити вѣчно текущей, вѣчно волнующейся жизни—вотъ чему учитъ Вересаевъ. Если произведенія Горькаго сообщаютъ опредѣленную *окраску настроенію*, будятъ еще равнодушныхъ, то произведенія Вересаева даютъ опредѣленное направленіе, опредѣленную *точку зрѣнія сознанію*, указываютъ путь уже неравнодушнымъ. Оба художника призываютъ читателя-общественника и обоихъ мучитъ читатель-почитатель, читатель-зритель. Къ такому читателю-„отъ нечего дѣлать“ обращались съ негодующимъ словомъ и „зазнавшійся писатель“ (Горькій), и писатель „На эстрадѣ“ (Вересаевъ). Въ рѣзкой отповѣди героя послѣдняго разсказа, писателя Осокина, обращенной къ публикѣ, чувствуется отповѣдь самого автора. „Вы переживаете съ нами два высшихъ счастія, какія только знаетъ жизнь: счастье борьбы и счастье всезахватывающей любви къ человѣку,“—говоритъ Осокинъ, обращаясь къ публикѣ,—„а какъ дешево можно отъ насъ получить это счастье. Для этого не нужно ни бороться, ни любить. Вы устали бороться, не боровшись, вы устали любить, не любивши, вы все пережили бездѣятельнымъ чувствомъ“...—Намъ кажется, что этотъ разсказъ Вересаева болѣе типиченъ для него самого и для его творчества, чѣмъ для публики нашего времени. Не публика, отмѣченная Вересаевымъ, задаетъ тонъ жизни,—тѣмъ-то и характерно наше время. Конечно, и теперь есть такіе безразличные, которые не горячи, не холодны, которые ничего не ищутъ, кромѣ „хлѣба и зрѣлищъ“, которые ни къ чему не стремятся, кромѣ покоя, но развѣ по нимъ мы узнаемъ *наше* время,—вѣдь, эти люди живутъ внѣ времени и пространства. Кто они? Римляне, греки, французы или русскіе? Гдѣ они живутъ? Въ Римѣ во времена Нерона, или во Франціи во время дѣла Дрейфуса?. Намъ кажется для нашего времени типичной не та публика, которой даетъ писатель матеріалъ для духовныхъ переживаній, а та, которая даетъ своей борьбой художнику матеріалъ для его творчества. Мы видимъ рядовыхъ великой рати бойцовъ, къ которымъ приходитъ художникъ тоже рядовой, мы видимъ людей сочувствующихъ, но еще не оторвавшихся отъ пуповины стараго общества со старымъ завѣтомъ, которые приходятъ къ художнику за разрѣшеніемъ великихъ и проклятыхъ вопросовъ. И такихъ много! Вѣдь, согласитесь, что фактъ распространенія „Мѣщанъ“ Горькаго въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ—знаменательный фактъ. Осокинъ говоритъ объ искусствѣ вообще, беретъ отправной точкой для своихъ пессимистическихъ заключеній благоговѣніе скучающей публики, которая принесла къ „эстрадѣ“ бездѣятельное чувство, а развѣ не правъ былъ бы другой писатель, обобщая другое, гораздо болѣе характерное явленіе для нашего времени. Я помню писателя „на эстрадѣ“. Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Громадный

думскій залъ былъ переполненъ публикой. Сколько въ этомъ залѣ было юныхъ, свѣтлыхъ лицъ, именно *свѣтлыхъ*, сколько въ этихъ пытливыхъ, смѣло смотрящихъ вамъ въ душу глазахъ свѣтилось „счастья всезахватывающей любви". И вотъ „на эстрадѣ" послѣ цѣлаго ряда разфранченныхъ артистовъ вышелъ съ книжкой разсказовъ въ рукахъ, въ рабочей курткѣ Максимъ Горькій. Глухимъ голосомъ, съ удареніями на букву О, какъ истый волжанинъ, прочелъ онъ свою пѣсню „О Соколѣ".

Онъ дочиталъ, и нужно было видѣть, что произошло въ этомъ чинномъ залѣ съ этой публикой послѣ заключительнаго аккорда смѣлаго гимна, послѣ словъ, брошенныхъ, какъ лозунгъ, юной рати: „Къ свободѣ, къ свѣту".

Куда дѣвались стройные ряды стульевъ, зрители первыхъ рядовъ!!.. Это молодое бурное море рванулось навстрѣчу любимому писателю и поглотило его съ „побѣднымъ шумомъ".

Онъ стоялъ, окруженный тѣснымъ кольцомъ, блѣдный, взволнованный, и ужъ, навѣрное, въ этой толпѣ онъ не чувствовалъ себя „писателемъ, который зазнался". „На эстрадѣ" стоялъ писатель, у котораго въ глазахъ тоже свѣтилось „счастье всезахватывающей любви", къ этому счастью онъ призывалъ *вмѣстѣ* съ этой публикой всѣхъ, „кто бредетъ по пустынной дорогѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи", всѣхъ, кто переживаетъ „безсильныя порыванія отъ тьмы къ свѣту", всѣхъ, кто переживаетъ лишь „безформенныя чаянія", у кого душа не умерла, но спитъ.

Осокинъ въ своемъ безотрадномъ монологѣ не хочетъ знать, что искусство обращается не только къ сотнямъ тѣхъ, „которымъ любовь голову больше волнуетъ, чѣмъ кровь", а и къ милліонамъ тѣхъ, кто алчетъ правды, „не ограничивается стѣнами хлѣва" и смутно чувствуетъ, что „за этими стѣнами открываются свѣтлыя, радужныя перспективы". О такомъ читателѣ Осокинъ забылъ, а такой читатель уже народился и растетъ у насъ на глазахъ. Этотъ читатель хочетъ стать человѣкомъ, хочетъ знать, что нужно для этого дѣлать, знать, каково назначеніе человѣка, онъ ждетъ отъ искусства не „покоя и забвенья", не чесанія пятокъ, а лозунговъ для дѣла. Читающая публика—это Наташа, и счастье писателю, который сможетъ отвѣтить этой ожидающей и вѣрящей Наташѣ на ея великіе и тревожные вопросы. Для этой Наташи поэзія— не „примирительный елей", а призывъ на битву.

Конечно, Осокинъ со своей филиппикой обрушивается не на этого читателя вообще, а на зрителя у эстрады. Но, если говорить даже и о немъ, подмѣняющемъ борьбу жизни борьбой въ книгѣ, и здѣсь Вересаевъ самъ себѣ нѣсколько противорѣчитъ. Вы помните его разсказъ „Прекрасная Елена"?—Молодой человѣкъ хочетъ обольстить жену своего товарища, „вѣчнаго студента"-мечтателя. Барыня ничего не имѣетъ противъ этого. Но прежде чѣмъ отправиться въ рощу на мѣсто свиданія, молодой человѣкъ попадаетъ въ лѣтній театръ, просто чтобы поглазѣть. Тамъ идетъ „Елена Прекрасная". Эту оперетку онъ видитъ въ сотый разъ. И вотъ

его—празднаго зрителя поражаетъ незаурядная игра артиста, изображающаго высокохудожественной игрой „обманутаго мужа“ Менелая, и.... у него пропадаетъ всякая охота итти на мѣсто свиданія и обманывать своего товарища.

Герой разсказа—обыкновенный человѣкъ „изъ публики“... А что заставило его поступить по-человѣчески.... Только всего „Елена Прекрасная“.... А что же сказать, если художникъ нарисуетъ, какъ Гаршинскій Рябининъ, „Глухаря“—эту „язву растущую“, и скажетъ этой „язвѣ растущей“: „Ударь ихъ въ сердце! Лиши ихъ сна; стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое“.... Что, если художникъ „убьетъ ихъ спокойствіе“—развѣ онъ не совершитъ большее дѣло, чѣмъ сельскій учитель, обучающій грамотѣ ребятъ! А, вѣдь, Рябининъ бросилъ свою могучую кисть именно для школьной указки, для непосредственнаго дѣла. Писатель на эстрадѣ выше Рябинина потому, что если онъ броситъ свое перо, то не ради школьной указки, а ради рѣшенія великаго вопроса, ради подвига. Въ общемъ, и тотъ, и другой не удовлетворены *только* проповѣдью, а жаждутъ участія въ общей работѣ.

Интересно, что Осокинъ, не вѣрящій въ публику, обращается со своей проповѣдью къ этой самой публикѣ....

Муки слова, не претвореннаго въ дѣло, рисуютъ намъ чисто русскій образъ художника-страстотерпца съ его „святымъ недовольствомъ“ самимъ собой и всѣми. Для нашего художника-страстотерпца слово не пустой звукъ, а призывъ къ великому служенію, призывъ, обращенный и къ самому себѣ, и ко всѣмъ. При такомъ взглядѣ на свое слово-дѣло, писатель „есть *нервъ* великаго народа“.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ въ заключеніе по поводу обвиненія Вересаева въ тенденціозности. По словамъ Прудона, искусство пребывало до сихъ поръ въ какой-то мистической трансцендентальной сферѣ; художники составляли особый міръ внѣ человѣческой жизни, независимый отъ человѣческой жизни, отъ практической дѣятельности, занятій, нравовъ. При одной мысли о цѣли, назначеніи и *пользѣ* искусства приходили въ негодованіе. „Теперь все это кончилось“,—писалъ Прудонъ.—„Художникъ долженъ быть признанъ гражданиномъ-человѣкомъ, какъ всѣ остальные..“ Это писалось въ шестидесятыхъ годахъ, но это не мѣшаетъ повторить снова теперь, когда культъ искусства для искусства зарождается вновь, правда, въ уродливой формѣ, когда назначеніе искусства видятъ въ тончайшей передачѣ неуловимыхъ, тончайшихъ ощущеній... „Назначеніе искусства,—говоритъ Прудонъ,—заключается въ выраженіи человѣческой жизни съ цѣлью физическаго, интеллектуальнаго и нравственнаго усовершенствованія человѣчества, вотъ почему въ каждомъ произведеніи искусства прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе самую идею и ея практическую цѣль, а потомъ уже исполненіе“.... Знаменитый публицистъ считаетъ ту критику слѣпой и глупой, которая отдѣляетъ общество отъ искусства, ставитъ его въ сторонѣ

отъ дѣйствительной жизни, дѣлаетъ изъ него средство развлеченія и забавы, препровожденіе времени, безъ котораго легко можно и обойтись. „Мы люди, признающіе одну справедливость,—писалъ Прудонъ,—скажемъ художникамъ и литераторамъ: нашъ идеалъ—это право и истина. Если вы не умѣете создать ихъ для искусства—подите прочь!“

Не нужно предполагать, какъ это обычно дѣлается, что въ этихъ словахъ заключается проповѣдь тенденціознаго морализирующаго искусства. Вѣдь, здѣсь отъ искусства требуется лишь, чтобы оно воспроизводило жизнь во всемъ ея объемѣ, со всѣми совершающимися въ ней перемѣнами и теченіями. Чѣмъ глубже сумѣлъ художникъ проникнуть въ преемственную связь идей и теченій, чѣмъ понятнѣе онъ показалъ намъ необходимость измѣненій въ общественныхъ отношеніяхъ—корни и нити назрѣвающаго будущаго, тѣмъ онъ лучше постигъ жизнь, тѣмъ сильнѣе можетъ вліять на современниковъ безъ всякаго предвзятаго намѣренія поучать. Вѣдь, если въ жизни кипитъ борьба за право и истину, если въ жизни есть руководящая идея, опредѣленный пароль и лозунгъ—художникъ, какъ живой человѣкъ, какъ изобразитель жизни, долженъ услышать этотъ лозунгъ раньше другихъ, долженъ крикнуть его на весь міръ прежде всѣхъ и громче всѣхъ, „ударивъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“. Когда-то художникъ Крамской писалъ: „художникъ, кромѣ того, что онъ гражданинъ и человѣкъ, принадлежитъ извѣстному времени, непремѣнно что нибудь любитъ и что нибудь ненавидитъ. Его любовь и ненависть не суть логическіе выводы, а чувства. Ему остается быть только искреннимъ. Надо, чтобы основная нота его творчества звучала естественно, ненамѣренно, органически. Оно такъ—и баста, не могу иначе, *міръ для меня такъ окрашенъ*, при чемъ тутъ разсужденія?“

Прежняя эстетическая теорія все толковала о красотѣ, о наслажденіи красотой, о томъ, что „Аполлонъ Бельведерскій выше печного горшка“. Этой теоріи искусства для искусства противу поставили отрицаніе искусства съ формулой „сапоги выше Шекспира“. Въ наше время въ противовѣсъ истерическимъ выкрикиваніямъ разныхъ эстетовъ выдвинута новая теорія искусства, принятая и у насъ въ Россіи нашими лучшими критиками. Эта новѣйшая теорія только продолжаетъ развивать демократическіе взгляды Прудона, очистивши ихъ отъ мелкобуржуазнаго налета. Эта новая демократическая теорія искусства—*трудовая теорія*, въ основу ея положена господствующая идея нашего времени. Какъ прежде въ основѣ искусства лежалъ „otium“—досугъ, такъ теперь въ основѣ его лежитъ *работа*. Какъ прежде жрецомъ искусства являлся скучающій, развлекающійся баринъ, такъ теперь *работникомъ* искусства является труженикъ мысли; какъ прежде искусство щекотало слухъ и чувства сытыхъ празднолюбцевъ, звало къ самоуслажденію, культу красоты и возводило въ принципъ чесаніе пятокъ, такъ теперь искусство утоляетъ духовный голодъ

милліоновъ тружениковъ, милліоновъ ищущихъ смысла жизни—демократическую культуру....

Вересаевъ—художникъ-интеллигентъ. На русскую дѣйствительность онъ смотритъ глазами интеллигента, переживая всѣ треволненія, всѣ горести и радости вѣчнаго скитальца-интеллигента. Если онъ съ особенной любовью останавливается на общественныхъ теченіяхъ, то это потому, что онъ больше, чѣмъ другіе наши писатели,—художникъ-общественникъ; если онъ посвящаетъ цѣлыя главы міросозерцанію своихъ героевъ и борьбѣ этихъ міросозерцаній, то это объясняется тѣмъ, что Вересаевъ—работникъ мысли и стремится путемъ своихъ художественныхъ образовъ не забавлять читателя небылицами, а заражать его тѣми мыслями и чувствами, которыми заражены лучшіе культурные люди его времени. Время Вересаева—это переживаемое русской интеллигенціей время. Онъ съ особенной любовью и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на характеристикѣ нашего времени и на господствующей идеѣ его. Какъ художникъ, не отдѣляющій себя отъ общества, и какъ интеллигентъ, не отдѣляющій своихъ идеаловъ отъ идеаловъ переживаемой нами эпохи, Вересаевъ въ отвѣтъ на упреки въ тенденціозности, въ гражданской скорби можетъ сказать: „Оно такъ—и баста! Не могу иначе: *міръ для меня такъ окрашенъ*". Никто не назоветъ Вересаева въ силу этого субъективистомъ: вѣдь, міръ для него окрашенъ такъ же, какъ окрашенъ для милліоновъ труждающихся и обремененныхъ. Вересаевъ, говоря словами Гаршина, „на то и художникъ, чтобы умѣть поставить вмѣсто своего я—чужое". Этимъ чужимъ „я" является „я" коллективное, „я" цѣлаго класса—прогрессивнаго класса,—вотъ почему Вересаевъ-художникъ оказывается и демократомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова....

Создаетъ свои образы Вересаевъ по горячимъ слѣдамъ жизни, бьетъ впечатлѣнія жизни, такъ сказать, въ лётъ и часто только что пережитое, еще не выношенное, ещё теплое впечатлѣніе онъ стремится припечатать къ бумагѣ, вотъ почему многіе очерки его являются какими то набросками карандашомъ. Форма этихъ набросковъ очень однообразна. Это тѣ обычные разговоры въ дорогѣ, къ которымъ такъ любилъ прибѣгать Успенскій въ большинствѣ своихъ очерковъ.... Вы присмотритесь только,—всѣ почти разсказы Вересаева изъ крестьянской жизни—все это замѣтки въ пути. Впрочемъ, нельзя того же сказать обо всѣхъ произведеніяхъ Вересаева, въ особенности о первыхъ. Первая картина, какъ первая любовь, овладѣваетъ душою [illegible]ѣ. „Я носилъ въ себѣ этотъ близкій мнѣ образъ, я обдумывал[illegible]ельчайшія подробности и дошелъ, наконецъ, до того, что, закрывъ глаза, могъ ясно себѣ представить свою Шарлотту". Такъ говоритъ у Гаршина художникъ Лопатинъ о своей первой картинѣ, то же могъ бы сказать Вересаевъ о своихъ первыхъ повѣстяхъ, о своей Наташѣ, о докторѣ Чекановѣ. При чтеніи произведеній разбираемаго автора невольно бросается въ глаза два ряда образовъ. На ряду съ высокохудожественными, вполнѣ законченными образами Наташи, Тани,

Чеканова, Токарева, мы встрѣчаемъ „образы безъ лицъ“, по терминологіи Овсянико-Куликовскаго, „классификаціонныя схемы“, въ родѣ педагога Смирницкаго, статистика Вязова, Вегнера, Митрича, Балуева и т. д. Всѣ эти схемы—то же, что въ наукѣ ненаучныя эмпирически-найденныя понятія,—скорѣе обнаруживаютъ мыслящаго наблюдающаго интеллигента, чѣмъ думающаго образами художника. Къ однимъ образамъ относится Вересаевъ безъ жара, какъ къ посторонним. Онъ не заражается симпатіей къ изображаемымъ лицамъ. Зато другіе его образы носятъ въ себѣ часть „души“ автора, трепетъ жизни и огонь завѣтныхъ думъ. Вересаевъ живетъ жизнью Наташи, Тани, онъ не только наблюдаетъ ихъ, но и самъ переживаетъ всѣ передряги своихъ героевъ, заражаясь ихъ чувствами и мыслями. Въ этихъ образахъ чувствуется паѳосъ автора, они трепещутъ жизнью и заставляютъ трепетать отвѣтнымъ радостнымъ чувствомъ сердце читателя. Такъ Тургеневъ создавалъ своего Нежданова, Рудина, лишняго человѣка,—словомъ, всѣхъ тѣхъ, мягкая и нѣжная, безвольная, чисто славянская душа которыхъ была родственна душѣ Тургенева.

Наташа и Таня Вересаева дороги не только интеллигенту-художнику, но и всей нашей интеллигенціи. Если бы Вересаевъ ничего не написалъ, кромѣ своей Наташи и Тани, онъ бы этими двумя образами уже внесъ цѣнный вкладъ въ исторію нашей литературы, но почтенный художникъ сдѣлалъ больше. Если будущее поколѣніе захочетъ узнать, чѣмъ были живы люди девяностыхъ годовъ, каковъ былъ ключъ жизни, кто служилъ духу исторіи, онъ изъ произведеній Вересаева это узнаетъ, а узнавъ, полюбитъ еще больше русскую интеллигенцію, честную, отзывчивую, самоотверженную, вѣчно ищущую и вѣчно болѣющую совѣстью.

Да и не одни будущія поколѣнія многое узнаютъ, благодаря творчеству Вересаева. Нынѣшняя молодежь, собирающаяся „въ дальнее плаваніе“ въ поискахъ за истиной, не разъ прійдетъ къ чистому источнику вдохновенія Вересаева и вдохновится въ свою очередь на битву жизни, почерпнувъ изъ этого источника и вѣру, и смѣлость, и преданность завѣтнымъ идеаламъ.

Мы до сихъ поръ не коснулись еще одного произведенія Вересаева: „Записокъ врача“, въ которыхъ Вересаевъ выступилъ больше какъ врачъ, чѣмъ какъ художникъ. Эти записки вызвали цѣлую литературу.... Появились Вересаевцы и Вельяминовцы. О „Запискахъ врача“ писали и говорили больше, чѣмъ о художественныхъ произведеніяхъ автора. Въ этихъ запискахъ, вѣрнѣе было бы сказать, въ этой исповѣди врача передъ всѣмъ обществомъ, Вересаевъ явился тѣмъ же интеллигентомъ, взыскующимъ вышняго града, какъ и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, въ этой исповѣди онъ такъ же совѣстливо относится къ *дѣлу* врача, какъ и къ *слову* художника.

„Записки“ раздразнили „гусей“ и вызвали цѣлую бурю въ стоячей водѣ—неинтеллигентной части нашего общества. По мнѣнію этихъ, такъ называемыхъ, интеллигентовъ, наше общество

оказалось въ положеніи прародительницы Евы, а Вересаевъ въ положеніи змія, искусившаго бѣдныхъ больныхъ запрещеннымъ плодомъ отъ древа „познанія добра и зла“, тогда какъ больнымъ больше, чѣмъ здоровымъ, позволительно питаться лишь плодами съ древа „жизни“.

Мы думаемъ, однако, что Вересаевъ оказался не въ роли змія искусителя, а въ роли интеллигентнаго врача-гражданина.

„Какъ жалкій трусъ, онъ жизнь не пряталъ за обманы
И не рядилъ въ поддѣльные цвѣты,
Но безбоязненно въ зіяющія раны,
Какъ врачъ и другъ, вложилъ пытливые персты!“

Но не только въ этой безбоязненной правдивости заслуга Вересаева. Онъ въ своихъ запискахъ, часто въ формѣ высокохудожественной, поднимаетъ вѣчно тревожный и новый вопросъ объ отношеніяхъ между больнымъ организмомъ индивида и больнымъ организмомъ общества. Читая эти „Записки“, слышишь горячій призывъ къ врачу-гражданину: „выходи на дорогу открытую“, отбрось ложь передъ собою и людьми и проникай мыслью и сердцемъ въ причинную связь явленій!

Сытый врачъ—обыватель, разумѣется, усмотритъ въ запискахъ Вересаева если не колебаніе основъ медицины, такъ колебаніе гонорара во всякомъ случаѣ; врачъ интеллигентъ и гражданинъ въ нихъ въ лишній разъ услышатъ голосъ совѣсти: стыдно говорить больному, умирающему отъ голода, отъ непорядка жизни, о хорошемъ питаніи, объ отдыхѣ, о чистомъ воздухѣ. А если стыдно, то нужно не только прописывать микстуру, а и стремиться къ упорядоченію жизни. Къ этому упорядоченію жизни и зовутъ и всѣ произведенія Вересаева и не только врачей, а всѣхъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть.

В. Львовъ.

Что такое діалектическій матеріализмъ?

По поводу статьи г. Бердяева „Критика историческаго матеріализма" („Міръ Божій", Октябрь).

I.

„Теорія историческаго матеріализма, очень интересная и значительная по своей роли въ исторіи общественныхъ идей, поддерживаетъ цѣлый рядъ ложныхъ соціологическихъ и историко-философскихъ предпосылокъ и прямо даже суевѣрій, которыя стоятъ на дорогѣ развитія соціальной и философской мысли и препятствуютъ разъясненію самыхъ насущныхъ вопросовъ, мѣшаютъ сговориться и сойтись въ какой-нибудь общей задачѣ, одинаково близкой и священной для каждой изъ спорящихъ сторонъ" (с. 1).

Такъ полагаетъ г. Бердяевъ. Дальше онъ возмущается тѣмъ, по его словамъ, „своеобразнымъ сыскомъ для открытія „буржуазной" матеріальной субстанціи въ самомъ искреннемъ правдоискательствѣ, въ самой страстной жаждѣ справедливости... представляется достаточнымъ показать, что такой то отклоняется отъ „классовой" точки зрѣнія и вступаетъ въ явныя противорѣчія съ Марксомъ,—несчастный еретикъ осуждается, какъ буржуа" (с. 2).

Виновата-ли въ подобномъ отношеніи къ „критикамъ" чрезмѣрная „ортодоксальность" марксистовъ?

Г. Бердяевъ почти что приближается къ дѣйствительному объясненію непримиримо-враждебнаго отношенія къ „критикамъ" со стороны „ортодоксовъ", когда говоритъ о неспособности послѣднихъ „размѣнять свою цѣльную вѣру на мелкіе кусочки добра", о ихъ „страстномъ желаніи отстоять цѣльность и чистоту своего идеала", но бѣда, видите-ли въ томъ, что „ортодоксы",

ослѣпленные теоріей историческаго матеріализма, неспособны понять, что „критики“ ведутъ ихъ къ новой „вѣрѣ, еще высшей и тоже цѣльной и широкой“.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, насколько „вѣра“ критиковъ имѣетъ основанія считаться „высшей“ вѣрой, я во всякомъ случаѣ готовъ согласиться съ г. Бердяевымъ, что непримиримая враждебность ортодоксовъ къ критикамъ коренится дѣйствительно въ томъ, что вѣра ортодоксовъ имѣетъ очень мало общаго съ вѣрой критиковъ.

Я только пойду еще дальше и скажу, что эти „вѣры“ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже прямо противоположны другъ другу.

И что именно эта противоположность, а не что другое, является причиной враждебнаго отношенія ортодоксовъ къ критикамъ, въ этомъ легко убѣдиться, если вспомнить факты недавняго прошлаго.

Съ самаго начала, какъ появились у насъ марксисты, одни изъ нихъ обнаруживали болѣе или менѣе ортодоксальное отношеніе къ теоріи Маркса, другіе проявляли критическое настроеніе. И тѣмъ не менѣе, почему же ортодоксы и критики выступили такой дружной семьей, почему они сначала склонны были скорѣе затушевывать свои разногласія, чѣмъ придавать имъ серьезное значеніе? Да просто потому, что ортодоксы не разглядѣли сначала достаточно ясно за критическими упражненіями критиковъ совершенно другой вѣры, одушевлявшей ихъ, не замѣтили сперва, насколько принципіально различно ихъ отношеніе къ окружающей жизни.

Тутъ я пользуюсь случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ и pro domo sua. Среди читающей публики мнѣ приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, что я рѣзко измѣнилъ свои взгляды. Это мнѣніе совершенно неосновательно. То міросозерцаніе, съ которымъ я выступилъ въ своей книжкѣ „Нравственность“, въ основныхъ своихъ чертахъ осталось моимъ и теперь. Противоположное же мнѣніе основывается отчасти на томъ, что нѣкоторые мои взгляды въ книжкѣ моей о „Нравственности“ не были развиты съ достаточной ясностью и опредѣленностью, а еще больше на томъ, что если мои взгляды существенно не измѣнились, то очень существенно измѣнилось мое отношеніе къ ортодоксамъ и критикамъ, измѣнилось мое представленіе о степени отдаленности моей отъ ортодоксовъ и степени моей близости къ критикамъ. Подобно ортодоксамъ, я не разглядѣлъ сначала съ достаточной ясностью тѣхъ буржуазныхъ тенденцій, которыя скрывались за критическими упражненіями „критиковъ“. Я признавалъ (и признаю) необходимость пересмотра нѣкоторыхъ положеній марксизма и, несмотря на то, что чувствовалъ себя далеко не солидарнымъ и съ тогдашними „критиками“, видѣлъ въ нихъ своихъ естественныхъ союзниковъ. Этимъ и объяснялось мое анти-ортодоксальное настроеніе и полемическій задоръ по

отношенію къ ортодоксамъ въ моей книжкѣ „Нравственность“.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. За границей Бернштейнъ началъ откровенно выбалтывать свое буржуазное настроеніе и ему хоромъ начали вторить и наши критики. Даже тогда, когда они, какъ, напр., Бердяевъ въ своей книгѣ „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, старались отдѣлить себя отъ Бернштейна, ближайшее разсмотрѣніе показывало полныя черты сходства съ нимъ. Разница въ концѣ-концовъ получалась только въ томъ, что то пустое мѣсто, которое образовывалось у Бернштейна въ результатѣ его отказа отъ прежнихъ идеаловъ, у гг. Бердяева, Булгакова и другихъ заполнялось идеалистической метафизикой. Для гг. Бердяева и Булгакова это, конечно, очень существенное различіе, но для меня и ортодоксовъ, неспособныхъ по своему міросозерцанію въ этой идеалистической метафизикѣ видѣть ничего, кромѣ нелѣпаго самообмана, это различіе болѣе чѣмъ несущественно. Затѣмъ, вскорѣ послѣ Бернштейна, построеніе котораго, имѣя явно-буржуазныя черты, страдало тѣмъ не менѣе большой неясностью и неопредѣленностью, появилась теорія притупленія противорѣчій въ буржуазномъ обществѣ, которая нашла себѣ горячаго сторонника, между прочимъ, и въ г. Бердяевѣ. А что эта теорія имѣетъ чисто буржуазный характеръ, это, независимо отъ ея содержанія, явствуетъ даже изъ ея происхожденія: раньше „критиковъ“ она была развита явно-буржуазными экономистами въ родѣ Брентано, Шульце Геверница и другихъ и притомъ съ явно-буржуазной цѣлью апологіи капитализма.

И чѣмъ дальше совершалась эта эволюція въ рядахъ критиковъ, тѣмъ дальше я чувствовалъ себя отъ нихъ и тѣмъ ближе я чувствовалъ себя съ ортодоксами. Даже въ тѣхъ воззрѣніяхъ, въ которыхъ я расходился (и расхожусь) съ ортодоксами, какъ, напр., въ вопросахъ нравственности, различіе мое кажется мнѣ теперь несущественнымъ по сравненію съ различіемъ въ тѣхъ же воззрѣніяхъ съ критиками. И если бы мнѣ теперь пришлось писать книжку о нравственности, она была бы проникнута совершенно другимъ настроеніемъ: я постарался бы гораздо рѣзче оттѣнить сходство своихъ воззрѣній съ воззрѣніями ортодоксовъ и различіе съ воззрѣніями критиковъ. Я чувствовалъ прежде, напр., прямо инстинктивное нерасположеніе къ самому термину „діалектическій матеріализмъ“, который Бельтовъ употреблялъ для характеристики марксизма. Теперь, наоборотъ, мнѣ кажется, что лучшаго термина я не могу подобрать для характеристики и своихъ воззрѣній, хотя они и не вполнѣ совпадаютъ съ воззрѣніями Бельтова.

Какъ видятъ читатели и на моемъ примѣрѣ, и на примѣрѣ „ортодоксовъ“, дѣло имѣетъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой оно приняло у г. Бердяева: не соціологическія и философскія „предпосылки“ историческаго матеріализма оттолкнули ортодоксовъ отъ критиковъ, а явно буржуазные результаты ихъ критики

заставили ортодоксовъ еще болѣе страстно и горячо относиться къ этимъ предпосылкамъ, какъ гарантіи противъ такихъ результатовъ. И совершенно неосновательны поэтому его жалобы на какой то „сыскъ“. Никакого сыска не нужно производить, чтобы теорію притупленія противорѣчій признать буржуазной теоріей. Если мы считали эту теорію ярко буржуазной, когда она развивалась Брентано и Шульце-Геверницемъ, то мы не имѣемъ никакихъ разумныхъ основаній измѣнить свое отношеніе къ этой теоріи послѣ того, какъ она начала развиваться г-ми Струве, Булгаковымъ, Бердяевымъ.

Но изъ этого, впрочемъ, нисколько не слѣдуетъ, что я или какіе-либо ортодоксы откажемъ г. Бердяеву въ признаніи у него „самаго искренняго правдоискательства и самой страстной жажды справедливости“. Существуютъ дѣйствительно вульгарные „марксисты“, которые чуть не за каждымъ дѣйствіемъ человѣка склонны видѣть непосредственное вліяніе экономическихъ интересовъ, но пусть г. Бердяевъ не смѣшиваетъ насъ съ ними. Мы умѣемъ различать между непосредственнымъ вліяніемъ экономическихъ интересовъ, которое, напр., въ Западной Европѣ до сихъ поръ среднимъ, ограниченнымъ буржуа мѣшаетъ признать нормальнымъ фактомъ существованіе рабочихъ союзовъ, и, напр., буржуазнымъ настроеніемъ Брентано и Шульце-Геверница, которые, напротивъ, въ нормальномъ функціонированіи и дальнѣйшемъ развитіи рабочихъ союзовъ видятъ залогъ желательнаго для нихъ соціальнаго мира. Еще мягче у насъ будетъ, конечно, отношеніе къ людямъ въ родѣ г. Бердяева: мы можемъ даже пожалѣть, что безсознательная психологическая связь ихъ съ буржуазнымъ обществомъ, несмотря на „самое искреннее правдоискательство“, заставила ихъ застрять на полдорогѣ между Брентано и Шульце-Геверницемъ и нами. Но мы не чувствуемъ ни малѣйшаго желанія въ лицѣ „критиковъ“ получить соединительныя звенья съ Брентано и Шульце-Геверницемъ, и когда мы почувствовали, что эти соединительныя звенья создаются у насъ благодаря нашему союзу съ „критиками“, мы могли сдѣлать только одинъ выводъ: союзъ этотъ долженъ быть разорванъ.

Но дѣло во всякомъ случаѣ не свелось просто къ отлученью. Сознательно или безсознательно, но г. Бердяевъ говоритъ явную неправду, когда утверждаетъ, что „всякое идеалистическое исканіе новыхъ путей упраздняется не путемъ доказательствъ и аргументовъ, а старымъ, унаслѣдованнымъ отъ католичества путемъ отлученія: представляется достаточнымъ показать, что такой то отклоняется отъ „классовой“ точки зрѣнія и вступаетъ въ явныя противорѣчія съ Марксомъ,—несчастный еретикъ осуждается, какъ буржуа“. На самомъ дѣлѣ на чисто теоретическую борьбу съ критиками тратилось со стороны ортодоксовъ достаточно труда и усилій, можетъ быть, даже больше, чѣмъ заслуживала ихъ критика.

Во всякомъ случаѣ новая задача, которую беретъ на себя

г. Бердяевъ въ своей новой статьѣ, заслуживаетъ и новаго критическаго разсмотрѣнія. Онъ полагаетъ, что „необходимо пролить критическій свѣтъ на основныя положенія историческаго матеріализма". „Критики марксизма, по его словамъ, до сихъ поръ дѣлали это относительно ряда частныхъ соціологическихъ вопросовъ, но недостаточно обращали вниманія на тѣ основныя предпосылки, на которыхъ покоится классовая точка зрѣнія и матеріалистическое истолкованіе идеологіи" (с. 3) Критикѣ этихъ предпосылокъ г. Бердяевъ и посвящаетъ свою послѣднюю статью. Остановимъ же наше вниманіе на этой критикѣ.

Прежде всего г. Бердяевъ пытается раздѣлаться съ монизмомъ, который, по его мнѣнію, является „изначальнымъ грѣхомъ" матеріалистическаго пониманія исторіи. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что самый объектъ его критики взятъ вовсе не изъ марксизма, а изобрѣтенъ его метафизической фантазіей.

„Монизмъ, говоритъ г. Бердяевъ, стремится объяснить все, весь міръ изъ одного начала, одного принципа, всѣ самыя разнообразныя качества онъ выводитъ изъ какого нибудь одного изначальнаго качества, онъ не можетъ успокоиться ни на какомъ множествѣ, онъ послѣдовательно идетъ къ единому и стираетъ по дорогѣ все индивидуальное, все многообразіе опыта" (с. 7).

На самомъ дѣлѣ научный монизмъ, на который опирается марксизмъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ метафизическимъ выведеніемъ всѣхъ разнообразныхъ качествъ изъ какого нибудь одного изначальнаго качества, къ которому стремится г. Бердяевъ.

Если мы, напр., всѣ процессы, происходящіе въ мірѣ, сводимъ къ движенію матеріи, то мы, несомнѣнно, создаемъ монистическое представленіе о мірѣ, но значитъ ли это, что мы всѣ качества, присущія міру, сводимъ къ одному „изначальному" качеству? Но что у насъ явится тогда этимъ качествомъ? Движеніе матеріи? Но развѣ движеніе матеріи не есть просто абстракція? Развѣ существуетъ просто движеніе матеріи, а не различныя формы этого движенія и различныя комбинаціи этихъ формъ? И развѣ то качественное различіе, которое существуетъ между различными формами и комбинаціями формъ движенія, сколько нибудь устраняется тѣмъ, что всѣ онѣ на основаніи общихъ ихъ признаковъ сведены къ одному общему понятію— движеніе матеріи?

А качественныя различія въ самой матеріи? Если и считать, что всѣ виды матеріи состоятъ изъ однородныхъ атомовъ, то и тогда одно различіе въ расположеніи этихъ атомовъ сдѣлаетъ количественно несравнимыми между собою различные виды матеріи и создастъ между ними качественное отличіе.

Представлять себѣ монистически міръ значитъ мыслить его, какъ единое, связное цѣлое, находящееся въ непрерывномъ процессѣ развитія. Но мыслить неразрывную и непрерывную связь

въ пространствѣ и во времени между всѣми процессами міра можно только при предположеніи извѣстной значительной однородности между этими процессами. Совершенно разнородныя вещи ни въ какую связь, ни въ какую причинную зависимость другъ съ другомъ вступать не могутъ. Поэтому когда на почвѣ познанія мы получаемъ возможность всѣ процессы, происходящіе въ мірѣ, объединить какимъ нибудь общимъ (и при этомъ, конечно, содержательнымъ) понятіемъ, то мы тѣмъ самымъ создаемъ одно изъ необходимыхъ условій для монистическаго представленія о мірѣ, но отъ этого еще, какъ отъ неба до земли, далеко до „стиранія по дорогѣ всего индивидуальнаго, всего многообразія опыта" и выведенія всего изъ какого то „изначальнаго качества". Оставимъ эту задачу идеалистической метафизикѣ, съ которой мы, марксисты, не имѣемъ и не можемъ имѣть ничего общаго.

Но мы дали бы неполное представленіе о монизмѣ, если бы не сопоставили его съ дуализмомъ. Наличность въ мірѣ двухъ какъ будто совершенно различныхъ родовъ явленій, матеріальныхъ и духовныхъ, является главнымъ препятствіемъ для монистическаго представленія о мірѣ, и пока это препятствіе тѣмъ или другимъ путемъ не побѣждено, до тѣхъ поръ не можетъ быть и монизма. Хотя г. Бердяевъ прямо и не ставитъ передъ нами этого вопроса, но во многихъ мѣстахъ своей статьи онъ ходитъ вокругъ да около него. Онъ увѣряетъ насъ, что на почвѣ науки не можетъ быть создано никакого монизма, и усиленно рекомендуетъ намъ идеалистическую метафизику, какъ единственный способъ создать монистическое представленіе о мірѣ. Но и независимо отъ этого, самое существованіе у насъ цѣлаго идеалистическаго направленія съ рядомъ болѣе или менѣе талантливыхъ представителей можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы остановиться надъ этимъ вопросомъ, въ рѣшеніи котораго мы прежде всего и больше всего расходимся съ идеалистами.

Коренное отличіе нашей точки зрѣнія, съ которой мы, я и ортодоксы, подступаемъ къ рѣшенію этого вопроса, отъ точки зрѣнія идеалистовъ заключается прежде всего въ томъ, что мы самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаемъ ихъ мнѣніе, по которому мы будто бы вездѣ и повсюду познаемъ только наши состоянія сознанія. Мы утверждаемъ, что познаніе внѣшняго міра есть дѣйствительно познаніе внѣшняго міра. Конечно, нашей отправной точкой въ этомъ познаніи являются наши состоянія сознанія, но посредствомъ нашихъ состояній сознанія мы познаемъ внѣшніе объекты, умозаключая отъ сходства и различія нашихъ ощущеній и воспріятій къ сходству и различію ихъ внѣшнихъ причинъ [1]).

[1]) Почему за нашими ощущеніями мы должны необходимо предполагать внѣшнія причины, я подробно разобралъ въ своей книжкѣ „Нравственность".

Установивши такимъ образомъ внѣшніе объекты, мы затѣмъ устанавливаемъ между ними связь въ пространствѣ и во времени.

Совершая обѣ эти стороны процесса познанія внѣшняго міра при помощи нашихъ ощущеній и воспріятій, мы получаемъ въ то же время совершенно другой продуктъ познанія, чѣмъ какой получается при познаніи нашихъ ощущеній, воспріятій, представленій, чувствованій, вообще нашихъ состояній сознанія.

Процессъ познанія внѣшняго міра посредствомъ состояній сознанія и процессъ познанія нашихъ состояній сознанія расходятся совершенно въ различныя стороны, хотя и начинаются они изъ одного и того же источника. Мы констатируемъ наличность внѣшнихъ объектовъ тогда, когда не получаемъ всѣхъ тѣхъ состояній сознанія, посредствомъ которыхъ устанавливаемъ признаки внѣшнихъ объектовъ: я констатирую, напр., игру на скрипкѣ, когда только слышу, но не вижу играющаго; мы устанавливаемъ сосуществованіе объектовъ (въ пространствѣ), несмотря на то, что воспринимаемъ ихъ послѣдовательно: столъ, цвѣты, полка съ книгами существуютъ передо мной рядомъ, одновременно другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ воспріятія этихъ предметовъ возникаютъ только послѣдовательно одно за другимъ въ моемъ сознаніи; наконецъ, на почвѣ причинной связи устанавливается между внѣшними объектами сплошь и рядомъ зависимость совершенно обратная той, которая устанавливается между вызываемыми ими состояніями сознанія: если, напр., на меня падаетъ съ крыши камень, то ощущеніе удара, являющееся слѣдствіемъ этого паденія, является въ то же время въ моемъ сознаніи причиной, вызывающей представленіе о камнѣ и даже воспріятіе камня, такъ какъ безъ этого удара камень могъ быть совсѣмъ не воспринятъ сознаніемъ; такимъ образомъ, камень является причиной ощущенія удара, напротивъ, воспріятіе камня является не причиной, а слѣдствіемъ того же ощущенія.

Пространственное воспріятіе внѣшнихъ объектовъ прежде

Сходнымъ образомъ подходитъ къ этому вопросу и Риль. Онъ также приходитъ къ заключенію, что всеобщее начало причинности необходимо требуетъ признанія внѣшняго міра („Теорія науки и метафизики", русск. переводъ с. 187 и 188). Но это не мѣшаетъ ему утверждать, что мы познаемъ только наши состоянія сознанія. Какую роль тогда играетъ въ познаніи предположеніе за воспріятіями ихъ внѣшнихъ причинъ, остается неяснымъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, начало причинности является только нашей формой сознанія, о степени соотвѣтствія или несоотвѣтствія которой дѣйствительности мы ничего не знаемъ. Но тогда какую цѣну имѣетъ его переходъ отъ начала причинности къ необходимости признанія внѣшняго міра? Выходъ изъ этихъ противорѣчій мы найдемъ только тогда, когда возможность строить на извѣстныхъ положеніяхъ свою дѣятельность, сохраняя цѣльность въ этомъ процессѣ, не вступая въ противорѣчіе съ самимъ собой, мы признаемъ высшимъ критеріемъ истины. Тогда признаніе начала причинности необходимымъ орудіемъ нашего познанія будетъ означать также убѣжденіе въ реальности его результатовъ.

всего и больше всего полагаетъ рѣзкую грань между ихъ познаніемъ и познаніемъ состояній сознанія.

Но, вопіютъ кантіанцы, вѣдь, Кантъ доказалъ, что пространство есть только форма нашего сознанія. Я вовсе не думаю безусловно возставать противъ этого воззрѣнія. Если мы станемъ на точку зрѣнія чисто психологическаго анализа происхожденія пространства, который мы находимъ у Спенсера, Бэна, Вундта и другихъ и который, несомнѣнно, отправляется отъ предположенія внѣшняго міра, то и тогда мы должны будемъ признать, что пространство, какъ форма сознанія, окрылена несомнѣннымъ субъективизмомъ. Пространство такъ, какъ оно существуетъ въ нашемъ сознаніи, совершенно лишено матеріальнаго содержанія. Мы можемъ мыслить и дѣйствительно мыслимъ пространство совершенно независимо отъ того, наполнено ли оно матеріей или нѣтъ, но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что пространство, разсматриваемое независимо отъ внѣшнихъ предметовъ и отношенія между ними, представляетъ какую нибудь реальность. Но то, что я долженъ совершить большее или меньшее количество движенія для того, чтобы перейти отъ воспріятія одного внѣшняго факта къ воспріятію другого, отъ воспріятія другого къ воспріятію третьяго, указываетъ, несомнѣнно, на извѣстное реальное взаимоотношеніе между внѣшними объектами, какъ бы мы его ни называли. Мы познаемъ это взаимоотношеніе, потому что посредствомъ своего движенія устанавливаемъ сходство и различіе въ немъ, а *устанавливать сходство и различіе между объектами познанія, это и значитъ познавать ихъ*. Точно такъ же представленіе о самомъ сосуществованіи внѣшнихъ объектовъ въ противоположность ихъ послѣдовательному восприниманію нашимъ сознаніемъ, которое такъ характерно для нашего представленія о пространствѣ, имѣетъ, несомнѣнно, объективное значеніе [1]).

И эти реальные элементы представленія о пространствѣ уводятъ насъ въ познаніи внѣшняго міра очень далеко отъ той первоначальной основы ощущеній, на которой возникаетъ это познаніе. Нѣтъ ничего нелѣпѣе того соображенія кантіанцевъ, что движеніе матеріи ничуть не болѣе объективно, чѣмъ наши зрительныя ощущенія. Когда я вижу, напр., движущагося человѣка, то съ помощью зрительныхъ ощущеній я получаю нѣчто такое, что ни въ какой необходимой связи съ зрительными ощущеніями не стоитъ, именно измѣненіе отношенія движущагося человѣка съ остальными предметами. Если бы всѣ предметы въ мірѣ вызывали у насъ звуковыя ощущенія, то тогда съ помощью послѣднихъ могло бы создаться то же представленіе о движеніи, которое у насъ создается на почвѣ зрительныхъ ощущеній.

---

[1]) Примѣчаніе для г. Бердяева: объективное не въ кантовскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ чего то существующаго внѣ и независимо отъ нашего познающаго разума.

Представленіе о взаимномъ отношеніи между различными предметами и частями предметовъ и объ измѣненіи этого отношенія по своей объективности возвышается надъ всѣми отдѣльными родами нашихъ ощущеній именно потому, что оно можетъ быть понято съ точки зрѣнія любого изъ этихъ родовъ ощущеній [1]). Это представленіе не дается еще намъ ощущеніями, самими по себѣ, а предполагаетъ добавочную дѣятельность сознанія. И то, что эта дѣятельность сознанія фактически опирается, главнымъ образомъ, на зрительныя ощущенія, совершенно несущественно, такъ какъ не зрительная, или осязательная окраска внѣшняго міра является его познаніемъ. Познавать внѣшній міръ не значитъ его ощущать или чувствовать, а значитъ устанавливать отношенія сходства и отличія, сосуществованія и послѣдовательности между отдѣльными частями міра на основаніи ихъ слѣдствій, состояній сознанія, какой бы характеръ эти состоянія сознанія ни имѣли,—зрительный или слуховой, осязательный или обонятельный.

Итакъ, наше познаніе внѣшняго міра—реально; познавая его, мы имѣемъ передъ собой дѣйствительно внѣшній міръ, а вовсе не состоянія сознанія. Когда же мы захотимъ познавать наши ощущенія, воспріятія, представленія только какъ наши состоянія сознанія, то мы должны совершенно отбросить въ сторону наше убѣжденіе въ существованіи внѣшняго міра, какъ чего то существующаго внѣ нашего сознанія, и тогда между нашими ощущеніями, воспріятіями, представленіями установится совершенно другое отношеніе, совершенно другая зависимость, чѣмъ между скрывающимися за ними внѣшними фактами, и это намъ ясно покажетъ, что передъ нами совершенно другіе объекты познанія.

Но если мы не снабдимъ этого положенія очень существенной оговоркой, то мы легко можемъ попасть въ другую крайность: мы выроемъ пропасть между матеріальнымъ міромъ и духовнымъ и, освободившись отъ когтей идеализма, попадемъ въ когти самаго грубаго дуализма.

Явленія матеріальныя и духовныя встанутъ передъ нами, какъ два совершенно различные и даже противоположные роды явленій, и тѣмъ не менѣе существующіе рядомъ, бокъ-о-бокъ, и находящіеся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Всякое цѣльное представленіе о мірѣ у насъ исчезнетъ, но потребность въ немъ

[1]) Если бы всѣ люди всегда рождались слѣпыми, то, конечно, человѣчество сдѣлало бы не очень большіе успѣхи въ области познанія. Но отдѣльные слѣпорожденные люди, появляясь среди зрячихъ, могутъ при отсутствіи зрѣнія тѣмъ не менѣе усвоить всѣ реальные элементы познанія. Осязательныя и слуховыя ощущенія у слѣпорожденныхъ, кромѣ той роли, которую они играютъ у зрячихъ, играютъ отчасти и ту роль, которую у зрячихъ играютъ зрительныя ощущенія. Но если всѣ реальные элементы представленія о пространствѣ и движеніи будутъ существовать и у слѣпорожденныхъ, то субъективная окраска пространства, которая не имѣетъ сама по себѣ никакого отношенія къ познанію внѣшняго міра, будетъ у нихъ, несомнѣнно, другая.

существуетъ, и мы должны будемъ продѣлывать тогда тотъ процессъ мучительныхъ исканій, который продѣлывало человѣчество, и который, не замѣчая первоначальной ошибки, только и могъ добавлять къ ней новыя.

Передъ нами возникнетъ матеріалистическій монизмъ, который объявитъ единственной реальностью матерію, а сознаніе—только проявленіемъ матеріальной сущности, и, конечно, этотъ монизмъ разобьется о то простое соображеніе, что, вѣдь, представленіе о матеріальномъ мірѣ возникаетъ въ нашемъ сознаніи и, значитъ, прежде всего предполагаетъ реальность послѣдняго.

Затѣмъ явится идеалистическій монизмъ, который станетъ доказывать намъ, что мы вовсе и не познаемъ матеріальнаго міра, а познаемъ только наши состоянія сознанія, и что если и есть что нибудь за предѣлами *нашего* сознанія, то естественнѣе всего предполагать, что это нѣчто отличается такой же духовной природой, какъ и наше сознаніе. Позиція этого монизма кажется болѣе неприступной, но и она не является незыблемой, такъ какъ основное положеніе его, что мы будто бы всегда познаемъ наши состоянія сознанія, такъ же неосновательно и нелѣпо, какъ и сомнѣніе въ реальности нашего сознанія.

Наконецъ, примиреніе между матеріализмомъ и идеализмомъ будетъ стремиться создать новый видъ монизма, спинозизмъ, который разсматриваетъ матеріальное и духовное, какъ два аттрибута одной и той же субстанціи. Можетъ быть, этотъ монизмъ соотвѣтствуетъ истинѣ? Несомнѣнно, онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ другіе два монизма, но и онъ не можетъ удовлетворить насъ, потому что при той пропасти между матеріальнымъ и духовнымъ, отъ которой онъ отправляется, совмѣщеніе въ одной субстанціи матеріальной и духовной ея природы остается чѣмъ то загадочнымъ и непонятнымъ.

На самомъ дѣлѣ никакой пропасти между матеріальнымъ и духовнымъ не существуетъ, такъ какъ различіе между тѣмъ и другимъ не есть вовсе различіе между двумя родами явленій, не есть также различіе и между двумя видами свойствъ, присущихъ однимъ и тѣмъ же явленіямъ, это только—*различіе между двумя способами познанія однихъ и тѣхъ же явленій.*

Оба эти способа познанія отправляются отъ одной и той же исходной точки—отъ нашихъ состояній сознанія, но въ одномъ случаѣ состоянія сознанія для познающаго разума являются только промежуточнымъ звеномъ, черезъ посредство котораго онъ вступаетъ въ связь съ внѣшнимъ міромъ, въ другомъ случаѣ, напротивъ, они сами являются объектомъ познанія. Въ одномъ случаѣ поэтому познаніе можетъ быть названо посредственнымъ, въ другомъ, напротивъ,—непосредственнымъ. Познаніе матеріальныхъ явленій есть познаніе посредственное, познаніе духовныхъ явленій—непосредственное.

Такъ какъ матеріальныя и духовныя явленія, какъ объекты познанія, возникаютъ у насъ на почвѣ двухъ совершенно раз-

личныхъ способовъ познанія, то ясно, какъ день, что, *оставаясь на почвѣ этихъ различныхъ способовъ познанія, мы никакого умозаключенія о сходствѣ и различіи между матеріальными и духовными явленіями дѣлать не можемъ*[1]).

Для того, чтобы получить представленіе о сходствѣ и различіи между ними, намъ нужно, очевидно, *поставить ихъ въ одинаковыя условія познанія*.

Какъ же это сдѣлать?

Сходное состояніе сознанія съ моимъ можетъ испытывать другой человѣкъ. Мое состояніе сознанія ассоціируется у меня съ извѣстными внѣшними его признаками, т. е. съ извѣстными матеріальными его послѣдствіями. Когда я встрѣчаю такіе же внѣшніе признаки у другого субъекта, я могу умозаключить о томъ, что онъ переживаетъ такое же состояніе, и затѣмъ, ставя себя въ его положеніе, переживать это состояніе сознанія. Въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ дѣло происходитъ еще проще: переживаніе чужого состоянія сознанія происходитъ просто на почвѣ ассоціаціи идей, которая, впрочемъ, можетъ быть разсматриваема, какъ своего рода безсознательное умозаключеніе.

Такъ или иначе, но я получаю возможность переживать чужое состояніе сознанія и путемъ этого переживанія примѣнять къ нему тотъ же способъ познанія, который я примѣняю къ своимъ состояніямъ сознанія. Но замѣтьте: хотя въ концѣ концовъ я получаю возможность ставить чужое состояніе сознанія въ такія же условія познанія, какъ и свое состояніе сознанія, тѣмъ не менѣе становится оно объектомъ моего познанія не только болѣе сложнымъ путемъ, чѣмъ мое состояніе сознанія, но и болѣе сложнымъ путемъ, чѣмъ матеріальныя явленія. Свои состоянія сознанія я получаю, какъ объектъ познанія, прямо, непосредственно; матеріальныя явленія, и въ томъ числѣ и внѣшніе признаки чужихъ состояній сознанія, я получаю черезъ посредство своихъ состояній сознанія; и затѣмъ уже черезъ посредство матеріальныхъ признаковъ чужихъ состояній сознанія я получаю эти послѣднія въ качествѣ объекта познанія. Но допустимъ, что чужое состояніе сознанія не путемъ внѣшнихъ признаковъ (мимики, звуковъ и т. п.), а непосредственно вліяетъ на меня, такъ же непосредственно, какъ вліяютъ на мое сознаніе матеріальныя явленія. Тогда оно должно будетъ вызвать въ моемъ сознаніи какое либо ощущеніе, или ассоціацію ощущеній, и когда затѣмъ оно въ результатѣ дальнѣйшей дѣятельности сознанія (соединенія ощущенія съ представленіемъ и противопоставленія

[1]) Конечно, дѣло совершенно измѣнится, если мы будемъ и матеріальныя, и духовныя явленія, слѣдуя Канту и кантіанцамъ, разсматривать, какъ явленія сознанія. Тогда мы, конечно, можемъ устанавливать между ними сходство и различіе, но тогда, къ сожалѣнію, передъ нами будутъ вовсе не матеріальныя явленія, а *представленія о матеріальныхъ явленіяхъ*. Мы тогда не будемъ находиться въ процессѣ познанія матеріальныхъ явленій, а *сами акты познанія этихъ явленій станутъ объектомъ нашего познанія*.

внѣшней причинности внутренней) выступитъ въ моемъ сознаніи въ качествѣ внѣшней причины ощущенія или комбинаціи ощущеній, оно и выступитъ въ качествѣ матеріальнаго явленія [1]).

Или подойдемъ къ вопросу съ другой стороны.

Я вижу, положимъ, судорожныя движенія лица у другого человѣка и заключаю, что онъ испытываетъ чувство страданія. Дѣлаю я это и могу дѣлать только по аналогіи съ самимъ собой. Но допустимъ, что эта аналогія отсутствуетъ и что я, не руководясь никакой аналогіей съ самимъ собой, остановился передъ судорожнымъ движеніемъ лица, какъ передъ непонятнымъ для меня явленіемъ, причины котораго я ищу. Въ чемъ можетъ заключаться эта причина? Въ чемъ бы она ни заключалась, я не могу не мыслить ее, какъ возможную причину какого либо изъ моихъ состояній сознанія, какого либо ощущенія или ассоціаціи ощущеній, т. е. не могу не мыслить ее, какъ такое же матеріальное явленіе, какъ и судорожное движеніе лица.

Но аналогія съ нашимъ сознаніемъ? Аналогія эта дѣйствительно сбиваетъ насъ съ этого пути познанія, но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что этотъ путь познанія невѣренъ. Мы заключаемъ, что предполагаемая причина судорожнаго движенія лица представляетъ нѣчто сходное съ нашимъ состояніемъ сознанія, которое намъ приходится переживать, и заключаемъ совершенно правильно. Но, вѣдь, и наше состояніе сознанія (въ данномъ случаѣ чувство страданія) можно представить себѣ въ качествѣ возможной причины, непосредственно дѣйствующей на чужое сознаніе, т. е. можно представить себѣ въ видѣ матеріальнаго явленія. Поэтому то, что разсматриваемое явленіе является чувствомъ страданія, нисколько не мѣшаетъ ему при другихъ условіяхъ познанія быть матеріальнымъ явленіемъ.

---

[1]) Тутъ читатель можетъ обратить вниманіе, что самое опредѣленіе матеріи и матеріальнаго у меня существенно отличается отъ обычнаго опредѣленія. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я имѣю дѣло съ другимъ объектомъ, чѣмъ съ какимъ имѣетъ обыкновенно наука и философія. Если, напр., я не опредѣляю тутъ матерію, какъ нѣчто протяженное, то изъ этого не слѣдуетъ, что я не считаю протяженности необходимымъ признакомъ матеріи. Я не считаю его только *основнымъ* признакомъ, тѣмъ признакомъ, который является исходной точкой обособленія матеріальныхъ явленій отъ духовныхъ. Этимъ признакомъ является только то, что матеріальныя явленія являются внѣшними причинами нашихъ ощущеній. Для того, чтобы, напр., явленія звука, какъ внѣшнія явленія, имѣть возможность разсматривать, какъ движеніе матеріи, мы должны исходить прежде всего изъ реальности этихъ внѣшнихъ явленій, какъ внѣшнихъ причинъ нашихъ звуковыхъ ощущеній. Да и самое представленіе о движеніи матеріи могло возникнуть только на почвѣ комбинированія сознаніемъ такихъ ощущеній, за которыми мыслились внѣшнія причины. Кромѣ того, выдвигать протяженность, какъ основной признакъ матеріи, уже потому нелѣпо, что на основаніи этого признака мы не въ состояніи будемъ отличить матеріи отъ пространства, а между тѣмъ мы можемъ мыслить и дѣйствительно мыслимъ пустое пространство, т. е. пространство, лишенное матеріи.

Но зачѣмъ намъ искать причину судорожнаго движенія лица, разъ аналогія съ нашимъ сознаніемъ уже даетъ намъ представленіе объ этой причинѣ? Но, вѣдь, эта аналогія дѣлаетъ эту причину сравнимой только съ нашимъ состояніемъ сознанія, но зато въ результатѣ этой аналогіи она выступаетъ, какъ нѣчто совершенно несравнимое съ своимъ слѣдствіемъ, судорожнымъ движеніемъ лица. Чрезвычайно важно и интересно познать въ данномъ случаѣ причину судорожнаго движенія, какъ нѣчто аналогичное съ нашими состояніями сознанія, но, идя только путемъ такого познанія, мы лишаемъ себя возможности познать тотъ внѣшній причинный рядъ, который изслѣдуемъ, такъ какъ причинный рядъ, въ которомъ причина и слѣдствіе оказываются несравнимыми между собой, не можетъ считаться познаннымъ причиннымъ рядомъ. Поэтому, если мы имѣемъ въ виду познаніе этого внѣшняго причиннаго ряда и ничего больше, то мы не имѣемъ никакого логическаго права за судорожнымъ движеніемъ лица искать какое нибудь состояніе сознанія въ качествѣ его причины. За судорожнымъ движеніемъ лица мы можемъ и должны тогда искать не духовную, а матеріальную причину.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что если сопоставленіе данныхъ физіологіи и психологіи приводитъ насъ къ убѣжденію, что за каждымъ явленіемъ сознанія скрывается физическое явленіе, то этотъ научный результатъ заранѣе былъ предрѣшенъ самими условіями познанія. Если мы хотимъ познавать окружающую насъ природу, то мы должны всѣ отдѣльныя явленія ея ставить въ одинаковыя условія познанія, при которыхъ они были-бы сравнимы между собою, и тогда уже устанавливать между ними связь сосуществованія и послѣдовательности, такъ какъ только тогда установленіе связи между ними будетъ дѣйствительнымъ познаніемъ міра. Мы не можемъ и себя выключить изъ этого міра, мы не можемъ не мыслить и себя, какъ нѣчто связанное связью сосуществованія и послѣдовательности съ окружающей природой, и если мы окружающую насъ природу разсматриваемъ, какъ матеріальный фактъ, то такъ же мы должны разсматривать и самихъ себя. *Міръ передъ нами встанетъ тогда, какъ матеріальное цѣлое.*

И такъ какъ большинство фактовъ окружающей природы мы можемъ познавать только путемъ матеріалистическаго способа познанія, то отсюда выводъ: *цѣльное представленіе о мірѣ можетъ быть создано только матеріалистическимъ путемъ.*

Къ этому выводу приходитъ также одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ кантіанцевъ и притомъ кантіанцевъ идеалистическаго толка — Фридрихъ Альбертъ Ланге. Но затѣмъ... затѣмъ онъ совершаетъ тотъ нелѣпѣйшій кунстштюкъ, на который способна только идеалистическая философія. „Послѣдовательно-матеріалистическій взглядъ, полагаетъ онъ, тотчасъ переходитъ въ послѣдовательно - идеалистическій“. Почему? Потому что всѣ наши матеріальные продукты познанія „суть только наши пред-

ставленія—необходимыя представленія, представленія, происходящія по законамъ природы, но все же не самыя вещи" („Исторія матеріализма" т. II, пер. Страхова изд. 1883 г. с. 378). Конечно, представленія о вещахъ не суть самыя вещи. Представленіе, напр., о столѣ не есть самъ столъ, несомнѣнно. Несомнѣнно также, что, когда я представленіе о столѣ дѣлаю объектомъ своего познанія, то оно у меня выступаетъ только какъ мое состояніе сознанія, и въ качествѣ таковаго очень рѣзко отличается отъ стола. Но когда я переживаю это представленіе, когда оно само становится однимъ изъ звеньевъ познавательнаго процесса, тогда оно уже не можетъ въ то же время выступать въ качествѣ объекта познанія, тогда оно само является фактомъ познанія и въ качествѣ таковаго совершенно ясно и недвусмысленно говоритъ: я познаю столъ. И, конечно, столъ тогда, а не представленіе о столѣ, является объектомъ познанія. Поэтому одно изъ двухъ: или наше познаніе реально, тогда оно является познаніемъ внѣшняго (для сознанія) міра, или оно не является этимъ познаніемъ, тогда оно совершенно нереально, тогда оно вовсе не является познаніемъ, такъ какъ познаніе состояній сознанія, которое можетъ совершаться и дѣйствительно совершается нами, не имѣетъ ничего общаго съ познаніемъ внѣшняго міра, и переводить матеріализмъ въ идеализмъ, познаніе внѣшняго міра въ познаніе состояній сознанія значитъ самымъ грубымъ образомъ смѣшивать два различные способа познанія.

Но вернемся къ нашему положенію. Цѣльное представленіе о мірѣ можетъ быть создано только матеріалистическимъ путемъ. Есть-ли это уже матеріалистическій монизмъ? Во всякомъ случаѣ скорѣе матеріалистическій, чѣмъ идеалистическій, но, конечно, не матеріалистическій въ смыслѣ отрицанія реальности сознанія. О реальности сознанія не можетъ быть никакого вопроса, такъ какъ весь нашъ процессъ познанія отправляется отъ состояній сознанія. Вопросъ только можетъ быть въ томъ, какой изъ двухъ, возможныхъ для насъ способовъ познанія, болѣе совершененъ,—способъ ли познанія посредственный, матеріалистическій, когда мы отъ состояній сознанія переходимъ къ внѣшнимъ явленіямъ, какъ ихъ причинамъ, и дѣлаемъ затѣмъ послѣднія объектомъ своего познанія, или же способъ познанія непосредственный, идеалистическій, когда мы отправляемся отъ переживанія собственныхъ состояній сознанія или чужихъ по аналогіи съ своими и затѣмъ эти состоянія сознанія дѣлаемъ объектами своего познанія. Предыдущій анализъ достаточно ясно показалъ, что за каждымъ состояніемъ сознанія мы должны мыслить какое нибудь матеріальное явленіе, при чемъ это не два различныя явленія, а одинъ и тотъ же фактъ, познанный посредствомъ двухъ различныхъ способовъ познанія. Но, можетъ быть, мы можемъ перевернуть эту формулу и сказать: за каждымъ матеріальнымъ явленіемъ мы должны мыслить явленіе сознанія?

Что намъ нужно для того, чтобы мыслить явленіе сознанія,

какъ матеріальное явленіе? Намъ нужно только предполагать наличность другихъ познающихъ субъектовъ, и тогда мы можемъ мыслить наше явленіе сознанія, какъ возможную причину, *непосредственно* дѣйствующую на чужое сознаніе, т. е. можемъ мыслить ее, какъ матеріальное явленіе. Но для того, чтобы мыслить за каждымъ матеріальнымъ явленіемъ явленіе сознанія, мы должны предполагать за каждымъ матеріальнымъ явленіемъ познающаго субъекта, а это ужъ мы не имѣемъ никакого логическаго права дѣлать безъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

О чужомъ сознаніи мы узнаемъ только по внѣшнимъ матеріальнымъ признакамъ. Самымъ совершеннымъ матеріальнымъ признакомъ, или, вѣрнѣе, комбинаціей матеріальныхъ признаковъ является языкъ. Только вступая въ общеніе съ другими сознательными существами на почвѣ языка, мы получаемъ болѣе или менѣе точную и безошибочную основу для умозаключенія о чужихъ состояніяхъ сознанія. Тамъ, гдѣ это средство отсутствуетъ, начинается уже почва для всякихъ сомнѣній. Остается, напр., нерѣшеннымъ вопросъ, можно ли допускать у самыхъ умныхъ животныхъ что нибудь похожее на человѣческій разумъ, могутъ ли самыя умныя животныя совершать и совершаютъ ли они тотъ сознательный и активный процессъ познанія, который характеренъ для человѣка. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если этотъ процессъ у нихъ и существуетъ, то только въ самомъ зачаточномъ видѣ. Если мы затѣмъ будемъ спускаться по лѣстницѣ животнаго міра внизъ, то мы будемъ наблюдать несомнѣнную убыль сознанія, и на низшихъ ступеняхъ этой лѣстницы мы можемъ вообще усомниться въ его существованіи. Въ растительномъ мірѣ на самыхъ даже высшихъ его ступеняхъ мы не имѣемъ никакихъ серьезныхъ основаній для предположенія тамъ явленій сознанія. Но если мы даже оставимъ растительный міръ подъ сомнѣніемъ, то во всякомъ случаѣ всякія основанія для предположенія явленій сознанія исчезнутъ для насъ при разсмотрѣніи неорганической природы. Фантазія, конечно—особенно метафизическая фантазія—не то, что наука. Для нея нѣтъ никакихъ границъ, и она можетъ предполагать все, что захочетъ. Но если мы захотимъ двигаться научнымъ путемъ, то въ своихъ предположеніяхъ относительно явленій сознанія мы связаны довольно узкими границами, именно аналогіей съ нашимъ сознаніемъ, и тамъ, гдѣ мы не можемъ найти никакой аналогіи съ нашимъ сознаніемъ, тамъ мы и не имѣемъ никакихъ научныхъ основаній предполагать сознаніе. Понятіе о сознаніи создается у насъ на почвѣ нашего сознанія, субъективнымъ путемъ, и нужно поэтому лишить это понятіе всякаго опредѣленнаго содержанія, чтобы находить это сознаніе тамъ, гдѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ аналогій съ нашимъ сознаніемъ.

Какой же выводъ получается изъ всего этого? Выводъ, повидимому, тотъ, что сознаніе въ природѣ является какимъ то нелѣпымъ обрывкомъ. Обрывкомъ оно является въ области статики

міра, обрывкомъ оно является и въ области его динамики, такъ какъ послѣдовательная теорія развитія должна предполагать единство животнаго и растительнаго міра и происхожденіе того и другого изъ неорганической природы. Итакъ, передъ нами альтернатива: или метафизическая фантазія, лишающая сознаніе всякаго опредѣленнаго содержанія, но зато дающая полный параллелизмъ матеріальнаго и духовнаго ряда, или строго научное изслѣдованіе, превращающее сознаніе въ какой то нелѣпый обрывокъ.

Мы выйдемъ изъ этой нелѣпой альтернативы, когда станемъ на *діалектическую точку зрѣнія*, т. е. когда посмотримъ на міръ, какъ на единое цѣлое, являющееся въ то же время непрерывнымъ процессомъ развитія. При этой діалектической точкѣ зрѣнія намъ для цѣльнаго представленія о мірѣ вовсе не нужно искать за каждымъ матеріальнымъ фактомъ, взятымъ въ отдѣльности, соотвѣтствующаго ему явленія сознанія, намъ нужно только, чтобы тѣ матеріальные факты, за которыми, самими по себѣ, мы не находимъ явленій сознанія, мы имѣли бы возможность разсматривать какъ одно цѣлое съ тѣми матеріальными фактами, за которыми скрывается сознаніе, а это какъ разъ и составляетъ содержаніе діалектическаго представленія о мірѣ. *Эквивалентомъ духовныхъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ, будутъ тогда не какіе нибудь отдѣльные матеріальные процессы, а все развивающееся міровое цѣлое.*

Возьмемъ отдѣльнаго человѣка. Когда мы говоримъ, что эквивалентомъ его духовныхъ процессовъ являются мозговые процессы, мы, конечно, правы, но мы правы не въ абсолютномъ, а въ очень условномъ смыслѣ. Реальный смыслъ этого положенія заключается только въ томъ, что, пока мы не имѣемъ мозговыхъ процессовъ, мы не имѣемъ и фактовъ сознанія. Но самъ мозгъ является только искусственно выдѣленной частью нервной системы, нервная система является только искусственно выдѣленною частью человѣческаго организма и самъ человѣческій организмъ является только искусственно выдѣленной частью мірового цѣлаго. И въ концѣ концовъ настоящимъ матеріальнымъ эквивалентомъ сознанія человѣка является не мозгъ его, а вся природа, неразрывной частью которой онъ самъ является.

Или возьмемъ человѣка, какъ процессъ развитія. Нужно ли намъ для цѣльнаго представленія о духовной природѣ человѣка его зародышъ, только что возникшій въ утробѣ матери, надѣлять сознаніемъ? Вовсе нѣтъ. Развивающійся человѣкъ, котораго мы съ неизбѣжной для познавательнаго процесса искусственностью разбиваемъ на отдѣльныя звенья, на отдѣльные факты развитія, на самомъ дѣлѣ является цѣльнымъ, единымъ фактомъ не только въ статикѣ, но и въ динамикѣ. Непрерывность развитія дѣлаетъ процессъ развитія организма такимъ же единымъ цѣльнымъ фактомъ, какимъ является развивающійся организмъ,

взятый въ каждый отдѣльный моментъ. Поэтому матеріальнымъ эквивалентомъ духовнаго развитія человѣка будетъ не только тотъ матеріальный процессъ, который совпадаетъ съ нимъ во времени, но и всѣ предшествующія этому матеріальному процессу стадіи развитія, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ составляетъ со всѣми этими стадіями неразрывное цѣлое.

Мы приходимъ. такимъ образомъ, къ монизму, который я не могу лучше назвать, какъ — *діалектическимъ монизмомъ.* Если это не идеалистическій, то это, въ сущности говоря, и не матеріалистическій монизмъ, онъ возвышается надъ тѣмъ и надъ другимъ. Но въ извѣстномъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ матеріалистическимъ монизмомъ. Онъ — матеріалистическій монизмъ, потому что въ области познанія онъ ставитъ матерію выше сознанія, но, конечно, только въ области познанія. Съ человѣческой точки зрѣнія сознаніе, вообще говоря, можетъ быть безконечно выше матеріи, и самъ матеріальный міръ можетъ имѣть цѣну только постольку, поскольку онъ таитъ въ себѣ духовное начало. Но поскольку мы переходимъ въ область познанія, остается несомнѣннымъ фактъ, что *въ то время, какъ, идя однимъ только матеріалистическимъ путемъ, мы можемъ создать цѣльное представленіе о мірѣ, мы не можемъ этого сдѣлать, идя чисто идеалистическимъ путемъ.* Идя однимъ только послѣднимъ путемъ, мы получимъ жалкій обрывокъ и ничего больше. И для того, чтобы получить цѣльное представленіе о самомъ духовномъ началѣ и его роли въ міровой жизни, для того, чтобы оно перестало быть обрывкомъ, мы должны создать сперва цѣльное представленіе о мірѣ матеріалистическимъ путемъ. Только идя матеріалистическимъ путемъ, мы получаемъ представленіе о мірѣ, какъ *единомъ* цѣломъ, *непрерывно* развивающемся, и только тогда, когда въ этомъ единомъ и непрерывно развивающемся матеріальномъ мірѣ жизнь сознанія получаетъ свой матеріальный эквивалентъ, только тогда она сама становится понятной.

И все таки, скажутъ мнѣ, вѣроятно, идеалисты, сознаніе у васъ остается обрывкомъ, вамъ приходится считать, что сознаніе начинаетъ существовать съ извѣстнаго момента и что до этого ему предшествовало отсутствіе сознанія. Но если сознанію до извѣстнаго момента предшествовало отсутствіе сознанія, то это не значитъ, что сознаніе появилось безъ причины,—это можетъ означать только, что сознаніе явилось синтезомъ ряда такихъ фактовъ, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности, не былъ сознаніемъ. Вамъ кажется страннымъ это? Но, можетъ быть, вамъ кажется страннымъ также, что синтезъ физическихъ и химическихъ процессовъ даетъ физіологическій процессъ, который проявляетъ такія черты, такія особенности, которыя вы не найдете ни въ одномъ изъ легшихъ въ его основу физическихъ и химическихъ процессовъ, взятыхъ въ отдѣльности? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, это кажется не болѣе и не менѣе страннымъ,

чѣмъ возникновеніе сознанія изъ синтеза такихъ фактовъ, изъ которыхъ каждый не являлся сознаніемъ.

Но, скажутъ мнѣ, можетъ быть, тогда идеалисты, вы съ своей же собственной точки зрѣнія не можете сказать, что возникшему сознанію въ качествѣ его причины предшествуетъ матеріальный фактъ, такъ какъ на основаніи вашего же анализа это было-бы искаженіемъ причиннаго ряда, въ вашемъ причинномъ ряду стояли бы тогда рядомъ, въ качествѣ причины и слѣдствія, два явленія (матеріальное и духовное), полученныя на почвѣ различныхъ условій познанія и поэтому несравнимыя между собой.

Но изъ того, что матеріальное и духовное явленіе несравнимы между собой, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что ихъ нельзя связывать причинной связью. Изъ этого слѣдуетъ только то, что причинный рядъ, въ которомъ будутъ фигурировать матеріальное и духовное явленія, останется для насъ непознаннымъ до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся поставить ихъ въ одинаковыя условія познанія и сдѣлать ихъ, благодаря этому, сравнимыми между собой. Мы поставимъ ихъ въ одинаковыя условія познанія, если матеріальное явленіе будемъ мыслить въ качествѣ духовнаго, или духовное въ качествѣ матеріальнаго. Какъ мы разъяснили уже выше, второе для насъ всегда возможно, а первое не всегда. И какъ разъ оно именно невозможно въ данномъ случаѣ. Если сознаніе явилось синтезомъ ряда фактовъ, которые не были фактами сознанія, то, иначе говоря, это значитъ, что причина сознанія не можетъ быть мыслима въ качествѣ сознанія. Но отсюда вытекаетъ только крушеніе идеалистическаго способа познанія, а ни въ какомъ случаѣ не крушеніе причинной связи. Для насъ, вѣдь, остается еще другой выходъ,—матеріалистическій: мы можемъ возникшее сознаніе разсматривать, какъ матеріальный фактъ, напр., физіологическій процессъ, и происхожденіе его затѣмъ объяснить синтезомъ физическихъ и химическихъ процессовъ.

Итакъ, резюмируя все сказанное, мы можемъ сказать: сознаніе мы можемъ связывать причинной связью съ матеріальнымъ процессомъ или матеріальными процессами, но только въ томъ случаѣ, *если само сознаніе является въ то же время матеріальнымъ фактомъ*. Но всякое сознаніе является всегда въ то же время матеріальнымъ фактомъ, ergo—мы всегда можемъ связывать сознаніе причинной связью съ предшествующими ему матеріальными условіями, хотя всегда должны при этомъ помнить, что причинная связь станетъ для насъ понятной и самъ причинный рядъ станетъ для насъ познаннымъ фактомъ только тогда, когда намъ явленіе сознанія удастся замѣнить соотвѣтствующимъ ему матеріальнымъ явленіемъ.

Но г. Бердяевъ все таки остается неудовлетвореннымъ. Онъ отказывается понимать, какимъ образомъ причинный рядъ, который до извѣстной стадіи былъ матеріальнымъ рядомъ, на этой стадіи сталъ такимъ рядомъ, который можетъ быть познаваемъ

не только въ качествѣ матеріальнаго, но и въ качествѣ духовнаго ряда. Я понимаю эту неудовлетворенность и скажу г. Бердяеву по секрету, что эта неудовлетворенность коренится въ томъ, что онъ начало причинности считаетъ болѣе реальнымъ, чѣмъ какимъ оно является на самомъ дѣлѣ. Онъ забылъ, что начало причинности—наша форма сознанія, которая можетъ быть и не соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности.

Значитъ, Кантъ былъ правъ? Отчасти да. Въ его утвержденіи есть несомнѣнная доля истины, но эта доля истины станетъ для насъ понятной только тогда, когда мы ей придадимъ *діалектическій смыслъ*.

Что говоритъ начало причинности? Оно говоритъ, что различные факты природы связаны между собой причинной связью. Говорить о причинной связи между явленіями a и b значитъ прежде всего, конечно, предполагать, что эти явленія существуютъ. Но, къ сожалѣнію, a и b вовсе не отдѣльныя явленія, а только искусственно выдѣленныя части мірового цѣлаго, и *самую связь между ними намъ пришлось устанавливать только потому, что мы искусственно раздѣлили ихъ*. Но разъ они вовсе отдѣльно не существуютъ, разъ они на самомъ дѣлѣ сливаются въ одно цѣлое, то не можетъ быть рѣчи и о какой либо связи между ними. Мы видимъ, такимъ образомъ, что начало причинности дѣйствительно только наша форма сознанія, вовсе не соотвѣтствующая реальной дѣйствительности.

Но на начало причинности опирается весь нашъ процессъ познанія. Значитъ процессъ познанія нереаленъ? Нѣтъ, это значитъ только, что онъ искусственъ и становится реальнымъ только постольку, поскольку мы сознаемъ эту искусственность и соотвѣтственно исправляемъ конечные его результаты.

Познаніе внѣшняго міра начинается съ его анализа: міръ разлагается на отдѣльныя его части. Это разложеніе вовсе не является сознательнымъ процессомъ. Дѣятельность сознанія, обращенная къ внѣшнему міру, прямо начинаетъ съ обрывковъ. Его первые же, стихійные шаги состоятъ въ выдѣленіи изъ мірового цѣлаго отдѣльныхъ его частей въ качествѣ отдѣльныхъ объектовъ познанія. Какъ и всегда бываетъ, сознаніе начало дѣйствовать раньше, чѣмъ стало размышлять о своемъ дѣйствіи. Отдѣльные объекты познанія начали поэтому выступать въ сознаніи, какъ дѣйствительно отдѣльно существующіе факты. И только путемъ очень долгаго и очень мучительнаго процесса человѣческое сознаніе начало, наконецъ, приходить къ діалектическому взгляду на міръ.

Какимъ образомъ и почему оно начало приближаться къ этому взгляду? О связи между отдѣльными явленіями нельзя говорить, разъ они не существуютъ въ качествѣ отдѣльныхъ явленій; но, съ другой стороны, разъ извѣстное цѣлое искусственно разложилось въ сознаніи на отдѣльные объекты, то на почвѣ познанія этихъ объектовъ не могла не чувствоваться

связь между ними. И вотъ изъ тѣхъ обрывковъ, которые являлись и являются неизбѣжными продуктами сознанія, то же сознаніе начало постепенно строить міръ. Что же было орудіемъ въ этой постройкѣ? Орудіемъ этимъ было *начало причинности*. Установленіе связи между отдѣльными фактами природы не есть еще діалектика, такъ какъ діалектика отрицаетъ то, что является исходной точкой для начала причинности, именно существованіе *отдѣльныхъ* фактовъ природы. Но, во первыхъ, міръ, разсматриваемый по началу причинности, гораздо ближе къ міру, разсматриваемому діалектически, чѣмъ простая сумма отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою фактовъ, и, во вторыхъ, что еще важнѣе, примѣненіе начала причинности къ познанію міра имѣло тоже свою внутреннюю діалектику: эта діалектика состояла въ томъ, что начало причинности постепенно приходило къ собственному отрицанію и превращалось въ діалектическій взглядъ на міръ. Разсматривая міръ, какъ цѣпь причинъ и слѣдствій, начало причинности, послѣдовательно примѣняемое, не могло оставить между причиной и слѣдствіемъ никакого пустого, незаполненнаго промежутка, въ результатѣ чего причина и слѣдствіе сливались другъ съ другомъ и вмѣсто цѣпи причинъ и слѣдствій получался непрерывный процессъ.

Но непосредственные продукты дѣятельности сознанія какъ были, такъ всегда и будутъ отдѣльными объектами, т. е. обрывками мірового цѣлаго, и постройка міра изъ этихъ обрывковъ не кончилась еще, да и никогда, конечно, не кончится; и вотъ сознаніе человѣчества продолжаетъ неутомимо работать надъ этой постройкой, при чемъ необходимымъ орудіемъ въ этой постройкѣ какъ было, такъ и остается начало причинности. Снова и снова начало причинности говоритъ о связи между отдѣльными фактами и снова и снова путемъ послѣдовательнаго своего проведенія уничтожаетъ свою исходную точку,—отдѣльное существованіе явленій,—и само превращается въ діалектику.

Теперь съ помощью этого діалектическаго пониманія начала причинности мы имѣемъ полную возможность побѣдить ту неудовлетворенность, которая могла получиться въ результатѣ нашего анализа.

Начало причинности приводитъ насъ къ положенію, что исключительно матеріальный причинный рядъ на извѣстной стадіи превращается въ такой, который можетъ быть разсматриваемъ и какъ духовный рядъ. Такое разсматриваніе процесса, какъ оно ни неизбѣжно и ни необходимо, носитъ на себѣ печать той искусственности, которой отличается весь нашъ процессъ познанія. Но начало причинности превращается въ діалектику діалектика даетъ діалектическій монизмъ, діалектическій же монизмъ исправляетъ эту искусственность. Тогда оказывается, что нашъ матеріальный процессъ ни на какихъ своихъ стадіяхъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ исключительно матеріальный процессъ. Мы можемъ утверждать только, что нашъ матеріал

ный процессъ только потому, что онъ переходитъ въ извѣстную стадію, является въ то же время и духовнымъ процессомъ. Но онъ неизбѣжно переходитъ въ эту стадію, эта стадія не есть нѣчто отдѣльно существующее, а только искусственно выдѣленная часть его, и потому онъ весь, какъ единый, цѣльный фактъ, является матеріальнымъ эквивалентомъ сознанія. Но, переходя на почву практики науки, мы неизбѣжно разлагаемъ этотъ процессъ на отдѣльныя звенья и, примѣняя начало причинности, говоримъ съ свойственной наукѣ искусственностью, что матеріальный причинный рядъ является той основой, на которой выростаетъ духовный рядъ.

Въ практикѣ науки мы можемъ смѣло оперировать съ этимъ положеніемъ, но мы никогда, конечно, не должны забывать, что мы правы только постольку, поскольку право начало причинности, а послѣднее право только постольку, поскольку оно содержитъ въ себѣ въ зародышѣ діалектику.

Поскольку мы устанавливаемъ это отношеніе теоріи науки къ практикѣ ея, *діалектическій монизмъ становится у насъ въ то же время діалектическимъ матеріализмомъ.*

П. Неждановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

———

Восточно-азіатскій кризисъ и политическое положеніе Японіи.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ Бисмаркъ въ одномъ разговорѣ сказалъ, что будущая великая война непремѣнно должна разыграться на востокѣ. Предвидѣлъ ли онъ, что „Drang nach Osten“ неминуемо приведетъ къ коллизіи европейскіе интересы, или что быстро развивающаяся Японія заявитъ свои притязанія и вступитъ въ соперничество съ европейскими державами, — во всякомъ случаѣ онъ оказался пророкомъ, такъ же, какъ и японскій графъ Окума, заявившій въ японскомъ парламентѣ лѣтъ десять тому назадъ, что „въ срединѣ 20-го столѣтія Японія сразится съ Европой въ степяхъ Сибири, за міровое господство“.

Несомнѣнно, что восточно-азіатскій кризисъ, приведшій къ войнѣ, подготовлялся давно. Со времени вмѣшательства Россіи въ Симоносекскій миръ ея отношенія къ Японіи приняли болѣе или менѣе непріязненный характеръ, въ особенности обострившійся вслѣдствіе стремленія японцевъ занять господствующее положеніе въ Восточной Азіи и подчинить своему вліянію Корею. Поступательное движеніе Россіи къ Тихому Океану и перенесеніе центра тяжести русской политики на Дальній Востокъ неминуемо должны были привести ее къ столкновенію съ Японіей, населенію которой становилось все болѣе и болѣе тѣсно на островахъ.

Театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ происходитъ теперь борьба за преобладаніе, обнимаетъ область четырехъ государствъ: Россіи, Китая, Кореи и Японіи, но восточно-азіатскія страны имѣютъ очень мало общаго съ другими странами свѣта, условія ихъ совсѣмъ особенныя и притомъ онѣ населены расами, обладающими собственною цивилизаціей, и естественныя богатства ихъ достаточно велики.

Несмотря на свое очень древнее существованіе, восточно-

азіатскія государства лишь очень недавно вступили въ кругъ современной исторіи. Китай, напр., существовавшій уже за три тысячи лѣтъ до наступленія христіанской эры, былъ совершенно закрытъ для европейцевъ вплоть до XIII столѣтія, а Японія вступила въ сношенія съ иностранными правительствами, лишь просуществовавъ, по крайней мѣрѣ, около 1900 лѣтъ. Что же касается Кореи, то она совсѣмъ недавно выплыла наружу и пріобрѣла значеніе въ глазахъ Европы только потому, что она является яблокомъ раздора между Японіей и Россіей, благодаря своему географическому положенію.

Несмотря на различіе своего характера, наклонностей, образа жизни и окружающихъ условій, народы Дальняго Востока имѣютъ одну главную общую черту—нелюбовь къ иностранцамъ, съ которыми они лишь противъ воли вступаютъ въ сношенія. Постепенное открытіе Дальняго Востока было дѣломъ лишь послѣднихъ трехъ столѣтій, а за послѣдніе годы произошли настолько большія перемѣны въ этомъ отношеніи, что теперь уже все вниманіе западныхъ державъ направлено туда. Замѣчательные успѣхи, сдѣланные Японіей за послѣднія 50 лѣтъ, выдвинули ее на первый планъ, и мечты японскихъ государственныхъ дѣятелей, стремившихся къ тому, чтобы Японія сдѣлалась равноправнымъ членомъ европейскаго концерта, болѣе или менѣе осуществились.

Однако, Японія всего лишь въ половинѣ 19-го столѣтія вступила въ формальныя сношенія съ западными державами, и ея современная исторія начинается собственно съ подписанія договора съ Америкой въ 1854 году—перваго договора, заключеннаго съ иностранною державой и открывшаго американцамъ два порта: Симода и Хакодате. За американцами, конечно, послѣдовали и другія державы, въ томъ числѣ и Россія, и въ число открытыхъ портовъ былъ включенъ Нагасаки. Съ этого момента Японія быстрыми шагами двинулась впередъ и, вступивъ въ соприкосновеніе съ европейцами, вошла въ ряды цивилизованныхъ державъ. Уже въ 1874 году японскому правительству былъ представленъ меморандумъ о введеніи парламентскаго режима и въ слѣдующемъ же году приступлено къ разработкѣ этой реформы, но внутреннія смуты и волненія, вызванныя борьбой между старою и новою партіей, затягивали дѣло прогресса. Въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ въ Японіи шла очень усердная работа, имѣвшая цѣлью подготовить реформу центральнаго управленія и преобразовать министерства по западно-европейскому образцу, и, наконецъ, въ январѣ 1889 года была обнародована новая конституція, дѣйствующая и понынѣ.

Отношенія къ европейцамъ, со времени преобразованія Японіи въ конституціонное государство, были вполнѣ мирными и дружественными, что было вполнѣ естественно, такъ какъ Японія нуждалась въ нравственной поддержкѣ Европы. Число иностранцевъ въ Японіи постоянно возрастало; въ промышленности и

торговлѣ мало-по-малу первое мѣсто заняли англичане, а въ военномъ дѣлѣ и наукѣ—нѣмцы. Однако, стараясь извлечь возможную пользу изъ иностранцевъ, изъ ихъ труда, знаній и капитала, Японія все таки постоянно заботилась о томъ, чтобы сохранить самостоятельность по отношенію къ Европѣ и стоять съ нею на равной ногѣ.

Съ русскими японцы впервые вступили въ непосредственное соприкосновеніе въ 1780 году. Японское судно потерпѣло крушеніе у сибирскаго берега, и экипажъ его, спасенный русскими поселенцами, былъ отправленъ въ Иркутскъ, гдѣ японцы должны были обучить своему языку русскихъ, взявшихъ ихъ въ плѣнъ. Это знакомство съ японцами побудило русскихъ отправиться въ неизвѣстную страну, откуда явились ихъ плѣнные, и попробовать завязать сношенія съ японцами, но попытки эти были неудачны. Въ 1803 г. предположено было отправить въ Японію русское посольство, чтобы завязать торговыя сношенія, но переговоры, которые велись по этому поводу въ Нагасаки, также потерпѣли неуспѣхъ. Посольство вернулось въ Петербургъ ни съ чѣмъ. Однако, русскіе не оставляли своихъ плановъ. Въ 1806 году два русскихъ судна подошли къ японскому поселенію на Сахалинѣ, Кушункотанъ, и когда жители выразили неудовольствіе по случаю ихъ прихода, то русскіе напали на поселеніе, разграбили, сожгли его и захватили въ плѣнъ много японцевъ и айносовъ. Въ храмѣ была сдѣлана надпись, угрожающая японцамъ дальнѣйшими репрессіями, если они будутъ упорствовать въ своемъ отказѣ завязать торговыя сношенія съ Сибирью. Въ слѣдующемъ же году русскіе сдѣлали такую же высадку въ Итуруну, на Курильскихъ островахъ; жители, не оказавъ никакого сопротивленія пришельцамъ, бѣжали. Въ Японіи это вызвало переполохъ и были приняты мѣры къ укрѣпленію береговъ и даже приступлено было къ постройкѣ крѣпостей противъ русскихъ. Разумѣется, японцы только ждали случая, чтобы отомстить русскимъ, и этотъ случай представился въ 1811 году, когда была послана подъ командою лейтенанта Головнина экспедиція въ Охотское море для описанія южной части Курильскихъ острововъ. Японцы напали на него, когда онъ вмѣстѣ съ другими своими спутниками находился на берегу, и увели его плѣнъ, откуда онъ былъ освобожденъ лишь послѣ двухъ лѣтъ. Послѣ этого надолго, почти до вступленія въ управленіе Восточною Сибирью Муравьева-Амурскаго, прекратились всякія попытки русскихъ заставить упрямыхъ японцевъ заключить съ ними торговый договоръ, но въ 1875 году состоялся обмѣнъ части Курильскихъ острововъ на Сахалинъ и затѣмъ, спустя 20 лѣтъ послѣ этого, Россія, наравнѣ съ прочими державами, заключила съ Японіей договоръ о торговлѣ и мореплаваніи.

Гораздо удачнѣе были попытки американцевъ завязать правильныя сношенія съ японцами. Какъ только американцы заключили съ Японіей торговый договоръ, то Англія немедленно

пожелала добиться такихъ же преимуществъ, и адмиралъ Стерлингъ подписалъ договоръ съ Японіей въ Нагасаки.

Однако, подписаніе этихъ договоровъ вызвало сильное неудовольствіе въ японскомъ народѣ. Сіогуна обвиняли въ томъ, что онъ продалъ свою страну, что онъ превысилъ свои полномочія и поступилъ какъ измѣнникъ, и т. п. Возбужденіе народа все возрастало и можно было ожидать бури. Согласно договору американцы получили право назначить своего консула въ Японіи, что и было сдѣлано, но хотя японцы и допустили у себя присутствіе иностранца въ качествѣ официальнаго лица, но они все таки не могли никакъ примириться съ новымъ положеніемъ вещей, и только благодаря умѣнью и такту американскаго консула Тоунссида Гарриса ему удалось удержаться на своемъ посту. Тѣмъ не менѣе въ 1861 году вспыхнуло возмущеніе, и секретарь американскаго посольства былъ убитъ. Преслѣдованія иностранцевъ продолжались до переворота, происшедшаго въ 1867 году, когда сдѣлался правителемъ страны Микадо послѣ своего тысячелѣтняго бездѣйствія. Враждебность къ европейцамъ, преимущественно поддерживаемая высшими классами, прекратилась мало-по-малу совершенно. Но взамѣнъ все болѣе обострялись отношенія съ Китаемъ, закончившіяся вооруженною борьбой изъ за преобладанія въ Кореѣ. Война эта имѣла огромное значеніе. Во первыхъ, она обнаружила успѣхи, сдѣланные Японіей въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, а во вторыхъ, она способствовала усиленію самоувѣренности японцевъ. Но упрочиться на азіатскомъ материкѣ японцамъ не удалось вслѣдствіе вмѣшательства Россіи, Франціи и Германіи, отнявшихъ у Японіи плоды ея побѣдъ. Квантунъ былъ возвращенъ Китаю подъ давленіемъ этихъ трехъ державъ, а затѣмъ уступленъ Россіи, и Японія, конечно, не можетъ забыть своего глубокаго разочарованія. Протестъ этихъ трехъ державъ вызвалъ въ Японіи такое сильное негодованіе, что японское правительство даже не рѣшилось заключить мира, опасаясь, что согласіе на требованіе державъ вызоветъ національное возстаніе. Но въ концѣ концовъ японцы все таки поняли, что имъ не подъ силу была бы борьба съ первоклассными военными державами, и покорились.

Окончательному упроченію политическаго положенія Японіи среди европейскихъ державъ способствовали китайскія волненія 1900—1901 гг. Японія участвовала въ подавленіи возстанія и вступилась за христіанъ, такъ что явилась собратомъ по оружію всѣмъ христіанскимъ державамъ. Послѣднимъ же актомъ, санкціонирующимъ международное положеніе Японіи, былъ, конечно, союзъ Японіи съ Европейскою великою державой—Англіей. Благодаря ему Японія вступила въ сферу европейскихъ политическихъ интересовъ и заняла такое мѣсто, съ которымъ приходится считаться не только ея ближайшимъ сосѣдямъ, но и соперничествующимъ съ нею европейскимъ державамъ.

Въ настоящее время Японія представляетъ монархическую

ограниченную державу. Наслѣдственный государь—Микадо, пользующійся верховною властью. Онъ можетъ объявлять войну и заключать миръ и торговые договоры съ иностранными державами и утверждать законы, исполнительную же власть съ нимъ раздѣляютъ отвѣтственные министры, а законодательную—парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ, палаты пэровъ и палаты депутатовъ, созываемыхъ ежегодно. Палата пэровъ состоитъ изъ 300 членовъ, пожизненныхъ и временныхъ, выбираемыхъ на семь лѣтъ; палата же депутатовъ—изъ 369. Избирателями могутъ быть всѣ японцы мужского пола не моложе 25 лѣтъ и платящіе не менѣе 10 іенъ прямыхъ налоговъ, но дѣйствительнымъ распорядителямъ судебъ страны, въ сущности, является въ Японіи министерство, неотвѣтственное передъ парламентомъ, какъ въ Германіи, правительственная система которой была взята за образецъ японскими государственными людьми.

Само собою разумѣется, что введеніе представительнаго образа правленія въ Японіи благопріятствовало образованію политическихъ партій. Приверженцы старины не могли, конечно, примириться съ новымъ порядкомъ вещей и продолжали агитацію, но японскіе прогрессисты, въ свою очередь, не дремали. Еще до введенія парламентскаго режима, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ странѣ разъѣзжали ораторы и вездѣ, гдѣ собирался народъ, они собирались къ нему и доказывали ему необходимость государственной реформы, говорили ему о правахъ человѣка и при этомъ не разъ, если имѣли дѣло съ болѣе образованною публикой, ссылались на такіе авторитеты, какъ Милль, Спенсеръ, Боало, Руссо и Монтескье съ идеями которыхъ они, очевидно, были хорошо знакомы. Благодаря такой усердной пропагандѣ удалось въ 1880 году собрать народныхъ делегатовъ изъ всѣхъ провинцій для представленія петиціи Микадо. Эти делегаты нахлынули въ Токіо словно потокъ и такъ какъ въ столицѣ они встрѣтили очень холодный пріемъ, то и собрались около министерства, чтобы вынудить его принять петицію. Тогда то и было рѣшено главарями движенія организовать политическую партію, назвавъ ее „Jiu-to'" (либералы), главою которой сталъ Итагаки Тансуке, получившій впослѣдствіи графскій титулъ. Вліяніе этой партіи быстро возрастало. Спустя два года Окума, также получившій потомъ графскій титулъ, бывшій министръ финансовъ, образовалъ новую партію „Kaishin-to" (реформисты), въ составъ которой вошли молодые люди и капиталисты страны. Эти двѣ партіи и по-сейчасъ пользуются вліяніемъ въ Японіи. Третья партія имперіалистовъ—„Teisei-to" была организована подъ покровительствомъ правительства и скоро исчезла. Первая изъ этихъ партій являлась представительницею радикальныхъ идей, вторая—умѣренныхъ, а третья—консервативныхъ. Нѣкоторые же изъ либераловъ исключительно вдохновлялись идеями Руссо.

Въ 1882 году произошло покушеніе на Итагуми, главу либераловъ, который отправился въ провинцію Мино, чтобы про-

изнести рѣчь. Изъ толпы отдѣлился какой то молодой человѣкъ и ударилъ его мечомъ съ крикомъ: „Измѣнникъ!" Убійца былъ ярымъ консерваторомъ; это былъ учитель первоначальной школы. Глава либеральной партіи, обливаясь кровью, упалъ, произнося слѣдующія слова: „Итагуми можетъ умереть, но свобода не умретъ вмѣстѣ съ нимъ!" Но, къ счастью, онъ не умеръ; рана оказалась не опасной.

Послѣ открытія парламента либеральная партія была реорганизована, а спустя годъ послѣ этого, была основана національная партія; теперь она называется „имперской партіей"— „Teikoku-to". Политика Японіи съ 1890 по 1894 была исключительно поглощена интересами главныхъ партій, но когда вспыхнула японско-китайская война, то парламентъ былъ охваченъ патріотическимъ духомъ. Депутаты самымъ рыцарскимъ образомъ отказались отъ всѣхъ своихъ партійныхъ раздоровъ, отъ частныхъ интересовъ, и безъ всякихъ оговорокъ и условій согласились поддерживать правительство, противъ котораго до этого вели самую ожесточенную оппозицію. Кредитъ въ полтораста милліоновъ іенъ на военныя нужды былъ вотированъ единогласно.

По заключеніи мира оппозиціонныя партіи поставили правительству въ вину то, что оно отступило передъ угрозами Россіи и отдало Квантунъ. Но, исходя изъ того убѣжденія, что не стоитъ „проливать слезы о потерянномъ", а надо готовиться къ будущему, обѣ партіи, либераловъ и прогрессистовъ, соединились вмѣстѣ, ради этого будущаго, и начали къ нему готовиться. Вмѣшательство европейскихъ державъ въ мирный договоръ между Японіей и Китаемъ привело къ тому, что Японія, вынужденная уступить, затаила свою вражду до поры-до времени и сосредоточила всѣ свои усилія на развитіе своихъ военныхъ и морскихъ силъ, на расширеніе своей торговли и вообще всѣхъ рессурсовъ страны. Маленькій народъ готовился при первомъ же удобномъ случаѣ отомстить за свои поруганныя права и занять равноправное мѣсто между державами.

Къ европейцамъ японцы не питаютъ особенныхъ симпатій и не преклоняются передъ ихъ культурой. Если они и заимствуютъ изъ нея многое, то не изъ чувства подражанія европейцамъ, а изъ практическихъ соображеній. Люди, долго прожившіе въ Японіи, съ похвалою отзываются о ихъ характерѣ. Японцы смѣлы, не боятся смерти, дисциплинированы и горячо привязаны къ своей родинѣ. Этотъ патріотизмъ составляетъ ихъ главную черту. Но зато европейскіе коммерсанты, какъ это можно видѣть изъ отзывовъ, печатающихся теперь въ нѣмецкихъ газетахъ, очень нелестно отзываются о японцахъ съ точки зрѣнія дѣловыхъ сношеній. Они говорятъ, что съ китайскими купцами можно всѣ сдѣлки, даже самыя крупныя, заключать словесно, съ японцами же это невозможно, такъ какъ они никогда не выполняютъ въ точности взятыхъ на себя обязательствъ, торговыхъ или денежныхъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи Головнинъ, пробывшій два года въ плѣну у японцевъ, писалъ, что „въ Японіи нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать и не зналъ бы законовъ своего отечества“. Дѣйствительно, благодаря неограниченному числу школъ и дешевизнѣ обученія, неграмотныхъ въ Японіи не было; съ появленіемъ же европейцевъ, среди которыхъ преобладали англичане, въ Японіи началъ входить англійскій языкъ и стали изучаться нѣкоторыя науки. Послѣ государственнаго переворота японское правительство рѣшило организовать просвѣщеніе по европейскому образцу, при чемъ вначалѣ учителями японцевъ были американцы, потомъ французы, англичане и, наконецъ, нѣмцы. Эти послѣдніе утвердились окончательно, и въ университетѣ въ Токіо нѣмецкіе профессора и ихъ бывшіе ученики занимаютъ до сихъ поръ преобладающее положеніе.

Относительно распространенія просвѣщенія въ Японіи любопытныя данныя приведены въ книгѣ полковника Богуславскаго, изданной Главнымъ Штабомъ. Богуславскій сопоставляетъ Россію и Японію за 1896 г. и приходитъ къ не совсѣмъ благопріятнымъ результатамъ для нашего отечества. Вотъ эти цыфры. Въ Россіи (исключая Финляндію) нижнихъ школъ разныхъ вѣдомствъ насчитывается 78,724; учащихъ—113,984, а учащихся—3,779,818. Въ Японіи же народныхъ школъ — 26,835; учащихъ —76,093; а учащихся—3,877,981. Въ итогѣ получается разница въ 100 учениковъ въ пользу Японіи, населеніе которой на 85 милліоновъ меньше населенія Россіи!

Въ японскихъ школахъ не существуетъ религіознаго обученія и вмѣсто религіозныхъ догматовъ въ низшихъ и среднихъ школахъ преподаютъ нравственныя правила. Англійскій языкъ преподается какъ обязательный предметъ въ среднихъ школахъ, а какъ не обязательный—въ низшихъ. Въ лицеяхъ же преподаются французскій и нѣмецкій языки.

Для высшаго образованія существуетъ въ Токіо университетъ съ пятью факультетами: медицинскимъ, юридическимъ, историко-филологическимъ, естественнымъ и технологическимъ. Въ 1898 г. въ этомъ университетѣ числилось 2,463 студента и 209 профессоровъ, изъ нихъ 8 нѣмцевъ, два англичанина, два француза и и два американца. Японскіе медики и юристы обыкновенно обучаются въ Германіи. Лекціи читаются, даже нѣкоторыми японскими профессорами, на англійскомъ языкѣ. По отзыву всѣхъ профессоровъ японскіе студенты отличаются большимъ трудолюбіемъ. Другой университетъ открытъ въ Кіото (переименованъ изъ миссіонерской школы) и еще предполагается открыть два.

За послѣдніе годы японскія высшія учебныя заведенія привлекаютъ къ себѣ студентовъ другихъ восточныхъ національностей, преимущественно китайцевъ, корейцевъ и даже уроженцевъ Индіи; есть даже сіамцы, а два года тому назадъ пріѣхали для поступленія въ японскій университетъ восемь молодыхъ людей изъ Непала, независимаго государства въ Гималаяхъ.

Въ данный моментъ особенный интересъ представляетъ для насъ состояніе военныхъ и морскихъ силъ Японіи. На эту сторону, конечно, было обращено спеціальное вниманіе Японіи. Заботясь о распространеніи просвѣщенія въ странѣ, развитіи промышленности и торговли, Японія не упускала изъ виду своей главной цѣли, къ которой стремилась и ради которой она должна была сдѣлаться первоклассною военною и морскою державой. По отзыву компетентныхъ людей и, между прочимъ, полковника Богуславскаго, японская армія, обучаемая и организованная по европейски и пополняемая значительнымъ по численности, единоплеменнымъ, грамотнымъ и патріотичнымъ населеніямъ, можетъ быть очень серьезнымъ противникомъ. Въ общемъ, численность японской арміи равняется 360,000, а ополченіе — 500,000. Что касается флота, то и онъ развивался такъ же быстро и въ настоящее время состоитъ изъ 168 судовъ самой новѣйшей конструкціи; общее водоизмѣщеніе: 265 тысячъ тоннъ. Несомнѣнно, что этотъ флотъ представляетъ серьезную военную силу, тѣмъ болѣе, что и въ сратегическомъ отношеніи положеніе его очень выгодно.

Эти цыфры, такъ же какъ и черты характера японскаго народа и вся его исторія, указываютъ, что въ японцахъ мы имѣемъ серьезныхъ противниковъ. Растущее населеніе Японіи нуждается въ выходѣ. Площадь обрабатываемой земли слишкомъ мала и не въ состояніи удовлетворить потребностямъ увеличивающагося населенія и поэтому малоземелье составляетъ главный недостатокъ экономической жизни Японіи и побуждаетъ ея населеніе къ эмиграціи, къ мирному завладѣнію сосѣдними территоріями, въ случаѣ необходимости, и къ насильственному захвату. Корея представляетъ именно такую территорію.

Исторія Кореи также указываетъ замѣчательное упорство ея жителей не допускать иностранцевъ въ предѣлы своей страны. Вслѣдствіе своего положенія между японіей и Китаемъ, Корея не разъ служила предметомъ вожделѣній и должна была отбиваться отъ вооруженной силы обоихъ государствъ, смотрѣвшихъ на нее какъ на лакомый кусочекъ. Въ то время, какъ китайцы совершали свои набѣги и посягательства на независимость сѣверной и западной Кореи, японцы часто высаживались въ ея восточныхъ провинціяхъ. Въ началѣ VII столѣтія Японія объявила войну Китаю изъ за Кореи, но потерпѣла пораженіе, однако, борьба возобновлялась много разъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ, повидимому, сильнѣе укрѣплялось у японіи желаніе завладѣть Кореей, отчасти поддерживаемое и обстоятельствами. Японцамъ некуда было дѣваться. Индо-Китай, благодаря строгимъ фискальнымъ мѣропріятіямъ, былъ закрытъ для японцевъ, которые не могли поэтому основать тамъ свой очагъ, Зондскіе острова ревниво оберегали отъ нихъ голландцы, а въ Китаѣ даже самимъ китайцамъ зачастую приходилось погибать съ голоду. Оставалась Корея, которая какъ бы самою судьбою была предназначена для того, чтобы воспринимать избытокъ

японскаго населенія. Въ землѣ, годной для культуры, тамъ нѣтъ недостатка, а населеніе ея составляетъ не болѣе 10 милліоновъ и притомъ это въ высшей степени кроткій, безпечный и лѣнивый народъ: японцамъ лучше всѣхъ были извѣстны какъ природныя богатства Кореи, такъ и плодородіе ея почвы. Ни суровость климата, ни вѣковыя права землевладѣнія не служили имъ тутъ препятствіемъ и поэтому естественно, что въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ японцы добивались завладѣть Кореей. Послѣдній, рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ ею въ 1894 г., когда она, воспользовавшись смутами въ южной Кореѣ, стала переправлять туда свои войска, одновременно съ китайскими. Но тутъ прежде всего произошли недоразумѣнія между командирами китайскаго и японскаго войска. Китайцы утверждали, что Китай находится въ своемъ правѣ, посылая войска въ Корею, ибо Корея вассальное государство Китая; японцы же не хотѣли соглашаться съ этимъ и доказывали, что они имѣютъ равныя права съ китайцами въ Кореѣ. Эти пререканія въ концѣ концовъ привели къ кризису. Китайцы издали прокламацію, требующую, чтобы бунтовщики сложили оружіе, и въ этой прокламаціи обращались къ Кореѣ, какъ къ вассальному государству. Это разсердило японцевъ, которые отвѣтили на корейское воззваніе тѣмъ, что потребовали реформы корейскаго правительства и обратились къ Китаю за поддержкою своего требованія. Китай очутился, такимъ образомъ, передъ альтернативой, либо поддерживать никуда негодное корейское правительство, бывшее причиною безпорядковъ, либо выступить противъ него, послѣ того какъ послалъ свои войска для оказанія ему поддержки. Китай избралъ первое. Раздраженная отказомъ Китая, Японія составила программу реформы и предъявила ее корейскому правительству. Однако, въ отвѣтъ ей было заявлено требованіе удалить свои войска. Тогда Японія послала Кореѣ ультиматумъ: если черезъ три дня реформы не будутъ приняты, то она введетъ ихъ силой. Это было 20-го іюля 1894 г., а 22-го корейское правительство заявило Японіи, что имъ призваны китайскія войска въ Корею и что они останутся тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ присутствіе будетъ признаваться необходимымъ.

Японцы приняли это заявленіе, какъ объявленіе войны, и войскамъ было приказано произвести нападеніе на дворецъ. Стража была прогнана и корейскій король взятъ въ плѣнъ. Послѣ сраженія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, японцы овладѣли городомъ и издали прокламацію, возвѣщающую о наступленіи новой эры въ Кореѣ. Были приняты тотчасъ же мѣры къ осуществленію реформъ. Консервативная партія была изгнана, смѣщенный регентъ снова возвращенъ и ему было поручено введеніе реформъ, и затѣмъ уже побѣдители-японцы принялись за китайскія войска, которыя они намѣревались прогнать съ корейской территоріи.

Таковы были событія, которыя привели къ войнѣ между

Китаемъ и Японіей. Корея собственно потерпѣла мало въ этой войнѣ, и будь у нея достаточно энергіи и нравственной силы, то она, конечно, воспользовалась бы случаемъ, чтобы произвести въ странѣ переворотъ. Но она не сумѣла этого сдѣлать и противъ воли приняла навязанныя ей насильственно реформы. Повинуясь давленію этой державы, корейское правительство отмѣнило наслѣдственные чины, дававшіе право на занятіе извѣстной должности; рабство и браки дѣтей были объявлены противозаконными, затѣмъ народу было даровано право петиціи и введенъ христіанскій календарь въ странѣ. Въ январѣ 1895 г. корейскій король отправился въ паломничество на могилу своихъ предковъ и торжественно отрекся отъ своихъ вассальныхъ отношеній къ Китаю. Формальное объявленіе страны независимымъ государствомъ было отпразднована сооруженіемъ тріумфальной арки, какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ былыя времена корейскіе короли должны были ожидать китайскихъ посланныхъ и выполнять „котоу"—обрядъ преклоненія, въ знакъ своей подвластности Китаю.

По окончаніи корейской кампаніи японскій императоръ отправилъ въ Корею графа Инуе, въ качествѣ резидента при корейскомъ дворѣ. Съ прибытіемъ этого японскаго государственнаго дѣятеля въ Кореѣ началась усиленная дѣятельность по введенію реформъ. Военная система была реорганизована, а также провинціальное управленіе, и учреждена почта. Этотъ періодъ японскаго господства въ Кореѣ совпадаетъ съ наибольшимъ развитіемъ ея благосостоянія, но вмѣстѣ съ этимъ и вліяніе Японіи сильно возросло, а торговля ея такъ расширилась, что въ 1895 году въ ея рукахъ фактически находилось почти все судоходство, а также всѣ главные банки и торговыя учрежденія въ Кореѣ.

Графъ Инуе уѣхалъ изъ Кореи осенью 1895 года, а къ этому времени тамъ уже насчитывалось до 8,000 японскихъ поселенцевъ. Но послѣ его отъѣзда начались безпорядки, вызванные корейскою королевой, преданной Китаю и поэтому агитировавшей среди безпокойныхъ тонгаковъ, которыхъ она побуждала къ возстанію. Произошли мѣстныя волненія, результатомъ которыхъ былъ выходъ въ отставку всѣхъ министровъ, а затѣмъ былъ изобрѣтенъ заговоръ, будто бы направленный къ ниспроверженію короля, и пятеро министровъ, обвиненные въ этомъ заговорѣ, были казнены. Смута все возрастала и, наконецъ, возмутившіяся войска, къ которымъ присоединились и нѣкоторые буйные японцы, недовольные положеніемъ вещей, ворвались во дворецъ и убили королеву, а потомъ выбросили ея тѣло на улицу и сожгли ее. Вслѣдъ затѣмъ была расклеена подложная прокламація отъ имени короля, обвинявшая покойную королеву и лишавшая ее королевскаго достоинства.

Всѣ эти событія сильно повредили японцамъ въ странѣ. Разсчитывая вернуть свой престижъ, они отправили въ Сеулъ войско и устроили королевѣ пышныя похороны, затѣмъ были изданы

эдикты, вводящіе различныя реформы и, между прочимъ, предписывающіе корейцамъ обрѣзать волосы и вообще усвоить себѣ видъ цивилизованнаго народа. Во дворцѣ распоряжались японцы, и король, въ ихъ рукахъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ плѣнника.

Японцы зашли слишкомъ далеко; въ особенности указъ, предписывающій стрижку волосъ, возмутилъ корейцевъ. Король, не довѣряя и боясь японцевъ, рѣшилъ бѣжать, и дѣйствительно ему удалось незамѣтно ускользнуть изъ дворца, переодѣтымъ слугой, и спрятаться въ русскомъ посольствѣ. Почувствовавъ себя въ безопасности, подъ покровительствомъ русскаго консула, король издалъ прокламацію, предписывающую казнить министровъ, и на слѣдующій же день были убиты первый министръ и министръ земледѣлія и тѣла ихъ разрублены на куски на улицахъ Сеула. Послѣ этого, вмѣсто министерства, былъ организованъ національный совѣтъ.

Разумѣется, японцы были очень встревожены такимъ оборотомъ дѣлъ и опасались, что русское вмѣшательство въ корейскія дѣла сильно повредитъ ихъ интересамъ Начались переговоры между Японіей и Россіей, закончившіеся подписаніемъ договора въ Сеулѣ, устанавливающаго права обоихъ государствъ въ Кореѣ. Вскорѣ послѣ этого король избралъ себѣ другую королеву и принялъ титулъ императора.

Японцы поняли свои ошибки и думали поправить дѣло, издавъ декларацію, въ которой они излагали свою политическую программу въ Кореѣ. Въ этой деклараціи заявлялось, что японскія войска останутся въ Кореѣ, но не для вмѣшательства въ дѣла страны, а для охраны японскаго посольства и обезпеченія спокойствія въ странѣ; при этомъ Японія обязывалась отозвать свои войска, какъ только присутствіе ихъ сдѣлается ненужнымъ и корейцы сами въ состояніи будутъ поддерживать порядокъ у себя дома.

Поступокъ короля, отдавшаго себя подъ покровительство русскихъ, конечно, далъ поводъ Россіи ко вмѣшательству въ корейскія дѣла. Въ Чемульпо были высажены 200 казаковъ, которые и отправились въ Сеулъ для охраны посольства. Японцы постепенно убрали свои войска изъ Кореи. Между тѣмъ сближеніе корейскаго императора съ Россіей все увеличивалось и ознаменовалось отправленіемъ корейскаго посольства въ Петербургъ, гдѣ ему былъ оказанъ въ высшей степени радушный пріемъ. Посольство вернулось съ подарками, заключающимися въ извѣстномъ количествѣ ружей и аммуниціи. Кромѣ того, Россія предложила командировать въ корейскую армію своихъ офицеровъ, въ качествѣ инструкторовъ. Предложеніе это было принято и заключенъ договоръ, по которому всѣ территоріальные и финансовые рессурсы Кореи фактически отдавались въ руки Россіи, и Японія была совершенно исключена изъ этого новаго соглашенія.

Разумѣется, Японія всполошилась и довольно рѣзко поставила на видъ Россіи, что такой односторонній договоръ не мо-

жетъ имѣть мѣста, и потребовала другого, который обезпечивалъ бы равныя права обѣихъ державъ въ Кореѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ въ 1898 году, въ Токіо, былъ заключенъ договоръ, въ которомъ обѣ страны признавали независимость Кореи и обязывались не дѣлать никакихъ попытокъ ко вмѣшательству во внутреннее управленіе страны путемъ назначенія своихъ военныхъ командировъ или чиновниковъ. Кромѣ того, Россія обязывалась, далѣе, не вмѣшиваться въ коммерческія или промышленныя отношенія между Японіей и Кореей.

Однако, несмотря на такой договоръ, Японія продолжала съ большою подозрительностью относиться ко всѣмъ дѣйствіямъ Россіи, особенно къ усиленію русскаго отряда въ Кореѣ и къ пріобрѣтенію русскими территоріальныхъ концессій въ корейскихъ гаваняхъ. Японія въ особенности боялась укрѣпленія Россіи на южномъ берегу Кореи, такъ какъ это значительно усилило бы положеніе Россіи въ восточной Азіи и доставило бы ей возможность господствовать надъ входомъ въ Печилійскій заливъ и надъ Японскимъ моремъ. Кромѣ того, Россія имѣла бы въ Кореѣ станцію на полпути между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ и вообще положеніе ея на Дальнемъ Востокѣ много бы выиграло отъ этого. Опасаясь такого оборота, Японія противилась всѣми силами усиленію вліянія Россіи въ Кореѣ, поддерживаемая къ тому же Великобританіей, также не желавшей слишкомъ близкаго сосѣдства Россіи со своею сферою вліянія.

Корейское правительство организовано на китайскій образецъ, но личное вліяніе императора въ Кореѣ гораздо больше, чѣмъ въ Китаѣ, а власть чиновниковъ нѣсколько болѣе ограничена. Императоръ управляетъ страной съ помощью кабинета министровъ, которыхъ онъ можетъ смѣнить во всякое время. Наибольшая разница между Кореей и Китаемъ заключается въ классификаціи народа. Въ Кореѣ нѣтъ средняго класса, и населеніе состоитъ изъ аристократіи или чиновниковъ и народной массы, чрезвычайно бѣдной, необычайно лѣнивой, безпечной и въ высшей степени грязной; зато корейскіе чиновники не такъ подкупны, какъ китайскіе, и гораздо болѣе китайцевъ интересуются государственными дѣлами. Интриги, впрочемъ, составляютъ самое обычное явленіе, такъ же, какъ и дворцовые заговоры. Открытіе Кореи для иностранцевъ внесло какъ будто струю свѣжаго воздуха въ страну, и среди высшихъ чиновниковъ начали раздаваться голоса въ пользу реформы, но все же реакціонное направленіе беретъ верхъ, а народъ слишкомъ лѣнивъ и равнодушенъ къ какимъ бы то ни было перемѣнамъ въ своемъ положеніи. Во всякомъ случаѣ шансы на то, чтобы Корея могла самостоятельно развиваться и существовать, какъ независимое государство, очень невелики. Она съ незапамятныхъ временъ находилась подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что, рано или поздно, она будетъ поглощена какою нибудь сильнѣйшею державой. Китай, разумѣется, не идетъ теперь въ счетъ;

онъ и самъ близокъ къ разрушенію, и поэтому естественно, что рѣшеніе корейской проблемы должно принадлежать только Россіи и Японіи, двумъ главнымъ соперничествующимъ державамъ на Дальнемъ Востокѣ.

Корея, съ европейской точки зрѣнія, имѣетъ болѣе политическое, нежели коммерческое значеніе. Страна эта невелика, а характеръ и привычки народа не благопріятствуютъ торговому развитію, но, благодаря своему географическому положенію и обилію прекрасныхъ гаваней вдоль берега, Корея явилась бы очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ какъ для Россіи, такъ и въ особенности для Японіи, стѣсненной своими границами и нуждающейся въ колоніальномъ расширеніи. Борьба изъ за Кореи, такимъ образомъ, должна была возникнуть рано или поздно, и эта борьба не только ставитъ на карту будущность японскаго народа, но исходъ ея долженъ оказать огромное вліяніе на равновѣсіе силъ въ Тихомъ океанѣ, потрясти самыя основы государствъ восточной Азіи. Что японцы понимаютъ это, доказывается, между прочимъ, разсужденіями нѣкоторыхъ, наиболѣе серьезныхъ органовъ японской печати теперь, когда уже началась война. Они предостерегаютъ японскую публику отъ слишкомъ легкомысленнаго отношенія къ этой войнѣ и особенно ставятъ на видъ то, что война съ Россіей—далеко не то, что война съ Китаемъ, и потребуетъ величайшаго напряженія силъ. Придется жертвовать послѣднею каплей крови и послѣднимъ грошомъ!—говорятъ японскія газеты, но при этомъ онѣ не скрываютъ, что это расовая война и что она открываетъ новую эпоху для монгольской расы. Нѣтъ сомнѣній, что Японія мечтаетъ о „желтомъ союзѣ", объединеніи Китайцевъ, Японцевъ и Корейцевъ подъ верховнымъ руководительствомъ Японіи. На это она смотритъ, какъ на свою національную миссію, и поэтому-то теперешняя война носитъ особенно серьезный характеръ.

Я. К.

Оскудѣніе центра.

I.

Было время—т. н. черноземный центръ представлялъ „золотое дно“, источникъ простора, хлѣбныхъ избытковъ. Населеніе центра было относительно рѣдко. Помимо удивительной земли, какіе были роскошные луга, какой обильный кормъ скоту! Сколько всякой дичи гуляло по луговымъ „мокринамъ“, по различнымъ озеркамъ, хоронившимся въ высокой, изумлявшей своимъ разнообразіемъ травѣ! „Благодать“—можно было сказать, глядя на все это природное богатство.

И вотъ увеличилось народонаселеніе, увеличились если не прямые, то косвенные налоги. Не остались на прежнемъ уровнѣ и потребности крестьянъ...

Все измѣнилось...

Въ настоящее время стоитъ проѣхать все это пространство, чтобы вынести прямо противоположное впечатлѣніе. Съ одной стороны, мы видимъ рядъ вновь выросшихъ городскихъ центровъ, гдѣ то слышится грохотъ поднимающейся промышленной жизни, съ другой... „Въ послѣднее время—пишетъ сельскій хозяинъ въ самомъ сердцѣ черноземной полосы—въ послѣднее время обширныя пространства плодородной земли превратились въ пустоши. Повсемѣстно въ губерніи наблюдается исчезновеніе прудовъ, высыханіе рѣкъ, образованіе овраговъ“. Казалось, эти губерніи съ ихъ знаменитымъ черноземомъ прокормятъ не только своихъ дѣдовъ, но и внуковъ съ избыткомъ—вѣдь, это районъ, климатъ котораго даетъ возможность воздѣлывать пшеницу, мѣстами свекловицу. На самомъ дѣлѣ, въ настоящее время подъ именемъ центра понимаютъ 9—10 губерній, хронически страдающихъ отъ неурожаевъ. Истощенная земля, безсильный скотъ, выродившіяся сѣмена — по отзывамъ всѣхъ знатоковъ дѣла, большинство

крестьянъ имѣетъ достаточное питаніе только до Рождества. Далѣе начинается недоѣданіе.

— Посмотри, что ты привезъ, какъ это молоть?—говорятъ мужику. Земли, мякины, всякой шелухи столько, что не увидишь зерна...

— Люди не свиньи—съѣдятъ...

Мужикъ хочетъ сказать, что даже свиньи не станутъ ѣсть того, что ѣдятъ въ житницѣ русской земли люди...

„И бѣдность, какъ болѣзнь, входитъ пудами, а выходитъ золотниками“...[1])

Интересы нашей „сельско-хозяйственной промышленности“ давно отступили на задній планъ. Ростъ капиталистическихъ центровъ, грандіозное желѣзнодорожное строительство, другія бьющія явленія промышленной жизни—вотъ что приковало къ себѣ вниманіе русской экономической политики. И если деревнѣ надо было пережить рядъ голодовокъ, „справиться съ которыми собственными силами населеніе оказалось не въ состояніи“, чтобы вернуть себѣ долю вниманія, то прежде всего завоевываетъ это вниманіе, конечно, центръ. Оскудѣніе центра — вотъ рамки, въ тискахъ которой былъ выдвинутъ вопросъ объ общемъ экономическомъ упадкѣ русской деревни. Естественно, сколько-нибудь дальновидной системы мѣропріятій, которыя могли бы поднять хотя бы хозяйственную жизнь земледѣльческаго центра, до сихъ поръ не предложено—тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ имѣетъ уже свою исторію.

Еще съ половины девяностыхъ годовъ министерство финансовъ занялось разработкой матеріаловъ объ экономическомъ положеніи центра, „которые, съ одной стороны, имѣлись въ распоряженіи департамента окладныхъ сборовъ, а съ другой—могли быть извлечены изъ существовавшихъ въ то время правительственныхъ статистическихъ изслѣдованій“[2]). Имѣвшіеся статистическіе матеріалы оказались, однако, недостаточными, почему, по инициативѣ бывшаго въ то время директоромъ департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго, весною 1899 года было образовано особое совѣщаніе изъ землевладѣльцевъ для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса. Въ трудахъ совѣщанія приняли участіе и нѣкоторыя должностныя лица министерства финансовъ,— въ результатѣ работъ явилось въ 1901 году составленное А. Д. Полѣновымъ „Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній. Труды особаго совѣщанія 1899—1901 г.г.“.

[1]) Н. В. Шелгуновъ. Очерки русской жизни.
[2]) Вѣстникъ Финансовъ, 1901 г., № 46.

Содержащіяся въ немъ данныя, взятыя опять таки изъ офиціальныхъ изданій, главнымъ образомъ, неизданныхъ матеріаловъ произведеннаго въ 1896 г. департаментомъ окладныхъ сборовъ изслѣдованія, обнимаютъ 35-лѣтній періодъ и касаются главныхъ показателей хозяйственнаго быта. Составляетъ ли упадокъ исключительную особенность центральныхъ земледѣльческихъ губерній или мы имѣемъ передъ собой явленіе, выходящее за предѣлы этой территоріи? Совѣщаніе взглянуло вполнѣ опредѣленно. По его мнѣнію, условія экономическаго развитія Россіи, создавшіяся послѣ паденія крѣпостного права, оказались исключительно неблагопріятными для центра, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи вліяніе ихъ отчасти ослаблялось, отчасти вовсе устранялось другими обстоятельствами, отсутствовавшими въ центрѣ. Мало того—„согласно указаніямъ большинства данныхъ, явленіе упадка центрально-черноземныхъ губерній не особенно давняго происхожденія, такъ какъ въ семидесятыхъ и даже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ не только не замѣчалось пониженнаго уровня благосостоянія этого района, но, напротивъ, онъ находился въ положеніи или равномъ, или лучшемъ сравнительно съ другими".[1]) Соотвѣтственно этому, совѣщаніе видѣло главную причину быстраго паденія крестьянскаго хозяйства центральныхъ земледѣльческихъ губерній въ измѣнившихся около этого времени условіяхъ хлѣбной торговли, выразившихся пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ.

Такая постановка вопроса вызвала въ свое время сочувствіе въ нѣкоторыхъ кругахъ общества. Всякому, знакомому съ бытомъ нашей деревни, однако, очевидно: совѣщаніе уклонилось отъ существа вопроса. И самое оскудѣніе началось задолго до 80-хъ годовъ, и маловажныя причины фигурируютъ на мѣстѣ первостепенныхъ. Въ свою очередь, и финансовое вѣдомство не удовлетворили работы совѣщанія. „Представляясь весьма цѣнными, означенныя данныя далеко, однако, не исчерпывали всѣхъ сторонъ хозяйственнаго быта сельскаго населенія; самое изслѣдованіе не коснулось многихъ источниковъ и матеріаловъ, имѣвшихся въ то время; по многимъ показателямъ данныя въ этихъ трудахъ приведены лишь въ относительныхъ величинахъ; и, наконецъ, изслѣдованіе доводится только до 1896 г. Указанные недостатки матеріаловъ, имѣвшихся въ распоряженіи А. Д. Полѣнова, конечно, не могли не отразиться и на выводахъ, которые не могли имъ быть достаточно обоснованы и возбуждали извѣстныя сомнѣнія"[2]). Въ 1899 г. въ нѣкоторыя черноземныя

[1]) А. Полѣновъ. Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній, стр. 31.

[2]) Матеріалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссіи, III часть, стр. II.

и южныя губерніи былъ командированъ одинъ изъ членовъ ученаго комитета министерства финансовъ, который и собралъ „рядъ данныхъ“. Такимъ образомъ, какъ „въ устраненіе пробѣловъ прежнихъ изслѣдованій“, такъ и „въ особенности для дополненія его новыми данными“ была образована въ концѣ 1901 года комиссія о центрѣ, служащая предметомъ нашего вниманія. „Какъ самое изслѣдованіе, такъ и обсужденіе результатовъ его въ комиссіи, по предложенію министра финансовъ, должно быть строго ограничено явленіями *экономическаго* свойства; вслѣдствіе чего и мѣропріятія, которыя могли быть выработаны комиссіей, должны быть *исключительно экономическими*, относящимися, спеціально къ вѣдѣнію финансоваго вѣдомства“ [1]). Въ комиссію, кромѣ ея предсѣдателя г. Коковцева, вошли 14 представителей четырехъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ—министерства финансовъ, министерства земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ и вѣдомства удѣловъ—и 18 земскихъ дѣятелей, по преимуществу предсѣдателей губернскихъ управъ, которые изъ 34 губерній были приглашены по выбору администраціи.

Такъ правительство неоднократно назначало комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства: всѣ онѣ, вплоть до комиссіи г. Коковцева, видѣли вопросъ въ оскудѣніи „сердца Россіи“, ея земледѣльческаго центра, при чемъ и характеръ средствъ, необходимыхъ для разрѣшенія вопроса въ его современной постановкѣ, и комплексъ причинъ, обусловившихъ таковую не должны были выходить изъ строго экономическихъ границъ.

Но съ 1901 г. прошло два года. Московскій съѣздъ дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству, всероссійскій съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности, другія явленія аналогичнаго характера—безъ сомнѣнія, все это настроеніе сказалось съ особой силой въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Программа сообщенная на заключеніе этихъ комитетовъ, выдвинула уже *не центръ, а общій упадокъ сельскаго хозяйства*, даже упадокъ производствъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ. „Совѣщаніе имѣло въ виду, что сообщеніе на мѣста не всѣхъ пунктовъ программы не можетъ въ чемъ-либо стѣснить сужденія мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ этимъ послѣднимъ, согласно съ заключеніемъ совѣщанія, выраженнымъ въ первомъ же журналѣ, будетъ поставленъ общій вопросъ о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности, дающій имъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ“ [2]). Насколько выяснилось изъ свѣдѣній, имѣющихся въ печати, комитеты нашли необходимымъ расширить даже программу особаго совѣща-

[1]) Ibid. Курсивъ нашъ.

[2]) Высочайше утвержденное особое совѣщаніе о нуждахъ с.-х. промышленности, засѣданія 23 и 25 марта. 1902 года.

нія. Дѣйствительно, анализируя быстро идущее обѣднѣніе русскаго сельскаго населенія, комитеты единодушно подчеркнули, что *не въ одной экономикѣ* надо искать причины упадка; что *не въ ней одной* заключается прочное основаніе улучшенія быта этого населенія [1])...

Но разъ вопросъ сталъ на такую почву, не теряетъ ли всякое основаніе комиссія о центрѣ? Вѣдь, цѣлое включаетъ въ себѣ всѣ свои части, и каждому рѣшенію объ одной изъ частей предшествуетъ рѣшеніе о цѣломъ. Къ сожалѣнію, комиссіи въ Россіи—замѣчаетъ „Ординарный обозрѣватель"—отличаются большой живучестью. Прежде чѣмъ притти къ своему концу, всякая комиссія даетъ томы матеріаловъ, томы цыфръ, таблицъ, справокъ и проч. [2]).

II.

И вотъ—только что изданные три тома „Матеріаловъ Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи"—трудъ департамента окладныхъ сборовъ, подготовленный комиссіей о центрѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, „полное отсутствіе матеріаловъ, касающихся той области крестьянской жизни, которая очерчивается его правовымъ и соціальнымъ положеніемъ, его духовными и культурными запросами, совершенно произвольно ставитъ разрѣшеніе вопроса въ слишкомъ узкія рамки" [3]): „задача настоящей работы сводилась лишь къ попыткѣ разобраться въ существующемъ уже матеріалѣ и притомъ съ цѣлью исключительно практической—выяснить, существуютъ ли между отдѣльными мѣстностями Европейской Россіи значительныя различія по степени *экономическаго* развитія, и въ чемъ эти различія заключаются, и чѣмъ обусловливаются" [4]).

Даже въ этихъ рамкахъ — не трудно замѣтить — работа страдаетъ существенными недостатками. Не говоря уже о свойствахъ самихъ данныхъ, ихъ неоднородность нигдѣ не выясняется. Группировка крестьянъ по классамъ совершенно не принята во вниманіе. Вмѣсто разложенія

---

1) См. нашу статью. „Что нужно крестьянину". Образованіе, 1903 г. сентябрь.

2) Народное Хозяйство, 1903 г., ноябрь—декабрь, стр. 176.

3) Записка представителей земскихъ учрежденій въ комиссію о центрѣ.

4) Матеріалы, ч. III, стр. VI, курсивъ нашъ.

крестьянства на двѣ группы противоположнаго экономическаго значенія, мы находимъ т. н. „среднія“ крестьянскаго благосостоянія по одной общей нормѣ. Между тѣмъ такая группировка необходима и для провѣрки сравнительно достовѣрныхъ данныхъ отъ недостовѣрныхъ, и для общаго пониманія эволюціи деревни; т. н. „среднія“ сплошь и рядомъ фиктивны и ведутъ къ самымъ грубымъ ошибкамъ. „Временный характеръ работъ по изслѣдованію и связанная съ этимъ недостаточная устойчивость и обезпеченность личнаго заработка—читаемъ мы—препятствовали привлеченію къ этимъ работамъ наиболѣе опытныхъ лицъ; а спѣшность производства самаго изслѣдованія вынуждала часто пользоваться услугами лицъ, недостаточно подготовленныхъ къ предстоявшимъ занятіямъ“. „*Выборъ подходящихъ лицъ для исполненія даже наиболѣе серьезныхъ обязанностей* представлялся весьма затруднительнымъ и *носилъ характеръ вполнѣ случайный*“ [1])... Нѣтъ, пока наша статистика не высвободится изъ бюрократическихъ путъ, не сосредоточится въ чисто статистическомъ учрежденіи, тщательно наблюдающемъ за собираніемъ данныхъ, за одинаковостью пріемовъ ихъ обработки, до тѣхъ поръ она не дастъ точный отвѣтъ о томъ, что такое крестьянинъ въ современной русской деревнѣ...

Обратимся къ „Матеріаламъ“.

Причина „не вполнѣ благопріятнаго положенія“ центра, — малоземелье; благодаря малоземелью все количество состоящихъ у крестьянъ земель, какъ собственныхъ, такъ и арендуемыхъ, можетъ доставить занятіе только небольшой части рабочаго крестьянскаго населенія, а добываемыя съ этихъ земель средства оказываются недостаточными для удовлетворенія нуждъ даже этой части,—вотъ основное положеніе департамента. Если во всѣхъ неземледѣльческихъ мѣстностяхъ убыль посѣвной площади на 1000 душъ крестьянскаго населенія выразилась гораздо сильнѣе, чѣмъ въ районахъ земледѣльческихъ, то въ *средне-земледѣльческомъ* районѣ убыль эта достигла весьма внушительнаго размѣра—почти половины душевого посѣва. Конечно, малоземелье—явленіе вполнѣ естественное, само по себѣ не можетъ считаться признакомъ экономическаго оскудѣнія. Дѣло именно въ томъ, что въ жизни крестьянскаго населенія центра „не произошло такихъ перемѣнъ, которыя могли бы парализовать неблагопріятныя послѣдствія сокращенія надѣла“. Напр., въ Ярославской, Тверской, Московской губ. констатированы попытки перехода къ улучшенной травопольной системѣ; въ Псковской и Смоленской губ. значительныя площади земли находятся подъ культурой дорогихъ торгово-промышленныхъ растеній.

---

[1]) Ibidem, курсивъ нашъ.

Даже на западѣ, гдѣ, при отсутствіи земскихъ учрежденій, крестьянамъ не оказывалось содѣйствія со стороны къ улучшенію ихъ хозяйзаства, мѣчается большая интенсивность въ земледѣліи. Такъ, въ Подольской губ.— подъ вліяніемъ широкаго распространенія культуры свекловицы—крестьяне переходятъ къ многополью, въ Ковенской замѣчаются попытки улучшить распредѣленіе земли и уменьшить чрезполосность. Въ центральныхъ же земледѣльческихъ губерніяхъ всякія улучшенія хозяйства и землепользованія прививаются весьма туго. Вотъ почему „повсемѣстно отмѣчается повышеніе урожая", но мѣста средне-земледѣльческихъ губерній „по высотѣ урожая понизились": въ то время какъ въ промышленныхъ губерніяхъ „преобладали хорошіе урожаи—то средніе, то выше средняго", въ послѣднихъ преобладаютъ крайности: „высокіе и низкіе урожаи смѣняются почти съ закономѣрной правильностью, при рѣдкихъ среднихъ урожаяхъ". Нельзя признать благопріятными для центра и измѣненія въ хлѣбныхъ цѣнахъ. Какъ извѣстно, цѣны на хлѣбъ въ теченіе послѣдняго пятнадцатилѣтія повсемѣстно упали: вслѣдствіе этого земледѣльческія губерніи, продающія хлѣбъ, теряютъ больше, чѣмъ неземледѣльческія, покупающія его, которыя, въ общемъ, даже выигрываютъ отъ пониженія цѣнъ. Наконецъ, нигдѣ нѣтъ такого рѣзкаго колебанія въ цѣнахъ на хлѣбъ, какъ въ средне-земледѣльческихъ губерніяхъ; напр., въ Пензенской губ. цѣна за пудъ ржи въ десятилѣтіе 1891—1900 г. колебалась отъ 26 коп. до 1 руб. 3 коп., въ Симбирской—отъ 28 коп. до 1 р. 8 коп. Въ зависимости отъ этихъ измѣненій—заключаетъ департаментъ—порайонное распредѣленіе недоимокъ рѣзко измѣнилось: въ семидесятые годы наиболѣе недоимочными являлись Малороссія, востокъ и промышленныя губерніи; нынѣ малороссійскій и юговосточный районы оказываются почти безнедоимочными, но въ средне-земледѣльческомъ и средне-приволжскомъ районахъ недоимки крайне возросли, тѣмъ болѣе, что—„признавъ наличность извѣстнаго соотношенія между поступленіемъ сборовъ и платежными силами населенія, нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что происшедшее за послѣднее 30-лѣтіе пониженіе оклада казенныхъ сборовъ менѣе всего коснулось мѣстностей земледѣльческихъ, среди которыхъ наблюдается наивысшая задолженность".

При такомъ положеніи вещей, существованіе и ростъ *избыточнаго* населенія неизбѣжно. Насколько это такъ, видно уже изъ того, что сельское населеніе центра возросло за 1861—90 гг. на 68—75%, въ то время какъ аналогичный процентъ въ средне-промышленномъ районѣ составляетъ 51, въ Прибалтійскомъ краѣ—48 [1]). „Неуклонное, хотя и

---

[1]) Соотвѣтственно этому, рождаемость здѣсь 5,2 на 100 жителей, а

медленное увеличеніе числа безлошадныхъ и однолошадныхъ хозяйствъ и уменьшеніе количества дворовъ, располагающихъ 2—3 и болѣе лошадьми"— понятно, центръ не въ состояніи удовлетворить всѣхъ крестьянъ, ищущихъ заработка. Извѣстное соотвѣтствіе наблюдается, напримѣръ, въ промышленныхъ губерніяхъ. Въ центрально же черноземныхъ, гдѣ фабрикъ и заводовъ мало, а промыслы съ каждымъ годомъ падаютъ, рабочее населеніе совершенно не обезпечено наемнымъ трудомъ. Здѣсь заработная плата составляетъ 43 — 53 руб. въ годъ. Постояннымъ занятіемъ въ центрѣ остается земледѣліе, и лишнія въ земледѣліи руки должны искать заработка внѣ земледѣльческаго центра. Въ самомъ дѣлѣ, пролетаріатъ, идетъ, главнымъ образомъ, изъ 7 центрально-черноземныхъ губерній—Рязанской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской и Пензенской... Особенно крупное вліяніе оказалъ 1891—92 голодный годъ. Въ зависимости отъ этого неурожая, цѣлый рядъ экономическихъ явленій первой половины девятидесятыхъ годовъ указывалъ „на исключительный, повидимому, упадокъ центра". Поэтому А. Д. Полѣновъ высказался за выдѣленіе центра, какъ района, находящагося въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ.

Къ какому выводу приходитъ департаментъ?

Малоземелье дѣйствуетъ съ наибольшей силой и развитіе благосостояніе сельскаго населенія идетъ всего менѣе успѣшно именно во всѣхъ средне-земледѣльческихъ и средне-приволжскихъ губерніяхъ,—департаментъ лишь раздвинулъ тѣ рамки, которыя въ трудѣ А. Д. Полѣнова именуются центромъ. „Слѣдуетъ, впрочемъ, признать", что рѣзкихъ различій между этимъ центромъ и сопредѣльными съ нимъ районами не замѣчается. Такъ, на востокѣ обнаруживается не меньше, чѣмъ въ центрѣ, ослабленіе платежеспособности населенія; въ отношеніи заработковъ восточныя губерніи обезпечены еще менѣе, чѣмъ среднія земледѣльческія; измѣненія въ урожаяхъ тамъ также неблагопріятны. Но,—надо имѣть въ виду,—восточныя губерніи наиболѣе потерпѣли отъ неурожаевъ послѣдняго времени, почему неблагопріятныя экономическія явленія, въ нихъ наблюдающіяся, „до извѣстной степени объясняются метеорологическими условіями". Напротивъ, въ Малороссіи, гдѣ надѣлы сильно измельчали, и замѣчается несомнѣнный избытокъ рабочихъ силъ, общее экономическое положеніе представляется болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ; въ малороссійскихъ губерніяхъ не было за последнее время крупныхъ неурожаевъ. Въ юго-западномъ краѣ также за-

---

брачность—0,93; среднія по Россіи—4,33 и 0,88 (Петръ Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, Спб. 1903).

мѣчается и измельчаніе надѣловъ, и избытокъ рабочей силы, и въ зависимости отъ этого низкій уровень заработковъ. Но здѣсь, какъ и въ Малороссіи, земледѣліе сдѣлало большіе успѣхи, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ, а потому и положеніе этого района нельзя считать неблагопріятнымъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы замѣчаются неблагопріятные признаки, напр., податная задолженность, и въ Новороссіи. Но въ остальныхъ отношеніяхъ Новороссія столь сильно отличается отъ прочихъ земледѣльческихъ губерній, что задержка въ развитіи ея благосостоянія должна быть объясняема „случайными обстоятельствами"—нѣсколькими неурожаями послѣдняго времени [1]).

Такимъ образомъ, временныя разстройства признаются въ большинствѣ земледѣльческихъ районовъ, но это еще не равносильно упадку; серьезный упадокъ переживаютъ все-таки лишь тѣ мѣста, которыя въ трудѣ А. Д. Полѣнова именуются центромъ. Департаментъ окладныхъ сборовъ, въ сущности, повторяющій А. Д. Полѣнова, располагавшаго при составленіи своего труда, данными лишь по 1895 г. включительно, отличается отъ послѣдняго лишь нѣсколько неожиданнымъ оптимизмомъ. По его мнѣнію, показатели упадка благосостоянія въ центрѣ начинаютъ „существенно" измѣняться: задержка въ ростѣ населенія смѣнилась быстрымъ приростомъ (sic!), количество скота нѣсколько повысилось, въ настоящее время поступленіе сборовъ пошло значительно успѣшнѣе и пр. [2]).

III.

Таковъ выводъ департамента окладныхъ сборовъ.

Подчеркнувъ то положеніе, что комиссія имѣетъ смыслъ и право на существованіе лишь постольку, поскольку вѣрно предположеніе, что замѣчаемое въ центральныхъ геберніяхъ недомоганіе есть зло мѣстное: „если будетъ признано, что оно не представляетъ изъ себя чего-либо специфически-мѣстнаго, но свойственно и другимъ губерніямъ, то комиссіи придется закрыть свою дѣятельность",—г. Коковцевъ предложилъ членамъ высказаться, насколько правиленъ этотъ выводъ, выводъ объ особенномъ *экономическомъ* неблагополучіи центрально-черноземныхъ и нѣсколькихъ другихъ, съ ними смежныхъ губерній. Другія причины, „особенно причины общаго свойства не поддаются не только нашему воздѣйствію, но и особому совѣщанію" [3])...

Какъ извѣстно, лишь только вопросъ изъ тиши бюрократическихъ ка-

---

[1]) Матеріалы, ч. III, стр. 279.

[2]) Ibidem.

[3]) Русскія Вѣдомости, 1903 г., 28 октября.

бинетовъ попалъ въ атмосферу земскихъ дѣятелей, онъ тотчасъ измѣнилъ свои очертанія. Земцы, приглашенные въ комиссію, нашли безполезнымъ копаться въ разныхъ мелочахъ, разъ ихъ нельзя связывать съ общими нуждами не только центра, но и всей остальной Россіи. На мѣсто вопроса объ оскудѣніи центра сталъ вопросъ объ упадкѣ „всего русскаго крестьянскаго хозяйства“.

Конечно, тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о насущныхъ потребностяхъ страны, о мѣрахъ, по самому существу своему общественныхъ, едва ли чье либо мнѣніе компетентнѣе мнѣнія тѣхъ, „чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры“ [1]). Такъ и въ данномъ случаѣ.

Безъ сомнѣнія, департаментъ правильно отмѣчаетъ сравнительно большій упадокъ крестьянскаго хозяйства въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Здѣсь, гдѣ рѣшительно преобладали помѣщичьи крестьяне, мысль объ „освобожденіи крестьянъ съ землею“ принимала все болѣе и болѣе узкую форму: значительнѣйшая часть земли осталась въ рукахъ дворянства. Большая часть крестьянъ самымъ способомъ, которымъ была совершена реформа 1861 г., превратилась въ „осѣдлыхъ пролетаріевъ“, надѣленныхъ карликовыми участками. Можно ли назвать хозяйствомъ тѣ операціи, которыя продѣлываетъ крестьянинъ на надѣлѣ, доведенномъ до такой величины, когда веденіе хозяйства становится почти невозможнымъ? Промыслы, торговля, кустарная дѣятельность не получили здѣсь развитія. И вотъ — бѣгство на сторону, на фабрику, на земледѣльческія работы въ южныя губерніи. Какъ живутъ, какъ устраиваются пришлые рабочіе—общеизвѣстно. Цѣны сбиты до невѣроятности. Остается аренда. Бѣднѣйшее крестьянское населеніе гонитъ цѣны вверхъ. Въ концѣ концовъ, взаимная конкуренція, благодаря скрытому земледѣльческому перенаселенію, повышаетъ ихъ до такой степени, что и для зажиточныхъ крестьянъ аренда становится все менѣе и менѣе выгодной. Въ свою очередь, краткосрочныя аренды—помѣщику выгоднѣе сокращать и сокращать эти сроки—вели къ быстрому истощенію земли. На этой почвѣ и создалась та система отработковъ, которая наивысшаго своего развитія достигла именно въ центрѣ...

Но эта эволюція не представляетъ рѣшительно ничего специфическаго; она идетъ и въ другихъ районахъ Россіи, идетъ не менѣе ускореннымъ темпомъ, если еще не зашла такъ далеко. Обращаясь назадъ, мы видимъ, что въ 40-хъ и 50-хъ годахъ продовольственныя затрудненія и голодовки посѣщали сѣверо-западныя и юго-западныя губерніи, въ 70-хъ годахъ,—юго-восточныя губерніи, самарскія степи, вятскій край. Въ настоящее время голодаютъ цѣлые громадные районы... Колоссальный ростъ недоимокъ не

[1]) Высочайше утвержденное особое совѣщаніе о нуждахъ с.-х. пром.

составляетъ исключительную особенность центра. Въ восточныхъ губерніяхъ этотъ ростъ оказывается еще болѣе значительнымъ, чѣмъ въ центрѣ. Недоѣданіе народныхъ массъ спеціалисты-изслѣдователи констатируютъ не въ одномъ центрѣ. Благодатный югъ Россіи—и то переживаетъ моментъ крестьянскаго разоренія. Новороссія и Бессарабія съ ихъ богатымъ климатомъ еще недавно казались гарантированными отъ упадка: серьезныя голодовки подорвали, однако, и здѣсь благосостояніе крестьянства...

Исходя даже изъ „Матеріаловъ", не трудно поставить вполнѣ недвусмысленный діагнозъ относительно остальной части Россіи.

Насколько, вообще, значительно избыточное населеніе Европейской Россіи, видно изъ того, что переселеніе въ Сибирь поглощаетъ всего 6% естественнаго прироста; даже по отдѣльнымъ районамъ въ среднемъ выводѣ за 16 лѣтъ съ 1885 по 1901 г. переселеніе не превышало 20% естественнаго прироста. Оно, значитъ, не могло повести къ замѣтному разрѣженію населенія. Между тѣмъ сельское населеніе въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи за 40 лѣтъ возросло на 79%: годичный приростъ населенія составляетъ въ каждомъ изъ трехъ десятилѣтій 15 чел. на тысячу душъ населенія. Такого высокаго прироста земледѣльческаго населенія мы не видимъ ни въ одной западно-европейской странѣ [1])... Такимъ образомъ; въ то время какъ съ 1875 г. численность мужского населенія возросла на 48%, какъ надѣльное крестьянское землевладѣніе, такъ и частное увеличилось приблизительно на 24%, т. е. размѣръ обезпеченія крестьянства собственными землями по расчету на одну душу всего мужского населенія понизился съ 3,6 дес. въ 1875 г. до 3 дес., причитавшейся въ 1900 г. [2]). Средняя душевая норма обезпеченія крестьянъ надѣломъ въ 1860 г. составляла 4,8, а въ 1900 г.—2,6, [3]) такъ что въ 47 губерніяхъ только 21% работниковъ нуженъ для сельско-хозяйственной дѣятельности на надѣльной землѣ, остальные же 79% крестьянскаго населенія являются избыточнымъ населеніемъ [4]).

Посѣвная площадь на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ въ сорокалѣтіе увеличилась на 3%. Между тѣмъ для обезпеченія крестьянства необходимо было бы увеличить площадь посѣва не на 1.343,700 дес., а на 55,8%, т. е. на 24 милл. десятинъ [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы наблюдаемъ значительное увеличеніе площади картофеля — на 146%. Департаментъ объясняетъ это, главнымъ образомъ, развитіемъ химико-техническихъ про-

[1]) Матеріалы, часть III, стр. 125.
[2]) Ibidem, стр. 158.
[3]) Ibidem, стр. 161.
[4]) Ibidem, стр. 163.
[5]) Ibidem, стр. 196.

изводствъ, въ которыхъ сырымъ матеріаломъ является картофель. Можетъ быть, это справедливо по отношенію къ частновладѣльческимъ землямъ, гдѣ одновременно съ увеличеніемъ культуры картофеля замѣчается значительное увеличеніе озимыхъ посѣвовъ и яровыхъ, но едва ли это справедливо по отношенію къ крестьянству. За примѣромъ недалеко ходить. Картофель является настоящимъ проклятіемъ ирландскаго крестьянина, какъ и русскаго. „Огромное количество арендаторовъ, для которыхъ даже хлѣбъ былъ невѣроятной роскошью, разводили картофель на маленькихъ клочкахъ земли, питались этимъ картофелемъ, болѣли его болѣзнями и умирали, когда картофель не родился“ [1]). Если принять годовую норму продовольствія одной души въ 20 пуд., то въ 50 губ. Европейской Россіи количество хлѣбовъ и картофеля, приходящееся на душу обоего пола, не достигаетъ ея на 3,4 пуда т. е. на 17%...—Годовая норма овса для лошади—40 пуд., у насъ же приходится только 23,6 пуд.—на 41% менѣе нормы. Такимъ образомъ, количество безлошадныхъ по 50 губ. въ 1882 г. было 26,9% всего числа дворовъ, въ 1888—91 г.г.—27,8%, въ 1893—96 г.г —32,2%. Дворовъ съ 3 лошадьми и болѣе въ 1888—91 г.г.—21,7%, а въ 1893 — 96 г.г. — 17,5%. Всего скота на 1000 дворовъ причиталось въ 1870 г. — 9,329, въ 1880 г. — 8,345, въ 1890 г. — 7,294, въ 1900 г.—6,474 [2]).

Вспомнимъ П. П. Маслова: разслоеніе крестьянства или, что одно и то же, образованіе болѣе интенсивныхъ хозяйствъ происходитъ при развитіи производительныхъ силъ; при паденіи производительныхъ силъ дифференціаціи крестьянства не происходитъ, образованіе такихъ хозяйствъ почти невозможно [3]).

Но довольно цыфръ. Не такъ просто *значеніе* этихъ цыфръ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только стать на точку зрѣнія т. н. „мѣстныхъ“ причинъ, чтобы вопросъ тотчасъ сталъ вопросикомъ, чтобы тотчасъ очутиться въ области „экономіи“... по сосѣдству хотя бы съ такого рода логическимъ умозаключеніемъ: „Экономическій упадокъ нашего центра и относительное благополучіе окраинъ — читали мы въ свое время — невольно наводятъ на слѣдующее сопоставленіе: всѣ реформы 60-хъ и 70-хъ гг. крестьянское и земское самоуправленіе, выборный мировой судъ, уголовный судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, городская реформа, многочисленные эксперименты по насажденію кредита и т. д., и т. д.—въ полномъ своемъ объемѣ примѣнялись къ губерніямъ, управляемымъ по общему

---

1) С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе, т. II.

2) Матеріалы, стр. 214.

3) Петръ Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1903.

учрежденію, и въ томъ числѣ къ центрально-черноземному району. Наоборотъ, окраины были отчасти вполнѣ лишены этихъ реформъ, отчасти получили эти реформы въ значительно измѣненномъ видѣ, при чемъ измѣненія касались именно устраненія изъ этихъ реформъ всего того, что такъ цѣнится ихъ безусловными восхвалителями... Такимъ образомъ, если вѣрить исключительно восторженнымъ поклонникамъ этихъ реформъ, по мнѣнію которыхъ онѣ не могли не отразиться самымъ благодѣтельнымъ образомъ на народномъ благосостояніи, то слѣдовало бы ожидать захирѣнія нашихъ окраинъ, почти не пользующихся этими реформами, и наоборотъ—поднятія благосостоянія центра. Въ дѣйствительности мы видимъ совершенно обратное. Мы видимъ, что, несмотря на всѣ реформы, несмотря на земское самоуправленіе, задачи котораго заключаются въ попеченіи о хозяйственномъ благополучіи, нашъ центръ захирѣлъ, а окраины, на которыхъ нѣтъ ни земскихъ выборовъ, ни суда присяжныхъ и т. д., пользуются благополучіемъ [1])". Ergo: стоитъ уничтожить остатки земскаго городского и крестьянскаго самоуправленія, и центръ процвѣтетъ.

И наоборотъ. Разъ нужно выяснить отношеніе данной мѣстности къ другимъ, разъ упадокъ центра—часть общаго вопроса объ упадкѣ русскаго крестьянскаго хозяйства, —недостаточность чисто „экономическаго" разрѣшенія вопроса становится ясной. Съѣхавшіеся въ комиссію земскіе дѣятели, взглянувъ съ этой точки зрѣнія, не могли не сказать: „только просвѣщеніе, подъемъ личности, самодѣятельности, усиливая и умножая средства борьбы за существованіе, подымая жизненную энергію, даютъ надежду на лучшее будущее. Всѣ же прочія мѣры, облегчающія внѣшнія условія, являются неизбѣжными и необходимыми только въ виду крайней тяжести настоящей минуты".

Они не могли не поставить на первое мѣсто „реформу въ деревенкомъ право порядкѣ". Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.—читаемъ мы—было издано на время, съ цѣлью установить порядокъ въ переходную эпоху. Затѣмъ предполагалось тогда урегулировать правоотношенія милліоновъ освобожденныхъ опредѣленными нормами въ духѣ великаго акта 19 февраля, провозгласившаго равенство всѣхъ передъ закономъ. Но предположенія эти не сбылись. Комиссіи 1872 и 1886 г.г. не провели въ крестьянскую жизнь прочнаго правопорядка. „Законы же позднѣйшаго времени имѣли исключительно административно-фискальный характеръ. Правильное теченіе жизни въ деревнѣ предполагалось установить путемъ усиленія власти и точной регламентаціи нѣсколько странно подобранныхъ фактовъ деревенской жизни. Реформы послѣдняго десяти-

---

[1]) Московскія Вѣдомости, 20 ноября 1901 г.

лѣтія не только не внесли въ деревню порядка, а еще болѣе выдвинули всѣ недочеты въ правовомъ положеніи крестьянъ“ [1]).

Развѣ не тѣ же строки мы находимъ въ только что опубликованномъ „Очеркѣ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“? „Положенія 19-го февраля 1861 года—находимъ мы въ „Очеркѣ“—не опредѣлили въ надлежащей полнотѣ всѣхъ вновь возникшихъ правоотношеній крестьянъ и совершенно не коснулись многихъ существенныхъ сторонъ ихъ общественной и экономической жизни. Наконецъ, и органы крестьянскихъ учрежденій, занятые на первыхъ порахъ почти исключительно землеустроительными работами и, не получивъ притомъ достаточныхъ полномочій по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и судомъ, не могли оказывать дѣйствительнаго вліянія въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо, на правильное всестороннее развитіе жизни сельскаго населенія. Все это на первыхъ же порахъ внесло замѣтное разстройство въ частную и общественную жизнь крестьянъ, которое и нынѣ отнюдь нельзя почитать устраненнымъ, несмотря на рядъ мѣръ, принятыхъ съ того времени къ упорядоченію крестьянскаго общественнаго управленія и волостного суда и къ подчиненію ихъ дѣятельности болѣе дѣйствительному надзору близкой къ народу власти. *Но особенно неблагопріятное вліяніе упомянутыя причины оказали на правильное развитіе* экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія“ [2]). Значитъ, нельзя уже возразить, что правопорядокъ вездѣ въ Россіи одинъ и тотъ же, а между тѣмъ не вездѣ замѣчается оскудѣніе. Отсутствіе прочнаго правопорядка служитъ одной изъ основныхъ причинъ этого оскудѣнія...

Конечно, сходство исходныхъ пунктовъ не мѣшаетъ различію выводовъ.

„Особенное законодательство, шаткость имущественнаго права, полное безотвѣтствіе въ обязательныхъ отношеніяхъ, множество начальствъ, которое далеко не всегда опекаетъ его въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ—все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, принижаетъ въ немъ чувство личности, подавляетъ иниціативу и самодѣятельность“. „Поэтому проведеніе началъ равенства крестьянъ и не крестьянъ—равенства какъ въ правахъ, такъ и въ обязанностяхъ—рѣшили земцы—должно быть поставлено во главу угла не только реформы въ деревенскомъ правопорядкѣ, но и всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе страны“ [3]). Иначе

[1]) Записка представителей земскихъ учрежденій въ комиссію о центрѣ.

[2]) Новое Время, 11 января, 1904 года.

[3]) Записка предст. земскихъ учрежденій въ комиссію о центрѣ.

взглянула редакціонная комиссія [1]). Полагать, что, примѣняя однородные пріемы управленія къ различнымъ по своему духовному и нравственному облику группамъ населенія, возможно эти группы духовно сблизить и матеріально объединить, по мнѣнію комиссіи, болѣе, чѣмъ ошибочно. Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, „всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій". Въ этомъ издавна сложившемся и устоявшемъ въ теченіе вѣковъ „бытовомъ своеобразіи" нашего крестьянства и лежитъ залогъ прочности его „особливаго сословнаго строя", не говоря уже о томъ, что право государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ „весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта". Если въ отдѣльныхъ представителяхъ нашего сельскаго населенія „созрѣваютъ самыя разнообразныя силы и способности", свободное проявленіе и развитіе которыхъ, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ многоразличнымъ задачамъ народнаго хозяйства, то сословный строй крестьянства этому отнюдь не препятствуетъ, добавляетъ комиссія...

IV.

Программа земскихъ дѣятелей, вызванныхъ въ комиссію о центрѣ, оказалась программой большинства сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Этого и слѣдовало ожидать. Но если изъ комитетовъ, видѣвшихъ истинный выходъ изъ сельско-хозяйственныхъ затрудненій въ общихъ мѣропріятіяхъ, лишь немногіе уяснили себѣ вопросъ до его логическаго конца, то тѣмъ болѣе это относится къ 18 земцамъ, по преимуществу предсѣдателямъ губернскихъ управъ, которые были выбраны администраціей.

Въ основѣ представленій земцевъ лежитъ признаніе крестьянства однимъ соціальнымъ типомъ. Кризисъ представляется совершенно не связаннымъ съ тѣмъ соотношеніемъ силъ, которымъ и надо произвести подсчетъ. „Крестьянство" падаетъ... Но это не совсѣмъ такъ. Даже въ настоящую трудную минуту не все рушится, но взамѣнъ что-то создается. Деревня

[1]) Новое Время, 10 января 1904 года.

изъ сословной становится классовой. На ряду съ безчисленными, экономически совершенно нераціональными „карликовыми" хозяйствами, растущими не по днямъ, а по часамъ, рекрутируется крестьянская буржуазія. „Рядомъ съ процессомъ обезземеленія крестьянъ—пишетъ наблюдатель „послѣдствій неурожая"—идетъ другой процессъ, съ нимъ тѣсно связанный и его неизбѣжно дополняющій: процессъ концентраціи земли въ рукахъ немногихъ. Этими немногими являются не дворяне, а по большей части крестьяне. Бросаемая за грошъ земля сотнями десятинъ переходитъ въ ихъ руки" [1]). Дворяне быстро теряютъ землю, и ее пріобрѣтаютъ, главнымъ образомъ, крестьяне. Въ самомъ дѣлѣ, судя по „Матеріаламъ", всего частнаго владѣнія дворянамъ принадлежало въ 1875 г.—71, 616 тыс. дес. (73,6%), въ 1877 г.—70,186 т. дес. (71,8%). въ 1887 г.—61,801 т. дес (55,9%), въ 1897 г.—57,833 т. дес. (57,2%), въ 1900 г.—54,013 т. (53,1%), слѣдовательно, дворянское землевладѣніе ликвидируется. Изъ частно-владѣльческихъ земель крестьянамъ принадлежало въ 50 губерніяхъ въ 1875 г.—5,310 т. дес. (5,5%), въ 1877 г.—7,110 т. (7,3%), въ 1887 г.—11,593 т. (11,6%), въ 1897 г.—16,4537 (16,3%) и въ 1900 г.—19,894 т. (19,6%)[2]). Вы скажете, что чумазый, „собирая землю", лишь раздаетъ ее по мелочамъ, лишь истощаетъ ея производительныя силы, ничего прогрессивнаго не вноситъ? Земско-статистическія изслѣдованія даютъ иную картину. Они показываютъ, что „чумазый" вводитъ техническія улучшенія, организуетъ обработку сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ фабрикаты и полуфабрикаты, что онъ самъ ведетъ хозяйство, ставя его на чисто-капиталистическую ногу.

Переживаемый кризисъ различно и отражается на различныхъ группахъ крестьянства.

Особенно сильное и рѣзкое вліяніе неурожаи оказываютъ на среднее рядовое крестьянство, которое, составляя наибольшій процентъ населенія въ русской деревнѣ центра, неуклонно идетъ къ потерѣ хозяйственной самостоятельности. Оно доставляетъ ежегодно новый контингентъ для безземельной группы, группы безлошадныхъ, вообще, обнищавшихъ хозяевъ, которая живетъ со дня на день. Голодный годъ рѣзко сгущаетъ этотъ процессъ. Недостатокъ топлива, теплой одежды, недоѣданіе и смертность—эти данныя обыкновенно пріурочиваются къ сельскому населенію вообще и съ трудомъ поддаются расчлененію, сообразно различію отдѣльныхъ группъ. Но кому неизвѣстно, что въ поволжскихъ, центральныхъ, малорусскихъ,

---

[1]) Русская Жизнь, 1892 г., №№ 248—249. В. Водовозовъ „Послѣдствія неурожая въ Самарской губ."

[2]) Матеріалы, ч. III, стр. 166.

и др. губерніяхъ неурожаи бываютъ у рядовыхъ крестьянъ, въ среднемъ, черезъ каждые $3^1/_2$ года, у богатыхъ втрое рѣже—черезъ 10 лѣтъ? Острые урожаи замѣчаются, конечно, мягче: у рядовыхъ крестьянъ черезъ $12^1/_2$ лѣтъ, у богатыхъ—черезъ 62 года, въ среднемъ. Урожаи крестьянской буржуазіи гораздо выше, колеблются гораздо слабѣе. Процентъ лошадей у нея не великъ, но онъ выростаетъ. Напротивъ того, численность лошадей у рядового крестьянства повсемѣстно сокращается, какъ видно изъ конскихъ переписей. Еще болѣе преимущества крупнаго хозяйства сказываются въ травосѣяніи. „Въ хозяйствахъ крестьянскихъ такого рода явленія могутъ считаться исключеніемъ, имѣющимъ мѣсто лишь среди зажиточнаго населенія“ [1]). То же—относительно примѣненія улучшенныхъ орудій. „Всякаго рода болѣе или менѣе дорогія орудія и машины являются принадлежностью крестьянъ зажиточныхъ (иногда обществъ)“, (Курскій у.). „Владѣльцы давно обзавелись машинами, крестьяне также пріобрѣтаютъ молотилки и вѣялки, составляя товарищества, преимущественно изъ достаточныхъ крестьянъ“ (Фитежскій у.)[2]). „Большинство заботъ,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—направленныхъ къ экономическому улучшенію народнаго хозяйства, какъ то: распространеніе среди мѣстнаго населенія земледѣльческихъ машинъ и орудій, посѣвныхъ травъ, улучшенныхъ хлѣбныхъ растеній и т. п.—все это служитъ на пользу только болѣе состоятельной группы деревенскихъ хозяевъ, въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются хозяева средней зажиточности и почти никогда бѣдняки“ [3]). Какъ эти „заботы“ отразились на послѣднихъ, видно изъ слѣдующаго. Теперь—увѣряетъ г. Ярошко въ своемъ докладѣ московскому обществу сельскихъ хозяевъ—ежели насъ посѣтитъ даже самый колоссальный урожай, недостатокъ рабочихъ рукъ не повторится. „И главною причиною этого является небывалое распространеніе жатвенныхъ и косильныхъ машинъ, послужившихъ рычагомъ не только урегулированія платы за трудъ (пониженія), которая почти не сходитъ теперь съ установившейся нормы, но и согнавшихъ почти совершенно въ какія-нибудь пять лѣтъ громадныя прежде артели поденщиковъ съ полей Тавриды. Отдѣльныя небольшія партіи ихъ еще находятъ работу въ пригорной полосѣ Крыма, гдѣ волнообразная каменистая мѣстность не позволяетъ правильно работать машинами. Но это жалкіе остатки того, что было“. Процентъ дѣвушекъ и дѣтей теперь достигаетъ 50% и даже 75%. —Развитіе спеціальнаго, высшаго, средняго и низшаго образованія, сельско-хозяйственной литературы, выставки и съѣзды, способы перевозки раз-

1) Курская губернія. 1896 г., стр. 142—144.

2) Ibidem, стр. 145—153.

3) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1898 г. № 96. По докладу Пермской губернской земской управы.

нообразныхъ продуктовъ хозяйства, желѣзнодорожные тарифы, организація производствъ для переработки продуктовъ въ хозяйствѣ—развѣ все это не для крестьянской буржуазіи? Въ 1898 году, по сообщенію столичныхъ газетъ, совѣщаніе по продовольственному вопросу признало „пониженіе тарифа на хлѣбные грузы въ мѣстности, пораженныя неурожаемъ въ нынѣшнемъ году, нежелательнымъ или, по крайней мѣрѣ, ненастоятельнымъ, такъ какъ таковое вредитъ интересамъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ“ [1]). Вспомнимъ законъ о безпошлинномъ ввозѣ наиболѣе дорогихъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, употребляемыхъ лишь въ крупныхъ хозяйствахъ...

Итакъ, тотъ слой крестьянства, въ хозяйствѣ котораго переживаемый кризисъ свилъ себѣ прочное гнѣздо, это—рядовое русское крестьянство, имѣющее собственное хозяйство, но въ то же время существующее наемнымъ трудомъ. Наличность „карликовой“ собственности очень желательна для земельной буржуазіи, „такъ какъ только она даетъ возможность держать ихъ (собственниковъ) въ большей экономической зависимости, чѣмъ полныхъ пролетаріевъ-наймитовъ, и назначать имъ такую заработную плату, на которую никогда не согласится „свободный отъ земли пролетарій“ [2]). Для крестьянской буржуазіи неурожаи во многихъ отношеніяхъ даже выгодны, хотя это не значитъ, что и она не испытываетъ тяжелыя затрудненія. *Оскудѣніе никогда не было и не можетъ быть полнымъ. Вопросъ объ упадкѣ центра не только не содержитъ въ себѣ ничего специфическаго, какъ совершенно правильно нашли земцы, не только есть общій вопросъ—это общій вопросъ о крушеніи полупролетарскаго крестьянскаго хозяйства въ то самое время, когда на его развалинахъ укрѣпляется земледѣльческая буржуазія—„новые люди“ деревни.* Передъ разореніемъ большинства этихъ карликовыхъ хозяйствъ затрудненія частновладѣльческаго хозяйства—крестьяне-частные владѣльцы во многихъ изъ изслѣдованныхъ уѣздовъ насчитываются десятками и сотнями—прямо стушевываются...

Кризисъ центра, какъ и всей Россіи, представляетъ противорѣчіе и борьбу двухъ соціальныхъ укладовъ. Чѣмъ новыя матеріальныя силы, возникшія въ нѣдрахъ старыхъ общественныхъ отношеній, развиваются медленнѣе, тѣмъ острота переживаемыхъ хозяйственныхъ перемѣнъ рѣзче. Вотъ почему область наиболѣе „неблагополучная“—это земледѣльческій центръ съ его „тяго-

[1]) Начало, 1899 г., январь—февраль. Іоновъ. Что такое оскудѣніе центра?

[2]) Русская Жизнь, 1892. Вышецитированная статья г. Водовозова.

тѣніемъ крестьянъ къ общему уровню“, населеніе котораго находится внѣ вліянія развивающейся индустріи. Жизненный уровень крестьянства не можетъ быть повышенъ иначе, чѣмъ перераспредѣленіемъ его элементовъ между земледѣліемъ и промышленностью. Между тѣмъ образованіе избыточнаго населенія въ центрѣ неизбѣжно. Перенаселеніе, образовавшееся въ скрытой формѣ, въ формѣ полу-пролетаріевъ, полу-хозяевъ поддерживаетъ отсталый типъ хозяйствъ, хозяйство безлошадныхъ и однолошадныхъ, систему отработковъ, мелкой продовольственной аренды,—гарантируетъ полное экономическое равенство. Почему мы не слышимъ объ оскудѣніи западнаго края? Именно потому, что западъ почти пережилъ этотъ переходный періодъ.

Россія представляетъ собой не одну земледѣльческую полосу, а рядъ полосъ, послѣдовательно, съ ростомъ населенія и истощеніемъ почвы „оскудѣвающихъ“—съ тѣмъ, чтобы, съ расширеніемъ парового транспорта, перейти на высшую ступень общественныхъ отношеній, стать въ болѣе устойчивое техническое положеніе. Такъ, развитіе болѣе высокихъ аграрныхъ отношеній подвигается изъ одной области денежнаго хозяйства въ другую. *Мы видимъ какъ бы пальцы, запускаемые Европой въ нѣдра земледѣльческой Россіи*... Почти на нашихъ глазахъ центръ хлѣбнаго производства перемѣстился изъ черноземныхъ губерній въ степи юга и юговостока, гдѣ поднялись и новые промышленные центры. Съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, съ образованіемъ новыхъ рынковъ, промышленная географія Россіи вновь измѣнится,—результатъ этой перемѣны въ скоромъ времени скажется... Задача лишается своей прежней простоты: *для своего разрѣшенія она требуетъ анализа не только условій развитія крестьянскаго хозяйства, но всего русскаго народнаго хозяйства въ его цѣломъ.*

Проще анализъ земскихъ дѣятелей.

Потому то, указывая на то, что „планомѣрная, спокойная и устойчивая работа въ области сельскаго хозяйства возможна лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при гарантіи отъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій“, они ограничивались сравненіемъ крестьянства съ другими сословіями. Потому то вмѣсто коренныхъ экономическихъ мѣропріятій оказались, въ концѣ концовъ, палліативы. Потому то, говоря даже на близкую тему — о земствѣ, записка въ то же время слабо выясняетъ затруднительное положеніе, въ которое поставлено это земство, переживающее несомнѣнный кризисъ. Она даже умалчиваетъ о тѣхъ неправильностяхъ въ распредѣленіи земельныхъ угодій, которыя обусловлены недостатками самой реформы 19 февраля, неправильностяхъ, тяжело отражающихся на крестьянскомъ хозяйствѣ.

Во всякомъ случаѣ, записка останется любопытнымъ документомъ въ связи съ матеріалами мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Что сказать о резолюціяхъ комиссіи? Онѣ едва ли составятъ цѣнное пріобрѣтеніе.

Предсѣдатель объяснилъ, что вопросы, затронутые въ запискѣ земскихъ членовъ, имъ не были поставлены на обсужденіе комиссіи, какъ слишкомъ общіе, стоящіе внѣ ея компетенціи; нѣкоторые изъ нихъ еще „спорны сами по себѣ, такъ что обсужденіе ихъ въ комиссіи не только не имѣло бы никакихъ практическихъ результатовъ, но и наврядъ ли способствовало бы ихъ выясненію". Къ такимъ вопросамъ относятся: вопросъ о замѣнѣ косвенныхъ налоговъ прямымъ подоходнымъ, объ ослабленіи таможеннаго покровительства въ цѣляхъ уменьшенія странами, покупающими русскій хлѣбъ, ввозныхъ на него пошлинъ, объ отмѣнѣ сахарной нормировки. Введеніе подоходнаго налога у насъ въ настоящее время „невозможно". Вопросъ о таможенныхъ тарифахъ „вещь весьма сложная": пониженіе странами, ввозящими русскій хлѣбъ, пошлинъ на него зависитъ не только отъ пониженія нашего таможеннаго тарифа. Законъ о сахарной нормировкѣ разсматривался государственнымъ совѣтомъ только въ маѣ 1903 г.; введенъ онъ, главнымъ образомъ, „для поддержки сельскаго хозяйства"; возбуждать вопросъ со стороны сельскаго хозяйства объ уничтоженіи сахарной нормировки значитъ „потрясать то, что еще не потрясено въ области этого хозяйства". Вопросы объ избраніи земскихъ гласныхъ, о предѣльномъ земскомъ обложеніи, участіи земскихъ представителей въ разсмотрѣніи законопроектовъ, поступающихъ въ высшія государственныя учрежденія, „совершенно не относятся къ настоящей комиссіи". Такимъ образомъ, для поднятія оскудѣвшаго средне-земледѣльческаго района, кромѣ мѣръ чисто сельско-хозяйственныхъ, комиссія предложила слѣдующія мѣропріятія: урегулированіе отхожихъ промысловъ, распространеніе мелкой промышленности, расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, упорядоченіе переселенческаго дѣла и арендного пользованія землей, уменьшеніе выкупныхъ платежей [1]).

Но поможетъ ли это? Сомнительно.

Л. Клейнбортъ.

---

[1]) Торгово-Промышленная Газета, 1903 г., № 243.

Хроника русской жизни.

(Одинъ изъ занимающихъ общество юридическихъ вопросовъ.—Рѣшеніе по дѣлу московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ М., С. и Т.—Князь Мещерскій, ополчившійся на „либерализмъ" г. С—на изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей".—Г. Моисей Рабиновичъ—глава партіи спасителей Россіи.—Нѣсколько сенсаціонныхъ извѣстій.—Закрытіе Тверского земства.—Историческія справки.—Положеніе дѣлъ въ Финляндіи.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати).

Существуетъ ли разница между судомъ совѣсти и судомъ формальныхъ уликъ? Не надо быть даже юристомъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Судъ совѣсти потому и судъ совѣсти, что разсматриваетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ разсматривать каждое дѣло *по совѣсти*, т. е. принимать во вниманіе не столько формальную, сколько моральную сторону дѣла, и съ этой точки зрѣнія человѣкъ часто можетъ быть безусловно невиновнымъ въ совершенномъ имъ дѣяніи, несмотря на то, что *фактъ* совершенія имъ даннаго дѣянія не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Сознаніе человѣка въ совершеніи имъ того или иного преступленія не является, разумѣется, непреложнымъ доказательствомъ дѣйствительности совершенія имъ этого преступленія; необходимо, чтобы всѣ обстоятельства вполнѣ соотвѣтствовали той обстановкѣ, при которой, по свидѣтельству сознавшагося, преступленіе совершено; но мы говоримъ не объ этомъ, мы говоримъ о *правѣ* человѣческой совѣсти оправдать подсудимаго именно въ томъ случаѣ, когда *фактъ* совершенія преступленія именно даннымъ подсудимымъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но противъ этого то, единственно правильнаго, воззрѣнія на судъ *совѣсти* и возстали въ послѣднее время наши реакціонеры. Явленіе это само по себѣ, конечно, какъ нельзя быть болѣе естественное, ибо „совѣсть" и разнузданная проповѣдь попранія всякаго закона, восхва-

леніе произвола, насмѣшка надъ элементарными началами моральнаго сознанія суть вещи совершенно несоизмѣримыя (можно ли серьезно возражать, напримѣръ, на мысль князя Мещерскаго, что у насъ администрація часто „страдаетъ“ отъ вторженія въ сферу ея дѣятельности „принципа законности“?). Но, къ сожалѣнію, реакціонный взглядъ на судъ совѣсти нашелъ собѣ представителей и въ средѣ самихъ служителей Ѳемиды. Читателямъ, конечно, извѣстенъ изъ газетъ происшедшій въ Петербургскомъ окружномъ судѣ, разсматривавшемъ дѣло Семенова, инцидентъ. Защитительная рѣчь помощника присяжнаго повѣреннаго Петрова была нѣсколько разъ рѣзко прерываема предсѣдателемъ суда г. Камышанскимъ на томъ основаніи, что защитникъ будто бы не имѣетъ права говорить объ оправданіи подсудимаго, разъ самъ подсудимый сознался въ инкриминируемомъ ему дѣяніи. Дѣло это, какъ извѣстно, завершилось тѣмъ, что, по распоряженію г. Камышанскаго, г. Петровъ былъ выведенъ изъ залы суда. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Петровъ подалъ жалобу на дѣйствія г. Камышанскаго въ соединенное присутствіе перваго и кассаціоннаго департаментовъ сената. „Онъ обвиняетъ г. Камышанскаго, — сообщаютъ „Петербургскія Вѣдомости“,—въ превышеніи власти, соединенномъ съ неуваженіемъ къ закону и присягѣ присяжныхъ засѣдателей (нуллификація самаго института), проводитъ ту мысль, что дѣйствія г. Камышанскаго являются его личными дѣйствіями, а не предписанными сенатомъ, который, являясь сторонникомъ института присяжныхъ, не могъ и не предписывалъ „насилія“ надъ защитой для проведенія „формальной системы“ установленія виновности на судѣ убѣжденія“. Жалоба г. Петрова будетъ разобрана сенатомъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Отъ исхода ея зависитъ очень многое, и понятно, поэтому, то нетерпѣніе, съ которымъ ждутъ этого исхода не одни только юристы.

Газеты принесли, между прочимъ, извѣстіе, что г. Камышанскій получаетъ другое назначеніе и переходитъ въ прокуратуру, гдѣ,—прибавляютъ „Петербургскія Вѣдомости“,—„какія бы то ни было мечты о дискреціонной власти окажутся, конечно, неисполнимыми даже для г. Камышанскаго“.

Такъ ли это, или нѣтъ, т. е. является ли перемѣщеніе г. Камышанскаго такимъ фактомъ, который имѣетъ цѣлью лишить его дискреціонной власти, или онъ означаетъ что либо другое, сказать не беремся.

Не одинъ только юридическій міръ, но и все образованное русское общество не мало волновали также предпринятыя репрессіи противъ нѣсколькихъ адвокатовъ, отказавшихся коллективно отъ веденія нѣкоторыхъ процессовъ, въ виду произвольнаго стѣсненія предсѣдателями судовъ правъ защиты. Рѣшеніе одного изъ такихъ дѣлъ (о Московскихъ присяжныхъ

повѣренныхъ М., С. и Т.) въ адвокатскомъ сословномъ судѣ напечатано въ недавно вышедшемъ XXXVII томѣ отчета совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Московскаго округа за 1902—1903 годъ. Мы беремъ это интересное дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно, на основаніи отчета, изложено въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: „Приглашенные къ защитѣ въ Харьковской судебной палатѣ обвиняемыми по дѣлу о крестьянскихъ безпорядкахъ, присяжные повѣренные Московскаго округа М., С. и Т., послѣ перерыва одного изъ засѣданій съ участіемъ сословныхъ представителей, представили палатѣ отъ лица всей защиты письменное заявленіе о томъ, что защита отказывается отъ дальнѣйшаго веденія дѣла въ виду того, что предсѣдатель запрещаетъ касаться вопроса о наказаніи подсудимыхъ розгами, каковой вопросъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе для дѣла, такъ какъ, согласно разъясненію Сената 1873 г. № 32, подсудимые не могутъ подлежать наказанію по суду, разъ будетъ установлено, что они были уже подвергнуты наказанію розгами по распоряженію административной власти. Выслушавъ это заявленіе, предсѣдатель освободилъ защитниковъ отъ ихъ обязанностей, объявивъ имъ, что о дѣйствіяхъ ихъ будетъ сообщено совѣту.

„Занесенный въ протоколъ, этотъ поступокъ адвокатовъ вызвалъ заключеніе судебной палаты въ томъ духѣ, что такъ какъ обязанность защитника по уголовному дѣлу заключается не въ разъясненіи одного какого-либо обстоятельства изъ дѣла, а въ участіи его во всѣхъ стадіяхъ процесса вплоть до объявленія резолюціи по дѣлу, то стѣсненіе правъ защиты, если-бы оно и было произведено предсѣдателемъ, можетъ служить только мотивомъ обжалованія; поэтому судебная палата должна признать, что оставленіе защитниками, и притомъ по соглашенію, какъ это каждымъ изъ нихъ было заявлено, залы засѣданія прежде окончанія того дѣла, по которому каждый изъ нихъ являлся защитникомъ, составляетъ важное нарушеніе возложенныхъ закономъ на защитника обязанностей. По этимъ соображеніямъ палата постановила о дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, подвѣдомственныхъ совѣтамъ, сообщить симъ послѣднимъ, а объ остальныхъ—предсѣдателямъ окружныхъ судовъ.

„Тогда принадлежащіе къ Московскому судебному округу, и, слѣдовательно, подлежащіе сословному суду Московскаго совѣта, присяжные повѣренные М., С. и Т. и пом. прис. пов. Б. подали въ совѣтъ за общей подписью письменное объясненіе, въ коемъ изложили, что, прибывъ въ гор. В. за нѣсколько дней до слушанія дѣлъ о крестьянскихъ безпорядкахъ, они имѣли время выяснить, какимъ тяжкимъ административнымъ карамъ были подвергнуты подсудимые еще до суда; кары эти не были мѣрами предупрежденія и пресѣченія преступленія, такъ какъ были пред-

приняты уже послѣ того, какъ преступленія совершились; очевидно, что мѣры эти являлись уже наказаніемъ, и притомъ наказаніемъ, превосходившимъ своей тяжестью не только кары, налагаемыя по ст. 269[1] уложенія, но и всѣ кары, предусмотрѣнныя уголовными законами. Защитники не сомнѣвались, что второй разъ за одно и то же наказывать никого нельзя. Въ силу ст. 1 и 14 уст. уг. суд., никто не можетъ быть наказанъ безъ суда; если, однако, обнаружится, что подсудимый вопреки закону понесъ уже наказаніе, то судъ, по разъясненію Правительствующаго Сената (рѣш. уг. кас. д-та 1867 г. № 397, 1873 г. № 32), долженъ принять это во вниманіе и обсудить, не слѣдуетъ-ли примѣнить ст. 154 улож. о нак. и ст. 775 уст. уг. суд., т. е. ходатайствовать о помилованіи. Отъ суда зависитъ примѣнить указанныя статьи или нѣтъ, но выяснить и обсудить это обстоятельство—судъ обязанъ. Защитники пришли къ убѣжденію, что ихъ главная задача въ этомъ процессѣ должна состоять въ томъ, чтобы установить, что подсудимые уже наказаны за содѣянное и притомъ наказаны свыше всякой мѣры. Когда, во время судебнаго слѣдствія, были предложены вопросы для выясненія этихъ обстоятельствъ, предсѣдатель воспретилъ ихъ предлагать; на просьбу защиты, чтобъ вопросъ былъ обсужденъ палатою, предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ устраняетъ его своею властью. Послѣ этого для защитниковъ стало ясно, что они только формально будутъ числиться защитниками, не имѣя возможности вести защиту въ дѣйствительности. Занимать же мѣста для защиты, возбуждать ложное представленіе, будто процессъ происходитъ съ участіемъ защитниковъ,— и въ то же время сознавать полную невозможность исполнить долгъ защитниковъ такъ, какъ они его понимали по крайнему своему разумѣнію и какъ велѣла имъ совѣсть, они считали несоотвѣтствующимъ своему достоинству. Объяснивъ подсудимымъ свое положеніе, они съ ихъ согласія отказались отъ дальнѣйшаго участія въ защитѣ и подали приложенное къ дѣлу заявленіе. Они глубоко убѣждены, по обстоятельствамъ процесса, что отказъ отъ защиты нисколько не ухудшилъ участи подсудимыхъ.

„Сословный судъ, всесторонне разсмотрѣвъ дѣло, постановилъ мотивированную резолюцію, наиболѣе интересными моментами которой являются слѣдующія соображенія:

„Какъ это явствуетъ изъ обстоятельствъ дѣла, отказавшись отъ защиты, гг. М. С., Т. и Б. пользовались только правомъ, несомнѣнно, принадлежавшимъ имъ по закону; отсюда уже слѣдуетъ, что привлеченіе названныхъ лицъ къ дисциплинарной отвѣтственности не имѣетъ для себя законной почвы. Такъ представляется настоящее дѣло съ формальной его стороны. Совѣтъ не можетъ, однако, ограничиться одной этой стороной, такъ какъ по самому существу обязанностей, соединенныхъ съ званіемъ

присяжнаго повѣреннаго, отвѣтственность его далеко не предопредѣляется одной только формой. Бываютъ такія права, пользоваться которыми предосудительно, и человѣкъ формально правый можетъ глубоко возмущать общественную совѣсть.

„Совершенно иными являются права, которыми воспользовались обвиняемые.

„По рѣшенію совѣта, дискреціонной властью предсѣдателя на судѣ, совершенно устранившаго отъ всякаго изслѣдованія и обсужденія вопросъ о предварительныхъ административныхъ карахъ, которымъ подсудимые были подвергнуты до суда, защита обвиняемыхъ была поставлена въ условія, для нея невозможныя; по тщательномъ изученіи дѣла, защитники пришли къ твердому убѣжденію, что планъ защиты можетъ быть только одинъ: согласно разъясненіямъ Правительствующаго Сената, домогаться зачета наказанія, отбытаго уже подсудимыми по распоряженію административныхъ властей,—и планъ этотъ разрушался въ самой своей основѣ; защитникамъ послѣ этого ничего не оставалось болѣе, какъ заявить протестъ и затѣмъ сложить свое оружіе, что они и сдѣлали.

„Такимъ образомъ, совѣтъ находитъ, что они дѣйствовали не только правомѣрно, но и вполнѣ согласно съ тѣми требованіями, которымъ, говоря словами комментаторовъ нашихъ судебныхъ уставовъ, должны удовлетворять присяжные повѣренные вообще: въ дѣйствіяхъ ихъ отражалась не одна только законность, но и полная справедливость.

„Настоящее дисциплинарное производство возникло въ совѣтѣ не по жалобамъ крестьянъ, которые могли бы считать себя потерпѣвшими, а по сообщенію харьк. суд. палаты.

„Крестьяне—потерпѣвшими себя не считаютъ, такъ какъ отказъ отъ защиты былъ произведенъ обвиняемыми адвокатами по предварительному съ ними, крестьянами, соглашенію.

„На основаніи этихъ доводовъ совѣтъ опредѣляетъ: присяжныхъ повѣренныхъ М., С. и Т. и пом. прис. пов. В. дисциплинарной отвѣтственности не подвергать“.

Нѣтъ сомнѣнія, что такой финалъ дѣла долженъ вызвать крики ярости въ реакціонномъ лагерѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что г.г. Грингмутъ, Мещерскій и К° будутъ вопить о „произволѣ“ присяжныхъ повѣренныхъ. Вѣдь, по мнѣнію этихъ господъ, непогрѣшима лишь одна администрація, а общество, земство, печать, судъ и т. д.—суть вѣчные носители произвола. Любопытны въ этомъ отношеніи нападки кн. Мещерскаго и обвиненіе имъ въ „либерализмѣ“,—кого бы вы думали?—г. С—на изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“!...

Дѣло въ слѣдующемъ:

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“, газетѣ, какъ извѣстно, офиціальной, сообщенъ такой, перепечатанный всѣми газетами, фактъ:

„27-го сентября 1903 года въ г. Саратовѣ вышелъ на пристань генералъ, ѣхавшій на пароходѣ въ г. Казань изъ г. Перми. Въ числѣ другихъ лицъ на пристани стояли студентъ московскаго сельско-хозяйственнаго института Александръ Андреевъ, онъ же Даниловъ, и житель г. Сарапуля Иванъ Меншиковъ. Увидѣвъ генерала, Андреевъ громко, такъ, чтобы всѣ слышали, сказалъ: „Вотъ кокардникъ. Разъ кокардникъ, значитъ, прохвостъ, а если красноподкладочникъ, генералъ, значитъ—сволочь. Всѣ они—сволочь“. А затѣмъ произнесъ площадную брань и прибавилъ: „Всѣхъ генераловъ или вѣшать, или морду имъ бить“. Желая задержать студента и видя, что полицейскихъ стражниковъ по близости нѣтъ, а стоятъ они лишь у трапа, генералъ направился туда. Когда онъ проходилъ мимо Андреева, послѣдній сказалъ, обращаясь къ Меншикову: „Вотъ идетъ красная подкладка, хочешь, я дамъ ему въ морду“,—и вслѣдъ за тѣмъ, повернувъ за генераломъ, нанесъ ему довольно сильный ударъ въ спину. Генералъ приказалъ стражникамъ задержать Андреева, что и было исполнено. За этотъ проступокъ Андреевъ подвергнутъ въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ на два года и высылкѣ затѣмъ на два года въ Якутскую область подъ гласный надзоръ полиціи“.

Возмутившись, разумѣется, поступкомъ Андреева, г. С—нъ попробовалъ указать въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ на то обстоятельство, что Андреева вмѣсто наказанія въ порядкѣ административномъ было бы гораздо лучше предать за его поступокъ суду. На эту то элементарно справедливую мысль г. С—на князь Мещерскій отвѣтилъ немедленно въ „Гражданинѣ“ слѣдующими дикими строками:

„Г. С—нъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, по поводу дерзкаго нападенія какого-то хулигана на генерала, побуждаетъ меня говорить въ „Дневникѣ“ сегодня на ту же тему, какъ вчера и третьяго дня.

„Говорившии здраво въ началѣ своей статьи, г-нъ С—нъ въ концѣ ея вдругъ сворачиваетъ на путь прогресса и либерализма и начинаетъ городить несообразности какъ разъ въ ту минуту, когда читатель ожидаетъ отъ сего разумнаго разрѣшенія авторомъ поставленнаго вопроса: какъ лѣчить зло, порождающее такія уродливыя явленія, какъ тѣ, о которыхъ онъ говоритъ?

„Это оригинальная черта либеральной болтовни: разрѣшеніе, данное себѣ каждымъ болтуномъ, въ грошъ не ставить здраваго смысла. Консерватору не прощаютъ, когда онъ говоритъ, не только ни одной ошибки, но ни одной обмолвки, а либеральному болтуну дается широкая привилегія: быть въ противорѣчіи съ логикою науки, жизни и здраваго смысла.

„Пользуясь этою привилегіею, г. С—нъ самымъ развязнымъ образомъ разрѣшаетъ себѣ говорить снисходительнѣе о нагломъ нападеніи студента-агронома на генерала, чѣмъ о той административной карѣ, которую правительство признало нужнѣе, чѣмъ отдать этого негодяя подъ уголовный судъ.

„Выскажи такое сужденіе гимназистъ, я бы нашелъ его естественнымъ проявленіемъ шалаго и невоспитаннаго ни въ какой дисциплинѣ вольнодумца; но когда это говоритъ пожилой человѣкъ на столбцахъ газеты, претендующей на серьезность, тогда приходится опять и по этому поводу воскликнуть: господа, какіе мы варвары! И въ самомъ дѣлѣ, только въ варварскомъ состояніи можно находить, что когда администрація наказываетъ сорванца на улицѣ за дерзкое нападеніе на генерала, тогда надъ этимъ надо скорбѣть и плакать, какъ будто чьи-либо права оскорблены или нарушены, а когда за возмездіе принимается судъ, то-есть то же самое правительство, но въ видѣ лицъ, облаченныхъ въ мундиры съ другими пуговицами, тогда всѣ должны быть удовлетворены, и оскорбленный генералъ и вся Россія, хотя бы результатомъ этого суда былъ арестъ 3 дней за нанесеніе побоевъ генералу!

„Повторяю: такое кривомысліе мыслимо только въ томъ состояніи непросвѣщенномъ, которое называютъ варварствомъ.

„Охъ, давно пора, господа С—ны, съ этими глупостями и пошлостями покончить и не мутить ими умы русскихъ людей, которымъ для того, чтобы жизнь стала на Руси сносною, до зарѣза нужно, чтобы и администрація, и судъ были тѣмъ же правительствомъ, тою же твердою, сильною и строгою властью"...

Во всемъ цивилизованномъ мірѣ судебныя и административныя функціи раздѣлены, а князь Мещерскій желаніе такого именно раздѣленія и называетъ результатомъ варварскаго состоянія нашего общества. По его мнѣнію, общество обнаруживаетъ непрактическую непослѣдовательность мысли, когда считаетъ себя удовлетвореннымъ, если за возмездіе принимается не администрація, а „судъ, т. е. то же самое правительство,—говоритъ онъ,—но въ видѣ лицъ, облаченныхъ въ мундиры съ другими пуговицами". Положимъ, что правительство и судъ не одно и то же, но сдѣлаемъ уступку князю Мещерскому и допустимъ, что онъ хотѣлъ сказать, что и судьи суть представители правительственной власти и ничего болѣе. Пусть такъ, но тогда отчего, напр., командирамъ полковъ и архимандритамъ, какъ тоже несомнѣннымъ представителямъ правительственной власти, не мѣняться иногда своими функціями, почему бы архимандритамъ и не выѣхать иногда на парады во главѣ полковъ, а полковымъ командирамъ не служить заутрень и обѣденъ? Вѣдь, лица эти отличаются, по мнѣнію князя

Мещерскаго, лишь „облаченіемъ“ и ничѣмъ болѣе... Такова логика *не варвара* князя Мещерскаго. Впрочемъ, до извѣстной степени онъ правъ, называя наше общество варварскимъ. Если бы это было не такъ, возможно ли бы было „Гражданину“ имѣть подписчиковъ и, еще болѣе того, возможно ли бы было самому князю Мещерскому пройти въ гласные петербургской городской думы? Дѣйствительно, варварство!... Мы очень плохого мнѣнія о русскихъ консерваторахъ, но неужели между ними такъ таки и нѣтъ никого, кто писалъ бы хоть сколько нибудь поумнѣе „Гражданина“ и его гражданиновцевъ.

Кстати о гражданиновцахъ: намъ еще разъ приходится вернуться къ пропагандируемой „Гражданиномъ“ мысли о необходимости создать въ Россіи организованную партію истинно русскихъ людей, которая укрѣпила бы въ жизни Россіи идеи „Гражданина“. Эти идеи сводятся, какъ извѣстно, къ знаменитымъ принципамъ своего рода „раздѣленія труда“ между сословіями. По этой теоріи, какъ извѣстно, „трудъ“ долженъ быть направленъ на служеніе общему для всѣхъ сословій отечеству, но формы этого служенія должны быть для каждаго изъ сословій различны: дворянство должно служить отечеству шпагою, духовенство—молитвами, а остальная canaille—деньгами и боками. Эти консервативные принципы давно извѣстны, и мы были убѣждены, что для отстаиванія въ жизни гражданиновскихъ идей возникающая партія консерваторовъ имѣетъ во главѣ своей какого нибудь кровнаго русскаго аристократа, можетъ быть, рюриковича, смотрящаго на самого князя Мещерскаго сверху внизъ, какъ на человѣка недостаточно родовитаго и недостаточно по своей генеалогіи русскаго. Мы думали, что статьи, призывающія къ организаціи партіи истинно русскихъ людей для спасенія Россіи отъ всякой инородческой скверны и подписанныя М. Ра—вичъ, принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, какому нибудь русскому другу, герцогу Рогану, но вождь истинно русскихъ людей вывелъ самъ насъ изъ заблужденія, подписавши въ № 103 „Гражданина“ новую статью объ организаціи консервативной партіи своимъ полнымъ именемъ. Это имя,—имя, навѣрно, славное въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ русской земли и грозное для инородцевъ,—это имя, которое мы такъ наивно смѣшали съ именемъ герцога до-Рогана или кого нибудь другого въ томъ же родѣ, это имя—*Моисей Рабиновичъ*...

Изъ статьи этого то лидера консервативной партіи мы и сдѣлаемъ длинную выдержку, отдавая ее почти безъ всякихъ комментаріевъ на судъ... виноватъ, на забаву нашихъ читателей. Выдержка эта направлена по нашему адресу и гласитъ слѣдующее:

„Съ тѣхъ поръ, какъ журналъ „Образованіе“ пересталъ быть педагогическимъ и съ помощью 1-хъ и 2-хъ ассистентовъ Максима Великаго превратился

въ литературный и „популярный" журналъ, онъ представляетъ собою нѣчто среднее между „самообразованіемъ" и „самоосвобожденіемъ". Если не ошибаюсь, внѣшность журнала также измѣнилась: заглавный листъ украшаетъ изображеніе фигуры съ длинными или, если я ошибаюсь, то съ болѣе длинными волосами; послѣднее, какъ извѣстно, служитъ у нашей молодежи выраженіемъ рѣзкаго недовольства современнымъ строемъ жизни. Эта фигура, съ прической à la Cléo de Mérode (монархическія тенденціи которой засвидѣтельствованы въ юмористическихъ журналахъ), должна собой изображать тотъ символъ, благодаря которому „въ минуту все стало зримымъ, незримое съ давнишнихъ поръ". Но читатель, очутившись „въ полѣ зрѣнія", разрѣшитъ недоумѣніе, вызванное этой фигурой. Какъ бы краткая надпись къ портрету изъ статьи „Въ полѣ зрѣнія" А. Богданова („Образованіе", Ноябрь, стр. 1—7)—„это тѣ, кто по натурѣ суровѣе и послѣдовательнѣе, кто слишкомъ ненавидитъ прошлое, чтобы питать симпатію даже къ его невиннымъ туманнымъ отраженіямъ, кто полнѣе чувствуетъ возрастающую силу реальной жизни и, полагаясь на нее, нигдѣ, кромѣ нея, не хочетъ искать опоры, наконецъ, тѣ, кто больше заботится объ окончательной побѣдѣ надъ прошлымъ, чѣмъ о предупрежденіи несимпатичнаго будущаго" (стр. 6). Особенно конецъ хорошъ. Эта грозная тирада изъ небольшой, но прекрасно изложенной лекціи по философіи Максима Великаго, извѣстнаго знатока ея Ѳомы Гордѣева, скрывающагося подъ скромнымъ псевдонимомъ „А. Богдановъ". Въ той же ноябрьской книгѣ журнала „Образованіе", къ которому я еще возвращусь для характеристики нашихъ либеральныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ „Изъ русскихъ изданій" читаемъ:—еще объ организаціи консервативной партіи или „арміи благоразумныхъ". Замѣтка въ видѣ предисловія, обширная выдержка изъ статьи, посвященной вопросу о необходимости организаціи обществъ консервативно мыслящихъ для противодѣйствія росту соціализма и пропаганды революціонныхъ идей, и еще замѣтка, какъ послѣсловіе. Обѣ замѣтки написаны на одинъ изъ популярныхъ теперь мотивовъ „пѣсни торжествующаго соціализма" и заключаютъ въ себѣ такія характеристики консервативныхъ элементовъ Россіи, какъ отождествленіе ихъ съ Охотнымъ рядомъ и т. д. Нескрываемыя, искреннія чувства, питаемыя нашими соціалистами (простите за откровенность) по отношенію къ каждому факту общественной жизни, свидѣтельствующему о жизнедѣятельности консерватизма, давно и хорошо извѣстны, и я, конечно, не заговорилъ бы объ этихъ замѣткахъ, если бы не заключительная мысль въ нихъ, представляющая попытку выставить въ ложномъ свѣтѣ задачи дѣятельности зарождающагося общества. „Это-ли еще не перспектива, отъ которой по нервамъ „либераловъ" долженъ пробѣжать трепетъ ужаса?!"—пишетъ одинъ изъ „этихъ либераловъ"

о мѣрахъ для борьбы съ развитіемъ соціализма.—„А можетъ быть, вновь организованная партія спасителей отечества пойдетъ и еще дальше (на возможность этого указываетъ вышеприведенный эпиграфъ къ статьѣ г. Ра—вича: similia similibus curantur), можетъ быть, мы еще увидимъ на Невскомъ проспектѣ и на главныхъ улицахъ другихъ русскихъ городовъ манифестаціи, устроенныя новой партіей“.

„Смѣю завѣрить, что нѣтъ. Къ вящшему разочарованію „либераловъ“, дѣятельность возникающаго общества будетъ заключаться въ серьезномъ проникновеніи въ нужды окружающей жизни, а не въ устройствѣ контръ-демонстрацій. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее, въ качествѣ программы дѣятельности общества, было бы, съ точки зрѣнія „либераловъ“, болѣе желательнымъ, такъ какъ они прекрасно понимаютъ ничтожность значенія уличныхъ демонстрацій въ сравненіи съ тихой подпольной работой, систематической повсемѣстной пропагандой, дающей крупные результаты въ смыслѣ развращенія ума и сердца. „Либералы“ не только узрѣли бы съ скрытымъ удовольствіемъ важную тактическую ошибку противника, который этимъ далъ бы имъ возможность отвлечь вниманіе отъ настоящаго ихъ „операціоннаго базиса“, но даже сами забѣгаютъ впередъ и указываютъ, какъ бы невзначай, ложную дорогу, ибо ни эпиграфъ къ статьѣ, ни сама статья не только не содержатъ указаній на возможность этого рода дѣятельности общества, но, наоборотъ, въ статьѣ въ общихъ чертахъ опредѣлены задачи предстоящей дѣятельности, въ которой руководящимъ принципомъ является борьба противъ врага его же оружіемъ.

„Но развѣ уличныя демонстраціи—оружіе? Развѣ толпа, состоящая наполовину изъ мальчиковъ и дѣвочекъ и наполовину изъ россійскихъ камло, въ отличіе отъ парижскихъ, безъ платы всегда готовыхъ дать волю своей натурѣ, воспѣтой Максимомъ Великимъ, развѣ эта толпа, привлекаемая для устройства уличныхъ безпорядковъ,—оружіе, а не орудіе, слѣпое орудіе въ рукахъ тѣхъ, кто „отъ Урала до Дуная“, отъ Петрограда до Штутгарта и до Женевы крѣпко сплотился въ обширную организацію, пустивъ глубокіе корни во всѣхъ уголкахъ Россіи?

„Консервативно мыслящіе, твердо сознавая различіе между оружіемъ врага, которымъ они будутъ бороться противъ него же, и несчастными орудіями его злой воли, въ своей дѣятельности проявятъ любовь и сердечное попеченіе о дѣйствительныхъ нуждахъ молодежи, рабочихъ, которыхъ врагъ толкаетъ на преступленіе, скрываясь самъ или за границей, или „въ кавычкахъ“.

Въ какой то газетѣ мы недавно читали жалобу на отсутствіе у насъ юмористическихъ изданій. Не правда ли, читатель, какая клевета! Должно быть, авторъ жалобной замѣтки не читалъ произведенія г. Моисея Раби-

новича, иначе его тоскующее по юмористикѣ сердце, навѣрно бы, возликовало.

А какова перспектива для молодежи и рабочихъ! Въ ихъ измученныя сердца прольетъ цѣлительный бальзамъ самъ г. Моисей Рабиновичъ и прольетъ его въ формѣ „любви и сердечнаго попеченія". Какъ отъ такихъ лучезарныхъ перспективъ не воскреснуть духомъ!...

* * *

Въ послѣднее время газеты снова принесли нѣсколько извѣстій, обратившихъ на себя общественное вниманіе.

Газетѣ „Казбекъ" сообщаютъ изъ Карса:

„5 января сдѣлано было покушеніе на убійство полицеймейстера князя Херхеулидзе. Состоящій при немъ городовой раненъ въ грудь на вылетъ. Одинъ злоумышленникъ раненъ и задержанъ. Князь Херхеулидзе остался невредимъ".

Дальнѣйшія подробности карскаго происшествія, по словамъ той же газеты, сводятся къ слѣдующему:

„Полицеймейстеръ проходилъ по Михайловской улицѣ, сопровождаемый однимъ городовымъ-чеченцемъ. Утро было въ этотъ день туманное. Около персидской мечети на полицеймейстера напало трое неизвѣстныхъ людей, начавшихъ стрѣлять въ него изъ револьвера. Городовой выхватилъ свой револьверъ, выстрѣлилъ въ одного изъ злодѣевъ, ранивъ его въ ногу, но самъ въ то же время былъ раненъ въ грудь на вылетъ. Другого преступника ранилъ кн. Херхеулидзе. Двое изъ злодѣевъ успѣли скрыться, а третій задержанъ. Раненый городовой, такъ самоотверженно спасшій жизнь своего начальника, несмотря на нестерпимую боль въ груди, не оставилъ своего начальника и довелъ его до зданія полиціи и затѣмъ только былъ отправленъ въ пріемный покой для оказанія помощи. Розыски скрывшихся преступниковъ дѣятельно продолжаются".

Въ ночь съ 8 на 9 января было совершено покушеніе на жизнь ломжинскаго губернатора барона Корфа. По этому поводу въ „Новомъ Времени" помѣщена слѣдующая корреспонденція изъ Ломжи:

„Ночью съ 8 на 9 января ломжинскій губернаторъ баронъ Семенъ Николаевичъ Корфъ возвращался домой въ открытомъ экипажѣ. На козлахъ сидѣлъ, кромѣ кучера, всегда сопровождавшій его въ объѣздахъ по губерніи стражникъ Малиновскій. Лошади все время бѣжали ровною рысью, отъ 10 до 12 верстъ въ часъ. Ночь была темная и дорогу освѣщали только фонари экипажа. Губернаторъ дремалъ и былъ пробужденъ выстрѣломъ, за которымъ сейчасъ же слѣдовали второй и третій выстрѣлы. Онъ и стражникъ одновременно вскрикнули: „стой!" Лошадей моментально оста-

новилъ кучеръ, а стражникъ соскочилъ съ козелъ и погнался за стрѣлявшимъ, который быстро побѣжалъ отъ экипажа въ сторону отъ шоссе, къ дворамъ дер. Калиново, расположенной у самаго шоссе. Стражникъ, перебѣгая шоссейный ровъ, споткнувшись, упалъ; пока онъ поднимался, преступникъ, перебѣжавъ дворъ и перескочивъ за огородку, скрылся въ полѣ, гдѣ его уже не было видно.

„Все это совершилось чрезвычайно быстро, не болѣе одной минуты. Баронъ Корфъ полагалъ сначала, что всѣ пули проскочили мимо него, и только утромъ увидѣлъ, что фуражка, которая была на немъ въ дорогѣ, пробита, несомнѣнно, пулею, въ двухъ противоположныхъ сторонахъ, и вспомнилъ тогда, что одновременно съ пробужденіемъ отъ выстрѣла фуражка соскочила съ головы, но онъ приписалъ это порывистому движенію отъ внезапнаго пробужденія.

„По словамъ стражника, преступникъ, вѣроятно, поджидалъ проѣзда губернатора, сидя за камнями, приготовленными для устилки шоссе, откуда подскочилъ неожиданно къ экипажу, отъ котораго шагахъ въ двухъ сдѣлалъ первый выстрѣлъ. Насколько могъ замѣтить въ темнотѣ стражникъ, преступникъ человѣкъ молодой, роста небольшого, одѣтъ въ костюмъ не крестьянскій и вообще человѣка нерабочаго.

„Фактъ покушенія, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, произвелъ глубокое и даже потрясающее впечатлѣніе не только на окружающихъ губернатора, но и на все населеніе губерніи. Всѣ недоумѣваютъ, какая причина могла побудить къ такому дерзкому преступленію и притомъ противъ того лица, котораго за семь лѣтъ всѣ въ губерніи, отъ мала до велика, знали и уважали; всѣ къ нему свободно шли со всякими просьбами и были увѣрены, что всѣ нужды и всякое горе его трогаютъ и онъ, если только былъ въ состояніи, всегда приходилъ на помощь.

„Насколько неожиданно было покушеніе и для самого барона Корфа, очевидно изъ гони. Слѣдствіе производится. Осмотромъ фуражки установлено, что пуля прошла съ тыльной стороны фуражки въ направленіи къ козырьку“.

Въ „Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано:

„Подольскій губернаторъ объявляетъ благодарность полицейскому уряднику 16-го участка Ольгопольскаго уѣзда Лисецкому за примѣрную и выдающуюся храбрость и распорядительность, проявленныя имъ во время крестьянскихъ безпорядковъ въ с. Горячковѣ въ ночь на 21 ноября“.

Въ „Южномъ Краѣ“ напечатанъ слѣдующій приказъ по войскамъ кіевскаго военнаго округа:

„Командиръ 29-го драгунскаго одесскаго полка предалъ младшаго унтеръ-офицера того же полка Потапа Лохманюка кіевскому военно-окруж-

ному суду по обвиненію въ томъ, что, питая злобу на своего эскадроннаго командира, ротмистра Шахтахтинскаго, за нанесеніе ему нѣсколькихъ ударовъ по лицу, рѣшилъ его убить, для чего взялъ изъ эскадронной канцеляріи четыре боевыхъ патрона и, зарядивъ казенную 3-хъ-линейную винтовку, произвелъ въ ротмистра Шахтахтинскаго выстрѣлъ въ то время, когда офицеръ этотъ ѣхалъ на занятія въ мѣстѣ расположенія полка въ г. Ахтыркѣ, и причинилъ ему легкую рану въ правую ногу и увѣчье правой руки. „Относя преступленіе, совершенное унтеръ-офицеромъ Лохманюкомъ,—говорится въ приказѣ,—къ особенно важному нарушенію воинской дисциплины, предлагаю, на основаніи 91 ст. XXII кн. с. в. п 1869 года изд. 3, кіевскому военно-окружному суду разсмотрѣть дѣло объ унтеръ-офицерѣ Лохманюкѣ съ примѣненіемъ къ нему наказанія, опредѣленнаго для военнаго времени“.

Въ одесскихъ газетахъ напечатано, что городовые одесской полиціи Михаилъ Бондаренко и Иванъ Левицкій привлекались въ окружномъ судѣ къ отвѣтственности по 1525 и 1526 ст. Улож. о наказ. за гнусное насиліе надъ замужней женщиной, совершенное ими при исправленіи своихъ служебныхъ обязанностей. По постановленію суда, дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, и публика была впущена въ залъ только для выслушанія приговора. На основаніи безусловно обвинительнаго вердикта присяжныхъ засѣдателей, Бондаренко и Левицкій приговорены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на четыре года съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія Послѣ объявленія приговора, оба осужденные, находившіеся до того времени на свободѣ, были немедленно взяты подъ стражу.

Другой, обратившій на себя общественное вниманіе, судебный процессъ разбирался въ варшавской судебной палатѣ по обвиненію бывшаго сѣдлецкаго полицеймейстера, нынѣ состоящаго начальникомъ земской стражи въ Соколовскомъ уѣздѣ, Романа фонъ-Арнольда, стражниковъ Пивня, Петручука и Новицкаго и пожарнаго служителя Келишка въ истязаніи арестованнаго, съ цѣлью вынужденія у него сознанія во взводимомъ на него преступленіи. Обстоятельства этого дѣла состоятъ въ слѣдующемъ:

„Изъ аптеки Сковронскаго въ Сѣдлецѣ 28-го октября 1900 г. было похищено 72 руб. 16 коп. Подозрѣніе пало на служащаго при аптекѣ оеона Садовскаго, который въ эту ночь спалъ въ аптекѣ. По приказу полицеймейстера Садовскій былъ арестованъ и препровожденъ въ участокъ. Свидѣтели Кошовскій и Рутковскій видѣли, какъ стражникъ Пивень ввелъ Садовскаго въ дежурную комнату. Минуты двѣ спустя указанные свидѣтели, равно какъ и находившіеся въ арестѣ при полиціи заключенные, услыхали глухіе удары и пронзительные крики. Это продолжалось около 10-ти минутъ, а затѣмъ Садовскій, весь въ слезахъ, былъ отведенъ къ полицей-

мейстеру. Проходя по коридору, Садовскій спрашивалъ дрожащимъ голосомъ, за что его такъ бьютъ. Несмотря на усердныя „убѣжденія", Садовскій не желалъ сознаваться въ приписываемомъ ему преступленіи и давалъ противорѣчивыя показанія. Полицеймейстеръ нѣсколько разъ отправлялъ Садовскаго въ „дежурную комнату", откуда его опять приводили на допросъ къ полицеймейстеру. Наконецъ, обвиняемый принялъ на себя вину и просилъ, чтобы его отвели на дворъ дома, гдѣ помѣщалась аптека, куда его и отправили подъ надзоромъ стражниковъ. Прибывъ, однако, на аптечный дворъ, Садовскій бросился въ ретирадную яму съ намѣреніемъ утопиться. Съ трудомъ только удалось его спасти, послѣ чего онъ опять былъ отправленъ въ участокъ и приведенъ въ дежурную комнату. И опять оттуда послышались удары и пронзительные крики. Когда крики прекратились, Садовскаго ввели въ арестное помѣщеніе, гдѣ, не будучи въ силахъ стоять на ногахъ, онъ упалъ въ обморокъ. На вопросы другихъ арестованныхъ, что съ нимъ, Садовскій отвѣчалъ, что его столь сильно избили стражники. Приглашенный по требованію арестованныхъ фельдшеръ не осмотрѣлъ больного. Въ этотъ же день вечеромъ Садовскій снова былъ приведенъ въ канцелярію полицеймейстера, гдѣ сознавался въ совершеніи преступленія и просилъ, чтобы его отослали въ аптеку, гдѣ онъ разскажетъ всю правду Скворонскому и вернетъ ему деньги. Просьба его была удовлетворена, и Садовскій былъ отведенъ въ аптеку, но по дорогѣ въ аптечную кухню онъ убѣжалъ въ подвалъ, гдѣ и скрылся; стражники побѣжали за нимъ и нашли его лежащимъ на землѣ подлѣ опрокинутой бутылки съ сѣрной кислотой: было очевидно, что Садовскій отравился. Сейчасъ же была ему оказана помощь, и онъ былъ отправленъ въ больницу, гдѣ и скончался на слѣдующій день. Передъ смертью въ полномъ сознаніи онъ разсказалъ больнымъ и больничнымъ служителямъ, что его страшно истязали, а послѣ исповѣди сказалъ священнику, что, зная, что черезъ минуту ему придется предстать предъ лицомъ Бога, онъ говоритъ правду, и что онъ совершенно невиновенъ въ приписываемомъ ему преступленіи. Судебно-медицинская экспертиза приписала смерть отравленію сѣрною кислотой, но при этомъ констатировала на тѣлѣ умершаго слѣды сильныхъ побоевъ: вѣки, спина, грудь, ноги были сплошь покрыты кровоподтеками и ранами. Подсудимые, привлеченные къ судебной отвѣтственности по 345-й и 1,466 стт. Угол. Улож., не признали себя виновными. Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло, приговорила фонъ-Арнольда къ двумъ мѣсяцамъ ареста при гауптвахтѣ, а Пивня, Новицкаго, Петручука и Келишка каждаго къ четыремъ мѣсяцамъ тюрьмы."

* * *

17 января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось слѣдующее Высочайшее повелѣніе, объявленное правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ:

„О предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству. Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ полагалъ:

1) Предоставить ему, министру, назначить на текущее трехлѣтіе предсѣдателей и членовъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ, безъ производства предусматриваемыхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вторичныхъ на эти должности выборовъ, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающіяся чрезвычайныя тверское губернское и новоторжское уѣздное земскія собранія.

2) Сохранить на 1904 годъ дѣйствіе тверской губернской земской смѣты и раскладки предшествовавшаго года съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія оныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ испрашивалось Высочайшее на сіе соизволеніе въ порядкѣ, установленномъ 94-й статьей положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

3) Подлежащія разсмотрѣнію чрезвычайныхъ тверского губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земскихъ собраній текущія дѣла разрѣшить въ порядкѣ, указанномъ въ 95-й статьѣ того же положенія.

4) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать пребываніе въ предѣлахъ Тверской губерніи или отдѣльныхъ ея мѣстностей лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія.

5) Предоставить тверскому губернатору устранять отъ службы по земству вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія лицъ, состоящихъ на оной по приглашенію или назначенію земскихъ управъ и ихъ предсѣдателей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ семъ Его Императорскому Величеству, 8-го января 1904 г., благоугодно было собственноручно начертать: „*Согласенъ*“.

Въ дополненіе къ этому Высочайшему повелѣнію въ томъ же номерѣ „Правительственнаго Вѣстника“ напечатано слѣдующее:

„Дѣятельность земскихъ учрежденій Тверской губерніи давно уже обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ государственнаго порядка. Объ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ проявленіяхъ этого направленія неоднократно доводимо было до Высочайшаго свѣдѣнія, и къ устраненію ихъ, по особымъ Монаршимъ указаніямъ, при-

нимались необходимыя мѣры. Внося временное отрезвленіе въ среду земскихъ дѣятелей, эти мѣры не могли, однако, направить земство на правильный путь. За послѣдніе годы вредное настроеніе тверского губернскаго земства еще болѣе усугубилось, выражаясь, между прочимъ, въ неумѣстныхъ сужденіяхъ на земскихъ собраніяхъ, безплодно волновавшихъ умы, и въ постоянномъ стремленіи, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для дѣла итти наперекоръ мѣстной власти.

„Наряду съ симъ въ Тверской губерніи обнаружились отступленія отъ закона и въ самомъ устройствѣ земскихъ учрежденій. Въ составѣ ихъ постепенно возникли не предусмотрѣнныя закономъ самостоятельныя исполнительныя учрежденія, въ видѣ особыхъ комиссій и совѣтовъ, состоящихъ въ значительной части изъ лицъ, служащихъ по вольному найму. Такія комиссіи и совѣты учреждались какъ бы въ помощь земскимъ управамъ, но съ теченіемъ времени въ ихъ рукахъ сосредоточилось непосредственное завѣдываніе отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и, такимъ образомъ, дѣйствительная власть въ направленіи земскихъ дѣлъ мало по малу перешла къ лицамъ, служащимъ въ земствѣ по найму и ничѣмъ съ данной мѣстностью не связаннымъ. Въ то же время среди этихъ лицъ обнаружилось стремленіе сплотиться въ своего рода сообщество и допускать въ него, по собственному выбору и указанію, лишь людей, съ ними единомышленныхъ.

„Отмѣченное явленіе и связанныя съ нимъ нежелательныя послѣдствія сказались съ особою силою въ дѣятельности земства по народному образованію. Учебное вѣдомство неоднократно сообщало министру внутреннихъ дѣлъ, что въ земствахъ Тверской губерніи возникли при управахъ особые совѣты съ участіемъ въ нихъ народныхъ учителей и учительницъ, затрудняющіе правительственный въ этой области надзоръ учебнаго начальства. Такъ, при новоторжской уѣздной земской управѣ, согласно желанію собранія учителей народныхъ училищъ, образованъ въ 1903 году съ участіемъ ихъ комитетъ, дѣятельность коего началась немедленно же мѣрами, направленными къ устраненію учителей, неугодныхъ большинству комитета.

„Заявленія учебнаго начальства о неправильномъ отношеніи новоторжскаго уѣзднаго земства къ дѣлу народнаго образованія въ полной мѣрѣ подтвердились обозрѣніемъ дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи, по Высочайшему повелѣнію произведеннымъ гофмейстеромъ Штюрмеромъ въ концѣ прошлаго года, а также свѣдѣніями, поступавшими въ департаментъ полиціи.

„При этомъ выяснилось, что перемѣщеніе исполнительной, а отчасти и распорядительной власти изъ вѣдѣнія управъ въ вѣдѣніе установленій, состоящихъ изъ наемныхъ лицъ, и возрастающее ихъ вліяніе на ходъ

земскихъ дѣлъ и въ частности на замѣщеніе должностей привели къ проникновенію въ среду земскихъ служащихъ Тверской губерніи значительнаго количества лицъ, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ составъ народныхъ учителей, несмотря на то, что инспекторомъ народныхъ училищъ не были допущены къ назначенію до 40% предположенныхъ состоящимъ при управѣ комитетомъ кандидатовъ на должности учителей земскихъ школъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого преобладанія подобныхъ лицъ въ названномъ уѣздѣ явилось стремленіе обратить школьное преподаваніе въ орудіе пропаганды не только противъ существующихъ государственнаго и общественнаго строя но и противъ религіи. При чтеніяхъ по естествовѣдѣнію развивалась мысль что нѣтъ божества, и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, на квартирѣ одного изъ народныхъ учителей Новоторжскаго уѣзда найденъ складъ революціонныхъ изданій, при чемъ выяснено, что эти изданія распространялись народными учителями среди учениковъ и черезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослаго населенія. Обнаружено, что учителя читали ученикамъ литературныя произведенія, разсчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и церкви, а чтенія произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождались объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противогосударственныхъ воззрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; напримѣръ, чтеніе „Капитанской дочки“ Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежною чернью и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподаванія, видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніи прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны возмутительныя и дерзко-кощунственныя сужденія о церкви и духовенствѣ.

„При такомъ положеніи школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи знаменательнымъ представляется постановленіе губернскаго земскаго собранія минувшаго года по школьному вопросу въ Тверскомъ уѣздѣ. Войдя безъ особыхъ къ тому основаній въ обсужденіе ходатайства Тверского уѣзднаго земства о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству, губернское земское собраніе постановило принять по отношенію къ названному земству цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, а именно: закрыть уѣзду, со времени передачи школъ духовенству, кредитъ на медикаменты и учебныя пособія, потребовать немедленно возврата всѣхъ ссудъ, выданныхъ ему изъ школьно-строительнаго капитала и т. д., при чемъ, какъ значится въ утвержденномъ собраніемъ докладѣ, земское

собраніе вполнѣ сознавало, насколько тяжело отразятся предложенныя мѣры на населеніи Тверского уѣзда.

„Все изложенное въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь избранный на трехлѣтіе 1904—1906 гг. составъ Тверской губернской и Новоторжской уѣздной земскихъ управъ не даетъ основанія ожидать устраненія указанныхъ выше печальныхъ явленій, и что послѣднее Тверское очередное губернское собраніе, найдя время для весьма подробнаго обсужденія упомянутаго ходатайства Тверского уѣзднаго земства, разошлось ранѣе срока, положеннаго для его занятій, не приступивъ къ разсмотрѣнію земской смѣты на 1904 годъ, поставило министра внутреннихъ дѣлъ въ необходимость представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ о принятіи особыхъ мѣръ къ упорядоченію дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи. Высочайшее по сему докладу повелѣніе состоялось 8-го сего января. Устраняя главнѣйшія изъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному теченію земскаго дѣла въ Тверской губерніи, указанныя Высочайшимъ повелѣніемъ мѣры могутъ облегчить возможность благонамѣреннымъ лицамъ въ составѣ земскихъ учрежденій водворить въ нихъ порядокъ и придать ихъ дѣятельности согласное съ закономъ и дѣйствительными потребностями населенія направленіе“.

Въ замѣткѣ по поводу этого событія г. С—нъ говоритъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что фактъ этотъ „безпримѣрный“. Такое утвержденіе не отвѣчаетъ истинѣ: въ 1867 году въ замѣнявшемъ тогда „Правительственный Вѣстникъ“ офиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверная Почта“ было опубликовано слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

„Государь Императоръ, принимая во вниманіе, что С.-Петербургское губернское земское собраніе съ самаго открытія своихъ засѣданій дѣйствуетъ несогласно съ закономъ и вмѣсто того, чтобы подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Закрыть и распустить нынѣшнее С.-Петербургское губернское земское собраніе.

2) Закрыть въ С.-Петербургской губерніи губернскую и уѣздныя управы.

3) Пріостановить въ С.-Петербургской губерніи впредь до дальнѣйшаго

повелѣнія дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года и дополнительныхъ къ нему узаконеній.

4) Всѣ дѣла и суммы управъ передать въ вѣдѣніе тѣхъ установленій, которыя завѣдывали ими до введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій.

5) Внесенные въ губернское собраніе отчетъ и докладъ губернской земской управы отъ 3 января сего года передать для разсмотрѣнія и законнаго постановленія 1-го департамента правительствующаго сената.

6) Предсѣдателя губернской управы считать отрѣшеннымъ, а всѣхъ другихъ членовъ управы уволенными отъ должностей [1]).

Такое положеніе вещей продолжалось въ Петербургскомъ земствѣ до 17 мая того же 1867 года.

Въ 1888 году было закрыто Череповецкое уѣздное земство.

Такимъ образомъ, вопреки утвержденію г. С—на, факты съ Тверскимъ и Новоторжскимъ земствами не являются фактами „безпримѣрными".

* * *

Въ „Финляндской газетѣ" напечатано слѣдующее:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, представленному по соглашенію главнаго управленія отдѣльнаго корпуса жандармовъ и финляндскаго статсъ-секретаріата, 27 ноября (10 декабря) Высочайше соизволилъ утвердить штатъ финляндскаго жандармскаго управленія, съ тѣмъ, чтобы означенный штатъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1 января 1904 г. (по новому стилю.) Ежегодный расходъ на содержаніе жандармскаго управленія опредѣленъ въ размѣрѣ 164,934 руб. 30 к. золотомъ (659,737 мар. 20 пен.). Единовременный расходъ, вызываемый усиленіемъ состава финляндскаго жандармскаго управленія—7,014 р. 40 коп. золотомъ.

„Та же газета сообщаетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, представленному по соглашенію главнаго управленія отдѣльнаго корпуса жандармовъ и финляндскаго статсъ-секретаріата, 28 октября (10 ноября) с. г. Высочайше соизволилъ утвердить постановленія объ утвержденіи инструкціи чинамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: I) впредь до передачи паспортнаго надзора въ исключительное вѣдѣніе чиновъ корпуса, установить постоянное наблюденіе ихъ за дѣятельностью въ семъ отношеніи таможенъ; II) вмѣнить чинамъ таможеннаго вѣдомства Финляндіи въ обязанность: 1) въ случаѣ полученія отъ чиновъ корпуса жандармовъ какихъ-либо указаній по пересмотру пассажирскаго багажа или товаровъ, принимать таковыя указанія къ руковод-

---

[1]) „Сѣверная Почта" 17 января 1867 года.

ству; 2) безпрепятственно допускать офицеровъ корпуса къ обозрѣнію таможенныхъ книгъ и документовъ, и 3) не выждая запросовъ со стороны жандармскихъ чиновъ, сообщать имъ о привозѣ всѣхъ книгъ, шрифтовъ, печатныхъ станковъ, оружія и боевыхъ припасовъ немедленно по выпускѣ изъ таможенъ".

Въ той же газетѣ напечатано еще два слѣдующихъ сообщенія:

„Финляндскій генералъ-губернаторъ, въ виду поступившаго къ нему особаго ходатайства и на основаніи статей 12-й и 81-й закона о печати, пріостановилъ на три мѣсяца изданіе Николайстадской шведской газеты *Vasaposten* и вмѣстѣ съ симъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ Финляндіи привлеченъ къ отвѣтственности мѣстный цензоръ за явно нерадивое исполненіе имъ своихъ, въ отношеніи названной газеты, обязанностей.

По поводу этого распоряженія та же газета говоритъ: „Въ своемъ новогоднемъ обзорѣ, помѣщенномъ въ № 1-мъ *Vasaposten*, ею допущены были такія уподобленія, которыя, несомнѣнно, изобличаютъ принадлежность редакціи къ составу партіи мѣстныхъ агитаторовъ. Злоупотребляя свободою слова, газета прибѣгла къ такимъ неправильнымъ противъ русской дѣйствительности и русской власти сравненіямъ, которыя, являясь крайне неприличными, дерзкими и лживыми, носятъ даже характеръ явнаго подстрекательства. Отвѣтственности въ данномъ случаѣ подвергся не только цензоръ, пропустившій предосудительную статью, но и сама редакція. При существующемъ порядкѣ мѣстной цензуры каждому цензору приходится ежедневно провѣрять много газетъ въ короткій сравнительно промежутокъ времени, чѣмъ и могутъ быть иногда объяснены, но, конечно, не оправданы случающіеся недосмотры, въ основѣ коихъ, къ сожалѣнію кроется въ иныхъ случаяхъ и вліяніе мѣстнаго ложно направленнаго патріотизма".

Другое сообщеніе той же газеты гласитъ:

„20-го минувшаго декабря (2-го января) полицеймейстеръ города Николайстада, капитанъ Энегельмъ, получилъ анонимное письмо, назначающее ему въ тотъ же день любовное свиданіе вечеромъ, на льду моря, около городской тюрьмы. Спустя нѣкоторое время, къ полицеймейстеру явилась молодая финка и сама предупредила его, что письмо это писано ею, по наущенію трехъ лицъ, намѣревающихся совершить покушеніе на его жизнь, къ чему склонили они ее, снабдивъ кинжаломъ. Предупрежденный полицеймейстеръ отправился на условленное мѣсто съ переодѣтыми полицейскими, при чемъ задержаны были двое лицъ, оказавшихся студентами Императорскаго Александровскаго университета Отгономъ Эриксономъ, 21 года, находящимся на службѣ въ г. Николайстадѣ, въ аптекѣ, и

Конрадомъ Вестлиномъ, 22 лѣтъ. При обоихъ задержанныхъ найдено оружіе: у Эриксона—заряженный револьверъ, финскій ножъ и резиновая палка (battong), а у Вестлина—два скорострѣльныхъ револьвера, заряженные каждый семью пулями, кастетъ, финскій ножъ и такая же резиновая палка, какъ у Эриксона. Кромѣ того, Вестлинъ имѣлъ при себѣ 21 снаряженный револьверный патронъ и петлю изъ проволочнаго ободка затяжнымъ снуромъ, въ родѣ аркана. Третій изъ злоумышленниковъ, желѣзнодорожный смазчикъ Тонгъ, не прибылъ на условленное мѣсто и былъ задержанъ полиціею на дому. Всѣ они имѣли при себѣ крупныя суммы наличныхъ денегъ. На произведенномъ, въ присутствіи губернатора, предварительномъ опросѣ, Эриксонъ и Вестлинъ, сознались, что намѣрены были заманить полицеймейстера въ уединенное мѣсто для нанесенія побоевъ, но сперва отрицали намѣреніе лишить его жизни, хотя Эриксонъ и показалъ, что имѣвшимся при нихъ оружіемъ они думали воспользоваться, „смотря по обстоятельствамъ". Что же касается Тонга (бывшаго, по показанію молодой финки, душою всего замысла), то его отсутствіе они объяснили отказомъ, въ послѣднюю минуту, отъ участія въ преступленіи. При дальнѣйшихъ допросахъ какъ Эриксонъ, такъ и Вестлинъ сознались въ томъ, что задуманное ими покушеніе на жизнь капитана Энегельма было преднамѣренно, при чемъ оба объяснили это намѣреніе политическими причинами, обвиняя полицеймейстера въ томъ, что онъ поддерживаетъ русскую политику и, главное, своимъ вліяніемъ добился улучшенія послѣдняго призыва. Поэтому,—по словамъ Вестлина, — они всѣ трое сговорились напасть на него въ уединенномъ мѣстѣ и сдѣлать его негоднымъ для службы, по возможности, не лишая жизни, но дѣйствуя, однако, смотря по обстановкѣ. По всей вѣроятности, послѣ убійства имѣлось въ виду спустить убитаго подъ ледъ. При произведенномъ у Вестлина обыскѣ найденъ ящикъ со многими ядами, а у Эриксона—два письма Вестлина, въ туманныхъ выраженіяхъ говорящія о какихъ-то предпріятіяхъ. Объ обстоятельствахъ настоящаго происшествія производится, подъ наблюденіемъ прокурора сената, подробное разслѣдованіе".

* * *

Въ заключеніе мы должны еще воспроизвести слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

3-го Января 1904 года.

На основаніи статьи 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Волынь" на три мѣсяца.

4-го Января 1904 года.

I.

Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу номеровъ газеты „Новости“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 5-го декабря минувшаго года.

II.

Министры: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 уст. о ценз. и печ., свод. зак., т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 4-го сего января постановили: совершенно прекратить изданіе газеты „Русская Земля“, выходящей въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ.

16 Января 1904 года.

На основаніи статьи 178 устава о цензурѣ и печати, св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу номеровъ газеты „Курьеръ“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ и управляющіе министерствами юстиціи, народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. на основаніи примѣчанія къ статьѣ 148 устава о цензурѣ и печати, св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлили: прекратить вовсе изданіе выходящаго въ свѣтъ въ городѣ Тифлисѣ журнала на грузинскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Квали“ съ приложеніемъ „Джеджили“.

На основаніи статьи 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.) министръ внутреннихъ дѣлъ 3-го февраля 1904 года опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Вѣстникъ Юга“ на шесть мѣсяцевъ.

На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 7-февраля 1904 года опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Уралецъ“ на три мѣсяца.

14-го февраля 1904 года.

I.

На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе журнала „Юго-Западная Недѣля на восемь мѣсяцевъ.

II.

На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, 1890 года, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Енисей“ на три мѣсяца.

Этимъ мы и закончимъ нашу хронику. **В. Б.**

Письма изъ провинціи.

Судьба «маленькихъ» людей.

(*Письмо изъ г. Уржума*).

Нигдѣ, кажется, ни на одномъ поприщѣ дѣятельности не существуетъ такой розни, такого обособленія „большихъ" и „маленькихъ" людей, какъ среди медицинскихъ дѣятелей. Даже среди различныхъ „по табели о рангахъ" чиновниковъ существуетъ единеніе на почвѣ службы, наградъ и т. п. Здѣсь же рѣзко выдѣляются, съ одной стороны, врачи, высокомѣрно относящіеся къ своимъ всецѣло подчиненнымъ „помощникамъ", съ другой — фельдшера, фельдшерицы, акушерки, аптекаря и др. терпимые или гонимые. Безотрадное положеніе этихъ „маленькихъ" работниковъ начинаетъ раскрываться въ текущей журналистикѣ. Тамъ мы находимъ указаніе, что трудъ этихъ работниковъ гораздо больше труда врачей. Но горе тѣмъ изъ „маленькихъ" работниковъ, которые вздумаютъ „смѣть свое сужденіе имѣть" въ вопросахъ даже неврачебныхъ. Въ этомъ случаѣ ихъ ожидаетъ переводъ, а то и увольненіе.

Я ужъ не говорю о нравственныхъ страданіяхъ, которыя ждутъ ихъ на этомъ пути. Вотъ типичная иллюстрація къ сказанному:

Съ лѣта 1896 года служитъ врачомъ при Нартасской больницѣ, Уржумскаго уѣзда, врачъ Селенкинъ. Въ началѣ 1898 года онъ пригласилъ на освободившееся мѣсто аптекарши при Нартасской больницѣ свою бывшую сослуживицу по службѣ въ Нолинскомъ уѣздѣ, г-жу Двурѣченскую. А такъ какъ послѣдняя служила много лѣтъ неразлучно со своею подругой акушеркой Шкляевой, то, приглашая Двурѣченскую, Селенкинъ приглашалъ и Шкляеву, хотя на первое время, до освобожденія должности акушерки, на должность смотрительницы больницы. Только благодаря такой комбинаціи

въ февралѣ 1898 года Двурѣченская поступила на должность аптекарши, а одновременно съ нею и Шкляева—на должность смотрительницы больницы. Зная Шкляеву, какъ хорошую работницу, Селенкинъ въ началѣ 1899 года предложилъ ей занять освободившуюся должность второй фельдшерицы-акушерки при больницѣ, такъ какъ въ 1898 году земскимъ собраніемъ было разрѣшено приглашать въ отдѣльныхъ случаяхъ на должности вторыхъ фельдшерицъ-акушерокъ просто акушерокъ. Такимъ образомъ, съ начала 1899 года Шкляева стала занимать должность акушерки, завѣдывать хирургическимъ отдѣленіемъ и нести очередное дежурство въ больницѣ.

Все шло „тихо и гладко", пока „чортъ" не позавидовалъ этому покою и не захотѣлъ нарушить его...

9 мая 1902 года между врачомъ Селенкинымъ и сидѣлкою больницы произошелъ непріятный инцидентъ, закончившійся судомъ у земскаго начальника, происходившимъ при закрытыхъ дверяхъ... Селенкинъ обвинялъ сидѣлку въ клеветѣ. За сидѣлку вступились. Явился защитникъ, свидѣтели,—и дѣло было *прекращено* за отказомъ Селенкина отъ дальнѣйшаго обвиненія.

Послѣ этого инцидента аптекарша Двурѣченская, фельдшерица Шабалина и другіе отказались подать руку врачу... Этого было достаточно, чтобы на головы бѣдныхъ Двурѣченской, Шкляевой и Шабалиной посыпались, какъ изъ рога изобилія, ударъ за ударомъ.

Въ 5 часовъ вечера, 23 іюня 1902 г., фельдшерица Шабалина была послана врачомъ въ городъ (въ 36 верст.) съ психической больной. Сдавъ больную въ тотъ же день поздно вечеромъ, сильно уставшая отъ напряженнаго состоянія съ больной и потому еще, что поѣхала послѣ большого праздничнаго пріема больныхъ, Шабалина рѣшила ночевать въ городѣ, а утромъ со здоровой головой отправиться домой. Пріѣхала Шабалина въ больницу днемъ 24 іюня нё къ началу пріема, какъ хотѣлъ врачъ (хотя онъ ничего не говорилъ ей, когда она должна пріѣхать), а во время самаго пріема. Приходитъ въ больницу, садится за столъ и беретъ книгу для записыванія рецептовъ. Врачъ спрашиваетъ: „Почему вы не пріѣхали ночью?" „Я сдала больную поздно вечеромъ и рѣшила выспаться." „Я васъ не гулять отпустилъ, а за дѣломъ". „Да я и не гуляла, а только выспалась, такъ какъ страшно устала, и у меня разболѣлась голова". „Замолчите!". „Почему не хотите выслушать?" „Выйдите", кричитъ врачъ и вырываетъ книгу: „а то сидите безъ дѣла, мнѣ такихъ служащихъ не надо. Я напишу въ Управу бумагу". Шабалина принуждена была выйти и въ тотъ же день, извѣстивъ врача, поѣхала въ Управу для выясненія вопроса о томъ, имѣетъ-ли право врачъ дѣлать замѣчаніе въ такой оскорбительной формѣ и состоитъ-ли она на службѣ послѣ словъ врача „мнѣ такихъ слу-

жащихъ не надо". Управа обѣщала разсмотрѣть жалобу въ „Медицинскомъ Совѣтѣ". Приведу цѣликомъ постановленіе Медицинскаго Совѣта при Управѣ. (Кстати сказать, Медицинскій Совѣтъ составляется изъ двухъ-трехъ гласныхъ состава Управы и всѣхъ врачей. Многочисленный составъ „маленькихъ" служащихъ здѣсь совсѣмъ не имѣетъ своихъ представителей, кромѣ, кажется, одного городского фельдшера.)

„Прочитана жалоба фельдшерицы Шабалиной на врача Селенкина. Выслушано объясненіе врача г. Селенкина. Не отрицая, что, быть можетъ, вызванное обстоятельствами, замѣчаніе г. Селенкина и было сдѣлано повышеннымъ тономъ, Медицинскій Совѣтъ находитъ, что врачъ въ данномъ случаѣ не вышелъ въ своихъ дѣйствіяхъ изъ предѣловъ правъ и полномочій, установленныхъ существующими законоположеніями (?), предоставляющими ему право распоряженія (!) и надзора (!) во ввѣренномъ ему лѣчебномъ заведеніи, и потому постановилъ: оставить жалобу безъ послѣдствій".

Впрочемъ, иронизируютъ „Бирж. Вѣд." (№ 318) по этому поводу, „нѣкоторое утѣшеніе оставлено и фельдшерицѣ", ибо дальше говорится: „Что касается вопроса объ увольненіи лицъ медицинскаго персонала, то сообщить ей, что оно не зависитъ отъ врача, а отъ Земской Управы по заключенію земско-медиц. совѣта".

16 іюля 1902 года врачъ Селенкинъ заявилъ акушеркѣ Шкляевой, что онъ теперь находитъ неудобнымъ предоставлять ей, какъ акушеркѣ по образованію, очередное дежурство въ больницѣ, а оставляетъ за ней только акушерскую работу и завѣдываніе хирургическимъ отдѣленіемъ. Это послѣ $3^1/_2$ лѣтъ работы! Странно, почему она была допущена, какъ опытная, $3^1/_2$ года тому назадъ, а теперь, когда стала еще болѣе опытной, устранялась.

Того-же числа врачъ вмѣнилъ въ обязанность аптекаршѣ Двурѣченской нести очередное дежурство въ больницѣ, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что она уже $2^1/_2$ года получаетъ равное фельдшерскому жалованье, и что ей будто бы и прибавка сдѣлана была собраніемъ съ тѣмъ, чтобы она несла фельдшерскія обязанности. Почему это требованіе было предъявлено только теперь, когда Двурѣченская получала прибавку $2^1/_2$ года и не дежурила? Да и самой прибавки она не просила,—она была сдѣлана собраніемъ въ 1899 году безъ всякихъ обязательствъ, какъ видно изъ самаго постановленія. Вотъ оно: „Уржумскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ сессіи 1899 года по докладу управы было уважено ходатайство Медицинскаго Совѣта о сравненіи аптекарши Нартасской больницы Двурѣченской въ жалованьи съ фельдшерицами, такъ какъ, говоритъ Медицинскій Совѣтъ, Двурѣченская была много разъ полезна фельдшерскими знаніями. Во время

разъѣздовъ медицинскаго персонала изъ больницы ей приходилось принимать больныхъ и даже выѣзжать въ деревни. Эту помощь и свое непосредственное дѣло г-жа Двурѣченская исполняетъ всегда съ знаніемъ дѣла и образцовымъ вниманіемъ". Двурѣченская проситъ управу освободить ее отъ незаконно возложенныхъ на нее врачомъ обязанностей, которыхъ она не несла $2^1/_2$ года, хотя и получала увеличенное жалованье, а оставить за нею несеніе фельдшерскихъ обязанностей въ томъ видѣ, какъ разумѣлъ медицинскій совѣтъ, испрашивая прибавку, т. е. добровольно и когда это нужно по обстоятельствамъ. На это управа увѣдомила, что „медицинскій совѣтъ находитъ, что очередное дежурство не представляетъ особенныхъ затрудненій и должно быть для нея обязательнымъ, разъ это *по какимъ-либо обстоятельствамъ (?!) признается врачомъ необходимымъ*". Тогда Двурѣченская проситъ очередное земское собраніе сессіи 1902 года о томъ же. Земское собраніе постановило согласиться со слѣдующимъ заключеніемъ комиссіи: „не освобождать васъ отъ обязанностей фельдшерицы, но съ тѣмъ, чтобы на дежурство въ больницѣ вы назначались бы только *на время отсутствія остального* фельдшерскаго персонала *по обязанностямъ службы*". Объ этомъ управа увѣдомила Двурѣченскую 14 декабря 1902 года, а 7 января 1903 года вновь писала ей же: „Медицинскій совѣтъ въ засѣданіи 4 января, выслушавъ заявленіе врача Селенкина объ отказѣ вашемъ отъ дежурства, пришелъ къ заключенію, что на основаніи постановленія земскаго собранія (?) во время отсутствія фельдшера или (?) фельдшерицы по какой бы то не было причинѣ (?!), Вы должны исполнять всѣ обязанности фельдшера, и въ настоящее время при существующихъ условіяхъ дежурство по больницѣ для васъ обязательно". Въ это время въ больницѣ были фельдшерица и акушерка. Какъ видимъ, здѣсь во второй разъ измѣнено постановленіе земскаго собранія. Послѣ этого Двурѣченская вынуждена была отказаться отъ прибавки.

На земскомъ собраніи минувшей очередной сессіи раздавались голоса о томъ, чтобы медицинскій совѣтъ не измѣнялъ постановленій земскаго собранія. Указывалось на постановленіе собранія о Двурѣченской, которое измѣнено медицинск. совѣтомъ. И благодарность Селенкину была выражена не единогласно, какъ остальному медицинскому персоналу. Это, надо думать, очень обидѣло Селенкина, такъ какъ вскорѣ Двурѣченская и Шкляева получили отъ управы сообщенія, что онѣ по постановленію медицинскаго совѣта переводятся изъ Нартасской больницы: аптекарша Двурѣченская на должность *фельдшерицы*-акушерки (?!) въ с. Шурму, а Шкляева—акушеркой въ д. Параньгу. Двурѣченская категорически отказала[illegible] переводиться, указавъ на условія поступленія въ Нартасскую больни[illegible] и на то, что у ней удостовѣренная профессоромъ болѣзнь рукъ, мѣша[illegible]

щая отправленію постоянныхъ фельдшерскихъ обязанностей. Въ виду чего она и перемѣнила свою профессію фельдшерицы на аптекаршу. А быть акушеркой послѣ того, какъ она въ теченіе болѣе десяти лѣтъ не произвела ни одного изслѣдованія женщины—не можетъ. Шкляева также отказалась переходить куда бы то ни было. Медицинскій совѣтъ, то, бишь управа, несмотря на просьбу мѣстнаго общества, была непреклонна. Что же оставалось Двурѣченской и Шкляевой? Уйти... повторивъ слова Некрасова:

„Терпи многострадальная,
Терпи многокручинная:
Намъ правды не найти".

Такъ онѣ и сдѣлали. Теперь Селенкинъ можетъ быть спокоенъ, ибо освободился отъ Двурѣченской, Шкляевой и Шабалиной (ушедшей раньшэ первыхъ), которыя не могли подавать ему руки.

Вятичъ.

Земское собраніе.

Изъ. Костромы.

Въ засѣданіи губернскаго нашего собранія 13 декабря 1903 года на разсмотрѣніе собранія былъ предложенъ докладъ управы, рекомендовавшей собранію возбудить ходатайство передъ правительствомъ о томъ, чтобы всѣ законопроекты, касающіеся мѣстной жизни, предварительно окончательнаго рѣшенія ихъ въ законодательномъ порядкѣ передавались на обсужденіе губ. земскихъ собраній. При разсмотрѣніи этого доклада въ собраніи, гласн. Ю. А. Спасскій внесъ слѣдующее дополненіе: исходя изъ того соображенія, что тотъ минимумъ общественнаго творчества въ государственной жизни страны, который необходимъ для сколько нибудь успѣшной работы государственнаго механизма, далеко не исчерпывается ходатайствомъ, предложеннымъ въ докладѣ управы, гласный предлагалъ расширить рамки предположеннаго управою ходатайства, во первыхъ, добавленіемъ къ нему указанія на необходимость измѣненія современнаго порядка привлеченія земскихъ дѣятелей къ участію въ центральныхъ учрежденіяхъ — въ томъ смыслѣ, чтобы земскіе люди, участвующіе въ разработкѣ и обсужденіи законопроектовъ, избирались губ. земскими собраніями, а не назначались по назначенію правительства, какъ это происходитъ сейчасъ.

Второе дополненіе гл. Спасскаго заключалось въ предложеніи ходатайствовать о томъ, чтобы привлекаемымъ къ участію въ трудахъ правитель-

ства земскимъ дѣятелямъ были гарантированы свобода слова и личная неприкосновенность, такъ какъ только при наличности гарантіи свободы обсужденія земскіе дѣятели въ состояніи будутъ выполнить свою работу освѣщенія дѣйствительныхъ мѣстныхъ нуждъ сколько нибудь плодотворно и успѣшно, и только при существованіи такихъ гарантій трудъ земскихъ избранниковъ будетъ имѣть замѣтные практическіе результаты и содѣйствовать разъясненію настоятельныхъ потребностей нашей общественной жизни. Собраніе весьма сочувственно отнеслось къ предложеніямъ гл. Спасскаго и послѣ непродолжительныхъ преній большинствомъ *всѣхъ* голосовъ противъ трехъ (гласныхъ отъ Перехтск. уѣзда гг. Васькова, Шипова и Вошняка) въ дополненіе къ предложенію губ. управы о передачѣ законопроектовъ, касающихся мѣстной жизни, на предварительное обсужденіе губ. земскихъ собраній, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ также и о томъ, чтобы привлекаемые къ участію въ разработкѣ законопроектовъ представители земствъ избирались губ. земскими собраніями, и чтобы избраннымъ собраніями земскимъ дѣятелямъ были гарантированы свобода обсужденія и личная неприкосновенность. Присутствовавшая въ залѣ собранія многочисленная публика встрѣтила эти постановленія громкими и продолжительными аплодисментами.

Костромичъ.

(*Изъ Мелитополя*).

Страничка изъ борьбы земской школы съ церковно-приходской.

Въ настоящей замѣткѣ мы вовсе не будемъ касаться принципіальной стороны этого вопроса. Борьба между земской и церковно-приходской школами тянется уже не одинъ годъ и породила цѣлую литературу, всесторонне освѣтившую ее. Неудовлетворительная постановка школьнаго дѣла, отмѣченная не только земствомъ, но и самимъ народомъ, заставляетъ многія земства весьма отрицательно относиться къ развитію сѣти церковныхъ школъ и напрягать всѣ свои силы на увеличеніе количества земскихъ, вовсе отказывая первымъ въ пособіи. Не легкую борьбу приходится, конечно, при этомъ выдерживать земству, и не у всякаго земства хватаетъ мужества стойко отстаивать разъ занятую позицію. Сторонники и ревнители церковной школы надъ средствами не задумываются [1]), и нерѣдко мелкая повседневная борьба отнимаетъ много силъ и средствъ у земства и рушитъ

[1]) См. „Русск. Богатство, № 7. 1903 г. „Земство и церковная школа" В. Ивановича.

самыя лучшія начинанія его. То, о чемъ я хочу разсказать, основываясь исключительно на офиціальныхъ источникахъ [1]), рисуетъ ярко одну изъ картинокъ этой борьбы.

Въ 1896 г. въ дер. Тамбовкѣ было открыто земско-общественное народное училище, выстроенное на средства сельскаго общества и содержимое совмѣстно съ земствомъ, при чемъ, какъ обыкновенно практикуется въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на долю земства падало содержаніе учителя и расходы на учебныя пособія, на долю общества—всѣ хозяйственные расходы. Все шло прекрасно: школа развивалась, завоевывала симпатіи населенія и въ 1902 г. имѣла уже 70 учениковъ, какъ вдругъ въ этомъ году поступаетъ въ управу нежданно-негаданно приговоръ сельскаго схода дер. Тамбовки съ ходатайствомъ объ открытіи въ зданіи земскаго училища молитвеннаго дома. Приговоръ со всей перепиской по этому вопросу былъ препровожденъ 29 апр. въ училищный совѣтъ, а 20 іюля управа получила отношеніе Таврической духовной консисторіи, въ которомъ сообщается, что довѣренные крестьянъ села Тамбовки просятъ его Преосвященство о разрѣшеніи имъ обратить зданіе земскаго училища въ молитвенный домъ, обѣщая для школы приспособить уже отведенный для сего особый домъ. При этомъ просители присовокупляютъ, что и если Мелитопольская земская управа и мѣстный училищный совѣтъ не войдутъ въ религіозно-нравственныя и матеріальныя нужды общества и не примутъ сказанный домъ подъ училище, то общество вынуждено будетъ просить архипастыря о разрѣшеніи мѣстному причту открыть въ с. Тамбовкѣ церковно-приходскую школу, каковая именно по началу и предполагалась". Курьезнѣе всего то, что угрозы земской управѣ общество посылаетъ не ей непосредственно, а духовной консисторіи! Какъ бы то ни было, консисторія запросила управу, не имѣетъ ли она какихъ-либо препятствій въ подобной комбинаціи. Форма соблюдена, и управѣ осталось указать только что вопросъ подлежитъ разрѣшенію земскаго собранія. Членъ же управы, командированный въ дер. Тамбовку нашелъ, что никакого зданія общество предложить не можетъ и что вообще въ селѣ вовсе „нѣтъ подходящаго зданія, гдѣ безъ ущерба здоровью учащихся могла бы помѣститься земская школа". Но общество вовсе и не ожидаетъ рѣшенія земскаго собранія и приводитъ свою угрозу въ исполненіе черезъ 14 дней послѣ того, какъ управа получила отношеніе консисторіи. Въ приговорѣ отъ 4 августа общество постановило: „Зданіе, занимаемое нынѣ земскимъ училищемъ, отвести для молитвеннаго дома, земское общественное училище, находящееся въ нашемъ селеніи Тамбовкѣ, закрыть, а вмѣсто земскаго училища

[1]) Постановленія Мелитопольскаго земскаго собранія сессіи 1902 года.

открыть церковно-приходскую школу, для чего нанять домъ". Постановленіе это мотивируется тѣмъ, что хозяйственные расходы по школѣ для общества непосильны, а церковно-приходская школа стоитъ гораздо дешевле, „образованіе же даетъ такое же, какъ и земская". Мы оставляемъ, конечно, въ сторонѣ вопросъ о томъ, кто разъяснилъ обществу, до того незнакомому съ церковно-приходской школой, что она не хуже земской. Но интересно, что приговоръ 4 марта объ открытіи въ зданіи земскаго училища молитвеннаго дома состоялся въ присутствіи мѣстнаго благочиннаго о. протоіерея В. Яновскаго и настоятеля мѣстной церкви о. Н. Мироненко. Мы не комментируемъ этого присутствія печальниковъ церковно-приходской школы на сходѣ и склонны были бы видѣть во всемъ добрую волю крестьянъ, если бы насъ не поражала странная поспѣшность во всемъ этомъ дѣлѣ со стороны общества и если бы не компетентное заявленіе на земскомъ собраніи предсѣдателя управы, что ходатайство Тамбовскаго общества „состоялось, по его предположенію, подъ постороннимъ вліяніемъ, и что для Тамбовскаго общества выгоднѣе было бы выстроить особое зданіе для молитвеннаго дома, чѣмъ приспособливать школьное зданіе для него", а вѣдь, это единственный мотивъ всего затѣяннаго противъ земской школы похода. Собраніе по этому вопросу постановило: „выражая сожалѣніе о случаяхъ, подобныхъ ходатайству Тамбовскаго общества, считать школу закрытой"... И, такъ, оказывается, что ходатайство Тамб. общ.—случай не единственный, что были если не такіе же, то подобные ему случаи въ прошломъ. Дѣйствительно въ 1886 г. въ с. Юзкуяхъ, по желанію крестьянъ, земская школа была закрыта и открыта церковная. Были, вѣроятно, и другіе случаи, но они намъ неизвѣстны. Въ томъ же собраніи обсуждался и другой любопытный инцидентъ, не безъ связи съ только что разсказаннымъ. Петро-Павловское сельское общество с. Б.—Бѣлозерки отказалось исправить училищныя зданія, согласно представленному земствомъ плану, хотя за годъ до этого общество само ходатайствовало о выдачѣ ссуды и разсматривало планъ необходимыхъ передѣлокъ. Теперь общество не только отвергло планъ и отказалось отъ передѣлокъ, но отказалось даже отъ ссуды. По заявленію предсѣдателя, и здѣсь дѣло не обошлось безъ „посторонняго вліянія". А каково это вліяніе, видно изъ того, что „всѣ начинанія и старанія земства, согласующіяся и съ желаніемъ населенія, встрѣчаютъ препятствіе въ какомъ-то постороннемъ вліяніи, мѣшающемъ осуществленію этихъ начинаній и придающемъ дѣйствіямъ земства совершенно нежелательное значеніе въ глазахъ населенія". Ка[illegible] глубоко это вліяніе, можемъ судить по тому, что собраніе выну[illegible] дено было обратиться за содѣйствіемъ къ выясненію ненормальна[illegible] положенія земства въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ начальнику губерн[illegible]

Для полноты же картины мы приведемъ одну выдержку изъ „отчета епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковныхъ школъ Тавр. епархіи въ 1891 г.“ Отмѣчая, что Мелитопольское земство не оказываетъ никакого пособія церковнымъ школамъ, очевидно, не сочувствуя имъ, такъ какъ сочувствующія земства очень щедры, напр., Бердянское, отчетъ нѣсколько ниже (стр. 47) говоритъ: „значительное сочувствіе и поддержку церковнымъ школамъ оказывали въ частности гг. земскіе начальники. Нѣкоторые изъ нихъ принимали дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ уѣздныхъ отдѣленій училищнаго совѣта, въ производствѣ по школамъ экзаменовъ, располагали крестьянъ къ составленію общественныхъ приговоровъ на устройство новыхъ или поддержаніе уже существующихъ церковныхъ школъ. Изъ нихъ *Мелитопольскимъ отдѣленіемъ* [1]) особенно отмѣчаются земскіе начальники П. Г. Доппельмайеръ и А. П. Пенинъ, состоящіе почетными попечителями церковныхъ школъ, первый своего района, второй Сѣрогозскаго благочинническаго округа. Земскіе начальники въ роли почетныхъ попечителей церковныхъ школъ—недурное средство къ распространенію послѣднихъ и, пожалуй, къ вытѣсненію земскихъ. Однако, да не устрашится Мелитопольское земство тѣми силами въ видѣ „посторонняго вліянія“, которыя стремятся стереть съ лица земли земскую школу. Жизнь сама осудила церковную школу, и можно лишь пожелать, чтобы Мелитопольское земство такъ же крѣпко защищало свое право просвѣщать народъ, какъ и до сихъ поръ, и не тратило попусту средствъ тамъ, гдѣ по признанію самихъ руководителей дѣло идетъ скверно.

В. Могилевскій.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Изъ жизни и литературы.

Литература и ея общественный фонъ.—Отклики журналовъ.—Черты новѣйшихъ движеній въ литературѣ.—Чего намъ недостаетъ: синтеза или анализа?—Практическій характеръ прогрессивныхъ направленій и ихъ концентрація.—Лозунгъ bloc'a.—Памяти Н. К. Михайловскаго.

I.

Въ силу традиціонной привычки, журналистамъ волей-неволей приходится считаться съ условной отмѣткой времени—концомъ года—и подводить то, что у насъ называется „итоги“, но что, въ сущности, никогда дѣйствительными итогами не является вслѣдствіе недоговоренности и неполноты.

Литература слишкомъ тѣсно сплетена съ жизнью, чтобы, говоря объ итогахъ первой, умолчать о балансѣ второй. Какъ-бы ни расходилась литература съ жизнью, все же въ первой слышится дыханіе второй, хотя бы фотографическій аппаратъ, воспроизводящій ее, былъ неточенъ, невѣренъ. Но жизнь идетъ теперь слишкомъ ускореннымъ темпомъ. За громомъ пушекъ, которыя грохочутъ теперь на столь далекомъ для насъ Востокѣ, этотъ темпъ, вѣроятно, сдѣлается менѣе замѣтнымъ, труднѣе ощутимымъ. Но такое явленіе неизмѣнно сопутствуетъ войнамъ, приносившимъ неизмѣнно и колоссальные результаты для механизма и внутренняго содержанія жизни народовъ. Работа жизни идетъ впередъ и пойдетъ впередъ.

Оторванность нашей литературы отъ жизни хорошо характеризуе г. А. Б. въ „Мірѣ Божьемъ“ (Январь).

Современнаго наблюдателя,—говоритъ авторъ,—„поразила бы мол ливая и какая-то угрюмая картина, которую представляетъ журналисті

истекшаго года. Сколько, казалось бы, вопросовъ, самыхъ волнующихъ, сколько событій, безпримѣрно громкихъ, сколько движеній въ застоявшихся уголкахъ нашего обширнаго отечества—и что же? Въ журналистикѣ—мы имѣемъ въ виду исключительно наши толстые журналы—гробовое молчаніе"...

„Нельзя не подчеркнуть,—продолжаетъ г. А. В.,—эту щемящую сердце, грустную картину молчаливой литературы на фонѣ мятущейся жизни, той литературы, въ самыя святыя задачи которой входитъ освѣщеніе жизни".

Въ общемъ, картина, нарисованная авторомъ, вѣрна, хотя терминъ „гробовое" мы сочли бы нѣсколько преувеличеннымъ. Литература молчитъ или, вѣрнѣе, жизнь въ литературѣ молчитъ, но это молчаніе не безнадежно гробовое, не молчаніе все прекращающей и жизнь убивающей смерти. Литература все-таки не кладбище. Правда, перспективы сдѣлать изъ литературы кладбище есть, но перспективы эти создаются лишь въ воображеніи бездарныхъ художниковъ. Наша литература—далеко не рядъ навѣки замолчавшихъ могилъ. То здѣсь, то тамъ звучатъ въ ней хорошіе, звонкіе голоса приподнятаго высокаго тона. Звучатъ они въ ней неожиданно, безсистемно, не повинуясь шаблонамъ, но все же звучатъ. Сколько свѣтлыхъ, здоровыхъ и бодрыхъ нотъ можно найти въ тѣхъ же журналахъ, о которыхъ говоритъ г. А. В.! И если можно говорить о молчаніи, то только относительномъ..

Высоту общественнаго пульса, указываемую г. А. В., отмѣчаетъ и новый московскій журналъ „Правда".

„Интересный историческій моментъ переживаемъ мы теперь,—говоритъ журналъ [1]).—Со времени эпохи великихъ реформъ русская мысль никогда еще не искала такъ жадно новыхъ путей, не стремилась такъ нервно къ открытію выхода для все усложняющейся жизни, не старалась такъ настойчиво отдѣлаться отъ цѣпей гнетущаго стараго, какъ именно въ настоящую минуту. И это признается одинаково людьми различныхъ лагерей и различнаго общественнаго положенія".

„Въ противоположность общественному теченію семидесятыхъ годовъ нынѣшнее характеризуется своей широтой: ясныя опредѣленныя цѣли, которыя ставятъ себѣ верхніе слои, интеллигентные классы, находятъ себѣ поддержку въ широкихъ массахъ, которымъ назрѣвшія историческія общественныя потребности подсказываются самой жизнью. Самымъ ходомъ вещей пробуждено самосознаніе широкихъ слоевъ, а это—залогъ успѣха всякаго общественнаго движенія"..

---

[1]) „Наша общественная жизнь". Стр. 264.

„Вѣстникъ Европы“ (Январь „Внутреннее Обозрѣніе“), сравнивая эпоху шестидесятыхъ годовъ съ современнымъ моментомъ, находитъ разницу въ томъ, что въ настоящее время „распространенность настроенія“ гораздо болѣе широка. „Несравненно шире,—говоритъ журналъ,—теперь кругъ лицъ, слѣдящихъ за ходомъ государственной машины (и литературы), понимающихъ смыслъ ея оборотовъ и принимающихъ къ сердцу ея направленія. Несмотря на всѣ задержки и преграды, толчокъ, данный въ шестидесятыхъ годахъ, не прошелъ безслѣдно. Въ инертную и темную массу внесенъ свѣтъ, пока еще слабый, но позволяющій ей видѣть путь, по которому она идетъ, и обстановку, которая ее окружаетъ. Народъ продолжаетъ быть *объектомъ* заботъ и думъ, но становится вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ *субъектомъ*: онъ самъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ элементовъ, выступаетъ на историческую сцену. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что эти взгляды совпадаютъ, въ существенномъ и главномъ, со стремленіями, господствующими среди образованнаго общества“.

Приблизительно такъ же выражается и „Русское Богатство“:

„Оглядываясь на общіе итоги минувшаго года, среди нихъ нельзя, прежде всего, не отмѣтить одного крупнаго явленія, заключающагося въ несомнѣнномъ оживленіи русскаго общества. Такое оживленіе началось, правда, не съ прошлаго года, но въ теченіе послѣдняго оно сдѣлало замѣтные и серьезные успѣхи. Глухая апатія и безсильное уныніе, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ налагавшія еще свою мрачную печать чуть не на всѣ проявленія общественной дѣятельности, замѣтно отходятъ въ область прошлаго, смѣняясь инымъ, болѣе энергичнымъ и бодрымъ настроеніемъ. Наиболѣе отчетливо такой поворотъ настроенія сказывается среди интеллигенціи, и это обстоятельство является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что сама интеллигенція за послѣдніе годы значительно разрослась въ числѣ, тѣмъ самымъ получивъ возможность болѣе глубокаго и непосредственнаго вліянія на народныя массы. Но та же перемѣна настроенія, какая съ особенною силою проявилась среди интеллигенціи, сказалась и далеко за предѣлами этого сравнительно тѣснаго круга, отозвавшись въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества. Въ теченіе минувшаго года не было, кажется, ни одного общественнаго совѣщанія, начиная съ профессіональныхъ съѣздовъ и кончая земскими собраніями, на которомъ въ той или иной формѣ не поднималось бы рѣчи объ общихъ вопросахъ русской жизни и не указывалось бы на необходимость расширенія личной и общественной самодѣятельности и обезпеченія производительности народнаго труда. Событія лѣта и осени 1903 года какъ нельзя болѣе ясно показали, что тѣ же вопросы глубоко волнуютъ и громадную трудящуюся массу, въ рядахъ которой все болѣе назрѣваетъ стремленіе къ сознатель-

ной оцѣнкѣ своего положенія и своихъ силъ. Имѣя передъ глазами такіе признаки, трудно сомнѣваться въ томъ, что мы вступили въ полосу серьезнаго подъема общественнаго настроенія".

Еще ярче рисуетъ общественный фонъ, на которомъ приходится дѣйствовать литературѣ, провинціальный журналъ „Юго-Западная Недѣля" въ талантливой статьѣ г-на С. Булгакова (№№ 1-2; 1904 г.).

„Борьба между Ормуздомъ и Ариманомъ нашей жизни, которая происходитъ въ теченіе всего прошлаго вѣка, совершенно заполняетъ въ послѣднее время наше общественное сознаніе. Она становится все острѣе, все ожесточеннѣе, распространяется въ ширь и въ глубь. Близится рѣшительный бой".

„На глазахъ растутъ и крѣпнутъ духовныя силы нашего народа, дѣтская непосредственность смѣняется пробуждающеюся сознательностью, духовная жажда усиливается, разрозненныя усилія отдѣльныхъ лицъ складываются въ организованную общественную силу... Какой величественный и знаменательный моментъ русской исторіи мы переживаемъ!"

II.

Таковы вѣрныя, хотя-бы и неполныя черты „мятущейся жизни" въ современный намъ моментъ. Единогласная характеристика журналовъ указываетъ ясно, что сущность и значеніе этого момента понимаются вѣрно. Другой вопросъ, почему явленія такого общественнаго порядка не врываются въ литературу съ той силой, съ какой они бушуютъ въ жизни?.

Но все-таки они врываются. Слабо, отраженно, косвенно, не всегда въ естественномъ преломленіи, не всегда въ удачной формѣ, но все-же врываются. И мы должны признать, что настоящій моментъ въ литературѣ вообще является чрезвычайно оживленнымъ и напряженнымъ, особенно сравнительно съ недавними глухими, застойными эпохами, когда общественная мысль попала на мертвую точку и мучительно билась среди разгрома стараго и отсутствія новаго. Съ мертвой точки мы сошли, когда забродила застоявшаяся слишкомъ долго жизнь и выдвинула боевой догматъ „марксизма", брызнувшаго живою водой на закоченѣвшую русскую мысль. Но и съ этого момента, весьма еще недавняго, совершилось много глубокихъ эволюцій. Мысль работала форсированно и не знала ни этаповъ отдыха, ни разочарованной реакціи. Она работала дальше и все интенсивнѣе, не кристаллизуясь въ неподвижный догматъ. И въ настоящій моментъ мы видимъ чрезвычайно пеструю картину въ литературѣ. Оживленіе коснулось рѣшительно всѣхъ сферъ мысли, начиная отъ богословской, гдѣ, подъ флагомъ философіи, происходитъ небывалое броженіе. Искусство,

какъ наиболѣе чуткій аппаратъ творчества и наименѣе стѣсненный въ своихъ поискахъ лучшихъ путей, пошло впередъ революціоннымъ путемъ. Изящная литература окрасилась въ чрезвычайно пестрый цвѣтъ. Въ ней заволновались новыя силы, внесшія новыя идеи и новыя формы. Въ ней раздались свѣжіе голоса, и на горизонтѣ появились очертанія будущихъ сложныхъ и интересныхъ путей, къ которымъ порывисто стремится творческое чувство изящнаго. Критика перестроилась въ боевой порядокъ. Защитники старыхъ началъ окопались сильнѣе и въ полномъ вооруженіи отражаютъ аттаку новой молодой арміи. Новыя теченія смѣлы, рѣзки и порывисты, и забытый уже нами съ шестидесятыхъ годовъ алармистскій тонъ зазвучалъ снова въ рядахъ критиковъ.

Въ частности, беллетристика концентрируетъ въ себѣ эту пестроту и точно расплывается въ ней. Въ беллетристикѣ родилось много новаго и сильнаго,—и въ отношеніи количества талантовъ, и въ отношеніи идей и содержанія. Соціально-философскія идеи опредѣляютъ ея характеръ постольку же, поскольку и идеи индивидуальной личности во всемъ своеобразіи и свободѣ ея внутреннихъ процессовъ, независимыхъ отъ внѣшней среды. Тенденціи, замѣтныя въ изящной словесности, трудно поддаются учету и обобщенію. Они слишкомъ бурны, неустойчивы, разбросанны, чтобы течь по опредѣленному руслу, которое можно было бы нанести на карту современной литературы. Во всякомъ случаѣ размахъ ея очень широкъ, перспективы совершенно свободны, ни преобладающихъ трафаретокъ, ни узаконенныхъ шоръ, обязательныхъ для художника, нѣтъ. Тенденція современной молодой критики—„искусство абсолютно свободно“—исключаетъ споръ объ утилитаризмѣ или „чистотѣ“ искусства. Грани для поисковъ творческаго духа раздвинуты настолько безпредѣльно, насколько безпредѣльно и творчество. И объектомъ этого творчества являются теперь не излюбленные люди прежней литературы—лишній человѣкъ, кающійся дворянинъ, мужикъ, разночинецъ, мѣщанинъ, рабочій, а всѣ слои населенія и всѣ слои индивидуума. И это потому, что однородная компактная масса съ 60-хъ годовъ начала быстро разслоиваться и разслоился вмѣстѣ съ тѣмъ и современный человѣкъ. Его душа сдѣлалась утонченнѣе, острѣе, нервнѣе и, такъ сказать, менѣе схематична. Ее не упрячешь теперь легко въ опредѣленный догматъ, какъ въ мѣшокъ. Личность автономизируется. Она ищетъ не только внѣшняго простора, но и свободы въ порывахъ своего духа. Она критически пересматриваетъ самое себя и все свое моральное наслѣдство. „Безумствомъ смѣлыхъ“ она отвѣтила на „тоску жизни“, но рядомъ съ этимъ она производитъ генеральную провѣрку вокругъ нея сущаго и въ ней отъ прошлаго оставшагося, чтобы найти пути къ выходу изъ внѣшнихъ и внутреннихъ неправдъ.

Все это пока скомкано и неясно. Замѣтна, однако, рельефная черта новой литературы—ея *нервность*. Если въ прошломъ печалованіе о мужикѣ звучало покаянными нотами, разночинецъ, борясь за себя въ литературѣ, говорилъ все-таки робкимъ, пришибленнымъ голосомъ, а боги изящнаго слова, за исключеніемъ Достоевскаго, создавали апоѳеозъ мягкаго лиризма, то теперь, наоборотъ, въ коллективномъ творчествѣ литературы царитъ нервность, отражающая силу, бьющуюся въ тискахъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, силу, точно озлобленную своею мощью и немощью, но, во всякомъ случаѣ, рѣзко и несдержанно реагирующую на жизнь. Эта нервность указываетъ на большое скопленіе потенціальныхъ силъ, рвущихся наружу, на полное, безусловное и всестороннее несоотвѣтствіе внѣшнихъ формъ жизнь внутреннимъ запросамъ... Эту нервность вы замѣтите почти у всѣхъ беллетристовъ новѣйшей формаціи. начиная съ М. Горькаго и Л. Андреева. Даже лирикъ, играющій на струнахъ слова женственною рукой, В. Г. Короленко въ послѣднемъ произведеніи „Не страшное" заговорилъ крикомъ боли, а не тѣмъ нѣсколько самоуглубленнымъ, самососредоточеннымъ и мягко снисходительнымъ тономъ, какимъ онъ обычно говорилъ. Даже на А. П. Чехова повѣяла новая жизнь, и въ „Невѣстѣ" видна попытка обнажить въ душѣ современной женщины тотъ затаенный гнѣвъ, который вызываетъ отмѣченную нами нервность, носящую, несомнѣнно, боевой харктеръ.

Характернымъ Leit-motiv'омъ современной литературы является вмѣстѣ съ тѣмъ ея борьба съ традиціями. Явленіе это не новое. Вся исторія русской литературы переполнена эпизодами, подчасъ трагическими, такой борьбы съ окристаллизовавшимися и претендующими на авторитетъ взглядами, мыслями, привычками, пріемами и установленіями. Но рамки и содержаніе традицій мѣняются; измѣнчиво было и отношеніе къ нимъ общественной мысли, то бурно реагировавшей, то засыпавшей въ реакціонныхъ путахъ. Но въ настоящій моментъ измѣнилось и содержаніе понятія традицій. Мѣщанство, напримѣръ, давшее такой блестящій матеріалъ для литературной борьбы, далеко не исчерпываетъ содержанія традицій. Стремленіе къ освобожденію и къ обновленію замѣтно по всему фронту внѣшней и внутренней жизни. Традиціи мысли вообще, традиціи литературы, искусства, философіи, морали, соціальныхъ схемъ—все это намѣчено къ пересмотру съ цѣлью изгнанія отжившихъ традицій, этихъ омертвѣвшихъ тканей, не только мѣшающихъ росту живого тѣла, но часто и вызывающихъ въ немъ процессы разложенія. Отжившія традиціи, какъ болѣзнотворный микробъ, выдѣляютъ изъ себя ядъ и отравляютъ имъ. Признать царство традиціи значитъ остановить человѣческій духъ, закупорить его въ сосудъ прошлаго и поставить надъ нимъ крестъ. Отжившія тради-

ція заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо каждую изъ нихъ логически слѣдуетъ отрицать въ пользу предшествовавшей—однородной, и такимъ путемъ дойти до первичныхъ пещерныхъ взглядовъ. Живая мысль, особенно въ періоды Sturm und Drang'а, бросается смѣло на эти традиціи и сметаетъ ихъ навсегда или заставляетъ ихъ эволюціонировать. У насъ въ жизни слишкомъ много застойнаго, чтобы въ концѣ концовъ оживившійся пересмотръ не принялся за очистку отъ давно накопившихся золъ, и въ текущей литературѣ ярко отражается эта тенденція.

III.

Естественно, что при такихъ условіяхъ литература должна представлять собой рѣжущую глазъ пестроту. Но эта пестрота—отнюдь не отрицательное явленіе. Общественная мысль никогда не укладывается на Прокрустово ложе однородности. Она можетъ проявлять великое тяготѣніе къ однородной цѣли, но пути ея всегда различны. Чѣмъ выше пульсъ жизни, чѣмъ нервнѣе мысль, тѣмъ стремительнѣе она развиваетъ свое движеніе, идя самыми разнообразными и разнородными путями. Богатству мыслей и напряженности духовнаго исканія соотвѣтствуетъ и такое же богатство путей. Лишь въ эпохи реакціи передовыя позиціи занимаетъ сѣрая однородность, и блекнущая острота мысли гормонируетъ съ бѣдностью идейнаго содержанія и бѣдностью путей.

Современная пестрота направленій не только не можетъ пугать, но, наоборотъ, должна представляться весьма положительнымъ симптомомъ. Давно ли мы вышли изъ періода спячки, а на сценѣ уже фигурируютъ новыя идеи, новыя лица, новыя тенденціи. Какъ мы указывали выше, рядомъ съ старымъ реализмомъ и тенденціозностью выросъ, напримѣръ, демократическій романтизмъ, какъ буйный вѣтеръ всполошившій литературу. Всю отмѣченную выше, постепенно проходившую предъ нами группу художественныхъ фигуръ, начиная отъ лишняго человѣка и кончая рабочимъ, смѣнилъ просто гражданинъ, человѣкъ цѣнный не только какъ единица общества, направляющая свой путь направо или налѣво, но и самъ по себѣ въ своей внутренней сущности. Въ общественной философіи лѣвое народничество потеряло свою исключительную окраску, а тѣмъ временемъ марксизмъ, ушедшій теперь изъ верхнихъ слоевъ интеллигенціи въ трудовые классы, эволюціонируетъ въ сторону болѣе широкаго реалистическаго направленія и немедленно же встрѣчается съ новорожденнымъ идеализмомъ. Все это, смотрѣть-ли съ субъективной точки зрѣнія направленскихъ интересовъ или съ объективной, ради учета силъ, несомнѣнно, плюсы въ общественномъ развитіи, т. е. прогрессивное его движеніе, жадное чаяніе имъ исцѣляющихъ началъ.

Чего же недостаетъ намъ теперь? Этого вопроса касается въ цитированной уже нами статьѣ критикъ „Міра Божьяго" г. А. Б.

„Не о бѣдности и скудности литературы, говоритъ онъ, приходится говорить, а скорѣе *объ отсутствіи объединяющаго начала*, *синтеза*, который выяснилъ бы читателю сложность текущей жизни и тѣмъ помогъ бы ему разобраться въ ней. Такого синтеза нѣтъ, дѣйствительно, и этотъ недостатокъ ощущается все настоятельнѣе".

„Но причина здѣсь не въ недостаткѣ творческихъ силъ, а въ самой жизни, которая вся находится въ броженіи, въ періодѣ роста и движенія, in statu nascendi, какъ говорятъ химики. Въ такіе моменты всѣ явленія получаютъ особую остроту, яркость и силу, но слить ихъ въ одну всеобхватывающую картину, возсоздать типъ, главенствующій надъ жизнью, уясняющій ее или направляющій, не по силамъ великому художнику, потому что и онъ творитъ только изъ матеріала, доставляемаго жизнью, а этотъ послѣдній недостаточенъ для такого творчества. И художники, и читатели чувствуютъ, что чего то не хватаетъ въ этой массѣ очерковъ, разсказовъ, повѣстей, драматическихъ сценъ, и обѣ стороны испытываютъ чувство неудовлетворенности и разочарованія. Трудно пока надѣяться, что это состояніе скоро пройдетъ. Великій періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, создавшій не менѣе великую литературу такихъ гигантовъ творчества, какъ Толстой и Достоевскій, и цѣлую плеяду художниковъ въ различныхъ областяхъ искусства, былъ завершителемъ огромной, почти вѣковой работы, начатой еще Новиковымъ и Радищевымъ А мы стоимъ еще у порога новой работы, органически продолжающей старую, но при совершенно измѣнившихся условіяхъ, не менѣе, если не болѣе сложныхъ, выдвинувшихъ тоже рядъ искателей и аналитиковъ, художниковъ, уже создавшихъ, въ общемъ, огромную литературу. Каждый изъ нихъ по своему подходитъ къ жизни и ищетъ въ ней отвѣта на мучительные запросы, и не ихъ вина,—жизнь пока не даетъ этого отвѣта". „Но они его ищутъ!".

XVIII вѣкъ во Франціи былъ оживленнѣйшимъ періодомъ философской мысли. Въ исходной точкѣ ея стоитъ скептицизмъ, затѣмъ она постепенно переживаетъ періодъ спиритуалистическаго догматизма и мистицизма; переходитъ къ натурализму, деизму и сенсуализму и въ крайней грани кончаетъ догматическимъ матеріализмомъ и атеизмомъ. Но эта философія, имѣвшая *практическій* характеръ, боролась подъ общими туманными девизами. Терпимость, свобода ума, человѣческое достоинство, борьба съ традиціями церкви, государства, противъ искусственныхъ помѣхъ жизни, произвола и насилія, освобожденіе отъ суевѣрій и предразсудковъ духа и т. д. и т. д., все это представляло собою конгломератъ идей, сепаратно проповѣдовавшихся борцами за будущее, и не сведенныхъ къ никакому яркому опредѣленному синтезу.

Да умственныя, моральныя, соціальныя и всякія другія теченія вѣка не поддаются синтезу, который выяснилъ бы сложность жизни въ слитой, сконцентрированной, исчерпывающей формулѣ, все освѣщающей съ яркостью молніи. Такой магической формулы нѣтъ, да и нужна ли она?

Съ другой стороны частичный, не всеобъемлющій синтезъ не представляетъ собой загадки сфинкса. Наша литература всѣмъ своимъ существомъ, всѣми атомами своей работы говоритъ ясно, куда стремится мысль, чего она хочетъ...

Если говорить о томъ, чего недостаетъ, то, оставаясь въ рамкахъ дѣйствительности, мы указали бы на отсутствіе *анализа до конца*, какимъ онъ, въ сущности, и долженъ быть. „Чего то не хватаетъ въ массѣ очерковъ, разсказовъ, повѣстей, драматическихъ сценъ", справедливо говоритъ г. А. Б. Думается, что не хватаетъ именно анализа до конца. На всей нашей литературѣ лежитъ печать недоговоренности. Ни одно изъ произведеній не исчерпываетъ до конца намѣченнаго. Мысль автора, анализъ художника не переступаютъ извѣстныхъ граней, встрѣчаются съ предметами „табу" и обрываются. Читатель испытываетъ досаду и восполняетъ своей фантазіей то, чего не можетъ договорить авторъ, или задумывается надъ тѣмъ, откуда и почему явились подмѣченныя художникомъ черты, линіи и контуры. Вотъ эта-та невозможность коснуться всѣхъ сторонъ жизни, во всей ея сложности, невозможность разложить ее на элементы, первично важные, и освѣтить ихъ—является настоящею болѣзнью литературы; но средства къ излѣченію находятся внѣ ея власти.

Въ настоящее же нервно-трепетное время отсутствіе всесторонняго коренного анализа чувствуется больнѣе и острѣе: движеніе аналитической мысли пріобрѣтаетъ все большую и большую скорость, а пространство заполняется все большими и большими препятствіями...

IV.

Хотѣлось бы указать еще на одинъ характерный признакъ переживаемаго нами періода литературы. Это—тотъ *практическій* характеръ, какой она пріобрѣла за послѣднее время, несмотря на увеличившуюся широту ея объектовъ и перспективъ.

Этотъ практическій характеръ ясно виденъ въ тенденціи передовой литературы къ концентраціи силъ. Еще недавно жестокая борьба потрясала ее, а такъ какъ à la guerre comme à la guerre, то всѣ, не всегда удобныя средства для воинственныхъ нападеній и отраженій получили широкое распространеніе. Конечно, учитывая прошлое, мы со спокойнымъ сердцемъ можемъ признать, что эта война привнесла многое въ активъ общественнаго сознанія. Но прогрессивный раздоръ, дошедшій до крайнихъ граней, вредилъ одно время дѣлу, общіе лозунги котораго были, въ сущ-

ности, тождественны въ обоихъ лагеряхъ. Марксизмъ и народничество сразились смертнымъ боемъ,—это была необходимость. Но не было необходимости во взаимномъ истребленіи и поношеніи, которому во всякомъ случаѣ „третій" радовался...

Теперь процессъ неизбѣжной и естественной борьбы среди различныхъ фракцій одного теченія принялъ болѣе цѣлесообразную форму. Народникъ, марксистъ и идеалистъ могутъ совершенно спокойно, а не какъ правовѣрные евреи съ филистимлянами, сидѣть за однимъ столомъ. Во взаимной полемикѣ стороны остаются прежде всего элементами прогрессивными и ни на минуту не упускаютъ изъ виду общей цѣли, къ которой всѣ стремятся... Эта концентрація ради достиженія одной цѣли является крупнымъ пріобрѣтеніемъ послѣднихъ лѣтъ и свидѣтельствуетъ о спокойной увѣренности въ неизбѣжной побѣдѣ.

Потому-то (*? Ред.*) идеализму не выпадаетъ такихъ тріумфовъ и крикливыхъ побѣдъ, какіе достались на долю марксизма. Идеализмъ, въ томъ своемъ отвѣтвленіи, которое не является въ роли служанки богословія (какъ это было въ средніе вѣка съ философіей), примкнулъ къ общимъ освободительнымъ теченіямъ времени. Онъ иначе, другими путями, не снизу, а сверху подошелъ къ рѣшенію острой болѣзни нашего времени.

Онъ подошелъ лѣвымъ своимъ флангомъ, и духъ практицизма, рѣющій надъ обществомъ, подсказалъ и отношеніе къ новому дѣтищу мятущейся русской жизни и мысли. Это отношеніе—ровное и спокойное. Ровность и спокойствіе служатъ показателями не снисходительности къ болѣе слабому врагу, а разумнаго и корректнаго отношенія къ солдатамъ той же арміи, носящимъ лишь другую форму... Другими словами, общественная мысль переживаетъ такую фазу, при которой важно созданіе bloc'а, лозунгомъ котораго является не субъективное право защищать свою догму и бороться съ ея врагами, а *объективныя права для всѣхъ*... Но это только лозунги, а не претенціозный синтезъ...

Съ этой точки зрѣнія я не могу раздѣлить мыслей моего товарища г. Луначарскаго, который въ первой книжкѣ „Правды" замѣчаетъ по адресу идеалистовъ:

„Насъ увѣряютъ, что ничто не мѣшаетъ намъ, забывъ раздоры, дѣлать съ идеалистами одно общее хорошее дѣло. Вѣрно. Если гг. идеалисты хотятъ дѣлать хорошее дѣло, никто не помѣшаетъ имъ присоединиться къ тѣмъ, кто дѣлалъ его раньше ихъ. Но при входѣ въ великую мастерскую, въ ту шахту, гдѣ въ борьбѣ съ неподатливымъ гранитомъ немолчно гремитъ неутомимая кирка труда, пролагая путь къ золотому солнцу, при входѣ въ эту мастерскую гг. идеалистамъ лучше оставить у порога ихъ Икаровы крылья. Здѣсь они не нужны. Бѣдный Макаръ не даромъ нахо-

дилъ, что крылатымъ работникамъ великаго Тайона, должно быть, трудно пробираться въ чащѣ тайги Тутъ нужны крѣпкія мышцы, зоркій глазъ практическій умъ, горячее сердце, правдивость и мужество, а крыльевъ не надо. Но въ часы отдыха, мы, отдаваясь искусству, не прочь и отъ грезъ настоящаго метафизика. Къ его произведеніямъ мы будемъ прилагать эстетическую мѣрку. За истину онъ и самъ не рѣшится теперь выдавать свою систему, а какъ въ гипотезѣ, мы въ ней не нуждаемся".

Прежде всего, лицомъ къ лицу предъ грозной исторической задачей данной минуты, слѣдовало бы устранить вопросъ о своеобразномъ мѣстничествѣ, какъ слѣдуетъ устранять его и всегда. Для дѣла безразлично, пришелъ-ли дѣлатель его рано или попозже, лишь бы онъ пришелъ во-время, къ моменту дѣланія. Активные работники нашего берега не могутъ считаться съ антично-буржуазнымъ тезисомъ „beati possidentes". Какъ противники этого принципа,—мы должны выдвинуть начало полной автономности. Если идеалисты дѣлаютъ хорошее дѣло, то будемъ его дѣлать вмѣстѣ съ ними равноправно. Признаемъ ихъ принципіальныя ошибки, будемъ, обличая, исправлять ихъ, но сдвинемся грудь объ нихъ грудь для достиженія одной цѣли. Народники дѣлали „хорошее дѣло" раньше марксистовъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они—beati possidentes, что у нихъ „право первыхъ дѣлателей", генераловъ и фельдмаршаловъ, въ данный моментъ. Г-нъ Луначарскій, вѣроятно, былъ бы шокированъ, если бы ему предложили итти въ народническую Каноссу, потому что онъ пришелъ въ литературу позже, а Каносса существовала раньше. Bloc, не говоря о справедливости, требуетъ такого же отношенія и къ разномыслящему соратнику какъ бы серьезно и неуступчиво мы съ нимъ ни спорили. Автономность союзныхъ теченій—вотъ чѣмъ можно отвѣтить на всѣ „увѣренія" объ „общемъ хорошемъ дѣлѣ". Мы должны подойти сами, если увидимъ соратника, хотя бы и разномыслящаго, и будемъ аплодировать, если соратникъ придетъ къ намъ proprio motu. Изъ всѣхъ путей въ настоящій моментъ хорошъ концентраціонный, слагающійся безъ условныхъ дипломатическихъ предварительныхъ переговоровъ.

И мнѣ кажется, что если гг. идеалисты придутъ, какъ братья, въ мастерскую реалистовъ съ Икаровыми крыльями, то мы не посмѣемся надъ этимъ и широко откроемъ имъ двери. Бѣдный Макаръ печаловался о крылатыхъ работникахъ великаго Тайона, потому что его земная мысль была узка и пришиблена и запуталась въ грубой тайгѣ, какъ путается олень рогами въ чащѣ лѣса. Мы отошли отъ міросозерцанія Макара на десятки вѣковъ и знаемъ, что стальные мускулы и вольный полетъ духа—хороши, если они ведутъ по „пути къ золотому солнцу". Если же крылья гг. идеалистовъ, дѣйствительно, Икаровы, то они растаютъ... при первыхъ

лучахъ золотого солнца. Но пусть отниметъ у нихъ крылья само солнце. А мы не будемъ прождевременными палачами. И откажемся отъ требованія капитуляціи съ выдачей оружія, по нашему же мнѣнію, слишкомъ ненадежнаго.

V.

Старая гвардія умираетъ.

Жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно становится, когда бросаешь взглядъ на прошлое нашей литературы. Въ ней много трагедій и слезъ, много преждевременныхъ могилъ и горькихъ воспоминаній. Но много въ ней божественнаго величія, безсмертіемъ сіяющихъ крупныхъ и мелкихъ именъ, бездна геркулесовой силы, желѣзнаго терпѣнія, безконечной выносливости и глубочайшей, неисчерпаемой вѣры въ лучезарный идеалъ.

Изъ всѣхъ эпохъ нашего прошлаго одна поражаетъ цѣнностью своего содержанія и героизмомъ своего характера: это—семидесятые годы.

Въ идейномъ авангардѣ, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ стоялъ тогда Николай Константиновичъ Михайловскій, скончавшійся въ Петербургѣ въ ночь на 28 января. Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ бойцовъ старой, умирающей теперь литературной гвардіи. Онъ сошелъ въ могилу среди того же упорнаго труда, которому посвятилъ болѣе 42 лѣтъ, отданныхъ имъ литературѣ цѣликомъ и самоотверженно.

Чѣмъ же такъ цѣненъ былъ покойный?

Помимо громадной эрудиціи, блестящаго критико-публицистическаго характера, ѣдкаго остроумія, Н. К. былъ силой, прежде всего, удивительно *жизненной*. Въ своихъ произведеніяхъ онъ замѣчательно умѣлъ концентрировать самые насущные, самые близкіе, самые жизненные интересы общества семидесятыхъ годовъ, глубоко волновавшагося и переживавшаго періодъ перестройки своего міросозерцанія и согласной съ нимъ планомѣрной практической дѣятельности. Михайловскій явился истолкователемъ основныхъ потребностей и идей времени и въ то же время создателемъ стройной, гармонировавшей съ жизнью теоріи, послужившей спасительнымъ маякомъ для наибольшей части общества и его программой. Два русла, по которому текли направленія русской мысли („Современникъ" и „Русское Слово"), слились въ одно широкое и крупное, въ „Отеч. Зап.", благодаря преимущественно Михайловскому, какъ теоретику и истолкователю новыхъ настроеній жизни. Общество было тогда молодо, зелено и свѣжо. Медовый мѣсяцъ 60-хъ годовъ промелькнулъ, какъ радостный сонъ, и принесъ разбродъ мнѣній, быстро рождавшихся въ возбужденномъ общественномъ мозгу и быстро исчезавшихъ. Народно-соціалистическая программа „Современника" рѣзко столкнулась съ мыслящимъ реализмомъ „Русскаго Слова", и по основнымъ вопросамъ эти вожди интеллигенціи, отражая ея идейную пестроту, расходились между собой до непримиримыхъ границъ. Тяга къ общественности и къ коллективному стану погибающихъ

за великое дѣло любви встрѣчала отпоръ со стороны благороднаго индивидуализма, перестроивавшаго формы общественной жизни фактомъ своего разумнаго бытія, фактомъ единичной работы критической личности. Не было еще, такимъ образомъ, прочнаго фундамента въ общественномъ сознаніи, не было руководящаго принципа и всеобъединяющаго боевого лозунга. Sein и nicht sein требовали примиренія, творческаго претворенія въ одно цѣлое. Вотъ эту-то работу общества *въ значительной степени* и облегчилъ Н. К. Михайловскій.

Для семидесятыхъ годовъ Н. К. былъ истиннымъ выразителемъ жизни. Формула міросозерцанія, которую онъ систематически разрабатывалъ въ одномъ яркомъ направленіи, примирила предшествовавшія, исключавшія другъ друга противоположности и, быть можетъ, нѣсколько эклектически сочетала ихъ въ одно стройное цѣлое. И вотъ позитивистъ привноситъ въ науку идеалистическія начала,—и субъективный методъ въ соціологіи разрѣшаетъ задачу примиренія холодной и безстрастной науки съ этическими требованіями, съ порывами духа къ построенію великихъ нравственныхъ идеаловъ и осуществленію ихъ въ жизни. Адвокатъ личности, пламенный защитникъ индивидуальнаго развитія гармонически цементируетъ индивидуализмъ съ всепоглощающей альтруистической работой на благо народа—всѣхъ его трудящихся классовъ — ради преобразованія соціальныхъ формъ въ совершеннѣйшія. Создавая извѣстную формулу прогресса, разрѣшавшую всѣ коллизіи идей, формулу совершенно новую, творчески созданную, писатель въ то же время былъ связанъ крѣпкими корнями съ прошлымъ жизни: „сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось ему только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа“. Формула была широка и радикально разрѣшала всѣ вопросы. Она была стройна, послѣдовательна и непримирима. Никакихъ компромиссовъ она не признавала, потому что всѣ—„должники народа“, потому что „совѣсть мучитъ“ и „нельзя не кричать“, потому что личная отвѣтственность за свое общественное положеніе „велика и сурова“. „Мученики исторіи“—интеллигенты, пріобрѣвшіе знаніе, силы, матеріальное обезпеченіе должны вернуть своему кредитору, котораго тоже мучила исторія, все, что взяли у него. Вернуть, значитъ перестроить всю жизнь народа по совершеннѣйшему экономическому образцу, зачатки котораго у народа есть въ формѣ устойной общины и др. сторонъ жизни.

„Мы не виновны въ этихъ страданіяхъ (т. е. страданіяхъ народа), не виноваты и въ томъ, что воспитывались на его счетъ, какъ не вин ватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучш соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ н что фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Для „общечеловѣка

для citoyen'a, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, ничего не можетъ быть соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желали этого, конечно. *Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, мы не хотимъ правъ и этой свободы*. Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ".

Признавая возможнымъ сдѣлать прыжокъ въ будущее, писатель видѣлъ эту возможность въ „непосредственномъ переходѣ къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства". „Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, при чемъ опять таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа. Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути".

Въ этихъ словахъ вылились цѣликомъ семидесятые годы, обрисовалась рѣзкими опредѣляющими чертами ихъ физіономія и ихъ дѣйственная программа. Непримиримая формула „все для народа" не допускала никакихъ изъятій. Она доходила до отрицанія правъ, санкціонируя лишь великія обязанности (и забывая при этомъ, что послѣднія могли существовать и прилагаться только при наличности первыхъ и что отреченіе во всякомъ случаѣ могло быть производимо лишь за свой счетъ, а не и за счетъ народа). Они, воздвигая памятникъ своей совѣсти, создавали тріумфъ любви къ массѣ. И ради этого тріумфа допускали утопическіе прыжки въ будущее. Преклоняясь предъ народомъ, они въ то же время преклонялись и предъ личностью, сильною своей властью. Властныя личности, взявъ власть, могли вести всѣхъ въ земной рай.

Мы дѣлаемъ здѣсь нѣкоторую сводку идей 70-хъ годовъ не съ цѣлью критики, а съ цѣлью ихъ характеристики и обрисовки. Въ перспективѣ прошлаго легко критиковать, легко усматривать изъяны и промахи. Но дѣло не въ критикѣ, а въ ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія жизненнаго соотвѣтствія.

Въ общественномъ отношеніи эта работа Михайловскаго, бѣгло нами очерченная, сыграла громадную роль. Она была кислородомъ для общественнаго организма, бодрящимъ, энервирующимъ, подымающимъ. И теперь, когда сердце писателя разорвалась подъ гнетомъ громадной работы,

нужно прежде всего почтить въ немъ крупную силу, давшую русскому обществу семидесятыхъ годовъ квинтъ-эссенцію его мыслей и указавшую твердой рукой пути исканія правды.

Трудно перечислить всѣ области науки, литературы, критики, публицистики, въ которыхъ работалъ покойный. Нервный, отзывчивый, тонко улавливавшій тоны жизни онъ откликался на все глубокое и интересное и всѣмъ этимъ откликамъ придавалъ оригинальность и своеобразную красоту, благодаря индивидуальной манерѣ письма, остротѣ и благородству мысли, смѣлости и безпощадности. Но во всѣхъ отрасляхъ слова, гдѣ онъ работалъ, Михайловскій оставался неизмѣннымъ борцомъ, прежде всего борцомъ за высшіе коллективные идеалы.

Идя въ теченіе 42 лѣтъ по боевому пути литературы, онъ ни разу не выронилъ знамени, ни разу не запятналъ его. Семидесятые годы были расцвѣтомъ его слова и вліянія. Послѣдующіе періоды не могутъ въ этомъ отношеніи сравняться съ предыдущимъ. Дальнѣйшія фазы общественно-литературныхъ движеній выдвинули на сцену новые запросы, новыя теченія, борьбу новыхъ интересовъ. Но старый гвардеецъ шелъ своимъ путемъ, неуклонно-честнымъ путемъ защиты высокихъ стремленій человѣка, его свободы, независимости и всесторонняго гармоничнаго счастья при всеобщемъ счастьѣ. Какъ бы ошибочны ни казались намъ нѣкоторые его взгляды, какъ бы ни казалась намъ излишней его прямолинейность и упругость,—все же *писателемъ совершенъ колоссальный культурный трудъ*, переработанъ, претворенъ и созданъ цѣлый циклъ идей, введенныхъ въ умственный и нравственный активъ современнаго общества, выполненъ святой завѣтъ неустанной борьбы за основныя начала личной и общественной жизни. Вся работа писателя оставила колоссальный слѣдъ въ литературѣ и общественности, и его яркая фигура съ „дивной красотой покаянія" и дивной красотой успокоившейся лишь въ могилѣ активности будетъ однимъ изъ самыхъ гордыхъ воспоминаній нашей литературы.

Эпоха шестидесятыхъ годовъ выдвинула цѣлый рядъ блестящихъ дѣятелей; ихъ можно назвать, какъ назвалъ Некрасовъ Н. Милютина—„кузнецами-гражданами": Михайловскій выковывалъ на наковальнѣ своего таланта идеи гражданственности на широкой научной базѣ.

Типичный сынъ великой весны нашей исторической жизни, онъ донесъ улыбку этой весны до могилы и умеръ съ застывшимъ на устахъ свѣжимъ словомъ о молодежи, которую любилъ и изъ которой когда-то рекрутировалась основная армія читателей его слова и дѣлателей по его слову.

А теперь, среди братьевъ-писателей, лежатъ останки человѣка-борца, оболочка его духа. Спитъ старый гвардеецъ... Спи спокойно!

Ник. Ашешовъ.

Родныя картины.

О г. Меньшиковѣ и о его „ближнихъ“.—Саратовскіе дѣтскіе пріюты.—Дамскія попытки обуздать кафе-шантанныхъ антрепренеровъ.—Таганрогскіе и петербургскіе покровители животныхъ.—Адвокатъ о продажной печати.—Списокъ уголовныхъ дѣлъ, которыя не будутъ разсмотрѣны въ окружномъ судѣ: 1) дѣло Николая Гейнце, 2) дѣло „Стараго Юриста“, 3) дѣло Александра Дюма, 4) дѣло Плетнева, 5) дѣло Николая Энгельгардта.— Мелочи.

„Бѣдность и несовершенства“ нашей жизни принимаютъ подчасъ такія рѣзкія, такія уродливыя формы, что экспансивная часть общества, живущая не столько разумомъ, сколько чувствомъ, не выноситъ самаго зрѣлища этихъ несовершенствъ и, очертя голову, кидается на помощь. Конечно, эта непосредственность и живость чувства, сами по себѣ, составляютъ весьма похвальное качество, которое, при нормальномъ ходѣ общественнаго развитія, могло бы принести немалую пользу странѣ. Но у насъ это похвальное качество почти всегда принимаетъ форму противообщественной маниловщины, которая приноситъ прямой и несомнѣнный вредъ уже потому, что создаетъ иллюзію хорошаго дѣла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убаюкиваетъ общественную совѣсть сладкими сказками про наступающій на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе.

На почвѣ этой маниловщины каждый день выростаютъ у насъ все новыя и новыя общества, которыя, съ большимъ или меньшимъ усердіемъ, топчутся вокругъ большихъ вопросовъ, оглашая воздухъ то благотворительнымъ плачемъ, то призывами „спасти“, „поднять“, „осчастливить“. Недавно, напримѣръ, въ Петербургѣ выросло общество борьбы съ дѣтскою смертностью, которое поставило своей задачей, путемъ благотворенія, избавить Россію отъ ея стыда и несчастія, выражающагося въ неслыханномъ процентѣ дѣтской смертности. Возникло это общество, такъ

сказать, на слезахъ новъвременскаго фельетониста г. Меньшикова, который, какъ говорятъ, и самъ едва не утонулъ въ этихъ слезахъ—до такой степени горько оплакивалъ онъ дѣтскую участь, призывая добрыхъ людей на помощь малюткамъ. Но какъ бы то ни было, а призывъ его имѣлъ результаты,—общество организовалось, начался притокъ пожертвованій, зашумѣли газеты и затѣмъ инцидентъ, какъ говорятъ репортеры, былъ исчерпанъ. Мы говоримъ—инцидентъ, потому что, какъ бы ни было велико новое общество и какими бы средствами оно ни располагало, но, тѣмъ не менѣе, оно не можетъ считаться настоящимъ общественнымъ дѣломъ уже по самой громадности своихъ задачъ, которыя, конечно, окажутся не по силамъ гг. благотворителямъ.

Вотъ причины дѣтской смертности, установленныя особою комиссіей при обществѣ дѣтскихъ врачей въ 1886 году:

„1) Слабость производителей, ихъ болѣзненность и непомѣрное истощеніе тяжелымъ трудомъ, главнымъ образомъ, женщинъ.

2) Непомѣрное злоупотребленіе спиртными напитками.

3) Сифилисъ, скорбутъ, золотуха, малокровіе и другія болѣзни питанія у родителей.

4) Полное отсутствіе знанія раціональной гигіены и діэтетики дѣтскаго возраста со стороны родителей, большинства сельскихъ учителей, учительницъ и священниковъ.

5) Невозможность оказывать при настоящемъ устройствѣ земской медицины раціональную помощь, губительное вліяніе предразсудковъ, обычаевъ и т. п.

6) Отсутствіе или полный недостатокъ раціонально образованныхъ акушерокъ.

7) Вредное вліяніе отхожихъ промысловъ для матерей.

8) Распространеніе инфекціонныхъ заболѣваній.

9) Вредный обычай цѣлованія и прощанія дѣтей съ покойниками.

10) Раннее выношеніе дѣтей для крестинъ безъ соблюденія предосторожностей.

11) Недостаточное попеченіе о бѣдныхъ и осиротѣвшихъ дѣтяхъ.

12) Недостаточный призоръ за дѣтьми въ рабочее лѣтнее время.“

(„Пет. Вѣд.“)

Такимъ образомъ, г. Меньшиковъ и тѣ изъ его „ближнихъ“, которые откликнулись на его призывъ, должны будутъ не болѣе, не менѣе, какъ одолѣть врата ада: побороть народную бѣдность, стереть главу пьянства и разврата, разсѣять народную темноту, измѣнить условія заработковъ и пр. и пр. И все это на пожертвованія „ближнихъ“ г. Меньшикова. Конечно, „ближніе“, какъ, вѣроятно, и самъ г. Меньшиковъ, не ставятъ себѣ столь

всеобъемлющихъ проблемъ, но согласитесь, что подходить къ такимъ трагическимъ вопросамъ русской жизни съ благотворительными пятаками въ рукахъ—значить или не понимать этой жизни, или фарисейски закрывать глаза на ея ужасы. Человѣческое страданіе надо уважать, надо относиться серьезно, по крайней мѣрѣ къ смерти. Вѣдь, въ концѣ концовъ, „ближніе" г. Меньшикова, кто бы они ни были, должны же понимать, что нововременскій вождь завелъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ шутовской костюмъ россійскаго благотворителя становится положительно неприличенъ. Подумайте только: на гноищѣ, весь въ проказѣ, лежитъ многострадальный Іовъ; онъ еще живъ, но тѣло его уже смердитъ отъ разложенія; въ немъ еще борется вѣра, но плачущіе глаза уже глядятъ въ далекое небо съ кроткимъ укоромъ. И вотъ представьте, что къ такому-то Іову приближаются „ближніе" г-на Меньшикова съ благотворительнымъ лимонадъ-газесомъ, а за ними выступаетъ и самъ г. Меньшиковъ „съ улыбкою кроткою на трепетныхъ устахъ".

Выступаетъ, и на столбцахъ „Новаго Времени" поетъ романсъ:

„Вечеръ былъ, сверкали звѣзды,
На дворѣ морозъ трещалъ,
Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ"...

Впрочемъ, что касается г-на Меньшикова, то въ своемъ походѣ противъ дѣтской смертности онъ поетъ и другіе романсы. И даже настолько другіе, что невольно удивляешься способности этого человѣка вносить комическій элементъ въ самые драматическіе сюжеты.

Вотъ что онъ пишетъ непосредственно вслѣдъ за „посинѣвшимъ малюткой":

„Какъ я не разъ доказывалъ, намъ слѣдуетъ *всемѣрно* увеличивать населеніе. Иначе въ нашу пустоту изъ переполненныхъ бассейновъ Востока и Запада польются черезъ край наводненія племенъ, которыя остановить будетъ невозможно".

Толкуя эти слова нововременскаго публициста, „Русь" совершенно резонно замѣчаетъ:

„Всемѣрно", т. е. не только уменьшая смертность, но увеличивая съ усердіемъ патріотическаго воодушевленія также дѣтскую рождаемость".

Какъ видите, это уже не благотворительный романсъ, а, такъ сказать, „пѣснь торжествующаго Гальтимора"; дескать, всякій, кто обладаетъ, такъ называемой, „гвардейской правоспособностью", пусть всемѣрно заботится, дабы не посрамить земли русской и превзойти не только Востокъ, но и Западъ.

Не беремся судить, въ какой мѣрѣ отразилась бы точка зрѣнія ново-

временскаго Гальтимора на вопросѣ о дѣтской смертности. Да и вообще судить объ идеяхъ г. Меньшикова очень мудрено, потому что человѣкъ этотъ никогда не знаетъ напередъ, какая мысль забредетъ въ его голову: въ домъ своихъ „ближнихъ“ онъ то вкатывается колесомъ, то вползаетъ ужомъ, то переодѣвается странницей-богомолкой, то, наконецъ, галопомъ въѣзжаетъ на Гальтиморѣ. А бываетъ и такъ, что, переодѣвшись на первомъ столбцѣ фельетона въ костюмъ богомолки, онъ къ концу фельетона, какъ былъ, въ этомъ же костюмѣ, уже гарцуетъ на Гальтиморѣ, да еще и охорашивается на манеръ ялтинскаго проводника: дескать поглядите, ближніе, какой изъ меня душка-Ибрагимъ вышелъ.

Пока въ Петербургѣ „ближніе“ г-на Меньшикова собираютъ капиталы, чтобы утереть слезы сиротамъ и вдовицамъ, его саратовскіе „ближніе“ уже давно борются съ дѣтской смертностью и успѣли учредить нѣсколько пріютовъ для уличныхъ дѣтей.

„Всѣ пріюты, разсказываетъ корреспондентъ „Пет. Вѣд.“,—закрытыя учрежденія. Отсутствіе здѣсь общественнаго контроля ставитъ судьбу дѣтей въ полную зависимость отъ произвола тѣхъ или другихъ служащихъ лицъ,—жаловаться некому да и некуда, пори хоть прутьями, хоть крапивою.

„За фактами ходить не далеко: въ киновійскомъ пріютѣ учительница съ корнемъ выдирала волосы питомцамъ; въ одномъ изъ домовъ призрѣнія сторожъ-драгунъ хозяйничаетъ не первый годъ; нѣкоторыя вдовицы жаловались „благодѣтелямъ“ на его воспитательные пріемы, да имъ же и досталось за это: жалобщицъ удалили изъ учрежденія и съ дѣтьми. Въ земскомъ пріютѣ подкидышей одна изъ питомицъ, только что окончившая курсъ гимназіи, приняла яду послѣ столкновенья съ надзирательницей пріюта, и молодая жизнь пресѣклась, а надзирательница спокойно продолжаетъ заниматься воспитаніемъ дѣтей, только перемѣнила учрежденіе.

„Пища въ пріютахъ вообще „сиротская“, но первенство въ этомъ отношеніи остается за епархіальнымъ вѣдомствомъ: въ киновійскомъ пріютѣ-школѣ призрѣваемые только недавно перестали обѣдать за однимъ столомъ съ босяками и галахами, отъ которыхъ они заражались гнилою болѣзнью, научались сквернословить и вообще усваивали ихъ взгляды на жизнь. Въ другомъ учрежденіи того же вѣдомства врачи констатировали хроническую голодовку дѣтей. Здѣсь ихъ по мѣсяцамъ кормятъ одной чечевицей, мяса они и не видятъ, даже хлѣба вдоволь не наѣдаются. На этой почвѣ развивается худосочіе, куриная слѣпота; много шелудивыхъ дѣтей;—все это врачи приписываютъ недоѣданію, о чемъ много разъ заявлялось официально, хотя результатовъ, кажется, никакихъ. А, между тѣмъ, учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь,—не изъ бѣдныхъ: у него—

свои каменные дома, земельный участокъ у самаго города, да тысячъ 80 залежныхъ денегъ.

„Пріютскія „больницы" возмутительны: для этой цѣли отводится обыкновенно самая жалкая ненужная конура. Тутъ заодно лежатъ и сифилитики, и малярные, чесоточные, заразно-глазные, идіотики и всѣ вообще дѣти, общество которыхъ, въ томъ или иномъ отношеніи, неудобно для остального населенія".

Особенно сильно свирѣпствуетъ среди дѣтей сифилисъ, при чемъ пріюты, по словамъ того же корреспондента, или „выпускаютъ" дѣтей-сифилитиковъ на волю, или отдаютъ ихъ „въ дѣтища" по деревнямъ и тѣмъ самымъ создаютъ систематическую культуру сифилиса въ избахъ ничего невѣдающихъ мужиковъ.

Отъ саратовскихъ культуртрегеровъ сифилиса приглашаемъ читателя опять возвратиться въ Петербургъ, гдѣ функціонируетъ извѣстное общество защиты женщинъ отъ разврата. Это общество выработало особый проектъ (нынѣ находящійся на разсмотрѣніи комитета министровъ) съ цѣлью „огражденія хористокъ различныхъ увеселительныхъ заведеній и кафешантановъ отъ противонравственной эксплуатаціи со стороны антрепренеровъ". Суть проекта сводится къ тому, чтобы путемъ административной репрессіи воспретить антрепренерамъ задерживать хористокъ въ увеселительныхъ мѣстахъ позднѣе окончанія представленій, а также избавить хористокъ и отъ обязательнаго посѣщенія отдѣльныхъ кабинетовъ.

Какъ видите, попытка петербургскаго общества защиты женщинъ представляетъ собой не что иное, какъ лишній камень, приготовленный для мостовой дантовскаго ада. Но, разумѣется, было бы большой наивностью думать, что этимъ камнемъ можно зашибить шантанныхъ антрепренеровъ: если этихъ людей не страшитъ даже дубина прокурора, то какое же существуетъ основаніе полагать, что камень, брошенный дамской ручкой, можетъ воспрепятствовать ихъ торговлѣ? Какъ опытный торговецъ женскимъ тѣломъ, всякій антрепренеръ будетъ только подсмѣиваться надъ „пронсками" дамъ-патронессъ.

„Вы запрещаете мнѣ, скажетъ онъ, принуждать хористокъ къ кабинетной дѣятельности, но за мной остается право выбросить на панель всякую, которая откажется итти въ кабинетъ добровольно: я—хозяинъ, и могу найти тысячу предлоговъ порвать контрактъ. Наконецъ, я буду заключать контракты только съ такими хористками, которыя не то что „добровольно", а съ радостью будутъ вести кабинетный образъ жизни и, если я того пожелаю, то выдадутъ мнѣ даже предварительныя расписки: дескать, я нижеподписавшаяся, посѣщаю кабинеты по призванію и этому призванію моему прошу препятствій не чинить".

Словомъ, шантанные антрепренеры найдутъ тысячу способовъ, чтобы, посмѣяться и даже поглумиться надъ „происками“ благотворительности. Да и смѣшно было бы думать, что страхъ передъ административной карой можетъ благотворно повліять на дѣятельность трактирно-шантанныхъ предпринимателей: разъ человѣкъ не боится Господа Бога, то надо думать, что и передъ частнымъ приставомъ онъ не струситъ.

Притомъ же „хоровая проституція“, или проституція среди хористокъ пустила уже такіе глубокіе корни, что ее можно наблюдать даже въ оперныхъ театрахъ. По крайней мѣрѣ, есть театры (и очень богатые театры), гдѣ хористка получаетъ 10 р. жалованья въ мѣсяцъ, при чемъ отъ нея требуются безукоризненно опрятные и даже нарядные костюмы, перчатки, шляпы и вообще полная амуниція обезпеченной женщины.

Нанимая такихъ хористокъ, оперные антрепренеры такъ прямо и говорятъ: „жалованье у насъ 10 р. въ мѣсяцъ, но даже средняя женская предпріимчивость, несомнѣнно, доставитъ вамъ полное обезпеченіе: наша публика музыку любитъ и, при стараніи, можно попасть на содержаніе даже къ очень богатому человѣку“.

Въ заключеніе укажемъ еще на два общества, гдѣ точно такъ же люди поставили себѣ задачей переплыть море на пузыряхъ благотворительности. Одно изъ нихъ находится въ Таганрогѣ и имѣетъ въ виду покровительствовать животнымъ. Но такъ какъ скотолюбовъ въ Таганрогѣ оказалось очень недостаточно, то, для пополненія казначейства общества, было рѣшено обязать всѣ публичныя дома въ городѣ, въ лицѣ антрепренеровъ и антрепренершъ, записаться въ покровители животныхъ. И антрепренеры записались. Но тутъ, по словамъ „Новостей“, вышла маленькая заминка: завѣдующій дѣлами общества рѣшилъ, что изо всей таганрогской фауны самымъ подходящимъ объектомъ для благотворительности можетъ служить онъ самъ, завѣдующій дѣлами. Поэтому, антрепренерская копейка, предназначенная для животныхъ вообще, была полностью истрачена только на одного завѣдывающаго, который, отсчитываясь передъ своими покровителями, вездѣ въ отчетныхъ книгахъ писалъ: „на сѣно—столько-то рублей“.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ протекаетъ дѣятельность петербургскаго общества покровительства животнымъ. Здѣсь недавно былъ такой случай: какой-то первоклассникъ-реалистъ выбросилъ изъ пятаго этажа кошку. Кошку тотчасъ же замѣтили, привели въ чувство и о происшествіи составили протоколъ, при чемъ примѣнили методъ распространительнаго толкованія и установили, что реалистикъ „вообще“ занимается сбрасываніемъ чужихъ кошекъ съ верхнихъ этажей: чуть завидитъ кошку, сейчасъ же ловитъ ее, бѣжитъ въ шестой этажъ и низвергаетъ. Протоколъ о жестокомъ мальчикѣ направили къ мировому судьѣ, который, за малолѣтствомъ

подсудимаго, отдалъ его на попеченіе матери и никакого наказанія не примѣнилъ. Но зато начальство училища ужаснулось жестокости мальчугана и поступило съ нимъ такъ, какъ онъ поступилъ съ кошкой, т. е. выбросило его изъ училища на мостовую.

Мать мальчика (очень бѣдная женщина и притомъ вдова) долго, но безуспѣшно хлопотала, чтобы ея сыну даровали пощаду; съ плачемъ и съ причитаніями доказывала она, что мальчикъ толкнулъ съ пятаго этажа всего на всего одну кошку, что онъ никогда не занимался этимъ профессіонально,—но все было напрасно: „реалистъ-выродокъ" не могъ быть терпимъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія „послѣ кошки".

* * *

Недавно въ С.Петербургскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло доктора Крайнделя, котораго обвинялъ въ клеветѣ извѣстный тибетскій знахарь г. Бадмаевъ.

Обстоятельства этого громкаго дѣла сами по себѣ очень поучительны, какъ схватка научной медицины съ медицяной шарлатанской. Но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ не „бадмаевщина", а лишь одна фраза защитника д-ра Крайнделя, г-на Грузенберга. Ходатайствуя передъ судомъ объ оправданіи своего кліента, защитникъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „если вы обвините его, то завтра же найдутся представители продажной прессы, которые, опираясь на вашъ приговоръ, будутъ превозносить г. Бадмаева и его медицину". Сколько помнится, это еще первый случай, когда съ высоты судебной трибуны, или точнѣе говоря, съ адвокатской скамейки, раздался такой опредѣленный, откровенный и злой окрикъ на печать. До сихъ поръ гг. адвокаты, обыкновенно, относились къ прессѣ съ напускнымъ уваженіемъ и хотя въ своихъ „смирновкахъ" (буфетахъ) костили ее на чемъ свѣтъ стоитъ, но, надѣвая фракъ и „выступая" передъ судьями, считали своимъ долгомъ либо исходить гражданскими слезами, либо болѣе или менѣе граціозно расшаркиваться по адресу „шестой державы". Про судебныхъ же репортеровъ и говорить нечего: съ ними адвокаты всегда кокетничали и лебезили передъ ними до отвращенія.

И вдругъ такой, съ Божьей помощью, оборотъ: вмѣсто дешевой адвокатской слезы и ещё болѣе дешеваго комплимента, въ прессу полетѣлъ увѣсистый булыжникъ, предназначенный для всѣхъ, торгующихъ совѣстью и перомъ. Впечатлѣніе получилось очень эффектное и, можетъ быть, оттого, что въ огородъ газетчиковъ полетѣла не стрѣла, отравленная ядомъ ироніи, а именно булыжникъ,—объ этомъ инцидентѣ стали много говорить и среди адвокатуры, и среди представителей прессы.

Нашлись даже люди, которые слова г. Грузенберга пожелали истолковать какъ дерзкій вызовъ, брошенный въ лицо всей русской печати.

Такъ именно поняла „Петербургская Газета" и, сколько помнится сотрудникъ ея Николай Эдуардовичъ Гейнце.

Нечего и говорить, что „Петерб. Газ." приняла слова г. Грузенберга не на свой счетъ, а препоясалась на брань за всю нашу прессу, какъ за оскорбленную вдовицу, которая собственными силами не можетъ защитить свою женскую честь. Но оттого только смѣшнѣе вышло, и тотъ же адвокатъ Грузенбергъ могъ бы сказать рыцарямъ „Петерб. Газеты": „а знаете, господа, такіе случаи бываютъ... Бываетъ, что, репортеры столичной прессы иногда берутъ взятки,—по крайней мѣрѣ, и процессы такіе были, и уличныя мордобитія были. Вспомните-ка, какъ весной г. Черманъ возстановлялъ свою честь при помощи палки и спины г. Булгакова. Вѣдь, на всю газетную Русь тогда скандалъ поднялся". Впрочемъ, и г. Гейнце могъ бы, въ свою очередь, возразить г. Грузенбергу: „захочу такъ вспомню, а не захочу, такъ и не вспомню. А вы, милостивый государь, все таки не ругайтесь, а помните, что каждая корпорація имѣетъ свои профессіональныя тайны и что нельзя безнаказанно посягать на то, что составляетъ „святая святыхъ" нашей уважаемой печати".

Оставляя пока въ сторонѣ инцидентъ съ г. Грузенбергомъ, не можемъ не замѣтить, что вышеприведенное выраженіе—„святая святыхъ нашей уважаемой прессы"—толкуется современными журналистами чрезвычайно широко: подъ „святая святыхъ" разумѣютъ не только мздоимство и лихоимство, не только шантажъ и газетную проституцію, но точно также и литературную кражу въ широкомъ смыслѣ слова. Уличная пресса считаетъ кражу какъ бы своимъ домашнимъ дѣломъ, которое не можетъ подлежать публичному обсужденію, *по неподсудности*. По крайней мѣрѣ, современный литературный воръ искренно удивляется, когда его шельмуютъ въ журналахъ и газетахъ: и чего, молъ, бѣсятся эти люди—вѣдь не ихъ же я обокралъ и не имъ краденное продалъ, такъ какого же, съ позволенія сказать, чорта наскакиваютъ, чего ради „караулъ" кричать?" Даже редакторы и издатели, печатающіе краденныя вещи, и тѣ, вслѣдствіе долголѣтней привычки, совсѣмъ не обижаются на своихъ мародеровъ: по крайней мѣрѣ, не было случая, чтобы пойманный съ поличнымъ плагіаторъ былъ выгнанъ и потерялъ работу,—самое большее, если издатель отечески пожуритъ его и скажетъ: „а вы, опять мнѣ „Юрія Милославскаго" всучили, да еще и по гривеннику за строчку содрали... безсовѣстный..." Оттого и количество литературныхъ кражъ возросло въ наши дни до неслыханныхъ размѣровъ. Вотъ, напримѣръ, списокъ плагіаторовъ, вынырнувшихъ на поверхности скандальной хроники только за минувшій мѣсяцъ.

Среди нихъ первое мѣсто—увы!—занимаетъ все тотъ же Николай Эдуардовичъ.

„Извѣстный романистъ“ Николай Эдуардовичъ Гейнце, — говоритъ „Слово“,—въ мартѣ 1899 года былъ уличенъ, и письмомъ въ „Россію“ тогда же сознался, что его романы, напечатанные въ „Свѣтѣ“, не что иное, какъ плагіатъ. Между прочимъ, среди подписанныхъ именемъ г. Гейнце романовъ „Свѣта“ былъ одинъ романъ въ трехъ частяхъ „Въ царствѣ привидѣній“, изданный въ 1898 году. Нынѣ, въ январѣ 1904 года, кто-то совершаетъ плагіатъ стараго плагіата самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, обманывая пріютившую его редакцію „Петербургской Газеты“.

„Прикрывшись псевдонимомъ „Старый Юристъ“, этотъ незнакомецъ печатаетъ на страницахъ „Петерб. Газеты“ романъ изъ петербургской жизни въ 3 частяхъ, подъ кричащимъ заголовкомъ: „Въ царствѣ крови и любви“ съ соотвѣтствующими содержанію рисунками.

„Произведеніе это есть не что иное, какъ повтореніе, отъ слова до слова, стараго плагіата—романа „Въ царствѣ привидѣній“, съ сохраненіемъ даже знаковъ препинанія. Перемѣненъ лишь порядокъ главъ и измѣнены собственныя имена.

„Всѣ 12 фельетоновъ буквально и добросовѣстно списаны.

„Интересно, кто бы это могъ такъ знать и добросовѣстно списывать романы г. Гейнце? И почему послѣдній не остановилъ наглаго плагіатора его романа? Очевидно, дѣйствуетъ лицо, очень близкое къ автору, какъ спеціалисту по части романовъ извѣстнаго рода; выходитъ, повидимому, уже не двойной, а тройной плагіатъ, такъ сказать, плагіатъ тройной очистки, вродѣ знаменитаго „тенерифа“ бр. Зміевыхъ.“

Легко можетъ случиться, что подъ псевдонимомъ „Старый Юристъ“ скрывается самъ Н. Э. который только воспользовался наивностью „Петербургской Газеты“ и запродалъ ей старо-украденный романъ, какъ вновь украденный. Но можетъ статься и такъ, что г. Старый Юристъ оперируетъ совершенно самостоятельно и что онъ просто-напросто „переукралъ“ у г. Гейнце однажды уже похищенную вещь. Хотя тутъ возможенъ и еще одинъ невыясненный вопросъ: не „переукралъ“ ли и самъ Гейнце свой романъ, прежде чѣмъ напечатать его въ „Свѣтѣ“? Вообще, какъ видите, это комбинація настолько сложная, что тутъ и слова настоящаго не приберешь: укралъ, переукралъ, пере-переукралъ. А въ конечномъ итогѣ исторія этого романа напоминаетъ разсказъ одного пьяницы-хохла, который слѣдующимъ образомъ повѣствовалъ о своемъ времяпрепровожденіи: „выпили мы съ кумомъ по чарці, а потомъ ще (еще), а потомъ ще-на-ще, а тамъ ще ще-на-ще, а тамъ уже ще-на-ще тай перенаще-ще“.

Столь же сложную комбинацію многократнаго плагіата избралъ и

г. Плетневъ, получившій свое литературное воспитаніе, если не ошибаемся, въ „Новомъ Времени". Исторія этого плагіата еще забавнѣе и сводится, въ нѣсколькихъ словахъ, къ слѣдующему: Александръ Дюма-сынъ, пользующійся на родинѣ репутаціей французскаго Гейнце, укралъ у Пушкина его „Выстрѣлъ" и напечаталъ его, въ одномъ изъ распространеннѣйшихъ парижскихъ изданій. (Дюма женатъ на русской и, какъ говорятъ, это даетъ ему „нѣкоторое основаніе" обворовывать русскихъ писателей). Но продѣлка Дюма была замѣчена его же соотечественниками и въ одномъ французскомъ журналѣ тотчасъ же появилось разоблаченіе. Объ этомъ разоблаченіи, какъ и о самомъ плагіатѣ, въ Россіи первымъ узналъ г. Васнинъ, который, собираясь опубликовать всю исторію въ газетахъ, имѣлъ неосторожность подѣлиться своей идеей съ г. Плетневымъ. Но г. Плетневъ выслушалъ, идею одобрилъ и... опубликовалъ фактъ отъ своего имени.

При этомъ еще одна маленькая, но очень любопытная черточка: когда г. Васнинъ (больной человѣкъ, очень нуждающійся въ заработкѣ) сталъ укорять г. Плетнева въ вѣроломствѣ, послѣдній съ наивностью ребенка заявилъ, что считалъ себя въ правѣ разоблачить Дюма, такъ какъ и его, Плетнева, племянникъ *тоже* получаетъ тотъ самый журналъ, изъ котораго г. Васнинъ узналъ о плагіатѣ. Это „тоже" совсѣмъ ужъ напоминаетъ наши нѣмецкіе учебники: „злой Фрицъ воруетъ яблоки въ саду своихъ сосѣдей, потому что его племянникъ тоже играетъ на скрипкѣ".

Отъ Плетнева не угодно ли заглянуть въ лабораторію „Новаго Времени", гдѣ подвизаются плагіаторы высшей школы во главѣ съ неподражаемымъ г. Ник. Энгельгардтомъ. Вотъ что сообщилъ объ этомъ господинѣ нѣкій Платонъ Горючко въ „Могил. Губ. Вѣд.".

„Въ святочномъ нумерѣ „Новаго Времени" среди другихъ помѣщенъ разсказъ „Видѣніе губернатора Пассека". Намъ представляется неумѣстнымъ стоящее подъ разсказомъ имя: „Николай Энгельгардтъ". Дѣло въ томъ, что въ разсказѣ господину Н. Энгельгардту ничего не принадлежитъ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ произвольныхъ передѣлокъ. Разсказъ этотъ заимствованъ „изъ старой рукописи". Но намъ кажется, что онъ давно извѣстенъ въ печати. Просимъ читателей заглянуть въ „Записки" Г. И. Добрынина 1752—1823 гг. (Спб. 1872) и Л. Н. Энгельгардта 1760—1836 гг. (Москва, 1867)".

Подводя итоги всѣмъ перечисленнымъ плагіатамъ, можно притти къ заключенію, что на пространствѣ всего лишь одного мѣсяца украдено: одинъ разсказъ, одинъ романъ (переукраденъ), одно „обличеніе" и одна переводная статейка (изъ „Руси"). Это въ одномъ Петербургѣ. Если теперь обратить вниманіе на качественный составъ мародеровъ, то въ глаза невольно бросится слѣдующій фактъ: всѣ мародеры „работаютъ" при самыхъ

благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, они состоятъ сотрудниками богатыхъ изданій, щедро оплачивающихъ литературную работу („Новое Время", напр., платитъ щедрѣе всѣхъ въ Россіи). Такимъ образомъ, если бы всѣ эти хищники предстали въ одинъ прекрасный день предъ лицомъ уголовнаго суда, то присяжные не дали бы имъ даже снисхожденія. Да и какъ-же дать снисхожденіе какому-нибудь Старому Юристу: это—рецедивистъ, укралъ на сумму болѣе 300 рублей и въ крайности не находился,—тутъ даже Плевако не избавилъ бы отъ острога.

* * *

Не такъ давно мы отмѣчали забавное мнѣніе „Новостей" о ненадобности университета въ Западномъ краѣ. Газета Нотовича, если помнитъ читатель, особенно издѣвалась надъ городомъ Минскомъ, который добивался чести быть университетскимъ городомъ и обѣщалъ пожертвовать на это дѣло крупную сумму. Предостерегая всѣхъ, что Минскъ—городъ бѣдный, что бюджетъ его обремененъ долгами, „Новости" открыто заявили, что никакимъ обѣщаніямъ Минска нельзя вѣрить, такъ какъ обѣщанія эти все равно не будутъ исполнены.

Теперь, однако, тѣ же „Новости" очень дѣльно и вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что университетъ въ Западномъ краѣ необходимъ, и что лучшимъ мѣстомъ для него слѣдуетъ признать городъ Минскъ.

„По географическому положенію, обширности территоріи и количеству населенія, первое мѣсто въ бѣлорусскомъ краѣ, безспорно, занимаетъ Минская губернія. Минскъ—городъ, быстро растущій какъ въ отношеніи числа жителей, такъ и въ смыслѣ городского благоустройства; онъ находится на пересѣченіи большихъ рельсовыхъ путей, связывающихъ сѣверъ съ югомъ и западъ съ востокомъ. Минскъ является самымъ естественнымъ пунктомъ для основанія бѣлорусскаго университета. Минскій университетскій районъ совершенно естественно складывается изъ губерній: Минской, Могилевской, Витебской и Гродненской. Къ этому же району, въ случаѣ переполненія двухъ сосѣднихъ университетовъ, московскаго и кіевскаго, естественно обратятся за удовлетвореніемъ потребности въ высшемъ образованіи сосѣднія губерніи: Волынская, Черниговская, Смоленская и даже Люблинская. Оставляя въ сторонѣ другія, пограничныя съ минскимъ райономъ, губерніи, все же получимъ огромное пространство, которое не имѣетъ ни одного высшаго учебнаго заведенія на 10.000.000 жителей. Минскій университетъ, находясь въ центрѣ Бѣлоруссіи, привлечетъ къ себѣ всѣ ея силы, дастъ обширному, но обездоленному въ этомъ отношеніи

краю возможность удовлетворенія просвѣтительной потребности, облегчить работу переполненныхъ въ настоящее время университетовъ московскаго и кіевскаго, отказывающихъ въ пріемѣ, за неимѣніемъ мѣста, массѣ молодыхъ людей. Западно русское юношество, поступая въ свой бѣлорусскій университетъ, будетъ оставаться въ родной обстановкѣ. Бѣлорусскій университетъ подниметъ культуру этой обширной части имперіи."

Намъ очень пріятно видѣть, что г. Нотовичъ понемногу начинаетъ исправляться. Да поможетъ ему Господь укрѣпиться въ мысляхъ и найти, наконецъ, якорь для свего публицистическаго челнока.

* * *

До сихъ поръ всѣ были убѣждены что надъ нашимъ книжнымъ рынкомъ имѣетъ власть только цензурное вѣдомство. Но теперь оказывается, что нѣкоторую власть имѣетъ и... его святѣйшество римскій папа. По крайней мѣрѣ, „изъ *Вильны* въ „Kraj" сообщаютъ, что два тамошніе ксендза, Лубянецъ и Сперскій, обратили вниманіе, что два виленскіе книгопродавца, Завадскій и Маковскій, продаютъ книги, которыя вошли въ списокъ книгъ, запрещенныхъ папой для чтенія правовѣрнымъ католикамъ.

„Въ виду этого, помянутые ксендзы обязали книгопродавцевъ подпиской впредь торговать только книгами, разрѣшенными католической церковью, а для исполненія въ точности этой подписки оба указанные выше книжные магазины отданы подъ надзоръ мѣстной духовной власти. Кажется,—говоритъ „Kraj",—это единственный случай активнаго вмѣшательства католическаго духовенства въ Россіи въ дѣла книжной торговли съ цѣлью охраненія душевной чистоты своей паствы."

* * *

Въ практикѣ закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ налагать на тѣло низшихъ служащихъ особые штемпеля, кои, отличаясь въ нѣкоторыхъ деталяхъ своихъ отъ блаженной памяти клейма, тѣмъ не менѣе, могли бы служить удостовѣреніемъ о личности.

„Случайно было обнаружено, говоритъ начальникъ Закавк. ж. д., что на ст. „Тифлисъ", при посылкѣ вновь принимаемаго служащаго на освидѣтельствованіе къ врачу, былъ наложенъ на руку этому служащему станціонный штемпель, якобы въ огражденіе того, чтобы къ освидѣтельствованію не явился другой, какъ это, къ сожалѣнію, иногда наблю-

дается. По тщательномъ разслѣдованіи этого случая, оказалось, что штемпель наложилъ нынѣ уже уволенный г. Снигиревскій.

„Нахожу поступокъ г. Снигиревскаго совершенно непозволительнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство.

„Надѣюсь, что подобныя нелѣпости впредь не повторятся на ввѣренныхъ мнѣ дорогахъ, такъ какъ для достиженія той же цѣли есть болѣе разумные и не унижающіе человѣческое достоинство способы, напримѣръ: снятіе со вновь принимаемаго фотографической карточки, сопровожденіе его къ врачу при одномъ изъ служащихъ уже агентовъ, или собственноручная роспись его, если вновь принимаемый—грамотный.

(„Вѣстн. Закавк. ж. д.").

Итакъ, станціонныя клейма, какъ удостовѣреніе о личности, отмѣнены.

* * *

Одинъ изъ сотрудниковъ „С.Пет. Вѣд." передаетъ недурной анекдотъ, вычитанный изъ какой-то старинной книжки: „По улицѣ шумнаго города, прижимаясь къ сторонкѣ, робко пробирался задумчивый и блѣдный человѣкъ. Вдругъ изъ-за угла вынырнула оборванная фигура нищаго съ протянутой рукой.

— Баринъ, не откажите, Христа ради!...

— Опомнись,—отвѣтилъ блѣдный изможденный человѣкъ,—вѣдь, я—учитель!...

— Прости меня, братъ,—сострадательно отвѣтилъ нищій, и, вынувъ грошъ, подалъ его блѣдному человѣку, испуганно сторонившемуся отъ многолюдной толпы".

Если городъ замѣнить деревней, то анекдотъ и для нашего времени придется какъ разъ въ пору, по крайней мѣрѣ случаи, въ родѣ описаннаго, и сейчасъ не рѣдкость. Вотъ, напр., что разсказываетъ камчатскій корреспондентъ „Дальняго Востока" о мѣстныхъ школахъ:

„Мнѣ пришлось посѣтить одну школу въ с. Чумиканъ, на Охотскомъ побережьѣ, которая служитъ прототипомъ многихъ другихъ школъ далекаго сѣвера. Школа стоитъ въ лѣсу, сажень на двѣсти отъ кучки тунгусскихъ лачугъ, составляющихъ селеніе и раскинутыхъ по самому берегу моря. Зданіе школы, въ двѣ квадратныхъ сажени, выстроено изъ выброшеннаго моремъ лѣса. Въ прихожей „очагъ", устроенный такимъ же образомъ, какъ у состоятельныхъ инородцевъ. Печи нѣтъ. Далѣе двѣ комнатки—въ одной „школа", въ другой квартира учителя. Единственная мебель—сколоченныя изъ досокъ скамейки.

Во время осмотра убогой школы учитель (онъ же псаломщикъ мѣстной церкви) разсказалъ мнѣ „недолгую" исторію учрежденія ея.

— Когда я былъ во Владивостокѣ, наше начальство призвало меня и сказало: если можно, устройте тамъ школу. Я сказалъ: отчего же, можно. Мнѣ тутъ же выдали кредитъ на устройство школы...

— Большой?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, небольшой—всего только три рубля...

— И вы на эти три рубля устроили школу?

— Какъ видите, устроилъ. Пришлось въ своей квартирѣ. Пріѣхалъ я и созвалъ всѣхъ тунгусовъ: „желаете учить грамотѣ дѣтей?"—„Очень, говорятъ, желаемъ". Ну, я и сталъ учить. Учениковъ пятнадцать, иногда больше. Дѣло идетъ хорошо, жаль только—не могу достать русской азбуки. Прислали нѣсколько букварей, но всѣ на церковно-славянскомъ языкѣ. Такъ и приходится по нимъ учить.

— Сколько вы получаете за труды?

— Окладъ шестнадцать руб. въ годъ".

* * *

По свѣдѣніямъ „Одес. Лист.", въ октябрѣ прошлаго года городской голова П. А. Зеленый обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о допущеніи къ слушанію лекцій въ Новороссійскомъ университетѣ до 60 лицъ іудейскаго исповѣданія, сверхъ установленной для евреевъ нормы. Въ настоящее время городской голова получилъ отъ товарища министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьянова письмо съ извѣщеніемъ, что министръ народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ начальствомъ одесскаго учебнаго округа, не призналъ возможнымъ удовлетворить ходатайство.

* * *

Владивостокская цензура обнаруживаетъ нечеловѣческое трудолюбіе.

„Въ только что вышедшемъ VI т. „Извѣстій Восточнаго Института" напечатанъ, между прочимъ, отчетъ о дѣятельности конференціи института, которая занимаетъ здѣсь роль „особаго цензора".

„Данныя отчета отличаются обиліемъ неожиданностей.

„Конференція института находитъ, напр., что надѣяться на полезную дѣятельность печати въ краѣ возможно будетъ лишь тогда, когда эта печать будетъ находиться подъ непосредственнымъ попеченіемъ генералъ-губернатора.

„Далѣе конференція Восточнаго Института жалуется на то, что изъ в вѣдѣнія ускользаютъ (?) „почтовыя отправленія, адресованныя предста- телямъ мѣстной и хабаровской администраціи". При этомъ „обнаружили ь

весьма странныя обстоятельства въ отношеніи адресовъ. Оказывается, что нѣкоторыя офиціальныя лица, какъ, напр., чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, получаетъ свою почтовую корреспонденцію по адресу торговаго дома „Кунстъ и Альберсъ", а пріамурскій генералъ-губернаторъ получалъ англійскую газету „North China Herald" по адресу торговаго дома „Шевелевъ и К°" во Владивостокѣ". „Очевидно,—соображаютъ по этому поводу составители отчета,—что тѣ фирмы, чрезъ посредство которыхъ нѣкоторыя офиціальныя лица получаютъ свою корреспонденцію, поставлены въ возможность участвовать въ безцензурномъ полученіи газетъ".

„Не лишенными интереса представляются и данныя относительно количества цензурной работы, выполненной конференціей. Съ января по 18 ноября 1902 г. конференціей „было разсмотрѣно": газетъ на японскомъ языкѣ 39,191 номеръ, на китайскомъ 1, 190 и корейскомъ 560 номеровъ, всего же 40,941 номеръ и, сверхъ того, журналовъ и книгъ на восточныхъ языкахъ—34,971 нумеровъ и томовъ.

„Интересно, *какимъ* образомъ все это просматривалось...

„Затѣмъ—продолжаетъ отчетъ—поступило еще на цензурное разсмотрѣніе 1,479 тюковъ со старыми японскими газетами, содержащихъ около 1.774,800 номеровъ. Такимъ образомъ, за весь указанный періодъ времени было разсмотрѣно 1.850,712 номеровъ и томовъ газетъ, журналовъ и книгъ на восточныхъ языкахъ".

„Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, однимъ только завѣдующимъ иностраннымъ отдѣломъ было за отчетный годъ „разсмотрѣно" въ день среднимъ числомъ 5,000 томовъ и номеровъ въ сутки (!).

„По внутренней цензурѣ работы было несравненно меньше: съ 18 ноября по 31 декабря 1902 г. было разсмотрѣно всего лишь 50 номеровъ мѣстныхъ газетъ и изъ нихъ 35 номеровъ пропущены чисто, а 15 съ 46 помарками, при чемъ на 4 номера „Владивостока" пришлось 19 помарокъ, на 9 номеровъ „Вост. Вѣст." 23 помарки и на 2 номера „Дальняго Востока"—лишь 4 помарки". („С.Пет. Вѣд.").

* * *

По словамъ газетъ, *туркестанская* духовная консисторія разослала православному духовенству туркестанской епархіи циркулярное предложеніе слѣдующаго содержанія:

„Консисторія даетъ знать духовенству туркестанской епархіи, чтобы оно не позволяло себѣ печатать свои проповѣди, рѣчи и вообще сочиненія безъ спроса и разрѣшенія епархіальнаго начальства. Затѣмъ, строго запретить духовенству, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ мѣста, говорить проповѣди политическаго свойства. Оно должно помнить, что политика—дѣло

правительства, которое одно посвящено во всѣ ея тайны, а обязанность духовенства не судить никого, а учить вѣрѣ и нравственности, словомъ и жизнью". („Курьеръ").

* * *

Одинъ изъ сотрудниковъ „Гражданина" посѣтилъ спектакль дѣтской труппы, въ которомъ принимали участіе дѣвочки-подростки, навербованныя, въ большинствѣ случаевъ, изъ сиротъ.

„Что будетъ съ ними дальше?—задалъ себѣ вопросъ сотрудникъ.— Чѣмъ кончатъ свою „карьору" эти дѣвочки, начинающія ее тутъ, передъ моими глазами?

Я высказалъ свои мысли и впечатлѣнія одному офиціальному лицу, человѣку интеллигентному и съ извѣстнымъ положеніемъ, который имѣлъ власть и право предъявить благодѣтелю-антрепренеру дѣтской труппы нѣкоторыя требованія, выраженныя нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ.

— Вздоръ! Ничего новаго я тутъ не нахожу! Все это для нихъ же пригодится. По крайней мѣрѣ, скорѣе попадутъ на содержаніе къ хорошему человѣку...

Таковъ былъ отвѣтъ представителя власти и интеллигенціи, сказанный открыто и чуть-ли не „при исполненіи служебныхъ обязанностей"... Послѣ этого уже не стоило и поднимать рѣчи на эту тему, такъ какъ эта почтенная особа была, очевидно, такимъ же именно „хорошимъ человѣкомъ".

Отвѣтъ „особы"—во всякомъ случаѣ классическій.

* * *

Послѣ смерти предсѣдателя петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, Герарда, въ адвокатскомъ сословіи настало нѣкоторое междуцарствіе.

„Временное отсутствіе предсѣдателя, говоритъ „Русь", уже вызвало нѣкоторыя недоразумѣнія, послужившія матеріаломъ для горячихъ споровъ на собраніи, происходившемъ 18 января.

„Оказалось, что десятилѣтній юбилей г. министра юстиціи захватилъ совѣтъ, что называется, врасплохъ и лишь 31 декабря товарищъ предсѣдателя, по телефону переговоривъ съ нѣкоторыми членами совѣта, организовалъ депутацію въ лицѣ 3 присяжныхъ повѣренныхъ, къ которымъ присоединился извѣстный криминалистъ Н. П. Карабчевскій. Депутація была радушно принята Н. В. Муравьевымъ, и отъ лица всего сословія поздравила его съ исполнившимся десятилѣтіемъ его дѣятельности на посту министра юстиціи, поскольку въ этой дѣятельности онъ является защитникомъ коренныхъ началъ уставовъ Александра II и неразрывно съ ни связанной независимости сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Общее браніе поставило на видъ совѣту, что подобное чествованіе не дол

было быть неожиданностью для совѣта и подлежало обсужденію если не общаго собранія, то, по крайней мѣрѣ, всего состава совѣта".

* * *

Нахальная, безграмотная и нерѣдко скабрезная реклама до такой степени вошла въ обиходъ нашего торговаго люда, что съ нею давно должны бы бороться наши періодическія изданія. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ этомъ направленіи сдѣлана только одна попытка, принадлежащая „Врачебному Вѣстнику". Вотъ что заявилъ этотъ органъ всѣмъ гг. рекламистамъ:

„Объявленія о тайныхъ средствахъ, а также к объ извѣстныхъ, составленныя въ рекламномъ духѣ, не принимаются".

Сколько намъ извѣстно, „Врачебный Вѣстникъ" составляетъчуть ли не единственное счастливое исключеніе: всѣ прочія изданія (за единичными исключеніями) готовы печатать и печатаютъ даже непристойныя объявленія, въ родѣ, напр., „Новаго Времени", на страницахъ котораго недавно красовалось лаконическое, но краснорѣчивое объявленіе: „Женскія Груди".

* * *

На-дняхъ въ Илимскѣ было объявлено слѣдующее „обязательное постановленіе". „Объявляю, что всякій встрѣченный мною послѣ девяти часовъ вечера на улицѣ молодой человѣкъ будетъ подвергнутъ аресту при полиціи. Сходбища и собранія, именуемыя „вечерками", строго воспрещаются по той причинѣ, что на нихъ могутъ попытаться проникнуть и молодые люди, и быть, такимъ образомъ, поставленными въ необходимость возвращаться поздно ночью домой". Была-ли при этомъ произведена ссылка на какія нибудь статьи свода законовъ, говоритъ „Вост. Об.", мы, къ сожалѣнію, узнать не могли.

„Обязательное постановленіе это по городу Илимску объявлено 6-го декабря мѣстной полиціей илимской молодежи, собранной ради этого случая въ зданіи городского управленія. „Вызвано оно совершеннойздѣсь на дняхъ у мѣстныхъ мѣщанъ кражей двухъ дугъ и еще, кажется, чего-то.

„Сейчасъ же по объявленіи постановленіе это вошло въ законную силу и проводится теперь въ жизнь со всяческой неукоснительностью".

Еслибы этотъ случай сталъ извѣстенъ Кузьмѣ Пруткову, то онъ неминуемо вывелъ бы отсюда такую мораль: „изъ-за пропавшихъ двухъ дугъ нѣтъ надобности гнуть въ дугу цѣлый городъ". Но, какъ видно, въ Илимскѣ и до прутковской философіи не дошли.

А. Я.

На Западѣ.

(Изъ Германіи).

Ростъ врачебнаго пролетаріата.

„Aerzte aller deutschen Staaten, vereinigt Euch!"

Изъ манифеста нѣмецкихъ врачей.

I.

Въ процессѣ историческаго развитія дѣла призрѣнія больныхъ въ Германіи можно отмѣтить четыре главнѣйшихъ періода. Первый періодъ характеризуется церковной организаціей призрѣнія больныхъ и охватываетъ время вплоть до среднихъ вѣковъ. Во второмъ періодѣ играютъ важную роль больничныя организаціи ремесленныхъ цеховъ, постепенно развившіяся въ самостоятельныя учрежденія. Третій періодъ можно характеризовать основаніемъ первыхъ частныхъ больничныхъ кассъ, за которымъ слѣдовало условное и лишь прусскимъ законодательствомъ предписанное обязательное страхованіе на случай болѣзни, а также—основаніемъ первыхъ вспомогательныхъ кассъ и изданіемъ закона о нихъ въ 1876 году. Наконецъ, четвертый періодъ въ этомъ процессѣ развитія составляетъ система обязательнаго страхованія, созданная для всей Германіи законами отъ 15 іюня 1883 года и 10 апрѣля 1892 года съ нѣкоторыми послѣдовавшими къ нимъ добавленіями. Такъ какъ интересующее насъ явленіе пролетаризаціи врачебнаго сословія въ Германіи есть продуктъ новѣйшаго времени и совпадаетъ съ послѣднимъ періодомъ организаціи призрѣнія больныхъ, то мы можемъ здѣсь ограничиться краткой характеристикой нынѣ дѣйствующей системы страхованія на случай болѣзни.

Начало эры современнаго соціальнаго законодательства въ Германіи совпадаетъ, какъ извѣстно, съ тяжелой годиной исключительныхъ законовъ

противъ всякаго рода „общеопасныхъ стремленій“, и самое это законодательство должно было, по мысли его иниціаторовъ, служить могучимъ оплотомъ противъ недовольства и мощной гарантіей довольства трудящихся классовъ. Такова тенденція и извѣстнаго императорскаго указа 1881 года, въ которомъ возвѣщалось, между прочимъ, предстоявшее изданіе закона о страхованіи на случай болѣзни. Въ немъ говорилось, что... „лѣченія соціальныхъ недуговъ слѣдуетъ добиваться не исключительно путемъ репрессій, а и позитивнымъ содѣйствіемъ благу народнаго населенія“; въ немъ выражалась, далѣе, надежда, что предстоявшіе законы „послужатъ для страны новымъ прочнымъ ручательствомъ внутренняго мира“... Въ самыхъ мотивахъ къ законопроекту, внесенному въ рейхстагъ въ 1882 году, указывалось, какъ на основную задачу консервативной и охранительной политики: въ неимущихъ классахъ населенія поддерживать тотъ взглядъ, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе, и что поэтому они, путемъ очевидныхъ и прямыхъ выгодъ, доставляемыхъ имъ законодательными мѣрами, должны быть направляемы въ сторону того взгляда, чтобы на государство смотрѣть не только какъ на учрежденіе, изобрѣтенное для охраны болѣе состоятельныхъ классовъ, но и предназначенное для удовлетворенія ихъ собственныхъ потребностей и интересовъ... Когда, наконецъ, въ 1883 году большинство рейхстага одобрило правительственный проектъ закона о страхованіи на случай болѣзни, то замѣститель тогдашняго имперскаго канцлера съ чувствомъ удовлетворенія заявилъ, что „это есть первый шагъ обезпеченія народу внутренняго мира, радости и довольства нашими государственными учрежденіями“.

Этотъ „первый шагъ“ не въ силахъ былъ вселить всѣмъ полнаго довольства. По закону 1883 года обязательному страхованію подлежали всѣ наемные рабочіе безъ различія возраста и пола, занятые въ горныхъ промыслахъ, фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ, внутреннемъ судоходствѣ, верфяхъ, торговлѣ, ремеслахъ и прочихъ постоянныхъ промыслахъ. Уже въ слѣдующемъ году потребовалось, однако, дополнить законъ въ интересахъ первоначально забытыхъ группъ рабочаго населенія и распространить обязательное страхованіе на рабочихъ, занятыхъ въ транспортномъ дѣлѣ, казенныхъ промыслахъ и т. п. Но еще и по сіе время въ Пруссіи не подлежатъ обязательному страхованію домашняя прислуга, сельскохозяйственные рабочіе и лица, занятыя въ домашней промышленности; нѣмецкіе землевладѣльцы опасаются, что распространеніемъ обязательнаго страхованія на эти категоріи трудящихся нарушены будутъ патріархальныя отношенія между ними и господами. Законъ объ обязательномъ страхованіи устанавливалъ двойную систему страхованія: законную и статутар-

ную. Общинамъ и другимъ коммунальнымъ союзамъ предоставляется и впредь, въ силу мѣстныхъ статутовъ, вводить для цѣлаго ряда профессіональныхъ группъ обязательное страхованіе, какъ то: для торговыхъ приказчиковъ и учениковъ, аптекарскихъ учениковъ и помощниковъ.

При обсужденіи закона пришлось принять въ расчетъ разнаго рода предпринимательскіе интерессы, и потому система страхованія не отличается единствомъ. Въ настоящее время въ Германіи насчитывается шесть и даже семь различныхъ типовъ кассъ на случай болѣзни, въ которыхъ допускается страхованіе рабочихъ (мѣстныя, промышленныя или фабричныя, строительныя, цеховыя, рудокопныя, зарегистрированныя и вспомогательныя, учрежденныя на основаніи законодательства отдѣльныхъ государствъ); общинное страхованіе на случай болѣзни выступаетъ въ качествѣ субсидіарнаго страхованія для всѣхъ лицъ, которыя обязаны страховаться, но не принадлежатъ ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ кассъ. Помощь такого страхованія заключается въ подачѣ врачебнаго совѣта, выдачѣ лѣкарствъ и въ денежномъ вспомоществованіи, выдаваемомъ съ третьяго дня болѣзни въ продолженіе 26 недѣль (по новеллѣ 1902 года вмѣсто 13 недѣль), въ размѣрѣ половины обычной мѣстной заработной платы простого поденщика, или въ лѣченіи въ больницѣ. Взносы застрахованнаго не могутъ превосходить 2%, обыкновенно даже $1^1/_2$% обычной мѣстной дневной заработной платы; они взимаются работодателями, которые обязаны заявлять кассѣ о своихъ рабочихъ и уплачивать $^1/_3$ суммы взносовъ изъ собственныхъ средствъ.

Нормальными кассами считаются *мѣстныя* кассы на случай болѣзни (Ortskrankenkassen), учреждаемыя общиной, т. е. мѣстныя страховыя товарищества, образованныя по принципу страховыхъ союзовъ предпринимателей (съ числомъ членовъ не менѣе 100); къ категоріи нормальныхъ кассъ принадлежатъ далѣе *промышленныя или фабричныя* кассы (Betriebs- oder Fabrikkassen), т. е. кассы на случай болѣзни для рабочихъ отдѣльнаго болѣе или менѣе крупнаго промышленнаго предпріятія, въ которомъ занято не менѣе 50 лицъ, обязанныхъ страховаться. Установленное закономъ вспомоществованіе, оказываемое мѣстными кассами на случай болѣзни,—больше, чѣмъ вспомоществованіе общинныхъ кассъ. Первыя должны доставлять такую же помощь, какъ и вторыя, но съ тѣмъ расчетомъ, что величина выдаваемаго денежнаго вспомоществованія (Krankengeld) высчитывается не по средней мѣстной заработной платѣ простого поденщика, а по средней суточной платѣ тѣхъ категорій рабочихъ, для которыхъ устроена касса, если только она не превосходитъ 3 марокъ; кромѣ того, первыя кассы выдаютъ такое-же вспомоществованіе роженицамъ въ теченіе 6 недѣль (по новеллѣ 1902 года вмѣсто 3 не-

дѣль) послѣ родовъ и, въ случаѣ смерти члена кассы, деньги на похороны, въ размѣрахъ 20-кратной суточной заработной платы. Нормальные взносы равняются 2% (maximum 3%) средней заработной платы; они взимаются работодателями, которые должны заявлять кассѣ о своихъ рабочихъ и выплачивать $^1/_3$ взносовъ изъ собственныхъ средствъ. Изложенныя постановленія имѣютъ силу и по отношенію къ промышленнымъ или фабричнымъ кассамъ, но уставы послѣднихъ могутъ опредѣлять взносы и выдаваемыя вспомоществованія въ процентахъ дѣйствительнаго заработка отдѣльныхъ застрахованныхъ рабочихъ, если только онъ не превосходитъ 4 марокъ въ день. Если 3% средняго заработка рабочихъ недостаточны для покрытія минимальныхъ издержекъ кассы на вспомоществованія, предприниматель долженъ доплачивать недостающую сумму изъ собственныхъ средствъ. Учрежденіе такихъ кассъ можетъ быть поставлено въ обязанность предпринимателямъ.

Строительныя кассы (Baukrankenkassen) учреждаются для лицъ, занятыхъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, дорогъ, плотинъ, крѣпостей и при рѣчныхъ сооруженіяхъ, равно какъ и на другихъ временныхъ строительныхъ работахъ. Эти кассы должны быть устраиваемы предпринимателями строительныхъ работъ по распоряженію высшей администраціи въ томъ случаѣ, если они хотя временно нанимаютъ на работу значительное число рабочихъ. Здѣсь дѣйствуютъ тѣ же постановленія, какъ и для промышленныхъ кассъ. Приблизительно такія же постановленія имѣютъ силу и для прочихъ вышеназванныхъ типовъ кассъ на случай болѣзни.

Издержки по управленію возлагаются въ общинныхъ кассахъ на общины, въ промышленныхъ и строительныхъ кассахъ—на фабрикантовъ и предпринимателей строительныхъ работъ, въ прочихъ кассахъ — на самыя кассы.

Существующее теперь дробленіе кассовыхъ организацій при изданіи закона мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что группировка по профессіямъ позволяетъ болѣе правильное обложеніе отдѣльныхъ профессій сообразно съ рискомъ, соотвѣтствующимъ различной, большей или меньшей опасности данной профессіи, и что помощью такого дробленія можно легче парализовать симуляцію. Оба эти мотива многими на основаніи опыта признаются теперь совершенно неосновательными. А между тѣмъ отсутствіе централизаціи кассъ сильно тормозитъ многія ихъ начинанія въ пользу своихъ членовъ. Только въ немногихъ крупныхъ городахъ удалось при учрежденіи *мѣстныхъ* кассъ охватить по возможности всѣ профессіональныя отрасли. Эти мѣстныя кассы являются теперь самыми популярными и могучими организаціями, въ которыхъ по преимуществу доминируютъ сами рабочіе, такъ какъ законъ, вообще предоставляя этимъ кассамъ широкое самоуправленіе, предоставляетъ въ то же время рабочимъ за ихъ двѣ доли

взносовъ двѣ доли голосовъ на генеральныхъ собраніяхъ членовъ кассъ и соотвѣтственное представительство въ распорядительныхъ кассовыхъ комитетахъ. Недостающую централизацію кассовыхъ организацій мѣстныя кассы хотѣли, было, восполнить учрежденіемъ общаго союза, но встрѣтили противодѣйствіе со стороны подлежащихъ властей. Все таки фактически, хоть и неофиціально; каждый годъ устраиваются конгрессы мѣстныхъ кассъ, на которые, въ интересахъ дѣла страхованія, обыкновенно посылаютъ своихъ представителей и другіе типы кассовыхъ организацій.

Населеніе Германіи составляетъ въ настоящее время около 60 милліоновъ душъ; число застрахованныхъ на случай болѣзни достигаетъ приблизительно 9 милліоновъ. Около половины этихъ застрахованныхъ имѣютъ женъ и дѣтей. По дѣйствующему законодательству кассы не обязаны оказывать помощь родственникамъ своихъ членовъ; имъ лишь позволено оказывать врачебную помощь и снабжать лѣкарствами женъ и дѣтей застрахованныхъ членовъ. Этимъ позволеніемъ пользуются покуда немногія кассы и потому число лицъ, имѣющихъ право и фактически пользующихся свободной медицинской помощью на средства больничныхъ кассъ, можно опредѣлить въ 12 милліоновъ. Цыфра, несомнѣнно, довольно респектабельная,—и если принять въ соображеніе, что здѣсь рѣчь идетъ о наиболѣе бѣдной части германскаго населенія, только закономъ о страхованіи втянутой въ сферу медицинскаго и врачебнаго воздѣйствія, то на первый взглядъ казалось бы, что врачебное сословіе въ Германіи имѣетъ всѣ основанія радоваться такому значительному расширенію поприща для своей практической дѣятельности. Это сословіе и въ самомъ дѣлѣ извлекаетъ изъ страховыхъ организацій на случай болѣзни круглую сумму ежегоднаго гонорара въ 40 милліоновъ марокъ. И все таки оно вотъ уже много лѣтъ жалуется на свою горькую долю, на свою окончательную пролетаризацію,—и, что всего трагичнѣе, эти свои жалобы и недовольство нѣмецкіе врачи по преимуществу направляютъ противъ самыхъ бѣдныхъ паціентовъ, противъ кассовыхъ организацій, противъ того самаго соціальнаго законодательства, которое обѣщало поселить въ нѣмецкихъ земляхъ всеобщую радость, миръ и довольство господствующимъ порядкомъ.

II.

Тяжелое матеріальное положеніе нѣмецкихъ врачей или, по крайней мѣрѣ, большинства ихъ уже съ давнихъ поръ считается установившимся фактомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отчеты врачебныхъ вспомогательныхъ кассъ, единодушно заявляющихъ, что наличныя средства этихъ кассъ не находятся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ массой поступающихъ къ нимъ просьбъ о помощи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также данныя податныхъ

учрежденій, изъ которыхъ видно, что у очень большого числа врачей, особенно въ большихъ городахъ, сумма доходовъ, подлежащихъ обложенію, не достигаетъ 3.000 марокъ въ годъ [1]), у многихъ же врачей доходы вообще не достигаютъ той минимальной суммы, съ которой начинается податное обязательство. Если принять въ расчетъ, что изъ подлежащаго податному обложенію дохода врачей извѣстная доля отпадаетъ на амортизацію издержекъ по образованію и что необходимая „приличная сословію" обстановка и образъ жизни врача обусловливаютъ много лишнихъ расходовъ,—тогда станетъ понятнымъ вопль почтеннаго сословія эскулаповъ о крайней нуждѣ и пролетаризаціи.

Насчетъ причинъ этого явленія существуетъ и въ средѣ самихъ врачей, и въ обществѣ много разногласій. Одни полагаютъ, что корень зла заключенъ въ общихъ условіяхъ капиталистической эволюціи, большинство хватается за ближайшія, осязательныя причины и указываетъ на крайнее переполненіе врачебнаго сословія, на организацію больничныхъ кассъ, на конкуренцію знахарства и т. п., какъ на причины тяжелаго матеріальнаго положенія врачей.

Остановимся на нѣкоторыхъ болѣе существенныхъ моментахъ въ интересующемъ насъ вопросѣ. Указаніе на переполненіе врачебнаго сословія есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ аргументовъ. Этотъ аргументъ получаетъ особенный эффектъ, если сопоставить двѣ цыфры: приростъ населенія Германіи за послѣднія два десятилѣтія и приростъ нѣмецкихъ врачей за тотъ же періодъ времени. Въ то время какъ населеніе возросло всего на 20%, число врачей удвоилось. Въ 1885 году въ Германіи насчитывалось 15,764 врача; на одного врача приходилось 2,972 души населенія. Въ 1902 году уже числилось 29,133 врача, такъ что 1 врачъ приходился на 1,935 душъ населенія.

Чѣмъ объясняется такой быстрый приростъ врачей, такой сильный притокъ къ медицинскому образованію? Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ играютъ важную роль тѣ общія экономическія условія, которыя вообще вызвали въ послѣднее время ростъ интеллигентнаго пролетаріата. Чѣмъ труднѣе стало завоевать себѣ прочное и обезпеченное положеніе въ торговомъ, коммерческомъ и всякомъ промышленномъ дѣлѣ, тѣмъ больше усилился приливъ къ академическимъ профессіямъ изъ среды мелкой и средней буржуазіи, такъ какъ для этого, кромѣ издержекъ на образованіе и на первое обзаведеніе, не требовалось особенно значительнаго оборотнаго капитала, и матеріальный рискъ поэтому сравнительно ничтоженъ. На медицину

[1]) Въ округѣ Бранденбургской врачебной палаты въ 1901 году такихъ врачей насчитывалось 43,4%.

въ этомъ общемъ притокѣ къ академическому образованію приходилась добрая доля, потому что врачебная профессія принадлежитъ къ наиболѣе свободнымъ и независимымъ, да еще и потому, что безостановочное развитіе медицинскаго дѣла,—особенно успѣхи въ области хирургіи и бактеріологіи,—побуждало считать медицинскую профессію наиболѣе привлекательной и многообѣщающей. Соображенія о сравнительно большей независимости врачебной карьеры имѣютъ свое объясненіе въ извѣстныхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ Германіи. Абитуріентъ изъ привилегированнаго дворянскаго сословія имѣетъ свободный выборъ среди всѣхъ профессій, абитуріентъ изъ средняго сословія можетъ выбирать изъ большинства профессій, еврейскій абитуріентъ—только изъ нѣкоторыхъ, главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ—профессію адвоката или врача.

Уже подъ вліяніемъ этихъ условій распредѣленіе каждаго новаго поколѣнія академическихъ профессіоналистовъ получаетъ неестественный принудительный характеръ. Что касается спеціально врачей, то ихъ громадное число превращается въ дѣйствительный излишекъ только вслѣдствіе такого неестественнаго распредѣленія. Мѣстами ихъ слишкомъ много, мѣстами же въ нихъ ощущается большой недостатокъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ то время какъ въ 1902 году по среднему расчету во всей Германской Имперіи на одного врача приходилось 18,56 квадратныхъ километровъ, въ Мекленбургъ-Штрелицѣ на одного врача приходилось 79,2, въ Восточной Пруссіи—52,1, въ Познани—51,7 кв. километровъ. Въ болѣе густо населенныхъ областяхъ и въ большихъ городахъ на одного врача приходилась совсѣмъ незначительная площадь: въ Рейнской области—9,75, въ Саксоніи—6,98, въ Любекѣ—4,08, въ Бременѣ—1,76, въ Гамбургѣ 0,68, въ Берлинѣ—0,38 кв. километровъ.

Число жителей, приходившееся по расчету 1902 года на одного врача, было всего больше въ княжествѣ Рейсъ ст. линіи: 3,800 душъ; затѣмъ слѣдуетъ Познань съ 3,370 душъ, Зап. Пруссія—съ 2,874, В. Пруссія—съ 2,812, Мекленбургъ-Штрелицъ—съ 2,773 душами, тогда какъ въ Саксоніи на 1 врача приходилось 1,955, въ Баваріи—1,943, въ Баденѣ—1,555, въ Гессенѣ—1,543, въ Бременѣ—1,540, въ Любекѣ—1,326, въ Гамбургѣ—1,249 и въ Берлинѣ—766 жителей.

Причиной этихъ контрастовъ и преобладающаго тяготѣнія врачей въ болѣе крупные центры служитъ, между прочимъ, и антисемитизмъ. Въ формѣ открытаго и скрытаго общественнаго бойкота онъ часто отравляетъ еврейскому врачу всякую возможность существованія въ небольшомъ городѣ или деревнѣ и гонитъ его въ громадномъ числѣ въ крупные города съ их , въ національномъ и племенномъ отношеніяхъ, болѣе нивеллирующими условіями жизни. Антисемитизмъ во многихъ случаяхъ прямо закрываетъ всякій доступъ

къ врачебнымъ позиціямъ, гдѣ имѣется большой спросъ и потребность, но искусственно парализуется всякое нормальное предложеніе силъ. Такъ, напр., около 50% второразрядныхъ военныхъ санитарныхъ врачей остаются не замѣщенными, частью потому, что эти должности плохо вознаграждаются, частью же потому, что еврей, вопреки закону, но по заведенному обычаю не допускается къ званію активнаго „санитетсъ-офицера". По тѣмъ же мотивамъ многимъ затруднена или совершенно закрыта карьера офиціальнаго должностного врача, академическаго преподавателя и особенно ординарнаго профессора. Вслѣдствіе этого массы медиковъ устремляются въ море вольнопрактикующихъ врачей, гдѣ они, особенно въ большихъ городахъ, изнываютъ подъ гнетомъ взаимной конкуренціи и проистекающей отсюда безработицы и бездоходности. Это обстоятельство снова вызываетъ отливъ врачей въ провинцію и деревню, гдѣ тѣмъ временемъ сфера и территоріальные размѣры ихъ практики все болѣе сужаются и вмѣстѣ съ этимъ сокращаются ихъ доходы.

Это видно, между прочимъ, изъ объявленій о продажной передачѣ практики, которыя печатаются во врачебныхъ газетахъ. Въ прежнія времена деревенская практика нерѣдко доставляла ежегодный доходъ въ 15 до 20 тысячъ марокъ. Въ настоящее время такая практика принадлежитъ къ рѣдкимъ исключеніямъ. Средній доходъ отъ деревенской практики составляетъ теперь около 6,000 марокъ въ годъ, гораздо рѣже— 8,000 м. и всего чаще около 5,000 м. Не говоря уже о 15 и 20 тысячахъ, но и 5, 6, 8 тысячъ марокъ ежегоднаго дохода могутъ на первый взглядъ показаться довольно крупнымъ заработкомъ. Нужно, однако, принять въ расчетъ уровень культурной жизни Германіи, культурный уровень потребностей образованнаго нѣмца, напряженную дѣятельность и крупную отвѣтственность врача, громадные расходы, связанные съ его дѣятельностью, необходимость большихъ затратъ на воспитаніе и содержаніе дѣтей въ дорогихъ городскихъ пансіонахъ въ виду отсутствія на мѣстѣ подходящихъ учебныхъ заведеній; нужно также принять въ расчетъ, что средняя продолжительность жизни нѣмецкихъ врачей равняется всего 50 годамъ и что приходится, такъ или иначе, думать о женахъ и сиротахъ, остающихся послѣ смерти кормильца безъ всякаго права на какую-либо пенсію. При такихъ условіяхъ указанные размѣры доходовъ не представляютъ чего-нибудь чрезвычайнаго, да къ тому-же ихъ status quo отнюдь не обезпеченъ при растущемъ контингентѣ врачей и усиливающейся конкуренціи между ними. Положеніе деревенскихъ врачей можно, впрочемъ, признать блестящимъ, если сравнить съ ними громадное число ихъ коллегъ въ центрѣ германской имперіи. Только что, на генеральномъ собраніи врачебной палаты берлинно-бранденбургскаго округа,

опубликованы данныя о податной платежеспособности берлинскихъ врачей за 1903 годъ. Въ этомъ году въ Берлинѣ насчитывалось 2,083 врача. Изъ нихъ 118 были совершенно освобождены отъ подоходнаго налога, слѣдовательно, ихъ доходы даже не достигали минимальной суммы 900 марокъ въ годъ. Доходъ отъ 900 до 1,050 м. былъ обложенъ у 52 врачей, доходъ отъ 1,050 до 3,000 м.—у 518 врачей, отъ 3,000 до 5,000 м.—у 288 врачей. Далѣе уже слѣдуютъ доходы свыше 5,000 м. у 968 врачей и доходы свыше 100,000 м. у 11 врачей; одинъ берлинскій врачъ внесъ подоходный налогъ за сумму въ 250,000 марокъ. Таковы контрасты врачебной практики!

Въ числѣ причинъ, коими нѣмецкіе врачи объясняютъ свое тяжелое матеріальное положеніе, они также называютъ широкое распространеніе знахарства. Съ ними довольно близко граничатъ многочисленные представители такъ называемаго натуральнаго способа лѣченія, хотя эти послѣдніе о своей дѣятельности такого высокаго мнѣнія, что не только протестуютъ противъ ихъ отождествленія со знахарями, но и самихъ академическихъ образованныхъ врачей и все медицинское образованіе честятъ какъ патентованное знахарство. Эти „Naturheilkundige"—громадная сила въ Германіи; противъ ихъ многочисленныхъ союзовъ и организованной пропаганды почти совершенно безсильны аргументы врачей. Уже одна наличность многочисленнаго и процвѣтающаго контингента адептовъ знахарскаго и натуральнаго лѣченія, казалось-бы, должна служить нагляднымъ опроверженіемъ ходячаго мнѣнія о переполненіи врачебной профессіи. Въ 1898 году на 100,000 душъ населенія Германіи заявили о своемъ промыслѣ 5,8 знахарей. А сколько еще промышляетъ ихъ безъ всякой явки! И всѣ они кормятся своимъ промысломъ довольно недурно, многіе, какъ обнаружили многочисленные процессы о такого рода шарлатанахъ,—даже очень хорошо. Помимо извѣстныхъ и повсемѣстно распространенныхъ мотивовъ мистическаго тяготѣнія людей къ чему-то сверхъестественному и чудесному, въ этомъ фактѣ чрезвычайнаго распространенія разныхъ видовъ спеціально нѣмецкаго знахарства кроется, несомнѣнно, и крупный изъянъ законодательства. Въ Германіи, въ силу промысловой свободы, отъ извѣстной аппробаціи зависитъ только пользованіе врачебнымъ титуломъ, а не право лѣченія больныхъ. Законодательство, въ общемъ, довольно ригористичное по отношенію къ титулованнымъ врачамъ, лишь въ очень слабой степени охраняетъ публику отъ безсовѣстныхъ продѣлокъ знахарскаго шарлатанства. Врачъ, допустившій ошибку, наказуется строго, потому что какъ образованный медикъ, онъ долженъ избѣгать ошибокъ; знахарь-же напротивъ, отдѣлывается часто болѣе слабымъ наказаніемъ, потому что его недостаточное образованіе служитъ для него смягчающимъ вину обстоя

тельствомъ. Въ послѣднее время стали нѣсколько строже расправляться со знахарями, но они достаточно ловки, чтобы обходить всякія препятствія и находить себѣ доступъ къ легковѣрной публикѣ. Важнымъ средствомъ являются для нихъ въ этомъ отношеніи газеты, объявленія которыхъ пестрятъ соблазнительными зазываніями и сенсаціоннымъ рекламированіемъ всевозможнаго рода способовъ чудесныхъ исцѣленій. Соперничать на этомъ поприщѣ со знахарями для врачей далеко не безопасно: рекламировать себя врачу строго воспрещено, да это и противорѣчитъ добрымъ нравамъ и традиціямъ сословія... Среди нѣмецкихъ врачей идетъ очень усиленная пропаганда въ пользу изданія всеобщаго законодательнаго запрета знахарства. Легко себѣ представить ту оппозицію, которую это домогательство встрѣчаетъ среди многочисленныхъ неапробированныхъ лѣкарей, отнюдь не желающихъ быть отождествленными со знахарями, но сильно задѣтыхъ за живое перспективой запретительнаго закона. Но и само законодательство стоитъ въ этомъ случаѣ передъ очень сложной проблемой: передъ вторженіемъ въ сферу глубоко укоренившейся промысловой свободы.

III.

Послѣдней и главнѣйшей причиной, обусловливающей тяжелое матеріальное положеніе врачей, эти послѣдніе считаютъ дѣйствующую систему государственнаго страхованія на случай болѣзни и организацію больничныхъ кассъ. Относящееся сюда законодательство предоставляетъ на усмотрѣніе больничныхъ кассъ поручать лѣченіе своихъ больныхъ членовъ „опредѣленнымъ врачамъ“ и, такимъ образомъ, устранять всѣхъ другихъ врачей отъ кассовой практики. Этимъ правомъ кассы пользовались въ довольно широкихъ размѣрахъ, особенно тамъ, гдѣ на-лицо имѣлось большое число врачей въ среднихъ и крупныхъ городахъ. Въ силу закона 1883 года больничныя кассы явились учрежденіями, которыя имѣютъ своей задачей при посредствѣ извѣстнаго дохода обезпечивать своимъ членамъ врачебную помощь на случай болѣзни. Такъ какъ въ законѣ, въ общемъ, опредѣлены размѣры доходовъ и размѣры расходовъ на помощь больнымъ членамъ кассъ, то на остальные расходы — издержки на администрацію кассъ, врачебный гонораръ, лѣкарства, содержаніе въ больницахъ и скопленіе резервнаго фонда — оставалась лишь та сумма, которая получалась за вычетомъ суммы денежныхъ вспомоществованій (Krankengeld) изъ суммы членскихъ взносовъ. Естественно поэтому, что кассы, не желая повышать взносовъ своихъ членовъ, прибѣгли къ нѣсколько фискальной практикѣ и старались дѣлать экономію на своихъ врачахъ. Заручиться по возможности болѣе дешевыми медицинскими силами—таковъ принципъ,

который самъ собою подсказывался кассовымъ администраціямъ наличными условіями спроса и предложенія. Самой подходящей системой въ этомъ случаѣ было назначеніе для каждой кассы опредѣленнаго числа врачей, которые за опредѣленное жалованіе обязывались оказывать врачебную помощь всѣмъ членамъ больничныхъ кассъ опредѣленнаго участка. Фискальные интересы кассы требовали, чтобы число назначаемыхъ врачей было ограничено необходимымъ минимумомъ, и чтобы ихъ вознагражденіе не выходило за предѣлы такой же необходимой нормы. Какъ бы то ни было, кассовая практика во многихъ мѣстахъ сдѣлалась привилегіей сравнительно тѣснаго круга врачей. Эта привилегія, однако, не легко давалась ея счастливымъ обладателямъ. Громадная „резервная армія“ врачей подстораживала каждую вакантную кассовую должность, такъ что состоящіе уже на службѣ врачи должны были покорно мириться со своимъ жалованіемъ и не рѣшались подымать вопроса объ улучшеніи условій труда и заработной платы. Это жалованіе, впрочемъ, какъ вполнѣ обезпеченная сумма, составляла довольно значительную долю въ доходахъ кассовыхъ врачей. Кромѣ того, положеніе кассоваго врача сильно помогало ему и въ его частной практикѣ. Члены кассъ, порученные призрѣнію своего врача, вводили его и въ кругъ своихъ знакомыхъ. Такимъ образомъ, для врачей, оставшихся за штатомъ въ соперничествѣ изъ-за кассовыхъ должностей, возникала двойная невыгода. Они не только отстранялись отъ кассовой практики, обнимающей въ Германіи $^1/_5$ или $^1/_6$, а въ большихъ городахъ еще болѣе значительную часть населенія, но имъ становилось все труднѣе добывать себѣ и частную практику.

Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ за каждой вакантной кассовой должностью учинялась кандидатами-врачами невѣроятная погоня. Понятно также, что каждый врачъ, участвовавшій въ такой погонѣ, пользовался всѣми преимуществами, которыя доставляли ему родственныя и иныя связи съ кассовой администраціей и вліятельными членами кассъ. Эта система, хоть и примѣнялась безъ всякаго смущенія самими врачами, вызывала въ ихъ средѣ крайнее возмущеніе каждый разъ, когда кассовая администрація съ преобладающимъ соціалъ-демократическимъ составомъ при выборѣ врачей давала предпочтеніе лицамъ такого-же направленія. Предосудительность такого пристрастнаго образа дѣйствія со стороны вполнѣ нейтральнаго учрежденія не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Но справедливость требуетъ сказать, что не соціалъ-демократія положила начало такой системѣ; еще задолго до того, какъ она могла подумать о томъ, чтобы пользоваться своимъ экономическимъ вліяніемъ для политическихъ цѣлей, со стороны ея противниковъ, правительствомъ начиная и кончая консервативными помѣщиками, промышленными баронами и

беральными муниципалитетами, систематически практиковалось въ этой области предпочтеніе политическихъ единомышленниковъ.

Такимъ образомъ, постепенно создавалось такое положеніе вещей, при которомъ значительная часть населенія была исключена изъ сферы дѣятельности значительнаго числа врачей, и кассовая практика въ большинствѣ случаевъ перешла въ руки врачей, принятыхъ на службу кассъ за опредѣленное вознагражденіе. Этотъ порядокъ уже вскорѣ послѣ изданія закона о страхованіи на случай болѣзни началъ вызывать недовольство врачей, но оно не принимало еще открытыхъ формъ и не приводило къ рѣзкимъ конфликтамъ. Лишь по мѣрѣ все большей пролетаризаціи врачебнаго сословія, все сильнѣе сталъ разгораться конфликтъ между врачами и кассовыми организаціями. Погоня за вакантными кассовыми должностями становилась все ожесточеннѣе, въ выборѣ средствъ для полученія такой должности врачи становились все менѣе разборчивыми, каждый готовъ былъ запродать себя за какой угодно гонораръ, взять на себя какія угодно обязательства. Случалось, напр., что такой врачъ за годичное жалованіе въ 1000 марокъ, слѣдовательно, менѣе чѣмъ за 3 марки въ день, имѣлъ ежедневно до 40 консультацій и 7 посѣщеній больныхъ на дому, да еще при этомъ долженъ былъ урвать время для частной практики, чтобы такъ или иначе прокормиться и прокормить свою семью. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ дѣятельность врача носила поверхностный, схематическій характеръ и стала вызывать ропотъ кассовыхъ паціентовъ, компрометтировавшій и врачебное сословіе, и самое дѣло страхованія. Какъ ни рѣдки были случаи такой исключительной эксплуатаціи врачей, такого безцеремоннаго обращенія съ паціентами, все же легко себѣ представить тотъ эффектъ, который вызывала всякая вѣсть о такого рода вопіющихъ неурядицахъ въ практикѣ страхованія. Нѣмецкіе врачи, бывшіе за штатомъ кассовой практики, воспользовались этими поводами, чтобы возбудить вопросъ о чести и достоинствѣ своего сословія. Они начали усиленно критиковать указанныя неурядицы, укрѣплять свои организаціи и добиваться законодательныхъ мѣръ противъ эксплуатаціи ихъ рабочей силы. Движеніе среди врачей долгое время оставалось въ довольно скромныхъ рамкахъ, но въ 1893 году оно впервые обнаружилось съ особенной силой, такъ какъ было сосредоточено почти исключительно на одномъ лозунгѣ. Этотъ лозунгъ гласилъ: freie Arztwahl!

Система „frei Arztwahl“, которой добиваются теперь нѣмецкіе врачи, характеризуется двумя тенденціями: во 1-хъ, стремленіемъ къ такому порядку, который устранялъ бы назначеніе врачей не врачебными органами, это значитъ—предоставленіемъ полнаго простора всѣмъ вра-

чамъ, которые пожелаютъ лѣчить членовъ больничныхъ кассъ; во 2-хъ,—стремленіемъ къ такому гонорару врачей, который бы соотвѣтствовалъ цѣнности каждой отдѣльной врачебной услуги. Громадный матеріальный интересъ для врачей, заключенный въ этихъ тенденціяхъ, такъ очевиденъ и соблазнителенъ, что не удивительно, если движеніе въ пользу системы „свободнаго выбора врачей“ вскорѣ собрало около себя очень внушительную цыфру приверженцевъ.

Но это движеніе встрѣтило со стороны многихъ кассъ очень энергичное и рѣшительное противодѣйствіе. Въ полной независимости каждаго врача отъ кассовой администраціи, въ введеніи системы оцѣнокъ каждой отдѣльной врачебной услуги и въ свободномъ выборѣ врача кассовыми паціентами кассы усмотрѣли прежде всего опасность для бюджетнаго баланса больничныхъ кассъ. У этихъ послѣднихъ невольно возникала мысль, что врачи преувеличенной уступчивостью къ больнымъ, предписаніемъ лишнихъ и дорогихъ лѣкарствъ и чрезмѣрнымъ продленіемъ времени лѣченія будутъ стремиться къ возможно большимъ доходамъ и, вслѣдствіе этого, къ чрезвычайному отягченію и обремененію матеріальныхъ силъ больничныхъ кассъ. Рядомъ съ этимъ возникало опасеніе, что врачи все больше станутъ повышать оплату отдѣльныхъ врачебныхъ услугъ и этимъ путемъ также будутъ угрожать финансовымъ устоямъ кассъ. Домогательства врачей и интересы кассъ сталкивались между собою какъ діаметральныя противоположности. Врачи требуютъ такого вознагражденія отдѣльныхъ своихъ услугъ, которое соотвѣтствовало бы подлинной ихъ цѣнности, т. е. количеству заключеннаго въ нихъ общественно необходимаго труда. Они совершенно не принимаютъ въ расчетъ, имѣютъ ли они дѣло съ кассами или другими учрежденіями, обладаютъ ли кассы соотвѣтственными платежными силами и находятся ли требуемые врачебные гонорары въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми прочими обязательствами кассъ. Они дѣйствуютъ какъ купцы, которымъ грозитъ разореніе, если они станутъ продавать свой товаръ ниже его покупной цѣнности. Больничныя же кассы съ своей стороны не могутъ удовлетворить требованія врачей, не считаясь со всѣми прочими обязательствами и издержками больничныхъ кассъ. Эти обязательства и издержки, какъ мы уже знаемъ, не исчерпываются однимъ вознагражденіемъ врачей. На обязанности кассъ прежде всего лежитъ забота о томъ, чтобы больные за время своей неспособности къ труду получали достаточное и соотвѣтствующее гигіеническимъ требованіямъ денежное вспомоществованіе. Если принять въ соображеніе, что размѣръ такого вспомоществованія въ теченіе недѣли больному семейному члену кассы едва равняется гонорару, который врачъ получаетъ за семь консультацій въ недѣлю и который составляетъ, конечно, самую ничтожную долю его

общаго недѣльнаго гонорара, то съ точки зрѣнія пролетарской психологіи будетъ понятно то ожесточеніе, которое вызывали и вызываютъ несоразмѣрныя претензіи врачей со стороны такихъ пролетарскихъ учрежденій, какими, по существу своему, являются больничныя кассы.

Выше было указано, что и сами члены кассъ были подчасъ недовольны услугами своихъ постоянныхъ назначенныхъ врачей и ратовали за систему „свободнаго выбора“ еще значительно раньше, чѣмъ эта система нашла себѣ громкій откликъ въ средѣ врачей. Мы указывали также и на причину, вызывавшую это недовольство: на крайне неудовлетворительное и невнимательное отношеніе врачей къ своимъ паціентамъ. Рядомъ съ этимъ существовало, однако, довольно большое число кассъ, которыя пользовались системой назначенныхъ врачей и тѣмъ не менѣе въ нихъ царило полное согласіе и всеобщее довольство. Эти кассы принадлежали къ категоріи такъ называемыхъ *мѣстныхъ*, Ortskrankenkassen, въ которыхъ управленіе уже съ самаго начала находилось въ рукахъ рабочихъ. между тѣмъ какъ въ большинствѣ кассъ другого типа первоначально доминировали одни предприниматели. Эти послѣднія норовили хозяйничать въ кассахъ какъ можно экономнѣе, и самые дешевые врачи были имъ самые симпатичные, и всѣ жалобы членовъ кассъ не встрѣчали сочувствія со стороны кассовой администраціи. Рабочіе, вслѣдствіе этого, сильно извѣрились въ систему назначенныхъ врачей, которая въ руководимыхъ предпринимателями цеховыхъ, промышленныхъ и рудокопныхъ кассахъ дѣйствительно заключала въ себѣ очень много недостатковъ. По мѣрѣ же того, какъ сами рабочіе все болѣе проникали въ кассовую администрацію, они убѣждались, что и система свободнаго выбора врачей не лишена крупныхъ неудобствъ. Эти неудобства стали имъ особенно ясны съ тѣхъ поръ, какъ врачи съ большимъ рвеніемъ начали собираться подъ знаменемъ „freie Arztwahl“, чтобы обезпечить себѣ увеличенные гонорары и независимость отъ контроля кассовыхъ администрацій. Вначалѣ врачи очень робко обнаруживали истинный характеръ своихъ мотивовъ. Они были еще очень слабы и потому въ своей пропагандѣ свободнаго выбора врачей указывали на то, что эта система единственно достойная для застрахованныхъ паціентовъ. Упрекъ въ корыстныхъ побужденіяхъ они отражали указаніемъ на гуманность врачебной профессіи и честь врачебнаго сословія. Но послѣ того какъ рядъ законодательныхъ мѣръ (врачебныя палаты, суды чести и т. п.) сильно повысилъ сословное сознаніе врачей и чрезвычайно укрѣпилъ ихъ организацію, то они безъ всякихъ обиняковъ стали добиваться большихъ матеріальныхъ выгодъ, большаго вліянія на кассовыя дѣла и полной независимости отъ „диктатуры пролетаріата“.

IV.

Послѣдніе два-три года были полны конфликтовъ между врачами и больничными кассами, а въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года эти конфликты достигли крайней обостренности и ожесточенія. Со стороны врачей руководитъ борьбой, главнымъ образомъ, ихъ недавно основанная боевая организація, такъ называемый „Союзъ нѣмецкихъ врачей для защиты ихъ экономическихъ интересовъ" (Verband der Aerzte Deutschlands zur Wahrung ihrer wirtschaftlichen Interessen). Распорядительный комитетъ этого союза находится въ Лейпцигѣ, откуда онъ съ большой энергіей руководитъ движеніемъ. Его главнѣйшей задачей является скопленіе крупнаго забастовочнаго фонда, чтобы при возникающихъ конфликтахъ между врачами и больничными кассами оказывать поддержку врачамъ-стачечникамъ и вообще принимать мѣры для противодѣйствія врачамъ-Streickbrecher'амъ, идущимъ на смѣну своимъ забастовавшимъ коллегамъ. Рядомъ съ этимъ Союзъ публикуетъ о положеніи дѣлъ въ мѣстностяхъ, охваченныхъ врачебной стачкой, и предостерегаетъ врачей отъ притока въ тѣ мѣстности. Отсюда видно, что Союзъ дѣйствуетъ по всѣмъ правиламъ современнаго искусства экономической борьбы. Энергія, съ которой онъ ведетъ свою агитацію въ средѣ врачей, доказывается между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что основанный въ 1900 году Союзъ въ теченіе одного прошлаго года возросъ съ 3,000 членовъ на 12.000. Въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Германіи идетъ самая ожесточенная баталія между врачами и кассами. Врачи предъявляютъ свои требованія, и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти требованія не встрѣчаютъ удовлетворенія, заявляютъ о прекращеніи договорныхъ отношеній съ кассами и прекращаютъ самую работу. Почти каждую недѣлю приходится слышать о новой врачебной забастовкѣ. По самому поверхностному расчету, въ началѣ этого года свыше 3,000 врачей находились въ конфликтѣ съ больничными кассами. Во всѣхъ спеціальныхъ врачебныхъ органахъ Лейпцигскій Союзъ печатаетъ списокъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ царитъ разногласіе между врачами и кассами. Въ началѣ января этотъ списокъ отмѣчалъ до 80 такихъ мѣстъ. Очень часто конфликты кончаются побѣдой врачей, потому что власти, въ силу предоставленнаго имъ закономъ права высшаго надзора, вмѣшиваются въ борьбу, производятъ давленіе на кассовыя организаціи и заставляютъ ихъ итти на уступки врачамъ.

Мы уже знаемъ, въ чемъ заключаются главнѣйшія требованія врачей. Прежде всего—въ введеніи системы вольнаго выбора врачей и въ связанной съ этимъ системѣ оплаты отдѣльныхъ врачебныхъ услугъ по таксѣ,

значительно превышающей существовавшіе до сихъ поръ размѣры гонорара.

Само собою разумѣется, что кассы, уже въ виду насущныхъ интересовъ своихъ членовъ, должны заботиться о возможно болѣе приличной оплатѣ врачебныхъ услугъ. Тамъ, гдѣ эта оплата была недостаточна, наиболѣе передовыя кассовыя организаціи охотно шли навстрѣчу желаніямъ врачей, безъ которыхъ онѣ не могутъ обойтись. Соглашеніе по вопросу о достаточномъ вознагражденіи необходимыхъ кассовыхъ врачей не встрѣчало бы никакихъ затрудненій. Но домогательства очень большого числа врачей идутъ гораздо дальше; они хлопочутъ о томъ, чтобы всѣмъ наличнымъ врачамъ Германіи обезпечить большіе доходы и при этомъ нисколько не принимаютъ въ расчетъ, что кассы могутъ содержать лишь извѣстное число врачей, а не всѣхъ врачей, нуждающихся въ практикѣ и въ доходахъ. Свои домогательства врачи оправдываютъ вполнѣ законнымъ желаніемъ остановить дальнѣйшую пролетаризацію своего сословія и поднять его матеріальный уровень. Кассы, конечно, ничего не имѣютъ противъ такого стремленія, но держатся того мнѣнія, что ихъ дѣло—забота объ интересахъ своихъ членовъ, а не о спасеніи врачей отъ пролетаризаціи. Поднятіе матеріальнаго уровня врачей есть проблема экономистовъ, политиковъ и государства, къ которымъ, по мнѣнію кассъ, и должны апеллировать врачи. Тѣхъ врачей, въ которыхъ онѣ нуждаются, кассы готовы вознаграждать какъ можно лучше; онѣ платятъ имъ по 6 и 7 тысячъ марокъ въ годъ и, сверхъ того, оставляютъ за ними право частной практики. Но онѣ энергично противятся итти на уступки, которыя парализовали-бы самыя непосредственныя и насущныя задачи въ интересахъ благополучія и здоровья членовъ кассъ. Интересы многихъ милліоновъ застрахованныхъ рабочихъ имъ дороже, чѣмъ матеріальныя нужды двухъ десятковъ тысячъ нѣмецкихъ врачей.

Борьба врачей съ больничными кассами заключаетъ въ себѣ еще очень много сторонъ, въ которыхъ „постороннему свидѣтелю“ чрезвычайно трудно разобраться, и по которымъ сами борющіяся партіи съ большимъ апломбомъ отстаиваютъ діаметрально противоположные взгляды. Коренныя разногласія и невозможность притти къ опредѣленнымъ заключеніямъ объясняются, главнымъ образомъ, недостаточной разработкой вопроса и отсутствіемъ точныхъ статистическихъ данныхъ. Чтобы не перечислять всѣхъ спорныхъ пунктовъ, укажу лишь на одинъ очень существенный. Въ какой мѣрѣ виновато соціальное законодательство вообще, и спеціально страхованіе на случай болѣзни, въ матеріальныхъ невзгодахъ нѣмецкихъ врачей? Врачи обыкновенно утверждаютъ, что это законодательство очень и чуть ли даже не исключительно виновато: оно-де отняло милліоны паціентовъ у воль-

кой врачебной практики и заставляетъ теперь лѣчить ихъ по низкой кассовой таксѣ... Другая же сторона указываетъ на то, что государственное страхованіе на случай болѣзни создало милліоны новыхъ платныхъ паціентовъ и даетъ громадный заработокъ несоразмѣрно возросшему контингенту врачей... За и противъ этихъ утвержденій приводятся аргументы, цыфры. Но я не стану болѣе на нихъ останавливаться, а отмѣчу еще только два любопытныхъ момента, которые также играютъ извѣстную роль въ боевой тактикѣ врачей и больничныхъ кассъ.

Что такое врачъ и что такое больничная касса, какъ экономическія категоріи? Какъ квалифицировать ихъ отношенія другъ къ другу?

Врачи, смотря по надобности, то выдвигаютъ на передній планъ гуманитарный характеръ ихъ дѣятельности, какъ представителей медицинской науки, то называютъ себя „интеллигентными наемными работниками", то причисляютъ себя къ разряду мелкихъ промышленниковъ... Съ гуманитарнымъ и интеллигентнымъ характеромъ врачебнаго сословія, между прочимъ, очень плохо вяжется та мелочная вражда, съ которою нѣмецкіе врачи относятся къ женскому медицинскому образованію, и та корысть, съ которою они преслѣдуютъ немногихъ женщинъ-врачей, получившихъ образованіе за границей (въ самой Германіи до послѣдняго времени женщины не допускались къ окончательному медицинскому образованію) и занимающихся медицинскою практикой у себя на родинѣ. Года три тому назадъ берлинскіе врачи не постѣснялись донести полиціи о трехъ женщинахъ-врачахъ, служившихъ въ мѣстныхъ больничныхъ кассахъ, прося полицію устранить ихъ отъ практики, потому что онѣ дипломированы въ швейцарскихъ университетахъ. Когда полиція уважила ходатайство врачей, то они не постѣснялись совершенно открыто ликовать по поводу этой своей „побѣды", заявивъ въ своей газетѣ: „Мы можемъ радоваться этому постановленію полиціи. Оно заключаетъ въ себѣ очень цѣнное сужденіе прусской власти, которая, конечно, сдѣлала свое постановленіе съ вѣдома высшихъ правительственныхъ инстанцій..." и т. д.

Если разсматривать врачей, какъ мелкихъ промышленниковъ, т. е. если сравнивать ихъ экономическое положеніе съ этой категоріей, тогда едва-ли можно поставить въ упрекъ организованнымъ въ кассахъ рабочимъ, что они соединенными силами стремятся къ полученію хорошей и дешевой врачебной помощи даже и тогда, когда отъ этого извѣстное число врачей терпитъ ущербъ въ своемъ промыслѣ. Вѣдь, противъ основанія потребительныхъ обществъ, хотя бы и устраняющихъ рядъ торговыхъ посредниковъ, спорятъ только самые близорукіе заступники мелкаго промысла. Врачи, приравнивающіе себя къ мелкимъ промышленникамъ, требуютъ, однако въ свою пользу исключенія изъ общаго правила, потому-де, что они „от

нибудь не процвѣтаютъ благодаря грошамъ рабочихъ“, и еще потому, что врачебный промыселъ не поддается формамъ крупнаго производства, а всегда останется мелкимъ промысломъ... На это другая сторона отвѣчаетъ, что и мелкіе торговцы не вѣсть какъ процвѣтаютъ отъ грошей рабочихъ, а утвержденіе, что врачебная дѣятельность врачей не поддается формамъ крупнаго производства, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Въ дѣйствительности мы уже въ настоящее время имѣемъ клиники, санаторіи и т. п., представляющія довольно наглядные зачатки вполнѣ раціональнаго медицинскаго крупнаго производства. При современномъ состояніи врачебной техники еще очень распространенная нынѣ форма мелкаго медицинскаго промысла является большимъ тормазомъ для раціональнаго лѣченія больныхъ. Въ серьезныхъ медицинскихъ кругахъ считаютъ очень большимъ зломъ, что вслѣдствіе все болѣе развивающейся спеціализаціи врачебной техники грозитъ порваться связь между отдѣльными дисциплинами практической медицины, и многіе сильно задумываются надъ тѣмъ, какъ парализовать тотъ очевидный вредъ, который уже теперь возникаетъ для больныхъ отъ такого положенія вещей. Единственнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ явилась бы кооперація въ формѣ крупнаго производства. Если къ этому средству еще мало обращаются, то главная причина заключается въ томъ, что врачъ еще и теперь, сравнительно, легко и безъ большихъ затратъ можетъ создать себѣ самостоятельное положеніе, а взаимная зависть и конкуренція мѣшаютъ добровольной коопераціи. Именно, больничныя кассы, быть можетъ, всего лучше подходятъ въ настоящее время къ тому, чтобы и для амбулаторной практики подготовить развитіе мелкаго промысла въ крупный. Это, однако, не можетъ совершиться при помощи, такъ называемой, системы вольнаго выбора врачей, которые стремятся консервировать современную форму мелкаго промысла со всѣми его тѣневыми сторонами и въ ущербъ публикѣ; это возможно лишь тогда, если кассы будутъ назначать врачей на прочное жалованіе и по возможности съ устраненіемъ ихъ отъ частной практики. Тогда они изъ мелкихъ промышленниковъ, отбивающихъ другъ у друга заработокъ, будутъ подняты на степень должностныхъ лицъ, избавленныхъ отъ взаимной конкуренціи. При такомъ порядкѣ раціональная и соединенная работа спеціальностей не будетъ встрѣчать на своемъ пути никакихъ препятствій. Тогда и кассы будутъ въ состояніи оказывать своимъ членамъ дѣйствительно хорошую и стоящую на высотѣ медицинской науки врачебную помощь. Но и въ этомъ случаѣ кассы не смогутъ быть удобнымъ и обезпеченнымъ пріютомъ для всего врачебнаго сословія.

Такова приблизительно точка зрѣнія практическихъ и научныхъ заступниковъ интересовъ рабочаго страхованія и больничныхъ кассъ.

Въ связи съ этимъ интересно разногласіе по другому пункту. Врачи, бросающіе работу для кассъ, любятъ называть себя стачечниками, сравниваютъ себя съ забастовавшими рабочими, кассы—съ эксплуатирующими предпринимателями, а врачей, готовыхъ работать для кассъ,—съ Streickbrecher'ами (нарушителями стачки).

Натянутость этой параллели очевидна уже изъ того факта, что врачи, учинившіе стачку, обыкновенно пользуются не только симпатіями всѣхъ „шарфмахеровъ", но и поддержкой властей. Такъ называемые „Arbeitswillige", т. е. соглашающіеся работать вмѣсто стачечниковъ, какъ извѣстно, считаются самыми полезными и благонадежными элементами, когда рѣчь идетъ о настоящей рабочей стачкѣ, полиція и суды охраняютъ ихъ съ чрезвычайнымъ рвеніемъ. По отношенію къ врачамъ, изъявляющимъ готовность работать для кассъ вопреки своимъ забастовавшимъ коллегамъ, такого ревниваго заступничества не существуетъ. Только-что на этихъ дняхъ кельнскія власти вмѣшались въ тамошнюю борьбу врачей съ больничными кассами, заставили кассы согласиться на условія врачей-стачечниковъ и устранить отъ практики врачей-штрайкбрехеровъ, собственно говоря даже не штрайкбрехеровъ, потому что эти врачи и не думали о стачкѣ сообща со своими коллегами, а, держась другой точки зрѣнія на требованія стачечниковъ, предоставили себя въ распоряженіе кассъ.

Если врачей приравнять къ мелкимъ промышленникамъ, то паціенты и ихъ кассовыя организація являются по отношенію къ нимъ потребителями, а не предпринимателями. Врачи, состоящіе на службѣ у кассъ, довольны службой и вознагражденіемъ; между тѣмъ врачи, борющіеся съ кассами, борются именно противъ такого прочнаго назначенія и желаютъ дѣлать карьеру въ качествѣ вольныхъ промышленниковъ. Устраиваютъ стачки такимъ образомъ, не служащіе вслѣдствіе дурного вознагражденія и обращенія со стороны работодателей, а—вольные промышленники, отказывающіе потребителямъ въ своихъ услугахъ. Можно отмѣтить еще слѣдующее юридическое различіе: никакой предприниматель не обязанъ давать занятія рабочимъ; кассовыя же администраціи по закону обязаны обезпечивать членамъ кассъ врачебную помощь. Недостаетъ лишь необходимаго къ этому дополненія: обязательства врачей предоставлять свои услуги въ распоряженіе кассъ...

Эти юридическія и экономическія параллели и аналогіи можно бы еще далѣе продолжить и иллюстрировать. Но довольно будетъ и приведенныхъ. Онѣ играютъ извѣстную роль въ мотивахъ борьбы между врачами и больничными кассами, но онѣ, къ сожалѣнію, не сумѣли покуда устранить остраго конфликта между ними.

Г. Гроссманъ.

Изъ области знаній.

Къ вопросу о строеніи вещества.

(Рѣчь Вильяма Крукса [1]) на Берлинскомъ конгрессѣ химиковъ въ іюнѣ 1903 г.).

Уже почти сто лѣтъ, какъ люди науки, не ограничиваясь общепринятой атомистической теоріей, дѣлаютъ всевозможныя догадки о строеніи матеріи. Въ настоящее время они зашли такъ далеко, что даже признали возможнымъ разложеніе химическихъ элементовъ на формы матеріи еще болѣе простыя.

Эта идея принадлежитъ исключительно британскому уму, и смѣлость, съ которой мы развиваемъ ее, опровергаетъ нашу старую репутацію народа только практическаго. Чтобы показать, до какой степени мы увлекались на этомъ пути, будетъ достаточно напомнить, напр., идеи о четвертомъ состояніи матеріи, о диссоціаціи химическихъ элементовъ, атомистической природѣ электричества, не говоря о другихъ загадочныхъ явленіяхъ, которыя уже показываются на горизонтѣ.

Самое первое опредѣленное предположеніе о возможности сложнаго характера химическихъ элементовъ было сдѣлано сэромъ Гумфри Дэви въ его лекціи, прочитанной въ Королевскомъ Обществѣ въ 1809 г. Обсуждая возможность существованія нѣкоторой субстанціи [2]), общей всѣмъ элементамъ, онъ говорилъ: „если-бы подобныя обобщенія удалось провѣрить фактами, то это послужило-бы основаніемъ новой натуральной философіи, простой при всемъ своемъ величіи. Тогда различныя вещества при всемъ

---

[1]) Знаменитый англійскій химикъ, родился въ Лондонѣ въ 1832 г., издаетъ 2 журнала „Chemical News“ и a Quarterly Journal of sciences“.

[2]) Субстанціей называется неизмѣнная и постоянная сущность, лежащая въ основѣ вещей, какъ нѣчто самостоятельное.

ихъ разнообразіи можно бы себѣ представить, какъ нѣкоторыя комбинаціи двухъ или трехъ видовъ вѣсомой матеріи". Въ томъ-же году онъ впервые воспользовался выраженіемъ „лучистая матерія", по отношенію къ тому явленію, которое мы теперь называемъ радіаціей. Онъ употреблялъ это выраженіе не въ томъ смыслѣ, какъ мы его теперь употребляемъ, но нельзя не удивляться его удивительной проницательности, являющейся какъ-бы пророчествомъ о современной гипотезѣ, лежащей въ основаніи нынѣшнихъ взглядовъ на явленія разряда въ газахъ,—именно объ электронѣ. „Если-бы въ свободномъ пространствѣ газовыя частицы, говорилъ онъ, пришли въ движеніе съ почти безконечно-большою скоростью или, другими словами, если бы они стали лучистой матеріей, то могли бы возникнуть различнаго рода лучи, характеризуемые особыми явленіями, ими производимыми".

Другой, одаренный даромъ пророчества физикъ, Фарадей, въ своихъ лекціяхъ въ Королевскомъ Институтѣ „Объ общихъ свойствахъ матеріи" воспользовался въ 1816 г. тѣми-же самыми терминами, говоря: „При желаніи составить себѣ нѣкоторое общее понятіе обо всемъ этомъ, у насъ, быть можетъ, не будетъ необходимости въ лучистой матеріи, если мы представимъ себѣ какія-то измѣненія, которыя настолько превосходятъ явленіе испаренія, насколько это послѣднее стоитъ выше жидкости; и предположимъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ измѣненій измѣняются и соотвѣтственныя свойства вещества и если при переходѣ жидкостей въ пары теряются нѣкоторыя свойства, то въ данномъ случаѣ ихъ пропало-бы еще больше". Фарадей всегда отличался смѣлостью и оригинальностью своихъ взглядовъ на общепринятыя теоріи. Въ 1844 году онъ говорилъ: „Физико-химическое воззрѣніе на существованіе атомовъ въ настоящее время очень широко и сложно; прежде всего сами элементарные атомы суть не что иное, какъ группы, составленныя изъ другихъ атомовъ".

Въ 1879 г. я первый послѣ долгаго перерыва вспомнилъ о лучистой матеріи въ лекціи, прочитанной мною въ Шеффильдѣ передъ британской ассоціаціей, сдѣлавъ предположеніе, что въ явленіяхъ, наблюдаемыхъ нами въ трубкѣ съ сильно разрѣженнымъ пространствомъ, частицы, составляющія катодный потокъ, не могутъ быть ни твердыми, ни жидкими, ни газообразными, равно какъ не могутъ быть и атомами, но что онѣ состоятъ изъ чего-то, что еще меньше атома—первичной матеріи, безконечно тонкой и болѣе легкой, чѣмъ атомы, которая, можетъ быть, составляетъ основу самихъ атомовъ.

Представляя себѣ химическіе элементы состоящими изъ безконечно малыхъ частицъ первичнаго вещества, самой незначительной плотности, двигающимися съ невообразимо-громадными скоростями по всѣмъ напра-

вленіямъ, я утверждалъ, что ихъ первичныя движенія, при которыхъ онѣ группируются въ атомы, могутъ подвергаться модификаціи медленной, но постоянной, и что даже вторичныя движенія, вслѣдствіе которыхъ происходятъ наблюдаемыя нами явленія тепловыя, химическія, электрическія и и т. д., могутъ переходить одно въ другое. Я уже тогда считалъ вѣроятнымъ, что атомы химическихъ элементовъ могутъ распадаться и, слѣдовательно, ихъ атомные вѣса не представляютъ собой чего-нибудь абсолютно постояннаго. Наконецъ, я показалъ, что физическія свойства лучистой матеріи общи *всякой* матеріи при столь малой плотности, и какой бы газъ мы ни брали для опыта—водородъ, углекислый газъ или атмосферный воздухъ—явленія фосфоресценціи, отклоненія потока магнитомъ, и проч.—одинаковы.

Развивая идею образованія химическихъ элементовъ изъ одной первоначальной субстанціи подъ вліяніемъ трехъ формъ энергіи—электричества, химическихъ силъ и теплоты,—я нарисовалъ картину постепеннаго образованія ихъ изъ „безформенной смѣси", названной мною „протиломъ" [1]), въ каковомъ состояніи пребывала всякая матерія въ періодѣ, предшествовавшемъ образованію химическихъ элементовъ, объяснялъ устойчивость ихъ тѣмъ, что они представляютъ собою результатъ переживанія сильнѣйшаго въ процессѣ химической эволюціи. По этой схемѣ сперва образуются тѣла наименьшаго атомнаго вѣса, за ними слѣдуютъ тѣла большаго вѣса и, наконецъ, тѣла съ наибольшими атомными вѣсами, какъ торій, уранъ и недавно открытый радій, который диссоціируетъ самопроизвольно. Развиваемые взгляды въ настоящее время сводятся къ электрической гипотезѣ вещества, и нѣкоторые факты даютъ основаніе разсматривать атомы состоящими изъ нѣсколькихъ заряженныхъ электричествомъ частей, отличающихся между собой какъ своими свойствами, такъ и своими массами. Послѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ представленій Фарадея и затѣмъ болѣе положительныхъ соображеній Вильяма Томсона (Лорда Кельвина) Клиффордомъ въ 1875 году была выставлена слѣдующая мысль: „есть много основаній думать, что всякій вещественный атомъ несетъ на себѣ небольшой электрическій токъ, если только онъ не состоитъ цѣликомъ изъ этого тока". Надъ развитіемъ этой идеи работали Фарадей [2]), Веберъ, Цельнеръ,

[1]) Это слово, составленное по аналогіи съ протоплазмой, состоитъ изъ двухъ греческихъ словъ πρὸ (прежде чѣмъ) и ὕλη (вещество).

[1]) Эквивалентные вѣса тѣлъ представляютъ собою не что иное, какъ такія ихъ величины, которыя содержатъ одинаковыя количества электричества... электричества, представляющаго соединяющую силу, а потому и эквивалентное число. Однако, если примѣнить атомистическую теорію или фразеологію, то атомы тѣлъ, эквивалентные по своему обыкновен-

Лоренцъ, Герцъ, Максвеллъ [1]), Лоджъ [2]), и другіе, но она приняла конкретную форму, когда Стоней [3]) подтвердилъ мнѣніе, высказанное Гельмгольцемъ въ 1881 году въ его фарадеевской рѣчи [4]), что электролитическій законъ Фарадея предполагаетъ существованіе электрическихъ зарядовъ, связанныхъ съ матеріальными іонами [5]). Эти элементарные заряды, которые, по мнѣнію Гельмгольца, играютъ въ электричествѣ такую же роль, какъ атомы въ явленіяхъ химическихъ, представляютъ собой, такъ сказать, *электрическіе атомы*. Стоней назвалъ ихъ *электронами*. Установивъ въ 1891 году фактъ, что потокъ катодныхъ лучей всегда наэлектризованъ отрицательно, а остальное пространство трубки, въ которой образуются катодные лучи, положительно, я утверждалъ, что представленіе о дѣленіи молекулы на группы электроположительныхъ и электроотрицательныхъ атомовъ необходимо для болѣе или менѣе самостоятельнаго объясненія происхожденія элементовъ съ новой точки зрѣнія. Въ трубкѣ съ разрѣженнымъ газомъ отрицательный полюсъ служитъ мѣстомъ входа электроновъ, а положительный—мѣстомъ ихъ выхода. Падая, напримѣръ, на фосфоресцирующій экранъ, электроны возбуждаютъ колебанія, число которыхъ доходитъ до 550 билліоновъ въ секунду, и которыя производятъ волны длиною приблизительно въ 6 десяти-милліонныхъ миллиметра, производящія на глазъ впечатлѣніе желто-лимоннаго цвѣта.

ному химическому дѣйствію всякому другому, содержатъ одинаковыя количества электричества, которое, конечно, находится съ ними въ соединеніи. Faraday's Experimental Researches in Electricity.

[1]) Это опредѣленное количество электричества мы должны назвать молекулярнымъ зарядомъ. Если бы оно было извѣстно, это могло-бы служить самой естественной единицей электричества. Clerk-Maxwell's Treatise on Electricity and Magnetism.

[2]) Всякая атомная монада соединена съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ количествомъ электричества; со всякой діадой его соединено вдвое, а съ тріадой—втрое больше, чѣмъ съ монадой. O. Lodge. On Electrolysis.

[3]) Природа знакомитъ насъ съ отдѣльнымъ опредѣленнымъ количествомъ электричества... Для каждаго химическаго соединенія, разрушаемаго въ качествѣ электролита, количество протекающаго черезъ электролитъ электричества вполнѣ опредѣленно и для всѣхъ случаевъ одинаково. G. Johnston Stoney. On the Physical Units of Nature.

[4]) Одно и то-же опредѣленное количество положительнаго либо отрицательнаго электричества движется всегда со всякимъ однозначущимъ іономъ или со всякой единицей іона многозначнаго. Helmholtz. Faradey's Lecture. 1881.

[5]) Іонами (по-гречески значитъ идущій) Фарадей назвалъ продукты расщепленія молекулъ электролита при прохожденіи черезъ него электрическаго тока.

Если-же электроны ударяются о тяжелый металлъ, то производятъ волны гораздо большей частоты, чѣмъ свѣтъ, но представляютъ собою, по мнѣнію Георга Стокса, не непрерывныя колебанія, а простые толчки или отдѣльные импульсы; ихъ можно скорѣе сравнить съ нестройнымъ шумомъ, чѣмъ съ музыкальными тонами.

Изъ того-же закона Фарадея надо заключить, что электроны могутъ существовать и отдѣльно отъ іоновъ. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго опыта. Въ стеклянной трубкѣ, съ безвоздушнымъ пространствомъ, передъ серебрянымъ катодомъ помѣщаемъ слюдяную пластинку съ отверстіемъ посрединѣ, и когда пускаемъ токъ отъ катушки Румкорфа, то получаемъ пучокъ катодныхъ лучей, состоящихъ изъ электроновъ.

Катодные лучи, проходя черезъ отверстіе въ слюдяномъ экранѣ, вызываютъ на противуположной сторонѣ трубки фосфоресцирующее пятно. Если заставимъ катушку дѣйствовать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, чтобы получить количественно возможно большій результатъ, то на слюдяномъ экранѣ найдемъ нѣкоторое количество отложеннаго серебра въ то время, какъ на противуположной поверхности трубки не окажется ни малѣйшихъ слѣдовъ его. Здѣсь мы видимъ два совмѣстно существующихъ явленія: электроны, или излучаемая катодомъ лучистая матерія, заставляютъ фосфоресцировать стекло, о которое они ударяются.

Одновременно съ этимъ подъ вліяніемъ электрическихъ силъ вылетаютъ также и тяжелые положительно-заряженные іоны серебра, скопляющіеся въ металлическомъ видѣ около отрицательнаго полюса на слюдяной пластинкѣ и тѣмъ обнаруживающіе, что они дѣйствительно являются носителями положительнаго заряда.

Въ 1845 году Фарадей поразилъ міръ открытіемъ, которое онъ назвалъ, „Магнитизація свѣта и освѣщеніе магнитныхъ силовыхъ линій“, которое въ теченіе 50 лѣтъ оставалось непонятнымъ и приписывалось увлеченію. Въ настоящее время обнаруживается громадное научное значеніе этого открытія. Съ 1845 года Фарадей настойчиво старался установить видимую связь между свѣтомъ и магнитизмомъ, но инструменты, которыми онъ располагалъ, не были достаточно совершенны, и только въ 1896 году Зесману удалось ближе подойти къ явленію, котораго напрасно искалъ Фарадей. Зесманъ изслѣдовалъ спектръ пламени натрія между полюсами сильнаго электромагнита. Вооруженный новѣйшими средствами изслѣдованія, Зесманъ нашелъ, что, подъ вліяніемъ магнитныхъ силъ, линіи натріеваго спектра расширяются и, смотря по направленію линіи зрѣнія, представляются или удвоенными, или утроенными. Спектральныя линіи возбуждаются электронами, дѣйствующими въ эѳирѣ, который одинъ только можетъ двигать ихъ и самъ приводится ими въ движеніе. Дѣйствіе магнитнаго

поля сводится къ тому, что движеніе электроновъ разлагается на его составляющія (компоненты), изъ которыхъ одинъ—медленнѣе, другой—быстрѣе, вслѣдствіе чего, какъ результатъ, является расщепленіе одной линіи на другія, у которыхъ преломляемость или больше, или меньше, чѣмъ у той, которая ихъ вызвала.

Движеніемъ тѣхъ-же электроновъ объясняется и новое явленіе, найденное французскимъ ученымъ Беккерелемъ. Въ 1896 году онъ открылъ радіоактивность солей урана, которыя испускаютъ лучи, имѣющіе свойство проникать черезъ непрозрачныя для обыкновеннаго свѣта вещества, производить химическое вліяніе на фотографическую пластинку даже при полной темнотѣ и разряжать электроскопъ, заряженный положительно или отрицательно. Эти лучи, получившіе названіе Беккерелевскихъ, представляютъ явленіе промежуточное между обыкновенными свѣтовыми лучами и Рентгеновскими.

Въ связи съ работами Беккереля находятся замѣчательныя изслѣдованія г-на и г-жи Кюри надъ радіоактивностью тѣлъ, сопутствующихъ урану, которыя привели супруговъ-физиковъ къ открытію новаго металла—радія, т. е. „лучистаго", превосходящаго радіоактивностью соли урана во много разъ. Теперь я покажу нѣсколько свойствъ радія, и вамъ будетъ ясно, насколько открытіе Кюри можетъ повліять на объясненіе накопившихся загадочныхъ явленій этой области. Радій принадлежитъ къ той же группѣ металловъ, какъ кальцій, стронцій и барій. Его атомный вѣсъ по Рунге и Прехту—вѣроятно, около 258. Столь огромнаго атомнаго вѣса химія до сего времени не знала. Спектръ радія даетъ нѣсколько новыхъ линій, прежде не наблюдавшихся, изъ которыхъ двѣ линіи въ оранжевой части особенно характерны. Физіологическое дѣйствіе лучей радія очень сильно: ничтожное количество его производитъ на кожѣ въ нѣсколько часовъ рану, трудно поддающуюся излѣченію. Еще поразительнѣе свойство радія распространять потоки эманацій [1]), отчасти похожихъ по нѣкоторымъ свойствамъ на лучи Рентгена, но въ то же время и существенно отличающихся отъ нихъ.

Лучи, испускаемые радіемъ, можно раздѣлить по ихъ свойствамъ на три вида. Лучи 1-го сорта подобны катодному потоку и, вѣроятно, состоятъ изъ вещественныхъ частицъ, которыя гораздо меньше обыкновенныхъ атомовъ. Они разряжаютъ электроскопъ, когда радій находится на разстояніи отъ него даже трехъ метровъ, производятъ химическое дѣйствіе на фото-

[1]) Эманація (лат.—истеченіе) явленіе, состоящее въ отщепленіи от солей радія какого-то сильно летучаго выдѣленія и похожее на испареніе металловъ при обыкновенной температурѣ, вслѣдствіе котораго мы чувствуемъ, напр., запахъ мѣди.

графическую пластинку через слой свинца въ 5—6 миллиметровъ или нѣсколько сентиметровъ дерева. Они легко пристаютъ къ тѣламъ, наэлектризованнымъ положительно, и теряютъ при этомъ свою подвижность. Они отклоняются магнитомъ и заставляютъ нѣкоторыя тѣла фосфоресцировать.

Эманаціи радія другого рода поглощаются пластинками твердыхъ тѣлъ даже небольшой толщины, также сообщаютъ воздуху электропроводность и дѣйствуютъ на фотографическую пластинку, но отклоняются магнитомъ только большой силы и притомъ въ сторону противоположную предыдущей, и, слѣдовательно, они обладаютъ зарядомъ другого знака. Струтъ первымъ высказалъ предположеніе, что эти слабо отклоняемые магнитомъ лучи состоятъ изъ положительныхъ іоновъ, отдѣляющихся отъ радіоактивнаго вещества. По сравненію съ массой электрона масса частицъ, составляющихъ эти эманаціи, грамадна, а скорость ихъ – одного порядка со скоростью свѣта, т. е. измѣряется сотнями тысячъ километровъ въ секунду. Рузерфордъ (Rutherford—извѣстный американскій физикъ), который много сдѣлалъ изслѣдованій надъ радіоактивными веществами, обозначалъ эти эманаціи греческой буквой α, предыдущія—греческой буквой β, каковыя обозначенія теперь и приняты въ наукѣ.[1]) Радій даетъ еще и третьяго рода лучи γ (по Рузерфорду), которые обладаютъ въ высокой степени способностью проникать черезъ тѣла, но совершенно не отклоняются магнитомъ и поэтому напоминаютъ собой лучи Рентгена, т. е. эѳирныя колебанія, производимыя, какъ вторичныя явленія, вслѣдствіе потери электронами скорости при встрѣчѣ съ твердой матеріей—стекломъ трубки, въ силу чего происходитъ рядъ Стоксовыхъ „толчковъ" (импульсовъ), вызывающихъ въ эѳирѣ особыя возмущенія. Эти три группы эманацій—α, β и γ при помѣщеніи капсюльки, содержащей радій, въ сильномъ магнитномъ полѣ раздѣляются, такимъ образомъ: „α — лучи" отклоняются въ одну сторону, „β — лучи" — въ другую, но гораздо сильнѣе, а „γ—лучи" распространяются въ пространство прямолинейно. Если АС представляетъ собою фотографическую пластинку, то „β—лучи" на ней оставятъ слѣдъ въ то время, какъ „α—лучи" будутъ поглощены воздухомъ. Свойство лучей радія разряжать наэлектризованныя тѣла зависитъ отъ іонизаціи газа, черезъ который они проходятъ, т. е. частица газа расщепляется на двѣ неравныя части, изъ которыхъ одна представляетъ собой электрическій атомъ или электронъ и заряжена отрицательно, а другая, названная Флемингомъ, коэлектрономъ, заряженная вслѣдствіе отдѣленія электрона положительно, своей массой во много разъ превосходитъ массу отдѣлившагося

---

[1]) Phys. Zeitschrift. 1902; Philosoph. Magazine 1902. Sept; 1903, Febr, page 329; May p. 576.

электрона и представляетъ собой то, что мы называемъ іономъ. Изслѣдованія явленій радіаціи разными учеными даютъ достовѣрныя данныя, при помощи которыхъ можно вычислять массы и скорости этихъ различныхъ частицъ.

Чтобы дать понятіе о массѣ электроновъ и скорости ихъ движенія, я возьму для сравненія атомъ водорода; тогда масса электрона составитъ около $^1/_{700}$ доли водороднаго атома, или по Дж. Дж. Томсону 3×10^{26} гр.: а скорость его движенія равняется примѣрно $^2/_3$ скорости свѣта. Кинетическая энергія[1]) одного миллиграмма радія достигаетъ 10^{17} эрговъ, или другими словами—тепловая энергія его такова, что одинъ граммъ радія въ продолженіе одного часа въ состояніи нагрѣть одинъ граммъ воды отъ 0^0 до кипѣнія. Беккерель вычислилъ, что квадратный сантиметръ поверхности радіоактивнаго вещества потерялъ бы одинъ граммъ массы въ одинъ билліонъ лѣтъ.

Источникъ и объясненіе обнаруживаемой радіемъ энергіи пока представляетъ полную загадку. Явленія, представляемыя электронами, даютъ нѣкоторыя основанія заключать объ ихъ строеніи и массѣ. Извѣстные до сихъ поръ опыты прежде всего говорятъ въ пользу допущенія только кажущейся ихъ массы, т. е. что масса электрона не должна быть понимаема въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, но какъ масса электромагнитная, обладающая электродинамическими свойствами. Тѣмъ не менѣе электрону можно приписать и то свойство, которое неотдѣлимо отъ нашего понятія о матеріи, именно—инерція. Эта идея принадлежитъ Дж. Дж. Томсону, который еще въ 1881 г. утверждалъ, что электрическая инерція, обнаруживаемая самоиндукціей, зависитъ въ дѣйствительности отъ заряда, находящагося въ движеніи. Если разсматривать всѣ формы матеріи, какъ совокупности электроновъ, то инерція вещества можетъ быть объяснена безъ всякаго нарушенія общепринятыхъ понятій. Въ этомъ смыслѣ электронъ можно назвать первичной матеріей, „протиломъ", различныя группировки которой служатъ источникомъ образованія химическихъ элементовъ.

Въ заключеніе я остановлю ваше вниманіе еще на одномъ свойствѣ радія. Извѣстно, что электроны его заставляютъ фосфоресцировать экранъ платино-синеродистаго барія, а для положительныхъ іоновъ оказывается болѣе чувствительнымъ экранъ Сидо изъ сѣрнистаго цинка. Если нѣсколько мельчайшихъ зеренъ соли радія упадутъ на экранъ сѣрнистаго цинка, то на его поверхности засвѣтятся маленькія блестящія зеленыя точки. Въ темной комнатѣ каждая такая свѣтящаяся точка подъ микроскопомъ ка-

[1]) Кинетическая энергія, это энергія, которою обладаетъ тѣло вслѣдствіе движенія.

жется окруженной кольцомъ разсѣяннаго свѣта. Внѣ этого кольца по темной поверхности экрана прыгаютъ свѣтлыя искорки и распространяются по поверхности, непрерывно появляясь и исчезая. Число искръ, появляющихся въ одну секунду, не поддается опредѣленію. Помѣстивъ крупинку соли радія вблизи экрана и разсматривая поверхность его черезъ обыкновенную лупу, мы увидимъ нѣсколько свѣтящихся точекъ, окруженныхъ искорками. Если приближать радій къ экрану, то сверканіе усиливается; такое же дѣйствіе на экранъ производятъ соли новыхъ элементовъ полонія и актинія. Это сверканіе не уменьшается даже при самыхъ низкихъ температурахъ, напримѣръ, въ жидкомъ воздухѣ (—190°). Когда радій находится на разстояніи около пяти сентиметровъ отъ экрана, то искры едва видны, по мѣрѣ того какъ разстояніе радія отъ экрана уменьшается, искры появляются все чаще и чаще. Возможно, что явленіе фосфоресценціи экрана сѣрнистаго цинка возникаетъ вслѣдствіе ударовъ положительныхъ—іоновъ радія, падающихъ на него съ громадной скоростью и каждая свѣтящаяся точка дѣлается видимой только вслѣдствіе огромной эѳирной пертурбаціи (бокового волненія), производимой ея ударомъ о чувствительную поверхность экрана, подобно тому, какъ дождевая капля, падающая на спокойную поверхность воды, замѣчается лишь вслѣдствіе мелкихъ брызгъ и волнъ, которыя она производитъ въ моментъ удара объ эту поверхность. Если предоставить нашему воображенію развитіе электронной гипотезы вещества до ея крайнихъ выводовъ, то трудно будетъ избѣжать сомнѣнія въ неизмѣнной устойчивости матеріи. Поэтому не нужно и въ данномъ случаѣ забывать, что гипотезы полезны лишь постольку, поскольку онѣ согласны съ дѣйствительными фактами и помогаютъ ихъ объясненію. Лишь только какой нибудь фактъ не подходитъ къ составленной гипотезѣ или не можетъ быть объясненъ съ ея точки зрѣнія, то эта гипотеза должна быть отвергнута или видоизмѣнена соотвѣтственнымъ образомъ. Взгляды о строеніи матеріи, излагаемые мною, кажутся пока удовлетворительными, но что скажутъ будущія изслѣдованія, неизвѣстно. Хотя область эксперимента пока слишкомъ ограниченна, чтобы можно было развивать детали этой гипотезы, мы все таки подходимъ все ближе и ближе къ пониманію до сихъ поръ загадочныхъ, но чрезвычайно интересныхъ явленій, открывающихъ новыя средства для завершенія величественнаго зданія натуральной философіи.

А. Н.

Критика и библіографія.

К. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Москва. Книгоиздательство „Скорпіона“ 1903 г. Ц. 2 р. 40 к.

К. Бальмонтъ. Только любовь. Семицвѣтникъ. Книгоиздательство „Грифъ“. Москва, 1903 г. Ц. 2 р.

Г-нъ Бальмонтъ ничего не забылъ и ничему не научился. Онъ продолжаетъ капризничать, шалить легкомысленно съ своей Музой и изъ году въ годъ понижаетъ тонъ надеждъ, которыя онъ съ такимъ правомъ возбудилъ. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно наличности таланта у г. Бальмонта. Талантъ онъ яркій, крупный, оригинальный. Стихъ его блестящъ, музыкаленъ, легокъ, иногда полонъ аромата настоящей поэзіи. Но его губила, губитъ и, повидимому, теперь окончательно сгубитъ непобѣдимая страсть къ оригинальничанью, быстро вытѣснившая органическую способность таланта къ оригинальному, влеченье къ внѣшней, условной и манерной позѣ, къ поискамъ невѣдомыхъ чудесъ мистики, новыхъ ощущеній и настроеній, неестественныхъ положеній, новаторскихъ формъ стиля и т. п. Во многихъ отношеніяхъ поэтъ является предъ нами, къ сожалѣнію, какъ образецъ олицетвореннаго ломанья и напускной неискренности. И поэзія его часто является пропитанной какимъ-то скверно-актерскимъ пошибомъ ради успѣха, coûte que coûte.

Въ сентябрьской книжкѣ „Міра Искусства“ г. Валерій Брюсовъ, объявившій, что наше общество переживаетъ небывалый подъемъ мысли и достигло гребня волны, на которомъ оно погружается въ „мистическія“ радости, провозглашаетъ г. Бальмонта современнымъ геніемъ, затмившимъ славу Пушкина, и апостоломъ новаго подъема.

Г. Брюсовъ, конечно, поступилъ по товарищески. Съ г. Вальмонтомъ онъ, повидимому, въ весьма пріятельскихъ отношеніяхъ находится, недаромъ авторъ „Будемъ какъ солнце“ посвятилъ эту книгу, „сотканную изъ лучей“, между прочимъ, и „брату моихъ мечтаній, поэту и волхву Валерію Брюсову“. Братъ, поэтъ и волхвъ, въ свою очередь, отблагодарилъ товарища, какъ кукушка пѣтуха, восторженнымъ гимномъ въ честь его генія. Пріятели обмѣнялись комплиментами и остались, повидимому, въ гордомъ одиночествѣ; недаромъ г. Вальмонтъ пишетъ:

Я ненавижу человѣчество,
Я отъ него бѣгу спѣша.
Мое единое отечество—
Моя пустынная душа.

А г. Брюсовъ полагаетъ („Urbi et orbi“):

Проходятъ дни, проходятъ сроки,
Свободы тщетно жаждемъ мы.
Мы беэпощадно одиноки
На днѣ своей души—тюрьмы!

Одинокими поэты останутся по вопросу о современномъ подъемѣ общественной мысли, якобы погруженной въ кульминаціонный мистицизмъ. Такого характера подъемъ виденъ, вѣроятно, только „Скорпіону“ да „Грифу“. Того же подъема, который теперь дѣйствительно переживается, поэты „новаго слова и настроеній“ не знаютъ, да и, по существу своего „духа“, знать не могутъ. Все общественное весьма далеко отъ нихъ. Они—гордые индивидуалисты, съ презрѣніемъ глядящіе на людей, и съ восторгомъ—на себя и на внѣшнюю природу. Г. Бальмонтъ рѣзко подчеркиваетъ свою сверхчеловѣческую натуру, не говоря уже о томъ, что о своемъ сверхчеловѣческомъ талантѣ онъ невыносимо высокаго мнѣнія.

Я—изысканность русской медлительной рѣчи.
Предо мною другіе поэты—предтечи.
Я *впервые* открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.
Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ничей.

Въ другомъ мѣстѣ г. Вальмонтъ восклицаетъ:

Я—жизнь, я—солнце, красота,
Я—время сказкой зачарую,
Я—въ страсти звѣзды создаю.
Я—весь весна, когда пою,
Я—свѣтлый богъ, когда цѣлую.

Это не мѣшаетъ г. Бальмонту быть и другими, не менѣе красивыми предметами, существующими и несуществующими. Въ книгѣ „Только любовь“ поэтъ подводитъ итоги, достигнутые его сверхчеловѣческимъ геніемъ, и говоритъ:

Въ концѣ концовъ я твердо знаю,
Кто мы, что мы, гдѣ я, въ чемъ я.
Всю неразрывность принимаю,
И вся вселенная—моя.
Я знаю всѣ ея стихіи,
Я слышалъ всѣ ея слова,
И здѣсь являюсь не впервые—
Моя душа опять жива.
Изъ тѣхъ планетъ, что были стары,
Я много новыхъ создаю.
. . . .
Мое пѣвучее витійство—
Не только блескъ созвучныхъ силъ.
Разъ захочу, свершу убійство,
Быть можетъ, я ужъ и убилъ...

Конечно, г. Бальмонтъ, никого, кромѣ, порой, здраваго смысла, не убивалъ, и все это сказано ради краснаго словца. Но все это характерно и для маніи его поэтическаго величія, и для манеры его творчества—изломаннаго и издерганнаго, въ которомъ слова владѣютъ мыслью, фразерство—смысломъ.

И въ то же время оба сборника стихотвореній полны талантливыхъ блестокъ, порой чрезвычайно увлекательныхъ, красивыхъ. Простота—законъ изящнаго. И еслибы капризный и больной талантъ г. Бальмонта хоть немного подчинялся этому закону, его поэзія много выиграла бы.

Вотъ стихотвореніе изъ книги „Будемъ какъ солнце“:

Въ углу шуршали мыши,
Весь домъ застылъ во снѣ.
Шелъ дождь, и капли съ крыши
Стекали по стѣнѣ.
Шелъ дождь, лѣнивый, вялый,
И маятникъ стучалъ,
И я душой усталой
Себя не различалъ.
Я слился съ этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обдѣленный,
Я весь былъ тьмой ночной.
А бодрый, какъ могильщикъ,
Во мнѣ тревожа мракъ,
Въ стѣнѣ жучокъ-точильщикъ
Твердилъ: „Тикъ-такъ, тикъ-такъ“.
Равняя звуки точкамъ,
Началу всѣхъ началъ,
Онъ тонкимъ молоточкомъ
Стучалъ, стучалъ, стучалъ...
И атомы напѣва,
Сплетаясь въ тишинѣ,
Спокойно и безъ гнѣва
„Умри!“—твердили мнѣ
И мертвый, бездыханный,
Какъ трупъ задутыхъ свѣчъ,
Я слушалъ въ скорби странной
Вѣщательную рѣчь.
И тише кто-то, тише
Шептался обо мнѣ.
И капли съ темной крыши
Стекали по стѣнѣ.

Это почти единственное стихотвореніе, въ которомъ гармоничная, красивая простота ярко и изящно отражаетъ глубокое настроеніе, полное искренности. Двѣ-три шероховатости не портятъ впечатлѣнія.

Прочтите другое стихотвореніе, въ сборникѣ „Только любовь", подъ уродливымъ заглавіемъ „Безглагольность".

Есть въ русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали.
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.
Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора,
Надъ зябкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора,
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.
Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Во всемъ утомленье, глухое, нѣмое.
Войди на закатѣ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,—
Деревья такъ сумрачно странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.
Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

Къ сожалѣнію, подобныя стихотворенія—оазисъ среди массы пустозвучной, претенціозной, вызывающей на пародіи версификаціи. Нельзя не отмѣтить, что послѣдній сборникъ „Только любовь" гораздо слабѣе, чѣмъ „Будемъ какъ солнце". Г. Бальмонтъ начинаетъ перепѣвать самого себя и становится однообразнымъ. „Солнце" смѣнилось догорающей свѣчой, украшающей обложку. Почемъ знать, не является ли эта свѣча погребальной надъ талантомъ, самого себя губящимъ, ради капризной прихоти, которая

Проситъ странныхъ, безымянныхъ,
Въ красотѣ своей нежданныхъ
Свѣтовъ заповѣданныхъ.

Стремясь къ такимъ „свѣтамъ", не мудрено потерять голову, а по пути и—талантъ.

Ник. Ашешовъ.

М. С. Серафимовъ. У синяго моря. Разсказы. Москва 1904 г. Ц. 60 к.

Сергѣй Рафаловичъ. Противорѣчія. С.-Петербургъ 1903 г. Цѣна (?).

І. А. Любичъ-Кошуровъ. Братъ человѣчества. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. Ц. 75 к.

Повѣсти и разсказы Н. Львова. С.-Петербургъ. Годъ? Цѣна?

М. С. Серафимовъ находится всецѣло подъ вліяніемъ М. Горькаго. Слогъ, манера письма, герои—все это тяготѣетъ къ тому міру, излюбленнымъ пѣвцомъ котораго является М. Горькій. Это замѣчаніе относится, впрочемъ, къ первымъ разсказамъ г. Серафимова: „Пѣсня“, „Забродчикъ“, „Гасанъ-Скиталецъ“, „Судъ“, „Иванько“. Несмотря на всю очевидную подражательность, авторъ обнаруживаетъ въ нихъ кое-что свое: мягкій, лирическій стиль и наблюдательность. Но истинно-талантливаго автора обнаруживаетъ слишкомъ немного, чтобы онъ могъ оставаться въ своихъ органическихъ предѣлахъ,—и подражаніе, подчасъ слѣпое, составляетъ сущность и форму перечисленныхъ выше разсказовъ. Въ „Пѣснѣ“—неизбѣжный апоѳеозъ пѣснѣ. Простой рыбакъ такъ чаруетъ пѣньемъ полковника Дзюбенко, присланнаго для самой энергичной борьбы съ рыбнымъ хищничествомъ въ Кубани, что суровый стражъ размякаетъ и позволяетъ хищникамъ на его же глазахъ безвозвратно исчезнуть съ наворованнымъ добромъ. Въ „Забродчикѣ“—неизбѣжный босякъ, изъ офицеровъ флота. Конечно, онъ—прекрасный человѣкъ. Вслѣдствіе подлой несправедливости онъ опустился на дно, а когда судъ возстанавливаетъ его во всѣхъ правахъ, то гордый босякъ отказывается вернуться въ „свѣтъ“, его оскорбившій, отталкиваетъ молодую и, конечно, красивую жену, пріѣхавшую за нимъ, и остается простымъ „рыбалкой“. Мы не будемъ передавать содержаніе остальныхъ разсказовъ г. Серафимова. Отмѣтимъ лишь, что въ нихъ бездна романтическихъ преувеличеній и искусственной красоты: босяки говорятъ высокимъ штилемъ, татаринъ изъясняется на чистѣйшемъ великорусскомъ діалектѣ, такъ же говоритъ и грекъ Коста. Босяки обнаруживаютъ большое знаніе жизни и всѣхъ ея тонкостей. Конечно, ихъ устами говоритъ сама справедливость.

Изъ остальныхъ произведеній г. Серафимова отмѣтимъ романъ въ письмахъ „Natura“, занимающій болѣе трети книги. Это—банальнѣйшее произведеніе, написанное по старинному рецепту, изъ наивности и мѣщанства.

У г. Серафимова есть все-таки нѣкоторый горизонтъ, есть и кое-что свое, иногда мелькающее среди трафареточныхъ разсказовъ. У г-на Сергѣя Рафаловича и его „Противорѣчій“ нѣтъ рѣшительно ничего своего,—

онъ занимается перепѣвами любви и пересказами любовныхъ темъ. Кромѣ этюда „Всесильные“, гдѣ авторъ громитъ театральныхъ рецензентовъ, всѣ остальные 8 разсказовъ (изъ нихъ 2 драматическихъ этюда) посвящены любви, любви и любви. И все это монотонно, не ярко, не сочно. Въ разсказѣ „Освобожденіе“ развивается въ пошехонско-наивномъ стилѣ ницшеанская тема объ освобожденіи личности. Герой сознаетъ, что его правдивость и честность—мѣщанство, и ради освобожденія себя отъ его узъ губитъ своего товарища, сознательно давши о немъ ложное показаніе судебному слѣдователю. Стремленіе автора къ оригинальному вылилось въ очень неудачную форму доморощенной философіи и доморощеннаго сюжета.

Стремленіемъ къ оригинальности зараженъ и другой новый авторъ— г-нъ Любичъ-Кошуровъ. Въ претенціозномъ этюдѣ „Братъ человѣчества“ есть всего понемногу: и Достоевскаго, и Ницше, и Горькаго. Герой-босякъ обличаетъ босячество и, именуя себя, въ психопатическомъ трансѣ, „братомъ человѣчества“, произноситъ громовыя рѣчи противъ литературы босячества, противъ ея представителей—„мрази“, противъ сытыхъ націй, и противъ голодныхъ босяковъ, настоящихъ босяковъ, ютящихся въ притонѣ. Герой Крыкинъ, больной, вѣроятно, бѣлой горячкой, разсуждаетъ мучительно долго и много. Авторъ его устами пытается сказать новыя слова по философіи морали, конечно, подъ туманнымъ соусомъ. Но если все эти туманности разсѣять, то останутся банальнѣйшія темы о пользѣ любви къ людямъ и вредѣ несправедливости. Этюдъ „Братъ человѣчества“ къ тому же непомѣрно растянутъ и читается со скукой. Изъ остальныхъ разсказовъ недуренъ „Гдѣ перина?“ Старый скрипачъ еврей Дроздикъ, голый бѣднякъ, проситъ флейтиста-поляка взять его съ собой для представленія „комедій“ въ сочельникъ у пановъ помѣщиковъ.

— Это невозможно,—отвѣчалъ флейтистъ.

— Почему?

— Потому что ты—жидъ, а сочельникъ—это христіанское занятіе?

Дроздикъ согласенъ принять всѣ мѣры, чтобы его не приняли за „жида“: готовъ ѣсть сало, сбрить бороду и пейсы и т. д. Панъ флейтистъ все-таки находитъ несовмѣстимымъ съ христіанствомъ игру „жида“ на скрипкѣ въ христіанскомъ домѣ въ сочельникъ. Однако, спасительная водка смягчаетъ душу добраго флейтиста и онъ замѣчаетъ:

— Мнѣ сейчасъ пришло на умъ одно изреченіе изъ святого писанія... Слушай, Дроздикъ... „никакой твари не возбраняется хвалить Господа“.

Однако, авторитетъ священнаго писанія не спасъ Дроздика. Когда флейтистъ сказалъ о намѣреніи скрипача-еврея пану-помѣщику, послѣдній отвѣтилъ:

— Ты, сынъ мой—простой человѣкъ и судишь обо всемъ по простотѣ, а я—ученый, я все понимаю. Нельзя жиду присутствовать на христіанскомъ торжествѣ, а тѣмъ болѣе въ сочельникъ. Даже, сынъ мой, если онъ у тебя будетъ кучеромъ, то и тогда я васъ велю моимъ хлопцамъ протурить со двора...

Пришелъ сочельникъ, Дроздикъ голодалъ. У пана-помѣщика собрались гости и начался праздникъ. Панъ не принималъ въ этомъ участія.

„Какъ всегда въ этотъ день, онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и читалъ евангеліе—толстую большую книгу въ кожаномъ переплетѣ съ золотыми застежками".

Шаблонное противорѣчіе выражено достаточно ярко и безъ лукавыхъ мудрствованій. Еслибы г. Любичъ-Кошуровъ пошелъ по этой дорогѣ, то изъ него, пожалуй, что нибудь и вышло бы.

Повѣсти и разсказы г-на Львова, предусмотрительно выпущенные безъ обозначенія года, относятся къ произведеніямъ лубочнаго типа. Семь разсказовъ, по признанію автора, „заимствованы". По заимствованіямъ легко опредѣлить художественные вкусы и чутье автора. Разсказъ „Сюрпризъ" служитъ весьма краснорѣчивымъ матеріаломъ для этого: г. Львовъ „заимствовалъ" для него мотивъ глупѣйшаго бульварнаго анекдота о томъ, какъ мужъ узналъ объ измѣнѣ своей жены, внезапно вернувшись домой. Лучшихъ мотивовъ г. Львову, очевидно, „заимствовать" не удается. Впрочемъ, о такой „литературѣ" распространяться не стоитъ.

Ник. Ашешовъ.

Л. Медвѣдевъ. Въ гимназіи. Странички изъ воспоминаній. Москва 1904 г. Изданіе М. В. Клюкина. Ц. 1 р. 25 к.

Оглавленіе книги г. Медвѣдева обѣщаетъ очень многое, но даетъ, къ сожалѣнію, весьма мало. Правда, авторъ никакихъ претензій на художественную цѣнность своего произведенія не заявляетъ, а называетъ его только „страничками воспоминаній". Воспоминаній, конечно, чисто личныхъ, носящихъ мѣстную окраску и лишенныхъ поэтому той широкой наблюдательности, какая необходима для правильнаго учета явленій современной средне-учебной жизни.

Г-нъ Медвѣдевъ рисуетъ картины жизни въ одной изъ южныхъ гимназій. Въ конечномъ результатѣ картина эта весьма утѣшительна. Разсказываетъ ли авторъ про жизнь въ пансіонѣ или вообще про гимназическую жизнь, разсказываетъ ли про отношенія къ учащимъ, воспитателямъ или „дядькамъ"—онъ неизмѣнно сохраняетъ ровный, не лишенный добродушія тонъ. Жизнь автора воспоминаній текла спокойно и беззаботно.

Строй гимназической жизни не оказывалъ ни на него, ни на его товарищей никакаго давленія и не вносилъ въ ихъ молодыя души ни острой горечи неудовлетвореннаго чувства, ни сознанія безплодности той „науки", какая имъ преподносилась. Воспоминанія автора проходятъ мимо всѣхъ крупныхъ и глубокихъ явленій средняго образованія: ни „наука", ни „учителя" ея въ книгѣ г. Медвѣдева не фигурируютъ, и можно подумать, что въ этомъ отношеніи въ К—ской гимназіи все обстоитъ благополучно. Ученики учатся, учителя учатъ. Бываютъ шалости. Но, въ общемъ, все хорошо и мило. Царитъ чуть-чуть не идиллія, и завистники современной школы могутъ почерпнуть изъ книги г. Медвѣдева сильные аргументы противъ сдѣлавшихся теперь трюизмами нападокъ на наши учебно-воспитательные распорядки. Только скептическій читатель можетъ усумниться въ вѣрности картины. Она, правда, не особенно ярко жизнерадостна и не представляетъ диеирамба современной школы. Скорѣе она проста, и сѣра, и блѣдна. Но и при такихъ условіяхъ скептическій читатель можетъ спросить автора: „да неужели же въ К—ской гимназіи царила добродѣтель въ сердцахъ педагоговъ и умахъ школьниковъ, неужели и та, и другая сторона были взаимно другъ другомъ довольны, и при разставаньи такъ трогательно прощались, какъ описываетъ авторъ на стр. 180—181? Неужели всѣ толки о нашей школѣ—вздоръ?"

Все толки эти, конечно, не вздоръ. Но авторъ сквозь дымку прошлаго не видитъ его изъяновъ. Предъ нимъ проходятъ веселыя фигуры юности, и за этими фигурами авторъ не хотѣлъ или не могъ видѣть того крупнаго и серьезнаго, что составляло сущность учебной жизни. Онъ не хотѣлъ или не могъ видѣть въ массѣ того нуднаго разлада съ жизнью, который такъярокъ въ школѣ и блестящую характеристику котораго далъ А. А. Яблоновскій въ своихъ талантливыхъ „Очеркахъ гимназической жизни".

Ник. Ашешовъ.

Х. Талеръ. Одна мать за многихъ. **Г. Шмитъ-Ганзенъ**: Сторонница Вѣры.

Еще кое-кто: Сама за себя. Пер. съ нѣм. Изданіе „Правды". Москва. 1904 г.

Шумъ, поднятый въ прошломъ году сенсаціоннымъ дневникомъ Вѣры, все не желаетъ утихнуть. По крайней мѣрѣ, московское книгоиздательство „Правда" очень объ этомъ заботится. Въ видѣ новогодняго подарка оно поднесло нашей читающей публикѣ нѣсколько переводныхъ брошюръ на эту модную тему. Всѣ эти книжки нѣмецкой фабрикаціи. Минуя мужскія

исповѣди („Мое обращеніе", „Одинъ за многихъ"), мы остановимся здѣсь только на женскихъ памфлетахъ, представляющихъ довольно любопытный матеріалъ для психологіи современной интеллигентной женщины изъ буржуазіи.

Первой противъ Вѣры возстала Христина Талеръ. Она—мать многочисленныхъ дочерей, которыхъ необходимо пристроить, такъ какъ сами зарабатывать насущный хлѣбъ онѣ не пріучены. Она сейчасъ же сообразила, что если всѣ дѣвицы послѣдуютъ примѣру Вѣры и будутъ отказываться отъ нечистыхъ мужчинъ, то всѣ ея дѣти останутся у нея на шеѣ. Чувство самосохраненія и побудило ее приняться за перо. „Если современныя дѣвицы,—восклицаетъ она,—не перестанутъ являться передъ мужчинами въ роли черезчуръ строгихъ блюстительницъ нравственности, то мужчины и вовсе перестанутъ свататься и все болѣе будутъ обращаться къ порочнымъ женщинамъ, которыя не мучатъ ихъ попытками исправленія, а всегда встрѣчаютъ съ веселыми лицами". Почтенная мамаша даетъ поэтому всѣмъ барышнямъ такое мудрое наставленіе: „Разъ дѣвушка нашла себѣ хорошаго, идеалистически настроеннаго жениха, то ей нечего гнать его прочь, укоряя за нечистое прошлое. Пусть лучше она поставитъ крестъ надъ его прошлымъ и откроетъ ему свои цѣломудренныя объятія, чтобы, очистившись ея любовью, онъ началъ новую, болѣе достойную жизнь". Это представленіе о бракѣ, какъ своего рода чистилищѣ, во всякомъ случаѣ очень оригинально. Попутно г-жа Талеръ слагаетъ трогательный, къ сожалѣнію, не безкорыстный, панегирикъ въ честь представительницъ „третьяго пола". Такъ окрестилъ писатель Вольцогенъ (въ разсказѣ Das dritte Geschlecht) тѣхъ крайнихъ феминистокъ, которыя „не хотятъ связывать себя съ мужчинами, ненавидятъ узы брака, и даже оспариваютъ у мужчинъ родительскія права, называя рожденныхъ ими дѣтей своею исключительною собственностью". Вооружаясь противъ отрицательнаго къ нимъ отношенія автора, видящаго въ нихъ „препятствіе къ благополучію человѣчества", г-жа Талеръ требуетъ, чтобы передъ ними, напротивъ, „почтительно преклонялись". Оно и весьма понятно. „Ставя себя внѣ конкуренціи, такія дѣвушки уменьшаютъ перевѣсъ въ численности женщинъ надъ мужчинами и предоставляютъ своимъ сестрамъ больше шансовъ на замужество". Г-жа Талеръ остается до конца вѣрна своей основной точкѣ зрѣнія, оцѣнивая всѣ явленія исключительно со стороны возможности или невозможности выгодно пристроить своихъ дочекъ, не приспособленныхъ къ жизни.

Книжка г-жи Талеръ вызвала отвѣтъ, во-первыхъ, со стороны г-жи Шмитъ-Ганзенъ, объявившей себя на обложкѣ „Сторонницей Вѣры". Она принадлежитъ, несомнѣнно, къ той же самой породѣ дѣвицъ. Она также усматриваетъ въ мужѣ „собственность", свое единственное назначеніе въ

бракѣ, а въ бракѣ—средство ничего не дѣлать. Она также не предъявляетъ къ своему избраннику никакихъ духовныхъ требованій, такъ какъ въ ней самой развитъ одинъ только естественный инстинктъ. Г-жа Шмитъ-Ганзенъ хочетъ показать, что̀ вышло-бы, если бы Вѣра (у нея она носитъ имя Герды) не покончила съ собою, а вышла бы замужъ за нравственно-испорченнаго человѣка. Слѣдующая сцена можетъ дать наглядное представленіе о ея внутреннемъ мірѣ. Герда только-что убѣдилась въ невѣрности мужа. Она сообщаетъ объ этомъ его другу, котораго видѣла всего нѣсколько разъ.

— Вы ревнуете къ этой дѣвушкѣ? (спросилъ докторъ).

— Нѣтъ,—сказала она, презрительно положивъ ногу на ногу. Ея движенія были вызывающи. Онъ понялъ, что можетъ себѣ позволить нѣкоторыя вольности. Только что онъ хотѣлъ ее поцѣловать, какъ она вскочила и бросилась къ его ногамъ.

— Я люблю тебя (!). Возьми меня. Я твоя! Я твоя собственность.

Онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь и она впилась въ него жаркимъ поцѣлуемъ. Она хотѣла сорвать съ себя блузу, но онъ удержалъ ее.

— Не надо. Ради Бога. Приди ко мнѣ сегодня ночью.

— Да, да,—закричала она.—Дѣлай со мною, что хочешь, я твоя жена.

И этихъ истерически-чувственныхъ женщинъ намъ выдаютъ за передовыхъ людей, призванныхъ реформировать общество и бракъ.

Къ счастью, не всѣ дѣвушки похожи на нихъ.

Открытое письмо г-жи Талеръ вызвало, между прочимъ, и отвѣтъ со стороны тѣхъ самыхъ представительницъ „третьяго пола“, въ честь которыхъ она сплела такой милый, хотя и неудачный панегирикъ.—„Сама за себя“,—такъ озаглавила свой памфлетъ какая-то феминистка. Она старается доказать г-жѣ Талеръ, что феминистки вовсе не принципіальныя противницы брака. Правда, онѣ не видятъ въ семьѣ единственнаго своего призванія. „Онѣ хотятъ участвовать не только въ размноженіи человѣчества, а также въ его исторіи“. Но это не мѣшаетъ имъ вовсе „въ свободные, счастливые часы простирать руки къ мечтѣ, о которой каждая грезитъ по своему“. Конечно, на самый бракъ феминистки смотрятъ нѣсколько иначе, чѣмъ барышни-мѣщанки. „Намъ нѣтъ надобности мечтать о томъ, какъ бы пристроиться, намъ не нужна рабочая машина, которая для насъ пускалась бы въ ходъ. Мы выходимъ замужъ по любви и становимся рядомъ съ мужчиною, а не подъ его команду“. Не бѣда, если онъ не святой. Феминистка не будетъ убивать себя, а предпочтетъ лучше воспитать своихъ дѣтей въ болѣе высокихъ и чистыхъ идеалахъ. „Она употребитъ всѣ свои усилія, чтобы воспитать дѣтей своихъ въ строгости и правдѣ, безъ всякаго между ними различія, чтобы представители обоихъ

половъ стояли рука объ руку на высотѣ чистой жизни и были такими людьми, какъ слѣдуетъ". Статистика, къ сожалѣнію, доказала, что стать матерью наименьше шансовъ имѣютъ какъ разъ трудящіяся дѣвушки изъ буржуазіи.

Какъ бы разно ни смотрѣла на затронутый вопросъ почтенная мать, барышня-мѣщанка и феминистка, для нихъ онъ, прежде всего, вопросъ личной морали и личнаго счастья, тогда какъ въ дѣйствительности онъ, прежде всего, вопросъ общественный.

Обостряющаяся съ каждымъ десятилѣтіемъ подъ вліяніемъ развивающагося капитализма борьба за существованіе удерживаетъ мужчинъ изъ среднихъ слоевъ все чаще отъ семейной жизни. Число браковъ падаетъ во всѣхъ европейскихъ странахъ (см. Янсонъ: Статистика народонаселенія; Л. Враунъ: Женскій вопросъ). Если же мужчина вступаетъ въ бракъ, то очень поздно—въ среднемъ, не раньше 30—35 лѣтъ. Вопросъ о безвредности абсолютнаго воздержанія, рѣшавшійся медиками еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ безусловно категорически, теперь опять поставленъ подъ знакъ вопроса. Увеличивающееся число холостяковъ и поздніе браки повышаютъ, конечно, спросъ на проституцію, а послѣдняя, въ свою очередь, была въ значительной степени подготовлена условіями капиталистическаго хозяйства. Мы знаемъ теперь, что теорія Ламброзо и Тарновскаго о прирожденныхъ проституткахъ не больше, какъ фикція. Мы знаемъ теперь, что проститутокъ создаетъ необезпеченное матеріальное положеніе (см. Blaschko: Hygiene der Prostitution). Очевидно, при существующихъ условіяхъ общежитія немыслимо создать такой бракъ, гдѣ всѣ мужчины и всѣ женщины были бы одинаковы чисты. Это хорошо понималъ Золя. Въ его романѣ „Трудъ" есть нѣсколько поэтическихъ страницъ, гдѣ молодежь празднуетъ свадьбу въ запущенномъ паркѣ, среди цвѣтовъ и луннаго сіянія: первый поцѣлуй, которымъ женихъ даритъ невѣсту, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый поцѣлуй въ его жизни.

Эту идиллію чистой любви Золя преднамѣренно вставилъ въ рамку совершенно вымышленнаго хозяйственнаго строя.

В. Фриче.

А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Изданіе 2-е дополненное. Москва. 1903. Т. I. Стр. 483. Цѣна 2 р. Т. II. Стр. 225. Цѣна 1 р. 20 к.

Проф. Кирпичниковъ, скончавшійся 30 апрѣля 1903 года, былъ спеціалистомъ по исторіи всеобщей литературы и занималъ соотвѣтствующія каѳедры въ Харьковскомъ и Новороссійскомъ университетахъ. Но въ те

же время покойный ученый и педагогъ удѣлялъ большое вниманіе и русской словесности, какъ древней, такъ и новой. Въ первомъ изданіи его „Очерковъ по исторіи новой русской литературы", вышедшемъ въ 1896 году, перепечатано двѣнадцать статей; во второмъ изданіи число историко-литературныхъ очерковъ возросло почти вдвое. И все-таки въ это изданіе вошли далеко не всѣ труды проф. Кирпичникова по исторіи русской новой литературы.

Проф. Кирпичниковъ, судя по его вступительной лекціи 1885 года, напечатанной въ извлеченіи вмѣсто предисловія къ „Очеркамъ", понималъ исторію литературы въ очень широкомъ смыслѣ. Онъ не ограничивалъ ея область только тѣми словесными произведеніями, „которыя удовлетворяютъ высшимъ стремленіямъ человѣка—къ истинѣ, благу и красотѣ". По мнѣнію автора „Очерковъ", „часто литературные факты, не только не изящные, но положительно безобразные, для пониманія эпохи своего появленія на свѣтъ, гораздо важнѣе, нежели произведенія геніальныя и безсмертныя". „Для историка—говорится дальше—какъ и для анатома и физіолога, не должно быть ничего отвратительнаго и ничего красиваго. Наука—не дама-патронесса, которая помогаетъ только чистенькимъ бѣднымъ и миленькимъ сиротамъ".

Вѣрный этимъ взглядамъ, покойный профессоръ занимался не только жизнью и литературной дѣятельностью великихъ писателей земли русской, но обращалъ также свое вниманіе и на такихъ полузабытыхъ или малоизвѣстныхъ литературныхъ дѣятелей, какъ Кургановъ, Антоній Погорѣльскій, Коншинъ и Мельгуновъ. Очерки, посвященные этимъ второстепеннымъ и третьестепеннымъ писателямъ, представляются особенно цѣнными, потому что эти очерки являются въ русской литературѣ иногда единственными въ своемъ родѣ и, кромѣ того, вводятъ въ историко-литературный обиходъ новый архивный матеріалъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенный интересъ представляютъ статьи о Коншинѣ и Мельгуновѣ, составленныя, главнымъ образомъ, „по неизданнымъ документамъ". Не менѣе интересны и двѣ замѣтки, посвященныя Чаадаеву и составленныя также на основаніи „новыхъ документовъ". Изъ этихъ документовъ, напечатанныхъ въ „Очеркахъ", особенный интересъ представляютъ слѣдующія: указъ объ отставкѣ Чаадаева, содержащій офиціальныя данныя о прохожденіи имъ военной службы; отзывъ цензурнаго комитета отъ 31 января 1833 года, свидѣтельствующій, что Чаадаевымъ была сдѣлана попытка напечатать свои знаменитыя „Письма" въ русскомъ переводѣ; два письма гр. Бенкендорфа, изъ которыхъ видно, что въ 1833 году Чаадаевъ хотѣлъ поступить на государственную службу „по гражданской части", и наконецъ, письмо самого Чаадаева къ Жуковскому, въ которомъ Чаадаевъ проситъ престарѣлаго поэта

вернуться въ Россію, гдѣ такъ необходимо „присутствіе людей, всѣми чтимыхъ не только за дѣла ума, но и за свойства души".

Очерки, посвященные „былымъ знаменитостямъ": Курганову, составителю извѣстнаго „Письмовника", и Перовскому, автору „Монастырки", изданной подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго,—составлены почти исключительно по печатнымъ источникамъ; тѣмъ не менѣе и эти очерки даютъ много малоизвѣстнаго или малодоступнаго историко-литературнаго матеріала. Съ этой же точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія очеркъ „Московскія Вѣдомости въ 1789 году", интересный приводимыми въ немъ газетными объявленіями конца XVIII вѣка и, особенно, извѣстіями о ходѣ французской революціи.

По сравненію съ упомянутыми очерками статьи, посвященныя Пушкину (біографическій очеркъ, рѣчь, „Пушкинъ и Московскій университетъ"), Гоголю (біографическій очеркъ, „Погодинъ и Гоголь", „Бѣлинскій и Гоголь лѣтомъ 1847 года") и Жуковскому („Жуковскій, какъ поэтъ и воспитатель", „Послѣдніе годы и дни Жуковскаго"), представляются менѣе интересными и менѣе цѣнными. Это, въ большинствѣ случаевъ, юбилейныя статьи и рѣчи, которыя даютъ очень мало новаго и въ которыхъ не всегда использованъ наличный историко-литературный матеріалъ, а иногда встрѣчаются и фактическія неточности. Такъ, напримѣръ, говоря о происхожденіи „Руслана и Людмилы", проф. Кирпичниковъ умалчиваетъ о поэмѣ Жуковскаго „Владиміръ". „Бородинская годовщина" Пушкина не могла быть написана 5 августа, какъ говоритъ проф. Кирпичниковъ (II,47), потому что это произведеніе явилось по поводу взятія Варшавы, что случилось 26 августа. Созданіе стараго цыгана, осуждающаго Алеко, который „для себя лишь хочетъ воли", проф. Кирпичниковъ относитъ почему-то къ періоду „пылкаго увлеченія" Пушкина байронизмомъ (II, 68), тогда какъ на самомъ дѣлѣ именно созданіемъ этого цыгана Пушкинъ и отмѣтилъ свое освобожденіе отъ вліянія Байрона.

Подобные недочеты встрѣчаются и въ юбилейныхъ статьяхъ, посвященныхъ Гоголю и Жуковскому.

Въ особую категорію слѣдуетъ выдѣлить два очерка, посвященные Дружинину, Достоевскому и Писемскому. Очерки эти нельзя признать вполнѣ удачными. Свою статью о Дружининѣ проф. Кирпичниковъ называетъ „походомъ въ пользу заживо погребеннаго покойника". Но походъ этотъ оказался довольно курьезнымъ. „Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ", писалъ Герценъ, намекая на фельетоны Дружинина. Какъ ни рѣзокъ этотъ отзывъ, въ немъ гораздо больше правды, чѣмъ въ слѣдующихъ словахъ проф. Кирпичникова: „Фельетоны Дружинина, собранные въ VIII томѣ его сочиненій, можно читать

ъ пользою и удовольствіемъ теперь... читать не одинъ разъ, а 3—4 раза, читать до тѣхъ поръ, пока каждое остроумное сравненіе, каждая свѣжая мысль врѣжется въ память, читать почти такъ, какъ мы читаемъ великаго фельетониста древности—Лукьяна, или фельетониста вѣка просвѣщенія—Вольтера (!). Разница въ томъ, что великіе остроумцы прошлаго: Лукьянъ, Эразмъ Роттердамскій, Свифтъ, Вольтеръ, въ общемъ, производятъ тяжелое впечатлѣніе, внушаютъ презрѣніе къ человѣку и человѣческому обществу; не претендующій на широкое міровое значеніе, „Петербургскій Туристъ"—человѣкъ съ золотымъ сердцемъ, и чтеніе его замѣтокъ примиряетъ читателя съ жизнью и съ человѣкомъ, успокаиваетъ, утѣшаетъ, научаетъ любить и прощать. Какъ ни странно можетъ это показаться для многихъ, я рѣшаюсь утверждать, что въ отношеніи вліянія на душу, на нравственные взгляды читателя легковѣсный „Туристъ", крайній западникъ, сходится съ великимъ гуманистомъ-художникомъ Ѳ. М. Достоевскимъ" (I, 298—299).

Эта непомѣрно высокая оцѣнка Дружинина, какъ фельетониста, въ свое время вызвала горячую отповѣдь. „Фельетоны Дружинина,—писалъ г. Венгеровъ по поводу статьи проф. Кирпичникова,—наименѣе цѣнная часть его литературнаго наслѣдства. Они поражаютъ своею необыкновенною мелкотою и къ тому же очень скучны, ихъ бойкость напускная, въ нихъ нѣтъ ни капельки истиннаго веселья". Но почтенный проф. остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „Дружининъ—царь фельетонистовъ".

Самая обширная изъ статей въ „Очеркахъ" проф. Кирпичникова, посвященная Достоевскому и Писемскому, неудачна по своей задачѣ—представить „опытъ сравнительной характеристики" двухъ писателей, столь рѣзко отличающихся другъ отъ друга по обстоятельствамъ ихъ жизни, по ихъ міровоззрѣнію, а также по характеру и значенію ихъ литературной дѣятельности. Правда, проф. Кирпичниковъ находитъ не малое сходство между Писемскимъ и Достоевскимъ, но сходство это ограничивается тѣмъ, что „оба они—литераторы по призванію и по страсти; оба люди съ образованіемъ выше средняго, но безъ особой глубины и послѣдовательности; оба—поклонники Пушкина и поклонники Гоголя; оба выступаютъ въ передовыхъ изданіяхъ, оба считаются либеральными писателями и оба терпятъ отъ преслѣдованій цензуры; въ началѣ 60-ыхъ годовъ оба они оказываются въ лагерѣ консервативномъ и остаются въ немъ" (II, 315). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что „оба они честные русскіе писатели 60-ыхъ годовъ, ученики однихъ и тѣхъ же учителей, люди съ сильно демократическою жилкой, съ ненавистью къ лицемѣрію и любовью къ правдѣ" (II, 372-3). Но быть литераторомъ по призванію и страсти, имѣть не особенно глубокое образованіе, преклоняться передъ Пушкинымъ и Гоголемъ, терпѣть отъ преслѣдованія цензуры, ненавидѣть лицемѣріе и любить правду,

признавать важное значеніе народа въ Россіи—все это такія общія чер которыя присущи большинству русскихъ писателей.

Строго говоря, статья о Достоевскомъ и Писемскомъ представля не „сравнительную характеристику", а механическое соединеніе двухъ к тико-біографическихъ очерковъ. Въ этой статьѣ говорится то о Досто скомъ, то о Писемскомъ, а переходомъ отъ одного писателя къ друг служатъ такія фразы: „Писемскій дѣлается извѣстнымъ писателемъ томъ самомъ году, когда Достоевскій совершаетъ свой путь по этап Сибири въ „мертвый домъ" (I, 338). „Достоевскій выходилъ изъ катор й обучался военному артикулу, когда Писемскій началъ работать над самымъ крупнымъ и самымъ знаменитымъ своимъ произведеніемъ: „Тыся душъ" (I, 348) и т. п. Гораздо лучше было бы, если бы, вмѣсто „оп сравнительной характеристики", мы имѣли два самостоятельныхъ очер о Достоевскомъ и Писемскомъ. Тогда впечатлѣніе отъ этихъ очерков было бы болѣе цѣльнымъ.

Говоря о Достоевскомъ, проф. Кирпичниковъ не умалчиваетъ о круп ныхъ недостаткахъ его наиболѣе тенденціозныхъ романовъ, находя въ нихъ „нервическую, болѣзненную фантастику вмѣсто художественнаго воспро изведенія дѣйствительности". По поводу „Дневника писателя" отмѣчается слабость Достоевскаго въ вопросахъ политическихъ, гдѣ „ему мѣшаетъ сила его воображенія и страстность его патріотизма". Въ знаменитой рѣчи о Пушкинѣ проф. Кирпичниковъ находитъ „преувеличенія, неосуществимыя мечтанія, неясности, нѣсколько громкихъ фразъ". Но, въ общемъ, отношеніе покойнаго ученаго къ Достоевскому крайне восторженное.

Для него это—„нашъ утѣшитель въ минуты „скорби и гнѣва" на себя и на жизнь, проповѣдникъ дѣятельной любви, глубокой вѣры въ человѣка и свѣтлой надежды на его лучшее будущее. Онъ—поэтъ-учитель, указующій намъ путь правды и высшей духовной красоты" (I, 397).

Кромѣ очерковъ, посвященныхъ великимъ и малымъ писателямъ земли русской, въ богатой и разнообразной по содержанію книгѣ проф. Кирпичникова заслуживаютъ вниманія статьи „Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Л. Толстого", „В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки" и, особенно, восторженныя „Воспоминанія о Ѳ. И. Буслаевѣ", изображающія его идеаломъ человѣка, профессора и ученаго.

Въ общемъ, „Очерки" проф. Кирпичникова представляютъ цѣнный вкладъ въ русскую популярно-научную литературу.

С. Ашевскій.

Альбертъ Метенъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Пер. Л. П. Никифорова. Изд. В. Нѣмчинова. М. 1903. 6+439 стр. Цѣна. 1 р. 50 к.

„Новыя" общества,—эти слова ярче всего характеризуютъ особенности соціальной исторіи и соціальнаго строя австралійскихъ колоній. Колонисты, покидая Европу, оставляли за собой и европейскую исторію, и порожденный ею строй общественныхъ отношеній. Они начинали новую жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова, и,—что еще важнѣе,—начинали ее, умудренные старымъ опытомъ. Мощный потокъ эмиграціи направился въ Австралію въ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка. Онъ увлекъ большое количество такихъ элементовъ, которымъ становилось тѣсно и душно въ старой Европѣ, которые вступили въ упорную борьбу противъ историческихъ несправедливостей, но были побѣждены (чартистское движеніе), такъ какъ условія для успѣшной борьбы еще не назрѣли. Они были побѣждены, но не сломлены, и принесли въ новыя страны огромный запасъ энергіи и ненависть ко всякимъ формамъ экономическаго и политическаго угнетенія.

Австралійское общество только что начинало слагаться. Все оно было въ будущемъ,—прошлаго у него не было. Здѣсь не успѣли еще развиться всевозможныя учрежденія, которыя въ Европѣ такъ успѣшно подчиняютъ личность исторически-сложившемуся укладу. Здѣсь не было никакихъ традицій, никакихъ кумировъ, никакихъ освященныхъ стариной формулъ, которыя до поры, до времени могутъ гипнотизировать массы. Поэтому идеалы новыхъ пришельцевъ встрѣтили въ Австраліи относительно слабое сопротивленіе.

А Европа выбрасывала все новыхъ и новыхъ эмигрантовъ,—и опять-таки въ значительной мѣрѣ такихъ, которые прониклись ненавистью къ исторически-сложившейся европейской дѣйствительности. Обосновавшись въ колоніяхъ, они сохраняли идейныя связи съ Европой, они продолжали слѣдить, какъ развивается въ ней борьба противъ несправедливости въ общественныхъ отношеніяхъ. И, напримѣръ, такой эпизодъ этой борьбы, какъ выступленіе „новаго трэдъ-юніонизма" въ Англіи, всколыхнулъ широкія австралійскія массы.

Коротко говоря, отрѣшаясь отъ европейскаго строя, австралійскіе колонисты не забыли уроковъ европейской исторіи. При такихъ обстоятельствахъ имъ удалось создать, дѣйствительно, „новыя" общества. Имъ удалось достигнуть того, что въ Австраліи не все повышеніе производительности труда, не всѣ завоеванія культуры идутъ на пользу сравнительно ничтожной кучки крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Въ этомъ и заключается „новизна" австралійскихъ обществъ.

Такихъ результатовъ австралійскія колоніи достигли не безъ борьбы, и постоянная борьба требуется для удержанія сдѣланныхъ пріобрѣтеній. Безъ преувеличенія можно сказать, что исторія послѣдняго полустолѣтія въ Австраліи представляетъ исторію нескончаемой борьбы за созданіе всевозможныхъ приспособленій съ той цѣлью, чтобы воспрепятствовать развитію отношеній эксплуатаціи и угнетенія, характерныхъ для старой Европы. Въ своемъ соціальномъ творчествѣ колонисты не знали тѣхъ историческихъ путъ, которые на каждомъ шагу задерживаютъ мышленіе и дѣятельность самыхъ смѣлыхъ соціальныхъ „реформаторовъ" метрополіи. Они смѣло добивались 8-часового рабочаго дня почти въ то самое время, когда буржуазные экономисты неопровержимо „доказали", что даже 10-часовой день нанесетъ промышленности смертельный ударъ. Они въ законодательномъ порядкѣ устанавливали минимальные размѣры заработной платы, незнакомые съ той „непреложной" истиной буржуазной экономіи, что законодательное опредѣленіе минимума заработной платы вообще вредная и неосуществимая утопія. И мало ли еще въ какихъ случаяхъ колонисты обнаруживали счастливое экономическое невѣжество.

Успѣхи достигались, — не безъ труда, не безъ борьбы, не безъ пораженій,—но все жъ достигались. Для противоположныхъ интересовъ не было такой серьезной опоры, какъ современное классовое, полицейское государство, съ его выработаннымъ механизмомъ, быстро обезвреживающимъ всѣ неудобные элементы. Въ ихъ распоряженіи не было и сложныхъ идеологическихъ построеній, окруженныхъ ореоломъ „научности".

Есть всѣ основанія думать, что съ теченіемъ времени эти интересы усилятся, и борьба съ ними сдѣлается труднѣе. Факты—они отчасти приводятся и у Метена—показываютъ, что извѣстныя затрудненія уже давно наступили, что Австралія начинаетъ утрачивать свое счастливое, исключительное положеніе, что она уже теперь старается удержать его рядомъ искусственныхъ мѣръ. Вообще будущность Австраліи открываетъ широкій просторъ для всевозможныхъ предположеній. Но съ полной увѣренностью можно сказать, что, какъ бы ни измѣнились шансы борьбы, у австралійской демократіи не легко и даже невозможно будетъ отнять многія изъ ея завоеваній.

Начиная съ половины 90-хъ годовъ, европейскіе изслѣдователи съ глубокимъ интересомъ обращаются къ изученію смѣлыхъ соціальныхъ „опытовъ", производимыхъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Годъ отъ году появляется все больше и больше журнальныхъ статей и спеціальныхъ работъ объ этихъ колоніяхъ, особенно о Новой Зеландіи, и о различныхъ сторонахъ ихъ соціальнаго строя. Австралія вырисовывается передъ европейцами какъ страна, устранившая многія общественныя противорѣчія и несправедливости,

тяготѣющія надъ Европой. „Старый“ міръ начинаетъ учиться у „новаго“ Даже соціальные политики буржуазіи склонны усвоить нѣкоторыя учрежденія австралійцевъ,—впрочемъ, въ переработанномъ, „европеизированномъ“ видѣ. Однако, не только такіе соціальные политики могли бы многому поучиться въ австралійскихъ колоніяхъ.

Русская литература уже располагаетъ нѣсколькими цѣнными работами объ Австраліи, оригинальными (исключительно компилятивными) и переводными. Видное мѣсто среди нихъ занимаютъ книги Леруа-Болье, Уокера и Мижуева. Но и послѣ нихъ изданіе книжки Метена представляется далеко не излишнимъ.

Метенъ уже знакомъ русской читающей публикѣ по переводу его умной, просто и ясно написанной, но слишкомъ поверхностной работы о соціализмѣ въ Англіи. Новая книга обладаетъ достоинствами предыдущей, но поверхностностью не страдаетъ. Видно, что Метенъ сумѣлъ хорошо использовать свое почти полуторагодовое пребываніе въ австралійскихъ колоніяхъ. Съ другой стороны, замѣтно, что онъ вообще прошелъ хорошую предварительную подготовку, — „школу“, сказали бы мы Благодаря всему этому, онъ выгодно отличается отъ многихъ предыдущихъ изслѣдователей.

Во-первыхъ, ему чуждъ тотъ панегирическій тонъ, который зачастую вносится въ описаніе австралійскихъ колоній. Австралія для него — поучительный образецъ, и далеко не идиллическая страна, не „рай рабочаго класса“. Онъ отнюдь не затушевываетъ конфликтовъ, которыми двигалось и двигается ея соціальное развитіе. Онъ не спѣшитъ съ хвалебными приговорами, и, напримѣръ, относительно „радикальнаго“ аграрнаго законодательства нѣкоторыхъ колоній такъ и оставляетъ читателя въ неизвѣстности: какимъ интересамъ оно покровительствуетъ. Это—только одна иллюстрація его добросовѣстности.

Во-вторыхъ, онъ не страдаетъ той ограниченностью, которая характеризуетъ такихъ экономическихъ индивидуалистовъ, какъ Леруа-Болье, и препятствуетъ правильной оцѣнкѣ многихъ сторонъ австралійскихъ общественныхъ отношеній.

Въ третьихъ, Метену чужды такія „дидактическія“ цѣли, съ какими, напр., школа Брентано и Рузье со своими сотрудниками обращались къ изученію англійскихъ профессіональныхъ союзовъ. Метенъ не закрываетъ глазъ на слабыя стороны „англо-саксонскаго“ метода дѣйствій, находящаго себѣ приложеніе и въ австралійскихъ колоніяхъ и объясняющагося исключительностью ихъ экономической исторіи. Узкая практичность, оппортунизмъ, отсутствіе широкой принципіальной программы, филистерство, неспособность возвыситься до универсальныхъ идеаловъ европейскихъ

собратій, буржуазность склада обыденной жизни, — все это такія черты, которыя, видимо, совсѣмъ не прельщаютъ Метена.

Излагать содержаніе книги Метена положительно невозможно: настолько богатый матеріалъ даетъ она, особенно въ наибольшей части, въ главахъ о промышленныхъ рабочихъ и законодательствѣ, относящемся къ нимъ. Авторъ стремится дать не столько общее представленіе о современномъ экономическомъ строѣ Австраліи, сколько возможно полное описаніе различныхъ производившихся въ ней соціальныхъ „опытовъ" и ихъ результатовъ. Богатство матеріала одновременно—и крупное достоинство, и недостатокъ книги. Для нѣкоторыхъ читателей она покажется утомительной. Но при своеобразности политическаго строя Австраліи—отдѣльныя колоніи представляютъ по существу вполнѣ независимыя государства—такой недостатокъ почти неустранимъ.

Эта умная и содержательная книга могла бы быть издана значительно дешевле. Но издатель, повидимому, стремился довести ее до размѣровъ, требующихся для изданій безъ предварительной цензуры,—и изъ работы, которую, по нашимъ подсчетамъ, легко было бы умѣстить на 250 страницахъ очень распространеннаго типа изданій, получилось четыре съ половиной сотни страницъ. Это—одинъ изъ примѣровъ того, какъ совершенно постороннія обстоятельства удорожаютъ у насъ стоимость книгъ.

И. Степановъ.

Политуръ. Странички изъ дѣтской жизни. Разсказы для дѣтей. С.-Петербургъ. 1903 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Книжечка чистенькая, разсказцы написаны старательно, хотя слогъ иногда и шероховатъ, но, въ общемъ, все такъ блѣдно и безжизненно. Названія разсказовъ говорятъ уже о ихъ содержаніи: „Упрямецъ", „Трусъ" и т. д. Всѣ они написаны по извѣстному шаблону, ничего новаго и свѣжаго нѣтъ: мать и сынъ, которые замерзали, но были потомъ спасены, сорви-голова, спасшій утопавшаго ребенка и самъ погибшій, всѣми презираемый горбунъ, дѣлающійся потомъ общимъ любимцемъ, благодаря своимъ нравственнымъ качествамъ. Кстати, это предразсудокъ, будто дѣти жестоко относятся къ тѣмъ изъ своихъ собратій, кто страдаетъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ; напротивъ того, въ народныхъ школахъ не рѣдко приходится наблюдать, какъ бережно обращаются дѣти со своими обдѣленными мачехой-природой товарищами. Если и задѣнетъ ихъ какой-нибудь сорванецъ, сейчасъ же раздастся грозный окрикъ другихъ, и тотъ пріутихнетъ. Пора бы оставить писать на такую заѣзженную и неправдоподобную тему. Въ

одномъ изъ разсказовъ этой книжки рекомендуется очень простой способъ реабилитаціи правъ: всѣми гонимый сирота Костя приколотилъ однажды своего главнаго гонителя, и съ тѣхъ поръ все пошло для него хорошо. Способъ нѣсколько опасный въ виду свойственной мальчикамъ склонности къ дракѣ.

Итакъ, здѣсь все намъ черезчуръ знакомо. Возьмемъ хотя бы разсказъ „Сонъ", гдѣ старый дѣдъ разсказываетъ дѣвочкѣ Машѣ о томъ, какія елки бываютъ у господъ, и она подъ впечатлѣніемъ слышаннаго видитъ во снѣ елку въ лѣсу, растущую на ея глазахъ и дорастающую, наконецъ, до самаго неба, и тутъ же поетъ невидимый хоръ ангеловъ. Не напоминаетъ ли вамъ это извѣстное стихотвореніе Полонскаго „Рождественская елка"? Только тамъ не дѣдушка и внучка, а бабушка и внукъ, но суть и подробности тѣ же. И старая погудка, конечно, хороша, когда она переложена на новый ладъ, но въ такомъ случаѣ необходимо талантливое изложеніе, освѣжающее избитую тему, а здѣсь оно далеко не даровито и носитъ ученическій характеръ.

Дѣти, разумѣется, прочтутъ безъ вреда эту аккуратную книжечку легко ее забудутъ.

Н. Леонтьева.

Изданія „Посредника" №№ 444, 448, 449, 453, 454, 456 457, 462, 463, 465, 476, 482.

Большая частью брошюръ, выпущенныхъ на этотъ разъ издательствомъ „Посредникъ", относятся къ крестьянскому быту. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ перу нашего извѣстнаго народнаго писателя, Е. Т. Семенова. Въ нихъ обѣихъ дышетъ свѣтлая нотка возможности внести въ нашу сонную и консервативную въ своихъ предразсудкахъ деревню свѣтъ иной жизни, иныхъ идей. И эти новыя, свѣтлыя мысли не раздаются уже на этотъ разъ съ печи, изъ устъ какого-нибудь мудраго деревенскаго старика, какъ это нерѣдко приходилось встрѣчать въ разсказахъ этого автора. Нѣтъ, теперь ихъ несетъ въ родную деревню молодежь, несмотря на все сопротивленіе и на весь консерватизмъ стариковъ, и притомъ даже молодежь, побывавшая въ городѣ, попробовавшая болѣе легкой городской жизни и сохранившая даже въ деревнѣ свой городской костюмъ. И это у того же самаго автора, для котораго городская жизнь была синонимомъ гибели деревенской молодежи. Въ разсказѣ „Невѣста" (Ц. $1^1/_2$ к.), деревенскій парень, вернувшійся изъ города, гдѣ онъ служилъ артельщикомъ въ магазинѣ готоваго платья, красивый и нарядный, не только не гнушается деревенской обстановкой, но чувствуетъ себя даже счастливымъ въ родной семьѣ. Уѣзжая изъ деревни, онъ равнодушно бросилъ соблаз-

ненную имъ дѣвушку, ничуть не безпокоясь объ ея участи. Вернувшись же изъ города для женитьбы и узнавъ, что у нея въ это время уже родился ребенокъ, онъ сознаетъ свою прямую обязанность и, несмотря на всѣ протесты своихъ родителей, отказывается отъ всякой другой, болѣе выгодной партіи и женится на настрадавшейся безъ него отъ всякихъ людскихъ толковъ дѣвушкѣ. „Деревенскіе герои“ (3 к.)—это драматическія сцены, одобренныя главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати къ представленію на народныхъ театрахъ. Содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что интеллигентная дѣвушка не крестьянскаго происхожденія, учительница, рѣшается вступить въ крестьянскую семью на самомъ незавидномъ въ крестьянскомъ быту положеніи—молодой снохи. Но тѣмъ не менѣе, при поддержкѣ любящаго ее мужа, развитого и горячо желающаго блага своей деревнѣ молодого парня, ей удается не только чувствовать себя самое сравнительно счастливой въ такой непривычной для нея обстановкѣ, но и видѣть даже нѣкоторые результаты въ своей борьбѣ съ некультурностью и предразсудками деревни.

Такое же отрадное впечатлѣніе оставляетъ и маленькій разсказъ Д. В. Марковича „На Вовчемъ хуторѣ“ (Ц. 1½ к.). Только на этотъ разъ не сила знанія и просвѣщенія, а подростокъ-дѣвочка своимъ простымъ, здравымъ смысломъ спасаетъ группу хуторянъ отъ звѣрскаго убійства попавшагося имъ конокрада, а его самого—отъ смерти.

Разсказъ И. Старинина „Горбунъ-Яша“ (Ц. 1½ к.) не отличается беллетристическими достоинствами. Онъ представляетъ собой повѣствованіе о жизни добродѣтельнаго и грамотнаго крестьянина, скучныя, наставительныя рѣчи котораго не дадутъ живого интереса читателю и не увлекутъ его. Авторъ даже самъ соображаетъ, что это скучно. „Не подумайте“,—увѣряетъ онъ своихъ читателей,—„что онъ говорилъ въ родѣ проповѣдей или поученій, или читалъ нотаціи или резоны“... Тѣмъ не менѣе, весь разсказъ именно и состоитъ изъ такихъ проповѣдей и поученій.

Изъ крестьянской же жизни, хотя и изъ финской, взяты и два разсказа Піэтари Пэйверинта, изданные подъ однимъ общимъ заглавіемъ „Труженики“ (Ц. 3 к.). Только у автора финскихъ разсказовъ, несмотря на всю просвѣщенность и относительную свободу отъ гнета общественныхъ предразсудковъ финскихъ крестьянъ, все-таки, при видѣ ихъ тяжелой борьбы съ нуждой, невольно вырывается безнадежный вопросъ: „Кто исчислитъ павшія жертвы, а главное, кто измѣритъ всю бездну народнаго долготерпѣнья?“

„Мститель и другіе разсказы и притчи“ (Ц. 1½ к.) дополняетъ серію этого рода маленькихъ сборничковъ, составленныхъ Горбуновымъ-Посадовымъ изъ произведеній различныхъ авторовъ. Сборнички эти представля-

ютъ рядъ хорошихъ разсказовъ гуманнаго направленія; благодаря своей необыкновенно дешевой цѣнѣ, они могутъ широко распространяться среди народа и давать ему хорошій матеріалъ для чтенія. Жаль только, что большая часть такихъ народныхъ изданій „Посредника" совсѣмъ не сброшюрованы и вся книжка разсыпается, какъ только ее разрѣжешь.

Сборникъ стихотвореній „Путеводная Звѣзда" (Ц. 3 к.) составленъ тоже Горбуновымъ-Посадовымъ. Въ него входятъ стихотворенія различныхъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, между прочимъ, и самого составителя сборника. Главная идея сборника есть идея христіанской любви и помощи ближнему, но любви не пассивной и не проповѣдь „холопскаго терпѣнія". Одно изъ стихотвореній сборника, принадлежащее П. Я., опредѣленно говоритъ: „Жизнь—борьба, а не сонъ. Пока есть искра жизни—борись!" Для деревенскаго читателя сборникъ врядъ ли будетъ пригоденъ, такъ какъ стихотворенія, входящія въ его составъ, все-таки довольно трудны по своему содержанію для мало-грамотнаго читателя деревни.

Двѣ слѣдующія брошюры: „Прекрасная Женевьева", съ нѣмецкаго изложила Е. Караваева, и „Братъ и Сестра", переводъ съ англійскаго В. Толстой,—изданы съ яркими картинками на обложкахъ, очевидно, имѣя въ виду тѣхъ читателей, которые покупаютъ лубочную литературу, прельщаясь интереснымъ заглавіемъ или яркимъ внѣшнимъ видомъ книжки. „Прекрасная Женевьева"—это трогательный разсказъ о страданіяхъ и приключеніяхъ невинной, молодой герцогини; онъ съ интересомъ прочтется такимъ читателемъ и выгодно замѣнитъ ему безсодержательную лубочную литературу.

„Братъ и Сестра"—это извѣстный романъ Джорджа Элліота „Мельница на Флоссѣ", въ талантливомъ переводѣ В. Толстой. Несмотря на очень длинные размѣры англійскаго романа, онъ переведенъ такимъ живымъ, хорошимъ языкомъ, что весь, отъ начала до конца, читается съ большимъ интересомъ.

Къ географической серіи изданій „Посредника" присоединилась еще новая брошюра „Путешествіе по Норвегіи", Сергѣя Орловскаго (Ц. 50 к.), со многими прекрасно исполненными рисунками, да и вся книжка издана очень изящно.

Большая часть книги посвящена описаніямъ норвежской природы, прекрасно, правда, составленныхъ, но немножко черезчуръ затянувшихъ размѣры брошюры. Нравамъ и обычаямъ норвежскаго народа отведено, сравнительно, гораздо меньше мѣста. Затѣмъ, восхищаясь простотой жизни и упорнымъ трудолюбіемъ норвежскаго народа, авторъ ни разу не отмѣтилъ великой несправедливости его гражданской жизни. А именно, тогда какъ даже въ такихъ военныхъ монархіяхъ, какъ Германія, гдѣ въ пол-

ной силѣ сохранены еще всѣ сословныя привилегіи, все-таки уже царитъ всеобщее избирательное право,—въ Норвегіи все городское рабочее населеніе, вся прислуга и сельскіе батраки лишены этого права, такъ какъ избирателемъ депутатовъ въ стортингъ можетъ быть только или землевладѣлецъ, или лицо, состоящее на государственной службѣ. Но во всякомъ случаѣ, брошюра составлена очень обстоятельно и интересно, написана прекраснымъ, живымъ языкомъ и даетъ читателю довольно полное представленіе о Норвегіи, о жизни ея населенія, его нравахъ и обычаяхъ. Такія брошюры составятъ прекрасное пособіе для школы, да и взрослый читатель популярныхъ изданій найдетъ въ нихъ немало полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній. Такого рода брошюры являются очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ ряду нашихъ популярныхъ изданій, и мы можемъ только пожелать имъ самаго широкаго распространенія.

„Будь трезвъ!" письмо къ брату (Ц. 1½ к.), „Бесѣда о томъ, какая отрава въ водкѣ, винѣ и пивѣ, и о томъ, какъ надо лѣчить людей, отравившихся этими напитками". Врача В. Рахманова (Ц. 1½ к.). Обѣ брошюры трактуютъ о вредѣ спиртныхъ напитковъ и о необходимости воздержанія отъ нихъ. Но первая стоитъ больше на моральной точкѣ зрѣнія, подтверждая свое длинное и довольно скучно написанное письмо ссылками и на Іисуса Христа, и на апостоловъ, и на святыхъ отцовъ, учившихъ людей воздерживаться отъ пьянства. Но, можетъ быть, со времени самыхъ святыхъ отцовъ моральная проповѣдь о воздержаніи никогда не имѣла успѣха и распространеніе потребленія спиртныхъ напитковъ все только расширялось. Гораздо больше успѣха имѣетъ въ новѣйшія времена проповѣдь чисто гигіеническаго характера, когда наукѣ наглядно удалось доказать, какой огромный вредъ для человѣчества и для здоровья каждаго отдѣльнаго человѣка приноситъ потребленіе алкоголя. На этой гигіенической точкѣ зрѣнія стоитъ и брошюра д-ра Рахманова.

И мы думаемъ, что если бороться противъ злоупотребленія спиртными напитками словомъ, а не измѣненіемъ тѣхъ или иныхъ условій жизни, то самой лучшей пропагандой противъ нихъ будетъ популяризація научныхъ знаній, реально и опредѣленно показывающихъ губительное дѣйствіе алкоголя на здоровье человѣка. Среди русскаго народа очень мало распространены самыя популярныя гигіеническія свѣдѣнія, и много зла творится просто по незнанію. Распространеніе такихъ научно-популярныхъ брошюръ имѣетъ огромное значеніе. Авторъ заканчиваетъ свою брошюру совѣтами, къ какимъ мѣрамъ слѣдуетъ прибѣгать, чтобы воздерживаться отъ вина и, остановившись передъ человѣкомъ, пьющимъ отъ голода и нищеты, справедливо говоритъ, что каждая выпитая имъ рюмка сдѣлаетъ его только еще болѣе голоднымъ и нищимъ. „Дѣло сытыхъ и богатыхъ поду-

мать о томъ, чтобы не было бѣдныхъ и голодныхъ",—кончаетъ онъ свои совѣты. Не слишкомъ ли долго, спросимъ мы автора, придется ждать бѣднымъ и голоднымъ, пока сытые и богатые вспомнятъ о нихъ, и непришло ли, наконецъ, время имъ и самимъ подумать о себѣ?

В. Величкина.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Д. А. Каранчевскій. Первые уроки этнографіи. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 75 коп.

Проф. И. А. Линниченко. „Высшее образованіе". Вступительная лекція на женскихъ педагогичесанхъ курсахъ въ Одессѣ.

Д-ръ Л. Я. Якобзонъ. Какими мѣрами слѣдуетъ бороться съ распространеніемъ венерическихъ болѣзней среди учащихся.

Отчетъ о дѣятельности Общества для содержанія Хартицкаго женскаго училища за 1902—1903 учебный годъ.

Изд. И. Ѳ. Жиркова. В. О. Крижъ. Церковно-славянская азбука. Ц. 8 коп. Его-же. Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ русской и церковно-славянской. Ц. 10 коп. Его-же. Азбука для сельскихъ школъ русская и церковно. славянская. Ц. 25 коп.

Г. Галина. Сказки. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 2 р. 25 коп.

Сидней Веббъ и Харольдъ Households Каксъ. 8-ми часовой рабочій день. Перев. Д. Л. Муратова. Изд. т-ва „Обществення Польза". Ц. 1 р. 25 коп.

В. Ѳ. Дерюжинскій. Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка Характеристики Брайса. Изд. Юрид. книжн. склада „Прзво". Ц. 60 коп.

Гаяріель и Адиіанъ-де-Мартилье. Доасторическая жизнь. Перев. съ франц. подъ ред. Л. Я. Штернберга. Изд. т-ва „XX вѣкъ". Ц. 1 руб.

А. И. Елистратовъ и А. В. Завадскій. Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній (опыты А. Бинэ и В. Штерна).

М. Н. Соболевъ. Коммерческая гарантія Россіи. Ц. 1 р. 25 коп.

Д. Я. Айзманъ. Черные дни (очерки и разсказы). Изд. ред. журн. „Русское Богатство". Ц. 1 р.

Д. Утушкинъ. Записки по естественной исторіи для 2-хъ классн. училищъ. Ц. 60 коп.

Н. Е. Ончуковъ. Новыя былины изъ записей та Печорѣ.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Ц. 40 к.

О постановкѣ психіатрической помощи населенію Саратовской губ. и желательныя улучшенія въ этомъ дѣлѣ.

Д-ръ Н. И. Тезяковъ и студ.-медики: С. В. Морвзъ, Н. А.

Монети и З. П. Соловьевъ. Лечебно-продовольственные пункты на рынкахъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губер.

С. Турутинъ. О значеніи и дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и о томъ, какъ ихъ устроить. Изд. Курганскаго Отдѣла Императ. Моск. о-ва сельскаго хозяйства. Ц. 20 коп.

Журналы Буинскаго уѣзднаго земскаго собранія. Очередной сессій 1902 года.

Л. Мельшинъ. Очеркъ русской поэзіи. Изд. ред. журн. „Русское Богатство". Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Волынскій. „Книга великаго гнѣва". Ц. 3 р.

С. Рапопортъ. Дѣловая Англія. Ц. 1 р.

Василій Якимовъ. Безъ хлѣба насущнаго. Изд. М. В. Пирожкова. Цѣна 1 р. 25 коп.

А. Щеглокъ 16 выпусковъ для дѣтей: Лѣсникъ Николай, изъ жизнь медвѣдей. Ц. 5 коп. Разбойники Лѣса,изъ жизни рысей. Цѣна 5 коп. Исторія волчьяго семейства, изъ жизни волковъ. Цѣна 5 к. Несуразный звѣрь, изъ жизни ласей. Цѣна 5 коп. Отчего я несдѣлался охотникомъ, изъ жизнь дикихъ козъ Цѣна 5 коп. Мой ежикъ, изъ жизни ежей. Цѣна 5 коп. Сусликъ, изъ жизни сусликовъ. Степной орелъ, изъ шизни орловъ. Цѣна 5 коп. Скопа, изъ жизни рѣчныхъ скопъ. Цѣна 5 коп. Какъ моя сорока попала въ газету, изъ жизни сорокъ. Цѣна 5 коп. Несчастная птица, изъ жизни кукушекъ. Цѣна 5 коп. Синица, изъ жизни синицъ. Цѣна 5 коп. Водяной, изъ жизни оляновъ. Ц. 5 коп. Баба, изъ жизни великановъ. Цѣна 5 коп. Живой камень, изъ жизни черепахъ. Цѣна 5 коп. Слово знаетъ, изъ жизни змѣй. Цѣна 5 коп.

П. Г. Мижуевъ. Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. Изд. журн. „Русская Школа". Ц. 25 коп.

Изд. магаз. „Книжное Дѣло". Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ для школъ и домашняго чтенія. Ц. 50 коп.

П. Вулыгинъ. Повѣсти и очерки. Томъ II. Ц. 1 р.

Джонъ Рескинъ. Законъ Сріезоло (серія I, кн. 9.). Его-же. Орлиное гнѣздо. (серія I, кн. 10). Переводъ Л. П. Никофорова.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія. Томъ IV. Изд. т-ва „Просвѣщеніе".

Гр. Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Ц. 80 к.

В. Н. Линдъ. Учить-ли мужика или у него учиться? Ц. 20 коп.

Оливердъ Лоджъ. Современные взгляды на матерію. Пер. А. І. Бачинскаго, просмотр. проф. Н. А. Умовымъ. Ц. 20 коп.

А. Л. Волынскій. „Книга великаго гнѣва". Ц. 3 р.

П. Г. Мижуевъ. Соціологическіе этюды. Изд. Ц. Крайзъ. Ц. 2 р.

М. Петровичъ. По Черногоріи. Ц. 75 коп.

Библіотека „Юнаго Читателя". Викторъ Оксъ. Обитель въ осадѣ. Истор. повѣсть. Берты Зутнеръ. Долой оружіе! Ц. 25 коп.

Э. Борецкая. Проблема объективности познанія. Ц. 60 коп.

Рядъ историческихъ романовъ. Маркусъ Клэркъ. Англійская каторга. Перев. съ англ. П. И. Люблинскаго. Съ его статьей „Преступленіе и Наказаніе". Подъ ред., съ введен. и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Изд. Картографич. завед. А. Ильина. Ц. 1 р. 25 коп.

Разъясненіе Харьковской Думѣ Городского Головы по поводу нареканій на городское управленіе.

Изданія П. П. Гершунина и К°. Ш. Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ трудамъ. Перев. М. І. Васильевскаго подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. Ц. 40 к. Алаизій Риль Джіордано Бруно. Ц. 30 коп. А. В. Мезіеръ. Тернистой дорогой. Ц. 40 к. Карролъ Д. Райтъ. Промышленная исторія Соединенныхъ Штатовъ. Перев. А. Яновскаго, подъ ред. Ѳ. П. Лебедева. Ц. 1 р. Н. Рубакинъ. Въ пампасахъ. Ц. 50 коп. Его-же. Гибель корабля „Гровеноръ". Ц. 50 к.

Русскій астрономическій календарь ежегодникъ на 1904 г. Вып. I-й. Ц. 50 коп.

Отчетъ о дѣятельности Общества Взаимнаго Вспоможенія при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ за 1903 г.

Ал. С. Брагинъ. Пять лѣтъ жизни одной школы.

Первый отчетъ Мелитопольской еврейской мужской безплатной Суббото-Воскресной школы для взрослыхъ.

А. Г. Туркинъ. Уральскія миніатюры. Изд. П. П. Пѣвина. Ц. 80 к.

Владиміръ Голиковъ. Разсказы. Ц. 1 р.

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 3 р.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Славянская Муза. Ц. 1 р.

Джеромъ К. Джеромъ. За чашкой чая. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 60 коп.

П. П. Гнѣдичъ. Новый скитъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйств. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 1 р.

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Ц. 65 коп.

Василій Кедровъ. Въ чемъ истинное значеніе творчества М. Горькаго? Опытъ критическаго анализа произведеній М. Горькаго. Ц. 60 к.

Н. Г. Вороновъ. На отвлеченныя темы. Ц. 30 к.

Д-ръ Александръ Мендельсонъ. Положеніе душевно-больныхъ въ Петербургѣ.

Журнальныя замѣтки.

(Русское Богатство — ноябрь, **Русская Мысль, Міръ Божій** и **Журналъ для всѣхъ** — декабрь).

Въ декабрьской книжкѣ „Міра Божьяго" помѣщенъ разсказъ г. Вересаева „Честнымъ путемъ", а въ декабрьской книжкѣ „Журнала для всѣхъ" драма г. Юшкевича „Чужая".

Оба произведенія до странности сходны по темѣ. Въ обоихъ ярко вырисовывается вопросъ о безысходномъ положеніи одинокихъ женщинъ низшаго класса, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ „жадными до тѣла" мужчинами, гибнущихъ подъ гнетомъ нужды и непосильнаго труда, отчаянно сопротивляющихся дразнящему и манящему пороку. Героиня г. Юшкевича вѣшается, одна изъ героинь г. Вересаева топится, двѣ другія выходятъ замужъ за отвратительныхъ имъ мужчинъ.

Но сходныя по темѣ, оба произведенія безконечно различны по исполненію.

Г. Юшкевичъ талантливый человѣкъ, но мы отъ души желаемъ, чтобы „Чужая" была у него единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ. Эта пьеса вся проникнута тѣмъ крикливымъ романтизмомъ, который въ послѣднее время вторгся въ русскую беллетристику: все здѣсь преувеличено, претенціозно и иногда до нелѣпости. Гордая дѣвушка, которая все время произноситъ какія-то фальшиво звучащіе монологи о гнетущемъ ее Богѣ, и страдаетъ раздвоенностью личности, несмотря на свою гордость, позволяетъ своимъ хозяевамъ заставлять себя плясать для услажденія ихъ гостей лезгинку и задираетъ ноги, позволяетъ себя бить, пугается явнымъ образомъ безсильныхъ угрозъ развратнаго старика барина, который лѣзетъ къ ней и тутъ же надъ ней издѣвается... И это не подростокъ, замѣтьте, а тридцатилѣтняя женщина и при томъ „орлица", по характеристикѣ автора.

Какъ соединяется ея „гордость“ и ея „душа рабы“ — непостижимо. Спасаясь отъ преслѣдованія барина, Ирина, какъ зовутъ героиню, бѣжитъ на улицу; слѣдуетъ рядъ нелѣпыхъ, вымученныхъ эпизодовъ,—прохожіе оказываются самоубійцами и развиваютъ незнакомой имъ простой дѣвушкѣ какія-то невѣроятно оригинальныя полубредовыя философіи и т. д. и т. д., пока не является столь популярный въ старинныхъ книгахъ „Неизвѣстный“, въ которомъ должна персонифицироваться мысль Ирины о самоубійствѣ. Далѣе слѣдуетъ въ высшей степени претенціозный, но совершенно фальшивый бредъ Ирины и дикая сцена ея самоубійства при ближайшемъ участіи „Неизвѣстнаго“. Прочитавши, скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ И трагизмъ замысла, и отдѣльныя мѣткія фразы заслоняются ненужной вычурностью и экстравагантностью.

У г. Вересаева, напротивъ, все время развертывается передъ вами сама правда, чувствуется, что все такъ могло быть, такъ и бываетъ. Читать горько до безконечности, временами просто ужасъ беретъ и жаль, не преувеличивая, до слезъ. Всѣ лица живыя, и героиня Александра Михайловна, знакомая читателямъ изъ превосходнаго разсказа г. Вересаева „Конецъ Андрея Ивановича“, и Таня, молодая энергичная работница, которую таки доканала жизнь въ образѣ развратника-мастера и браваго гвардейца жениха, которому „стыдно передъ товарищами“ заступиться за Таню, когда ей разбиваетъ въ кровь лицо гулявшая съ нимъ мамзель, и Прасковья Ѳедоровна, мечтательная, усталая пѣвунья портниха; всѣ онѣ возбуждаютъ горячую симпатію и безконечную жалость. Обстановка ихъ, мастерская съ ея распорядками, коечно-каморочная квартира, впечатлѣнія, которыми даритъ этихъ бѣднягъ улица — все это очерчено мастерски, во всемъ чувствуется подлинное знаніе среды. И столько тутъ хорошаго, человѣчнаго гибнетъ, въ этой обиженной обществомъ средѣ, что у всякаго при знакомствѣ съ нею вспыхнетъ горячая жажда — помочь, помочь разобраться, дать отпоръ „жадной до человѣческаго тѣла жизни“, которая „мимоходомъ и душу глотаетъ“. А помощь возможна, пути указываются авторомъ, хотя и мимолетно, въ противопоставленіи сравнительно организованныхъ мужчинъ-рабочихъ—совершенно неорганизованнымъ женщинамъ. Когда становишься лицомъ къ лицу съ жизнью, какъ она есть, всегда испытываешь чувство ужаса и обиды, и порывъ любви и симпатіи и желаніе вмѣшаться въ нее—„одному помѣшать, другому помочь“. Для того, чтобы разбудить эти чувства, нужно только ухватывать жизнь за ея глубокія нервы, раскрывать глаза на то, мимо чего мы проходимъ ежедневно, какъ мимо чего то чужого: раскрывать жизнь массъ и именно городскихъ, которыя подаютъ такъ много надеждъ, ихъ чувства и порыванія, ихъ невзгоды, ихъ страшныхъ враговъ, но я думаю тоже отмѣтить и свѣтлыя явленія

на темномъ фонѣ.. Мнѣ кажется, что ихъ слишкомъ мало въ разсказѣ Вересаева, ихъ было больше въ „Концѣ Андрея Ивановича". Всякая повѣсть изъ жизни трудящихся массъ, если она правдива, не можетъ не быть мрачной, но она отнюдь не должна быть пессимистической, въ ней не должно пахнуть метафизическимъ безысходнымъ трагизмомъ, потому что *есть исходы*, и ихъ необходимо энергично намѣчать, какъ-бы ни было это трудно при нынѣшнихъ условіяхъ.

Пріятное впечатлѣніе бодростью тона производитъ новый разсказъ г. А. Чехова „Невѣста". Но, въ общемъ, это незначительная, хотя и хорошенькая вещица. Г. Чеховъ сдѣлалъ-бы настоящій подарокъ русской публикѣ, если-бы въ такомъ же тонѣ написалъ какую-нибудь болѣе широкую картину. Вѣдь, нельзя-же утверждать, что матеріала для изображенія человѣка-борца, человѣка-протестанта, такъ ужъ и нѣтъ въ дѣйствительности. Но его фигура необходима въ современной русской литературѣ, иначе доза мрачнаго реализма можетъ оказаться слишкомъ сильной.

Быть можетъ, этими соображеніями и руководилась редакція „Русской Мысли", дѣлая для своей декабрьской книжки такой „оптимистическій" подборъ. А можетъ быть, конечно, это дѣло случая. Во всякомъ случаѣ всѣ три разсказа, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, удивительно оптимистичны. Впрочемъ, авторы сами сознаются, что описываютъ случаи исключительные.

Наиболѣе удаченъ разсказъ г. Потапенко „На покой". Впрочемъ, заглавіе его не совсѣмъ удачно, такъ какъ герой, насколько мы поняли, отнюдь не идетъ на „покой". Г. Потапенко соединилъ въ своемъ разсказѣ два микроскопическихъ-либеральныхъ тезиса, т. е. сами-то они, можетъ быть, и не микроскопическіе, но до того самоочевидные и заѣзженные, что значительность ихъ вполнѣ мизерна. Г. Потапенко доказываетъ, что если иные народные учителя разочаровываются въ своей дѣятельности, то это потому, что живутъ они „волчьей жизнью", благодаря жестоко ничтожному вознагражденію за свой важный и нелегкій трудъ. Кромѣ того, г. Потапенко доказываетъ, что брачные порядки среди духовенства унизительны для человѣческаго достоинства и нелѣпы, такъ какъ согласно имъ молодой „богословъ" въ двѣ недѣли при помощи свата находитъ себѣ жену и начинаетъ дѣлить жизнь, безъ всякой уже возможности развода или вторичнаго брака, съ человѣкомъ, котораго онъ и не видывалъ раньше. Если-бы г. Потапенко только *доказывалъ*, то его разсказъ былъ-бы ужасно зауряденъ, но онъ, кромѣ того, *разсказываетъ*, и разсказываетъ очень удачно.

Довольно ярко описываетъ онъ „волчью жизнь" учителя, которому „старшина мститъ" при посредствѣ „холода", обѣдъ котораго можетъ считаться „скорѣе обязательнымъ наказаніемъ, чѣмъ удовольствіемъ",

который изъ опасенія плодить нищихъ долженъ подавлять въ себѣ даже чувство любви.

Востоковъ, герой разсказа, былъ съ дѣтства протестантъ, горячка, и вылетѣлъ изъ семинаріи со скандаломъ, желая отдаться скорѣе дѣлу просвѣщенія народа. Послѣ долгой борьбы онъ, наконецъ, добился учительства. „Я думалъ, что въ моихъ рукахъ будущее Россіи. И я былъ гордъ, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на людей другихъ профессій: разныхъ инженеровъ, адвокатовъ, чиновниковъ, которые только зарабатываютъ хлѣбъ, а не осуществляютъ никакого призванія. Да, Свѣтозаровъ, если человѣка заставить толочь воду въ ступѣ и убѣдить его, что изъ этой воды гдѣ-то тамъ, въ другомъ мѣстѣ, невѣдомомъ ему, дѣлается золото, или какой-нибудь жизненный элексиръ, полезный для всего человѣчества, такъ онъ съ охотой будетъ толочь воду въ ступѣ годы и десятки лѣтъ, пока въ немъ живетъ вѣра, что изъ воды этой дѣлается золото или жизненный элексиръ. Но если онъ одинъ только разъ собственными глазами увидитъ, какъ эта вода выливается въ помойную яму и вмѣстѣ съ разной другой дрянью исчезаетъ безъ слѣда,—такъ ужъ онъ больше не будетъ толочь воду въ ступѣ, а если и будетъ по необходимости, такъ съ отвращеніемъ. Вотъ это случилось и со мной... Обучилъ я, братъ, грамотѣ нѣсколько сотенъ людей, училъ и не думалъ о послѣдствіяхъ, училъ, потому что вѣрилъ; но однажды мнѣ пришлось встрѣтиться съ своими учениками, уже женатыми, обросшими бородами, въ работѣ да въ нуждѣ принявшими звѣрный образъ, и я убѣдился, что отъ моего ученья у нихъ не осталось даже воспоминанія: изъ сотни развѣ одинъ что-нибудь зналъ, да и тотъ былъ сынъ кабатчика, ставшій и самъ кабатчикомъ, которому грамота служила для того, чтобы лучше обсчитывать да обкрадывать мужиковъ... И когда подумалъ я, что весь этотъ трудъ далъ такіе плоды и что въ результатѣ я лично для себя заслужилъ жалованія 25 руб. въ мѣсяцъ, что я цѣлый рядъ лѣтъ не досыпалъ и не доѣдалъ, одѣвался чуть не въ рубище, былъ одинокъ, среди заброшенныхъ деревень, то меня взяла злоба“.

Въ такомъ то состояніи находитъ своего товарища добродушный отецъ Павелъ Свѣтозаровъ, сдѣлавшій себѣ изъ сватовства профессію. Онъ начинаетъ соблазнять изстрадавшагося „волка“ перспективами іерейскаго сана, хорошаго прихода, сытой и чистой жизни. Для этого нужно посвататься къ дочкѣ о. благочиннаго, дѣвушкѣ „со странностями“. Востоковъ, конечно, вскипаетъ: неужели-же онъ женится на какой-нибудь идіоткѣ ради житейскихъ благъ? Онъ почти выгоняетъ отца Павла. Но онъ изстрадался. Ему хочется хоть взглянуть, какъ живутъ сытые, счастливые люди, и вотъ онъ рѣшился посѣтить своего стараго одноклассника. Его принимаютъ гостепріимно, домъ—полная чаша, со всѣми прелестями вкусной безмя-

тежной жизни, обнимаетъ его комфортомъ и тепломъ. Лежа въ свѣжей мягкой постели, бѣднякъ начинаетъ подумывать о капитуляціи.

„Но вдругъ изъ глубины его сознанія какъ будто начало выплывать что-то упрекающее: „вѣдь, это паденіе, это рабство... Человѣкъ оказывается въ плѣну у мягкихъ подушекъ, бѣлья, коврика, туфель, его затягиваетъ въ себя обаяніе тепла, удобства, покоя... Но .. пусть, пусть затягиваетъ, пусть рабство, пусть плѣнъ... но это отдыхъ, сладостный отдыхъ отъ волчьей жизни"

Востоковъ сдается на наивную хитрость отца Свѣтозарова и позволяетъ завести себя въ домъ къ благочинному. Пока онъ ни на что не рѣшился, но идетъ взглянуть. Но, къ своему удивленію, въ мнимой фуріи и идіоткѣ онъ находитъ симпатичную, умную дѣвушку, такую-же одинокую, какъ онъ самъ, такую-же протестантку. Извѣдавъ на примѣрѣ отца и матери, какіе сюрпризы могутъ ожидать людей вслѣдъ за опрометчивымъ „духовнымъ бракомъ", она гнѣвно отвадила уже 14 „богослововъ", за что и прослыла среди духовенства полоумной.

Молодые люди, конечно, сразу чуютъ другъ въ другѣ естественныхъ союзниковъ. Помолодѣвшее сердце Востокова начинаетъ биться усиленно, и онъ думаетъ: „Ахъ, да хорошо, хорошо можно бы жить на свѣтѣ! Если люди могутъ съ первой встрѣчи понимать другъ друга въ такихъ важныхъ вопросахъ, то значитъ, что есть общее между ними, и это общее существовало и тогда, когда они еще не встрѣчались. И сколько такихъ людей живетъ въ разныхъ углахъ міра... Они не знаютъ другъ друга, а живутъ общими мыслями и чувствами. И какъ часто эти люди гибнутъ отъ одиночества, никогда не узнавъ другъ друга.

Да, можно хорошо жить на землѣ! Но что-то мѣшаетъ людямъ. Вотъ и эта встрѣча: такъ она и замретъ безслѣдно навсегда; зажегся огонекъ и потухъ, никого не согрѣвъ своимъ тепломъ".

Дѣло кончается, однако, свадьбой. Дѣвушка приноситъ Востокову не только духовное счастье, но и нѣкоторое матеріальное благосостояніе; но учительства Востоковъ не бросилъ. Онъ разсказалъ откровенно, какъ чуть было не „сдался", но въ немъ окрѣпла увѣренность, что все же онъ не продалъ бы себя за комфортъ. „И странное дѣло", заканчиваетъ г. Потапенко: „онъ относился теперь къ учительству съ величайшимъ рвеніемъ. Прежній мрачный взглядъ на эту работу исчезъ самъ собой. Къ нему вернулась прежняя вѣра. И теперь, когда онъ думалъ объ этомъ, ему все было ясно. Человѣка вытащили изъ волчьей ямы, дали ему условія человѣческой жизни,—и стали правильно развиваться и работать его здоровыя душевныя силы".

Разсказъ г. Потапенки милъ, хотя оптимизмъ его нѣсколько, пожалуй,

и натянутъ, но не менѣе оптимистическое повѣтствованіе г. Герц—на о нѣкоторомъ банковомъ воротилѣ, который въ младости довольно позорно бросилъ безъ всякихъ средствъ свою подругу, ни разу почему-то о ней не справлялся, не сдѣлалъ ни шагу, чтобы помочь ей, и вдругъ, встрѣтивъ ее случайно въ аптекѣ, воспылалъ прежней страстью—ужъ совсѣмъ вздорная вещь. Вся фабула пестритъ невѣроятностями, психологія самая дѣтская, отношеніе къ воротилѣ самое поверхностное. И здѣсь, послѣ тысячекратныхъ поѣздокъ на могилку къ заморенному ими ребенку, герой и героиня благополучно сочетаются законнымъ бракомъ. Въ разговорахъ героя и героини и другихъ персонажей много прямо глупостей.

„Между прочимъ, Романъ Васильевичъ (воротила) жаловался, что почти не имѣетъ времени читать журналы, хотя это *еще* единственное, что въ русскомъ среднемъ читателѣ можетъ поддержать свѣжія чувства и *старыя* мысли“. „Эти старыя мысли“ прелестны въ устахъ биржевого хищника и грюндера. Только *еще* журналы и поддерживаютъ!

Старыя мысли особенно дороги герою г. Гер—цна, да и героинѣ также. Слушая Риголетто, воротило замѣчаетъ:—„Терпѣть не могу этого милаго герцога; послѣ каждой своей измѣны или насилія онъ поетъ о легкомысліи женщинъ; впрочемъ, совершенно такъ, какъ это бываетъ въ жизни.

— Это ваша мужская привилегія, ваше право и ваше убѣжденіе.

— Во всякомъ случаѣ не мое,—возразилъ онъ серьезно.—Я за равенство и прежде всего за свободу. Поступай такъ, какъ повелѣваетъ чувство и допускаетъ совѣсть“.

Вообще гордая, почти нищая дѣвушка и милліонеръ-биржевикъ, по словамъ автора, „были согласны въ основныхъ воззрѣніяхъ и имъ не приходилось много спорить, какъ въ юности. Они полагали, что детали могутъ и должны подлежать измѣненію на практикѣ, соотвѣтственно странѣ и людямъ; но основныя идеи и принципы должны примѣняться вездѣ въ полномъ объемѣ“.

„Въ четвергъ немного раньше поѣхали на кладбище (это къ уморенному младенцу), а оттуда къ Горикову обѣдать“. Тамъ биржевой тузъ сталъ „шаловливъ, какъ ребенокъ“. Когда героиня разсказала ему, какъ „погибла“ одна ея подруга, при чемъ самого разсказа авторъ не передаетъ, а только послѣднюю фразу: „Такъ и похоронили“, то Романъ Васильевичъ разсказалъ *по этому поводу* (sic) о различныхъ новыхъ мѣропріятіяхъ, затѣмъ перешелъ къ анекдотамъ.

Судя по намекамъ автора, въ его мимолетномъ и крайне эпизодичномъ очеркѣ биржевой и банковой жизни есть портреты съ натуры. Мо-

жетъ быть, для биржевой публики это и дѣлаетъ повѣсть интересной, на нашъ же взглядъ она ужасно скучна, неправдоподобна и неумна.

Разсказъ г. Волкова „Изъ подъ топора"—одинъ изъ безчисленныхъ рождественскихъ разсказовъ съ скупымъ богачомъ, который „прозрѣлъ" въ „великую ночь", съ благовѣстомъ, гудящимъ какъ разъ во-время, чтобы предотвратить преступленіе, съ „картинами далекаго дѣтства", мелькающими въ головѣ дѣйствующихъ лицъ подъ топоромъ убійцъ и т. п. набившими оскомину рождественскими аттрибутами.

Въ томъ же номерѣ „Русской Мысли" небезъинтересна статья г. Лозинскаго „Педагогическія идеи въ произведеніяхъ Эмиля Золя". Г. Лозинскій ярко подчеркиваетъ, какъ великій романистъ перешелъ отъ „констатированія фактовъ", въ которомъ, впрочемъ, всегда было много скрытой критики ихъ, къ критикѣ уже совершенно открытой, къ построенію идеаловъ и указанію путей къ нимъ, при чемъ Золя, конечно, отнюдь не переставъ быть строгимъ позитивистомъ, и не находилъ необходимымъ опираться на незыблемыя основы метафизическаго характера.

Тамъ же помѣщена статья „Практика и нужды русскаго фабричнаго законодательства". Статья эта лишній разъ убѣждаетъ читателя въ томъ, довольно извѣстномъ фактѣ, что русское фабричное законодательство идетъ на манеръ старинныхъ паломниковъ: 2 шага впередъ и шагъ (не два ли?) назадъ. Каждый разъ, какъ читатель знакомится съ фактами изъ этой области, онъ не можетъ не поразиться вопіющими противорѣчіями, какой-то странной неопредѣленностью, царящей здѣсь на всякомъ шагу. Авторъ отмѣчаетъ, напр., что „главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе" *кассировало* рѣшеніе московскаго столичнаго присутствія, наложившаго на извѣстнаго „короля булокъ" Филиппова 575 р. штрафу за полнѣйшее игнорированіе закона и предложеній фабричнаго инспектора. Главное присутствіе нашло, что заведеніе г. Филиппова, *въ которомъ работаетъ больше 350 раб.*, есть *ремесленное* заведеніе и вѣдѣнію инспекціи не подлежитъ. Авторъ статьи справедливо указываетъ на страшную путаницу, возникающую вслѣдствіе отсутствія точнаго опредѣленія ремесленнаго заведенія. Около половины всѣхъ фабрикъ и заводовъ Московской губерніи могутъ быть отнесены теперь къ ремесленнымъ заведеніямъ на основаніи тѣхъ критеріевъ, какіе даетъ главное присутствіе въ своемъ рѣшеніи.

Интересно также и рѣшеніе дѣла Бахрушина, который нанялъ рабочихъ сейчасъ же послѣ Пасхи, когда въ Москвѣ бываетъ наплывъ рабочихъ изъ деревень, и отобралъ у нихъ паспорта, а затѣмъ успокоился и началъ работы лишь черезъ 10 дней, когда ему было удобнѣе; рабочіе же ждали, наняться въ другое мѣсто не могли и вознагражденія не полу-

чали. Главное присутствіе *отмѣнило* штрафъ въ 360 руб., наложенный столичнымъ присутствіемъ на Бахрушина.

Вообще положеніе нашихъ фабричныхъ инспекторовъ крайне затруднительно, и они изумительно плохо вооружены въ борьбѣ съ хищничествомъ предпринимателей. Къ этому нужно прибавить, что „съ развитіемъ фабричнаго законодательства, увеличеніемъ числа фабричныхъ инспекторовъ, принципъ гласности былъ оставленъ и въ теченіе болѣе десяти лѣтъ дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ была покрыта непроницаемой тайной". Надо надѣяться, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого института на его персоналъ наложенъ будетъ окончательный обѣтъ молчальничества.

Въ связи съ предыдущей статьей находится статья г. Колычева „Коренной вопросъ пріисковой жизни". Обстановка работъ на пріискахъ во всѣхъ отношеніяхъ ужасающая. Какія парафразы на законъ можно сочинять, видно изъ такого опредѣленія рабочаго дня, принятаго на пріискахъ. „На завтракъ, обѣдъ и ужинъ полагается столько времени, чтобы дѣйствительное число часовъ въ день при односмѣнной работѣ было *не менѣе 11½ часовъ*, при чемъ время на завракъ, обѣдъ и ужинъ назначается управленіемъ".

Г. Колычевъ описываетъ, какъ г. промышленники систематически пріучили своихъ рабочихъ къ феноменальному пьянству. Злоупотребленій здѣсь тьма, а дѣятельность фабричной инспекціи, по мнѣнію автора, „сводится къ нулю".

Главнымъ вопросомъ пріисковой жизни г. Колычевъ считаетъ борьбу съ пьянствомъ, но борьба эта будетъ страшно трудной,—противъ нея и выгода предпринимателей, и закоренѣлая привычка къ пьянству, подкрѣпленная хроническимъ переутомленіемъ, и низкій уровень рабочихъ въ умственномъ отношеніи. Еще не мало тысячъ человѣческихъ существъ погибнетъ тамъ нравственно и физически, замученныхъ работой, отравленныхъ алкоголемъ и озвѣрѣвшихъ, прежде чѣмъ дѣло оздоровленія пріисковой жизни начнетъ давать замѣтные результаты. Разсчитывать приходится пока либо на „благія разсужденія" предпринимателей, либо на „паломническій маршъ" закона. Быть можетъ, найдется, наконецъ, и еще какой-нибудь болѣе могучій и быстрый двигатель?

Въ декабрьской книжкѣ „Міра Божьяго" закончилась статья г. Левина на интересную тему „Что читаетъ и чѣмъ интересуется молодежь". Матеріаломъ для нея послужило нѣсколько сотъ отвѣтовъ на соотвѣтствующіе вопросы. Результатъ этой анкеты нельзя считать особенно опредѣленнымъ. Въ сущности, они мало уклоняются отъ того, что можно было ожидать a priori. Молодежь читаетъ много и горячо принимаетъ къ сердцу про-

читанное. Она задается, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ „какъ жить и что дѣлать?“ Писатели, подобные Л. Толстому, Горькому, Чехову, принадлежатъ къ любимѣйшимъ и учатъ молодежь отрицательному отношенію къ современному укладу жизни и жаждѣ лучшаго, т. е., вѣрнѣе, поддерживаютъ и подкрѣпляютъ жажду лучшаго въ молодыхъ сердцахъ. Любопытно, что Чеховъ ни въ комъ не вызываетъ унынія, а лишь отвращеніе къ „буднямъ“ и желаніе вырваться изъ нихъ. Любимѣйшая книга, насколько можно судить по даннымъ г. Левина — „Воскресеніе“ Толстого. Фактъ очень отрадный. За нею слѣдуютъ „Трое“ и „Ѳома Гордѣевъ“ Горькаго. Довольно любопытенъ фактъ холоднаго отношенія къ Тургеневу, котораго многіе изъ молодежи относятъ уже къ исторіи.

Обращаетъ на себя вниманіе, что въ 450 отвѣтахъ любимыми науками названы *гуманитарныя и общественныя*, на *естественныя* же науки приходится лишь 321 отвѣтъ. *Политическая экономія* продолжаетъ занимать первое мѣсто среди общественно-гуманитарныхъ наукъ по возбуждаемому ею въ молодежи интересу. Политическая экономія и соціологія, въ общемъ, упоминаются 303 раза, философія— 152 раза. Интересенъ также подсчетъ данныхъ объ авторахъ любимыхъ научныхъ произведеній: наиболѣе любимыми оказываются,—въ естественно-научномъ отдѣлѣ Дарвинъ и Тимирязевъ, въ общественно-гуманитарномъ Зомбартъ, Исаевъ, Чупровъ, Богдановъ и др. Мы назвали авторовъ въ томъ порядкѣ, который даютъ таблицы г. Левина. Интересно, что изъ философовъ, въ числѣ авторовъ, упомянутыхъ болѣе 20 разъ, мы находимъ только Фулье, Ницше и Ланге.

Приведемъ здѣсь же довольно отрадную таблицу постепеннаго вытѣсненія лубочной народной литературы дешевыми изданіями произведеній классическихъ и современныхъ писателей. Таблицы эти почерпнуты нами изъ статьи г. Рубакина „Книжный потокъ“, окончившейся печатаніемъ въ декабрьскомъ № „Русской Мысли“.

Годъ.	Лубочныя книжки въ тысячахъ.	Дешевыя изд. улучшеннаго типа въ тысячахъ экз.
1887	1,689	1,360
1888	766	813
1889	719	636
1890	718	946
1891	998	1,720
1892	1,088	1,399
1893	1,892	1,572
1894	2,108	2,652
1895	1,578	3,177

Какъ видно, рѣшительный перевѣсъ улучшенныя изданія взяли лишь въ 1895 году, при чемъ количество лубочныхъ изданій, въ общемъ, не пало абсолютно, а лишь значительно пало процентно (до 1895 года почти все время около 50% всѣхъ книгъ для народа, а въ этомъ году менѣе 30%).

Въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ обращаетъ на себя вниманіе статья г. Гуковскаго: „Границы анализа въ литературной критикѣ“. О границахъ анализа читатель, впрочемъ, очень мало узнаетъ изъ этой статьи. Она представляетъ изъ себя просто разборъ книги г. Волжскаго „Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ“.

Что касается Успенскаго, то оба критика, т. е. г. Гуковскій и г. Волжскій какъ-то странно неясны, хотя вопросъ, поднятый ими, казалось-бы, не можетъ возбуждать ни недоразумѣній, ни разногласій. Г. Волжскій старается доказать, что Успенскому дорога была законченная гармонія душъ, т. е. ему было ненавистно не только соединеніе „гуманства мысли и дармоѣдства поступковъ“, на что указалъ еще Н. К. Михайловскій, но и разладъ между поступками и волею. Г. Волжскій находитъ, что Успенскій былъ въ этомъ случаѣ черезчуръ строгъ, и что „интеллигентскій вывихъ“, страданія отъ противорѣчія желаній и долга имѣютъ высокое, искупительное значеніе. Г. Гуковскій довольно пространно доказываетъ, что г. Волжскій самъ навязалъ Успенскому такой абсолютно-гармонистическій взглядъ на вещи.

Г. Гуковскій и г. Волжскій оба не совсѣмъ ясно трактуютъ этотъ вполнѣ ясный вопросъ.

Зато поправка г. Гуковскаго къ характеристикѣ Достоевскаго, сдѣланной г. Волжскимъ, очень интересна. Г. Волжскій думаетъ, что Достоевскій расширилъ вопросъ о долгѣ передъ страдающимъ народомъ, поднялъ его до степени вопроса о всеобщемъ страданіи и, не находя виновника, объявилъ виновниками всѣхъ и прежде всего себя самого. Г. Гуковскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что столь высоко поднятый вопросъ и столь общій отвѣтъ на него перестаетъ имѣть практическую цѣнность, а, слѣдовательно, на нашъ взглядъ, и всякую цѣнность. Г. Гуковскій прекрасно отмѣчаетъ, какой странный практическій выводъ изъ своей превыспренне-мучительной морали дѣлаетъ *публицистъ и человѣкъ* Достоевскій. Г. Гуковскій объясняетъ „инфернальную силу“ великаго романиста его расщепленностью: онъ отъ природы былъ мятежникомъ и борцомъ, а судьба сдѣлала его полуофиціальнымъ охранительнымъ проповѣдникомъ. Намъ кажется, что тутъ г. Гуковскій упускаетъ главное: въ глубинѣ души Достоевскаго крылся цѣлый хаосъ чувственности, жестокости, всякихъ страшныхъ „подпольныхъ“ инстинктовъ,—поэтому съ представленіемъ о свободѣ у него неразрывно сочеталось представленіе о смердяковщинѣ,

это отравляло его свободные порывы, пугало его и толкало въ объятія ядовитаго смиренства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и его идеалистическая концепція міра страдала сама по себѣ раздвоенностью, т. к. всѣми чудными одеждами геніальнаго художества Достоевскому приходилось прикрывать дикую господствующую реальность, а открыто возмущаться противъ этой реальности онъ не смѣлъ. Въ Достоевскомъ изумительно сочетаніе адской чувственности съ необыкновеннымъ умомъ, гордыхъ порывовъ съ паническимъ ужасомъ передъ мятежными силами собственнаго дна душевнаго, поэтической и религіозной мысли съ угодливостью раба, подкрѣпляемой къ тому же ненавистью къ болѣе сильнымъ — дитятею его болѣзненнаго самолюбія. Произведенія Достоевскаго даютъ возможность заглянуть въ одну изъ самыхъ страшныхъ душъ, какія существовали на землѣ, въ душу, гдѣ сатана вѣчно бунтуетъ противъ Бога, Богъ вѣчно сковываетъ сатану и не можетъ заставить его молчать, не можетъ заглушить страшной музыки его ни громами гнѣва, ни пѣснопѣніями свѣтлыхъ духовъ.

Любопытно отмѣтить въ той-же книгѣ „Р. Б.“ въ статьѣ г. Подарскаго неоднократно повторяемое признаніе, что экономическій матеріализмъ есть „наименѣе неудачная“ соціологическая теорія. Г. Подарскій выражается съ осторожнымъ пессимизмомъ. Почему не сказать: наиболѣе удачная? Недостатки марксизма, исчисленные г. Подарскимъ, его требованія къ нему, сводятся собственно къ слѣдующему: у этого направленія нѣтъ еще законченнаго труда по философіи исторіи и нѣтъ полной исторіи культуры, трактованной съ матеріалистической точки зрѣнія,—это вѣрно. Тому теоретику, который примется за трудъ возвести систему на основѣ принциповъ, данныхъ Марксомъ, предстоитъ много труда, еще больше—будущему марксистскому историку культуры. „Дарвинъ имѣлъ великихъ учениковъ-теоретиковъ“, говоритъ г. Подарскій, а Марксъ и Энгельсъ не имѣли, но, вѣдь, они имѣли нѣчто гораздо лучшее, а именно блестящихъ *практическихъ* учениковъ. Надо помнить, что *экономическій матеріализмъ* созданъ не для удовлетворенія чисто научныхъ потребностей, но какъ базисъ для практики. Важно то, что самый „бланкистскій“ изъ марксистовъ знаетъ, что необходимо пристально слѣдить за эволюціей экономическихъ формъ, которыя пока еще являются господами не только слугъ, но и самихъ господъ въ современномъ обществѣ; знаетъ, что предѣлы человѣческаго творчества ограничены стихійными процессами, которыя нужно внимательно изучать; развѣ послѣдняя книга Каутскаго, труды Герца и Давида не доказываютъ, что „ученики“ умѣютъ изслѣдовать дѣйствительность, когда это надо? Съ другой стороны, самый „оппортунистическій“ марксистъ, какъ, напр., Фольмаръ въ своей недавно вышедшей брошюрѣ, знаетъ, что рабочій классъ является *субъектомъ* исторіи, ея *частичнымъ* творцомъ и долженъ

сознательно пользоваться каждымъ обстоятельствомъ для достиженія вполнѣ опредѣленной цѣли. Важна въ марксизмѣ его крайняя опредѣленность, невозможность для класса, руководящагося имъ, слиться, расплыться и т. д. Подарскій, какъ видно, согласенъ съ этимъ. Пріятно, что, пріобрѣтая новыхъ противниковъ въ лицѣ „платоническихъ юношей“ (очень удачное выраженіе г. Подарскаго), марксизмъ пріобрѣтаетъ что-то въ родѣ союзниковъ въ лицѣ реалистически настроенныхъ бывшихъ противниковъ. Обмѣнъ, какъ намъ думается, рѣшительно недурной.

Г. Подарскій призываетъ „ортодоксовъ“ къ самостоятельной реалистической критикѣ. Но „ортодоксами“ называются тѣ, кто хочетъ строить на прочномъ фундаментѣ основныхъ мыслей Маркса, не заботясь о критикѣ, указывающей, что фундаментъ этотъ еще не жилое помѣщеніе, и что на немъ нѣтъ „высокихъ башенъ и флюгеровъ“. Лучшія силы сторонниковъ этой доктрины отвлечены отъ теоретической работы, но „ортодоксы“ вѣрятъ, что всякій серьезный соціологъ, работа котораго будетъ шагомъ впередъ, долженъ пойти „zurück zu Marx“. Никакого иного догматиста въ „ортодоксахъ“ не имѣется.

Мнѣ хочется еще отмѣтить здѣсь, по меньшей мѣрѣ, странную манеру, которую приняли нѣкоторые молодые „самоновѣйшіе“ писатели: это манера голословно, но съ неизмѣримымъ самодовольствомъ объявлять отжившими мнѣнія своихъ противниковъ. „Позитивизмъ умеръ“, эту фразу произносятъ совершенно беззастѣнчиво и не понимаютъ, что это-же смѣхотворная наглость! Но если нелѣпое утвержденіе будто позитивизмъ умеръ только оттого, что г. Булгаковъ и г. Бердяевъ его не могутъ понять и ему не симпатизируютъ, явно противорѣчитъ очевидной для каждаго читателя дѣйствительности, то утвержденіе, напр., г. Волжскаго въ декабрьской книжкѣ „Журнала для Всѣхъ“, что „марксизмъ сыгралъ крупную роль въ исторіи русскаго общества, но роль его сыграна“—не такъ рѣжетъ глаза читателю болѣе или менѣе далекому отъ жизни, читателю, составляющему себѣ сужденіе о направленіяхъ лишь по книжкамъ журналовъ, но оно тѣмъ болѣе заслуживаетъ отповѣди. Г. Волжскому должно быть извѣстно, что центръ тяжести марксизма лежитъ въ практикѣ, что далеко не у всѣхъ марксистовъ есть время и охота заниматься словопреніями съ „платоническими юношами“, а у многихъ нѣтъ и простой возможности для этого. Г. Волжскому должно быть извѣстно, что русское общество не исчерпывается поклонниками Булгакова, которыхъ даже среди буржуазной интеллигенціи еще горсть, не говоря уже о другихъ классахъ нашего общества. Развѣ не смѣшны, читатель, такія, напр., тирады: „Грубая матеріалистическая скорлупа философскаго ученія марксизма не выдержала напора скрытыхъ религіозно-идеалистическихъ стремленій, марксизмъ заскучалъ въ душныхъ рамкахъ

своей догмы, затосковалъ о человѣкѣ, о Богѣ" и т. д. Здѣсь ослѣпленный адептъ г. Булгакова прямо повѣрилъ ему на слово, что „Marxisme s'est moi",—вѣдь, это г. Булгаковъ заскучалъ, затосковалъ и т. д., г. Булгаковъ да еще два, три катедеръ-марксиста, а три милліона германскихъ марксистовъ еще не испытали „*уклона* въ сторону религіознаго идеализма", если ужъ говорить только о всѣмъ извѣстныхъ фактахъ.

А какъ понравится читателю такое мѣстечко: „Если прежде марксизмъ игнорировалъ моральныя и религіозныя проблемы въ силу юношеской стыдливости (это Марксъ-то и Энгельсъ!?) отъ здороваго полнокровія, отъ избытка хорошихъ чувствъ, избытка стихійной моральности, — то теперь онъ не хочетъ этого замѣчать изъ направленскаго упрямства и стоитъ столбомъ на своемъ, являясь, такимъ образомъ, показателемъ чужого движенія. Но то, что шло юношѣ, неприлично мужу. Тамъ была невинность, по самой природѣ своей стихійно моральная, здѣсь-же невинничанье".

Это прелестно. Очевидно, г. Волжскій полагаетъ, что „избытокъ хорошихъ чувствъ и стихійная моральность" неприличны мужу! Но что если марксисты и теперь еще въ этомъ отношеніи похожи на юношей и не нуждаются въ томъ, чтобы ихъ живые инстинкты негодованія, жажды развиться и т. д. подогрѣвались разными туманными фантазіями о „Богѣ-Добрѣ", облеченномъ творческимъ могуществомъ? Вѣдь, въ такомъ случаѣ, г. Волжскій, честь имъ и слава, что они стоятъ столбами при прежнемъ избыткѣ естественныхъ, не раздуваемыхъ искусственно, хорошихъ чувствъ? Хорошо, что есть кому служить показателемъ движенія другихъ отъ юности къ близкому одряхленію, движенія, которое продѣлали въ свое время и романтики Германіи съ Шеллингомъ во главѣ и все германское „просвѣщеніе", движеніе отъ Лессинга къ католицизму и пруссачеству. Боюсь, что туда-же приведетъ тотъ путь, на который вступили катедеръ-марксисты и ихъ „ближніе". Когда я прочелъ финалъ г. Волжскаго съ его „христіанской идеей всечеловѣчества", „абсолютнымъ достоинствомъ человѣческой личности въ каждомъ человѣкѣ" и т. д., я сразу вспомнилъ о г. Меньшиковѣ, *идеализмъ* котораго получилъ достойный вѣнецъ отъ г. Михайловскаго („Р. Б.", ноябрь) и г. Невѣдомскаго („Міръ Божій", декабрь). Тѣже высокопарныя слова, въ которыхъ никакъ не ухватишь реальнаго содержанія и подъ покровомъ которыхъ можно мѣнять это содержаніе сколько угодно. Смотрите, г. Волжскій, не очутитесь въ числѣ близкихъ г. Меньшикова: поменьше словъ о „культѣ человѣка въ каждой личности" и побольше реальнаго уваженія къ противнику; изъ того, что марксисты не приходятъ въ восторгъ отъ идеалистической кашицы, которою подкрѣпляютъ себя господа, столь рано утерявшіе стихійную моральность, столь судорожно ухватившіеся за абсолютъ, какъ за соломинку, не слѣдуетъ еще,

что они „стоятъ столбомъ изъ направленскаго упрямства",—можно подыскать и другіе мотивы. Нѣтъ, г. Волжскій, марксизмъ растетъ вглубь и въ ширь; дайте срокъ—начнетъ онъ и снова расти вверхъ.

Впрочемъ, помнится, г. Волжскій выражалъ недовольство, что марксисты идутъ навстрѣчу эмпиріокритицизму, и отчасти амфализму Ницше. Значитъ не стоятъ столбомъ? Дѣло въ томъ, что марксисты, поскольку они отдаютъ должное теоріи, ищутъ обосновать свои теоретическія положенія гносеологически, и находятъ эмпиріокритицизмъ крайне цѣннымъ въ этомъ отношеніи. О томъ, какъ они перерабатываютъ его, смотри хотя-бы статью г. Богданова „Идеалъ познанія. Эмпиріокритицизмъ и эмпиріомонизмъ" [1]). Такъ же точно отрицая мораль, или, вѣрнѣе, признавая на ея мѣсто лишь morale sans sanction ni obligation, которой лучше придать названіе практической философіи или житейской эстетики, нѣкоторые марксисты находятъ интересной критику морали у Ницше, да и многое изъ положительныхъ ученій „философа съ молотомъ". Но то Авенаріусъ, то Ницше, а итти за г. Булгаковымъ по его „уклону",—покорнѣйше благодаримъ! Лучше ужъ стоятъ столбомъ, право.

А. Луначарскій.

---

[1]) Журналъ Философіи и Психологіи. 1903 г.

Письмо въ редакцію.

Въ первой книжкѣ московскаго журнала *„Научное Слово“* за 1904 годъ С. А. Шумаковъ дѣлаетъ небольшое замѣчаніе по адресу моей рецензіи на второй выпускъ сборника *„Мелкая земская единица“*, напечатанной въ ноябрьской книгѣ *„Образованія“* за 1903 годъ (стр. 116—122). Авторъ говоритъ слѣдующее: „Въ противовѣсъ мнѣнію г. Сторожева въ „Образованіи“ мы считаемъ невозможнымъ введеніе у насъ мелкой земской единицы, прежде чѣмъ у насъ не будетъ поднята личность крестьянина и не будетъ уничтожена надъ нимъ административная опека; а такую реформу можетъ провести только суммированное земство“. Я думаю, что несогласіе г. Шумакова со мною тактическое, а не по существу. Для меня постановка вопроса о возможности или невозможности введенія у насъ мелкой земской единицы не имѣетъ никакого значенія; разъ сознана потребность или необходимость извѣстнаго учрежденія, оно должно быть проведено въ дѣйствительность во что бы то ни стало. Выдвигать противъ него мотивы хотя бы существенные, но во всякомъ случаѣ временные бестактно: вводить кажущееся разномысліе не слѣдуетъ. Г. Шумановъ какъ бы подсказываетъ тѣ перемѣны, которыя предварительно надо произвести. Да развѣ я ихъ отрицаю? Я не только не отрицаю, но полагаю необходимымъ заходить въ нихъ возможно дальше. Поднимается ли вопросъ о перемѣнахъ въ областномъ управленіи или въ нашей средней школѣ, всегда и вездѣ слышится одна и та же пѣсня, и въ моей рецензіи, напечатанной „Образованіемъ“, прямо сказано (стр. 120—121): „подъ обсужденіемъ всякаго вопроса ключомъ бьетъ мысль о цѣломъ рядѣ коренныхъ реформъ, съ которыми тѣсно связано развитіе русской культуры“. Sapienti Sat.

Василій Сторожевъ.

Книжный листокъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ [1]).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Аллендорфъ. Иванъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть 2-я. 12-е изданіе. М. 1903 Стр. X+226+56. Цѣна 1 р."

— „Беллярминовъ, И. Курсъ русской исторіи (элементарный). Изданіе 9-е. Спб. 1903. Стр. IV+150. Цѣна 50 коп." (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится соотвѣтственный курсъ русской исторіи).

— „Беллярминовъ, И. Курсъ средней исторіи. Изданіе 9-е. Спб. 1903. Стр. II+220. Цѣна 80 коп."

— „Воронецкій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Изданіе Д. Д. Полубояринова. Спб. 1903. Курсъ 1-й. Общій обзоръ земного шара и карты Россійской Имперіи. 19-е изданіе. Стр. 72. Цѣна 45 коп.—Курсъ 2-й. Географія Азіи, Африки, Америки и Австраліи. 18-е, вновь испр. изданіе. Стр. 78. Цѣна 45 коп.—Курсъ 3-й. Европа. 16-е, вновь испр. изданіе. Стр. 76. Цѣна 45 коп."

— „Воронецкій, А. М. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. 6-е испр. изд. Д. Д. Полубояринова. Спб. 1903. Стр. 166. Цѣна 85 коп."

---

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г. № 12.

— „Глезеръ, П., и Э. Пецольдъ. Учебникъ нѣмецкаго языка Часть I. 4-е изданіе. Спб. 1903. Стр. VIII+172. Цѣна 90 коп.“ (для 2 младшихъ классовъ).

— „Знойко, Николай. Систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Изд. 2-е. перераб. Одесса. 1904. Стр. VIII+228. Цѣна 1 р.“ (для V классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій).

— „Киселевъ, А. Элементарная физика. 2-е испр. изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Выпускъ I. Стр. XVII+170.—Выпускъ II. Стр. X+311. Цѣна за оба выпуска 2 р.“ (для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Кричагинъ, Н. Учебникъ минералогіи и физической геологіи. 5-е испр. изданіе. К. Л. Риккера. Спб. 1903. стр. XII+206. Цѣна 1 руб. 10 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „Матченко, И. П. Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 7-е изд, испр. Кіевъ. 1903. Стр. IV+103. Цѣна 80 коп.—8-е изданіе. Кіевъ. 1903. Стр. 106. Цѣна 80 коп.“ (для VI класса реальныхъ училищъ, а также и для V класса тѣхъ мужскихъ гимназій, въ коихъ нынѣ отмѣнено обязательное изученіе въ этомъ классѣ греческаго языка).

— „Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Спб. 1903. 1) Общія свѣдѣнія, 39-е, перераб. изданіе. Стр. 115+6 картъ. Цѣна 40 коп.— 2) Азія, Африка, Америка и Австралія. 38-е, перераб. изданіе. Стр. 130+ +6 картъ. Цѣна 60 коп.—3) Европа, 37-е, перераб. изданіе. Стр. 106+16 картъ. Цѣна 60 коп.“

— „Соловьевъ, М. Практическая минералогія. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1903. Стр. X+199. Цѣна 1 р.“ (для реальныхъ училищъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Александровъ, А. Полный русско-англійскій словарь. Изданіе 3-е, испр. и дополн. Спб. 1904. Стр. 747. Цѣна 5 р.“ (для реальныхъ училищъ и для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается англійскій языкъ, а также и въ библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ).

— „Линбергъ, А. Учебный атласъ всеобщей географіи. 8-е изданіе, испр. и дополн. М. 1903 34 табл. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Мозеръ, П. Элементарный курсъ французскаго языка. Часть I. 1-й и 2-й годъ. Изданіе 2-е, автора М. 1903. Стр. XII+85. Цѣна 60 коп.“ (для 1 и 2 класса).

— „Novellen. Разсказы. (Учебныя пособія по нѣмецкому языку съ построчнымъ и алфавитнымъ словарями Θ. К. Андерсона). Спб. 1903. Стр. 123. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Острогорскій, М. Хронологія всеобщей и русской истор Спб. 1903. Средняя исторія, 19-е изданіе, испр. и дополн. Стр. II+ Цѣна 25 коп.—Новая исторія. 18-е изданіе, испр. и дополн. Стр. II+3 Цѣна 25 коп.“

— „Покровскій, Н. Русская хрестоматія. М. 1903. Часть I. Для приготовительнаго класса. Изданіе 14-е. Стр. 269. Цѣна 50 к., въ перепл. 65 коп.—Часть II. Для первыхъ двухъ классовъ. Изданіе 12-е. Стр. 426. Цѣна 75 коп., въ перепл. 90 коп.—Часть III. Для 3-го и 4-го классовъ. Изданіе 10-е. Стр. 453. Цѣна 1 р. въ перепл. 1 р. 15 коп."

— „Ушинскій, К. Дѣтскій міръ и хрестоматія. Спб. 1903. Часть 1-я. Изданіе 38-е, пересм. Я. Н. Наумовымъ. Стр. III+200+74. Цѣна 50 коп.—Часть 2-я. Изданіе 33-е, пересм. Я. Н. Наумовымъ и П. А. Шафрановымъ. Стр. V+304+103. Цѣна 60 коп." (для младшихъ классовъ, а также и для низшихъ училищъ).

— „Freytag, G.. Soll und Haben. Russische Schulausgabe, von P. Ney. Deutsche autoren. Band 14). Kiew. 1903. 231+56 S. Preis geb. 1 rbl." для старшихъ классовъ, а также въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Бобинъ, Сергій. Краткій курсъ географіи. Часть I. Кіевъ 1903. Стр. II+96. Цѣна 75 коп."

— „Богдановъ, М. Н. Мірскіе захребетники. 15-е изданіе, М. Меркушева. Спб. 1903. Стр. 180. Цѣна не обозначена." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Бузескулъ, В. Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ. 1903. Стр. V+535. Цѣна 3 р." (для старшаго возраста, а сверхъ того, признать заслуживающею особой рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія начальствамъ учебныхъ округовъ, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для выдачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ качествѣ награды).

— „Булгакова, Е. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Стр. VI+177. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста).

— „Гейсманъ, П. А., и А. Н. Дубовской. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Спб. 1897 Стр. VI+119. Цѣна не обозначена." (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Гоббсъ. Левіаѳанъ. О человѣкѣ (Психологія). О государствѣ. (Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1902. Стр. 57. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста)

— „Гроцій. О правѣ войны и мира. (Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1902 Стр. 60. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста).

— „Декартъ. Размышленіе о первой философіи. (Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1903. Стр. 61. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста).

— „Зибекъ, Германъ. Аристотель. Переводъ В. Базарова. Изданіе ред. журн. „Образованіе". (Библіотека философовъ. X). Спб. 1903. Стр. 146. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста).

— „Іоаннъ Кронштадтскій. Мысли христіанина. Спб. 1903. Стр. 369. Цѣна 75 коп.“

— „Кандезъ, Эрнестъ. Милочка. Удивительныя приключенія пяти воробьевъ. Перев. съ франц. Л. В. Р. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Стр. VI+274. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Кобельтъ, В. Географическое распредѣленіе животныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. Л. Біанки. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Стр. XVI+644. Цѣна 3 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, и, сверхъ того, признать пригодной и для назначенія учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ награды).

— „Краснянскій, В. Г. Минскій Департаментъ Великаго Княжества Литовскаго (эпизодъ изъ исторіи войны 1812 г.). Спб. 1902. Стр. 72 Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Крепелинъ, К. Природа въ лѣсу и полѣ. Переводъ съ нѣм. подъ ред. Н. А. Холодковскаго. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1903 Стр. VIII+262. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Кругловъ, А. В. Вселенскіе учители. Изданіе В. Спиридонова и Ѳ. Постникова. М. 1903. I. Василій Великій. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“— II. Григорій Богословъ. Стр. 46. Цѣна 25 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Локкъ. О государствѣ. (Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса). Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1903. Стр. 55 Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Львовъ, Василій. 1) Бѣлка и бѣличій промыселъ. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—2) Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. М. 1903. Стр. 42. Цѣна 15 коп. (Школьная библіотека).“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Львовъ, Владиміръ. Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. (Школьная библіотека). М. 1903. Стр. 60. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Стр. XII+133. Цѣна 1 р. 35 коп., въ папкѣ 1 р. 60 коп.„ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Реклю, Элизе. Исторія горы. Перев. Д. А. Коропчевскаг Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова. (Библіотека дѣтскихъ книгъ). М. 190 Стр. II+140. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ биб ліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Изданіе 2-е знач. дополн. И. Л. Тузова. Спб. 1902. Стр. 346. Цѣна 1 р."

— „Твенъ, Маркъ. Приключенія Тома Сойера. Полный переводъ съ англ. В. Исполатова. 2-е изданіе, Н. С. Аскарханова. Спб. 1904. Стр. 195. Цѣна 1 р. 25 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Трусевичъ, А. А. Классные опыты по физикѣ. Варшава. 1901. Стр. 64+V. Цѣна 75 коп." (для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 1872 года, училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Тубянскій, Д. М. Какъ сохранить зубы? Изданіе 2-е, испр. Спб. 1903. Стр. 32. Цѣна 25 коп." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Червинскій, А. Пороки произношенія: заиканье, картавость, шепелявость, гнусавость и ихъ излѣченіе. Макарьевъ на Унжѣ. 1903. Стр. VIII+43. Цѣна 50 коп." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Шиллеръ. Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Изданіе акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ Спб. 1901—1902. Томъ I. Стр. 8+LXXIV+479. Цѣна 5 р.—Томъ II. Стр 4+568. Цѣна 5 р.—Томъ III. Стр. 4+632. Цѣна 6 р.—Томъ IV. Стр. 4+544. Цѣна 4 р." (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, и, сверхъ того, признать пригоднымъ и для выдачи учащимся въ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ награды).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Андерсенъ, Э. Э. Систематическая грамматика французскаго языка. Этимологія. Изданіе К. Г. Зихмана. Рига. 1903. Стр. 95. Цѣна 40 коп."

— „Васильевъ, Петръ. Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе 2-е, вновь обраб. М. 1903. Стр. VIII+108. Цѣна 50 коп." (для младшихъ классовъ, а также и для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „Колосовъ, М. Старо-славянская грамматика. Изданіе 26-е. Кіевъ. 1902. Стр. 67+XXI. Цѣна 75 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Кричагинъ, Н. Учебникъ ботаники. 2-е испр. Изданіе, К. Л. Риккера. Спб. 1903. Стр. VII+351. Цѣна 1 р. 35 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была значительно сокращена, преимущественно въ систематической части).

— „Юревичъ, Г. Я. Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть I. Изданіе 2-е. Спб. 1903. Стр. IV+244. Цѣна 80 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Mroczek, A. Premières lectures et premières leçons de choses. Lódz. 1903. Pages 169. Prix. 60 cop.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была напечатана съ надлежащею корректурною исправностью).

— „Острогорскій, М. 1) Хронологія всеобщей и русской исторіи. Древняя исторія. 18-е изд., испр. и доп. Спб. 1903. Стр. 11+44. Цѣна 25 коп.—2) Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ среднихъ и новыхъ вѣковъ. 14-е изд. (испр. и доп.). Спб. 1903. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ выпускѣ въ свѣтъ книжки были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Круковскій, М. А. Жизнь въ природѣ. Біологическіе очерки. По Брэму, Маршалю и др. Изданіе журнала „Товарищъ“. Спб. 1903 Стр. 289. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданія: 1) „Томасикъ, М. И. Наглядная карта Европейской Россіи. Дополнена и издана кружкомъ учителей подъ ред. В. В. Урусова.—2) Указатель къ ней. Варшава. 1903. Стр. 80. Цѣна карты вмѣстѣ съ указателемъ 15 р.. цѣна указателя 40 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Перлія. Гигіена зрѣнія. Переводъ съ нѣм. подъ ред М. Волковой. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1899. Стр. 119+II. Цѣна 35 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: „Гершойгъ, Г. М. Учебныя наглядныя пособія для школы, семьи и самообразованія. Изданіе Е. П. Распопова въ Одессѣ. 1) Школьная коллекція металловъ съ приложеніемъ объяснительной брошюры: Краткое описаніе наиболѣе употребляемыхъ металловъ. Цѣна 1 руб.—2) Школьная коллекція минераловъ, состоящая изъ 42-хъ представителей. Съ приложеніемъ объяснительной брошюры: Краткое описаніе важнѣйшихъ минераловъ. Цѣна 3 руб.“—допустить къ употребленію, въ качествѣ классныхъ учебныхъ пособій, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, признавъ при этомъ желательнымъ, чтобы размѣры минераловъ и горныхъ породъ были увеличены, примѣрно, вдвое.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Андреевъ, А. Русская пропись. Руководство къ обученію письму. Рига. 1903. Стр. 62. Цѣна 30 коп." (для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, а также и для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Владимірскій, И. 1) Обучающая диктовка, чтеніе и списываніе. Часть I. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VII+55+III. Цѣна 25 коп. — 2) Орѳографическій словарь съ приложеніемъ важнѣйшихъ правилъ правописанія. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 43. Цѣна 10 коп." (для городскихъ и сельскихъ училищъ, а также и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Киселевъ, А. Краткая ариѳметика. Изданіе 8-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 139. Цѣна 40 коп." (для городскихъ училищъ и для низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній).

— „Ривесманъ, А. Живая русская рѣчь. Систематическій сборникъ письменныхъ и устныхъ упражненій. 3-е испр. изданіе, А. Г. Сыркина. Вильна. 1903. Стр. VI+133. Цѣна 30 коп." (для тѣхъ училищъ, гдѣ дѣти при поступленіи не знаютъ по-русски).

— „Сатаровъ, В., и А. Тороповъ, Родная нива. Книга для чтенія. Изданіе 2-е К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 471+IV. Цѣна 75 коп." (также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Тростниковъ, М. А. Русская хрестоматія. Для 5 и 6 года обученія въ городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищахъ. Глуховъ. 1903. Стр. IV+333 +IV. Цѣна 60 коп." (также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Ушинскій, К. Д. Родное слово для дѣтей младшаго возраста С.-Пб. 1903. Годъ 1-й. Азбука и 1-ая послѣ азбуки книга для чтенія Изданіе 126-е. Стр. VI + 112. Цѣна 23 коп. — Годъ 2-й. 2-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изданіе 103-е. Стр. 188 + IV. Цѣна 35 коп."

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Бубликовъ, М. и Н. Гольденбергъ. Русская школа. Замѣтки для преподающихъ по книгѣ того же названія. С.-Пб. 1902. Стр. 72. Цѣна 25 коп."

— „Мироносицкій, П. Школьный Рождественскій праздникъ. Изданіе (2-е) ред. жур. „Народное образованіе". С.-Пб. 1903. Стр. 46. Цѣна 15 коп." (для городскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Разсказы о Западной Сибири или о губерніяхъ Тобольской и Томской, и какъ тамъ живутъ люди. Изданіе 2-е, доп. и перераб. № 300. М. 1898. Стр. 191 + 1 карта. Цѣна 30 коп." (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Третьяковъ, Н. В. Начальныя школы Сибирскаго казачьяго войска въ концѣ XIX вѣка. С.-Пб. 1903. Стр. 153. Цѣна 1 р.

— „Энциклопедическій словарь. Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Полутомы 75 и 76. С.-Пб. 1903. Стр. 958." (для учительскихъ семинарій, городскихъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Авилова, П. На лѣсной полянкѣ. Сцены для дѣтскаго театра. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 46. Цѣна 20 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Алексѣй Чайковскій, войсковой писарь. Разсказъ изъ Запорожской старины. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 94. Цѣна 20 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Альмедингенъ, Александръ. Яковъ Черновъ. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 18. Цѣна 5 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Альмедингенъ, Е. Исторія маленькой швеи. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 30. Цѣна 5 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Буснахъ, В. Своими силами. Перев. съ франц. Изданіе ред. журн. „Восходы". С.-Пб. 1902. Стр. 139. Цѣна 30 коп."

— „Васильковская, М. В. На Себескомъ озерѣ. Разсказъ изъ быта бѣлоруссовъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 19 Цѣна 5 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Вердеревская, С. А. Папочка. Быль. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 31. Цѣна 6 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Вердеревская, С. Св. Францискъ Ассизскій. Очеркъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 54. Цѣна 15 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Гёте. Германъ и Доротея. Переводъ С. А. Вердеревской. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 86. Цѣна 20 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Д—ъ, А. Картины прошлаго. (Изъ семейной хроники священника). (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 24. Цѣна 5 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „I. Дора.—II. Година.—III. Абу-Бэнъ-Адемъ и ангелъ. Изъ англ. поэтовъ. Переводъ С. А. Вердеревской. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 12. Цѣна 3 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Ефремова, О. Воскресеніе Христово. (Читальня народн школы). С.-Пб. 1901. Стр. 20. Цѣна 5 коп." (также и для публичны народныхъ чтеній).

— „Жена крестьянина.—Мельникъ на рѣкѣ Дп.—Тувалканнъ.—Бленгеймскій бой.—Сонъ невольника—Желанная страна. Разсказы, выбранные изъ англ. поэтовъ. Переводъ С. А. Вердеревской. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 10 Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Исторія Иліи, пророка Израильскаго. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 51. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Какъ засѣдатель уѣзднаго суда Мякель сдѣлался другомъ животныхъ. Съ финскаго перевелъ К. Мацуковъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 10 Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Кумъ смерти. Финляндская народная сказка. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 14. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „I. Леандеръ, Р. Волшебное кольцо. П. Розеггеръ, П. Домъ „маленькаго Макса“. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 14. Цѣна 3. коп,“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Левинъ, К. Отчего въ моряхъ соленая вода. Сказка. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 13. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Левнеръ, И. Б. Еврейскія легенды. Перев. съ еврейскаго подъ ред. автора и кружка литераторовъ и педагоговъ Л. А. Цукерманъ. Издательство „Сіонъ“ Варшава. 1903. Стр. VIII+240. Цѣна 1 р“, (для еврейскихъ начальныхъ училищъ и талмудъ-торъ).

— „Литинскій, О. А. Простѣйшій способъ оживленія мнимоумершихъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 22. Цѣна 8 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Лонгфелло. Евангелина. Переводъ С. А. Вердеревской. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 56. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „М—въ, Ив. Васко де-Гама, или Открытіе морского пути въ Индію. (Читальня народной школы). С-Пб. 1901. Стр. 97. Цѣна 20 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Маджи, Е. Н. Девять видовъ города Новаго Маргелана, Ферганской области. Новый Маргеланъ. 1903. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно для Туркестанскаго края.)

— „Малорусскія думы. Книжка 1-я. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— Матвѣевъ, Ив. Сборникъ стихотвореній духовнаго содержанія (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 53. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Милошевичъ, Л. Переѣздная сторожиха. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Нюбломъ, Е. Бурныя волны морскія. Сказка. Переводъ съ

датскаго А. и П. Ганзенъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 16. Цѣна 4 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Нюбломъ, Елена. Все, что умѣетъ летать.—Парень, не умѣвшій лгать.—Тетушкинъ сундучокъ. Сказки. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 40 Цѣна 10 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Парамоновъ, А. По мѣсту и цвѣтъ. Очеркъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 30 Цѣна 8 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Парамановъ, А. Щиты и брони въ царствѣ животныхъ. Очеркъ Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 42. Цѣна 15 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Полевой, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. Съ предисловіемъ Ив. Ѳеоктистова. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 52. Цѣна 15 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Протопоповъ, С. Святая мученица Перпетуя. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 14. Цѣна 4 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Русская народная сказка объ Иванѣ-царевичѣ, о Бѣлой Лебеди Захарьевнѣ и о цѣлющей водѣ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 17 Цѣна 5 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

Сергѣевъ, С. Лампады жизни. Разсказъ. (Читальня народной школы.) С.-Пб. 1901. Стр. 11. Цѣна 3 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Сказаніе о вѣчномъ жидѣ. (Заимствовано съ франц.). (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 22. Цѣна 6 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Слово о полку Игоревѣ. Съ древне-русскаго переложилъ В. О—ъ (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901 Стр. 30. Цѣна 8 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Соловьева, А. Насѣкомоядныя растенія. Очеркъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 22. Цѣна 5 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Соловьевъ, Н. Лисица. Очеркъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 26. Цѣна 7 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Соперники. Историческій разсказъ изъ временъ Петра Великаго. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 60. Цѣна 15 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Тулиновъ, Н. Н. Въ странѣ труда и знанія. (Изъ лѣтней поѣздки по Финляндіи). (Читальня народной школы). С.-Пб. Стр. 62. Цѣна 15 коп." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Тулиновъ. Н. Н. Поѣздка на Валаамъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1901. Стр. 62. Цѣна 15 коп." (также и для публичны народныхъ чтеній).

— „Ѳ—а, О. Какъ Митя сдѣлался работникомъ. (Читальня народн школы). С.-Пб, 1901. Стр. 10. Цѣна 3 коп." (также и для публичныхъ родныхъ чтеній.

яг) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Андерсенъ, Г. Избранныя сказки. Переводъ Н. Перелыгина, подъ ред. М. Васильева. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 115. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп."

— „Андерсенъ. Сказки. Переводъ П. Вейнберга. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека сказокъ. Подъ ред. Н. В. Тулупова). М 1903. Вып. V. Стр. 47. Цѣна 15 коп.—Вып. VI. Стр. 47. Цѣна 15 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Андерсенъ. Собраніе сказокъ. Книжка I. Переводъ Петра Вейнберга. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 270. Цѣна въ папкѣ 1 р." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Богдановъ, М. Н. Изъ русской природы. 1) Пасхальное яичко Стр. 22. Цѣна 10 коп.—2) Глухарь и Орлиная дума. Стр. 24. Цѣна 10 коп. (Обѣ—изданія Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1903)." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Вагнеръ, Германъ. Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. Переводъ съ нѣм. № 277. М. 1897. Стр. 169+II. Цѣна не обозначена." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Васильевъ, М. Наша бабушка Анна Максимовна. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1903. Стр. 27. Цѣна 5 коп."

— „Вѣтринскій, Ч. «Божіи-дѣти». Сборникъ. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1901. Стр. 38. Цѣна 7 коп."

— „Густавсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецкаго изданія подъ ред. К. Тетюшиновой. (Дѣтскія изданія Ф. Павленкова). С.-Пб. 1885 Стр. IV+226. Цѣна 1 руб. 25 коп."

— „Додэ, Альфонсъ. „Малютка". Исторія одного ребенка. Переводъ съ франц. Д. К. Тихомирова. Изданіе К. Тихомирова. М. 1903 Стр. 226. Цѣна 50 коп."

— „Дьяковъ Н. Годъ на крейсерѣ „Адмиралъ Нахимовъ". С.-Пб. 1902. Стр. 230. Цѣна 1 руб. 20 коп."

— „Карамзинъ, Н. М. Внукъ Ярослава Мудраго Владиміръ Мономахъ. (Исторія государства Россійскаго). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Стр. 32. Цѣна не обозначена."

— „Кругловъ А. В. За чужимъ горбомъ. Изданіе 4-е М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 127. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Лебедевъ, Платонъ. Будда, его жизнь и ученіе. Историческая комиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техническихъ знаній. М. 1903. Стр. 33. Цѣна 10 коп." (также и въ ученическія, средняго возраста. библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Левицкій, И. Два брата. Переводъ съ малороссійскаго Н. И. Перелыгина. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 40. Цѣна 25 коп. въ папкѣ 35 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Матвѣева, А. Фабіола. Повѣсть изъ жизни первыхъ христіанъ 2-е изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 219. Цѣна 75 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Мельгунова, М. Страна пирамидъ (Египетъ). Историческая комиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техническихъ знаній. М. 1903. Стр. 35. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Меньшиковъ, А. Н. Какъ устраивать праздники древонасажденія въ школахъ сельскихъ и городскихъ. Изданіе 3-е, испр. и доп. Вятка. 1903. Стр. 108. Цѣна 30 коп. прост. экз. и 45 коп. изящнаго.“

— „Немировичъ-Данченко, В. 1) Соловьиная ночь. Стр. 12). Цѣна 3 коп.—2) Черный рыцарь. Стр. 40. Цѣна 7 коп.—3) Старый фельдфебель. Стр. 67. Цѣна 8 коп.—4) Богъ проститъ. Стр. 59. Цѣна 7 коп (Изданія акц. общ. „Издатель“ №№ 22—25. С.-Пб. 1899).“

— „Покровскій, Н. Веселый праздникъ. Разсказы иностранныхъ писателей. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Покровскій, Н. Изъ галлереи дѣтскихъ портретовъ. Разсказы современныхъ писателей. Книжка 2-я. М. 1903 Стр. 67. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Поль, А. Послѣ урока. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 46. Цѣна 25 коп.“

— „Сборники избранныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Изданіе Вятскаго товарищества. Вятка. 1903. Вып. 3-й. Сказки и легенды. Стр. 138. Цѣна 12 коп.—Вып. 4-й. Крестьянскія дѣти. Стр. 56 Цѣна 7 коп.“

— „Святовитъ. 1) Пересталъ пить. Изданіе И. П. Крылова. Старица. 1903. Стр. 18. Цѣна 3 коп.—2) Отъ вина—всѣ бѣды. Изданіе И. Крылова. Старица. 1899. Стр. 8. Цѣна 2 коп.“

— „Сенкевичъ, Генрихъ. Разсказы для юношества. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. (Библіотека знаменитыхъ писателей для юношества). С.-Пб. и М. 1903. Стр. 65. Цѣна 30 коп.“

— „Толстой. Л. Н. Три смерти. 2-е изданіе К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 23. Цѣна 3 коп.“

— „Харузина, В. Н. Одзи ;и Отесъ. Разсказъ изъ жизни лопарей (Школьная библіотека). М. 1903. Стр. IV+47. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія, средняго и младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Черскій, Л. Ф. Кавказскіе разсказы. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“

— „Шмидтъ, О. И. Галя. № 8 М. 1903. Стр. 131. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Бек това, М. За тюремной рѣшеткой. Повѣсть объ ит-

янскомъ узникѣ Сильвіо Пеллико. По запискамъ его. № 435. М. 1902. Стр. 1902. Цѣна 15 коп."

— „Булгаковскій, Д. Г. На помощь. Сборникъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Изданіе 3-е, М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 202. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп."

— „Волковъ, Н. П. Императорское Человѣколюбивое общество. (Очеркъ). 2-е дополн. изданіе. Владикавказъ. 1903. Стр. 30. Цѣна 30 коп."

— „Волковъ, Н. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Владикавказъ. 1900. Стр. 16. Цѣна не обозначена."

— „Георгіевскій, Г. П. Смутное время. Очерки и разсказы. Приходская библіотека. 1903. Стр. 371. Цѣна 60 коп."

— „Герасимовъ, П. Н. 1) Усердіе не по разуму. 2-е изданіе. Стр. 24. Цѣна 6 коп.—2) Копеечку бросишь—рубль подберешь. 2-е изданіе. Стр. 80. Цѣна 15 коп.—3) Дома и у турокъ. Стр. 52. Цѣна 10 коп. (Всѣ 3—изданія К. И. Тихомирова. „Библіотека народныхъ книгъ". М. 1903)." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Диккенсъ, Чарльзъ. 1) Воровская шайка или Приключенія бѣднаго сироты Оливера Твиста. Романъ. Съ англійскаго. № 379. М. 1900. Стр. 355. Цѣна 25 коп.—2) Бѣдная внучка. Романъ. Въ изложеніи О. М. Хмѣлевой. № 271. М. 1901. Стр. 324. Цѣна 25 к."

— „Зандъ, Жоржъ. Великанъ Іеузъ. Сказка. Переводъ. М. Д. Никоновой. Изданіе С-Пб. Комитета грамотности. С.-Пб. 1895. Стр. 48. Цѣна 5 коп."

— „Ледащій. Разсказъ. № 72. М. 1902. Стр. 32. Цѣна не обозначена."

— „Лейкинъ, Н. А. Гдѣ апельсины зрѣютъ. Юмористическое описаніе путешествія по Ривьерѣ и Италіи. Изданіе 15-е. С-Пб. 1903. Стр. 487. Цѣна 1 руб. 50 коп."

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Монахъ. Романъ. Изданіе 3-е, доп., А. С. Суворина. С.-Пб. 1898. Стр. 358. Цѣна 1 р."

— „Оржешко, Элиза. Могучій Самсонъ. Переводъ съ польскаго Н. И. П. Изданіе М. В. Клюкина. (Добрыя души. № 41). М. 1899. Стр. 80. Цѣна 10 коп."

— „Пляшкевичъ, В. А. Конецъ пьянству. Вильна 1903. Стр. 26. Цѣна 30 коп."

— „Православно-русское слово. Годъ 1 й. С.-Пб. 1902. №№ 1—20. Цѣна журнала съ приложеніями—5 р., съ перес. 6 р." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Проскурниковъ, Т. В. Изъ исторіи колонизаціи Слободской Украины. Объ основаніи сторожевыхъ городовъ въ XVII вѣкѣ. С.-Пб. 1903. Стр. 28. Цѣна 10 коп."

— „Раненый врачъ. Разсказъ. № 351. М. 1902. Стр. 16. Цѣна не обозначена."

— „Селивановскій, И. Какъ выбиться изъ нужды къ достатку. Выпускъ 1-й. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 35-ая). М. 1903. Стр 110. Цѣна 12 коп."

— „Сергіевъ, І. И. (Кронштадтскій). Полный годичный курсъ поученій. Безплатное иллюстр. прилож. къ журн. „Православно-русское

слово" на 1902-й годъ. С.-Пб. 1902. Стр. 568." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Ставровскій, Л. Кавказъ. № 203. М. 1897. Стр. 47. Цѣна 6 коп."

— „Станюковичъ, К. М. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°. С.-Пб. 1903. Стр. 8. Цѣна 5 коп."

— „Тимковскій, Н. І. Вьюга. П. Авось и небось. Изданіе маг. «Книжное дѣло». М. 1903. Стр. 51. Цѣна 20 коп."

— „Шкапскій, О. Какъ хивинцы ведутъ полевое хозяйство на своихъ безводныхъ земляхъ. (Разсказы о Средней Азіи. Книжка 1-я) № 275. М. 1900. Стр. 61. Цѣна 12 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Черскій, Л. Дѣтскіе годы Шиллера. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Колесниковъ, В. А. Крестьянское хозяйство большой и малой семьи. Ярославль. 1903. Стр. 56. Цѣна 15 коп." (съ тѣмъ, чтобы статья „Кредитъ" была исправлена и вообще улучшено изложеніе брошюры).

— „Носиловъ, К. Д. Юдинъ. Разсказъ изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. М. 1903. (Школьная библіотека). Стр. V+56. Цѣна 15 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была пересмотрѣна и исправлена въ отношеніи изложенія).

— „Поповъ, Ив. Дикіе люди жаркой полосы. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 91. Цѣна 25 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Владимірскій, И. Обучающая диктовка, чтеніе и списываніе. Часть II. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VII+29+51+II. Цѣна 35 коп." — допустить къ употребленію, въ качествѣ ученаго пособія, въ первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: Шиповъ, Н. Н. Стѣнная карта Европейской Россіи съ изображеніемъ народовъ и ихъ промысловъ. Изданіе 2-е испр. и доп. Херсонъ. 1903. Цѣна 80 коп." - допустить къ вывѣшиванію въ низшихъ училищахъ и въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: „Педагогическій музей военн. учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ. Отдѣлъ критики и библіограф. дѣтской литературы. Чтенія для народныхъ аудиторій изъ А. С. Пушкина. С.-Пб. 1899. I. Русланъ и Людмила. Стр. 49.—II. Арапъ Петра Великаго

Стр. 36.—III. Мѣдный всадникъ. Стр. 24.—IV. Бахчисарайскій фонтанъ. Стр. 25. — V. Кавказскій плѣнникъ. Галубъ. Стр. 44.—VI. Борисъ Годуновъ. Стр. 53.—VII. Скупой рыцарь. Стр. 26. Цѣна каждаго чтенія 5 коп."— включить въ слѣдующее изданіе „Каталога книгъ для публичныхъ народныхъ чтеній".

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ *)

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Беллярминовъ, И. Руководство къ древней исторіи. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1903. Стр. VII+255+XVI. Цѣна 80 коп." (для IV и VIII классовъ мужскихъ гимназій).

— „Киселевъ, А. Краткая алгебра. 6-е изданіе, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VI+206. Цѣна 80 коп." (для женскихъ гимназій).

— „Миттельштейнеръ, Э. Первый годъ изученія нѣмецкаго языка по наглядному и натуральному методу. А. Изданіе для учениковъ Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. V+170. Цѣна 80 коп."

— „Поповъ, Николай. Священная исторія Ветхаго Завѣта. Изданіе 16-е. Вятка. 1903. Стр. 213+III. Цѣна 45 коп."

— „Чихановъ, Б. Учебникъ ариѳметики. Изданіе 5-е. Варшава 1904 . Стр. 111, Цѣна 60 коп."

— „*Schmeil*, *Otto*. Leitfaden der Botanik. Verlag von Erwin Nägele Stuttgart. 1903. 310+32. S. Preis. 3 Mark." (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Hauff*, *Wilhelm*. Ausgewählte Märchen. Обработалъ Н. Г. Розенбергъ. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. С. А. Манштейна). Изданіе С. А. Манштейна (4-е, пересм. и доп.). С.-Пб. 1904. Стр. 126 (въ текстѣ)+100 (въ приложеніяхъ). Цѣна въ папкѣ съ приложеніями 50 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Пономаревъ, Р. Д. Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. 2-е изданіе, дополн. и пересм. Харьковъ. 1903. Стр. 189. Цѣна 1 р."

— „Шиллеръ, Ф. Избранныя баллады и стихотворенія съ приложеніемъ объяснительнаго матеріала изъ другихъ классическихъ писателей. (Поэзіи часть II). Введеніями, примѣчаніями, постатейнымъ сло-

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1904 г. №. 1

варемъ и правилами нѣмецкаго стихосложенія снабдилъ Максъ Фишеръ. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. X+301. Цѣна 1 р."

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

„1) Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Рисунки Дрезденскаго альбома, воспроизведенные въ натуральную величину. 61 табл. рис.+1 карта.—2) Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ, составлены Ѳ. Аделунгомъ, вновь пересм. и доп. А. М. Ловягинымъ. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1903. Стр. X+169. Цѣна не обозначена." (для старшаго возраста).

— „Баранцевичъ, К. С. Дуня Перехватова. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1901. Стр. 28. Цѣна 25 коп." (для младшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Баранцевичъ, К. С. Первый заработокъ и другіе разсказы. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1901. Стр. 281. Цѣна 2 р. 25 коп." (для младшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Berkowitz*, Anne. Littérature française à la portée des élèves Riga. 1903. Pages 116+II. Prix 1 rouble". (съ тѣмъ, чтобы цѣна книги была понижена до 60 коп.).

— „Бутовскій, А. Д. Система шведской педагогической и военной гимнастики. Изданіе 2-е, В. Березовскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 180 Цѣна 1 руб. 35 коп." (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Бѣлгородскій, А. В. Заграничная экскурсія воспитанниковъ Кіево-Печерской гимназіи. Ревель. 1903. Стр. 71. Цѣна 35 коп." (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Бѣлгородскій, А. В. Малое слово о великомъ. (По поводу 200-лѣтія основанія Петербурга). Ревель. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп." (для средняго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Бѣляевъ, І. Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ. С-Пб. 1903." (для средняго и старшаго возраста, особенно для среднихъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края).

— „Веселовскій, Юрій. Друзья и защитники животныхъ въ современной французской беллетристикѣ. М. 1903. Стр. 92. Цѣна 75 коп." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Веселовскій, Юрій. Литературные очерки. М. 1900. Стр. II+592. Цѣна 2 р." (для старшаго возраста).

— „Ворисгоферъ, С. Среди морскихъ разбойниковъ. Переводъ съ нѣм. Г. Генкеля. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Пб. 1902. Стр. IV+592. Цѣна 2 р." (для младшаго и средняго возрастовъ; а также в безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Гопъ, Антони. Симонъ Дэль. Переводъ съ англійскаго. Iред., съ введеніемъ и примѣчаніями А. Трачевскаго Изданіе